

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1878

[ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ].

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXIII.
1878.

РОРИКОВИЧИ РОМАНОВЫ

АРТ. МАТВЕЕВЪ - БОГ. ГОЛОВИНЫ - ГОЛОВИНЫ - ИМПЕРАТРИЦА - КАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ЯК. ДОЛГОРЮКОВЪ - МЕШКОВЪ - ШЕРЕМЕТЕВЪ - ВОЛЫНСКІЙ - ИМПЕРАТОРЪ - ПЕТРЪ ВТОРОЙ

ПОСОШКОВЪ - ШАФИРОВЪ - МАКАРОВЪ

ИМПЕРАТРИЦА - АННА-ЮАННОВНА

КАТЕРИНА - ЛОМОНОСОВЪ - ЯК. ШУВАЛОВЪ - ИМПЕРАТОРЪ - ПЕТРЪ ТРЕТІЙ

СЛУЖЕВЪ - РОМАНОВЪ - ДОБРОСЛАВЪ - ПОТЕМИНЪ - РЯМНИЦОВЪ - ГОЛОВИНЫ - ТИШЕВЪ - ШЛЕЦЕРЪ - ГЕРАРД-МИЛЕРЪ - ШТРЕБАТОВЪ - БОЛТИНЪ - ВИЗИНЪ - РАДИЩЕВЪ

СЕРГЕЕВЪ - СКАВОНСКОЕ - СЕВЕРИНЪ - СЕРГЕЕВЪ - БЕЛКО - ЛОБЯКОВЪ - ДАШКОВА - ОРЛОВЫ - ПОТЕМИНЪ - РЯМНИЦОВЪ - ГОЛОВИНЫ - ТИШЕВЪ - ШЛЕЦЕРЪ - ГЕРАРД-МИЛЕРЪ - ШТРЕБАТОВЪ - БОЛТИНЪ - ВИЗИНЪ - РАДИЩЕВЪ

СЕРГЕЕВЪ - СКАВОНСКОЕ - СЕВЕРИНЪ - СЕРГЕЕВЪ - БЕЛКО - ЛОБЯКОВЪ - ДАШКОВА - ОРЛОВЫ - ПОТЕМИНЪ - РЯМНИЦОВЪ - ГОЛОВИНЫ - ТИШЕВЪ - ШЛЕЦЕРЪ - ГЕРАРД-МИЛЕРЪ - ШТРЕБАТОВЪ - БОЛТИНЪ - ВИЗИНЪ - РАДИЩЕВЪ

СПЕРАНСКІЙ - КАРАМИНЪ - МОРДВИНОВЪ - КРЫЛОВЪ - ЕРМОЛОВЪ - ГРИБОЕДОВЪ - ПУШКИНЪ

СЕРГЕЕВЪ - СКАВОНСКОЕ - СЕВЕРИНЪ - СЕРГЕЕВЪ - БЕЛКО - ЛОБЯКОВЪ - ДАШКОВА - ОРЛОВЫ - ПОТЕМИНЪ - РЯМНИЦОВЪ - ГОЛОВИНЫ - ТИШЕВЪ - ШЛЕЦЕРЪ - ГЕРАРД-МИЛЕРЪ - ШТРЕБАТОВЪ - БОЛТИНЪ - ВИЗИНЪ - РАДИЩЕВЪ

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятый.

СЕНТЯБРЬ.

1878 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Походенія или исторія низина князя Ивана Мигрина, 1770—1850 гг. Главы I—V. Сообщ. Г. И. Мигринъ	1	настырскій судъ въ 1610 г. (119). 2. Москва въ 1687—1688 гг., переводъ съ нѣмецкаго. Сообщ. К. А. Висковатовъ (121). 3. Евангеліе, писанное Царевной Софій Александровной. Забѣтка. Сообщ. С. Миропольскій (130). 4. Императрица Екатерина II: собственноручныя ея забѣтки, указы, повелѣнія (131). 5. Гр. Н. П. Румянцевъ (134). 6. Народные толки о цесаревичѣ Константиновѣ Павловичѣ въ 1836 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (135). 7. Русскіе люди и дѣла въ 1845—1849 гг., выдержки изъ дневниковъ Варнагана фонъ-Энзе. Перев. и сообщ. А. А. Чумиковъ (142). 8. Забѣтка мн. В. И. Васильчикова къ разсказу: «А. Н. Карамзинъ» (155). 9. Тропарь соч. Митр. Филарета, 1866 г. 10. Волшебныя письма. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (157). 11. Родіоновы (157). 12. Забѣтки, поправки, опечатки (159).
II. Записки Ивана Степановича Миревича, 1789—1848 гг. Глава XXIV. Пріѣздъ на губернаторство въ Симбирскъ.—Передача казенныхъ крестьянъ въ удѣль.—Мѣстная интрига.—Крестьянскій бунтъ на межѣ.—Ревизоры губерніи	33	VII. Библиографическій листокъ историческихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. И.—въ (на оберткѣ).
III. Юахимъ Лелевель, какъ критикъ «Исторіи Государства Россійскаго» соч. Карамзина. Переписка съ Ѳ. В. Булгаринимъ. Сообщ. Т. А. Сосновскій. Примѣчанія и послѣловіе составилъ С. А. Пташницкій (Окончаніе).	75	
IV. Очерки, разсказы и воспоминанія Э..... вв. III. Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ въ 1832 г. и высылка его изъ Сибири.	99	
V. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій и его сорока-двухлѣтняя художественная дѣятельность. Главы VI—X.	59	
VI. Историческіе матеріалы, дневникъ, переписка, забѣтки: 1. Мо-		

ПРИЛОЖЕНІЯ. При этой книгѣ прилагается портретъ оберъ-камергера князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, казеннаго 26-го октября 1739 г., близъ Новгорода. Рисунокъ И. О. Брома съ весьма рѣдкой гравюры, сообщенной П. А. Ефремовымъ. Гравировалъ въ Парижѣ Академикъ Л. А. Стряковъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ 1878 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

«Русская Старина» 1870 г. (третье изд.), 1876 г. (второе изд.) и 1877 г.—по 8 руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАДАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 90—1.

1878.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября.

Труды III-го Археологическаго съезда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года. Съ рисунками въ текстѣ и съ отдѣльнымъ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 25 таблицъ. Т. I, LXXXV+352; т. II, 330+361. Ц. 25 руб. сер.

Въ началѣ перваго тома (I—LXXXV) помѣщены общія свѣдѣнія, касающіяся съезда, и протоколы послѣдняго; вторую половину его составляютъ рефераты, числомъ 30. Второй томъ состоитъ изъ 28 рефератовъ, читанныхъ на съездѣ, и 17 рефератовъ, присланныхъ къ съезду, но не подвергавшихся обсужденію и потому помѣщенныхъ въ приложеніяхъ, занимающихъ, впрочемъ, около трети всего изданія.

Труды Кіевского археол. съезда распадаются, по своему содержанію, на три категоріи: А) Сообщенія, имѣвшія цѣлью опредѣлить общее значеніе археологіи въ ряду другихъ наукъ, способы археологическихъ занятій и средства къ расширенію археологическихъ изслѣдованій въ Россіи. Сюда относятся слѣдующія статьи: въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки, И. Е. Забѣлина; что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи, гр. А. С. Уварова; какія могутъ и должны быть устриваемы при университетскомъ преподаваніи практическія занятія и упражненія, проф. А. Г. Бриннера; нѣкоторые соображенія о лучшей организаціи дѣятельности археологическихъ комиссій, М. В. Юзефовича.

Б) Сообщенія, имѣющія мѣстный интересъ; сюда относятся рефераты: о св. Соѳіи кіевской, прот. Лебединцева; слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ, г. Каминскаго; о мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій въ Лубенскомъ уездѣ Полтавской губ., проф. Теофилактова; матеріалы для археологіи Волыни, г. Рогге; о находкахъ каменнаго вѣка въ Волынской губ., г. Оссовскаго; о курганахъ Черниговскаго уезда, г. Константиновича; сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи, г. Самоковскаго; о трехъ городищахъ въ Козелецкомъ уездѣ, г. Мисевскаго; кіевская архитектура X—XII вѣковъ, проф. Лашкарева; о значеніи нѣкоторыхъ фресокъ кіево-соф. собора, проф. Павлова; о разныхъ названіяхъ

Кіева въ прежнее время, проф. Бруна; объ уничтоженіи памятниковъ старины въ южной Россіи, г. Левченка; древнѣйшее арабское свидѣтельство о Кіевѣ, проф. Гаркави; гдѣ нужно искать рѣку, называемую Баялой, г. Ваденюка; о происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ, г. Юрченка; преданія и суевѣрныя сказанія о кладахъ—къ вопросу объ археологической топографіи Гадячскаго уезда, г. Иващенко; Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи, г. Дашкевича; о новонайденныхъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра (Ольгердовича), проф. Антоновича; откуда привозились красныя шерсть, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева, г. Оссовскаго; о Константиѣ Ив., князѣ Острожскомъ, г. Романовскаго; подложное письмо половца Сяры къ кіевскому князю Владиміру, проф. Малышевскаго; отличительныя черты южно-русской народной орнаментики, г. Волкова; кіево-кирилловская Троицкая церковь; въ какихъ мѣстахъ Кіевской и смежныхъ губерніяхъ находимы были каменные орудія, г. Волошинскаго; раскопки кургановъ и археологическія находки въ Васильковскомъ уездѣ, г. Витковскаго; замѣчанія о курганахъ Кіевской губерніи г. Люценка; нѣсколько словъ о новѣйшихъ археологическихъ находкахъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, проф. Борисяка; о Золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ, г. В. А. Тоастаго. Кроме того, къ сообщеніямъ мѣстнаго характера слѣдуетъ отнести рядъ рефератовъ, посвященныхъ описанію древнихъ письменныхъ памятниковъ, старинныхъ библіотекъ (напр., библіотеки Петра Могилы, славяно-русскихъ памятниковъ, находящихся въ Львовскихъ архивахъ и библіотекахъ); изслѣдованія о малорусскихъ думахъ въ связи съ великорусскими былинами; о народныхъ преданіяхъ и суевѣріяхъ и т. п. (рефераты проф. Срезневскаго, Миллера, гг. Житецкаго, Голубева, Калужницкаго, Иващенко, Люценка и др.).

В) Къ третьей категоріи слѣдуетъ отнести рядъ рефератовъ, посвященныхъ объясненію извѣстій древнихъ писателей о мѣстностяхъ, входящихъ теперь въ составъ Россіи, описанію древностей, найденныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи,

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ,

ОВЕРЪ-КАМЕРГЕРЪ И СВ. АНДРЕЯ КАВ., РОД. 1708 Г., КАЗНЕНЪ 26 ОКТ. 1739 П.

ПРЕДЛОЖЕНЕ ВЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» ВЪД. 1878 Г.

ПРИНЦИПА ДОЛГОРУКОВА. СЛѢД. 27 МАРТА 1878 Г.

ОБЩЕСТВО ЗАРОВОДЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННУМУ БУМАГЪ.

ПОХОЖДЕНІЯ ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ИВАНА МИГРИНА

ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАКА.

1770—1850 гг.¹⁾.

I.

Я родился Полтавской губерніи Золотоношскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Ирклѣвѣ, 1770 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ домѣ дѣда моего, поручика Василя Мигрина. Отецъ мой былъ поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, мать Анна Дмитриевна, урожденная Фурмей. Вскорѣ послѣ рожденія моего, родители мои переселились, того же уѣзда, въ казенное селеніе Васютинцы, гдѣ достался отцу моему, по женѣ, хуторъ съ мельницею и садомъ; къ этому хутору отецъ мой прикупилъ земли, а въ послѣдствіи приписались къ нему изъ вольныхъ крестьянъ душъ двадцать, и такимъ образомъ жилъ безъ нужды. Въ Васютинцахъ, при родителяхъ прожилъ я до 15-ти лѣтъ, гдѣ обучился и грамотѣ при помощи приходскаго дьячка. Потомъ поступилъ партикулярно въ золотоношскій земскій судъ, гдѣ научился писать; а чрезъ нѣсколько лѣтъ опредѣленъ уже былъ въ тамошній земскій судъ и исправлялъ должность секретаря.

Всѣ родные мои, упомянутый дѣдъ Василій и бабка, дѣти его, а мои дяди, и братья матери моей, тоже дяди мои, любили и ласкали меня; особенно же любилъ и благодѣтельствовалъ мнѣ дядя по отцу—поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, который благодѣтельствовалъ и родителямъ моимъ; онъ былъ добрый и умный человекъ. Послѣ него остались и находятся нынѣ въ живыхъ дѣти его: поручикъ Николай и бывшій учителемъ Пантелеймонъ.

¹⁾ Писано, какъ видно изъ помѣты, въ 1850 году.

Во время служенія моего въ земскомъ судѣ, проѣзжалъ чрезъ Золотоношу знакомый мнѣ лекарь Евтушевскій, имѣвшій въ Золотоношскомъ уѣздѣ небольшое имѣніице и опредѣленный въ армію, въ Молдавіи расположенную. Съ Евтушевскимъ сблизилъ меня слѣдующій случай: онъ поссорился съ казенными крестьянами и за буйство былъ представленъ ими въ земскій судъ, связаннымъ; онъ просилъ помощи и защиты моей, и я, по званію секретаря, имѣя вліяніе на дѣла по суду, освободилъ его отъ всѣхъ хлопотъ и неприятностей. Съ этого времени возродилась между нами особенная пріязнь, и какъ онъ вскорости долженъ былъ отправиться въ армію къ своей должности, то началъ уговаривать меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, обнадеживая опредѣлить меня въ полкъ, гдѣ, прослуживши годъ, могу получить чинъ прапорщика и возвратиться домой военнымъ офицеромъ. Я представлялъ ему, что родители мои не согласятся отпустить меня, что родные мои всѣ любятъ меня, и я, по молодымъ лѣтамъ моимъ, занимаю уже хорошую должность; онъ не переставалъ убѣждать меня, говоря, что если родители не согласятся отпустить меня, то можно ѣхать не сказавши имъ, а послѣ, по пріѣздѣ на мѣсто, извѣстить о себѣ. Пылкость молодости и убѣжденія Евтушевскаго склонили наконецъ меня послѣдовать его совѣту, и я, не сказавши никому и не взявъ даже увольненія отъ должности, — отправился тайнымъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ, весною, а какого именно года — того не помню.

Начальство и сослуживцы мои, не подозрѣвая ничего, были въ недоумѣніи: какъ и куда пропалъ безъ вѣсти секретарь! Родители мои, и особенно бѣдная мать, горько оплакивали меня. И теперь (1850 г.) жалѣю я, что причинилъ много скорби родителямъ моимъ необдуманнѣмъ поступкомъ.

О неизвѣстной отлучкѣ моей отъ должности, по прошествіи нѣкотораго времени, земскій судъ дѣлалъ публикацію; но какъ на рукахъ у меня не было ни казенной суммы, ни дѣлъ, и все было въ порядкѣ, то я и оставался спокойнымъ.

У меня былъ видъ на званіе значковаго товарища войска малороссійскаго, выданный мнѣ прежде еще отъ полковника Зенченко, и съ нимъ я отправился.

Евтушевскій отправился на своихъ лошадахъ; мы заѣхали къ моему дѣду, переночевали у него; я сказалъ, что отправляюсь въ уѣздъ по дѣламъ суда, и не открылъ о своемъ намѣреніи. Отсюда отправились мы въ Брюковъ-посадъ, близъ Кременчуга, гдѣ была комисаріатская комиссія, изъ коей лекарь долженъ былъ получить прогоны до мѣста расположенія полка, въ который былъ опредѣленъ. Здѣсь прожили мы недѣли двѣ въ ожиданіи прогонныхъ денегъ.

Евтушевскій представлялъ свои бумаги, въ комисіи представляли ему разныя затрудненія въ полученіи денегъ; это сконфузило его, онъ былъ челоѣкъ весьма робкій и несмѣлый, такъ что я, назвавшись его именемъ, ходатайствовалъ вмѣсто него и получилъ уже деньги.

Получивши деньги изъ комисіи, отправились мы въ Молдавію, гдѣ квартировалъ нѣкотрый полкъ, въ который опредѣленъ былъ Евтушевскій,—въ крѣпость Бендеры, а оттуда въ деревню Васлун. Оказалось, что въ тотъ полкъ, въ который назначенъ былъ Евтушевскій, опредѣленъ уже другой лекарь, и онъ остался за пятакомъ. Тутъ прожили мы дней десять; денегъ ни у Евтушевскаго, ни у меня нисколько не было; въ дорогу взято было въ запасъ два круга сала и сухари: этимъ продовольствовались мы и челоѣкъ Евтушевскаго, въ пути и на мѣстѣ; наконецъ, запасы были съѣдены, мы находились въ самомъ затруднительномъ положеніи: и Евтушевскій выговаривалъ мнѣ, что я поѣлъ его запасы.

Въ Бендерахъ встрѣтилъ я земляка моего Невѣровскаго—отецъ его служилъ городничимъ въ Золотоношѣ. Онъ служилъ въ какомъ-то нѣкотномъ полку поручикомъ; увидясь со мною, Невѣровскій приглашалъ меня поступить въ тотъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ; но мнѣ хотѣлось поступить въ кавалерію и потому я отказался отъ его предложенія. Въ послѣдствіи Невѣровскій былъ генералъ-лейтенантомъ, извѣстнымъ по своей храбрости.

Изъ Васлун посовѣтовали Евтушевскому отправиться въ главную квартиру арміи—въ Яссы, гдѣ должны дать ему новое назначеніе. Мы отправились въ Яссы, но главная квартира выѣхала въ мѣстечко Галацъ, при Дунаѣ. Мы поѣхали туда.

Въ Галацѣ указали мнѣ на дежуръ-майора Панкратьева (отца корпуснаго командира, генерала Панкратьева, дѣйствовавшаго въ Венгріи въ 1849 году). Я явился къ нему, объявилъ о желаніи моемъ вступить въ службу; онъ, разспросивши о званіи моемъ, сказалъ, что напишетъ рекомендательное письмо къ пріятелю своему, донскому полковнику Кульбакову, и написавши письмо, отдалъ мнѣ. Между тѣмъ поразспросивши о казачьей службѣ, я узналъ, что всякій казакъ долженъ имѣть собственную лошадь и оружіе, а я не въ состояніи былъ имѣть этого.

Положеніе мое было самое тяжелое и, можно сказать, отчаянное. Вдали отъ родины, безъ всякаго знакомства, безъ денегъ и даже безъ хлѣба, я не зналъ куда и къ кому обратиться. Въ мрачномъ расположеніи духа и иногда съ тощимъ желудкомъ, бродилъ я по улицамъ Галаца, раздумывая о своемъ горестномъ положеніи. Жалѣлъ о необдуманномъ поступкѣ своемъ. Будучи окруженъ любовью род-

никъ и сторонникъ, которые знали меня, не имѣя ни въ чемъ недостатка,—я добровольно бросился въ неизвестность и нищету; благо-разуміе заставляло меня возвратиться домой; но ложный стыдъ удерживалъ: съ чѣмъ явлюсь я и какъ будутъ смотрѣть на меня прежніе товарищи мои? Видно, такъ судьбѣ было угодно! Положившись во всемъ на Бога, я безъ всякаго плана и намѣренія ожидалъ, что будетъ со мною.

Денегъ ни у Евтушевича, ни у меня, какъ сказано уже, не было; наконецъ, не стало совершенно и хлѣба. Я отправился на рынокъ; заходилъ въ нѣсколько лавокъ хлѣбниковъ-молдаванъ; торгую хлѣбъ, но за него требуютъ деньги, а гдѣ ихъ взять? Иду по фруктовому ряду; фруктовъ множество и дешево,—но все-же надобны деньги! Я поднялся на хитрость: у каждой изъ торговекъ бралъ будто на пробу нѣсколько ягодъ; такимъ образомъ, пройдя весь рядъ и ничего не купивши, я утолил нѣсколько свой голодъ. На другой день маневръ этотъ также удался мнѣ; но, на третій, меня уже замѣтили, что я люблю лакомиться даромъ, и не подпускали уже къ фруктамъ.

Къ счастью моему, разъ прѣвзжала чрезъ рынокъ коляска; одна торговка съ булками, поспѣвая перейти съ лоткомъ чрезъ дорогу, опрокинула лотокъ и, пока она подбирала булки,—я подцѣпилъ двѣ булки, спряталъ ихъ подъ полу, да и былъ таковъ! Какая роскошь была тогда для меня!—Что дѣлать: нужда многое извиняетъ!

Въ такомъ безнадежномъ положеніи проходя разъ, днемъ, по берегу Дуная, я замѣтилъ, что къ нему подцѣвжала лодка съ черноморскими казаками. Я остановился и безъ всякихъ мыслей поджидалъ пока лодка пристанетъ къ берегу. Лодка пристала; изъ нея вышелъ офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ на груди; это былъ полковникъ Головатый—начальникъ пѣхоты черноморскихъ казаковъ. Въ немъ-то судьба указала мнѣ въ послѣдствіи начальника моего, руководителя моей службы и всѣхъ послѣдствій, отъ нея происшедшихъ.

Головатый, поровнявшись со мною, спросилъ что я за человѣкъ и что мнѣ надобно? Я объявилъ ему, что дворянинъ, захвачъ въ чужую сторону, не имѣю ни денегъ, ни хлѣба, едва не умираю съ голода, и желалъ бы поступить въ службу. Онъ осмотрѣлъ меня—я былъ видный молодой человѣкъ, одѣтъ пристойно; спросилъ, откуда родомъ? Я отвѣчалъ: изъ мѣстечка Ирклѣва. «А, вражій сынъ,—сказалъ онъ,—ще и землякъ!»

Потомъ, поразспросивши меня и узнавши, что я человѣкъ письменный, былъ секретаремъ въ земскомъ судѣ,—сказалъ:

— «Такихъ хлопцевъ намъ треба! Обожди меня трохи, мнѣ треба повидѣться съ панями».

Черезъ два—три часа, Головатый возвратился и взялъ меня съ собою на лодку. Мы отправились къ острову близъ Браилова, гдѣ стояла черноморская флотилія изъ 50-ти или болѣе лодокъ черноморскихъ казаковъ. Тогда была война съ Турціею и въ отсутствіе Потемкина командовалъ арміею князь Реннинъ. Это было въ 17... году.

На-утро Головатый приказалъ мнѣ явиться въ канцелярію его. Я пришелъ въ канцелярію, представился управляющему канцеляріею; онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и писать. Въ канцеляріи увидѣлъ нѣсколько человекъ—казаковъ; они были въ изорванномъ, грязномъ, простомъ платьѣ. Это озадачило меня; я говорилъ, что я благородный человекъ—какъ мнѣ сидѣть и заниматься съ простыми людьми. Руководитель канцеляріи, услыхавъ это, сдѣлалъ мнѣ на первый разъ замѣчаніе, и сказалъ, что здѣсь все благородные люди:

— «Сей корунжій, сей сочиникъ», и т. д.

Въ послѣдствіи времени, когда ближе узналъ черноморцевъ и самъ сдѣлался казакомъ, я увидѣлъ, что они не охотники щеголять и живутъ по-просту.

Объ отъѣздѣ моемъ донесли Головатому, что я еще кобыдсь.

— «А, блосовъ сынъ!—сказалъ онъ,—обрати ему шмыдце голову показачки; тогда онъ будетъ уже нашимъ».

Такимъ-образомъ мнѣ остригли волосы, отрѣзали длинную мою косу (тогда носили еще косы) и оставили только одну косичку на переди, называемую «чурриною»,—и я сталъ черноморцемъ, и зачисленъ казакомъ въ Васютинскій курень.

Плаще мое собственное было: кафтанъ—по нынѣшнему фракъ, и плащъ. Изъ плаща велѣли мнѣ сплести казачій кафтанъ; но пока шли его, я гулялъ во фракѣ—съ чурриною. Казаки, смотря на меня въ такомъ костюмѣ, говорили:

— «Се швединъ!»

— «Ни,—говорили другіе,—се прусинъ!»

Для меня все равно какъ бы ихъ называли, лишь бы хлѣбомъ кормили; а хлѣбъ, благодареніе Богу, у меня уже былъ.

На островѣ близъ Галаца простояли мы до осени, а на осень вышли на твердую землю при рѣкѣ Серетѣ. Здѣсь выстроили землянки. Осеннія ночи были и сыры и холодны, при томъ же были и лихорадки на людяхъ. По молодости и по непривычкѣ къ бивачной жизни, проводить такія ночи въ землянкѣ мнѣ было трудно: ни востилки, ни укрыться было нечѣмъ; но, къ счастью моему, меня зналъ провіантскій чиновникъ, завѣдывающій хлѣбными магазинами; онъ позволилъ мнѣ помѣщаться на ночь въ провіантскомъ магазинѣ и я,

подоставши одинъ кулъ и укрывшись другими, проводить ночи не страдая отъ стужи, а сила молодости предавала самый покойный сонъ!

Когда стояли мы еще на островѣ близь Галаца, — въ это время прѣвѣзала для смотра черноморскихъ лодокъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, на яхтѣ, и я видѣлъ его. Съ нимъ прѣвѣзала какая-то дама, которую называли онъ Катериною, — кажется, племянница его.

Командѣ велѣно было отправиться на зиму на островъ Березань, близь Очакова, гдѣ былъ и кошь. Я отправился вмѣстѣ съ командою и несъ на себѣ, какъ и прочіе казаки, сухари; въ то время была еще у меня лихорадка, я отсталъ отъ команды и пошелъ боковой дорогою, надѣясь, если не догоню команду, ночевать гдѣ-нибудь по дорогѣ въ землянкѣ. Долго шелъ утомленный, отъо солнца, наконецъ, и ночь; жилья никакого не было, а степь необъятная. Я остановился, помолился Богу, легъ на травѣ и укутался шинелью. Кромѣ палки, никакого другаго оружія при мнѣ не было. Проснулся, солнце уже взошло; пустился опять въ путь, не зная далеко ли еще осталось идти, и куда идти.

Вдругъ увидѣлъ ѣхавшаго по дорогѣ человѣка; спросилъ у него: далеко ли до команды конныхъ казаковъ, которые, какъ извѣстно мнѣ было, стояли недалеко, близь Иманла. Онъ сказалъ, что будетъ верста 30, и указалъ мнѣ путь. Къ вечеру дошелъ я до куреня конной команды, явился къ куренному атаману, объявилъ, что я казакъ Васютинскаго куреня — писарь изъ канцеляріи полковника Головатаго. Меня приняли, накормили и на другой день отправили, вмѣстѣ съ казаками, на повозкѣ, до селенія Слободзеи, гдѣ явился къ начальнику — черноморскому полковнику Мокію, объяснилъ ему, что отсталъ отъ команды по болѣзни, что едва не умеръ было въ дорогѣ, совершенно ничего не помню и не знаю какъ дойти до Березани; этимъ думалъ я подвигнуть его къ состраданію и помощи мнѣ; — въ отвѣтъ получилъ, что и не такіе люди какъ я, но и лучше, пропадаютъ въ степи! Между тѣмъ меня оставили въ Слободзеѣ въ ожиданіи оказіи, когда будетъ въ Березань, и помѣстили въ одномъ куренѣ.

Слободзея — обширное селеніе на Днѣстрѣ. Тамъ жили черноморцы, молдаванѣ, малороссіяне и поляки. У полковника Головатаго былъ здѣсь домъ и семейство его; казаки, не имѣющіе здѣсь собственныхъ домовъ, жили бѣдно и во всемъ нуждались; провіантъ отпускали имъ не такой какъ для армейскихъ полковъ, а пополамъ съ пескомъ. Изъ такой муки можно было еще ѣсть хлѣбъ тогда, когда онъ горячій, только что испеченъ; а какъ застынетъ, то и не угрызешь. Иногда ночью, когда уже спали, вдругъ слышишь зовъ: «вставайте, казаки! хлѣбъ изъ печи вынули», и я вставалъ вмѣстѣ съ другими

и принимался ѣсть горькій хлѣбъ. «Голодъ не тетка!»—говорить посливица. Хлѣбъ не ночамъ съ пескомъ былъ мнѣ не по вкусу; нерѣдко я ходилъ по селенію и выпрашивалъ у добрыхъ людей для себя бѣлаго хлѣба; заходя въ дома молдаванъ, я замѣтилъ, что они маманши—родъ жоржей, клвадутъ подъ подушки. Случалось, что иногда, зайдя въ домъ молдаванина и не вставая въ немъ никого, голодъ подвигалъ меня къ купленію и я покидалъ мамангу. Такимъ образомъ, проживши въ Слободзѣ мѣсяцъ, я испытывалъ крайнюю нужду и голодъ.

Разъ, одинъ старшій казакъ сказалъ мнѣ:

— «А хочашъ ли я накормлю тебя пшеничными галушками?»

Галушки! національная моя пища и въ моемъ тогдашнемъ положеніи?... Да это такая роскошь, о которой я и думать не смѣлъ!

— Да гдѣ же ты возьмешь муки для галушекъ? возразилъ я казаку.

— «На твое дѣло гдѣ и какъ я добуду муки, а добуду, и галушки будутъ».

Я опять сталъ допытывать его. Тогда онъ отвѣчалъ: «Вонъ, бачъ, мельница (въ виду была вѣтряная мельница), скажу слово—она будетъ молотъ, а мука сыпаться въ курень».

И точно, казакъ сварилъ галушекъ и пригласилъ меня на великолѣпную трапезу, за которой мнѣ давно уже не случалось бить.—Славныя были галушки; а добылъ муку старшій казакъ, вѣроятно, тѣмъ же средствомъ, какъ добывалъ я маманги!

Въ это время жена Головатого давала обѣдъ для всѣхъ казаковъ; на дворѣ устроены были вмѣсто столовъ доски; жена его и дочь—дѣвица лѣтъ 18-ти, сами хлопотали около стола и укладывали ложки деревянные. При столѣ поставленъ былъ чанъ съ терновымъ квасомъ; я былъ, въ числѣ прочихъ, на обѣдѣ. Выпивъ послѣ обѣда кружку тернового квасу и чувствуя жажду, я черезъ нѣсколько времени подошелъ къ чану, чтобы еще выпить.—Казакъ, который раздавалъ квасъ, замѣтилъ меня и сказалъ:

— Э, братъ, да ты въ другой разъ пьешь!

Изъ Слободзѣ отправляясь на Березань одинъ еврей-пишкаръ съ бочкою водки; онъ пригласилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ, и я радъ былъ этому случаю, чтобы не идти одному; а между тѣмъ еврей и продовольствовалъ меня въ пути, что было мнѣ весьма кстати. Въ дорогѣ пробывъ около мѣсяца и ѣхали все пустою степью, верстъ 400. Проѣзжали мимо Гаджи-Бей—нынѣшней Одессы; тамъ было только два—три десятка простыхъ избъ и съ полсотни землянокъ. Это было въ 1792 году. Что нынѣ Одесса и что ожидаетъ еще ее впереди!

Въ Березанк явился я къ полковнику Мокрому, начальствовавшему находящемся здѣсь кешемъ, и сказалъ, что я опредѣляю къ нему писаремъ. Званіе это не то что простой писарь, а было довольно почетное, замѣняющее секретаря.

Полковникъ Мокрый былъ человекъ нетрезвой жизни и безпрестанно бывалъ пьянъ. Онъ обращался со мною какъ съ простымъ казакомъ и употреблялъ во всё черныя работы. Въ воскресенье, когда деньщикъ его былъ на покосѣ, онъ заставлялъ меня готовить для него обѣдъ и ужинъ, носить воду большимъ ушатомъ—ведеръ въ шесть (воду носилъ съ другимъ казакомъ), ходить за лошадыю, петь ее, чистить конюшню, и проч. На возраженіе мое, что я никогда не готовилъ кушанья и не умѣю, онъ говорилъ мнѣ:

— Ведеръ! ты казакъ, а казакъ долженъ все знать!

Правду сказать, блюда были не мудренны—борщъ да каша, но не вдругъ привыкъ готовить ихъ. Иногда такой борщъ варилъ, что только казачій желудокъ могъ переварить его; но полковникъ былъ снисходителенъ, замѣчая только иногда, что борщъ или прѣсенъ, или слишкомъ уже кисель, или недоваренъ, однако кушалъ его съ аппетитомъ.

Приближенные къ полковнику офицеры и деньщикъ его, будучи недовольны вообще поведеніемъ его и обхожденіемъ съ ними, подстрекали и меня къ неудовольствію на него, говоря, что я кошевой писарь и въ отношеніи ко мнѣ полковникъ во зло употребляетъ власть свою; но я, по кротости характера своего, молчалъ и сносилъ все терпѣливо, безъ малѣйшаго ослушанія начальнику.

Отсюда написалъ я къ роднымъ своимъ въ Малороссію и извѣстилъ о себѣ, и получилъ письмо отъ благодѣтеля, дяди моего—Ивана Васильевича Мигрина. Онъ писалъ, что родные мои, считая меня погибшимъ, очень обрадовались, что я живъ; увѣщевалъ меня возвратиться домой, представляя, что, будучи обольщенъ и увлеченъ такою сволочью—казаками, не могу научиться отъ нихъ ничему доброму, кромѣ воровства и разбоя, и что, заразившись ихъ примѣромъ, и самъ могу сдѣлаться такимъ же. Писалъ, что мнѣ можетъ представиться случай отправиться въ Петербургъ, гдѣ живетъ дядя мой Михайло Петровичъ Чернавскій, который поможетъ въ этомъ, и что ожидаютъ приѣзда изъ Петербурга въ Ирмѣевъ сестра нашего Грушко, который служилъ при дворѣ берейторомъ, и съ нимъ могъ бы я отправиться въ Петербургъ.

Но стыдъ, что я явился на родину простымъ казакомъ, оборваннымъ,—удержалъ меня и я положился во всемъ на волю Божию, въ надеждѣ, что вѣрная, усердная служба моя когда нибудь вознаградится.

На Березань прѣѣхалъ для свиданія со мною отецъ мой, не нарочно для свиданія, а будучи въ Херсонѣ, куда привезилъ для продажи гдѣсь нѣ Дибиру изъ Вѣтерусск.

Непріятное поведеніе полковника Мокраго возстало противъ него всѣхъ курскихъ атамановъ; нѣ было до срока атамановъ; они сѣбѣтывались со мною и положили написать жалобу Головатому. Составленіе жалобы поручено мнѣ, такъ какъ безпорядки по управленію нѣвѣстны были мнѣ болѣе другихъ. Жалобу поднесли однако не болѣе двадцати атамановъ. По ней Головатый потребовалъ къ себѣ для объясненія Мокраго; онъ явился къ начальнику въ нѣльномъ видѣ и нагрубилъ, за что и былъ отринутъ отъ командованія Березанскихъ кошемъ.

На мѣсто Мокраго назначенъ былъ на Березань кошевымъ атаманомъ подполковникъ Сутыка—человѣкъ дѣятельный, стрелъ, но престоѣ.

По распоряженію правительства, предложено было снять съ Березани кошь и перевести его на островъ Тамань. Отъ Головатата предписано было мнѣ сдѣлать подробную опись стрелъ кошевнхъ и казеннаго имущества: снарядовъ, провіанта и проч. Все это было мною исполнено и Головатый остался доволенъ.

Между тѣмъ послѣдовало отъ Головатата предписаніе, чтобы меня числить по списку корунжикъ. Это—офицерское званіе; должно бы получить утвержденіе въ чинѣ отъ высочайшей власти, но тогда было какъ-то просто: по одному предписанію Головатата я сдѣлаюсь корунжикъ.

Прощанье и нѣкоторая вѣщная тяжесть вѣчно было предать и это поручено мнѣ вмѣстѣ съ провіантскимъ чиновникомъ. Получивши провіанта изъ благодарности сдѣлалъ мнѣ пару платъ жорнаго сукна, и я, во крайней мѣрѣ, былъ одѣтъ прилично. Орудія артиллерійскія и пороки перевезли въ Ениколь и на зиму кошь отравили на островъ Тамань.

II.

Перѣздъ изъ Ениколя въ Тамань—черезъ Керченскій проливъ, шириной до 30-ти верстъ; было глубокое осеннее время, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, такъ что по проливу образовывался и шелъ уже сильно ледъ. Была изготовлена лодка съ мачтою; подполковникъ Сутыка отправился вмѣстѣ со мною и еще восемь или десятью чело-вѣками. Вѣтеръ съ моря былъ очень сильный; приближался вечеръ, и лодка оказалась ненадежною; проѣхавъ немного, вѣтеръ сломилъ мачту; должно бы было воротиться назадъ, но подполковникъ былъ человѣкъ рѣшительный: велѣлъ кое-какъ исправить и поставилъ вновь мачту. Пустились далѣе, а льдины все болѣе и болѣе собирались въ огром-

ныя массы и затрудняли путь, грозя силою теченія опрокинуть лодку; наконецъ, въ версту или двѣ отъ берега Тамани, льдины сдѣлались совершенно сплошными, только кое-гдѣ оставались между ними маленькія дорожки и ими-то мы съ величайшимъ трудомъ добрались до берега. Опасность въ плаваніи была большая: каждую минуту лодку нашу могли затереть льдомъ и опрокинуть ее; но милосердный Господь сохранилъ жизнь мою!

По пріѣздѣ въ Тамань (въ 1794 году), явились Сутыка и я къ начальнику—полковнику Головатому; онъ принялъ насъ ласково, и велѣлъ мнѣ явиться къ нему на другой день. Когда я явился къ нему, онъ разспрашивалъ меня о житіи нашемъ въ Березани и между тѣмъ спросилъ объ Очаковскомъ городничемъ Зоринѣ и о томъ—какъ отозвался онъ о куреняхъ, подаренныхъ Головатымъ графу Салтыкову?

Надобно сказать, что курени, достроенные казаками на Березани, собственными средствами, безъ пособія казны, были ихъ собственностью; они были ни что иное какъ землянки, въ которыхъ очень мало употреблено дѣсу, и потому они стоили весьма малой цѣнности. У графа Салтыкова, близъ Очакова, было имѣніе. Курени эти Головатый подарилъ Салтыкову, для чего препроводилъ къ нему въ С.-Петербургъ составленную мною опись куренямъ; но, не видавши ихъ въ натурѣ, по описи нельзя было судить о достоинствѣ ихъ, и какъ около Очакова мѣста безлѣсныя, то 40 куреней въ такой сторонѣ могли представляться пріятною находкою; но курени, въ которыхъ въ каждомъ было только по 8-ми небольшихъ бревенъ, сами по себѣ стоили весьма незначительной цѣны. Графъ Салтыковъ переслалъ опись къ городничему Зорину, чтобы онъ принималъ по ней курени и отправилъ ихъ въ имѣніе его. По этому-то случаю и спросилъ меня Головатый о Зоринѣ.

У Головатаго были въ это время гости—свои подчиненные, и нѣкоторые съ женами. На вопросъ его о Зоринѣ и о томъ—какъ отозвался онъ о подаренныхъ графу Салтыкову куреняхъ, я затруднился отвѣчать ему, сказавши, что Зоринъ отозвался очень нехорошо, такъ что совѣстно и непристойно даже и повторить слова его, особенно при дамахъ. Онъ приказалъ мнѣ сказать прямо, и я, исполняя волю начальника, сказалъ, что Зоринъ отозвался такъ:

— «Соломонъ этотъ Головатый!»

И прямо на-бѣло повторилъ то, чѣмъ заключилъ Зоринъ эту фразу—изъ русскаго народнаго словаря... Это заставило расхохотаться Головатаго; онъ велѣлъ мнѣ еще повторить отвѣтъ городничаго, и я повторилъ его въ присутствіи дамъ... Патріархальная простота нравовъ! Давно было это и притомъ въ Черноморіи; а черно-

морцы тогдашняго времени, составлявшіе сборище людей со всѣхъ сторонъ—вовсе не отличались деликатностію, свойственною позднѣйшему времени и образованію.

Подполковникъ Сутыка былъ въ нежилости у главнаго кошеваго атамана всѣхъ черноморскихъ казаковъ—Чепига. По сдачѣ команды въ Березани, онъ остался безъ мѣста и назначенія. Головатый принималъ участіе въ его бѣдномъ положеніи и велѣлъ мнѣ изготевить на высочайшее имя прошеніе отъ Сутыки объ опредѣленіи его членомъ во вновь учреждаемую войсковую канцелярію войска черноморскаго; я написалъ просьбу, но она не имѣла успѣха, и при жизни Чепига Сутыка не могъ получить никакого мѣста, а получилъ уже по смерти его.

Атаманъ Чепига съ кавалеріею воротился изъ похода въ 1798 г., за годъ до прихода пѣхоты черноморскихъ казаковъ, и основалъ кошь свой, то-есть построилъ землянки, въ 200 верстахъ отъ острова Тамани, на Кубани. Мѣсто это было изобильно лѣсомъ и водою; оно показалось выгоднымъ для устройства постояннаго города, и приступили къ устройству: заложили церковь, выстроили домъ для канцеляріи и начали строить частные дома. Затѣмъ послѣдовало и разрѣшеніе правительства: быть здѣсь городу, который и названъ Екатеринодаромъ.

Избраніемъ мѣста для города на Кубани Головатый сдѣлалъ большую, невознаградимую ошибку: мѣсто это окружено болотами; въ весеннее время свирѣпствуютъ тамъ лихорадки и производятъ въ народѣ сильную смертность. Замѣтилъ это и атаманъ, но уже поздно, когда существованіе города было утверждено, начаты и окончены нѣкоторыя капитальныя постройки. Вотъ какимъ образомъ образовался Екатеринодаръ. Со стороны правительства не было прислано опытныхъ и свѣдущихъ людей для осмотра удобности мѣста для поселенія. Съ того времени донынѣ Екатеринодаръ все такъ же мѣсто самое нездоровое и особенно весной много умираетъ людей. Самое лучшее мѣсто для основанія города было бы островъ Тамань—въ отношеніи здоровья людей; но въ отношеніи военномъ—охраненія границъ отъ набѣговъ закубанцевъ, Екатеринодаръ представляетъ преимущество.

Головатый, при новомъ образованіи войскаго управленія, назначенъ былъ войсковымъ кошевымъ судьей и хотѣлъ опредѣлить меня въ войсковую канцелярію секретаремъ; но войсковой писарь Котляревскій имѣлъ уже въ виду человѣка, для помѣщенія на вакансію секретаря; и такъ, меня помѣстили въ войсковую канцелярію, давъ въ управленіе мнѣ двѣ экспедиціи.

Для всѣхъ канцелярскихъ выстроена была близъ канцеляріи боль-

шая землянка, въ которой и помѣщался я вмѣстѣ съ другими. Продо-вольствіе было войсковое и весьма достаточное. Жалованья никто изъ канцелярскихъ не получалъ. Между тѣмъ меня зачислили въ списокъ полковыхъ старшинъ.

Я по природѣ своей былъ лѣнивъ, любилъ нести долге дру-гихъ, а потому и къ службѣ былъ не весьма ретивъ. Разъ какъ-то ночью, часу въ 1-мъ, я проснулся въ своей землянкѣ и мнѣ пришла мысль отправиться въ канцелярію, чтобы приготовить бумаги къ завтрашней почтѣ. Нужныхъ бумагъ вовсе не было, слѣдственно, не было и особенной надобности быть мнѣ въ канцелярію; то была ка-кая-то безотчетная мысль!—Пришедъ въ канцелярію и разбудивъ сторожа, велѣлъ ему засвѣтить свѣчку и началъ заниматься.

Полковникъ Головатый былъ человекъ весьма умный: на немъ лежали всѣ заботы объ устройствѣ и благосостояніи войска. Кошевой же атаманъ, бригадиръ Чепига, былъ добрый человекъ и—только; дѣ-лами мало занимался и былъ даже вовсе неграмотный, а потому всѣми дѣлами и управленіемъ по войску завѣдывалъ Головатый. Домъ его былъ близъ канцеляріи. Озабоченный думою, Головатый прохаживался около своего дома; ночь была осенняя, темная. Увидѣвъ огонь въ канцеляріи въ такое необыкновенное время, онъ зашелъ туда и спросилъ: кто здѣсь и что дѣлаетъ?

— «Я, батьку, Мигринъ, занимаюсь здѣсь».

— А, добре!—сказалъ онъ и съ тѣмъ вышелъ.

Этотъ нечаянный случай поселилъ въ немъ выгодное мнѣніе обо мнѣ.

Черезъ нѣсколько времени, мнѣ опять какъ-то вздумалось отпра-виться въ канцелярію ночью для занятій, и опять Головатый, увидѣвъ огонь, зашелъ въ канцелярію; тотъ же вопросъ его и тотъ же мой отвѣтъ.

— «Добрый ты человекъ, что такъ занимаешься»,—сказалъ Головатый.

Я продолжалъ службу въ канцеляріи, по обыкновенію своему,—ка-какъ, и такимъ образомъ прошло около году. Между тѣмъ, послѣ-довало повелѣніе объ отправленіи въ Польшу двухъ конныхъ полковъ, съ которыми отправлялся атаманъ Чепига. Ему нуженъ былъ пись-моводитель и Головатый рекомендовалъ ему меня, какъ самаго до-стойнаго къ занятію этой должности, и этому помогло именно то, что Головатый засталъ меня, какъ сказаво выше, два раза во время поздней ночи въ канцеляріи!

Должность писмоводителя при кошевомъ атаманѣ, особенно без-грамотномъ, каковъ былъ Чепига,—конечно, была значительною: прия-

тали мои, которыхъ я успѣлъ уже приобрести, радовались моему назначенію; другіе завидовали мнѣ; но вообще я былъ всѣмъ любимъ за мирный и кроткій характеръ мой.

Полки отправились прямо въ Нольшу, а атаману Чепигѣ велѣно было явиться въ Петербургъ. Онъ взялъ съ собою меня, одного офицера и одного казака, и мы отправились въ столицу.

III.

По приѣздѣ въ Петербургъ, явились мы къ тогдашнему вельможѣ — временнику графу Платону Александровичу Зубову, принимавшему участіе въ дѣлахъ войска черноморскаго. Потемкинъ тогда уже умеръ. Тогда было лучшее время, государыня и дворъ были въ Царскомъ Селѣ; тамъ же былъ и графъ Зубовъ, и мы отправились въ Царское Село.

Графъ Зубовъ поручилъ правителю канцеляріи его, коллежнику Грибовскому, отвести намъ квартиру и доставить всѣ удобства жизни.

Намъ отвели квартиру недалеко отъ дворца, столь давали отъ двора; въ распоряженіе наше предоставлена была карета и определенъ офицеръ, которому велѣно было показывать, по желанію нашему, все любопытное.

Мы нѣсколько разъ ѣздили въ Петербургъ, были въ Кронштадтѣ, въ Петергофѣ, осматривали кунсткамеру, арсеналъ, были въ Невскомъ монастырѣ и разъ обѣдали у митрополита Гавріила.

Въ Невскомъ монастырѣ поразили меня картины, изображающія блуднаго сына. Я примѣнялъ себя къ положенію блуднаго сына, и я, такъ же какъ и онъ, будучи въ довольствіи на своей родинѣ, оставилъ отца и мать и пустился въ неизвѣстный путь жизни... Съ чувствомъ молился я тогда и прибѣгалъ къ милосердію Божию...

Дня черезъ два по приѣздѣ въ Царское Село, намъ велѣно было явиться во дворецъ для представленія государинѣ императрицѣ, и мы явились; но насъ никто не предвѣрилъ о придворномъ этикетѣ: какъ должны были мы представиться. Быть можетъ, это было и намѣреніе государыни, чтобы видѣть какъ черноморцы, сыны безъискусственной природы, представляются ей.

По выходѣ государыни, атаманъ, я и бывшій съ нами черноморскій офицеръ, всѣ прямо подошли къ рукѣ государыни. Она говорила съ Чепигой не много; помню — она сказала:

— Хорошо сдѣлали, что заняли по Кубани мѣсто нужное.

Въ квартирѣ нашей посѣщалъ насъ иногда Левъ Александровичъ

Нармикинъ и протопейъ при государинѣ, Самборскій. Послѣдній при-священнической расѣ брилъ бороду и усы.

Бритая борода при расѣ, натурально, сначала удивила насъ и протопейъ объяснилъ намъ это. Онъ былъ при посольствѣ нашемъ въ Вѣнѣ и носилъ, по обыкновенію, бороду; но какъ въ Германіи бородъ не носятъ, то каждый разъ, при появленіи его на улицѣ, мальчишки бѣгали за нимъ толпами какъ за чудомъ, и онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, сбрилъ бороду.

По возвращеніи въ Петербургъ, императрица оставила его при себѣ и не приказала уже отпускать бороды, для убѣжденія существовавшихъ еще тогда во множествѣ раскольниковъ въ Петербургѣ, что святость заключается не въ бородѣ и что сама императрица, благодѣтельница правослрія, держитъ при своей особѣ священника безъ бороды.

Самборскій рассказывалъ, что онъ посѣщаетъ богатое купечество изъ раскольниковъ и что они, упрекая его въ обрѣтѣи бороды, говорили, что случившіеся предъ тѣмъ неурожайные годы были въ наказаніе за грѣхи наши и развращеніе, когда православные священники—неслышанное противузаконіе!—начали уже брить бороды!!!—На это Самборскій возражалъ имъ, что у его отца, священника, борода была до пояса, однако неурожай бывали еще сильнѣе.

При управителѣ канцеляріи графа Зубова, полковникъ Грибовскомъ, былъ чиновникъ—фамилія его нынѣ не припомню; онъ былъ ближайшій челоѣкъ къ Грибовскому, а Грибовскій могъ дѣлать тогда все. Съ этимъ чиновникомъ познакомился я еще прежде, когда прѣзжалъ онъ въ Очаковъ по дѣламъ Грибовскаго, у коего было тамъ имѣніе.

Я встрѣтился здѣсь съ нимъ, какъ съ знакомымъ уже, и еще болѣе сблизился съ нимъ. Онъ посѣщалъ насъ въ квартирѣ, и разъ въ откровенной бесѣдѣ сказалъ мнѣ, что атаманъ можетъ получить значительную сумму изъ казны, слѣдующую за минувшую турецкую кампанію войску за провіантъ и фуражъ, на полученіе коихъ войско вовсе не надѣялось. Я доложилъ атаману; онъ былъ очень радъ, и по совѣту этого чиновника, составлено было отъ атамана представленіе. По расчету оказалось, что въ выдачу войску причиталось суммы до 80,000 руб. асс. Это была—просто находка и мы удивлялись добродушію и расположенію къ намъ чиновника, который безъ всякихъ видовъ оказалъ такую важную услугу. Но когда послѣдовала ассигновка изъ казны суммы, то оказалось, что пріятель мой не такъ безынтересенъ, какъ мы полагали. Онъ объявилъ, что хотя по совѣту и наставленію его и ассигнована намъ въ выдачу сумма, но, чтобы за разъ получить ее, надобно пожертвовать на канцелярію по 15-ти процентовъ съ рубля, иначе въ нѣсколько лѣтъ не получимъ

ей. Обстоятельство это довелъ я до свѣдѣнія атамана, и онъ, подумавши, согласился. Такимъ образомъ мы получили войсковую сумку и отослали ее по принадлежности сполна. При этомъ случаѣ я могъ бы имѣть значительную пользу для себя, но не хотѣлъ воспользоваться, считая это предосудительнымъ.

Атаманъ Чепига сдѣлалъ представленіе о награжденіи нѣкоторыхъ черноморскихъ офицеровъ чинами и исключилъ меня. Тутъ я за отличную службу произведенъ, по высочайшему повелѣнію, въ капитаны и получилъ на чинъ патентъ.

По жертвованію процентовъ изъ полученной сумки усилило пріязнь ко мнѣ помещика Грибовскаго; онъ вынуждалъ мнѣ на всѣ услуги и одолженія, пользуясь расположеніемъ Грибовскаго. Говорилъ, что, по представленію атамана, мнѣ могутъ дать чрезъ надѣлю майорскій чинъ; тогда было это возможно! но я ни при этомъ случаѣ, ни послѣ не воспользовался его предложеніемъ, что было весьма легко, особенно въ послѣдствіи времени, когда я пользовался неограниченною довѣренностію Чепига, за котораго, по безграмотству его, подписывалъ его именемъ всѣ бумаги—что было не тайно, а всѣмъ извѣстно.

Въ Царскомъ Селѣ прожили мы мѣсяцъ. Въ продолженіе этого времени разъ были приглашены мы къ столу императрицы. Атаманъ обѣдалъ за однимъ столомъ съ государыней, но я, какъ не штабъ-офицеръ, не могъ быть удостоенъ этого счастья. Атаманъ же рассказывалъ, что государыня во время стола была милостива къ нему и когда подали десертъ, то она сама изволила положить винограду на тарелку и послала къ нему. Въ избыткѣ чувствъ благодарности, онъ не могъ произнести ни одного слова и только слезы полились изъ глазъ его...

На прогнны отпустили намъ 2,000 руб. серебромъ, снабдили на дорогу провизією и, между прочимъ, огромнымъ пирогомъ съ рыбою, въ аршинъ длины.

Мы отправились въ Брестъ-Литовскій—это было въ августъ 1794 года. Въ Брестѣ нѣсколько времени ожидали своихъ двухъ конныхъ черноморскихъ полковъ и, когда они пришли, двинулись въ походъ къ Прагѣ. Не доходя верстъ 200 до Праги, встрѣтили мы главнокомандующаго Суворова; начальники и офицеры—въ числѣ ихъ и я—являлись къ Суворову, и потомъ отправились далѣе.

Стоя въ немногъ отъ лагеря, встрѣтили мы отрядъ поляковъ, чловѣкъ 400; разбили его и побрали плѣнныхъ: это первое дѣло, въ которомъ я былъ. Потомъ встрѣтили мы нашъ арьергардъ, которымъ командовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ; начальники и

офицеры являлись къ нему, и онъ потчевалъ насъ водкою. Мы прикнули къ арьергарду и слѣдовали далѣе.

Предсталла переправа черезъ Бугъ. На той сторонѣ поляки устроили береговыя батареи; съ нашей стороны тоже устроены были батареи. Графъ Зубовъ выѣхалъ съ своимъ штабомъ, и тутъ отрезало ему ногу, которую отняли ему — и онъ остался живъ. Наши войска построили черезъ рѣку мостъ, перешли черезъ него и прогнали поляковъ.

Послѣ того было еще сраженіе подъ мѣстечкомъ Кобылкаею, гдѣ также прогнали поляковъ, но черноморцы въ этомъ дѣлѣ не участвовали.

Наконецъ, подступило войско наше къ Прагѣ. Простоявши здѣсь дня три, назначенъ былъ штурмъ крѣпости. На зарѣ пущена была ракета: знакъ, чтобы всѣ были готовы; по второй ракетѣ — пошли на штурмъ.

Описывать прагскаго штурма не буду, — это извѣстно по исторіи; скажу только, что это была ужасная рѣзня! Солдаты были ослоблены противъ поляковъ за истребленіе ими не задолго предъ тѣмъ, измѣнически, русскаго отряда въ Варшавѣ. Солдаты рѣзали кого ни понало и грабили весь день и ночь. Тогда существовала еще такая варварская система войны и это не считалось преступленіемъ.

При вступленіи въ Прагу, я отбилъ какъ-то отъ своей команды казаковъ, а быть можетъ, и струсилъ — не помню, забылъ уже... и присталъ къ артиллеріи, думая, что, во всякомъ случаѣ, при пушкахъ безопаснѣе... Саблю однако-же имѣлъ обнаженную, какъ герой штурма...

На другой день явилась къ Суворову депутація изъ Варшавы съ покорностію безусловною. Тутъ отданъ уже былъ строгій приказъ войскамъ — вести себя мирно, хотя бы даже и были выстрѣлы изъ домовъ.

За прагскій штурмъ атаманъ Чепига произведенъ въ генералы.

Въ Варшавѣ простояли мы около года, и потомъ возвратились въ Россію; квартиры назначены были намъ за Брестъ-Литовскомъ, въ мѣстечкѣ Черешовѣ, принадлежащемъ князю Чарторижскому.

Черезъ нѣсколько времени по размѣщеніи нашемъ въ мѣстечкѣ, пришелъ туда какой-то драгунскій полкъ и командиръ объявилъ, что эти квартиры назначены для его полка. Атаманъ, какъ человекъ смиренный и несмѣлый, — не спорилъ, уступилъ даже собственную свою квартиру и помѣстился самъ въ конюшни; а меня между тѣмъ отправилъ съ донесеніемъ къ главнокомандующему, испрашивая разрѣшенія: куда ему дѣваться съ своими полками? — Я хотѣлъ явиться прямо къ главнокомандующему, но мнѣ сказали, что Суворовъ съ бумагами никого не принимаетъ, и отослалъ меня къ правителю канцеляріи его Курису; но отъ него едва въ три дня добился разрѣшенія, ко-

торое, впрочемъ, было благопріятно: квартиры въ Череповѣ остались за нами.

Атаманъ велѣлъ мнѣ написать представленіе къ главнокомандующему—о награжденіи чинами нѣкоторыхъ черноморскихъ офицеровъ и меня о производствѣ въ майоры; но съ тѣмъ вмѣстѣ велѣлъ поѣхать и своихъ повара и конюха—о производствѣ ихъ въ офицеры. Представленіе было написано, и я отправился съ нимъ въ Варшаву; но подать его не рѣшился и посоветился, чтобы послѣ въ Черноморіи не смѣялись и не упрѣкнули бы насъ, что это сдѣлалъ именно я, а не атаманъ, зная о вліяніи моемъ на него и непосредственномъ управленіи всѣми дѣлами. Случай былъ весьма благопріятный къ моему повышенію, но я не хотѣлъ воспользоваться имъ!

Изъ Черешова выступили мы въ лагерь верстъ за двѣсти, въ мѣстечко Бѣльскъ, на лѣтнее время. На продовольствіе войскъ слѣдовало получить намъ изъ казны деньги. Послали въ Варшаву офицера съ требованіемъ. Надъ нимъ въ комисіи смѣялись какъ надъ чудачкомъ и онъ возвратился ни съ чѣмъ. Послали еще другаго, порасторопнѣе; но и этотъ былъ не болѣе счастливъ, и возвратился безъ успѣха. Тогда приступили ко мнѣ войсковые старшины и офицеры, да и самъ атаманъ, чтобы я принялся за это дѣло и уладилъ его. А какъ извѣстно было, что при отпускѣ изъ комисіи денегъ, особенно отъ кавалерійскихъ полковъ, требовали значительныхъ пожертвованій, то и предоставлено было мнѣ ничего не пожалѣть, лишь-бы что-нибудь получить.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я явился въ комисію съ своимъ требованіемъ; меня также начали проводить и оказывать тѣ же продѣлки, какъ и двумъ прежнимъ офицерамъ; я терпѣлъ это нѣсколько дней и наконецъ сказалъ, что явлюсь съ жалобою прямо къ Суворову. Это подѣйствовало: ко мнѣ сдѣлались ласковѣе и снисходительнѣе.

Одинъ изъ чиновниковъ комисіи, или секретарь ея, вошелъ, наконецъ, въ ближайшія сношенія со мною и сказалъ, что требованіе атамана написано недостаточно и что слѣдуетъ гораздо болѣе къ полученію суммы, и давалъ наставленіе какъ должно написать требованіе. Чтобы не сдѣлать еще промаха, я просилъ его самого заняться этимъ дѣломъ, обѣщая уступить въ пользу чиновниковъ комисіи значительную сумму за то, что полки получаютъ гораздо болѣе, нежели ожидали. Требованіе составлено по всѣмъ правиламъ и вышло къ полученію болѣе 100 т. руб. асс.—Я отдалъ на комисію 16 т. руб. и 10 т. руб. осталось въ собственную мою пользу. Наличныхъ денегъ для полковъ осталось 80 т. руб.—сумма, которой ни-

какъ не надѣялись они получить, а оставленная мною для себя сумма не превышала назначенныхъ мнѣ издержекъ на комиссію.

Такимъ образомъ приобрѣлъ я и свой собственный капиталъ. Свѣсть, кажется, не упрекаетъ меня за это: ибо, безъ моего ходатайства и настоянія, полки, быть можетъ, и вовсе ничего не получили бы.

На обратномъ пути, я получилъ въ Брестѣ-Литовскомъ жалованья на полки 20 т. руб. асс.—Между тѣмъ, полки выступили уже изъ Бѣлицъ во свояси, въ Черноморію, и я нагналъ ихъ въ Елисаветградѣ.—Въ пути со мною былъ одинъ только казакъ. Атаманъ и офицеры встрѣтили меня радостно—съ такою же чашею денегъ, и всѣ остались мною очень довольны; доволенъ остался и я.

Изъ Елисаветграда отправился я, вмѣстѣ уже съ атаманомъ и съ полками, въ Екатеринодаръ, куда и прибыли предъ праздникомъ Рождества Христова. Проходя чрезъ Екатеринославъ, по случаю тезоименитства императрицы, губернаторъ Миклашевскій пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ на балъ, на которомъ, въ числѣ прочихъ, былъ и я.

По прибытіи въ Екатеринодаръ, Чепига оставилъ меня при себѣ въ качествѣ дежурнаго капитана и я управлялъ собственною его канцелярію; былъ у него всегдашнимъ домашнимъ человѣкомъ, имѣлъ у него столъ и иногда распорядился по его хозяйству. Обхожденіе его со мною было самое отеческое.

Такое благосклонное расположеніе ко мнѣ кошеваго атамана доставило мнѣ общее уваженіе по войску, и, въ молодыхъ лѣтахъ моихъ—не болѣе 25-ти, было очень лестно. Главное управленіе по войску сосредоточивалось въ моихъ рукахъ; но безграмотности атамана, я могъ бы многое сдѣлать и составить себѣ хорошее состояніе; но я дорожилъ добродушнымъ и милостивымъ довѣріемъ ко мнѣ начальника и не употреблялъ его во зло.

Всѣ интересовались знакомствомъ со мною и старались приобрести дружбу мою.

Въ Екатеринодарѣ содержалъ питейные сборы откупщикъ Яншинъ; сборами этими управлялъ Данило Гавриловичъ Похитоновъ. Онъ весьма желалъ познакомиться со мною и насъ свели съ нимъ. Въ послѣдствіи времени я сдѣлался съ нимъ большимъ пріятелемъ.

Разъ проходилъ я мимо тюрьмы, гдѣ содержались арестанты, и слышу голосъ:

— «Иванъ Ивановичъ! спаси меня! Заковали меня и вкинули въ тюрьму невиннаго!»

Это заставило меня остановиться, и я узналъ, что то былъ дворянинъ Кованько, который посаженъ въ тюрьму по домогательству

откупщика Яншина. Я успокоилъ его, и сказалъ, что узнаю въ войско- вой канцелярш о его дѣлѣ, и, если можно, буду стараться помочь ему.

Дѣйствительно, я узналъ въ войсковой канцелярш, что Кованько подвергнутъ тюремному содержанію безъ особливо важной причины, за ссору съ Похитоновымъ. Но все это было придумано заблаговременно, съ умысломъ. Кованько состоялъ повѣреннымъ при откупщикѣ Яншинѣ, и когда сей послѣдній началъ обижать его и хотѣлъ отринуть отъ должности, то Кованько грозилъ сдѣлать доносъ на существованіе по откупамъ большихъ злоупотребленій.

Большія дѣла творили тогдашніе откупщики, и при богатствѣ своемъ были всемогущи!

Яншинъ уладилъ съ Кованькою, и послалъ его обривизовать екатеринодарскіе сборы,—предписавъ между тѣмъ секретно Похитонову ввести Кованьку въ ссору съ нимъ, чтобы имѣть предлогъ задавить его, что весьма легко казалось ему сдѣлать въ такомъ отдаленномъ краѣ отъ высшаго начальства, гдѣ трудно было достигнуть правосудія, и при особенной дружбѣ его съ полковникомъ Головатымъ, который отдавалъ свой значительный капиталъ въ оборотъ Яншину.— Я ничего этого не зналъ и принялъ участіе въ положеніи Кованьки изъ одного христіанскаго состраданія.

Похитоновъ предостерегалъ меня, чтобы я отказался отъ помощи въ дѣлѣ Кованьки, говоря, что я востаювию этимъ противъ себя Головатаго; но это не удержало меня, и, не ходатайству моему, Кованько освобожденъ изъ тюрьмы и оставленъ подъ домашнимъ надзоромъ откупа. Онъ писалъ и жаловался Яншину; тотъ ничему не внималъ. Но когда вступилъ на престолъ Павелъ—императоръ строгій и справедливый, тогда Кованько писалъ къ Яншину, что онъ дойдетъ до правосудія царя и ему, за преступныя дѣянія, будетъ жестокая награда... Это образумило Яншина: Кованько былъ освобожденъ; онъ воѣхалъ къ Яншину въ Кременчугъ, помирился съ нимъ, и Похитоновъ говорилъ мнѣ послѣ, что Яншинъ дорого купилъ мировую съ Кованькой: обошлось тысячь двадцать.—Такимъ образомъ, я имѣлъ удовольствіе облегчить начально участь бѣдняка, котораго состояніе въ послѣдствіи было достаточно обезпечено.

Головатый, по этому случаю, сдѣлался ко мнѣ холоденъ, и я не пользовался уже прежнимъ добрымъ расположеніемъ его; но я не жалѣлъ о томъ—ради добраго дѣла.

IV.

Проживши около года въ Екатеринодарѣ, отпросился я въ отпущекъ на родину и отправился вмѣстѣ съ землякомъ и пріятелемъ моимъ сотникомъ Порохлею. Всѣ родные мои были чрезвычайно обрадованы прїѣздомъ моимъ; я всѣхъ ихъ посѣщалъ.

Въ Малороссіи прожилъ я мѣсяцевъ пять и проживалъ большую часть времени въ м. Иркѣевѣ, въ домѣ богатаго помѣщика Угличича-Требинскаго, сынъ коего, Александръ Максимовичъ, былъ долгое время управляющимъ таганрогскою таможеню, съ которымъ, въ послѣдствіи времени, и здѣсь видался я. Нинѣ (1850 г.?) онъ статскій совѣтникъ и управляетъ петербургскою таможеню. Въ домѣ Требинскаго время проводилъ я весьма пріятно.

Въ это время прїѣзжалъ въ Малороссію дядя мой по матери—губернскій секретарь Михаилъ Петровичъ Чернавскій. Онъ управлялъ всѣми имѣніями графа Разумовскаго и имѣлъ значительное состояніе.

Но прїѣздъ его, я сдѣлалъ ему визитъ, утромъ. Онъ, быть можетъ, занимался въ это время дѣлами, и потому принялъ меня—не то чтобы сухо, но я ожидалъ отъ него гораздо болѣе родственнаго пріема. Потомъ я еще разъ посѣтилъ его и ожидалъ отъ него подобной вѣжливости; но онъ, видно, не призналъ этого нужнымъ. Такое холодное обхожденіе его со мною не произвело между нами симпатіи. Нѣсколько разъ послѣ того встрѣчался я съ нимъ въ домѣ Требинскаго, и когда онъ заводилъ разговоръ о Петербургѣ, я, бывши тамъ два года и считая себя знающимъ не менѣе его порядкомъ спорилъ съ нимъ и противорѣчилъ ему. Такое поведение мое съ дядею было поводомъ рѣшительнаго равнодушія и отсутствія всякаго сочувствія ко мнѣ. Нинѣ жалѣю я о томъ, потому что послѣдующія обстоятельства жизни моей заставляли меня искать помощи его—но ничего не могъ получить!

Приобрѣтенными мною въ Польшѣ деньгами я не умѣлъ распорядиться благоразумно и не наблюдалъ въ нихъ строгой бережливости: часть изъ нихъ прожилъ; часть роздалъ пріятелямъ въ долгъ, и не получилъ. У меня оставалось еще не болѣе коловинны—5,000 руб. асс. Тогда пришла мнѣ благая мысль: чтобы не растратить оставшаго, приобрести, въ запасъ для будущности, какое-нибудь имѣніе. Отъ одного сосѣда узнаю, что продается небольшое имѣніе въ Херсонской губерніи, и когда собрался возвратиться въ Черноморію,—добрый дядя мой Иванъ Васильевичъ Мигринъ

согласился отправиться вмѣстѣ со мною въ Херсонскую губернію, для осмотра продаваемого имѣнія, и мы поѣхали.

Имѣніе это было въ Ольгипольскомъ уѣздѣ, деревня Маріановка: крестьянъ 24 души; земли три тысячи десятинъ; господскій домикъ, садъ, скотъ, хорошій прудъ съ рыбою; оно принадлежало дворянкѣ, вдовѣ—фамилію теперь не припомню, и за все это заплатилъ я пять тысячъ рублей ассигнаціями. Въ нынѣшнее время (1850 г.) одна земля эта стоитъ сто тысячъ рублей!

Оставивши въ купленной деревнѣ человѣка для управленія, я возвратился въ Екатеринодаръ.

Атаманъ Чепига встрѣтилъ меня съ радостію; онъ скучалъ за мною, и, при первой встрѣчѣ со мною, сказалъ мнѣ, между прочимъ слова, изъ малороссійской пѣсни:

«Ждала, ждала, да и плакати стала!»

Онъ, точно, любилъ меня какъ сына.

Открылась война съ Персією; полковника Головатого командировали въ Астрахань съ двумя пѣшими полками казаковъ и съ флотилією. Около Астрахани, гдѣ расположены были казаки, мѣста, какъ извѣстно, болотистыя и нездоровыя. Болѣзни и смертность истребляли людей, такъ что полки, простоявши въ этихъ мѣстахъ годъ, лишились въ это время изъ тысячи человѣкъ—400. Наконецъ, и Головатый умеръ тамъ-же.

По замиреніи съ Персією, полки возвратились въ Червomorію въ самомъ жалкомъ видѣ: люди изнуренные, больные, оборванные—все платье износили.

До возвращенія еще полковъ изъ Астрахани, скончался благодѣтель мой атаманъ Чепига, расположеніе моего ко мнѣ съ каждымъ днемъ увеличивалось и влияніе мое на войсковыя дѣла, за отсутствіемъ Головатого, еще болѣе распространилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось общее расположеніе и уваженіе ко мнѣ войска.

По смерти Чепига, должность кошевого атамана исправлялъ временно войсковой кошевой писарь, подполковникъ Котляревскій. По донесеніи начальству въ Петербургъ о смерти Чепига, назначенъ былъ на мѣсто его кошевымъ атаманомъ Головатый; но повелѣніе объ этомъ получено по смерти уже его, и потому Котляревскій утвержденъ настоящимъ кошевымъ атаманомъ.

Возвратившіеся изъ Астрахани полки, не имѣя одежды и обуви, не имѣли и хлѣба для продовольствія. Они просили атамана оставить ихъ въ Екатеринодарѣ на нѣкоторое время, чтобъ оправиться отъ труднаго похода, одѣть ихъ и пока продовольствовать ихъ на войсковой счетъ. Атаманъ Котляревскій дозволилъ имъ остаться въ

Екатеринодарѣ одну недѣлю—въ это время продовольствовани ихъ отъ войска; и по окончаніи недѣли, велѣно было имъ отправиться на заработки—кто куда хочетъ.

Казакки просили продолжать продовольствіе имъ хотя въ теченіе одного мѣсяца. Атаманъ, человекъ твердаго и жесткаго характера—отказалъ.

Люди дѣйствительно были въ самомъ крайнемъ положеніи: они остались вовсе безъ хлѣба и безъ всякихъ средствъ къ продолженію существованія своего. Оказался между ними ропотъ, наконецъ, самый бунтъ и неповиновеніе властямъ. Для усмиренія ихъ атаманъ послалъ команду; нѣкоторыхъ казаковъ схватили и посадили въ яму. Товарищи освободили ихъ и продолжали буйство. Другая посланная команда не могла ничего уже сдѣлать съ ними.

На кавказской линіи былъ инспекторъ, генералъ, командующій тамъ отрядомъ. Атаманъ извѣстилъ его о происшедшемъ въ Екатеринодарѣ. Онъ прибылъ туда съ однимъ армейскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ это время была въ Екатеринодарѣ ярмарка и къ довольнымъ казакамъ пристало еще нѣсколько тысячъ. Посылали нѣсколько командъ казаковъ для усмиренія ихъ, но и тѣ къ нимъ приставали. Такимъ образомъ, ни армейскій полкъ, ни черноморскія команды ничего не могли сдѣлать съ возмущившимися. Впрочемъ, драки и кровопролитія не было.

Атаманъ Котляревскій не упалъ духомъ и говорилъ, хотя самъ погибнетъ, но поставитъ на своемъ и что воля его должна быть исполнена. Таковъ и долженъ быть начальникъ въ трудныхъ обстоятельствахъ!

Атаманъ и инспекторъ уговаривали непокорныхъ и спрашивали: чего они хотятъ? Они отвѣчали: чтобы отправили ихъ къ государю и ему принесутъ они жалобы свои. Начальники сказали, что нельзя же всѣхъ отправить къ государю: пусть они выберутъ отъ себя депутатовъ и пошлютъ въ Петербургъ. Казакки согласились на эту мѣру и успокоились.

Они сдѣлали между собою совѣщаніе: кого бы изъ офицеровъ отправить съ избранными изъ среды ихъ депутатами? и рѣшили единогласно: избрать Мигрина, какъ человека, пользующагося общою доброю славою, въ полной увѣренности, что я буду защищать ихъ интересы и, по мнѣнію ихъ, правое ихъ дѣло.

Понимая всю важность и отвѣтственность такого порученія, я спрашивалъ атамана, какъ поступить мнѣ въ этомъ случаѣ: исполнить ли желаніе казаковъ, или отказаться отъ него? Атаманъ совѣтовалъ мнѣ не отказываться отъ этого порученія; что онъ снабдитъ меня

письмами къ начальству въ Петербургъ, и я могу оказать услугу правительству, способствуя къ наказанію виновныхъ—какъ того заслуживаютъ они, и успокоенію остальныхъ. Я согласился и объявилъ о томъ казакамъ. Они, для охраненія моего, поставили около квартиры моей караулъ.

Казаки избрали изъ себя 16 человекъ, мнѣ отпустили изъ войсковой суммы 4,000 руб. асс.; атаманъ и инспекторъ написали письма къ состоящему при императорѣ генераль-адъютанту Ростопчину и мы, весной 1797 года, на восьми тройкахъ отправились въ Петербургъ.

V.

Письма, врученныя мнѣ отъ атамана и инспектора, въ которыхъ описаны были противозаконныя дѣйствія бунтовщиковъ, хранилъ я въ великой тайнѣ; иначе, если бы они узнали объ нихъ, могли бы лишити меня жизни.

Проѣздомъ въ Москвѣ, былъ я въ театрѣ, и два казака были со мною неразумно. Дорогою я старался угождать казакамъ и довольствовалъ ихъ изобильно.

По приѣздѣ въ Петербургъ, отправились мы въ г. Гатчино, гдѣ былъ тогда императоръ. Я явился во дворецъ къ генералу Ростопчину и представилъ ему письма атамана и инспектора. Казаки были всё со мною. Онъ сказалъ, что государь поѣхалъ прогуливаться и приказалъ мнѣ дожидаться его. Мы ожидали часу до втораго по полудни. Между тѣмъ, мнѣ подали закусить. Къ государю допущены мы не были, а вошелъ адъютантъ Ростопчинъ, съ карауломъ, и объявилъ высочайшую волю, что казаковъ велѣно препроводить подъ арестъ въ Петропавловскую крѣпость, а мнѣ велѣно отправиться въ Петербургъ и жить тамъ на квартирѣ. Мнѣ объявилъ адъютантъ особенно, что если бы кто изъ казаковъ вздумалъ сопротивляться, то велѣно приколоть такового.

Въ Петербургѣ нашелъ я квартиру на Адмиралтейской площади, въ гостинницѣ «Лондонъ». Надъ казаками учреждена была въ крѣпости слѣдственная комиссія. На спросы казаковъ о происшествіяхъ въ Екатеринодарѣ, они сослались на меня, говоря, что Мигринъ все знаетъ, онъ все объяснитъ и дастъ отвѣтъ за нихъ.

Потребовали меня въ комиссію; я явился въ присутствіе и объяснилъ по сущей истинѣ какъ было дѣло: какъ казаки бунтовали, какъ они отбивались отъ посланныхъ командъ, какъ отбили задер-

жанныхъ подъ арестомъ товарищей своихъ. Какъ ни жалъ было мнѣ казаковъ—зналъ, что за поступки ихъ ожидало справедливое возмездіе,—но, какъ вѣрный подданный царя, не могъ сказать иначе. Тогда казаки образумились и поняли, что явился не защитникомъ и ходатаемъ ихъ, а обвинителемъ предъ правительствомъ за противозаконныя дѣйствія ихъ. Они сказали:

— «Видно остается намъ надежда на одного Бога, а не на тебя!»

Упрека этого я не могъ принять на свой счетъ. Предложеніе ихъ отправиться съ ними въ Петербургъ согласился я принять съ воли атамана, въ видахъ пользы службы (?).

Одинъ изъ членовъ комиссіи, обратившись ко мнѣ, сказалъ, что и я прикосновененъ къ этому дѣлу. Таковая рѣчь сильно огорчила и поразила меня, и я выразился, что меня не только не должно считать прикосновеннымъ къ бунту—и слѣдственно виновнымъ,—напротивъ, по моему мнѣнію, заслуживаю признательности отъ правительства за то, что, воспользовавшись довѣренностію и уваженіемъ ко мнѣ казаковъ, согласился отправиться во главѣ депутаціи ихъ и тѣмъ способствовалъ не только къ усмиренію непокорныхъ, но и къ спокоествію всего края. Рѣчь эта подѣйствовала и меня отпустили изъ комиссіи.

Вскорѣ вытребованъ былъ въ Петербургъ атаманъ Котляревскій; онъ принять былъ милостиво и ходатайствовалъ за меня, представляя, что я пріѣздомъ съ казачьими депутатами оказалъ услугу войску, передавъ въ руки правительства непокорныхъ; и до меня слѣдственная комиссія болѣе уже не касалась.

По возвращеніи моемъ въ Екатеринодаръ, скорѣ собралось около квартиры моей, утромъ, человекъ пятьдесятъ казаковъ. Я вышелъ къ нимъ и спросилъ: что имъ нужно? Они спрашивали меня: куда дѣвалъ я казаковъ, которые поѣхали со мною въ Петербургъ?—Я сначала оробѣлъ—было, думая, что они пришли раздѣлаться со мною за своихъ товарищей, о задержаніи коихъ слухи дошли уже до нихъ; но потомъ ободрился и отвѣчалъ, что представилъ ихъ къ государю, но поступокъ ихъ былъ не одобренъ, ихъ сочли ослушниками противу начальства и велѣли судить, а меня, какъ невиннаго, отпустили. По принятымъ мѣрамъ въ войскѣ все уже успокоилось и явившіеся ко мнѣ казаки, видя, что противъ высшей власти и силы спорить нельзя—разошлись.

Изъ задержанныхъ въ Петербургѣ казаковъ, двухъ главныхъ виновниковъ осудили и, по наказаніи, сослали въ Сибирь; остальныхъ 14 человекъ препроводили для сужденія въ Усть-Лабинскую крѣпость; но судъ сдѣлалъ съ нихъ самое легкое взысканіе.

VI.

Въ это время случилось происшествіе, воспоминаніе о коемъ донынѣ (1850 г.), по прошествіи болѣе 50-ти лѣтъ,—когда, доживши до глубокой старости, готовлюсь каждый часъ разстаться съ жизнью и предстать предъ судомъ Бога, чтобы дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ,—повѣряя минувшую жизнь свою, въ тихія минуты бесѣды съ самимъ собою,—тревожить совѣсть мою и нарушаетъ спокойствіе. Не хочу утаивать объ этомъ происшествіи, чтобы оно послужило примѣромъ и наставленіемъ дѣтямъ моимъ и вообще молодымъ людямъ: что дурное дѣло, какая бы ни была побудительная причина его—легкомысліе ли, вѣтренность ли, порывъ страсти, или просто необдуманность,—не можетъ остаться безъ наказанія, которое рано или поздно постигнетъ виновнаго!

Атаманъ Котляревскій поѣхалъ изъ Екатеринодара для осмотра станицъ по войску. За отсутствіемъ исправлялъ должность его подполковникъ Чепига—пдемяникъ бывшаго атамана. Разъ былъ я у него въ домѣ; тутъ былъ онъ, жена его и еще одна подполковница, пріятельница ея. Между разговоромъ о разныхъ предметахъ зашла рѣчь объ одной извѣстной развратнымъ поведеніемъ своимъ вдовѣ простаго казака. Жена Чепига сказала, что она велѣла бы женщину эту распять на крестѣ, обрѣзать ей до пояса платье и потомъ выгнать ее съ безчестіемъ за городъ. Бывшій тутъ же въ компаніи городничій сказалъ, что если бы ему дали такое предписаніе, онъ исполнилъ бы его въ точности.

Пріятельницы, изрекшія такой ужасный приговоръ, выдавая себя за строгихъ блюстительницъ чистоты нравовъ, были сами точно такого же поведенія, что въ особенности въ отношеніи жены Чепига было мнѣ совершенно извѣстно...

Въ угожденіе невинной женѣ Чепига, я (какъ секретарь въ войсковой канцеляріи) сказалъ въ канцеляріи повытчику, чтобы онъ написалъ предписаніе городничему о поступленіи съ сказанною вдовою, за развратное поведеніе ея, по вышеупомянутому, и несчастную подвергли этому истязанію и посрамленію, и выгнали изъ города.

Я хотя и не подписывалъ этой бумаги, но она составлена была съ моихъ словъ; слѣдственно, вину этого безчеловѣчнаго поступка приписываю я собственно себѣ. Въ этомъ необдуманномъ поступкѣ

я цѣлый вѣкъ свой каялся и теперь съ душевнымъ прискорбіемъ и сожалѣніемъ вспоминаю о немъ!

Во времена тогдашняго невѣжественнаго понятія черноморцевъ, поступокъ этотъ не казался преступленіемъ, ни даже жестокимъ, а былъ принятъ какъ смѣшное позорище... Не такъ думаю я объ немъ нынѣ! Приношу чистосердечное раскаяніе...

Атаманъ Котляревскій сдѣлался болѣнъ, безъ надежды къ выздоровленію. Заботясь о благосостояніи войска, онъ затруднился въ выборѣ преемника по себѣ: въ войскѣ было восемь подполковниковъ; должно было избрать изъ нихъ, но кого? Преимущественно достойнаго онъ не находилъ и, какъ онъ былъ хорошій христіанинъ, то положился въ этомъ на волю Божию: на восьми билетикахъ написалъ имена всѣхъ подполковниковъ, свернулъ и положилъ ихъ на образъ; потомъ положилъ три земныхъ поклона и взялъ одинъ билетъ: жребій палъ на младшаго изъ подполковниковъ—Бурсака.

Котляревскій послалъ прошеніе къ государю о увольненіи его по тяжелой болѣзни отъ службы и рекомендовалъ на свое мѣсто Бурсака. Императоръ благоволилъ къ Котляревскому за прямоту характера его и откровенность въ его донесеніяхъ. Было нѣсколько случаевъ, гдѣ закубанцы прорывались черезъ наши кордоны и дѣлали грабежи. Котляревскій, донося объ этомъ государю, сознавался, что это послѣдовало отъ недосмотрѣнія команды или отъ недостаточности его распоряженій—и просилъ помилованія; это нравилось справедливому императору, и атаманъ оставался безъ замѣчаній и взысканій.

Бурсакъ былъ утвержденъ кошевымъ атаманомъ, а Котляревскій уволенъ съ пенсією 1,000 руб. асс.

По смерти войсковаго судьи Головатаго, званіе это было упразднено и назначенъ въ войсковую канцелярію первоприсутствующій членъ; въ должность эту опредѣленъ присланный изъ Петербурга, изъ армейскихъ, генераль-лейтенантъ Кирѣевъ; прокуроромъ присланъ, также изъ Петербурга, Овцынъ. Въ продолженіе этого времени вступилъ въ черноморскую службу управлявшій прежде екатеринодарскимъ питейнымъ сборомъ—пріятель мой Похитоновъ, зачисленъ прямо сотникомъ и помѣщенъ секретаремъ въ войсковую канцелярію. Это былъ человѣкъ дѣятельный и весьма способный къ дѣламъ. Съ нимъ я совершенно сдружился.

Прокуроръ Овцынъ былъ человѣкъ безпокойнаго характера; онъ не сошелся съ генераломъ Кирѣевымъ и дѣлалъ препятствія и придирки по дѣламъ. Генеральъ послалъ на него нѣсколько донесеній въ сенатъ; прокуроръ не унимался и позволялъ себѣ многое говорить въ присутствіи; генеральъ приказалъ все это записывать въ журналъ.

Разъ, прокуроръ до того забылся, въ присутствіи генерала въ канцеляріи, что говорилъ, если ему дадутъ денегъ, то онъ уладитъ всё дѣло и будетъ жить мирно. Генералъ, выведенный изъ терпѣнія такимъ нахальствомъ прокурора, тутъ же въ присутствіи арестовалъ его и отдалъ подъ арестъ призываннымъ солдатамъ. Когда донесено было о семъ высшему начальству, то генералъ и прокуроръ оба отрѣшены были отъ должностей: первый за превышеніе власти своею, послѣдній за безпорядки по должности.

По смерти полковника Головатаго, оставшееся значительное имѣніе и капиталъ его, по распоряженію таврическаго генерала-губернатора, въ вѣденіи коего находилась и Черноморія,—велѣно было сдать въ распоряженіе таврической дворянской опеки. Назначенные отъ опеки опекуны прибыли въ Екатеринодаръ, для приѣма имѣнія. Дѣло это было у меня по экспедиціи и я оказалъ по немъ безкорыстныя услуги опекунамъ. Похитоновъ также познакомился съ опекунами и съ пріѣзжавшимъ вмѣстѣ съ ними секретаремъ уѣзднаго суда Лыковымъ.

Похитонову нужны были для оборота деньги; онъ отправился въ Таганрогъ, чтобы достать ихъ отъ знакомыхъ опекуновъ Головатаго. Въ Таганрогѣ остановился онъ въ домѣ секретаря Лыкова, противъ коего былъ домъ уѣзднаго казначея Капельки. Жена Капельки содержала маленькій домашній дѣвичій пансіонъ. Похитоновъ, проживъ нѣсколько дней въ Таганрогѣ, познакомился съ казначеемъ; видѣлъ воспитывавшихся тамъ дѣвицъ и замѣтилъ одну изъ нихъ—свѣженькую, полненькую, черноглазую брюнетку, сироту, дочь артиллерійскаго капитана, служившаго и умершаго въ Tobольскѣ—Евдокію Григорьевну Иванову. Разспросивши о ней, узналъ, что сирота эта пріѣхала изъ Сибири съ матерью своею, вдовою, по полученіи извѣстія о смерти роднаго дяди ея, артиллеріи полковника Федора Ивановича Иванова, послѣ коего осталось порядочное имѣніе въ Таганрогскомъ уѣздѣ, которое и введено во владѣніе ея; но имѣніе и сама она, по несовершеннолѣтію, были въ онекѣ; опекуномъ былъ сосѣдь-помѣщикъ, титулярный совѣтникъ Павелъ Семеновичъ Осинскій, а попечителемъ таганрогскій предводитель дворянства, помѣщикъ, надворный совѣтникъ Григорій Ивановичъ Коваленскій.

Возвратившись въ Екатеринодаръ, Похитоновъ, любившій меня искренно и преданный мнѣ, началъ совѣтывать мнѣ жениться и указалъ на дѣвицу Иванову, рассказавъ все подробно, что было извѣстно ему объ ней; что она дѣвочка умная и добродушная и проч. Я наотрѣвъ отказалъ ему, говоря, что, пользуясь общимъ уваженіемъ, веду жизнь привольную и ни въ чемъ не нуждаюсь,—не думаю еще жениться. Такъ это дѣло и осталось.

У Похитоновъ былъ еще въ Таганрогскомъ уѣздѣ старій пріятель его, Федоровичъ (коллежскій регистраторъ); онъ жилъ за Дономъ, на Кагальникѣ, и управлялъ имѣніемъ.

Опекувъ Осинскій, управляя сиротскимъ имѣніемъ, — да просятъ ему Богъ! — велъ дѣла не совсѣмъ добросовѣстно: отрѣзалъ себѣ участки сиротской земли и захватилъ нѣкоторыя вещи изъ движимости; поэтому онъ желалъ самъ прискаты для Евдокии Григорьевны жениха, который былъ бы обязаннымъ за то собственно ему. Выборъ его остановился на Федоровичѣ, какъ человекѣ смирномъ и безъ претензій, который не требовалъ бы всего, а остался доволенъ тѣмъ, что получить. Онъ предложилъ Федоровичу, тотъ согласился, оставалось только привести планъ этотъ въ исполненіе — женить Федоровича.

Федоровичъ общалъ Похитонову пріѣхать къ нему въ Екатеринодаръ на Пасху погостить. Онъ ожидалъ; но вдругъ Федоровичъ пишетъ письмо къ Похитонову, что онъ не можетъ пріѣхать къ нему, потому что ему на праздникъ надобно быть въ Таганрогѣ, гдѣ сскакали ему невѣсту, дѣвицу Е. Г. Иванову, и онъ намѣренъ отпра- виться туда и жениться.

Похитоновъ, получивъ это письмо, пришелъ къ мнѣ, показалъ его мнѣ и сказалъ: «экой ты телянокъ! не умѣешь пользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ; упустивши его, ты не будешь уже, быть можетъ, имѣть другаго подобнаго. Федоровичъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тебя и онъ воспользуется этимъ счастьемъ». — Я и на этотъ разъ остался при прежнемъ намѣреніи своемъ.

Послѣ сего разговора, я два—три дня раздумывалъ о немъ, и наконецъ мнѣ пришла мысль: «женюсь!» Прихожу къ Похитонову и говорю ему: ѣдемъ. — Куда? — Въ Таганрогъ. — Зачѣмъ? — Жениться. Извѣстіе это, по дружбѣ его ко мнѣ, очень обрадовало его. Я началъ было говорить о сборахъ; онъ возразилъ, что собираться и откладывать некогда, иначе будетъ поздно. И дѣйствительно, на другой же день, взявши дорожную, отправился я вмѣстѣ съ Похитоновымъ въ Таганрогъ и пріѣхалъ туда за три дня до Пасхи 1800 года.

Остановились у секретаря Лыкова. Были въ домѣ казначея Капельки и тамъ увидѣлъ я въ первый разъ невѣсту мою, Евдокию Григорьевну: она была очень молода — ей не было еще и полникъ 15-ти лѣтъ, но сложена довольно уже хорошо. Я бесѣдовалъ съ нею, но особенныхъ извѣщеній не было.

Похитоновъ познакомилъ меня съ предводителемъ Коваленскимъ. Онъ встрѣтилъ меня радушно, и сказалъ, что знакомъ уже со мною чрезъ опекуновъ Головатаго, бывшихъ въ Черноморіи, которые отзы- вались съ благодарностію объ оказанныхъ имъ мною по канцеляріи

сдѣланы; а потому онъ предупрежденъ уже въ мою пользу и уважаетъ меня.

Хорошо всегда оказывать услуги людямъ: воображаешь, что никогда уже не встрѣтишься съ ними и не будешь имѣть въ нихъ надобности; но иногда обстоятельства поставляютъ съ такими людьми въ непредвидѣнные близкія отношенія и тогда они бывають полезны. Равно не должно дѣлать и огорченій людямъ, по видимому, самымъ ничтожнымъ и бессильнымъ: можно ли предвидѣть будущее? Иногда эти люди возвышаются, или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ могутъ имѣть вліяніе на судьбу нашу.—Вѣкъ пережить—не надо перейти!—все можетъ случиться, чего вовсе и не воображаешь.

Когда Похитоновъ объявилъ предводителю о моемъ намѣреніи жениться, Коваленскій одобрилъ, отзывался съ похвалою о качествахъ невесты и обѣщаль ближайшее содѣйствіе свое, такъ какъ она зависитъ отъ него непосредственно.

Спросили невесту о ея желаніи; она, какъ молодая дѣвушка, замалась; но Коваленскій урезонилъ ее: выкалялъ меня, и говорилъ, что она будетъ со мною въ супружествѣ счастлива, и дѣло уважено.

Похитоновъ, во всемъ касающемся до меня, принималъ самое искреннее дружеское участіе. Разъ, бесѣдуя со мною, сказалъ, что онъ, обсуживая о моемъ намѣреніи жениться, думаетъ—не лучше ли будетъ, если я откажусь отъ него; ибо онъ по разспросамъ узналъ, что мать Евдокіи Григорьевны подвержена слабости—запой; а съ такою тещею семейное счастье и спокойствіе не могутъ быть прочными.—Я отвѣчалъ, что не могу отстать.—«Да развѣ ты влюбился?»—спросилъ онъ.—Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ я,—но отстать не могу. Тогда Похитоновъ сказалъ: «Видно судьба хочетъ этого; съ Богомъ!»

15-го апрѣля 1850 года исполнится 50-ти лѣтній юбилей моего супружества: золотая свадьба! и я благодарю Бога за счастье, которымъ онъ благословилъ наше супружество—такъ рѣдко и не многими достигаемое! Въ этомъ признаю особенное милосердіе и благость Божию...

Въ такомъ важномъ обстоятельствѣ жизни нашей, какъ супружество, нельзя не допустить предопредѣленія. Я родился въ Малороссіи, Евдокія Григорьевна—въ Сибири: два противоположные полюса—и судьба соединила ихъ! Еслибъ Похитоновъ не получилъ письма Федоровича о намѣреніи его отправиться въ Таганрогъ, для женитьбы,—тогда и мнѣ не пришла бы мысль жениться. Чудны судьбы Твои, Господи!

Въ это время пріѣхалъ изъ Кагальника въ Таганрогъ и избранный опекуномъ Осинскимъ женихъ Евдокіи Григорьевны—Федо-

ровнѣть, чтобы окончить дѣло; но уже опоздалъ. Онъ, какъ добрый христіанинъ, принялъ это совершенно равнодушно; познакомился со мною и говорилъ мнѣ, что ни онъ не въ претензіи, что Евдокія Григорьевна выходитъ за меня замужъ, ни я не долженъ бы былъ сѣтовать, еслибы она вышла за него: въ такомъ важномъ случаѣ жизни непременно существуетъ предопредѣленіе судьбы, и я вѣрю этому.

Матери Евдокіи Григорьевны—Татьяны Петровны, не было тогда въ Таганрогѣ: она жила въ деревнѣ. Говорили, что удобно написать ее и спросить ея согласія; но Ковалевскій отсочинилъ, сказавъ, что это излишнее: достаточно одного его согласія. И такъ, на Оминой недѣлѣ, 15-го апрѣля 1800 г., я повѣнчался на Евдокію Григорьевну; Г. И. Ковалевскій былъ посаженнымъ отцомъ, а жена его, Елена Григорьевна—посаженною матерью.

Повѣнчавшись, отправился я въ Черноморіе и черезъ два мѣсяца пріѣхалъ въ Таганрогъ, сдѣлали свадьбу и пиръ, и проживши нѣсколько дней въ городѣ, пріѣхали въ деревню Евдокіи Григорьевны—Совѣтъ (нынѣ село), гдѣ проживши короткое время, взявши съ собою молодую жену и тещу, отправился въ Екатеринодаръ.

VII.

По восшествіи на престолъ императора Александра, войско черноморское назначило отправить въ Петербургъ депутатовъ съ поздравленіемъ. Избрали подполковника Бурноса, меня и поручика Вѣлаго, и мы отправились, лѣтомъ 1801 г., въ Петербургъ; я—въ третій уже разъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, явились мы къ генераль-прокурору что нынѣ министръ юстиціи; онъ назначилъ намъ день, когда должны были мы явиться ко двору.—Въ назначенный день явились мы во дворецъ и генераль-прокуроръ представилъ насъ къ императору. Государь говорилъ съ нами очень мало. Насъ наградили подарками и мнѣ достались золотые часы съ цѣпочкою, которые и донинѣ хранятся въ семействѣ моемъ.

Въ Петербургѣ прожили мы съ мѣсяць.—Замѣчательно, что въ то время ходило свободно по рукамъ въ публикѣ множество стиховъ и сочиненій, въ которыхъ оуждали дѣйствія покойнаго императора и превозносили похвалами вновь вступившаго на престолъ. Сочиненія дерзкія оставались безъ преслѣдованія.

Бурсакъ избранъ въ атаманы Котляревскимъ,—какъ сказано выше,—будучи самымъ младшимъ изъ восьми подполковниковъ въ войскѣ. Всѣмъ прочимъ, имѣвшимъ по старшинству службы болѣе

его право на начальствованіе,—это очень не нравилось; они были недовольны распоряженіями его и враждовали противъ него. Всѣ штабъ-офицеры были хорошо знакомы со мною; они привлекли и меня на свою сторону, и какъ дѣла по управленію войскомъ были мнѣ совершенно извѣстны, то склонили меня сдѣлать донесеніе высшему начальству на разныя злоупотребленія по управленію и растрату войсковыхъ суммъ.—Пріятель мой Похитоновъ также поддерживалъ эту мысль и совѣтами своими способствовалъ приведенію ея въ исполненіе.

При моемъ мирномъ и кроткомъ характерѣ, не могу объяснить себѣ: какъ родилась во мнѣ такая мысль, которой одобрить, конечно, не могу.

Бумаги со всѣми доказательствами были изготовлены; но отправить ихъ по почтѣ изъ Екатеринодара я не могъ рѣшиться, потому что это было бы тотчасъ обнаружено и меня придавили бы.—Бумаги оставались у меня и, быть можетъ, дагѣ я одумался бы и уничтожилъ ихъ, но, видно, такъ должно было быть, чтобы намѣреніе мое приведено было въ дѣйствіе.

Ко мнѣ пріѣхалъ знакомый повѣренный откупщика Яншина, по дѣламъ откупа. Онъ останавливался у меня на квартирѣ, и, при отъѣздѣ его, я вручилъ ему запечатанныя бумаги, чтобы онъ отдалъ ихъ на почтѣ проѣздомъ чрезъ Азовъ. Онъ отдалъ бумаги,—и дѣло загорѣлось...

По высочайшему повелѣнію назначенъ былъ для производства слѣдствія севастопольскій военный губернаторъ, извѣстный генералъ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ.

Атаманъ, весьма натурально, вознегодовалъ на меня и старался всѣми силами повредить мнѣ; его сторону принялъ и первоприсутствующій генералъ Кирѣевъ. Положеніе мое было весьма затруднительное и опасное и я боялся, что, при всей справедливости извѣста моего, меня же обвинять и засудятъ.

Мнѣ давали самыя строгіе вопросы и требовали немедленно отвѣтовъ, стараясь запутать меня и сдѣлать самого прикосновеннымъ къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ. Я упалъ духомъ и трусилъ ужасно; но Похитоновъ ободрялъ и поддерживалъ меня совѣтами и наставленіями.

Съ Михельсономъ пріѣзжалъ чиновникъ Михаилъ Степановичъ Жуковскій—(въ послѣдствіи генералъ-интендантъ арміи¹⁾). Я познакомился съ нимъ, открылъ ему опасенія свои и совершенную невинность свою. Онъ посоветовалъ мнѣ явиться къ Михельсону, далъ наставленіе какъ объясниться съ нимъ и просить его защиты и покровительства. Я явился къ генералу; онъ выслушалъ меня благосклонно; сказалъ, что не хорошо доносить на свое начальство, впрочемъ, обѣ-

¹⁾ Отецъ статсъ-секретаря тайнаго совѣтника Степана Михайловича Жуковского († 1877 г.). Ред.

щаль обратитъ на дѣло особенное вниманіе и соблюсти строгую справедливость.

Въ послѣдствіи, къ совершенному удовольствію моему, сенатъ кончилъ дѣло ничѣмъ: никто не пострадалъ, ни я, и никто не были обвинены. Рѣшеніе состояло въ томъ, что: какъ Черноморія край новыи, положительныхъ и точныхъ правилъ и закона на управленіе ея еще не утверждено—она управлялась болѣе по произволу и мѣстному соображенію атамана; распорядженіе войсковыми суммами зависѣло также отъ распорядженія и произвола атамана,—то и велѣно: прекративъ дѣло это, оставить его безъ всякихъ послѣдствій.

Я ожилъ тогда!...

Приспешствіе это было чрезвычайнымъ урокомъ для меня!—Не должно никому увлекаться недобрымъ совѣтомъ, а помнить святое правило: <чего себѣ не желаешь, того и другому не желай!> Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія: бываютъ случаи, когда молчаніе о извѣстномъ злѣ или преступленіи—можетъ быть предосудительно; но эти случаи такъ рѣдки! Добрые люди думаютъ такъ: пусть погибнетъ виновный, если того заслуживаетъ,—да не отъ моихъ рукъ!—Преступленіе или худое дѣло, какъ бы ни было скрытно,—рано или поздно получаетъ должное возмездіе: это непреложный законъ истины и небеснаго правосудія.

Мудрая законодательница наша Екатерина II изрекла: <доносы полезны, но доносчики нетерпимы!>

Въ то время я не зналъ этого мудраго изрѣченія, проникнутаго духомъ кротости, великодушія и христіанскаго человѣколюбія.

Хотя дѣло, по донесенію моему начавшись, конечно и благополучно и никто не пострадалъ, но атаманъ, весьма естественно, не имѣлъ уже ко мнѣ благосклонности. Какъ ни сроднился я съ Черноморією и какъ ни пріятно было мнѣ жить тамъ, пользуясь общимъ уваженіемъ,—я рѣшился разстаться съ нею и вышелъ въ отставку, тѣмъ же капитанскимъ чиномъ. По тогдашнему положенію, офицерамъ ирегулярныхъ войскъ не давали при отставкѣ чиновъ, какъ армейскимъ.

Разсуждая теперь объ оставленіи мною Черноморія, я признаю явный перстъ Божій, указавшій мнѣ путь. Климатъ черноморскій не только въ тогдашнее время, но и донныи, при усилившихся тамъ народонаселеніи и гражданственности—губеленъ для людей: изнурительныя лихорадки и прочія болѣзни ежегодно похищаютъ много жертвъ. Не только изъ сверстниковъ, но изъ людей гораздо моложе меня—всѣ до одного давно уже померли, я еще живу: велико, неизреченно милосердіе Божіе ко мнѣ!

Иванъ Мигринъ.

15-го марта 1850 г.

Сообщ. въ 1876 г. Григ. Изъ Мигринъ, изъ Таганрога.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

XXIV ¹⁾.

Въездъ губернатора въ Симбирскую губернію. — Симбирскъ. — Въездъ на ревизію въ губернію. — Крестьянскій бунтъ на межѣ. — Майоръ Э. И. Стоговъ. — Жандармы и отношенія къ нимъ губернатора. — «Секретная инструкція». — Гр. Строгановъ. — Бенардаки. — Основаніе его богатства. — Бурлаки и вопросъ о паспортахъ.

1834 г.

Въ Симбирскую губернію я въѣхалъ 29-го марта. Вода ливнемъ стекала съ горъ, земля во многихъ мѣстахъ обнажилась, а по дорогѣ черноземная грязь такъ затягивала полозья, что я на первой станціи Симбирской губерніи, не смотря, что въ экипажѣ мой впрягли восемь лошадей, принужденъ былъ его оставить, приказавъ его поставить опять на лѣтній ходъ, а самъ, пересѣвъ въ розвальни съ слугою, въ одномъ тепломъ сюртукѣ и вицъ-мундирѣ потащился далѣе, а черезъ двѣ станціи прибылъ въ первый городъ Симбирской губерніи—Ардатовъ.

Тутъ и слуха не было еще о смѣнѣ прежняго губернатора и о моемъ назначеніи. Остановясь на постояломъ дворѣ, я послалъ просить къ себѣ городничаго, который, явсь ко мнѣ, самымъ подозрительнымъ образомъ на меня поглядывалъ и казалось, что онъ подозрѣвалъ во мнѣ самозванца! Какъ скоро это недоразумѣніе объяснилось, онъ тотчасъ предложилъ мнѣ, для отдыха, перебраться на его квартиру, — ибо дѣйствительно та, которую мнѣ предоставила судьба на первыхъ порахъ въ моей гу-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144; 251—266; 771—786. Изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—423. Нынѣ помѣщаемыя главы написаны И. С. Жиркевичемъ, какъ видно изъ его помѣтн: «въ Витебскѣ, въ 1841 г. марта 31-го».

берни, была очень неудобна, а въ особенности грязна,—на что я съ благодарностью изъявил свое согласіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ отдыха я хотѣлъ пробыть въ этомъ городѣ одинъ день для осмотра казенныхъ заведеній, а болѣе всего разспросить кое-что касательно начатаго уже обращенія казенныхъ крестьянъ въ удѣль. Попросивъ городничаго, прежде чѣмъ ѣхать къ нему на квартиру, свезти меня въ городскую больницу и тюрьму, мы вышли на крыльцо и, когда подѣхалъ его экипажъ, я подумалъ, что онъ надо мной смѣется, или долженъ быть весьма странный въ своемъ образѣ жизни: я увидѣлъ въ первый разъ тарантасъ,—экипажъ, о которомъ и понятія не имѣлъ!..

Признаюсь, первая встрѣча съ общественными заведеніями, тюрьмою и больницею не совсѣмъ меня порадовала, а разспросы о средствахъ въ улучшенію этихъ заведеній меня еще болѣе огорчили. Но за то другой предметъ, именно переходъ крестьянъ въ удѣль, меня успокоилъ.

Въ самомъ Ардатовѣ цѣлая слобода населена бывшими казенными, а теперь удѣльными крестьянами и они не только не огорчились перемѣной своей участи и названія, но, казалось, еще болѣе были довольны онымъ, ибо съ самой первой минуты перехода они заявили свои претензіи на сосѣдніе участки какъ въ городу, такъ и къ мѣстнымъ помѣщикамъ, и новое ихъ начальство крѣпко обнадежило и уже принялось за нихъ хлопотать... На другой день явился ко мнѣ исправникъ и подтвердилъ тѣ же свѣдѣнія касательно уѣзда, съ оговоркой, что тамъ крестьяне болѣе толкуютъ о своемъ переворотѣ и что по сіе время находятся въ чаду своего превращенія...

Не доѣзжая 12-ти верстъ до Симбирска, совершенно на ровномъ мѣстѣ, часу въ первомъ ночи, наѣхали на экипажъ, въ половину опрокинутый въ воду, которая потокомъ стремилась черезъ дорогу и черезъ мостъ. На послѣднемъ стоялъ человекъ, по волѣна въ водѣ и держа лошадь подъ уздцы, кричалъ намъ, чтобы мы держались другой стороны дороги, ибо собственный экипажъ свидетельствуетъ, что здѣсь рытвина, и что онъ едва-едва не утонулъ, а теперь ждетъ помощи изъ дер. Варатаевки, куда онъ послалъ верхомъ своего ямщика. Возница мой, слѣдуя совѣту, взялъ влѣво и мой тарантасъ немедленно сталъ въ pendant другому экипажу, т. е. на бокъ въ рытвину, зачерпнувши везомъ воду.

Чиновникъ мой Брянцевъ, ѣхавшій со мной, еще наканунѣ жаловавшійся на большую головную боль, спалъ. До моста оставалось саженой пять, но вода въ этомъ мѣстѣ съ такой силой неслась, что я не рѣшился перейти, а, боясь быть снесеннымъ и какъ я ни желалъ сохранить свое инкогнито до самаго города, принужденъ былъ приказать своему ямщику, чтобы онъ, отпрягнувъ осторожнѣе лошадей, скакалъ бы въ деревню и собралъ тамъ мужиковъ, чтобы шли скорѣе вытаскивать губернатора. Тутъ проснулся и Брянцевъ мой, у котораго отъ холода и, вѣроятно, отъ усилившейся болѣзни, открылся бредъ, и, не постигая гдѣ мы и что съ нами, началъ вертѣться съ боку на бокъ, нести всякую ахинею и непремѣнно требовалъ, чтобы его выпустили вонъ. Какъ ни убѣждалъ его оставаться въ покоѣ, принужденъ былъ вступить въ единоборство и еле-еле удержалъ его въ экипажѣ. Такимъ образомъ болѣе часу проваландались мы, рискуя ежеминутно выкупаться: стоило коренной лошади дернуть и нашъ тарантасъ тотчасъ бы опрокинулся въ воду. Наконецъ, показались, верхнихъ и на саняхъ, человекъ 30 крестьянъ, и начались нескончаемые крики, толки, кончившіеся тѣмъ, что отъ тарантаса до моста установили до шести саней безъ лошадей и я по импровизированному мосту, перескакивая съ однихъ саней на другія, добрался до послѣднихъ—запряженныхъ, гдѣ усѣвшись на днищѣ торжественно былъ ввезенъ на влячѣ въ Баратаевку. Товарища моего вынесли на рукахъ и потомъ точно такъ же привезли въ деревню. На другой день въ городѣ происшествіе это разгласилось и князь Баратаевъ, владѣлецъ этой деревни, привѣтствовалъ меня русскимъ каламбуромъ:

— «Ваше пр—ство не можете жаловаться, чтобы васъ въ Баратаевкѣ сухо встрѣтили!»

Въ Симбирскѣ я пріѣхалъ ночью съ 30-го на 31-е марта.

Вѣхавши въ городъ, я велѣлъ ямщику везти себя въ лучшую гостиницу, строго запретивъ объявлять, что я губернаторъ. Подѣхавши къ какимъ-то воротамъ, принялись стучать, чтобы вызвать дворника, который, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ явился и повелъ насъ въ номеръ, въ которомъ не было даже зимнихъ рамъ, а стояли одиночныя съ разбитыми стеклами, заклеенными большею частью бумагою, да и та мѣстами порванная. Холодъ и сырость въ комнатѣ были невыносимыя. Все убранство ея

состояло изъ трехъ или четырехъ просиженныхъ соломенныхъ стульевъ, изъ неокрашенной, загаженной мухами и клопами кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, желѣзнаго сломаннаго ночника и стѣнъ, унизанныхъ прусаками. Наконецъ пришелъ хозяинъ, мѣщанинъ въ грязномъ сюртукѣ и растрепанный до-нельзя, объявившій съ самодовольствомъ, что это лучший № въ его гостиницѣ и что «самые хорошіе господа всегда у него притуляются». Дѣлать было нечего, безропотно покорился своей участи, и, чтобы какъ нибудь скоротать до разсвѣта, я приказалъ согрѣть самоваръ и пустился разспрашивать хозяина о городскихъ новостяхъ. Хозяинъ оказался очень глупымъ мужикомъ и вдобавокъ совсѣмъ неразговорчивымъ, такъ что я его тотчасъ отпустилъ, а самъ, сидя на стулѣ, не рѣшаясь лечь на кровать, продремалъ до свѣта.

Въ 6 часовъ утра послалъ челоуѣка съ подорожною оповѣстить полиціймейстера, что новый губернаторъ ночевалъ уже въ городѣ. Сей немедленно явился и я прссиль его дать мнѣ болѣе приличную квартиру. Онъ мнѣ объявилъ, что весь губернаторскій домъ къ моимъ услугамъ и что тамъ я могу остановиться хоть сейчасъ; тогда я повторилъ вновь свое требованіе—квартиру. Черезъ полчаса я уже перешелъ на нее и, очистившись отъ дорожной грязи, приказалъ себя везти къ бывшему губернатору Z*....., котораго встрѣтилъ уже на дорогѣ, ѣхавшаго ко мнѣ. Пересѣвъ къ нему въ сани, я отправился къ нему въ домъ. Z*..... я нашелъ въ совершенномъ отчаяніи; указъ о смѣнѣ его былъ полученъ въ Симбирскѣ 25-го числа, а до того времени онъ и не думалъ о томъ. Первое, что онъ мнѣ предложилъ—это очистить для меня домъ, но я ему объявилъ, что если онъ изъ Симбирска уѣдетъ прямо не изъ губернаторскаго дома, то моя нога въ ономъ не будетъ, со дня его отѣзда, ровно шесть мѣсяцевъ, что меня сильно разстроитъ, но, не смотря на все, непремѣнно поступлю такимъ образомъ. Затѣмъ старался успокоить его и, какъ замѣтно, не безъ успѣха, передавъ ему мнѣніе и отзывъ о немъ государя и нѣкоторыхъ министровъ, такъ что когда вошла въ кабинетъ его жена, съ которою онъ меня познакомилъ, то онъ весело передалъ ей все мною сказанное, говоря, что положеніе его не такъ худо, какъ онъ себѣ воображалъ. Оба рассыпались въ благодарностяхъ за мою деликатность, что я не пользуюсь своимъ правомъ и не выживаю ихъ съ занимаемой ими квартиры,

просили домъ ихъ считать своимъ и, пока не обзаведусь своимъ хозяйствомъ, сдѣлалъ бы имъ честь обѣдать у нихъ. Поблагодаривъ за предложеніе, я далъ слово обѣдать у нихъ этотъ день, не ручаясь за будущее, и, пробывъ у нихъ около часу, вернулся домой, а между тѣмъ въ городѣ уже прошла вѣсть о моемъ внезапномъ прибытіи.

Я объявилъ полиціймейстеру, ожидавшему меня на квартирѣ, что я въ этотъ день никого принимать не могу, но желалъ бы лишь видѣть у себя вице-губернатора, управлявшаго губерніею, также управляющаго удѣльною конторою NN. и обоеихъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ: губернскаго—маіора Стогова, и командированнаго по удѣльной части—подполковника Ф..., которыхъ просилъ непременно пожаловать ко мнѣ. Вице-губернаторъ пріѣхалъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа, а Ф... черезъ часъ. О Стоговѣ и о NN. полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что первый отозвался усталостью, такъ какъ онъ только что вернулся въ городъ, а послѣдній отвѣчалъ ему на приглашеніе «хорошо». Прождавши сихъ двухъ господъ до 3-хъ часовъ, я поѣхалъ обѣдать въ Загряжскому, гдѣ, кромѣ хозяевъ, обѣдалъ еще съ нами Ф....

Послѣ обѣда, возвратившись домой, часовъ около 6-ти вечера, пріѣхалъ ко мнѣ старый мой знакомый, бывшій губернской предводитель, кн. Баратаевъ, и едва мы перекинулись нѣсколькими привѣтствіями, какъ доложили о пріѣздѣ NN. Баратаевъ тотчасъ всталъ и, простившись со мной, вышелъ (Баратаевъ былъ въ мундирѣ). Вошелъ NN., въ черномъ фракѣ съ вытертыми и облѣзлыми пуговицами. Если бы я и не былъ предупрежденъ на счетъ NN., то и тогда такое неприличіе его костюма при первомъ свиданіи со мною, какъ съ начальникомъ губерніи, могло бы меня удивить, но тутъ я тотчасъ понялъ и цѣль и дерзость сего чиновника. Со всѣмъ тѣмъ, заботясь объ исполненіи лишь священнаго слова государя и о настоящемъ дѣлѣ, а не о формахъ одежды—я съ привѣтливостью пригласилъ г. NN. садиться; рекомендуюсь ему какъ новопріѣзжій, просилъ о знакомствѣ, извиняясь, что не предупредилъ его моимъ визитомъ, и просилъ его вразумленія и свѣдѣній по общему нашему дѣлу. Съ первыхъ словъ онъ началъ бранить Z*....., казенную палату и прежнее управленіе казенныхъ крестьянъ. Въ самыхъ рѣзкихъ и неприличныхъ словахъ отзывался онъ о сдѣланныхъ, до

моего прибытія, распоряженіяхъ и съ нахальствомъ объявилъ, «что онъ съумѣетъ справиться», хотя видимо бунтуетъ крестьянъ ихъ прежнее начальство. Потомъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ дѣла, началъ рассказывать мнѣ городскіе анекдоты, распри Z*..... съ нимъ и съ другими и, наконецъ, свелъ свою рѣчь къ наставленіямъ меня какъ управлять губернію. Раза три или четыре я пробовалъ прерывать его рассказы и сводилъ рѣчь на настоящее дѣло, но онъ какъ будто бы все увертывался отъ моихъ распросовъ и еще съ большимъ увлеченіемъ продолжалъ свои расказы. Въ такой бесѣдѣ мы провели съ часъ времени и когда онъ всталъ и сталъ прощаться со мной, я ему сказалъ:

— Милостивый государь! Я знаю, что вы не подчинены моему начальству. Но въ настоящемъ дѣлѣ у насъ цѣль общая—ибо Государь повелѣтъ соизволилъ мнѣ въ особенности озаботиться, чтобы переходъ казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ совершился мирно и покойно; а такъ какъ я долженъ признаться вамъ, что, служа постоянно по военной части и не бывъ помѣщикомъ, не знаю всѣхъ подробностей крестьянскаго быта, а между тѣмъ, по настояніямъ и моего и вашего начальства, долженъ предполагать, что существуетъ разница между бытомъ казеннаго и удѣльнаго крестьянина, а потому прошу васъ, ради пользы службы, если бы вамъ пришлось дѣлать какія либо распоряженія, разорительно перемѣняющія привычки крестьянъ,—приступая къ онимъ, не откажите мнѣ—не письменно, но хоть словесно, предварить меня, чтобы я, во всякое время, былъ готовъ, если надобность потребуетъ, вамъ содѣйствовать...

— «Вижу, ваше пр—во,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—цѣль вашу: вамъ очень хочется взять удѣльныхъ крестьянъ подъ вашу руку. Это очень легко сдѣлать. Я завтра же рапортуюсь больнымъ и вы можете распоряжаться какъ вамъ будетъ угодно»...

— Г. NN.—вскричалъ я, весь вспыхнувъ отъ такой наглости, — я виноватъ, что поводъ къ такой дерзости вашей подалъ я самъ, тѣмъ, что съ перваго раза не осадилъ васъ, когда вы позволили себѣ явиться ко мнѣ, начальнику губерніи, въ этомъ фракѣ! Знайте, что я не унижу себя принятіемъ вашихъ на себя обязанностей, но сейчасъ же васъ отрѣшу и съ жандармомъ прямо отправлю въ Петербургъ при донесеніи моемъ Государю, а васъ замѣню другимъ чиновникомъ.

Онъ затрясся отъ испуга и, перемѣня тонъ, тотчасъ сталъ извиняться, говоря, что, точно, былъ неостороженъ, что отъ усиленныхъ занятій голова его въ напряженномъ состояннн, часто не помнитъ что говорить и что онъ проситъ великодушно простить его и что цѣль у него точно та же, какъ и у меня—исполнить волю и повелѣннє государя. Въ доказательство того, что онъ смотритъ и почитаетъ меня какъ хозяина здѣшной губернн, слѣдовательно, отчасти и своимъ начальникомъ—это то, что, когда завтра будутъ представляться мнѣ чиновники, онъ придетъ тоже со всѣми своими служащими и съ рапортомъ—однимъ словомъ, видимо перепугался и образумился.

Какъ много я ни былъ предупрежденъ въ Петербургѣ, но я не думалъ, чтобы NN. былъ таковъ, и, предвидя въ будущемъ общее съ нимъ служеннє, я взялъ на себя—опять пригласить его съѣсть съ собою, сталъ говорить о дѣлѣ. Отвѣты получалъ пристойные и удовлетворительные, а чрезъ полчаса, отпуская его, я же извинился въ своей горячности. Просилъ его не только извинить меня, но не перепускать черезъ порогъ этого происшествня и размолвки между нами. Просилъ отнюдь не являться ко мнѣ съ рапортомъ, повторяя, что не признаю себя его начальникомъ въ частности, но на случай затрудненнй при переходѣ крестьянъ, по волѣ его же начальства, обяванъ съ нимъ участвовать вмѣстѣ, и получилъ отъ него слово, что все останется между нами, какъ будто не было размолвки, и никому ни слова не скажетъ объ этомъ. На другой день онъ прнѣхалъ, вмѣстѣ съ прочими чиновниками, въ мундирѣ, и я, въ тотъ же день, въ числѣ значительнѣйшихъ лицъ, заплатилъ ему мой визитъ. На Святой недѣлѣ обѣдалъ у него публично—а онъ, между тѣмъ, исказивъ нашъ разговоръ, съ жалобой на меня, въ тотъ же день, отнесся въ Перовскому и тѣмъ положилъ основу неприязни сего послѣдняго ко мнѣ и настоящему (писано въ 1841 г.) неприятному для меня положенню.

На другой день чиновники и жительствующнє въ городѣ дворяне удостоили меня своимъ посѣщеннємъ, и послѣ нихъ явился и г-нъ маюръ Э. И. Стоговъ. Сей послѣдннй доставилъ мнѣ въ разговорѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторые свѣдѣння, которыя уважали мнѣ путь къ моимъ дальнѣйшимъ дѣйствнямъ.

Ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ вторичнаго посѣщення NN,

я получилъ официальное письмо отъ Перовскаго, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, «что, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, онъ просилъ меня покровительствовать и содѣйствовать удѣльнымъ распоряженіямъ, но онъ опасается, чтобы не произошло тутъ какого либо недоразумѣнія. Удѣльное начальство и управленіе имѣютъ особыя правила и учрежденія, состоя въ непосредственномъ вѣденіи удѣльнаго департамента, а потому, и теперь повторяя свою покорную просьбу о томъ же предметѣ, долгомъ считаетъ присовокупить, что эта просьба именно относится къ тѣмъ случаямъ, когда мѣстное удѣльное начальство само будетъ обращаться за содѣйствіемъ», — однимъ словомъ, я понялъ, что NN. жаловался на то, что произошло между нами при первомъ нашемъ свиданіи, представивъ Перовскому весь разговоръ въ превратномъ видѣ.

Я отвѣчалъ Перовскому, что помню въ буквальномъ смыслѣ всѣ сдѣланныя имъ въ Петербургѣ мнѣ наставленія и порученія; что вовсе не думалъ ни на волосъ отступать отъ нихъ. Съ юности моей поставилъ себѣ за самое строгое правило—не вмѣшиваться никогда въ чужія дѣла, и я свято, по сіе время, слѣдую оному. Не нарушая его, не нарушу и въ отношеніи удѣльнаго вѣдомства. Черезъ двѣ почты я получилъ указъ сената, что сенатору Перовскому высочайше повелѣно отправиться въ Симбирскъ, для удобнѣйшаго устройства удѣльнаго управленія и для согласенія дѣйствій онаго съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, предоставляя ему дѣйствовать въ семъ случаѣ на правахъ ревизующаго губернію сенатора. Перовскій прибылъ въ Симбирскъ около половины мая.

На первый день св. Пасхи я обѣдалъ у кн. Баратаева, уже не губернскаго предводителя, но, за неутвержденіемъ таковаго, исправляющаго эту должность. Кромѣ этого званія онъ исполнялъ обязанности попечителя губернской гимназіи и секретаря «Общества христіанскаго милосердія», существовавшаго въ Симбирскѣ уже 15 лѣтъ. Первымъ учредителемъ онаго былъ кн. Баратаевъ, а предсѣдательница—супруга ген.-маіора Ивашева, и все общество состояло подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицъ, сперва Елисаветы Алексѣевны, а потомъ Александры Федоровны. Цѣль онаго была — пособіе нуждающимся, стыдящимся просить милостыню, воспитаніе и покровительство дѣвцамъ, дочерямъ бѣдныхъ чиновниковъ и разночин-

цевъ, служащихъ въ губерніи. Первоначально число воспитанницъ назначено было 10, а затѣмъ, когда средства общества усилились, численность оныхъ прибавилась до 20-ти и потомъ до 30-ти, далѣе же не шла. Заведеніе это помѣщалось въ небольшомъ каменномъ двухъэтажномъ домѣ съ садомъ, пожертвованномъ однимъ изъ членовъ, и какъ внутреннее управленіе, такъ равно и воспитаніе, получаемое дѣвками, признано было примѣрнымъ не только всѣми, но и самимъ Государемъ, удостоившимъ, въ пребываніи своемъ въ Симбирскѣ, обозрѣть это заведеніе во всей подробности. Такъ какъ воспитанницы, поступившія туда, исключительно принадлежали къ бѣдному сословію и по выходѣ оттуда, по необходимости, встрѣчались въ семьѣ съ нуждой, то вся роскошная обстановка, какую встрѣтишь въ подобныхъ заведеніяхъ, была устранена, и только самая строгая чистота, поддерживаемая самими воспитанницами, по очереди, царствовала повсюду. Мебель, кровати, постельное бѣлье, были самыя простыя, ѣда тоже, но сытная, и все вниманіе начальницы обращено было на то, чтобы дѣвцы, относительно всего обыкновеннаго и необходимаго, работы исполняли бы собственноручно, ничего не поручая служанкамъ, кромѣ, конечно, самыхъ черныхъ работъ. Занятія ихъ заключались преимущественно въ руководствѣ и въ преподаваніи нѣкоторыхъ новѣйшихъ языковъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ чтобы быть порядочной гувернанткой, музыки и танцевъ—послѣднее скорѣе какъ гигиеническое средство, въ видѣ усиленнаго моціона. За все время своего существованія, заведеніе ни разу не испросило пособія ни копѣйки отъ казны, а постоянно поддерживалось одною частною благотворительностью, и во время пребыванія моего въ Симбирскѣ, благодаря разумной и честной распорядительности управленія этого заведенія, оно насчитывало у себя уже капиталу до 70 т. р. асс. Въ Симбирскѣ находилось еще и другое заведеніе, содержащее также на частныя благотворительныя средства,—дворянскій пансіонъ съ 20-ю воспитанницами, коимъ завѣдывалъ тотъ же кн. Баратаевъ.

Желая какъ можно скорѣе и ближе ознакомиться съ губерніею, и въ особенности съ положеніемъ бывшихъ казенныхъ, а нынѣ удѣльныхъ крестьянъ, я отправился, недѣли чрезъ три по-

слѣ своего прїѣзда, на ревизію въ г. Буинскъ, верстахъ въ 50-ти отъ Симбирска. Но не успѣлъ я прїѣхать туда, какъ получилъ съ нарочнымъ донесеніе отъ вице-губернатора, что въ Сызранскомъ уѣздѣ между Лапманами возникло безпокойство, по поводу отчужденія сенатомъ участка земли отъ одной казенной волости къ помѣщичьему владѣнію. Это волненіе началось еще въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда былъ объявленъ имъ сенатскій указъ на мѣстѣ, и Лапмане оказали сопротивленіе, прогнавъ съ межи землемѣра съ земскою полиціей, не давъ первому приступить даже къ межеванью,—но, за позднимъ временемъ года, дѣло это было оставлено безъ разслѣдованія и отложено до весны. Теперь же, когда исправникъ и землемѣръ, взявшіе съ собой 12 человекъ инвалидовъ, прибыли на мѣсто для объявленія и исполненія сенатскаго указа, то Лапмане, огульно, и небольшое число удѣльныхъ крестьянъ, всѣхъ до 4 т. душъ, собравшись толпой, оказали сопротивленіе и чиновники вмѣстѣ съ командой вынуждены были удалиться. При семъ вице-губернаторъ Огневъ доносилъ мнѣ, что губернское правленіе сдѣлало уже распоряженіе о командированіи на мѣсто, на подводахъ, двухъ ротъ гарнизоннаго баталіона, но что онъ, въ ожиданіи моего согласія или разрѣшенія, приостановился отправленіемъ этой команды.

Постигая вполнѣ, что первыя мои распоряженія по столь важному предмету короче ознакомятъ меня и съ губерніей и съ правительствомъ, я поѣхалъ обратно въ Симбирскъ, и, по прїѣздѣ, отношеніями пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе NN., также гг. Ф... и Э. И. Стогова. Первые два не явились и даже не дали отзыва, а когда послѣдній прибылъ и объяснилъ мнѣ все происшествіе отъ начала, какъ оно было, то я упросилъ его лично мнѣ содѣйствовать, отправиться тотчасъ на мѣсто—за 280 верстъ, объяснить дѣло, убѣдить словами неповинующихся, предвара ихъ о крутости моего нрава и рѣшимости къ строгимъ мѣрамъ, если буду вынужденъ къ тому. А между прочимъ просилъ его, чтобы онъ по тракту приказалъ бы заготовить 200 подводъ и если онъ не увидитъ успѣха въ своемъ предпріятіи, то чтобы увѣдомилъ меня чрезъ нарочнаго и я, конечно, на другой день лично явлюсь для дальнѣйшихъ распоряженій. Извѣстія о семъ вторичными отношеніями гг. Ф... и NN., я рѣшительно требовалъ отъ нихъ, чтобы, въ случаѣ моего выѣзда изъ города,

они оба мнѣ туда сопутствовали. Но какъ сіе подѣйствовало на ихъ мнѣнія—я не знаю, ибо дошло до моего свѣдѣнія, что оба они въ тотъ же день куда-то изъ Симбирска выѣхали. Последствіе открыло мнѣ общую имъ обоимъ трѣсость дѣйствовать тамъ, гдѣ есть рискъ жертвовать собою лично.

На пятый день послѣ того, Э. И. Стоговъ возвратился ко мнѣ и передалъ на словахъ, а потомъ извѣстилъ меня письмомъ, что когда онъ прибылъ на мѣсто, то дѣйствительно нашелъ тамъ въ полѣ, на бивуакахъ, толпу народа болѣе чѣмъ въ 2,000 человекъ, которые, безъ малѣйшаго волненія, избрали изъ среды своей выборныхъ, прислали ихъ къ Стогову, прося, чтобы онъ объяснилъ имъ въ чемъ именно заключается дѣло и какъ рѣшилъ сенатъ ихъ тяжбу съ помѣщикомъ? Стоговъ удовлетворилъ ихъ просьбѣ, весьма толково разъяснилъ все дѣло; оказалось изъ ихъ рассказовъ и разспросовъ, что волостной писарь ихъ, своими кривыми толкованіями, ввелъ крестьянъ въ сомнѣніе, утверждая, что дѣло еще не совсѣмъ рѣшено и что можно опять просить сенатъ о перерѣшеніи дѣла. Когда-же онъ объявилъ имъ о послѣдствіяхъ ихъ неповиновенія и какую бѣду они накликаютъ на свои головы, то они слезно начали просить его заступничества за нихъ предъ правительствомъ, изъявляя готовность свою тотчасъ доказать на дѣлѣ, что они и въ мысляхъ не имѣли сопротивляться указу, и тутъ-же начали помогать землемѣру въ его работахъ отрѣзки отъ нихъ земли въ пользу помѣщика, что и было исполнено при всемъ собравшемся народѣ. Стоговъ привезъ ко мнѣ трехъ выборныхъ, которые на колѣняхъ просили пощады и помилованія ихъ глупости и недоразумѣнія, на что, конечно, я съ радостію согласился, прочитавъ имъ приличное наставленіе, и весь этотъ бунтъ, для усмиренія котораго собирали такую грозную военную силу, кончился тихо и мирно, съ отдачею подъ судъ лишь одного только писаря.

Признательность моя по сему дѣлу вполне принадлежитъ Э. И. Стогову и въ томъ-же духѣ донесъ я моему начальству о семъ происшествіи, а между тѣмъ другіе два героя, Ф... и NN., съ общаго согласія, представили дѣло сіе удѣльному начальству какъ весьма важное и влекущее за собою медленную еще развязку, при чемъ NN просилъ удѣльный департаментъ, что какъ по смыслу указа о переходѣ казенныхъ крестьянъ въ удѣль, въ

которомъ о Лашманахъ включенъ особый параграфъ, сіи послѣдніе поступаютъ въ удѣльное вѣдомство не вполнѣ, а только подчиняются завѣдыванію онаго, и Лашмане имѣютъ всѣ земли въ собственности у себя, а не въ общинномъ владѣніи деревнями или селеніями, и, при прежнемъ еще управленіи, у нихъ были непрестанныя тяжбы или между собою или съ сосѣдными помѣщиками, которыя и по сіе время разбираются судомъ,—то нельзя-ли, хотя на первый разъ, устранить удѣльныхъ чиновниковъ отъ присутствія при подобныхъ разборахъ, ибо и въ настоящемъ случаѣ, который можетъ продлиться весьма долго, губернаторъ требуетъ присутствія даже самого управляющаго удѣльною конторою, не взирая на то, что онъ въ настоящее время занятъ важнѣйшимъ дѣломъ переустройства удѣльнаго управления, распространяющагося слишкомъ на 240,000 душъ. Послѣдствіемъ сего было, что департаментъ удѣловъ, разъяснивъ смыслъ параграфа о Лашманахъ, разрѣшилъ удѣльной конторѣ, согласно съ представленіемъ: «при разборѣ споровъ о лашманскихъ земляхъ, не отражать вовсе своихъ депутатовъ и не только не защищать ихъ дѣлъ по спорамъ, но даже не вмѣшиваться въ нихъ», дополняя въ заключеніе, «чтобы управляющій резолюцію сію сообщилъ губернскому начальству, для будущихъ его, по подобнымъ дѣламъ, соображеній»—однимъ словомъ, испугъ NN. и Ф... явился на мѣсто, тамъ, гдѣ былъ личный рискъ ихъ, положилъ основаніе той ошибки, которая въ послѣдствіи надѣлала большія затрудненія и неприятности!

Само по себѣ разумѣется, что предметъ сей привлекъ на себя все мое вниманіе и я сталъ подъ рукою всячески стараться слѣдить за распоряженіями новаго надъ крестьянами начальства (прибавлю отъ себя — не изъ тайнаго желанія найти что нибудь дурное, для своихъ личныхъ цѣлей, а единственно во избѣжаніе новыхъ столеновій, и, всетаки для общаго дѣла, знать что дѣлается). Гг. NN. и Ф... безпрестанно выѣзжали изъ города въ удѣльныя имѣнія и большею частью вмѣстѣ. Ф..., какъ жандармскій уполномоченный, каждый разъ запискою давалъ знать губернатору о своемъ выѣздѣ въ такой-то уѣздъ, требовалъ, чтобы давалось исправнику строгое предписаніе исполнять всѣ его требованія—и каждый разъ онъ былъ удовлетворяемъ вполнѣ. Въ числѣ записокъ его въ моему предмѣст-

ниву, я нашелъ нѣсколько наполненныхъ не только извительными указаніями о томъ, что ему, Ф...., не было сдѣлано встрѣчи, не исполнено въ точности или замедлено его предписаніе (такъ называлъ онъ сношенія свои съ земскою полиціей), но даже иногда относился съ упреками къ самому начальнику губерніи, и въ одной запискѣ онъ рѣшился даже требовать, чтобы исправникъ Ставропольскаго уѣзда немедленно былъ-бы смѣненъ и отданъ подъ судъ, что Z*..... и выполнилъ, къ сожалѣнію. Это уже такъ возвысило Ф.... въ своемъ собственномъ мнѣніи, что и ко мнѣ онъ началъ безпрестанно присылать записки съ извѣщеніемъ о своихъ поѣздкахъ, о неисправности мостовъ, дорогъ, по которымъ онъ ѣхалъ, о нескорой явѣ чиновниковъ и разномъ подобномъ вздорѣ. Но я съ перваго начала, въ различныхъ выраженіяхъ, въ моемъ отзывѣ указалъ ему, что онъ не можетъ писать того, что не входитъ никакъ въ его инструкцію, но что всякое дѣльное указаніе, сдѣланное имъ, всегда уважится исполнѣ и съ благодарностью, но что чиновники земской полиціи, кромѣ провозанія г. Ф...., имѣютъ другія, важнѣйшія занятія.

Между прочимъ доходили до меня слухи, что въ уѣздахъ, куда отправляется г. Ф...., все занятіе сопровождающихъ его членовъ земской полиціи заключается въ томъ, что отводятъ и устраиваютъ ему квартиру, доставляютъ ему разныя житейскія выгоды,

.....
 Почитая унизительнымъ входить въ подробныя по сей части изслѣдованія, не могу однакожь не дать сему вѣры, ибо въ послѣдствіи изъ десяти исправниковъ въ губерніи, четверо, по особому, мимо прямаго начальства, ходатайству, чрезъ удѣльный департаментъ получили подарки, перстнями изъ Кабинета. Всѣ четверо были самыя неисправныя и слабыя по первой своей обязанности и кромѣ того весьма предосудительной нравственности. Одинъ изъ нихъ, а именно, Корсунскаго уѣзда, К..... (я нарочно здѣсь выставляю его имя), въ первый пріѣздъ мой въ его уѣздъ, когда я, по обыкновенію своему, при встрѣчѣ меня на границѣ уѣзда, взялъ съ собою въ экипажъ и сталъ разспрашивать о дѣлахъ, меня интересующихъ, то онъ сталъ жаловаться на распоряженія NN. и Ф...., оуждая ихъ на каждомъ шагу. Но на строгое замѣчаніе мое, что на все, что удѣльное управленіе дѣлаеть, онъ долженъ взирать какъ на высшее распоряженіе и, безъ всякой

критикѣ о важнѣйшихъ дѣлахъ, непременно доводить до моего свѣдѣнія,—оно видимо сконфузился и тотчасъ переимѣнилъ разговоръ. Черезъ мѣсяцъ онъ получилъ брилліантовый перстень и перешелъ на службу въ удѣльную контору. Замѣтно было, что онъ былъ направленъ NN. или Ф.... къ возбужденію моего противодѣйствія, дабы имѣть поводъ къ будущей клеветѣ на меня Перовскому.

Подполковникъ Ф...., въ числѣ прочихъ ко мнѣ своихъ записокъ, при самомъ началѣ доставилъ одну, гдѣ говоритъ, что онъ два раза писалъ уже къ Загряжскому объ одномъ удѣльномъ крестьянинѣ, съ котораго какой-то чиновникъ взялъ 1,200 р., чтобы нанять ему подставщика въ рекрута, но обманулъ его. Отыскавъ сіе дѣло, я нашелъ, что Загряжскимъ сдѣлано было уже должное распоряженіе къ производству слѣдствія, два раза уже онъ дѣлалъ по сему предмету понужденія; со всѣмъ тѣмъ рѣшился и я оно имѣть въ ближайшемъ виду и настаивать къ скорому его окончанію. Извѣстивъ о семъ вѣжливо Ф...., я далъ кому должно предписаніе. Дня черезъ два я получилъ еще о семъ записку, что дѣло это идетъ очень медленно (!). Я и на это ему отвѣтилъ, и еще далъ понужденіе. Наконецъ, еще черезъ два дня, получаю опять записку отъ Ф...., настоятельно отъ меня требующаго, чтобы я извѣстилъ его, когда это дѣло кончится, ибо онъ полагаетъ, что крестьянинъ оттого лишь не получаетъ удовольствія, что онъ—удѣльный.

Надо сказать, что я замѣтилъ предъ этимъ, что Ф.... сдѣлалъ привычку, или умыселъ, навѣщать меня по дѣламъ службы въ скуртувѣ, что мнѣ вовсе не нравилось, что я и старался отстранить, не приглашая даже тогда садиться у себя въ кабинетъ, когда въ другое время всегда принималъ его привѣтливо, и это онъ, должно быть, замѣтилъ, вслѣдствіе чего сталъ забрасывать меня пустыми своими записками, такъ что иной день я получалъ отъ него штукъ до десяти.

Выведенный послѣднею запискою Ф.... изъ терпѣнія, я отвѣчалъ ему, что я искалъ въ законахъ формы переписки съ жандармскими штабъ-офицерами, но ближайшаго примѣненія не нашелъ, какъ ту, которая указана для командировъ баталіоновъ внутренней стражи (тѣ губернатору доносить, а губернаторъ къ нимъ пишетъ отношеніями), что отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ я обязанъ только Государю и сенату. Но привыкнувъ все дѣлать гласно и изъ личнаго моего къ нему, Ф...., уваженія, на

этотъ разъ—въ послѣдній—я и ему даю отчетъ... и тутъ прописалъ все, что онъ самъ писалъ къ Загряжскому и ко мнѣ, что мы оба уже сдѣлали, что отвѣчали ему, Ф...., и заключилъ тѣмъ: «что, сдѣлавши свое дѣло, окончаніе предоставляемъ обыкновеннымъ формамъ судопроизводства и что, кромѣ понужденія, я не имѣю власти опредѣлить когда и какъ дѣло кончится».

Разумѣется, отвѣтъ мой ему не понравился. Онъ возразилъ мнѣ, что я его обидѣлъ, примѣнивъ его къ офицеру внутренней стражи; что онъ имѣеть счастье носить одинъ мундиръ съ графомъ Бенкендорфомъ, и это мнѣ должно быть извѣстно, ибо я недавно самъ оставилъ военную службу. Отвѣтъ мой нынѣ вынуждаетъ его приостановить всякую переписку со мной и впредь все, что дойдетъ до его свѣдѣнія, на основаніи «секретной инструкціи», будетъ прямо доносить своему графу.

Я благодарилъ Ф.... за первое, со времени нашего знакомства, пріятное для меня извѣщеніе, ибо окончаніе этой корреспонденціи много убавить у меня дѣла—и затѣмъ я рѣшился всѣ записки Ф...., отъ прибытія моего въ губернію, влючительно съ послѣднимъ отзывомъ, а также и копии съ моихъ отношеній, представить министру, съ просьбой устранить отъ меня назойливую и бесполезную переписку жандармскаго штабъ-офицера, а равно и фамиллярные, въ сюртукѣ, визиты.

Вслѣдъ за тѣмъ гр. Бенкендорфъ, при особомъ письмѣ, выслалъ мнѣ секретную инструкцію, на которую ссылался Ф.....

.....
.....
выставлена вполнѣ цѣль учрежденія жандармовъ, коихъ обязанность заключается прямо въ томъ, чтобы все, что частно дойдетъ до ихъ слуха, сообщать словесно, въ родѣ предостереженія, начальникамъ губерніи для ихъ прямыхъ дѣйствій, и только въ случаѣ требованія самого начальника давать записки—но вовсе не въ обремененіи ихъ или не въ надзорѣ за ними и наставленіи; и въ письмѣ ко мнѣ гр. Бенкендорфъ поручаетъ особому моему покровительству обоихъ своихъ штабъ-офицеровъ, «изъ коихъ,—пишетъ онъ,—на Ф.... возложена обязанность лишь по дѣламъ, относящимся до удѣльныхъ крестьянъ», слѣдовательно, вовсе не до дорогъ или до земской полиціи, какъ тотъ мечталъ и блажилъ при Загряжскомъ и со мною.

Очень скоро по приѣздѣ моемъ въ Симбирскъ, проѣзжалъ чрезъ оный гр. Строгановъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, который пробылъ тутъ нѣсколько дней. Посѣтивъ присутственныя мѣста, зависящія отъ министерства, обозрѣлъ поверхностно архивъ губернскаго правленія, повѣрилъ возможность и скорость выправокъ и, кажется, остался вообще доволенъ. Изъ разговоровъ его со мной, болѣе замѣчательныя приведу здѣсь.

— О жандармахъ, «Какъ вы съ ними въ сношеніяхъ? Откровенны или нѣтъ? Ладите ли съ ними?» (это было еще до послѣдней записки Ф....),—спросилъ графъ.

— Не знаю, можно ли и должно ли быть откровеннымъ съ жандармами,—отвѣчалъ я.—Они приставлены наблюдать за нами, пускай доносятъ что хотятъ обо мнѣ, я объ этомъ не забочусь, ибо на совѣсти ничего не имѣю. Отношеній ихъ къ предметнику моему одобрить я не могу, ибо имѣю у себя образчики, не имъ въ пользу служащіе, — гр. Строгановъ взялъ два дѣла изъ канцеляріи, заключающія въ себѣ переписку губернатора Загряжскаго съ Ф.... о ставропольскомъ исправникѣ и о проч. дѣлахъ.—«Это правда,—замѣтилъ Строгановъ по прочтеніи дѣлъ,—записки Ф.... писаны не совсѣмъ въ приличныхъ выраженіяхъ; но, повѣрьте мнѣ, что въ вамъ никто такъ писать не осмѣлится, а Загряжскій самъ подалъ поводъ».

— О городской тюрьмѣ. «Врядъ-ли все это хорошо и практично, что такъ хорошо содержатся! Тепло, опрятно, сыто—много найдется охотниковъ для такой удобной жизни!»

.....

— О домѣ трудолюбія, воспитательнаго заведенія Общества христіанскаго милосердія. «Это такъ хорошо, что я въ Петербургѣ ничего лучшаго не видывалъ. Но знаете ли, что именно необыкновенно? Во всемъ видѣнъ практической смыслъ, которымъ здѣсь руководятся, начиная съ воспитанія и кончая самымъ помѣщеніемъ. Воспитанницъ здѣсь не готовятъ для блестящихъ пріемовъ въ салонахъ, гдѣ бы онѣ принимали гостей и болтали бы «des jolis riens» по французски, а выдуть хорошія помощницы для своихъ неимущихъ родителей, могущія сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и, возвратясь отсюда въ свою семью, не будутъ тяготиться той бѣдной обстановкой, въ которой, быть можетъ, имъ во всю жизнь придется жить, такъ какъ глазъ ихъ съ малолѣтства привыкъ къ тому, что ихъ теперь окружаетъ. А гдѣ

онѣ въ настоящее время живутъ—это клѣтка, въ которой порожняго угла нѣтъ. Но все такъ чисто, опратно, уютно. Непостижимо—гѣмъ все это держится и кто этимъ руководить?!»

На замѣчаніе мое, что душа всего этого учрежденія кн. Баратаевъ—онѣ замѣтилъ: «необыкновенный человѣкъ. Но вредный для себя: языку даетъ большую свободу».

— Тѣмъ не менѣе, в. с.,—сказалъ я,—онѣ могъ быть употребленъ съ большою пользою на службѣ, какъ, напримѣръ, губернаторомъ, чего, какъ я слышалъ, онѣ самъ желаетъ.

— «Нивогда!»—возразилъ графъ.

Благородный пансіонъ гр. Строгановъ нашелъ для Симбирска недостаточнымъ. О заведеніи приказа общественнаго призрѣнія замѣтилъ мнѣ, что «много-много будетъ мнѣ трудовъ и заботъ».

Наканунѣ отъѣзда своего графъ просидѣлъ у меня утромъ часа полтора, и въ разговорѣ спросилъ у меня: «кто здѣсь содержитъ откупъ?»

— Кузинъ, Позенъ и К°,—отвѣчалъ я,—а представитель этой фирмы Бенардаки.

— «Это что за человѣкъ? Знакомы ли вы съ нимъ?»

— Сомнѣнія нѣтъ. Какъ не быть знакомому съ откупщикомъ? Весьма умный и замѣчательно способный человѣкъ.

— «А знаете ли вы что даетъ откупъ полиціи?»

— Нѣтъ; меня это мало интересовало, ибо я знаю, что всѣ чины отъ мала до велика находятся у нихъ на жалованьѣ.

— «Я могу вамъ кое-что сообщить по этому предмету,—сказалъ графъ.—У меня есть привычка исправниковъ возить съ собою и разспрашивать ихъ о всѣхъ дѣлахъ въ ихъ уѣздахъ и, между прочимъ, чѣмъ и какъ содержатъ они себя. Многие указывали на получаемое жалованье, на свои собственныя имѣнія, но никто не заикнулся о какихъ либо косвенныхъ доходахъ. Только два исправника вашей губерніи, буинскій и симбирскій, на мои разспросы прямо мнѣ сказали, что главная поддержка ихъ благосостоянія находится въ зависимости отъ откупщика, отъ котораго опредѣлено имѣ въ годъ: первому 2,500 р., а послѣдному 3,000 р., и что всего оригинальнѣе—это замѣчаніе, которое мнѣ сдѣлалъ буинскій исправникъ: «смѣю доложить в. с.—ву, что только въ одномъ мѣстѣ начальство и чиновники не берутъ съ откупа, а то вездѣ!» Гдѣ же,—спросилъ я? «Тамъ—гдѣ его нѣтъ!» отвѣчалъ онѣ... Но мы

отдалились от нашего разговора о Бенардаки; скажу вамъ, что, слыша отъ васъ такой объ немъ отзывъ, мнѣ бы очень хотѣлось съ нимъ познакомиться»...

— Это весьма легко сдѣлать, — сказалъ я. — Но предваряю васъ, что съ крупными спросами не приступайте. Онъ застѣнчивъ и упрямъ. Въ общемъ разговоръ онъ разговорится и вы убѣдитесь въ познаніяхъ его и въ краснорѣчіи; но на рѣзкій тонъ отвѣчать не станетъ.

— «Я много говорилъ съ помѣщиками о хлѣбной торговлѣ здѣшняго края и много слышалъ новаго и хорошаго; хотѣлось бы поговорить и съ Бенардаки».

— Отъ него услышите и болѣе и дѣльнѣе, чѣмъ отъ кого либо: экономическое знакомство съ краемъ большое, сношенія у него обширныя, и я увѣренъ, что бесѣдой его останетесь довольны...

Вечеромъ я заѣзжалъ къ графу и, выходя отъ него часу въ восьмомъ, встрѣтилъ на крыльцѣ Бенардаки и Стогова, шедшихъ навстрѣчу къ графу. На другой день поутру, въ 5 часовъ, пришедши проводить его въ дорогу, такъ какъ онъ собирался выѣхать въ 6 часовъ, я услышалъ отъ камердинера, что графъ только съ часъ тому назадъ какъ уснулъ: просидѣлъ все время съ господиномъ, котораго я встрѣтилъ вчера уходя. Проснувшись, Строгановъ принялъ меня въ ту же минуту и первое его слово было: «правда ваша! Я познакомился съ откупщикомъ и его знакомство что нибудь да стоитъ».

Кстати здѣсь и я прибавлю отъ себя на счетъ Бенардаки, котораго мнѣ рекомендовалъ Жмакинъ, предъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, имѣвшій въ этомъ откупѣ нѣсколько паевъ, и сверхъ того по прибытіи моемъ въ Симбирскъ я получилъ письмо отъ фонъ-Дервиза, въ которомъ онъ, по порученію Позена, правителя дѣлъ военно-походной государя канцеляріи, просилъ меня принять Бенардаки подъ мое особое покровительство. Самъ же явился ко мнѣ послѣ письма недѣли чрезъ двѣ и рекомендовался съ величайшей скромностью. Потомъ, спустя нѣсколько времени пріѣхавъ ко мнѣ, просилъ позволенія поговорить со мной откровенно наединѣ. Догадываясь нѣкоторымъ образомъ о поводѣ такого предложенія, я съ улыбкою согласился на это; тогда онъ сказалъ мнѣ:

— «Я знаю, что в. пр.—во теперь не при деньгахъ и на-дняхъ заняли у Огнева (вице-губернатора) 2,000 р. для отсылки къ женѣ вашей. Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги. Мы, откупщики, имѣемъ коренное правило—ежемесячно часть нашей

приблили удѣлять начальству, и я смѣю просить васъ оказать мнѣ такую же благосклонность, какъ и предмѣстники ваши допускали: дозволить, въ случаѣ нужды, предлагать отъ души пособіе.

— Г. Бенардаки, — сказалъ я, — вы видите, что я нисколько не оскорбляюсь вашимъ предложеніемъ, ибо то, что уже вошло въ правило, не смѣю называть умысломъ въ обидѣ. Но позвольте же и мнѣ быть съ вами откровеннымъ. Мнѣ рекомендовали васъ какъ самаго честнаго и благороднаго человѣка; многія дѣйствія ваши къ пособію нуждающимся и вообще всѣмъ, которые участвуютъ съ вами въ дѣлахъ, мнѣ очень извѣстны, и Жмакинъ тоже предварилъ меня, что вы всегда готовы будете ссужать меня, когда я буду нуждаться; но я отъ васъ прошу не денегъ, нѣтъ! но гораздо важнѣйшаго — вашего личнаго ко мнѣ уваженія и содѣйствія мнѣ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ ваше участіе можетъ не только сохранить, но даже поддержать мою репутацію.

Онъ началъ было опять настаивать на своихъ предложеніяхъ, но когда я, перемѣнивъ тонъ, сказалъ, что неужели онъ не вѣрить, что есть на свѣтѣ люди, искренно желающіе сохранить къ себѣ уваженіе, тогда уже онъ сталъ извиняться передъ мной и просить, чтобы я не обвинялъ его въ дурныхъ замыслахъ противъ меня. На этой попыткѣ и кончился соблазнъ и болѣе не повторялся. Затѣмъ, завязался между нами разговоръ самый интересный, касательно торговли, помѣщиковъ, удѣльныхъ крестьянъ, чиновниковъ — и здѣсь онъ выказалъ мнѣ свои чувства и дарованія въ самомъ блестящемъ и благородномъ видѣ, такъ что два часа, проведенные въ его обществѣ, незамѣтно для меня какъ прощли, и съ этого дня, признаюсь, считалъ его лучшимъ для себя собесѣдникомъ и наставникомъ, особенно въ торговомъ отношеніи.

Не болѣе какъ чрезъ мѣсяць, представился мнѣ случай провѣрить его благонамѣренность на самомъ дѣлѣ... Въ Ставропольскомъ уѣздѣ въ семь году ованчивался устройствомъ казенный Мелекесскій винокуренный заводъ, долженствовавшій ежегодно выкуривать до 800 т. ведеръ воды для Симбирской губерніи. Бенардаки указалъ мнѣ всю важность этой операціи и предварилъ меня извѣстіемъ, что, еще за нѣсколько лѣтъ, зная распоряженіе правительства объ устройствѣ этого завода, всѣ ближайшія къ оному мельницы, числомъ болѣе 20-ти, онъ постепенно бралъ въ аренду. Весь помолъ за нѣсколько лѣтъ на сихъ

мельницахъ сохраняется у него, собственно для неизбежной первоначальной поставки муки на заводъ, и теперь уже имѣется у него на лицо до 30 т. четвертей; что теперь цѣны (въ маѣ) на муку очень высоки, т. е. по 10 р. и 10 р. 50 к. за четверть, и цѣна сія всегда держится до заподряда на заводъ, а потомъ вдругъ упадаетъ; торопиться вовсе не слѣдуетъ, ибо если Богъ дастъ урожай, то цѣна навѣрное понизится до 5-ти и даже до 4 р. 50 к. за четверть, а между тѣмъ онъ знаетъ, что министерство финансовъ дѣлаетъ уже распоряженіе для закупки 180 т. четвертей хлѣба, и, возлагая это на казенную палату, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ въ тому губернатора лишь для вида и для ответственности. Дѣйствительно, черезъ недѣлю я получилъ предписаніе министра финансовъ — оказать мое содѣйствіе палатѣ, указать средства заготовленія хлѣба выгоднѣйшія, подрядомъ или покупкою и проч.

Въ это время на базарахъ мука и рожь продавалась 70, 65 и 60 к. пудъ, понижаясь въ самомъ маломъ размѣрѣ — все зависѣло отъ урожая. Торги назначались въ августъ. Лѣто все было дождливое и только въ августѣ едва окончили жать хлѣбъ; но свезти съ поля не было возможности отъ непрерывавшихъ дождей, и рожь въ копнахъ начала проростать. Къ торгамъ никто не явился. Желая лучше удостовѣриться въ средствахъ снабженія завода хлѣбомъ, я въ августѣ лично отправился въ завожскіе уѣзды. Заѣзжалъ на нѣкоторые частные заводы и отъ хозяевъ оныхъ, такъ равно отъ поселянъ и помѣщиковъ, дознавалъ — что въ этомъ мѣсяцѣ всѣ частные заводы составляли условіе на доставку туда хлѣба по 70 к., безъ залоговъ, но и не дѣлая контрактовъ; а если на Мелекесскій заводъ казна утвердитъ цѣну выше этой, то хозяева за поставленное количество обязаны цѣну уравнивать съ казенною, но на дальнѣйшій заподрядъ оставляли за собою свободу дѣйствій. Казенная же палата ежедневно два раза бомбардировала меня разрѣшить ей положительно — какъ она должна поступить: купить ли хлѣбъ, или подрядить, и по какой цѣнѣ? При этомъ всякій разъ доносили, что мелочною покупкою, на базарахъ, по утвержденной мною цѣнѣ 70 к. за пудъ, едва ли можно купить болѣе 10 четвертей въ день; выклянчили наконецъ отъ меня цѣну 80 к. за пудъ. Торги перенесли на сентябрь, и за тѣмъ, въ третій разъ, — на половину октября. Справочная цѣна въ смежности съ Симбирскою губерніей стояла на рожь по 11 р. 50 к. за четверть. Въ октябрѣ мѣсяцѣ

явился наконецъ одинъ поставщикъ съ предложеніемъ по 12 р. 75 к. отъ четверти, оговариваясь краткостью времени: бездорожье было совершенное и, по свѣдѣніямъ, молотой муки въ окрестностяхъ завода, кромѣ какъ у Бенардаки, вовсе не было. Бенардаки мѣсяца два какъ уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, гдѣ онъ купилъ огромное имѣніе; не съ кѣмъ было посоветоваться, каждый наровилъ чтонибудь и какънибудь сорвать; мнѣ приходила рѣшительно бѣда. Тутъ еще, подъ рукою, дошло до моего свѣдѣнія, что одинъ изъ чиновниковъ, состоявшихъ при мнѣ, находится въ близкихъ связяхъ съ явившимся поставщикомъ, хвастается своимъ вліяніемъ на меня, чрезъ что могла пострадать еще моя репутація, а казенная палата не переставала дѣлать мнѣ представленія о послѣднихъ торгахъ, настоятельно требуя разрѣшить и указывая, что дѣйствія завода непременно должны открыться 16-го ноября, а на заводѣ имѣется только 2 т. пудовъ муки. Въ такихъ тяжелыхъ и неприятныхъ для меня минутахъ, узнавъ я, что пріѣхалъ Бенардаки, бросился къ нему за совѣтомъ и онъ меня тотчасъ же успокоилъ, сказавъ, что на заводѣ у чиновниковъ скуплено для оборота 15 т. четвертей (а мнѣ доносили—2 т. четвертей), да у него готово болѣе 30 т. четвертей, слѣдовательно, симъ количествомъ первоначальное дѣйствіе завода совершенно обезпечено, и что онъ охотно готовъ самъ приступить къ подряду, но въ настоящее время не имѣетъ у себя залога, ибо всѣ деньги и билеты употребилъ на покупку имѣнія, но для присканія залоговъ ему нужно не болѣе десяти дней. По настоящей распутицѣ и поздней уборкѣ хлѣба, онъ не можетъ объявить цѣны ниже 9 р. 50 к. за четверть, ибо все зависитъ отъ зимы, которая можетъ установиться еще въ ноябрѣ или декабрѣ и даже январѣ мѣсяцахъ. Хлѣба же вездѣ много и въ особенности въ Оренбургской губерніи, и если бы стала зима, то хлѣбъ можно было бы купить по 5 руб. четверть и, конечно, соразмѣрно съ этимъ, и понизить объявленную цѣну—слѣдовательно, операція можетъ дать большую выгоду или однѣ хлопоты—все зависитъ отъ погоды. Къ счастью моему, въ числѣ залоговъ, представленныхъ къ торгамъ явившимся купцомъ, я призналъ нѣкоторые неудовлетворительно ясными; зашла о нихъ переписка, что дало мнѣ потребное время, а чрезъ недѣлю я далъ предложеніе казенной палатѣ, указавъ на Бенардаки, что онъ изъявляетъ желаніе вступить въ подрядъ, цѣну мнѣ открылъ 9 р. 50 к. за четверть, а потому, исполняя букваль-

по предписаніе министра финансовъ, я утверждаю сію цѣну какъ высшую, а заготовленіе разрѣшаю произвести подрядомъ. Между тѣмъ, за неокончаніемъ завода, министерство уменьшило предполагаемое заготовленіе до 500 т. ведеръ и закупку хлѣба до 115 т. четвертей. Казенная палата, исполнивъ формы новыхъ вызововъ къ торгамъ, окончательно представила мнѣ Бенардаки съ цѣною по 9 р. 25 к., которую я уговорилъ его спустить до 8 р. 90 к., и 28-го октября я утвердилъ эту цѣну. Въ тотъ же день пошелъ снѣгъ хлопьями, 1-го ноября установился великолѣпный санный путь, и Бенардаки, являсь ко мнѣ, въ послѣдствіи сознался, что ему поставка хлѣба въ сложности обошлась съ небольшимъ 5 руб. за четверть. Можно судить какой страшный барышъ онъ получилъ въ такое короткое время въ одну операцію. Весь хлѣбъ онъ доставлялъ изъ Оренбургской губерніи, по причинѣ дурнаго урожая въ Симбирской губерніи въ этомъ году. Все сіе съ строжайшею точностью я довелъ до свѣдѣнія гр. Канкринъ, который поставилъ на видъ мое распоряженіе казенной палатѣ, упрекнувъ ее въ слабомъ мнѣ пособіи съ ея стороны, и вызвалъ Бенардаки въ Петербургъ въ январѣ мѣсяцѣ, т. е. когда цѣна уже стояла по 5 р. за четверть, на поставку для будущаго года на полное количество хлѣба для 800 т. ведеръ вина 180 т. четвертей, каковую онъ и принялъ по 6 руб. 50 к. за четверть. И тутъ громадный барышъ, такъ что эти два подряда, какъ мнѣ говорилъ самъ Бенардаки въ послѣдствіи, положили главное основаніе всему его богатству.

Главное и особенное вниманіе гр. Строганова, во время пребыванія его въ Симбирскѣ, обращено было на торговлю хлѣбомъ, на рыболовные промыслы и на участіе бурлаковъ-работниковъ, нанимающихся для сплава судовъ по Волгѣ. Судохозяева, не смотря на всѣ узаконенія и правила правительства, изъ своекорыстія забираютъ на суда чернорабочихъ, часто безъ всякихъ видовъ, и тѣмъ даютъ поводъ къ укрывательству и къ переходамъ бѣглыхъ и дезертировъ; выдаютъ таковымъ для приманки задатки, и по прибытіи на мѣста—угрозами, что они объявятъ о ихъ виновности и неимѣніи вида, задерживаютъ условленную плату; во время пути не имѣютъ о нихъ вовсе никакого попеченія и случись кому нибудь изъ бурлаковъ заболѣть, такъ что онъ не въ силахъ былъ бы работать, хозяева безжалостно высаживали его на берегъ и кидали тамъ какъ собаку, а въ случаѣ смерти—такъ въ воду, безъ погребенія.

Не знаю какія потомъ послѣдовали мѣры къ отстраненію и къ прекращенію сего зла, но онѣ были необходимы, въ виду той безчеловѣчности и въ особенности той безнравственности, въ которой были поставлены рабочіе въ отношеніи соблюденія условій и договоровъ хозяевами.

И. С. Жиркевичъ.

Сообщ. В. И. Жиркевичъ и С. Д. Карповъ.
(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

и его ХІІ-хъ лѣтняя художественная дѣятельность

1836—1878.

VІІІ ¹⁾).

Графъ В. Н. Панинъ.—Рецензія Кувольника.—Плаваніе по Архипелагу.—
Картины Айвазовскаго въ Берлинѣ.—Праздникъ въ Феодосіи.—Перечень
картинъ за первое десятилѣтіе.

1845—1847.

Высшее вниманіе къ художнику Государя и членовъ августѣйшаго его семейства побудило нанять высшій кругъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относиться къ Айвазовскому. Не говоря уже о меценатахъ царствованія Николая Павловича, каковы были, напримѣръ, графы братья Віельгорскіе, графы Строгановы, князья Гагарины и др., должно замѣтить, что 33 года тому назадъ большинство нашихъ вельможъ отличалось особенною любовью къ изящнымъ искусствамъ; Айвазовскому же оказывали сочувствіе даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ, по видимому, трудно было и допустить любовь къ изящному. Такъ, напримѣръ, тогдашній министръ юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, всегда отличавшійся, при совершенной вѣжливости, холодностью и какъ бы черствостью обхожденія, былъ въ такомъ восторгѣ отъ картинъ Айвазовскаго, что выразилъ художнику желаніе украсить комнаты свои произведеніями его кисти. Для графа Панина, художникъ написалъ двѣ большія картины: «видъ Неаполя, съ группою рыбаковъ, слушающихъ импровизатора», и

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ ХХІ, стр. 649—674; томъ ХХІІ, стр. 423—445.

«лунную ночь въ Амальфи, съ группою бандитовъ, среди которыхъ Сальваторъ Роза пишетъ съ натуры окрестный пейзажъ». До отсылки этихъ картинъ къ графу Панину, Айвазовскій препроводилъ ихъ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая, во дворцѣ своемъ, представила ихъ Государю. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, художникъ случайно встрѣтилъ императора Николая Павловича, на Большой Морской, по которой онъ пѣшкомъ возвращался изъ Маринскаго дворца въ Зимній.

— «Я любовался твоими картинами, — сказала Государь, поздравившись съ Айвазовскимъ, — онѣ прелестны! Если бы можно, то, право, я отнял бы ихъ у Панина... Напиши ему другія!»

Художникъ передалъ слова августѣйшаго своего покровителя графу Матвѣю Юрьевичу Вильгорскому, но не могъ дозволить себѣ (чего не одобрилъ бы и Государь) несправедливаго поступка, тѣмъ болѣе въ отношеніи министра юстиціи, и доставилъ князю Панину свои картины, получивъ за нихъ опредѣленное вознагражденіе. Это было на Страстной недѣлѣ 1845 года (8-го—14-го апрѣля). Въ первый день св. Пасхи, раннимъ утромъ, выйдя въ столовую къ чаю, Айвазовскій съ удивленіемъ увидѣлъ на столѣ великолѣпную чайную чашку севрскаго фарфора, куличъ, красныя яйца и нѣсколько кустовъ цвѣтущихъ розановъ. На вопросъ, откуда все это? слуга отвѣчалъ, что раннимъ утромъ вещи эти привезены были дворецкимъ графа В. Н. Панина. Подобная внимательность со стороны челоуѣка угрюмаго, дѣловаго и мало общительнаго, тронула художника; чашку — подарокъ графа онъ хранить донинѣ, какъ воспоминаніе о нѣсколькихъ пріятнѣйшихъ минутахъ художественной своей дѣятельности.

Въ исходѣ апрѣля того же 1845 года, Иванъ Константиновичъ уѣхалъ въ Крымъ. Пребываніе его въ родномъ краю нельзя было (какъ полагали нѣкоторые) назвать отдыхомъ; напротивъ: южная природа была неистощимымъ источникомъ вдохновенія для трудолюбиваго художника, и въ Крыму все лѣто до поздней осени онъ работалъ гораздо болѣе, нежели зимою, въ Петербургѣ. Погруженный въ свои художественныя занятія, Айвазовскій не имѣлъ ни времени, ни желанія писать въ столицу къ своимъ знакомымъ отчеты о своей дѣятельности. Между тѣмъ въ Петербургѣ готовилась академическая выставка, на которую Иваномъ Константиновичемъ не было доставлено ни одной картины изъ

написанныхъ имъ въ Крыму, а написано ихъ было не мало. Къ слову сказать — при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, доставка картинъ съ отдаленнаго юга въ Петербургъ была сопряжена со множествомъ затрудненій. Картины даже небольшихъ размѣровъ приходилось накатывать на деревянные вальцы съ стержнями на концахъ; затѣмъ вальцы вкладывались въ деревянные цилиндры, наглухо запаковываемые. Подобная отправка, безъ личнаго надзора самого художника, была дѣломъ болѣе нежели рискованнымъ.

Выставка въ академіи художествъ 1846 года обилвала пейзажами; многочисленная публика не безъ похвалъ отзывалась картинахъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ: А. М. Дорогова, И. Иванова, С. М. Воробьева, братьевъ Чернецовыхъ, Шулмана, Лагоріо, Кокука и Майера. Въ обзорѣ выставки, Кукольникъ, по поводу морскихъ видовъ Лагоріо, упомянулъ въ своей «Иллюстраціи»¹⁾ объ отсутствовавшемъ Айвазовскомъ:

— «Айвазовскій не явился въ настоящую выставку съ многочисленной семьей своихъ произведеній, которыя бы не мало ее оживили. Не можетъ быть, чтобы въ это время онъ не написалъ ничего; до отъѣзда его мы уже видѣли нѣсколько большихъ картинъ, написанныхъ послѣ годичной выставки 1844 года; вѣроятно, по случаю отъѣзда художникъ не успѣлъ распорядиться доставленіемъ написанныхъ имъ картинъ въ академію, и выставка потеряла много».

Пятнадцати-мѣсячный періодъ отсутствія Айвазовскаго изъ С.-Петербурга (съ апрѣля 1845 по іюль 1846 года) былъ достопамятнымъ въ его художественной дѣятельности. Въ этотъ періодъ, независимо отъ замѣчательныхъ своихъ работъ во время пребыванія его въ Крыму, Иванъ Константиновичъ имѣлъ честь, по волѣ Государя, сопровождать Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Николаевича въ его плаваніи къ берегамъ Европейской Турціи, Малой Азіи и по Архипелагу. Кромѣ Константинополя, высокой путешественникъ посѣтилъ Хиосъ, Патмосъ, Самосъ, Мителене, Родосъ, Смирну, развалины древней Трои, Синопь и многіе другіе острова Архипелага и мѣстности Леванта и береговъ Анатолиі. Это путешествіе доставило Айвазовскому обширный запасъ эски-

¹⁾ «Иллюстрація» 1846 года 4-го мая, № 52, стр. 245.

зовъ и обогатило его счастливую художественную память множествомъ новыхъ впечатлѣній. Дыннѣ онъ ознакомился съ морями—Балтійскимъ, Чернымъ, Атлантическимъ и Средиземнымъ; теперь наглядное изученіе гидрографіи Европы было дополнено плаваніемъ по Архипелагу и Мраморному морю, по рубежу Европы и Азии. По собственному отзыву нашего художника, только повровительство русскаго царя могло дать ему столько средствъ къ ознакомленію съ водною стихією и разнообразѣйшими ея типами въ двухъ частяхъ свѣта: милости и щедроты покойнаго Императора дали возможность Айвазовскому видѣть лазурныя воды и небеса Неаполя, побережья Адриатики, посѣтить двѣ колыбели древнихъ искусствъ, Римъ и Византію, берега Леванта, острова Архипелага, скалы Аэона—мѣстности, съ которыми такъ неразрывны воспоминанія о первыхъ вѣвахъ христіанства. Нельзя обойти молчаніемъ и того обстоятельства, что вторичное морское путешествіе Айвазовскаго было имъ совершено въ свѣтѣ августѣйшаго генералъ-адмирала, сына императора всероссійскаго. Государь, въ милостивомъ вниманіи своемъ къ талантливому художнику, желалъ доставить ему всѣ тѣ удобства, которыми онъ могъ пользоваться лишь сопутствуя царскому сыну, которыя для простаго путешественника, даже и при значительныхъ средствахъ, немислимы. За десять лѣтъ передъ тѣмъ Айвазовскій сопровождалъ Великаго Князя Константина Николаевича въ плаваніи Его Высочества по Балтійскому морю; теперь удостоился той же чести при посѣщеніи Великимъ Княземъ береговъ далекаго юго-востока. Художественное свое поприще Айвазовскій началъ морскимъ путешествіемъ и имъ же было ознаменовано первое десятилѣтіе его художественной дѣятельности. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ безвѣстный юноша сдѣлался европейскою знаменитостью; Италия, Франція, Англія, Нидерланды восхищались его произведеніями, съ уваженіемъ приносили его имя; на родинѣ монаршее благоволеніе доставило Айвазовскому почетное положеніе въ обществѣ, и восторгъ, возбуждаемый его произведеніями во всѣхъ классахъ общества, былъ надежнымъ залогомъ за упроченіе его славы и за обезпеченіе его матеріальнаго благосостоянія.

Лѣтомъ 1846 года, по возвращеніи изъ своего путешествія, Айвазовскій, со свойственною ему быстротою, воспроизвелъ и выставилъ въ Одессѣ и Феодосіи двѣнадцать картинъ, о которыхъ

одни изъ посѣтителей этой превосходной выставки писали въ Кукольнику слѣдующее письмо, тѣмъ болѣе любопытное, что оно проникнуто искреннимъ восторгомъ, который овладѣвалъ зрителями картинъ Айвазовскаго еще въ первые же годы его художественной дѣятельности.

— «Огъ написалъ здѣсь (въ Крыму) въ короткое время двѣнадцать картинъ, изъ коихъ семь—превосходны, по нѣбѣию моему, до высшей степени. Онѣ, при первомъ взглядѣ, показались мнѣ какими-то явленіемъ чуда, видѣніемъ, призракомъ. Онѣ выражены не земною рукою, а какъ будто огнемъ Прометеевымъ; не красками, а ными элементами, лучами, выдернутыми изъ солнца и луны. Едва-ли онъ производилъ доселѣ что либо совершеннѣе! Не имѣю притязанія на званіе знатока, а сужу по впечатлѣніямъ и ощущеніямъ, которыя переданы вѣрно, и не боюсь упрека въ пристрастіи—потому, что произведенія Айвазовскаго, о нихъ же говорю выше всякаго пристрастія».

Печатая это письмо въ своемъ изданіи ¹⁾, Кукольникъ присоединилъ къ нему такого рода замѣтку:

— «Признаемся, что, не видавъ картинъ, о которыхъ здѣсь сказано, мы вѣримъ и убѣждены, что такъ есть, такъ быть должно, потому что предѣлы развитія таланта такого, какъ талантъ Айвазовскаго, безпощадны и безбрежны, какъ стихія, имъ любимая, имъ изображаемая. Неужели художникъ лишитъ Петербургъ удовольствія, которыми воспользовались Одесса и Феодосія? Пусть послѣдняя—его родина, но Петербургъ—его училище. Заплатите же, дорогой художникъ, каждому свое!»

Но опасенія Кукольника были напрасны: черезъ мѣсяцъ Иванъ Константиновичъ, со своими картинами, прибылъ въ Петербургъ, и тотъ же рецензентъ былъ однимъ изъ первыхъ, которымъ удалось полюбоваться новыми произведеніями Айвазовскаго:

— «Двѣ новыя картины И. Б. Айвазовскаго, — писалъ Кукольникъ ²⁾, — «видъ Принцевыхъ острововъ съ высоты втичяго полета, на Мраморномъ морѣ» и «видъ Константинополя». Въ первой Айвазовскій далъ намъ являетса въ полной зрѣлости обширнаго своего таланта. Освѣщеніе дерева, но исполнено удачно; зной розлитъ въ картинѣ такъ осязательно, что, кажется, ощущаешь его мнѣніе. Великолѣпенъ и видъ великолѣпнаго Константинополя; это какое-то очаровательное смѣнаніе красокъ и луннаго свѣта, это картина высшего эффекта. Въ сомнѣнію, еодосійскія его картины не дома и мы должны были отложить удовольствіе видѣть ихъ до другаго времени, когда художникъ откроетъ свою мастерскую для публики, какъ онъ предполагаетъ, и представить, такъ сказать, отчетъ въ своемъ изумительномъ трудолюбіи».

¹⁾ «Иллюстрація» 1846 г. 6-го іюля, № 61, стр. 393.

²⁾ «Иллюстрація» 1846 г. 3-го августа, № 64, стр. 445.

По волю Государа, картинк: «Афонская гора», «Прицеви острова», «Константинополь» и «Аю-Дагъ ночью» посланы были на художественную выставку въ Берлинь. Тогдашній король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV ¹⁾ и все его семейство отнеслись въ произведеніямъ русскаго художника съ живѣйшимъ сочувствіемъ; но ковылавъ нѣмецкихъ живописцевъ и газетныхъ рецензентовъ распался на два лагеря: одинъ—отрицалъ дарованіе въ Айвазовскомъ вопреки очевидности (зачѣмъ-де не учился у насъ, въ Дюссельдорфѣ); другой, признавая въ немъ громадный талантъ, приписывалъ его развитіе пребыванію художника въ Помераніи и его (мнимому) физическому недостатку—глухотѣ ²⁾... Во всякомъ случаѣ появленіе картинъ Айвазовскаго на берлинской выставкѣ надѣлало много шуму въ художественномъ мірѣ Германіи.

Осенью 1846 года въ № 34 «Иллюстраціи» (14-го сентября) Кукольникъ напечаталъ небольшой біографическій очеркъ Ив. К. Айвазовскаго съ приложеніемъ его портрета и политипажныхъ снимковъ съ его двухъ картинъ. Въ этой статьѣ находимъ слѣдующія весьма любопытныя подробности о пребываніи Ивана Константиновича въ Крыму, весною того же 1846 года:

— «Не вѣривъ намѣреніямъ художника, но, вавъ бы то ни было, онъ стронится въ Теодосіи; хорошенькая вилла, по его собственному рисунку, возникаетъ въ этомъ прекрасномъ по мѣстоположенію городѣ. Айвазовскій надѣется переселиться туда на постоянное жительство, завести обширную мастерскую, которая въ то же время послужила бы и школою живописи для того края. Эта мысль весьма основательна. Край, гдѣ природа тепла и ровна; гдѣ живописнѣйшія мѣстности, такъ сказать, на одномъ бассейнѣ расположены въ непрерывной послѣдовательности; гдѣ, наконецъ, волнуется одно изъ самыхъ картинныхъ морей,—такой край, безъ сомнѣнія, можетъ слушить лучшей академіей для художниковъ по части морской и пейзажной живописи. Мы увѣрены, что тамъ могла бы, и съ большимъ успѣхомъ, развиться и академія исторической живописи. Намъ рассказывали люди достойные вѣры, что нѣрѣдко въ греческихъ матросахъ имъ случалось встрѣчать оригиналы знаменитыхъ античныхъ статуй. Мысль усвоенія живони-

¹⁾ Родился 15-го октября 1795 года; наследовалъ отцу своему, Фридриху Вильгельму III, 7-го іюня 1840 г.; царствовалъ до 9-го октября 1858 г., назначивъ регентомъ брата своего, нынѣшняго императора германскаго; умеръ 2-го января 1861 года.

²⁾ См. выше «Русскую Старину», томъ XXI, стр. 651.

свои школы южной Россіи столь же основательны, какъ и мысль Потемкина устроить музыкальное училище въ Малороссіи ¹⁾). Айвазовскій хотѣлъ ознаменовать свое пребываніе на родинѣ какими нибудь пріятнымъ и прочнымъ воспоминаніемъ и сдѣлалъ выставку картинъ и праздннкъ. Для того избрагъ онъ 21-е число мая, день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Гости съѣхались изъ Севастополя, Симферополя и другихъ городовъ; было не мало и дамъ. Въ числѣ гостей назовемъ таврическаго губернатора В. И. Пестеля, керченскаго градоначальника князя З. С. Херхеулидзева, А. И. Казначеева и командира корабля «Двѣнадцать Апостоловъ» В. А. Корнилова. Отслушавъ божественную литургію съ молебномъ, гости посѣтили выставку, а на праздникъ стали собираться въ шестомъ часу вечера, на дачу знаменитаго казаскаго героя Петра Степановича Ботляревскаго. Въ шесть часовъ началась конная скачка. Потомъ «джигитъ»—особаго рода ристаніе, на которомъ соперники на лошадяхъ, на всемъ скаку, должны отнимать другъ у дружки платки; дамы раздавали призы. Въ девять часовъ начался балъ; танцы были прерваны на время фейерверкомъ, потомъ ушшоумъ на 300 персонъ, въ палатѣ иллюминированнаго сада; балъ кончился въ четвертомъ часу утра. Однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ было желаніе художника, предъ лицомъ согражданъ и почетныхъ гостей, а слѣдственно, и предъ всеми, выразить чувства глубокой, искренней благодарности Александру Ивановичу Казначееву, который отеческимъ попеченіемъ въ судьбѣ молодаго таланта облегчилъ ему путь къ блистательной дѣлѣ, путь—столь трудный въ началѣ».

Этотъ рассказъ о праздннкѣ въ Θεодосіи мы можемъ дополнить по воспоминаніямъ самого Ивана Константиновича. Изъ Севастополя, кромѣ линейнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ», прибыло тогда еще до пяти военныхъ судовъ. Музыка гремѣла на нихъ неумолкаемо; съ сумерекъ реи и снасти были унизаны разноцвѣтными фонарями и переливчатые ихъ огни по временамъ блѣднѣли предъ зажигаемыми по бортамъ фальшфейерами. Можно сказать, что воинственный Севастополь посѣтилъ мирную Θεодосію... И черезъ девять лѣтъ, корабли, сослуживъ свою долгую и славную службу, погрузились во влажную могилу Корабельной бухты; изъ моряковъ—Корниловъ, сотни офицеровъ и тысячи матросовъ легли костями на окровавленныхъ развалинахъ Севастополя.

Осенью того же 1846 года исполнилось, какъ мы говорили

¹⁾ Именно въ Кременчугѣ. Но эта благая мысль такъ же быстро погасла, какъ и вспыхла. Ея неосуществленіе довело до самоубійства талантливаго нашего композитора М. С. Березовскаго (См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 42).

выше, первое десятилѣтіе художественной дѣятельности Айвазовскаго. Куюольникъ въ статьѣ своей приложилъ списокъ картинъ Ивана Константиновича, далеко не полный, такъ какъ въ него вошли картины лишь большихъ размѣровъ, написанныя съ 1839 года. Представляемъ его дополненнымъ самимъ художникомъ:

1836—1838 г. въ Петербургѣ и въ Крыму: 1—8) Морскіе виды, бывшіе на академической выставкѣ. 9—13) Лунная ночь, восходъ солнца, буря на Черномъ морѣ, видъ на южномъ берегу Крыма.

1839 г.: 14) Видъ Севастополя (въ Кронштадтскомъ дворцѣ). 15) Дессантъ у Субани (у В. К. Константина Николаевича). 16—17) Два морскіе вида (у г. Томилова). 18) Юсуфъ ночью и нѣсколько малыхъ пейзажей (у г. Тарновскаго)

1840 г. въ Венеціи: 19) Буря въ морѣ. 20) Монастырь Санъ-Джацаро. 21) Лунная ночь. Въ Неаполѣ: 22) Севастопольская эскадра въ неаполитанскомъ рейдѣ (у брата короля неаполитанскаго. 23—24) Амальфи и Сорренто. 25) Неаполитанскій флотъ (у короля неаполитанскаго). 26) Буря ночью (розыграна въ лотерею и выиграна г. Лауріо). 27) Буря (у короля неаполитанскаго). 28) Шквалъ на морѣ (у графа Гурьева). 29) Морской видъ (у герцога Монтебелло). 30) Буря близъ Капри (у г. Галахова). 31) Неаполитанская ночь (у князя А. М. Горчакова). Послѣднія четыре картины были на выставкѣ въ Римѣ.

1841 г.: 32—33) Два вида Неаполя (у графа Зубова). 34—35) Оценны на неаполитанскомъ рейдѣ (у г. Энглафштейна), были на выставкѣ въ Римѣ. Нѣсколько малыхъ картинъ.

Въ Римѣ: 36—37) Видъ Неаполя (у генерала Вартона). 38—39) То же (у лорда Молле). Нѣсколько малыхъ картинъ.

Въ Неаполѣ: 40—41) Амальфи и Сорренто (во дворцѣ въ Александріи). 42—43) Капри при лунѣ и Веккія (тамъ же).

1842 г. въ Римѣ: 44) Ночь въ Неаполѣ (у князя Витгенштейна). 45) Утро въ Неаполѣ (у графа Тышкевича). 46) Неаполитанская ночь (у И. М. Толстаго), была на выставкѣ въ Петербургѣ. 47—48) Виды Неаполя (куплены въ Вѣну). 49—50) Окрестности Неаполя (у г. Васильчикова). 51) Неаполитанскій видъ (у княгини Долгоруковой, рожд. Давыдовой). 52) Хаосъ (у папы Григорія XVI). 53—54) Морскіе виды (у княгини Гагариной). 55) Лазурный гротъ (у великой княгини Маріи Николаевны). 56) То же (купленъ въ Англію). 57) Морской видъ (у профессора Вруци). 58) То же (у г. Григоровича). Въ Лондонѣ: 59—60) Неаполитанскіе виды (куплены тамъ же). Въ Венеціи: 61) Лунная ночь (у в. княгини Маріи Николаевны). 62) Монахи ладзариты (у г. Давыдова). 63) Видъ Венеціи (во дворцѣ въ Александріи); была на выставкѣ въ Парижѣ и въ Петербургѣ. 64) Видъ

Венеціи съ Лидо (во дворцѣ въ Александріи). 65) Буря. 66) Тишь (у банкира Тревизо). 67) Венеціанскій видъ (купленъ въ Триестъ). Въ Парижѣ: 68) Буря (у князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго). 69) То же (у Государя Императора). 70) Лаго Маджіоре (у князя Витгенштейна).

1843 г.: 71) Утро. 72) Ночь (у Дюранъ-Рюэля; отъ него перешли къ г. Годшарлю, у послѣдняго куплены адъютантомъ короля нидерландскаго и посланы въ Батавію). 73—74) Буря и Тишь (куплены въ Америку). Въ Баднѣ: 75) Буря (у русскаго генеральнаго консула г. Кесслера). 76) То же (куплена въ Англию).

1844 г. въ Парижѣ: 77) Женщины на морскомъ берегу. 78) Рыбаки (въ Знаменскомъ дворцѣ). 79) Абхазскій берегъ (у Его Высочества В. К. Константина Николаевича). 80—81) Морскія сцены (у князя Трубецкаго). 82) То же (у князя Барятинскаго). 83) То же. (у графа Протасова). 84—87) Виды моря (у князя Кочубея). 88) Испанская сцена (у графа М. Ю. Вильгорскаго). 89) Мальта (у Его Высочества В. К. Николая Николаевича). 90—91) Венеціанская ночь и морская сцена (у князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго). 92) Буря ночью (у г. Томилова). 93—94) Морскіе виды (у г. Шипшарева). Много картинъ малыхъ размѣровъ. Въ Гагѣ: 95) Гибралтаръ ночью. 96) Венеціанскій видъ (осталась тамъ). Въ Петербургѣ: 97) Петергофскій фонтанъ. 98) Ревель. 99) Свеаборгъ. 100) Кронштадтъ. 101) Гельсингфорсъ (у Государя Императора). 102) Кронштадтскій рейдъ съ парохода «Богатырь».

1845: г. 103) Ночь въ Венеціи (у графа Зубова). 104—106) Неаполитанскій импровизаторъ и Сальваторъ Роза у бандитовъ (у графа В. Н. Панина). 106) Алибанте (у г. Пашкова). 107) Малага. 108) Лаго Маджіоре (у И. М. Толстаго). 109—110) Испанскія и венеціанскія сцены (у великой княгини Маріи Николаевны). 111) Неаполь (у А. И. Казначеева). 112) Ночь въ Неаполѣ (во дворцѣ въ Александріи). 113) Видъ Салерно. 114) Буря (у Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора). 115) Клодъ Лорренъ (у графа Зубова). 116) Италіанскій видъ (у графа Мордвинова). 117) То же (у князя Гагарина).

1846 г. въ Крыму: 118—121) Виды Севастополя, Феодосіи, Керчи и Одессы (у Государя Императора). 122) Константинополь (у Государыни Императрицы). 123—124) Турецкая кофейня и чайхана съ турчанками (у Государыни Цесаревны, нынѣ Императрицы Маріи Александровны). 125) Монастырь св. Георгія въ Крыму (у Его Высочества В. К. Константина Николаевича). 126) Троя. 127) Буря (у наслѣдниковъ Т. Б. Потемкиной, въ пользу бѣдныхъ). 128) Феодосія (у А. И. Казначеева). 129) Морскія сцены. Въ Петербургѣ: 130) Принцесы острова на Мраморномъ морѣ, 131) Константинополь, 132) Афонская гора и 133) Аю-Дагъ ночью,—посланы въ Берлинъ. 134—135) Морскіе виды. 136) Венеція. 137) Монастырь св. Георгія (у Ея

Имп. Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны, королевы вюртембергской). Въ исходѣ того же 1846 года, по желанію Государя Императора, были написаны: 138—144) Морскія битвы при Ревелѣ, Выборгѣ, Чесмѣ и Красной Горкѣ; два момента Чесменской битвы и «Петръ I при Красной Горкѣ, зажигающій костеръ на берегу для подачи сигнала гибнущимъ своимъ судамъ». 145) Гибель фрегата «Ингерманландъ»¹⁾, для Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

IX.

Картина для графини Бобринской.—Посѣщеніе Государя Николая Павловича.—Москва и А. П. Ермоловъ.—Графъ Чернышевъ.—Выставка новыхъ картинъ въ Одессѣ.—Празднество въ честь художника.—Картина Сверчкова.—Морскіе маневры.—Гоголь.—Жуковский.—Брылловъ.

1847—1852.

Быстрота, неутомимость и разнообразіе—таковъ былъ, таковымъ и донныѣ остался художественный девизъ Айвазовскаго. Судя по вышеприведенному каталогу его картинъ, можно подумать, что онъ повторялся, изображая почти неизмѣнно одни и тѣ же сюжеты; но подобная мысль была-бы совершенно несправедлива. Въ картинахъ этого художника утро, ночь, буря, тишь, восходъ и закатъ луны или солнца—точно такъ же разнообразны, какъ и въ самой природѣ. Какъ небо и море ежечасно измѣняютъ свой блескъ и колоритъ, такъ и на картинахъ Айвазовскаго одинъ и тотъ же сюжетъ измѣняется до безконечности. Въ теченіе 1847 г. имъ написано было свыше двадцати морскихъ видовъ и пейзажей; кромѣ того: «корабль «Императрица Марія», застигнутый ураганомъ на Черномъ морѣ во время плаванія Государя Николая Павловича изъ Варны въ Одессу, въ октябрѣ 1828 года» (для И. А. Яковлева), «вилла г. Перовскаго на южномъ берегу Крыма», «монастырь св. Георгія» (для Ѳ. И. Прянишниковъ), «видъ Аeonской горы и острововъ Архипелага» (для графини Бобринской, рожд. Самойловой). За картины, бывшія на академической выставкѣ въ 1847 году, Айвазовскій былъ удостоенъ званія профессора.

Во время работы художника надъ картиною для графини

¹⁾ Этотъ 74-хъ пушечный корабль погибъ въ Каттегатѣ 1-го сентября 1841 года. Въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» находится рукопись очевидца этого страшнаго событія, которая будетъ напечатана на страницахъ этого изданія.

Бобринской, былъ съ нимъ слѣдующій случай. По желанію графини, Иванъ Константиновичъ задумалъ, на берегу изображаемой имъ мѣстности, написать группу грека и гречанки, безпечно любующихся закатомъ солнца. Гречанку, въ небрежной позѣ, съ роскошными, распущенными волосами, художникъ намѣревался скопировать съ находившейся тогда въ Петербургѣ жены брусельскаго адвоката Дю—тье, съ которымъ онъ познакомился въ чужихъ краяхъ. Красавица охотно согласилась посѣтить мастерскую Ивана Константиновича (онъ жилъ тогда подлѣ Ордонансъ-Гауза, въ домѣ Яковлевой) и позировалась въ восточномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ шелковой сорочки, опоясанной шарфомъ. Предложивъ посѣтительницѣ отличный завтракъ съ бутылкою шампанскаго, художникъ занялся списываніемъ фигуры съ добровольной натурщицы, приказавъ слугѣ отказывать посѣтителямъ. Углубленный въ живопись, Айвазовскій вдругъ услышалъ въ корридорѣ голосъ посѣтителя, предъ которымъ отверзаются не только всѣ двери дворцовъ и чертоговъ вельможъ, но и самыя царскія врата храмовъ божіихъ—короче сказать, посѣтителемъ художника былъ государь Николай Павловичъ, третій разъ удостоивавшій Айвазовскаго своимъ посѣщеніемъ. Съ палитрою въ рукахъ, въ рабочей своей курткѣ, художникъ поспѣшилъ встрѣтить августѣйшаго своего гостя. Государь, обращаясь къ Айвазовскому, упомянулъ о заказѣ морскаго вида для дворца; вѣтѣмъ, быстро проходя въ мастерскую, спросилъ: «что пишешь поваго?» Иванъ Константиновичъ не успѣлъ отвѣтить, какъ государь уже переступилъ порогъ мастерской. Г-жа Дю—тье, вскочивъ съ мѣста, краснѣя за свой костюмъ, сдѣлала глубочайшій реверансъ, путаясь въ шарфѣ, упавшемъ съ ея талии. Государь съ любезною улыбкою поклонился растерявшейся французенкѣ, шепнувъ Айвазовскому: «Очень не дурна; кто такая?»

Назвавъ свою «гречанку», Айвазовскій поспѣшилъ объяснить сюжетъ картины и для кого она пишется. «Этотъ костюмъ нуженъ былъ для картины»,—пояснилъ онъ.

— «Да, да... нуженъ, очень нуженъ!»—сказалъ государь улыбаясь и, отходя къ картинѣ, опять произнесъ вполголоса: «Барыня очень недурна... для картины. А кому ты ее пишешь?»

— Графинѣ Бобринской, ваше величество.

— «Такъ, такъ; хорошо»...

Откланявшись французенкѣ, государь вышелъ смѣясь въ дру-

гую комнату, опять напомнилъ художнику о заказѣ и, прощаясь съ нимъ, сказалъ:

— «Смотри, моря-то мнѣ не забывай!»

Въ 1848 году, проведя, по обыкновенію, весну и лѣто въ Крыму, Иванъ Константиновичъ (въ тотъ годъ—новобрачный) осенью прибылъ въ Москву, гдѣ выставилъ до десяти большихъ картинъ, изъ которыхъ шесть были куплены императоромъ. Въ числѣ ихъ находился нынѣ хранящійся въ Эрмитажѣ: «Девятый валъ»—одно изъ поразительнѣйшихъ произведеній кисти Айвазовскаго. Въ Москвѣ-же художникъ нашъ имѣлъ честь познакомиться съ незабвеннымъ героемъ, маститымъ «провонсуломъ» Кавказа—Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

Глубоко вѣзались въ память Ивана Константиновича черты лица, осанка, голосъ и очаровательное вѣжливостью своею обхожденіе Ермолова. Когда его посѣтилъ Айвазовскій, то Алексѣй Петровичъ выразилъ желаніе видѣть, какъ пишетъ художникъ. Съ удовольствіемъ исполняя желаніе старца, Иванъ Константиновичъ просилъ его пожаловать къ нему въ ближайшій день къ десяти часамъ утра. Ермоловъ пріѣхалъ къ дому, въ которомъ жилъ Айвазовскій, минутой двадцатью ранѣе, и до назначеннаго часа пробылъ въ сосѣднемъ книжномъ магазинѣ. Съ послѣднимъ ударомъ десяти часовъ, Алексѣй Петровичъ былъ въ мастерской Айвазовскаго. Тогда Иванъ Константиновичъ, взявъ небольшую рамку съ полотномъ, въ теченіе двухъ часовъ, на глазахъ своего почетнаго гостя, написалъ видъ кавказскихъ скалъ у береговъ Чернаго моря, на нихъ группы чересовъ, смотрящихъ на вочерму, разбивающуюся о прибережные камни. Ермоловъ все время не сводилъ глазъ съ картины, такъ быстро возникавшей подъ кистью Ивана Константиновича. Сюжетъ ея пробудилъ въ сердцѣ престарѣлаго льва воспоминанія о быломъ и предметомъ его разговоровъ съ художникомъ былъ, разумѣется, Кавказъ—несокрушимый пьедесталь, на которомъ Россія вѣчно будетъ видѣть Ермолова. Съ послѣднимъ взмахомъ кисти художника, въ прихожей раздался звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ въ залу вошелъ пожилой лѣтъ человекъ съ сѣдою бородой. «Если позволите,—сказалъ онъ выпедшему въ нему Ивану Константиновичу,—я зайду къ вамъ въ другое время; теперь у васъ А. П. Ермоловъ, а я не знаю—приятно ли ему будетъ увидѣть меня».

— Но съ кѣмъ-же имѣю удовольствіе говорить?

— «Я Чернышевъ—бывшій членъ общества «союза благоденствія».

Иванъ Константиновичъ передалъ Ермолову сомнѣніе престарѣлаго декабриста и тогда Алексѣй Петровичъ быстро всталъ съ кресель, вышелъ самъ къ графу Чернышеву, назвалъ его по имени и отчеству, горячо обнялъ и вообще обошелся какъ съ давнимъ и дорогимъ другомъ. Много было трогательнаго, по словамъ Ивана Константиновича, въ бесѣдѣ двухъ старцевъ—такъ различно окончившихъ ихъ служебное поприще....

На слѣдующій день Айвазовскій послалъ Ермолову въ подарокъ картину, при немъ написанную. За нее Алексѣй Петровичъ отблагодарилъ художника весьма любезнымъ письмомъ, проникнутымъ искреннимъ восторгомъ и какъ-бы поэтическимъ вдохновеніемъ. Это письмо, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, полученныхъ отъ Ермолова, донныя сохраняется у Ивана Константиновича ¹⁾.

Въ теченіе 1849 — 1850 гг. Айвазовскимъ было написано свыше тридцати картинъ, большихъ и малыхъ. Изъ картинъ большаго размѣра назовемъ: «Наваринскій бой», «заложеніе Петербурга въ 1703 году», «видъ Петербурга въ 1850 г.» (для императора Николая Павловича), «пожаръ Москвы въ 1812 г.» (для императора Николая Павловича), «загнѣніе солнца» (подарена художникомъ Императорскому географическому обществу) и мн. др. Въ Одессѣ Айвазовскій сдѣлалъ выставку своихъ картинъ въ пользу бѣдныхъ и сборъ былъ весьма значителенъ. Привзательные жители Одессы поднесли художнику адресъ и превосходной работы серебряную вазу съ награвированными на ней снимками картинъ, гербами: городскимъ и Айвазовскаго. На обѣдѣ, данномъ въ его честь въ клубѣ, присутствовало свыше двухсотъ гостей и въ числѣ ихъ Иннокентій, епископъ херсонскій и таврическій. Много было говорено рѣчей и читано стиховъ. Глубоко тронутый вниманіемъ одесситовъ, Иванъ Константиновичъ, въ память этого дня, написалъ въ по-

¹⁾ Полагаясь на любезное обѣщаніе нашего уважаемаго художника, надѣмся помѣстить въ «Русской Старинѣ» находящіяся у него письма Ермолова, а равно и другихъ замѣчательныхъ лицъ Россіи и чужихъ краевъ. Ред.

дарокъ клубу и одесской биржѣ двѣ картины: «туманное утро» и «италианскую ночь».

Недостаточные любители картинъ Айвазовскаго довольствовались копіями, изъ которыхъ особенно удачныя, часто пройденныя кистью самого художника, писалъ нѣкто О—скій, учитель живописи въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ знакомъ Ивану Константиновичу еще со времени посѣщенія Крыма художникомъ, года за три передъ симъ. Работалъ онъ усердно и прилежно и до нѣкоторой степени обладалъ дарованіемъ хорошаго копировальщика, но безъ особенныхъ задатковъ быть художникомъ самостоятельнымъ. Продажа копій съ картинъ Ивана Константиновича доставляла О—скому весьма порядочный доходъ. Отношенія Айвазовскаго къ этому молодому человѣку были самыя пріязненныя; лишь одинъ его недостатокъ не могъ нравиться Ивану Константиновичу: это была чрезмѣрная щепетильность и неумѣстная щелотливость вслѣдствіе излишняго самолюбія. Нашъ художникъ, можетъ быть, и не обратилъ-бы на это особеннаго вниманія, еслибы это самолюбіе не увлекло однажды О—скаго за предѣлы уваженія— не къ Айвазовскому лично, но къ уважаемому имъ искусству. Этотъ, въ сущности, простой случай служить, между многими другими, доказательствомъ пламенной любви Ивана Константиновича къ искусству.

Готовясь писать какую-то картину, Айвазовскій отправился въ магазинъ Риппа («A la palette de Raphael» — въ Большой Морской) купить небольшое полотно. Здѣсь встрѣтилъ онъ О—скаго и, узнавъ, что тотъ идетъ домой, попросилъ его захватить съ собою купленную рамку съ полотномъ. О—скій согласился и, выйдя изъ магазина, сталъ рядить извозчика къ квартирѣ Ивана Константиновича, на Михайловскую улицу. Ясная погода, близость разстоянія и небольшой объемъ полотна не могли до такой степени затруднять молодого человѣка, чтобы необходимо было ѣхать, а не идти пѣшкомъ. Заботливость, съ которою онъ пряталъ рамку подъ шинель, объяснила Айвазовскому причину: юноша стыдился идти по Невскому съ ношею, да еще, вдобавокъ, такую, по его мнѣнію, прозаическую. Айвазовскій, выйдя изъ магазина, остановилъ его. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, О—скій сконфузился и не нашелся, что сказать...

— Или вы нездоровы, устали, спѣшите куда нибудь? спрашивалъ Иванъ Константиновичъ.

То же молчаніе и смущеніе.

— Ну, хорошо,—сказалъ художникъ съ улыбкою,—дайте же мнѣ рамку, я понесу ее самъ, а вы, если хотите, идите со мною.

И взявъ подъ мышку рамку съ полотномъ, Иванъ Константиновичъ пошелъ съ О—скимъ по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта. Гуляющихъ было множество; между ними встрѣчались часто знакомые Айвазовскаго, и, какъ нарочно, лица знаменитыя или заслуженныя. Дорогою, нѣсколько разъ, О—скій пытался вытащить рамку изъ-подъ мышки Ивана Константиновича—напрасно: тотъ не выпускалъ ее изъ рукъ. По приходѣ домой онъ сказалъ О—кому:

— Вы стыдились нести по Невскому полотно для картины? тѣмъ-же эта ноша казалась вамъ неприличною? Стыдно-ли военному идти съ оружіемъ, а литератору съ книгой? Можно-ли художнику стыдиться принадлежностей его искусства? Этой странной стыдливости я не понимаю... Еслибы я былъ ваятелемъ и купилъ глыбу мрамора, то, повѣрьте, не постыдился-бы ѣхать вмѣстѣ съ нею на ломовомъ извозчикѣ!

— «Не знаю,—замѣтилъ Иванъ Константиновичъ, рассказывая намъ этотъ случай,—послужило-ли въ прокъ мое нравоученіе, но подобную щепетильность и какъ-бы пренебреженіе въ орудіямъ своего искусства мнѣ случалось встрѣчать во многихъ художникахъ. Боясь показаться ремесленниками, они тѣмъ самымъ низводятъ художество на степень ремесла».

Въ ноябрѣ того-же 1850 года Иванъ Константиновичъ былъ приглашенъ въ Зимній дворецъ къ императору Николаю Павловичу, желавшему показать ему нѣсколько картинъ иностранныхъ художниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увидѣть тѣ изъ картинъ, которыя окончены Айвазовскимъ. Особенное вниманіе Ивана Константиновича государь обратилъ на копію съ «Мадонны».

— «Какъ ты ее находишь?»—спросилъ Николай Павловичъ. Она писана русскимъ любителемъ живописи. Эта работа Сверчкова ¹⁾. Онъ служилъ въ военной службѣ, имѣлъ страсть къ живописи, но родные его никакъ не хотѣли, чтобы онъ былъ художникомъ. Чтѣ-же ты думаешь? Сверчковъ отправился пѣшкомъ въ Италію и теперь занимается живописью въ чужихъ краяхъ, и,

¹⁾ Однофамилецъ нашего извѣстнаго художника-гиппографа Н. Сверчкова. По слухамъ, въ бытность его въ Мюнхенѣ, онъ вызвалъ на дуэль баварскаго офицера, рѣзко отовзвавшагося объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

какъ видишь, успѣшно. Кромѣ того, въ Мюнхенѣ, Свертзовъ выказалъ себя истинно русскимъ!»

Проведя, по обыкновенію, весну и лѣто въ Крыму, Айвазовскій въ 1851 году провелъ нѣсколько времени въ Николаевѣ, откуда на пароходѣ «Владиміръ» сопутствовалъ государю императору въ плаваніи въ Севастополь и присутствовалъ при морскихъ маневрахъ. Государя сопровождали Наслѣдникъ-Цесаревичъ (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ), князь А. С. Меншиковъ, большая свита и, между прочими, австрійскій посолъ. Во время плаванія, государь Николай Павловичъ нерѣдко удостоивалъ Айвазовскаго милостивымъ разговоромъ, обращая его вниманіе на эффектное освѣщеніе моря, или на живописную группировку маневрировавшихъ судовъ. Совершенно довольный маневрами, императоръ, готовясь подать сигналъ къ ихъ окончанію, долго любовался пловучимъ городомъ, состоявшимъ изъ кораблей и пароходовъ Черноморскаго флота.

Вспоминая о морскихъ маневрахъ 1851 года, Иванъ Константиновичъ съ увлеченіемъ говоритъ, какъ любовался онъ кораблями Черноморскаго флота, этой семьей богатырей, повиновавшихся державной волѣ государя, бывшаго тогда во цвѣтѣ лѣтъ и мужественной красоты... И черезъ четыре года не существовало этого флота, опочилъ и государь вѣчнымъ сномъ. Видъ маневровъ послужилъ художнику какъ-бы подготовкою для будущихъ его картинъ, изображающихъ нѣкоторые эпизоды сева-стопольскаго разгрома. Въ 1851 году Айвазовскимъ было написано значительное число небольшихъ картинъ, преимущественно видовъ Чернаго моря и береговъ Крыма.

Въ началѣ 1852 года художникъ былъ въ Москвѣ, гдѣ мелькомъ видѣлъ Н. В. Гоголя. Ивана Константиновича поразила страшная худоба, блѣдность и страдальческое выраженіе лица великаго нашего писателя. Тогдашній Гоголь былъ тѣнью того веселаго, милаго собесѣдника, котораго Айвазовскій видѣлъ въ Римѣ и во Флоренці двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Мрачный мистицизмъ и религіозная восторженность, граничившая съ помѣшательствомъ, рѣзко измѣнили Гоголя и нравственно и тѣлесно. Немногими словами размѣнялся онъ съ Иваномъ Константиновичемъ, но отъ нихъ вѣяло мертвящею апатіею, холодомъ кельи или могилы... Въ томъ-же 1852 году, подъ гнетомъ того-же ми-

стицизма, окончался В. А. Жуковский, такъ сочувственно относившійся къ первымъ успѣхамъ Ивана Константиновича; наконецъ, въ Петербургъ пришла вѣсть о кончинѣ К. П. Брюллова, совѣтамъ котораго Айвазовскій, по собственному его знанію, весьма многимъ обязанъ.

X.

Картины изъ эпохи Крымской войны.—Новый родъ живописи.—Выставка въ Парижѣ.—России.—Пеллиссѣ.—Представленіе Наполеону III и императрицѣ Евгеніи.—Возвращеніе изъ чужихъ краевъ въ Россію.

1853—1859.

Настала кровавая эпоха Крымской войны, давшая новое направление отечественной литературѣ и художествамъ. Всеобщее вниманіе поглощено было войною, начало которой было такъ благоприятно нашему оружію. Айвазовскій не могъ безучастно относиться къ великимъ событіямъ—какъ русскій и какъ художникъ, которому война послужила богатымъ источникомъ для новыхъ превосходныхъ картинъ. Такимъ образомъ, онъ написалъ «Синоискій бой» (въ двухъ видахъ), «бомбардированіе Севастополя»—для этой картины онъ пріѣзжалъ изъ Харькова на Северную сторону, гдѣ и провелъ два дня; затѣмъ слѣдовали картины: «В. А. Корниловъ на бастионѣ», «бура подъ Евпаторіей», «бура подъ Балаклавой»; какъ бы для отдыха отъ сюжетовъ мрачныхъ и кровавыхъ, въ то же время Айвазовскій написалъ «малороссійскую степь съ обозомъ чумановъ». Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, проѣздомъ чрезъ Харьковъ изъ Севастополя въ Петербургъ, милостиво приняли отъ Айвазовскаго, для представленія государю императору, нѣсколько расунковъ съ изображеніемъ разныхъ эпизодовъ войны. На возвратномъ пути изъ Петербурга въ Севастополь, Ихъ Высочества передали художнику благодарность ихъ августѣйшаго родителя и слова его: «что бы ни написалъ Айвазовскій—будетъ куплено мною»... Поощренный одобреніемъ государя, тѣмъ болѣе драгоценнымъ, что въ это печальное время все монаршее вниманіе было обращено на событія и бѣдствія войны, Айвазовскій съ жаромъ принялся за писаніе нѣсколькихъ новыхъ картинъ и прибылъ съ ними въ Петербургъ, но уже не засталъ въ живыхъ державнаго своего покровителя.

Въ числѣ картинъ, привезенныхъ Иваномъ Константиновичемъ

чемъ въ Петербургъ, были: «чужаки» и «бура подъ Евпаторіей». Первая изъ нихъ была приобретена нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ; двѣ картины куплены были Кокоревымъ и графомъ В. А. Перовскимъ; обѣ нынѣ находятся у Государя Наслѣдника Цесаревича. Къ крайнему сожалѣнію почтенный художникъ не могъ нынѣ припомнить сколько именно картинъ и на какіе сюжеты было написано имъ въ теченіе 1855 года; но, во всякомъ случаѣ, общій каталогъ его картинъ (съ исчисленными выше) въ 1855 году простирался уже до 400 нумеровъ.

Въ 1856 году Айвазовскимъ было написано нѣсколько картинъ, сюжеты которыхъ были заимствованы изъ эпохи недавней войны, а также и много пейзажей разныхъ мѣстностей Малороссіи и Крыма. Нельзя не упомянуть и о превосходно выполненныхъ Иваномъ Константиновичемъ небольшихъ картинахъ—по заказу бывшихъ сотоварищей по Пажескому корпусу князя Виктора Илларионовича Васильчикова, для поднесенія ему на память.

Съ этого времени, даровитый нашъ художникъ, талантъ котораго въ теченіе двадцати лѣтъ его дѣятельности достигъ высшей степени развитія и силы,—началъ писать картины не исключительно моря, съ его бурными волнами или легкими зыбями, озаренными луною или солнечными лучами, онъ сталъ заимствовать сюжеты для картинъ изъ явленій живой природы на сушѣ, и въ этомъ, какъ бы новомъ родѣ пейзажной живописи, обнаружилъ тотъ же могучій талантъ, каковымъ отличались его произведенія какъ мариниста. Завистливая посредственность видѣла въ этомъ вторженіе въ чужія области; въ обществѣ и въ печати стали проявляться намеки на то, что Айвазовскій беретъ не за свой родъ живописи; что вистъ его, такъ чудно воспроизводящая море, не въ силахъ уловить эффекты свѣта и тѣни на широкое раздолье степей или на снѣговыхъ равнинахъ... Но это шипѣнье завистниковъ вскорѣ умолкло предъ восторженными о картинахъ Айвазовскаго отзывами всей Россіи и Европы.

Въ 1857 году, Иванъ Константиновичъ отправился въ Парижъ и выставилъ здѣсь «четыре богатства Россіи», представленныя въ пейзажахъ четырехъ временъ года. За нихъ Айвазовскій получилъ орденъ почетнаго легіона; всѣ иностранныя газеты единогласно признали, что картины русскаго художника—совершенство своего рода. Въ томъ же 1857 году, Айвазовскимъ были написаны: «туманъ», «южный берегъ Крыма», «гибель ко-

рабля «Лефортъ»¹⁾. Въ слѣдующемъ 1858 году, на нашей академической выставкѣ находились десять картинъ Ивана Константиновича, изъ которыхъ особенно громкихъ похвалъ удостоились: «зима съ видомъ постоялаго двора въ Тульской губерніи», «пастбище овецъ близъ Θεодосіи» и «камышы на Дя́вирѣ близъ м. Алешки».

Изъ личныхъ воспоминаній Ивана Константиновича о пребываніи его въ Парижѣ въ 1857—1858 гг. въ разсказахъ его сохранились немногіе эпизоды, относящіеся преимущественно къ его встрѣчамъ съ разными замѣчательными личностями того времени, каковы: Доницетти, Россини, маршалъ Пеллиссье и Наполеонъ III. Упомянутые лица оказали Айвазовскому самую любезную внимательность. Россини, во время выставки, не было въ Парижѣ; о томъ, что на ней были картины Айвазовскаго, онъ узналъ изъ газетъ, и посѣтилъ мастерскую художника. Въ это время творецъ «Вильгельма Телля», окончательно излѣнившійся, оставивъ музыку, предался душою и тѣломъ гастрономіи. Картины Айвазовскаго затронули въ немъ, однако, струнку любви къ изящному. Иванъ Константиновичъ написалъ ему небольшую картину, дая которую на память, выразилъ композитору желаніе получить отъ него на память листокъ нотной бумаги, его рукою написанный; но композиторъ-гастрономъ не удовлетворилъ скромной просьбы художника, отдѣлываясь обѣщаніями, въ сущности же, обуюнный глѣню, Россини тяготился взять неро въ руки.

Маршалъ Пеллиссье, неоднократно любовавшійся картинами Айвазовскаго, написалъ ему очень любезное письмо, въ которомъ выразилъ надежду—посѣтить Крымъ, «но не въ качествѣ недавняго врага, а въ качествѣ гостя и друга». Письмо это въ подлинникѣ донынѣ сохраняется у Ивана Константиновича.

Наполеону III и его супругѣ художникъ нашъ представлялся, по совѣту тогдашняго нашего посланника въ Парижѣ, графа Киселева. Это представленіе происходило въ Тюилльери. Всѣхъ лицъ обоего пола и разныхъ націй, представлявшихся императору и императрицѣ, было до тридцати человѣкъ, группировавшихся итѣя во главѣ посланниковъ. Въ русской группѣ Иванъ Константиновичъ замѣтилъ какого-то господина съ еврейскимъ ти-

¹⁾ Корабль «Лефортъ» — по неизвѣстнымъ причинамъ, погибъ въ Балтійскомъ морѣ, въ октябрѣ 1857 года. Гибель его, подобно гибели «Ивгерманланда», произвела глубокое печальное впечатлѣніе въ обѣихъ столицахъ и повсемѣстно въ Россіи.

помъ лица, въ мундирѣ коммерціи совѣтника (можетъ быть даже, и члена человѣколюбиваго общества), со множествомъ орденовъ на груди и съ золотою, осыпанною крупными брилліантами, медалью на шеѣ. Стоя подлѣ Ивана Константиновича, господинъ этотъ старался придать себѣ видъ сановитости и вмѣстѣ съ тѣмъ развязности, постукивалъ ногою о паркетъ. Такъ продолжалъ онъ, когда въ залъ вошелъ Наполеонъ III и императрица Евгенія. Они останавливались предъ каждою группою и каждый посланный представлялъ своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ—сперва ей, потомъ ему. Иванъ Константиновичъ былъ пораженъ величавою красотою императрицы и особенно женственною граціею, разлитою во всей ея фигурѣ. Совершенно иное впечатлѣніе произвела на художника наружность Наполеона III: тусклый взглядъ его прищуренныхъ сѣрыхъ глазъ, некрасивая фигура съ длинною таліею и короткими ногами, наконецъ—тихий голосъ, отличавшійся какою-то вялостью, утомленіемъ. Нашему художнику Наполеонъ III сказалъ нѣсколько любезностей по поводу его картинъ; похвалилъ живописныя мѣстности Крыма; затѣмъ обратился къ сосѣду Ивана Константиновича, продолжавшему все время постукивать ногою о паркетъ какою-то пѣсенку. Наполеонъ III сказалъ ему что-то, какъ и всѣмъ предъидущимъ, по французски; но еврей, не понимавшій этого языка, отвѣчалъ по нѣмецки—вопреки требованіямъ этикета.... Окружающіе съ трудомъ удержались отъ улыбки; но разговоръ Наполеона III съ этимъ неловкимъ господиномъ продолжался на нѣмецкомъ языкѣ, вторымъ императоръ владѣлъ въ совершенствѣ.

О времени пребыванія своего въ Парижѣ художникъ нашъ сохранилъ еще и то воспоминаніе, что въ 1857—1858 гг. въ столицѣ Франціи былъ необычайный наплывъ иностранцевъ вообще, русскихъ въ особенности. Къ послѣднимъ недавніе наши враги, французы, относились съ особенною внимательностью и любезностью. Иванъ Константиновичъ, какъ мы уже говорили выше, возвратился въ Россію съ старшимъ своимъ братомъ Гаврииломъ. Проѣздъ чрезъ Константинополь далъ Айвазовскому возможность пополнить богатое собраніе своихъ эскизовъ нѣсколькими набросками, для памяти. Одинъ изъ нихъ, въ 1859 году, послужилъ Ивану Константиновичу сюжетомъ для великолѣпнаго «вида Константинополя», нынѣ находящагося въ Царскосельскомъ дворцѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЮАХИМЪ ЛЕЛЕВЕЛЬ

КАКЪ КРИТИКЪ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО» СОЧ. КАРАМЗИНА.

Переписка съ О. В. Булгаринымъ.

1822—1830 гг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ¹⁾.

Еще въ январѣ 1823 г. Лелевель послалъ продолженіе критики; между тѣмъ получаетъ письмо Булгарина, нетерпѣливо ожидавшаго продолженія критики и умолявшаго выслать какъ можно скорѣе эту статью. Въ этомъ письмѣ Булгаринъ восклицаетъ:

«Не могу показаться ни въ домахъ, ни на улицѣ, первый вопросъ: что же вашъ Лелевель? Что умолецъ? Извините, милостивые государи, мой Лелевель не молчитъ, но сенатъ связалъ мнѣ руки. Вчера получилъ съ почты 63-е письмо отъ подписчиковъ, упрекающихъ меня, что я не держу общанія, письма эти я пришлю вамъ, чтобы вы ихъ сохранили на память. Говорятъ, что и августѣйшему монарху понравилось ваше вступленіе... Я долженъ нѣсколько отступить отъ научныхъ предметовъ, чтобы вамъ высказать мои мысли, опасенія и надежды. Я на седьмомъ году жизни былъ привезенъ въ Россію. Любовь къ старой Польшѣ и надежда, что край этотъ возстановится; завели меня во Францію, любя всетаки Польшу *comme une être methaphysique qui n'existe que dans l'histoire*. Я никогда не полагался на моихъ земляковъ, такъ какъ никто на свѣтѣ не измѣняетъ такъ скоро своихъ убѣжденій какъ поляки, никто такъ скоро не разрываетъ связей, не отказывается отъ начатаго труда, какъ наши любезные земляки. Поэтому, при глубочайшемъ къ вамъ уваженіи, при сильнѣйшемъ энтузіазмѣ, возбуждаемомъ вашими литературными трудами, я все былъ въ тревожномъ состояніи духа со времени общанія вашего прислать мнѣ критику на Карамзина, т. е. съ ноября 1821 г., до настоящаго времени... Получивъ письмо ваше, въ которомъ вы требуете возвращенія вашего оригинала, я до смерти испугался, не какіе ли нибудь подконы моихъ враговъ и завистниковъ побудили васъ къ этому шагу. Издатель «Инвалида», мой главный врагъ, могъ побудить креатуру свою Лобойко, чтобы тотъ что-либо вамъ ложно сообщилъ»...

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 633—656.

Коснувшись редактора «Литературнаго курьера», выбравъ его за то, что онъ не выписываетъ «Сѣвернаго Архива», тогда какъ иностранные журналы объ немъ хорошо отзываются, Ф. В. прибавляетъ: «а Польша не хочетъ упомянуть: стыдъ и срамъ. Поэтому и пала Польша, что чувства зависти и неприязни вѣчно управляли дѣлами работниковъ на одномъ поприщѣ».

Отвѣтомъ на эти вопли и сѣтованія служить слѣдующее письмо Лелевеля:

V.

Видно.—19-го апрѣля 1823 года.

Два ваши письма отъ 4-го и 11-го апрѣля я получилъ: изъ нихъ, изъ вашей откровенности и угрозъ честностью, что не переживете, чтобы васъ назвали обманщикомъ, я могъ понять, что меня самого заподозрѣваютъ въ обманѣ и обвиняютъ въ коварствѣ и обманѣ¹⁾. Какъ странны подобныя ваши измышленія и для васъ самихъ неприличны—не трудно было бы это выяснить. Но будь, сударь, увѣренъ, что ни излишнія напоминанія, ни подозрительность, оскорбляющая честность, не могутъ ни поощрять писать, ни возбудить во мнѣ какого-то чувства чести (jakiego punktu honoru). Впрочемъ, можете себѣ и дальше меня обижать, если вамъ угодно, но не пеняйте на меня за то, что я объ этомъ писать болѣе не буду—ни въ шутку, ни серьезно.

Переходя къ дѣлу. Пожалуйста, обратите вниманіе на слѣдующія мѣста: въ нихъ надо то прибавить, то поубавить, то измѣнить такъ:

Въ отдѣлѣ о критикѣ. Во первыхъ: Такова судьба историческихъ писателей, что, при величайшемъ ихъ критическомъ усердіи и усиленномъ трудолюбіи, они не въ силахъ избѣгнуть недосмотровъ и неточностей. Въ изслѣдованіяхъ Карамзина, когда выикнемъ въ подробности, намъ не всегда покажется вѣрнымъ то, что вѣроятно. Изъ числа историческихъ источниковъ мы рѣдко осмѣлились бы предпочесть лѣтописи актамъ и грамотамъ, такъ какъ намъ кажется, что лѣтописныя повторенія не могутъ оправдывать явнаго безпорядка. Нѣкоторыя возникающія отъ этого затрудненія намъ придется разсмотрѣть, когда перейдемъ къ подробностямъ²⁾.

Въ отдѣлѣ о разсказѣ и изложеніи. Во вторыхъ: Также и польскій писатель (Нарушевичъ), не изображая ясно (bez dobitnego kreślenia) отдѣльныя картины, постоянно обращаетъ вниманіе на внѣшнее

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11-го апрѣля 1823 г. Бугаринъ говоритъ: «я не думаю, чтобы вы желали скомпрометровать меня передъ публикой, которой я объщалъ, по вашему слову, къ Святой выпустить критику. Клянусь честью, что я не переживу, чтобы меня называли мошенникомъ».

²⁾ Ср. «Сѣверный Архивъ», ч. 8, стр. 67.

политическое положеніе, ясно рассматриваетъ на сколько оно находится въ связи съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ и не забываетъ внутренней политики, особенно изъясняя усиленіе аристократіи. Русскій писатель, полагая, что читатели знакомы съ вѣшною политикою, изображаетъ только одну внутреннюю и налагаетъ ее только въ исключительныхъ случаяхъ и описываетъ безъ изслѣдованія, не придавая ей перемѣнамъ характера постоянности. Политику сосѣдей затрогиваетъ не во всей цѣлости, но на сколько она въ связи съ внутренней, etc. ¹⁾.

Въ третьихъ: Также и Нарушевичъ не избѣгаетъ приводить противоположныя мнѣнія и слова, хотя онъ при этомъ болѣе бережливъ (*oszczędniejszy*) и во всякомъ случаѣ придаетъ цитатамъ свойственный имъ характеръ. При изложеніи подробностей, однимъ изъ главныхъ затрудненій является описаніе характеровъ. Искренно сознаюсь, что въ этомъ отношеніи меня не удовлетворяетъ талантъ историографа, достойный удивленія во многихъ случаяхъ. Предлагающіе правила писать исторію совѣтуютъ избѣгать подобныхъ картинъ, такъ какъ есть средство ознакомить съ личностью посредствомъ описанія ея дѣйствій. Даже, по большей части, историкъ знакомится съ характеромъ и наклонностями лицъ по ихъ дѣламъ. Чтò же, если описаніе характера станетъ въ разрѣзъ съ дѣйствіями? Является тогда неразгаданная загадка, или нестройное сочиненіе, которому недостаетъ ясности и правды. Когда на одной страницѣ восхваляется добродушіе, а на другой мелькнетъ строгость, тогда надо чего нибудь болѣе, чѣмъ восхваленіе добродушія, чтобы это добродушіе не подверглось сомнѣнію. Когда на одномъ листѣ описываются дипломатическіе происки съ цѣлью обмануть трактатомъ и объясняются цѣли, по которымъ трактаты были заключены, чтобы ихъ не сдержать и нарушить,—то ничего не поможетъ при описаніи характера увѣреніе, что это лицо вѣрно соблюдало трактаты. Различныхъ подобныхъ несообразностей не избѣжалъ историографъ. Если къ общимъ замѣчаніямъ (*zarzut*) нужно прибавить примѣръ (то прошу обратить вниманіе на слѣдующее ²⁾): въ характеристикѣ и описаніи дѣлъ Андрея Боголюбскаго и Данила Романовича Галицкаго нахожу не совсѣмъ стройное (*szukowdy*) изложеніе и неясное пониманіе ихъ великихъ подвиговъ. Но среди огромной массой разнообразныхъ происшествій не легко впутаться въ про-

¹⁾ Ср. тамъ же, стр. 70—71.

²⁾ Слова въ скобкахъ прибавляетъ Булгаринъ отъ себя, да и все мѣсто передаетъ довольно свободно. Сравненіе буквального перевода съ переводомъ Булгарина показываетъ, какъ была переведена вся критика. Ср. «Обверный Архивъ», ч. 8, стр. 78—80.

творѣчія. Случается, что писатель забываетъ о томъ, что сказалъ, и не вполне предвидитъ (przewiduje) то, о чемъ будетъ говорить. Охватить цѣлое и вездѣ быть господиномъ его—не малое искусство. (Наши историки, такъ равнообразные въ разсказѣ и изложеніи и столь замѣчательные въ этомъ отношеніи, въ цѣлости изложенія и т. д. ¹⁾).

● Въ четвертыхъ ²⁾: "...и присоединеніями увеличилась Польша. Какъ она была ослаблена и поколеблена въ домашнихъ раздорахъ, какъ начинается новый ростъ новымъ соединеніемъ. Но вся нить (węzeł) историческаго единства у Карамзина является идеальной, у Нарушевича прямо очередною (prosto kolejny).

Любовь къ истинѣ несомнѣнно обоими и т. д. (управляла).

Въ отдѣлѣ сохраненіи истины. Въ пятыхъ: Россійскій исторіографъ не заботился о сильномъ безпристрастіи, и потому изображаетъ дѣйствительность не въ наготѣ, а въ нѣкоторомъ убранствѣ. Несомнѣнно, что въ нравственномъ отношеніи она всякому понравится, но, по другимъ причинамъ, необходимо должна произвести различныя впечатлѣнія. Случается, что этотъ покровъ сохраняетъ въ цѣлости выраженіе и силу правды, не смотря на яркость красокъ, какими иногда прикрываются событія ³⁾).

Въ шестыхъ:.... рыцарская честь не безызвѣстна Рюрикамъ. Отъ сихъ поръ слѣдующія слова (здѣсь обращая рѣчь къ тому, какъ они разукрашены понятіями времени) выбросить и сейчасъ перейти къ слѣдующему параграфу, начиная отъ 2. Чувства народности ⁴⁾).

На этотъ разъ пусть этого будетъ довольно, только еще поручаю вашей благосклонной памяти то прибавленіе съ замѣткой и цитатами изъ Шлецера и кого-то еще, что въ прежнемъ въ письмѣ послалъ. Этой замѣтки на-скоро не могу найти у себя, но надѣюсь, что вы ея не забросили.

Промедленіемъ напечатанія второй статьи моей рецензіи я весьма доволенъ, такъ какъ я до сихъ поръ не могъ приготовить третьей. Помимо многихъ мыслей, приведенныхъ въ порядокъ понятій, я

¹⁾ Слово въ скобкахъ не находится въ «Сѣв. Архивѣ».

²⁾ Въ «Сѣв. Архивѣ» ч. 8, стр. 150, находимъ начало этихъ словъ, которое для большей ясности приводимъ: «Нарушевичъ въ сильныхъ выраженіяхъ изображаетъ какии образъ Польша увеличивалась и усиливалась посредствомъ присоединеній» и т. д. Подчеркнутыхъ словъ, которыя Лелевель проситъ прибавить, не находимъ.

³⁾ Ср. тамъ же, стр. 159.

⁴⁾ Бугаринъ придалъ другой порядокъ изложенію и не вполне исполнилъ требованіе Лелеведа. При томъ у него сказано «рыцарская честь была извѣстна русскимъ» вмѣсто Рюрикамъ. «Сѣв. Архивъ», ч. 8, стр. 288. II.

едва написалъ одинъ листъ; столько явилось затрудненій въ провѣркѣ, розысканіяхъ, что никакимъ образомъ я не могъ поспѣть—такъ я занятъ работами по службѣ. Уже мнѣ хотѣлось оставить эту рецензію, какъ явились непредвидѣнные затрудненія и опять побуждаютъ меня къ болѣе медленному и старательному продолженію. Приходится затрогивать щекотливые вопросы: обрушать (walić) мнѣнія Карамзина. Но угрызнувши—надо бродить дальше (ugrzaznąwszy trzeba biegać dalej).

Вѣроятно, г. Сенковскій ожидаетъ отвѣта на свое длинное письмо и еще ббльшую книгу, но, однако, не скоро дождется. Пока же объявляю, что я никогда не слыхалъ, чтобы Хвалынское море было Азовское; я всегда зналъ, что это Каспійское; во вторыхъ, никогда я не писалъ, что славяне пришли изъ Азіи, развѣ тогда, когда вышли изъ Ноеваго ковчега, что меня не касается. Я знаю славянъ осѣдлыхъ на одномъ мѣстѣ, носящихъ шаравары такъ, какъ носили въ Персіи и Ассиріи подъ названіемъ сарабары, и играющихъ на бандурѣ, похожей на ту, какую подъ именемъ бандуры употребляли въ Ассиріи. Объ этихъ любопытныхъ вещахъ не нахожу у г. Сенковскаго. Но теперь не такъ дѣлаются изслѣдованія о началѣ народовъ, есть совсѣмъ другіе приемы, не тѣ снадобья (akcesorya), которыми полна книга г. Сенковскаго и которыя иначе должны быть понимаемы и ничего не могутъ свидѣтельствовать противъ истины и существованія (bytu) народа. Постараюсь сообщить г. Сенковскому мое изслѣдованіе о началѣ славянъ; не найдетъ онъ въ немъ никакого хвастовства, но искреннее разсканіе истины. Взаимной меня намяти добродетельный слуга Лелевель Іоакимъ».

Въ этомъ длинномъ письмѣ, отъ 2-го апрѣля 1823 г., Сенковскій затрогиваетъ вопросъ о происхожденіи леховъ и славянъ; при этомъ онъ проситъ Лелевеля прочесть письмо до конца съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ онъ разбираетъ Карамзина. Вотъ нѣкоторыя любопытныя мѣста:

Въ твоемъ прошломъ письмѣ ты говоришь, что лехи славяне пришли отъ Хвалынскаго озера. Не знаю, что ты подразумѣваешь подъ Хвалынскимъ озеромъ, а же подъ этимъ не могу ничего иного подразумѣвать какъ Каспійское море... знаю, однако, что нѣкоторые наши писатели, на половину разлыша это названіе, относили его совершенно неправильно къ Азовскому морю... Вѣроятно, не зная этого, ты употребилъ Хвалынское озеро въ значеніи Азовскаго моря, такъ какъ я предпочитаю полагать, что ты хочешь вывести Славянъ съ береговъ Азовскаго моря, а не Каспійскаго...

«Но всѣ факты опровергаютъ мнѣніе будто славяне жили вблизи Чернаго моря... Скионы никогда не были славянами, сарматы тоже... Все сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей, равно какъ Волгу и Каспійское море

заселяли изъ-поконовъ вѣковъ народы угрскаго, турецкаго и курдскаго племени и нѣкогда среди нихъ не было никакого славянина. Какимъ же образомъ могли отсюда явиться леги славяне? А если леги пришли съ Азовскаго моря, то они никогда не были славянами.— Впрочемъ, излишни длинныя доказательства, слѣдуетъ только оставить нѣкоторое предубѣжденіе, чтобы убѣдиться, что польское дворянство и крестьяне принадлежатъ къ двумъ различнымъ племенамъ.

«Очень жалѣю, что я не знакомъ съ твоими изслѣдованіями о славянахъ и вовсе не знаю твоего объ этомъ вопросѣ мнѣнія. Одно меня беспокоитъ, что, пожалуй, мы слишкомъ разошлись и впали въ двѣ крайности».

Удовлетворяя желанію Сенковскаго, Лелевель послалъ ему черезъ Булгарина два свои разсужденія о славянахъ, прося его высказать свое мнѣніе. Но Сенковскій отказался быть судьей въ этомъ вопросѣ, ссылаясь, въ письмѣ отъ 5-го января 1824 г., на то, что онъ славянствомъ не занимался специально и что самъ Лелевель, посылая ему свои статьи, заранѣе зналъ, что онъ съ его стороны вызовутъ «невольное восхваленіе его изслѣдованій и серьезной критики».

Въ ноябрѣ 1823 г. Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣв. Архивѣ» вторую статью критики исторіи Карамзина и сдѣлалъ при этомъ замѣчаніе, въ которомъ такъ извиняется въ промедленіи: «Представляя читателямъ моимъ продолженіе сей критики гораздо позже, нежели было обѣщано, я долженъ объяснить тому причины и объявить, что я виноватъ въ промедленіи безъ всякаго умысла. Основываясь на письмахъ почтеннаго г. Лелевеля и на его обѣщаніи, извѣстилъ я своихъ читателей о продолженіи сей статьи, не предвидѣвъ, что разныя занятія по службѣ и путешествію ¹⁾ отвлекутъ почтеннаго сочинителя рецензіи отъ скорого окончанія предпринятаго имъ труда. Нынѣ получилъ я отъ него обѣщаніе въ томъ, что онъ непремѣнно кончитъ оный, и твердо увѣренъ, что почтенный Лелевель, столько же извѣстный въ Польшѣ своими свѣдѣніями, какъ и нравственностью, не измѣнитъ своему слову и не подвергнетъ нареканію себя, издателя «Сѣвер. Архива» и своихъ соотчичей: ибо поступокъ гражданина всегда отсвѣчивается на его соотечественникахъ». («Сѣв. Архивъ», ч. 8, стр. 52).

По выходѣ въ свѣтъ этого выпуска, онъ писалъ къ Лелевелю по поводу своего примѣчанія и нѣкоторыхъ подробностей, касающихся критики. Но въ числѣ изданныхъ писемъ Булгарина мы не находимъ подобнаго письма на своемъ мѣстѣ. Оно несомнѣнно означено невѣрно польскимъ издателемъ— 1825 годомъ: вмѣсто 1825 года, слѣдуетъ читать 1823 г.; это будетъ очевидно, когда мы сопоставимъ его съ письмомъ Лелевеля отъ 25-го ноября 1823 года. Оно и есть прямой отвѣтъ на письмо, невѣрно помѣченное 1825 годомъ.

Русскій переводчикъ сдѣлалъ еще одну ошибку, поставивъ, вмѣсто ноября— апрѣль. По нашимъ соображеніямъ письмо относится къ 15-му ноября 1823 г. Вотъ чтò въ немъ Булгаринъ пишетъ:

«Имѣю честь увѣдомить, что продолженіе критики вашей принято съ большимъ энтузіазмомъ, какъ и первая часть. Философскія и научныя замѣчанія вами и глубокое изученіе труда Карамзина доставили вамъ всеобщую

¹⁾ Объ этомъ путешествіи Лелевеля ничего не извѣстно.

извѣстность. Не знаю, понравилось ли вамъ мое раздѣленіе критики: я дѣлаю такъ, какъ нужно для публики, которую я хорошо знаю. Я не измѣнилъ ни одной вашей мысли, не прибавилъ ни одной своей. Изъ писемъ я включилъ прибавленія, какъ могъ ихъ понять,—это былъ ужасный трудъ и мы съ Сенковскимъ едва могли отыскать надлежащіе мѣста. Цензура вычеркнула только «не стало Польши и Нарушевича» и еще пару фразъ объ участи Польши. Вы, вѣроятно, прочитали мои извиненія передъ публикой; польская честь и ваша личность (osobistosc) позволяютъ надѣяться, что вы будете продолжать критику, которую, согласно желанію вашему, обѣщали я дать читателямъ. Послѣ всего того, что я писалъ въ своемъ журналѣ о вашихъ трудахъ и направленіи, надѣюсь, что вы не захотите моею погибелю, такъ какъ, въ случаѣ недоставленія критики, я прекращаю изданіе журнала, но слава ваша, честность и любовь къ наукамъ утверждаютъ меня въ надеждѣ скоро увидѣть продолженіе, котораго ожидаю какъ жида Мессіи».

Весьма характерно коротенькое письмо Булгарина отъ 21-го апрѣля 1823 г. «Ѳадей Булгаринъ поздравляетъ васъ съ праздникомъ и осмѣливается напомнить обществу, что на Святой критикѣ на Карамзина будетъ окончена. Какъ трава дождя, какъ жида Мессіи, такъ Булгаринъ ожидаетъ критики. Этотъ же Ѳадей Булгаринъ посмѣляетъ тысячи просьбъ, падаеть на колѣни и, возводя руки къ небу, молится и проситъ о критикѣ. Сжальтесь надо мною».

На эти два письма Лелевель отвѣчалъ:

VI.

25-го ноября 1823.—Вильно.

М. Г. Когда я уже собирался отправить мои дальнѣйшіе отрывки (gamy), я получилъ ваше письмо, которымъ меня извѣщаете о благосклонномъ принятіи моихъ замѣтокъ единственно съ цѣлью побудить (zachęcić) меня продолжать критику.

Пропущенныя мѣста я замѣтилъ и не надѣялся, чтобы ихъ пришлось выбросить. Но что-жъ дѣлать, когда иначе быть не можетъ. Этимъ моя мысль нѣсколько поддернута (podkasana). Прибавленія, посланныя послѣ, вошли въ свои мѣста. Что я читалъ до сихъ поръ вполне отвѣчаетъ моимъ мыслямъ, по крайней мѣрѣ не могу оцѣнить на сколько переводъ могъ удалиться. Жалѣю только одного слова—когда я говорилъ о слогѣ Нарушевича, сначала сказалъ о силѣ (moc) слога, а затѣмъ о мужественномъ языкѣ, имъ употребляемомъ, а это слово мужественный исчезло въ переводѣ и замѣнено также силою. Но и это ничего не значить.

Раздѣленія и заглавія, которыя вы подѣляли, не вполне меня удовлетворяютъ. Но и это ничего не значить. Я всетаки (zawsze) вамъ благодаренъ за благосклонное принятіе моихъ статей (gamy) и столь серьезное къ нимъ отношеніе.

Теперь вамъ посылаю, какъ недавно изъ Волыни, два сочиненія о сарматахъ и аланахъ — не для васъ, но для г. Осипа (Сенковскаго), автора Леховъ-Лезгинъ. О сарматахъ не кончено: я потерялъ послѣднюю статью. Ожидаю мнѣнія г. Осипа объ этихъ двухъ маленькихъ изъ моихъ обширнѣйшихъ и несравненно обширнѣйшихъ изслѣдованій. Но только не такого а priori, какое я получилъ о славянахъ, а по прочтеніи и при болѣе свободномъ для этого времени.

Третій отрывокъ о Карамзинѣ озаглавьте какъ вамъ угодно, такъ какъ я не умѣю хорошо озаглавить. Послѣдующія мои статьи будутъ озаглавлены, какъ это видно изъ окончанія этого третьяго отрывка. Видишь, мой сударь, что я думаю продолжать и что это затягивается (zaposi) на что-то весьма большое, пожалуй, и безконечное. Если для васъ не удобна слишкомъ обширная рецензія, то напишите мнѣ о вашемъ неудовольствіи и я, согласно вашему желанію, сожму (zwinę) въ болѣе тѣсныя рамки.

Примѣчаніе, о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ, я читалъ и не понялъ. Читали и другіе и хорошо мнѣ не объяснили. Такое или иное объясненіе будетъ въ примѣчаніяхъ—это пустяки (mała to rzecz). Скажите мнѣ только, сударь, не надобѣсть ли «Сѣверному Архиву» слишкомъ обширная рецензія, или скажите мнѣ, когда надобѣсть.

Лобойко много трудился для г. Осипа, чтобъ ему собрать полный комплектъ. Хорошо бы однако было, еслибъ объ институтѣ и дальнѣйшихъ обязанностяхъ и судьбахъ были сообщены болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Много самыхъ даровитыхъ устращаются поспѣшностью и неясностью условій службы. Хорошо бы знать будутъ ли вакансіи на будущій годъ послѣ замѣщенія ихъ въ нынѣшнемъ году? Сообщите это г. Осипу и соблаговолите извѣстить въ письмѣ ко мнѣ.

И то замѣтилъ, что Нарушевичъ ославяненъ ¹⁾ (usławiańszczony).

Мое почтеніе и поклонъ, благосклонному мнѣ сердцу покорнѣйшій слуга Лелевель.

Окончивъ это письмо, я дочиталъ отрывокъ, помѣщенный въ 20 №, и не могу промолчать, что я былъ озадаченъ переводомъ, на стр. 160, словъ—отъ ослѣпленія политическими мнѣніями. Я раздѣляю на три пункта и въ заглавіи не хотѣлъ быть критикомъ. Такой переводъ можетъ причинить мнѣ непріятности.

Примѣчанія. Въ критикѣ, въ томъ видѣ какъ она помѣщена въ «Архивѣ», сказано. «Истина искажается по слѣдующимъ причинамъ: 1) чрезъ сообщеніе прошедшему времени характера временъ настоящихъ; 2) когда писатель увле-

¹⁾ Въ этой части критики Нарушевичъ и Карамзинъ называются славянскими писателями.

кается чувствомъ народности; 3) отъ привязанности къ своей религіи; 4) отъ ослѣпленія политическими мнѣніями.

Лелевель въ письмѣ № VI, говоритъ объ институтѣ восточныхъ языковъ, какъ это оказывается изъ письма Сенковского отъ 5-го января 1824 г., гдѣ онъ говоритъ:

«Когда-то ты упомянулъ объ ученикахъ восточныхъ языковъ. Это было бы весьма хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ оклеветали вашу молодежь, что она заражена опаснымъ духомъ, нечего объ этомъ и думать. Можно еще самимъ быть заподозрѣнными. Надо это предоставить времени».

VII.

22-го декабря 1823.—Вильно.

№ 22 изд. 1823 г. «Сѣвернаго Архива» получилъ, повторяю мою благодарность за переводъ, и за прибавленіе цитатъ (много) обязанъ. Нѣсколько мнѣ жалко выпущенныхъ въ переводѣ мѣстъ, особенно (piapowiecie) тѣхъ, которыхъ опущеніе причинило то, что высказаны не всѣ характеристики Карамзина, которыя я могъ подиѣтить.

Хотя я и читаю, что это окончаніе, но надѣюсь, что это касается окончанія обширныхъ замѣчаній, и полагаю, что вы получили присланный, мѣсяцъ тому назадъ, отрывокъ, въ которомъ я такъ широко распространился о Ладогѣ и Новгородѣ.

Теперь посылаю четвертый отрывокъ¹⁾, прося: 1) мои рукописи (partularze), какъ третью, такъ и четвертую, вернуть мнѣ назадъ²⁾; 2) извѣдомить меня—хорошо ли я дѣлаю, что такъ широко распространяюсь? Можетъ быть, вы желали бы, чтобы я окончилъ короче. Прошу откровенно сообщить мнѣ ваше желаніе.

Нѣсколько лицъ, занимающихся древнею исторіей, какъ здѣсь въ Вильнѣ, такъ и въ Варшавѣ, обрушились на Карамзина за времена короля Даніила. Объ этихъ временахъ уже и я хотѣлъ много писать. Пожалуй, они доставятъ (dostarczą) мнѣ больше матеріаловъ. Это наши священники.

По поводу новаго года посылаю мои пожеланія всякаго благополучія вамъ и дорогому г. Осипу, которому кланяюсь.

¹⁾ Помѣщенъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1824 г., ч. 9, стр. 163; ч. 11, стр. 132—143; 187—195; ч. 12, стр. 47.

²⁾ Булгаринъ, по минованіи необходимости, вернулъ рукописи Лелевелю и въ одномъ изъ писемъ писалъ: «Оригиналъ вашъ отсылаю съ первою почтою». Это подало поводъ русскому переводчику писемъ Булгарина предположить, что Лелевель потребовалъ рукописи обратно, вслѣдствіе возникшихъ разногласій, и отказывался печатать. Такое мнѣніе опровергается письмами Лелевеля.

Жалѣю, что тамъ, гдѣ различаю civitates отъ castra ¹⁾, не привелъ: 1) заглавія Софійскаго Временника, недавно изданнаго канцлеромъ ²⁾, стр.... 2) мѣста, котораго теперь найти не могу, въ которомъ говорится, что въ городѣ Великаго Новгорода есть два дворца ³⁾. Эти мѣста доказываютъ, что у славянъ городъ есть castron, и мѣсто употребляется не въ нынѣшнемъ русскомъ значеніи, но въ старинномъ, которое сохранилось доннѣ и въ польскомъ. Если найду цитаты, то, можетъ быть, пришло въ-время, но ихъ ожидать нечего.

Г. Онацевичъ напоминаетъ вамъ о Волынскомъ лѣтописцѣ. Какъ бы онъ мнѣ былъ необходимъ для рецензіи. Уговариваетъ (podbescuje) меня Онацевичъ не писать дальше, пока не исполните своего обѣщанія. Не знаю какое тамъ у васъ заключено условіе (jaka umowa stanęła). Если бѣ, однако, оно могло быть исполнено, я бы очень этимъ воспользовался. Много ли стоило бы труда получить копію Волынскаго лѣтописца? Лелевель.

На это Булгаринъ между прочимъ отвѣчалъ, 15-го іюня 1824 г.: «Честъ мнѣю увѣдомить, чѣмъ больше—тѣмъ лучше, такъ какъ каждое ваше слово имѣетъ цѣну и вѣсъ... Онацевичъ—чужакъ: вобьетъ себѣ что либо въ голову и не позволяетъ себя разубѣдить. Я рѣшительно нигдѣ не видѣлъ Волынскаго лѣтописца, а онъ осаждаетъ меня требованіемъ выслать его... Я весьма люблю и уважаю честнаго и добраго Онацевича и радъ получать его письма, но очень прошу, чтобы онъ не вкладывалъ въ свои письма стиховъ Кохановскаго и чтобы не разогрѣвалъ ихъ патріотизмомъ, такъ какъ это вовсе не согласуется съ моимъ образомъ жизни и моею судьбой. Я смотрю только въ книги, а что дѣлается въ свѣтѣ—не хочу знать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего продолженія и прошу также разрѣшенія: кое что, важное для края и обычаевъ, перелагать въ иную форму...

«...Прошу увѣдомить Контрыма, Онацевича, Шидловскаго, чтобы они мнѣ не рекомендовали виленской молодежи, потому что съ виленской молодежью больше бѣды, чѣмъ толку. Я рѣшительно ни одного изъ студентовъ принимать у себя не буду: Богъ съ ними, а намъ, спокойнымъ литераторамъ, слѣдуетъ отъ нихъ сторониться».

• ¹⁾ «Сѣв. Архивъ», ч. 9, стр. 92.

²⁾ Рѣчь объ изданіи, вышедшемъ на иждивеніи гр. Н. П. Румянцева, подъ ред. П. М. Строева, 1820—1821 гг.

³⁾ Даже въ Софійскомъ часто говорится о городѣ, построенномъ у мѣста.
Прим. Лелевеля. II.

VIII.

8-го іюня 1824.—Вильно.

«М. Г. Слишкомъ уже давно я къ вамъ не обращался. Не знаю сердитесь ли на меня за это или нѣтъ, но такъ какъ не получаю обратно моихъ посланныхъ вамъ отрывковъ, да притомъ послѣдняго отрывка не нахожу въ «Сѣверномъ Архивѣ»¹⁾, то думаю, что нѣтъ ничего такого, что-бы побуждало писать скорѣе. Вы мнѣ обѣщали (можетъ быть, въ шутку) 60 писемъ (о нихъ напоминаю здѣсь въ шутку²⁾). Но, пожалуй, дальнѣйшій мой трудъ надъ Карамзиннымъ сдѣлался не нужнымъ. Во время приближающихся вакацій я могъ бы вамъ прислать большую часть (znasz paryżkę). Можетъ быть, вы сердитесь на меня, но если бы меня ближе видѣли, то простили бы. О томъ, что Погодинъ написалъ и меня хотѣлъ поймать, въ свое время на своемъ мѣстѣ скажется. Г. Сенковскому я долженъ отвѣтъ и различныя благодарности, но потому, что мнѣ надо къ нему писать много, то едва соберусь во время вакацій; пока посылаю поцѣлуй. Это короткое письмо пишу на-скоро, чтобы припомнить себя вашему вниманію.

Всегда съ истиннымъ почтеніемъ искренно доброжелающій и преданный покорнѣйшій слуга Лелевель».

На послѣднее письмо Булгаринъ не отвѣтилъ, и конца критики не помѣстилъ, хотя прежде такъ настойчиво ее требовалъ: «какъ трава дождя, какъ жиды Мессія, такъ Булгаринъ ожидаетъ критики». Какая была причина такому вдругъ появившемуся нежеланію, пока еще невозможно рѣшить, за недостаткомъ къ тому данныхъ.

Напечатавъ въ октябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Архива» за 1824 г. послѣднюю часть критики, Булгаринъ отмѣтилъ, что «будетъ продолженіе» и прибавилъ: «я не имѣю болѣе подлинника критики г. Лелеваля. Но онъ обѣщаль мнѣ доставить продолженіе».—Изъ письма Сенковского отъ 18-го (30-го) іюня 1825 г. видно, что Лелевель прислалъ продолженіе критики вмѣстѣ съ письмомъ къ Булгарину. Это письмо Сенковского любопытно еще и въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ характеристику Булгарина. Поэтому мы сдѣлаемъ изъ него большія выдержки. Вотъ важнѣйшія мѣста:

¹⁾ Продолженіе напечатано въ августовской и ноябрьской книжкахъ.

²⁾ См. письмо Булгарина отъ 4-го апрѣля 1823 года. Мы его привели выше.

«Твою статью о Карамзинѣ я давно отдалъ Булгарину; но твое второе письмо еще лежитъ у меня... Онъ теперь живетъ гдѣ-то въ деревнѣ, а въ городѣ у него нѣтъ квартиры; въ типографію Греча отдавать не хочу, такъ какъ тамъ все теряютъ. Что же касается самого Булгарина, то онъ какъ бы сошелъ съ ума; ихъ дѣло съ Тышкевичевой проиграно въ государственномъ совѣтѣ; онъ, какъ трусъ и часто теряющій голову, мечется въ разныя стороны, какъ подстрѣленный. Онъ, какъ и всѣ мы, твой почитатель и никогда не перестанетъ бить имъ. Вотъ его характеристика, по которой можно судить объ этомъ выдающемся индивидуумѣ.

«Хотя у меня есть разныя причины быть недовольнымъ его поступками и характеромъ, однако я никогда не переставалъ думать, что онъ весьма честный человѣкъ; онъ всегда остается полякомъ и такимъ хочетъ показаться среди русскихъ, что дѣлаетъ ему честь, въ чемъ отдаютъ ему справедливость и рускіе. Однимъ изъ главныхъ его недостатковъ—порокъ, свойственный почти всѣмъ тучнымъ—это несносный эгоизмъ, слѣдствіе тучности. Это скряга (Нагадонъ), который является самымъ равнодушнымъ ко всѣмъ несчастіямъ другихъ; но когда украдутъ у него шкатулку, тогда съ яростью кричитъ: *qu'il n'y a point de suplice, de peine, de potence au monde, pour punir convenablement un crime aussi affreux, que celui de m'avoir volé ma chère cassette.* — Такойъ нашъ Гадей и я часто ему повторяю, что онъ отвратительный эгоистъ; нѣсколько дней тому назадъ я сказалъ ему то же и онъ это благосклонно выслушиваетъ отъ меня, разъ, потому что ему пріятнѣе всего его отяжелѣлость (*ociężalosc*) во вторыхъ, потому, что знаетъ, что такое замѣчаніе съ моей стороны не можетъ имѣть личнаго характера. Такъ какъ онъ самъ безъ характера, то имъ управляютъ обстоятельства и люди, среди которыхъ онъ врашается... Мнѣ кажется, что онъ постоянно расположенъ ко мнѣ дружелюбно, хотя наши характеры диаметрально противоположны; онъ даже довольно часто слушается меня, такъ какъ знаетъ, что въ томъ, о чемъ я говорю, у меня нѣтъ никакихъ интересовъ; но у насъ случаются частыя столкновенія, какъ дѣло зайдетъ о томъ, чтобы сдѣлать что нибудь. Я могу сказать про себя, что во мнѣ есть та часть нашего народнаго характера, что я не имѣю понятія объ эгоизмѣ и меня возмущаетъ этотъ порокъ у другихъ. Поэтому, когда надо кому-нибудь помочь, я берусь горячо, а Булгарина нахожу въ этомъ случаѣ точно индѣяннаго изъ льда. Часто (такъ какъ только у насъ такія отношенія, а не личныя) происходитъ между нами горячій споръ, среди котораго я ему выскажу всю правду, какую чувствую. Я полагаю, что это самое лучшее средство противъ эгоизма отъ тучности. У него, въ сущности, доброе сердце. Онъ, чтобы спорить со мною, разгорячится, разсердится, встанетъ со своей подушки, взволнуется и такимъ образомъ разшевелится, возрожденная доброта сердца беретъ перевѣсъ надъ лѣнностью и тогда самъ сознается, что потому не соглашался со мною, что лѣнился, и такъ всегда помирится.

«Пишу объ этомъ къ тебѣ, чтобы ты зналъ его по этимъ чертамъ характера. Когда ты долго не присылалъ ему начатой рецензіи, онъ часто приходилъ въ отчаяніе, прибѣгалъ ко мнѣ, говорилъ, что ты лишилъ его чести, сердился, проклиналъ поляковъ, но я смѣялся... И дѣйствительно, когда я теперь далъ ему твою статью, то нѣтъ уже другаго человѣка, болѣе ученаго, болѣе честнаго болѣе хорошаго, чѣмъ ты, и еслибъ я теперь въ шутку сказалъ бы, что противъ тебя, то выцарапалъ бы мнѣ глаза... И такъ, будь твердо увѣренъ, что Булга-

речь не остынетъ въ тебѣ, за это могу ругаться, но придетъ въ отчаяніе всякій разъ какъ только опоздаешь со своею статью».

3-го марта 1826 года Сенковский тоже упоминаетъ о критикѣ:

«Рецензію Карамзина я самъ теперь перевожу на русскій языкъ, ты долженъ извинить, что такъ опоздалъ, этому ни я, ни издатель не виноваты, а обстоятельства. Гречъ опасно заболѣлъ и Булгаринъ остался самъ писателемъ, издателемъ и корректоромъ въ трехъ журналахъ и внаконецъ образомъ не могъ заняться твоими статьями».

Не смотря, однако, на всѣ эти увѣренія Сенковского, критика больше не появилась и она прекратилась на статьѣ, помѣщенной въ ноябрѣ 1824 г. Точно также прекратилась и переписка по этому вопросу и письма—Лелевеля отъ 8-го іюня 1824 г. и Булгарина отъ 15-го іюня—послѣднія, если только не затеряны послѣдующія. Теперь насталъ новый періодъ въ жизни Лелевеля. Наступило 14-го августа 1824 года. Но припомнимъ нѣкоторые факты, предшествовавшіе этому дню.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По уставу Виленскаго университета, студентамъ дозволялось образовывать общества и кружки съ научно-образовательною цѣлью. Въ Вильнѣ до 1823 г. совершенно открыто существовало общество лучезарныхъ, основанное Заномъ, а затѣмъ его отдѣленія—общество филаретовъ и филوماتовъ. Прибывшій въ этомъ году изъ Варшавы, Новосильцевъ призналъ ихъ противозаконными и назначилъ слѣдствіе, въ которомъ ревностно ему помогъ исправлявшій должность ректора, Пеликанъ, въ послѣдствіи занявшій видное мѣсто въ Петербургѣ по медицинской части. Начались аресты студентовъ, наблюденія за профессорами, особенно любимыми студентами. На первомъ планѣ очутился Лелевель и профессоръ философіи Голуховскій, которому Новосильцевъ велѣлъ даже представить программу чтеній и возвратилъ ее, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія и дополненія. Такъ какъ курсъ Голуховскаго былъ публичный, то для надзора за выполненіемъ программы былъ назначенъ виленскій капитанъ-исправникъ. По окончаніи годичнаго курса онъ представилъ отчетъ, въ которомъ просилъ освободить его отъ этой обязанности, въ виду его незнакомства съ философскою терминологіей. Вслѣдствіе такого рапорта исправника, Голуховскому приказано выразаться понятнымъ языкомъ. Все это продолжалось недолго и на представленіе Новосильцева послѣдовалъ указъ 14-го августа 1824 года, по которому закрывались

студенческія общества, члены ихъ развозились по разнымъ мѣстамъ имперіи, а молодые профессора Лелевель, Даниловичъ, Голуховскій и Боровскій получили приказаніе удалиться изъ Вильны. Даниловичъ получилъ мѣсто профессора въ Харьковѣ, а Лелевель уѣхалъ въ Варшаву, на родину.

Въ Варшавѣ онъ уже не хлопоталъ о какомъ нибудь постоянномъ занятіи, сталъ обдумывать средства для изданія своихъ сочиненій и поступилъ въ члены общества любителей наукъ. При изданіи приходилось постоянно бороться съ ценсурой или какъ нибудь обходить ее: все подписанное Лелевелемъ не пропускала варшавская цензура. Лелевель послалъ одно сочиненіе въ Краковъ, но ему вернули съ надписью: не дозволяется печатать; тогда онъ переписываетъ и посылаетъ въ Петербургъ, гдѣ дозволено. «Съ такимъ разрѣшеніемъ послалъ,— рассказываетъ Лелевель,— къ варшавскому цензору Лубковскому, уведомляя, что, оставивъ намѣреніе печатать въ Петербургѣ, хочетъ издать въ Варшавѣ. Отчаяніе! печаль! Лубковскій проситъ автора кое-что измѣнить; авторъ говоритъ, что не можетъ, такъ какъ пришлось бы оскорбить императорскую цензуру, самъ королевскій цензоръ въ не состояніи помочь бѣдѣ. Ну, за совѣтомъ къ совѣтнику Шанявскому. Продержавъ порядкомъ, поподчеркивалъ красными чернилами нѣсколько фразъ и, разрѣшая печатать, написалъ, что «обращается вниманіе автора на подчеркнутыя выраженія». Полагая, что цензоръ не въ состояніи будетъ допустить, чтобы явилось другое сочиненіе Лелевеля, когда одно печатается, Лелевель посылаетъ ему, чрезъ своего пріятели Адриана Кржижановскаго, «Исторію Польши», безъ подписи. Разрѣшеніе обѣщано, печатаніе, по мѣрѣ ценсорскаго дозволенія, подвигается впередъ; вдругъ къ цензору является Миклашевскій, авторъ учебника «Польской Исторіи», который, увидя рукопись, сказалъ: «а, это почеркъ Лелевеля!» Лубковскій поблѣднѣлъ, не даетъ дальнѣйшаго разрѣшенія, совѣтуется съ Шанявскимъ и только по настоянію Кржижановскаго, весьма вліятельнаго въ Варшавѣ, разрѣшеніе получено. Несмотря на постоянныя ценсурныя затрудненія, Лелевель издалъ въ Варшавѣ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій.

Кромѣ занятія своими учеными трудами, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества любителей наукъ, работая въ отдѣльныхъ его комиссіяхъ. Его старанію слѣдуетъ приписать избраніе въ предсѣдатели Немцевича на мѣсто умершаго Сташина. Въ это время Булгаринъ, вѣроятно, вспомнилъ о старомъ знакомомъ, посылая къ нему свое сочиненіе для передачи обществу и предсѣдателю. Письмо, которымъ сопровождалась книга, не находится между изданными, но можно допустить, что въ немъ Булгаринъ самъ просилъ

Лелевеля о предложеніи его въ члены общества. Это ясно изъ отвѣтнаго письма Булгарина, написаннаго по полученіи извѣстія объ избраніи.

«12-го февраля 1829 г. Первое извѣстіе о моемъ избраніи въ члены общества получилъ въ вашемъ письмѣ. Безъ лести, ваше стараніе не мало содѣйствовало и самому выбору. Посылаю вамъ искреннюю благодарность за это доказательство дружескаго расположенія, удержать которое далѣе будетъ для меня пріятнымъ стараніемъ. Почти единогласный выборъ общества превзошелъ все мои ожиданія; безъ лести, на мнѣ вы (т. е. общество) представили доказательство, что стараетесь поощрить и заохотить къ труду и дажеко живущихъ, и лишущихъ на другихъ языкахъ земляковъ своихъ. Сегодня же нашу въ общество и къ достопочтенному президенту, но кромѣ того прошу васъ вторично выразить мою благодарность и увѣрить, что я не упустию ни малѣйшей возможности заслужить благосклонность моихъ новыхъ товарищей и доказатьъ имъ, какъ я высоко цѣню оказавшую мнѣ честь».

Это письмо было отвѣтомъ на письмо Лелевеля, въ которомъ онъ извѣщаетъ Булгарина объ избраніи его въ члены общества.

IX.

6-го января 1829.—Варшава.

Письмо и два экземпляра вашего сочиненія передалъ обществу и президенту общества. Очень мнѣ хотѣлось не давать президенту экземпляра прекрасныхъ вашихъ сочиненій и задержать себѣ, такъ какъ старшій нашъ президентъ едва просмотрѣлъ въ нихъ гравюры. Дать отчетъ о вашихъ сочиненіяхъ назначенъ Лука Голембевскій¹⁾. Онъ высказалъ свое мнѣніе съ обыкновенною сладостью, радуясь тому, что въ нихъ нашелъ польскаго или славянскаго. Когда наступило время подачи кандидатовъ, я, согласно правиламъ, написалъ мотивы и вмѣстѣ съ другими товарищами предложилъ васъ въ число кандидатовъ. 4-го января, въ воскресенье, происходило избраніе и я спѣшу васъ извѣстить, что громаднымъ большинствомъ (*zupelną większością*), почти единогласно, въ число членовъ-корреспондентовъ принятъ Оадей Булгаринъ. Примите это извѣстіе отъ своего товарища, помнящаго о вашемъ благосклонномъ вниманіи. Если есть у васъ время, то напишите въ общество или къ президенту, что объ этомъ узнали отъ меня, и присокупите какой-нибудь комплиментъ обществу. Скорѣе обратитесь — скорѣе выплутъ тебѣ дипломъ. Благосклонный товарищъ и слуга Лелевель.

¹⁾ Извѣстный изслѣдователь древняго польскаго быта.

X.

Варшава.—22-го апрѣля 1830 г.

Любезный товарищъ. Дорогой твой подарокъ я получилъ ¹⁾. Поздравляю и безконечно радуюсь, что читатели въ Россіи умѣютъ оцѣнить твой талантъ. Пользуйся имъ, товарищъ, на славу себѣ, твоему народу и землякамъ, которые гордятся тобою. Наши переводчики начинаютъ твое сочиненіе расхватывать межъ собою, жаль, что ты еще не попалъ на достойнаго себя—и Радецкій и Микульскій не передали «Выжигина» какъ слѣдуетъ, а отъ Бучинскаго невозможно тебѣ и ожидать, чтобы хорошо исполнилъ (sprawił się). Впрочемъ, я увѣренъ, что у насъ «Димитрія» будутъ расхватывать. Но зачѣмъ ты, сударь, сдѣлалъ его такимъ мошеникомъ (łotr). Благодаренъ тебѣ, товарищъ, за память, сохраняя меня въ своемъ сердцѣ и будь увѣренъ въ постоянномъ моемъ почтеніи и доброжелательности, покорнѣйшій слуга Лелевель.

Однако не только Булгаринъ скоро забылъ объ Лелевелѣ, но даже и Сенковскій, котораго переписка прекращается письмомъ отъ 18-го апрѣля 1828 г., оконченнымъ турецкимъ *Salam aleykium*. Скоро Сенковскій успѣлъ порвать всякія связи съ Лелевелемъ, упомянувъ о немъ въ своемъ сочиненіи «Большой выходъ у Сатаны», гдѣ сатана говоритъ своему верховному визирю, Вельзевуду: «я намѣренъ сдѣлать, современемъ, моимъ книгохранителемъ того великаго бібліотекаря и профессора, который недавно произвелъ на сѣверѣ такую ужасную суматоху. Когда онъ къ намъ пожалуетъ, ты немедленно введи его въ должность: только не забудь приковать его крѣпко цѣпью къ полу бібліотеки, не то онъ готовъ и у меня, въ аду, выкинуть революцію и учредить конституціонные бюджеты» ²⁾. Этотъ великій бібліотекарь не названъ по имени, но кто же его не угадаетъ?

¹⁾ Романъ Булгарина «Димитрій Самозванецъ». Посылая его Лелевелю, онъ писалъ: «Примите благосклонно мое новое сочиненіе! Въ цитатахъ найдете свое имя. Это вѣрная картина духа и характера того вѣка, но преимуществу по отношенію къ Россіи. Историческая часть обработана какъ исторія. Романъ этотъ принятъ съ восторгомъ, въ недѣлю разошлось 2,500 экземпляровъ и печатается второе изданіе. Русскіе писатели за это на меня сердятся,—не моя вина». 28-го февраля 1830 г.

²⁾ Сенковскій. Собраніе сочиненій, томъ I, стр. 391.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ 1829 году Лелевель былъ избранъ депутатомъ отъ Желеховскаго уѣзда въ сеймъ. Вскорѣ настали событія, которыя, по его выраженію, заставили прекратить ученныя занятія. Въ событіяхъ 29-го (17-го) ноября 1830 года Лелевель не принималъ никакого участія—онъ не отходилъ отъ одра умирающаго отца, который скончался въ день, когда вспыхнуло возстаніе ¹⁾).

Событія выдвинули Лелевеля на политическую арену и не дали ему заниматься въ тиши своими научными изслѣдованіями. Насталъ періодъ его дѣятельности, который для насъ чрезвычайно неясенъ и различнымъ образомъ объясняется. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе его дѣятельности за это время, интересуясь главнымъ образомъ его учеными трудами. О его политическихъ идеяхъ можно сказать положительно одно—Лелевель былъ отличный теоретикъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый плохой практикъ. Теоретикъ — демократъ, крайній республиканецъ, не признававшій неравенства по происхожденію, горячо отстаивавшій уравниеніе сословій и освобожденіе крестьянъ, которые составляютъ дѣйствительную народную силу. Видя всю опору и силу въ народѣ, онъ былъ врагомъ партіи, искавшей опоры у иностранныхъ дворовъ, представители которыхъ, по выраженію Лелевеля, предпочли бы скорѣе утопить Польшу въ ложкѣ воды, чѣмъ сдѣлать ей что-нибудь хорошее. Но партія эта была сильна и она оставила много воспоминаній, въ которыхъ пытается представить историка въ худомъ свѣтѣ. Оставимъ эти сказанія въ сторонѣ и остановимся на взглядѣ самого Лелевеля на крестьянъ, проводимомъ имъ въ то время.

Вотъ, что онъ тогда писалъ: «Деревенскій рабочій классъ составляетъ половину населенія старой Польши; гдѣ же искать опоры, какъ не въ немъ? кто составляетъ народъ, если не онъ? Возможно ли, чтобы народъ постоянно боролся или за королевское или за панское владычество, и никогда—за свою собственную свободу и независимость! Поймите, что этимъ вашимъ ближнимъ, вашимъ землякамъ, обижаемымъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ, настало время исправить обиды. Этого можно достигнуть освобожденіемъ ихъ изъ-подъ ига, уничтоженіемъ барщины, надѣленіемъ землею, расширеніемъ пресвѣщенія,

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Лелевель въ своемъ воспоминаніи о переговорахъ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., т. XXII, стр. 317—324.

равнымъ и полнымъ ихъ участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Давно уже говорятъ, что безъ этого Польша не поднимется, и постоянныя неудачи достаточно это доказываютъ. Такого общественнаго измѣненія требуетъ просвѣщеніе, справедливость, гуманность, благо самихъ помѣщиковъ-дворянъ».

Барщину Лелевель совершенно порицаетъ. Въ Польшѣ подь конецъ XVIII вѣка весьма много помѣщиковъ освободило крестьянъ, оставивъ за ними землю съ обязанностью платить оброкъ. «Оброкъ,—говоритъ Лелевель,—та же барщина, только въ видѣ денегъ, пожалуй безъ столькихъ злоупотребленій, но подчасъ еще тяжелѣе. Долой барщину, долой оброкъ».—Но какъ же рѣшить?—Можно ли допустить, чтобъ какое-нибудь правительство имѣло право «отнимать землю у однихъ и отдавать ее другимъ». Здѣсь должно дѣйствовать добровольное соглашеніе. «Благоденствіе и сила польскаго народа, хорошо понятый интересъ дворянства—заставляютъ сдѣлать земельный надѣлъ».—Затѣмъ совѣтуетъ Лелевель отдать землю крестьянамъ на выкупъ; для этого должно быть организовано земское кредитное общество, цѣль котораго облегчить болѣе скорый выкупъ. При этомъ нельзя говорить объ освобожденіи, такъ какъ человѣкъ никогда не былъ ни чьею собственностью. Нельзя говорить и о земельномъ надѣлѣ, такъ какъ ничего не надѣляется, когда крестьянинъ ею владѣетъ. Слѣдуетъ только сдѣлать честный расчетъ и развязать узелъ, связующій владѣніе помѣщика съ крестьянскимъ. Послѣ слѣдуетъ совершенно устранить ту разницу сословій. «Сядь на скамьѣ вмѣстѣ съ крестьяниномъ, побесѣдуй съ нимъ; когда придетъ къ тебѣ, подай ему стулъ, поговори съ братскою любовью и откровенностью, подѣлись съ нимъ хлѣбомъ, обмѣняйся рюмкой братскаго напитка; вникай въ его общественную жизнь, удержи его въ своемъ кругу; уважай въ братѣ добродѣтель, честность и человѣка».—Такимъ образомъ видимъ, что теоретикъ Лелевель хорошо понималъ сущность крестьянскаго вопроса, но осуществленія своихъ идей онъ не дождался: онъ умеръ когда еще не взошла заря новаго порядка, осуществившаго его завѣтныя мысли. Тогда же многое и многое мѣшало проведенію этой мысли въ дѣйствительность.

Въ сентябрѣ 1831 г. оставилъ Лелевель Варшаву, простившись навсегда съ своею матерью (умерла 26-го сентября 1837 г.). Мѣстомъ, куда онъ стремился, былъ Парижъ, но французское правительство не позволило ему долго здѣсь оставаться и онъ удалился въ Турь. Тамъ онъ нашелъ любителей нумизматики, которые облегчили ему доступъ въ мѣстную городскую бібліотеку. Нумизматика сдѣлалась главнымъ занятіемъ Лелевеля и уже здѣсь онъ задумалъ издать свои

ислѣдованія о монетахъ, найденныхъ Тржебунѣ, недалеко отъ Плоцка. Казалось, что скоро найдется издатель и любознательные покупатели книгъ. Нѣсколько его разочаровалъ старшій библіографъ Ренуаръ, доказывавшій Лелевелю, своимъ примѣромъ, что сочиненіе по нумизматикѣ не можетъ разойтись и въ 150 экземплярахъ. Недолго Лелевель жилъ и въ Турѣ, пришлось уходить изъ Франціи. Осенью 1832 г. съ сумой на плечахъ прибылъ Лелевель въ Брюссель, гдѣ остановился въ маленькой комнаткѣ постоялаго двора подъ названіемъ *Estaminet de Varsovie*. Изъ этой комнаты онъ уже никуда не переѣзжалъ почти до конца своей жизни. Здѣсь прожилъ почти тридцать лѣтъ въ большой нуждѣ, навѣщаемый величайшими знаменитостями и принципами крови; здѣсь онъ приводилъ въ исполненіе свои мысли о всеобщемъ равенствѣ, усаживая на своей кровати принца Наполеона рядомъ съ старымъ солдатомъ. Въ Брюсселѣ хотѣлъ Лелевель заняться изданіемъ нумизматическихъ трудовъ. Одинъ бельгійскій сановникъ обѣщалъ его познакомить съ извѣстнымъ въ то время издателемъ Гауманомъ. Рукопись была послана ему; нѣсколько дней спустя, идутъ они оба къ издателю, который соглашается печатать лишь бы доски остались его собственностью. Гауманъ думалъ воспользоваться ими для другихъ изданій, переводовъ, — и за все это предлагалъ автору 200 франковъ, наконецъ 1,000, лишь бы доски остались въ его рукахъ и авторъ собралъ 100 подписчиковъ. *C'est à vous de chercher les souscripteurs, les planches restent à moi, salut!* отвѣчалъ Лелевель, а бельгійскій сановникъ прибавилъ: *il faut être un juif pour agir de cette façon*. Этимъ кончилась первая попытка найти издателя. Между тѣмъ пріѣхалъ въ Брюссель польскій издатель Страшевичъ, который задался мыслью помогать своимъ соотечественникамъ. Онъ взялся за изданіе „*Numismatique du moyen âge*“. Но изданіе затянулось. Лелевель получилъ въ Брюсселѣ приказъ оставить Бельгію (*mandat d'expulsion*), который, впрочемъ, скоро былъ взятъ назадъ. По расчету Лелевель могъ бы получить до 12,000 франковъ за свою книгу, но здѣсь сбылось то, что предсказывалъ Ренуаръ. Подписчиковъ набралось 120 и собранныя деньги едва покрыли издержки по изданію. Остальное количество раздѣлили между собою издатель и авторъ. При этомъ Лелевель получилъ 310 экземпляровъ, стоимостью по 40 франковъ каждый. Отсюда разошлась молва, что Страшевичъ доставилъ Лелевелю капиталъ въ 12,000 франковъ. Однако, за всѣ эти книги никто не давалъ и тысячи, поэтому авторъ отдалъ свою часть издателю за 750 франковъ. Объ этомъ сочиненіи довольно много писали въ Германіи и во Франціи, но это мало способствовало распродажѣ книги. Тогда Лелевель задумалъ перевести на французскій языкъ свои изслѣдованія по древней

исторіи и, въ видѣ пробнаго шара, выпустилъ въ свѣтъ «*Pytheas de Marseille et la géographie de son temps*». И это не пошло удачно, такъ какъ нѣмцы сейчасъ перевели, и не нуждались въ подлинникѣ. Пока Лелевель пробивался изданіями своихъ сочиненій, къ нему приходили съ разныхъ сторонъ всевозможныя предложенія. Поляки допытывались исторіи Польши, бельгійцы предлагали написать исторію Нидерландовъ: «подучись, говорили, мѣстныхъ нарѣчій, архивы будутъ тебѣ открыты». «Пишите сами себѣ»,—отвѣчалъ Лелевель. Но эти предложенія менѣе казались историку странными, чѣмъ требованія соотечественниковъ написать исторію Польши. «Я думаю,—говоритъ онъ,—что нѣтъ нужды доказывать странность этихъ требованій, когда я ходилъ съ сумою». Появлялись со стороны бельгійцевъ проекты и другаго рода, которые казались Лелевелю нелѣпыми, но всетаки происходившими отъ добраго сердца. Предлагали мѣсто консерватора нумизматическаго кабинета, который не существовалъ. Даже предлагали профессорскую кафедру, которую онъ не могъ принять, «не отрѣкшись отъ обязанностей эмигранта (?)». Случайные доходы были весьма рѣдки и мало прибыльны. Такъ, за описаніе монетъ, принадлежащихъ Леклерку и выставленныхъ на продажу, получилъ 250 франковъ, трудясь въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Когда, три года спустя, брюссельскій муниципалитетъ продавалъ правительству свое собраніе монетъ, то Лелевель приглашенъ былъ оцѣнить его и за это получилъ 500 франковъ. Говорятъ, что онъ самъ потребовалъ столько за продолжительную и тяжелую работу, но, кажется, всѣ рассказы о томъ, что Лелевель весьма мало оцѣнивалъ свой трудъ, опровергаются его собственными словами: «говорю объ этомъ для тѣхъ, которые выдумали сказку, что я въ моеи нуждѣ требовалъ отъ издателей меньше, чѣмъ они давали, какъ будто издатели въ состояніи рассыпать деньги полною рукою, когда нѣтъ покупателей». Самымъ крупнымъ гонораромъ, какой получилъ Лелевель, было 1,400 франковъ, за право перевода на англійскій языкъ его „*Considerations sur l'état politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple*“. На этомъ сочиненіи мы сейчасъ остановимся, такъ какъ въ немъ проведенъ цѣльный взглядъ польскаго историка на исторію польскаго народа.

Мы слишкомъ долго говорили о различныхъ неудачахъ Лелевеля по изданію сочиненій, но мы этимъ не исчерпали и малѣйшей частички всѣхъ его хлопотъ въ борьбѣ за существованіе и труда, которымъ ему хотѣлось принести пользу своему отечеству.

Мы не станемъ рассказывать о всевозможныхъ затрудненіяхъ, сопровождавшихъ выходъ того или другаго сочиненія, не будемъ останавливаться на каждомъ изъ нихъ отдѣльно; теперь ихъ не трудно

йти въ общемъ собраніи сочиненій, изданіе которыхъ предпринялъ еще при жизни Лелевеля нѣвѣстный познанскій книгопродавецъ-издатель И. К. Жупанскій.

Двадцать томовъ сочиненій Лелевеля не представляютъ ничего дѣльнаго. Польскій историкъ не написалъ подробной исторіи Польши, потому онъ не сдѣлался ни Нарушевичемъ, ни Палацкимъ, ни Соловьевымъ Польши. Его сочиненія—это скорѣе энциклопедія исторіи. Вспомогательныя историческія науки имъ обслѣдованы и представлены результатъ изслѣдованій. Историческая географія, археологія, древности права, мнѣологія, налеографія, нумизматика, геральдика, хронологія, краткая всеобщая, польская и русская исторія и т. д.—вотъ содержаніе сочиненій Лелевеля. Цѣлый рядъ критическихъ статей, критическій методъ въ изслѣдованіяхъ составляютъ драгоценную его заслугу для польской исторіи: онъ первый открылъ вѣрный путь для позднѣйшихъ. Взглядъ на цѣлость польской исторіи онъ высказалъ въ упомянутомъ выше трудѣ «Замѣчанія на исторію Польши и ея народа».—Здѣсь онъ впервые задается мыслью изслѣдовать исторію не политическую, а исторію народа. Задача его—познакомить читателя «съ общественнымъ положеніемъ народа, его понятіями и настроеніями, которыя не всегда одинаковы, такъ какъ народъ—это такая, но жизненная сила, отъ которой зависитъ во всѣ времена судьба общества и государства». Полагая, что основу славянскаго быта составляетъ общинное начало, онъ слѣдитъ за его развитіемъ въ государственномъ устройствѣ Польши.

Всю исторію Польши, разсматриваемую съ этой точки зрѣнія, онъ раздѣляетъ на четыре періода. Въ началѣ земля, народъ и все, что ему принадлежало, составляло общественное достояніе. Личной собственности не было, владѣтели земель, волостей и полей держали у себя общественное имущество; владѣніе было условнымъ, вытекающимъ изъ общей собственности. Пока не образовались государства, всѣ славянскіе народы сходились на общія вѣча, для рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Съ принятіемъ христіанства въ Польшѣ общинное начало въ управленіи слабѣетъ, выдвигаются отдѣльныя личности и образуется самодержавіе. Этому образованію единой державы въ Польшѣ способствовало соединеніе общинъ, образованіе государства, завоеванія, стремленіе леховъ возвыситься надъ простымъ народомъ. Но ослабленіе общины влекло за собою уничтоженіе самодержавія и господство аристократіи, которая усиливается окончательно со смертью Болеслава Кривоустаго (1139), и это усиленіе продолжается чрезъ весь удѣльный періодъ (до 1374). Аристократія, взявъ въ свои руки власть, вол-

нуеть и разрываетъ на части страну, и ея дѣятельность удержана только тогда, когда гражданскій духъ лучшей части народа окрѣпъ и усилился. Окончательно ослабилъ вліяніе аристократіи Владиславъ Локотокъ, созвалъ сеймъ, открылъ народу доступъ къ управленію, и этимъ уничтожилъ наследственность верховной власти. Власть изъ рукъ немногочисленной аристократіи переходитъ къ шляхтѣ, составлявшей громадное число населенія. Преобладаетъ шляхетское общинное начало. Всѣ должности сдѣлались народными, земскими. Но шляхта скоро забываетъ, что не она одна составляетъ народъ и что есть еще классъ, который сильно увеличился. Подъ вліяніемъ иностраннымъ развивается неестественное отношеніе большинства народа къ меньшинству, которое захватываетъ власть въ свои руки. Начинается съ XVI вѣка періодъ замѣпательства въ шляхетскомъ общинномъ устройствѣ. Аристократія опять усиливается, беретъ перевѣсъ, шляхетская община ослабѣваетъ. Причиной этому была сильная примѣсь чуждаго элемента, какой вошелъ въ составъ Польши послѣ люблинской уніи,—элемента чуждаго польскому общественному строю или затерявшаго общинное начало и развившаго сильную аристократію. Римъ поблекъ отъ присоединенія къ себѣ сотни народовъ, которые получили права гражданства. Польская республика, присоединяя «обширныя земли, приученныя прежде къ иному порядку, должна были испытать судьбу, общую всѣмъ поворотамъ человѣчества». Не пришло къ тому, что было въ Римѣ, во «связи и сила должны были ослабнуть въ пространствѣ, какъ твердое тѣло въ жидкости и, ослабѣвъ, образовать цѣлостъ болѣе мягкую, болѣе податливую на враждебныя пожатія. Смягченный польскій духъ замѣнилъ однородность и сплошность въ смѣсь».

Такова въ общихъ чертахъ главная мысль этого обширнаго труда. Не останавливаясь на отдѣльныхъ ученыхъ трудахъ Лелевеля, мы скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ его жизни. При этомъ руководствуемся воспоминаніями современниковъ и лицъ хорошо знавшихъ историка. Почти до конца своей жизни, какъ мы уже замѣтили, Лелевель жилъ въ маленькой комнаткѣ Estaminet de Varsovie. Для своего существованія требовалъ немногого—куска сухаго хлѣба и свѣчу, даже не заботился объ отопленіи комнаты. Друзья повозботились, безъ вѣдома Лелевеля, устроить въ его комнатѣ калориферы. Не зная объ этомъ, онъ удивлялся, какъ это стала легкой зима въ Бельгій. Квартира его представлялась въ слѣдующемъ видѣ: небольшая комната, въ одномъ углу кровать, у окошекъ два стола, заваленные книгами, у дверей шкалъ и столикъ со

цеткою для платья, да еще нѣсколько старыхъ стульевъ. Таково было его жилище, въ которомъ онъ принималъ не одну знаменитость.

Въ концѣ мая 1861 года въ Парижѣ узнали объ опасномъ состояніи здоровья Лелевеля. Друзья поспѣшили въ Брюссель съ намереніемъ перевезти его въ Парижъ. Лелевель лежалъ сидящимъ на кровати, а подлѣ него чашка молока и остатки морской рыбы. Постель, въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, показывала, что никто не заботился о больномъ. Одинъ изъ прибывшихъ, докторъ Галензовскій, взявъ его за пульсъ, шопотомъ сказалъ: «мы пріѣхали на похороны». Его товарищъ Янушкевичъ сталъ рассказывать о старыхъ временахъ, вспомнилъ про виленскую жизнь. Лелевель ожилъ, почти выздоровѣлъ. Приглашенный друзьями, самъ взошелъ на третій этажъ, кушалъ, пилъ, разговаривалъ, шутилъ какъ въ добрыя старыя времена. Едва удалось уговорить его выѣхать изъ Брюсселя, гдѣ прожилъ почти тридцать лѣтъ. Когда уже сидѣлъ въ вагонѣ, пришли съ нимъ проститься земляки и депутаціи отъ университетовъ—Брюссельскаго, Гендскаго, Левенскаго. Это было 26-го мая 1861 г. Когда поѣздъ вѣхалъ въ зеленый лѣсъ, воздухъ оживилъ Лелевеля и онъ сказалъ: «тринадцать лѣтъ не видалъ я лѣса». Въ Парижѣ помѣстили его въ домѣ Дюбуа. Когда ввели его въ роскошно меблированную комнату и онъ увидѣлъ мебель изъ краснаго дерева, ковры, роскошную кровать, сталъ кричать и стучать палкою, говоря, что выбрасываютъ деньги за окно. Янушкевичъ, чтобы успокоить старика, представилъ ему фиктивный счетъ и доказалъ, что за получаемыя имъ отъ издателя деньги онъ можетъ здѣсь жить въ продолженіе десяти лѣтъ. Мысль, что живетъ на свой счетъ, успокоила его, и онъ спокойно уснулъ въ удобной кровати. 27-го мая здоровье ухудшилось. Янушкевичъ, по порученію Галензовскаго, распросилъ о его послѣдней волѣ и вотъ каково было завѣщаніе. Племянникамъ Оадею и Густаву велѣлъ отдать часы, Гуго получилъ кольцо, которое Лелевель постоянно носилъ на пальцѣ. Брату Проту—шубу, которая у него была отъ брата Яна, и одну палку. Сестрѣ Маевской черепаховый ящикъ, подарокъ какой-то сановной испанки; сестрѣ Носаревской бархатную подушечку для булавокъ. Другую палку, которую всегда носилъ, отдалъ доктору Галензовскому; табакерку изъ коры, присланную какимъ-то познанскимъ священникомъ, жертвовалъ Янушкевичу. Рукописи и книги предназначилъ Вильнѣ, выразивъ желаніе, чтобы онѣ были отданы на общественное употребленіе. Въ дошедшихъ до насъ двухъ письменныхъ завѣщаніяхъ, составленныхъ еще въ Брюсселѣ, Лелевель назначаетъ на похороны въ одномъ 10,

а въ другомъ 25 франковъ, требуя, чтобы его похоронили какъ можно скромнѣе. Эти завѣщанія найдены послѣ.

Въ 1861 г. 29-го мая утромъ, Лелевель скончался на 76-мъ году жизни. Тѣло его, набальзамированное, было похоронено въ гробѣхъ польковъ на кладбищѣ Монмартръ. Похоронны его обратили вниманіе всего Парижа; у гроба говорили рѣчи—членъ института Людовикъ Воловскій, еврейскій раввинъ Астрикъ и французскій рабочій Шабо. Еврей и французскій рабочій въ своихъ рѣчахъ благодарили покойнаго за защиту и голосъ, требовавшій справедливости для крестьянъ и польскихъ евреевъ.

С. Л. Пташницкія.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... ..ВА.

III ¹⁾.

Бунтъ архіепископа Иркутска.

Окончивъ долгую службу въ Охотскѣ и Камчаткѣ,—называю долгою службой, потому что всякій, ѣхавшій въ тотъ край на службу, обязанъ прослужить тамъ пять лѣтъ; изъ всѣхъ флотскихъ офицеровъ, одинъ я прослужилъ болѣе двухъ сроковъ.— Возвращаясь въ Балтійскій флотъ, проѣздомъ прибылъ въ Иркутскъ, 1830-го года въ ноябрѣ.—По заведенному обычаю, всѣ флотскіе офицеры, проѣзжавшіе черезъ Иркутскъ, останавливались въ адмиралтействѣ, но, въ этотъ разъ, я не могъ воспользоваться этимъ удобствомъ и вотъ почему: начальникомъ адмиралтейства былъ лейтенантъ Ивановъ, въ Кронштадтѣ его звали—французъ Ивановъ.—Передъ моимъ пріѣздомъ онъ женился на удивительной красавицѣ.—Скорѣ послѣ свадьбы, онъ съ прелестной женой ѣхалъ на дрожкахъ; лошади понесли, Ивановъ рѣшился соскочить и переломилъ себѣ ногу; красавица ограничилась отчаяннымъ крикомъ, усидѣла, отдѣлалась только обморокомъ.—Когда я пріѣхалъ въ Иркутскъ, то уже было извѣстно, что Ивановъ безнадеженъ—переломленная кость не могла сростись почему-то. Былъ я въ адмиралтействѣ, но Ивановъ былъ уже въ агоніи ²⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316 и 616.

²⁾ Докторъ говорилъ, что большого не могли разлучить съ женою. Э.

Проѣзжая Иркутскъ въ 1818-мъ году, въ почтенномъ семействѣ полковника Нараевскаго я забавлялся съ дѣвочкою-замарашкой лѣтъ 4-хъ, а теперь встрѣтилъ такую красавицу, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Мать ея тоже была красавица, встрѣтила меня какъ стараго знакомаго; она была вдова, обѣ были спокойны и не сознавали, что и дочь—почти дѣвочка—уже вдова.

Весьма ласково принятый генераль-губернаторомъ Лавинскимъ, который, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «въ адмиралтействѣ я начальникъ поверхностный, въ хозяйство не вхожу, но полагаю, тамъ найдутся какіе нибудь безпорядки: любовь, сватовство и свадьба—худые помощники службѣ. Петербургъ—далеко, переписка, назначеніе новаго начальника, протянутся долго; я долженъ назначить кого нибудь изъ классныхъ чиновниковъ при адмиралтействѣ, но я ничего хорошаго о нихъ не знаю; если окажутся безпорядки, то это падетъ на уважаемый всѣми морской мундиръ; вы явились встать, я просилъ бы васъ временно занять должность начальника адмиралтейства—сохранить честь товарища и поддержать уваженіе въ почтенному мундиру».

Это такъ неожиданно ошеломило меня, что я нашелся только сказать: я не видался съ отцомъ и родными 22 года.

— «Я прошу васъ остаться не надолго, пока назначать другаго».—Я попросилъ позволенія подумать.

Просьбы матери, красавицы вдовы покойнаго, старыхъ знакомыхъ Иркутска, а главное—я принадлежалъ къ старому флоту, когда флотъ былъ особой кастой: единодушіе, почти единомысліе, заветное товарищество, честь флотскаго мундира была принадлежностію всего флота—святыня! Не долго думалъ—согласился.

Прилично похоронивъ товарища, я въ адмиралтействѣ вотъ что нашелъ: много книгъ прихода-расходныхъ за цѣлый годъ—всѣ бѣлыя, а уже декабрь. Магазины на половину пусты. Недоставало казенныхъ денегъ немного. Требованіе для Охотскаго порта не начато исполнять. Все это надѣлала любовь! По русской пословицѣ: взялся за гушъ—не говори, что не дюжъ. Генераль-губернаторъ обѣщалъ мнѣ всякую помощь, но что онъ могъ помочь мнѣ? Выучился я подписывать подъ руку покойнаго, засадилъ все грамотное, писались требованія, отпуска, я подписывалъ бумаги и книги за Иванова. Къ сроку книги были кончены и

отосланы. Прижалъ содержателей магазиновъ, и весною съ благо-разумною экономіею пополнились магазины; склады для Охотска исполнены, а подрядчики пополнили недостатокъ денегъ.

Вмѣсто присылки другаго начальника, утвердили меня; тутъ покривлялъ душою Лавинскій: онъ представилъ утвердить меня. Старикъ отецъ мой написалъ мнѣ: «ты вроешь чужую крышу, когда своя течетъ!» Чтобы кончить съ красавицею вдовою, скажу, что, года черезъ полтора, я имѣлъ возможность содѣйствовать и видѣть ее суругою превосходнаго человѣка. Я считалъ исполненнымъ мой долгъ окончательно въ умершему товарищу и въ чести мундира.

Иркутскъ былъ хорошо мнѣ знакомъ еще въ 1818-мъ году; много нашлось старыхъ знакомыхъ; вообще, я не былъ чуждымъ въ городѣ, а, по роду службы, поверхностно подчинялся только генералъ-губернатору, особенно доброму ко мнѣ.

Управление адмиралтейства, гдѣ жилъ начальникъ, была прелестная дача, въ красивой долинѣ, версты полторы отъ крайнихъ домовъ города: большой домъ со всеми службами и удобствами, какъ отдѣльное помѣстье; домъ прилично меблированъ, большой садъ, который омывала рѣчка Ида—въ просторѣчьи Ушаковка; вода рѣчки считалась минеральною—быстро заживляющею раны; на рѣчкѣ, почти въ саду, была устроена ванна, куда прѣзжалъ съ дочерью Лавинскій. Экипажи, лошади—все казенное. Команда, магазины, экипажъ—на Ангарѣ верстахъ въ трехъ.

Иркутскъ—городъ очень богатый и имѣлъ средства разбогатѣть: востокъ и сѣверо-востокъ свозили всѣхъ родовъ дорогіе шѣха,—юго-востокъ доставлялъ чай и шелки Китая. Отпускалъ Иркутскъ въ тѣ же страны произведенія фабрикъ и товаровъ Москвы и заграничныя, и не имѣлъ конкурента. Но за то въ Иркутскѣ и считалось много милліонеровъ: Медвѣдниковъ, Трапезниковъ, Баснины, Сибиряковы и проч.—Послѣ 1818-го года, въ 12 лѣтъ не обошлось безъ перемѣны; тогдашній комендантъ, молодець, кавалерійскій полковникъ Цейдлеръ, теперь губернаторъ и вовсе не молодець—сгорбился, старикъ-старикомъ.—Какъ кавалерійскій мундиръ дѣлалъ его красивымъ и смѣлымъ воиномъ, такъ фракъ и бумаги—согнули и сморщили его, но благородный, добрый и честный человѣкъ въ немъ не замѣнился. Бушцы еще болѣе рабогатѣли, стариковъ—замѣнили молодыя.

Иркутское адмиралтейство было счастливо начальниками: въ 1818-мъ году былъ Кутыгинъ—любимецъ Иркутска. Петръ Степановичъ Лутковскій, теперь вице-адмиралъ, оставилъ по себѣ прекрасную память. Впрочемъ, моряки счастливы, ихъ вездѣ ласкаютъ. Мнѣ не было труда въ короткое время сдѣлаться старожиломъ.

Въ 1818-мъ году, въ Иркутскѣ былъ архіепископомъ Михаилъ; это былъ истинный монахъ, смиренный, кроткій и—говорили—весьма ученый; онъ долго управлялъ обширѣйшею иркутскою епархіею, но говорили, что по добротѣ и смиренію своему, какъ выразились—распустилъ духовенство. Иркутскъ очень религіозенъ, владыку Михаила чтли какъ святнику.—Церквей много въ Иркутскѣ. Обычай старій—въ престольный праздникъ служить владыко, а богатѣйшій прихожанинъ удостоивался угостить владыку обѣдомъ. Вотъ разсказъ о покойномъ Михаилѣ. Праздникъ въ приходѣ богача Трапезникова; владыко милостивъ и ласковъ какъ всегда. У Трапезниковыхъ, какъ у всѣхъ богачей, держались на дворѣ монгольскія собаки—мохнатая, сильныя и, по природѣ, злыя до дикости; эти собаки не поворачивались человѣку, который кормилъ ихъ: на день, собаку съ побоями запирали въ конуру, а на ночь, собака бѣгала по блоку. За обѣдомъ зашелъ разговоръ о породѣ этихъ злыхъ собакъ. Владыко скромно утверждалъ, что человѣку съ твердою волею и упованіемъ всѣ твари должны покоряться; зашелъ споръ, и опирался на извѣстную собаку Трапезникова. По окончаніи обѣда, владыко пожелалъ видѣть собаку. Вышли на крыльцо и собака, выпущенная изъ темной конуры на свѣтъ, побѣжала по блоку съ рычаніемъ, какъ дикій звѣрь. Владыко молча пошелъ къ собакѣ; бросились удерживать архіепископа, онъ кротою рукою отстранялъ всѣхъ и тихо шелъ къ собакѣ. У всѣхъ на глазахъ совершилось чудо: собака пятилась отъ владыки, поджала хвостъ и спряталась въ конуру, зажмурилась и дрожала! Владыко скромно вернулся къ гостямъ. Меня—молодаго—сильно заинтересовалъ этотъ разсказъ. Къ добродушному владыкѣ не трудно было приласкаться: онъ любилъ играть въ шаши, а я былъ игрокъ. Повсюдами, просьбою упросилъ владыку объяснить мнѣ этотъ фокусъ; это было уже передъ моимъ отъѣздомъ въ 1818 г. Владыко взялъ съ меня слово молчанія и сказалъ,

что въ полѣ его расы защитить невмѣланный кусокъ кожи льва и будто это такъ сильно дѣйствуетъ на инстинктъ собаки, что къ нему не приближается ни одна собака на улицѣ. Другой рассказъ: владыко, утромъ послѣ сна, выходилъ на галерею, на плечо его садилась сорока и носъ свой прятала въ ухо владыки. Послѣ того, архіепископъ объявлялъ о вчерашнихъ упущеніяхъ въ семинаріи—все рассказывала ему сорока! Скончался архіепископъ Михаилъ, заповѣдалъ похоронить себя подъ пантерью близъ дверей, чтобы всѣ помирали грѣшный прахъ его. Въ Петербургѣ знали о распущенности Иркутской епархіи, но, должно быть, по уваженію къ Михаилу—терпѣлось. Скоро послѣдовало высочайшее повелѣніе въ свѣтѣйшій синодъ: избрать и назначить въ Иркутскъ строгаго и надежнаго. Синодъ назначилъ пензенскаго архіепископа Іериней¹⁾, съ прописаніемъ въ уважѣ, какъ строгаго и надежнаго. Говорятъ, все духовенство Пензенской губерніи много служило молебновъ за избавленіе отъ Іериней.

По пріѣздѣ новаго владыки, скоро Иркутскъ наполнился разсказами о строгости и странностяхъ архіепископа Іериней; всякій день новость за новостью: то священникъ—на обязанности дьячка, то въ монастырѣ на три мѣсяца топить печи; не было дома безъ разсказовъ о владыкѣ. Иркутскъ былъ пораженъ дѣйствіями Іериней тѣмъ сильнѣе, что въ сравненіи съ вроткимъ покойникомъ—былъ слишкомъ великъ и страшнѣе контрастъ. Захотѣлось и мнѣ посмотрѣть на владыку. Въ какой-то праздникъ, узнавъ, что будетъ служить архіепископъ въ соборѣ, явился я поранѣе. Съ самаго начала до конца, была не обѣдня, а ротное ученіе. «Ключарь, перевяжи галстухъ архидіавону—уаломъ назадъ!» — «Священнику не подобаетъ носить смазные сапоги со скрипомъ — 20 поклоновъ!» Чигающему дьячку: «Стои! пропустилъ точку съ запятой, читай снова—на колѣняхъ». Священнику: «замоложь, не внятно, читай снова, да не кобянься». Пѣвчимъ—всѣмъ доставалось! Настоящее ротное ученіе!

Самъ архіепископъ дѣлалъ большое впечатлѣніе. Ему было около 45-ти лѣтъ,—средняго роста, сложенъ очень правильно, не сухощавъ и не расположенъ къ толстотѣ; движенія очень граціозны и выра-

¹⁾ Кажется, такого имени нѣтъ: есть Ириней—но такъ тогда звали. Э.

жуютъ физическую силу и энергію; лицо мужественно, принадлежить къ типу южныхъ славянъ: густой бронетъ, глаза черные, большіе, полные блеску, взглядъ быстрый, проникающій; волосы черные безъ сѣдаго волоса, густые, длинные, но крупно волнистые, тѣмъ скрадывали большую длину; волосы казались тонкими и блестящими, борода черная, небольшая; голосъ самый чистый—грудной мягкой теноръ. Владѣлъ интонаціею голоса такъ гибко, легко, такъ вѣрно и такъ хорошо, что я другаго такого послушнаго голоса не слыхалъ!—Обыкновенную молитву, сказанную имъ въ алтарѣ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа и нишѣ и присно и вѣки вѣковъ—я и теперь, по прошествіи 46-ти лѣтъ, живо слышу! Слова: и нишѣ и присно и во вѣки вѣковъ—какою-то магическою волею голоса уходили въ вѣки вѣковъ! Подражать владыкѣ Іеринюю—невозможно! Вообще, чтѣ касалось до служенія его особы—было превосходно! Всякое служеніе, онъ говорилъ поученія экспромтомъ, поученія всегда строгія въ слабостямъ безъ снисхожденія, пороки громилъ и предавалъ анаѣмѣ, говорилъ просто, понятно, но рылся въ слабостяхъ мужчинъ и женщинъ безъ милосердія, какъ химикъ донсѣивался начала всѣхъ началъ. Разъ, въ женскомъ монастырѣ, говорилъ поученіе, такъ глубоко объяснилъ имъ принятый ими обѣтъ и закончилъ такимъ грознымъ эпилогомъ—поразилъ ихъ смертію безъ прощенія за нарушеніе обѣта въ ихъ санѣ, казнь по смерти сторицею, неизбежность ада; послѣдній періодъ проповѣди былъ: смерть, адъ, власть діавола, геенна, жупель, вѣчное терзаніе—смерть здѣсь, смерть тамъ, смерть, смерть! Всѣ монахини рыдали истерически, нѣкоторыхъ вынесли въ обморокѣ. Объ этомъ долго говорили въ городѣ. Знакомая мнѣ купчиха рассказывала, что, слушая, она была не своя: и холодно, и жарко, и земли не чувствовала подъ собою, а ужъ какъ жалостно было смотрѣть на матушекъ-монахинь!

Обычай—въ церковные праздники просить владыку на обѣдъ—не измѣнился, но и тутъ рѣдко проходилъ обѣдъ безъ критическаго взгляда на нравы хозяина и гостей и часто владыко уходилъ гнѣвенъ. Не рады были такому гостю, но обычай переселявалъ.

Одинъ разъ, знаемый купецъ (не важный, но не помню фамиліи) пріѣхалъ и присталъ съ просьбою—у него обѣдать и что будетъ владыко. Какъ я ни отговаривался—поѣхалъ. Владыко из-

братъ себѣ мѣсто за столомъ по лѣвую сторону хозяйна, меня посадили по правую хозяйна. Владыко прямо обратился ко мнѣ.

— «Вы морякъ, астрономъ?»

— Точно такъ, владыко, безъ астрономіи не найдешь дорогъ въ морѣ!

— «Ну, а какъ по вашему: земля вертится, или солнце ходитъ?»

— Для астрономическихъ вычисленій нѣтъ никакой разницы, и мы говоримъ—восходитъ и заходитъ солнце.

— «Ну, а какъ была наука учить?»

— Привыкаютъ говорить, что земля вертится.

— «А Иисусъ Навинъ сказалъ: стой солнце!»

— Я глубоко вѣрую въ писаніе и сдѣлалъ моему профессору это возраженіе; онъ мнѣ отвѣчалъ: это святая истина, но, послѣ словъ Навина, солнце остановилось и стала вертѣться земля.

Владыко непритворно смѣялся. Перешелъ разговоръ, подали огромнаго осетра. Владыко, смотря на меня, сказалъ:

— «Господь сотворилъ все на службу человѣка».

Я съ покорностію наклонилъ голову и сказалъ: Аминь! Но чрезъ минуту рассказалъ, что, собиравшись въ далекой морской походѣ, я нагружалъ разную провизію, и видѣлъ суету мышей, какъ онѣ хлопотали и пробовали все съѣстное: всякій бы подумалъ, что мыши вѣрили—провизія грузится собственно для нихъ.

Владыко хохоталъ: ему нравилось, что я, не противорѣча ему, соглашаюсь съ нимъ, но скоро и разбивалъ его.

— «Вы видали въ овсанахъ левиаѳана?»

— Китовъ видалъ сотни.

— «Очень большая это рыба?»

— Да, владыко, больше этого дома; бываютъ до 15-ти сажень.

— «Какъ же по вашему, можетъ человѣкъ жить въ утробѣ этой рыбы?»

— Это, владыко, сказано въ библіи объ Іонѣ?

— «Да».

— Еслибъ въ святой книгѣ было сказано, что Іона преглотилъ левиаѳана и тотъ жилъ въ утробѣ Іоны три дня, то увѣрю, я такъ же несомнѣнно вѣрилъ бы. Для Бога все возможно: я вѣрую, не испуга.

Владыко опять смѣялся усердно и даже благословилъ меня черезъ столъ. Въ подобныхъ разговорахъ прошло нѣсколько обѣ-

домъ. Хозяинъ и гости уверяли, что владыко никогда не былъ такъ веселъ и милостивъ. Этотъ обѣдъ сдѣлалъ то, что всѣ утрачивали меня на обѣдъ съ владыкой—хорошо, что было рѣдко. Послѣ нѣсколькихъ обѣдовъ, владыко приказалъ мнѣ быть у него на чашку чая. У него, безъ свидѣтелей, я, все съ той же манерой: почительности и покорности, разыгралъ роль умѣреннаго вельнодумца, что, кажется, очень забавляло его: можетъ, новостъ идей, можетъ—и то, что онъ не могъ говорить такъ по своей обязанности. Когда я сказалъ ему о странности видѣть такого пылкаго, энергическаго характера такихъ полныхъ силъ мужа,—въ монашеской рябѣ и смиренномъ санѣ, архіепископъ Іереней свернула глазами и сказалъ:

— «Я давно ношу фонтанели на рукавъ».

Владыко затѣмъ продолжалъ: «ты разумень, что при ностороннихъ не споришь со мною».

Обѣденные мои разговоры я для шутки рассказывалъ генераль-губернатору.

Въ день Александра Невскаго, генераль-губернаторъ и всѣ чины были въ соборѣ, наполненномъ до тѣсноты народомъ; служилъ архіепископъ. Послѣ службы, владыко съ посохомъ вышелъ на амвонъ; объяснивъ кратко жизнь Александра Невскаго, сказавъ, что всѣ побѣды далъ ему Богъ за твердую его вѣру, онъ ласково перешелъ къ наставленію удалиться отъ людей, имѣющихъ видъ доброты, кротости; эти люди, часто имѣя значеніе, пользуются любовію общества, обладая способностію сладкой рѣчи; эти люди никогда не спорятъ, но, подъ видомъ согласія и изворотливости, наводятъ на мысли невѣрія, ведутъ къ соблазну; рѣчи ихъ подобны меду, но съ ними сердце поглощаетъ ядъ сомнѣнія, и проч. и проч.—чуть не нарисовалъ моего портрета. Во время поученія, владыко съ довольной миной посматривалъ на меня. Закончилъ наставленіемъ—убѣгать такихъ людей, какъ заразы, гибельной для души. Не пожалѣлъ черной краски для меня владыко!—помню, я очень покраснѣлъ. Лавинскій обернулся ко мнѣ и тихо сказалъ: «въ твой огородъ камни летать». Подходя къ кресту, я сказалъ: Благодарю владыко!—«Извини, какъ печка печеть!»—Послѣ службы, вся интеллигенція—въ владыкѣ на пирогахъ.—Завтракъ всегда роскошный отъ купцовъ—это тоже обычай. Владыко, благословляя, смѣялся и шутя спросилъ: «Какъ

ты узналъ себя?—Хорошо вамъ, владыко, бранить меня, когда я не могъ возражать вамъ.—«Это мое право!»

На берегу Ангары стояла церковь; большое, сухое, ровное мѣсто на обрывистомъ берегу великолѣпной Ангары, съ хорошимъ видомъ въ устью рѣки Иркутъ—было любимымъ мѣстомъ для прогулокъ. Вѣдумали насадить тутъ кустарниковъ и сдѣлать дорожки. Владыкѣ Іеринею это показалось святотатствомъ; онъ потребовалъ уничтоженія кустарниковъ; его не послушали; онъ, чтобы поддержать свое требованіе—написалъ, что, служа, изъ алтаря видѣлъ творящійся блудъ подъ кустомъ—и на это не обратили вниманія.

У генераль-губернатора была любимая близкая церковь. Лавинскій до страсти любилъ музыку и былъ знатокъ.—Въ этой церкви, кромѣ украшеній современнаго вкуса, былъ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ казаковъ; отличные голоса и вѣрность исполненія самыхъ трудныхъ концертовъ были неуворизненны. Протоіерей съ причтомъ—во всемъ была гармонія. Владыко началъ нападать на причтъ этой церкви.

Во всемъ городѣ только и слышались жалобы на владыку. Духовенство, духовныя правленія, приносили жалобы и просили защиты у генераль-губернатора. Строгость владыки доходила до неприличія; я теперь не помню многого, но, по рассказамъ, иногда доходило до скандала во время служенія. Владыко любилъ повторять: «я власть, я намѣстникъ Христа, другой власти нѣтъ!» и тому подобное. Много было мелочей, но ими былъ полонъ городъ. Генераль-губернаторъ написалъ въ оберъ-прокурору синода. Іеринею пришло замѣчаніе—это разсердило владыку...

Не помню въ какой праздникъ, мы всѣ были парадно въ соборѣ; генераль-губернаторъ въ мундирѣ, залитомъ питьемъ. Безъ ротаго ученія не обошлось. Послѣ совершенія таннствъ, священникъ, выходя изъ царскихъ дверей съ книжкою для прочтенія молитвы: «Благословляю» и проч., по принятому обычаю, дѣлаетъ легкій поклонъ старшему въ церкви. Только поклонился священникъ Лавинскому, какъ владыко изъ алтаря вернулъ священника.

— «Кому ты кланялся? ты—пастырь, кланялся овцѣ твоего стада? ты молишься золотому тельцу!»

Распундиль священника голосомъ на весь соборъ. Лавинскій не показалъ и вида, что замѣтилъ непристойность. Мнѣ очень

хотѣлось сказать, что это не въ мой огорождъ камень — да не поспѣлъ.

Бумаги летѣли въ Петербургъ. Всѣ подробности духовенство сообщало синоду. Материала было много!

Осенью прилежь указъ (вотъ измѣнила память) о вызовѣ или удаленіи архіепископа — по разстройству умственныхъ способностей. Генераль-губернатору поставлено въ обязанность озаботиться и оказать возможное содѣйствіе въ синодальному путешествію владыки. Архіепископъ, получивъ указъ, нашелъ его поддѣльнымъ, такъ какъ на указѣ не было сургучной печати, а просто: М. П., т. е. мѣсто печати. Опираясь на какой-то законъ Еватерины, что если указъ покажется сомнительнымъ, то сомнѣвающійся имѣетъ право — потребовать указъ съ печатью сургуча, — Териней заявилъ свое сомнѣніе въ подлинности указа официально.

На сомнѣніе Териней не обратили вниманія, удобная карета была готова.

Не помню какой былъ праздникъ — не большой. Коллежскій совѣтникъ, чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ — Александръ Ивановичъ Голубевъ, еще до обѣдни, явился къ владыкѣ и доложилъ, что онъ присланъ для услугъ его высокопреосвященства во время пути и ожидаетъ приказаній. Я долженъ замѣтить, что Голубевъ былъ вершковъ 10-ти ростомъ, брюнетъ, сильнаго сложенія. Владыко саркастически улыбнулся и сказалъ: «Этого славнаго выбрали молодца! Довко распорядились: ты повезешь меня; такому великану-богатырю не трудно будетъ задушить меня и потомъ сказать, что я — какъ сумасшедшій — задушилъ самъ себя не дурно придумано!»

Владыко крѣпко взялъ за руку Голубева и сказалъ: «пойдемъ!» Териней привелъ Голубева къ перевозу черезъ Ангару; тамъ стоялъ унтеръ-офицерскій карауль; владыко приказывалъ взять Голубева подъ карауль, но унтеръ отказался — безъ дежурнаго офицера по карауламъ. Териней, не выпуская руки Голубева, повелъ его на главную гауптвахту, гдѣ, по приказанію владыки, караульный офицеръ посадилъ Голубева подъ арестъ.

Мимо гауптвахты проходилъ правитель канцеляріи генераль-губернатора Кибритъ и, видя карауль въ ружьѣ и владыку на плацѣ, подошелъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Владыко, зная Кибрита, и его посадилъ на гауптвахту. Въ это время, я ѣхалъ

из адмиралтейства поздравить съ праздникомъ Лавинскаго; дорогого узнавъ исторію на гауптвахтѣ, пробѣжалъ прямо въ Лавинскому и довелъ что узналъ.

Большая площадь: на южной сторонѣ домъ генералъ-губернатора, на сѣверной главная гауптвахта, въ западу гостинный дворъ, къ востоку—улицы и частные дома. Лавинскій въ это время сильно страдалъ геморроемъ. Слушая жены, терпѣлся и сказалъ: «еще глупости, пусть поссочитъ и уйдетъ».

Я былъ того мнѣнія, чтобы не вышло чего серьезнаго, вѣдь это владыко!

Лавинскій крикнулъ, надѣлъ фракъ со звѣздой и пошелъ неслыша со мною на площадь.

Подходя, видимъ Іериней рассказывающимъ большими шагами передъ фронтомъ солдатъ; нѣсколько народа отъ гостиннаго двора; слышимъ, Іериней громко говорить, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, съ которымъ онъ стоитъ передъ государемъ на одной доскѣ; судъ государя рѣшить кто правъ. Лавинскій что-то тихо, почти шепотомъ, сказалъ Іериней, а тотъ еще громче доказывалъ, благословляя подходящій народъ, что онъ донесъ государю о всемъ и что солдатъ кормить мукой съ пескомъ. Говорилъ громко, скоро и благословлялъ. Лавинскій приказалъ караулу идти въ караульный домъ. Молодой офицеръ не повиновался. Я громко командовалъ: напра-во! скорымъ шагомъ, лѣвое плечо впередъ—марш!! Хотя я и морякъ, но штабъ-офицеръ, а главное русскому солдату—команда! Караулъ, какъ машина, повиновался. Іериней, на разные манеры твердилъ одно, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, которому не вѣрить, а отдастъ себя подъ охрану военному начальству и народу! Не помню, кто подѣхалъ и докладываетъ Лавинскому, что комендантъ болѣтъ.

Какъ теперь гляжу на Іериней: онъ сознавалъ, что переступилъ черезъ Рубиконъ! День былъ прохладный, но Іериней весь горѣлъ, снялъ млобуку; по прекраснымъ его вѣлосамъ струились капли пота, онъ былъ прекрасенъ, это былъ азартный игрокъ и игралъ—быть или не быть! Народъ подходилъ болѣе и болѣе. Іериней, благословляя народъ, рѣшился говорить, что онъ съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой готовъ защищать и стать въ головѣ народа, который страдаетъ отъ гражданской власти.

Надобно замѣтить, что еще шла обѣда, на базарѣ еще не стѣжались и народъ еще былъ трезвъ, я еще замѣтка—въ Сибири лаптей не носятъ ¹⁾. Дѣло становилось слишкомъ серьезно! Неода должны Лавинскому, что комендантъ болѣнь, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: «привези!»

Необходимо ознакомить съ комендантомъ; это былъ генералъ-майоръ по кавалеріи, дослужился изъ кантонистовъ и былъ простакъ; имѣлъ много ранъ, а диклемомъ на орденъ—цѣлую стопу: кажется, вся Европа давала ему орденъ, начиная съ низшихъ степеней и до высшихъ. Фамилія его была Покровскій, а имени его, кажется, никто не зналъ.

По приказанію Лавинскаго, я бросился на дрожки и марш-марш! Нахожу коменданта—здоровошпенекъ! уже начернень, набѣленъ и кончилъ румяниться—безъ этого онъ не выходилъ изъ дома. Оказалось, что комендантъ имянинилецъ и подлагалъ, что я пріѣхалъ подравить его. Я передалъ ему приказаніе генералъ-губернатора; комендантъ отвѣчалъ, что ему нездоровится, да и что онъ будетъ тамъ дѣлать? Комендантъ видимо трусилъ, хотя и былъ храбрецъ на войнѣ. «Надѣвайте мундиръ, ваше превосходительство; хотя мертваго, но отвезу васъ, въ томъ даю вамъ честное слово! а что вамъ дѣлать—расскажу на дрожкахъ». Минуты были слишкомъ дороги и серьезны, я самъ подаль ему мундиръ и почти силой увелъ и усадилъ въ дрожки. Дорогой научилъ его подойти къ Іеринею и сказать ему, что, какъ главная военная власть, берете охраненіе его подъ свое покровительство и честію ручаетесь за его спокойствіе, возьмите подъ руку и уведите домой. Подъѣзжая, я махалъ караулу, барабанилъ чуть не походъ пробилъ, караулъ, честь—все исполнено важно! Іериней продолжалъ возмутительно говорить къ народу. Къ счастью, не было семинаристовъ, которые очень были преданы владыкѣ. Мнѣ кажется, недоставало начальнаго голоса въ пользу Іериней. Румяный комендантъ подошелъ молодцомъ и, какъ по писаному, объявилъ Іеринею. Тотъ сталъ было говорить о своихъ правахъ; комендантъ взялъ Іериней подъ руку и далъ ему слово выслушать его дома. Іериней свернулъ глазами на народъ и, не видя

¹⁾ Въ Россіи сапоги носятъ: кулаки, міроѣды, подрядчики—народъ болѣе развитой. Въ Сибири всѣ въ сапогахъ, простаки-лапотники—нѣтъ. Э.

ни въ домъ участія къ себѣ, пошелъ съ комендантомъ. Генералъ-губернаторъ и всѣ мы молча пошли за ними. Въ это время изъ всѣхъ церквей выходилъ народъ и частію слѣдовалъ за нами. Всю дорогу Иериней говорилъ съ жаромъ, внушалъ коменданту, почему онъ не можетъ вѣрить гражданскому начальству, и проч. Комендантъ, можетъ, и не понималъ, молчалъ и прибавлялъ шагу.

Довели архіепископа до его кельи и всѣ мы вошли въ нѣмъ. Лавинскій заглянулъ въ другую комнату, Иериней громко сказалъ: «тамъ у меня деньги, могутъ пропасть!» Обернулся ко мнѣ: «вы обезчестили свой мундиръ золотой, тѣмъ, что стали противъ меня». Я отвѣчалъ: монаху принадлежитъ смиреніе, вы учите насъ покорности и повиновенію; смиритесь, владыко!—Онъ зло взглянулъ на меня и быстро повернулся. Была и комическая сцена: явился прокуроръ—презаванный человѣчекъ, небольшого роста, съ очень большимъ бровомъ, на коротенькихъ и, какъ флейты, тоненькихъ ножкахъ. Раздраженный и красивый архіепископъ началъ донести прокурору всѣ свои неудовольствія и права отъ А до Z, говорилъ около часу. Забавная фигура прокурора точно окаменѣла, ни одна фибра въ лицѣ не дрогнула; прокуроръ не произвелъ звука и не мигнулъ глазомъ. Иериней кончилъ, прокуроръ повернулся. Я послѣ спросилъ его, что говорилъ ему владыко? «Не знаю, не понялъ и не слышалъ», отвѣчалъ мнѣ прокуроръ. Я искренно повѣрилъ ему.

На дворъ архіепископа привели роту солдатъ съ ружьями и боевыми патронами.

Мы всѣ пошли въ домъ генералъ-губернатора, составили подробный актъ происшествію и подписались болѣе 100 человѣкъ свидѣтелей. Казацкій офицеръ, въ тотъ же день, полетѣлъ съ донесеніемъ къ государю.

День былъ праздничный, много съѣхалось на базаръ; послѣ полдня пьяные и трезвые толпами толновали объ обидѣ владыки. Ошибка была въ томъ, что не заперли семинаристовъ: они шатались между народомъ и волновали. Я вооружилъ своихъ сотню матросъ, были у меня 3-хъ фунтова пушки; моя армія ночью охраняла домъ генералъ-губернатора. Черезъ двое сутокъ, говоръ и шумъ въ народѣ успокоился.

Кстати расскажу. Тогда въ Иркутскѣ былъ полиціймейстеромъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ былъ полковни-

новых колonoвожатыхъ; извѣстно, что онъ былъ организаторомъ общества 14-го декабря, но послѣ отсталъ, когда общество избѣнило цѣль, духъ и направленіе. Онъ былъ сосланъ въ Якутскъ, не доѣхавъ—назначили въ Верхнеудинскъ; я уже засталъ его отличнымъ полиціймейстеромъ въ Иркутскѣ—хорошо ученый, вполне честный человекъ; мы были очень дружны. Онъ хорошо фехтовалъ на рапирахъ, а я былъ ученикъ Северфина—первый по корпусу. На гауптвахтѣ были и Муравьевъ; смотрю—глаза горятъ у моего друга и весь какъ-то возбужденъ! Я говорю ему тихо: «чтобы не дошло до катастрофы? Онъ быстро мнѣ сказалъ: «ничего, вы возьмите ружье, я возьму другое, станемъ спинами, насъ скоро не одолѣютъ; а потомъ, мы станемъ въ головѣ, можемъ, выйдемъ къ лучшему». Я тогда подумалъ: каковъ въ вольтельерѣ, таковъ и въ могилкѣ.

Шумъ архіепископской катастрофы улегся; сначала интересовались, какъ поживаетъ и что говоритъ Іериней, но скоро и забыли о немъ. Духовенство радовалось. Шаловливость моя тянула меня повидаться съ плѣннымъ архіепископомъ и подиспутировать по знакомству, но запретилъ Лавинскій.

Наступила зима. Иркутскъ веселился. Кажется, не ошибаюсь, въ Николинъ день—балъ у генераль-губернатора; я отличный танцоръ, изъ лучшихъ учениковъ Да-Росси и единственный въ Иркутскѣ съ густыми эполетами; только кончилъ французскую кадрили съ дочерью Лавинскаго, какъ онъ подовалъ и быстро сказалъ: «иди внизъ, распорядись, да ни гу-гу!» Сбѣжавъ во флигель, нахожу—трое въ шубахъ, еще въ снѣгу—это были: жандармскій полковникъ Брянчаниновъ, флигель-адъютантъ Гогель и фельдшеръ капитанъ Иностранцевъ. Они пріѣхали весьма секретно. Я распорядился напоить и наеормить ихъ. Они хотѣли знать объ Іериней, но зачѣмъ пріѣхали—молчали. Балъ продолжался своимъ чередомъ; для приличія, я явился на балъ; тамъ никто и не подозрѣвалъ, что есть секретные гости. Лавинскій украдкой сходилъ въ нихъ. Въ концѣ бала приказано всѣмъ подписавшимъ являться утромъ.

Утромъ, всѣ собрались къ генераль-губернатору и отправились къ Іериней. Много пришло въ комнаты архіепископа; онъ сидѣлъ въ креслѣ и не всталъ при входѣ генераль-губернатора, который представилъ пріѣзжихъ. Флигель-адъютантъ подалъ за-

печатанный рескриптъ государя, который былъ показанъ Іеринею и въ которомъ повелѣвалось генералъ-губернатору: архіепископа Іеринея, по разстройству умственныхъ способностей, передать жандармскому полковнику Брянчанинову, для дальнѣйшихъ распоряженій. Привезли и указъ съ сургучною печатью. Іериней слушалъ и смотрѣлъ съ улыбкою, какъ будто видѣлъ забаву. Трудно было догадаться, что думалъ Іериней. Фельдъегерь Иностранцевъ стоялъ у дверей; архіепископъ вдругъ спросилъ: «а ты кто такой?»—обращаясь къ Иностранцеву; тотъ назвалъ себя фельдъегеремъ. Іериней непритворно разсмѣялся: «а почему у тебя черное перо?» Обращаясь ко всѣмъ, сказалъ строго: «убирайтесь всѣ вонъ! я комедій не люблю, да и не умѣете наряжаться». Тогда Брянчаниновъ, громаднаго роста (вершковъ 11-ти), подошелъ къ Іеринею и что-то шепнулъ ему на ухо. Вдругъ перемѣнилась сцена: Іериней всталъ со смиреннымъ видомъ, сложилъ руки на груди, поцѣловалъ подпись государя на рескриптѣ и покорился безусловно.

Исторія съ султаномъ Иностранцева такая: дорогой, на перекладной, заготовляя лошадей, онъ потерялъ свой бѣлый султанъ; въ Иркутскѣ кавалеріи нѣтъ, онъ взялъ у армейскаго офицера черный султанъ.—Мы никто не замѣтили и были крайне удивлены, какъ обратилъ вниманіе Іериней на цвѣтъ султана.

Тѣмъ и кончилась исторія, въ свое время надѣлавшая такъ много шума—надобно принять въ соображеніе, въ какомъ отдаленномъ краѣ и какимъ элементомъ населенномъ краѣ, по русской пословицѣ: отъ копѣчной свѣчки Москва сгорѣла.

Экипажъ и всѣ удобства для путешествія Іеринея были готовы, Брянчаниновъ не медлилъ, Иностранцевъ полагалъ заготовлять лошадей. Рассказывали, что у кареты Брянчаниновъ самъ запираетъ дверцы на ключъ; на станціяхъ не позволялось подходить къ каретѣ. Чѣмъ же кончилъ Іериней? Я слышалъ, что онъ былъ помѣщенъ въ Прилуцкомъ монастырѣ (Вологодской губерніи) на обязанность дьячка, хотя не былъ лишенъ ни сана, ни орденовъ. Далѣе ничего не слышалъ.

Иностранцевъ, гостивъ у меня, много рассказывалъ исторій—странныя и трудныя иногда бываютъ порученія фельдъегерямъ! Да и молодчина же былъ Иностранцевъ.

Въ 1854 г. я держалъ въ южной Россіи почтовую станцію; тогда не было телеграфовъ. Фельдъегеръ капитанъ—все таки капитанъ Иностранцевъ—мчался изъ Питера подъ Силистрію съ повелѣніемъ ретироваться нашимъ войскамъ—тогда удивила своею неблагодарностью Австрія цѣлый міръ! Австрія вѣрна себѣ и до сего часа! За 1854 годъ сколько потеряла Австрія! Что-то будетъ теперь?

Въ 1854 году, встрѣтившись съ Иностранцевымъ, мы узнали другъ друга. Я удивился неустанной его фельдъегерской физикѣ, а онъ, глядя на меня, подивился—какъ швыряетъ судьба людей.

А вотъ одинъ изъ многихъ анекдотовъ, по поводу Иностранцева. Императоръ Николай собирался выѣхать изъ Тулы; недавно выпалъ снѣгъ. Государь, незамѣтно для свиты, вышелъ по черной лѣстницѣ и крикнулъ: «№ 1-й, фельдъегерская!» Подкатилъ на санкахъ тройкою парень лѣтъ 20-ти. Государь сѣлъ въ сани и сказалъ: «пошелъ!»—Промчалась тройка верстъ пять, ямщикъ лихой, править стоймя.—Сначала ямщикъ робко оглядывался, а потомъ сказалъ про себя: «вишь, ты не дерешься, добрый».—Погодя опять оглянулся: «ребята говорили, что ты больно дерешься, а въ ты смиренный». Всю дорогу дивился ямщикъ, что государь не бьетъ его. Тройка была—Иностранцева. Свита сбилась съ ногъ—гдѣ государь? догадались и рѣшились ѣхать.

Государь говорилъ: «хорошо прокатиться подъ именемъ Иностранцева: я никогда такъ отлично не ѣздилъ». Это рассказывалъ мнѣ одинъ флигель-адъютантъ въ Кіевѣ....

Въ настоящемъ очеркѣ я довольно много говорилъ объ Александрѣ Степановичѣ Лавинскомъ; хочу нѣсколько съ нимъ познакомить моихъ читателей.—Послѣ Сперанскаго, сдѣланъ Лавинскій генераль-губернаторомъ иркутскимъ, енисейскимъ (красноярскимъ) и якутскимъ и пробылъ, помнится, 14 лѣтъ.—Лавинскій былъ очень добрый человѣкъ, съ большимъ тактомъ главнаго администратора. Лавинскій все зналъ что дѣлается, на маленькія злоупотребленія онъ смотрѣлъ снисходительно, а большія останавливалъ тѣмъ, что давалъ знать стороною, что это дѣло ему извѣстно—и этого было довольно.—Какъ генераль-губернаторъ, можетъ быть, онъ выскажется въ моихъ разсказахъ. Но кто же онъ?—Я вотъ что знаю: онъ незаконно-рожденный сынъ Головина и Ланской; откинувъ отъ фамиліи отца слогъ Го и прибавивъ конецъ фамиліи матери—составилась

фамилія сына. Богатые родители дали ему состояніе. Лавинскій былъ неудачно женатъ—если не забыть—на Закренской; имѣлъ одну дочь Елисавету, которую надобно было лечитъ въ Парижѣ; съ дочерью уѣхала и мать, тамъ перешла въ католицизмъ и дочь сдѣлала католичкой.—Императоръ Николай пожелалъ, чтобы Лавинскій жилъ съ женою. При мнѣ пріѣхали жена и дочь Лавинскаго; жена была нафанатизирована до крайности, она не могла видѣть православнаго безъ отвращенія!— Ей было устроено особое отдѣленіе въ домѣ, особая прислуга и экипажъ, была каплица и всендѣв. Дочь, лѣтъ 20-ти, почти не говорила по русски; отецъ очень любилъ ее и скоро сдѣлалъ православной.

Лавинскій не жилъ въ большомъ домѣ, тамъ давались только балы, а жилъ во флигелѣ при домѣ, въ три окна; въ нижнемъ этажѣ жилъ отецъ, а въ верхнемъ дочь. Бывало у генералъ-губернатора балъ, весь городъ веселится; среди бала, присылаетъ жена и требуетъ прекращенія бала—шумъ-де мѣшаетъ ей молиться. Александръ Степановичъ выслушаетъ, загнетъ русское непечатное слово—и продолжаютъ танцовать. Дочь сдѣлана фрейлиной. Лавинскій богатъ и въ милости... О службѣ своей онъ говорилъ мало.—Онъ былъ губернскимъ почтмейстеромъ въ Вильнѣ и это я знаю потому, что, когда онъ получилъ списокъ—чьи письма должны подпечатываться и прочитываться, Лавинскій мнѣ сказалъ: «я всегда разрѣзывалъ конвертъ и не читая посылалъ по адресу; скоро сдѣлались осторожны и «запретныхъ» писемъ не посылали».—Въ 1810 и 1811 годахъ, Лавинскій, если не ошибаюсь, былъ губернаторомъ въ Вильнѣ.—Поляки были преданы Наполеону и льстили Государю.—Устроили за городомъ балъ для рандеву съ красавицей Тизенгаузенъ¹⁾. Балъ, такъ потомъ болтали, былъ средствомъ предать Государя Наполеону.—Балъ въ разгарѣ. Государь одѣтъ по бальному—въ чулкахъ и башмакахъ—прекрасенъ и веселъ. «Мнѣ докладываютъ,—рассказывалъ Лавинскій,—что приближаются французы. Я доложилъ генералъ-губернатору, князю полуглухому (боюсь перевернуть фамилію—забылъ), онъ замоталъ головою и руками—нельзя, не смѣю. Докладываютъ другой, третій разъ, что французы близко. Я рѣшился прямо доложить государю. Вывелъ незамѣтно государя по черной лѣстницѣ.—Экипажъ имѣтъ

¹⁾ См. «Записки Шуазель-Гуфье, рожденной Тизенгаузенъ», напечатанныя въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 579—632.

ни одного; я предложилъ государю моею англійскую верховую кобылу, накинулъ на государя свою бурку, провожалъ его одинъ казакъ». Бурку эту я видѣлъ въ 1822 году. Министръ двора кн. Волконскій, по приказанію государя, при отношеніи, съ благодарностію возвратилъ бурку; зеленой тафты подклада изношена въ полосахъ. Лавинскій хранилъ и очень дорожилъ этой буркой.

Наполеонъ очень милостивъ былъ къ Лавинскому; если не ошибаюсь, А. С. оставался губернаторомъ при входѣ и выходѣ изъ Россіи французовъ; меня увѣряли, будто благодарные вилеццы поставили столбъ съ надписью въ память Лавинскому.—Но все это передаю какъ слухи и рассказы, ходившіе въ мое время, отнюдь не ручаясь за достовѣрность.

Въ 1832 году Лавинскій просился изъ Сибири, но получилъ рескриптъ, въ которомъ государь просилъ остаться и выразился такъ: «Если я и найду вамъ равнаго по достоинству, то гдѣ найду вамъ равнаго по опытности».—При этомъ табакерка съ портретомъ и брилліантами, тысячъ въ пятнадцать рублей. Александръ Степановичъ, показывая мнѣ рескриптъ и табакерку, съ неудовольстіемъ сказалъ: «вотъ такъ и держатъ въ ссылкѣ».—Ему хотѣлось въ Питеръ, для дочери.

Узнавъ изъ словъ Лавинскаго, что онъ броситъ должность, я, оставленный противъ воли и не желая быть въ Иркутскѣ безъ Лавинскаго, тихонько перепросился въ Кронштадтъ.—Мѣсяца черезъ четыре пріѣхалъ Лавинскій въ отпускъ; у него былъ свой домъ въ Коломнѣ. Я встрѣтилъ его и провожалъ во дворецъ; меня удивило, что онъ былъ въ вице-мундирѣ, безъ орденовъ, въ узкихъ панталонахъ, въ башмакахъ и безъ шпаги. Государь представилъ Лавинскаго государынѣ и при этомъ сказалъ: «вотъ кто охраняетъ насъ на востокѣ», а Лавинскому: «ну, что же ты не поцѣлуешь мою хозяйку?» государыня подала ему руку.

Возвратился Лавинскій не въ духѣ и сказалъ: «я объяснилъ Бенкендорфу, что въ Сибирь не поѣду,—нѣмецъ страшаетъ гнѣвомъ Государя—пусть какъ хотятъ!»

Бенкендорфъ, пріѣзжая, долго уговаривалъ, но Лавинскій рѣшительно отказался.—Государь гнѣвался: Лавинскаго—въ сенатъ, но не надолго; скоро, а именно 1-го января 1836 г.—членомъ въ государственный совѣтъ; умеръ онъ въ 1844-мъ году—въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Лавинскій, оставшись въ Питерѣ, попалъ опять въ милость; однажды Государь говоритъ ему: «а, кажется, мы погорячились съ твоимъ архіереємъ (Іеринеємъ): оказывается, что онъ не столько виноватъ. Я хотѣлъ поговорить съ тобою подробно». Лавинскій былъ крайне удивленъ и нашелся только сказать: «Государь, объ этомъ происшествіи я представилъ актъ за подписью болѣе 100 чиновниковъ-свидѣтелей». — «Ахъ, правда, объ актѣ я и забылъ, то и говорить нечего, а мнѣ представляли это дѣло въ другомъ свѣтѣ». Вотъ какую силу и при какомъ государѣ имѣли представители чернаго духовенства.

Выше упомянуто, что въ Іеринею являлся Голубевъ. Съ Лавинскимъ выѣхалъ и онъ съ женою. Лавинскій, желая опредѣлить Голубева въ Питерѣ, обращался во всѣ министерства; какъ только упоминалась фамилія Голубева—рѣшительный отказъ! Даже Канкринъ откровенно сказалъ: «батуска, Голубеву дать мѣсто не могу!» Такъ Голубевъ мѣста въ Питерѣ и не получилъ. Лавинскій вымолилъ у Канкринина для Голубева частное мѣсто, управляющимъ суконною фабрикою, кажется, въ Курской губерніи. Вотъ сила сторонниковъ смѣщеннаго Іеринея! Я слышалъ отъ Лавинскаго, что митрополитъ Филаретъ писалъ въ Іеринею: «Дай намъ средство смыть пятно съ имени святителей, помоги намъ своими объясненіями и указаніями; а врагамъ твоимъ мы сами найдемъ орудіе отомстить». Іериней отвѣчалъ: «Безумные вы! вы въ слабоуміи своемъ признали меня лишеннымъ умственныхъ способностей, чего же вы можете требовать отъ безумнаго? Безсильны вы».

Прочитавши объ Іеринѣ, многіе подумаютъ, что онъ былъ сумасшедшій. Я, какъ личный и близкій свидѣтель, могу увѣрить своихъ читателей, что онъ дѣйствовалъ въ совершенно здоровомъ умѣ. Честолюбіе и привычка властвовать осилили его, энергія и самонадѣянность танули его въ полному господству въ краѣ; вида препятствіе въ гражданской власти, надѣясь на вліяніе своего сана, онъ задумалъ взволновать такой отдаленный край—а нравы ссыльныхъ, людей порочныхъ, давали ему надежду легко взволновать—потомъ, ставши въ головѣ волненія, усмирить и повергнуть покорныхъ государю. Вотъ его затѣя—не удалась, сорвалось! да мало ли сколько затѣй не удается.

э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Примѣчаніе. Въ слѣдующемъ очеркѣ разскажу о пребываніи Сперанскаго въ Иркутскѣ въ 1818 году. Впослѣдствіи, если никто не помѣшаетъ, познакомлю читателей «Русской Старины» съ Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ. Былъ Бибиковъ и умеръ Бибиковъ—только! Бибиковъ былъ гдѣтъ 16 генераль-губернаторомъ югозападнаго края, былъ, можно сказать, владѣтельный герцогъ края, полный генералъ, генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, наконецъ, министръ внутреннѣхъ дѣлъ. Умеръ въ Дрезденѣ, безъ эксальбанта, безъ мундира, безъ пенсіи. Умеръ, какъ и слышалъ, на каменномъ полу, въ одиночествѣ! Кромѣ меня, едва ли кто его знаетъ и никто не узнаетъ, потому что послѣ него не осталось и не могло остаться ни одной строчки.

Не забуду, такъ разскажу о Бенкендорфѣ, о Паскевичѣ, о кн. Меншиковѣ—какіе это все гиганты издали, но, увы, только издали, а подойди близко. Вотъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, тотъ и близко не теряетъ. . . .

Не знаю я, какъ понимаютъ теперь Сенковского? а я и теперь его почитываю. Я былъ лично знакомъ съ нимъ и содѣйствовалъ къ напечатанію разсказа: «Большой выходъ у сатаны». Мой двоюродный братъ, Василій Семеновъ, тогда былъ цензоромъ и мы вмѣстѣ надули Бенкендорфа.

Я племянникъ Анны Петровны Буниной—десятая муза, и бывалъ на бесѣдахъ русскаго слова у Державина, помню его экспромтъ. Въ залѣ, въ два свѣта, неширокое мѣсто отдѣлено колоннами; въ этомъ отдѣленіи длинный столъ, нѣсколько литераторовъ за столомъ съ тетрадами; большое вѣло унизано около стѣны дамами. Вышелъ Державинъ чрезъ маленькую дверь прямо къ предсѣдательскому креслу, въ соболѣемъ опашнѣ, въ соболѣей высокой татарской шапкѣ; по лѣвую его сторону сидѣлъ гр. Д. Хвостовъ. Говорятъ, тогда Державинъ переводилъ Пиндара. Хвостовъ, скрипучимъ голосомъ къ Державину, который сѣлъ полуоборотомъ къ нему:

— Пиндаръ Романовичъ!

Державинъ не обернулся.

Хвостовъ повторилъ: «Пиндаръ Романовичъ!»

Державинъ, не оборачиваясь, на-распѣвъ сказалъ: «Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ, хвосты есть у кнутовъ—такъ берегись, Хвостовъ!» По большой залѣ прошелъ шопоть и одна изъ присутствовавшихъ записала изреченіе маститаго поэта.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Монастырскій судъ XVII-го вѣка.

[1610 г.].

Одною изъ отличительныхъ привилегій, данныхъ древнимъ монастырямъ сѣвернаго края, поморья—это жалованная грамота великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, въ 7055 году, предоставленія собственной монастырской расправѣ дѣль судныхъ надъ половниками, поселенными на земляныхъ ихъ владѣніяхъ, «опричь, — какъ говорится въ грамотѣ, — татбыныхъ, убійственныхъ и волшебныхъ дѣлъ». Такая особенность права, замѣчательная какъ своеобразиемъ формы суда, такъ и юрисдикціей давно-прошлаго времени, дошедшая до насъ въ уцѣлѣвшихъ монастырскихъ документахъ, составляетъ не безынтересный памятникъ старины. Такъ, въ силу той грамоты, въ началѣ XVII-го вѣка, передъ монастырскій судъ Николай Боряжемскаго монастыря¹⁾, сталъ истецъ Петрунька Юрьевъ сынъ Калугинъ и, какъ выражается монастырская запись, «въ лѣто 7118-е, сентября въ 3-й день, билъ челомъ царю-государю, великому князю Василю Ивановичу всея Россіи, Боряжемскаго монастыря, крестьянина Шалимовской волости половника Осипка Антипова. И подалъ челобитную въ Боряжемскій монастырь игумену Исидору еже о Христѣ съ братією, Боряжемскаго монастыря, Шалимовской слободки, крестьянина Якова Антипова на жену Анницу Андрѣеву дочерь. И игумень велѣлъ монастырскому розсылщику Осипу Теодорову сыну, Якова Антипова жену Анницу въ монастырь предъ собою поставить того же мѣсяца въ 5-й день. Розсылщикъ Осипко Теодоровъ Якова Антипова передъ игуменомъ постави. А истецъ Петрунька Калугинъ передъ игуменомъ ставъ же. И игумень велѣлъ келарю старцу Родіону съ соборными старцами ихъ судити. И келарь велѣлъ Петруньки Калугина челобитную чести. И челобитная чтена. И истецъ и отвѣтчикъ туто же стояли. А въ челобитной пишеть:

¹⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

— «Царю-государю и великому князю Василю Ивановичу ¹⁾ всея Руси бьетъ челомъ и плачетца сирота твоя, государь, Петрунька Юрьевъ сынъ Калугинъ на Яковлеву семью Антипова на Анну Андрѣеву дочь въ таково дѣлѣ, а діало, государь, нынѣшняго лѣта канунъ свят. мученикъ Флора и Лавра, въ вечеріе, въ четвергъ, приходила, государь, та Анна Яковлева семья своей научи въ мое дворшико и лѣзла, государь, въ мое избенцо и робишно мое дѣвицу по спинцѣ едва не перебила на смерть, покинула; а взяла, государь, двѣ рубашки тонкихъ мужскихъ, да женскую съ оборомъ: рубахамъ цѣна восемь алтынъ, да въ рубахахъ, государь, въ рукавахъ были заверчены рубли серебрянные: цѣна двѣ гривны; да сорвала, государь, съ ворота крестъ серебрянный—шести денегъ; да взяла, государь, изъ-подъ шестка и выняла изъ лукошечка восемь гривенъ, а меня, государь, въ те поры и съ семейшкой дома не было; а робишно, государь, съ се побойнѣ стало не уможна. И всёго того, государь, моего живота взяла та Анна, съ мужнина учки Яковлевы, на сорокъ алтынъ, на два алтына и на двѣ деньги. Милостивый государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, смилосердуйся, дай, государь, судную управу на ту женщину сильную, чтобы, государь, сирота твоя въ конецъ не загибла, животца своего не застала хуже отъ робишна. Что ты, милостивый царь, укажешь. Царь государь, смилосердуйся пожалуй».

И послушавъ келарь Родіонъ челобитную и спрашалъ отвѣтчика Якунька Антипова: слышать ли челобитную и, вмѣсто жены своей Анницы, отвѣчаетъ ли противъ истца Петруньки Калугина, а та челобитная говоритъ на жену твою Анницу?—И отвѣтчикъ Якунька Антиповъ тако рече: господине келарю, слышалъ ту челобитную,—и вмѣсто жены своей Анницы отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ сказалъ:

— Челобитная на жену мою Анницу поклепная. Братъ мой Осипъ того Петруньку Калугина научаетъ на меня и на жену мою Анницу, потому хотятъ меня изъ моей деревни вонъ выжить и въ обчемъ животѣ жеребью дать не хотятъ, а тотъ Петрунька Калугинъ живетъ у него въ половинѣ, тѣмъ онъ, Петрунька, меня Якуньку и жену мою клеветать.

И келарь спрашалъ истца Петруньку, чѣмъ онъ, истецъ Петрунька, въ тое въ своею иску уличаетъ?

И истецъ Петрунька въ томъ своею иску Якуньку уличалъ крестомъ животворящимъ. А сказалъ—самъ крестъ цѣлюю и ему вѣрю. И келарь спрашалъ отвѣтчика Якуньку: самъ ли крестъ цѣлуешь или истцу Петрунькѣ крестъ цѣловать вѣришь?

И отвѣтчикъ Якунька вѣрилъ крестъ цѣловать истцу Петрунькѣ. А сказалъ: умѣлъ онъ насъ поклепать и онъ умѣй и крестъ цѣловать. И келарь спросилъ истца Петруньку: сверхъ крестнаго цѣлованія иная которая улика

¹⁾ Василю Ивановичу Шуйскому.

у него въ томъ своемъ неку селн? И истецъ Петруньна большн того рѣчен и чего не означаѣ. И келарь спрошалъ отвѣтника Якушки: естли у него какіе рѣчи? И отвѣтникъ Якушка тако рече: господино келарю, у меня нѣтъ никакихъ рѣчей.

А у суда съ келаремъ были: казначей старецъ Иовъ, да соборной старецъ Феофанъ, да старецъ Серапіонъ. И келарь велѣлъ россыльщику Оежну кетца Петруньку и отвѣтника Якушку дать на поруки докажѣсть дѣло вернтся. Записку писалъ въ монастырь монастырскій діачонъ Иванецъ Ивановъ сынъ Устюжанинъ.

Лѣта въ 7118, октября 2-го дня, у креста стоя истецъ Пятрунка Калугинъ, да отвѣтикъ Якушка Антиповъ въ своемъ дѣле помирилс предъ старцемъ Даниломъ і жена Якова подала в челобитную Пятрунка Калугина вину въ сороки... в двое алтыныхъ и въ двое денгахъ. И отвѣтикъ Якушка стого неку пошлнны и пересудные и діаче писчее внести въ монастырь, своего все сполна взята. А на миру были Шалимовы слободки крестьяне Петраі Шавжунов, Андрей Дерягин, Феофор Старцев, Самал Малов, Петръ Ларионов, Харитон Тулчев, Ждан Жужчин, Яков Терехин, Таска Терехин. Записку писал Шалимовы слободки земской діачек Певтруница Леонасевъ сынъ Ярокуревъ.

Сообщ. А. Слатинъ.

МОСКВА ВЪ 1687—1688 ГГ.

[ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО].

Его п—ству г. Якову Ивану Гастфери, королевскому сенатору, генераль-лейтенанту и ливонскому генераль-губернатору, въ Ригѣ.

I.

23-го сентября 1687 г.

Высокоблагородный баронъ, королевскій совѣтникъ, генераль-губернаторъ, милостивый государь. Милостивое письмо вашего высокоблагороднаго п—ства, отъ 8-го сего мѣсяца, я получилъ 19-го числа сего же мѣсяца по почтѣ, и узналъ изъ него, что в. п—ство его королевскимъ величествомъ, нашимъ всеимпоставѣннмъ королемъ и государемъ, назначены генераль-губернаторомъ Лифляндн и смежныхъ провинцій, съ порученіемъ принять отъ тамошнихъ жителей, имеемъ его королевскаго величества, присягу на вѣрность. Затѣмъ в. п—ство милостиво изволило предложить мнѣ сообщать вамъ обо всемъ здѣсь происходящемъ. Я не только желалъ поздравить в. п—ство съ изъявленіемъ живѣйшей моей радости, но и молю Всевышняго, чтобы онъ по благодти своей преумножилъ свѣтлый разумъ в. п—ства, об-

легчить вамъ перенести тяжкое бремя возложенной на васъ обязанности и направилъ ваше назначеніе къ прославленію Бога, на отпугу его королевскому величеству, на пользу отечеству и къ вѣчной славѣ в. п—ства, а также къ приобрѣтенію милостей вашими ближними и родственниками. Что же касается до извѣщенія васъ о здѣшнихъ событіяхъ, то я постараюсь одѣлать это по обязанности службы моеѣ его королевскому величеству и въ угоду в. п—ству, по мѣрѣ возможности высылая вамъ извѣстія обо всемъ здѣсь происходящемъ. Пребывая въ твердой увѣренности, что это мнѣ откроетъ путь къ милостямъ, я довѣряю личныя мои выгоды поначению в. п—ства. Такъ какъ русскіе зорко слѣдятъ за корреспонденціею и письмами и самое заѣдованіе почтою поручено русскому, то я буду отправлять письма къ в. п—ству въ конвертѣ на имя частнаго лица, въ Ригѣ, которое будетъ каждый разъ доставлять ихъ в. п—ству.

Последняя новость та, что бывший генералиссимусъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, 4-го сего числа, поздно вечеромъ, пріѣхалъ въ городъ, а на слѣдующій день цѣловалъ руки у обоихъ царей и царевны. Онъ все еще въ прежней чести и стоитъ у кормила правленія; въ тому же царевна Софья Алексѣевна, почти совсѣмъ завладѣвшая управленіемъ царства, сильно поддерживаетъ его. Всѣ того мнѣнія, что въ послѣднемъ походѣ погибло отъ 40 до 50 тысячъ человекъ. Всѣмъ офицерамъ и дворянамъ за ихъ службу роздали медали въсомъ въ $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ и даже въ цѣлый червонецъ. Послѣднія были розданы высшимъ чинамъ (образецъ такой медали вамъ посылаю); другіе офицеры, смотря по заслугамъ, получили медали меньшаго вѣса. На медаляхъ находится изображеніе двухъ царей и правительницы, и также начальныя буквы ихъ именъ. Генералъ-лейтенантъ Петръ Гордонъ на сихъ дняхъ произведенъ въ генералы. Здѣсь всѣ озабочены изданіемъ за границую, на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ, хвалебнаго описанія похода, въ которомъ будутъ изложены подробно причины безуспѣшнаго возвращенія многочисленнаго царскаго войска. Уже поговариваютъ о новыхъ налогахъ съ крестьянъ и мѣщанъ и о намѣреніи будущю раннею весною предпринять походъ въ Крымъ, при чемъ будетъ избранъ новый путь. Пѣхота отправится по Днѣпру на судахъ, а конница сухимъ путемъ. Князь Голицынъ, поговариваетъ, будто онять приметъ участіе въ этомъ походѣ. Третьяго дня царь Іоаннъ и царевна-правительница, по ежегодному обычаю, отправились на богомоліе въ Троицкій монастырь, находящійся приблизительно въ 12-ти миляхъ разстоянія отсюда. Дней чрезъ десять ихъ ожидаютъ обратно. Царь, уже Петръ остался дома.

II.

18-го ноября 1687 г.

28-го минувшаго мѣсяца я адресовалъ къ в. п.—ству послѣднее письмо мое¹⁾.

Здѣсь за вѣрное передають, что старшій сынъ бывшаго гетмана, Ивана Самойловича, въ Сѣвскѣъ пытанъ и затѣмъ казнень за распространеніе неуиѣстныхъ рѣчей. Скоро ожидаютъ польскаго резидента, который будетъ имѣть постоянное мѣстопробываніе въ Москвѣ, а со стороны ихъ царскихъ величествъ будетъ отправленъ резидентъ къ польскому двору. Здѣсь говорить о постройкѣ на рѣкѣ Самарѣ крѣпости, въ которой будутъ расположены царскія войска, подъ предлогомъ препятствовать крымскимъ татарамъ производить набѣги на Украйну. Большинство того мнѣнія, что сооруженіе крѣпости имѣетъ цѣлью держать въ повиновеніи казаковъ и отрѣзать всякія сношенія ихъ съ татарами. Говорятъ, что эта мѣра указана новымъ гетманомъ Мазепою и что казакамъ понравилась мирная жизнь, которую они испытывали, живя въ теченіи 20-ти лѣтъ по сю сторону Днѣпра; многіе изъ нихъ нажили богатства, которыми желаютъ мирно пользоваться. Относительно будущаго похода пока еще не слышно ничего достовѣрнаго. Недѣли двѣ тому назадъ, вода въ Москвѣ рѣкѣ, вслѣдствіе большихъ снѣговъ и наступившей вслѣдъ затѣмъ оттепели съ дождями, такъ поднялась, что снесла четыре моста какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, черезъ что дворяне и мѣщане, торгующіе лѣсомъ, понесли вновь большой убытокъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ году внезапнымъ повышеніемъ уровня воды въ Москвѣ рѣкѣ уже четвертый разъ сносились мосты. Здѣшніе старожилы не забывать, чтобы подобное несчастье повторилось нѣсколько разъ сряду въ одноиъ и томъ же году.

III.

16-го декабря 1687 г.

18-го истекшаго мѣсяца я отправилъ къ в. п.—ству мое послѣднее письмо. Слухъ, будто старшій сынъ бывшаго гетмана Ивана Самойловича былъ пытанъ въ Сѣвскѣъ и затѣмъ 1-го ноября казнень—подтверждается. Рассказываютъ, что отецъ и младшій братъ его будутъ сосланы въ Пустоозерскъ. Изъ оставшагося послѣ ихъ имущества одна половина отбирается въ царскую казну, а другая половина будетъ отдана новому гетману, о чемъ уже сдѣлано распоряженіе.

Недѣли двѣ тому назадъ, казаки опять прислали сюда двухъ плѣнныхъ татаръ, которые будто бы заявили, что татары намѣреваются еще нынѣшнею зимою сдѣлать набѣгъ на русскую границу, и здѣсь одни уже поговариваютъ, что татары подошли къ городу Торь и оттуда сдѣлали на-

¹⁾ Этого письма нѣтъ.

бѣгъ, а другіе утверждаютъ, будто городъ этотъ ими вырѣзанъ, причѣмъ погибло 17 тысячъ человекъ убитыми и плѣнными. Дальнѣйшихъ объ этомъ свѣдѣній надо обождать. Дня три тому назадъ, семи пѣхотнымъ полковникамъ приказано отправиться въ Украйну и оставаться съ ихъ полками на крымскихъ границахъ русскихъ владѣній. Бѣлгородскому и Сѣвскому ополченію также приказано быть готовыми къ походу. Боярину Борису Петровичу Шереметеву, бывшему посланнику при римскомъ императорѣ, приказано отправиться въ Сѣвскъ и принять начальство какъ надъ тамошнимъ войскомъ, такъ и надъ всею мѣстностью; завтра онъ отправляется къ мѣсту своего назначенія.

Князь Петръ Семеновичъ Прозоровскій на прошедшей недѣлѣ отправился воеводою въ Новгородъ, на смѣну Петра Васильевича Шереметева; 10-го этого мѣсяца польскій резидентъ былъ встрѣченъ здѣсь въ качествѣ посланника; сегодня или завтра онъ будетъ допущенъ къ аудіенціи, послѣ чего уже сдѣлается извѣстнымъ—будетъ ли онъ имѣть здѣсь постоянное мѣстопребываніе. Теперь царя Петра стали ближе знать, такъ какъ первый министръ, князь Голицынъ, обязанъ нынѣ докладывать его царскому величеству о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, что прежде не дѣлалось; говорятъ, что въ теченіе наступающаго января мѣсяца его царское величество вступитъ въ бракъ.

IV.

2-го февраля 1688 г.

5-го истекшаго мѣсяца послано было мною письмо къ вашему сіятельству ¹⁾. Послѣ того не происходило ничего замѣчательнаго; теперь же могу сообщить слѣдующее: 28-го прошедшаго мѣсяца здѣсь официально объявлено генералитету о предстоящемъ походѣ въ Крымъ, и указаны тѣ, которые на будущее лѣто поведутъ войска. На первомъ мѣстѣ бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и съ нимъ товарищъ его бояринъ Иванъ Фѣдоровичъ Волынскій, также окольникій Бенедиктъ Андреевичъ Змѣевъ и думный дьякъ Емельянъ; они поведутъ главную, или такъ называемую, Московскую рать; за ними слѣдуетъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шенинъ, съ товарищемъ княземъ Фѣдоромъ Юрьевичемъ Бяратинскимъ; они поведутъ Новгородскую рать. Рязанскую рать поведетъ князь Владимиръ Дмитріевичъ Долгорукій; Сѣвскую рать—окольникій Леонтій Романовичъ Неплюевъ и думный дворянинъ Григорій Ивановичъ Косаговъ. Рать изъ казанцевъ и астраханцевъ поведетъ окольникій Иванъ Юрьевичъ Леонтьевъ. Всѣмъ означеннымъ войскомъ будетъ начальствовать князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ качествѣ генералиссимуса; при этомъ дано приказаніе,

¹⁾ Письмо это утеряно. *

подъ страхомъ смертной казни, чтобы всё названныя войска въ началѣ или половинѣ, а послѣдняя рать въ концѣ февраля, собрались къ собранному пункту въ Украинѣ, въ Сумахъ, Обоянѣ и Рыльскѣ. На этой недѣлѣ принято всёми главными начальникамъ ѣхать впередъ, чтобы собрать сложенное въ прошедшемъ году въ украинскихъ городахъ оружіе, привести его въ порядокъ и раздать войскамъ. Патриархъ, призванный для совѣщанія по поводу предстоящаго похода, предложилъ прежде всего попытаться завладѣть Азовомъ и уволить всѣхъ иностранныхъ офицеровъ, не принадлежащихъ къ греческой церкви, и чтобы народу и войску имѣть единую церковь и единую вѣру. На это ему отвѣчали, что большая часть военныхъ свѣдѣній пріобрѣтается отъ иностранцевъ, что и прежніе цари находили необходимо имѣть ихъ на службѣ, и потому имъ и впередъ оставаться на службѣ. Третьяго дня, въ ясную лунную ночь, здѣсь было замѣчено на небѣ явленіе: пять огненныхъ столбовъ, изъ коихъ четыре шли направленно къ сѣверу, а одинъ къ югу, подвигались другъ къ другу и сталкивались съ такою силою, что видны были искры. Три изъ сѣверныхъ столбовъ, казалось, были сдвинуты южнымъ столбомъ; наконецъ, оставшійся послѣдній сѣверный столбъ одолѣлъ большой южный; а черезъ два часа все явленіе исчезло.

V.

10-го февраля 1688 г. ¹⁾.

27-го истекшаго мѣсяца было послано в. пр.—ству мое послѣднее письмо ²⁾. Съ сегодняшнюю ночью должно отправиться въ Новгородъ къ тамошнему воеводѣ царское посланіе, адресованное его королевскому величеству; содержаніе этого посланія состоитъ въ томъ, чтобы его королевское величество въ письмахъ и сношеніяхъ съ его царскимъ величествомъ впередъ употреблялъ титулъ: пресвѣтѣйшаго и вседержавнѣйшаго, и чтобы объ этомъ было дано знать всёми начальствующимъ на границѣ лѣнцамъ. Это прибавленіе къ царскому титулу стали употреблять со временъ заключенія послѣдняго вѣчнаго мира съ Польшею, и такъ какъ кордіискимъ миромъ положено какъ каждому государю титуловаться, то здѣсь предполагать, что титулъ этотъ не будетъ оспариваемъ... Сегодня или завтра отправится, по приказанію царя, къ воеводѣ Псковскому дьякъ посольскаго приказа Алексѣй Васильевъ (тотъ самый, который два года передъ симъ пріѣзжалъ къ его королевскому величеству въ качествѣ чрезвычайнаго посла). Изъ Пскова онъ съ письмомъ отправится къ ревельскому начальству по поводу новаго освященія русской церкви въ Ревелѣ; съ этою цѣлью

¹⁾ Получено въ Перновѣ, 25-го февраля 1688 г.

²⁾ Письма этого нѣтъ.

нѣтъ съ нимъ отправляется священникъ съ иконами и, скелью нѣ вѣстнo, оны между прочимъ будутъ жаловаться на постройку близъ церкви конюшни и потребуетъ снесенія ея. Его царское величество царь Петръ приложилъ посѣщать думу и, какъ говорить, недавно ночью секретно рассматривалъ всѣ привады. Дней восемь тому назадъ ночью были найдены наконечными къ воротамъ зашвыни съ угрозою противъ лицъ, стоящихъ у корнямъ правленія. Дай-то Богъ, чтобы все сошло благополучно.

Казакъ приехалъ сегодня плѣннаго изъ крѣпости Бизикермена, который рассказываетъ, будто новый турецкій султанъ писалъ къ крымскому пашу, чтобы онъ воздерживался отъ всякихъ непріязненныхъ противъ русскаго царя дѣйствій, за исключеніемъ того случая, если на него самого будетъ произведено нападеніе, и чтобы по возможности защищался. Впрочемъ, здѣсь все пока тихо и о вторженіи татаръ ничего не слышно. Р. С. Голицинскій резидентъ баронъ фонъ-Беллеръ получилъ отъ своего правительства письмо съ жалобою на посланника его царскаго величества въ Гаагѣ.

VI.

6-го апрѣля 1688 г. ¹⁾.

Письмо вашего сіятельства отъ 15-го прошедшаго мѣсяца я получилъ 27-го числа того же мѣсяца, и узналъ изъ него между прочимъ весьма радостную вѣсть, что его королевское величество, нашъ всеимпериавѣйшій король и государь, возвелъ васъ, по великимъ заслугамъ и способностямъ вашимъ, въ графское достоинство; спѣшу принести вашему графскому п—ству низайшее и должное поздравленіе; молю Всевышняго, чтобы такое заслуженное возвышеніе послужило къ благу и процвѣтанію вашего дома; присовокупляю при этомъ просьбу, чтобы ваше сіятельство какъ до сихъ поръ были, такъ и впредь остались бы моимъ милостивымъ покровителемъ. При семъ доношу, что, по полученіи вашего письма, я содержащюся въ ономъ приниску тотчасъ сообщилъ первому министру, князю Голицыну, который видимо былъ обрадованъ и хотѣлъ оставить его у себя; но какъ я неохотно разставался съ нимъ, то велѣлъ перевести его и вчера возвратилъ нѣ его обратно, причемъ вновь повторилъ, что все обстоитъ хорошо и чтобы ваше сіятельство продолжали радѣть о дѣлахъ. Впрочемъ, до сихъ поръ въ общественныхъ дѣлахъ все тихо и не замѣтно ни малѣйшаго движенія, исключая развѣ того, что русскіе, какъ я уже упомянулъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ ²⁾, намѣреваются выстроить двѣ крѣпости на Самарѣ (нѣкоторые упоминають лишь объ одной крѣпости).

¹⁾ Получено въ Ригѣ, 19-го апрѣля 1688 г.

²⁾ Письмо это утрачено.

Итакъ самое правительство находится in statu quo ante, и потому известіе изъ Польши о произошедшей перемиріи правительства есть пустой вымыселъ. Если бы что произошло, то я по обязанности не преминулъ бы тотчасъ уведомить о томъ в. п.—ство. Также покорнѣйше благодарю за новости, которыми вы удостоили мнѣ сообщить касательно Швеции и другихъ земель. Весьма благоразумно, что ваше графское п.—ство ничего не предпринимаете относительно царскаго титула, не просили вы то разрѣшенія его королевскаго величества, и я, до получения мною особаго приказания по сему предмету, придерживаться буду того же самаго; мнѣ уже здѣсь разсказывали по этому поводу; впрочемъ, не могу не упомянуть, что нѣсколько дней тому назадъ приходили ко мнѣ три брата князя Якова Долгорукова, что были посланникомъ во Франціи и Испаніи, и говорили мнѣ, что братья ихъ на возвратномъ пути, вѣроятно, направятся черезъ Ригу, Ровель и Нарву. При этомъ они обратились ко мнѣ съ просьбою написать къ вашему графскому п.—ству и покорнѣйше просить васъ отъ мнѣ и моего имени, чтобы вы, если братья ихъ пріѣдутъ въ означенныя мѣста, оказали мнѣ высококончивыми или дружбу и одолженіе, сдѣлавъ распоряженіе къ безпрепятственному продолженію его пути. Въ этомъ прошу васъ не отказывать мнѣ, какъ благовопитаннымъ и однимъ изъ лучшихъ здѣсь людей и оказавшимъ дружбу г. Спарвенфельду и другимъ шведскимъ подданнымъ, здѣсь проживавшимъ.

Прошу ваше сіятельное п.—ство о благосклонномъ исполненіи моей просьбы относительно оказанія посланнику князю Долгорукову всякаго рода содѣйствія и вниманія по пріѣздѣ его въ означенные города; онъ и братья его съ признательностію примутъ подобную услугу и всегда будутъ разглашать объ оказанной ему шведами выслугѣ.

VII.

11-го мая 1688 г. ¹⁾.

Послѣднее всенжайшее письмо было отправлено мною къ вашей свѣтлости, высокографскому п.—ству 4-го сего мѣсяца ²⁾. Сегодняшнимъ же письмомъ я почтительнѣйше доношу, что въ началѣ будущей недѣли выѣзжаетъ упомянутый мною въ предыдущемъ письмѣ фонъ-Келлерманъ, нарочно отправленный къ его королевскому величеству; какъ слышно, онъ везетъ два письма къ его королевскому величеству; въ одномъ письмѣ испрашивается согласіе его королевскаго величества на испрашиваемый его царскимъ величествомъ титулъ пресвѣтлѣйшаго; другимъ письмомъ Келлерманъ уполномоченъ получить пожалованныя покойному Бюхлингу послѣ послѣдней войны деньги.

¹⁾ Получено въ Ригѣ, 30-го мая 1688 г.

²⁾ Письмо это утрачено.

Относительно донскихъ казаковъ, поговариваютъ, будто они возмущались. Причиною этого бунта жестокое и несправедливое обращеніе съ нѣкоторыми казаками, прибавивши сюда съ Дона съ цѣлью выпросить у правительства нѣкоторое пособіе по случаю ихъ крайняго раззоренія отъ сильныхъ поमारовъ; но, вмѣсто выдачи пособія, первый министр и другіе сановники обошлись съ ними сурово, обозвали ихъ измѣнниками, и тогда же нѣкоторые казаки были пытаны; это озлобило донцовъ. Другіе находятъ истинную причину возмущенія въ томъ обстоятельстве, что донцы не соглашались на нововведенія въ церковной службѣ, и пророчать изъ этой неспры великое помярище. Вчера нѣкто изъ пытанныхъ по настоящее время казаковъ казненъ. Впрочемъ сильно поговариваютъ, что его царское величество думаетъ анною собрать большое войско, чтобы будущаю весною, съ первою травою, повести оное въ Крымъ къ Перекопу. Въ этихъ видахъ съшить постройкою крѣпости на Самарѣ, чтобы ее сдѣлать саламочнымъ мѣстомъ для войска на время этого похода.

На дняхъ я былъ у перваго министра, князя Голицына, и читалъ ему, по желанію графа Шерлинга, записку относительно бревенъ; онъ былъ очень вѣжливъ и ласковъ и обѣщалъ дать благоприятный отвѣтъ; онъ отзывался также хорошо о правленіи его королевскаго величества. При этомъ случаѣ я узналъ, что онъ весьма доволенъ хорошими приѣмомъ, сдѣланными его королевскимъ величествомъ Борису Михайлову, и вездѣ относится съ похвалою объ очищеніи мѣстности вокругъ русской церкви въ Ревалѣ; затѣмъ онъ изъявилъ готовность оказывать самое дружеское вниманіе шведской коронѣ, и что онъ всегда все касающееся до Швеціи представляеть ихъ царскимъ величествамъ съ самой хорошей стороны. Кажется, что любимицы и сторонники царя Петра отнынѣ тоже примуть участіе въ управленіи государствомъ; нѣсколько дней тому назадъ, братъ матери его, Левъ Бирюковичъ Нарышкинъ, пожалованъ въ бояре. Въ дѣлахъ правительственныхъ все пока тихо. Оба царя проводятъ большую часть времени за городомъ, въ потѣхахъ, въ своихъ лѣтнихъ дворцахъ.

VIII.

1-го іюня 1688 г. ¹⁾.

Милостивое письмо вашего высокоблагороднаго п—ства отъ 16-го прошлаго мѣсяца я получилъ 28-го того же мѣсяца и все, что въ немъ относилось до отправленнаго отсюда къ шведскому правительству Іоанна фонъ-Келлермана, я докладывалъ первому министру Голицыну, который былъ очень доволенъ, что ясно выразалось какъ на его лицѣ, такъ и въ словахъ его, при чемъ онъ еще разъ повторилъ обѣщаніе оказывать полное расположеніе шведскому правительству и его подданнымъ. Помянутый фонъ-

¹⁾ Получено въ Ригѣ, 20-го іюня 1688 г.

Беллерманъ отправился отсюда 18-го мая утромъ и надо полагать, что путешествіе его, вмѣстѣ со свитомъ, начиная отъ Пскова, будетъ своевременно сообщено земскому начальнику Таубену, который долженъ его встрѣтить и направить въ дальнѣйшій путь. 27-го апрѣля я выслалъ просимыя вами 24 жемчуга на имя Іоанна Магнуса Гольста.

Такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы ничего не упоминаете о нихъ, то я начинаю беспокоиться относительно полученія вашимъ сіятельствомъ посылки, и желалъ бы очень быть на этотъ счетъ поставленъ въ извѣстность. Новаго здѣсь ничего нѣтъ, развѣ только, что польскій резидентъ нѣшетъ отъ своего короля порученіе протестовать противъ здѣшняго бездѣйствія относительно Крыма, вопреки послѣдняго мирнаго трактата, отчего поляки терпятъ много отъ татаръ, и дать замѣтить, что татары стараются склонить польское правительство къ тому, чтобы соединенными силами напасть на Россію. Относительно сообщеннаго мною въ послѣднемъ письмѣ мятежа донскихъ казаковъ, изъ коихъ нѣкоторые казнены, а другіе находятся въ опалѣ, здѣсь говорятъ, что они ничего не предпримуть, потому что ими выданы тѣ, которыхъ у нихъ требовали цари. На-дняхъ распространился здѣсь слухъ, будто ханъ лично поднялся со всею ордою, чтобы пріятствовать постройкѣ крѣпости на Самарѣ; однако этотъ слухъ опять умолкъ. Здѣсь въ короткое время въ разныхъ мѣстахъ были сильныя пожары: разъ, около Покровскихъ воротъ, въ Басманной, въ продолженіе двухъ часовъ сгорѣло 280 домовъ; другой разъ—въ Срѣтенской улицѣ, при чемъ сгорѣло 20 домовъ.

Препываю на вѣки вашего высокоблагороднаго п—ства покорный слуга
Христофъ фонъ-Бохенъ.

Примѣчаніе. Христофоръ Бохенъ былъ шведскимъ посланникомъ при московскомъ дворѣ. Въ апрѣлѣ 1686 г. онъ прислалъ въ государственный посольскій приказъ, на имя Іоанна и Петра Алексѣевичей, просительное письмо, съ приложеніемъ долговой росписи, въ коемъ онъ объясняетъ, что король шведскій прислалъ его въ Россію для ходатайствованія за шведскихъ подданныхъ во всякихъ случаяхъ; на семъ основаніи онъ проситъ, «дабы для взаимной продолжающейся между царскимъ и королевскимъ величествами дружбы указали доправить долги по кабаламъ, и по письменнымъ крѣпостямъ, и по судебнымъ вершеннымъ дѣламъ московскаго государства разныхъ чыновъ на людяхъ». Свѣдѣнія эти взяты изъ приказныхъ дѣлъ 1686 г.

Сообщ. Е. А. Висоцковъ.

Царевна Софія Алексѣевна.

Замѣтка.

Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ г. Каргополя (Олон. губ.) хранится замѣчательная рѣдкость—евангеліе, написанное рукою царевны Софіи. Письмо необыкновенно четко и изящно; изображенія евангелистовъ сдѣланы отъ руки съ изумительнымъ искусствомъ, равно какъ и виньетки, и заглавныя буквы. Въ концѣ подпись рукою царевны, прописью; евангеліе же писано уставомъ. Подпись царевны:

Софія Трѣбица,
Царевна

Въ началѣ евангелія идетъ нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній о евангеліяхъ: «1. Вѣдомо буди, яко четыре суть евангелія, и ниже множае сихъ, ниже умаленіе»; здѣсь же изложено и значеніе символическихъ изображеній при апостолахъ. 2. «Сказаніе пріемлющее всего гѣта число евангеліе, и евангелистомъ пріятіе, откуда начинаютъ и догдѣ стаютъ». 3. Обращеніе къ Спасителю: «Господи Іисусе Христе, Сыне единородный безначальнаго Ти Отца, рекій пречистыми Ти усты, яко безъ мене не можете творити ничтоже. Господи мой Господи, вѣрою обоимъ, въ души моей и сердца тобою, реченная. Припадаю твоей благодати. Помози ми грѣшному. Сіе желанное мною наченъ о Тебѣ Самомъ и навестати» и пр. 4. Оглавленіе. 5. «Феофилакта архіепископа болгарскаго предисловіе, еже отъ Маттея св-го евангелія». Предисловіе есть къ каждому евангелію, а въ концѣ указаніе зачатъ и времени чтенія евангелій.

Вся книга сохранилась очень хорошо, но при мнѣ уже не было

(въ 1872 г.) изображенія еван. Иоанна, что весьма жаль, такъ какъ эти изображенія составляютъ замѣчательные памятники стараго искусства чертить отъ руки. Въ начертаніи буквы письма у чисто латинское (U), а въ сокращеніи имѣеть такой видъ V; *и* пишется II; есть пропуски въ текстѣ, они выписаны на поляхъ. Переплетъ евангелія бархатный поистерся, а серебряныя наліція на передней доскѣ, подложенныя деревомъ, стали прорываться.

Сообщ. С. Мирокопольскій.

I.

Императрица Екатерина II.

1763 г.

Городу Кіеву быть по силѣ имъ даннымъ грамотамъ съ тѣмъ прибавленіемъ, чтобъ имъ вольно было производить апелляціи къ генералъ-губернатору или въ Сенатъ, а оному Генералъ-губернатору смотрѣть и пресѣчь всѣ непорядки, какъ неуказныя поселенія казаковъ, такъ и неуказныя всякія продажи, а естли доходы съ того города Гетманъ по сю пору имѣлъ, то тѣ ему на его персонѣ по смерти оставляются, и въ такой силѣ Сенатъ имѣеть заготовить къ нашему подписанію какъ къ нимъ, такъ и къ Гетману грамоты и указы.

II.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II о проектѣ шести крѣпостей.

Вмѣсто четырехъ въ проектѣ представленныхъ крѣпостей отдается на разсмотрѣніе генерала-фельдцейхмейстера: не лучше ли будетъ построить шесть, а именно, при устьѣ Самары одну, при устьѣ рѣки Нижней Ялы другую, въ вершинѣ рѣки Торы третью, въ Бахмутѣ четвертую, въ устьѣ рѣки Нижняго Клина пятую, въ устьѣ рѣки Лугани шестую, съ водяными, гдѣ можно рвами и передъ ними волчьими ямами?

Помѣта. Эта записка получена 11-го іюня 1764 года обще съ конфирмационнымъ докладомъ о Новой Россіи.

III.

Собственноручная записка Екатерины II о расходах по Коллегіи иностранных Дѣлъ и о чиновникахъ, служащихъ въ ней.

1) Мое мнѣніе есть, чтобъ иностранной коллегіи опредѣлить сумму такъ, какъ и другимъ двумъ государственнымъ коллегіямъ дано, въ коей онѣ по своимъ особеннымъ штатамъ и оборачиваются, а именно, дать ей ежегодно девять сотъ тысячъ рублей, по треста тысячъ въ треть, и послѣ того уже штатъ конторѣ до той коллегіи, а коллегіи до штатъ-конторы дѣла вѣтъ.

2) Коллегіи сказать, чтобъ она изъ оныхъ на коллегію и ея членовъ и служителей употребила ежегодно не выше какъ теперь она полагаетъ, не полагая числа людей, ибо иногда изъ десяти наслу одного къ тѣмъ дѣламъ способнаго найти можно.

3) Изъ за симъ остаточной суммы надлежитъ коллегіи сдѣлать двѣ части: изъ одной имѣть содержать министровъ и канцелярійскихъ служителей при дворахъ, смотря на состоянія дѣла, а что за симъ останется, то будетъ называться на экстраординарные расходы, какъ то: подарки, переѣзды, экипажи и пр. и пр. и пр.

4) Почтовые доходы и расходы, также субсидные, когда есть, или будутъ, коллегіи оставить; на сіи послѣдніе окромѣ именныхъ указовъ не издержать.

IV.

Записка Екатерины II по поводу іезуитовъ.

Что представленіе іезуитовъ пріемлется за благо и что пока по желанію ихъ совершится, о чемъ мало кладется сумнительства, повелѣваю имъ начать строеніе новиціата.

Примѣчаніе. Собственноручная черновая записка императрицы Екатерины II о строеніи для іезуитовъ въ Бѣлоруссіи новиціата. Приказъ императрицы графу Захару Григорьевичу Чернышеву данъ 16-го февраля 1777 г. Спб. Записка императрицы дана вслѣдствіе письма Полоцкаго іезуитскаго провинціала Черневича объ учрежденіи въ Бѣлоруссіи ихъ ордена новиціата.

У.

Донесеніе графа Петра Румянцова съ собственоручною припискою Екатерины II о движеніяхъ Оттоманской Порты.

17-го октября 1768 г.

Всемиловѣйшая Государыня! Отъ дня въ день получаемыя извѣстія о движеніяхъ Оттоманской Порты примѣчанію моему не оставляютъ сомнѣній, чтобъ оныя не къ тому приготовлялись, дабы въ Польшѣ воспрепятствовать успѣхамъ оружія В. Импер. Велич., или сдѣлать каковы покушенія на здѣшнія границы державы вашего величества.

Последнее увѣдомленіе, что мнѣ сообщено отъ Кіевского генералъ-губернатора Воейкова изъ письма къ нему пребывающаго въ Константинополь Вашего Импер. Велич. тайнаго совѣтника Обрѣскова, прямо уже гласитъ, что собраніе на границахъ многочисленныхъ татарскихъ и другихъ войскъ, запасеніе магазейновъ и распоряженія при самомъ султанскомъ дворѣ являютъ видъ намѣреваемой противъ областей Вашего Импер. Велич. непрѣмливой войны.

Обстоятельства сіи, понудивъ меня къ воспріятію мѣръ предосторожности, въ сѣхъ случаяхъ потребной въ соотвѣтствіе званію, которое ношу въ пограничной сторонѣ вѣренной своею безопасностію моему предохраненію по волю вашего Импер. Велич., заставили потому нѣсколько теперь въ сѣхъ мѣстахъ прибавить магазейновъ, надѣ питатное провіантскаго департамента положеніе; въ разсужденіи что ежели бы высочайшее соизволеніе Вашего Импер. Велич. воспослѣдовало противныя намѣренія, о коихъ совершеннѣе, конечно, соизволите знать, опровергнуть силою оружія, то бы посредствомъ сего тогда можно было вездѣ одержать верхъ, не имѣвши нигдѣ нужды въ содержаніи войскъ.

Всемиловѣйшая Государыня! Я послѣдняго сего учрежденія не могъ не доложить Вашему Импер. Велич., которое осилится собою учинить по одному моему ревностному усердію, пожертвованному навсегда службѣ и соблюденію высочайшихъ интересовъ Вашего Император. Велич., съ коими и при всеглубочайшемъ благоговѣніи имѣю счастье повергнуть себя къ освященнымъ стопамъ. Всеподданнѣйшій рабъ графъ Румянцовъ Г. Глуховъ.

Резолюція Екатерины II: Написать письмо въ отвѣтъ, что я апробую его распоряженія о заготовленіи, въ семь писемъ означенномъ, провіанта и что, впрочемъ, ссылаюсь на новыя распоряженія военной коллегіи. А сіе письмо отправить съ завтрашнимъ курьеромъ военной коллегіи.

Посвященіе графу Николаю Петровичу Румянцеву.

Среди твоихъ трудовъ отечеству полезныхъ,
 Румянцевъ, часто ты, отдохновенъ въ часъ,
 Склоняясь подъ сѣнь Россіи музъ любезныхъ,
 Внимаешь и моею усердной музы гласъ,
 Которая, съ трубой носясь на полѣ боевъ,
 Гремить хвалу дѣламъ полнотныхъ странъ героевъ;
 Или являетъ вдругъ въ присутствіи судей,
 Смѣсь буйства и добротъ и гибельъ злыхъ царей

Смягчая грубость чувствъ и дѣйствуя сердцами,
 Всѣхъ учить бѣгать зла и брань вести съ страстями.
 Блаженъ, когда бы я, стремясь по сямъ путямъ,
 Могъ пользу принести отечества сынамъ!
 Приими сей слабый трудъ, гдѣ имя Ираклида
 Напоминаетъ намъ Россійскаго Алкида,
 Что къ пагубѣ враговъ, ко славѣ нашихъ странъ,
 Въ единый день рѣшилъ судьбину оттоманъ!

Всѣмъ памятенъ Кагулъ, съ восторгомъ воспѣваемъ,
 Безсмертье нашего Алкида за Дунаемъ.
 При звучности побѣдъ внималъ онъ пѣснямъ музъ,
 И тѣсный самъ имѣлъ съ науками союзъ.
 Наука любишь ты, твоя къ Россіи ревность,
 Чтобъ лучше знать Славянъ, въ глубину смотреть древность,

И то, что отъ очей сокрыто тьмой вѣковъ,
 Въ сіянья показать вселенной ты готовъ!
 Люби науки, Графъ, до дней твоихъ заката,
 Благословить всегда потомство Мецевата.

А. Г.

Примѣчаніе. Стихотвореніе, посвященное графу Николаю Петровичу Румянцеву, сыну знаменитаго побѣдителя турокъ при Кагулѣ, ефендмаршала гр. П. А. Румянцева, случайно попалось мнѣ между бумагами гр. Румянцева; авторъ посланія мнѣ неизвѣстенъ.

Сообщ. И. Андреевскій.

Народные толки о Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ

1836 г.

I.

Въ июнѣ 1836 г. на Аккерманскомъ базарѣ встрѣтились фельдшеръ Волынскаго пѣхотнаго полка Матвій Ивановичъ Сидниковъ, священникъ селенія Ремянинъ Константинъ Вронскій и пономарь церкви того же селенія Опочкій, на сестрѣ котораго былъ женатъ Сидниковъ.

Зазвавъ шуррина и Вронскаго къ себѣ, Сидниковъ угостилъ ихъ обѣдомъ, во время котораго, между прочими новостями, сообщилъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, а находится въ живыхъ. Послѣ обѣда, пригласивъ осмотрѣть лазаретъ, гостеприимный хозяинъ продолжалъ свой разговоръ и объяснилъ, что цесаревичъ живетъ во Франціи, откуда придетъ войною на Россію съ французскими и другими войсками, сухимъ путемъ и моремъ, и будетъ требовать царства отъ императора Николая Павловича, потому что войска и народъ прежде присягали ему на вѣрность. «Мы для нихъ трудимся, а здѣшнія войска согласны, въ случаѣ, перейти къ противной арміи. Каждому солдату цесаревичъ обѣщавъ дать по два рубля въ день жалованья, а народу даровать вольность и освобожденіе отъ податей. Поляки тоже согласны возстать съ французами, для восстановленія Царства Польскаго, и изъ нихъ много находится войскъ во Франціи. Поэтому русскіе приготовляются къ защитѣ и вооружаютъ крѣпости».

Возвратясь домой подъ впечатлѣніемъ этого разсказа, священникъ Вронскій обратился къ управляющему арендатора имѣній графа Канкрина, губернскаму секретарю Понову, съ вопросомъ: не слыжалъ ли онъ, что покойный цесаревичъ живъ? Поновъ отвѣчалъ отрицательно, но, по всей вѣроятности, вопросъ этотъ возбудилъ его любопытство и, по прїездѣ въ Аккерманъ, онъ или сталъ справляться на сколько справедливы слова священника, или же просто повторилъ ихъ безъ всякой повѣрки. Какъ бы то ни было, слухи объ этихъ разговорахъ дошли до бессарабскаго губернатора Павла Ивановича Федорова и, какъ водится, дошли въ преувеличенномъ видѣ.

«Въ Аккерманѣ,—писалъ Федоровъ назначенной имъ слѣдственной по этому дѣлу комисіи,—съ нѣкотораго времени пронеслись слухи, заслуживающіе вниманія правительства; они заключаются въ томъ: 1) что будто бы на Россію нападутъ войска французскія сухимъ путемъ и англійскія—моремъ, для восстановленія Царства Польскаго; 2) что въ составѣ сихъ войскъ находится 60,000 поляковъ; 3) что въ ожиданіи нашествія непріятели, приверженцы Польши завлекли пушны въ Измаилъ и Кишинъ; 4) что фельдмаршалъ князь

Варшавскій выѣхалъ за границу; 5) что поляки на Волыни и Подоліи, дѣйствуя черезъ жидовъ, приготовили до 50,000 ведеръ водки, растравленной ядомъ, для отравленія русской арміи, и 6) что покойный цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, но находится за границею; что онъ скоро появится и общалъ нижнимъ воинскимъ чинамъ по два рубля въ день жалованья, а народу—освобожденіе отъ податныхъ сборовъ. Нелѣпые толки должны быть разглашаемы никѣмъ другимъ, какъ злонамѣренными людьми, съ преступною цѣлію поселить мысли сіи въ людяхъ низшаго класса, всегда способныхъ вѣрить всему несбыточному.

«Какъ таковая разгласка вредныхъ вымысловъ влечетъ за собою не-пріятныя послѣдствія и вообще противна общему порядку, который обязываетъ преслѣдовать злонамѣренныхъ людей и предавать ихъ суду, то, признавая необходимымъ дать дѣлу сему законный ходъ, предлагаю вамъ произвести о семъ строжайшее, безъ огласки, изслѣдованіе, не упуская ничего и никого изъ вида, словомъ—дѣйствуя неусыпно, открыть источникъ, изъ коего происходили эти толки, а вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно наблюдать не существуетъ ли въ Аккерманѣ какого либо общества поляковъ, обративъ въ особеннѣе вниманіе на поляковъ, постоянно такъ живущихъ и временно пребывающихъ, какъ гражданскаго, равно и военнаго вѣдомствъ, и, во всякомъ случаѣ, дѣйствовать секретно».

II.

Злонамѣренный человекъ М. И. Сидниковъ происходилъ,—какъ онъ выразился,—отъ родителя малороссійской націи. Съ 1822 по 1828 г. онъ воспитывался въ херсонскомъ сиротскомъ отдѣленіи военныхъ кантонистовъ, гдѣ «изученъ» только Россійской грамотѣ, а потомъ былъ избранъ въ фельдшеры и отправленъ въ кievскій госпиталь, гдѣ обучался латинскому языку. Въ 1829 году произведенъ въ младшіе фельдшеры и отправленъ въ одесскій госпиталь, а потомъ въ Турцію. По окончаніи войны опредѣленъ въ канцелярію дивизионнаго штабъ-доктора и ѣздилъ съ послѣднимъ въ Камежець-Подольскъ и въ Царство Польское. Въ 1833 году отправленъ былъ съ полкомъ въ Константинополь и затѣмъ квартировалъ въ Валахіи и Бессарабіи. Въ штрафахъ и «наказаніяхъ» ни за что не былъ.

Призванный въ слѣдственную комиссію, онъ разсказалъ, что, въ бытность его въ Бендерахъ, слышалъ отъ фельдшера Руденко, что будто бы покойный цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, а находится въ живыхъ, но словамъ этимъ онъ никогда не вѣрилъ. О томъ же, что цесаревичъ живетъ во Франціи и вскорѣ придетъ войною на Россію съ французскими и другими войсками, слышалъ въ Бендерахъ же отъ лежавшаго въ

лазаретъ писаря Спиридонова, который говорилъ еще, что будто бы приготавливать уже на цесарскихъ границахъ двадцать подвижныхъ госпиталей и требуютъ для нихъ инвалидныя подвижныя роты. Сверхъ того, Спиридоновъ угадалъ, что война непремѣнно будетъ съ французами. О пребываніи цесаревича во Франціи говорилъ въ аккерманскомъ лазаретѣ рядовой Боровѣцкій и другіе, толковавшіе и про то, что будто бы главнокомандующаго князя Варшавскаго не велѣно упоминать въ памятныхъ пунктикахъ и что лагерей не будетъ, потому что войска собираются въ походъ для войны. Всѣ эти слухи, сколько онъ могъ замѣтить, преимущественно разглашались между нижними чинами изъ уроженцевъ польскихъ губерній, служившими въ бывшей польской арміи подъ командою покойнаго цесаревича. Съ мѣсяць же тому назадъ, слышалъ на базарѣ, какъ одинъ неизвѣстный ему болгаринъ говорилъ о томъ же женщинѣ, торгующей мелочными вещами, добывая, что въ недалекомъ разстояніи отъ Измаильской крѣпости воспрещено жителямъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, по случаю ожиданія туда войскъ для лагернаго расположенія.

Обязавъ Сидникова сохранять въ строжайшей тайнѣ все то, о чемъ его спрашивали, комиссія обратилась къ допросу указанныхъ имъ лицъ.

Первымъ былъ спрошенъ Боровѣцкій, уроженецъ Царства Польскаго, плохо объяснявшійся по русски. Въ 1831 г. онъ былъ сданъ своимъ поличникомъ въ мятежническую армію, участвовалъ въ походѣ по Литвѣ, а по окончаніи кампаніи былъ взятъ на службу въ Невскій морской полкъ, до поступленія въ который три мѣсяца былъ въ Костромскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, причѣмъ въ свободныя часы случалось бывать ему въ Кострогѣ на базарѣ, гдѣ неизвѣстные ему простолюдины, въ разное время, три раза спрашивали его о смерти цесаревича Константина Павловича, и когда онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, то они говорили, что о смерти цесаревича въ церквахъ была отслужена обѣдня ¹⁾ только однажды и что поэтому онъ, можетъ быть, и живъ. По приходѣ же въ Аккерманъ весною 1835 г., слышалъ онъ отъ солдатъ Волынскаго полка и преимущественно отъ служившихъ въ польской арміи и литовскомъ корпусѣ, подъ начальствомъ покойнаго цесаревича, что великій князь живъ и находится во Франціи, а весною 1836 г. говоръ о нахожденіи его въ живыхъ возникъ снова между нижними чинами, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ отвергали этотъ слухъ, при чемъ тѣ изъ солдатъ, которые служили въ польской арміи и литовскомъ корпусѣ, наиболѣе говорили о существованіи въ живыхъ цесаревича, сказывая, что у него было хорошо служить; что онъ придетъ

¹⁾ Примѣчаніе слѣдователей. Обѣдня должна быть—панихида; по незнанію обрядовъ греческой церкви, Боровѣцкій не могъ объяснить это обстоятельство съ точностію.

войною на Россію; что въ числѣ французскихъ войскъ находится много поляковъ и что здѣшніе солдаты изъ польской арміи и литовскаго корпуса желали бы опять служить подъ командою Константина Павловича коль скоро онъ появится, потому что онъ платилъ имъ достаточное жалованье. Такіе разговоры происходили между нижними чинами какъ при частныхъ свиданіяхъ, такъ и во время собранія ихъ для ученій или содержанія при городомъ острогѣ караула, и, слѣдовательно, вѣсть о пребываніи цесаревича во Франціи, можетъ быть, была извѣстна всѣмъ рядовымъ его роты. Отъ офицеровъ же и унтеръ-офицеровъ онъ ничего не слышалъ.

Рядовой Карповъ¹⁾, на котораго, между прочимъ, сослался Боровіцкій, объяснилъ, что, еще во время бытности его полка въ Молдавіи, онъ отъ многихъ солдатъ слышалъ, что цесаревичъ не умеръ, а отправился во Францію. Наболѣе объ этомъ говорили служившіе подъ командою великаго князя. Въ концѣ 1835 г., въ городѣ Кишинѣ онъ слышалъ разговоръ о томъ же между хозяиномъ его квартиры, до такой степени старымъ, что онъ ничего не видѣлъ, и сыномъ его, отставнымъ солдатомъ. Хозяинъ говорилъ, что, можетъ быть, цесаревичъ и не умеръ, потому что онъ слышалъ отъ какого-то мужаика, что такого вида человѣка, каковъ цесаревичъ Константинъ, недавно видѣли гдѣ-то въ корчмѣ, во время борьбы его съ другимъ человѣкомъ. Зимой же 1836 г., при сборѣ роты для караула, нѣкоторые солдаты сказывали, что вмѣсто цесаревича похоронена въ С.-Петербургѣ восковая фигура и что его видѣли въ Кишиневѣ. Была еще молва, что когда вступить на престолъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, то будетъ прибавка жалованья и уменьшится срокъ службы. Внутренній со стороны унтеръ-офицеровъ и офицеровъ къ распространенію такихъ толковъ не было и ничего подобнаго онъ не замѣтилъ.

Фельдшеръ Руденко, оговоренный Сидниковымъ, удостовѣрилъ только, что онъ слышалъ и въ Подольской губерніи о томъ, что цесаревичъ живъ. Слухъ этотъ ходилъ между жителями и солдатами на рынкѣ.

Писарь Спиридоновъ, поступившій на службу еще въ 1819 г. и во время производства настоящаго слѣдствія бывший подъ судомъ за первую отъ команды отлучку, съ полнымъ сознаниемъ своего писарскаго достоинства заявилъ, что ходили разные слухи, но онъ никогда никому ихъ не пересказывалъ, да и говорить не могъ, потому что самъ болѣе о томъ знаетъ, нежели кто другой изъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ всѣ получаемыя изъ Петербурга указы «и прочіе» имъ были читаны и, слѣдовательно, слушающій онъ не вѣрилъ, а приписывалъ ихъ всегда глупости неграмотныхъ людей, которые ничего не понимаютъ. Разговоры о томъ, что Константинъ

¹⁾ По удостовѣренію военнаго начальства, Карповъ пользовался репутаціею дурнаго солдата.

Намочить живъ, происходили и между арестантами въ разныхъ мѣстахъ Подольской губерніи и въ Бендерской крѣпости. Одни утверждали, другіе опровергали, но все это можно назвать пустыми рѣчами, ибо изъ числа людей, о семъ говорившихъ, ни одинъ не утверждаетъ, а только баснословить, и въ особенности изъ числа поляковъ, притомъ же вовсе не грамотныхъ.

Спустя однако три дня послѣ допроса, Спиридоновъ, по долгу приюти, счелъ необходимымъ довести до свѣдѣнія депутата съ военной стороны, что, въ июнѣ 1836 г., во время нахождения его подъ арестомъ въ Бендерской крѣпости, прибыли туда бывшіе изъ военно-рабочей роты рядовые Берлинскій и Бернацкій и рассказывали, что, при пересылкѣ ихъ черезъ Каменецъ-Подольскъ, узнали они отъ бывшихъ въ тамошней тюрьмѣ поляковъ, будто имѣто Левницкій, находившійся въ той же тюрьмѣ, былъ высланъ поляками изъ-за границы и разѣзжалъ около четырехъ лѣтъ по Россіи, подъ именемъ какого-то генерала; былъ въ Сибири и въ другихъ мѣстахъ, для описанія ихъ, и составлялъ вѣдомости о числѣ сосланныхъ поляковъ, а когда узналъ, что правительство стало его преслѣдовать, то отправилъ весь свой экипажъ и всѣ находившіеся при немъ бумаги и людей во Францію, а самъ переодѣлся въ простую одежду и пробрался въ Подольскую губернію, гдѣ, по какимъ-то обстоятельствамъ, взятъ подъ арестъ. Скрывая свое настоящее званіе, онъ показавъ себя родомъ изъ Пруссіи, гдѣ будто бы служить въ какомъ-то полку, и, по полученіи оттуда справокъ, надеется быть освобожденнымъ и ѣхать во Францію. «Изъ какихъ обстоятельствъ, — объяснялъ Спиридоновъ, — высшее начальство можетъ усмотрѣть, смелъ сіе дѣйствительно правда, какъ разговаривали Берлинскій и Бернацкій, то легко можетъ быть и то, что Левницкій распространялъ въ заднихъ губерніяхъ тѣ вѣсти, о коихъ спрашивали слѣдователи».

Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ, Спиридоновъ дошелъ слѣдователямъ, что вечеромъ 30-го іюля Бернацкій завелъ съ арестантомъ Нѣгимымъ разговоръ о цесаревичѣ, говоря, что онъ слышалъ отъ какихъ-то солдатъ, что будто бы великій князь пріѣхалъ на суднѣ въ Одессу и, выйдя на берегъ въ партикулярномъ платьѣ, прошелъ мимо часоваго, потомъ вернулся назадъ по той же дорогѣ и около того же часоваго, который, будто бы узнавъ въ немъ особу цесаревича, сталъ во фронтъ и отдалъ ему честь, сдѣлавъ на караулъ. «Вому ты отдаешь честь?» спросилъ Константинъ Павловичъ. — Вашу императорскому высочеству. — «Я, братецъ, купецъ», сказалъ на это великій князь и, давъ часовому 25 рублей ассигнаціями, пошелъ по дорогѣ. Бернацкій говорилъ также, что онъ слышалъ отъ какого-то еврея, что цесаревичъ былъ въ Минскѣ и оттуда отправился въ купленное имъ въ тѣхъ мѣстахъ помѣстье.

Бернацкій, служившій прежде въ мятежнической арміи и сосланный потомъ въ арестантскія роты, очень удивился когда его спросили про раз-

сказъ о пребываніи цесаревича въ Одессѣ. «Какъ такіа басни дошли до свѣдѣнія?»—заиѣтилъ онъ и объяснилъ, что еще въ 1832 или 1833 г., когда онъ былъ въ Севастополѣ, одинъ солдатъ изъ полковыхъ войскъ бывшаго литовскаго корпуса, между разными пустословными баснями, передавалъ и означенный разсказъ. О пребываніи цесаревича вовсе не было разговора, а сказывалъ только, что нѣкоторые изъ военнорабочихъ въ Севастополѣ сообщали ему, что, при взятіи ихъ въ плѣнъ, при жизни цесаревича, они видѣли его въ Мянсиѣ и онъ далъ имъ по червонцу.

Арестантъ Гальчевскій, привлеченный къ слѣдствію по указанію Спиридонова, какъ разсказчикъ объ учрежденіи на австрійской границѣ подвижныхъ госпиталей, не только не подтвердилъ этого указанія, но отговорилъ самого Спиридонова въ томъ, что, по его собственному разсказу, когда, находясь въ бѣгахъ, онъ рязѣзжалъ подъ именемъ офицера Загревскаго, то слышалъ гдѣ-то въ Подольской губерніи, что будто бы Франція и Англія, вступаясь за Польшу, приготовляются къ войнѣ съ Россією; что изъ Франціи идетъ на Россію корпусъ поляковъ подъ начальствомъ Ромарино, и что русскія войска двинулись форсированнымъ маршемъ къ австрійской и прусской границамъ.

Наконецъ, по показанію Берлинскаго, въ каменецъ-подольскомъ острогѣ, подъ секретнымъ карауломъ, содержался не Левицкій, а Зелинскій, который разсказывалъ другимъ арестантамъ, что онъ ѣздилъ, въ видѣ флигель-адъютанта, по Сибири, былъ и въ Севастополѣ, смотрѣлъ полки и арестантовъ; прибылъ же въ Россію изъ Австріи, гдѣ служилъ солдатомъ, и взятъ въ Подольской губерніи за неизвѣстнѣйшій письменнаго вида.

На этомъ закончилось слѣдствіе о ходившихъ между солдатами слухахъ и хотя, посылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, были допрошены еще нѣкоторые лица, какъ, напримѣръ, полуслѣпой старикъ и торговака, но разпросы эти ни къ чему не привели.

III.

Въ самомъ еще началѣ слѣдствія, переданнаго выше, аккерманскій земскій начальникъ увѣдомилъ слѣдователей, что, будучи, по дѣламъ службы, въ селеніи Тузлы, онъ узналъ, что уволенный отъ службы чиновникъ Ящинскій, зайдя въ трактиръ, разсказывалъ, что въ Царствѣ Польскомъ было заготовлено у евреевъ значительное количество горячаго вина съ прииѣсью яда, для истребленія русскихъ, и что такое приготовленіе сдѣлано не евреями, а самими поляками, врагами русскому правительству. За такой замыслъ Ящинскій назвалъ поляковъ молодцами.

Не смотря на то, что, по удостовѣренію свидѣтелей этого происшествія, Ящинскій, передавая свой разсказъ, былъ довольно хителенъ, онъ заперся только

въ томъ, что имамъвать поляковъ молодцами, и объяснилъ, что никому не говорилъ о заготовленности уже ядъ, но лишь то, что былъ заговоръ евреевъ, предложившейся къ исполненію послѣ начечтанія книгъ на еврейскомъ языкѣ, изъ которыхъ одинъ экземпляръ еврей, «ученикъ по медицинѣ», передалъ какому-то протопопу, дочь котораго онъ лечилъ, для пересылки въ снудъ, въ томъ предположеніи, что, по выкращеніи его, отдастъ протопопу дочь свою за него замужъ. По этому поводу было наряжено слѣдствіе, но не открыло ничего, а когда назначили другое разслѣдованіе, то виновные были арестованы. Рассказывалъ онъ это съ цѣлью «привести въ осторожность прочихъ на счетъ евреевъ».

Титулярный совѣтникъ Смолодовичъ, сообщившій будто бы Ящинскому свѣдѣнія о заговорѣ евреевъ, на допросѣ совершенно добродушно показалъ, что слышалъ въ Кишиневѣ о заговорѣ евреевъ на истребленіе не однихъ русскихъ, но всѣхъ вообще христіанъ. «Исторія эта» была рассказана ему секретаремъ уголовного суда Антоновскимъ и «почтеннымъ» докторомъ Донскимъ, котораго удостовѣрилъ въ томъ ректоръ кіевской академіи, пріѣзжавшій для «ревизаціи» кишиневской семинаріи. По ихъ объясненію, у одного протопопа Волынской губерніи заболѣла дочь, единственная наследница всего его имѣнія. Протопопъ употреблялъ всѣ способы и издержки для русскихъ докторовъ и, не видя никакой пользы, рѣшился, вопреки духовному регламенту, призвать какого-то еврейскаго доктора, молодого, веселатаваго, достаточнаго и довольно пригожаго собою. Докторъ этотъ, распознавъ болѣзнь дочери протопопа, далъ слово вылечить ее, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы протопопъ, по выздоровленіи дочери, отдалъ ее за него замужъ, а онъ приметъ христіанскую религію. Дочь, выздоравливая, обратила вниманіе на излечившаго ее доктора и, узнавши предположеніе родителя своего и желаніе доктора принять христіанскую вѣру, дала ему слово, по выздоровленіи и по исполненіи имъ его обѣщанія, совокупиться съ нимъ бракомъ. Еврей, восхищенный такимъ лестнымъ обѣщаніемъ, упалъ въ ноги протопопу, просилъ его благословенія на бракъ и съ тѣмъ вмѣстѣ открылъ, что еврей, составивъ совѣтъ, заключили истребить всѣхъ христіанъ и для этого приготовили ужасный присяжный листъ, а также и наставленіе къ истребленію христіанъ такими ядами, которые бы не были замѣтны ни въ вакихъ жизненныхъ и питейныхъ припасахъ. Въ подтвержденіе рассказаннаго имъ, докторъ представилъ клятвенный листъ и письменное наставленіе о ядахъ, уже отпечатанные, а протопопъ послалъ ихъ въ снудъ и, въ послѣдствіи, донесъ своему архіерею и губернатору. Послѣдній назначилъ слѣдствіе, но еврей были оправданы. Другое потомъ слѣдствіе, произведенное будто бы генералъ-адъютантомъ Васильчиковымъ, открыло справедливость обвиненія.

По рѣшенію уголовного суда, Смолодовичу, священнику Вроньскому

и Яциинскому было сдѣлано внушеніе воздерживаться отъ «лже-разглашеній» и сверхъ того Яциинскій выдержанъ три дня при полиціи за то, что при такомъ разглашеніи называлъ поляковъ молодцами. О военныхъ же чинахъ, конечно, позаботилась военное вѣдомство.

Примѣчаніе. Настоящій рассказъ составленъ по одному изъ дѣлъ архива Кшиневскаго окружнаго суда.

Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ВАРНГАГЕНА ФОНЪ-ЭНЗЕ.

РУССКІЕ ЛЮДИ И ДѢЛА ВЪ 1845—1849 гг. ¹⁾.

1845 г.

Берлинъ 13-го ноября. Блюмъ ²⁾ пишетъ ко мнѣ о нехорошемъ положеніи дѣлъ въ русско-нѣмецкихъ провинціяхъ. Вопросъ довольно запутанный: нѣмецкій элементъ стоитъ за себя—это похвально; но этому элементу присущъ аристократическій характеръ—вотъ это ужъ не похвально. Русскій элементъ всюду проникаетъ—это не хорошо, но онъ же борется тамъ съ католической іерархіей (!) и феодальными порядками—и тому мы можемъ только радоваться.

26-го декабря. Императоръ Николай, будучи въ Римѣ, обнялъ папу: «l'Empereur russe a embrassé la religion catholique», острять здѣсь ³⁾.

¹⁾ Воспитаникъ берлинскаго университета, офицеръ австрійской службы, съ 1813-го года капитанъ русской службы и участникъ въ побѣдоносныхъ войнахъ того времени, Варнгагенъ фонъ-Энзе окончилъ свою службу всѣми тремя державамъ—Австріи, Россіи и Турціи—уже на поприщѣ дипломатическомъ, а именно, въ 1819 г. онъ занималъ постъ посланника прусскаго при баденскомъ дворѣ;—съ этого времени онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ, въ области которой оставилъ по себѣ довольно много историческихъ, историко-биографическихъ и критическихъ монографій и газетныхъ статей. «Дневникъ» изданы уже послѣ его кончины. Начало извлеченій изъ Дневниковъ напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 года, № 7. Здѣсь кстати указать на одно искаженіе, которое позволила себѣ сдѣлать редакція упомянутаго изданія въ замѣткѣ автора отъ 8-го октября 1840 г.—искаженіе, бросающее невыгодный свѣтъ на сословіе русскихъ офицеровъ. У Варнгагена называется себя животнымъ (un animal comme toi) не «Русскій Н.», а личность, принадлежащая къ той вѣтви нѣмецкаго рода Н (Ностяцъ), которая приняла русское подданство.

А. Ч.

²⁾ Дерптскій профессоръ и авторъ сочиненія: «Яковъ Синверъ и его время».

³⁾ Острота, основанная на игрѣ словъ: embrasser—обнимать и принимать.

А. Ч.

1846 г.

Берлинъ, 11-го января. Опасенія касательно польскихъ волненій оказываются лишенными всякаго основанія.

30-го марта. По видимому, въ Вѣнѣ сильно раздражены противъ русскихъ; ихъ упрекаютъ въ вѣроломствѣ и невыносимомъ высокомеріи, съ которыми слабое австрійское правительство не въ состояніи совладать. Русскіе же упрекаютъ австрійцевъ за ихъ покровительство католическимъ продѣлкамъ и что они черезъ то оказываютъ предательское сочувствіе замысламъ поляковъ.

2-го апрѣля. Сюда (т. е. въ Берлинъ) пріѣхали по польскимъ дѣламъ генералъ Бергъ изъ Петербурга и министръ графъ Фикельманъ изъ Вѣны. Замѣтимъ, что съ ихъ пріѣздомъ стали здѣсь принимать болѣе строгія мѣры (противъ поляковъ?).

1-го мая. Рассказываютъ про графа В. фонъ-Р., что онъ (въ одномъ обществѣ, гдѣ, чтобы польстить Ансальону ¹⁾, дурно отзывались о Гумбольдтѣ) сказалъ: «знаете, какую глупость, какую жалкую лесть недавно сочинилъ Гумбольдтъ? Онъ отозвался о русскомъ императорѣ, что это самый пріятный изъ государей—le meilleur écouleur qui existe» ²⁾.

3-го мая. Припоминаю по поводу королевской брани, относившейся къ умершему отъ пьянства пастору, что и Лютера упрекали за его преданность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Однажды кн. Козловскій позволилъ себѣ такъ выразиться о немъ: «se cochon Luther».

11-го мая. Засѣдавшая здѣсь по польскимъ дѣламъ коммисія (изъ Каница, Фикельмана и Берга) кончилась учрежденіемъ особой польской полиціи, общаго полицейскаго управленія, стоящаго надъ обыкновенной администраціей; теперь русскіе и австрійцы постоянно будутъ вѣшиваться (mantchen) въ наши дѣла!

8-го іюня. Русский императоръ былъ въ Варшавѣ особенно нѣженъ и дружелюбенъ съ принцемъ прусскимъ (наслѣдникъ престола, нынѣшній германскій императоръ ³⁾), что возбудило здѣсь удивленіе и недовѣрчивость. Известно, что императоръ очень недоволенъ королемъ.

11-го іюля. Докладываютъ о приходѣ графа Бейзерлинга ⁴⁾, русскаго придворнаго: молодой образованный человекъ, геогностъ, объѣздившій съ

¹⁾ Воспитатель наслѣднаго принца, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, историкъ. Умеръ въ 1837 г.

²⁾ Наилучшій изъ слушателей.

³⁾ У насъ многіе не знаютъ, что принцъ прусскій не то же самое, что прусскій принцъ: принцемъ прусскимъ, Prinz von Preussen, называется только наслѣдникъ прусскаго престола.

⁴⁾ Въ послѣдствіи попечитель Дерптскаго учебнаго округа. А. Ч.

Мурчисономъ большую часть Россіи; онъ сообщилъ мнѣ, что в. к. Елена Павловна желаетъ меня видѣть и приглашаетъ къ себѣ сегодня въ 3-й часамъ. Невозможно отвѣчать отказомъ!

24-го іюля. Смитъ ¹⁾ еще разсказалъ слѣдующій любопытный анекдотъ. Въ 1813 г. прошелъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ слухъ, что по прибытіи туда австрійскаго императора граждане желаютъ его провозгласить въ Ремеръ императоромъ германскимъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Александръ пришелъ въ негодованіе и рѣшился воспрепятствовать такому coup d'état. Онъ спросилъ своего генералъ-адъютанта Вольцогена, есть ли возможность въ самый краткій срокъ привести войска во Франкфуртъ? Подумавъ немного, Вольцогенъ отвѣчалъ: пѣхоту—нѣтъ возможности, но и конницу не иначе какъ съ большими затрудненіями, такъ что, можетъ быть, не болѣе ея половины дойдетъ до мѣста и навѣрное падутъ нѣсколько тысячъ лошадей. На это императоръ будто бы отвѣчалъ: «Ничего, только бы прибыла остальная половина». Смитъ разсказывалъ это самъ Вольцогенъ ²⁾.

14-го августа. Уже давно толкуютъ о томъ, что если-бъ Пруссія она-зала малѣйшее покровительство полякамъ, то они могли послужить полезнымъ средствомъ для противодѣйствія русскому могуществу. Наше правительство этого не понимало. Теперь же неожиданно оказывается, что Россія имѣетъ полную возможность не только привлечь на свою сторону поляковъ, но и вооружить ихъ противъ насъ.

28-го августа. Визитъ графини Венигсмаркъ. Сообщила, что скоро ожидаетъ пріѣзда мужа изъ Петербурга. При ея разсказахъ о тамошнихъ празднествахъ, на которыхъ иллюминація и эффектные сюрпризы возбудили въ принцѣ прусскомъ и его адъютантахъ необыкновенное удивленіе ³⁾, не могъ я удержаться отъ замѣчанія, что, вѣроятно, празднества Людовика XIV обходились не дешевле, но навѣрное были устраиваемы съ большимъ вкусомъ, были пріятнѣе и веселѣе русскихъ...

3-го сентября. Такъ какъ кельнскія событія ⁴⁾ сильно возмутили принца прусскаго, то и русскій императоръ счелъ себя въ правѣ возвысить свой голосъ. По поводу этихъ событій онъ надѣлалъ нашему правительству столько упрековъ, будто они произошли въ его собственномъ государствѣ.

4-го октября. Было упомянуто объ унижительныхъ письмахъ Фридриха Вильгельма III къ Наполеону (выкупленныхъ королемъ у Юсифа Бонапарте за 26 тыс. тал.).

¹⁾ Бургомистръ города Бремена.

²⁾ Затѣя франкфуртцевъ не имѣла послѣдствій по другимъ причинамъ.

³⁾ Вѣроятно, разумѣются здѣсь петергофскія празднества 1-го іюля.

⁴⁾ Во время народныхъ демонстрацій въ Кельнѣ, войска и полиція были вынуждены отступить. А. Ч.

22-го ноября. Много толковъ о Краковѣ: говорятъ, что Россія принудила двѣ остальные державы уничтожить вольный городъ. Плохое извиненіе! не есть ли это сознаніе въ своей слабости и невозможности не слѣдовать за Россіей даже въ искорененіи дѣлъ.

1847 г.

Берлинъ, 12-го января. Вчера разговаривалъ я съ однимъ оставшимъ солдатомъ о занятіи пруссаками въ 1831 г. польской границы. «Стояло время очень холодное и служба была тягостная и утомительная; но,—продолжалъ онъ,—мы также пользовались хорошей прибавкой: намъ, гусарамъ, шло отъ короля по 1½ зильбергроша въ день, да отъ русскаго императора по два зильбергроша». Отъ русскаго императора,—воскликнулъ я,—не ошибаетесь ли вы? «Нѣтъ, у насъ объ этомъ даже читали приказъ. По окончаніи же похода каждому нашему офицеру императоромъ подарена была лошадь, а ротмистрамъ даже и по двѣ».

19-го февраля. Рассказывали, что русскій императоръ будто бы сказалъ: «Если влѣдствіе созванія прусскихъ представителей сословіи возникнутъ безпокойства, то его вѣзпательство въ дѣла сдѣлается необходимымъ, ибо пожаръ въ сосѣднемъ домѣ угрожаетъ его собственному дому».

16-го марта. Жена посланника Рауха пишетъ изъ Петербурга, что императоръ Николай крайне возмущенъ созваніемъ сейма, и проч.

19-го марта. Посѣщеніе Ивана Тургенева. Онъ посвятилъ мнѣ (ap tich gerichtet) одно изъ своихъ стихотвореній ¹⁾ и принесъ нѣсколько русскихъ книгъ.

25-го марта. Удивляются тому, что русскій императоръ приобрѣлъ на 50 мил. французской ренты. Я въ этомъ вижу только..... спекуляцію ²⁾: половина суммы будетъ тотчасъ же выплачена хлѣбомъ, что, очевидно, весьма выгодно, а другая—золотыми и серебряными слитками, которые бесполезно лежатъ въ казнѣ императора.

11-го августа. Нашелъ у себя карточку графа Александра Кейзерлинга и приглашеніе на слѣдующій вечеръ къ в. к. Еленѣ Павловнѣ.

12-го августа. Отправился въ исходѣ 8-го часа въ Бельвю. Бел. княгиня приняла меня на террасѣ, но вскорѣ наша, что тамъ слишкомъ свѣжо, и удалась въ гостиную, гдѣ мы вдвоемъ провели болѣе часа въ оживленномъ разговорѣ. Она почти совершенно оправилась послѣ своей прежней болѣз-

¹⁾ Интересно знать, было ли это стихотвореніе напечатано, и гдѣ.

²⁾ Это была спекуляція министра финансовъ (преемника Капнерина). Русское правительство, вообще не довѣрявшее прочности правительства Людовика Филиппа, рѣшилось на эту операцію какъ бы наканунѣ февральской революціи и паденія ренты.

ни, имѣеть здоровый видъ и все еще красавица. Сначала разговоръ касался только нашихъ личныхъ интересовъ: спрашивала меня про мое житье-бытье и разсказывала о своемъ..... Разсказывала о своемъ послѣднемъ пребываніи въ Австріи, въ Штиріи, какъ она безмятежно и полезно для здоровья проводила время тамъ; хотя тамошнее общество доставляло ей мало духовной пищи, но самый народъ хвалила; онъ волнуется въ настоящее время и можетъ по этому пути далеко уйти. Спрашивала о настроеніи умовъ въ Германіи, руководимая болѣе любопытствомъ, чѣмъ опасеніемъ, — о прусскомъ сеймѣ; она смотритъ на него съ нашей (т. е. либеральной) точки зрѣнія; смѣялась надъ средневѣковыми экспериментами короля; выразила убѣжденіе, что всякое (успѣхъ всякаго) дѣло подчиняется собственному закону и законъ этотъ, во всякомъ случаѣ, долженъ совершиться. Удивлялась мощи опасеніямъ, похвалила за то, что я забочусь не только о благоденствіи Пруссіи и народѣ, но также о славѣ и чести короля, и проч., и проч. Великая княгиня вспоминала также о г-жѣ Теттенборнъ ¹⁾, ея сынѣ, о неблагодарности дворовъ и проч. По видимому, она не хлопочетъ о приобрѣтеніи вліянія и всѣ ея желанія ограничиваются самостоятельностью въ собственномъ кружкѣ.—Куда-то дѣвались ея письма къ Козловскому и его «Записки»? Я едва удержался отъ просьбы сообщить мнѣ письма Козловскаго къ ней. Къ сожалѣнію, наша бесѣда была менѣе сердечна и откровенна чѣмъ въ первый разъ, въ Киссингенѣ ²⁾, можетъ быть, отчасти и по моей винѣ: я въ моихъ сужденіяхъ былъ безпощаденъ—и не безъ намѣренія. Если такая особа желаетъ меня видѣть, то необходимо отблагодарить ее за то чѣмъ нибудь, себя же—вознаградить за то, что явился на ея зовъ ³⁾. Вскорѣ вышла къ намъ ея сестра, вдовствующая герцогиня нассауская, которой я былъ представленъ. Въ половинѣ 10-го былъ я уже дома.

20-го октября. Черезъ жену Гервега ⁴⁾ получилъ письмо отъ Бакунина, изъ Парижа. Вечеромъ, съ часъ времени просидѣлъ у меня графъ Блудовъ. Онъ ѣдетъ изъ Рима, гдѣ не успѣлъ совершенно окончить данное ему порученіе, но довелъ его однакожъ до такой точки, что переговоры могутъ и безъ него продолжаться. Разсказы объ Италіи. Папа (Пій IX): человекъ добрый, но не гениальный, непрактичный; его болѣе тянуть, чѣмъ онъ самъ идетъ;

¹⁾ Вѣроятно, о супругѣ того генерала Теттенборна, у котораго въ 1813—1814 гг. Варнгагенъ былъ адъютантомъ.

²⁾ 11-го іюня 1846 г., см. «Русскій Архивъ», іюнь 1875 г.

³⁾ Въ человекѣ, за которымъ ухаживало все, что выдавалось въ политическомъ и литературномъ мірѣ, было весьма натурально такое самоимѣніе.

⁴⁾ Замѣчательный нѣмецкій стихотворецъ новѣйшаго времени; былъ изгнанъ изъ Пруссіи въ 1842 г. и жилъ въ Парижѣ. А. Ч.

уже начинаетъ пугаться возбужденнаго имъ энтузіазма. Блудовъ сильно порицаетъ политику Меттерниха, ненавидитъ Австрію.

12-го декабря. Раннимъ утромъ—баронъ фонъ-Лютцереде ¹⁾, отличный знатокъ русскаго языка.

1848 г. ²⁾.

21-го марта. Последняя надежда нашихъ реакціонеровъ—на русскихъ. Я замѣтилъ: если императоръ Николай вмѣшается въ наши дѣла, то ясно, что Провидѣніе избрало его орудіемъ для укрѣпленія Германіи и восстановленія Польши, причемъ, конечно, можетъ изломаться и самое орудіе... (По поводу желаній слитія Пруссіи съ Германіей) можетъ случиться и то, что мы потребуемъ Эльзасъ и Лотарингію отъ Франціи и Балтійскія провинціи отъ Россіи ³⁾.

27-го марта. Прибылъ сюда генералъ Бергъ, изъ Варшавы; отъ сего господина нельзя ожидать ничего хорошаго; вліяніе его нехорошо отзовется на королѣ и министрахъ! Мой боевой товарищъ 1813 года, но обязанъ своимъ возвышеніемъ дурной политической школѣ!

28-го марта. На вечерѣ у русскаго посланника. Разговоръ точно между эмигрантами ⁴⁾. Х. рассказывалъ, что Мейендорфъ назвалъ короля по-просту poltron (трусъ), а Пруссію страной погибшею. «Бранятъ русскихъ,—продолжалъ онъ,—требуютъ войны съ ними; Россія не будетъ начинать, но если возмутятъ у ней поляковъ, то она съ 200 тыс. войска сперва уничтожатъ Польшу, а тамъ накажетъ и нѣмцевъ. Далѣе: нѣмцы много болтаютъ о своемъ единствѣ и силѣ, но между ними много розни и они слабѣе, чѣмъ были прежде; у нихъ нѣтъ войска: прусская армія выродилась, и едва ли не приметъ стороны русскихъ. Россія заключитъ договоръ съ Франціей, въ силу котораго не будетъ ей мѣшать на Западѣ, за то возьметъ себѣ что пожелаетъ на Востокѣ; тогда не много останется и отъ Германіи». Вотъ какъ!

2-го апрѣля. Рано утромъ забѣгалъ ко мнѣ генералъ Виллисенъ. Его

¹⁾ Саксонскій генералъ и многолѣтній посланникъ въ Петербургѣ.

²⁾ Съ 1848 г. стало являться къ Варнгагену все менѣе и менѣе русскихъ,—можетъ быть, по причинѣ затрудненій получить заграничный паспортъ,—и потому и самые отзывы автора о русскихъ дѣлахъ принимаютъ все болѣе и болѣе пристрастный характеръ. Приводимъ самыя сплетни и невѣрные слухи изъ «Дневниковъ» какъ доказательство, что революціонная эпидемія того времени была такъ сильна, что помутила понятія даже въ таковой ясной головѣ какъ Варнгагенъ.

³⁾ Первая часть этого зловѣщаго пророчества сбылась!

⁴⁾ Намеки на то, что прусскіе консерваторы помышляли о своемъ спасеніи посредствомъ бѣгства.

отправляютъ въ Познань съ большими полномочіями—предложить полякамъ условные пункты, необходимыя для ихъ существованія: фактическое признаніе ихъ національности, въ перспективѣ восстановленіе свободной Польши. Разсуждали о переговорахъ, относительно послѣдней статьи, съ Россіей и Австріей; о соглашеніи съ Франціей; о приготовленіяхъ на случай войны съ Россіей; о укрѣпленіи Бреслава — политика совершенно противная существовавшей доселѣ. Возвратясь домой, узналъ, что приходилъ ко мнѣ русскій посланникъ, и что имѣеть сообщить мнѣ что-то очень важное. Пошелъ къ Мейендорфу въ 6 часовъ, гдѣ увидѣлся вторично съ графомъ Клейстомъ. Мейендорфъ желалъ мнѣ показать русскій манифестъ и посовѣтоваться со мною о его переводѣ. Его понятіе о нашей революціи узкое и тѣсное: во всемъ движеніи подозрѣваетъ интригу немногихъ иностранцевъ—французскихъ эмигрантовъ и французское золото... Право, эти дипломаты одержимы слѣпотой и ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ; имъ мерещутся только предметы собственной фантазіи и одни и тѣ же у всѣхъ ¹⁾.

13-го апрѣля. Рано утромъ пришелъ ко мнѣ *** и изложилъ свой взглядъ на политику. Онъ уже былъ у короля въ Потсдамѣ, и опять поѣдетъ туда, говорилъ съ министрами и проч. Онъ бьетъ на восстановленіе Польши, войну съ Россіей, союзъ съ Франціей. Полагаетъ, что необходимо отказаться отъ польской части Познани, предоставить ее Польшѣ и позволить ей вооружиться. Весьма справедливо замѣтилъ, что «чего мы не сдѣлаемъ для поляковъ—сдѣлаемъ, наконецъ, Россія, и тогда противъ насъ будутъ Польша, Россія, западная Германія и Франція, и наши восточныя провинціи отойдутъ къ Польшѣ».

23-го апрѣля. Сегодня министръ Арнимъ предложилъ Виллисену переговорить на счетъ Польши съ Мейендорфомъ... Мейендорфу этотъ разговоръ можетъ только послужить матеріаломъ для обвиненія Виллисена въ Петербургѣ. Арнимъ сказалъ ему: «только не поссорьте насъ съ Россіей».

30-го апрѣля. Изъ Варшавы прибылъ русскій курьеръ и донесъ, что въ Познани все спокойно: министры, не вѣрившіе Виллисену, повѣрили курьеру! Но въ то же время прибылъ курьеръ англійскаго консула въ Варшавѣ и въ привезенномъ къ одной польской магнаткѣ письмѣ найдены единственно вѣрныя извѣстія о передвиженіяхъ русскаго войска: три корпуса стоятъ въ Польшѣ, другіе медленно подвигаются отъ Днѣпра и Двины. Такимъ образомъ стягиваются грозныя силы и уже въ іюлѣ могутъ быть на Эльбѣ.—Но нашъ дворъ смотритъ на опасность съ Востока какъ на спасеніе. Ультры всю надежду полагаютъ на русскаго императора; увѣряютъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, но возможно ли имъ вѣрить?

¹⁾ Нельзя не вспомнить страннаго бездѣйствія передъ Восточною войной того же самаго Мейендорфа, въ бытность его посланникомъ въ Вѣнѣ. А. Ч.

2-го мая.... Полковникъ Виллисезъ сообщилъ мнѣ новѣйшія извѣстія о вооруженіи и движеніяхъ русскихъ. Конечно, не мало пруссаковъ,—въ томъ числѣ, можетъ быть, и самъ король,—смотреть на русскихъ какъ на своихъ спасителей. Но и въ такомъ случаѣ, если бы русскіе здѣсь забрали все въ свои руки, королю не было бы спасенія; напротивъ, согласившись съ нѣсколькими прусскими офицерами, русскіе тотчасъ предложили бы ему отречься отъ престола въ пользу принца прусскаго.

8-го мая. «Il faut avoir le diable au corps pour être un bon diplomate», говаривалъ старикъ Нессельроде ¹⁾, а же скажу:—«pour être un révolutionnaire».

20-го мая.

..... Между тѣмъ, положеніе Россіи относительно насъ становится все болѣе угрожающимъ, а положеніе Германіи сомнительнымъ, съ тѣхъ поръ какъ мы стали пренебрегать симпатіями поляковъ и не имѣемъ на что опереться.

13-го іюня. Наше политическое положеніе ужасно! Если война съ Россіей сдѣлается неизбежною, то теперь она будетъ въ 1,000 разъ невыгоднѣе. Поляки не за, а противъ насъ! Вся надежда на французовъ. Назадъ три мѣсяца могли бы мы помѣриться и съ тѣми и съ другими.

15-го іюня. (Встрѣтивъ Мейендорфа на площади посреди народной толпы), я не могъ удержаться отъ улыбки, вспомнивъ, что говорятъ про него въ народѣ: «его всегда встрѣтишь тамъ, гдѣ бушуетъ народъ»...

16-го іюня. Наконецъ, начинаютъ опасаться наибреніи русскихъ. Крѣпости Познань и Торнъ приводятся на военное положеніе.... но правая рука министра, Грисгеймъ,—господинъ ненадежный и ждетъ помощи отъ русскихъ.

18-го іюня. Россія прибѣгаетъ къ угрозамъ за нашу датскую политику; угрозы адресуются не непосредственно къ нашему кабинету, а проносятся въ Берлину и Лондонъ. Война, по видимому, неизбежна.... Но можетъ все измѣниться.

19-го іюня. По требованію русскаго правительства, выдадутъ Бакунина какъ только онъ появится въ Пруссіи. Президентъ полиціи предложилъ д-ру Мюллеру предостеречь своего друга. Не поздно ли? Бывшій министръ Арнимъ публично называлъ Ламартина своимъ другомъ, а въ тайнѣ держался русскаго посланника; но въ то же время онъ говорилъ и такія рѣчи: «по крайней мѣрѣ, мы отдѣлались отъ Людовика-Филиппа, освободились отъ Меттерниха».

21-го іюня. Разсказываютъ, что, вслѣдствіе одного письма отъ русскаго императора, король что-то поручилъ министру Кампенгаузену, но самого письма не желалъ показать, и что это обстоятельство заставило послѣдняго просить отставки.

¹⁾ Отецъ русскаго канцлера.

23-го іюня. Если Врангель займетъ Ютландію, то война съ Россією не подлежитъ сомнѣнію.

24-го іюня. Между уличными объявленіями есть одно, гласящее: смерть русскимъ!

1-го іюля. (По словамъ графа фонъ **, пришедшаго отъ Мейендорфа) всѣ надежды правительства основаны на разрушеніи, кровавой борьбѣ съ рабочимъ классомъ, на помощи русскихъ.

11-го іюля. Русскій императоръ прислалъ кн. Виндишгрецу ¹⁾ поздравительный и хвалебный рескриптъ, который былъ препровожденъ ему Мейендорфомъ съ его 12-ти лѣтнимъ сыномъ. Какъ императору, такъ и князю, хорошо извѣстно, что чехи лишь случайно сдѣлались жертвою рѣзни.

24-го іюля. Около вечера пришелъ Б**, полный энергіи, силы и радостныхъ надеждъ. Его желѣзное здоровье въ состояніи вынести всякій трудъ. Рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ въ Парижѣ, Прагѣ и Бреславлѣ. Здѣсь ему угрожаетъ меньшая опасность; да и нельзя обойтись безъ риска, зайтиль онъ; притомъ-же у него есть здѣсь кое-какія дѣла. По видимому, у него обширныя связи, хвалится множествомъ друзей въ Россіи, особенно съ тѣхъ поръ какъ его стали преслѣдовать. У него нѣсколько десятковъ тысячъ прокламацій на русскомъ языкѣ, въ которыхъ объявляется свобода всѣмъ славянамъ: полякамъ, чехамъ, иллирійцамъ и пр. Духовенство помогаетъ. Онъ живетъ здѣсь подъ именемъ Жюля; министры Бюльветтеръ и Милде про это знаютъ, а графъ Рейхенбахъ ²⁾—его пріятель. Онъ занятъ изданіемъ одного сочиненія и нигдѣ не показывается. Отъ меня онъ отправился къ своему парижскому знакомому Араго ³⁾.

31-го іюля. Русскій циркуляръ Нессельроде: Россія продолжаетъ держаться миролюбивой политики; для нея весьма непріятно враждебное настроеніе Германіи; не одобряетъ войну съ Даніей и честолюбивые морскіе замыслы (сооруженіе германскаго флота); Германскій союзъ долженъ оставаться въ прежнихъ границахъ и не помышлять о новыхъ завоеваніяхъ; европейское равновѣсіе не должно быть нарушено.

3-го сентября. Императоръ Николай послалъ Радецкому орденъ св. Георгія (1-й ст.).

7-го октября. Бакунина высылаютъ изъ Бреслава и изъ Пруссіи, ему угрожаетъ выдача Россіи.

¹⁾ Австрійскій фельдмаршалъ, подавившій возмущеніе въ Прагѣ, причемъ была убита его жена и раненъ сынъ († въ іюнь 1848 г.).

²⁾ Извѣстный революціонеръ и авантюристъ.

³⁾ Эмануэль Араго, драматическій писатель и посланникъ французской республики въ Берлинѣ.

22-го ноября. Слухи о русскомъ вліяніи, о томъ, что къ королю, въ Потсдамъ, пріѣзжалъ гр. Толстой, о русскихъ субсидіяхъ. Ну, авось обойдемся и безъ нихъ; хватитъ и прусскихъ денегъ.

11-го декабря. Русскій императоръ не одобряетъ разграниченія польской части Познанскаго великаго герцогства; говорить, что это противно Вѣнскому трактату, впрочемъ, что не желаетъ подымать этого вопроса. Желаютъ, по видимому, приобрѣсть Познань и Галицію какъ онѣ есть, неурѣзанными.

1849 ¹⁾.

10-го января. Возмущеніе крестьянъ около Казани и т. д.

12-го января. Важныя сообщенія о соглашеніяхъ прусскаго двора съ русскимъ. Еще гѣтомъ было готово русское реакціонное войско для помощи Австріи и Пруссіи. Если бы въ Берлинѣ не было войска и Врангеля ²⁾, мы бы непременно узрѣли здѣсь русскихъ; точно то же случилось бы и съ Вѣною

2-го мая. Австрія призываетъ русскихъ, событіе—важное по послѣдствіямъ: моментальный успѣхъ деспотизма будетъ искупленъ тяжелыми жертвами.

3-го мая. Писалъ ³⁾ о вѣщательствѣ русскихъ въ наши дѣла, числѣ ихъ войска и средствахъ. Для русскаго вторженія, положеніе дѣлъ прошлымъ гѣтомъ было гораздо благопріятнѣе; дѣйствія можно было направить къ одной дѣлѣ: на Берлинъ и Эльбу; теперь же русскимъ нужно будетъ занять огромное пространство, начиная съ Трансильваніи, вплоть до Моравы, притомъ, стеречь Молдавію, Валахію, Галицію и Царство Польское. Русскимъ прежде всего придется сразиться съ славянами, а эти для нихъ опаснѣе нѣмцевъ... Россія не въ состояніи выставить въ Германіи болѣе 100,000 войска.

9-го мая. Не желая уступать начальство надъ своимъ войскомъ какому нибудь русскому генералу и ради успокоенія австрійскаго самолюбія, австрійскій императоръ объявилъ себя главнокомандующимъ. Русскіе заняли Бракъ ⁴⁾.

12-го мая. Русскія войска прослѣдовали, по желѣзной дорогѣ, прусскими владѣніями (Силезіей). Сначала министры отрицали этотъ фактъ.

15-го мая. Думалъ о судьбѣ Бакунина ⁵⁾.

22-го мая. Русскій императоръ отправляется въ Ольмиуцъ.

¹⁾ VI-й томъ «Дневниковъ Варнгагена фонъ-Энзе».

²⁾ Главнокомандующій прусскими и союзными войсками въ войнѣ съ Давіей, въ послѣдствіи фельдмаршалъ.

³⁾ Вѣроятно, для газеты. Варнгагенъ былъ тогда сотрудникомъ «Аугсбургской всеобщей газеты».

⁴⁾ Дивизія ген. Панюткина—проходя въ Венгрію.

⁵⁾ Былъ схваченъ австрійцами въ Хемницѣ, 9-го мая 1849 г. А. Ч.

24-го мая. Новыя угрозы Россіи: требуютъ очищенія Ютландіи ¹⁾. Говорятъ, что императоръ желаетъ помочь своему шурина выйти изъ двуличнаго положенія — разстрѣляніе бунтовщиковъ въ Саксоніи и ихъ покровительство въ Гольштиніи ²⁾. Работа не легкая уладить всѣ противорѣчія въ дѣйствіяхъ Фридриха Вильгельма IV!

26-го мая. Вмѣсто того, чтобы ожидать русскаго императора въ Вѣнѣ, Францъ-Иосифъ ѣдетъ къ нему въ Варшаву.

28-го мая. Недавно король сказалъ: «Я покажу русскому императору, что въ состояніи сдѣлать прусскій король» — что онъ приведетъ въ порядокъ всю Германію, и это поважитъ ее завоеванія. Угрозы на словахъ, на самомъ же дѣлѣ онъ вполне подчиняется Россіи.

29-го мая. Русскій императоръ призналъ французскую республику, а она, можетъ быть, вскорѣ объявитъ ему войну.

1-го іюня. Говорятъ, что русскій и австрійскій кабинеты объявили королю, что откажутся признать его императоромъ и, будто, это послужило главною причиною отказа... ³⁾.

3-го іюня. Во Львовѣ — русскіе взяли въ свои руки полицію и почту, точно они въ непріятельской землѣ!

4-го іюня. Генералъ Раухъ ⁴⁾, въ Варшавѣ, долженъ былъ рассказывать императору всѣ подробности революціи (въ Берлинѣ), начиная съ мартовскихъ дней. Императоръ необыкновенно ухаживаетъ за генераломъ, но о королѣ судитъ строго и жестко и даже его настоящее положеніе находить фальшивымъ ⁵⁾.....

29-го іюня. Русскіе въ Венгріи потерпѣли нѣсколько неудачъ; но огромная масса силъ все преодолеваетъ и претъ впередъ.

2-го іюля. Недавно русскій императоръ передъ генераломъ Линдгеймомъ выражался о королѣ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ: «Я, вы и Раухъ, — сказалъ онъ, — единственные (друзья Пруссіи), всѣ другіе — сумасброды и злоньмы».

3-го августа. Извѣстіе изъ Варшавы: всѣ взбѣшены на Паскевича; если онъ въ скоромъ времени не одержитъ побѣды, то императоръ намѣренъ его смѣнить. Паскевичъ же жалуется, что нигдѣ не можетъ встрѣтить

¹⁾ Отъ германскаго союзнаго войска.

²⁾ Какъ извѣстно, Пруссія, подавляя возмущеніе въ Саксоніи, поощряла его въ Гольштиніи противъ датскаго короля.

³⁾ Императорская корона была предложена франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ.

⁴⁾ Пруссійскій посолъ при русскомъ дворѣ.

А. Ч.

⁵⁾ См. собственноручныя Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ и о королѣ прусскомъ въ 1848—1849 гг., напечатанныя въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 295—303. Ред.

вепріятели и заставить его принять сраженіе; что онъ не имѣетъ никакихъ извѣстій, и пр.

9-го августа. Есть люди, которые восторгаются каждой побѣдой мадьяровъ, какъ будто эти побѣды нанесутъ смертоносный ударъ Австріи и Россіи, а Пруссіи окоротить рога; мнѣ же кажется, въ разыгрывающейся драмѣ для союзниковъ болѣе важно пораженіе мадьяровъ, чѣмъ торжество славянскаго дѣла, безъ разрѣшенія котораго не двинется впередъ и иѣмецкое.

10-го августа. Князь Шварценбергъ ¹⁾, въ отчаяніи, поѣхалъ умолять императора Николая.

13-го августа. Нашъ народъ принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ мадьяровъ; весело смотритъ на портреты Гергея, Дембинскаго, Бема и Перчеля.

18-го августа. Конфиденціальныя сообщенія изъ Россіи—отъ Рауха ²⁾.

18-го августа. По видимому, разладъ между Россією и Австрією очень великъ.

21-го августа. Обращеніе Гергея къ русскому императору, во всякомъ случаѣ—обстоятельство весьма важное по послѣдствіямъ.

31-го августа. У в. к. Михаила Павловича параличъ. В. к. Елена Павловна пріѣхала сюда. Во время венгерской кампаніи императоромъ Николаемъ получались иногда такіа безотрадныя извѣстія, что ему уже видѣлось уничтоженіе всего войска, возстаніе въ Польшѣ... Когда сынъ Паскевича привезъ ему извѣстіе о сдачѣ Гергея, то, слушая его, онъ стоялъ (удивленный) и, казалось, не ощущалъ никакой радости (?!), и первыми произнесенными имъ словами были: «какое счастье Паскевичу!»—конечно, незаслуженное,—думалъ онъ про себя (?!), ибо не могли же отъ него скрыться значительныя промахи главнокомандующаго. Были случаи, когда можно было заподозрить Паскевича въ симпатіяхъ къ венгерцамъ: онъ забывалъ принимать самыя необходимыя мѣры, даже тогда, когда ему о томъ напоминали. Трудно рѣшить, происходило ли это отъ неспособности или измѣны. Послѣ одной важной неудачи Паскевичъ сталъ упрекать ген. Анрена и обвинялъ его въ невыполненіи даннаго приказанія. «Вы прислали мнѣ,—возразилъ Анрепъ не то приказаніе, на которое теперь ссылаетесь, а совершенно противное ему», и, вынувъ листъ бумаги, исписанный карандашомъ, прибавилъ: «надѣюсь, что вы не отречетесь отъ того—хотя вы и способны на это—что это писано вашею рукой». Тогда Паскевичъ схватилъ Анрена за грудь, но тотъ, будучи сильнѣе и моложе, толкнулъ его, отбросилъ къ стѣнѣ и, уходя,

¹⁾ Австрійскій первый министръ.

²⁾ Выше, о назначеніи Рауха посломъ въ Петербургъ выразился авторъ такъ: «на важнѣйшій постъ—глупѣйшаго человѣка».

сказалъ: «вотъ, что вы заслужили». Этотъ скандалъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ концѣ августа. Не будь предательства Гергея, можетъ быть, европейскія дѣла приняли бы совершенно иной оборотъ. Австрійскіе и русскіе генералы враждовали другъ къ другу.

3-го сентября. Посѣщеніе коллеж. сов. Линмана ¹⁾, изъ Веймара. Зло шутить о тамошнемъ дворѣ и обществѣ.... Умный и тонкій медантъ.... Онъ увѣрилъ меня, что Россія не потребуетъ выдачи Бакунина. Жуковский поѣхалъ въ Варшаву, къ императору, чтобы просить о продолженіи заграничнаго отпуска.

7-го сентября. Генералъ-адъютантъ (пруссій) Нейманъ привезъ изъ Варшавы королю не совсѣмъ пріятныя наставленія. Русскій императоръ говорилъ: «тѣмъ не уничтожаешь революціи, если ее подавляешь только у другихъ ²⁾, а у себя дома, посредствомъ конституціонныхъ фарезовъ, готовишь ей свѣжую почву». Ему не нравятся обнаруживающіяся стремленія къ объединенію Германіи

13-го сентября. Циркулярная нота Нессельроде: достигши желанныхъ результатовъ, русскіе удаляются (изъ Вейгрии); императоръ оказалъ помощь Австріи, руководствуясь единственно великодушіемъ.—Смерть Михаила Павловича въ Варшавѣ и немедленный отъѣздъ императора въ Петербургъ.

8-го октября. Послѣ обѣда былъ у меня молодой русскій, г. К., съ карточкой отъ кн. Виземскаго. Странныя извѣстія изъ Петербурга.

. Я не могъ узнать отъ г. К. живъ ли Невѣровъ ³⁾, что дѣлаетъ Грановскій и др. Венгерская война очень не нравилась русскимъ либераламъ.

Г. К. отправляется въ Англію.

19-го октября. Говоря о своемъ шурипѣ—королѣ прусскомъ, русскій императоръ всегда (отзывается жестко).

28-го октября. Писалъ о турецкомъ вопросѣ. Война съ Турціею противна политикѣ Россіи, такъ какъ эта война повлечетъ за собою другую—съ Англіей. Россія предпочла бы имѣть Англію союзницею для реакціонной войны съ Франціей, такъ какъ къ тому рѣшительно стремятся всѣ кабинеты.

15-го ноября. Писалъ объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи. Императоръ Николай чувствуетъ состраданіе къ Пруссіи и щадитъ государство, надѣясь,

¹⁾ Должно полагать, состоялъ при русскомъ посольствѣ.

²⁾ Пруссія воевала сражалась противъ революціи въ Саксоніи и в. г. Баденскомъ.

³⁾ Бывшій (до 1878 г.) попечитель Кавказскаго учебнаго округа. А. Ч.

что въ немъ опять воцарится абсолютизмъ; но объ особѣ короля выражается всегда (крайне неодобрительно)....

15-го декабря. Генералъ Раухъ присылаетъ изъ Петербурга, что называется, хорошія извѣстія, но императоръ выражается (жестко) о (королѣ).
Ревель, 1875 г. Перев. и сообщ. А. А. Чумиковъ.

Замѣтка по поводу разсказа: «А. Н. Карамзинъ».

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, на стр. 193—216, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ», сообщенная г. Вистенгофомъ. Статья эта, по тону своему и тѣмъ подробностямъ, съ какими повѣстуетъ событіе подъ Банакуломъ, имѣетъ претензію на авторитетность, какая подобаетъ только личному свидѣтелю происшествія и лицу, посвященному во всѣ подробности распоряженій начальства. Между тѣмъ, г. Вистенгофъ свидѣтелемъ дѣла не былъ и не зналъ не только распоряженій начальства, но и много такихъ вещей, какія онъ долженъ бы былъ знать. Если бы онъ былъ знакомъ съ военнымъ дѣломъ, онъ, напримѣръ, не написалъ бы словъ: ударилъ сигналъ, такъ какъ у гусаръ барабановъ не имѣется и ударять имъ не во что. Если бы онъ былъ немного повнимательнѣе, то зналъ бы, что Павелъ Петровичъ Липранди командовалъ Маловалхскимъ отрядомъ, въ составъ котораго входитъ и Александрійскій полкъ, и что я въ теченіе цѣлаго года исполнялъ должность начальника штаба его. Этого всего г. Вистенгофъ не знаетъ, но говоритъ въ статьѣ своей о такихъ предметахъ, которыхъ онъ знать не могъ.

Не стану опровергать одну за другой всѣ ошибки г. Вистенгофа и ограничусь однимъ лишь обстоятельствомъ, лично меня касающимся.

Зная, что Андрей Николаевичъ не долго служилъ субалтернъ-офицеромъ въ гвардейской конной артиллеріи и, побывавъ на Кавказѣ, гдѣ участвовалъ въ экспедиціи, вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку; зная, что о кавалерійской строевой службѣ онъ никакого понятія не имѣлъ, я, какъ начальникъ штаба отряда, вовсе не желалъ, чтобы Карамзинъ командовалъ предстоящимъ летучимъ отрядомъ, котораго генералъ Липранди рѣшительно не хотѣлъ ему довѣрить. Но имѣя въ виду, что Карамзинъ рапортуется больнымъ, я сообразилъ и доложилъ о томъ начальнику отряда, что старшимъ въ полку остается подполковникъ Дикъ, старый и опытный кавалерійскій офицеръ, который и будетъ командовать отрядомъ. Генералъ Липранди никогда никакого порученія къ полковнику Карамзину мнѣ не давалъ. Велико же было мое удивленіе, когда Карамзинъ объявилъ мнѣ, что онъ выздоровѣлъ и, какъ старшій, желаетъ идти въ головѣ отряда. За это я его не только не хвалилъ тѣми словами, какія приводитъ г. Вистенгофъ, а, напротивъ того, уго-

варивалъ его по болѣзни оставаться дема. Я даже поторопился вернуться къ себѣ въ штабъ, чтобы задержать приготовленное уже предписаніе и передѣлать его сообразно съ измѣнившимся обстоятельствомъ, но оно уже было отправлено въ полкъ. Затѣмъ Карамзинъ упросилъ начальника отряда послать его въ командировку и не подвергать его, конечно, тяжелой обидѣ.

Вотъ какъ было дѣло, и если г. Вистенгофъ могъ такимъ образомъ извратить этотъ фактъ, то какой же вѣры могутъ заслуживать остальные его рассказы? Такъ, напримеръ, вѣроподобно ли то, чтобы эпизодъ о сорваніи медальона съ груди пѣвческаго Карамзина былъ подсмотрѣнъ струсившимъ гусаромъ, пританчившимся подъ мостомъ? Несомнѣнно только то, что въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, виновникомъ котораго былъ, конечно, Карамзинъ, полкъ не стяжалъ себѣ новой славы и никто изъ подчиненныхъ Карамзина не исполнилъ своей обязанности какъ бы слѣдовало.

Князь Вимт. Илл. Васильчиковъ.

С. Трубетчино, 15-го іюля 1878 г.

Тропарь соч. митрополита Филарета

1866 г.

— одно изъ предпоследнихъ упражненій духа его ¹⁾, выразившееся въ переложеніи въ стихъ тропаря на день Преображенія Господня, учиненное митрополитомъ Филаретомъ на академическомъ актѣ духовной академіи въ 1866 году и списанное для меня собственноручно покойнымъ же ректоромъ академіи отцомъ А. В. Горскимъ, пояснившимъ и самое событіе. Митрополиту было представлено стихотворное переложеніе сего тропаря, сдѣланное однимъ изъ экзаменованныхъ молодыхъ людей. Старецъ, взявъ бумагу и перо, тутъ же написалъ свое переложеніе и, передавая оное ректору, молвилъ: «не будетъ ли такъ ближе къ подлиннику?»

ТРОПАРЬ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Преобразился днесь Ты на горѣ, Христе,
И славу тамъ Твою учении узрѣли,
Дабы, когда Тебя увидать на крестѣ,
Страданье вольное Твое уразумѣли,
И проповѣдали вселенной до конца,

Что Ты—Сіяніе Отца.

Ф. М. М.

Въ августѣ 1866 г.

Сообщ. Пав. Семеновъ.

9-го іюня 1877 г.
Сергіевъ посадъ.

¹⁾ Известно, что къ этому времени относится переведенная имъ съ греческаго Увѣщательная пѣснь св. Григорія Богослова: «Близомъ послѣдній трудъ жизни: плаванье влосе кончаю» и пр.

Волшебныя письма.

1.

Молитва—тоску отнять.

«Господи Боже, благослови, Отче. лягу азъ, рабъ Божій (имярекъ), благословясь, стану перекрестясь и выйду на бѣлый свѣтъ, облакомъ облекуся и свѣтомъ препояшуся, государыня вечерняя заря, жорно ямна (sic), утренняя заря маѣ (sic) и вы, двѣнадцать буйные вѣтры, двѣнадцать святые апостолы, соймите вы у сей рабы Божіей (имя реки) тоску и печаль и въздыханіе, что есть у сей рабы (имя реки) по семь рабъ Божиємъ (имя реки), не отпустите той тоски, печали и въздыханія ни на землѣ, ни на водѣ, ни на какой камене (sic), ни на лежащую колоду, ни на стоячее дерево, отпустите вы тоску и тую печаль и въздыханіе шукою въ море отъ бѣле (sic) камень; отъ нынѣ и до вѣку и во вѣки вѣковъ аминь».

Говорить сіи слова на воду и послѣ цареня мыться и взять въ банѣ камень, воды въ сосудѣ, и говорить сіи слова: «студене камень, студи воду, такъ бы студило сердце у сей рабы Божіей (имя реки) по рабъ Божиємъ (имя реки) отъ нынѣ и до вѣку», и тонко обверни камень кругъ ей противъ солнца и вмокни камень въ воду, что въ сосудѣ стоитъ, и говори по три раза сіи слова и камень кругъ головы обверни, тоже противъ солнца, и въ третій разъ обверни камень кругъ головы его и пусти камень въ воду, пускай тамъ постоитъ и вынь камень изъ воды и закажи, чтобъ ничего не говорить, дай пить молча и остатки на ней махни и проговори: «какъ сошлись, такъ и разошлись».

2.

Стану я, рабъ (имярекъ), не благословясь, пойду не перекрестясь, не изъ дверей въ двери, не изъ воротъ въ ворота, выйду изъ верхняго окна дымомъ и во далече въ чистое поле, по чернымъ тронамъ, въ сухой боръ идутъ тридцать три діавола, у трехъ діаволовъ три старосты, у трехъ старостовъ бѣлый сатана. Куда-же вы пошли? пошли уголья жечь, не поте (sic) уголья жечь потѣ (sic) къ сей рабы (имярекъ) обжигайте сердце ретаво и присушайте ко мнѣ, къ рабу (имярекъ), и я, рабъ (имярекъ), отридаюсь отъ отда и матери, отъ роду-племени и отъ Божіей церкви, и отъ Пресвятой Матери Божіей Богородицы, чтобы она, раба (имярекъ), не могла ни крестомъ, ни молитвою оборониться, ни въ парной банѣ отмыться, и присушайте кость въ кость и суставъ въ суставъ и сохла бы день и ночь по мнѣ, по рабъ (имярекъ)».

Сообщ. Г. Е. Рѣпикинѣй.

Замѣтка о Родіоновыхъ.

По поводу напечатаннаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, на стр. 479—481, письма Павла Черкесова къ И. А. Родіонову 1813 г.,—дозволю себѣ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмѣ; можетъ быть, они будутъ не лишними въ видѣ примѣчанія къ нему.

Иванъ Александровичъ былъ сынъ Александра Ивановича Родіонова (артиллеріи капитанъ), убитаго 12-го іюня 1774 года при защитѣ крѣпости Казани отъ нашествія полчищъ Пугачева.—Престарѣлый Александръ Ивановичъ въ то время скрывался въ алтарѣ Воскресенскаго собора въ Казани, найденъ тамъ и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дворянами, мучени-

чески кончилъ свою жизнь на паперти церковной.—Александръ Ив. былъ женатъ на Наталіи Ивановнѣ Осокиной. Вторая же его жена, Анна Николаевна, была основательницею Казанскаго Родіоновскаго института, главнымъ фондомъ котораго послужило родовое великогвниное имѣніе, село Масловка, Казанской губерніи, на рѣкѣ Камѣ.—Сынъ убитаго Александра Ивановича, Иванъ Александровичъ (дѣдъ мой, къ которому писано письмо), во время народнаго волненія на приволжѣ по случаю успѣховъ Пугачева, 14-ти лѣтъ былъ увезенъ изъ гор. Казани крестьянниномъ села Винкаймы, Корсунскаго уѣзда Симбирской губ., Степаномъ Семеновымъ, вмѣстѣ съ братомъ, 4-хъ лѣтнимъ Николаемъ Александровичемъ.—Дѣти въ крестьянскомъ платьѣ переданы были въ селѣ Винкаймѣ господскому ключнику, крестьянину того же села Потапову. За Потаповымъ зорко слѣдили другіе крестьяне,—онъ привялъ одвакоже господскихъ дѣтей и высылалъ ихъ съ своими домохозянами на полевныя работы, на полотье и друг. Крестьяне стали говорить, что онъ укрываетъ господскихъ дѣтей, что у ребятъ присталыхъ (такъ какъ крестьяне знаютъ дѣтей своихъ односельцевъ) что-то больно руки бѣлы!—Потаповъ, опасаясь за барчать, уговорилъ Степана Семенова тайкомъ перевезти ихъ на пчельникъ.—Здѣсь, на Обоинномъ пчельникѣ, близъ Безводенской дачи, скрывались дѣти до усмиренія края отъ волненій и прїѣзда въ село Винкаймы опекуна спроть, дяди ихъ, Дмитрія Ивановича Родіонова.

Иванъ Александровичъ былъ женатъ на упоминаемой въ письмѣ Черкесова Даріѣ Никифоровнѣ, рожденной Ивашевой.—Родной братъ ея, Петръ Никифоровичъ Ивашевъ, имѣлъ сына Василія Петровича, извѣстнаго декабриста.—Старикъ Петръ Никифоровичъ, — нѣкогда адъютантъ Суворова, — при арестѣ сына, молодаго кавалергарда, отправился хлопотать о его участи въ Петербургъ.—Здѣсь подавъ онъ государю Николаю Павловичу прошеніе, въ которомъ ручался въ неучастіи сына въ заговорѣ,—и закончилъ письмо просьбою: что ежели бы дѣйствительно сынъ его оказался виновнымъ, то сугубою строгостию подвергнуть его наказанію!—Сохранилось семейное преданіе, что это вмѣшательство отца было пагубою молодаго декабриста, — что письмо это заставило обратить вниманіе слѣдственной комиссіи на человѣка, котораго вся вина заключалась въ томъ, что былъ богатъ и открыто жилъ. Въ домъ его толпилась молодежь высшаго круга,—а въ числѣ ихъ были люди, задумавшіе переворотъ. Вообще можно сказать, что заговоръ не былъ тайною современному высшему петербургскому обществу; можетъ быть, цѣль конечная не всѣмъ была ясна, какъ не ясна она была и для большинства главныхъ дѣателей тайнаго общества.—Старикъ всю жизнь мучался, обвиняя себя въ невольной причинѣ несчастія сына; жена его, Вѣра Александровна (рожденная Толстая), женщина непреклоннаго нрава,—всю жизнь корила мужа въ томъ же. Камилъ Ле-Дантю, дочь гувернантки сестеръ Василія Петровича, рѣшилась—по неотступной просьбѣ старухи Ивашевой и своей матери,—ѣхать въ Сибирь и выйти тамъ замужъ за сызливо-каторжнаго.—Въ Сибири (близъ Нерчинска) Ивашевы были счастливы въ своемъ семействѣ; у нихъ родились дѣти,—возвратившіяся въ Россію по смерти родителей, а потомъ и восстановленныя въ своихъ дворянскихъ правахъ: 1) сынъ Петръ, воспитывался въ С.-Петербургѣ, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, женатъ на Екатериѣ Александровнѣ Лебедевой.—2) дочь Марія, замужемъ за Константиномъ Васильевичемъ Трубиновымъ, и 3) Вѣра—за Черкесовымъ, тѣмъ самымъ, который имѣлъ книжный магазинъ въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ.

Сообщ. Дж. П. Родіоновъ.

А. В. БЕСТУЖЕВЪ

[По поводу Записокъ Жиркевича].

Въ журналѣ «Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—422, помѣщена XXII-я глава изъ «Записокъ И. С. Жиркевича, 1835 г.», въ которой, между прочимъ, попирается честное имя покойнаго Андрея Васильевича Бестужева, бывшаго управляющаго симбирской удѣльной конторой.

Говоря устами Жмакина объ Андрѣ Васильевичѣ, авторъ «Записокъ» забываетъ, что грязный и пошлый отзывъ такого человѣка, какъ Жмакинъ, который былъ хорошо извѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ Блудову («Рус. Стар.», июль, стр. 413), не только не въ состояннн замарать имя честнаго человѣка, но даже служить подтвержденіемъ его благородныхъ стремленій.

Личная вражда Жмакина къ Андрею Васильевичу Бестужеву, проглядывающая въ каждомъ его словѣ, и его нравственныя качества, о которыхъ свидѣтельствуетъ Блудовъ, доказываютъ, что все высказанное Жмакинымъ объ Андрѣ Васильевичѣ есть ничто иное, какъ выраженіе безсильной злобы противъ человѣка, честность котораго всегда была противна убѣжденіямъ Жмакина и единомыслящихъ съ нимъ людей.

Наконецъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, при своей извѣстности и высомомъ положеннн въ государственной жизни, не могъ-бы положиться въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ введеніе въ Россіи удѣла, на Андрея Васильевича, если-бы это былъ человѣкъ «незнающій и неблагонадежный», какъ высказывается желчная и лживая статья г. Жиркевича, и не рекомендовалъ-бы А. В. Бестужева, какъ отличнаго и усерднаго чиновника, благородно мыслящаго человѣка, на котораго онъ совершенно полагается.

Это противорѣчіе фактовъ, приведенныхъ Жиркевичемъ, ясно указываетъ читателю, что вся статья его есть плодъ личнаго чувства неприязни и озлобленія противъ А. В. Бестужева, а извѣстно—гдѣ нѣтъ безпристрастнаго отношенія къ людямъ, тамъ не можетъ быть и правды; но, во всякомъ случаѣ, низко прибѣгать къ такому средству удовлетворенія личныхъ чувствъ, какое избралъ г. Жиркевичъ—къ клеветѣ.

В. А. Бестужевъ.

ЗАМѢТКИ, ПОПРАВКИ, ОПЕЧАТКИ.

М. Н. Жемчужниковъ.

Въ Запискахъ Жиркевича, въ XXII томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г., на стр. 414, вкралась ошибка относительно службы Михаила Николаевича Жемчужникова, именно: тамъ сказано, будто онъ до 1834 г. былъ уже губернаторомъ «въ Рязани». Вмѣсто въ «Рязани», слѣдуетъ поставить—въ Костромѣ.—М. Н. Жемчужниковъ оставался въ Костромѣ не долго, бывъ вынужденъ семейными обстоятельствами оставить службу и возвратиться къ семьѣ, въ деревню (Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда); но затѣмъ, по желанію императора Николая Павловича, онъ вновь вступилъ въ службу, назначенъ с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а потомъ сенаторомъ (въ I-й департаментъ), и въ этомъ званіи скончался.

В. М. Жемчужниковъ.

Объ Андреѣ Николаевичѣ Барамзинѣ, на стр. 196 въ XXII-мъ томѣ «Русской Старины», сказано, что жена его Аврора Карловна—рожденная графиня Шернвальдъ.

Это ошибка: она рожденная Валленъ. Валлены принадлежать по происхожденію къ шведской знати, но не графы. Въ шведской знати нѣтъ даже фамиліи Шернвальдъ, а есть Шернваль, изъ которыхъ два пожалованы въ бароны: статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго и инженеръ путей сообщенія тайный совѣтникъ. Первый называется Шернваль-Валленъ, потому что женатъ на послѣдней отрасли старшей линіи Валленовъ.

Г. Боричевскій дѣлаетъ запросъ: кому принадлежитъ статья «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Вержбѣ», и самъ высказываетъ предположеніе, что статья эта заимствована изъ исторіи возстанія, написанной Мошняцкимъ на польскомъ языкѣ.

Предположеніе это ошибочно. Разсказъ дѣлкомъ принадлежитъ одному изъ участниковъ свиданія—Лелевелю и въ подлинникѣ помѣщенъ, на польскомъ языкѣ, въ полномъ собраніи его сочиненій. Само собою разумѣется, что разсказъ изложенъ въ высшей степени пристрастно къ полякамъ и къ нему надо относиться критически. Ред. «Русской Старины» дала мѣсто этому разсказу только какъ матеріалу для всесторонняго ознакомленія съ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ эпизодовъ польскаго возстанія 1830—1831 гг.

Г. В. НОВИЦКІЙ.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ АРТИЛЛЕРІИ.

1800—1877.

ИЗДАНО ИЖИВЕНІЕМЪ М. Д. НОВИЦКОЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1878 Г.

ДОПУЩЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 19 АВГУСТА 1878 Г.

ВСПЕДИЦА ВАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Къ списку восьми «декабристовъ», остающихся къ 1-му сентябрю 1878 г. въ живыхъ (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 526), должно прибавить еще одного: Владиміръ Сергѣевичъ Толстой, 74-хъ лѣтъ, живущій въ Московской губерніи, въ своемъ имѣніи сельцѣ Барановѣ-Далшинѣ, Подольскаго уѣзда.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XXII, стр. 511—520, вмѣсто напечатаннаго: «Шлезвигъ», читай: Силезія.

Тамъ же, стр. 519, напечатано: «Вейсмаръ», читай: «Висмаръ».

Въ біографическомъ очеркѣ «Г. В. Новицкій», напечатанномъ въ XXII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г., вкратились слѣдующіе опечатки:

<i>Стран.:</i>	<i>Строка сверху:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
274	18	полянъ	полякъ.
>	3 примѣч.	Днѣпрѣ	Днѣстрѣ.
276	28	А. Х. Бенкендороръ.	К. О. Бенкендорфъ.
278	10	Двѣнадцати.	Одиннадцати.
>	11	Анны 2-й ст.	Анны 3-й ст.
292	23	Меснала.	Мескала.
>	24	Атакогну	Атакогау.
>	25	Чупсинъ	Чупсинъ.
		Пикуксу	Псекуксу.

и вопросы, имѣющие обще-археологическій интересъ: мѣстныя древности Кубанской и Терской областей, проф. Бондакова; историческое значеніе городищъ, проф. Симоновскаго; изысканіе кладбище въ Добрынищахъ, проф. Павинскаго; объ обычаяхъ впасть княжескія одежды въ храмахъ, проф. Терновскаго; Соція цареградская по опис. русскаго паломника XII в., проф. Срезневскаго; пещера Бычачьей скалы въ Моравіи, Ванкеля; дохристіанскіе могилы въ Моравіи, д-ра Дудинка; о резиденціи хановъ Золотой орды до времени Дшанибена I, проф. Бруна; русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, проф. Аристова; какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей, г. Износкова; что значитъ Россонахія въ греческихъ документахъ, проф. Григоровича; опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о Скивіи, г. Бурачкова; о топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель, г. Колара; Янъ Ласицій и его соч. «De diis Samogitarum», г. Мэрлинскаго; не было-ли въ Москвѣ опыта въ выгнечтаніи до первопечатнаго Апостола, г. Вивторова; о памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву, г. Хрущова; древне-переславская епархія и опытъ изслѣдованія номенклатуры мѣстностей Переславскаго уѣзда Владимірской губ., святи. Смирлина; по вопросу о регалияхъ, приписываемыхъ Владимиру Мономаху, прот. Прозоровскаго; о древней вислой свинцовой печати съ надписью отъ Ратибора, найденной около Енивале, г. Люценка; сообщенія о нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ письменности и между прочимъ г. Леже объ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ Турской библіотекѣ; дватри резервата, относящихся къ вопросамъ владенческой археологіи.

Такое содержаніе вышедшихъ двухъ томовъ «Трудовъ». Атласъ, приложенный къ этому изданію, составленъ изъ плановъ мѣстностей, снимковъ съ предметовъ древностей и образовъ южно-русскаго орнамента (узоровъ, табл. XVI—XXV). Рисунки выполнены фото-литографическимъ способомъ проф. университета св. Владимира В. А. Бецкомъ, имѣющимъ собственныя средства для снимковъ анатомическихъ предметовъ. Атласъ выполненъ чисто и

планно; надписи текста, печатавшася въ университетской типографіи, также сдѣлано исполнѣе удовлетворительно, что не всегда можно сказать о кіевскихъ изданіяхъ, вообще не отличающихся въ типографическомъ отношеніи. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ поблагодарить издателей, употребившихъ значительныя усилія для преодоленія всякихъ препятствій.

Труды Кіевскаго съезда появились въ свѣтъ благодаря сдѣланнымъ, назначеннымъ на изданіе г. министромъ народнаго просвѣщенія, по ходатайству гр. А. С. Уварова, а также предоставленнымъ самимъ гр. Уваровымъ, «неутомимымъ двигателемъ археологическихъ занятій въ нашемъ отечествѣ».

Древности. Труды Московскаго археологическаго общества, изданныя подъ редакцію В. Е. Румянцова. Т. VII, выпускъ I. Съ 14 политинажами въ текстѣ и 10 хромолитографическими рисунками въ приложеніи.

Настоящее изданіе, служащее органомъ Московскаго археологическаго общества, обязано своимъ возникновеніемъ и существованіемъ тому-же неутомимому деятелю на поприщѣ археологіи въ Россіи—гр. А. С. Уварову. Въ послѣднее время оно выходитъ подъ ближайшимъ завѣдываніемъ секретаря общества, В. Е. Румянцова. Въ составъ настоящаго выпуска вошли слѣдующія статьи: I. Изслѣдованія: о лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсней, В. Ф. Миллера; орандовская пещера, гр. А. С. Уварова; описаніе тверскаго музея, А. Е. Жбаневскаго, съ примѣч. гр. Уварова; описаніе евангелія 1092 г., архим. Амѣлохія. II. Археологическія извѣстія и замѣтки: по поводу возстановленія древнихъ библіотечныхъ палатъ московскаго печатнаго двора, В. Е. Румянцова; надгробныя надписи въ московской церкви св. Николая-въ-Башмачкахъ, В. Е. Румянцова. III. Библіографія: объ антиминсахъ русской церкви, св. Кн. Никольскаго; археологическое общество при чешскомъ музеѣ и его журналъ, Н. А. Попова; нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у словенцевъ, чеховъ, лужичанъ и поляковъ, А. А. Ботларевскаго. IV. Протоколы засѣданій Московскаго археологическаго общества. В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, цѣна ВОСЕМЬ р. за 12 кн. безъ переплета и 11 р. въ переплетѣ, съ перес.

„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятый.

ОКТАБРЬ.

1878 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, генералъ-аншефъ, 1661—1738 гг. Биографическiй очеркъ и письма къ дочери. Сообщ. П. В. Аллабинъ	161	VI. Иванъ Константиновичъ Айвазовскiй и его ХЛII-хъ лѣтняя художественная дѣятельность, 1836—1878 гг. Главы XI—XV.	281
II. Русскiй дворъ въ 1761 г. Переводъ съ французской рукописи Лаферриера, хранящейся въ дворцовой библиотекѣ г. Павлова. Напечатано съ благосклоннаго разрѣшенiя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича	187	VII. Историческiе материалы, очерки и замѣтки: 1. Челобитная на заводчика Акинѳа Никитича Демидова, въ 1721 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ (307). 2. Сожженiе на кострѣ, въ 1738 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ (309). 3. Донесенiе о поджогахъ лѣсовъ башкирами, въ 1757 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ (313). 4. Извѣстiе о Смольномъ монастырѣ, 1783 г. Сообщ. П. О. Горбуновъ (316). 5. А. О. Корниловъ, издатель «Русской Старины» въ 1824 г. Сообщ. А. А. Карасевъ (319). 6. Герой нашего времени, соч. М. Ю. Лермонтова. Варианты первой рукописи автора. Сообщ. Пав. Висковатый (361).	
III. Журналъ путешествiя В. М. Зинovieва по Германiи и Италии въ 1784—1785 гг. Сообщ. Н. П. Варяшниковъ. Прибавленiя князя А. В. Лобанова-Ростовскаго	207	VIII. Митроха Валдайской Зрѣлице въ трехъ дѣйствiяхъ, въ стихахъ. Соч. Н. П. Семенова. Сообщ. П. А. Ефремовъ.	321
IV. Еяграфъ и Петръ Осиповичи Грузиновы. Военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г. Сообщ. А. А. Карасевъ.	241	IX. Библиографическiй листокъ историческихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. И.—въ (на оберткѣ).	
V. Аленскiй Галриловичъ Венециановъ, первый, по времени, русскiй бытовой живописецъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности, 1780—1846 гг. Составилъ П. Н. Петровъ. Главы I—II.	265		

ПРИЛОЖЕНIЕ. Портретъ генерала-отъ-артиллерiи Георгiя Васильевича Новицкаго. Рисоваль Н. О. Бромъ, гравироваль въ Парижѣ Академикъ Л. А. Страновъ [въ биографическому очерку въ ХХII-мъ томѣ «Русской Старины»].

**Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1879 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкою.**

«Русская Старина» 1870 г. (третье изд.), 1876 г. (второе изд.) и 1877 г. — по 8 руб. съ перес.
«Русская Старина» 1878 г., двѣнадцать книгъ, 8 руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФIЯ В. С. БАЛАШЕВА

Вектеринскiй каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 40—1.

1878.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября.

Извѣстія о занятіяхъ IV Археологическаго сѣзда въ Казани. Казань, 1877. 192 стр.

Казанскій археологическій сѣздъ имѣлъ свою похвальную особенность—это изданіе ежедневныхъ бюллетеней своихъ засѣданій, полное собраніе которыхъ представляетъ сборникъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Извѣстно, какую важность можетъ имѣть своевременное опубликованіе свѣдѣній о дѣятельности ученаго сѣзда, и многие вопросы котораго часто имѣютъ временный интересъ. Знакомство съ обсуждаемыми вопросами посредствомъ корреспонденцій въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ не всегда отличается и точностью, и необходимою полнотою. Въ подобныя неудобства значительно устраняются тѣмъ способомъ, какой былъ принятъ и такъ прекрасно выполненъ казанскимъ сѣздомъ, кажется, по примѣру сѣзда ориенталистовъ. Означенное изданіе даетъ возможность пользоваться сдѣланными сообщеніями, пока не появятся самые труды IV сѣзда, которые, какъ можно судить по бывшимъ до сихъ поръ примѣрамъ (такъ труды петербургскаго сѣзда изданы только отчасти—вып. 1-й, а кievскаго вышли недавно), не всегда появляются своевременно. Извѣстія IV археологическаго сѣзда, кромѣ перечня засѣданій съ изложеніемъ ихъ занятій, сообщаютъ списки лицъ, принимавшихъ участіе въ сѣздѣ, указатель историческихъ достопримѣчательностей Казани проф. Шпилевскаго (это 2-е изданіе той же записки), каталогъ казанскихъ изданій и т. п.

Въ видѣ особаго приложенія къ «Извѣстіямъ» вышелъ «Указатель выставен при IV археологическомъ сѣздѣ» (94 стр.), въ который вошли древности первобытныя; памятники языка, письма и искусства; монеты и древности восточныя; предметы, относящіеся къ современной этнографіи.

Матеріалы для исторіи и статистики Орловской губерніи, собран. секретаремъ Орловск. губернскаго статистическаго комитета А. Пуларевымъ. Орелъ, 1877. 120+64, съ таблицами и чертежомъ города Орла, составленнымъ въ 1741 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія нашихъ провинціальныхъ статистическихъ комитетовъ и земствъ мало

извѣстны и съ трудомъ попадаютъ въ руки изслѣдователей, не говоря уже любителей отечественной старины. А между тѣмъ въ ряду ихъ можно указать не мало весьма цѣнныхъ и заслуживающихъ вниманія трудовъ. Таковы, напримѣръ, Воронежскіе петровскіе акты (Ворон. 1872), Воронежъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, г. Веселовскаго (1866), Обзоръ румянцевской описи Малороссіи (Вып. I—III, Черниговъ. 1866—1877 гг.), Историческое описаніе земли войска Донскаго, помѣстнымъ матеріаламъ (т. I. 1869 г., II. 1872 г.), Географ. и статистич. словарь Пермской губерніи, составленный знатокомъ этого края Н. К. Чушнымъ (т. I, 577 стр.), съ подробными библиографическими указаніями, Источники и пособія для изученія Пермскаго края, указатель книгъ и статей, относящихся къ послѣднему, Д. Смышляева (подобный указатель былъ помѣщенъ уже по 1859 г.—въ Пермскомъ сборникѣ)—послѣднія два изданія составляютъ приложенія къ Сборнику Пермскаго Земства, въ которомъ также встрѣчаются статьи по этнографіи края. Не перечисляемъ другихъ мѣстныхъ изданій подобнаго рода, имѣющихъ несомнѣнный научный интересъ, иногда неизвѣстныхъ даже по своимъ названіямъ и не помѣвшихъ вовсе въ указатели. Въ такомъ положеніи находится наша провинціальная печать; нѣкоторые статистическіе комитеты и земства—дѣлаютъ свое дѣло, но остаются въ тѣни; труды ихъ часто остаются заброшенными въ подвалахъ, а потому попадаютъ какъ библиографическая рѣдкость. Поэтому должно желать, чтобы наши центральныя вѣдомства обратили вниманіе на подобное положеніе мѣстной литературы, которая нѣрѣдко и возникаетъ благодаря ихъ же запросамъ и требованіямъ, а потому бываетъ обречена на безвѣстность. Такъ министръ внутр. дѣлъ могло бы учредить какой либо центральный складъ для подобныхъ изданій, печатать ихъ списки и выпускать въ продажу чрезъ своихъ комисіонеровъ - книгопродавцевъ. Мы говоримъ это по собственному опыту. Многие изъ извѣстныхъ книгопродавцевъ удивлялись даже заглавіямъ этихъ книгъ и добывать ихъ намъ приходилось послѣ долгой переписки или окольными путями.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ

ГЕНЕРАЛЬ-АНШЕФЪ.

род. 1661 † 1738 г.

Самарскій землевладѣлецъ Н. В. Потудовъ передалъ намъ 86 писемъ предка своего, по женской линіи, И. И. Бутурлина, къ жёнѣ и дочери, писанныя въ періодъ времени съ 1711-го по 1719 годъ.

Печатая эти письма не потому только, что они принадлежатъ перу одного изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, каждая современная строка о которой драгоцѣнна для отечественнаго историка, но и потому, что письма эти прибавляютъ еще нѣсколько штриховъ къ картинѣ нравовъ и семейныхъ отношеній того времени, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о ихъ авторѣ.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей царствованія Петра Великаго и Екатерины I-й, происходилъ отъ древней и почетной русской фамиліи. Отецъ его былъ ближнимъ стольникомъ царскимъ, а дѣдъ, Андрей Васильевичъ Кривой, окольничимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Бутурлины ведутъ свой родъ отъ трансильванскаго выходца Ратиши, вступившаго, въ 6743 году, въ службу Александра Ярославича Невскаго, съ дворомъ своимъ, состоявшимъ изъ 1,000 человекъ и шести храбрыхъ мужей, въ числѣ которыхъ былъ сынъ Ратиши Якубъ и
и ѣ Гаврило.

Л дящаяся въ нашихъ рукахъ родословная Бутурлиныхъ
Л а до царствованія Елисаветы Петровны и писана полу-
У ѣ, съ различными каллиграфическими украшеніями кино-
Л золотомъ, на пергаменномъ свиткѣ, опрaвленномъ въ крас-
Л чинный золотомъ сафьянъ, съ красными же шелковыми шнур-

ками. Свитокъ этотъ лежитъ въ деревянномъ кругломъ футлярѣ, внутри отдѣланномъ пунцовымъ бархатомъ и снаружи черною тисненою кожею, съ мѣдными застежками; футляръ этотъ перевязанъ красными шелковыми шнурками, съ кистями.

Изъ этой родословной усматривается, что въ ней есть разногласіе съ родословною дворянъ и графовъ Бутурлиныхъ, помѣщенной въ «Россійской Родословной книгѣ» князя П. В. Долгорукова, ч. II. Спб. 1855, стр. 151 и далѣе,—и что въ этой послѣдней есть нѣкоторые пропуски. Укажемъ на нихъ:

У Долгорукова, стр. 151. козъно 1.	Въ Родословной, у насъ имѣющейся.
Радша	Государичъ Седмиградскаго государства—Радша.
козъно 2.	
Якувъ	Якубъ.
козъно 5.	
Иванъ Гавриловичъ Морхиня . .	Иванъ Гавриловичъ Морхиня, а отъ него пошли: Товарковы, Пушкины, Рожновы, Замытскіе.
Акинфій Гавриловичъ Великій . .	Акинфъ Великій, а отъ него пошли: Свисловы, Каменскіе, Затолпскіе, Бутурлины, Челынины и Жулебины.
Стр. 152.	
№ 18. Михайло Ивановичъ	Убитъ на Дону.
№ 27. Иванъ Андреевичъ Хромой, бездѣтный	У него было два сына: Давидъ и Романъ.
Стр. 153.	
№ 51. Семень Ѳеодоровичъ Свибловъ.	Убитъ на Бѣлевскомъ бою.
Стр. 155.	
№ 5. Григорій Ивановичъ	Отъ него пошли Бутурлины-Ширшики, а не Ширшины, какъ въ другомъ мѣстѣ говорить кн. Долгоруковъ.
№ 12. Константинъ Григорьевичъ, бездѣтный	Такого нѣтъ, а есть не показанный у кн. Долгорукова—Потанъ Григорьевичъ, у котораго было 3 сына: Ѳеодоръ, другой Ѳеодоръ и Третьякъ.
№ 19. Иванъ Никитичъ	Иванъ Никитичъ Вслячина.

Стр. 156.

№ 31. Матвѣй Ивановичъ. . . . }
 № 34. Потапъ Ивановичъ. . . . }

Убиты подь Казанью, бездѣтными. Между тѣмъ у Долгорукова значится будто бы у Матвѣя Ивановича было три сына: Иванъ, Василій и Федоръ; затѣмъ онъ показываетъ у Василіи 4-хъ сыновей: Юрія, Федора, Андрея и Ивана; далѣе у Федора сынъ Иванъ, у Ивана Васильевича сыновья: Петръ и Борисъ (отецъ фельдмаршала); у Андрея Васильевича сыновья: Ефимъ и Иванъ (отецъ Ив. Ив. Бутурлина, генералъ-аншефа). По родословной Бутурлинныхъ родъ Ивана Ивановича и Александра Борисовича (фельдмаршала) выводится иначе, а именно:

У Ивана Полуэктовича Большаго Бутурлина (поставленнаго у кн. Долгорукова подь № 13, на стр. 156) было 4 сына: Матвѣй, Потапъ (убитые, какъ выше значится, бездѣтными), Данило и Андрей.

У послѣдняго было 3 сына: Федоръ Лобачъ, убитый подь Псковомъ, Иванъ Горѣлый, убитый подь Колыванью, и Федоръ, убитый подь Дерптомъ.

У этого послѣдняго, Федора Андреевича, былъ сынъ Василій Клепикъ, а у него 3 сына: Федоръ, омовничій царя Алексѣя, Андрей Кривой, околыничій при немъ же, и Иванъ.

У Андрея было 2 сына: Лукьянъ, по прозвищу Афижъ, и Иванъ; у послѣдняго былъ одинъ сынъ Иванъ Ивановичъ—генералъ-аншефъ.

У Ивана Васильевича было также 2 сына: Петръ, имѣвшій сына Петра, умершаго бездѣтнымъ, и Бориса, убитаго подь Лѣснымъ, отца Александра Борисовича, генералъ-фельдмаршала.

Кстати укажемъ на ошибку, вкравшуюся въ статью: «Шутки и потѣхи Петра Великаго» («Русская Старина», июнь 1872, стр. 852), гдѣ говорится, что родные племянники Петра Бутурлина—«Петербургскаго владыки»—были любимцами Петра Великаго, а именно: Иванъ Ивановичъ, генералъ-аншефъ, и

Александръ Борисовичъ, въ послѣдствіи генераль-фельдмаршалъ.

Послѣдній дѣйствительно былъ роднымъ племянникомъ «Петербургскаго владыки», но Иванъ Ивановичъ, какъ мы сейчасъ показали, былъ его двоюроднымъ племянникомъ.

Стр. 156.

№ 32. Андрей Ивановичъ, бездѣтный.

Какъ выше значится, у него было 3 сына: Ѳеодоръ Лобачъ, Иванъ Горький и другой Ѳеодоръ.

№ 35. Петръ {
№ 36. Ѳеодоръ { Григорьевичи . . .

Не существуютъ; отецъ ихъ показанъ бездѣтнымъ.

№ 39. Варсоломей Михайловичъ, бездѣтный

По прозванью Варгасъ. У него было три сына: Степанъ, Андрей и Ефимъ, окольничій, убитый въ Путивлѣ, отъ вора.

№ 50. Василій Андреевичъ

По прозванью Шестакъ.

№ 65. Богданъ Григорьевичъ

Такого не показано, а у Григорія Неклюда значится одинъ сынъ Ѳеодоръ.

Стр. 157.

№ 97. Иванъ Большой Матвѣевичъ.

Иванъ Матвѣевичъ Опора.

№ 77. Иванъ Дмитріевичъ, бездѣтн.

У него былъ сынъ Ѳеодоръ.

№ 78. Романъ Дмитріевичъ

Убитъ подъ Шкловомъ.

№ 68. Василій {

№ 69. Иванъ { Матвѣевичи

№ 70. Ѳеодоръ {

Мы выше сказали, что отецъ ихъ Матвѣй убитъ бездѣтнымъ; такимъ образомъ, весь дальнѣйшій выводъ рода ошибоченъ.

№ 91. Григорій Ѳеодоровичъ

Григорій Ѳеодоровичъ Усачъ.

№ 92. Иванъ Ѳеодоровичъ

Иванъ Ѳеодоровичъ Сухорукъ.

№ 100. Петръ Ивановичъ

Былъ въ полону, въ Калмыкахъ.

№ 101. Ѳеодоръ Ивановичъ

Убитъ въ Туркахъ.

№ 102. Василій Ивановичъ

У царя Василія Ивановича сидѣлъ за кушаньемъ.

Стр. 158.

№ 132. Иванъ Ивановичъ

Иванъ Ивановичъ Медвѣжья Голова.

№ 133. Василій Ивановичъ

Василій Ив. убитъ подъ Москвою, за Арбатскими воротами.

Стр. 159.

№ 162. Иванъ Григорьевичъ, бездѣтенъ

У него былъ сынъ Иванъ.

№ 164. Константинъ Григорьевичъ.

Убитъ подъ Полтавой.

№ 144. Иванъ Семеновичъ

Убитъ въ Турціи.

№ 148. Афанасій Ивановичъ

Не показанъ вовсе.

Когда у великаго князя Александра былъ бой съ Магнусомъ, королемъ римскимъ¹⁾, на рѣкѣ Невѣ, то правнукъ Ратши, Гаврило Алексѣевичъ, былъ съ великимъ княземъ «въ числѣ мужей храбрыхъ и мужество свое храброе предъ великимъ княземъ, въ полку, показалъ и бися много и уби воеводу ихъ Спиридона и двухъ епископовъ римскихъ»²⁾.

У Гаврилы Алексѣевича былъ второй сынъ Акинфій, по прозванью Великій, замѣчательный военачальникъ, при основаніи Московскаго княжества бывшій первымъ бояриномъ на Москвѣ, передній, въ послѣдствіи, на службу великаго князя Михаила тверскаго (въ 6861 году) и убитый подъ Переяславомъ.

Отъ этого-то Акинфа Великаго и пошли, въ числѣ другихъ родовъ, Бутурлины. Иванъ Бутурла, собственно родоначальникъ названной фамиліи, былъ правнукомъ Акинфа Великаго.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, которому посвящена наша статья, родился 24-го іюня 1661 года и впервые выступаетъ на сцену официальной служебной, намъ известной, дѣятельности въ 1687 году, т. е. 26-ти лѣтъ отъ роду, будучи пожалованъ въ премьерь-майоры вновь сформированнаго тогда Преображенскаго полка³⁾. Замѣтимъ, что самъ государь, подъ именемъ полковника Михайлова, былъ оберъ-офицеромъ этого же полка только съ 1700 года, слѣдовательно, Бутурлинъ былъ однимъ изъ первыхъ штабъ-офицеровъ Преображенскаго полка, съ которымъ онъ участвовалъ въ несчастномъ для

¹⁾ «Жороль части Римскія отъ полумощныя страны, иже первѣе Варяги и Готы, нынѣ Свіи именовануса». Лѣтопись.

Въ Швеціи, въ это время, царствовалъ Эрикъ Леспе. Войну съ Александромъ Ярославичемъ велъ шведскій военачальникъ Биргеръ. Королемъ шведскимъ лѣтописцы ошибочно называли Магнуса. Примѣчанія къ «Ист. Гос. Рос.», Карамзина. Изд. Эйнерлинга. Т. IV, глава I, пр. 24 и 25.

²⁾ Главный воевода шведскій Спиридонъ и епископъ, по разсказу плѣнныхъ шведовъ, были убиты въ битвѣ Александра Ярославича, на берегахъ Невы. Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», т. IV, гл. I, стр. 19. Изд. Эйнерл. Новгородская лѣтопись. Самъ Александръ разсказывалъ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ его дружины. Одинъ изъ нихъ, Гаврило Олексичъ, прорвался вслѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ (военачальникъ шведовъ, предпринявшій крестовый походъ противъ Руси, но наущенію римскаго папы; Биргеръ—представитель могущественнаго въ то время, въ Швеціи, рода Фолькунговъ) до самаго корабля его, былъ низвергнутъ въ воду и съ конемъ, но вышелъ невредимъ и, опять побѣдая бится съ шведскимъ воеводою Спиридономъ—убилъ его. «Исторія Россіи съ др. вр.», С. Солосъевъ, т. III, стр. 189, изд. 1857 г.

³⁾ Кабинет. дѣла, отд. II, кв. 54. Семьѣя Устрялова, «Исторія царств. Петра Великаго», т. II, прим. стр. 330.

насъ первомъ Азовскомъ походѣ 1695 года и при взятіи Азова въ 1696 году. Очевидно, Вутурлинъ въ это уже время былъ въ числѣ лицъ приближенныхъ къ государю, чему служить доказательствомъ подпись его «Ивашка Меньшой Вутурлинъ» подъ письмомъ государевымъ, съ похода, изъ Панышина, 19-го іюня 1695 года, къ генералиссимусу князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, выше подписи самого царя¹⁾.

Мы не знаемъ, какими именно заслугами, въ такіе, относительно, молодые еще годы свои, но видимъ, что Вутурлинъ обратилъ на себя вниманіе государя въ первые же годы своей служебной, извѣстной намъ, дѣятельности его. Доказательствомъ—что, при сформированіи войскъ для втораго похода подъ Азовъ, Вутурлинъ, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ командиромъ 17-й гвардейской роты²⁾, и, судя по письму государя къ генералу Крєвту, 14-го іюня 1696 года, онъ уже командовалъ полкомъ въ отрядѣ Гордона³⁾.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ Вутурлина въ несчастной для насъ Нарвской битвѣ, гдѣ ему было суждено надолго сойти съ поприща служебной дѣятельности.

Къ Нарвѣ Вутурлинъ, уже генералъ, привелъ изъ Москвы, на подводахъ, отрядъ войскъ, состоявшій изъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и четырехъ пѣхотныхъ, всего въ числѣ 8,000 человекъ. При этомъ отрядѣ слѣдовалъ самъ государь⁴⁾.

На другой день послѣ Нарвской битвы, Вутурлинъ, вмѣстѣ съ прочими военачальниками, повѣривъ обѣщанію Карла XII — оставить свободу русскимъ войскамъ, сдался на капитуляцію, для заключенія которой Вутурлинъ былъ посланъ въ шведскій лагерь. Но, какъ извѣстно, Карлъ не сдержалъ своего обѣщанія, будто бы за то, что русскіе, вопреки условію, увезли свою казну, и отправилъ Вутурлина, вмѣстѣ съ другими генералами, всего въ числѣ десяти человекъ, плѣнниками въ Стокгольмъ.

Три года уже Вутурлинъ томился въ шведскомъ плѣну, но наконецъ не выдержалъ этой пытки и въ 1703 году, вмѣстѣ съ генераломъ Вейде и княземъ Трубецкимъ, бѣжалъ; но вскорѣ былъ пойманъ въ лѣсу, приведенъ въ Стокгольмъ, «зѣло обруганъ, безчещенъ градодержавцемъ» и заключенъ въ тюрьму, подъ ратушей, гдѣ всегда надо было сидѣть съ огнемъ и гдѣ было только одно от-

¹⁾ «Исторія царств. Петра Вел.», Устрялова. Т. II, приложение 2-е.

²⁾ Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. I, прим., стр. 259.

³⁾ Голиковъ, *Idem*, т. XIV, стр. 315.

⁴⁾ Голиковъ, *Idem*, т. XIV, стр. 18. Письмо Петра къ Ѳ. М. Апраксину, отъ 22-го августа 1700 г.

верстие вверху, через которое и подавали ему пищу. Въ этой тюрьмѣ Бутурлинъ томился два года и только въ 1705 году былъ перевезенъ въ какой-то дальній шведскій городъ. Но Петръ не забывалъ страдальца. Когда въ битвѣ подъ Калишемъ былъ взятъ въ плѣнъ шведскій генераль-маіоръ Мейерфельдъ, Петръ далъ ему свободу съ тѣмъ, чтобы вмѣсто него былъ освобожденъ Бутурлинъ, но шведы и тутъ обманули—Бутурлинъ не былъ освобожденъ. Когда же, послѣ Полтавской битвы, въ нашъ станъ прибылъ тотъ же генераль Мейерфельдъ, будто бы съ привѣтствіемъ отъ Карла XII, то онъ былъ задержанъ какъ плѣнникъ, по приказанію царя, за несдержаніе слова относительно освобожденія нашего генерала. Но когда Мейерфельдъ заявилъ, что онъ имѣетъ порученіе отъ своего короля—говорить о мирѣ, и когда далъ слово дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ стокгольмскомъ сенатѣ, то Петръ приказалъ его отпустить, но съ непрѣмнныимъ условіемъ освобожденія за него одного изъ нашихъ плѣнныхъ генераловъ. Тогда только, т. е. въ 1710 году, Бутурлинъ былъ освобожденъ изъ плѣна. Сомнѣваемся, чтобы Бутурлинъ участвовалъ въ несчастной прутской кампаніи, но видимъ, что въ 1711 году онъ командуетъ войсками, оберегавшими Украину отъ крымскихъ татаръ, и, какъ видно изъ письма его отъ 9-го іюля, собирался разбить ихъ, или, какъ онъ выразился въ этомъ письмѣ, «справить съ ними (татарами) ганаецъ». Но, на этотъ разъ, до битвы не дошло и Бутурлинъ до сентября стоялъ въ крѣпости Новобогородской, на р. Самарѣ, которую, по окончательному миру съ турками, надлежало уничтожить, вмѣстѣ съ Азовомъ, Таганрогомъ и другими, вновь возведенными, на южныхъ нашихъ рубежахъ, крѣпостцами.

Съ юга Россіи, въ 1712 году, Бутурлинъ передвинулся на сѣверъ и командовалъ войсками около Митавы, а въ 1713 году, когда Петръ, видя бездѣйствіе своихъ союзниковъ въ войнѣ со шведами, курфирста ганноверскаго и короля прусскаго, рѣшился самостоятельно дѣйствовать противъ шведовъ въ Финляндіи, то Бутурлинъ участвовалъ въ этой войнѣ, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адмирала графа Апраксина. Наши войска выступили на галерахъ, 26-го апрѣля, изъ Петербурга и въ началѣ мая высадились у Гельсингфорса, въ которомъ, послѣ занятія его безъ боя, Бутурлинъ и былъ оставленъ съ 3,000 человекъ, тогда какъ остальные войска двинулись въ глубь Финляндіи ¹⁾. Русское оружіе торжествовало. Або намъ досталось тоже безъ боя ²⁾. Послѣ того, 6-го октября, Бутурлинъ, уже въ чинѣ

¹⁾ Голицыновъ, *Idem*, т. V, стр. 167.

²⁾ Письмо Бутурлина, 12-го августа 1712 г.

генераль-лейтенанта, подъ главнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Голицына, участвовалъ въ нанесеніи пораженія шведамъ на р. Пелкунъ, причеиъ нашими войсками была совершена крайне отважная переправа, посредствомъ наскоро сколоченныхъ плотовъ, черезъ озеро, прикрывавшее укрѣпленную неприятельскую позицію, взятую нами послѣ упорнаго боя. Въ память этой битвы, Петръ выбилъ медаль, съ своимъ портретомъ ¹⁾. Но эту битвою кампанія не кончилась. Въ январѣ 1714 года, подъ начальствомъ того же князя М. М. Голицына, русскія войска, съ которыми былъ и Вутурлинь ²⁾, пошли къ г. Вазѣ и разбили подъ нею шведскаго генерала Армфельда, у д. Лапола ³⁾. Въ память этой битвы, Петромъ также выбита медаль, съ его портретомъ и надписью, на оборотѣ: «*Pugna ad Vasam*».

Въ мартѣ Вутурлинь перешелъ въ Або, гдѣ и простоялъ до іюля, въ ожиданіи прибытія государя, и только 6-го іюля сѣлъ на суда, чтобы плыть къ Оедору Апраксину, стоявшему верстахъ въ 20-ти отъ морскаго берега. Это усиленіе нашего галернаго флота войсками было предпринято въ намѣреніи атаковать шведскій флотъ. И дѣйствительно, 27-го іюля ⁴⁾, нашъ флотъ, подъ начальствомъ Апраксина, прошелъ ⁵⁾ подъ выстрѣлами шведскихъ кораблей, потерявъ одну галеру, ставшую на мель, и соединясь съ эскадрою, на которой былъ государь, того-же числа ⁶⁾, на голову разбилъ шведовъ, у Гангута (Гангута, какъ пишетъ Вутурлинь), причеиъ взять въ плѣнъ контръ-адмиралъ Ереншильдъ, шведскій фрегатъ, 6 галеръ, 3 шхербота, на нихъ 118 пушекъ, 17 офицеровъ и 913 нижнихъ чиновъ.

Этою первою морскою побѣдой нашею, имѣвшею послѣдствіемъ отступленіе остальнаго шведскаго флота и занятіе нами Аландскихъ острововъ, заключилась кампанія 1714 года, и 28-го ноября Вутурлинь возвратился въ Петербургъ, жалуюсь, въ письмѣ отъ 30-го ноября, на свои немощи, конечно, вызванныя тяжкими боевыми трудами предшествовавшихъ лѣтъ и настоящей кампаніи, а можетъ быть, особенно многолѣтними страданіями плѣна.

¹⁾ Голиковъ, *Idem*, т. V, стр. 184—185.

²⁾ Письмо Вутурлиня, 27-го января 1714 г.

³⁾ Вутурлинь пишетъ на другой день послѣ этой битвы, 20-го февраля, 1714 г. называя эту деревню Наюявуль.

⁴⁾ На то же число указываетъ Голиковъ (*Idem*, т. V, стр. 248—249), ссылаясь на журналъ Петра Великаго, реляцію 29-го іюля.

⁵⁾ Какъ описываетъ Вутурлинь въ письмѣ отъ 29-го іюля 1714 г.

⁶⁾ А не 23-го іюля, какъ говоритъ Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи съ древн. временъ».

Между тѣмъ, наши побѣдоносныя войска, съ вѣнценоснымъ своимъ сотоварищемъ, имѣли торжественное шествіе въ Петербургъ, 9-го сентября, причеиъ государь былъ пожалованъ, отъ князя кесаря, въ вице-адмирала, генералу Вейде данъ орденъ Андрея Первозваннаго, прочіе участники награждены медалями; что же касается до Бутурлина, не участвовавшаго въ этомъ вступленіи войскъ, то ми не видимъ его въ числѣ награжденныхъ. Не это ли обстоятельство было также одною изъ причинъ тѣхъ немощей, на которыя онъ жалуется, какъ выше значитса, въ своемъ письмѣ къ дочери ¹⁾. Впрочемъ въ эту войну Бутурлинъ былъ уже произведенъ въ генералъ-лейтенанта, и, вообще, исполученіе награды Бутурлинымъ, при этомъ случаѣ, не есть доказательство немилости къ нему государя, а только указываетъ на то обстоятельство, что въ эту войну Бутурлинъ не командовалъ самостоятельнымъ отрядомъ и не имѣлъ случая оказать какого либо особо выдающагося отличія; милость же царскую онъ сохранилъ къ себѣ — доказательствомъ, что въ концѣ того же года мы встрѣчаемъ его въ числѣ первыхъ лицъ на шутовской свадьбѣ князь-паны Зотова, съ барабаномъ, т. е. съ такимъ же инструментомъ и въ такомъ же костюмѣ, что и самъ государь, пировавшій на этой свадьбѣ.

1715-й годъ Бутурлинъ провелъ въ Петербургѣ и въ крейсертвѣ съ войскомъ на галерахъ къ Ревелю и Гансаю, для осмотра тамошней гавани, подъ начальствомъ самого государя. Въ томъ же году, вѣроятно, за труды похода, Петръ пожаловалъ Бутурлину 1,000 рублей, изъ рекрутскихъ денегъ. Затѣмъ, 11-го февраля 1716 года, Бутурлинъ былъ назначенъ командиромъ галерной эскадры, состоявшей изъ 45-ти галеръ, десантъ которой составляли Гвардейскій и Астраханскій полки, при чемъ онъ, какъ значитса въ письмѣ его отъ 15-го февраля, долженъ былъ выступить на галерахъ, изъ Травунда, въ мартѣ, такъ какъ Петръ лучшимъ средствомъ для окончанія Сѣверной войны признавалъ высадку, со своими союзниками, на шведскій берегъ. Для лучшаго и скорѣйшаго направленія этого дѣла, Петръ съ царицею и племянницею своею, Екатериною Ивановною, выѣхалъ за границу, 27-го января, и прибылъ къ главной квартирѣ Шереметева, въ Данцигъ, 18-го февраля. Предположеніе Бутурлина о выходѣ въ море въ половинѣ марта (12-го числа) не состоялось, скорѣе за неочищеніемъ порта отъ

¹⁾ Что были въ это время какия-то неудовольствія у Бутурлина, можно заключить изъ его письма, гдѣ онъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ «на прибавочную себѣ скорбь и печаль».

Извѣстія о занятіяхъ IV Археологическаго сѣзда въ Казани. Казань, 1877. 192 стр.

Казанскій археологическій сѣздъ имѣлъ свою похвальную особенность—это изданіе ежедневныхъ бюллетеней своихъ засѣданій, полное собраніе которыхъ представляетъ сборникъ, заглавіе котораго мы написали выше. Извѣстно, какую важность можетъ имѣть своевременное опубликованіе свѣдѣній о дѣятельности ученаго сѣзда, многіе вопросы котораго часто имѣютъ временный интересъ. Знакомство съ обсуждаемыми вопросами посредствомъ корреспонденцій въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ не всегда отличается и точностью, и необходимою полнотою. Всѣ подобныя неудобства значительно устраняются тѣмъ способомъ, какой былъ принятъ и такъ прекрасно выполненъ казанскимъ сѣздомъ, кажется, по примѣру сѣзда ориенталистовъ. Означенное изданіе даетъ возможность пользоваться сделанными сообщеніями, пока не появятся самыя труды IV сѣзда, которые, какъ можно судить по бывшимъ до сихъ поръ примѣрамъ (такъ труды петербургскаго сѣзда изданы только отчасти—вып. 1-й, а кievскаго вышли недавно), не всегда появляются своевременно. Извѣстія IV археологическаго сѣзда, кромѣ перечня засѣданій съ изложеніемъ ихъ занятій, сообщаютъ списки лицъ, принимавшихъ участіе въ сѣздѣ, указатель историческихъ достопримѣчательностей Казани прое. Шпилевскаго (это 2-е изданіе той же записки), каталогъ казанскихъ изданій и т. п.

Въ видѣ особаго приложенія къ «Извѣстіямъ» вышелъ «Указатель выставки при IV археологическомъ сѣздѣ» (94 стр.), въ который вошли древности первобытныя; памятники языка, письма и искусства; монеты и древности восточныя; предметы, относящіеся къ современной этнографіи.

Матеріалы для исторіи и статистики Орловской губерніи, собран. секретаремъ Орловск. губернскаго статистическаго комитета А. Пуларевымъ. Орелъ, 1877. 120+64, съ таблицами и чертежомъ города Орла, составленнымъ въ 1741 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія вашихъ провинціальныхъ статистическихъ комитетовъ и земствъ мало

извѣстны и съ трудомъ попадаютъ въ руки изслѣдователей, не говоря уже любителей отечественной старины. А между тѣмъ въ ряду ихъ можно указать не мало весьма цѣнныхъ и заслуживающихъ вниманія трудовъ. Таковы, напримѣръ, Воронежскіе петровскіе акты (Ворон. 1872), Воронежъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, г. Веселовскаго (1866), Обзоръ румянцевской описи Малороссіи (Вып. I—III, Черниговъ. 1866—1877 г.), Историческое описаніе земли войска Донскаго, помѣстнымъ матеріаламъ (т. I. 1869 г., II. 1872 г.), Географ. и статистич. словарь Пермской губерніи, составленный знатокомъ этого края Н. К. Чулымнымъ (т. I, 577 стр.), съ подробными библиографическими указаніями, Источники и пособія для изученія Пермскаго края, указатель книгъ и статей, относящихся къ послѣднему, Д. Смышляева (подобный указатель былъ помѣщенъ уже по 1859 г.—въ Пермскомъ сборникѣ)—послѣднія два изданія составляютъ приложенія къ Сборнику Пермскаго Земства, въ которомъ также встрѣчаются статьи по этнографіи края. Не перечисляемъ другихъ мѣстныхъ изданій подобнаго рода, имѣющихъ несомнѣнный научный интересъ, иногда неизвѣстныхъ даже по своимъ названіямъ и не помѣвшихъ вовсе въ указатели. Въ такомъ положеніи находится наша провинціальная печать; нѣкоторые статистическіе комитеты и земства—дѣлаютъ свое дѣло, но остаются въ тѣни; труды ихъ часто остаются заброшенными въ подвалахъ, а потому попадаютъ какъ библиографическая рѣдкость. Поэтому должно желать, чтобы наши центральныя вѣдомства обратили вниманіе на подобное положеніе мѣстной литературы, которая нѣрѣдко и возникаетъ благодаря ихъ же запросамъ и требованіямъ, а потомъ бываетъ обречена на безвѣстность. Такъ минист. внутр. дѣлъ могло бы учредить какой либо центральный складъ для подобныхъ изданій, печатать ихъ списки и выпускать въ продажу чрезъ своихъ комиссіонеровъ—книгопродавцевъ. Мы говоримъ это по собственному опыту. Многіе изъ извѣстныхъ книгопродавцевъ удивлялись даже заглавіямъ этихъ книгъ и добывать ихъ намъ приходилось послѣ долгой переписки или окольными путями.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ

ГЕНЕРАЛЬ-АНШЕФЪ.

род. 1661 † 1738 г.

Самарскій землевладѣлецъ Н. В. Потуловъ передалъ намъ 86 писемъ предка своего, по женской линіи, И. И. Бутурлина, къ женѣ и дочеря, писанныя въ періодъ времени съ 1711-го по 1719 годъ.

Печатая эти письма не потому только, что они принадлежатъ перу одного изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, каждая современная строка о которой драгоцѣнна для отечественнаго историка, но и потому, что письма эти прибавляютъ еще нѣсколько штриховъ къ картинѣ нравовъ и семейныхъ отношеній того времени, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о ихъ авторѣ.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей царствованія Петра Великаго и Екатерины I-й, происходилъ отъ древней и почетной русской фамиліи. Отецъ его былъ ближнимъ стольникомъ царскимъ, а дѣдъ, Андрей Васильевичъ Кривой, окольничимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Бутурлины ведутъ свой родъ отъ трансильванскаго выходца Ратши, вступившаго, въ 6743 году, въ службу Александра Ярославича Невскаго, съ дворомъ своимъ, состоявшимъ изъ 1,000 человекъ и шести храбрыхъ мужей, въ числѣ которыхъ былъ сынъ Ратши Якубъ и п... Гаврило.

одрящаяся въ нашихъ рукахъ родословная Бутурлиныхъ да до царствованія Елисаветы Петровны и писана полу-у... съ различными каллиграфическими украшеніями кино-в... золотомъ, на пергаменномъ свиткѣ, оправленномъ въ крас-в... зненный золотомъ сафьянъ, съ красными же шелковыми шнур-

льдовъ, тѣмъ за неуспѣшностью снаряженія войскъ къ походу и сбора ихъ, такъ какъ Петръ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаивалъ на возможно ранъшемъ выступленіи флота, чтобы предупредить выходъ въ море шведской эскадры. Бутурлинъ, какъ значится въ письмѣ его отъ 9-го апрѣля 1716 г., могъ выйти въ море изъ Либавы только 7-го апрѣля и, прійдя въ Мемель 8-го, не смотря на приказаніе идти къ Кенигсбергу, за льдами долженъ былъ остановиться и пришелъ къ этому городу только 18-го апрѣля, по дорогѣ захвативъ шведскій корабль съ жельзомъ, сукномъ и другими товарами ¹⁾. Эскадра Бутурлина была встрѣчена въ Кенигсбергѣ нарочно для того пріѣхавшимъ государемъ. Въ маѣ, услышавъ о прібытіи шведскихъ кораблей къ Копенгагену, государь приказалъ Бутурлину послѣдовать, съ эскадрой, къ городу Ростоку.

Между тѣмъ, Петръ вступилъ въ тѣсный союзъ съ герцогомъ мекленбургскимъ и лично условился съ королями датскимъ и прусскимъ сдѣлать высадку въ Шонію, при чемъ Бутурлинъ надѣялся (какъ пишетъ 12-го и 24-го іюля, изъ Копенгагена) въ августѣ начать то движеніе, и съ этою цѣлію эскадра, 29-го іюня, вышла въ море и 6-го іюля стала передъ Копенгагеномъ. Но, какъ извѣстно, вслѣдствіе нерѣшительности союзниковъ Петра, высадка въ Шонію не состоялась и наши войска, какъ бывшія на галерахъ, такъ и армія Шереметева, расположились въ княжествѣ Стрелицкомъ и въ Мекленбургіи, у города Ростока, куда Бутурлинъ пришелъ съ эскадрой около половины октября и гдѣ онъ занимался постройкою новыхъ галеръ.

Степень значенія Бутурлина въ глазахъ Петра и довѣренности къ нему монарха выразилась въ новомъ возложенномъ на него порученіи. 4-го декабря 1716 года, Бутурлинъ, по указу царскому, выѣхалъ изъ гор. Ростока и 5-го декабря пріѣхалъ въ Шверинъ, съ тѣмъ, чтобы сопровождать царицу Екатерину Алексѣевну въ Амстердамъ, куда, 6-го декабря, прібылъ государь, и куда на другой день прібыла его свита. Въ этой свитѣ Бутурлина не было ²⁾, такъ какъ онъ оставался съ царицею въ Везелѣ, гдѣ, 2-го января 1717 года, она и родила сына Павла, умершаго на другой же день.

Доказательствомъ нахождения Бутурлина при царицѣ—письмо его изъ Везеля, отъ 14-го января 1717 года, и послѣдующія ³⁾. Въ Ам-

¹⁾ Азанчевскій, «Исторія Преображенскаго полка», стр. 179. Москва 1859 г.

²⁾ Впрочемъ показанію С. М. Соловьева, «Ист. Россія съ др. врем.», вѣроятно, основанному на ошибочномъ показаніи Голякова *idem*, т. V, стр. 169.

³⁾ Письма Бутурлина 1717-го года, см. ниже.

стердамъ Бутурлинъ пріѣхалъ съ государыней только 4-го февраля ¹⁾ и затѣмъ, изъ Роттердама, уже въ свитѣ Петра, 24-го марта, отправился во Францію и 24-го апрѣля пріѣхалъ въ Парижъ. 29-го апрѣля Бутурлинъ находился при посѣщеніи французскимъ королемъ царя Петра и 30-го апрѣля — при отплатѣ визита государемъ, причемъ Бутурлинъ приходитъ въ восторгъ отъ красоты и ума, не по лѣтамъ, ребенка-короля. Петръ со свитою; 9-го іюня, выѣхалъ изъ Парижа и 17-го прибылъ въ Спа, для пользованія минеральными водами, откуда, 14-го іюля, выѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Ахенъ, гдѣ провелъ три дня. Изъ Мاستрихта Петръ отправился водою и прибылъ 22-го іюля въ Амстердамъ, гдѣ заключилъ съ Франціей и Пруссіей общій договоръ. Оттуда Петръ выѣхалъ въ Берлинъ, водою, только 22-го августа, но долго боролся съ противными вѣтрами, отчего лишь 31-го августа прибылъ, сухимъ путемъ, отъ Нимвегена, въ Везель. Отселе 1-го сентября отправился сухимъ же путемъ въ Берлинъ, куда и прибылъ 8-го сентября. Затѣмъ Бутурлинъ, въ свитѣ царя, выѣхалъ изъ Берлина 14-го сентября и прибылъ въ Данцигъ 18-го сентября, съ государемъ и государыней; 21-го выѣхалъ въ Мемель, откуда долженъ былъ ѣхать сухимъ путемъ въ Реваль и далѣе, водою, въ Петербургъ. Тутъ, Бутурлинъ, въ числѣ немногихъ, находился въ свитѣ царя, при торжественной ему сдѣланной встрѣчѣ у Кронштадта, княземъ Меншиковымъ, съ флотомъ, войскомъ и народомъ. Послѣ того, 13-го октября, въ Петербургѣ, Бутурлинъ удостоился чести быть при государѣ у обѣдни, въ Троицкомъ соборѣ, и потомъ на обѣдѣ у государя и при спускѣ вновь построеннаго корабля «Александръ Невскій», на которомъ былъ устроенъ вечерній пирь.

Въ слѣдующемъ за симъ году, когда происходилъ розыскъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, Бутурлинъ участвовалъ въ производствѣ этого дѣла и въ числѣ другихъ подписалъ смертный приговоръ царевичу и вслѣдъ затѣмъ, а именно 26-го іюня 1718 года, отъ 8-ми до 11-ти часовъ пополудни, присутствовалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими вельможами при томъ какъ Петръ лично учинилъ сыну застѣнокъ, послѣдствіемъ котораго, какъ извѣстно, была смерть царевича, послѣдовавшая того же числа, въ 6-мъ часу ²⁾.

¹⁾ А не 2-го февраля, какъ говоритъ Голицковъ, *Idem*, т. VI, стр. 196.

²⁾ Въ свое время ходило по рукамъ, въ многочисленныхъ спискахъ, письмо Александра Ивановича Руманцева *) къ Дмитрію Ивановичу Титову, отъ

*) Первымъ любимымъ денщикомъ Петра Великаго, въ послѣдствіи графъ и генералъ-аншефъ; онъ, какъ извѣстно, былъ употребленъ съ Толстымъ для кончины царевича за границу.

Въ дѣлѣ царевича былъ замѣнанъ князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ, гвардіи подполковникъ и командиръ Преображенскаго полка. По дѣлу этому Долгоруковъ лишенъ должности, чиновъ, орденъ и сосланъ въ свои казанскіи деревни, а командиромъ Преображенскаго полка былъ назначенъ Бутурлинъ.

Не легкая досталась служба Ивану Ивановичу съ этимъ назначеніемъ. Преображенскій полкъ, въ то время, былъ крайне разстроенъ продолжительными военными походами, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и во фрунтовомъ; полковой обозъ и вообще хозяйство было въ самомъ жалкомъ положеніи, а роты въ половинномъ составѣ. Три роты полка, стоявшаго въ Новгородѣ, были отправлены въ Петербургъ для содержанія карауловъ и множество нижнихъ чиновъ было уволено въ отпускъ. Полкомъ завѣдывалъ старшій изъ капитановъ, потому что всѣ штабъ-офицеры проживали въ Петербургѣ и Москвѣ, по слѣдственному дѣлу царевича, а многіе изъ оберъ-офицеровъ находились въ отпуску. Но Бутурлинъ дѣятельно занялся устройствомъ полка и къ маю привелъ его въ нѣкоторый порядокъ ¹⁾.

Въ томъ же 1718 году, Бутурлинъ, въ іюнѣ, пріѣхавъ съ полкомъ въ Петербургъ, находился, въ качествѣ ассесора, въ составѣ военнаго суда, учрежденнаго, подъ именемъ критсъ-рехта, подъ предѣлательствомъ генерала Вейде, надъ княземъ А. Д. Меншиковымъ, за разныя его злоупотребленія, а также надъ генералъ-адмираломъ Апраксинымъ и княземъ Яковомъ Федоровичемъ Долгоруковымъ, а равно надъ соучастниками ихъ, обвинявшимися въ разныхъ взяткахъ и другихъ злоупотребленіяхъ. Этимъ судомъ былъ оправданъ только

24-го іюля 1718 года, которое Устряловъ, приводящій его въ приложеніи (стр. 619) къ «Ист. царств. Петра Вел.» (т. VI), считаетъ подложнымъ, хотя имъ должны замѣтить, что подложности этой Устряловъ приводитъ весьма слабыя доказательства.

Въ этомъ письмѣ Румянцевъ, рассказывая процессъ царевича Алексія, говоритъ, что, по личному повелѣнію государя, царевичъ, послѣ pronесенія надъ нимъ смертнаго приговора, задушенъ подушками въ его темницѣ, имъ, Румянцевымъ, тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, лейб-гвардіи майоромъ Ушаковымъ и Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ.

Отсылая читателя къ этому разсказу и не возражая противъ его апокрифичности, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что по разсказу Румянцева, или точнѣе, — приписываемаго ему письма, царевича повалили на кровать, для преданія смерти, при словахъ Бутурлина: «Господи! улокой раба Твоего Алексія въ селеніи праведныхъ, презирая прегрѣшенія его, яко чловѣколюбца!»; а послѣ смерти царевича Бутурлинъ съ Толстымъ поѣхали къ царю съ доносеніемъ о его кончинѣ.

¹⁾ М. П. Азанчевскій, «Исторія Преображенскаго полка», Idem, стр. 194—196.

Долгоруковъ, а Меншиковъ и Апраксинъ приговорены къ лишенію чиновъ и отличій ¹⁾.

Не этотъ ли приговоръ кригсъ-рехта, въ которомъ участвовали и Бутурлинъ, былъ началомъ той ненависти къ нему Меншикова, которая имѣла такіа печальныя послѣдствія для Бутурлина?

Какъ назначеніе Бутурлина для участія въ дѣлахъ особой важности, не входившихъ въ кругъ его прямыхъ служебныхъ обязанностей, такъ и многія другія обстоятельства указываютъ на вниманіе къ нему государя. Такъ, напримѣръ, когда, въ томъ же 1718 году, умеръ князь-кесарь Ромодановскій и Петръ пожаловалъ на его мѣсто сына его Ивана Федоровича, то при вступленіи его въ Петербургъ сдѣлана была ему торжественная встрѣча, при пушечной пальбѣ и проч. При этомъ, новый князь-кесарь ѣхалъ въ каретѣ, на передней скамейкѣ которой сидѣли только двое: государь и И. И. Бутурлинъ. Затѣмъ, 3-го января 1719 года, государь удостоилъ Бутурлина своимъ посѣщеніемъ, вѣроятно, для поздравленія съ новымъ годомъ, и въ томъ же году, 19-го ноября, назначилъ его членомъ, вновь учрежденной тогда, военной коллегіи (оставивъ его, по прежнему, командиромъ Преображенскаго полка). Новую должность эту Бутурлинъ сохранилъ до 1722 года, когда вышелъ изъ нея, какъ надо думать, вслѣдствіе имѣвшихся у него неприяностей съ предсѣдателемъ коллегіи, фельдмаршаломъ Решнинымъ. Затѣмъ, въ томъ же году, Бутурлинъ находился при государѣ въ Петрозаводскѣ, на вновь открытыхъ тогда олонекскихъ минеральныхъ водахъ, и послѣ того ходилъ съ полкомъ, на судахъ, къ Аландскимъ островамъ и къ берегамъ Швеціи, подъ начальствомъ графа Апраксина, тогда какъ генералъ Яссинъ, съ другимъ нашимъ отрядомъ, опустошалъ окрестности Стокгольма. Эта рѣшительная мѣра была предпринята Петромъ съ тѣмъ, чтобы подвигнуть къ скорѣйшему рѣшенію переговоры о мирѣ, происходившіе въ конгрессѣ, на Аландскихъ островахъ, подкрѣпивъ силою оружія наши требованія,—мѣра, впрочемъ, не достигнувшая главной своей цѣли, такъ какъ аландскій конгрессъ, тянувшійся съ ноября 1717 года, въ этомъ году разбѣхался.

Между тѣмъ въ 1720 году противъ Петра стала формироваться коалиція между Швеціей, Даніей, Франціей, Пруссіей и Ганноверомъ, что вынудило Петра готовиться къ новой жесточайшей борьбѣ. Съ наступленіемъ весны 1720 года, начались въ войскахъ пригото-

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что, не задолго передъ этимъ, Меншиковъ, за наказаніе боготами секретаря синода Корнышева, былъ присужденъ просить у него прощеніе и дать ему удовлетвореніе, какое тотъ потребуетъ.

нія къ новому морскому походу противъ шведовъ, подъ начальствомъ князя Петра Михайловича Голицына. Извѣстно, что кампанія эта кончилась пораженіемъ шведскаго флота, 27-го іюля, при Гренгамѣ, гдѣ взято нами 104 непріятельскія пушки, 510 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 37 офицеровъ, и четыре фрегата. Надо полагать, что Бутурлинъ не принималъ участія въ этой битвѣ, иначе онъ не былъ бы забытъ при собственноручномъ росписаніи щедрыхъ наградъ за эту битву, сдѣланномъ самимъ Петромъ, причемъ, напримѣръ, всѣ офицеры, участвовавшіе въ битвѣ Преображенскаго полка, особенно отличившагося въ ней, какъ находившагося впереди атакующихъ, были награждены золотыми медалями на цѣпяхъ. Не былъ ли въ этомъ году Бутурлинъ специально занятъ работами особо учрежденной комисіи, которой онъ состоялъ членомъ, занимавшейся, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого государя, составленіемъ генеральной табели «о непремѣнномъ числѣ генералитету и всѣхъ вообще полковъ, о потребномъ для ихъ содержанія провіантѣ, раціонахъ и аммуниціи», т. е. составленіемъ штатовъ для войскъ, правильная организація которыхъ являлась очевидною необходимостью именно тогда, когда имѣлась въ виду рѣшительная борьба съ грозной коалиціей, — а потому и не могъ отлучиться изъ Петербурга, какъ и самъ государь. Къ сожалѣнію, имѣющіяся въ нашихъ рукахъ письма Бутурлина кончаются 1719 годомъ и мы не можемъ посредствомъ ихъ съ точностью опредѣлить мѣсто нахождения Бутурлина во время этой кампаніи, хотя самый перерывъ писемъ на 1719 году нѣкоторымъ образомъ показываетъ, что въ слѣдующемъ онъ жилъ въ Петербургѣ, съ семействомъ. Впрочемъ, мы знаемъ, что и послѣ гренгамской битвы Бутурлинъ продолжалъ командовать Преображенскимъ полкомъ и завѣдывать Семеновскимъ. Такъ, занимаясь постройкою галеръ въ Петербургѣ, въ маѣ 1721 года, онъ вдругъ получилъ указъ царя—быть со ввѣренными ему полками въ готовности къ выходу въ море, но вскорѣ заключеніе Нейштадтскаго мира съ Швеціей, 22-го октября 1721 года, положило предѣлъ изнурительной Сѣверной войнѣ, а съ тѣмъ и всякимъ военнымъ тревогамъ, давъ мѣсто мирнымъ торжествамъ и покою. Въ день празднованія названнаго мира въ Петербургѣ, при чемъ Петръ принималъ титулъ императора, государь, лично, въ сенатѣ, объявилъ щедрыя награды главнѣйшимъ сподвижникамъ своимъ въ этой многолѣтней, столь счастливо для Россіи оконченной борьбѣ, при чемъ Бутурлинъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и, вмѣстѣ съ другими генералами, получилъ золотую, нарочно по случаю этого торжества выбитую, медаль. Затѣмъ, когда Петръ пожелалъ, чтобы и

первопрестольная столица его сдѣлалась соучастницею въ торжествѣ давно желаннаго мира, а для того имѣлъ парадное вступленіе въ Москву, то Бутурлинъ шелъ въ строю, непосредственно за государемъ, рядомъ съ княземъ Мещниковымъ, другимъ подполковникомъ Преображенскаго полка, при чемъ за ними, впереди полка, несли 16 знаменъ.

Бутурлинъ, всю свою службу находясь при Петрѣ, командуя любимѣйшими его полками, пользуясь постояннымъ его расположеніемъ, довѣренностью и уваженіемъ ¹⁾, могъ ли не быть привязаннымъ всю душою къ этому великому государю и съ тѣмъ вмѣстѣ могъ ли не

¹⁾ Что Бугуринъ пользовался особеннымъ уваженіемъ Петра, доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ разсказомъ о смѣлости, съ какою Бугуринъ обращался съ Петромъ—разсказомъ, записаннымъ Голиковымъ (Idem. Анекдоты № 78, стр. 177 и далѣе) со словъ адмирала Нагаева и комиссара Крекшина.

По возвращеніи государя въ Москву изъ путешествія, дошли до него жалобы на взятіи судей. Когда государь сталъ выражать свой крайній гнѣвъ на эти безчиинства, Бугуринъ сказалъ ему:

— «Пока ты самъ не перестанешь брать взятки, не отучишь отъ нихъ и своихъ подданныхъ. Твой примѣръ дѣйствуетъ на ихъ сердца сильнѣе всякаго указа».

Государь еще болѣе прогнѣвался на такое дерзкое замѣчаніе и воскликнулъ:

— «Какъ ты осмѣлился сплестъ на меня такую ложь!»

— «Не ложь,—перебилъ его Бугуринъ,—а сущую правду». И тутъ же объяснилъ. Въ проѣздъ государя черезъ Тверь, Бугуринъ квартировалъ у тамошняго купца, бывшаго въ отлучкѣ,—въ домѣ оставалась только жена его съ дѣтьми. Въ этотъ день хозяйка праздновала свои именины и потому давала обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ гостей, былъ приглашенъ и Бугуринъ. Но лишь сѣли за столъ, пришелъ изъ магистрата городской староста и потребовалъ, чтобы хозяйка тотчасъ же представила 100 рублей, для поднесенія государю дѣянаго подарка, для собранія денегъ на приобрѣтеніе котораго была сдѣлана магистратомъ между горожанами разверстка. У хозяйки не было денегъ, а староста и слушать не хотѣлъ объ отсрочкѣ взноса, объявивъ, что ему безъ денегъ не велѣно уходить, и грозя въ случаѣ невзноса денегъ тотчасъ же немедленно арестовать хозяйку. Ни просьбы, ни слезы, ни предложеніе встать немедленно меньшую сумму, въ счетъ назначенной, не имѣли успѣха; староста былъ непреклоненъ, а купчихѣ негдѣ было взять денегъ, такъ какъ всѣ ея гости поспѣшили убраться по домамъ. Нечего было дѣлать, Бугуринъ скажился надъ бѣдной женщиной и внесъ за нее требуемую сумму. «Вотъ,—заключилъ Бугуринъ,—каковы добровольные-то, какъ увѣряютъ, подарки тебѣ! А ты, чаю, принимая ихъ, не представляешь таковыхъ печальныхъ слѣдствій? Такъ разсуди же: можно ли требовать отъ подданныхъ, чтобы они не брали взятки, когда они видятъ какъ самъ ихъ государь беретъ оныя!»

Петръ, поблагодаривъ Бугурина за разсказъ, при первомъ же случаѣ не привялъ поднесеннаго ему городомъ подарка и повелѣлъ возвратитъ другимъ городамъ дѣянные подарки, ему доселѣ поднесенные, воспретивъ дѣлать впредь таковыя поднесенія.

быть преданъ той, которую такъ долго и искренно любилъ этотъ государь,—императрицѣ Екатеринѣ? Что Бутурлинъ былъ къ Екатеринѣ ближе другихъ царедворцевъ—доказательствомъ, что онъ, а не кто другой, былъ оставленъ при ней Петромъ во время ея болѣзни, въ Везелѣ. Эта преданность Бутурлина Петру и супругѣ его сказала въ день смерти Петра Великаго.

Извѣстно, что восшествію на престолъ Екатерины I болѣе всего способствовало то, что гвардейскіе полки стали на ея сторону въ минуту приближавшейся кончины государя, когда между сенаторами и вельможами шелъ споръ: кого провозгласить государемъ Россіи, на мѣсто умиравшаго Петра?—а командиромъ гвардейскихъ полковъ былъ Бутурлинъ.

Изъ исторіи дня кончины Петра Великаго мы знаемъ, что въ самый рѣшительный моментъ борьбы партій, выразившейся въ спорахъ вельможъ у комнаты умирающаго государя: кѣмъ замѣнить его?—раздался громъ барабановъ, подъ окнами Зимняго дворца, приближавшихся къ нему двухъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго. Эти неожиданные звуки потрясли спорящихъ и президентъ военной коллегіи, князь Репнинъ, воскликнулъ:

— «Кто осмѣлился привести сюда солдатъ безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?»

— «Я,—отвѣчалъ ему Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ,—я велѣлъ придти имъ сюда, по волѣ императрицы, которой долженъ повиноваться каждый подданный, не исключая и тебя!»

Извѣстно, что это категорическое заявленіе Бутурлина, подкрѣпленное такою силою, какъ стоявшіе за нимъ, ему подначальные, полки, рѣшило дѣло 28-го января 1725 года, и Екатерина тутъ же была провозглашена императрицей и самодержицей Всероссійскою.

Такая услуга Бутурлина не могла быть забыта Екатериною. Но на долго ли? Въ началѣ новаго царствованія мы видимъ Бутурлина въ чести: при погребеніи императора Петра онъ несетъ за гробомъ корону имперіи всероссійской; по случаю бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ, 21-го мая 1725 года, Бутурлинъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго и, 30-го августа того же года—вновь учрежденнымъ въ тотъ день, орденомъ Александра Невскаго. Но затѣмъ, въ новоучрежденный, въ началѣ 1726 года, верховный тайный совѣтъ, составленный изъ шести сановниковъ, Бутурлинъ назначенъ не былъ. Вѣроятно, не дано этого важнаго назначенія Бутурлину,—имѣвшему нѣкоторое право на таковое, независимо отъ личныхъ заслугъ государынѣ, какъ одинъ изъ старѣйшихъ въ то время генераловъ,—

вслѣдствіе его недружелюбныхъ отношеній къ князю Меншикову, который съ первыхъ моментовъ царствованія Екатерины сталъ во главѣ правленія, или же не дано—потому, что онъ былъ уже старъ и недуженъ, и вообще болѣе годился къ военному, чѣмъ къ гражданскому дѣлу, которымъ онъ дѣйствительно, надо полагать, занимался не съ большою любовью, если вѣрить, напримѣръ, указанію подметнаго письма 1724 года ¹⁾, въ которомъ обвиняють Бутурлина въ томъ, что онъ, состоя членомъ Вышняго суда ²⁾, только тогда пріѣзжалъ въ засѣданіе, когда его позовутъ, и тамъ подписывалъ все, что ему подадутъ.

Впрочемъ, Бутурлину не долго уже было суждено пользоваться своимъ блистательнымъ положеніемъ при дворѣ. Во всемогущемъ тогда Меншиковѣ онъ имѣлъ, у престола, человѣка, непрощающаго и не забывающаго зла, ему сдѣланнаго,—вольнаго или невольнаго. Едва Меншиковъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи, какъ Бутурлинъ потерялъ свое мѣсто командира гвардейскихъ полковъ ³⁾.

Естественно, что враждебныя отношенія всемогущаго временщика побудили Бутурлина примкнуть къ партіи его враговъ: къ Петру Андреевичу Толстому, Девьеру и другимъ, ратовавшимъ противъ назначенія великаго князя Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола и противъ его супружества съ дочерью Меншикова. Быть можетъ также, что нежеланіе видѣть на престолѣ Петра Алексѣевича вызвалось у Бутурлина опасеніемъ, что онъ найдетъ въ этомъ государѣ мстителя за участіе въ осужденіи его погибшаго отца. Но какъ бы то ни было, а названная партія рѣшилась сдѣлать представленіе государынѣ о неудобствѣ предпринятаго ею намѣренія и хотѣла просить о назначеніи наслѣдницей престола одной изъ дочерей государыни, Анны Петровны или Елисаветы Петровны. Однако, пока мысль партіи Толстаго и Девьера успѣла осуществиться, Екатерина, 10-го апрѣля 1727 года, впала въ болѣзнь и 6-го мая скончалась.

Вскорѣ послѣ начала болѣзни государыни, Меншиковъ объявилъ, отъ имени императрицы, указъ, которымъ наряжалось слѣдствіе надъ генераль-лейтенантомъ Девьеромъ, обвинявшемся въ не-

¹⁾ Соловьевъ, «Ист. Россіи съ древ. вр.», т. XVIII, стр. 356.

²⁾ Судъ подъ этимъ наименованіемъ учрежденъ Петромъ въ 1723 году, по дѣлу Шафирова съ Скорняковымъ-Писаревымъ.

³⁾ Утрата этой должности была очень прискорбна Бутурлину и вооружила его противъ Меншикова. Бутурлинъ, негодуя на Меншикова, говорилъ: «Онъ что хочетъ—то и дѣлаетъ, и меня, мужика стараго, обидѣлъ, команду отдалъ мнѣ мнѣ младшему, къ тому-жъ и адъютанта отнялъ, и откуда онъ такую власть взялъ?» Соловьевъ. *Ibid.*, т. XIX, стр. 89.

приличномъ, 16-го апрѣля, поведеніи, во время тяжелой болѣзни государыни, во дворцѣ, и въ «великомъ возмущеніи», какъ выразилась, будто бы, сама императрица.

Подвергнутый пыткамъ, Девьеръ, послѣ 25-ти ударовъ, оговорилъ въ соучастіи съ собою: П. А. Толстаго, Ушакова, Григорія Скорнякова-Писарева, Александра Нарышкина, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова и Ивана Ивановича Бутурлина.

Результатомъ слѣдствія было, что 6-го мая того же года, въ день смерти Екатерины, состоялся указъ, по которому Девьеръ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь; прочія выше названныя лица подвергнуты ссылкѣ, лишенію чести или другимъ наказаніямъ, а И. И. Бутурлинъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ свои дальнія деревни.

Въ слѣдующее за симъ царствованіе, не смотря на то, что одинъ изъ товарищей Бутурлина по несчастію, князь Иванъ Долгоруковъ, сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ къ императору Петру II, участь Бутурлина не только не облегчена, но еще отягчилась, вѣроятно, отчасти вслѣдствіе его противоудѣйствія вступленію на престолъ Петра II или вслѣдствіе сбывшихся его опасеній относительно воспоминанія о нахожденіи его въ числѣ судей царевича Алексѣя и даже, можетъ быть, вслѣдствіе подозрѣнія, на него взведеннаго, въ прямомъ участіи въ самой смерти несчастнаго царевича.

Но какъ бы то ни было, а въ царствованіе Петра II у Бутурлина отобранны всѣ жалованныя ему Петромъ I деревни и онъ, послѣ того, жилъ, до самой смерти, въ наследственной своей деревнѣ Крутцы, нынѣ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, не возвративъ къ себѣ милости и императрицы Анны.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ умеръ на 77-мъ году жизни, 31-го декабря 1738 г., и погребенъ въ Александровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ города Александровска.

Вотъ все, что мы знаемъ объ Иванѣ Ивановичѣ Бутурлинѣ. Онъ не былъ великимъ человѣкомъ. Онъ не обладалъ ни гениемъ, ни особыми талантами; онъ былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ орудій въ рукахъ Великаго Строителя земли Русской.

Бутурлинъ, всю жизнь свою будучи точнымъ исполнителемъ велѣній Петра, былъ честнымъ человѣкомъ и въ то время, когда любимѣйшіе претенды государя, какъ Меншиковъ, Шафировъ, даже Апраксинъ, даже Яковъ Долгоруковъ, впадали въ различныя прегрѣшенія и поддавались искушеніямъ—одинъ Бутурлинъ, во все царствованіе Петра, никогда ни въ чемъ не измѣнилъ своему долгу и остался, въ полномъ

значеніи мысли поэта: «усерденъ, неподкупенъ, царю наперсникъ, а не рабъ!»

Вотъ заслуга И. И. Бутурлина, вотъ его право на посвященное ему воспоминаніе объ его посильной многолѣтней служебной дѣятельности, въ великую эпоху Петровскихъ преобразованій.

Послѣ И. И. Бутурлина остались сыновья: Николай, служившій маіоромъ, Аркадій, бывшій камергеромъ при Елисаветѣ Петровнѣ, Сергій ¹⁾ и дочь Анна, въ замужствѣ за Сергѣемъ Автомоновичемъ Головинымъ ²⁾. Въ настоящее время потомство Ивана Ивановича, по мужской линіи, угасло.

Село Крутцы, въ которомъ скончалъ жизнь свою И. И. Бутурлинъ, досталось бабкѣ Н. В. Потулова, Софѣ Владиміровнѣ (бывшей замужемъ за генералъ-маіоромъ Потуловымъ), правнукѣ Ивана Ивановича Бутурлина, а послѣ ея смерти, въ 1836 году, по раздѣльному акту между отцомъ Николая Владиміровича съ его сестрами и братьями, перешло къ теткѣ Николая Владиміровича, дѣвицѣ Антонинѣ Михайловнѣ Потуловой; по кончинѣ же ея, досталось брату ея, статскому совѣтнику Николаю Михайловичу Потулову, который кому-то продалъ это село.

Послѣ И. И. Бутурлина матери Н. В. Потулова достались письма Бутурлина къ его женѣ и дочери и фамильная святиня рода Бутурлиныхъ: крестъ съ мощами и образъ Божіей Матери, который хранится въ томъ семействѣ болѣе 500 лѣтъ.

Что образъ этотъ представляетъ собою замѣчательную древность, служить доказательствомъ, что за одинъ его ликъ, безъ ризы, старо-обрядцы давали матери Н. В. Потулова 10,000 р. ассигнаціями. Этотъ образъ въ родѣ Бутурлиныхъ всегда переходилъ къ младшему, вѣроятно, вслѣдствіе стариннаго русскаго обычая: оставлять младшаго сына неотдѣленнымъ—на хозяйствѣ отца. Такимъ образомъ шла передача этого образа до Владиміра Сергѣевича Бутурлина, у котораго не было сыновей, а потому образъ этотъ перешелъ къ младшей его дочери—Софѣ Владиміровнѣ, бабкѣ Н. В. Потулова; но въ родѣ Потуловыхъ онъ сталъ переходить къ старшему въ семействѣ. Такъ, имъ былъ благословленъ отецъ Николая Владиміровича,

¹⁾ Долгоруковъ въ «Рос. родословной книгѣ» показалъ у Бутурлина еще сына Юрія, въ родословной Бутурлиныхъ, имѣющейся въ нашихъ рукахъ, неозначеннаго.

²⁾ Отецъ котораго отчего-то названъ бездѣтнымъ въ статьѣ Языкова: «Головинъ», Энциклопедическій Лексиконъ, пзд. Плюшара.

при помолвкѣ на его матери, и имъ же благословенъ Николай Владиміровичъ, при его женитьбѣ.

Въ с. Крутцахъ находились портреты И. И. Бутурлина и его жены Марфы Тимофѣевны. Неизвѣстно, гдѣ теперь эти портреты, но копии съ нихъ хранятся у Н. В. Потулова.

П. В. Алабинъ.

10-го ноября 1875 г.—Самара:

Отъ редакціи. Помѣщая вслѣдъ за этой статьей восемьдесятъ шесть писемъ Ивана Ивановича Бутурлина, весьма обязательно сообщенныхъ—въ копии, тщательно снятой съ подлинниковъ,—П. В. Алабинымъ, долгомъ считаемъ замѣтить, что всѣ примѣчанія къ этимъ документамъ принадлежать также Петру Владиміровичу Алабину.

Ред.

Письма генералъ-аншефа И. И. Бутурлина

1711 г.

Отъ Самары (1) и отъ Ново-Богородскаго (2). 9-го дня іюня 1711 году.

Аннушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью; буди на тебѣ мое благословеніе. Письмо твое братъ твой мнѣ подалъ. Не печалься, дружокъ,—увидишься со мною, а я ѣду къ Каменному Затону (3) и скоро стану видѣться съ неприятелемъ, съ Крымскою ордою, и надобно мнѣ съ ними таецецъ справить (4). Только ты надѣйся: со мною увидишься. Писала ты ко мнѣ, чтобы ты пѣша ко мнѣ пошла—истинно тому вѣрю. Отецъ твой Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ.

1. По Прутскому договору: рѣки Самара и Орель (обѣ впадающія въ Днѣпръ съ лѣвой стороны и до впаденія текуція почти параллельно между собою) были назначены южною границею Россіи съ Турціей.

2. Ново-Богородскъ, на устьѣ р. Самары, такая же крѣпостца, какъ и Каменный Затонъ. Разореніе этого города было также однимъ изъ условій Прутскаго мира.

3. Каменный Затонъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, напротивъ Сѣчи Запорожской, одна изъ новосооруженныхъ Петромъ, на южной нашей границѣ, крѣпостей, котормя, по Прутскому миру съ Турціей, условлено было отдать туркамъ и съ пушками, одновременно съ возвращеніемъ туркамъ Азова.

4. Петръ указалъ генералу Бутурлину, вмѣстѣ съ гетманомъ Скоропадскимъ, слѣдовать, съ восемью полками, къ Каменному Затону и наблюдать за турками и татарами, въ видахъ прикрытія отъ нихъ Малороссіи; въ случаѣ же нападенія съ ихъ стороны, обороняться до крайности. (Голлицовъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. IV, стр. 220—236). На этотъ разъ до битвы съ турками не дошло.

Отъ Дѣвѣра и отъ Воронова перебору (1). 24-го дня іюня 1711 году.

Дружокъ мой Анютушка, здравствуй съ матерью на вѣки. Отпустилъ я брата твоего за болѣзнью; а я, слава Богу, ей, здоровъ, хотя бы у матери и у васъ у вѣхъ столько было здоровья. Да слышалъ я, что ты немогла. И ты, дружокъ, вѣдай, что я тебя люблю и жалѣю. А я въ непрестанныхъ суетахъ и трудахъ живу. Писалъ я къ тебѣ много, сего іюня дня 9-го, да проклятые конюхи наши потеряли. Будь здорова и буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ отецъ твой И. И. Б. (2).

1. Перебору, вѣроятно, отъ слова перебираться, т. е. переходу, броду.

2. Для сокращенія, мы впредь будемъ ставить только заглавныя буквы подписи.

Отъ Ново-Богородскаго. 3-го дня августа 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, буди мое благословеніе на тебѣ. Здравствуй, свѣтъ, съ матерью и съ братцами, навѣки; а я, слава Богу, живъ и, ей, здоровъ; истину пишу, только съ великой суеты худъ и большую половину съ сердца. Только, слава Богу, кажется, все у меня исправно и солдаты голоду не терпятъ, хотя въ неволю хлѣбъ берутъ, и для того съ княземъ Дмитріемъ Голлицынымъ (1) въ ссорѣ, только на то не смотрю.

Ожидай меня, дружокъ, въ сентябрѣ, для того, что государь съ турецкимъ салтаномъ изволилъ помириться вѣчными миромъ. При семъ будь здорова со мною и съ матерью. Отецъ твой Иванъ Ивановичъ.

А. Бабинъ (2) ни къ чему не годенъ: пьяница и дуракъ, и ни въ какой чинъ отнюдь не хочетъ, только жить бы такъ.

1. Ближній столѣникъ, первый кievскій губернаторъ, которому въ команду отданы были всѣ войска, охранявшія южныя наши предѣлы отъ татаръ и запорожцевъ.

2. Въ азовскомъ походѣ 1696 года войска были раздѣлены на 29 ротъ, изъ которыхъ 28-ю командовалъ капитанъ Опочининъ и у него въ ротѣ поручикомъ былъ Дмитрій Бабинъ—не про него ли рѣчь?

Отъ Ново-Богородскаго, изъ обозу. Августа дня 14-го 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью. Буди мое благословеніе на тебѣ. А о мнѣ вѣдай, что я, милостію Божіею, здоровъ. Подано мнѣ отъ тебя письмо прошедшаго іюля дня 7-го, да сего августа дня 3-го—два письма. Спасибо, что не лѣнишься, пишешь. Да писала мнѣ, что ты съ женихомъ своимъ, съ молодымъ Андреемъ (1), предъ тѣмъ пила медъ про мое здоровье, и то добро, только, пожалуй, свадьбою уедли до моего приѣзда и жениху о томъ скажи, а я надѣюсь, дружокъ, быть къ вамъ въ сентябрѣ.

По семь будь здорова, а я писалъ къ государю и послалъ поручика и надѣюсь скоро къ себѣ отповѣди: гдѣ мнѣ быть? Писалъ я къ матери объ Елагинѣ Навадарацкомъ (2), и ты ни съ кѣмъ не говори и братьямъ за кажи. Писалъ я, отецъ твой И. И. Б.

Съ боку приписка, тою же рукою: «Здравствуй, Анютушка, въ день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы».

1. Супружество съ этимъ женихомъ, какъ видно, не состоялось, такъ какъ Анна Ивановна Бутурлина была замужемъ за Сергѣемъ Автомоновичемъ Головиннымъ.

2. Не Новгородскомъ ли? и не тотъ ли это морской офицеръ Елагинъ, что былъ преданъ царемъ военному суду за грабежъ?

Отъ Ново-Богородскаго, изъ обозу. Августа 16-го дня 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью на многія лѣта.

А о мнѣ вѣдай, что я еще живъ и, Божією милостію, здоровъ,—ей, то правда.

Ежечасно жду отъ государя указу: гдѣ мнѣ велеть быть? а больше надѣюсь, что, полки поставя по зимнимъ становищамъ, мнѣ велеть ѣхать къ Москвѣ.

Буди мое благословеніе къ тебѣ. Отецъ твой И. И. Б.

Отъ Ново-Богородскаго. Сентября 8-го дня 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй, съ матерью, о Христѣ, на многія лѣта. А я, милостію Божією, еще живъ. Я былъ боленъ десять дней, а нынче, слава Богу, здоровъ. Чаю, на сей недѣлѣ перейду къ новымъ Санъ-Жарамъ (?), къ рѣкѣ Ворсклѣ. И вы ожидайте отъ меня вскорѣ указу: либо къ вамъ буду или къ себѣ возьму васъ. Отецъ твой И. И. Б.

Изъ Ново-Богородскаго. Сентября 23-го дня 1711 года.

Анютушка дружокъ, здравствуй съ матерью на многія лѣта, о Христѣ. А я еще живъ и, слава Богу, здоровъ. Концъ сего мѣсяца я пойду къ новымъ Санъ-Жарамъ, къ рѣкѣ Ворсклѣ, и къ вамъ пришло нарочнаго челоуѣка, съ вѣдомостію. Буди мое благословеніе на тебѣ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ, тою же рукою, адресъ въ три строки: «Женѣ моеи Марѣ Тимоѣевнѣ Бутурлиной (1) на Москвѣ».

1. Рожденная Савелова.

Изъ Гадяча. Ноября 21-го дня 1711 года

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй. Буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова въ сей день Введенія Пресвятыя Богородицы, — со мною, и съ матерью, и съ братцами. Да поклонися отъ меня теткѣ своей, а моею не-вѣсткѣ, государынѣ моею Акулинѣ Петровнѣ (1). Писалъ отецъ твой И. И. Б.

1. Жена Димитрія Ивановича Бутурлина, двоюроднаго брата Ивана Ивановича.

1713 г.

Отъ Гельсингфорса, изъ обозу. Августа въ 12-й день 1713 года.

Анна (Ангъйна), будь здорова съ матерью и съ братцами навѣки. А я, Божіею милостию, здоровъ. Подано мнѣ твое письмо сего мѣсяца въ 9-й день, которое писано іюля въ 6-й день.

И впредь ко мнѣ пиши про матерно здоровье и про свое. А я надѣюсь съ вами видѣться, сего года, въ декабрѣ. Буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

А что къ вамъ въ семь мѣсяцѣ не писалъ: былъ въ походѣ и не дошелъ до Або девяти миль, а походу было 12 миль и полъ. Только неприятель, не давъ бою, бѣжалъ (1).

На оборотъ, тѣмъ же почеркомъ, въ четыре строки: «Отдать ихъ милости, на дворѣ Ивана Бутурлина».

Другимъ почеркомъ: «Подана сентября въ 1-й день, отъ Ивана Алексѣевича Мусина» (2).

1. Не успѣвъ склонить ни курфистра ганноверскаго, ни короля прусскаго къ немедленному дѣйствию противъ шведовъ, Петръ вознамѣрился нанести имъ рѣшительный ударъ со стороны Финляндіи, и для того самъ пошелъ съ флотомъ и высадилъ, въ началѣ мая, у Гельсингфорса свои войска, которымъ безъ боя сдался главный городъ Финляндіи—Або.

2. Графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, одинъ изъ тѣхъ 23-хъ бояръ, что были при Петрѣ Великомъ послѣдними носившими это званіе.

1714 г.

Изъ двора Люстель (?) полковника и Невсклюидъ (?). 1714 года января въ 19-й день.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью и съ братцами. Два письма твои мнѣ поданы, которыя писаны прошлаго ноября въ 7-е и 19-е числа. Спасибо тебѣ, что ты ко мнѣ умно и чинно пишешь, какъ достоятъ къ отцу писать. Для чего ты, сучка, ко мнѣ о матернои болѣзни не отписала? Молися Богу, чтобы я скорѣе васъ уви-

дѣлъ: напытаешь ты у меня дѣла. Доложась матери, поими письма Гаврила Головкина (1), которое онъ ко мнѣ писалъ, указомъ государевымъ, что мнѣ быть на Украйнѣ съ полками. А ты мнѣ сказывала прошлаго году у Ругодева (2).

(Приписка между строкъ: что ты его—не знаю гдѣ—видѣла).

И буде сыщешь, отдай матери, чтобы его прислала ко мнѣ.

Буди въ сохраненіи Божиємъ и въ моемъ благословеніи. Отець твой И. И.

На оборотѣ, другимъ почеркомъ: «1714 г. февраля въ 3-й день подаю отъ Мусина».

1. Гаврила Ивановичъ Головкинъ—первый графъ Россійской имперіи, государственный канцлеръ Петра Великаго, сопровождавшій его во всѣхъ походахъ и заграничныхъ путешествіяхъ.

2. Городъ Нарва.

Изъ Дво. Люстель полковника Инскюрдъ. 1714 января въ 27-й день.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью и съ братьями. Сего числа пошли мы къ Вазѣ-городку и князь Михайлъ (1), и я, и генераль-майоръ Чернышевъ (2), а идти намъ въ даль земли 28 миль. А Брюсъ, генераль-поручикъ (3), пошелъ въ Або.

Отпиши ко мнѣ живы-ль Алинны дѣти и каковы велики?

Да будетъ наша ты Гаврила Головкина письмо—пришли ко мнѣ (4).

Буди мое благословеніе на тебѣ ныне и впредь. Отець твой И. И.

Приписка, другимъ почеркомъ: «Подана отъ Ивана Алексѣевича февраля въ 11-й день».

1. Князь Михайлъ Михайловичъ Голицынъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ. Въ это время командовалъ нашими войсками въ Финляндіи.

2. Григорій Петровичъ, въ послѣдствіи графъ и генераль-аншефъ.

3. Яковъ Виллимовичъ, въ послѣдствіи генераль-фельдмаршалъ.

4. По видимому, Бутурлина очень интересуется письмомъ Гаврила Головкина, упоминаемое въ предыдущемъ письмѣ. Не вышло ли какого недоразумѣнія, по возвращеніи Бутурлина изъ плѣна, при чемъ онъ явился въ южную армию, когда онъ назначался къ полкамъ, стоявшимъ на сѣверѣ. Бутурлинъ выражаетъ въ письмѣ отъ 27-го марта 1714 г., изъ Або, радость при отысканіи этого письма.

Изъ Финской деревни Венкиляпуль, изъ Попова двора.

Гексюсь 1714 г. февраля въ 20-й день

Аннушка, будь здорова о Христѣ и въ моемъ благословеніи, съ матерью и съ братьями. А я, Божією милостію, еще живъ. Вчерашняго числа у Финской деревни Наповявула (1) съ шведами былъ бой до города Вазы, за сорокъ пять верстъ русскихъ. И, милостію Божією, у нихъ многихъ побили и въ полонъ побрали, а достальныхъ обратили въ бѣгство (2). Пиши ко мнѣ,

будеть есть съ кѣмъ отсылать письма, чаще, а коли не съ кѣмъ—быть такъ. По семь буди мое благословеніе на тебѣ. Отець твой И. И.

Ниже приписка, другимъ почеркомъ: «1714 года въ 23-й день. Подано отъ Мусина».

1. Мѣсто этой битвы Голиковъ называетъ д. Лапола («Дѣянія Петра Вел.», т. V, стр. 218), близъ гор. Вазы. Князь Голицынъ разбилъ, при этой деревнѣ, 19-го февраля, шведскаго генерала Аршфельда.

2. По реляціи 3-го марта объ этой побѣдѣ: изъ 8,000 бывшихъ въ бою шведовъ убито 5,153 человекъ и взято въ плѣнъ 534 челов., въ томъ числѣ 24 штабъ и оберъ-офицеровъ, гаубица, 7 пушекъ и 20 знаменъ и штандартовъ.

Изъ Або. Марта 27-го дня 1714 года.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью и братцами. Повторяю тебѣ отъ меня спасибо, что ты сыскала и прислала Гаврила Головкина письмо. Въ навечеріе будь здорова съ свѣтлымъ и живоноснымъ Христовымъ воскресеніемъ, съ матерью, съ братцами и со мною. А я въ великой моей скудѣ и хотѣ не въ великихъ суетахъ живу. Какъ Богъ изволитъ впредь. По семь буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Писалъ отецъ твой И. И.

Внизу приписка, другою рукою: «1714 году апрѣля въ 24-й день подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 года апрѣля въ 1-й день.

[На лоскутѣхъ бумаги]. Аннушка, будь здорова съ матерью и съ братьями. Буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Утѣшай мать и сама не печалься. Пишите ко мнѣ, чтобъ я про васъ вѣдалъ изъ писемъ вашихъ. По семь, миленькая, будь здорова. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

На оборотѣ помятка, другимъ почеркомъ: «1714 года апрѣля въ 24-й день. Подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 года апрѣля въ 15-й день.

Аннушка, будь здорова и благословеніе мое на тебѣ буди. Отпиши ко мнѣ ми чего ты ко мнѣ не писала, а я чаю, что ты больна. Утѣшай мать и сама не печалься. Будеть живъ буду, надѣюся конечно видѣть васъ сего года сентября въ послѣднемъ числѣ. А по старому счисленію 7223 году. Стану проситься прилежно.

При семь Божія милость буди съ тобою и мое благословеніе. Отець твой И. И.

Внизу другимъ почеркомъ: «1714 году мая въ 3-й день подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 апрѣля въ 21-й день.

Аннушка сердитая, будь здорова и будь на тебѣ милость Божія и мое благословеніе вовѣки. Спасибо, что писала ко мнѣ, которое письмо подано мнѣ сего апрѣля въ 19-й день, а писано марта въ 27-й день. А что ты писала черезъ великую мочь отъ печали своей и тому я причина, что писалъ къ матери о твоёмъ замужествѣ. Ты же писала, что будто мнѣ негодна: вѣрь мнѣ, что, ей, годна. А мнѣ таково весело, что въ кое время чють ли не радъ ли смерти. По семъ, миленькая, здравствуй съ матерью и съ братомъ. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

И сего числа годъ какъ съ вами разстался.

Внизу другимъ почеркомъ: «1714 года мая въ 10-й день подавъ челоуѣкъ Петра Тимоѣевича Савелова (1) Путишовъ».

1. Этотъ Савеловъ—вѣроятно, братъ жены Бутурлина—былъ адъютантомъ фельдмаршала Шереметева во время нашествія Карла XII на Россію, гдѣ отличался при с. Родишевѣ, въ 1709 году, а уже подъ приговоромъ царевича Алексѣя подписался полковникомъ; въ послѣднее время онъ былъ бригадиромъ и служилъ въ дворцовомъ приказѣ.

1714 г. мая въ 20-й день.

Аннушка, будь здорова, съ матерью; буди мое благословеніе на тебѣ. О мнѣ, миленькая, вѣдай, что я еще живъ, Божією милостію. Писемъ отъ васъ ко мнѣ давно нѣтъ, послѣднее подано мнѣ, которое писано марта въ 27-й день и противъ того я отписалъ апрѣля въ 21-й день. А я въ здоровьѣ моемъ худъ сталъ и что далѣ—то хуже. Какъ государь къ намъ пріѣдетъ, чаю, поплывемъ судами подъ городъ финской или шведскій. При семъ, миленькая, буди на тебѣ милость всѣхъ Творца Бога и мое благословеніе. Отецъ твой И. И.

Писалъ въ день съ великимъ трудомъ: рябить въ глазахъ и застигаетъ. Можно тебѣ по письму знать: такъ ли я прежде сего писывалъ?

На оборотѣ помята, другою рукою: «1714 году іюня въ 26-й день подано отъ Голицына».

Изъ Або. 1714 г. іюня въ 12-й день.

Аннушка миленькая, будь здорова, съ матерью и съ братомъ, и буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. А я, Божією милостію, еще живъ. О житѣ я своемъ писать не знаю какъ; увѣдавъ—писать въ іюль стану. При семъ паки буди милость Божія на тебѣ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ, почеркомъ: «1714 года іюля въ 10-й день принято отъ Голицына».

Сообщ. П. В. Алабинъ.

(О кончаніе слѣдуетъ).

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1761 ГОДУ.

Переводъ съ французской рукописи Лафермиера, хранящейся въ библиотекѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича въ городѣ Павловскѣ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 года, томъ XXI, стр. 325—346, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, напечатанъ довольно важный намятникъ по отношенію къ исторіи первой половины XVIII-го вѣка, именно: примѣчанія одного лица—какъ есть основаніе полагать, историографа Герарда Миллера—на письма леди Рондо о Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны, переводъ нѣмецкой рукописи, принадлежащей Павловской дворцовой библиотекѣ Его Высочества. Въ той же библиотекѣ находится, между многими другими историческими матеріалами, замѣтки на французскомъ языкѣ о Русскомъ дворѣ и русской политикѣ въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Намъ неизвѣстно, кому принадлежатъ эти замѣтки, но писаны онѣ рукою Лафермиера, бывшаго въ послѣдствіи, въ 1770—1780-хъ годахъ, секретаремъ великаго князя Павла Петровича, и хотя онѣ передаютъ событія и характеристики, уже извѣстныя изъ многихъ иныхъ обнаруженныхъ документовъ, какъ-то изъ депешъ иностранныхъ при Русскомъ дворѣ пословъ, изъ отдѣльныхъ монографій, мемуаровъ и цѣлыхъ историческихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе, какъ замѣтки очевидца-современника, не могутъ не быть интересны, и должны быть сохранены на страницахъ историческаго изданія, посвященнаго изученію преимущественно новѣйшей отечественной исторіи. Въ этихъ видахъ, замѣтки о Русскомъ дворѣ 1761 года, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича,

помѣщаются нынѣ въ «Русской Старинѣ». Читатели нашего изданія припомнятъ при этомъ случаѣ, что дворцовая библіотека въ г. Павловскѣ сохранила такимъ образомъ довольно много вполне драгоцѣнныхъ памятниковъ для отечественной исторіи XVIII вѣка, которые послѣдовательно и явились въ «Русской Старинѣ»—изъ нихъ особенно замѣчательны Записки Манштейна (при «Русской Старинѣ» изд. 1875 г.).

Ред.

I.

Императрица Елисавета Петровна.

Деятнадцатилѣтнее царствованіе этой государыни ¹⁾ дало всей Европѣ возможность ознакомиться съ ея характеромъ. Въ ней привыкли видѣть государыню, исполненную доброты и гуманности, великодушную, либеральную и щедрую, но легкомысленную, беспечную, питающую отвращеніе къ дѣламъ, любящую сверхъ всего удовольствія и развлеченія, вѣрную своѣмъ вкусамъ и привычкамъ, чѣмъ страстямъ и дружбѣ, до крайности довѣрчивую и всегда находящуюся подъ чѣмъ нибудь вліяніемъ.

Все это и теперь еще вѣрно до нѣкоторой степени, но года и разстроенное здоровье, произведя постепенныя измѣненія въ ея организмѣ, отразились также и на ея нравственномъ состояніи.

Такъ, напримѣръ, любовь къ удовольствіямъ и шумнымъ празднествамъ уступила въ ней мѣсто расположенію къ тишинѣ и даже уединенію, но не къ труду. Къ этому послѣднему императрица Елисавета Петровна чувствуетъ большее нежели когда либо отвращеніе. Для нея ненавистно всякое напоминаніе о дѣлахъ, и приближеннымъ нерѣдко случается выжидать по полугоду удобной минуты, чтобы склонить ее подписать указъ или письмо.

Въ теченіе настоящей длинной зимы (1760—1761 гг.), императрица всего только разъ показывалась въ публикѣ (въ праздникъ св. Андрея), а съ тѣхъ поръ по самую Пасху (греческаго стилиа и по 15-е апрѣля нашего) она не выходила изъ своихъ покоевъ, буда запиралась совершенно одна въ частыхъ принадлежкахъ меланхоліи или гдѣ забавлялась съ дѣтьми и маленькими валмыцкими дѣ-

¹⁾ Писано въ маѣ мѣсяцѣ 1761 года.

вочками ¹⁾. Принимая же у себя общество, она выносила присутствіе только самаго ограниченнаго числа придворныхъ ²⁾.

Кромѣ истерическихъ припадковъ, симптомовъ потери (крови), совершающейся у нея постепенно, и другой мѣстной болѣзни, императрица Елисавета въ теченіе всей настоящей зимы страдала еще отъ раны на ногѣ, но ни за что не хотѣла ни лечиться, ни слѣдовать какому бы то ни было режиму. Она ни съ кѣмъ не желаетъ совѣтоваться, кромѣ одного лекаря по имени Фуасавье (?), но онъ не иное что какъ цирюльникъ и ниже всякой посредственности.

Въ этомъ состояніи она еще сохраняетъ страсть къ нарядамъ и съ каждымъ днемъ становится въ отношеніи ихъ все требовательнѣе и прихотливѣе. Нивогда женщина не примирялась труднѣе съ потерей молодости и красоты. Нерѣдко, потративъ много времени на туалетъ, она начинаетъ сердиться на зеркало, приказываетъ снова снять съ себя головной и другіе уборы, отмѣняетъ предстоявшее театральное зрѣлище или ужинъ, и запирается у себя, гдѣ отъзывается кого бы то ни было видѣть.

Въ общество она является не иначе какъ въ придворномъ костюмѣ изъ рѣдкой и дорогой ткани самаго нѣжнаго цвѣта, иногда бѣлой съ серебромъ. Голова ея всегда обременена бриллиантами, а волосы обыкновенно зачесаны назадъ и собраны на верху, гдѣ связаны розовой лентой съ длинными, развѣвающимися концами. Она, вѣроятно, придаетъ этому головному убору значеніе діадемы, потому что присвоиваетъ себѣ исключительное право его носить. Ни одна другая женщина въ имперіи не смѣетъ причисляться такъ, какъ она.

¹⁾ Различныя черты этого характера и другихъ, съ какими намъ придется имѣть дѣло, заставляютъ насъ прибѣгать къ подробностямъ, которыя на первый взглядъ могутъ показаться мелочными. Примѣч. автора.

²⁾ Ее успѣшно развлекаетъ и забавляетъ одинъ теноръ изъ ея хора, буффонъ и мимикъ, по имени Компани. Онъ имѣетъ свободный къ ней доступъ и даже допускается къ ея столу во время маленькихъ, интимныхъ ужиновъ, что даетъ ему извѣстнаго рода положеніе. Графъ Эстергазъ и часто съ нимъ видѣлся и приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Личность эта дѣйствительно забавна, вовсе не глупа и была ему не бесполезна. Примѣч. автора.

Удовольствія стола наполняли прежде значительную часть ея времени. Съ цѣлью внести въ нихъ по возможности болѣе свободы и безцеремонности, она часто заставляла давать себѣ ужины придворныхъ и посланниковъ, къ которымъ нерѣдко даже являлась неожиданно. Ужины эти, всегда продолжительные и веселые, обыкновенно оканчивались импровизированнымъ баломъ. Теперь обо всемъ этомъ нѣтъ болѣе и рѣчи. Императрица, правда, никогда не обѣдаетъ одна, но весьма рѣдко не у себя дома. Ужины ея становятся все короче и скучнѣе. Она за ними ничего не пьетъ, кромѣ воды или, вѣрнѣе, квасу ¹⁾ и венгерскаго вина, но видъ стола сильно возбуждаетъ въ себѣ кровь сластями и ликерами.

Особенно печально проводить государыня Великій постъ. Она не терпитъ рыбы, но не смѣетъ ѣсть не только мяса, но и яицъ, масла и молока: все это одинаково воспрещается суровыми правилами этого поста. Благочестіе послѣдователей греческаго вѣроисповѣданія главнымъ образомъ заключается въ строгомъ держаніи постовъ, и императрица Елисавета, которая съ каждымъ днемъ становится все набожнѣе, предпочитаетъ (скорѣе) разстраивать себѣ здоровье, чѣмъ подавать подданнымъ примѣръ нарушенія поста. Примѣру же своего воздержанія она требуетъ, чтобы всѣ слѣдовали. Никто при ея дворѣ, ни первый министръ, ни даже самый фаворитъ, не осмѣливаются нарушать постъ иначе, какъ самымъ секретнымъ образомъ.

Но, ни эта крайняя точность въ исполненіи обрядовъ, ни суевѣрное (?) поклоненіе святымъ и иконамъ, ни страсть къ построенію церквей и монастырей ²⁾, что все составляетъ отличительныя черты греческой набожности,—нисколько не препят-

¹⁾ Квасъ—это приведенное въ броженіе тѣсто, разведенное водою, что составляетъ весьма прохладительный напитокъ. Примѣч. автора.

²⁾ Императрица воздвигла много громадныхъ зданій въ этомъ родѣ. Въ бытность мою въ Петербургѣ, она вспомнила, что св. Іоаннъ Дамаскнъ, одинъ изъ всѣхъ святыхъ греческаго календаря, не имѣетъ въ имперіи церкви, и немедленно ассигновала на постройку ея 100 тысячъ рублей, поручивъ наблюденіе за этимъ дѣломъ графу Чернышеву, единственно по той причинѣ, что онъ носилъ имя вышеупомянутаго святаго. Примѣч. автора.

ствують наслаждаться жизнью. Эти подвиги, напротивъ, какъ бы служатъ противодѣйствию грѣху и содѣйствуютъ тому, чтобы поддерживать душу въ равновѣсїи между добромъ и зломъ. Таково ученіе монаховъ и поповъ, и императрица Елисавета съ нимъ сообразуется

Обстоятельства, столь сильно разстроившія здоровье императрицы Елисаветы Петровны, имѣли также большое вліяніе и на ея нравъ. Свезовъ всю ея доброту и гуманность, доведенную до крайности безразсуднымъ (?!) объѣтомъ ¹⁾, въ ней нерѣдко просвѣчиваютъ гордость, высокомеріе, иногда даже жестокость, но болѣе всего—подозрительность. Въ высшей степени ревнивая къ своему величію и верховной власти, она легко пугается всего, что можетъ ей угрожать уменьшеніемъ или раздѣломъ этой власти. Она не разъ выказывала по этому случаю чрезмѣрную щекотливость ²⁾. За то императрица Елисавета вполнѣ владѣетъ искусствомъ притворяться. Тайные изгибы ея сердца часто остаются недоступными даже для самыхъ старыхъ и опытныхъ придворныхъ, съ которыми она никогда не бываетъ такъ милостива, какъ въ минуту, когда рѣшаетъ ихъ опалу. Она ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ управлять собою одному какому либо лицу, министру или фавориту, но всегда показываетъ, будто дѣлитъ между ними свои милости и свое мнимое довѣріе.

¹⁾ Объѣтъ этотъ, данный ею въ ночь своего заговора и вступленія на престолъ, заключается въ томъ, что она въ теченіе всего своего царствованія никого не лишитъ жизни. Она до сихъ поръ вѣрно это выполняетъ: 70,000 преступниковъ (?!) заслужившихъ смертнѣю казнь и теперь живутъ на ея иждивеніи; за ними присматриваютъ 20,000 человекъ, и хотя они приговорены къ каторжной работѣ, тѣмъ не менѣе, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, шести мѣсяцевъ въ году, ничего не дѣлаютъ вслѣдствіе климатическихъ условій страны, гдѣ снѣга часто не позволяютъ работать ни надъ дорогами, ни надъ возведеніемъ укрѣпленій.

Примѣч. автора.

²⁾ Она не терпитъ титула великій въ приложеніи къ придворнымъ чинамъ и въ особенности къ званію великаго канцлера, хотя обычаемъ принято такъ называть перваго министра. Однажды Бестужевъ такъ называлъ себя въ ея присутствіи.—«Знайте,—сказала она ему,—что въ моей имперіи только и есть великаго, что я, да великій князь, но и то величіе послѣдняго не боже, какъ призракъ».

Примѣч. автора.

Бестужевъ думалъ систематически управлять ею посредствомъ страха, и съ этой цѣлью постоянно возбуждалъ въ ней недоувѣріе къ великому князю Петру Фодоровичу—и обратно. Это ему удавалось въ теченіи двѣнадцати лѣтъ. Раскрытіе его хитростей было чуть ли ни единственной причиной паденія этого министра. Съ той поры императрица Елисавета стала еще гораздо сдержаннѣе и щекотливѣе во всемъ, что касается ея вліянія на дѣла. Досада по поводу того, что она въ теченіи столькихъ лѣтъ давала себя обманывать и позволяла собой управлять человѣку, котораго ненавидѣла, и по сю пору отражается на ея приближенныхъ, когда тѣ съ жаромъ ее о чемъ нибудь просить или настойчиво побуждаютъ ее принять какую либо мѣру.

Трудно рѣшить, какую изъ иностранныхъ націй она предпочитаетъ прочимъ. По видимому, она исключительно, почти до фанатизма, любитъ одинъ только свой народъ, о которомъ имѣетъ самое высокое мнѣніе, находя его въ связи съ своимъ собственнымъ величіемъ. Въ дѣтствѣ она училась языкамъ нѣмецкому и французскому. Вслѣдствіе ли частыхъ сношеній съ нѣмцами или увлекаясь примѣромъ матери, императрицы Екатерины ¹⁾, глубоко преданной этой націи, которую она считала своею собственною, только императрица Елисавета въ ранней молодости тоже ихъ очень любила. Но поддержка, которую нѣмцы оказывали императрицѣ Аннѣ и принцессѣ Мекленбургской (Аннѣ Леопольдовнѣ), а также все, что ей самой пришлось вынести въ періодъ ихъ управленія имперіей, съ теченіемъ времени превратили ея любовь къ нимъ въ ненависть. Если же допустить, что она предпочитаетъ которую нибудь изъ иностранныхъ націй, то это развѣ нашу (т. е. французскую). По крайней мѣрѣ, ей очень нравятся нашъ театръ, наши моды и наши пѣсни.

Въ заключеніе, императрицѣ Елисаветѣ нельзя отказать въ качествахъ сердца, но имъ недостаетъ устойчивости и выдержки.

¹⁾ Она была лифляндка, а всѣ лифляндцы считаютъ себя нѣмцами.

Примѣч. автора.

Судьба несчастнаго Лестока и нѣкоторыхъ другихъ служить доказательствомъ того, что она умѣла быть неблагодарной—изъ трусости и несправедливой—по слабости; не мудро, если она еще сдѣлается жестокой—изъ суевѣрія.

Что касается до качества ума, то ей тоже нельзя въ нихъ исполнѣе отказать, но своего рода безпечность или умственная лѣнь, отъ которой въ ея годы уже не излечиваются, препятствуетъ ей исполнять многія изъ обязанностей, неразлучныхъ съ ея высокимъ саномъ. Изъ великаго искусства управлять народомъ, она усвоила себѣ только два качества: умѣнье держать себя съ достоинствомъ и скрытность.

Впрочемъ, ея съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разстраивающееся здоровье не позволяетъ надѣяться, чтобы она еще долго прожила. Но это тщательно отъ нея скрывается и ею самой—болѣе всѣхъ. Никто никогда не страшился смерти болѣе чѣмъ она. Это слово никогда не произносится въ ея присутствіи. Ей невыносима самая мысль о смерти. Отъ нея усердно удаляютъ все, что можетъ служить напоминаніемъ о концѣ. Въ случаяхъ придворнаго траура, она нигуда не показывается, чтобы не надѣвать чернаго и не видѣть его. Въ городѣ не бываетъ ни погребальнаго звона, ни похоронныхъ процессій. Слабость эта, простительная ея полу, не находитъ себѣ извиненія въ особѣ, облеченной ея саномъ, такъ какъ заставляетъ ее пренебрегать обязанностью, въ силу которой ей надлежало бы заранѣе сдѣлать необходимыя распоряженія на случай своей смерти. Это можетъ повести въ послѣдствіямъ, которыхъ нельзя ни достаточно предвидѣть, ни достаточно предупредить.

II.

Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ.

Великій князь представляетъ поразительный примѣръ силы природы или, вѣрнѣе, первыхъ впечатлѣній дѣтства. Привезенный изъ Германіи тринадцати лѣтъ, немедленно отданный въ руки русскихъ, воспитанный ими въ религіи и въ нравахъ имперіи, онъ и теперь еще остается истымъ нѣмцемъ и никогда не будетъ ничѣмъ другимъ.

Въ немъ, дѣйствительно, есть доля сходства съ его дядей, Карломъ XII, и съ его дѣдомъ, Петромъ Великимъ, но, къ сожалѣнію, сходство это чисто внѣшнее. Онъ подражаетъ обонимъ въ простотѣ своихъ вкусовъ и въ одеждѣ. Видъ у него вполне военнаго человѣка. Онъ постоянно затянутъ въ мундирѣ, такого узкаго и короткаго покроя, который слѣдуетъ прусской модѣ еще въ превеличенномъ видѣ. Кроме того, онъ очень гордится тѣмъ, что легко переноситъ холодъ, жаръ и усталость. Врагъ всякой предстательности и утонченности, онъ занимается исключительно смотрами, разводами и обученіемъ воспитанниковъ вѣреннаго его попеченіямъ Кадетскаго корпуса ¹⁾. Лѣто онъ проводитъ въ Ораніенбаумѣ, въ тѣсномъ кругу оставленныхъ ему нѣмцевъ, которыхъ онъ называетъ своими министрами и генералами ²⁾. Отъ Петра Великаго онъ главнымъ образомъ наслѣдовалъ страсть къ горячительнымъ напиткамъ и въ высшей степени безразборчивую фамиллярность въ обращеніи, за которую ему мало кто благодаренъ. Народъ опасается въ немъ проявленія современемъ непрелюбности дяди и жестокости дѣда, но приближенные считаютъ его легкомысленнымъ и непостояннымъ, и тѣмъ успокоиваютъ себя.

Какъ бы то ни было, однако существуютъ факты, доказываю-

¹⁾ Ихъ отъ 1,500 до 1,800. Между ними весьма мало его подданныхъ (?) и ни одного русскаго. Это смѣсь всевозможныхъ національностей, преимущественно нѣмцевъ, подъ командой иностранныхъ же офицеровъ.

²⁾ Одинъ изъ нихъ соединяетъ въ себѣ оба титула и пользуется безграничнымъ довѣріемъ великаго князя. Это баронъ Брокдорфъ, который современемъ можетъ сдѣлаться важнымъ лицомъ. Онъ сильно ухаживаетъ за нашими посланниками и министрами, въ надеждѣ, что повровительство короля доставитъ ему орденъ Благаго Ора, довольно распространенный въ Петербургѣ. Пока онъ имѣетъ только орденъ св. Анны, который мало цѣнится.

Прим. автора.

ще, что онъ, по крайней мѣрѣ, способенъ въ упрямству. Такъ, наприимѣръ, онъ выказываетъ рѣдкую стойкость въ мнѣніи, касательно вопроса о дѣлахъ Курляндіи и объ обмѣнѣ Шлезвига. Распоряженіе императрицы на счетъ Курляндіи, которую она какъ бы до извѣстной степени принесла въ даръ саксонскому принцу Карлу, не перестаетъ возбуждать въ немъ протестъ. Выраженіе своей ненависти къ этому принцу великій князь довелъ до того, что даже намѣревался вызвать его на дуэль. Кромѣ того, всей Европѣ извѣстно, какъ онъ до сихъ поръ постоянно отказывается отъ всякаго соглашенія относительно своихъ правъ на Шлезвигъ.

Никогда нареченный наслѣдникъ престола не пользовался менѣе народною любовью. Иностранецъ по рожденію, онъ своимъ слишкомъ явнымъ предпочтеніемъ къ нѣмцамъ то и дѣло оскорбляетъ самолюбіе народа, и безъ того въ высшей степени исключительнаго и ревниваго къ своей національности. Мало набожный въ своихъ приемахъ, онъ не сумѣлъ пріобрѣсти довѣрія духовенства. Если подозрительный нравъ императрицы Елисаветы, а также интрига министровъ и фаворитовъ, отчасти и держатъ его вдали отъ государственныхъ дѣлъ, то этому, утверждаютъ многіе, еще болѣе содѣйствуетъ его собственная безпечность и даже неспособность. Вслѣдствіе этого онъ не пользуется почти никакимъ значеніемъ ни въ сенатѣ; ни въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Погруженные въ роскошь и бездѣйствіе, придворные страшатся времени, когда ими будетъ управлять государь, одинаково суровый къ самому себѣ и къ другимъ. Кажется бы, что военные должны его любить, но на дѣлѣ не такъ. Они видятъ въ немъ чрезчуръ строгаго начальника, который стремится ихъ подчинить дисциплинѣ иностранныхъ генераловъ. Въ особенности дурно расположенъ къ нему многочисленный и въ высшей степени безполезный (?) корпусъ гвардейцевъ, этихъ яничаръ Россійской имперіи(!), гарнизонъ которыхъ находится въ столицѣ, гдѣ они какъ бы держатъ въ заточеніи дворъ (!?). Сама императрица нашла въ ихъ средѣ безопасность только благодаря тому, что, оставивъ ихъ безъ начальника, объявила сама себя командиромъ ихъ трехъ полковъ.

У Воронцовой двѣ сестры красавицы ¹⁾, но онъ предпочелъ ее, безобразіе которой невыразимо и не искупается ни хорошимъ сложеніемъ, ни бѣлизной кожи. Даже великая княгиня и та весьма довольна этой (дружбою), въ упроченію которой сама не мало содѣйствовала, такъ какъ не придаетъ ей никакого значенія. Дѣвица эта, впрочемъ, не лишена ума, и при случаѣ, конечно, сдѣлала бы воспользоваться своимъ положеніемъ, еслибъ на то представлялась хоть малѣйшая возможность.

Казалось бы, что разъясненіе недоразумѣній, причинившее паденіе Бестужева, должно бы было произвести сближеніе между императрицей и великимъ княземъ и, породивъ между ними довѣріе, предостеречь ихъ въ будущемъ отъ дальнѣйшихъ интригъ министровъ и фаворитовъ. Но этого не случилось. Тетка остается по прежнему холодна и неприступна, можетъ быть, вслѣдствіе своей слабости, племянникъ почтителенъ, но безъ малѣйшей нѣжности и, можетъ быть, изъ робости, никогда у нея ничего не просить. Они видятся только ради приличія и между ними нѣтъ ни дружбы, ни довѣрія.

Говорятъ, великій князь не любитъ насъ, французовъ. Я думаю, что это правда. Послѣ нѣмцевъ первое мѣсто въ его сердцѣ занимаютъ англичане, нравы и обычаи которыхъ ему сроднѣ нашихъ. Къ тому же лондонскій кабинетъ всегда относился къ нему чрезвычайно мягко и осторожно, а кружокъ поселившихся въ Петербургѣ и пользующихся большимъ почетомъ англійскихъ негоціантовъ выказываетъ много къ нему уваженія. Самъ онъ со многими изъ нихъ обращается скорѣе какъ съ друзьями, чѣмъ какъ съ кредиторами. Его считаютъ вполне преданнымъ интересамъ Пруссіи и я этому вѣрю. Склонность великаго князя въ этомъ отношеніи объясняется еще его пристрастіемъ къ мельчайшимъ подробностямъ военной дисциплины. Очевидно, онъ избралъ прусскаго короля себѣ въ образцы и герои, но въ этомъ отношеніи съ нимъ за одно всѣ другіе государи, раздѣляющіе его вкусы, хотя бы даже они были въ числѣ враговъ этого короля.

Что касается вѣнскаго двора, то онъ вообще никогда ни-

¹⁾ Графиня Бутурлина и княгиня Дашкова, дочери сенатора Романа Лапионовича, брата великаго канцлера.

Примѣч. автора.

мало не заботился о томъ, чтобы щадить великаго князя, который считаетъ его сторонникомъ Іоанна Антоновича. Однимъ словомъ, онъ не любитъ Австрію, а та, въ свою очередь, не любитъ его.

Расходы на содержаніе великаго князя и великой княгини распредѣляются императрицей. Они вмѣстѣ съ дѣтьми живутъ подъ одной кровлей съ ея величествомъ¹⁾, исключая лѣтнаго времени, которое проводятъ въ Ораніенбаумѣ. Содержаніе ихъ роскошно, но они терпятъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ и потому имѣютъ много долговъ, которые, по всѣмъ вѣроятностямъ, не будутъ уплачены ими при жизни императрицы.

III.

О системѣ въ настоящей войнѣ съ Пруссіей.

Достовѣрно, что императрица Елисавета первоначально вмѣшалась въ эту войну по двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ заключалась въ чувствѣ справедливости и великодушія, которой побудило ее оказать помощь своимъ союзникамъ. Другая—въ личной злобѣ и досадѣ на короля прусскаго.

¹⁾ Это тѣмъ для нихъ неудобнѣе, что Зимній дворецъ, въ которомъ они живутъ восемь мѣсяцевъ въ году, имѣетъ видъ огромной деревянной клѣтки. Онъ весь сквозной, такъ что ни войти въ него, ни выйти изъ него нельзя иначе какъ чтобы всѣ видѣли. Этотъ дворецъ *) (императрица въ немъ живетъ пока отстраняется по ея приказанію другой, новый) имѣетъ еще то неудобство, что въ немъ чрезвычайно тѣсно для всей семьи, исключая самой императрицы. Въ теченіе цѣлой зимы онъ не иное что, какъ приличная тюрьма. Великій князь забавляется тамъ стрѣльбой въ цѣль, чему предается, можетъ быть, съ излишнею страстью, но это не бесполезно для его здоровья въ климатѣ, гдѣ господствуетъ скорбуть. Вечера свои онъ, за исключеніемъ Великаго поста, обыкновенно проводитъ въ театрѣ. Ужины его всегда продолжительны и онъ иногда ихъ устраиваетъ внѣ дома, въ обществѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ глазахъ императрицы, слыветъ предосудительнымъ. Кромѣ того, онъ куритъ табакъ, пьетъ пиво и водку, что вовсе не совпадаетъ съ изящными и утонченными приемами двора, которые тотъ заимствовалъ у нашего. За то это вполне согласно съ нравами не только массы народа, но и русскаго дворянства, духовенства и военнаго класса. Удивительно, что нація осмѣливается порицать въ одномъ только великомъ князѣ образъ жизни, который такъ свойственъ сѣверному климату и такъ согласенъ не только съ примѣромъ Петра Великаго но и вообще съ незапамятныхъ временъ установившимися въ Россіи обычаями

Примѣч. автора.

*) На Невскомъ проспектѣ, близъ нынѣшняго Полицейскаго моста. Ред.

Первая изъ этихъ причинъ, похвальная въ принципѣ и уважительная въ примѣненіи, нетерпима въ здоровой политикѣ, потому что злоупотребленія, какія всегда въ подобномъ случаѣ совершаются, на свой собственный счетъ превращаютъ въ донкихотство.

Вторая причина, гораздо болѣе дѣйствительная въ мелочахъ, потому что вытекаетъ изъ самолюбія, въ важныхъ случаяхъ приобретаетъ силу только вслѣдствіе интригъ и внушеній лицъ, заинтересованныхъ въ возбужденіи этого самолюбія.

Въ императрицѣ Елисаветѣ то было плодомъ продолжительныхъ происковъ Бестужева, дѣйствовавшаго за одно съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами. Онъ въ этомъ случаѣ довелъ ея раздраженіе до такой степени, что уже въ послѣдствіи самъ не могъ его болѣе сдержать.

Но одобряя идею славы и мести, которая составляла единственную цѣль государыни, люди, пользовавшіеся ея довѣріемъ, что касается ихъ самихъ, не ограничивали своихъ видовъ однимъ только должнымъ воздаяніемъ за обиды и наказаніемъ (Фридриха II) за эпиграммы. Личный интересъ прежде всего указывалъ имъ на обильную жатву трактатовъ и договоровъ. Я говорю—жатву, потому что за все это дорого платится наличными деньгами, изъ чего слѣдуетъ, что русскій кабинетъ всегда любилъ сочинять трактаты и писать договоры. Однако, выигрывая съ одной стороны, они, казалось бы, должны были терять съ другой, потому что имъ, по видимому, предстояло лишиться частыхъ услащеній, къ которымъ они привыкли со стороны Англій. Но эта потеря была только кажущаяся. Чѣмъ болѣе британскій кабинетъ будетъ заинтересованъ въ томъ, чтобы поддерживать въ Петербургѣ равновѣсіе между своимъ вліяніемъ и нашимъ,—тѣмъ болѣе слѣдовало надѣяться на успешную дозу противоядія. Такъ, каждый, слѣдуя обычаю заботиться прежде о себѣ, находилъ свою выгоду въ томъ, чтобы Россія приняла участіе въ союзѣ противъ короля прусскаго.

Къ этимъ частнымъ и личнымъ причинамъ впрочемъ присоединялись также и весьма уважительные государственные интересы.

Новая держава, увеличенная остатками Швеціи съ помощью Петра Великаго, видѣвшаго отъ нея одну только неблагодарность, еще расширила свои предѣлы на счетъ Австріи, благодаря слишкомъ долгой терпимости со стороны Россіи. Со времени униженія

Швеціи, эта держава была одна въ состояніи противодѣйствовать безграничной власти, какую Россія себѣ присвоила на сѣверѣ. Честолюбивый и предприимчивый государь могъ бы даже воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы помочь Польшѣ свергнуть съ себя иго, или Швеціи—возвратить себѣ по крайней мѣрѣ независимость. Такимъ образомъ, дѣлу Петра Великаго, которое настоящее царствованіе Елисаветы еще увѣнчало, угрожала гибель; если будетъ упушено этотъ случай унизить короля прусскаго и привести наконецъ въ исполненіе давно проектированный планъ раздѣла его владѣній, что поставило бы его самого и преемниковъ его въ невозможность что либо предпринять въ будущемъ.

Что касается до военныхъ издержекъ, то, благодаря субсидіямъ, контрибуціямъ и хорошимъ зимнимъ квартирамъ, вся тяжесть ихъ должна была пасть на союзниковъ и враговъ. Здѣсь, какъ и повсюду, предполагалось, что дѣло шло только объ одномъ единственномъ походѣ и всему надлежало въ самомъ скоромъ времени окончиться миромъ, условія котораго предпишетъ Россія.

Съ этой точки зрѣнія вопросъ и былъ первоначально представленъ императрицѣ. Въ тотъ моментъ никто не говорилъ ей ни о завоеваніяхъ, ни о вознагражденіяхъ. Она, въ свою очередь, умалчивала о нихъ въ манифестахъ. Но когда война затянулась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились издержки, субсидіи уменьшились, о контрибуціяхъ и зимнихъ квартирахъ не было и рѣчи, тогда оказалось, что всѣ обманулись въ своихъ расчетахъ и для продолженія войны пришлось искать болѣе основательныхъ поводовъ, чѣмъ тѣ, которыми руководились при началѣ ея. Было предложено овладѣть Пруссіей.

Сначала предложеніе имѣло мало успѣха. Императрицѣ и въ голову не приходила подобная мысль, а канцлеръ тоже не осмѣлился бы явиться ея авторомъ. Онъ совершенно естественно долженъ былъ остерегаться мѣръ и обязательствъ, которыя могли продлить существующія затрудненія или создать новыя. Мы знаемъ, что самые первые толки объ этомъ пришили ему не по вкусу, но во время дальнѣйшихъ преній были выдвинуты впередъ такіе убѣдительные и блестящіе доводы, въ пользу которыхъ уже успѣли расположить и императрицу, такъ что Воронцовъ не могъ болѣе противиться общему потоку.

Камергеръ Шуваловъ взялъ на себя сдѣлать первый приступъ по этому вопросу къ императрицѣ, постоянно занятой мыслью о славѣ своего царствованія. Напомнивъ ей, что пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ частей Финляндіи было цѣной ея побѣды надъ Швеціей, онъ представилъ ей, что цѣлое королевство, присоединенное къ ея обширнымъ владѣніямъ, увѣковѣчитъ ея славу гораздо прочнѣе всѣхъ подвиговъ ея войскъ въ настоящей войнѣ и что, наконецъ, она обязана предъ имперіей и предъ самой собой получить вознагражденіе за кровь, до сихъ поръ напрасно пролитую, и за потраченныя сокровища.

Къ этимъ, столь соблазнительнымъ, для личнаго честолюбія, доводамъ, братья Шуваловы и сенаторъ Неплюевъ присоединили еще другіе, касавшіеся политическихъ интересовъ Россіи.

Первые два доказывали, что покореніе Пруссіи дастъ возможность окончательно поработить Польшу; что городъ Данцигъ тогда будетъ существовать только по милости Россіи. Запертый, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ близкимъ сосѣдствомъ русскихъ войскъ, онъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ можетъ сдѣлаться ихъ добычей. Или же, если его оставить существовать, его легко можно будетъ обложить контрибуціей подъ страхомъ постоянныхъ притѣсненій, которыхъ онъ не будетъ въ состояніи избѣгать. Такимъ образомъ былъ бы приведенъ въ исполненіе любимый планъ Петра Великаго, заключавшійся все въ большемъ и большемъ приближеніи къ границамъ Германіи и въ занятіи позиціи, которая поставила бы Россію въ возможность управлять ея судьбами. Наконецъ, раскидываясь все дальше и дальше вдоль берега Балтійскаго моря, была-бы достигнута еще другая великая цѣль этого императора—касательно флота и торговли.

Неплюевъ, вполне соглашаясь съ братьями Шуваловыми на счетъ вопроса о покореніи Пруссіи, однако расходился съ ними, что касалось употребленія, какое слѣдовало изъ нея сдѣлать. Онъ предлагалъ ее нѣкоторымъ образомъ отдать Польшѣ, получивъ взамѣнъ отъ послѣдней польскую Россію. Польша тѣмъ самымъ была-бы совсѣмъ заперта со стороны Украйны и это сильно затруднило бы ея сношенія съ Турціей. Вслѣдствіе этого у нея была бы отнята послѣдняя опора, на какую она могла рассчитывать послѣ паденія короля прусскаго. Къ русской державѣ такимъ образомъ было бы присоединено нѣсколько отрѣ-

завныхъ отъ нея провинцій, что придало бы особенный блескъ и значеніе титулу Самодержицы Всероссійской.

Эта послѣдняя мысль чрезвычайно какъ понравилась императрицѣ и на ней, по видимому, остановились, по крайней мѣрѣ на нее ссылались въ объясненіяхъ, съ какими въ теченіе прошлой (1760 г.) зимы обращались къ намъ, да вѣроятно, и къ остальнымъ союзнымъ дворамъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы петербургскій кабинетъ искренно намѣревался сообразоваться съ этимъ планомъ, такъ какъ сдѣлалъ оговорку на счетъ вышеупомянутаго обмѣна, замѣчая, что онъ можетъ состояться въ послѣдствіи. Къ тому-же тутъ бы еще представилось важное затрудненіе, проистекающее изъ самой сущности дѣла, а именно: подобный обмѣнъ могъ бы состояться не иначе какъ съ разрѣшенія сейма, то-есть съ его единодушнаго согласія, что, какъ извѣстно, физически невозможно.

Должно полагать, что мысль объ этомъ обмѣнѣ была пущена въ ходъ единственно съ цѣлью успокоить Европу, союзниковъ и даже самую Россію и разсѣять совершенно основательныя опасенія, какія должно было вызвать намѣреніе овладѣть Пруссіей.

Мы прежде всего имѣли въ виду указать на причины, которыя побудили петербургскій дворъ начать и продолжать войну съ прусскимъ королемъ. Намъ остается еще разобрать тѣ причины, какими онъ станетъ руководиться въ переговорахъ о мирѣ¹⁾.

¹⁾ Какъ на документъ, разъясняющій настоящія замѣтки, можно указать на проектъ присоединенія покореннаго королевства Прусскаго, къ Россіи, составленный русскимъ кабинетомъ и утвержденный императрицею Елисаветою Петровною 30-го апрѣля 1760 г. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 705—713. Ред.

IV.

О настоящей системѣ относительно предстоящаго мира.

Цѣли Россіи въ предстоящихъ переговорахъ о мирѣ заключаются въ трехъ главныхъ пунктахъ:

1-й—имѣющій въ виду покореніе Пруссіи, былъ объявленъ и разъясненъ.

2-й—объщающій союзникамъ удовлетвореніе и вознагражденіе, былъ слегда, хотя и съ большимъ паѳосомъ, упомянутъ.

3-й—еще не провозглашается открыто, но онъ тѣмъ не менѣе существуетъ и близокъ сердцу русскаго министерства. Россія намѣрена явиться въ предстоящихъ переговорахъ не только участницей, но распорядительницей и поручительницей въ томъ, что все, что порѣшано на счетъ Германской имперіи, непременно будетъ исполнено. Такимъ образомъ она будетъ допущена до соучастія съ Франціей и Швеціей въ гарантированіи новой германской системы, или старой, если та въ предстоящихъ переговорахъ не подвергнется радикальнымъ измѣненіямъ. Вестфальскій миръ по прежнему останется основаніемъ этой системы, но Россія съ той минуты, за одно съ Франціей и Швеціей, сдѣлается охранительницей его.

Хотя она уже давно стремилась вмѣшаться въ домашнія дѣла Германскаго союза, вѣнскій кабинетъ, однако, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда призывалъ ее на помощь во время войны, при заключеніи мирныхъ договоровъ всегда старался отстранять ее отъ участія въ нихъ и всегда этого достигалъ. До сихъ поръ Россія не участвовала ни въ одномъ изъ общихъ конгрессовъ, которыми оканчивались большія европейскія войны. Нынѣ-же русскій дворъ поставилъ для себя вопросомъ чести достигнуть того, чтобы играть одну изъ первыхъ ролей въ предстоящемъ конгрессѣ, а главное—пріобрѣсти въ Германскомъ союзѣ столь желанное право покровительства и власти подъ именемъ гарантіи.

Изъ этихъ трехъ пунктовъ послѣдній такъ тѣсно связанъ съ первымъ, то есть съ тѣмъ, который касается покоренія Пруссіи, и такъ необходимъ для Россіи, чтобы дать ей возможность управлять Германіей, смыслъ его такъ осязателенъ и обусловленъ мѣстностью, что бесполезно долго на немъ останавливаться.

Замѣчу только, что разумное существо не можетъ желать дѣли, не желая средствъ, и прибавлю этотъ доводъ ко всѣмъ тѣмъ, которые уже привелъ выше въ объясненіи, почему Россія упорствуетъ въ своемъ требованіи на счетъ поворенія Пруссіи.

Кромѣ того, доходы этой послѣдней, хотя и умѣренные, однако не кажутся вполнѣ безразличными въ глазахъ петербургскаго кабинета. Оцѣнивая ихъ самымъ скромнымъ образомъ и предполагая, что Россія отнесется къ своему новому приобретенію съ той же политической умѣренностью, какую Петръ Великій выказалъ въ отношеніи Лифляндіи и другихъ завоеванныхъ странъ, — всетаки тутъ слѣдовало рассчитывать на 6 или 7 сотъ тысячъ золотыхъ монетъ чистой прибыли, такъ какъ для охраненія Пруссіи не потребовалось бы ни однимъ человѣкомъ и ни однимъ рублемъ больше чѣмъ въ настоящее время. То былъ бы передовой постъ, который служилъ бы прикрытіемъ для Лифляндіи. Въ мирное время въ этой провинціи обыкновенно бываетъ расположенъ шестидесяти и семидесяти-тысячный корпусъ. Стояло-бы только часть этой арміи выдвинуть авангардомъ въ Пруссію. Вслѣдствіе этого раздѣла содержаніе всей арміи облегчилось бы и удешевилось.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, а еще болѣе того, что я могъ наблюдать и проникнуть самъ, я признаюсь, что въ эпоху своего отъѣзда считалъ весьма не легкимъ побудить русскій дворъ отказаться отъ столькихъ существенныхъ выгодъ, ради безплодной и романической славы, какую онъ приобрѣлъ-бы, даромъ разоряя чужія владѣнія и въ то же время свои собственные.

Тѣмъ не менѣе я былъ далекъ отъ того, чтобы не видѣть или не вполнѣ давать себѣ отчетъ въ возраженіяхъ, какія могли бы быть подняты противъ этой системы. Напротивъ, я даже ихъ себѣ весьма отчетливо представлялъ. Вотъ они всѣ (какъ мнѣ кажется) и съ отвѣтами.

Возраженіе 1-е. Польша станетъ-ли спокойно смотрѣть на то, какъ Россія, посредствомъ приобретенія Пруссіи, окончательно запретъ ее со стороны Балтійскаго моря и даже получить возможность по произволу воспретить ей навигацію по Вислѣ и прервать всякія сношенія между Варшавой и Данцигомъ?

Отвѣтъ: Польша, конечно, будетъ роптать, но она, по обыкновенію, подчинится тому, чего не въ состояніи избѣжать. Мы въ другомъ мѣстѣ будемъ говорить о ея положеніи въ отношеніи къ Россіи и о системѣ этой послѣдней въ отношеніи къ ней, но и теперь уже достаточно доказано, что страхъ возбудить неудовольствіе этой сарматской анархіи еще никогда никого не останавливалъ въ исполненіи своихъ плановъ. Въ настоящемъ случаѣ слабая оппозиція, каковую она могла бы противопоставить, только послужила бы новымъ поводомъ къ осуществленію задуманнаго плана. Это будетъ вполне выяснено въ указанной статьѣ.

Возраженіе 2-е. Допустить-ли это Порты, повровительница и охранительница польской независимости? Отнесется-ли она спокойно въ этому новому требованію Россіи? Пруссійскій король уже давно вступилъ въ сношеніе съ Константинополемъ; тамъ даже начались переговоры. Не могутъ-ли они имѣть въ виду поддержку для Пруссіи со стороны Порты? Захочетъ-ли Россія подвергнуться новой, отдаленной и раззорительной войнѣ?

Отвѣтъ: Турки съ давнихъ поръ слывутъ покровителями Польши и съ давнихъ поръ никому не препятствуютъ ее прѣдснать. Пруссійскій король дѣйствительно ведетъ переговоры съ Портой, но къ чему привели они до сихъ поръ? Диванъ такъ мало знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ и такъ мало заботится объ интересахъ, не касающихся его непосредственно, что ему не легко объяснить далекую связь, существующую между Пруссіей и Турціей. Онъ могъ-бы по той же самой причинѣ гораздо болѣе встревожиться обмѣномъ Пруссіи на польскую Россію. Но какія бы заявленія петербургскій кабинетъ уже не дѣлалъ по этому вопросу, ему нетрудно будетъ успокоить Порту, доказавъ ей, что намѣреніе это не болѣе какъ мечта и осуществленіе его несбыточно. Допустимъ однако, что Порты приметъ въ сердцу положеніе короля прусскаго и на столько пойметъ свои собственные интересы, что не захочетъ его гибели; допустимъ, что она объявитъ себя его защитницей,—у Россіи найдется еще не мало средствъ отвратить грозу. Ей не впервые придется затыкать глаза и ротъ вичливымъ оттоманамъ и осуществлять у нихъ подъ носомъ такіе планы, которые даже прямо

нарушаютъ только что составленные съ ними договоры. Въ другомъ мѣстѣ я буду говорить о системѣ и объ успѣхахъ Россіи въ этомъ отношеніи, причемъ приведу нѣсколько изъ новѣйшихъ примѣровъ (въ статьѣ о системѣ Россіи въ отношеніи къ Порту). Замѣчу только, что петербургскій кабинетъ нынѣшней зимой нисколько не тревожился вмѣшательствомъ Порты въ настоящую войну. Онъ твердо вѣритъ, что прусскій король погибнетъ или будетъ спасенъ гораздо прежде чѣмъ турки успѣютъ двинуться. Однимъ словомъ, онъ смотритъ на переговоры короля прусскаго съ Константинополемъ какъ на пугало.

Возраженіе 3-е. Самые союзники Россіи, не возстанутъ-ли они противъ ея намѣренія овладѣть Пруссіей и можетъ-ли она надѣяться на успѣхъ, вопреки ихъ сопротивленію? Швеція, уже и безъ того находящаяся въ зависимости отъ русскаго двора и существующая отчасти только по его доброй волѣ, потому что снабжается хлѣбомъ изъ лѣфляндскихъ портовъ, можетъ ли она безъ опасеній видѣть, какъ Россія займетъ позицію, въ которой будетъ въ состояніи по произволу лишать ее сѣверныхъ припасовъ, перерѣзывая имъ путь изъ Польши черезъ Нѣманъ и Вислу? Вѣнскій дворъ, столь-же заботливо удаляющій отъ себя русскихъ, сколько усердно призывающій ихъ на помощь въ минуты опасности, неужели онъ безъ зависти станетъ смотрѣть, какъ тѣ овладѣютъ пунктомъ, откуда имъ такъ легко будетъ, даже незванымъ, проникнуть въ Германію? А Франція, наконецъ, не рискуетъ-ли она утратить все свое значеніе и вліяніе на сѣверѣ, если Россія, покоривъ Пруссію, успѣетъ водворить въ этой части Европы свой деспотизмъ?

Отвѣтъ: Швеція, конечно, не безъ зависти увидитъ это новое распространеніе русскихъ владѣній вдоль Балтійскаго моря, но ей придется уступить, потому что она не можетъ иначе какъ подъ этимъ условіемъ получить то, чего сама желаетъ въ Помераніи. Къ тому же, ея положеніе въ отношеніи Россіи таково, что если петербургскій дворъ и обратится къ ней за согласіемъ, то единственно для проформы. Пусть она откажетъ въ этомъ согласіи—и безъ него сдѣлаютъ обойтись. До сихъ поръ Швеція играла самую незначительную роль, какъ въ союзѣ, такъ и

въ войнѣ. Съ ней вообще не много соѣтуются, а Россія—меньше прочихъ державъ. Эта мысль будетъ мною подробно развита въ статьѣ: о системѣ Россіи въ отношеніи къ Швеціи.

Допустимъ даже, что Швеція при заключеніи мира будетъ лишена обѣщанныхъ ей выгодъ, что она разсердится и сдѣлаетъ видъ, будто противится покоренію Пруссіи,—на ея оппозицію будетъ обращено такъ же мало вниманія, какъ на протестъ Тевтонскаго ордена.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается рукопись, написанная рукою Лафермиера и сохранившаяся въ его бумагахъ, принадлежащихъ Павловской дворцовой библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Кнзя Константина Николаевича.

Ред.

ЖУРНАЛЬ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ

въ 1784—1788 гг.

Василій Николаевичъ Зиновьевъ (род. 1754 г. † 1816 (?)) былъ товарищемъ, по воспитанію въ Лейпцигѣ, Радищева, Бутузова и Козадавлева, т. е. входилъ въ составъ той фаланги передовыхъ людей въ Россіи второй половины прошлаго столѣтія, о которой память сохранилась и до сего времени, какъ о людяхъ, стоявшихъ во главѣ мыслящаго меньшинства того времени и заявившихъ о себѣ и въ литературѣ, и на гражданскомъ поприщѣ. Упомянемъ также о родственныхъ, весьма близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ В. Н. Зиновьева къ графу Семену Романовичу Воронцову. Ограничусь этими двумя напоминаніями, на нашъ взглядъ, достаточными, чтобы читатель «Журнала» самъ могъ судить объ умственныхъ уровняхъ его автора и о его относительномъ нравственномъ превосходствѣ надъ лицами того времени.

Журналъ В. Н. Зиновьева начинается обращеніемъ къ «кому-то», почему и считаемъ необходимымъ выяснить, что лицо, къ которому относится это обращеніе, есть графъ Семень Романовичъ Воронцовъ (1). Мы въ этомъ воплнѣ убѣдились изъ дальнѣйшаго веденія журнала изъ Италіи, въ формѣ писемъ, адресованныхъ къ гр. С. Р. Воронцову сначала въ Венецію и Пизу, а потомъ въ Лондонъ; въ нихъ авторъ прямо высказываетъ мысль, что

(1) Графъ С. Р. Воронцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной, двоюродной сестрѣ В. Н. Зиновьева, такъ какъ Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ (отецъ гр. Воронцовой) и Евдокія Наумовна Зиновьева (мать Василія Николаевича) были родные братья и сестра.

онъ будетъ продолжать вести свой журналъ и посылать его къ гр. С. Р. Воронцову, чтобы избѣжать двойнаго труда и по его веденію, и по отправленію, кромѣ того, къ нему писемъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ. Затѣмъ авторъ журнала прибавляетъ, что онъ желаетъ самъ перечестъ свой журналъ и проситъ графа сохранить его въ цѣлости, чтобы дать ему возможность получить его обратно; вотъ чѣмъ и объясняется нахождение писемъ или журнала В. Н. Зиновьева не въ архивѣ князя Воронцова, но въ архивѣ с. Вышебеша г-дъ Зиновьевыхъ.

Не можемъ пройти молчаніемъ той любезной и обязательной готовности, съ которою покойный владѣлецъ Вышебешскаго архива, Степанъ Васильевичъ Зиновьевъ (сынъ автора настоящаго журнала), далъ намъ позволеніе и возможность осмотрѣть и, по нашему выбору, сдѣлать общедоступными бумаги архива. Мы исключили изъ рукописи все, что не имѣетъ прямаго историческаго значенія, оставивъ однако же и такія мѣста, которыя даютъ возможность судить о понятіяхъ, убѣжденіяхъ и кругозорѣ автора «Журнала».

Вслѣдъ за окончаніемъ «Журнала» В. Н. Зиновьева мы помѣщаемъ возможно подробныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ представителѣ образованнаго русскаго общества второй половины Екатерининской эпохи.

Н. П. Варышниковъ.

1-го ноября 1876-го года.

Г. Орель.

При чтеніи Зиновьевской рукописи и при подготовкѣ ея, согласно желанію редакціи «Русской Старины», въ помѣщенію на страницахъ этого изданія, я зачеркнулъ весьма не многія мѣста, именно то, что, по моему мнѣнію, можетъ быть опущено въ печати, — но нѣкоторыя мистическія мѣста оставилъ, потому что они, виѣсть съ «Журналомъ», отлично характеризуютъ психическое настроеніе высшаго общества того времени: рядомъ съ такъ называемыми «*esprits forts*» и волтеріанцами, сколько людей, при неразвитости и безжизненности нашего духовенства, искали удовлетворенія своей душевной жадѣ, то въ масонствѣ, то въ мартинизмѣ, то, наконецъ, въ католицизмѣ! «Журналъ» Зиновьева самымъ животрепещущимъ образомъ рисуетъ это настроеніе. Оно существуетъ отчасти и въ нашемъ современномъ обществѣ и ищетъ себѣ пищи то въ спиритизмѣ, то въ томъ обожаніи, которое возбуждаютъ къ себѣ нѣкоторые заморскіе проповѣдники-диллетанты, въ родѣ лорда Редстока.

Я убожалъ интересныя письма В. Н. Зиновьева своими примѣчаніями; воѣ они помѣщены въ низу каждаго письма, подѣ чертою. Примѣчанія, принадлежащія Н. П. Барышникову, отиѣчены начальною буквою его фамиліи и начертаны также внизу страницъ подѣ чертою.

Кн. А. В. Л.-Р.

I.

Наконецѣ рѣшился вести журналъ, и причинилъ сіе Шенбергъ, французскій генераль, урожденный саксонецъ; а такъ какъ онъ въ одномъ со мною трактирѣ жилъ, то, бывъ у него, увидѣлъ писанную бумагу и узналъ отъ него, что это журналъ и что онъ только примѣчанія достойныя вещи тутъ вписываетъ и что не всякій день сіе дѣлаетъ, но по простествіи времени. Сіе мнѣ весьма понравилось, и взявъ съ него примѣръ, и самъ сіе дѣлать вздумалъ. И такъ, любезный мой ¹⁾, чрезъ непредвидѣнный случай будемъ имѣть я и ты большое удовольствіе, когда мы увидимся и вмѣстѣ сіе читать будемъ.

Лейпцигъ.—23-го февраля 1784 года.

Въ исходѣ сентября мѣсяца выѣхалъ изъ Петербурга и, какъ ты самъ помнишь, проводилъ ты меня до Нарвы. Подѣѣзжая къ Ригѣ, сдѣлалось затрудненіе и остановка въ лошадяхъ, ибо въ самое то время открылось рижское намѣстничество и все лифляндское дворянство собиралось. По счастью моему, одинъ почтмейстеръ, у котораго обѣдалъ, велѣлъ почталіону, чтобы онъ, пріѣхавъ на станцію, сказалъ, что я курьеръ. И такъ, подѣ симъ именемъ я станцію четыре сдѣлалъ, обѣзжая многихъ помѣщиковъ, но наконецѣ началъ бояться, чтобы сіе не вышло, и нѣсколько станцій отъ Риги началъ молчать, что я курьеръ. Слѣдствіемъ сего было, что меня на предпоследней перемѣнѣ, за неимѣніемъ лошадей, остановили. Въ Ригѣ пробылъ два дня. Меня тутъ осмотрѣли. Учивостію тамошняго надзирателя не могу довольно нахвалиться и желаю, чтобы меня такъ хорошо въ Россію впустили, какъ выпустили. Взявъ подорожную отъ генераль-губернатора Броуна, пустился опять въ путь. До Мемеля счастливо и безъ всякихъ приключеній, примѣчанія достойныхъ, дорогу окончилъ. Тутъ отдалъ письмо графа Герца ²⁾ почтъ-

¹⁾ То есть гр. С. Р. Воронцовъ.

²⁾ Графъ Юганъ-Евстафій фонъ-Шлицъ-Гѣрцъ (von Schlitz-Goertz), р. 1737 † 1821,—прусскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ

директору, который мнѣ родъ подорожной, до Кенигсберга, далъ, съ письмомъ къ тамошнему почтъ-директору. Его подорожная мнѣ чрезвычайную пользу сдѣлала, ибо нигдѣ такъ хорошо услуженъ не былъ, какъ отъ Мемеля до Кенигсберга. Надѣялся получить такую-же подорожную отъ кенигсбергскаго почтъ-директора, но втунѣ мое чаяніе было, ибо, пославъ къ нему мемельское письмо, надѣялся, что онъ ко мнѣ прійдетъ, но видя, что сіе не сбылось,—принужденъ былъ самъ къ нему идти. И сіе ничего не произвело: отпощивалъ меня тѣмъ, что моя подорожная отъ мемельскаго почтмейстера довольно служить будетъ. Переночевавъ, отправился утромъ въ Берлинъ.

По сей дорогѣ терпѣнію моему весьма великій опытъ былъ: неописательная медленность, какъ въ ѣздѣ, такъ и въ отправкѣ, въ лошадаяхъ. Между Кенигсбергомъ и Берлиномъ встрѣтился мнѣ генуэзскій посланникъ, который къ намъ ѣхалъ; да еще забылъ сказать, что не доѣзжая Риги встрѣтилъ венеційскаго посланника г-на Фоскарини, а пріѣхавъ въ Ригу—англійскаго посланника именемъ Фицъ-Гербертъ¹⁾.

Берлинъ—городъ прекрасный; можно его назвать чудомъ. Окруженъ со всѣхъ сторонъ невообразимыми песками, слѣдовательно народъ, окружающій его,—не въ изобильномъ состояніи, а городъ самъ собой чрезвычайно хороши; строеніе каменное, многіе прекрасные дома въ немъ находятся; гульбище посреди города, называемое «Die Linden», отиѣнно хорошо. Я здѣсь пробылъ три недѣли, былъ часто званъ къ разнымъ лицамъ. У королевы былъ раза три, у принцессы разъ былъ званъ на ужинъ, а придворныя веселья довольно смѣшны. Что же касается до партикулярныхъ, то здѣсь на весьма хорошей ногѣ: всѣ по французски говорятъ и чрезвычайно хорошо; обхожденіе безъ всякаго принужденія и безъ наглости. Примѣчанія достойное болѣе всего, мнѣ кажется, здѣшняя фарфоровая фабрика, которая, когда не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже саксонской. Познакомился здѣсь съ

Петербургъ, назначенный скорѣ послѣ перваго раздѣла Польши. Онъ извѣстенъ какъ лицо, наиболѣе хлопотавшее о томъ, чтобы убѣдить общественное мнѣніе, что мысль о раздѣлѣ Польши не принадлежала Фридриху Великому («XVIII-й вѣкъ», т. 1-я, статья кн. Ваземскаго: Политика Фридриха Великаго). При отправленіи его въ Петербургъ, Фридрихъ Великій сказалъ ему: *Comme archevêque de Magdebourg, je vous donne l'absolution de tous les mensonges que vous direz en mon nom. Adieu*.

¹⁾ Сэръ Алленъ Фицъ-Гербертъ (Sir Alleyne Fitzherbert), р. 1753 † 1839, холостымъ, — великобританскій чрезвычайный посланникъ при русскомъ дворѣ. Въ 1791 году получилъ титулъ лорда Сентъ-Геленса (Saint-Helens) и подъ этимъ именемъ посланъ былъ второй разъ въ Россію при вступленіи императора Александра I на престолъ (1801).
Кн. А. В. Л.-Р.

англійскимъ министромъ Шовалье (въ рукописи пробѣлъ) ¹⁾ и съ его секретаремъ Эдуардомъ, которые меня чрезвычайно обласкали, и такъ я съ ними подружился, что какъ будто года два вмѣстѣ были, и послѣдній мнѣ обѣщалъ писать въ Англію. Еще знакомство здѣсь сдѣлалъ съ двумя шведами—Сельдингъ и Цибетъ. Первый полковникъ французской службы, а другой въ шведской, но какое особое мѣсто занимаетъ—того не знаю. Но, что мнѣ чрезвычайно смѣшно въ ихъ обхожденіи показалось, такъ—что они, ѣхавъ вмѣстѣ, у всякихъ дверей другъ друга потчиваютъ. И до сихъ норъ вижу я, что только нашъ народъ такимъ дурачествамъ не подверженъ, а дѣйствительно приятное обхожденіе съ чистосердечіемъ соединить умѣетъ, что я также къ упомянутому англійскомъ посланникѣ и его секретарѣ нашелъ. Живутъ здѣсь такъ же, какъ и у насъ, и какъ я себя воображаю, и вездѣ. Франція, какъ флигельманъ, начинается, а мы, то есть европейскіе народы вообще, какъ рядовые, все слѣпо и съ крайнимъ подобострастіемъ перенимаемъ. Еще долженъ я примѣтить, что науки здѣсь въ весьма прѣстущемъ состояніи. Объ военномъ искусствѣ—ничего говорить, ибо сіе всему свѣту извѣстно каково оное. Но скажу только, что состояніе солдатъ самое несчастливѣйшее: и въ Берлинѣ, и въ Потсдамѣ нарочно стѣны возведены, чтобы бѣглыхъ чрезъ оныя удерживать, часовые такъ близко разставлены около оныхъ, что, кажется, возможности нѣтъ бѣжать, а совсѣмъ тѣмъ сія несчастные находятъ средства избавиться отъ ига своего. Осмотрѣи, которыми здѣсь такъ пугаютъ, ничуть не таковы, какъ сказываютъ. Яปลอมировалъ свои вещи въ Мемелѣ, а подѣвжая къ Берлину, научилъ меня почтальонъ пломбы срѣзвать, чтобы осмотрѣли тотчасъ у воротъ и не повезли бы въ такъ называемый «Zol-Haus», по нашему—таможню. Сдѣлавъ сіе, остановили меня у воротъ, открыли и закрыли сундукъ:—тѣмъ осмотръ и кончился.

Потсдамъ четыре мили отъ Берлина. Сюда я пріѣхалъ ночью. Потру отвезъ письмо къ гр. Герцу ²⁾, брату посланника, который у насъ, и мнѣ назначено было тотъ же день быть представлену королю. Забылъ при этомъ этикетъ обыкновенный: пріѣхавъ въ Берлинъ, на-

¹⁾ Сэръ Джонъ Далримплъ (Dalrymple), привавшій по смерти отца (1769) титулъ лорда Стеръ (Stair), «der Lord mit dem sonderbaren Namen, aber liebenswürdigen Geiste», говоритъ объ немъ Фезе (Vehze, «Gesch. des Preuss. Hof», IV, 310). Умеръ холостымъ въ 1821 году.

²⁾ Графъ Карлъ-Фридрихъ-Адамъ фонъ-Шлицъ-Гёрцъ, р. 1738 † 1797, старшій братъ предыдущаго, сопровождавшій племянника Фридриха Великаго, принца (въ послѣдствіи короля) Фридриха Вильгельма, въ путешествіи его въ С.-Петербургъ.

добно было объявить г-ну Финкенштейну¹⁾, министру иностранныхъ дѣлъ, который королю объ ономъ даетъ знать, а оный назначаетъ ему—въ который день чужестранный пріѣхать можетъ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ здѣшніе министры! Надобно неотменно знать, что они таковыя, а то примутъ и за мастеровыхъ,—да король ихъ за таковыхъ и принимаетъ, ибо они имя только министровъ носятъ, безъ его же соизволенія ничего дѣлать не смѣютъ, что ему справедливо и попрекаютъ, что онъ все самъ дѣлать хочетъ. Король²⁾ вышелъ въ 11 часовъ поутру и я одинъ съ гр. Герцомъ у него былъ. Тебѣ извѣстно, что я весьма робокъ, но самъ удивился, что, бывъ представленъ ему, никакъ не оробѣлъ. Причиною сему считавъ я, что мы одни были. Разговоръ его былъ о смерти покойнаго князя. Король шутливо говорилъ, что примѣромъ симъ могутъ женщины гордиться, въ разсужденіи привязанности его къ покойной своей сестрѣ и несчастнаго слѣдствія по смерти ея³⁾. Еще вздумалъ онъ, что при бергъ-коллегии былъ директоръ, вмѣсто Соймонова⁴⁾. Зиновьевъ. Тутъ я оторопѣлъ нѣсколько и забылъ совсѣмъ, что этотъ департаментъ у насъ есть, и никакъ не могъ Соймонова вспомнить.

Король еще довольно свѣжъ и бодръ, голову держитъ болѣе на правую сторону; вышелъ съ шляпой, съ востлземъ, въ синемъ мундирѣ, закиданномъ табакомъ, и сапоги весьма красноваты. Трудно живо вообразить, что сей—тотъ, который противъ всей Европы оборонялся въ одно время и всѣхъ, такъ сказать, разщелкалъ; но сіе есть дѣйствіе привыкшихъ глазъ къ роскоши. На вечеръ былъ я приглашенъ къ принцу⁵⁾. Какъ я былъ принятъ и какъ онъ живетъ—объ ономъ я тебѣ писалъ. Его величество не много на него тратитъ, такъ какъ

¹⁾ Графъ Карлъ-Вильгельмъ Финкъ-фонъ-Финкенштейнъ, р. 1714†1800, прусскій министръ и весьма приближенное лицо ко двору. Онъ выказалъ особенную дѣятельность въ веденіи переговоровъ вмѣстѣ съ Тугутомъ, 15-го августа 1778 г. въ Браунау («Histoire de mon temps»).

²⁾ Фридрихъ Великій.

³⁾ Григорій Григорьевичъ Орловъ, по смерти своей супруги († 1781), жилъ весьма недолго, умеръ 13-го апрѣля 1783 г., и передъ смертію лишился умственныхъ способностей.

⁴⁾ Вѣроятно, король имѣлъ въ виду Михаила Федоровича Соймонова (р. 1753 † 1804), въ послѣдствіи д. т. с., члена государственнаго совѣта и горныхъ и монетныхъ дѣлъ главнаго директора.

А. В. Л.-Р.

⁵⁾ Царствовавшій подъ именемъ Фридриха-Вильгельма II-го. Онъ былъ женатъ два раза: первый—на принцессѣ Брауншвейгской, но развелся съ ней, и второй разъ—на принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской, Фредерикѣ. Отъ этого второго брака родился Фридрихъ Вильгельмъ III-й, отецъ покойной русской императрицы Александры Федоровны.

Н. В.

и на прочіихъ своихъ принцевъ, да сверхъ того сказываютъ, что онъ наследника не любитъ.

Я нахожу, что весьма дурная политика принуждаетъ правящихъ государей малую сумку опредѣлять своимъ наследникамъ, ибо чрезъ то они не только меньше, но, я скажу, болѣе проживаютъ, нежели бы они прожили, когда бы размѣренно ихъ состоянію доходъ имѣли. Для удовольствія своего занимаютъ потихоньку; дѣлаютъ чрезъ то знакомство съ людьми, которые имъ вредятъ; занимая деньги—платятъ великіе проценты. Когда сами на престолъ взойдутъ, то сумма сія чрезвычайно умножилась, да, сверхъ того, обязываются многое сдѣлать людямъ, которыхъ иногда къ дѣламъ должны употребить и которые рѣдко хорошо оными управляютъ. *Voilà de la philosophie politique, cher ami, je me propose de faire de cela un ouvrage raisonné* ¹⁾.

Несказанно доволенъ, что журналъ вести наконецъ рѣшился и тому причиной французскій генералъ. Окончу Берлинъ и Потсдамъ гѣмъ, что былъ принятъ съ производеніемъ въ мастера въ ложу New-York ²⁾, чрезъ посольство секретаря нашего Мальцева ³⁾, который обѣщанія своего не сдержалъ, ибо обѣщавъ мнѣ катехизисъ приличный,—котораго, за отъѣздомъ моимъ, не успѣлъ получить,—въ Дрезденъ прислать, но сего не исполнилъ. Посланныкъ нашъ кн. Долгорукій ⁴⁾ человекъ, кажется, весьма изрядный, въ наукѣ весьма знающій, и уже такъ давно въ Берлинѣ, что его принимать должно за адѣшняго жителя.

На другой день благополучно прибылъ въ Дрезденъ, 4-го ноября. Городъ довольно хорошій и положеніе его чрезвычайно пріятное; окруженъ со всѣхъ сторонъ горами; имѣетъ рѣку чрезвычайно быструю и довольно широкою, которая раздѣляетъ новый городъ съ старымъ, имѣя сообщеніе чрезъ прекрасный мостъ, который отменно длиненъ и еще длиннѣе былъ бы, но церковь, которую возлѣ дворца построили, принудила его окоротить и засыпать то мѣсто, гдѣ онъ былъ. Строенія, примѣчанія достойныя—католическая церковь, лю-

¹⁾ Переводъ: Вотъ и политическая философія! Я предполагаю изъ этого, любезный другъ, сдѣлать умозрительное сочиненіе.

²⁾ Ложа New-York намъ неизвѣстна, но въ изсгѣдованіи М. Н. Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты» упоминается о ложѣ «Royal-York», находившейся въ Берлинѣ, въ сношеніяхъ съ которой, еще въ 1772 г., было много русскихъ.

³⁾ Вѣроятно, Петръ Семеновичъ Мальцевъ, находившійся въ 1792 году въ Берлинѣ, при нашемъ чрезвычайномъ и полномочномъ министрѣ, Колычевѣ.

⁴⁾ Князь Владиміръ Сергѣевичъ (умеръ въ 1803 г.) занималъ постъ русскаго посланника въ Берлинѣ 24 года и извѣстенъ какъ человекъ весьма уважаемый и большой приверженецъ Фридриха Великаго («Записки» кн. Дашковой).

теранская, называемая Франсъ-кирха, которой только колокольни недостает и то чрезъ странное приключеніе: архитекторъ искусный, который ее строилъ, былъ разсерженъ, что ему не заплатили обѣщанныхъ, за построеніе оной, денегъ,—подъ видомъ, что она непрочно построена,—съ досады планъ разорвалъ и съ печали умеръ; и такъ, принуждены были, уже по смерти его, колокольню вридѣлать, которая такъ скверна, что, при такомъ хорошемъ строеніи, болѣе снѣхъ, нежели украшеніе дѣлаетъ.

Дворецъ—строеніе весьма безпорядочное, ибо состоитъ въ соединеніи шести или семи домовъ, которые не весьма хорошій видъ дѣлаютъ. Еще находится здѣсь великолѣпное строеніе для сбора такъ называемыхъ <Landes-Städte> (земскіе чины), что всякіе шесть гѣтъ дѣлается. Они сперва весьма много значили; но теперь здѣшній курфирстъ дѣлаетъ, что изволить, и, не нося имени самодержавнаго, онымъ пользуется.

Утѣшеніе нашему брату видѣть, что и другіе подъ неограниченною властію самодержавства находятся! Сіе, можетъ казаться, уже судьба просвѣщенныхъ людей.

Курфирстъ¹⁾—государь весьма хорошій и Саксонія весьма счастлива имѣть такого и давно не имѣла ему подобнаго, да сверхъ того и великая нужда состоитъ, чтобы онъ таковъ былъ: земля еще не могла такъ скоро оправиться, послѣ правленія двухъ королей²⁾, которые роскошью и глупою пышностію все, кажется, употребили, чтобы землю свою истощить; къ сему-жъ его величество король прусскій всевозможные способы употребилъ въ Семилѣтнюю войну, чтобы сію несчастную землю изнурить. Но при правленіи сего хорошаго курфирста, земля зачинаетъ оправляться и онъ уже нѣсколько милліоновъ долгу заплатилъ. При послѣдней войнѣ имѣлъ онъ случай оказать великодушіе свое: упомянутые Landes-Städte назначили два милліона на содержаніе войскъ, которые онъ на первый годъ и употребилъ во время войны; на другой годъ они паки согласились такое же число денегъ дать и дѣйствительно оныя собрали и курфирсту оныя доставили; но такъ какъ, сверхъ чаянія, миръ сдѣлался и, слѣдовательно, ему оныя на содержаніе войскъ сихъ не надобны были и, хотя онъ ихъ безъ всякаго попрека своихъ подданныхъ могъ себѣ оставить и ему министры сіе сдѣлать совѣтовали,—но онъ не только остальные деньги отдалъ, но и запретилъ собирать недоимочныя къ назначенной суммѣ.

¹⁾ Фридрихъ-Августъ III (I), р. 1750 + 1827, курфирстъ съ 1763, король саксонскій съ 1806 года, одинъ изъ послѣднихъ приверженцевъ Наполеона.

²⁾ Курфирсты Августъ I и Августъ II, бывшіе въ то же время королями польскими.

По обыкновенію, на другой день прѣзда послать сказать о себѣ нашему посланнику князю Александрѣ Бѣлосельскому¹⁾, который мнѣ послѣ обѣда въ себѣ прѣймавъ велѣлъ, что я и сдѣлалъ. Человекъ молодой, во всемъ разумѣ, довольно знающій, а особливо, что до художества и belles-lettres касается, въ общежитіи пріятенъ, иногда съ краснорѣчивымъ словцомъ. Характеръ болѣе на женскій, нежели на мужской похожъ, т. е., что никакого прити не имѣеть. Имѣлъ тогда интригу съ самой неформальной женщиной, Фельдкерзамшею. Но присутствіемъ къ дѣлу: въ воскресенье былъ я представленъ курфироту и его братьямъ, которые одинаково ни въ чемъ ни ного не положили, — за то сестра ихъ²⁾ украинское имѣ дѣлаетъ. Жаль, что личность владѣющаго брата и ей испортилась, чтобы себѣ изъ весьма знатныхъ владѣльцовъ въ женихи избрать, ибо кажется, что долгое дѣство ее снѣдаетъ; но я рѣдко видѣлъ женщину, которая, бывъ такъ мало хороша, столь пріятна была бы. Не мало въ оному нравственное ея ласковое обращеніе способствуетъ. Дворцовая, какъ и въ прочія собранія, довольно скучна и съ берлинскими сравненія не имѣютъ, ибо я себѣ сперва воображалъ, что савсѣмъ противоположное саму умку, и для того такъ скоро съ Берлиномъ, гдѣ мнѣ начало довольно весело житься, расстался. Представить себѣ не могъ, судя по великолѣпію двора, который подъ царствомъ двухъ царицъ такъ отличался, и по великому просвѣщенію простаго саксонскаго народа, — во, въ соотвѣстію, премагѣйшее (?) разстояніе между народомъ и дворомъ нашлось. Я бы своему разсужденію въ семь, можетъ быть, и не очень довѣрился, ибо, мнѣ кажется, долго надобно въ городѣ жить и устремлять примѣчаніе въ частномъ обращеніи съ жителями, чтобы можно было справедливо о немъ судить; но не только сіе отъ иностранныхъ слышалъ, даже нѣкоторые тамошніе, которые болѣе свѣта имѣютъ въ ономъ, признаются. Остатки великолѣпія сего двора еще во многомъ числѣ здѣсь находятся, а именно: удивительно найти въ толь маломъ городѣ такое число хорошихъ искусниковъ и ремесленниковъ! Для ремесленниковъ, правда, что земля сама способствуетъ, ибо она наполнена всякаго рода сокровищами. И такъ, не диво, что нѣкоторый славный золотарь, Нейбертъ, саксонецъ, здѣсь находится, получая великіе способы свой вкусъ совершать. Надобно тебѣ сказать, что, изъ дрезденскихъ, никто почти ничего

¹⁾ Кн. Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій (р. 1752 + 1809), посланникъ въ Дрезденъ, потомъ въ Туринъ, наконецъ, по возвращеніи въ Россію — обер-шенкъ.

²⁾ Мауля-Анна, р. 1761 + 1820, дѣвицаю.

у него не покупаютъ и оны только кормятся чрезъ проѣзжающихъ иностранниковъ и чрезъ продажу на Лейпцигской ярмаркѣ. Но удивительно здѣсь видѣть искусниковъ не только очень хорошихъ, а много посредственныхъ; напримѣръ, Граффъ ¹⁾ портреты рисуетъ въ маслѣ, какъ ты самъ изъ моего видѣнья, отменно хорошо, и считается изъ первыкъ въ свѣтѣ. Нѣкто Цейдельманъ рисуетъ такъ хорошо, что его переманили въ Англію, гдѣ сіе искусство въ великомъ совершенствѣ. Тейтедѣбахъ, рѣзальникъ камней, также изрядный искусникъ и невѣроятно, какъ дешево работаетъ. Множество другихъ искусниковъ здѣсь находится, которыхъ, къ отиуду моему, должно признаться, бывъ толь долгое время, не посѣтилъ; но сіе будетъ мнѣ хорошій урокъ впередъ. Двѣ вещи здѣсь, великаго примѣчанія достойныя, находятся: 1) собранія картинъ нѣтъ въ свѣтѣ подобнаго, гдѣ бы въ одномъ мѣстѣ всѣхъ разныхъ школъ мастеровъ такое множество хорошихъ картинъ находилось, и 2) трезоръ, называемый «Грюнъ-Гевельбъ», также въ своемъ родѣ одинъ, гдѣ всѣ драгоцѣнные камни, всякаго рода въ большомъ изобиліи и въ совершенствѣ, находятся.

Въ Лейпцигѣ я заболѣлъ; <нѣтъ однако же, — какъ пословица говоритъ, — худа безъ добра>. Такъ какъ продолженіе сей болѣзни меня наикъ въ Лейпцигѣ остановило, то, 1-е, задумалъ я свой журналъ вести, что теперь за весьма полезное считаю, и 2-е, и весьма важное, что тамъ имѣлъ случай утвердить себя въ правилахъ своихъ, которыя, чрезъ разные мысли, зачали было колебаться. Надобно подробнѣе тебѣ о семъ рассказать, какъ я почувствовалъ болѣзнь свою, какъ рѣшился остаться все время болѣзни дома, чтобы скорѣе и лучше вылечиться. Я велъ для этого лекаря Іегера, рекомендованнаго мнѣ Смирновымъ, при посольствѣ совѣтникомъ. По вечерамъ собирались ко мнѣ нѣкоторые и дѣлали партію въ вистъ. Однимъ вечеромъ вдругъ влетѣлъ здѣшній камергеръ графъ Шенбургъ и предложилъ играть въ макао. Ты самъ знаешь, что я хотя не игрокъ, но игры не ненавижу; я принялъ его предложеніе и мы всѣ зачали играть. Я сначала проигралъ болѣе 500 талеровъ и мнѣ оставалось не болѣе 100 талеровъ проигрывать и, и проигравъ сіе, я бы пересталъ всеконечно, но счастье иначе располагаетъ, — оно поворотилось; я не только свои всѣ деньги отыгралъ, но выигралъ нѣсколько. Упомянутый молодой графъ хотѣлъ меня испугать, вынулъ горсть золота, спрашивая,

¹⁾ Антонъ Граффъ (Graff), саксонскій придворный живописецъ, р. 1730 † въ Дрезденѣ 1813. За портреты масляными красками оны брагъ отъ 30-ти до 50-ти талеровъ.

держу-ли я сіе съ пресома? на что я согласился; онъ повернулъ сіи деньги коробочкой; счастье мое тутъ встало подѣйствовало и я получилъ девять;—зачали считать и нашлось 22 червонца; ему надобно было идти и онъ покинулъ игру, а мы трое продолжали ее, и тутъ маленькій обрѣзокъ моего счастья явился, ибо я часа съ три съ непрерывнымъ счастьемъ игралъ, такъ что, по окончаніи игры, я выигралъ 1,000 талеровъ 150 червонцемъ. На другой день поутру всѣ ко мнѣ явились и мы опять зачали играть, но тутъ ничего примѣзательнаго не случилось. Черезъ нѣсколько времени, зачалъ я банкъ метать, но сіе съ невѣроятнымъ несчастіемъ, такъ что весь свой выигрышъ назадъ проигралъ. Согласился наконецъ съ однимъ майоромъ Груомъ вмѣстѣ банкъ держать и тутъ опять зачалъ выигрывать, но однимъ днемъ мы разошлись съ нимъ, ибо графъ ему не заплатилъ, и я взялъ въ половину графа Коленберга, человѣка, который, выключая своей чрезвычайной горячности, весьма любезенъ, чрезвычайно честенъ, благороденъ, такъ что ему подобнаго во всемъ Дрезденѣ нѣтъ,—и мы съ нимъ 300 талеровъ выиграли, послѣ чего перестали. Досадно мнѣ стало, что я его въ половину взялъ и что лишился чрезъ то дѣлаго выигрыша. И такъ, сказавъ шведу, что неотмѣнно надобно мнѣ отнять у него этотъ выигрышъ, сдѣлалъ банкъ изъ 150 талеровъ золотомъ, и подлинно удалось мнѣ отнять у него его половину. Съ этихъ поръ зачалъ опять съ отиѣннымъ счастьемъ играть. Намѣтивъ на славнаго здѣшняго игрока, который въ нашемъ обществѣ 1,500 талеровъ выигралъ однимъ вечеромъ, 2,000 талеровъ у него выпонтировалъ и до того его довелъ, что онъ, какъ нищій, зачалъ просить, чтобы ему 600 талеровъ, которые сверхъ у него выигралъ, назадъ проигралъ. При продолжительной сей игрѣ, я имѣлъ случай разныя примѣчанія сдѣлать. Что касается до игры, то весьма странно въ метаніи банка, что, когда однажды несчастливо мечешь, то уже ничто не въ состояніи счастья перемѣнить; сколько картъ ни бери, сколько ни мечи,—ничего не поможетъ. Нѣтъ упражненія сквернѣе, какъ игра! Самаго честнаго человѣка видалъ въ игрѣ безчестнымъ; безпокойство при проигрышѣ ни съ чѣмъ не сравнится! Какая на себя досада!—время уже неотмѣнно теряешь и не только то, въ которое играешь, но и передъ и послѣ игры, ибо только ею и занять; сверхъ того, разстройку въ дѣлахъ весьма скоро можетъ также сдѣлать, что тяжело вырваться иногда бываетъ. Дрездену конецъ.

Еще долженъ прибавить къ сему, что былъ въ Кенигштейнѣ—крѣпость три мили отъ Дрездена, которой природа такъ способствовала, что ни подъ какимъ видомъ взять ее не можно и въ

Самилитиную войну курфирствъ,—на нѣкоторое время, вѣроятно, а не навсегда,—нѣкоторыя славныя картины и всѣ сопроница Грозъ-Гевельба сюда перевезъ. Король прусскій чрезвычайно желалъ сію ирѣность взять и нѣкоторое время въ осадѣ держалъ, но, увидя невозможность ея завладѣть, послѣ третяго општа, отступилъ.

Наконецъ рѣшился, боясь все проиграть, что выигралъ, изъ Дрездена отбыть. Въ Лейпцигъ приѣхлъ; но болѣзнь моя еще не кончилась и наконецъ рѣшился општъ нѣсколько полегчить. О Боже! можно ли мнѣ семь уже полегчить, не отъ сего не выдоремѣлъ! Мой бывшій гувернеръ Книдъ, котораго я здѣсь нашелъ въ весьма хорошемъ положеніи, мнѣ очень обрадовался. Переѣхну чрезвычайно нащелъ въ Лейпцигъ. Роскошь чрезвычайно умножилась. Утѣху грѣшнику себѣ подобныкъ видѣть!

Брауншвейгъ.—28-го (17-го) августа.

И такъ, опять принимаюсь за свой журналъ; лѣнивъ, правда, но, можетъ быть, исправлюсь. Въ Лейпцигѣ пробылъ четыре недѣли, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Оберта ¹⁾, гдѣ онъ мнѣ пишетъ, что племянникъ такъ дурно себя ведетъ, что его силъ недостаетъ болѣе съ нимъ быть, и что если я не скоро приѣду, то онъ его оставитъ. Легко ты можешь себѣ представить, какъ меня сіе встревожило и я, не взирая на продолженіе моей болѣзни, рѣшился благимъ матомъ ѣхать, и такую нужду въ дорогѣ претерпѣлъ, какъ со мной никогда еще не случалось, ибо—представь себѣ, что не только прекрайняя распутица была, ибо сіе было 4-го марта, но вдругъ завезъ меня почталіонъ въ яму, гдѣ я долженъ былъ часа съ три сидѣть, пока приведенныя лошади изъ ближайшей деревни могли вытащить коляску; съ болѣзнью надобно было мнѣ все сіе время на снѣгу и дворѣ стоять. Чтобы усугубить дѣйствія сего дня, приѣхалъ на скверную станцію и въ стужѣ, почти въ неопленой горницѣ, препровелъ прескверную ночь. На другой день выѣхалъ. Ты легко себѣ представить можешь, какъ скверна была дорога, что легкая моя коляска принуждена была быть тащима шестью конями! Такимъ образомъ, на третій день сюда прибылъ и нашелъ здѣсь племянника, меня переросшаго, но блѣднаго и худаго, отъ безпорядочной жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ узналъ, что онъ во всѣ возможныя безпут-

¹⁾ Гувернеръ племянника автора, Николая Александровича Зиновьева, который въ то время обучался въ Лейпцигскомъ университетѣ. Н. В.

сѣбѣ вѣдалъ, т. е. не только въ заруги игралъ, но много задалъ, много изъ своихъ вещей заложилъ и самъ подлиннѣ образомъ много долги надѣнилъ: жидамъ, самолюбиву своему и т. н. За все сіе я ему жестокіе выговоры дѣлалъ и не прости съ нимъ помирился, пока онъ мнѣ чистосердечныя обѣщанія не сдѣлалъ, что онъ возвратится. Образъ жизни совершенно перемѣнилъ, такъ что Обертъ, который совсѣмъ отчаялся, не могъ довольно тому удивиться. Иной день онъ часамъ по 12-ти занятъ былъ; прежде же моего пріѣзда, ни половины не занимался; да что болѣе всего, что онъ не все съ такимъ послушаніемъ дѣлалъ, и мои повелѣнія, какъ они противъ его желаній и ни были, не только хорошо принималъ, но ясно мнѣ показывалъ свое стараніе ихъ исполнить. И такъ, отъ сего въ восхищеніи, брату одно письмо за другимъ писалъ, гдѣ ему самую лучшую надежду о его поправленіи дѣлаю. Передъ отъѣздомъ моимъ на ярмарку въ Лейпцигъ, онъ захотѣлъ ликорадкой; но такъ какъ сія болѣзнь не опасна была, да, сверхъ того, ему и лучше сдѣлаюсь, то переѣхалъ я, въ началѣ мая, туда. Въ Лейпцигѣ жилъ у Бинда въ домѣ. Тутъ примѣчалъ достойнаго со мною ничего не случилось; выговарю, что тутъ увидѣлъ кн. Вѣлосельскаго и Смирнова. Денегъ на покупки много промоталъ. И такъ, послѣ трехъ недѣль опять сюда возвратился; здѣсь нашелъ своего племянника выздоровѣвшимъ, но уже не такъ послушнымъ, какъ сперва былъ; что я однако же остаткамъ ликорадки приписывалъ. Около конца мая повесъ я его въ Магдебургъ къ ревьюмъ (révue), что ему обѣщалъ; но онъ жаловался, что невдоровъ; но докторъ нашъ ему бѣзъ дозволенія и ми въ одинъ день въ Магдебургъ пріѣхали. На другой день пошелъ къ коменданту Риволю, здѣшняго города, чтобы просить дозволенія присутствовать при ревью и онъ, записавъ наши имена, обѣщавъ объ ономъ королю сказать и намъ объ ономъ отвѣтъ дать. На другой день отвѣтъ и дозволеніе получили, и такъ, въ первый разъ отъ роду столько войскъ, а именно 24,000, видѣлъ. Жалѣю очень, что съ военнымъ глазомъ на нихъ смотрѣть не умѣлъ; напротивъ, въ мысляхъ все бѣдственное и вредное для человѣчества въ ономъ видѣлъ, что неслучимыя тысячи людей мучать, — да и къ чему? Чтобы лучше другихъ умѣть убить, наконецъ, и самимъ убитыми быть. Къ несчастію, сіе уже необходимо стало; да когда бы и не было, то, по моему, всеконечно первый, который бы сіе завелъ, наиболѣе жестокой казни достоинъ былъ. Но сія философія для тебя, военного человѣка, не годится, и такъ, объ семъ полно.

Въ Магдебургѣ, я былъ вторично, при племянникѣ, королю представленъ и весьма странно, что онъ у меня почти то же спросилъ, что

въ Берлинѣ, семь мѣсяцевъ тому назадъ, спрашивалъ. Тутъ оставлю тебѣ о томъ судить. Здѣсь долженъ еще о племянникѣ прибавить, что онъ весьма жаловался на боль, которая очень—какъ онъ говорилъ—умножилась, и онъ такъ въ эти дни опустился, что я принужденъ былъ его во всему принуждать и онъ меня часто сержалъ. Забылъ тебѣ сказать, что принцъ прусскій ¹⁾ въ Магдебургѣ былъ и не только меня чрезвычайно хорошо—въ разсужденіи, какъ я думаю, старой моей службы (?)—но и племянника очень хорошо принималъ, такъ что многіе капитаны и штабъ-офицеры въ его столу ужинать не бывали, когда мой племянникъ званъ былъ. Въ Магдебургѣ множество французскихъ и англійскихъ офицеровъ; былъ и я всѣ эти три дня съ французами, между которыми, какъ мнѣ помнится, меньше бригадира не было. У принца ужиналъ. Въ послѣдній вечеръ довольно смѣшное случилось, а именно: одинъ настоящій французъ, бригадиръ, разговаривался про морскую баталію, гдѣ, какъ мнѣ помнится, его братъ убитъ былъ, и зачалъ сію баталію на песокъ рисовать,—да представь себѣ гдѣ?—между ногъ принцевыхъ. Надобно знать, что это было послѣ ужина, въ маленькомъ саду, и мы всѣ стояли; принцъ находился у дерева и ему отъ него никакъ, не испортивъ французскаго междунажнаго плана, не можно было уйтти. Въ этой позиціи онъ минуту съ семь пробывъ, смотря ему съ нѣкоторымъ негодованіемъ въ глаза; но бригадиръ не прежде какъ по окончаніи своего плана пересталъ. Обѣдалъ я здѣсь, въ Магдебургѣ, за называемымъ маршальскимъ столомъ, и его величество не разшибся въ великолѣпіи сихъ обѣдовъ, ибо больше четырехъ блюдъ не бывало, а десертъ былъ пирожки. Къ сему же столу были всегда приглашаемы всѣ чужестранные, представленныя королю, и ниже полковничьяго чина; имѣющіе же оныи—обѣдали съ королемъ; но я, какъ не военнослужащій, по введенному положенію короля, за маршальскимъ столомъ обѣдалъ и, бывъ голоденъ, находилъ кушанье чрезвычайно хорошо, хотя приборы и не весьма чистоплотны были; *mais c'était à la militaire* ²⁾. И здѣсь примѣчаніе свое, которое уже много разъ мнѣ дѣлать случалось, опять повторю, что весьма странное понятіе о нашей землѣ имѣють, а паче о нещепаемомъ нашемъ богатствѣ. Но что меня болѣе всего удивило, что одинъ адъютантъ короля, бывъ много разъ въ Россіи, для покупки лошадей, такъ объ ней несправедливо разсуждалъ, что иногда я

¹⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ, въ послѣдствіи король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ II (р. 1744 † 1797).

Кн. А. В. Л.-Р.

²⁾ Переводъ: но это было на военную ногу.

принужденъ былъ ему противорѣчить. Однимъ словомъ: славны бубны за горами. По окончаніи трехдневныхъ ревюевъ, поѣхалъ я обратно въ Брауншвейгъ, и сей путь верхомъ сдѣлалъ; но племянникъ, который началъ разнемогаться, оный въ коляскѣ окончилъ. Отъ сего времени до начала іюля, ничего важнаго со мной не произошло.

Брауншвейгъ.—29-го (18-го) августа.

Три дня тому назадъ, какъ изъ Гамбурга возвратился, гдѣ по причинѣ странной былъ: Эшенбургъ, мой любимый учитель въ англійскомъ языкѣ (тебя удивляетъ, что я его «любимымъ» называю; но у меня здѣсь три ежедневно было), собрался ѣхать въ Гамбургъ, а я передъ тѣмъ прескучнаго, но умнаго и знающаго учителя, который въ Дрезденъ отъѣхалъ, лишился и остался мнѣ одинъ суперинтендантъ Кюстеръ; вотъ почему я рѣшился съ Эшенбургомъ въ его родимый городъ ѣхать. Городъ сей довольно обширенъ, одинъ изъ главно-торгующихъ въ Германіи и чрезвычайно многолюденъ. Ни съ кѣмъ, кромѣ русскаго посланника, г. Гросса¹⁾, тамъ знакомства не имѣлъ, чтобы не помѣшать упражненію своему въ англійскомъ языкѣ. Онаго нравъ описать тебѣ не берусь подробно и вѣрно, но сколько узналъ—столько и скажу: человекъ честный, нѣсколько скупъ и смѣшно скупъ, весьма чистосердеченъ, и мы другъ друга полюбили. Не попреки, что я такъ нехорошо о человекѣ пишу, который безъ письма меня отлично хорошо принялъ; но однажды навсегда я долженъ то писать, что думаю, но не то, что бы постороннему сказалъ. Последнее воскресенье представлень былъ герцогинѣ Мекленбургской, которая здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ лѣтомъ проводитъ. Не весьма лестно для тѣхъ, которые ея дворъ составляютъ. Всякій день обѣдалъ у Гросса, прочее же время почти все было употреблено на англійскій языкъ. Былъ въ театрѣ одинъ разъ и слышалъ вѣнскую пѣвицу Лангеръ, въ нѣмецкой Земирѣ, и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ по валу гулялъ. Здѣсь прекрасныя гульбища, въ чемъ сей городъ изобилуетъ, и они тѣмъ пріятнѣе дѣлаются, что всякій, даже до самыхъ низкихъ людей, оными пользуется. Послѣ двухдневной безпокойной дороги, нахожусь теперь опять здѣсь. Описание сего города и двора оставляю до Франкфурта, куда недѣли чрезъ три прибыть думаю.

¹⁾ Федоръ Ивановичъ фонъ-Гроссъ (род. 1729 года, умер. въ 1797 году) тайн. сов., бывшій тогда русскимъ посланникомъ при Гамбургскихъ городахъ и при князяхъ Нижне-Саксонскаго округа (Болѣе подробн. въ статьѣ барона Виллера: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II-й», «Русск. Вѣстникъ» 1870-го г.).

Брауншвейгъ.—31-го августа.

Вчера съѣдалъ и ужиналъ во дворцѣ и теперь зачали принимать меня какъ должно и у правящаго дворомъ, а то очень смѣшно было, что здѣсь меня сажали ниже тѣхъ людей, передъ которыми я у вдовствующей герцогини преимущество имѣлъ; но съ нѣкоторыхъ поръ преимущество передъ всѣми зачалъ получать, такъ что вчера съ выше оберъ-штальмейстера герцога Веймарскаго сидѣлъ. Здѣшній герцогъ, говоря со мною про многое, хотѣлъ меня увѣрить, что онъ не политикъ. Что-то изъ этого выйдетъ? Посмотримъ и вишимъ. Одну непростительную слабость сдѣлалъ, говоря слишкомъ чистосердечно. Часто себя за лишнее чистосердечіе браню, а все еще отъ этого отвадиться не могу, но и въ этомъ поправиться стараться буду, а то еще сія добродѣтель, которая, по несчастію, почти порокомъ сдѣлалась, до бѣды меня довести можетъ. Нынче получилъ отъ тебя, повѣсы, письмо, но я тебя въ пятницу отхлопаю. Увѣдомилъ меня братъ, что Гурьевъ на Салтыковой ¹⁾ женится, а я, къ несчастію, имѣлъ ее въ мысляхъ какъ свою невѣсту, разумѣется; когда столько англичанокъ меня не захотятъ, сколько моихъ землячекъ меня не захотѣли. Вѣдь это вздоръ, но, къ стыду моему, долженъ признаться, что все извѣстіемъ симъ довольно тронуть былъ и мнѣ вдругъ она, какъ послѣдняя невѣста во всей обширной Россіи, показалась. Нарочно сіе пишу, чтобы себя отъ слабостей такихъ поправить и всѣ свои такіа важныя чувства выписывать буду.

6-го сентября.

Нынче ѣдаю во дворцѣ и видѣлъ тутъ пріѣзжаго аббата Gatti, корсиканца, и видѣлъ съ какимъ жаромъ онъ противъ французовъ говорилъ. Намъ бѣднымъ, монархическимъ подданнымъ, страсть неизвѣстная. При семъ случаѣ я сдѣлалъ безпримѣрную дистракцію, отвѣчая на вопросъ: откуда я?—что я французъ,—какой дистракціи со мной отъ роду не было. Оно тѣмъ смѣшнѣе, что онъ противъ французовъ все говорилъ, что только можно.

¹⁾ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (умер. 30-го сентября 1825 г.), въ послѣдствіи дѣйств. тайн. сов., графъ и министръ финансовъ съ 1802-го по 15-е августа 1807-го года; имѣлъ въ супружествѣ графиню Прасковью Николаевну Салтыкову (умерла въ 1830 году).

Франкфуртъ.—17-го сентября.

Такъ какъ сказано, такъ и сбылось, и не помню, чтобы мнѣ вѣдѣть когда нибудь такъ пріятель былъ какъ сей. Теперь дамъ тебѣ нѣкоторое извѣстіе о герцоговой фамиліи, и начну имъ ¹⁾).

Онъ человѣкъ весьма умный, знающій и, какъ извѣстно, великій полководецъ и таковымъ отъ извѣстнаго считается (въ послѣднюю войну онъ былъ назначенъ принять корпусъ принца Генриха ²⁾), который несказанные поступки дѣлалъ, но, къ счастью сего послѣдняго, война окончилась), горячь, такъ что забывается, ибо, представъ себѣ, что онъ одного солдата, на улицѣ, самъ палкой билъ, за то, что онъ въ новомъ мундирѣ кушанье къ офицеру несъ, а въ новыхъ мундирахъ запрещено строго казаться было. И такихъ примѣровъ премножество: дочь ³⁾ свою, которая премиленькая дѣвочка, чрезвычайно жива и можетъ посему иногда и проступаться,—часто, публично почти, ругаетъ, чему и я иногда свидѣтелемъ былъ; сыну наследника при многихъ пощечину, за неосторожное описаніе, при столѣ, о болѣзни моего племянника, далъ и т. п. Со всѣмъ умомъ своимъ, великія ошибки дѣлаетъ: 1) что не умѣлъ выиграть любовь своихъ поданныхъ; 2) казалъ великую привязанность къ королю прусскому, оказывая большое пренебреженіе къ своимъ малочисленнымъ войскамъ; 3) и главное, что, получа одолженное (т. е. обремененное долгами) правленіе, поставилъ себѣ предметомъ заплатить долгъ, но сіе съ такимъ жаромъ дѣлаетъ, что на сторону никакъ не взираетъ, а все на свой предметъ глядитъ и, правда, много съ костей сшибъ. Но сіе бы можно, мнѣ кажется, дѣлать, не забывая всего, такъ какъ онъ дѣлаетъ; напримѣръ, принимая англичанъ, дѣлаетъ имъ чрезвычайную потачку; несправедливо разсуждаетъ, бывъ до крайности скупъ и собирая деньги на свой полкъ въ Гальберштадтѣ, что всѣмъ извѣстно и на что мой бывшій учитель, суперъ-интендантъ Кюстеръ,

¹⁾ Герцогъ Карлъ - Вильгельмъ Люнебургъ-Брауншвейгскій (р. 1735 † 1806) известенъ, какъ полководецъ и какъ глава германскихъ масоновъ; имѣлъ репутацію умнаго и образованнаго человѣка. Мирабо и Сиезъ, знавшіе его—высокаго о немъ мнѣнія. Свою военную карьеру началъ въ войнахъ Фридриха Великаго, своего дяди.
Н. В.

²⁾ Принцъ Генрихъ прусскій, родной братъ Фридриха Великаго. Онъ два раза, въ царствованіе Екатерины, былъ въ Петербургѣ. Въ свой первый пріѣздъ въ Россію, онъ сдѣлалъ первый намекъ императрицѣ о раздѣлѣ Польши.

³⁾ Принцесса Каролина (р. 1768 † 1821), вышедшая въ 1795 г. за принца Уальскаго Георга (въ послѣдствіи король англійскій Георгъ IV). Бракъ, какъ извѣстно, былъ самый несчастливый.
Кн. А. В. Д.-Р.

весьма жаловался. Еще нашелъ я въ немъ порокъ, который въ другомъ весьма умномъ человѣкѣ вижу: 1-е, что очень на свой умъ надѣется и думаетъ, что всякаго увѣрить во всемо можетъ; 2-е, что иногда лукавство пересаливаетъ такъ, какъ и со мной сдѣлалъ (?).

Жена его ¹⁾ меня во всемо плѣнила и—неудивительно: она на половину англичанка; но чистосердечіе ея меня просто восхитило. Ты не удивишься сему, зная какъ я самъ очень часто слишкомъ чистосердеченъ. Однажды она мнѣ сказала, что запорами мучится, и сколько фруктовъ при водахъ ни ѣстъ—все безъ дѣйствія бываетъ. Шутки въ сторону,—ея добродѣтель безпримѣрна, паче для своей семьи, ибо, не взирая на то, что герцогъ съ одной изъ Берлина г-жей Гартенфельдъ ²⁾ живетъ, которая, какъ сказываютъ, хороша была и часто надъ герцогиней ругается, она не только любовь и должное почтеніе къ нему, но и ко всемо своимъ дѣтямъ матернюю привязанность сохранила. Она всячески старается герцогу угодить и сказали мнѣ, что большое ея желаніе въ этомъ—его сердить. Я съ ней такъ познакомился, какъ нельзя болѣе, даже сказалъ ей, что на англичанкѣ жениться собираюсь, разумѣется, шутя и оставивъ себѣ все поля, чтобы когда серьезно допрашивать будутъ, чтобы вывернуться можно было, и общалъ ей, когда сіе сдѣлается, въ Брауншвейгъ возвратиться съ своей англичанкой. Однимъ словомъ, я ее очень почитаю и люблю, выключая болтливости.

Мать герцогова ³⁾ уже очень стара и рассказывала мнѣ, съ завистью, о нашей государынѣ (Екатеринѣ II), что она ее однажды отъ пощечины ея матери избавила, когда она съ ней въ Брауншвейгѣ была, и, не хотя ѣхать въ саняхъ съ однимъ старымъ нѣмецкимъ кавалеромъ, перемѣнила свой нумеръ и такую чрезъ то конфузю сдѣлала, что никто не зналъ—кому съ нимъ ѣхать. Правда, что прискорбно должно быть нѣмецкимъ княгинюшкамъ, которыя государыню какъ принцессу Цербстскую знали, и теперь видятъ, что она судьбу Европы рѣшаетъ.

Принцъ Фердинандъ ⁴⁾—извѣстный полководецъ въ Семилѣтнюю

¹⁾ Аугуста, принцесса английская (р. 1737 † 1813), старшая сестра короля Георга III.

²⁾ Дѣвица фонъ-Гартенфельдъ (von Hartenfeld). См. объ ней Venke, «Gesch. der Hofe des Hauses Braunschweig», V, 273 и слѣд.

³⁾ Филиппина - Шарлотта (р. 1716 † 1801), принцесса прусская, родная сестра Фридриха Великаго.

⁴⁾ Принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій (р. 1721 † 1792, холостымъ), дядя владѣтельнаго герцога. Какъ онъ, такъ и отецъ владѣтельнаго герцога, были родными братьями принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, отца императора Иоханна Антоновича.

войну, но многіе большую часть его славы одному г. Вестфалу приписываютъ, который теперь въ отставкѣ. Многіе славные люди, по моему мнѣнію, выключая тѣмъ приключеній счастія, въ этомъ положеніи находятся, когда порядочно ихъ исторію разобрать. Онъ человекъ весьма добродѣтельный, великій Δ ¹⁾ и неизчетныя благодѣянія дѣлаетъ, во всемъ своемъ поведеніи весьма щедръ.

Наслѣдникъ принца²⁾—не много надежды подаетъ и многіе приписываютъ сіе чисто воспитанію, которое онъ отъ отца получилъ, ибо сказываютъ, что онъ здравый разумъ имѣетъ. Сіе опять въ противорѣчіе разуму герцога служить можетъ. Два послѣ его старшіе принца³⁾—еще глупѣе кажутся; за то самый младшій⁴⁾—мальчикъ преумный и преострый.

Примѣчательные люди при мнѣ здѣсь были: г. Минихсгаузенъ⁵⁾, который мѣсто и нравъ, какъ мнѣ кажется, Г. К. Орлова⁶⁾ имѣетъ: такъ же упрямъ, какъ онъ, и что сказалъ, того уже никто ему изъ головы не выбьетъ. Изъ женщинъ: г-жа Гартенбергша, которая живетъ съ сыномъ сего страннаго гофъ-маршала, и мало сказать, когда ее кокеткою назвать.

Но ты скоро обо мнѣ дурное подумаешь, что я всѣхъ такъ ругаю; но я тебѣ на это двѣ причины скажу: первая—что въ чело-вѣкѣ доброе всегда позже увидишь, нежели худое и смѣшное, слѣдовательно, надобно и съ добрымъ человекомъ долго жить, чтобы его слабости и пороки за добродѣтелями забыть; вторая—что большая часть людей болѣе дурны, нежели хороши.

О городѣ тебѣ скажу, что онъ довольно скучный; но я время свое довольно весело и хорошо препровелъ, удалясь отъ малыхъ веселій, которыя въ ономъ находились. Дорогу свою съ довольными неудовольствіями кончалъ.

¹⁾ Δ —массонъ.

²⁾ Принцъ Карлъ-Георгъ-Августъ (р. 1766 † бездѣтнымъ 1806, двумя мѣсяцами равше отца).

³⁾ Принцы Георгъ-Вильгельмъ-Христіанъ (р. 1769 † 1811) и Августъ (р. 1770 † 1820). Оба они были слѣпые и, послѣ кончины старшаго брата и за двѣ недѣли до кончины отца, отказались отъ правъ своихъ на престолъ.

⁴⁾ Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ (р. 1771 † 1815), младшій изъ всѣхъ братьевъ, наследовалъ отцу. Отличился, какъ полководецъ, своею неустрашимостію во время Наполеоновскихъ войнъ и убитъ былъ при Ватерлоо.

⁵⁾ Оберъ-гофмаршалъ Альбрехтъ-Эдмундъ-Георгъ фонъ-Мюнхгаузенъ (Münchhausen), тайный совѣтникъ. Бн. А. В. Д.-Р.

⁶⁾ Григорій Никитѣевичъ Орловъ (умер. 22-го марта 1803-го года), оберъ-гофмаршалъ; находясь уже въ отставкѣ, получилъ отъ императора Павла, въ 1797-мъ году, орденъ св. Андрея. Н. В.

Въ Кесселѣ музеумъ смотрѣлъ. Строеіе само собою очень хорошо и, для такого маленькаго князя, собраніе довольно изрядно, а паче въ великомъ порядкѣ находится. Новый городъ весьма хорошо выстроенъ и съ великимъ вкусомъ, а паче площадь овальная мнѣ отъменно понравилась.

30-го октября.

Прибылъ наконецъ въ Франкфуртъ, гдѣ, къ крайнему неудовольствію, г. Румянцева¹⁾ не нашелъ и принужденъ былъ его двѣ недѣли ждать, пока отвѣтъ получилъ; наконецъ, увѣдомилъ онъ меня, что въ Шпейерѣ, маленькомъ имперскомъ городкѣ, меня ожидаетъ, куда я въ полтора дня пріѣхалъ и пробылъ съ нимъ день; онъ поѣхалъ въ Карльсруэ, а я—въ Мангеймъ. Городъ новый, совсѣмъ регулярный, гдѣ я менѣе сутокъ остался. Осмотрѣлъ картинную галерею, которая изрядна, и натуральный кабинетъ, который весьма посредствененъ. Послѣ обѣда, отъѣхалъ къ г. Румянцеву въ Карльсруэ и прибылъ туда вечеромъ. Пробылъ бы здѣсь цѣлую недѣлю съ графомъ довольно весело, когда бы здѣшніе господа, чтобы утѣшать, не такъ надоѣдали. Графъ своимъ состояніемъ весьма скучаетъ и на всѣхъ жалуется: всѣ не такъ себя ведутъ. Это, можетъ быть, и справедливо, но, чувствуя свои достоинства, не надобно другихъ унижать. Мудреное твореніе человѣкъ! И такъ, или я сперва не такъ гр. Румянцева зналъ, или онъ всегда такъ мудренъ былъ и самолюбіе чрезвычайное имѣлъ, которое я изъ его попрековъ противъ другихъ замѣтилъ?—но, правду сказать, что сіе отъ большаго благородства, которое онъ имѣетъ и которое у насъ мало знаютъ, происходитъ можетъ. Одно предвидѣть изъ нраву его думаю—что много новостей ожидать должны и, когда онъ съ другими объ ономъ совѣтоваться не будетъ, то не знаю—будутъ ли онѣ въ пользу государства?

Разстался поздно вечеромъ съ графомъ, послѣ ужина одного чинавнаго карльсруйскаго господина, и поѣхалъ въ Мюнхъ, гдѣ видѣлъ галерею картинную, которая изъ всѣхъ вещей тамъ примѣчательнѣе и особливо то собраніе, которое во дворцѣ курфирста находится. На другой день поѣхалъ въ Зальцбургъ и весьма радъ, что сей путь сдѣлалъ, ибо сей одинъ изъ самыхъ страннѣйшихъ городовъ. Видъ его и строеіе въ ономъ—весьма хорошіе. Двѣ мили отъ

¹⁾ Графъ Николай Петровъ Румянцевъ (р. 1754 † 1826, холостымъ), въ послѣдствіи государственный канцлеръ. Ен. А. Л.-Р.

сюда соляные заводы, въ которыхъ я былъ и даже до 250 сажень подъ землю опускался. Могу сказать, что воспоминаніе сего путешествія мнѣ весьма большое удовольствіе дѣлаетъ. Вотъ все, что примѣчанія достойно о Зальцбургѣ сказать имѣлъ. Здѣсь пробылъ почти два дня, поѣхалъ въ Вѣну, куда имѣлъ между прочимъ письмо къ барону Бюллеру ¹⁾ — весьма странной особѣ. Здѣсь получилъ весьма точныя свѣдѣнія о смерти Екатерины Алексѣевны ²⁾ и рѣшился ѣхать въ Пизу къ гр. С. Р. ³⁾; пробылъ здѣсь недѣлю, желая найти человѣка, вмѣсто Лемса, но въ ономъ не успѣлъ. И такъ, пустился въ путь въ Триестъ, гдѣ теперь и нахожусь, и собираюсь чрезъ нѣсколько часовъ пуститься моремъ на баркѣ, гдѣ уже моя карета стоитъ, — въ Венецію, съ датскимъ теологомъ, именемъ Минтеръ.

Дай Богъ хорошаго пути.

Венеція.—5-го ноября.

Свой путь благополучно водою съ датчаниномъ кончилъ, хотя два дня въ дорогѣ пробылъ; сей путь съ изряднымъ вѣтромъ въ день сдѣлать можно. Поутру вѣхалъ въ Венецію; привезли меня въ таможеню. Я думаю, что на свѣтѣ такой странной нѣтъ, ибо не только, что публично деньги берутъ, чтобы не смотрѣть, но еще публично и торгуются. Такъ, давая $\frac{3}{4}$ рубля, я принужденъ былъ дѣлать дать, — но за то и не открывали сундуковъ. Пріѣхалъ на квартиру, послалъ за своимъ корбеліномъ, который сперва и заспѣсивился, а потомъ уже моимъ рабомъ сдѣлался. Но можно сказать, что онъ человѣкъ умный и хотя онъ мнѣ около червонца сталъ, но я онаго не жалѣю.

Третьяго дня видѣлъ здѣсь оперу-буффу, а вечеромъ — италіанскую комедію. Первая чрезвычайно представлена, а вторая изрядно, но на италіанскій вкусъ. Актеры въ самыхъ чувствительныхъ и нѣжныхъ разговорахъ, говоря между собою, обращаются на партеръ, безъ нужды кричатъ, шутки себѣ большія дозволяютъ и одного бѣд-

¹⁾ Баронъ Карлъ Яковлевичъ Бюллеръ (р. 1749 † 1811, бездѣтнымъ).

²⁾ Графиня Екатерина Алексѣевна Воронцова, рожд. Сенявина († 25-го августа (5-го сентября) 1784), жена графа Семена Романовича и двоюродная сестра автора этого журнала.

Ен. А. В. Л.-Р.

³⁾ То есть: къ гр. Семену Романовичу Воронцову (р. 1744 † въ Лондонѣ 1831). Онъ назначенъ былъ въ 1783-мъ году полномочнымъ министромъ въ Венецію, а въ послѣдствіи, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника — къ великобританскому двору, въ каковой должности и скончался.

Н. В.

наго актера публично разругали, ибо ему на театрѣ, въ самомъ серьезномъ разговорѣ, директорша этой группы, которая въ этой комедіи его жену представляла, сказала, что онъ изъ кабака не выходитъ, что великій смѣхъ въ партерѣ произвело и на счетъ бѣднаго этого минуты съ двѣ смѣялись. Городъ престранный! Я былъ въ разныхъ церквахъ, но такъ какъ я намѣренъ ноньче къ нимъ возвратиться, то, можетъ быть, тебѣ объ ономъ въ другой разъ что-нибудь скажу. Ноньче также видѣлъ я одинъ конецъ города, противъ хрустальныхъ заводовъ, гдѣ, сказывалъ мнѣ корбелинъ, ночью нѣсколько опасно ходить, прибавляя, что въ томъ переулкѣ, гдѣ и я живу, также не очень надежно. Но, что всего страннѣе, что маска безъ всякой опасности вездѣ ходить можетъ, и примѣра еще не случилось, чтобы маска какое-нибудь несчастіе имѣла, и сіе оттого происходитъ, что всѣ маски подъ трибуналомъ инквизиторскимъ состоятъ. предъ именемъ котораго всякій дрожить. Маска безъ всякой опасности оружіе носить, когда другіе за оное строго наказываются. Кой часъ маску надѣлъ,—то имя уничтожилось и кто бы ты ни былъ—то ты: Signora Maschera. Обыкновеніе сіе для облегченія Nobilem дѣлается, ибо имъ неудобно съ другими смѣшиваться: надѣвъ же маску,—они со всѣми равны. Ноньче еще иду въ комедію. По обыкновению, здѣсь она состоитъ въ томъ, что все играютъ изъ головы, и сіе весьма странно бываетъ. 11-го ночью пріѣхалъ въ Болонію и, зная, что отсюда до Флоренціи дорога хороша, рѣшился ночь проѣхать, чтобы поскорѣе къ своему другу въ Пизу поспѣть.

13-го поутру пріѣхалъ въ Пизу, нашелъ Семена Романовича въ жалчайшемъ положеніи и печали неутѣшительной о потерѣ покойной сестры¹⁾, Екатерины Алексѣевны. Здѣсь увидѣлъ я на опытъ, какъ самый честнѣйшій человекъ, каковъ мой другъ, безъ настоящей вѣры недостаточенъ. Онъ, какъ хорошо построенный корабль, неимѣвшій руля: благополучный вѣтеръ доводитъ его до настоящей гавани, бурей отъ оной отводитъ, а часто и разбивается. И такъ, любезный другъ, не копи богатства для дѣтей своихъ, не безпокойся украшать ихъ умъ познаніями, но прежде всего старайся дать имъ настоящее и твердое понятіе о вѣрѣ: утвердивъ ихъ въ семь, уже тогда прочія выгоды имъ приобрѣтать старайся. Безъ вѣры нѣтъ настоящаго и твердаго благополучія на семь свѣтѣ, а кто оную имѣетъ—въ добродѣтели навсегда непоколебимъ. Никакое несчастіе, никакая страшная угроза его въ хорошихъ правилахъ поколебать не можетъ. Онъ можетъ иногда отдаться чувствамъ тѣлеснымъ, но когда

¹⁾ Т. е. двоюродной сестры автора журнала.

душа его опять надъ нимъ верхъ возьметъ, то онъ ясно свои прегрѣшенія и преступленія видитъ, объ онимъ соболѣзнуетъ, прибѣгаетъ къ Творцу, прося Его со смиреніемъ и кротостію о прощеніи своемъ, и испрашиваетъ Его помощи въ утверженіи на пути истины. Еще имѣлъ случай утвердиться въ извѣстномъ правилѣ, видя и бывъ почти неразлучно съ дѣтьми Семѣна Романовича, какъ нужно и полезно, чтобы матери сами вскармливали дѣтей своихъ. Сверхъ не-сказанной пользы, о которой почтеннѣйшій Руссо пишетъ, надобно еще прибавить, что кормилица—какой-бы добрый человѣкъ она ни была—того врожденнаго жара любви къ ребенку, какъ мать, имѣть не можетъ; не бывъ довольно просвѣщена, часто не знаетъ, какъ взяться, чтобы ребенокъ дѣлалъ то, что необходимо надобно. У насъ другое еще неудобство: выборъ сихъ женщинъ дѣлается изъ рабынь! Но близокъ-ли сей родъ людей къ благородству—ты самъ знаешь. Онѣ боятся дитя прогнѣвать, изъ рабскаго усердія ему потакаютъ, многое непростительное—пускаютъ, приучаютъ ребенка непрекословно волю свою исполнять: онъ къ сему привыкаетъ, въ взрослыхъ дѣтахъ сія страсть возрастаетъ, и дѣлаютъ часто то, что, выросши, ихъ питомецъ часто тѣмъ рабски повинуется, безъ покровительства которыхъ онъ не могъ бы такъ выгодно свои страсти исполнять. Сверхъ всего этого, любовь, которую ребенокъ къ кормилицѣ питаетъ, отдаляетъ мать, любовь которой она во всей цѣлости отдавала бы своему дѣтищу, если бы его своимъ молокомъ вскармливала. Онъ былъ бы тогда всѣмъ привязанъ къ своей матери, и, съ помощію врожденнаго почтенія, съ привычкой соединялъ бы въ ней то, чего онъ въ кормилицѣ найти не можетъ. Какъ бы тогда легче было такого ребенка вести, который къ своей матери непреборимую любовь съ крайнимъ почтеніемъ соединялъ. Я въ семъ такъ увѣренъ, что одна изъ первыхъ моихъ молитвъ къ Всевышнему—имѣть такую жену, которая бы пріятный трудъ сей на себя взяла.

Здѣсь я пробылъ до 20-го января. Хотѣлъ было прежде выѣхать, но рѣшился пробыть до сего времени, чтобы исполнить лучше предпринятое намѣреніе—разбивая своимъ присутствіемъ печаль друга своего. Два дня передъ отъѣздомъ моимъ, пріѣхалъ сюда гр. Иларіонъ Ивановичъ¹⁾, и сколько я его въ это время короткое узнать могъ, нашелъ его человѣкомъ весьма любезнымъ.

¹⁾ Графъ Иларіонъ Ивановичъ Воронцовъ (р. 1760 † 1791). Ен. А. Л.-Р.

Лионъ.—19-го (8-го) декабря 1784 года.

Сюда прїѣхаль, чтобы просвѣтить себя. Послѣ разныхъ разговоровъ съ членами, какъ, на примѣръ, съ Виллермозомъ¹⁾, съ Савареномъ и Вернаномъ, такъ воображеніе мое воспалено было, что сей вечеръ принявшисъ читать библію (правда, что не великую на то склонность имѣлъ), вмѣсто хорошаго, дурное дѣйствіе произвелъ, а сіе меня въ такое безпокойство привело, что, ложась спать, мнѣ послышалось, что меня зовутъ именемъ, и сіе меня такъ испугало, что я зачалъ очень молиться и наконецъ покойно уснулъ. Не нужно долгое разсужденіе дѣлать, какъ полезно познаніе самого себя!

Въ настоящее время мы переходимъ къ журналу Василія Николаевича Зиновьева, веденному имъ въ формѣ писемъ къ гр. Семену Романовичу Воронцову, изъ Италіи. Эти поденныя записки составляютъ, по времени ихъ веденія, продолженіе предъидущаго журнала изъ Германіи и частью изъ Италіи. Такъ какъ авторъ весьма подробно отдаетъ въ нихъ отчетъ своему другу о всемъ, что онъ осматривалъ въ Италіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ вращается въ сферахъ изящнаго, т. е. музыки, живописи, ваянія и проч., то мы не сочли умѣстнымъ передавать въ печати эти впечатлѣнія художника и артиста, а ограничились лишь избранными мѣстами изъ писемъ, незбытыхъ историческаго значенія, почему нижепечатаемыя письма нами сокращены, въ тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ мы упоминали.

Н. П. Варышнинъковъ.

¹⁾ Виллермозъ (Willermoz), лионскій купецъ, былъ предсѣдателемъ конвента въ Лионѣ въ 1778-мъ году, собраннаго французскими и нѣмецкими масонами «строгаго наблюденія», съ цѣлью сближенія между собою и съ намѣреніемъ признать герцога Фердинанда Брауншвейгскаго Гроссмейстеромъ всѣхъ Тамплиеровъ Франціи и Германіи. На конвентѣ успѣха достигнуто не было, по причинѣ разныхъ интригъ. Виллермозъ и послѣ конвента продолжалъ быть дѣятельнымъ членомъ французскихъ масонскихъ ложъ. См. Лонгинова «Новиковъ и москов. мартинисты», стр. 76, Рукописи Вишебешскаго архива, и Thory «Acta Latomorum», II, 395.

Н. В.

II.

Письма В. Н. Зиновьева къ графу С. Р. Воронцову изъ Италіи, сначала въ Пизу, а потомъ въ Лондонъ.

Римъ.—23-го (12-го) января 1785 года.

Намѣренъ я журналъ довольно подробный своему отсутствію отъ тебя вести, а такъ какъ тебѣ досугу теперь довольно въ Пизѣ, то, любезнѣйшій мой, чтобы мнѣ пріятнѣе его было читать, я къ тебѣ его адресовать буду, а ты на сіи вздорныя письма сдѣлай особенный ящикъ, чтобы я потомъ у тебя ихъ отыскать и отобрать могъ¹⁾. Тысему можешь удивиться, — «какъ можно такое маранье собирать?» — вѣдь однакожь не я первый буду, который свои вздоры за безпримѣрныя сочиненія считаетъ. Безъ шутокъ сказать, чтобы вдвойнѣ не писать, поведу свой журналъ писавъ къ тебѣ. Вотъ и предисловіе. Ты знаешь, что я никакого сочиненія безъ онаго изъ рукъ не выпускаю; даже, помнишь, когда дѣлалъ переводъ о употребленіи миа, — онаго не избавился.

Вечеромъ, въ семь часовъ, пріѣхалъ за двѣ почты отъ Рима, гдѣ я ночевалъ, чтобы вѣхатъ въ Римъ днемъ, куда въ 9 часовъ поутру и прібылъ. Немалое удовольствіе мнѣ было подъѣзжать къ городу, но я еще не разобралъ: точно-ли сіе — дѣйствіе воспоминанія тѣхъ славныхъ людей, которые сію землю топтали, или подражательное чувство, которое отъ наслышки происходитъ? Первое мое попеченіе, пріѣхавъ сюда, было исправить твои комисіи. Печати твои, по рисункамъ Лебрехта²⁾, отданы рѣзать, и я надѣюсь, что ты доволенъ оными будешь, и уповаю, что ты на меня не прогнѣваешься, что я другой крестъ тебѣ прибавилъ — но ужъ такова судьба! Великая государыня тебѣ ихъ даетъ, а великіе проказники — въ гербъ твой ихъ ставятъ. По твоему приказанію, прежде всего, ѣздилъ Ротонду смотрѣть и потомъ церковь св. Петра, и при послѣдней, особливо подходя къ оной поближе, несказанныя чувства имѣлъ и когда можно ихъ уподобить, то я бы сказалъ, что они таковыя, какъ когда бы мнѣ случилось славнѣйшаго, почтеннаго человѣка увидѣть, съ которыми знакомиться съ нѣкоторымъ смиреніемъ и удовольствіемъ идешь.

¹⁾ Чтѣ, вѣроятно, авторъ писемъ и исповнилъ, такъ какъ они находятся въ Вашебешскомъ архивѣ, гдѣ Зиновьевыхъ.

²⁾ Карлъ Александровичъ Лебрехтъ, состоявшій оберъ-медаліеромъ при нашемъ дворѣ въ 1783-мъ году и устроившій медаліерный классъ при академіи. Храповицкій неоднократно упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ. Н. В.

Нашелъ нашихъ двухъ министровъ здѣсь: Юсупова¹⁾ и Разумовскаго²⁾. Первый все таковъ же: покупаетъ здѣсь картины весьма дурныя, какъ мнѣ кажется, разныя инвенціи шандаловъ дѣлаетъ (?), которые совсѣмъ татарскаго вкуса, занять маханьемъ³⁾ здѣсь, какъ и въ Туринѣ, однимъ словомъ — все тотъ же, какъ и былъ. У послѣдняго я часа два назадъ былъ и въ первый разъ его дома засталъ. Въ полтора часа, которые мы съ нимъ были, довольно познакомились и, по возвращеніи моемъ сюда, я его еще здѣсь найду и думаю болѣе его узнать. Онъ мнѣ не только разсказалъ исторію его съ лекаремъ, но и разныя, которыя онъ здѣсь дѣлалъ, подъ именемъ, которое ему здѣшній народъ давалъ: «*il matto moscovito*»⁴⁾. Съ лекаремъ его приключеніе слѣдующее было: по приѣздѣ его въ Неаполь, занемогъ его слуга и онъ самъ; для сего онъ послалъ за очень хорошимъ и славнымъ докторомъ, поутру; но его карета его до вечера дожидалась, ибо тотъ не прежде домой, отъ многихъ своихъ больныхъ, возвратился и, узнавъ, что за нимъ прислали, тотчасъ туда приѣхалъ; но только что явился, — нашъ Сципіонъ на него кинулся, разругалъ его по италіански, да перевелъ съ русскаго, что онъ велитъ ему бока переломать. Неаполитанецъ, изъ дверей, не дожидаясь обѣщаннаго, благимъ матомъ кинулся, прибѣжалъ съ полдушой домой и, чтобы другую опять къ себѣ приманить, бросилъ кровь. — Сіе его принудило день дома остаться; о семь всѣ его больныя, не могли его видѣть, весьма досадовали и причину его непосѣщенія узнали, а чрезъ нѣсколько дней былъ знаменитый сей врачъ призванъ на совѣтъ въ Козерту, по болѣзни королевскаго сына, и отецъ велѣлъ себѣ сію исторію пересказать. Вотъ тебѣ, любезный другъ, Тацитова исторія, передѣланная Скаронемъ! Жаль только, что ее безтолковнѣе читать будетъ.

Зная, что ты охотникъ до театровъ, скажу тебѣ, что я вчерасъ въ двухъ разныхъ былъ. Въ одномъ, видѣлъ весьма хорошаго пѣвца,

¹⁾ Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ (р. 1750-го, умер. 1831-го г.), дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Туринѣ съ 1782 по 1788-й годъ; въ послѣдствіи, съ 1800 по 1802 г. — министръ удѣловъ.

²⁾ Графъ (въ послѣдствіи князь) Андрей Кириловичъ Разумовскій. Онъ былъ посланникомъ въ Неаполь до 24-го ноября 1783-го года; въ этотъ день онъ имѣлъ отпускную аудіенцію у короля и его мѣсто заступилъ гр. Савронскій.

³⁾ Т. е. ухаживаніемъ, волокитствомъ за женщинами. См. сочиненія фонъ-Визина, издан. П. А. Ефремова, «Пояснительныя примѣчанія къ тексту», стр. 651-я, примѣч. 3-е.

Н. В.

⁴⁾ Переводъ: «московскій чудакъ, сумасшедшій».

одного кастрата, и со сцены онъ мнѣ показался совершеннымъ красавцемъ, соединяя при семъ прекрасную фигуру, и ты не повѣришь, какъ я на это скверное обыкновеніе злился—лишать людей такихъ нужныхъ частей!... Видѣлъ я также въ одномъ театрѣ хорошаго танцовщика, сына кн. Андрея Михайловича Бѣлосельскаго ¹⁾. Въ послѣднемъ, въ которомъ я только одинъ актъ пробылъ, найдется очень хорошій теноръ, а прыгуны—ужь не мнѣ чета. Чудно видѣть мужчинъ въ женскихъ платьяхъ на сихъ театрахъ. Последнее сіе описаніе, надѣюсь, увѣритъ тебя, что я не праздно время свое здѣсь провелъ. Я ѣду завтра отсюда. Отпиши, что мои маленькія крошечки дѣлають, и хватился ли меня Мишенька? О Катенькѣ ²⁾ я не спрашиваю, мы въ ссорѣ съ ней разстались и, между нами сказать (ты, надѣюсь, этого ей женихамъ не скажешь)—она очень непостоянна и не подумай, что я это *rag bouderie* говорю. Прости, будь здоровъ и старайся всячески таковымъ быть, убѣгая всѣ случаи, которые сему вредны быть могутъ; ты въ этомъ всѣмъ, которыхъ любишь и любилъ, своимъ маленькимъ чадамъ и Творителю всего отвѣтствовать современемъ долженъ. Вотъ желанія и просьба того, который никогда тебя любить не перестанетъ.

Ларивону Ивановичу и гр. Моцениго ³⁾ сказать, что я ихъ *servo umilissimo* (т. е. покорнѣйшій слуга).

¹⁾ Кн. Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій († 1779-го), старшій братъ кн. Александра Михайловича. Онъ долгое время находился посланникомъ въ Дрезденѣ, гдѣ и скончался.

²⁾ Говорится о дѣтяхъ гр. С. Р. Воронцова: о графѣ (въ послѣдствіи князѣ и фельдмаршалѣ) Михаилѣ Семеновичѣ (род. 18-го мая 1782-го, умеръ 7-го ноября 1866-го г.) и о графинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Воронцовой, вышедшей въ послѣдствіи замужъ за лорда Пемброка.

³⁾ Можно полагать, что это гр. Дмитрій Модениго, который занималъ въ послѣдствіи въ Россіи мѣсто флоретинскаго (а не венеціанскаго, какъ говорить Державинъ) посланника и получившій известность по возникшему дѣлу съ банкиромъ Сутерландомъ, которое, при посредствѣ Державина, окончено миромъ, въ маѣ 1792-го г. (Записки Державина, издан. Грота). Въ послѣдствіи, можетъ быть, то же лицо, а можетъ—и сынъ его графъ Георгій (Дополненія и примѣч. къ VI-му тому сочиненій Державина, изд. Грота), состоя на русской службѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, нашимъ министромъ при тосканскомъ дворѣ, отставленъ отъ службы импер. Павломъ, «за невниманіе къ поведенію бывшаго при немъ коллежскаго ассесора Дрозда-Боначевскаго», «который перешелъ французамъ», что и выражено въ Высочайшемъ указѣ, данномъ сенату въ 13-й день іюня 1799-го года. (См. Высочайшіе указы 1799 года).

Неаполь.—6-го февраля 1786 года.

Нынче видѣлъ короля ¹⁾, во всей своей славѣ, и онъ, кажется, цѣлый день занятъ былъ, чтобы дурачества дѣлать: 1-е, по утрамъ экзерцировалъ самъ своихъ липоротовъ ²⁾, которые у него все, что ты можешь вздумать: они пѣхотные и морскіе, употребляются на охотѣ, безъ нихъ рыбу король не ловить, при торжественныхъ столахъ они вмѣсто лакея служатъ, что однако же, какъ мнѣ кажется, не дурно, ибо сіе избавляетъ отъ издержекъ, да, сверхъ того, уменьшаетъ число тунеядцевъ, въ которое почти всѣ придворные включены быть должны: разумѣется, выключить надобно такого камеръ-юнкера, каковъ я есмь. Экзерциція сего страннаго войска довольно странна была, а паче—родъ марша, который они имѣютъ, мнѣ очень смѣшнымъ показался и нигдѣ, какъ на такомъ гладкомъ мѣстѣ, каково было, гдѣ они экзерцировали, въ дѣйствіе произведенъ быть не можетъ. Странное дѣйствіе сдѣлало во мнѣ сравненіе, которое мнѣ въ голову пришло, съ разными маневрами здѣшняго короля и Федора Федоровича ³⁾ и оно нападеніемъ и жданьемъ его на лошади умножено было. Да чего-жь онъ слишкомъ часъ верхомъ ждалъ?—королевы, которая, по приѣздѣ, отъ него рапортъ получила. Ты легко изъ сего увидишь, что все сіе—ребячество, и Левъ Александровичъ, мнѣ кажется, такъ бы долго Марины Осиповны ⁴⁾ не ждалъ. Не взирая однако же на все сіе, всѣ первые изъ дворянства рвутся, чтобы быть принятыми въ сей корпусъ липоротскихъ волонтеровъ и большая часть офицеровъ имѣютъ ключи. Сіе, коротко и ясно сказать, должно рабствомъ назвать. 2-е. На курсъ явился онъ маскированный, въ коляскѣ, и долгое побойще съ другими въ оной держалъ. Достойное упражненіе короля! 3-е. Чтобы совершить всевозможное... (вотъ тебѣ бѣлое мѣсто и ты ужъ вставь туда, что заблагоразсудишь), явился

¹⁾ Фердинандъ VI (род. 1753, умеръ 1826 г.), получившій престолъ въ 1759 году и умершій съ именемъ Фердинанда I-го, «короля Обѣихъ Сицилій». Онъ имѣлъ въ супружествѣ дочь Марію Терезію, Марію Каролину, сестру Юзефа II-го и Марію Антуанетты, королевы французской.

²⁾ Дворцовая гвардія.

³⁾ Намекъ на прусскаго короля Фридриха Великаго.

⁴⁾ Левъ Александровичъ Нарышкинъ (род. 1739, умеръ 1799 г.), дѣйствительный камергеръ и д. т. совѣтникъ, оберъ-шенкъ и оберъ-штальмейстеръ, пользовался особеннымъ расположеніемъ двора и извѣстенъ своимъ веселымъ нравомъ и беззаботностію, что слышно въ современномъ обществѣ ребячествомъ. Онъ былъ женатъ на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, родной племянницѣ графовъ Разумовскихъ.

онъ въ маскарадъ въ кадрилѣ съ липоротскими офицерами, гдѣ они, въ предлинномъ балетѣ, представляли «походъ Аргонавтовъ», и послѣ завоеванія «Золотаго Руна», поднесли оное чрезъ лѣстницу, сдѣланную изъ щитовъ, королевѣ въ ложу; по окончаніи сего промаршировали они по всему театру, дабы, паче чаянія, если ктонибудь просмотрѣлъ своего государя, тутъ бы могъ его увидѣть. Я очень радъ, что сіе позорище видѣлъ, ибо мнѣ вѣроятноѣ стихи о Нероновыхъ дурачествахъ и всѣмъ, мнѣ кажется; здѣшній король очень къ нему подходитъ. Надобно тебѣ одинъ трѣ (т. е. trait) рассказать здѣшняго владыки: дня четыре тому назадъ, послѣ маскарада, на другой день, въ 6 часовъ, велѣлъ онъ всѣмъ липоротскимъ офицерамъ, сверхъ чаянія, къ ученью явиться, гдѣ онъ ихъ въ ономъ нѣскольکو часовъ въ прескверное время продержалъ, а они, послѣ маскарада и ученья, подъ градомъ, чаяли домой отдохнуть возвратиться; но, къ великому удивленію, получили приказъ—тотчасъ идти дѣлать репетицію балета, гдѣ и король самъ былъ. «Pourquoi m'ont ils prié d'être des Liporotes¹⁾—вотъ, что онъ сказалъ на изъясненія, которыя ему о тяжести того дня сдѣлали. Всякій россиянинъ долженъ при этомъ подумать, что «богиня» имъ и его земляками править.

8-го. Нынче должна была королева явиться съ своей кадрилью въ маскарадъ, которая бы за третьягоднишнія королевскія учтивости отплатить должна была; но, видно, она постыдилася при всей публикѣ дурачиться и для того маскироваться въ положенномъ порядкѣ,—все въ комнатахъ, при королѣ, исполнила.

Вечеромъ видѣлъ я то, что мнѣ уже болѣе не удастся видѣть—что мой хозяинъ²⁾ депеши въ ложѣ подписывалъ. Я тебѣ его портретъ при семъ прилагаю, который съ природы писанъ, изъ чего ты можешь заключить: могутъ ли люди, которые около него, счастливы быть? Сверхъ того, соединяетъ онъ съ крайнею неосторожностію въ разговорахъ высокоуміе о своемъ мѣстѣ и для того слово «депешы» въ разговорѣ употребляетъ; вездѣ и во всякой тѣснотѣ кричитъ самъ или людямъ своимъ приказываетъ, что онъ «il ministro di Moscovia». Я надѣюсь многія исторіи о немъ услышать и мнѣ при всемъ этомъ

¹⁾ Переводъ: «Зачѣмъ просили они зачислить ихъ въ липоротскій корпусъ?»

²⁾ Графъ Павелъ Мартыновичъ Скарвонскій (р. 1757 † 1793 г.). Послѣ гр. А. Б. Разумовскаго, онъ долгое время (1785—1793 г.), былъ полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Жена въ Екатерины Васильевны Ангельгардтъ, племянницѣ кн. Потемкина. Въ послѣдствіи (1798), она вышла вторично замужъ за гр. Литту и 1-го января 1824 г. пожалована гофмейстериней двора. Она умерла 7-го февраля 1829 года. Болѣе подробныя свѣдѣнія о графѣ и графинѣ Скарвонскихъ находятся въ «Souvenirs de M-me Vigié Le Brun».

никто такъ не жалокъ, какъ его жена, которая въ этихъ случаяхъ, по своему малому знанію свѣта, въ весьма жалкомъ положеніи находится и, не находя въ себѣ средствъ избѣгнуть неприятности, не можетъ ни къ кому прибѣгнуть, а она, по своимъ добрымъ качествамъ, иной судьбы достойна. Но когда ужъ рокъ его велитъ ему министромъ быть, то мнѣ кажется, что лучшаго мѣста, какъ здѣшнее, не можетъ для него быть, гдѣ онъ безъ большаго стыда цѣлые дни на скрипкѣ проиграть можетъ, что онъ и дѣлаетъ, да я и желаю, чтобы дѣлать продолжалъ, ибо въ публикѣ онъ болѣе случаевъ имѣетъ проказы дѣлать, изъ которыхъ одна уже, по его ревности, непрѣмьна, ибо онъ жену свою подъ руку водить ¹⁾, выключая, что я, 16-го, удостоенъ былъ соучаствовать въ пріятномъ семъ трудѣ. Вотъ тебѣ, милый мой, еще извѣстіе; я все боюсь, чтобы я тебѣ онымъ не наскучилъ. Мишуточку и Катеньку въ мысляхъ цѣлую и тебя съ теплѣйшимъ чувствомъ дружества обнимаю.

Неаполь.—8-го февраля 1785 г.

Я думаю, что ты меня несказанно бранишь, что мои письма или, лучше сказать, дневная записка такъ безпорядочна; но я думаю, что, смотря на мои молодые лѣта (ты этому смѣешься), ты меня извинишь, что я иногда отведенъ отъ порядка капищемъ весельевъ, которыя здѣсь находятся и которыми я пользоваться хочу. Ты самъ знаешь, какая скверная у меня память на это: писавъ примѣчанія свои, забываю имя тѣхъ, о которыхъ пишу, оставляю для сего блое мѣсто, чтобы объ нихъ спросить, и, получа повтореніе,—вторично забываю. Но отъ нынѣшняго дня стараться стану порядочнѣе и въ этомъ быть. Напередъ тебя просилъ о терпѣнн и надѣюсь, что ты мою просьбу помнишь. Продолжать стану.

....Бздилъ на курсъ вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ и г. Гекель—его водителемъ, гдѣ, выключая чрезвычайнаго множества каретъ и лучшаго порядка, какъ третьяго дня,—ничего примѣчанія достойнаго не было. Герцогиня ²⁾ была на курсѣ маскирована, въ коля-

¹⁾ Въ этомъ случаѣ авторъ, кажется, увлекается капризнымъ обычаемъ высшаго италіанскаго общества, который требовалъ, чтобы замужняя женщина не показывалась въ свѣтѣ подъ-руку съ своимъ мужемъ. (Срав. письма Д. И. фонъ-Визина, изд. П. А. Ефремова, стр. 497).

²⁾ Герцогиня Тосканская Марія Луиза, рожденная принцесса Испанская, вышедшая замужъ за Леопольда Тосканскаго, сына Маріи Терезіи. Съ 1790 года онъ сдѣлался императоромъ.

скѣ Бель-Монтши, которая отъ нея не отходитъ. По возвращеніи, поѣхалъ я въ флорентинскій театръ, чтобы видѣть въ послѣдній разъ Кольтелиньшу ¹⁾, которая ѣдетъ на годъ въ Вѣну, а потомъ на два опять здѣсь законтрактована; тутъ и король находился. Судя по твоей любви ко мнѣ, заключаю, что тебѣ буффоны не противны; здѣсь славный находится, хотя Кольтелиньша мнѣ про него очень наивно сказала: *comment peut on s'imaginer que je suis amoureuse de lui* ²⁾, ибо онъ безмѣрно толстъ. (Слышу, что говоришь, что и я таковъ же). Имя его Souvaselli; играетъ весьма натурально. По окончаніи пьесы были брошены софеты, по обыкновенію италіанскому. Отсюда поѣхалъ я уже съ моимъ хозяиномъ и хозяйкой въ маскарадъ, гдѣ ожидалъ видѣть, какъ въ городѣ говорили, королеву маскированную въ кадрилѣ; но сей слухъ не исполнился.

9-го. Ѣздилъ въ Португи. Ты хвалишь прославленнаго «Сатира», но я его не разсматривалъ, ибо сюжетъ премерскій, а я до всего этого—злодѣй. Можетъ быть, для искусства и не хорошо сузу, опорочивая всякія нагія фигуры и думая, что немало сіе къ развращенію нравовъ соучаствуетъ, и не принимаю на сіе никакого возраженія, что, напримѣръ, искусства отъ того потерять могутъ. Я скорѣе соглашусь, чтобы зачалъ бывшій мнѣ несносный готическій вкусъ царствовать, нежели чтобы чрезъ искусства нравы молодыхъ людей, а паче молодыхъ дѣвицъ, портились, которыя, прежде замужства, всѣ физическія удовольствія узнаютъ. Но какъ сему иначе быть? Дать имъ понятіе, какое ни есть, о вѣрѣ какойнибудь,—мы не печемся, безпокоясь очень въ самое то время, чтобы онѣ французскіе контрадансы знали. Я тебѣ скажу, что, когда у меня дѣти будутъ,—у меня въ домѣ ничего такого не будетъ, чтобы чтонибудь могло неблагопрістойнымъ казаться. Правда, что я, можетъ, своего предмета и не достигну, ибо въ другихъ домахъ сіе находится будетъ. Ужиналъ у Голицына съ Италіанскимъ ³⁾ и Зентеномъ, проводникомъ г-жи Скавронской.

¹⁾ Не о жемъ ли Марка Колтелини здѣсь говорится, который извѣстенъ какъ цинтъ, находившійся въ 1774 году въ русской службѣ; онъ сочинилъ нѣсколько оперъ, представленныхъ на петербургской сценѣ (См. Драматическій Словарь, изданный въ Москвѣ въ 1787 году).

²⁾ Переводъ: «Возможно ли вообразить, что я въ него влюблена?»

³⁾ Андрей Яковлевичъ Италіанскій († 1828), уроженецъ Малороссіи, былъ гувернеромъ В. П. Кочубея, потомъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; два раза былъ посланникомъ въ Константинополь (1802—1808 и 1812—1816), наконецъ въ Римъ, гдѣ и скончался. Похороненъ въ Ливорно, въ греческой церкви. Авторъ встрѣтилъ его въ Италіи, въ то время, когда онъ находился тамъ при нашемъ посольствѣ.

11-го. Ъздилъ въ компаніи Андрея Яковлевича¹⁾, Голицына и его гувернера на островъ Нисапса, моремъ. Я въ восхищеніи былъ! Это путешествіе я бы всякаго человѣка заставилъ сдѣлать, который имѣетъ развращенный умъ, отрицающій существо Бога: онъ бы здѣсь всему доказательство неоспоримое ощутилъ,—не такъ изъ того, что онъ бы видѣлъ, какъ болѣе изъ тѣхъ чувствъ, которыя видимы производены. Завтра ѣду на кратеръ. Когда меня Везувій убьетъ avec ses pierres de couleur²⁾, то по крайней мѣрѣ я островъ сей прекраснѣйшій увижу. Здѣсь говорятъ: «Видѣвшій Неаполь—можетъ умереть; если-жъ не видѣлъ—пусть отправится въ него».

12-го. Дивилъ суевѣрію: что поставленная статуя св. Генуарія лаву рукой удерживаетъ.

13-го. Ъздилъ съ Андреемъ Яковлевичемъ и съ пріѣхавшими недавно русскими кн. Несвицкимъ и Закревскимъ въ Пузаллу и въ кругъ лежащія мѣста. Если сказать тебѣ вообще мое мнѣніе объ ономъ, то мнѣ сіе не такъ чрезвычайно показалось, какъ многіе о семъ говорятъ, и я никакъ не былъ въ томъ восхищеніи, въ которомъ обыкновенно другіе бывають, посѣщая сіи мѣста. Можетъ, сему причиной то, что, 1-е, я ужъ не такъ подробно древнюю исторію помню; 2-е, что мало древнихъ авторовъ читалъ; 3-е, что воображеніе мое не довольно живо. Еще къ сему присоединяется, что я ужъ ничуть не слѣпой обожатель древности и желалъ бы, чтобы и другіе почаще о великихъ людяхъ своего времени помнили, которыхъ дѣянія намъ понятнѣе и менѣ сомнѣнію подвержены, нежели древнія; да сверхъ того, по перемѣнѣ обычаевъ, правилъ и съ нашими чувствами сходныхъ дѣяній, напримѣръ, Питтовъ, отца и сына, кардинала Хименеса,—дѣянія оныхъ несравненно болѣе трогательны, нежели многихъ прославленныхъ древнихъ людей, и мнѣ кажется, никакъ съ отцомъ Питтовымъ сравниться не могутъ, а о семъ почтенномъ человѣкѣ, который въ нашихъ глазахъ жилъ, никто еще писать не вдумалъ. Жизнь Питтова, которую ты читалъ, не есть ли доказательство, что всѣ славные ученые только древними героями занимаются, не удостоивая своихъ современниковъ своего зрѣнія? Я буду стараться достать изображеніе всѣхъ славныхъ людей и для того тебя прошу, любезный другъ, такъ какъ память моя весьма дурна, прислать мнѣ маленькій реестръ подобнымъ людямъ, каковы вышеупомянутые были. Объ этой матеріи надобно намъ поговорить, когда мы вмѣстѣ будемъ, что, какъ я думаю, скоро должно быть, ибо я тебя прошу мнѣ время

¹⁾ Андрей Яковлевичъ, т. е. Италинскій.

Н. В.

²⁾ Переводъ: «Своими цвѣтными камнями».

назначить, когда къ тебѣ прїѣхать въ Пизу, чтобы съ тобой во Флоренцію поѣхать, тамъ вмѣстѣ прожить—по нашему условію—съ недѣлю и потомъ до Англіи проститься.

По возвращеніи изъ Пузалы, былъ въ концертѣ, гдѣ видѣлъ короля и королеву, какъ и герцога съ женой, которые здѣсь чрезвычайно какъ приняты, не смотря на то, что Бурбонскій дворъ ихъ не признаетъ.

Неаполь.—16-го февраля.

Былъ нынче вечеромъ на балѣ у герцога, къ которому будто жена его невзначай балъ созвала. Герцогиня во всѣхъ танцахъ старалась себя показать, но смѣшнѣе всего, что послѣ ужина пошла она, съ братомъ своимъ, альманду танцовать и герцогъ такъ восхищенъ былъ ея пляской, что, по окончаніи оной, ее при всей публикѣ поцѣлуемъ наградила. Онъ самъ не преминулъ себя показать передъужиномъ, танцовавъ контредансъ съ одной англичанкой, со всѣми нѣмецкими граціями, и сей контредансъ, бывъ весьма смѣшонъ, веселость и смѣхъ, не только на танцующихъ, но и на кругстоящихъ навелъ. Послѣ ужина танцовала дочь Castelpagano, которая уже теперь съ третьимъ женихомъ таскается (ибо первые отъ отважнаго предпріятія быть ея мужьями отказались), съ однимъ неаполитанцемъ, Тагаулъ очень хорошо. Пляска сія очень на нашу походить, особливо когда цыгане пляшутъ.

17-го. Нынче узналъ, что послѣ меня герцогъ съ герцогиней при большей части гостей, которые послѣ меня остались, «казацокъ» танцовать(?). Оставляю тебѣ самому объ семъ смѣшномъ позорищѣ судить и простительно ли сіе человѣку сорока лѣтъ.

19-го выѣхали отсюда. Къ обѣду прїѣхали въ Козерту, пошли во дворецъ, который такъ славится. Изъ плана, который я видѣлъ, кажется мнѣ, что покойный князь ¹⁾ занялъ мысль своихъ гатчинскихъ флигелей отсюда.

21-го Наконецъ прибыли въ Римъ, въ 5 часовъ.

28-го. Получилъ твое письмо отъ 11-го, что мой журналъ тебѣ нравится; сіе мнѣ несказанное удовольствіе дѣлаетъ, но я такъ пристраженъ становлюсь, что, по чести, боюсь, чтобы я тебѣ не скученъ былъ.

Попрекъ твой, что я забылъ тебѣ сказать о Корреджѣ и (Скидоне?) Сидонѣ, я не принимаю, ибо о картинѣ перваго, представляющей Ринальда и Армиду, я тебѣ уже упомянулъ; а послѣдній

¹⁾ Гатчина принадлежала кн. Григорію Григорьевичу Орлову и дворецъ въ ней построенъ, въ 1770 г., по плану итальянскаго архитектора Ринальди.

живописецъ мнѣ совсѣмъ не нравится, какъ онъ ни славенъ и ни рѣдокъ. Большая часть его сюжетовъ представляетъ нищихъ, оборванныхъ людей, 'а' какъ бы хорошо ни были представлены такіа изображенія, они мнѣ понравиться не могутъ. Можетъ, я, въ разсужденіи этого, какъ плохой знатокъ сужу, но отъ картины, которая мнѣ нравится должна, требую я, чтобы и сюжетъ ея мнѣ милъ былъ. Подѣвжая къ Риму, попался мнѣ Паззіелло¹⁾, ѣхавшій въ Неаполь; я ему о твоей комисіи сказывалъ и онъ отдастъ воти г. Италинскому, который ихъ тебѣ въ Англію перешлетъ. Я тебѣ сказать не могу, какое удовольствіе мнѣ воспоминаніе Мишинки дѣлаетъ! Дай Богъ, чтобы онъ меня такъ любилъ, какъ я его отца люблю. Если онъ половину достоинствъ во мнѣ найдетъ, которыа я въ ономъ вижу, то я увѣренъ, что онъ меня довольно любить будетъ.

Былъ нынче послѣ обѣда у Разумовскаго, который меня учтивостями и ласками осыпалъ, повезъ и представилъ племянницѣ Поповой, мужъ которой, два года тому назадъ, одну только лошадь имѣлъ, а теперь собраніе держать, куда весь городъ съѣзжается. Онъ поѣдетъ въ концѣ будущей недѣли во Флоренцію, но, такъ какъ онъ ѣдетъ черезъ Перуджію, то я надѣюсь тебя прежде его обнять. Юсупова видѣлъ, который смертельно здѣсь влюбленъ и съ своей дражайшей, во время карнавала, какой-то здѣшній контрадансъ «avec des pantomines» танцовалъ. Сдѣлай милость, справься у Модениго о тѣхъ рудахъ, которыа я хотѣлъ для Николая Петровича²⁾ купить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Джіованни Паззіелло или, вѣрнѣе, Паззіелло (Paisiello) р. 1741+1816. Композиторъ-музыкантъ и капельмейстеръ; прибылъ въ Петербургъ по приглашенію импер. Екатерины въ 1776-мъ г. Онъ преподавалъ уроки музыки на фортепіано великой княгинѣ (въ послѣдствіи императрицѣ) Маріи Теодоровнѣ и сочинилъ многія оперы. Послѣ 8-ми лѣтняго пребыванія въ Россіи, онъ уѣхалъ въ Вѣну, но кончилъ жизнь въ Неаполѣ въ 1816-мъ году, 75-ти лѣтъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о гр. Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ. Извѣстно, насколько онъ былъ ревнителемъ просвѣщенія и не щадилъ ничего для собранія всевозможныхъ кабинетовъ рѣдкостей, антиковъ, медалей, минераловъ и проч.

ЕВГРАФЪ И ПЕТРЪ ОСИПОВИЧИ ГРУЗИНОВЫ.

Военно-судное дѣло, въ Черкасскѣ.

1800 г.

Свѣдѣнія о братьяхъ Грузиновыхъ крайне ограничены. Въ рескриптъ великаго князя Павла Петровича къ Аракчееву, напечатанныхъ въ VII-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1873 года, стр. 484, упоминается объ одномъ изъ братьевъ въ такихъ выраженіяхъ: «Я весьма доволенъ точностію и расторопностію его и его донесеніями», писалъ великій князь. «Пошлите сію записку къ нему въ оригиналѣ, чтобъ онъ ее прочелъ и видѣлъ мое удовольствіе». Слова эти показываютъ, что если упоминаемый здѣсь Грузиновъ и не былъ такъ близокъ къ великому князю, какъ Аракчеевъ, то былъ ему очень хорошо извѣстенъ.

Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ того, великій князь дѣлается императоромъ. Съ этою переменою измѣнилась и судьба ему близкихъ лицъ. Извѣстно, что Аракчеевъ и другіе быстро повышаются въ чинахъ, получаютъ ордена и достоинства, жалуются землями и крестьянами. Въроятно, въ это время не были забыты и Грузиновы.

Младшій изъ братьевъ—Петръ Осиповичъ—въ 1798 году былъ подполковникомъ, кавалеромъ ордена св. Георгія 4-й степени ¹⁾ и имѣлъ два пожалованные ему монархомъ золотые знака. Не можемъ сказать, чѣмъ былъ старшій Грузиновъ при вступленіи на престолъ Павла Петровича; но въ 1798 году онъ полковникъ гвардіи, находится,—по свидѣтельству его дяди, войскового старшины Аванасьева, и учрежденной въ послѣдствіи надъ нимъ, Грузиновымъ, военно-судной комисіи,—«въ знатнѣйшемъ мѣстѣ, на-

¹⁾ Но въ изд. спискѣ кавалеровъ св. Георгія его нѣтъ.

гражденъ отличными знаками и крестьянами». Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ былъ изъ самыхъ довѣренныхъ и любимѣйшихъ приближенныхъ императора; сопровождалъ его во всѣхъ прогулкахъ, исполняя всѣ секретныя порученія и даже спалъ въ его кабинетѣ. Такая близость старшаго Грузинова къ государю не нравилась многимъ. У Грузинова явились тайные враги, которые такъ или иначе хотѣли удалить его отъ государя и даже совсѣмъ избавиться отъ него.

Но прежде, чѣмъ покончить съ старшимъ братомъ, они начали съ младшаго, какъ менѣе опаснаго. Воспользовавшись удобною минутою, они заставили за что-то арестовать Петра Грузинова, привезти его въ Павловскъ, нарядить надъ нимъ военный судъ, исключить изъ службы и лишить его чиновъ, ордена и золотыхъ знаковъ. Этотъ неожиданный переворотъ въ судьбѣ Петра Грузинова нужно отнести къ 1798 году, такъ какъ самъ онъ въ августѣ 1800 говоритъ въ одномъ изъ своихъ показаній, «что случилъ этотъ былъ съ нимъ назадъ тому третій годъ». Ему даже не объявляютъ, за что онъ судится. Вѣроятно, вина его была или очень незначительна или выдуманна, если послѣ разжалованія ему возвращаютъ чины, но безъ ордена, знаковъ и службы. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ же послѣ того, его отправляютъ съ фельдъегеремъ на жительство въ Черкасскъ.

Евграфъ Осиповичъ пробылъ не долго послѣ удаленія брата въ числѣ приближенныхъ императора. Когда разные наговоры и распускаемыя сплетни не дѣйствовали, придумали, чтобы государь испыталъ его и для этого отпустилъ бы на Донъ, подъ предлогомъ повидаться съ родными; увидѣвъ себя на свободѣ,—говорили враги Грузинова,—онъ будетъ-де имѣть возможность обнаружить дерзкіе свои замыслы противъ своего благодѣтеля. Павелъ Петровичъ, будучи вообще подозрителенъ, склонился на эту хитрость и въ дружелюбномъ тонѣ предложилъ Грузинову съѣздить домой и даже далъ ему денегъ. Грузиновъ хотя отказывался тѣмъ, что у него на родинѣ нѣтъ семейства, кромѣ старика отца, разбитаго параличомъ, однако принялъ деньги и поѣхалъ. Отпускъ этотъ нужно отнести тоже къ 1798 году, потому что нѣкоторые изъ свидѣтелей по дѣлу Грузиновыхъ, въ августѣ 1800 года, утверждали, что посѣщеніе ими дома Грузиновыхъ было почти два года тому назадъ, когда оба брата были уже въ Черкасскѣ, откуда потомъ въ столицу не возвращались.

Вслѣдъ за прибытіемъ Грузиновыхъ въ Черкасскъ, надъ ними назна-

ченъ былъ войсковымъ атаманомъ генераломъ-отъ-кавалеріи Иловайскимъ особый надзоръ. Они не имѣли права выходить изъ дому, и чтобы проѣхаться, ради скуки, въ Ростовъ и Нахичевань, Петру Грузинову нужно было испросить позволеніе пристава.

Въ августѣ 1800 года Грузиновы отданы подъ судъ: младшій—неизвѣстно за что, но дѣло его не имѣетъ никакой связи съ дѣломъ старшаго брата. Евграфъ же Грузиновъ—за непочтительные отзывы о государѣ императорѣ и за найденныя у него двѣ бумаги съ продерзостными его замыслами противъ государя и отечества. Генералы Кожинъ и Рѣпинъ присланы изъ Петербурга слѣдить за ходомъ дѣла и торопить его окончаніемъ; въ этомъ послѣднемъ имъ помогаетъ и войсковой атаманъ Орловъ.

Ред.

I.

Орденомъ атамана войска донскаго генералъ-отъ-кавалеріи Василія Петровича Орлова, въ августѣ мѣсяцѣ 1800 года, открыта въ Черкасскѣ комиссія военнаго суда надъ обвиняемымъ въ оскорбленіи величества и другихъ преступленіяхъ гвардіи полковникомъ Евграфомъ Осиповичемъ Грузиновымъ. Комиссія состояла: изъ презуса генералъ-маіора Родіонова 1-го и ассесоровъ: войсковыхъ старшинъ: Чикилева 1-го и Щедрова 2-го подполковниковъ: Леонова и Иловайскаго 7-го и полковниковъ: Слюсарева 1-го и Агѣева 1-го; за аудитора есаулъ Единъ 3-й.

Основанія къ обвиненію Грузинова заключались, прежде всего, въ томъ, что онъ произносилъ «дерзновенныя и ругательныя противъ государя императора изреченія», и затѣмъ въ томъ, что написалъ двѣ бумаги, въ коихъ изложены политическія соображенія, вносящіяся къ ниспроверженію существующаго государственнаго устройства. Бумагъ этихъ при дѣлѣ нѣтъ, хотя онѣ и взяты были у Грузинова при его арестѣ.

13-го августа, т. е. въ самый день открытія комиссіи о Грузиновѣ, послѣдній былъ допрошенъ относительно перваго обвиненія.

Грузиновъ повазалъ, что однажды пришли къ нему казаки Поповъ и Касмынинъ, для полученія долга, но онъ отказалъ имъ въ этомъ; когда же Касмынинъ сталъ угрожать, что они

будутъ жаловаться на него самому государю императору, то и тогда онъ, Грузиновъ, будучи въ горячности, сругалъ скверно- самого государя съ изреченіемъ: «поѣзжайте куда хотите и просите на меня».

Затѣмъ по обвиненіямъ, заключающимся въ двухъ найденныхъ у Грузинова бумагахъ, комиссія изготовила вопросные пункты: «1) Въ сысканныхъ у тебя въ домѣ, при взятіи тебя подъ караулъ, бумагахъ написано: въ первой: «увсеусилить и всеумножить счастье, по которому наименоваться атаманомъ, набрать ратмену (?) не менѣе 200 тысячъ, противъ коея всѣхъ, кто-бы ни вступилъ въ войну, разбить; выгнать изъ Стамбула турковъ. а также шпіоновъ подъ какимъ бы они видомъ ни были, отъ каковаго-бы народа они ни были, да и такъ, чтобъ и послѣ меня оныя у сенатъ ничего бы не получили; утвердить тамъ свою столицу, учредить сенатъ счастиемъ и возмогущими всѣми подъ солнцемъ на островахъ живущими людьми; покоря, принести великую жертву; а потомъ чтобъ тотъ сенатъ составилъ законъ для всѣхъ подъ солнцемъ живущихъ народовъ, такъ чтобы оный былъ всѣми принятъ и содержимъ, и чтобъ всѣ оному обучались и его знали наизусть и по оному поступали-бы; премудростно сочинить законъ, который бы подъ солнцемъ для всѣхъ живущихъ людей былъ полезенъ такъ, чтобы никто изъ настоящихъ и будущихъ людей на земляхъ его бы не отторгнулъ». Во второй: «Населить городъ разныхъ вѣръ людьми и именно: казаками, татарами, грузинами, греками, калмыками, небольшимъ числомъ израильянами, черкесами, небольшимъ числомъ турками, между которыми чтобъ въ разсужденіи ихъ вѣръ не было вражды, а чтобъ согласіе во всѣхъ ихъ единодушное; внушить войску казацкому, татарамъ, грекамъ, черкесамъ, чтобы они возвели меня себѣ въ начальники, но чтобъ во всемъ томъ не обмануться». Обо всѣхъ тѣхъ изреченіяхъ покажи ты явственно и обстоятельно. Чтò значать слова: «увсеусилить и всеумножить счастье», гдѣ замышлялъ наименоваться атаманомъ и набрать «ратмену» до 200 тысячъ, почему имѣлъ надежду все сіе основать и чтò значитъ слово: «ратмена»? на кого помышлялъ зачать войну и разбить? по какому руководству или замыслу располагалъ выгнать изъ Стамбула турковъ, и какихъ шпіоновъ? утвердить тамъ столицу и какою учредить сенатъ? какіе покорить

острова и какую великую жертву и чрезъ сенатъ для всѣхъ неизбѣжный, и какой именно премудрый и полезный законъ составить, чтобъ оный прославлялся? гдѣ замыслы имѣлъ населить городъ разныхъ вѣръ вышесказанными людьми? откуда надѣялся ихъ собрать и установить между ними согласіе въ вѣрахъ и единодушіе? также какому войску казацкому, татарамъ, грекамъ и черкесамъ внушить возвести себя и въ какомъ мѣстѣ въ начальники? и какъ думалъ во всемъ томъ не обмануться, и во всемъ ономъ кто съ тобою былъ въ согласіи и не открывался ли ты кому другому о прописанныхъ зловредныхъ твоихъ намѣреніяхъ, и въ какое время, и какимъ средствомъ думалъ сіе все произвестъ въ дѣйство?

«2) Въ семь вышесказанномъ показать ты долженъ сущую правду, ничего не утаивая, въ чемъ и подпишись».

Коммисія призвала Грузинова въ свое присутствіе и подвергла его «довольному увѣщанію» черкасской Воскресенской церкви протоіерея Петра Ѳедорова Волошеневскаго. Но Грузиновъ не далъ никакого отвѣта на поставленные коммисіей вопросы.

Послѣ этого коммисія стала убѣждать подсудимаго, «чтобы онъ открылъ все подробно и обстоятельно о явствуемыхъ изъ бумагъ его дерзкихъ и возмутительныхъ предпріятіяхъ». Тогда Грузиновъ «пренебрегъ судомъ и началъ говорить рѣшительно и дерзко. «Велите меня вывести и задушить, а говорить не хочу, и хотя я обѣщаль сказать, но, несчастія ради другаго, истину не скажу, и не могу быть судимъ воинскими и гражданскими судами».

Черезъ день Грузиновъ опять былъ призванъ въ судъ и, послѣ увѣщанія протоіерея Волошеневскаго, спрошенъ противъ сдѣланныхъ 13-го августа вопросовъ: «отчего онъ распространяетъ такіа дерзостныя намѣренія, какую надежду имѣлъ и когда располагался привести все сіе въ дѣйство и кто съ нимъ были въ томъ согласователи и участники?»

Подсудимый отвѣчалъ на это «дерзко, что ни на что никакого отвѣта не дастъ ни по какому принужденію и, не внимая увѣщанію членовъ слѣдственной коммисіи, остался въ закоснѣломъ своемъ непокореніи и упорствѣ, сказывая, что воля духа требуетъ того, что никто не можетъ постановить границъ». Члены коммисіи опять задали ему вопросъ о значеніи этихъ словъ, но

Грузиновъ, по словамъ протокола, «и на то произносить съ грубостію, чтобъ растолковали ему: почему онъ російскаго императора подданный, что въ законѣ есть много лишняго, и что если его и брата раскуютъ и отпустить въ домъ, тогда онъ перескажетъ все». Коммисія начала доказывать ему, что онъ, «какъ здѣшній уроженецъ, природный русскій подданный, продолжалъ службу, награжденъ знатными чинами и отличными знаками, и пожалованъ крестьянами, слѣдственно и не должно ему забываться о своей вѣрноподданнической обязанности, а тѣмъ паче о законахъ размышлять, но долженъ исполнять ихъ по ихъ силѣ, безъ всякаго объ нихъ умствования». Не смотря ни на что, Грузиновъ «остался въ своемъ закоснѣломъ упорствѣ» и отказался отъ всякаго отвѣта.

Тогда, по предложенію войсковаго атамана Орлова, послѣдовали два слѣдующія распоряженія: поручено протоіерею Волошеневскому сдѣлать подсудимому убѣдительное увѣщаніе вѣ суда, предъ крестомъ и евангеліемъ; при чемъ самъ Орловъ съ генераль-адъютантомъ Кожинымъ и генераль-отъ-кавалеріи Рѣпинымъ должны были стоять у дверей, «для примѣчанія существа словъ»; затѣмъ упомянутый Кожинъ наряженъ былъ къ Грузинову съ цѣлію вывѣдать отъ послѣдняго о его злоумышленіяхъ и сообщникахъ.

Волошеневскій приступилъ къ увѣщанію подсудимаго. Но такъ какъ лица, стояція у дверей, могли кое-что и не дослышать, то Волошеневскій счелъ своимъ долгомъ подать Орлову особое донесеніе о результатахъ увѣщаній.

Прописавъ объ этомъ въ началѣ своего донесенія, Волошеневскій продолжалъ: «По довольномъ и многомъ мною изъ священнаго писанія отъ событія по временамъ въ свѣтѣ происшествій, отъ самыхъ вообще житія опытовъ ему, Грузинову, внушеніемъ доказывалъ я важность его преступленій, а паче къ такому благодѣлительнѣйшему во всѣмъ, особенно же ему, Грузинову, государю императору великому Павлу,—оказался онъ, Евграфъ, за всѣ изліянныя высокомонаршія къ нему милости не чувствителенъ и не благодаренъ; но онъ, Евграфъ, не признавая себя въ зависимости подданнаго и будто высокомонаршія благодѣянія принадлежали ему по его заслугамъ, произносилъ при томъ слова нимало не сходствующія съ его состояніемъ, и между тѣмъ

представлялъ донскаго казака Ермака Тимофѣевича, упоминая и о всѣхъ донскихъ казакахъ, что они отъ высокомонаршаго престола состоятъ независимыми и будто къ тому вѣчною присягою не обязавшимся, а только къ службѣ—временною; будто онъ, какъ и всѣ казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные, отъ каковаго въ немъ кореннаго заблужденія отводилъ я многими въ возраженіе доказательствами, по всѣмъ наиубѣдительнѣйшимъ изысканіямъ чрезъ продолженіе времени болѣе часа; но онъ, Евграфъ, все то опровергаетъ и ни малѣйшей переменѣ въ его ожесточеніи не оказываетъ, лаская себя нѣвоею непонятною надеждою, что онъ ни мало не грѣшнень, а потому и покаянія ему приносить не о чемъ. По всѣмъ его словамъ выходитъ одинъ ужасъ по его замысламъ къ уничтоженію верховной власти; себѣ же къ оказанію возвышенности достойнаго на открытіе. По таковымъ его съ дерзкими выраженіями отвратительнымъ словамъ, старался я всѣми способами привести его къ признанію, кто съ нимъ есть по симъ замысламъ сообщники; но онъ, по неоднократнымъ о томъ моимъ съ наискрѣчайшимъ расположеніемъ домогательствамъ отвѣтствовалъ съ подобо-вѣроятностію, что онъ никогда къ тому сообщниковъ не имѣлъ, и самые въ домѣ, гдѣ онъ жительство имѣлъ, съ нимъ находящіеся люди, о томъ никто не зналъ. Уповаю я, что ваше высокопревосходительство съ вышепоименованными особами, господами генералами Кожинымъ и Рѣпинымъ, хотя нѣсколько его, Евграфа, неистовыхъ словъ слышали, потому что онъ о всемъ говорилъ громко и дерзко, не имѣя ни въ очахъ, ни въ лицѣ должнаго, по крайней мѣрѣ, зазрѣнія себѣ или стыднѣнія не оказываетъ, во всей ожесточенности, свойственной однимъ злобнымъ, съ гордынею соединеннымъ тварямъ».

Передавъ комисіи это донесеніе Волошеневскаго, Орловъ писалъ, что Грузиновъ, «вмѣсто должнаго признанія и раскаянія, усугубляя болѣе неистовыя дерзости, остался завоснѣлымъ въ своихъ злорѣчіяхъ, клонящихся, по смыслу найденныхъ у него бумагъ, къ непризнанію себя въ зависимости всепресвѣтлѣйшаго государя императора, съ присовокупленіемъ къ тому нелѣпыхъ соображеній».

Скоро поступило въ комисію донесеніе и отъ Кожина. Въ донесеніи этомъ говорится, что, имѣя въ виду вызнать что нибудь

отъ подсудимаго, онъ, Кожинъ, «рѣшился вступить съ Грузиновымъ въ фамиллярные разговоры»; началъ съ милостей, излиянныхъ на подсудимаго государемъ императоромъ, и добивался узнать, «за что онъ, Грузиновъ, забылся до такого градуса злобы, что осмѣлился произнести таковыя гнусныя и мерзкія брани, отъ одной мысли о которыхъ содрогается сердце каждаго вѣрноподданнаго. Онъ же, Грузиновъ, во все двухчасовое мое съ нимъ пребываніе, не полагая своего преступленія важнымъ, настоялъ во всемъ томъ, что уже написано; раздѣлялъ потомъ донскихъ подданныхъ съ великороссійскими, прибавляя къ сему, по какимъ-то стариннымъ и нелѣпымъ происхожденіямъ, темными и пустому его и озлобленному воображенію свойственными доказательствами. Потомъ разгорячившись отъ моихъ умышленныхъ похвалъ, сказалъ, что къ нему многіе ходили, коихъ онъ однакоже не помнитъ, кромѣ названнаго имъ дяди Катламина, коему онъ, Грузиновъ, много несъ и потчивалъ водкою; а потомъ, поелику онъ, Катламинъ, замедлилъ къ нему ходить, то по спросѣ его, Грузинова, зачѣмъ онъ къ нему въ гости не ходитъ, онъ, Катламинъ, ему, Грузинову, отвѣчалъ, что-де объ тебѣ меня спрашиваютъ, и я, боясь хлопотъ, къ тебѣ не хожу».

II.

Коммисія начала допросъ съ Бориса Андреевича Катламина. Это былъ престарѣлый воинъ, многократно участвовавшій въ походахъ и битвахъ; отъ многихъ своихъ начальниковъ, а въ томъ числѣ и отъ Потемкина, имѣлъ одобрительные аттестаты. Оставилъ военную службу съ чиномъ маіора и проживалъ на своемъ хуторѣ. Человѣкъ онъ былъ грамотный, могъ объясняться по турецки, по гречески и по калмыцки, поведенія безукоризненнаго.

На допросѣ Катламинъ показалъ: «къ полковнику Грузинову, исключенному изъ службы и жительствовавшему съ отцомъ его въ одномъ домѣ, городѣ Черкасскѣ, въ Черкасской станицѣ, приходилъ я, помню, два раза. Во 1-хъ, по присылкѣ его изъ С.-Петербурга, за исключеніемъ изъ службы, въ Черкасскъ, назадъ тому года два; во 2-хъ, назадъ тому близко уже года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не по другой какой причинѣ, а единственно по родству,

поселиу отецъ его, старшина Осипъ Грузиновъ, по матерямъ моей и его, кои были родныя сестры, доводится мнѣ двоюродный братъ, а онъ, полковникъ Грузиновъ—племянникъ, ради навѣщанія болѣе реченнаго отца его, старшины Грузинова, находящагося въ болѣзни.

«Въ первой разъ находился у него пришедшій, а для чего—не знаю, родственникъ его старшина Аванасъевъ, да сидѣлъ обще съ нами вышесказанный родной отецъ его, старшина Грузиновъ, но тогда какъ былъ праздничный день и еще поутру рано, ничѣмъ потчиванъ я не былъ и вышелъ скоро; а въ другой разъ выпилъ съ отцомъ его поднесенную водку; самъ же онъ, полковникъ Грузиновъ, объясняясь, что ее не употребляетъ, не пилъ; при чемъ въ послѣдній разъ былъ и пилъ съ нами водку, имѣвшій по-часту къ нимъ, Грузиновымъ, входъ, сродникъ же ихъ, Дурновской станицы хорунжій Иванъ Кондратьевичъ Шапошниковъ, а другіе были-ль кто—не припомню». Болѣе же этихъ двухъ разъ онъ никогда къ нему, Грузинову, не приходилъ и свиданія съ нимъ не имѣлъ, такъ какъ проживалъ или въ своемъ хуторѣ, отстоящемъ отъ Черкаска въ 150 верстахъ, или же находился изъ дому въ отлучкѣ. «И въ два показанные мои къ нему, Грузинову, прихода ничего мнѣ онъ не несъ, и никакихъ зловредныхъ и въ поношеніе государю императору относящихся словъ не говорилъ, и ни въ какихъ зломысляхъ и прожектахъ къ нарушенію общаго спокойствія и тишины мнѣ не открывался, и я отъ него и отъ отца его ни о какихъ худыхъ предпріятіяхъ не слышалъ, не разговаривалъ и участникомъ въ томъ съ ними не былъ; брата-жъ его, исключеннаго изъ службы подполковника Грузинова, въ оба прихода мои въ домъ ихъ не видѣлъ, а также въ показанную мою у него бытность онъ, Грузиновъ, меня—зачѣмъ я не хожу къ нему въ гости—не спрашивалъ, и я ему такимъ образомъ, что объ немъ, Грузиновѣ, меня спрашиваютъ и я, боясь хлопотъ, къ нему не хожу, не отвѣчалъ, и, однимъ словомъ, ничего о замыслахъ его, въ чемъ оныя состояли, и объ участникахъ его въ томъ—не знаю, окромя того, что разговаривалъ съ нимъ въ свиданіе объ однихъ только домашнихъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ».

По донесенію Кожина и показанію Катламина, подсудимый былъ подвергнутъ допросу; но онъ отвѣчалъ въ судѣ съ грубостію, что никакого отвѣта не дастъ ни по какому принужденію; а ежели его и брата раскуютъ и отпустятъ въ домъ, тогда онъ

перескажетъ все; затѣмъ подтверждалъ всѣ тѣ дерзкія слова, которыя въ первомъ засѣданіи записаны, оставаясь во своемъ законнѣломъ упрствѣ».

Показаніе Катламина вызвало на сцену новыхъ свидѣтелей—Аванасьева и Шапошниковъ. Коммисія испрашивала разрѣшенія Орлова привлечь ихъ къ допросу. Орловъ не только разрѣшилъ это ходатайство, но обязалъ «стараться употребить всѣ мѣры и средства къ открытію преступленія, спрашивать всѣхъ, коихъ нужными къ сему коммисія находитъ». При этомъ Орловъ извѣщалъ, что такъ какъ братъ полковника Грузинова, «исключенный изъ службы подполковникъ Грузиновъ 2-й, по особому преступленію, отданъ тоже подъ судъ особо учрежденной коммисіи, то первая имѣетъ право спрашивать и Грузинова 2-го, по особымъ вопроснымъ пунктамъ, посылая ихъ въ образованную надъ нимъ коммисію».

Хорунжій Иванъ Шапошниковъ, участвовавшій нѣсколько разъ въ военныхъ походахъ и имѣвшій «о добропорядочной службѣ отъ разныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ аттестаты», грамотный и хорошаго поведенія, показалъ, что онъ былъ вхожъ къ отцу подсудимаго, старику Осипу Грузинову, и не рѣдко проживалъ у него въ домѣ. При этомъ «замѣтилъ, что старшій изъ сыновей Грузинова, полковникъ, имѣвшій прежде жительство въ особомъ отъ отца и брата покоѣ, съ начала весны 1800 г., не знаю почему, перебрался на полаты и жилъ тамъ уединенно. Мнѣ два раза или три приходилось, ради взятыя отъ него въ сваренію отцу и брату его пищи огнива, которое имѣлъ онъ при себѣ для раскуренія табачной трубки, къ нему туда всходить, и видѣлъ, что упражнялся онъ въ чтеніи какихъ-то книжекъ, а какихъ—я не знаю; и ни о какихъ его зловердныхъ замыслахъ и изреченіяхъ въ оскорбленіи императорскаго величества и поврежденію общаго спокойствія и тишины никогда не слышалъ, разговоровъ съ нимъ о томъ не имѣлъ и что онъ во вредъ предпринималъ или писалъ—не видѣлъ и не знаю».

«Въ первый же разъ, когда приходили къ нему Луганской станицы казаки Зиновій Касмынинъ и Василій Поповъ, въ праздничный день, поутру, и требовали отъ него состоящія на немъ, Грузиновѣ, деньги, то онъ, Грузиновъ, говорилъ имъ, что ему дать имъ нечего; а когда изъ нихъ Касмынинъ сказалъ,

что у него есть пожалованные государемъ крестьяне и можно-де ему расплатиться, разгорячась, онъ бранилъ ихъ жестоко и высылалъ вонъ; а далѣе что съ ними говорилъ, того я, отшедь въ особую комнату, не слышалъ. И по выходѣ изъ дома, я къ нему, Грузинову, восшедь, слышалъ произносимыя имъ, съ разгоряченіемъ, такія слова: «что земля воинская Ростовомъ, армянами и греками заселена, а насъ-де утѣсняють и жить негдѣ». Но въ какомъ смыслѣ онъ сіе произносилъ, о томъ я у него не спрашивалъ и не знаю».

«Въ другой же разъ, послѣ того, когда пришли тѣ-жъ казаки и, обошедъ вокругъ крыльца, вошли въ сѣни задними дверьми, то тогда я, по случившейся мнѣ надобности, вышелъ изъ дому вонъ, и какой между ними разговоръ происходилъ и произносилъ ли онъ, Грузиновъ, тутъ ругательныя на высочайшую Его И. В.—ва особу изреченія, я не слышалъ и не знаю. Впрочемъ знаю я, что вхаживали въ домъ ихъ сродники старшина Аванасьевъ и есаулъ Рубашкинъ, изъ коихъ первый, пришедши къ нему въ послѣдній разъ сначала весны, а какого мѣсяца и числа—не упомяну, предъ обѣдомъ, и стоя съ нимъ на крыльцѣ, выговаривалъ ему: для чего онъ крестьянамъ своимъ, изъ помѣстья къ нему прѣбавшимъ, билетовъ не даетъ, но на то, что онъ, Грузиновъ, ему говорилъ и имѣлъ ли съ нимъ какое другое совѣтываніе—не слышалъ и не знаю. А другой—есаулъ Рубашкинъ прихаживалъ при мнѣ только навѣстить отца его, больного старшину Грузинова, и поздравлять съ праздникомъ; но и съ нимъ имѣлъ ли онъ какія важныя противъ государя императора совѣщанія, не слышалъ и не знаю».

Казакъ Луганской станицы Василій Поповъ говорилъ, что онъ дѣйствительно былъ у Грузинова и требовалъ отъ него занятыхъ имъ въ Петербургѣ, въ бытность его, Попова, у подсудиимаго подъ командою въ лейбъ-казачьемъ полку, 145 рублей, въ которыхъ Грузиновъ отказалъ, выбранилъ матерно и выгналъ вонъ. «Но при этомъ случаѣ никакихъ ругательныхъ словъ о государѣ императорѣ имъ, Грузиновымъ, упоминаемо и произнесимо при немъ, Поповѣ, не было».

Казакъ Зиновій Касмынинъ объяснилъ, что когда онъ съ товарищами своими Поповымъ и Колесниковымъ требовали отъ Грузинова уплаты денегъ и тотъ отказалъ, то Касмынинъ на

это замѣтилъ: «стыдно о томъ говорить, ибо его пожаловалъ государь полковничьимъ чиномъ и крестьянами, и ему ничего не стоитъ собрать съ крестьянъ деньги и расплатиться». На это Грузиновъ началъ азартно выговаривать такія слова: «Пуцай государь крестьянъ отбереть отъ меня. Знаете ли, кто Донъ заслужилъ?—Ермакъ, а теперь отымаютъ и поселили грековъ, армянъ. Вступился, было, за отечество Пугачъ, но его спалили; вступился было также Фока и Рубцовъ, но ихъ высѣкли».

«Я, слыша такія неистовыя слова, сталъ ему напоминать, что этого неудобно говорить, но онъ съ запальчивостью продолжалъ скандалить: «что я не такъ какъ Пугачъ, но еще лучше сдѣлаю: какъ возьмусь за мечъ, то вся Россія затрясется. Про меня-де говорить, будто я полоумный; нѣтъ я не полоумный!» Мы, слыша такія дерскія слова, вышли отъ него вонъ.

А на третій день, когда онъ, Касмынинъ, пришелъ съ Поповымъ опять за деньгами къ Грузинову, то послѣдній, «подскоча къ нему, выговаривалъ зачѣмъ я пришелъ?» И на высказанныя отъ меня слова, что для полученія отъ него собственныхъ денегъ, которыя и прежде того много разъ отъ него требовалъ и не получалъ, онъ съ азартомъ закричалъ: «ты-де хотѣлъ ѣхать и пропустить на меня государя, поди прочь и ѣзжай!»

«И тутъ употребилъ онъ съ крайнею запальчивостію ругательныя на высочайшую Его И. В—ва особу и на государыню императрицу изреченія, каковыя могъ, уповательно, слышать тогда и казакъ Поповъ, ибо онъ разговаривалъ съ братомъ его, Грузинова, о своихъ деньгахъ непоодаль стоя, въ ближнемъ повоѣ; да и по выходѣ нашемъ изъ дому, когда напомянулъ я ему, Попову: «слышалъ про писанныя его дерскія рѣчи?—сказалъ онъ, что слышалъ».

«И всѣ вышесказанныя слова хотя и считалъ я важными, но замолчалъ, нигдѣ объ оныхъ по командѣ не доносилъ; а того-жъ дня, по отъѣздѣ изъ Черкаска, увидясь въ Оксинской станицѣ съ сродственникомъ его, есауломъ Рубашкинымъ, пересказывалъ только ему одному, но онъ мнѣ говорилъ, чтобъ я о томъ молчалъ и никому не говорилъ, ибо-де онъ, Грузиновъ, отъ того можетъ опосля отпереться, а вы-де сопрѣете въ тюрьмѣ».

Станицы Черкасской есаулъ Николай Рубашкинъ, зять ста-

рика Грузинова, ничего противъ обоихъ братьевъ не показалъ и не подтвердилъ послѣднихъ словъ Касмынина.

Происходящій изъ служилыхъ дѣтей грузинской націи, дядя братьевъ Грузиновыхъ, сотникъ Илья Грузиновъ, объяснилъ, что по случаю параличной болѣзни брата его, Осипа Грузинова, онъ бывалъ у послѣдняго нѣсколько разъ. «Съ братомъ своимъ, по его отъ паралича нѣмотѣ, не могъ я никакихъ имѣть разговоровъ; а племянникъ мой, исключенный изъ службы полковникъ Грузиновъ, видывался со мною коротко, ибо жилъ онъ одинъ на полатахъ, куда я къ нему не ходилъ и что онъ тамъ дѣлалъ, не знаю; но при моемъ короткомъ съ братомъ свиданіи, сходилъ онъ оттуда въ горницу къ отцу и, поздороваясь со мною, разговаривалъ о домашнихъ обстоятельствахъ, и временемъ шуточно напоминалъ мнѣ о женитьбѣ. Болѣе-жъ того никакихъ я ругательныхъ и продерзвыхъ словъ на высочайшую Его И. В.—ва особу отъ него не слышалъ, ни о какихъ зловредныхъ его предпріятіяхъ къ поколебанію общаго спокойствія и тишины и кто были ему въ томъ сообщники—не зналъ и не знаю».

Казакъ Луганской станицы Илья Колесниковъ показалъ, что однажды съ Поповымъ и Касмынинымъ приходилъ онъ къ полковнику Грузинову для получки денегъ. «Въ сіе время сидѣлъ онъ, Грузиновъ, одинъ въ покоѣ и когда начали просить у него деньги, то онъ, Грузиновъ, выговаривалъ, что денегъ у себя не имѣетъ и расплатиться ему нечѣмъ; а на высказанное ему Касмынинымъ, что его государь пожаловалъ крестьянами и ему можно съ ними расплатиться, говорилъ онъ: «я не желаю его крестьянъ; пуцай возьметъ ихъ назадъ, а наше отдастъ; земля казачья, заселена слободами, а мы ничего не имѣемъ, а только на одинъ домъ земли»; причемъ, будучи въ горячности, сругалъ самого государя; упоминалъ о Пугачѣ, «что-де онъ вступился было за землю, но пропалъ; я бы сдѣлалъ такъ же какъ Пугачъ, но не желаю, имѣю у себя сродниковъ»; да и другія изреченія о Пугачѣ напоминалъ, коихъ я не припомню каковымъ порядкомъ и какое за какимъ произносилъ слово; а сверхъ того и другія слова выпускалъ—всего того я, по слабой памяти моей, не припомню-жъ. И потомъ какъ онъ рѣшительно намъ отказалъ, что идите куда хотите и на меня просите, то вышли отъ него вонъ».

Колесникову, Касмынину и Попову даны были очныя ставки; но при этомъ никто изъ нихъ ничего новаго не сказалъ.

15-ти-лѣтній мальчикъ, прислуживающій въ домѣ Грузиновыхъ, Федотъ Даниловъ показалъ: «Когда присланы изъ С.-Петербурга въ Черкасскъ, по исключенію изъ службы, полковникъ Грузиновъ 1-й и подполковникъ Грузиновъ 2-й, то жили въ одномъ съ отцомъ домѣ, въ разныхъ покояхъ; имѣли между собою прежде пищу общую и сходились для разговоровъ, но что во все прошедшее время разговаривали и писали, я того, хотя и былъ въ услугахъ ихъ, не видѣлъ и не знаю, ибо что спросить у меня изъ домашнихъ потребностей, оное имъ подавши, выхаживалъ вонъ, и при разговорахъ и упражненіяхъ ихъ не бывалъ; окромѣ-жь меня изъ домашнихъ нивого у нихъ не было. Сначала, когда пріѣхалъ изъ С.-Петербурга, назадъ тому года два, полковникъ Грузиновъ, то, помнится мнѣ, недѣли три, по вечерамъ, выхаживалъ изъ дому и прохаживался по городу, а послѣ того нигуда уже изъ дому не выходилъ. А о Святой недѣлѣ сего 1800 года перебрался онъ на полати жить тамъ особо, уединенно,—и нивого, да и меня туда къ себѣ не допускалъ, и что тамъ дѣлалъ, я не видѣлъ и не знаю. Временемъ-же сходилъ на низъ, въ покои къ отцу и брату, и свиданіе имѣлъ съ приходившими къ нему родственниками, и опять отходилъ на полати, гдѣ и пищу употреблялъ, отъ меня ему подаваемую, которая состояла въ одномъ хлѣбѣ и водѣ.

«А братъ его, подполковникъ Грузиновъ 2-й, живя въ особомъ отъ отца покоѣ, употреблялъ съ нимъ пищу простую, мною заготовляемую. Назадъ-же тому недѣли двѣ, но точно не упомяну, изъ нихъ подполковникъ ѣздилъ верхомъ на лошади два раза въ Ростовъ и одинъ разъ въ Нахичевань, при коемъ и я, на другой лошади, ѣздилъ же. И тамъ, не входя ни къ кому въ гости, рассказывалъ по рынку, лавкамъ и трактирамъ, и оттуда ежедневно въ Черкасскъ со мною возвращался, а съ кѣмъ и для чего имѣлъ онъ тамъ свиданіе, того я не знаю, ибо оставался въ смотрѣніи лошадей.

«Сначала-жь прибытія ихъ въ домъ, видывалъ я нѣсколько разъ входящихъ къ нимъ родственникововъ, дядей ихъ, полковника и подполковника Грузиновыхъ, Черкасской станицы есаула Николая Рубашкина и сотника Илью Грузинова, да старшину

Ивана Аванасьева, которые, навѣщая больного отца ихъ, имѣли и съ ними, въ повожахъ ихъ сидя, между собою разговоры, въ которые я не вникалъ и ничего не знаю. Вхаживалъ еще хорунжий Шапошниковъ, сверхъ того, который почти всегда по родству находился при больномъ старшинѣ Грузиновѣ, и имѣлъ также съ ними обхожденіе и разговоры, мнѣ не извѣстные-жъ. А маіора Катламина въ домѣ ихъ я никогда не видѣлъ».

О всѣхъ произведенныхъ допросахъ комиссія немедленно сообщила войсковому атаману Орлову. Послѣдній, усматривая изъ дѣла, что Катламинъ, Илья Грузиновъ и Шапошниковъ, по родству, ни въ чемъ не сознаются, предписалъ особымъ ордеромъ о преданіи ихъ суду, но предварительно сего—подвергнуть ихъ очистительной присягѣ по слѣдующей формѣ: «я нижепоименованный клянусь всемогущимъ въ Троицѣ славимомъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Христовымъ въ томъ-то.....; если же я о семъ клянусь ложно, то да буду олученъ отъ святаго единосущнаго и нераздѣлимаго Троицы и въ семъ вѣцѣ и будущемъ не иму прощенія, да трясуся яко древній Каинъ и развернувшись земля да пожретъ мя, яко Дофона и Авирона, и да воспріиму проказу Гезіеву, удавленіе Іудино и смерть Ананіи и жены его Сапфиры, и часть моя будетъ съ проклятыми діаволы. Въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую святыя слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Однако-же и этой грозно-очистительной присягой были подтверждены только прежнія показанія.

III.

Мы видѣли, что слѣдственной комиссіи о полковникѣ Грузиновѣ предоставлено было право, въ случаѣ надобности, сношаться съ комиссіей, особо учрежденной для разслѣдованія преступленій брата его, подполковника Грузинова 2-го. Такъ какъ въ изложенныхъ показаніяхъ неоднократно упоминалось имя послѣдняго, то 1-я комиссія не упускала случая посылать вопросы пункты младшему брату подсудимаго. 2-я комиссія, по отобраніи отвѣтовъ отъ подполковника Грузинова, препровождала ихъ по назначенію, т. е. въ судъ по дѣлу о старшемъ Грузиновѣ.

Въ отобранныхъ такимъ образомъ разновременнo показанiяхъ ¹⁾ младшаго Грузинова первая коммисiя, какъ о его личности, такъ и по дѣлу о полковникѣ Грузиновѣ, нашла слѣдующiя свѣдѣнiя:

«Въ службѣ Его И. В—ва, —чистосердечно признавался младшiй Грузиновъ, послѣ «довольнаго» увѣщанiя священника Волоше-невскаго, —состоялъ съ 1781 года, а какого мѣсяца и числа, не упомню, —и изъ оной за что исключенъ и когда, не знаю. Въ продолженiе-жъ службы происходилъ чинами: полковымъ писаремъ, заурядъ сотникомъ, есауломъ, войсковымъ старшиною, маіоромъ, подполковникомъ, но когда —не имѣя у себя формулярнаго списка, на память припомнить не могу и патентовъ на оныя не имѣю, —а имѣлъ пожалованные отъ высочайшаго монарха два золотые знака и орденъ св. Георгiя 4-й ст., которые отобраны отъ меня.

«Назадъ тому третiй годъ, по откомандированiю, находясь я между Павловскомъ и Гатчино во дворѣ, а какъ называется оный, запомнилъ, отъ Его И. В—ва присланъ былъ ко мнѣ офицеръ, котораго имени и прозванiя не знаю, арестовалъ меня и подъ онымъ доставилъ меня начально въ Павловскъ къ рогаткѣ, а послѣ въ крѣпостцу, тамъ устроенную, гдѣ судимъ былъ также воинскимъ судомъ, а за что не знаю, —отъ котораго чрезъ генераль-лейтенанта, а какъ звать и прозывается не упомню, объявлено мнѣ было, что государь императоръ высочайше узавать соизволилъ: лишить меня всѣхъ чиновъ и отобрать орденъ и знаки —и сiе заразъ чрезъ офицера исполнено; а послѣ, содержась тамъ подъ карауломъ мѣсяца съ три или болѣе, точно не упомню, чрезъ офицера-жъ объявлено высочайшее Его И. В—ва прощенiе безъ возвращенiя знаковъ, и отправленъ сюда, въ Черкасскъ, съ фельдъегеремъ; и болѣе сего въ фергерахъ, критсрехтахъ, штрафахъ и наказанiяхъ ни за что не бывалъ.

«Съ роднымъ братомъ моимъ, исключеннымъ изъ службы полковникомъ Грузиновымъ, хотя жительствовалъ въ одномъ домѣ,

¹⁾ Показанiя или отвѣты присылались за подписомъ слѣдующихъ лицъ, составлявшихъ 2-ю коммисiю: презуса генераль-маіора Поздѣва 1-го, ассесоровъ: полковника Иловайскаго 6-го и Мѣшкова 1-го, подполковниковъ Чернозубова 2-го и Ребрикова 1-го и войсковыхъ старшинъ: Гнилозубова и Персианова.

но отдѣльно: онъ на полатѣ, а я въ залѣ, и не безпрерывно видывался съ нимъ, но временно; и посему, когда онъ въ настоящемъ 1800 году, въ Великій постъ, писалъ своею рукою двѣ зловредныя бумаги и какое въ нихъ содержаніе было—не знаю, и какъ совѣтникомъ, такъ и участникомъ въ злодѣяніяхъ не былъ, и откуда замыслилъ онъ собрать большія силы, противъ кого воевать и разбить, завладѣть Стамбуломъ и еще какими именно островами, какой учредить сенатъ и законъ премудрый и неизмѣняемый для всѣхъ, подъ солнцемъ живущихъ, какую великую жертву, въ чемъ заключаемую и гдѣ принести, гдѣ населить городъ разныхъ вѣръ и разной націи людьми, и отколь ихъ собрать и какими образомъ установить между ими согласіе въ вѣрахъ и единодушіе, какому войску казацкому и какимъ татарамъ, грекамъ и черкесамъ внушить возвести себя въ начальники, въ какіе именно, и гдѣ именно, и какъ думано было, чтобы во всемъ томъ не обмануться, и обо всѣхъ тѣхъ злоумышленникахъ, кто еще былъ участникъ или вѣдалъ о такомъ зловредномъ, нарушающемъ общее спокойствіе предпріятіи,—не звалъ ничего и ничего по тому злонамѣренному покушенію обнаружить не могу.

«До взятія меня подъ караулъ за недѣлю времени, живучи я въ домѣ своемъ, изъ онаго въ три раза, не для чего другаго, а отъ скуки проѣзжаться, подлинно, я съ крѣпостнымъ отца моего, старшины Осипа Грузинова, мальчикомъ Федотомъ верхомъ на лошадахъ ѣздилъ, яко то, во 1-хъ, въ городъ Нахичевань, и тамъ не имѣлъ никакого себѣ знакомаго, а въ кофейномъ домѣ выпилъ кофея двѣ чашки и выкурилъ трубку табаку, возвратился въ домъ; а во 2-хъ и въ 3-хъ, крѣпость св. Дмитрія мимо проѣзжая, бывалъ въ форштадтѣ, и также, за неизмѣнимъ мнѣ тамъ никого знакомыхъ, въ двухъ трактирахъ купленнаго мною вина закупореннаго одну бутылку и пива на 15 коп. выпилъ,—тѣми-же днями поворотился въ домъ; а чьи именно кофейня и трактиры, я не знаю. Ѣздилъ-же туда съ позволенія, даваемого мнѣ отъ отца моего, живущаго со мною вмѣстѣ, старшины Грузинова (который хотя языкомъ нѣмъ), но по одѣжѣ догадка мнѣ о томъ позволеніи, отцомъ моимъ издаваемомъ и мнѣ привыкшимъ,—особливо когда бывший при замѣчаніи за мною и за братомъ моимъ опредѣленный сотникъ Степанъ Чеботаревъ

сего года, назадъ тому три мѣсяца, да и послѣ того,—не однократно въ разговорахъ (какъ я у него спрашивался) совѣтывалъ, ради скуки, и позволялъ мнѣ, куда только мнѣ угодно будетъ, проѣзжаться и пѣшимъ ходить невозбранно.

«Сего 1800 г., за одну недѣлю до праздника сошествія св. Духа, въ воскресный день, то есть 20-го или другаго какаго числа мая мѣсяца, подлинно приходили не въ одинъ разъ, а въ разные случаи, къ моему брату, исключенному изъ службы полковнику Грузинову 1-му, и ко мнѣ Луганской станицы казакъ Зиновій Касмининъ и Василій Поповъ, ради требованія отъ обоихъ, меня и отъ того брата моего, принадлежащихъ, за подлежащую имъ въ лейбъ-казачьемъ полку службу и особо занятыхъ у нихъ денегъ,—и входъ имѣли въ заднія и переднія двери. И изъ нихъ Поповъ, коему я долженъ состою до 70 р., и только что требовалъ съ меня заплаты того долга, а другихъ никакихъ и ни о чемъ разговоровъ у меня съ нимъ, Поповымъ, не происходило; а братъ мой, исключенный изъ службы полковникъ Грузиновъ—также точно-ли того 20-го дня мая—не припомню, но въ разные числа съ казакомъ Касмининымъ случайно дому нашего въ горницѣ—дѣтской малой, въ сѣняхъ и на бесѣдкѣ вмѣстѣ ставали; но при томъ приходилось мнѣ слышать и узнавать, что тотъ казакъ отъ брата моего требовалъ только ему слѣдующія деньги, а другихъ никакихъ разговоровъ ихъ слышать я не могъ. А особливо реченный братъ мой произносилъ-ли ругательныя на государя и на государыню императрицу изреченія, и почему дерзнулъ онъ такія важныя ругательства противъ высочайшихъ и священнѣйшихъ особъ изрыгать, всего того, яко важнаго воснованія, я, хотя въ одномъ домѣ съ братомъ живучи, никогда не слышалъ и не знаю».

Затѣмъ, относительно посѣщенія полковника Грузинова родственниками Катламинымъ, Шапошниковымъ и Ильею Грузиновымъ младшій Грузиновъ отозвался вообще незнаніемъ,—и бывали-ли когда нибудь между ними разговоры, ему неизвѣстно.

Допросили хорунжаго Прибылинской станицы Степана Чеботарева, который присматривалъ за братьями Грузиновыми во время проживанія въ Черкасскѣ до преданія ихъ суду.

Чеботаревъ положительно заявилъ, что во все время своего надсматриванія «за поведеніемъ» подсудимыхъ онъ «не примѣтилъ

за ними никакого вреднаго поступка». Подполковникъ Грузиновъ 2-й позволенія у него на прогулки—прѣзжаться и прогуливаться—не просилъ и онъ ему на то ни совѣтовъ, ни позволенія не давалъ; «и о ѣздѣ его, Грузинова, до взятія подъ караулъ, въ Ростовъ и Нахичеванъ совѣтъ не вѣдаетъ».

Призванъ былъ въ комиссію отецъ подсудимыхъ, старшина Осипъ Грузиновъ; «но онъ не могъ ни одного слова вымолвить и отвѣчать, по причинѣ имѣющейся въ немъ параличнѣй болѣзни, отъ которой языкомъ не говорятъ, правою рукою и ногою мало дѣйствуетъ, да и въ судѣ приведенъ съ нуждою, при поддержанствѣ чловѣка». Комиссія справилась у врачей: не притворная-ли болѣзнь у старика; оказалось, что болѣзнь дѣйствительная.

IV.

Полковника Грузинова еще разъ потребовали въ засѣданіе суда; еще разъ подвергли увѣщаніямъ протоіерея Волошеневскаго и убѣждали признаться въ его виновности. Подсудимый заявилъ: «я вамъ сказываю, что пока свободенъ не буду, ничего не скажу; такъ велите меня повестъ вонъ. Я всегда видѣлъ себя хорошо, и теперь вижу, слава Богу, не въ бѣсуміи. Я не виноватъ ни предъ кѣмъ. Я говорилъ, что императора бранилъ; а что онъ изволить почестъ—воля его. Я скажу на это, но все, когда свободенъ буду. Не упорствую въ отвѣтъ, а не отвѣчаю и отвѣчать не буду по причинѣ той, что не свободенъ».

Слѣдствіе надъ старшимъ подсудимымъ, полковникомъ Грузиновымъ, уже близилось къ концу; оставалось только допросить старшину Аванасьева, о которомъ упоминали многіе изъ свидѣтелей. Когда разыскали Аванасьева, то онъ оказался не въ здравомъ умѣ. Поручивъ его наблюденію докторовъ, комиссія довела о всемъ этомъ до свѣдѣнія Орлова. Послѣдній, ордеромъ отъ 27-го августа, поручилъ комисіи «приступить къ рѣшенію и заключить сентенцію». Черезъ день, однакоже, врачи донесли, что Аванасьевъ «началъ приходить въ прежнее ума состояніе».

Поэтому 31-го числа онъ былъ допрошенъ и показалъ, что называлъ Грузиновыхъ по родству съ ними, такъ какъ мать ихъ родная ему сестра, и чтобы провѣдать больнаго старика Гру-

знова. Прийдя однажды въ подсудимому полковнику Грузинову и разговорясь, напомнилъ ему съ сожалѣніемъ—для чего онъ, будучи въ знатнѣйшемъ мѣстѣ, дошелъ до такого случая, что лишень высочайшихъ милостей и удалень; онъ же, Грузиновъ, относя это къ винѣ государя, сказалъ съ сердцемъ: «онъ послушался генерала Ливена».

Аванасьевъ никому не говорилъ и не доносилъ объ этомъ, считая племянника за сумасшедшаго. «Прежде того, на совѣтъ, чтобы подсудимый имѣлъ хорошее обхожденіе съ гражданами, замѣтилъ въ отвѣтахъ его замѣшательство». Подсудимый отвѣтилъ ему на это, «что ни съ кѣмъ обхожденія имѣть онъ не хочетъ». За тѣмъ, когда пріѣхавшіе изъ пожалованнаго ему мѣстца крестьяне требовали видовъ на обратный путь, и онъ, по своему разстройству, отказалъ имъ въ томъ, то Аванасьевъ, у всего крестьяне просили помощи, уговаривалъ его дать имъ виды; «но Грузиновъ съ грубостію отовзвался, что не хочетъ ничего для нихъ дѣлать и грозилъ прибить ихъ, если они еще къ нему придутъ».

Это показаніе Аванасьева было предъявлено подсудимому въ тотъ же день, т. е. 31-го августа, въ присутствіи слѣдственной комиссіи, въ которой находились и Кожины. Въ послѣдній разъ Волошеневскій увѣщевалъ Грузинова раскаться и показать истину во всѣхъ на него обвиненіяхъ. «Старшина Аванасьевъ,—по словамъ протокола,—въ лицо ему, извергу, доказывалъ, что дѣйствительно при немъ такіа злорѣчива слова на высочайшу Его И. В.—ва особу, какия въ допросѣ его значатся, произносилъ; однако онъ, извергъ Грузиновъ, слѣдуя прежнему своему во злоупорствѣ ожесточенію, не показалъ ни малѣйшаго о преступленіяхъ своихъ раскаянія и рѣшительно и дерзко отказался отъ всякаго отвѣта тѣмъ, что: «онъ не можетъ быть судимъ военскимъ судомъ, никому ничего по сему дѣлу не покажетъ, ежели не будетъ онъ и братья его раскованы и съ сродниками на свободу отпущены, чтобы все говорить въ войсковой канцеляріи, и въ полномъ собраніи, и вездѣ, гдѣ будетъ возможно».

Послѣ этого комиссія приступила къ составленію экстрактовъ изъ дѣла о каждомъ подсудимомъ отдѣльно. Экстракты были имъ читаны; при чемъ Катламинъ, Илья Грузиновъ, Рубашкинъ и Шапошниковъ, подписывая ихъ, виновными ни въ чемъ себя не

признали; Аванасевъ же, Касмынинъ, Колесниковъ и Поповъ подтвердили сознание каждый въ томъ, что показали на допросахъ.

Между экстрактами приведены слѣдующіе законы:

«Уложения царя Алексѣя Михайловича, главы 2-й пунктъ 12-й. А буде кто на кого учнетъ извѣщать великое государево дѣло, а свидѣтелей на таковой извѣтъ никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ, и сыскати про такое государево великое дѣло будетъ нечѣмъ, и про такое великое дѣло указъ учинити по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ.

«Пунктъ 18-й. А кто московскаго государства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ, или услышатъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ, и имъ про то извѣщать государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руссїи или его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ, или въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ.

«Пунктъ 19-й. А буде кто свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умыселъ, а государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ и въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про таковое дѣло вѣдалъ, и его за то казнити смертію безъ всякаго пощады».

«Воинскаго сухопутнаго устава въ 129-мъ артикулѣ написано: Если кто увѣдаетъ, что одинъ или многіе нѣчто вредительное учинити намѣрены, или имѣеть вѣдомость о шпионахъ, или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гварнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объяснить, тотъ имѣеть, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть».

«Морскаго уст., книги V-й, въ пунктѣ 1-мъ. Если кто противъ персоны его величества какое зло умышлять будетъ, тотъ и всѣ оныя, которые въ томъ вспомогали, или совѣтъ свой подавали или, вѣдая, не извѣстили, яко измѣнники четвертованы будутъ и ихъ позитки движимыя и недвижимыя взяты будутъ».

«Указъ 1730 г. апрѣля 10-го дня. Когда такія великія дѣла самъ свѣдаетъ или отъ кого услышитъ и доказать могъ, а нигдѣ не донесетъ, а потомъ отъ кого обличенъ будетъ, что онъ про такое великое дѣло вѣдалъ и доказательство имѣлъ, а нигдѣ не донесъ, а хотя и доносить будетъ, но поздно, и тѣмъ время упу-

ститъ, а сыщется про то допряма, и тѣмъ людямъ за то яинить смертную казнь безо всякя пощады».

Вслѣдъ за выпискою законовъ, комиссія составила нѣсколько дополнительныхъ экстрактовъ; половиною одного изъ нихъ прерывается дѣло, на 316 страницѣ. Дѣло это дошло до насъ не въ полномъ видѣ, въ кони того времени.

V.

Такимъ образомъ, изъ слѣдственнаго дѣла не видно ни приговора военно-судной комисіи, ни мотивовъ къ нему; признанія подсудимаго въ приписанныхъ ему преступленіяхъ тоже не было. за исключеніемъ того, что онъ бранилъ императора. Между тѣмъ еще до вопроса Аванасьева, т. е. до окончанія слѣдствія, участь полковника Грузинова уже была рѣшена. 26-го августа сенатъ получилъ слѣдующій именной указъ, данный канцеляріи войска Донскаго: «Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова за измѣну противъ насъ и государства, наказать нещадно кнутомъ и отправить его къ нашему генераль-прокурору, а имѣніе его описать въ казну»¹⁾. О конфирмаціи этой было дано знать всѣмъ губернскимъ правленіямъ указами сената отъ 29-го августа.

5-го сентября 1800 г. Евграфъ Грузиновъ, вопреки конфирмаціи и не смотря на табельный день—тезоименитства супруги наслѣдника престола, великой княгини Елисаветы Алексѣевны, былъ засѣченъ кнутомъ до смерти въ Черкасскѣ²⁾. Рѣшинъ и Кожинъ, торопившіе осужденіе, приняли его послѣдній вздохъ. Одно изъ имѣній казеннаго—село Воздвиженское, Московской губерніи, перешло во владѣніе къ князю Куравину 3-му³⁾.

Сентября 27-го войсковой старшина Аванасьевъ, дядя Грузинова, и казаки Луганской станицы Касмынинъ, Поповъ и Колесниковъ, не донесшіе о ругательныхъ Грузинова на государя изреченіяхъ и о прочихъ его словахъ, сложили свои головы на плахѣ подъ топоромъ палача.

Интересно бы знать, за что судился и наказанъ Грузиновъ 2-й. Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти несчастнаго Евграфа Грузинова,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 629.

²⁾ О подробностяхъ казни см. тамъ же, стр. 573—575.

³⁾ Тамъ же, стр. 663.

13-го октября, послѣдовала слѣдующій именной указъ сенату: «Генераль-отъ-кавалеріи Рѣпинъ исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ, за приведеніе въ исполненіе сентенціи смертной казни на Дону, вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго моею конфирмаціею»¹⁾.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что, по сохранившимся разсказамъ современниковъ, въ эту тяжелую для Дона эпоху, процессъ надъ братьями Грузиновыми распространилъ въ мѣстномъ обществѣ страшную панику, тѣмъ болѣе, что не только Грузиновы, но и всѣ прикосновенныя къ ихъ дѣлу лица содержались подъ строжайшимъ карауломъ въ подвалахъ колокольни соборнаго храма, что къ нимъ никто не допускался, даже ближайшіе родные, и, поэтому, въ городѣ ходили одинъ другаго страшнѣе и нелѣпѣе слухи о размѣрахъ преступленія и кары за него не только виновныхъ, но и всего Донскаго войска, изъ среды котораго послѣдніе происходятъ. Казнь совершена на площади Черкаска (нынѣ Старочеркасской станицы), на мѣстѣ, носившемъ названіе «пороховой казны». Когда, въ послѣдствіи, получено было извѣстіе, что казнь эта совершена вопреки воли государя, то, въ понятіяхъ народа, казненные выросли до названія «мучениковъ» и, поэтому, стали распространяться среди него различные суевѣрные разсказы о стонѣ изъ ихъ могилъ, о показывающемся на нихъ, каждую полночь, огонькѣ, въ видѣ зажженой свѣчи и т. п.

Примѣчаніе Кн. А. Б. Л.-Р.—го. Вотъ нѣкоторыя данныя, извлеченныя изъ военныхъ приказовъ о Грузиновыхъ:

1797 г. января 25-го. Лейбъ-казачьяго полка майоръ Грузиновъ 2-й (1-й?) произведенъ въ полковники.

1798 г. іюня 29-го. Лейбъ-казачьяго полка полковникъ Грузиновъ 1-й опредѣленъ въ свиту Его И. В.—ва, а бывшій лейбъ-казачьяго полка подполковникъ Грузиновъ 2-й всемилостивѣйше прощается, равно какъ и бывшій войска Донскаго подполковникъ Грековъ.

1799 г. октября 6-го. Войска Донскаго полка полковника Карпова сотникъ (?) Грузиновъ, по прошенію, отставленъ отъ службы.

1800 г. февраля 10-го. Высочайше повелѣно, чрезъ графа Ростопчина: «письмо изъ Черкасска съечь чрезъ палача».

Кромѣ того, помѣщаемъ нижеслѣдующую роспись для уясненія родственныхъ отношеній Грузиновыхъ на Дону; она составлена на основаніи допросовъ и указаній, имѣющихся въ дѣлѣ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 630.

I.

1. Романъ Грузиновъ,—изъ служилыхъ дѣтей грузинской націи. Его жена была родная сестра матери отставнаго маіора Бориса Андреевича Катламина, родившагося въ 1739 году и произведеннаго въ маіора при отставкѣ въ 1800 году.

II.

2. Осипъ Романовичъ, старшина. Въ 1800 г., бывши еще до того разбитъ параличомъ, не владѣлъ языкомъ. Ж. Аеанасьева (родная сестра войсковаго старшины Ивана Аеанасьевича Аеанасьева, род. 1758 † 27-го сентября 1800 г., казненнаго въ Старочеркасскѣ). } 1.
3. Илья Романовичъ, сотникъ, 1759 г. }
 Н. Н. Романовна, за есауломъ Николаемъ Борисовичемъ Рубашкинымъ. }

III.

4. Евграфъ Осиповичъ, полковникъ, 5-го сентября 1800 г., въ Старочеркасскѣ наказанъ кнутомъ, отчего и умеръ. } 2.
5. Петръ Осиповичъ, подполковникъ (называлъ себя кавалеромъ св. Георгія 4-й ст., но въ спискѣ Георгіевскихъ кавалеровъ его нѣтъ). 26-го апрѣля 1800 г., въ Старочеркасскѣ, наказанъ кнутомъ. }

Въ родствѣ съ Грузиновыми былъ также полковой хорунжіи Дурновской станицы Иванъ Кондратьевичъ Шапошниковъ, р. 1759 г.

АЛЕКСѢЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ВЕНЕЦІАНОВЪ,

ОТЕЦЪ РУССКОЙ ВЫТОВОЙ ЖИВОПИСИ,

1780—1846.

Скоро минетъ столѣтіе какъ явился для благородной дѣятельности тотъ художникъ, которому наше отечественное искусство обязано національнымъ направленіемъ. Подвигъ его совершился такъ незамѣтно на глазахъ современниковъ, что они, то расточая неискреннія похвалы, то относясь враждебно къ совершенному Венеціановымъ, не признавали за нимъ даже заслуги: пробужденія мысли русскихъ живописцевъ съ направленіемъ ея исключительно на изображенія родной обстановки. Она у него поражаетъ вѣрностью передачи живыхъ сценъ быта, но безъ желанія избѣгать шероховатостей, въ противоположность художникамъ историческаго рода, ради предразсудка жертвовавшимъ характерностью и правдою. Направление Венеціанова эти умники считали не серьезнымъ, чуть не кукольною игрою, а свое, ложное въ самой основѣ,—строгимъ и единственно вѣрнымъ. Ошибались, безъ сомнѣнія, корифеи академическаго направленія, мнимую строгость рисунка,—доведенную до сухости,—ставя на первое мѣсто и риторическою возвышенностью условнаго чувства замѣняя подлинное проявленіе игры страстей, въ живописной драмѣ. Но эта ошибка была наслѣдіемъ вѣковъ прошедшихъ; она была неотвратима при тогдашнемъ взглядѣ на вещи. Поэтому, виноваты не послѣдніе представители отжившаго направленія, а оно самое, всосанное художниками въ академіяхъ и сдѣлавшее ихъ мастерами техники. Академіи художественныя, явившія къ концу вѣка возрожденія, внесли единство и систему въ подготовительное изученіе искусства, приучая вѣрно смотрѣть на натуру. Но касаясь искусства только съ внѣшней стороны

(одной техники), онѣ не могли сдѣлать ничего болѣе въ интересѣ развитія ума и воображенія. Геній великихъ мастеровъ бездарными преемниками ихъ школы остался не разгаданнымъ, а нить направленія жизненности и правды, какъ бы затерявшеюся въ мелочныхъ условіяхъ рутинѣ, не сильной надъ талантомъ, но всемогущей передъ взглядомъ бездарности. Отъ этого и вышло, что въ академіяхъ (по крайней мѣрѣ съ конца XVII вѣка, когда число ихъ въ Европѣ удесятилось) условные приемы, не ограничиваясь классными упражненіями подготавливаемыхъ въ художники, коснулись и области творчества, связывая путами мнимыхъ приличій полетъ фантазіи артистовъ. Эти пути—называемые условно стилистостью,—не допускали свободнаго размаха движенія. Замѣчая меньшую красоту въ немъ и не думая относить ее къ недостаткамъ изученія момента на живой натурѣ, академики находили спокойствіе для себя менѣе рискованнымъ и внесли его въ свой кодексъ правилъ какъ непремѣнное условіе граціи. Оно и понятно: бездвижности легче придать условно красивую форму. Но, разъ допуская подобный совѣтъ, можно, слѣдуя ему, уничтожить и всякое проявленіе жизненной правды,—что и сдѣлалось удѣломъ академическихъ композицій.

Такъ и должно было оказываться при бездарности, и такъ по-длинно выходило въ скучныхъ твореніяхъ по правиламъ съ изысканными линиями формъ. Все, казалось, было тутъ на мѣстѣ; ничто не рѣзало глаза, а онѣ, при однообразіи, оставался вполне неудовлетвореннымъ. Нужно ли оговаривать, что условность, сглаживая характеръ, обходится безо всего, что въ природѣ и жизни отличаетъ живыхъ существъ, проявляющихъ самостоятельную дѣятельность словами и дѣйствіями,—у каждаго съ особымъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ. Индивидуальность же людей даже одного общества носить на себѣ отпечатокъ и климатическихъ особенностей, и всѣхъ другихъ условій, въ которыхъ развивается бытовая жизнь. Этотъ-то отпечатокъ и даетъ характерныя отличія одной народности отъ другой, устанавливая разность признаковъ расы. Въ ту пору, когда наука, въ наше время ратующая за народность, находила величайшимъ удобствомъ введеніе общаго научнаго языка—латинскаго, въ западной Европѣ, разумѣется, не понимался и вопросъ о племенномъ различіи, по характернымъ особенностямъ. Ихъ обходило и академическое искусство, внося въ историческія изображенія курьезный маскарадъ фантастическихъ одеждъ, съ невозможною обстановкою и для самыхъ сценъ. Еще это положеніе воспринято было и нашею академіею, заведенною при Елисаветѣ Петровнѣ французами. Они для русскихъ людей, очень естественно, не нарушали своихъ привычекъ: поклоненія наготѣ формъ, непониманія идеальныхъ стремленій художниковъ классическаго міра,—создавав-

нихъ чудеса красоты, ища ее въ живой натурѣ,—и неслѣдованія къ теоріи, что < жизнь—въ правдѣ! > Ученики французовъ, основателей академіи нашей, сами развивавшіеся въ Парижѣ, могли только смотрѣть глазами учителей своихъ на задачи искусства. Оттого три четверти столѣтія оно у насъ и не желало видѣть своего, роднаго,—по французски трактуя даже русскіе сюжеты, подъ кистью и рѣзцомъ первыхъ профессоровъ не переносящіе зрителя на родину. Приученіе къ своему родному, жизненному и характерно-правдивому поэтому и выпало, въ дни Александра I, на долю человѣка, не получившаго академическаго образованія, но сильнаго природною наблюдательностью. И самъ онъ пошелъ этимъ путемъ, еще не давая себѣ отчета: что онъ дѣлаетъ? Но, послѣ первыхъ шаговъ, для него уже не была тайною самая цѣль и ея конечный результатъ! Одного личнаго труда его было бы, однако, недостаточно, если бы обстоятельства не дали ему возможности образовать свою школу учениковъ, которыхъ думалъ онъ только вести къ развитію тѣмъ же путемъ, какъ и самъ шелъ. Но, ведя этимъ путемъ, Венеціановъ, самъ того не думая, вывелъ учениковъ своихъ на національно-русскую дорогу.—выборомъ для живописи сценъ прямо изъ жизни простаго народа. Для рѣдкости вещей, публика съ жаромъ аплодировала первымъ попыткамъ живописи роднаго быта. Къ ней пристрастились мало по малу и сами художники, и... академическое направленіе брошено.

Но отъ того, что первый волякъ натолкнутъ былъ на это направленіе почти невольно, не слѣдуетъ намъ однако уменьшать его заслугу. Она гораздо выше даже дѣлается оттого, что, всецѣло отдавшись душевному влеченію, Венеціановъ самъ и не думалъ приписывать себѣ какую либо честь или право на почетъ. Онъ вмѣнялъ въ заслугу себѣ одну заботу объ образованіи природныхъ талантовъ, безъ него бы заглохшихъ. Оставимъ же за нимъ безспорное право: руководства талантовъ и веденіе ихъ новою дорогою, до него никѣмъ не пробитою! Эту его заслугу мы выяснимъ и выдѣлимъ, прежде всего и виднѣе всего; а по ней, сама собою признается плодотворность дѣятельности Венеціанова, въ послѣднее десятилѣтіе совсѣмъ почти забытаго.

Своимъ рассказомъ мы постараемся выяснитъ все, что оставалось темнымъ и необслѣдованнымъ изъ обстоятельствъ жизни отца русской бытовой живописи. Это тѣмъ необходимѣе, что написаннаго о Венеціановѣ не мало, но все, что было о немъ напечатано, меньше всего разъясняло: его личность, его происхожденіе и его дѣйствительную дѣятельность. Картинныхъ набросковъ, фразъ, восклицаній, заявленій сочувствія—много; дѣла же,—почти нѣтъ. И самая обстоятельная статья, сочувственно написанная ученикомъ его А. Н. Мокрица-

кимъ, — «Воспоминаніе объ А. Г. Венеціановѣ и ученикахъ его», — не даетъ ничего обстоятельнаго и связнаго, хотя авторъ и заявляетъ желаніе «опредѣлить его дѣятельность».

I.

Пользуясь новыми, открытыми лично нами, извѣстіями о родѣ Венеціановыхъ, его собственными отрывочными указаніями въ разныхъ бумагахъ, да воспоминаніями дочери, подвергнувъ ихъ провѣркѣ (со стороны фактовъ и обстоятельствъ), — мы позволимъ себѣ считать свою попытку ближе достигающею цѣли жизнеописанія. Указанія объ ученикахъ тоже надѣемся мы сдѣлать точнѣе, ограничиваясь впрочемъ только самымъ необходимымъ для связи съ цѣлымъ. Мы ставимъ на первое мѣсто прямо труды А. Г. Венеціанова и взгляды его на свою задачу, почерпая это изъ написанныхъ имъ же самимъ Записокъ. Если, выполнивъ такъ свой трудъ, мы не удовлетворимъ своихъ читателей, то по крайней мѣрѣ и не введемъ ихъ въ ошибку самопроизвольными рѣшеніями, не подкрѣпленными фактическими свидѣтельствами. Въ подобномъ же вопросѣ, какъ трудъ, нами предпринятый, добросовѣстность самое главное. А если сдумѣемъ мы дать больше данныхъ о художникѣ, — чѣмъ имѣлось до сихъ поръ въ распоряженіи интересовавшихся имъ, — то цѣль наша все же будетъ сколько-нибудь достигнута, не смотря на всѣ трудности, неразлучныя со сбораньемъ по крупицамъ извѣстій, записывать которыя предшественники наши скорѣе не хотѣли, чѣмъ не могли. Съ удаленіемъ отъ времени жизни и дѣятельности ивслѣдуемаго лица, всякое лишнее указаніе достается труднѣе, затѣмъ что и число лицъ, знавшихъ хорошо А. Г. Венеціанова, съ каждымъ днемъ уменьшается. Хотя, съ другой стороны, память знакомыхъ, даже и близкихъ, далеко не лучший источникъ для узнанія въ точности обстоятельствъ чьей либо трудовой жизни, скажемъ смѣло — даже и случаевъ прямою чуждыхъ имъ. Что же сказать о вопросахъ, въ первый разъ нами задаваемыхъ? А вопросовъ этихъ мы не можемъ обойти, не давая ѳотвѣтовъ. Не отвѣчая на вопросы, выдвигаемъ нашею разработкою, мы рискуемъ ни до чего не дойти и ничего не добиться; а двинувшись — не останавливаемся. Чего ближе, казалось бы, слова дочери? Между тѣмъ, намъ не приходится и имъ давать полную вѣру, и вотъ почему. Младшая дочь отца русской живописи быта, Фелицата Алексѣевна Венеціанова, написала слѣдующее: «Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ родился въ Черниговѣ. Отецъ его, Гаврилъ Юрьевичъ, былъ грекъ, природный дворянинъ, изъ фа-

мили Венеціановыхъ Фармаки (?). Въ Черниговской губерніи у него было помѣстье». Офіціальныя, несомнѣнныя свидѣтельства говорятъ другое.

Въ архивѣ департамента герольдіи есть дѣла (по Черниговской и С.-Петербургской губерніямъ) о дворянствѣ рода Венеціановыхъ, и изъ дѣлъ этихъ происхожденіе фамиліи не даетъ ни маѣншаго основанія прибавлять прозваніе Фармаки, прежде всего. Изъ дѣлъ этихъ видно только, что предкомъ фамиліи слѣдуетъ считать Ивана Проко, жившаго въ началѣ XVIII вѣка, въ Эпирскомъ мѣстечкѣ Богдаріи. Сынъ Ивана Проко, Ѳеодоръ Венеціано, переселился въ Россію, съ женою своею гречанкою, же Еленой, — въ 1730-хъ или 1740-хъ годахъ, — и поселился въ Нѣжинѣ. У Ѳеодора и Елены (по смерти мужа, постригшейся въ кіевскомъ Свято-Флоровскомъ монастырѣ въ 1781 г., имѣя болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду) были дѣти (Андрей, какъ кажется, да) Георгій, въ 1759 году давно женатый на Екатеринѣ Марковичъ. Она получила отъ брата, значкаго товарища Михаила Марковича (по записи 9-го января 1759 г.), хуторъ Вапржкъ, въ Монастырской сотнѣ Прилуцкаго полка (Нѣжинскаго уѣзда). Андрея Ѳеодоровича сынъ Семень Андреевичъ Венеціановъ родился въ 1773 г. и былъ въ царствованіе Александра I надворнымъ совѣтникомъ. Онъ жилъ въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, въ Благовѣщенскомъ приходѣ, и служилъ въ Межевой канцеляріи. Въ бракѣ съ Александрою Сидорошною имѣлъ Семень Андреевичъ дочь Александру (род. 1808 г.) и сына Андрея (род. 1813 г.); что съ ними сдѣлалось, найти намъ не удавалось. Георгій Ѳеодоровичъ отъ Екатерины Марковичъ имѣлъ дочь Анну за майоромъ Алексѣемъ Клобуковымъ, да сыновей Михаила и Гавріила. Михаилъ, старшій, женатый на Екатеринѣ Антоновичъ владѣлъ родительскимъ хуторомъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ. На хуторѣ Куриковскомъ у него было 37 душъ женскаго пола и 38 душъ мужскаго пола и, по населенному имѣнію, Михаилъ Венеціановъ (умершій ранѣе 1808 г.) считался дворяниномъ между греками, заявлявшими даже, что родъ Прока въ Эпирѣ былъ владѣтельный и очень почетный. Такое заявленіе прямо написано было нѣжинскимъ греческимъ магистратомъ и по этому заявленію черниговское дворянское депутатское собраніе включило Венеціановыхъ въ родословную дворянскую книгу свою, въ 1794 г. Между тѣмъ, младшій сынъ Георгія Ѳеодоровича Венеціанова, Гавріилъ Юрьевичъ, род. въ 1752 г., переселился въ Москву; приписался въ купца 2-я гильдіи; женился, не ранѣе 1778 года, на Аннѣ Лукининнѣ, десятию годами моложе его и сталъ жить въ своемъ домѣ въ Воронцовской улицѣ, въ приходѣ Воскресенья на Таганѣ (тогда въ 3-мъ кварталѣ XVII

части, а теперь въ 4-мъ кварталѣ Рогожской ч.). Живя здѣсь, онъ былъ обрадованъ рожденіемъ перваго сына 12-го февраля 1780 года, по имени празднуемаго сятаго, названнаго Алексѣемъ. Черезъ пять лѣтъ родился третій сынъ (27-го дек. 1785 г.) Иванъ Гавриловичъ; какъ и отецъ, московскій же купецъ 2-й гильдіи. Иванъ Гавриловичъ Венеціановъ отъ брака съ Анною Степановною имѣлъ трехъ сыновей: Аркадія (родивш. въ 1816 г. и умершаго ранѣе 1850 г., холостымъ), медика, воспитывавшагося въ Московскомъ университетѣ и служившаго въ городской больницѣ; Клавдія (р. 1819 г.) служившаго въ гражданской службѣ, безъ чина, въ Москвѣ; Сергѣя (род. 1826 г.) и дочь Софью (р. 1821 г.). Иванъ Гавриловичъ умеръ 50-ти лѣтъ отъ роду (23-го апрѣля 1835 года), раньше отца. Вмѣстѣ съ Иваномъ въ Москвѣ торговалъ и записанный въ дворянское родословіе Черниговской губ. Юрій Михайловичъ (род. 1778 г. и жившій еще въ 1842 г.), считаеся въ столицѣ купцомъ 3-й гильдіи¹⁾, имѣя двоихъ дѣтей: дочь Екатерину и сына Владимира, въ военной службѣ. Московскимъ Венеціановымъ ованъ въ 1844 г. отказалъ въ дворянствѣ, по неимѣнію доказательствъ на это достоинство. Тогда какъ не хлопотавшій о дворянствѣ, Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ,—опредѣленный въ гражданскую службу, впрочемъ, какъ дворянинъ—имѣлъ дворянство по ордену Владимира 4-й степени, но не просилъ о присвоеніи его потомству. Онъ былъ рожденъ съ художественными склонностями. Призваніе сказалося въ немъ непреодолимою страстью къ живописи, о которой и не помышлялъ онъ вступивъ въ службу и сдѣлавшись землемѣромъ. Дочь А. Г. Венеціанова о дѣтствѣ, юности и началѣ карьеры своего родителя высказала слѣдующее: «изъ трехъ сыновей, которымъ Гавриилъ Юрьевичъ далъ прекрасное образованіе—имѣя хорошее состояніе,—Алексѣй Гавриловичъ исключительно любилъ науки и искусства, въ особенности живопись; по окончаніи воспитанія въ Москвѣ въ пансіонѣ, онъ поступилъ на службу въ Петербургъ по почтовому вѣдомству. Служба сначала не мѣшала ему заниматься живописью, но потомъ, когда, питая къ ней страсть, онъ познакомился съ Эрмитажемъ, то страсть усилилась до такой степени, что онъ оставилъ службу и посвятилъ себя исключительно живописи».

Въ этихъ указаніяхъ, на наши глаза, встрѣчается явное противорѣчіе и съ извѣстными всѣмъ условіями, и съ фактами службъ А. Г. Венеціанова, по его собственному свидѣтельству. Его свидѣтельствомъ считаемя имъ прошеніе, поданное въ Императорскую академію

¹⁾ См. Адресъ-Календарь Москвы 1842 г., стр. 15 и 137, часть 3-я.

художествъ объ удостоеніи академическаго званія, въ 1811 году. Хотя прошеніе не дошло до насъ, но содержаніе его прописано въ журналѣ и ищущій званія Венеціановъ названъ «землемѣромъ, служащимъ при Лѣсномъ департаментѣ», а не при Почтовомъ. Почтовая служба, особенно для начинающихъ, не могла давать досуга заниматься живописью, при срочной явкѣ на службу и хлопотливыхъ ея обязанностяхъ въ почтамтѣ, какъ прежде, такъ и теперь. Кромѣ того, убивающая умственную дѣятельность почтовая ежедневка, развивая только рутину, ни въ какомъ случаѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, не привела бы Венеціанова къ художественному развитію, скорѣе уничтоживъ его начала, а никакъ уже не способствуя порывамъ любознательности. Она была бы притуплена; да не усилена была бы и наблюдательность, запасъ которой необходимъ для живописца бытовыхъ сценъ, начавшаго съ портрета. Всѣ эти явныя противорѣчія съ ходомъ послѣдующей дѣятельности Венеціанова заставляютъ насъ видѣть въ указаніи почтовой службы скорѣе обмолвку. Что касается до указаній средствъ отца, дачѣ сыновьямъ хорошаго образованія, обученія въ пансіонѣ, наклонности къ искусству, замѣченной въ Алексѣ Гавриловичѣ Венеціановѣ—по нашему мнѣнію, несомнѣнно вліявшей и на избраніе имъ первоначальной служебной карьеры,—мы, соглашаясь съ воспоминаніями дочери художника, должны войти въ объясненія, для подтвержденія своихъ взглядовъ и предположеній.

Начнемъ съ самаго положенія, занимаемаго въ Москвѣ родителемъ А. Г. Венеціанова.

Грековъ въ Россію издавна привлекали торговля выгоды. Гетманы малороссійскіе поселившимися въ Нѣжинѣ грекамъ дали очень важныя преимущества. Привилегіи, данныя предприимчивымъ negociантамъ, и Петръ I подтвердилъ своею грамотою 1710 года. Ему даровано было грекамъ національное городское управленіе и свобода торговли въ російскихъ городахъ. Въ Москвѣ, куда привлекала грековъ корысть,—при живомъ сбытѣ винъ, сластей, шелковыхъ тканей, шалей, благовоній, турецкаго табака и пряностей,—капиталы росли, въ греческихъ рукахъ сосредоточивая запасы звонкой монеты, пускаемой въ ростъ. Приобрѣтеніе земельныхъ участковъ и построекъ по дешевой цѣнѣ тоже входило въ кругъ расчетовъ оборотливыхъ потомковъ Семистокла и Фотія, въ бѣлокаменной занимавшихся всякаго рода прибыльными промыслами, не въ ущербъ главному торговому занятію. Поселившись въ Таганской части древней столицы, близъ Коломенскаго тракта, Гавриилъ Юрьевичъ Венеціановъ торговалъ плодовыми деревьями и ягодными кустами, приобретаая ихъ въ подмосковныхъ и надѣляя ими плодовые сады и огороды, которыхъ въ Москвѣ

и теперь очень много, а за сто лѣтъ назадъ было еще больше. На эту сторону дѣятельности родителя будущаго художника навела насъ публикація въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1795 года (№ 56, стр. 1155). Она гласила, что «въ 17-й части 3-го квартала въ д. под № 262, въ приходѣ Воскресенія-на-Таганкѣ, въ Воронцовской улицѣ, у московскаго купца Гаврилы Юрьева Венеціанова, продаются кусты самой крупшой и въ варку весьма годной бѣлой смородины: большіе кусты по 3 р., поменьше по 1 р., а трехлѣтніе по 50 к., на которыхъ ягоды бываетъ отъ 10 до 12 фунтовъ, которая же ягода продается по 10 копѣекъ фунтъ. Тутъ же продаются весьма хорошия голубянина луковицы, разныхъ колеровъ, дѣною смотря по величинѣ луковиць. Въ семь же домѣ продаются хорошия картины, писанныя en pastel, за весьма сходную цѣну». Публикація въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1794 г. (11-го ноября), № 90 (стр. 1732), тоже рекомендовала продажу картинъ. Предлагались желающимъ «очень хорошия разныя картины, дѣланныя сухими красками, въ золотыхъ рамахъ, за стеклами, за весьма умѣренную цѣну». Покупщики не скоро тогда находились на этотъ товаръ, предприимчивому negociанту, при скукѣ на своемъ чьего-либо вельможскаго сада въ окрестностяхъ столицы, вѣроятно, доставившійся за безцѣнокъ. Оттого и немного заботился онъ о случайномъ приобрѣтеніи, если не сходило оно съ рукъ. Главныя дѣла—растенія,—шли хорошо и давали вѣрный доходъ до самаго Наполеоновскаго погрома, послѣ котораго, по словамъ внучки, Гавриль Юрьевичъ «лишился большей части имуществъ». Въ общемъ пожаръ столицы, окраины ея,—въ томъ числѣ и Таганка,—были почти совсѣмъ уничтожены, и отъ деревяннаго дома Венеціанова не осталось слѣдовъ. Изъ довершеннаго бѣдствія, домохозяева, воротаясь на старая пещелища, не скоро принялись за разведение садовъ, которыхъ вообще въ Москвѣ итогъ сократился если не на половину, то на двѣ трети, а мѣста бывшихъ садовъ занялись постройками жилищными и фабричными. Вотъ что должно было нанести непоправимый ударъ торговлѣ Гаврилла Юрьевича, пережившаго ударъ судьбы. Онъ еще вкестилъ внучатъ—дѣтей младшаго своего сына, Ивана Гавриловича, женившася въ 1811 г.

Торговля картинами давала возможность старшему сыну Гаврилла Юрьевича удовлетворять эстетическимъ стремленіямъ врожденнаго призванія, которое хотя до времени и можетъ считаться какъ бы не существующимъ, но на самомъ дѣлѣ оно только не имѣло повода заявить себя чѣмъ либо примѣтнымъ. Занятіе землемѣрными планами,—въ ту пору украшавшимися виньетками на заголовкахъ,—въ своемъ родѣ было тоже удовлетвореніемъ художественныхъ стремленій, за-

сочиняя къ дальнѣйшему развитію навикомъ рисовать красками. Для того же, чтобы сдѣлаться землемѣромъ, необходима начальная подготовка научная по части геометріи. Курсъ той науки былъ по времени достаточенъ и въ пансіонскомъ обученіи, тогда особенно распространенномъ въ Москвѣ, — хотя городѣ, имѣвшемъ университетъ и гимназіи, но крайне нуждавшемся въ начальныхъ училищахъ. Замѣтимъ, что въ то время, когда, по лѣтамъ, старшій сынъ Гавриила Юрьевича Венеціанова могъ нуждаться въ научномъ образованіи, чтобы подготовиться къ жизненной дѣятельности, въ окрестностяхъ Таганки, — на разныхъ, разумѣется, разстояніяхъ, ближе и дальше, — было шесть пансіоновъ, если исключить Крейгера въ Большой Алексѣевской (гдѣ больше учили дѣвицы), а именно: Ааля (за Большой Ильинкѣ), Бартоли (за Покровскими воротами), Блемера (на Мясницкой), Борденова (за Серпуховскими воротами, въ Замоскворѣчѣ, не совсѣмъ далеко отъ Красно-Холмскаго моста), Борсуса (въ Лефортовѣ) и Дельсаля (въ Нѣмецкой слободѣ). Трудно сказать, который изъ этихъ пансіоновъ посѣщался отцомъ русской бытовой живописи, но можно одно принять за истину, что во всѣхъ нихъ, — вмѣстѣ съ русскимъ и однимъ изъ иностранныхъ языковъ, — могъ онъ приобрести знанія по ариметикѣ, геометріи, исторіи и географіи.

Въ одной изъ записокъ своихъ цитируетъ Венеціановъ французскія заглавія изданій довольно правильно, что даетъ право заключать о знакомствѣ его съ французскимъ языкомъ. Что же касается основательнаго знанія геометріи, то оно у Венеціанова было несомнѣнно, такъ какъ его научные приемы рисованія были основаны на геометрическихъ положеніяхъ. Да и перспектива вообще, — на которую сильно налегалъ онъ какъ наставникъ, — безъ геометріи далеко не могла простирается, а тѣмъ болѣе приводить къ такимъ результатамъ. Поэтому допустить приобрѣтеніе А. Г. Венеціановымъ основательныхъ свѣдѣній хотя въ начальной геометріи въ пансіонскихъ классахъ мы должны, нейдя противъ логики и допуская, что извѣстныя причины производятъ соответственныя послѣдствія. Для Венеціанова естественными послѣдствіями, хотя сперва и не полного, знакомства съ геометріею было принятіе въ лѣсные землемѣры, когда состоялся, положимъ, штатъ чиновниковъ «при подмосковной казенной рощѣ погоннаго Лосиннаго Острова» ¹⁾. Островъ этотъ скоро переданъ былъ въ удѣльное вѣдомство, но, раньше чѣмъ это состоялось, началась усиленная копировка плановъ казеннымъ лѣсамъ и для нея потребованы лѣсные землемѣры въ Петербургъ. Вѣроятно, въ это время и

¹⁾ П. С. З., т. XXVIII, № 21,494.

попалъ въ сѣверную столицу будущій художникъ. Въ подтвержденіе своей догадки приведемъ на память, согласное въ двухъ запискахъ объ обстоятельствахъ жизни Венеціанова, указаніе на 1807 г. какъ на время пріѣзда его въ Петербургъ и начатія знакомства съ Эрмитажемъ ¹⁾. Въ 1806-мъ же г. 13-го сентября ²⁾ состоялось постановленіе копировкѣ лѣсныхъ плановъ землемѣрами при Лѣсномъ департаментѣ, которыхъ по штату 1798 г. положено имѣть 124 человекъ, и прикомандировать изъ одной губерніи въ другую. Записка объ обстоятельствахъ жизни Венеціанова говоритъ, что въ Эрмитажѣ началъ онъ копировать пастельными красками. Пастель и акварель такъ близки. Акварелью выполнялись не безъ примѣси корпусныхъ красокъ, какъ мы замѣтили, заглавныя виньетки на плавахъ всякаго рода, и лѣсныхъ дачъ—тѣмъ болѣе. Научиться могъ А. Г. Венеціановъ рисовать сухими красками еще въ пансіонѣ; въ курсъ пансіонскаго обученія входило рисованіе вездѣ. Въ Москвѣ, въ концѣ XVIII вѣка, сильно были въ модѣ: живопись пастелью и водяными корпусными красками, продававшимися не дорого, въ разныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, въ родительскомъ домѣ еще, могъ упражняться въ рисованіи будущій художникъ, хотя, какъ самъ говоритъ въ одномъ письмѣ (къ инспектору псковской гимназіи, всего скорѣе) «не готовилъ себя быть художникомъ».

Всѣ люди талантливыя, какъ извѣстно, сохраняли неагладными въ памяти первыя впечатлѣнія дѣтства, поразившія ихъ чуткое воображеніе. Въ домѣ отца—торговца садовыми растеніями, было много, разумеется, рабочаго народа обоаго пола въ своеобразномъ костюмѣ. Не удивительно, что вкусъ А. Г. Венеціанова преимущественно тянулъ его къ воспроизведенію минутныхъ позъ и положеній простыхъ русскихъ людей, служившихъ для художника живыми оригиналами для изученія всевозможныхъ эффектовъ освѣщенія. Оно же тѣсно связано съ законами перспективы, тоже имъ страстно любимой въ послѣдствіи и рекомендуемой ученикамъ для первой пробы своей технической опытности, при произведеніи картины. Не вдругъ достигъ онъ до полнаго выясненія себѣ всего, къ чему влеклось его воображеніе, безспорно; и долго онъ не попадалъ на настоящую дорогу, но далеко отъ нея въ сторону онъ не сбивался даже въ то время, когда впервые силится передать красоты великихъ мастеровъ настолько недостаточными средствами какъ сухія краски,—единствен-

¹⁾ Говоря о впечатлѣніи отъ картины Граве (1820 г.), Венеціановъ я самъ говоритъ, что разгадка ея эффекта перемѣнила его 12-ти лѣтнюю привычку писать.

²⁾ П. С. З. т., XXIX, № 22,271.

но доступныя ему. Въ головѣ роились новыя мысли и планы, но чувствуемое безсиліе, покуда, выполнить останавливало обиднымъ отказомъ слабыя попытки превозмочь трудности. Колебанія въ принсканіи болѣе надежныхъ средствъ не должно однако оказываться при сильномъ желаніи справиться со всѣми препятствіями. Не трудно было здѣсь, въ столицѣ, найти и руководителя, какъ только идея заняться масляными красками явилась предпріимчивому уму начинающаго. Старая художественною жаждою развитія, трудолюбивый Венеціановъ могъ работать планы дома и устраивать дѣло такъ, чтобы въ долгіе лѣтніе дни, вставая рано, достаточно приготовить служебныхъ работъ и урочные часы проводить въ Эрмитажѣ, гдѣ часто бывалъ жившій по сосѣдству, въ Большой Милліонной улицѣ, Владимиръ Лукичъ Боровиковскій. Этотъ прославленный портретистъ, по словамъ А. Н. Мокрицкаго, училъ Венеціанова живописи масляными красками. Самъ самоучка, Боровиковскій могъ легче другаго учителя растолковать, хорошо рисуящему сухими красками, свойство масляныхъ. Но этимъ, по всей вѣроятности, и ограничились заботы его какъ руководителя. Просившій его помощи и совѣта былъ самъ уже хорошо понимавшій и рисунокъ, и освѣщеніе, да и перспективныя проэкціи, когда, правду сказать, Боровиковскій и братъ ихъ не умѣлъ, выказывая ощутительныя ошибки въ перспективѣ. Поэтому, говоримъ, дальнѣе обращенія съ красками онъ и не могъ ничего передать Венеціанову, имѣвшему въ живописи свою манеру. Мы вовсе не думаемъ опровергать слова А. Н. Мокрицкаго объ учительствѣ Боровиковскаго относительно Венеціанова, за недостаткомъ фактовъ, доказывающихъ противное, но недостаточность сходства въ манерѣ живописи Боровиковскаго съ колоритомъ Венеціанова заставляетъ насъ ограничиться только высказанною догадкою. Самъ Венеціановъ, можетъ быть, говорилъ своему ученику о вліяніи Боровиковскаго—хотя это и не высказано въ статьѣ Мокрицкаго,—потому намъ, еще разъ повторимъ, приходится найденное указаніе принять, что мы и сдѣлали, оговорившись. Но важно тутъ то одно, что изъ рисовальщика пастелью скоро вышелъ живописецъ масляными красками, получившій возможность передавать точно кистью, что усмотрѣлъ онъ въ натурѣ. Собственный портретъ, выполненный Венеціановымъ въ 1810 году, показываетъ въ художникѣ прекрасное направленіе и полную свободу кисти, такъ что совѣтъ академіи художествъ нисколько не затруднился призвать писавшаго назначеннымъ (т. е. кандидатомъ) въ академики, задавъ ему, для соисканія этого званія: написать съ натуры портретъ престарѣлаго инспектора, въ свое время хорошаго портретнаго живописца, Кирила Ивановича Гловачевскаго

съ учениками двухъ низшихъ возрастовъ академическаго училища. Фигура Гловачевского, сѣдаго какъ лунь, но еще свѣжаго, румянаго, съ привѣтливою улыбкою, служитъ контрастомъ съ бойкостью находящихся подлѣ него дѣтей, подъ кистью неутратившихъ нисколько жизненности и непринужденности. По тону колеровъ и гармоніи ихъ, эта картина, могшая сдѣлать честь любому художнику съ прочною репутаціею, не могла опять не вызвать единогласнаго рѣшенія о признаніи академикомъ мастера, обладающаго, при полной свободѣ техники, еще ненаходимомъ у другихъ собратій его по профессіи свѣжестью общаго впечатлѣнія. Талантъ, достигшій такой степени развитія, какъ у Венеціанова, не могъ не производить впечатлѣнія, какъ тогда, такъ и теперь, съ тою развѣ разницею, что свѣжезаписанныя краски казались еще цвѣтистѣе и живѣе. Блистательно выполнивъ программу на академика передъ самою отечественною войною, въ тяжелую годину ея, Венеціановъ не могъ имѣть поргетныхъ заказовъ; но онъ не оставался безъ дѣла. Вмѣстѣ съ И. И. Теребеневымъ (отличнымъ рисовальщикомъ, рано унесеннымъ смертью), Венеціановъ кампановалъ, въ очеркахъ, каррикатуры на французовъ, выполнявшіяся на металлѣ и пускавшіяся въ продажу иллюминированными красками. Сколько именно выпущено было тогда каррикатуръ Венеціанова, ни онъ самъ, ни другіе, не приводили въ извѣстность; во всякомъ случаѣ, сравнительно съ Теребеневскими, ихъ было въ десять разъ меньше. Отличались онѣ меньшею остротою мысли и уступали въ характерности рисунка композиціямъ Теребенева, составившаго себѣ ими громкую извѣстность, вполне заслуженную. Каррикатуры на французовъ находили живой запросъ у насъ до самаго Вѣнскаго конгресса, а начали выходить эти летучіе листки еще въ концѣ 1812 года, такъ что вкусъ на нихъ публики, а слѣдовательно, и занятіе производствомъ ихъ со стороны художниковъ-композиторовъ, поддерживался больше двухъ лѣтъ.

О художественныхъ трудахъ по живописи, предпринимавшихся и исполнявшихся Венеціановымъ съ 1812 по 1821 годъ, мы не встрѣчали нигдѣ указаній. Въ запискѣ его дочери встрѣчается только указаніе на время женитьбы отца. Ф. А. Венеціанова пишетъ: «лѣтъ 30-ти онъ женился по любви на одной бѣдной дѣвушкѣ, которой родители жили въ маленькомъ своемъ имѣньицѣ, Тверской губерніи, Ржевскаго уѣзда, а она воспитывалась у родственниковъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ мой увидѣлъ ея, влюбился и женился».

Жена А. Г. Венеціанова была изъ рода дворянъ Тверской губерніи, Азаревыхъ, какъ написала дочь; звали ее Марфа Аванасьевна. Она—судя по записямъ исповѣднымъ церкви Император-

ской академіи художествъ—была однихъ лѣтъ съ мужемъ и умерла отъ холеры 30-го іюня 1831 года, на 51-мъ году отъ рожденія. Дочерей у Венеціановыхъ было только двѣ: Александра Алексѣевна (род. 1816 г.) и Фелицата Алексѣевна (р. 1818 г.); другихъ дѣтъ получить ни откуда намъ не удалось.

Далѣе пишетъ дочь: «У отца отъ дѣдушки Гаврилы Юрьевича былъ небольшой капиталъ, на который онъ, послѣ женитьбы, купилъ небольшое имѣніе въ Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, на имя жены своей».

Это селцо Сафонково, въ 1-мъ станѣ Вышневолоцкаго уѣзда, въ 78-ми верстахъ отъ Вышняго-Волочка.

Въ это убожище удалялся Венеціановъ съ весны, возвращаясь въ столицу осенью. Все лѣто употреблялъ онъ на занятія сельскимъ хозяйствомъ и этюды съ натуры, причѣмъ моделями служили ему крестьяне дворовые, приписанные къ помѣщичьей усадьбѣ; деревни не было. Въ 1820 г., чтобы удобнѣе заняться искусствомъ, А. Г. Венеціановъ совсѣмъ вышелъ въ отставку и пробылъ болѣе двухъ лѣтъ въ своей усадьбѣ. Но, по временамъ оставлялъ онъ ее для разъѣздовъ по губерніи и, во время одной такой поѣздки, въ Теребенскомъ монастырѣ увидѣлъ проявлявшаго талантъ молодого человѣка, занятаго стѣнописью. Въ 1824 году, при вторичномъ свиданіи, Венеціановъ пригласилъ этого молодого человѣка—Н. С. Крылова—въ Петербургъ, и съ этого времени образовалъ въ своемъ домѣ школу. Потребность же учить, или, еще точнѣе выражаясь, передавать разгаданное имъ средство образованъ глазъ рисующаго, чтобы получилъ онъ возможность вѣрно схватывать все что видитъ,—явилась у Венеціанова, когда онъ понялъ секретъ эффекта знаменитой картины Гране «обѣдня у капуциновъ».

II.

Вотъ собственный отзывъ почтеннаго художника о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на него мастерскимъ произведеніемъ и результатами, получившихся не для одного Венеціанова, изъ послѣдовавшаго, какъ онъ выражается, открытія.

«Въ 1820 году,—говоритъ онъ,—явилась въ Императорскомъ Эрмитажѣ картина: внутренность храма костела ¹⁾, писанная Гране-

¹⁾ Церкви капуциновъ. У насъ и теперь католическія церкви называются чешскимъ словомъ костель.

томъ (Granet). Сія картина произвела сильное движеніе въ понятіи нашемъ о живописи: мы въ ней увидѣли совершенно новую часть ея (техники), до того времени въ цѣломъ не являвшуюся. Увидѣли изображеніе предметовъ не подобное или точное только, а живое; не писанье съ натуры, а изобразившуюся самую натуру... Увидѣли въ ней то, чѣмъ насъ очаровывалъ въ декораціяхъ великій художникъ Гонзаго. Нѣкоторые артисты увѣряли, что въ картинѣ Гранета изысканное освѣщеніе и фокусъ освѣщенія причиною сего очарованія... но что полнымъ свѣтомъ, прямо освѣщающимъ, никакъ невозможно произвести сего разительнаго оживотворенія предметовъ, ни одушевленныхъ, ни вещественныхъ. Я рѣшился побѣдять (казущуюся) невозможность: уѣхалъ въ деревню и принялся работать. Для успѣха въ этомъ, мнѣ надобно было совершенно оставить всѣ правила и манеры, двѣнадцатилѣтнимъ копированіемъ въ Эрмитажъ пріобрѣтенныя, (и) приняться за средства, употребленныя Гранетомъ. И они мнѣ открылись, въ самомъ простомъ видѣ. Дѣло состояло въ томъ, чтобы ничего не изображать иначе, какъ только въ натурѣ что является, и повиноваться ей одной, безъ примѣси манера какого-бы то ни было художника. То есть, не писать картинъ à la Rembrandt, à la Rubens; но просто, какъ бы сказать, à la natura!

Избравъ такую дорогу, принялся я писать «Гумно».

Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ пожертвовалъ натуральнымъ гумномъ для произведенія картиннаго эффекта. Чтобы списать внутренность гумна, со стороны противоположной входу въ него, художникъ-помѣщикъ приказалъ выпилить заднюю стѣну и выполнилъ сцену цѣлкомъ съ натуры, получивъ разлитіе свѣта на картину съ задняго плана. Успѣхъ достигнуть былъ полный, подтвердившій разгадку эффекта картины Гране, во время революціи писавшаго церковь капуциновъ въ Римѣ съ пунктуальною точностью все съ натуры, до послѣднихъ мелочей. «Должно сознаться,—говорить Венеціановъ о своемъ трудѣ списыванья гумна,—что 12-ти лѣтняя привычка къ манерамъ мнѣ мѣшала въ моемъ предпріятіи».

Написавъ картину совѣмъ, Венеціановъ осенью привезъ ее въ Петербургъ и представилъ Александру I, — по всей вѣроятности, при посредствѣ государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, лично ему оказывавшей августѣйшее покровительство и принимавшей уже раньше подносимые художникомъ труды. «Гумно» велѣно государемъ помѣстить въ Эрмитажъ, въ русскую галлерей.

Въ запискѣ, поданной президенту Императорской академіи художествъ, Алексѣю Николаевичу Оленину, 30-го марта 1827 года, об-

стоятельство поднесенія императрицъ Елисаветъ Алексѣевнѣ и Александру I картинъ своихъ Венеціановъ излагаетъ такъ:

«Нѣсколько разъ посвящалъ я труды мои покойной императрицѣ Елисаветъ Алексѣевнѣ и получалъ знаки ея милостиваго къ трудамъ моимъ благоволенія, которыми ободренный, въ 1823 году, въ первый разъ имѣлъ счастье представить покойному государю императору Александру Павловичу картинку пастельными красками «очищеніе свеклы». Государь мнѣ пожаловалъ 1,000 рублей, а картинку приказалъ хранить въ Бриллиантовой комнатѣ. Такое благоволеніе монарха оживило меня и заставило посвятить себя совершенно живописи. Подражая Гранету, написалъ я съ натуры свое «гумно», и въ 1824 году, вторично, чрезъ статсъ-секретаря Кикина, имѣлъ счастье представить его государю. Государь столь милостиво принялъ его, что пожаловалъ мнѣ 3,000 рублей, сдѣлалъ свои замѣчанія. Эта милость родила во мнѣ желаніе не одному ею пользоваться, а посвятить ее (милость государеву, т. е. пожалованныя деньги), съ собою, на обученіе молодыхъ бѣдныхъ людей по методѣ моей. Мое желаніе скоро исполнилось: случай доставилъ мнѣ одного мальчика изъ бѣжецкихъ мѣщанъ (Тыранова), котораго въ 1824 году привезъ я въ Петербургъ съ собою, а другаго—калязинскаго мѣщанина (Крылова) уговорилъ пріѣхать».

Съ этого времени Венеціановъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ учрежденнымъ въ 1820 году нѣсколькими любителями искусства обществомъ поощренія художниковъ, имѣвшимъ цѣль ту же самую—давать средства развитія природнымъ талантамъ, въ какой-бы обстановкѣ ни нашлись они.

Выставка 1824 года, на которой была картина Венеціанова «гумно», открылась 1-го сентября. Художникъ, имѣвшій обычай на зыгу пріѣзжать въ Петербургъ, вѣроятно, не съ картиною прибылъ, а подиѣе, привезя съ собою ученика и положивъ въ это время начало школѣ своей, развившей въ публикѣ и художникахъ любовь къ сценамъ и типамъ русскимъ. Заставивъ выполнить этюдъ съ натуры и рисунокъ на камнѣ съ одной изъ своихъ картинъ, эти первые опыты таланта своего ученика А. Г. Венеціановъ представилъ, 27-го января 1825 г., въ общество поощренія художниковъ, при слѣдующей запискѣ: «Вниманіе, обращаемое обществомъ поощренія художниковъ на молодыхъ людей, имѣющихъ способности, даетъ мнѣ смѣлость представить въ покровительство общества бѣжецкаго мѣщанина Алексѣя Васильева сына Тыранова, который учится у меня нѣсколько мѣсяцевъ художеству.

«Тырановъ человекъ бѣдный, получившій начальное образованіе

въ тверской губернской гимназiи. Лишась со смертью директора оной единственнаго человѣка, который ему благодѣтельствовалъ, долженъ онъ былъ возвратиться изъ Твери въ Бѣжецкъ пѣшкомъ. Братъ его занимается живописью и заставилъ его у себя тереть краски. Замѣтивъ въ Алексѣѣ Тырановѣ способности необыкновенныя, я рѣшился взять его къ себѣ. Опытъ трудовъ его послѣ двухмѣсячнаго занятія подѣ моимъ руководствомъ и первый еще рисунокъ его на камнѣ при семъ представляю и покорнѣйше прошу общество, взявъ у него камень, сдѣлать ему какое-либо награжденiе для ободренiя и поощренiя на будущее время. Онъ живетъ и учится у меня, нужды ни въ чемъ не имѣетъ, но у него есть мать, бѣдная женщина, о которой онъ много заботится. Получивъ возможность сдѣлать ей нѣкоторое пособiе, онъ, безъ сомнѣнiя, приложитъ всѣ силы, дабы успѣвать болѣе и болѣе. По временамъ я буду доводить до свѣдѣнiя общества о будущихъ его успѣхахъ».

Камеи, нарисованный въ это время Тырановымъ, былъ поясное изображенiе среднихъ лѣтъ крестьянки, облокотившейся на обороченныя грабли, закинувъ за спину черезъ плечо косу, въ пейзажѣ, — съ картинки Венеціанова, названной по имени живой модели «Палагея». Общество дало рисовальщику пособiе и заняло другимъ рисункомъ.

На Тырановѣ оправдалась мѣткость выбора Венеціанова: изъ бѣднаго, заброшеннаго сироты выпелъ величайшiй колористъ въ портретѣ, въ послѣдствiи посланный за границу на счетъ общества поощренiя художниковъ. Его восхитительная «дѣвочка съ тамбуриномъ», бывшая на выставкѣ 1836 г., извѣстна по прекрасной гравюрѣ на стали въ альманахѣ «Утренняя заря». Въ Эрмитажѣ были его «виды Эрмитажной библіотеки» (1826 г.) и другая перспектива (1829 г.). Портреты, удивительно прiятно освѣщенные, являлись на выставкахъ академическихъ съ 1830 по 1852 г. Въ галлерей Прянишниковъ была историческая картина его «Мать, опускающая младенца Моисея въ рѣку Нилъ, въ корзинкѣ». А. В. Тырановъ (род. 1-го ноября 1808 г.) умеръ на 51-мъ году жизни отъ душевной болѣзни, 5-го августа 1859 года, въ Кашинѣ.

П. Н. Петровъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

и его XII-хъ лѣтняя художественная дѣятельность

1836—1878.

XI¹⁾.

Новыя картины.—Возстаніе кандіотовъ.—Празднество въ Феодосіи.

1850—1867.

Въ числѣ нѣсколькихъ картинъ, написанныхъ И. К. Айвазскимъ въ 1860 году, — «мірозданіе» и «всемирный потопъ» (находящіяся въ Эрмитажѣ) снискали художнику самыя восторженныя похвалы во всѣхъ классахъ общества. Картина «мірозданіе» была написана Айвазовскимъ въ теченіе девяти часовъ: въ восемь часовъ утра картина была начата и въ пяти по полудни окончена. Исполненіе картины всегда тѣмъ быстрое у нашего художника, чѣмъ серьезнѣе ея сюжетъ; самыя-же сюжеты картинъ приходили ему на мысль совершенно внезапно. Такъ, на примѣръ, картина: «овцы, загоняемыя бурей въ море», написанная Айвазовскимъ въ 1861 году, изображаетъ одинъ эпизодъ въ его собственномъ сельскомъ хозяйствѣ, случившійся во время войны 1855 года, въ бытность художника въ Харьковѣ. Стадо изъ 3,000 овецъ, испуганное порывомъ урагана, въ Феодосіи, на берегу моря, бросилось опрометью къ крутому обрыву и до 1,800 овецъ погибло въ волнахъ. Сюжетомъ для картины

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 649—674; томъ XXII, стр. 423—444; томъ XXIII, стр. 55—74.

послужилъ Айвазовскому самый моментъ гибели бѣдныхъ животныхъ. Картина эта, написанная въ Петербургѣ и выставленная художникомъ у себя въ мастерской, была куплена г. Кокоревымъ. Пожелавъ отправить ее на всемірную выставку въ Лондонъ, художникъ не только получилъ на то согласіе владѣльца картины, но даже условился съ нимъ въ томъ, что г. Кокоревъ уступить ее другому покупателю, если тотъ дастъ за картину высшую цѣну. Картина была куплена какимъ-то лордомъ, давшимъ за нее четверо болѣе. Возвративъ г. Кокореву сумму, первоначально имъ заплаченную, художникъ, на остальные деньги, купилъ въ Крыму новое стадо, и, такимъ образомъ, воротилъ убытокъ, понесенный имъ отъ гибели овецъ: онъ, такъ сказать, воскресилъ ихъ своею кистью.

Въ томъ же 1861 году Айвазовскимъ былъ написанъ прелестный видъ: «скалы у Судавской долины при лунномъ освѣщеніи». Эта мѣстность замѣчательна тѣмъ, что, любуясь ею, Пушкинъ написалъ свой «Талисманъ». Подобно предъидущей («стадо овецъ»), и эта картина была выставлена Айвазовскимъ у него на квартирѣ. Этого обычая художникъ придерживается и донынѣ, по причинамъ весьма уважительнымъ. Не далѣе какъ въ 1866 году, онъ послалъ въ академію, на выставку, двѣ — три свои картины. По изобилію художественныхъ произведеній — для картинъ Айвазовскаго не нашлось инаго, лучшаго мѣста, кромѣ стѣны надъ входными дверьми въ академическую бібліотеку. Лица, распорядившіяся размѣщеніемъ картинъ на выставкѣ, придерживались, какъ надобно полагать, того правила, что чѣмъ выше талантъ, тѣмъ выше слѣдуетъ помѣщать и его картины.. Это было, конечно, весьма любезно, однако же не совсѣмъ удобно для художника. Впрочемъ, отдѣльныя выставки собственныхъ картинъ Ивана Константиновича еще съ 1850 года имѣли нерѣдко иную, именно — благотворительную цѣль: сборъ предназначенъ въ пособіе немущимъ или пострадавшимъ отъ какаго либо случайнаго бѣдствія. Сборъ съ этихъ выставокъ бывали весьма значительны; такъ, на примѣръ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней декабря 1877 года, на выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго (въ Спб., въ домѣ Кононова, у Полицейскаго моста) было собрано въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ свыше 800 р. с.

Съ 1862 по 1867 годъ, въ теченіе пяти лѣтъ, Иваномъ Кон-

статтиновичемъ написано свыше двухсотъ картинъ, изображавшихъ виды моря при дневномъ и лунномъ освѣщеніи, въ тихую и бурную погоду, пейзажи Крыма, Турціи, Итали; въ это число не входятъ картины малыхъ размѣровъ, изъ которыхъ многія, при ихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, написаны были художникомъ въ полчаса, много въ часъ времени. Лица, посѣщавшія Айвазовскаго въ его мастерской, конечно, бывали свидѣтелями начала и окончанія картинъ въ самый непродолжительный промежутокъ времени. Сидя передъ полотномъ съ палитрою и кистями въ рукахъ, разговаривая съ посѣтителемъ, Айвазовскій пишетъ задуманную имъ картину съ изумительною быстротою. Смотря на художника предъ его мольбертомъ и видя какъ на полотнѣ возникаетъ прелестная картина, оживающая съ каждымъ взмахомъ кисти, можно подумать, что это такъ легко, такъ просто... Но въ самой-то этой кажущейся легкости и простотѣ именно и заключается великая тайна художественнаго творчества.

Возстаніе кандіотовъ въ 1866 — 1867 гг., сопровождавшееся со стороны турокъ всякаго рода звѣрствами, подало Айвазовскому мысль написать нѣсколько картинъ, изображающихъ эпизоды непосильной борьбы кандіотовъ съ турками на сушѣ и на морѣ. Картины эти были выставлены въ Одессѣ и сборъ платы за входъ отсылался въ пособіе жителямъ Кандіи. Послѣ того онѣ были выставлены и въ залахъ академіи художествъ въ Петербургѣ и производили на зрителей глубокое впечатлѣніе.

Лѣтомъ 1867 года, въ бытность Государыни Императрицы съ Ея августѣйшими дѣтьми въ Крыму, Айвазовскій имѣлъ честь находиться, по желанію Ея Величества, въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Великую Княжну Марію Александровну въ ея поѣздѣ въ Константинополь. По возвращеніи, Ея Высочество и Великій Князь Сергій Александровичъ, съ соизволенія Государыни Императрицы, осчастливили нашего художника посѣщеніемъ его дома въ Феодосіи и его сада въ Судавской долинѣ. Въ день пріѣзда Ихъ Высочествъ весь городъ былъ разцвѣченъ флагами, предъ домоу Айвазовскаго построена была изъ зелени триумфальная арка. Пароходъ, на которомъ плыли Ихъ Высочества, версты за двѣ до берега былъ встрѣченъ Айвазовскимъ, ѣхавшимъ на катерѣ, за которымъ слѣдовали четыре красивыя гондолы, наполненныя цвѣтами: ими гребцы усыпали волны моря

предъ пароходомъ. Введя высочихъ гостей, сопровождаемыхъ многими лицами, въ свой домъ ¹⁾, Айвазовскій имѣлъ честь представить Ихъ Высочествахъ свое семейство и затѣмъ просилъ въ столовую, къ обѣденному столу. Въ саду противъ дома устроены были три кіоска съ бьющими въ нихъ фонтанами и каменная ротонда; на берегу моря—театръ, а у самого берега декоративное палаццо въ венеціанскомъ вкусѣ. Послѣ обѣденнаго стола на сценѣ театра поставлены были живая картина съ видомъ Константинополя (писаннымъ Айвазовскимъ) и небольшой балетъ, исполненный въ греческихъ костюмахъ малолѣтними дѣтьми именитыхъ обывателей Феодосіи. Послѣ спектакля въ кіоскахъ былъ сервированъ чай, во время котораго садъ, окрестность, морской берегъ и близъ лежащій молъ были иллюминированы и по временамъ озаряемы бенгальскими огнями. На оконечности мола установленъ былъ вензель Государя Императора, сооруженный изъ древесныхъ вѣтвей, между которыми группа изъ нѣсколькихъ дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ, стоя на высокихъ подмосткахъ, составляла очертаніе вензеля—въ исполинскихъ размѣрахъ. Праздникъ продолжался до часу ночи. На слѣдующій день Ихъ Высочества отправились въ Судакъ, гдѣ Айвазовскій въ павильонѣ своего сада предложилъ гостямъ своимъ завтракъ, сервированный, по обычаю мѣстныхъ татаръ, на коврѣ, разостланномъ на полу. Стѣны столовой были драпированы пестрыми тканями, на которыхъ изящно обрисовывались пирамиды прекраснѣйшихъ фруктовъ, которыми обилуетъ нашъ Крымъ. При возвращеніи Ихъ Высочествъ на пароходъ для обратнаго слѣдованія въ Ялту, стѣна каюты была украшена видомъ Судавской долины во время праздника—писаннымъ Айвазовскимъ. Другая его картина съ изображеніемъ праздника въ Феодосіи была поднесена Ихъ Высочествамъ предъ отъѣздомъ изъ Феодосіи въ Судакъ. Упреждая весьма естественный вопросъ: когда художникъ успѣлъ написать эти двѣ картины,—замѣтимъ, что онѣ были написаны Айвазовскимъ заблаговременно, сообразно предначертанной имъ-же самимъ программѣ. Много оживленія и картинности празднеству

¹⁾ Изъ особъ, сопровождавшихъ Ихъ Высочества, здѣсь были графиня А. А. Толстая, г-жа Потапова, Д. С. Арсеньевъ, контръ-адмиралъ Сколковъ лейбъ-медикъ Ф. Ф. Каррель и нѣк. друг.

въ Судавской долині придавали жилища тамошнихъ татаръ, красиво деворированныя коврами и разноцвѣтными тканями, а равно и толпы туземцевъ въ ихъ праздничныхъ нарядахъ. Государыня Императрица, по возвращеніи августѣйшихъ Ея дѣтей въ Ялту, удостоила Айвазовскаго телеграммою съ выраженіемъ Высочайшей благодарности Ея Величества за удовольствіе, Ихъ Высочествамъ доставленное.

XII.

Поѣздка на Кавказъ.—Новыя картины.—Выставка въ Тифлисъ.—Парадный обѣдъ.—Воспоминаніе о П. С. Котляревскомъ.—Часовня въ Феодосіи.—Поѣздка въ Египетъ на открытіе Суэзскаго канала.

1868—1869.

Сюжеты для морскихъ видовъ неистощимы, вѣрнѣе сказать— неисчерпаемы, какъ и самое море; но Иванъ Константиновичъ, въ самую пору полного развитія своего таланта, какъ мы уже упоминали выше, писалъ пейзажи сухопутныхъ мѣстностей съ тѣмъ-же успѣхомъ, какъ и морскіе виды, съ которыми такъ неразлучно имя Айвазовскаго. До 1868 года имъ было нарисовано нѣсколько прекрасныхъ пейзажей, изображавшихъ степи, лѣса южной Россіи, но они не могли дать его кисти того простора, того величаваго замаха, которыя даютъ громады горъ съ ихъ снѣговыми вершинами, ущельями и водопадами. Для пейзажей подобнаго рода, Кавказъ—едва початая и съ тѣмъ вмѣстѣ едва-ли истощимая сокровищница. Чудный край, дивія красоты котораго вдохновляли Пушкина и Лермонтова, всегда привлечетъ къ себѣ вниманіе живописца... И въ 1868 году Айвазовскій посѣтилъ Кавказъ—умиротворенный, лишенный его военныхъ буръ, но неизмѣнно прекрасный, грозно величественный съ его несокрушимыми горными громадами и нетающими ихъ снѣговыми вершинами. Иванъ Константиновичъ посѣтилъ Владикавказъ, Сѣверный Дагестанъ, Чечню, Каранайскія высоты, Гунибъ, Дарьяль, Шуру, Сухумъ и многія другія живописныя мѣстности Кавказа. На Гунибѣ художникъ былъ радушно принятъ начальникомъ тамошняго военнаго округа г. Кармалинымъ и его супругою, рожденною Бѣленицыною, превосходною пѣвицею, развившею свое дарованіе

подъ руководствомъ М. И. Глинки и А. С. Даргомыжскаго⁴⁾. Разительную противоположность недавнему послѣднему убъязищу Шамиля составляло мирное жилище Кармалиныхъ на едва приступныхъ высотахъ, будто укромное гнѣздышко, смѣнившее логовище хищнаго звѣря. Невыразимое впечатлѣніе производило на Айвазовскаго очаровательное пѣніе г-жи Кармалиной, звуки родныхъ русскихъ пѣсень и ихъ отголоски въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, еще такъ недавно оглашавшихся вливами горцевъ и гуломъ выстрѣловъ....

По возвращеніи Ивана Константиновича съ поѣздки по Кавказу въ Тифлисъ, имъ было написано двѣнадцать видовъ разныхъ мѣстностей этого края. Картины эти были выставлены, съ платою за входъ въ пользу городского дѣтскаго пріюта. Административныя лица и жители Тифлиса, желая выразить художнику ихъ признательность, дали въ честь его обѣдъ, на которомъ присутствовало выше 200 человекъ. Ивану Константиновичу былъ поднесенъ оправленный въ золото задравный турій рогъ (алаверды); онъ-же, съ своей стороны, подарилъ городу написанный имъ «видъ Петербурга». Много было говорено иривѣтственныхъ рѣчей и собрано было съ благотворительною цѣлью до 5,000 р. Отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствія, Айвазовскій выразилъ желаніе обратить эту сумму въ пользу кавказскихъ войскъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на воздѣяніе почести покойному герою Кавказа Петру Семеновичу Котляревскому, скончавшемуся и похороненному въ Θεодосіи.

Петръ Семеновичъ Котляревскій—по удачному прозвищу, данному ему Пушкинымъ, «бичъ Кавказа»,—родился 12-го іюня 1782 г. въ селѣ Ольховаткѣ (Харьковской губерніи, Куланскаго уѣзда), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Подполковникъ Лазаревъ, случайно познакомившись съ семействомъ Котляревскихъ, записалъ молодаго Петра въ военную службу (1796 г.) и отрокъ Котляревскій, участвовавшій въ персидскомъ походѣ Зубова, на 17-мъ году былъ произведенъ въ офицеры. Съ 1800 по 1813 годъ имя этого героя неразлучно связуется съ славнѣйшими подвигами нашей кавказской арміи. Въ 1800 г. поручикъ Котляревскій, за отличіе при пораженіи слопищъ дагестанскаго владыка Омер-хана, былъ пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и произведенъ въ штабсъ-капитаны 8-го декабря. Въ 1803 г. участвовалъ при взятіи Ганжинскаго форштадта: раненъ пулею въ правую ногу на вылетъ и

⁴⁾ Воспоминанія Л. И. Кармалиной и письма къ ней А. С. Даргомыжскаго были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XIII-й, стр. 268—271 и 416—435.

награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Въ 1804 году находился при взятіи штурмомъ Ганжи, а въ 1805—при пораженіи персидскаго сардара Пир-Кули-хана, за что пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ. Затѣмъ участвовалъ: въ четырехдневномъ сраженіи при Аскарани противъ персіанъ, предводимыхъ Аббас-мирзою (при чемъ былъ опять раненъ въ лѣвую ногу на вылетъ; при штурмѣ крѣпости Шах-Булаха раненъ въ лѣвую руку картечью; при покореніи крѣпости Мухрати и въ сраженіяхъ по ту сторону рѣки Карабаха. Въ 1806 г. подполковникъ Котляревскій былъ въ сраженіяхъ близъ Аскарани и при рѣчкѣ Хонашинѣ. 12-го декабря 1807 г. произведенъ въ полковники и въ 1808 году участвовалъ въ дѣлѣ на походѣ къ Нахичеваню, въ совершенномъ пораженіи непріятеля при деревнѣ Карабабѣ и при овладѣніи съ боя Нахичеванью. Въ 1810 г. Котляревскій, начальникъ отдѣльнаго отряда на персидской границѣ, взялъ штурмомъ мѣстечко Мигри, при чемъ раненъ пулею въ ногу (награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и золотою шагаю съ надписью «за храбрость»). Въ декабрѣ 1811 г. послѣ перехода чрезъ снѣговыя горныя вершины, съ двумя баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка и съ сотнею казаковъ, Котляревскій овладѣлъ крѣпостью Ахалкалаки, за что награжденъ чиномъ генералъ-майора. Въ октябрѣ 1812 г. главнокомандовавшій на Кавказѣ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ поручилъ Котляревскому съ двухтысячнымъ отрядомъ удерживать на Араксѣ Аббас-Мирзу съ 30,000 войска; персидскія войска съ самаго начала похода были разбиты, взято укрѣпленіе Каз-Када и весь Карабахъ удержанъ за Россією. За эти подвиги Котляревскій получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и 1,200 р. асс. ежегодно. За разбитіе Аббас-Мирзы за Араксомъ и за овладѣніе его лагеремъ Котляревскій получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. 20-го октября 1812 г. разбилъ персіанъ при Асландузѣ съ 1,500 гнѣхоты, 500 конницы и 6-ю орудіями Котляревскій нанесъ совершенное пораженіе 30,000 непріятелей. Наши воины гнѣхоты навѣки сохраняютъ слова героя, обращенныя къ солдатамъ предъ началомъ битвы: «братцы! намъ должно идти за Араксъ и разбить персіанъ. Ихъ—на одного десятъ; но храбрый изъ васъ стоитъ десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ!» За побѣду при Асландузѣ Котляревскому былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени. 1-го января 1813 г. герой, съ 1,400 отряда, взялъ штурмомъ Ленкорань. Нашихъ было убито и ранено до 900 человекъ и самъ Котляревскій, пораженный одною пулею въ челюсть и двумя въ ноги, закончилъ свое славное боевое поприще—будучи вынужденъ выйти въ отставку. За покореніе Ленкорани онъ получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса. Императоръ Николай Павловичъ, въ день своего коронованія, 22-го августа 1826 года, пожаловалъ Котляревскому чинъ полнаго генерала.

Страдая отъ ранъ, герой прожилъ 38 лѣтъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи близъ Феодосіи, довольствуясь пенсією въ 15,000 р. асс. Лишенный употребленія ноги, чудовищно обезображенный раной, полученною въ лицо, Котляревскій снискалъ себѣ общія благословенія окрестныхъ жителей всѣхъ исповѣданій за тѣ благодѣянія, которымъ онъ посвятилъ половину страдальческой своей жизни. Петръ Семеновичъ скончался 20-го октября 1851 года. Достоинно замѣчаніе, что этотъ герой во всю свою жизнь не бывалъ въ нашихъ столицахъ; посвятивъ себя ратнымъ подвигамъ, онъ былъ чуждъ большаго свѣта со всѣми его размеченіями.

На памятникъ герою Котляревскому собрано было до 3,000 р. Присоединивъ къ нимъ, съ своей стороны, болѣе 8,000 р., Айвазовскій начерталъ планъ часовни съ пристроеннымъ къ ней музеемъ древностей и изящныхъ произведеній. Это зданіе, отстроенное и торжественно открытое въ 1873 году, украшаетъ вершину горы, высящейся надъ Феодосією. Оно въ греческомъ стилѣ съ шестью колоннами, увѣнчанными фронтономъ. Внутренность часовни освѣщена окномъ въ видѣ орденскаго креста св. Георгія, окаймленного его лентою. Здѣсь икона св. апостола Петра и портретъ покойнаго Петра Семеновича Котляревскаго, писанные Айвазовскимъ. Рамка, на заказъ которой прислано было 180 р. офицерами и нижними чинами Грузинскаго гренадерскаго полка, котораго покойный Котляревскій былъ шефомъ (что и значитъ въ надписи, сдѣланной на рамѣ), украшена писанными Айвазовскимъ медальонами, изображающими группы солдатъ упомянутаго полка въ разные эпохи его существованія. Входъ въ музей украшенъ двумя мраморными грифонами древней работы, поднятыми со дна моря. Во внутренней его, кромѣ шести картинъ, писанныхъ Иваномъ Константиновичемъ, хранятся нѣкоторыя мѣстные древности: мраморныя доски съ греческими, римскими и генуэзскими надписями, статуи изъ терра-котты, медали и монеты. Земля, на которой сооруженъ музей, въ количествѣ свыше десятины, бесплатно отдана ему во владѣніе градскою Феодосійскою думою. Гора, на которой находится музей, обсажена деревьями и въ недалекомъ будущемъ, стараніями Айвазовскаго, здѣсь будетъ разведенъ изящный садъ.

Освященіе часовни и музея, какъ мы уже говорили выше, сопровождалось обѣденою, крестнымъ ходомъ и торжественнымъ обѣдомъ, на которомъ, кромѣ благодарственныхъ рѣчей Айвазовскому, ему поднесено было нѣсколько адресовъ и въ числѣ ихъ одинъ отъ жителей татарскаго селенія, сосѣдей покойнаго Котляревскаго. Въ этомъ адресѣ, написанномъ на турецкомъ языкѣ съ переводомъ, татары, выражая сердечную признательность нашему художнику за его мысль почтить память ихъ благодѣтеля, трогательно излагали все, чѣмъ они были обязаны покойному Петру Семеновичу Котляревскому. Главнѣйшимъ благодѣяніемъ, которое было оказано татарамъ добродѣтельнымъ страдальцемъ, было предоставленіе на общее пользованіе принадлежавшаго его имѣнію

колодца превосходной ключевой воды: даръ особенно драгоценный въ краю скудающемся прѣсною водою. Адресъ этотъ глубоко тронулъ какъ самого Айвазовскаго, такъ равно и всѣхъ присутствовавшихъ при торжествѣ освященія часовни Котляревскаго и музея.

Въ ноябрѣ 1869 года Иванъ Константиновичъ, въ числѣ многихъ русскихъ, посѣтилъ Египетъ для присутствія при открытїи Суэзскаго канала, 5-го (17-го) ноября. На этомъ торжествѣ, кромѣ нѣкоторыхъ именитыхъ лицъ разныхъ европейскихъ государствъ, находились, какъ извѣстно, Евгенія, императрица французовъ, и Францъ-Иосифъ, императоръ австрійскій. На русскомъ пароходѣ, плывшемъ по каналу, спутниками Айвазовскаго были: соиздатель «Русскаго Вѣстника» профессоръ Леонтьевъ, гг. Сущевъ, Мордвиновъ, Кирѣевъ съ супругою и мн. др. Когда нашъ пароходъ входилъ въ Суэзскій каналъ, шедшій впереди его пароходъ французскій сѣлъ на мель и пловцы принуждены были переждать покуда тотъ снимется. Эта остановка длилась часовъ пять. Была прекрасная лунная ночь, придававшая какую-то особенную, величавую красоту пустыннымъ берегамъ древней страны фараоновъ, отторгнутой каналомъ Лессепса отъ азіатскаго материка... Чтобы сократить время, пассажиры русскаго парохода устроили импровизированный вокальный концертъ: г-жа Кирѣева, обладая прекраснымъ голосомъ, приняла на себя обязанность запѣвалы; стройный хоръ подхватывалъ. И вотъ, на берегахъ Египта зазвучали пѣсни о «матушкѣ Волгѣ», о «темномъ лѣсѣ», о «чистомъ полѣ» и понеслись по волнамъ осребреннымъ луною, ярко свѣтившею на рубежѣ двухъ частей свѣта. Судя по рассказамъ Ивана Константиновича, проникнутымъ поэтическимъ восторгомъ, эту ночь можно назвать картиною Айвазовскаго, переложенною на музыку. Путешествіе въ Египетъ присоединило нѣсколько новыхъ данныхъ къ богатому запасу художественной памяти Ивана Константиновича. Пески Египта, купы финиковыхъ пальмъ, бѣлыя стѣны зданій, отчетливо отдѣляющіяся отъ сафирнаго или рдѣющаго, какъ расплавленная хлѣбъ, африканскаго неба, глубоко врѣзались въ нее и, безъ сомнѣнія, будутъ имъ воспроизведены въ одной изъ будущихъ его картинъ.

XIII.

Соборная церковь г. Феодосіи.—Пребываніе въ Ниццѣ.—К. В. Чевкинъ.—Капитанъ Гаррль.—Графиня Дампьерръ.—Выставка въ Флоренціи.—Портретъ Айвазовскаго въ галереѣ дворца Питти.—Жительницы Нью-Йорка, прибывшія во Флоренцію, и ихъ овація художнику.

1870—1874.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1870 по 1873, образъ жизни и художественная дѣятельность Айвазовскаго шли обычнымъ путемъ: весну, лѣто и часть осени онъ проводилъ въ Крыму; вторую половину осени и зиму—въ Петербургѣ. Во избѣжаніе сухаго перечня картинъ, за это время написанныхъ Иваномъ Константиновичемъ, указываемъ читателямъ на художественныя періодическія изданія (въ особенности на «Всемирную Иллюстрацію»), въ которыхъ напечатаны отчеты объ академическихъ выставкахъ и обстоятельныя свѣдѣнія о картинахъ Айвазовскаго. Въмѣсто ихъ перечня занесемъ въ біографическій его очеркъ замѣтку о его дѣятельности на поприщѣ гражданскомъ, какъ члена думы города Феодосіи. Соборный храмъ во имя св. Александра Невскаго, нынѣ украшающій родной городъ нашего художника,строенный на мѣстѣ упраздненной турецкой мечети, сооруженіемъ своимъ въ значительной степени обязанъ усерднымъ стараніямъ Айвазовскаго, напомнившего согражданамъ, что построеніе собора было-бы осуществленіемъ мысли императора Александра I, выразившаго ее еще въ 1818 году. Въ царствованіе Николая Павловича исполненіе этой мысли, по многимъ весьма существеннымъ причинамъ, замедлялось, будучи отлагасо съ году на годъ. Былъ, между прочимъ, поднятъ вопросъ: есть ли настоятельная надобность въ соборномъ храмѣ для малонаселеннаго города, въ которомъ число иновѣрцевъ превышаетъ число православныхъ? ¹⁾ Какъ бы то ни было, но нынѣ въ городѣ Феодосіи есть соборный храмъ изящной архитектуры; запрестольный образъ: «хождение Спасителя по водамъ»—произведеніе кисти Айвазовскаго, его приношеніе храму, о построеніи котораго такъ заботился почтенный художникъ.

¹⁾ Въ 1870 году въ Феодосіи числилось 9,865 жителей. Нынѣ (въ 1878 г.) оно еще не возросло до полныхъ 10,000.

Зимой 1873 года Иванъ Константиновичъ отправился въ Ниццу; отсюда—во Флоренцію, гдѣ Айвазовскаго ожидали торжества, напоминавшія ему первые годы бытности въ Италіи. До перехода къ описанію пребыванія Ивана Константиновича во Флоренціи, приведемъ его собственные рассказы о выставкѣ его картинъ въ Ниццѣ и о встрѣчѣ съ нѣкоторыми замѣчательными личностями.

«Въ Ниццѣ я устроилъ выставку моихъ картинъ въ пользу тамошняго дѣтскаго приюта. Платонъ Чихачевъ познакомилъ меня тогда съ покойнымъ Константиномъ Владиміровичемъ Чевкинымъ ¹⁾, который видѣлъ картины мои еще до открытія выставки, и, весьма довольный ими, замѣтилъ Чихачеву, что скажетъ о нихъ г. N. N., владѣльцу одной изъ прекраснѣйшихъ виллъ Ниццы, русскому подданному, питающему, однако, исключительную нѣжность ко всему иностранному. На сообщеніе К. В. Чевкина о моихъ картинахъ, г. N. N., всего прежде спросилъ о цѣнѣ, и узнавъ, что на выставкѣ нѣтъ картины дороже 10,000 франковъ, отозвался, что онъ не покупаетъ картинъ дешевле 30,000. Этотъ странный отзывъ о моихъ картинахъ до того смутилъ К. В. Чевкина, что онъ выразилъ Чихачеву готовность купить двѣ изъ нихъ, если не найдется другихъ покупателей. Однако-же нашлись покупатели, смотрѣвшіе на мои картины совсѣмъ иными глазами нежели г. N. N. Не успѣлъ я еще размѣстить моихъ картинъ, какъ въ залу выставки вошелъ нѣкто капитанъ Гаррль—чистѣйшій типъ истаго англичанина: холодный, чопорный, сдержанный въ движеніяхъ, скупой на слова. Быстро перенося тусклые свои глаза съ одной картины на другую, онъ указывалъ на нѣкоторыя пальцемъ, произнося на невозможномъ французскомъ языкѣ:

— Je achète ça, ça... et puis ça! ²⁾.

«И купилъ онъ у меня пять картинъ на сумму 50,000 франковъ, и заключилъ торгъ чисто по англійски: записалъ мой адресъ, вручилъ 5,000 фр. задатка, обязуясь доставить остальные

¹⁾ Печатаніе біографіи Константина Владиміровича Чевкина начато въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 1—22. Продолженіе біографіи этого достойнѣйшаго государственнаго дѣятеля помѣщено въ «Русской Старинѣ» 1878 г., томъ XXII, стр. 1—38.

²⁾ Я покупаю это, это... и еще это!

45,000 фр. черезъ десять дней. Эта послѣдняя статья была соблудена оригинальнымъ покупателемъ съ самою безуборизненною точностью. Дешевыя мои картины пришлось, какъ видно, по вкусу англичанину...

«Другою, не менѣе оригинальною личностью, съ которою я познакомился въ Ниццѣ, была очень добрая и любезная старушка графиня Дампьерръ (Dampriègre), страстная любительница живописи, въ былые годы сама ею занимавшаяся. Она купила двѣ мои картины и пожелала лично со мною познакомиться. Французъ Кано, вызвавшійся представить меня ей, предупредилъ меня о странности организма почтенной старушки—вслѣдствіе, какъ объясняли нѣкоторые, испуга ея матери въ бытность послѣдней въ интересномъ положеніи. Въ одной изъ дѣтскихъ сказокъ Перро выведены двѣ сестры, изъ которыхъ одна награждена, а другая наказана волшебницею: у первой, при каждомъ словѣ, изъ устъ вылетаютъ цвѣты и драгоцѣнные камни, у второй—лягушки, жабы, ящерицы и змѣи. Послѣднимъ свойствомъ, въ переносномъ смыслѣ, разумѣется, обладала графиня Дампьерръ. При разговорѣ она сопровождала почти каждое свое слово собачьимъ лаемъ, а желая сказать любезность—произносила сперва брань, дерзость или грубость... Затѣмъ, сдѣлавъ надъ собою видимое усиліе, старушка говорила какъ слѣдуетъ, вѣжливо, любезно, плавно... Если по несчастію, прерывала свою рѣчь, то, приступая въ ней опять, снова лаяла, бранилась, повуда не попадала въ прежній тонъ и складъ. О ней разсказывали, между прочимъ, какъ она представлялась императрицѣ Евгеніи: въ отвѣтъ на какую-то любезность, сказала ей: *vous êtes une grosse vache*¹⁾, полаяла—а потомъ разсыпалась въ извиненіяхъ и самыхъ изысканныхъ, любезныхъ фразяхъ...

«То же самое повторилось, когда Кано представилъ меня графинѣ: «*Vos tableaux,—сказала она задыхаясь и лая,—sont exécrables, abominables... superbes, magnifiques!*»²⁾. Въ это время вошла въ зало какая-то знакомая ей дама и графиня съ любезною улыбкою произнесла: «*cochonne sotte!*» а тамъ спохватилась: «*ma belle amie, ma charmante!*»³⁾.

¹⁾ Вы—толстая корова!

²⁾ Ваши картины отвратительны... ужасны!.. превосходны, великолѣпны!

³⁾ Свинья, дура!... прелестный другъ мой, моя красавица!

«Мало по малу разговоръ установился на ровную колею; графиня бесѣдовала какъ истинно свѣтская, высокообразованная женщина. Говоря о живописи, она сказала, что особенную любовь къ этому художеству развили въ ней картины польскаго мариниста, бывшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ.

— «Un certain Iwakoffsky... Iwakoussky»¹⁾),—припоминала она.

«Я отвѣчалъ, что подобной фамилии, на сколько мнѣ извѣстно, между польскими живописцами нѣтъ. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ въ Парижѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, только я одинъ ношу фамилю похожую на эту, переименованную французенкою. По сюжету картинъ, видѣнныхъ ею, я убѣдился, что она говоритъ обо мнѣ и сказалъ ей, что ея «Иваковскій» и я—Айвазовскій—одно и то же лицо. Тогда графиня въ восторгѣ обняла меня, начала цѣловать, лаять, осыпать меня попеременно то самыми ласкательными, то бранными словами. Эта сцена произвела на меня тяжелое впечатлѣнiе.

«Замѣчательно, что у этой графини Дампьерръ есть (или была—не знаю навѣрное) младшая сестра, точно такой же, какъ и она, патологическiй субъектъ: лаетъ и бранится, прежде нежели поведетъ рѣчь какъ слѣдуетъ... Еще того замѣчательнѣе, что обѣ сестры были замужемъ».

Изъ Ниццы Иванъ Константиновичъ отправился во Флоренцію. Здѣсь онъ выставилъ свои картины въ пользу пострадавшихъ отъ разрыва рѣки Арно; картинъ было до двѣнадцати и онѣ привлекли на выставку многія тысячи посѣтителей; тѣснота и давка у входа были необычныя; сборъ простирался до 4,000 лиръ (свыше 800 р. сер.). Флорентинскія дамы поднесли художнику великолѣпный альбомъ со множествомъ подписей лицъ, принадлежавшихъ къ высшему и ученому сословию Тосканы. Профессора академiи заявили Ивану Константиновичу, что, по уставамъ академiи, онъ, какъ высокоталантливый иностранный художникъ, долженъ написать свой портретъ для помѣщенiя въ галерею дворца Питти. Эта почеть оказывается немногимъ: изъ русскихъ живописцевъ ея удостоились лишь Кипренскiй и Айвазовскiй.

Помимо этихъ лестныхъ извѣщенiй сочувствiя италянцевъ

¹⁾ Нѣкто Иваковскiй... Ивакусскiй.

его высокому дарованію, Иванъ Константиновичъ былъ порадованъ и глубоко тронутъ овацією, сдѣланною ему нѣсколькими юными любительницами художествъ, представительницами Новаго Свѣта. Тогда изъ Нью-Йорка на флорентинскую выставку прибыли 15 дѣвиць и обратили особенное вниманіе на картины Айвазовскаго; одна изъ нихъ, узнавъ адресъ Ивана Константиновича, посѣтивъ его, просила написать ей небольшую картину, цѣною въ 300 лиръ (около 70 р. сер.). Художникъ съ обычной скоростью исполнилъ ея желаніе и юная американка была въ восторгѣ. На слѣдующій день къ Айвазовскому является другая и, называя довольно плохой пейзажъ, спрашиваетъ—какъ онъ кажется художнику? Айвазовскій сказалъ откровенно, что живопись не важная. Тогда американка, сѣтуя на ограниченныя свои средства, замѣтила, что за пейзажъ такой-же величины заплатить Айвазовскому не можетъ, воспользоваться же бесплатно его произведеніемъ не желаетъ. «Это можно уладить,—отвѣчалъ ей Иванъ Константиновичъ,—я напишу вамъ пейзажъ за ту же цѣну, каковую вы дали за эту картину; но денегъ съ васъ не возьму, а попрошу купить мнѣ на нихъ какуюнибудь мозаиковую вещьцу». Завазчица съ удовольствіемъ согласилась и, пріѣхавъ за картиною, отдала за нее Ивана Константиновича очень красивымъ прессъ-папье. Это было въ пятницу. Въ воскресенье, возвращаясь изъ церкви, Айвазовскій услышалъ отъ привратника отеля, въ которомъ жилъ, что его «дожидаются американки»... Въ недоумѣніи художникъ всходитъ на лѣстницу и видитъ, что по обѣимъ ея сторонамъ стоятъ два строя американокъ, съ великолѣпными букетами камелій въ рукахъ. Старшая изъ нихъ, встрѣтивъ Ивана Константиновича на верхней площадкѣ лѣстницы, поднесла ему вѣнокъ и увѣчала имъ художника, сказавъ очень милый, любезный «спичъ»... Затѣмъ дѣвицы, вручивъ Айвазовскому свои карточки, радушно приглашали его въ Нью-Йоркъ, обѣщая ему торжественную встрѣчу и цѣлыя тучи вѣнковъ и букетовъ, которыми онѣ и ихъ сограждане готовы засыпать весь путь художника.

О картинахъ Ивана Константиновича, выставленныхъ въ 1874 году во Флоренціи, было напечатано множество статей въ итальянскихъ, французскихъ и англійскихъ газетахъ. По возвращеніи въ Крымъ, Айвазовскій, по приглашенію султана Абдуль-

Азиса (въ послѣдствіи зарѣзаннаго въ константинопольскомъ дворцѣ Долма-Бахче), посѣтилъ Константинополь. Разсказъ объ этой недавней поѣздкѣ въ столицу Оттоманской имперіи, равно и о картинахъ, написанныхъ Иваномъ Константиновичемъ для султана Абдуль-Азиса, передаемъ со стенограммы, записанной по разсказамъ самого художника.

XIV.

Поѣздка въ Константинополь.—Султанъ Абдуль-Азисъ.—Картины, для него написанныя.—Пожалованіе Айвазовскому ордена Османіи.—Художественная дѣятельность въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ.

1874—1878.

— «Въ бытность мою въ Константинополь, въ 1858 году, на обратномъ пути изъ Франціи въ Россію, я посѣщалъ начальника константинопольскихъ пороховыхъ заводовъ, Серкиза-эффенди, очень любезнаго и образованнаго человѣка. Разъ, вечеромъ, сидя у него, я нарисовалъ небольшую картину на *papier pelé* (загрунтованный тонкій картонъ) и подарилъ ему на память. Этотъ рисунокъ Серкизъ-эффенди поднесъ султану Абдуль-Меджиду¹⁾, который, въ свою очередь, подарилъ его брату своему Абдуль-Азису—страстному любителю живописи. Извѣстно, что коранъ возбраняетъ правовѣрнымъ изображать на картинахъ живыя существа и потому арабскіе и турецкіе живописцы ограничиваются лишь пестрыми узорами и рисовкою цвѣтовъ. Но Абдуль-Азисъ, одаренный несомнѣннымъ талантомъ, занимался живописью съ изображеніемъ фигуръ, нисколько не стѣсняясь запрещеніями корана. Лѣтъ пять тому назадъ Серкизъ-эффенди поднесъ ему подаренную женѣ его мою картину: «восходъ солнца въ Константинополь» и султанъ съ перваго же взгляда узналъ мою работу. Примѣру Серкиза-эффенди послѣдовалъ придворный архитекторъ Серкизъ-бей: картина, мною писанная, подаренная имъ султану, также весьма понравилась Абдуль-Азису и онъ выразилъ желаніе приобрести нѣсколько моихъ картинъ. Серкизъ-

¹⁾ Султанъ Абдуль-Меджидъ родился 23-го апрѣля 1823 г., наслѣдовалъ отцу своему Махмуду II—2-го іюля 1839 г., умеръ 25-го іюня 1861 года. Преемникъ его Абдуль-Азисъ родился 9-го февраля 1830 года.

бей телеграфировалъ мнѣ объ этомъ въ Крымъ. Я прислалъ четыре картины, которыя всѣ были куплены султаномъ. Послѣ того черезъ Серкизъ-бея онъ самъ сообщалъ мнѣ сюжеты для заказываемыхъ картинъ. Воображеніе его, должно замѣтить, было самое поѣтическое. Такъ, по его рисункамъ, сдѣланнымъ красными чернилами, я написалъ «бурю у скаль острова Хиоса» и «снѣговья горы». Вообще же для Абдуль-Азиса я написалъ тогда до пятнадцати картинъ.

«Спустя нѣкоторое время, я получилъ изъ Константинополя формальное приглашеніе представиться султану. Готовая къ отъѣзду, я написалъ нѣсколько картинъ и между прочими «утрахающую бурю съ яркою радугою надъ волнами». При отъѣздѣ моемъ въ Константинополь, въ мѣстныхъ газетахъ было напечатано: *le général Aïwasoffsky venant de la Russie arrivera bientôt dans notre capitale* (Генераль Айвазовскій, ѣдущій изъ Россіи, скоро прибудетъ въ нашу столицу). Гражданскій мой чинъ редакторы константинопольскихъ газетъ, невѣдомо съ какою стати, переименовали въ соответствующій военный, позабывъ прибавить къ тому слово «живописецъ». Это *qui-pro-quo* подало поводъ къ дипломатическому недоразумѣнію. Англійскій посланникъ въ Константинополь обратился къ нашему послу Николаю Павловичу (нынѣ графу) Игнатъеву съ вопросомъ: кто такой генераль Айвазовскій и съ какою цѣлію прибылъ онъ въ Константинополь? Во время остановки нашего парохода въ Буюкъ-дере, ко мнѣ явился посланный отъ Н. П. Игнатъева съ приглашеніемъ къ нему. Когда я исполнилъ желаніе Николая Павловича, онъ весьма любезно предложилъ мнѣ, во избавленіе меня отъ объясненія съ таможенными, — довести меня на своемъ пароходѣ до Константинополя. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе: по приѣздѣ туда, Н. П. Игнатъевъ отправился во дворецъ къ султану, а я въ Перу.

«Представленіе мое султану назначено было на слѣдующій день, въ 12 часовъ. Являсь къ назначенному времени, я, сопровождаемый первымъ драгоманомъ посольства г. Ону и Серкизъ-беємъ, былъ введенъ въ залу дворца, въ которую вскорѣ вышелъ султанъ Абдуль-Азисъ. Мнѣ съ перваго взгляда понравились добродушныя черты его лица, окаймленнаго небольшою бородкою, ласковый взглядъ и привѣтливая улыбка. Онъ говорилъ со мною

по турецки; но, хотя я и знаю этотъ языкъ, однако-же посредничество г. Ону, какъ переводчика, оказалось необходимо: Абдуль-Азисъ примѣшивалъ къ турецкимъ фразамъ множество арабскихъ словъ. Очень лестно отзывался онъ о моихъ картинахъ; сказалъ, что во время путешествія своего по Европѣ приобрѣлъ нѣкоторый изъ нихъ; что, въ молодости, онъ занимался копированіемъ моихъ картинъ, подаренныхъ ему его братомъ, Абдуль-Меджидомъ. Затѣмъ, ласково распростясь со мною, султанъ удался изъ залы.

«Тогда вошло нѣсколько придворныхъ и намъ, съ г. Ону, подавъ былъ кофе. Минуть черезъ пять, ихъ позвали къ султану; потомъ одинъ изъ камергеровъ вынесъ и подалъ мнѣ ящичекъ краснаго бархата, со словами:

— Его величество султанъ повелѣлъ передать лично вамъ!

«Въ ящичкѣ лежали брилліантовые знаки ордена Османіе второй степени.

«Когда, по возвращеніи моемъ изъ дворца, я явился къ Н. П. Игватеву, передалъ ему подробности моей аудіенціи и показавъ пожалованный мнѣ орденъ, Николай Павловичъ замѣтилъ, что орденъ Османіе — орденъ царственный и пожалованіе имъ есть знакъ величайшаго благоволенія султана, весьма рѣдкаго, особенно къ иностранцу.

«Въ теченіе трехъ недѣль пребыванія моего въ Константинополь, я написалъ шесть картинъ; изъ нихъ «пароходъ, идущій по волнамъ» и «базарный каишъ» исполнены были мною по рисункамъ султана Абдуль-Азиса. По возвращеніи въ Крымъ, я написалъ ему еще до 15-ти картинъ и, сверхъ того, двѣ—въ подарокъ: «видъ Петербурга съ Троицкаго моста» и «видъ Москвы зимою»; за эти двѣ картины султанъ пожаловалъ мнѣ драгоценную, брилліантами осыпанную табакерку. Общее число моихъ картинъ, находящихся въ султанскихъ дворцахъ Константинополя, простирается до сорока».

Изъ недавнихъ газетныхъ извѣстій видимъ, что картинами Айвазовскаго украшены были стѣны того самаго дворцоваго зала, въ которомъ происходили переговоры о мирѣ между Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и турецкими властями, въ февралѣ нынѣшняго 1878 года. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на судьбу кар-

тинъ Айвазовскаго и ея странную связь съ нашими военными и политическими отношеніями въ Турціи: три войны Россіи съ Турціею, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, даютъ художнику сюжеты къ написанію картинъ, изображающихъ подвиги и побѣды нашихъ войскъ; его-же картины, въ мирное время написанныя для турецкаго султана—нѣмые свидѣтели торжества нашего оружія и окончанія послѣдней войны нашей съ царствомъ оттомановъ.

Перечисляя картины Айвазовскаго, написанныя имъ въ большихъ размѣрахъ въ теченіе сорока-двухъ лѣтъ, мы не упомянули о безчисленномъ множествѣ его миниатюрныхъ пейзажей на загрунтованной бумагѣ (*papier pelé*) и на тонкомъ картонѣ, произведеніяхъ, такъ сказать, «альбомныхъ», которыя онъ писалъ и пишетъ въ нѣсколько минутъ для многочисленныхъ своихъ знакомыхъ. Даже эти, въ сущности, бездѣлицы—яркія искры его таланта и всѣ онѣ запечатлѣны тою прелестью, которая свойственна большимъ картинамъ Айвазовскаго. Между любителями живописи существуетъ особый терминъ: «волна Айвазовскаго», и эти два слова такъ же неразрывно связаны одно съ другимъ, какъ слово «Мадонна» съ именемъ Рафаэля, слова «божественный младенецъ» съ именами Перуджино или Сассо-Феррато... И «волны Айвазовскаго», даже на небольшомъ кускѣ картона, написанныя имъ съ быстротою минутнаго всплеска живой волны, неподражаемы и могутъ быть написаны съ такою правдивою прозрачностью и текучестью—только имъ однимъ.

5-го ноября минувшаго 1877 года Иванъ Константиновичъ прибылъ въ Петербургъ и, послѣ кратковременнаго отдыха, занялся устройствомъ выставки привезенныхъ имъ съ собою картинъ и писаніемъ новыхъ. Выставка картинъ Айвазовскаго, открытая имъ въ исходѣ ноября 1877 года, въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, эта живописная хроника событій недавней войны, возбудила всеобщія похвалы въ зрителяхъ. Въ особенности привлекла всеобщее вниманіе символическая картина Ивана Константиновича, написанная имъ въ Москвѣ: «знаменія времени». Содержаніе и значеніе картины тогда же были рассказаны почти во всѣхъ газетахъ и изложены въ особо отпечатанномъ листкѣ¹⁾.

¹⁾ Оттискъ изъ «Вѣстника Народной Помощи» 1877 г., № 27.

Последнее изложеніе (написанное женщиною) на столько вѣрно передаетъ сюжетъ картины и мысль художника, что мы приводимъ его въ извлеченіи:

Художникъ! что тебѣ открылось?
 Твой геній творческій проникъ
 Въ непроницаемый тайникъ,
 И—недовѣдомое вскрылось
 Въ недосыгаемой дали
 Пространства, времени, земли....
 Ты, вдохновенный раздѣлитель
 Сокровищъ свѣта и тѣней,
 Какъ благовѣстникъ нашихъ дней,
 Днесъ сталъ великой тайны зритель,
 И перевелъ на полотно
 То, что Христомъ возвѣщено....

.....

«Содержаніе картины просто: внизу картины взору зрителя представляется часть земнаго шара, расположеннаго такимъ образомъ, что явственно различаются очертанія суши Балканскаго полуострова, пересѣкаемаго теченіемъ главной рѣки, Дуная, съ его рукавами (Мачинскій и Сулинскій), получившими извѣстность въ настоящую войну. За чертою славнаго въ пѣсняхъ румынъ и славянъ Дуная, въ пространствѣ, заселенномъ, преимущественно, славянскими народами, еще неосвободившимися отъ власти турокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ выдѣляются огненные точки посреди великаго пожарища, отъ котораго къ небесамъ поднимаются черные и густые клубы дыма... Темныя воды Чернаго моря съ Константинопольскимъ проливомъ и Мраморнаго—съ Дарданельскимъ, соединяясь съ бурными волнами греческаго Архипелага, отдѣляютъ рѣзко освѣщенную часть европейскаго материка отъ мрачнаго азіатскаго, и въ этомъ какъ-бы олицетворяютъ многовѣковое противоположеніе міра западнаго и восточнаго: христіанскаго и мусульманскаго, языческаго. До половины ея, отъ низу, изображено воздушное пространство, по которому текутъ густыя, полныя мрака, облака, клубясь въ тучи, надъ чуть сквозящими подъ ними и закутанными ими очертаніями горъ. Огненно-красный отблескъ проходитъ полосами по ихъ изгибамъ—тамъ чувствуется гроза съ громами и гибелью... Мысль зрителя настоящей минуты сама угадываетъ въ этихъ тучевидныхъ горахъ отдаленные и, вѣсть—близкіе ему теперь, грозные Балканы... Справа отъ него, внизу, темно синеѣтъ, подъ иглою нависшихъ облаковъ, Черное море, и при немъ, мнится, гдѣ-то очерчивается нѣкій градъ, съ завѣтною, влекущею къ себѣ святыней (храмомъ св. Софіи)... Глазъ его не видитъ, но чувство сильно говоритъ, что за этимъ загадочнымъ сумракомъ, подъ покровомъ полуночи, притаился этотъ градъ

царя великаго (Константинополь). Слѣва тучи особенно густы: это тучи съ сѣвера—суровыя, холодныя, градоносныя тучи! Онѣ находятъ, надвигаются медленно, тяжело, неотразимо; застилаютъ онѣ собою луну (символь мусульманства); только ея косвенное отраженіе прорѣзывается изъ-за окраинъ и дрожить внизу, на освѣщенной имъ синевѣ пространства.

«Но картина чудно освѣщена сверху свѣтомъ необычайнымъ, невыразимымъ,—свѣтомъ, сіяющимъ съ высоты до низу на все пространство до послѣдняго предѣла, тонкими, продольными, прозрачными лучами, исходящими изъ крестовиднаго свѣтила, блистающаго свѣтло съ высоты небесной... Вправо подъ нимъ исчезаетъ въ его сіяніи звѣзда восточная... Невиданное, солнцеобразное свѣтло! Чѣмъ болѣе устремляется на него зрѣніе, тѣмъ болѣе свѣтомъ оно разгорается, тѣмъ ярче свѣтитъ изъ него крестъ!»

Вдохновенный картиною Айвазовскаго, талантливый нашъ поэтъ А. Н. Майковъ посвятилъ ей слѣдующіе стихи:

Воздушный этотъ крестъ—ты угадай—всегда
Сіялъ въ выси таинственной надъ нами!
Онъ шелъ предъ нашими полками
Какъ вилеємская звѣзда
Въ чудесную ту ночь, предъ тѣми пастухами,
Что первые привѣтствовать пошли
Благою вѣсть любви и мира на земли...
Онъ велъ насъ за Дунай, въ матели, въ дни и ночи,
На высотѣ Балканъ гоня предъ нами тьму,
И павшихъ въ полѣ битвъ тусквѣющія очи
Вносили исповѣдь послѣднюю къ нему...
Сіялъ надъ полевыми, пустыннымъ лазаретомъ
Въ сердца тѣхъ чудныхъ женъ, что, бросивъ дождь и кровь,
И нѣгу и покой, простилися со свѣтомъ
И погреблись въ трудъ—святѣйшемъ изъ трудовъ...
Онъ—вождь нашъ искони; лишь подъ его покровомъ
Мужала Русь въ пути своемъ суровомъ,
Куда-бъ онъ насъ ни велъ,—мы вѣримъ только имъ
И сильны мы и имъ лишь побѣдимъ!

Самое точное понятіе о неослабной быстротѣ работъ почтеннаго нашего художника можетъ дать перечень картинъ, написанныхъ имъ въ бытность въ Петербургѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 15-го ноября 1877 по 20-е марта 1878 г.):

Размѣрами въ три и четыре аршина длинны:

1) Предъ стрижкой овецъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря (для Парижской выставки).

2) Бурная лунная ночь въ Архипелагѣ (тоже).

- 3) Закат солнца и островъ Искія въ Неаполитанскомъ заливѣ. Картины средняго размѣра въ полтора и два аршина:
- 4) Прибой волны въ Феодосійской бухтѣ.
- 5) Бой парохода «Веста» 11-го іюля 1877 г. (принесена художникомъ въ даръ Морскому музею).
- 6) Взрывъ турецкаго монитора «Литфи-Джелиль» въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная, 29-го апрѣля 1877 г. (тоже).
- 7) Тотъ же сюжетъ въ большемъ размѣрѣ (назначена художникомъ въ строящийся Московскій музей).
- 8—9) Взятіе турецкаго парохода «Мерсина» у Пендераклинъ пароходомъ «Россія»—и
- 10) Взрывъ турецкаго трехмачтоваго броненосца въ Сулинскомъ гирлѣ 27-го сентября 1877 г. (принесены художникомъ въ даръ Морскому музею).
- 11) Кавказскій берегъ на Черномъ морѣ.
- 12) Буря у Ялты (для барона Штиглица).
- 13) Видъ на южномъ берегу Крыма (для г. А. Полежаева).
- 14) Бомбардировка Феодосіи.
- 15—16) Переправа Государя Императора Александра Николаевича чрезъ Дунай (находятся у Его Императорскаго Величества).
- 17) Тотъ же сюжетъ (для Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича).
- 18) Закат солнца у острова Капри въ Неаполитанскомъ заливѣ (для г. Терликова).
- 19) Султанскій вѣсь въ Босфорѣ (для него же).

Кромѣ упомянутыхъ картинъ большихъ размѣровъ, написано Ивановомъ Константиновичемъ до десяти—малыхъ; въ общей сложности, въ четыре мѣсяца—до тридцати картинъ. Число это, поразительное для всякаго другаго художника, можно назвать умереннымъ относительно произведеній Айвазовскаго, такъ какъ Иванъ Константиновичъ не можетъ провести ни одного дня не прикасаясь въ кисти и не удѣляя нѣсколькихъ часовъ столь пламенно любимому искусству.

XV.

Заключеніе.

Талантомъ, точно такъ же какъ и умомъ, дѣлиться нельзя; но можно дѣлиться знаніемъ и умѣньемъ. Въ данномъ случаѣ мастерская Ивана Константиновича никогда не была святилищемъ недоступнымъ, какъ для молодыхъ художниковъ, такъ и для любителей живописи. Путемъ копированія его картинъ развили свои таланты и выработали живописную технику А. П. Боголюбовъ, Л. Ф. Лагоріо и Куинджи. Лагоріо ознакомился съ картинами Ивана Константиновича въ бытность его въ Крыму, въ 1839 году. Отецъ Лагоріо, замѣтивъ въ пятнадцатилѣтнемъ сынѣ страсть къ живописи, просилъ Айвазовскаго содѣйствовать развитію юнаго дарованія. Иванъ Константиновичъ съ полною готовностью ввелъ молодаго Лагоріо въ свою мастерскую, гдѣ тотъ занялся копированіемъ картинъ Айвазовскаго. Уѣзжая въ Петербургъ въ 1840 году для отбытія въ чужіе края, Иванъ Константиновичъ взялъ съ собою нѣсколько рисунковъ Лагоріо, представилъ ихъ Зауервейду, прося оказать юному художнику свое покровительство, и затѣмъ уѣхалъ въ Италію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Крамеръ, хорошій знакомый Айвазовскаго, при содѣйствіи покойнаго герцога Максимиліана Лейхтепбергскаго, вызвалъ Лагоріо въ Петербургъ, опредѣливъ его въ академію художествъ пенсіонеромъ кабинета Его Императорскаго Величества. Въ академіи Л. Ф. Лагоріо обнаружилъ талантъ самостоятельный и черезъ пять — шесть лѣтъ пользовался уже значительною извѣстностью.

О дарованіи г. Куинджи сообщилъ Айвазовскому маріупольскій негоціантъ Аморетти, когда этому молодому художнику было лѣтъ четырнадцать. Иванъ Константиновичъ, уступая просьбамъ Аморетти, согласился взять Куинджи къ себѣ въ мастерскую, для нагляднаго ознакомленія съ основными правилами живописи. Живя въ имѣніи Айвазовскаго, Куинджи копировалъ его картины, подъ руководствомъ Фестлера, работавшаго въ студіи Айвазовскаго. По отъѣздѣ Ивана Константиновича, Куинджи, пробивъ четыре мѣсяца въ его мастерской, уѣхалъ въ Маріуполь, оттуда въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ академію. Кромѣ упомянутыхъ трехъ

художниковъ, картины Ивана Константиновича копировали еще многіе, болѣе или менѣе даровитые, любители живописи, но учениковъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, у него не бывало. По отзывамъ нашего почтеннаго художника, югъ Россіи и Крымъ обилуютъ самородными талантами по всѣмъ отраслямъ искусствъ; школа живописи въ Одессѣ могла бы служить богатымъ разсадникомъ отечественныхъ дарованій и еслибы эта мысль Айвазовскаго осуществилась тридцать лѣтъ тому назадъ, то нынѣ мы радовались бы благотворнымъ послѣдствіямъ подобнаго рода учрежденія. Почему эта простая мысль не осуществилась? Вопросъ этотъ остается открытымъ.....

По словамъ Ивана Константиновича, художникъ-учитель живописи долженъ знакомить ученика лишь съ техникою, такъ сказать, съ ручными приемами искусства; онъ можетъ научить «какъ писать»; но «что писать» и «съ чего писать» — это должно подсказывать ученику уже его собственное дарованіе. Рабское копированіе картинъ великихъ художниковъ и подражаніе имъ — два тяжкіе тормоза, не только замедляющіе, но весьма часто и приостанавливающіе развитіе таланта. Учитель можетъ задать ученику, какъ тему для сочиненія, сюжетъ для пейзажа; но для исполненія его, для разрѣшенія задачи, художникъ долженъ обратиться къ живой природѣ и по естественнымъ даннымъ выработать заданный ему сюжетъ. Картины великихъ мастеровъ слѣдуетъ изучать какъ бы произведенія великихъ композиторовъ, лишь съ точки зрѣнія техники, отнюдь же не въ отношеніи сюжетовъ картинъ. Одинъ и тотъ-же сюжетъ изъ живой природы, подобно музыкальной темѣ, можетъ варьироваться до безконечности. Задайте написать закатъ солнца двадцати ученикамъ и его изобразить, болѣе или менѣе близко къ природѣ, на двадцать различныхъ ладовъ; каждый ученикъ уловитъ черты особенно близкія его понятію, чувству, художественному инстинкту. Но если тотъ же ученикъ скопируетъ пейзажъ съ Рюисдала, небо — съ Сальватора Розы, воду — съ Клодъ Лоррена — выйдетъ мертвенная пестрота, безтолковое пастиччіо, подобное стихотворенію, составленному изъ подобранныхъ подъ рѣзку строкъ, выхваченныхъ изъ Державина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова — хотя бы онѣ были подобраны и со смысломъ и съ единствомъ метрическаго размѣра.

Изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ, изу-

ченіе которыхъ имѣло важное вліяніе на развитіе дарованія Ивана Константиновича, онъ указываетъ на картины Семена Щедрина, Брюллова, Бруни; Гюдена, Схотля и Лудольфа Бакгюзена (1631 † 1709). Щедринъ—первый изъ русскихъ пейзажистовъ, давшій вѣрное направленіе взгляду на натуру; онъ правдивъ и добросовѣстенъ при изображеніи неба, воды, воздуха; вода на его картинахъ—живая, текущая, а не сухая тѣнь муарé, сложенная волнистыми складками. Въ картинахъ Брюллова всегда осязаемо живое вдохновеніе; въ картинахъ Бруни безуворизненная правильность рисунка. Изъ иностранцевъ—Гюдень замѣчательнъ въ своихъ произведеніяхъ, написанныхъ имъ до 1848 года; фламандцы Схотль и Бакгюенъ въ ихъ пейзажахъ чужды монотонности, присущей пейзажистамъ этой школы.

Возвращаясь къ сравненію живописи съ музыкою и поэзіею, нашъ художникъ въ откровенной бесѣдѣ высказалъ ту мысль, которою пронизаны всѣ его произведенія.—„Идеализація живой природы (говоритъ онъ) есть крайность, которой я всегда избѣгалъ и избѣгаю въ моихъ картинахъ; но поэзію природы—всегда чувствовалъ, чувствую и стараюсь передать ее моею кистью. Обаяніе лунной южной ночи, нѣга яснаго заката, ужасъ, нагоняемый на душу бурей или ураганомъ—вотъ тѣ чувства, которыя вдохновляютъ меня, когда я пишу мои картины. Преклоняюсь предъ великими мастерами фламандской школы, столь правдивыми въ ихъ прозѣ, но не слѣдовалъ и не послѣдую имъ. Высоко-талантливый художникъ можетъ безуворизненно вѣрно и близко къ дѣйствительной природѣ изобразить самыя обыденныя и неизящныя ея явленія; но подобнаго рода картины относятся къ художеству такъ же точно, какъ искусное звукоподражаніе къ музыкѣ. Ловкій штукаръ можетъ превосходно свистать соловьемъ, щебетать канарейкой или звенѣть жаворонкомъ, но можно ли поставить его на одну доску съ виртуозомъ или пѣвцомъ? Формовщикъ можетъ снять гипсовый слѣпокъ съ живаго тѣла, но слѣпокъ этотъ нельзя поставить рядомъ съ мраморными изваяніями Кановы или Торвальдсена. Реализмъ въ живописи вполне умѣстенъ тамъ, гдѣ того требуетъ сюжетъ картины; мудро художнику идеализировать корчму, ярмарочную сцену, кулачный бой или задній дворъ фермы.... но грустно видѣть когда художникъ идеальную красоту облачаетъ въ прозаическую форму, т. е., избирая сю-

жетъ полный поэзіи, излагаетъ его чуть не площаднымъ образомъ. Рафаэль прозаическимъ чертамъ Форнарини придавалъ ту идеальную чистоту, святость и божественную кротость, которыя дониндѣ приводятъ въ восторгъ каждаго зрителя «Мадонны»... но если талантливый художникъ, задавшись мыслию извести божественную красоту до человѣка, а не красоту человѣческую возвысить до божества—напишетъ ликъ Спасителя съ первой ему попавшейся подъ руку фізіономіи ломоваго извозчика или водоноса, едва-ли кто (и я всѣхъ менѣе) признаетъ въ немъ ликъ Богочеловѣка. Никому не навязываю моего мнѣнія, но считаю себя въ правѣ высказать его....

«Мысленно оглядываясь на пройденное мною сорокадвухлѣтнее поприще, припоминая сюжеты двухъ тысячъ мною написанныхъ картинъ, позволю себѣ сознаться, что въ глубинѣ души моей издавна зрѣтъ нѣсколько сюжетовъ, которые желалъ-бы выполнить съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Таковы, между прочими—«моментъ кораблекрушенія» и по неизмѣннѣ иному, болѣе подходящаго названія: «свѣтъ и тьма» или—«красота и безобразіе».

«Кораблекрушенія изображалъ я нерѣдко на моихъ картинахъ; но зрители видѣли ихъ лишь издалека, угадывая сердцемъ и воображеніемъ тѣ ужасы, которые свирѣствуютъ въ хрупкихъ деревянныхъ стѣнахъ корабля, разрушаемыхъ волнами. На задуманной мною большой картинѣ я изобразилъ бы моментъ кораблекрушенія какъ бы въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ зрителя, и постарался бы уловить послѣднія мгновенія жизни пассажировъ и существованія самаго корабля; группы людей обоого пола, всѣхъ возрастовъ, гибнуть, или готовятся погибнуть въ волнахъ, обуянные ужасомъ и безнадежностью.... Нѣчто подобное уже было изображено мною на картинѣ «всемирный потопъ», но здѣсь я могъ бы еще осязаемѣе и общедоступнѣе выразить мою мысль. Самый эпизодъ великаго геологическаго переворота, отдаленнаго отъ насъ безчисленнымъ множествомъ вѣковъ, не можетъ дѣйствовать на воображеніе зрителя столь потрясающимъ образомъ, какъ изображеніе несчастнаго событія, такъ сказать, быденнаго, о которомъ можемъ прочесть въ сегодняшнихъ или завтрашнихъ газетахъ. Точно такъ же картина битвы при Граниѣ или при Арбеллахъ никогда не произведетъ на зрителей такого впечатлѣнія, какое

произведетъ на нихъ эпизодическая сцена изъ недавней войны съ турками—Шибка, Ловча, или Плевна.

«Другая мною задуманная картина должна быть—соотвѣтственно мысли—громадныхъ размѣровъ. Мысль моя та, чтобы выразить въ живыхъ образахъ красоту и безобразіе видимой природы. По уступамъ на поверхности земли живые представители всего прелестнаго и изящнаго, отъ растений до человѣка, но и это еще не послѣдняя высшая ступень мірозданія: на свѣтломъ безоблачномъ небѣ, съ лучами свѣта, ниспадающими свыше, сливаются существа, или, вѣрнѣе, легкія очертанія существъ иного, высшаго міра, живыя звѣнья, соединяющія тлѣнный міръ съ міромъ нетлѣннымъ... Отъ подножія прекраснѣйшихъ существъ природы подъ горизонтомъ начинается постепенный переходъ къ безобразнѣйшимъ. Тусклый свѣтъ, проникая въ разсѣлину земли, слабо обрисовываетъ нестройныя геологическія наслоенія, обломки зданій, остовы безобразныхъ гномовъ, озаренныхъ снизу отблесками вулканическаго огня, влочущаго глубоко въ земныхъ нѣдрахъ...

«Эта мысль зрѣетъ въ моемъ воображеніи уже десять лѣтъ; не теряю надежды, что придетъ и минута вдохновенія, когда я воплощу эту мысль—выражу ее кистью и красками, со всею силою, которую еще сознаю въ себѣ, со всею энергіею, которая, съ годами, кажется, еще не угасла»...

Этими словами нашего даровитаго художника и пожеланіемъ ему еще долгихъ лѣтъ неослабной дѣятельности, а съ нею и славы, заканчиваемъ его біографическій очеркъ.

С.-Петербургъ, 6-го апрѣля 1878 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Челобитная на заводчика Акинсіа Никитича Демидова

въ 1721 г.

Благороднымъ господамъ артиллеріи капитану Василю Никитичу Татищеву да бергмейстеру Ивану Ивановичу Блюеру ¹⁾. Доношеніе.

Въ прошлыхъ годѣхъ, назадъ тому лѣтъ съ девятнадцать, объявили мы, нижепоименованные, мѣдную руду, которую объявляемъ при семъ, Верхотурскаго уѣзду, вверхъ по Тагилу, по рѣчкѣ Воѣ ²⁾, въ горѣ, отъ деревни Тагильской въ дву верстахъ. И оную руду объявили мы на Верхотурѣ управителю Алексѣю Калетину ³⁾. И онъ Калетинъ тое руду промышлять не почалъ. И въ прошломъ 1714 году оную руду объявили мы Никитѣ Демидову. И онъ Демидовъ до 720 году не промышлялъ; а въ 720 году промышлять началъ и промышляетъ донинѣ. А нынѣ намъ, нижепоименованнымъ, руду искать запрещаетъ; а которую руду обыскали мы, нижепоименованные, въ другихъ мѣстахъ, и онъ Демидовъ объявлять намъ не велитъ. И по всѣмъ дорогамъ учинилъ заставы, и говорить: «Ежели буде станете руды объявлять на Уктусскій заводъ, то-де мы васъ бить станемъ кнудомъ и въ домы помечемъ».

¹⁾ Татищевъ и Блюеръ завѣдывали Уральскими заводами въ 1720 и 1721 годахъ. Просьба подана была имъ на Уктусскомъ казенномъ заводѣ (близъ нынѣшняго Екатеринбургѣ).

²⁾ Рѣчка эта называется нынѣ Выя; впадаетъ въ р. Тагилъ. Деревни Тагильской уже не существуетъ.

³⁾ Стольникъ Алексѣй Ивановичъ Калетинъ былъ сначала воеводой Кунгурскимъ, а потомъ, въ 1703 и 1704 гг., Верхотурскимъ.

⁴⁾ Въ то время бобры водились даже на югъ нынѣшней Пермской губерніи; теперь же они попадаются, и то чрезвычайно рѣдко, лишь въ самой сѣверной части Верхотурскаго уѣзда.

А сего іюня въ 5-й день сосѣди наши уѣхали изъ домовъ своихъ для пріиску мѣдной руды; и, пріѣхавши послѣ ихъ къ нимъ въ дома отъ Демидова, шуринъ его, Иванъ Ивановъ сынъ Малыхъ, дѣтей ихъ изъ дому выбросалъ и говорилъ: «Ежели отцы ваши въ дома будутъ, то я ихъ кнудомъ застагаю».

А сего іюня въ 12-й день носили мы, нижепоименованные, сюда на Уктусъ, для объявленія, мѣдныхъ рудъ. И оный Демидовъ посмалъ за нами въ погоню и хотѣлъ насъ взять и увести къ себѣ на заводъ. И мы, нижепоименованные, ушли отъ нихъ лѣсомъ.

Да сего іюня въ 27-й день, какъ шли мы сюда на Уктусъ съ мѣдной рудой, которую объявляемъ при семъ, и будучи въ Покровскомъ селѣ, и того села жители насъ задержали, пропустить не хотѣли, говорили: «Не донесите-де на нашего хозяина и рудъ никакихъ не объявляйте».

Отъ него же, Демидова, учинены заставы, куда мы ходили промышлять бобровъ на ясакъ въ казну великаго государя, а именно по Тагилу и по Черной рѣчкамъ. И они насъ бобровъ промышлять не пускаютъ, и промышленничьихъ собакъ прибили, и отъ того пришли мы въ конечную скудность и ясаку платить стало нечѣмъ.

А вышеписанную руду обыскали мы по той же Воѣ рѣчкѣ, отъ той руды, гдѣ Демидовъ промышляетъ, въ одной верстѣ, въ горѣ-жъ. И послѣ насъ, отъ него, Демидова, ту руду копать начали. А разстояніемъ отъ Демидовыхъ заводовъ оная руда въ шти (т. е. шести) верстахъ.

Того ради всепокорно просимъ вашего благородія, дабы указомъ царскаго величества повелѣно было у насъ вышеобъявленную руду принять и отъ онаго Демидова и отъ людей его указомъ царскаго величества насъ оборонить, чтобъ намъ въ конечную скудность отъ него не придти. Такожъ просимъ, дабы повелѣно было дать намъ солдата для обороны.

О семъ доносить Верхотурскаго уѣзду Тагильской деревни ясапный новокрещенный вогудетинъ Яковъ Савинъ, да Ромашевской слободы крестьяне Иванъ Трифоновъ, Тихошъ Троицынъ, Матвѣй Діевыхъ. Іюня въ 30-й день 1721 году.

Сообщ. въ 1872 г. Н. Е. Чупинъ.

Екатеринбургъ.

Сожженіе на костръ въ Екатеринбургѣ

въ 1738 году.

(Изъ дѣлъ Екатеринбургскаго горнаго архива).

Въ концѣ 1735 года башкирцы дорогъ: Ногайской, Осинской и Казанской ¹⁾, недовольные начатымъ тогда на южной окраинѣ ихъ земли построеніемъ укрѣпленнаго города Оренбурга, взбунтовались. На слѣдующую весну и ближайшіе къ Екатеринбургѣ и къ зауральскимъ горнымъ заводамъ и слободамъ башкирцы Сибирской дороги, не смотря на свои неоднократныя завѣренія, что они остаются покорными правительству и не намѣрены участвовать въ бунтѣ башкирцевъ прочихъ дорогъ, начали нападать на русскія селенія, разорять ихъ, угонять скотъ, а жителей убивать и брать въ плѣнъ. Бывшій тогда главнымъ командиромъ Уральскихъ, Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ дѣйств. стат. сов. Василій Никитичъ Тагилцевъ, извѣстный нашъ историкъ, нашелъ нужнымъ, для прекращенія беспорядковъ, выступить изъ Екатеринбургѣ съ военнымъ отрядомъ въ походъ въ Башкирію; онъ остановился на озерѣ Кызылташѣ (въ южной части нынѣшняго Екатеринбургскаго уѣзда), построилъ при этомъ озерѣ крѣпостцу и оттуда посылалъ вооруженныя партіи въ мѣста мятежническихъ башкирскихъ сборницъ. Разнообразными и энергически принятыми имъ мѣрами, приспособленными къ духу азіатскихъ народовъ, скоро водворено было спокойствіе между зауральскими башкирцами. Оставшихся вѣрными правительству онъ довольно щедро награждалъ деньгами, дарилъ имъ алое и обыкновенное сукно на кафтаны; являвшихся добровольно съ повинною приводилъ къ присягѣ на вѣрность, по курану, и угощалъ мясомъ, водкой, виномъ и пивомъ; кромѣ того давалъ изъ нихъ раззорившимся во время мятежа денегъ на пропитаніе себя и лошадей; наиболѣе благонадежныхъ башкирцевъ посылалъ съ письменными и словесными увѣщаніями къ бунтующимъ; захваченныхъ же подстрекателей къ бунту и уличенныхъ въ убійствахъ подвергалъ

¹⁾ Башкирцы раздѣлялись тогда, по мѣсту жительства своего, на четыре дороги: Казанскую (западная часть Башкиріи), Осинскую (сѣверо-западная часть), Ногайскую (южная часть) и Сибирскую (восточная часть). Впрочемъ, нѣкоторыя башкирскія волости, находившіяся по западную, европейскую, сторону Урала, причислялись однакожъ къ Сибирской дорогѣ, напр., Айлинская волость.

смертной казни, а менѣ виновныхъ бунтовщиковъ однихъ наказывалъ кнутомъ и отсылалъ въ каторжныя работы на заводы, другихъ отправлялъ семействами въ Екатеринбургъ для держанія подъ арестомъ, либо для раздачи въ крѣпостные разнымъ лицамъ; бралъ отъ смирившихся башкирцевъ аманатовъ или заложниковъ.

Впрочемъ, взятые въ плѣнъ башкирцы могли освобождаться отъ ареста и отъ отдачи въ крѣпостное состояніе, если принимали христіанство. Въ числѣ такихъ обратившихся (искренно или неискренно—судить трудно) въ христіанскую вѣру былъ башкирецъ Айгинской волости Тойгильда Жуляковъ. Былъ-ли онъ присланъ въ Екатеринбургъ и тамъ-ли окрещенъ или въ другомъ мѣстѣ—по архивнымъ дѣламъ не видно. Надобно впрочемъ замѣтить, что плѣнныхъ башкирцевъ креститься нисколько не принуждали: на то была ихъ добрая воля (конечно, можетъ быть, руководимая расчетомъ облегчить свою участь).

Въ 1737 году, по смерти посланнаго строить Оренбургъ ст. сов. Кирилова, на его мѣсто опредѣленъ Татищевъ ¹⁾, съ оставленіемъ подъ его начальствомъ и горныхъ заводовъ. Поручивъ ближайшее завѣдываніе горными дѣлами въ Екатеринбургѣ маіору Угримову, Татищевъ въ іюнѣ уѣхалъ изъ Екатеринбурга и принялъ подъ свою команду Оренбургскую экспедицію и находившіяся въ Оренбургскомъ краѣ войска. Тамъ онъ не имѣлъ постоянного мѣстопробыванія, и то былъ въ походахъ, то жилъ въ Самарѣ, то въ Мензелинскѣ.

Между тѣмъ новокрещенный Тойгильда жилъ на свободѣ въ Башкиріи и совратился опять въ магометанство. Доведено было о томъ до свѣдѣнія Татищева. Онъ, вслѣдствіе этого, 11-го марта 1738 г. послалъ изъ Мензелинска предписаніе въ Теченскую слободу (въ нынѣшнемъ Шадринскомъ уѣздѣ) къ полковнику Арсеньеву, командиру Сибирскаго драгунскаго полка, расположеннаго въ то время въ Исетской провинціи ²⁾, о томъ, чтобы Тойгильду со всѣмъ семействомъ его отправить въ Екатеринбургъ къ маіору Угримову (вѣроятно, Тойгильда уже былъ захваченъ Арсеньевымъ). Въ то же время Тати-

¹⁾ Оренбургъ Татищевъ началъ строить при впаденіи въ Уралъ Оры, на мѣстѣ нынѣшняго города Орска; Татищевъ перенесъ его на 200 верстъ ниже по Уралу, туда, гдѣ теперь казачья станица Красногорская; а въ 1742 году новый начальникъ края Неплюевъ перенесъ его еще ниже, на нынѣшнее мѣсто, въ 265 верстахъ отъ Орска.

²⁾ Исетская провинція, учрежденная въ 1737 г. и находившаяся въ вѣденіи Оренбургской экспедиціи, заключала въ себѣ нынѣшній Шадринскій уѣздъ Пермской губерніи, сѣверо-восточную часть Оренбургской губ. и небольшую западную часть Тобольской губерніи.

щевъ писалъ къ Угримову: «Татарина Тойгильду за то, что, крестясь, принялъ паки махOMETанскій законъ,—на страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ крещенныхъ татаръ, съездъ; а женъ и дѣтей его, собравъ, выслать въ русскіе города, для раздачи; изъ оныхъ двухъ прислать ко мнѣ въ Самару».

На допросѣ Тойгильда показалъ Арсеньеву, что жена его Азакбика съ сыномъ Мухомбетемъ взяты бунтовщиками башкирцами въ полоумь осенью 1737 года, а два сына; Мергинъ—десяти и Алкей—восьми лѣтъ, отданы въ услуженіе воеводѣ Исетской провинціи Ивану Никитичу Татищеву ¹⁾. Но при Тойгильдѣ оставались еще три сына: Якшигуль—16-ти, Кутлубай—14-ти и Якшимбай—12-ти лѣтъ. Арсеньевъ отправилъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ отцомъ 14-го апрѣля въ Екатеринбургъ, подъ карауломъ двухъ гренадеръ. Самъ Тойгильда и старшій сынъ его Якшигуль везены были скованные, въ колодежкахъ, а двое младшихъ сыновей—просто, нескованные и несвязанные. На каждой изъ двухъ телѣгъ, на которыхъ помѣщались арестанты, сидѣло по одному проводнику изъ крестьянъ, а гренадеры ѣхали на верховыхъ лошадяхъ по обѣимъ сторонамъ телѣгъ. Не доѣзжая версты тридцати до Екатеринбурга, Тойгильда чуть было не убѣжалъ. Поѣздъ приближался къ селу Бобровскому; наступали сумерки. Тойгильда успѣлъ какъ-то незамѣтно достать топоръ изъ-за пояса своего возчика (который, вѣроятно, вздремнулъ) и ударилъ ѣхавшаго возгѣ телѣги гренадера Трапезникова, но его не ранилъ, а разрубилъ только бывшую на немъ лядунку; гренадеръ однакожь упалъ съ лошади. Тогда Тойгильда выскочилъ изъ телѣги и побѣжалъ. Но другой гренадеръ Казаковъ, слѣпившись, настигъ его; Тойгильда сталъ защищаться топоромъ и сильно ранилъ Казакова въ руку; но тутъ подоспѣлъ оправившійся отъ паденія Трапезниковъ, и Тойгильда былъ схваченъ и обезоруженъ. Между тѣмъ, пока гренадеры хватали Тойгильду, дѣти его выскочили изъ телѣгъ и убѣжали въ лѣсъ. Снова посаженный въ телѣгу Тойгильда сталъ скликать сыновей. На зовъ подалъ голосъ одинъ только младшій, котораго и схватили. Въ селѣ Бобровскомъ гренадеры съ арестантами остановились на ночь и велѣли крестьянамъ искать бѣглецовъ; утромъ жители ближней Косудинской деревни привели одного изъ нихъ, старшаго; а другой не былъ найденъ.

Вскорѣ по привозѣ въ Екатеринбургъ, апрѣля 20-го, Тойгильда

¹⁾ И. Н. Татищевъ былъ, вѣроятно, родственникъ, если даже не родной братъ, Василія Никитича: когда послѣдній въ 1739 г. былъ отрѣшенъ отъ Оренбургской экспедиціи, Иванъ Никитичъ лишился воеводства. Н. Ч.

былъ сожженъ, въ присутствіи всѣхъ находившихся въ городѣ крещенныхъ башкирцевъ. Передъ казнью ему прочитали такой указъ главной горной канцеляріи:

«По указу ея императорскаго величества самодержицы всероссійской и по опредѣленію его превосходительства тайнаго совѣтника Василія Никитича Татищева, велѣно тебя, татарина Тойгильду, за то, что ты, крестясь въ вѣру греческаго исповѣданія, принялъ наки махOMETанскій законъ, и тѣмъ не только что въ богомерзкое преступленіе впалъ, но яко пещъ на свои блевотины возвратился, и клятвенное свое обѣщаніе, данное при крещеніи, презрѣлъ, чѣмъ Богу и закону Его праведному учинилъ великое противленіе и ругательство,—на страхъ другимъ таковымъ, кои изъ махOMETанства приведены въ христіанскую вѣру, при собраніи всѣхъ крещенныхъ татаръ велѣно казнить смертію—сжечь. Да ты же, Тойгильда, по злой измѣннической вашей совѣсти, видя себя уже и не на волѣ, а подъ карауломъ, какъ везли сюда, дорогою, вымысли коварственно, укралъ у извозчиковъ топоръ и тѣмъ незапно посланныхъ за тобою конвойныхъ Сибирскаго драгунскаго полку дву человекъ гренадеровъ (рубилъ?), и у одного перерубилъ лядунку, а другаго руку, и имѣлъ намѣреніе къ побѣгу, чрезъ что и навящѣе злодѣйство свое проклятое умножилъ, и не только за оное твое преступленіе, но и за сіе содѣянное зло, учинилъ себя достойна смерти».

Апрѣля 22-го отправлены были къ Татищеву два сына Тойгильды Якшигулъ и Якшимбай, вмѣстѣ съ донесеніемъ о казни ихъ отца.

Чрезъ два дня привезенъ въ Екатеринбургъ изъ Арамилъской слободы (въ 23-хъ верстахъ къ юго-востоку отъ города) пойманный у деревни Колоткиной въ лѣсу и третій 14-ти-лѣтній сынъ Тойгильды, Кутлумбай.

Въ канцеляріи главнаго заводовъ правленія опредѣлено было: «Башкиренка, принявъ, за убѣгъ наказать розгами, и до отсылки, по силѣ ордера его превосходительства (т. е. Татищева), въ русскіе города отдать съ роспискою, кто взять пожелаетъ. Буде же ко взятымъ охотниковъ не будетъ, держать подъ карауломъ, а пропитаніе имѣть милостынею. И для отдачи въ Русь охотникамъ отослать его на суднѣ въ Казань, что въ Москву съ деньгами ¹⁾ отправится».

Неизвѣстно, взялъ ли кто въ Екатеринбургѣ на поруки этого мальчика. Видно только по дѣламъ, что онъ отправленъ въ Казань 20-го іюня 1738 г.

¹⁾ Т. е. съ выдѣланною въ Екатеринбургѣ мѣдною монетою.

Замѣчательно, что въ томъ же самомъ 1738 году совершилась въ столицѣ такая же казнь, какая постигла и Тойгильду: сожженъ за переходъ въ иудейскую вѣру флота капитанъ-лейтенантъ Вознидинъ, вмѣстѣ съ совратителемъ своимъ жидомъ Борохомъ Лейбовнымъ (Полн. Собр. Зак. № 7,612).

А до того времени сожжены были въ срубкахъ: извѣстный фанатическій расколо-учитель протопопъ Аввакумъ съ тремя его товарищами, въ Пустозерскѣ, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, да еретикъ (не нашъ, а нѣмецкій, заѣзжій въ Россію изъ-за границы и проповѣдывавшій, съ весьма малымъ успѣхомъ, свои мистическія бредни жителямъ московской Нѣмецкой слободы) Квиринь Кульманъ, въ Москвѣ, въ 1689 году.

Послѣ 1738 г., къ чести Россіи, не было въ ней, сколько мнѣ извѣстно, ни одного случая смертной казни сожженіемъ.

Сообщ. Н. Е. Чупинъ.

Екатеринбургъ, 1874 г.

Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирами ¹⁾.

1757 г.

Въ Оренбургское горное начальство. Всепокорнѣйшее доношеніе.

Доносить его высокографскаго сіятельства превосходительнаго господина генерала-фельдцейхмейстера, генераль-аншефа, сенатора, ея императорскаго величества генераль-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, лейбъ-компаніи подпоручика, обоихъ россійскихъ орденовъ и святяя Анны кавалера графа Петра Ивановича Шувалова Авзяно-Петровскаго желѣзнаго и прочихъ заводовъ управитель Петръ Мануйловъ.

1.

Хотя башкирцы Уфимскаго уѣзда разныхъ волостей, въ томъ числѣ и Тамьянской волости, изъ Оренбургской губернской канцеляріи издавна многими указами всѣмъ обще и подтверждены, дабы какъ въ степяхъ, а особливо близь заводовъ, ѣзда по лѣсамъ, ни подъ какимъ видомъ огней не нускали и тѣмъ лѣсовъ не губили,—но оны башкирцы, не смотря на тѣ указы, весьма самими злодѣй-

¹⁾ Изъ лѣтъ Екатеринбургскаго горнаго архива.

скими вымысли, не чувствуя государственной прибыли и всенародной отъ заводовъ пользы, съ начала весны и во все лѣто сего года нарядными случаями его высокографскаго сїятельства Авзяно-Петровскимъ желѣзнымъ заводамъ и при нихъ дроводѣламъ и цѣлымъ съ готовоприспасеннымъ углемъ куренямъ причиняють своимъ пущеннымъ огнемъ великіе пожары, которые никакимъ образомъ и тушить невозможно, потому что отъ великой засухи самая натуральная съ тундрю и земля безмала на три четверти аршина горить, и отъ того сосновые главныя, состоящїе въ надеждѣ заводамъ лѣса почестъ поголовно погарають. А что же колодникъ и прочїй лежащїй здоровый лѣсъ весь безъ остатку выгораеть, котораго мѣстами множество, не менѣе стоячаго лѣса.

2.

Отъ которыхъ огней не только какую оборону или защиту дроводѣламъ, также и на куреняхъ готовому углю имѣть, но и самихъ построенныхъ заводовъ и фабрикъ съ обывательскими домами едва возможно остерегать и отстаивать. Отчего и всѣ заводскїе мастеровые и работные люди отъ тѣхъ безпрестанныхъ пожаровъ, отъ всегдашнихъ побѣговъ и карауловъ пришли въ изнеможеніе, потому что оныя злодѣи башкирцы тѣми учиненными пожарами вымышленно на заводы и рудники и дроводѣлы видно наводятъ волшебныя думы. отъ коихъ безпрестѣчно состоитъ самый смертельный воздухъ. Чего ради весьма при оныхъ Авзяно-Петровскихъ заводахъ почестъ до одного человекѣ находятъ въ хворости, изъ коихъ немалое число людей померло; да и нынѣ весьма множество смертельно хвораютъ, а именно болѣзнь та: отъ того тяжкаго воздуха тяжкая одышка, которая задавливаеть сердца, а особливо въ горлахъ у каждаго болѣзнь главоболїе; и отъ того дневныя пищи лишаются и умирають. А нѣкоторые, обнесенїемъ отъ того воздуха головы, внѣ ума падаютъ и долго безъ всякаго лежать чувства. Которое неблагополучїе наемные работные люди, видя здѣсь въ народѣ великій смертельный ежедневный упадокъ, причитая за язву, бѣжало съ заводовъ и рудниковъ съ четыреста человекъ. О чемъ не безызвѣстно чрезъ поданныя отъ меня именованнаго извѣтныя доношенїя какъ Уфимской провинціальной канцелярїи, такъ и Табынской канцелярїи. Которые люди на себѣ, по ихъ долговымъ изъ суммы его высокографскаго сїятельства заборамъ, и денежной суммы не малое число унесли. Тому жѣ слѣдовательно и на умершихъ пропало не менѣе того; а колико именно, о томъ еще подлинныя выправки учиняются.

3.

Сверхъ же того оные башкирцы причиняютъ такіе около заводовъ вдругъ нечаянные въ разныхъ мѣстахъ пожары, что безъ всякаго терпѣнія потребно множеству людямъ пѣшимъ и коннымъ для тушенія на тѣ мѣста посѣщать. Но для же страха отъ нихъ злодѣевъ башкирцовъ съ заводовъ многому числу людей и отлучиться весьма опасно, дабы и всѣхъ заводовъ и своего живота не лишиться; потому что оные башкирцы, ѣздя непрестанно около заводовъ ѣздами съ обнаженными луками и стрѣлами, безпрестанно перебѣгаютъ; и тѣмъ заводскимъ обывателямъ наводятъ нестерпимые страхи; ибо видно изо всѣхъ ихъ башкирскихъ поступокъ, что они хотя по милостивымъ указамъ въ ихъ Киргизъ-Кайсаки злодѣйскихъ побѣгахъ и прощены; но однако оные того видно нисколько не чувствуя, еще ненавидя здѣсь на новыхъ мѣстахъ поселенныхъ русскихъ христіанъ, къ прежнему своему злодѣйству свѣжи.

4.

Оные-жъ башкирцы у находящихся при вышеозначенныхъ заводахъ приписныхъ крестьянъ какъ съ куренныхъ работъ, такъ и съ сѣнокосовъ, со становъ изъ привязанныхъ въ ночныя времена немалое число и лошадей отогнали, также и сѣнъ прижгли; да и понинѣ горятъ. Ибо кругомъ оныхъ его высокографскаго сіятельства Авзяно-Петровскихъ заводовъ со всѣхъ сторонъ злодѣйски нущенными отъ нихъ, башкирцовъ, огнями и по сіе число окружено; изъ чего самымъ дѣломъ признавается, что оные башкирцы, но нынѣшнимъ настоящимъ засухамъ и великимъ вѣтрамъ, оные заводы жадны совсѣмъ раззорить. А по установленнымъ его высокографскаго сіятельства немалымъ коштѣмъ заводскимъ дорогамъ, кои немалыми-жъ вымощены мостами и удовольствованы для заводской необходимой надобности и народной пользы ѣдущимъ на заводы съ провѣянтомъ и съ прочими принасами великими казармами и при нихъ немалымъ же числомъ стоговъ припасенныхъ сѣнъ; изъ коихъ казармъ и сѣнъ тѣми пущенными огнями нѣсколько погорѣло, а можетъ быть по сіе число и всѣ сгорѣли.

Того ради Оренбургскаго горнаго начальства всепокорѣйше прощу сіе мое прошеніе принять и записать. А объ ономъ же, для скорѣйшаго представленія, въ государственную бергъ-коллегію, въ канцелярію главнаго управленія сибирскихъ и казанскихъ заводовъ доношеніе послано-жъ. Сентября дня 1757 года.

Къ сему доношенію Петръ Мануйловъ руку приложилъ.

Екатеринбургъ, 1874 г.

Сообщ. Н. Е. Чупинъ.

Смоляный монастырь

въ 1783 г.

Въ комисію о учрежденіи народныхъ училищъ, отъ находящагося при Обществѣ благородныхъ и Училищъ мѣщанскихъ дѣвицъ надзирателя Матвѣя Пахомова, съ 27-го ноября по 3-е декабря сего 1783 года. извѣстіе.

БЛАГОРОДНЫЯ.

I-й возрастъ.

А. Содержить въ себѣ 64 дѣвицы.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію:

1. Елеонора Фонъ Плугъ. 2. Екатерина Ивановна Бѣшенцова.
3. Амалия Дитмаръ. 4. Марья Николаевна Аксакова. 5. Настасья Алексѣевна (ва?).

В. Успѣхи: 1. Читали, складывали и писали по франц., по російски и по нѣм. 2. Продолжали III-ю часть табл. о чтеніи. 3. Переводили словесно съ російск. языка на франц. малія повѣсти. 4. Рисовали части головы.

II-й возрастъ.

А. Содержить въ себѣ 60 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію:

1. Настасья Яковлевна Подвысоцкая. 2. Варвара Васильевна Голицына. 3. Ольга Семеновна Набокова. 4. Варвара Александровна Черешникова. 5. Екатерина Александровна Салтыкова.

В. Успѣхи: 1. Продолжали IV-ю главу 1-я части Книги о должн. чел. и гражданина. 2. Продолжали таблицу о правописаніи. 3. Читали и писали по російски, по фр. и по нѣм. 4. Прошли отъ 3-го по § 6-му 11-го періода отъ Ноя до Моисея 1-я части Исторіи. 5. Слушали изъясненіе о вѣрахъ въ Европѣ. 6. Упражнялись въ вычитаніи цѣлыхъ чиселъ. 7. Переводили съ франц. на російской языкъ и обратно. 8. Слушали 10-й членъ Символа вѣры. 9. Рисовали части головы и цвѣты.

III-й возрастъ.

А. Содержить въ себѣ 63 дѣвицы.

- Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію: 1. Ольга Михайловна Лачинова. 2. Екатерина Ивановна Желѣзнова.

В. Успѣхи: 1. Проходили IV-е склоненіе нѣм. именъ сущ. 2. Ри-

совали части головы и цвѣтки. 3. Упражнялись въ умноженіи и дѣленіи имен. чиселъ. 4. Продолжали російскіе глаголы. 5. Читали 11-ю главу 1-я части Книги о должн. чел. и гражданина. 6. Продолжали таблицу о правописаніи. 7. Прошли отъ 7-го до § 9-го 11-го періода 1-й части Исторіи. 8. Обучались изъясненіямъ круговъ на земномъ шарѣ.

IV-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 87 дѣвиць.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію: 1. Елисавета Дмитриевна Балашева. 2. Екатерина Яковлевна Перфильева. 3. Екатерина Николаевна Абалянская. 4. Анна Александровна Салтыкова. 5. Анна Алексѣевна Молчанова. 6. Екатерина Потаповна Далматова. 7. Анна Александровна Караулова. 8. Олимпиада Васильевна Дьячкова. 9. Анна Андреевна Мишукова. 10. Анна Ивановна Богданова.

В. Успѣхи: 1. Продолжали о свойствахъ свѣта и о глазѣ. 2. Упражнялись въ 4-хъ правилахъ имен. чиселъ, а нѣкоторыя въ тройномъ правилѣ. 3. Переводили съ російскаго на нѣм. и фран. языкъ и съ сего на російской. 4. Рисовали цвѣтки и ландшафты и продолжали перспективу. 5. Прошли отъ 20-го по § 22-й III-го періода отъ Моисея до Ромула 1-я части Исторіи. 6. Продолжали рѣшеніе проблемъ математической географіи. 7. Обучались правиламъ сданія Тосканическаго объ одномъ апартаментѣ. 8. Слушали начало III-я главы II-й части Катехизиса.

МЪЩАНСКІЯ.

I-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 74 дѣвицы.

Б. Изъ нихъ не были за болѣзнію:

1. Аграфена Яковлева. 2. Прасковья.

В. Успѣхи: 1. Читали, складывали и писали по росс., по франц. и по нѣм. 2. Окончали таблицу о познаніи буквъ. 3. Рисовали части головы.

II-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 65 дѣвиць.

Б. Изъ нихъ не были за болѣзнію: 1. Татьяна Першина. 2. Марья Иванова. 3. Аграфена Никифорова. 4. Анна Нелидова.

В. Успѣхи: 1. Слушали отъ 7-го члена Символа вѣры по 9-й членъ. 2. Продолжали таблицу о складахъ французскихъ. 3. Читали

и писали по російски, по франц. и по нѣм. 4. Продолжали таблицу о чтеніи. 5. Прошли третій параграфъ 1-го періода 1-я части Исторіи. 6. Проходили термины географическіе. 7. Рисовали части головы.

III-й возрастъ.

А. Содержитъ въ себѣ 58 дѣвиць.

Б. Изъ нихъ не была за болѣзнію: Анна Яковлева.

В. Успѣхи: 1. Начали III-ю главу I-я части Книги о должн. чел. и гр. 2. Писали по російски, по франц. и по нѣмецки. 3. Продолжали табл. о чтеніи. 4. Упражнялись въ вычитаніи цѣлыхъ чиселъ. 5. Продолжали табл. о чтеніи франц. 6. Слушали отъ 5-го члена Символа вѣры по 8-й членъ. 7. Рисовали части головы. 8. Прошли § 8-й 1-го періода 1-я части Исторіи. 9. Продолжали всеобщій чертежъ земнаго шара.

IV-й возрастъ.

А. Содержитъ въ себѣ 58 дѣвиць.

Б. Изъ нихъ не была за болѣзнію: Имфалія Сергѣева.

В. Успѣхи: 1. Продолжали російскіе глаголы. 2. Повторяли 4-ю главу 1-й части Книги о должн. чел. и граж. 3. Переводили съ російскаго на франц. языкъ и обратно. 4. Упражнялись въ умноженіи и дѣленіи цѣлыхъ чиселъ. 5. Начали о свойствахъ свѣта. 6. Рисовали цвѣтки. 7. Слушали по 2, заповѣдь 11-я главы 11-я части Катех. 8. Прошли до § 6-го 11-го періода 1-я части Исторіи. 9. Проходили о числѣ и о свойствахъ жителей европейскіхъ.

I. ПРИЛЕЖАНІЕ УЧИТЕЛЕЙ.

27-го ноября не были въ классахъ г-нъ Гаррохъ за нуждою и г-нъ Карандашевъ за болѣзнію.

II. ОСОБЛИВЫЕ СЛУЧАИ.

30-го числа ноября ученія не было по причинѣ праздника.

Матеей Пахомовъ.

Декабря 2-го 1783 г.

Сообщ. И. О. Горбужовъ.

А. О. Корниловичъ,

издатель историческаго сборника «Русская Старина», въ 1824 и 1825 г.

[Разсказъ генерала Шумкова].

Замѣчательна судьба А. О. Корниловича. Получивши образованіе, кажется, въ знаменитой Муравьевской школѣ колонновожатыхъ, онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, чему много помогло его знаніе почти всѣхъ европейскихъ языковъ, а потому онъ стоялъ на отличной служебной дорогѣ, по генеральному штабу или, какъ тогда называли, свитскимъ гвардейскимъ офицеромъ. Сосланный потомъ за участіе въ событіяхъ 14-го декабря 1825 г. въ каторжныя работы, онъ вскорѣ возвращенъ, секретно, въ Петербургскую крѣпость, въ казематахъ которой прожилъ около пяти лѣтъ, то есть до 1832 года, когда былъ привезенъ въ Грузію и зачисленъ на службу въ пѣхотный полкъ солдатомъ. Разсказъ его пишущему эти строки о свой жизни въ крѣпости чрезвычайно интересенъ. Здѣсь приводятся лишь главныя черты его. Изъ Сибири его везли съ фельдъегеремъ со всѣми предосторожностями, вѣроятно, наблюдаемыми при такихъ случаяхъ. Ему неизвѣстно было—куда его везутъ въ закрытомъ экипажѣ. По пріѣздѣ къ мѣсту назначенія, его ввели съ завязанными глазами и тутъ только сняли повязку съ его глазъ. Онъ увидѣлъ себя въ какомъ-то казематѣ со сводами. Его тутъ же предупредили, чтобы онъ не пробовалъ говорить со сторожемъ, который приносилъ ему пищу. Спустя нѣсколько времени, вошелъ къ нему въ казематъ генералъ Бенкендорфъ, прежде весьма хорошо ему знакомый. Тутъ только для него стало ясно, что онъ въ Петербургѣ. Бенкендорфъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Любезный Корниловичъ! Государь императоръ, зная вашу умъ, ваши обширныя познанія и вашу горячую любовь къ общественному благу, пожелалъ предоставить вамъ возможность быть полезнымъ отечеству. Его величеству благоугодно, чтобы вы излагали на бумагѣ ваши мнѣнія, по какимъ вы найдете нужнымъ предметамъ государственнаго благоустройства. Записки ваши вы будете передавать мнѣ для представленія его величеству». Потомъ просилъ его назначить, чтѣ ему нужно для исполненія воли государя. На него былъ тогда же наложенъ завѣтъ—не пытаться даже входить съ кѣмъ бы то ни было въ какія либо сношенія, ни даже въ разговоры со сторожемъ, который назначенъ служить ему. Кромѣ того, вся домашняя обстановка его была сформирована по его указанію, но съ самою внимательною

предусмотрительностію. У него современемъ составила порядочная библиотека и все что нужно даже для прихотливаго человѣка, чего онъ, по своему ограниченному состоянію, не могъ имѣть на собственные средства. Легко понять съ какимъ рвеніемъ и съ какою горячію принятіемъ онъ за любимыя свои занятія. Пишущему эти строки Корниловичъ показывалъ на Царскихъ Колодцахъ всѣ рукописныя копии мѣстной, переданныхъ имъ Бенкендорфу. Многія изъ работъ Корниловича обращали особенное вниманіе государя императора, что видно изъ сохранившихся у него собственноручныхъ записокъ Бенкендорфа, которыми онъ объявляетъ «каторжному Корниловичу благоволеніе его величества»—за какую нибудь работу.

Корниловичъ отзывался всегда съ особенною признательностію о вниманіи къ нему А. Х. Бенкендорфа.

По прошествіи почти пятилѣтней жизни въ казематахъ, Корниловичъ былъ доставленъ въ Тифлисъ и зачисленъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, расположенный на Царскихъ Колодцахъ, гдѣ тогда стояла Донская № 3-го батарея, въ которой служилъ пишущій эти строки. Въ это же время, при возобновленіи знакомства съ симъ послѣднимъ, также возобновились сношенія Корниловича и съ извѣстнымъ Донскимъ писателемъ—Сухоруковымъ, проживавшимъ тогда въ Новочеркасскѣ, по возвращеніи изъ Финляндіи (см. о немъ въ «Донской Газетѣ» 1877 г.).

Корниловича сначала поставили въ рядъ съ солдатами и помѣстили въ общую казарму, но когда вскорѣ было получено письмо на имя Корниловича отъ Бенкендорфа и за печатью III-го отдѣленія канцеляріи его величества, тогда уже дали ему свободу помѣститься на вольной квартирѣ, въ одномъ изъ домовъ поселенной женатой роты того же полка. Товарищемъ его по квартирѣ былъ, тоже декабристъ, князь Валеріанъ Мих. Голицынъ († въ Спб., 1859 г.).

Корниловичъ прожилъ не долго; онъ умеръ въ Грузіи, отъ горячки, въ сентябрѣ 1833 года.

Шумковъ.

12-го января 1877 г.

Сообщ. А. А. Карасевъ.

П р и м ѣ ч а н і е. Штабъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Александръ Осиповичъ Корниловичъ былъ членомъ Южнаго тайнаго общества и делегатомъ этого общества къ Сѣверному. Изданный Корниловичемъ въ 1824 г. историческій сборникъ: «Русская Старина» посвященъ XVII и XVIII вв.; въ 1825-мъ году сборникъ этотъ (въ 16-ю д. листа) вышелъ вторымъ изданіемъ. См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. (третье изданіе), т. I, стр. 271 и сличъ замѣтку Д. И. Завалишина въ Др. и Нов. Россіи, 1878 г. № 6.

МИТЮХА ВАЛДАЙСКОЙ.

ЗРѢЛИЩЕ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе П. Н. Семенова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1810.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Митюха, повѣренный при откупахъ Валдайскихъ и Крестцовскихъ.

Андрюшка

Елисей

Парамошка

} цѣловальники Валдайскіе.

Аксюта, дочь цѣловальника Крестцовскаго.

Марутка, ея работница.

Мишутка, батракъ Митюхинъ.

Половой.

Присяжной, отставной капралъ безъ ноги.

Двое горожанъ.

Цѣловальники.

Половые.

Горожане Валдайскіе.

Ямщики Зимогорьевскіе.

(дѣйствіе происходитъ въ поля между валдаемъ и зимогорьемъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Митюха, Андрюшка, Елисей, Парамошка, Мишутка, цѣлозальники, поповые, горожане Валдайскіе. Главные сидятъ.

МИТЮХА.

Родимые друзья! Андрюшка, Парамошка,
И ты, свать Елисей, и ты, мой кумъ Терѣшка!
Собравшись сюда весь городъ нашъ Валдай,
Чтобъ Зимогорьевцамъ дать доброй потаскай;
Ужъ вотъ близъ двухъ недѣль, слышь, съ вѣшняго Никола
Отъ нихъ всѣ кабаки и бочки наши полы,
И лѣзуть въ нихъ ови то жабой, то ужомъ;
Какъ алчны вороны, глотаютъ все цѣлкомъ.
Приходитъ кончить намъ грабежъ ихъ незаконный!
У Зимогорьевцевъ смотритель станціонный,
Дѣламъ всѣмъ голова, весь ямъ на насъ вздурилъ
И хочетъ попытать онъ, друта, вашихъ силъ;
Архипычъ близко ужъ, и, можетъ, какъ трезвонитъ
Начнутъ къ заутрени, онъ все на насъ погонитъ!
Но силу нашу онъ лишь только что узналъ,
То, приунывъ душой, въ тоску-кручину впалъ,
И чрезъ присяжнова онъ проситъ мировую.
Родимые мои, хотите-ль, въ круговую
Его чтобъ позвалъ я, или въ зашей выгналъ вонъ?
Хотите-ль, ямщикамъ чтобъ задалъ я трезвонъ?

АНДРЮШКА.

Такъ, хорошенько ихъ!... Сейчасъ же дунемъ въ поле,
Чтобъ таску имъ задать.—Вздурисься поневоли,
Какъ все они вертятъ, тебѣ на переборъ.
Чей больше моего побоевъ принялъ дворъ?
И бачка мой и дѣдъ еще съ Страшной недѣли

Безъ зубъ и безъ бородъ лежать отъ нихъ въ постели,
И самъ я, какъ-тово, лишь къ Тронцину всталъ.
Иванычъ-дядюшка, ты насъ сюда призывалъ
Не съ тѣмъ, чтобы точить балясы съ ямщиками,
Но перевѣдаться, ты знаешь, кулаками.
Въ подмогу батюшка мнѣ далъ семь батраковъ;
Еще-жъ трехъ удалыхъ привезъ я изъ Крестцовъ
На тройкѣ ухорской отъ будущаго тестя;
Коли Аксюта мнѣ сужоная невѣста,
Хоть въ омутъ головой, прилажу все къ концу:
Я жду ее сюда, но ужъ пойду къ вѣнцу,
Когда изъ ямщиковъ сгребу кого въ охапку,
Да принесу домой съ-него кушакъ или шапку.
Тово-вона-оно, калыкать неча намъ:
Иль насъ они побьютъ, или мы побьемъ весь ямъ!

ЕЛИСЕЙ.

Митюха верхъ возьметъ, онъ удалой дѣтина.
Хоть знаю, что у насъ не будетъ комомъ блина,
Однако мнѣ важись, не худо бы позвать
Присяжнова сюда, да мировую взять. (Митюхъ)
Ты вѣдашь: миръ худой прочяе доброй брани;
Забудемъ обо всемъ.....

МИТЮХА.

Ты мелешь пусторнакъ.
Чтобъ сталъ мириться я, да что я за дуракъ?
Пусть прежде мнѣ они накомыляютъ шею,
Чѣмъ всякому чтобъ я позволилъ дураку
Безъ платежа вино и полпиво глотать!
Присяжнова-жъ сюда согласенъ я позвать,
Да только не за тѣмъ, чтобъ съ нимъ, слышь, помириться—
Чтобъ настращать его, въ плотную побраниться.
Пускай себѣ смекаетъ, что наши кулаки
Радѣховьки стоятъ за наши кабаки.

ПАРАМОНЪ.

Мы разомъ стакались на твой изволь отважной.

МИТЮХА (Мишуткѣ).

Мишутка, слышь-ка ты, отвѣту ждешь присяжной;
Поди-ка и его приволоки сюда. (Мишутка уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе, кромѣ Мишутки.

ЕЛИСЕЙ.

Знать матерна еще кипятъ въ тебѣ руда!
Не худо бы, коли-бъ долой бѣда страхнулась;

Боясь лишь, чтобы намъ она не отпрыгнулась.
 Я больше васъ узналъ, все знаю по себѣ:
 Бывалъ я въ Питерѣ, въ Казани и въ Москвѣ;
 Я долго торговалъ, на дѣлѣ все извѣдалъ,
 И много куляковъ ямщицкихъ я отвѣдалъ;
 Отъ нихъ-то и согнуть я въ экую дугу.
 Присяжной къ намъ идетъ, молчите-жъ—ни гугу!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Прешнѣ, Мишутка и присяжной, котораго Мишутка тащить за воротъ, и
 нѣсколько ямщиковъ.

присяжной (*въ расхлѣвъ*).

Ребята, слушайте! Смотритель станціонной,
 Всея слободы глава и командиръ законной,
 Сказать вамъ наказалъ, что долженъ бы просить
 На всѣхъ на васъ въ судѣ, или путемъ побить
 За то, что вы вино въ томъ мѣстѣ продавали,
 Гдѣ слѣду нѣтъ оверсѣи, и намъ пить не давали,
 То есть: ни самому ему, ни ямщикамъ,
 Ну, словомъ—никому; но онъ теперь, весь ямъ
 Собравъ, остановилъ вонъ тамъ за бугорками,
 И, сарѣчь, дружески мириться хочетъ съ вами.
 Вы бойтесь его: съ нимъ семьдесятъ крестьянъ,
 Съ нимъ парень удалой извошникъ Андреянъ,
 Что, помнится, валялъ прошедшаго васъ лѣта,
 Да онъ хоть лѣшаго—такъ выгонитъ изъ свѣта!
 Грудь каменна его, желѣзны кулакп,
 Плечища какъ стѣна, а зубы какъ клыки.
 Съ Архиппчемъ скорѣй вы лучше замиритесь,
 И бочкою вина ему вы поклонитесь;
 За бочку, можетъ быть, что онъ васъ и проститъ.
 Мирись, повѣрливой!.... или ты будешь битъ!

МИТЮХА.

Вотъ сталъ меня страхать! медвѣдь бонся-ль зайцовъ?
 Ты видѣлъ, сколько здѣсь удалыхъ есть Валдайцовъ;
 Да ты же и посмѣлъ еще гутарить мнѣ,
 Чтобы я съ вами сталъ мириться на винѣ;
 Вить чья у васъ возьметъ, того еще не знаю,
 Да только, вѣдашь ты, за то я отвѣчаю:
 Производитель самъ, исправникъ, земской судъ
 Васъ всѣхъ до одного на сходѣ задерутъ;
 Отплатятъ вамъ они за чарки и за плошки,
 За вѣдры колоты, за битыя окошки:

Зачтутся вамъ тогда разбойничьи дѣла,
 Которыя отъ васъ округа понесла.
 И нашимъ же виномъ хотите вы быть пьяны!
 Вы на изьянъ пошли, и мы тожь на изьяны!
 Мы всё теперь на свой салтыкъ перевернёмъ;
 Миримся съ вами мы не брагой, не виномъ,
 Но приготовлены у насъ на ваши спины
 Кнуты ременные, вязовыя дубины.
 Кто хочеть ихъ пытать, Валдайку перейди!

ПРИСЯЖНОЙ.

Экъ раззадорился, ты въ оба погляди!

МИТЮХА.

Да ты тожь не косись, поставь глаза-то къ носу;
 Что ты заговнилъ, иль хочешь перечёсу?

ПРИСЯЖНОЙ.

Или ты позабылъ, что пиво и вино
 Отъ насъ же было вамъ тайкомъ запродано?

МИТЮХА.

Чтожь попрекаешь ты? Вы больше виноваты.
 Молчи, иль убью.....

ПРИСЯЖНОЙ.

Прислушайте ребята.

МИТЮХА.

Да слушать неча тутъ!

ПРИСЯЖНОЙ.

Сейчасъ же я въ доносъ.

МИТЮХА.

Типунъ те на языкъ!... Вишь онъ куда занёсь

ПРИСЯЖНОЙ.

Узнаеть откупщикъ, что вы запродавали
 Безъ табели вино, которое скупали
 У насъ за полцѣны себѣ изъ барыша,
 И не дали ему изъ сбора ни гроша.

МИТЮХА.

Мы продали вино, дуракъ ты, воровское;
Хоть виноваты мы, вы виноваты вдвое:
Такъ будете и вы въ отвѣтъ предъ судомъ.

ПРИСЯЖНОЙ.

Да знаешь-ли: какъ разъ теби кодь кнутъ введемъ,
Если мы захотимъ...

МИТЮХА.

Кто? Ты? Нѣтъ, повыхнешься!

ПРИСЯЖНОЙ.

Послушай, озарникъ, коли ты не уймешься,
То въ Питеръ мы пошлемъ трудить откупщика.

МИТЮХА.

Его я не боюсь!

ПРИСЯЖНОЙ.

Такъ струсишь кулака.

МИТЮХА.

Да ми. васъ въ прахъ прибьемъ, коли мы станемъ драться.

ПРИСЯЖНОЙ.

Кто? Вы? Нѣтъ, молодѣ!

МИТЮХА.

Отучимъ васъ ругаться.

ПРИСЯЖНОЙ.

Вы вспомните, какъ васъ Елесья-то валягъ!

МИТЮХА.

Да, съ нами ссориться онъ вамъ повадеу далъ.

ПРИСЯЖНОЙ.

Не раздражите вы Архимча упряствомъ.

МИТЮХА.

Присяжной, я твоимъ скучаю ужъ чухванствомъ.
 Не вѣдая про твой капральской, слышь ты, чинъ,
 Я-бъ рѣбра перломалъ тебѣ: не я одинъ
 Повиненъ въ орчемствѣ, мы только лишь купили,
 А продали-то вы, или ужъ позабыли?
 Поди-жь къ Архипычу, скажи, волю хощь, ему,
 Что буду бить челоюъ патрону своему.

ПРИСЯЖНОЙ.

Не тронь же. Ну, пойду; но знай, сверчокъ сварливой,
 Что будешь челоуѣкъ ты самой несчастливой.
 Теперь, какъ хочешь ты, кобенься или нѣтъ,
 Смотритель нашъ тебѣ пощады не даетъ;
 На всѣхъ Валдайцовъ онъ не станетъ хоть сердиться,
 Съ тобою же ничѣмъ никакъ не примирится;
 Архипычъ подарить тому хоть пять рублей,
 Кто подъ глаза тебѣ наставитъ фонарей.

МИНУТКА *(кидается на присяжнаго)*.

Ахъ, хромоногой чортъ!...

МИТЮХА *(удерживая его)*.

Не тронь ты дурака!
 Ты видишь: онъ сейчасъ лишь только съ кабака.
 Готовъ на драку я, поди скажи своимъ;
 Толкайте вонъ его; ужъ мы те зададимъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе, кромѣ присяжнаго и ямщиговъ.

МИТЮХА.

Ребята, видѣли присяжнаго въ чванство,
 Вы видѣли его нахальство и буйство;
 Онъ хочетъ сдѣлать насъ безъ пива, безъ вина.

ЕЛИСЕЙ.

Во всемъ, въ чемъ хощь, его задорливость видна.
 Ты дѣло говорилъ—ты угадалъ снаровку,
 Что больше неча намъ, какъ только въ потасовку.

АНДРЮШКА.

Но ждате ли, чтобъ они Валдайку перешли?
Знать, надо, чтобы мы на встрѣчу имъ пошли.

МИТЮХА.

Онъ дѣло говорить; ужъ солнце на закатѣ.
Ну! времечко пришло теперь, слышь ты, къ расплатѣ.
Андрюшка, слушь-ка ты: съ своими батраками
Ты завтра справа стань, вонъ тамъ за бугорками,
А Парамошка пусть глѣвѣй постоитъ,
А Елисей своихъ въ средину поведетъ.
Мой братъ съ Терѣхою останьтесь за горою
И чесаните къ намъ удобною порою,
Но драву зачинать я завтра самъ пойду.

ЕЛИСЕЙ.

Какую басешь ты намъ страшную бѣду;
Въ опаску дать себя, какъ хошь, тебѣ не можно.

МИТЮХА.

Не бойся! драгъся, слышь, я буду осторожно.
Идите же, друзья, и нашимъ дайте вѣсть,
Чтобъ постарался концы, какъ надо, овестъ;
А коль удастся намъ, то водку и настойку
Поставлю ведрами, дамъ хвацкую попойку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИШУТКА.

Какъ на присяжнова я даве осерчалъ—
Кои бъ не ты, то-бъ онъ бѣлугой замчалъ.
Ужъ я-бъ ему бока и спину отлепчалъ.
Какое хвацкое ты дѣло, братъ, затѣвалъ,
Что силою идемъ мы всѣ на забякъ.
Учтивость не беретъ, такъ возьметъ на кулакъ;
Куда бы хорошо, когда-бъ намъ сбить ихъ съ круга.
Ну, въ ту пору, пируй, Валдайская округа!
А мы, кажись, путемъ ихъ можемъ потаскать.

МИТЮХА.

Я-бъ лучше землю сталъ, ты вѣдаешь, нахать,
 Лишь только-бъ ото всѣхъ хлопотъ мнѣ отвязаться,
 Лишь только-бъ никогда съ Аксютой не знаться.

МИШУТКА.

А кто-жъ тебѣ велитъ, ты неразумный самъ.
 Отецъ Аксютушкѣ ударилъ по рукамъ
 О дочкѣ съ женихомъ; другова не похочеть;
 А онъ объ свадьбѣ-то давнымъ давно хлопочеть.

МИТЮХА.

Смекаю это я, Мишутка, безъ тебя:
 Я самъ себя сгубилъ, Аксюту полюбя;
 А жить мнѣ безъ нея ни силъ нѣтъ, ни терпѣнья.
 Да что и говорить, ты не былъ въ день Крещенья
 На знатномъ праздникѣ въ монастырѣ у насъ,
 Гдѣ я Аксютушку увидѣлъ въ первый разъ;
 Тутъ все мое лицо какъ съ-пьяну загорѣло,
 А сердце у меня зануло, засвербѣло,
 Во мнѣ до жилочки все ходитъ ходенѣмъ,
 Всего меня налитъ, какъ будто бы огнемъ.
 Тутъ взялъ себя за грудь, захопалъ я глазами,
 А сердце у меня пошло колотъ глазами;
 Ну, словно я его какъ ногу отжегалъ,
 Ну, знаешь, будто бы, слышь ты, перечесалъ;
 Схватило мнѣ животъ и росперло всю глотку.
 Съмъ, думалъ я, начну кропать себѣ работку,
 И къ матери ея на-завтра свахъ послалъ.
 Тутъ было дѣлу-то я хвалкой вѣротъ далъ.
 Смсоевна была, слышь, баба не прорука,
 Смекнула обо всемъ разумница-старуха;
 Ударивъ по рукамъ, мы заплили винцомъ;
 Тутъ и вриданое составили съ отцомъ;
 Купили подъ вѣнецъ на ярмонкѣ и вичку.
 Ну, думалъ, подцѣпилъ теперь я въ клѣткѣ птичку,
 И больше сталъ еще дѣлами мастерить;
 Вотъ передъ Масляной и свадьбѣ надо быть.
 Но на бѣду мою Аксюта захворала
 И, почитай, весь постъ въ постелѣ пролежала,
 А въ Свѣтлый день Христовъ Смсоевна слегла,
 Да двѣ черезъ пятакъ родная умерла;
 Хвативъ настоячки, да творожку съ сметанкой,
 Вдругъ сдѣлалась больна, охъ, какъ бишь—лихотанкой.
 Она и на Страшной прихварывала, ей!

Вот тут-то и совсѣмъ надежды я моей
 Лишился навсегда!—а батюшка Аксюши,
 Которому надуть сумбуръ какой-то въ уши,
 Меня изъ дому вонъ нарочно проводилъ,
 Невѣсту же мою другому посулилъ.

МИШУТКА.

Андрюшка-то ее сегодня поджидаетъ;
 Кажися, что онъ ей дѣвшиникъ затѣваетъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Иванычъ-дядюшка, послушай-ка меня:
 Аксинья Митревна прѣехала твоя;
 Подъ городомъ она у Марковны пристала
 И о себѣ сказать меня къ тебѣ прислала.

МИШУТКА (по некоторомъ молчаніи).

Ну, что задумался, удала голова?
 Что хлопашь буркалашь, какъ будто бы сова?
 Экъ, онъ повѣсилъ носъ и слюни разгунявилъ;
 Андрюшка-то ему подъ глотку клинъ поставилъ.
 Послушай-ка меня и за мое примись:
 Аксюшки вездѣ, какъ можно, хоронись;
 Лукавой ихъ пожри, ну много ли въ ней смаку!
 Готовся лучше, братъ, съ Архипычемъ на драку.

МИТЮХА.

Во что ни станеть мнѣ, вѣчаться имъ не дамъ,
 И деньгами заткну я глотку всѣмъ понамъ;
 А деньги, говорятъ, и камень продолжаютъ.
 Божусь, что ни одинъ ихъ попь не обвѣнчаетъ,
 Лишь только захочу; ну, а теперь пока
 Пойду Андрюшкыны пощупаю бока;
 Невѣстѣ же его я выщиплю всю косу;
 Обои мнѣ задамъ лихова перечѣсу.
 Меня не проведеть такая сатана.
 Пойдемъ скорѣй, пойдемъ, но вотъ она сама.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Прежние, Аксюта и Марсютка.

МИТЮХА (сз сторону).

Осмѣлюся, пойду—морозъ деретъ по кожѣ.
Здорово ли живешь? И не воротить рожи! (къ Аксютъ)
Аксютушка, скажи: серчаешь на меня?
Да что тебѣ, мой свѣтъ, потѣха что ли я?
Скажи-ка, почему меня ты за носъ водишь,
Зачѣмъ прѣехала, какой подвохъ подводишь
Своимъ прѣездомъ мнѣ?... Тебѣ Андрюшка милъ.
Да хуже ль я его, чѣмъ я тебѣ постылъ?

АКСЮТА.

Прѣехала сюда не по своей я волѣ:
Мнѣ батюшка велѣлъ.

МИТЮХА.

Чего мнѣ слушать болѣ.
Съ тобой не сговоришь: мнѣ батюшка велѣлъ!
Андрюшка бестія, каналья, воръ, пострѣлъ!
Да что жъ ты, дѣвушка, о чемъ ты впрямъ хлопочешь?
Иль батюшкой своимъ ты отвергѣться хочешь?
Вить стоптъ чумакамъ подцѣннутъ только мнѣ,
То бачку твоего вколотятъ въ гробъ они.

АКСЮТА.

Вить батюшка съ тобой посуломъ не связался,
И выдать за тебя меня не обѣщался;
Такъ колотятъ его за что же чумакамъ?

МИТЮХА.

Молчи же, не серчай! бѣжить Андрюшка къ намъ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Прежние и Андрюшка.

АНДРЮШКА.

Аксюта милая, невѣста дорогая,
Свѣтъ красно-солнушко, жемчужинка златая!
Здорово, лапушка, какъ можешь, какъ живешь?

МИТЮХА. *(съ сторону).*

Андрюшка этотъ мнѣ вездѣ какъ вострый ножъ!

АНДРЮШКА.

Ну, что твой батюшка?

МИТЮХА *(съ сторону).*

Вездѣ мнѣ помѣшаетъ.

АНДРЮШКА *(съ сторону).*

Да что-жъ она молчать и мнѣ не отвѣчаетъ?

(Аксютъ)

Ну, знаешь, ягода, что завтра къ ямщикамъ
На драку мы пойдемъ; и вотъ те по рукамъ,
Что шапку отниму тебѣ на подзатыльникъ,
Коль попадется мнѣ какой нарядной шильникъ.
А тамъ за свадьбу веселенькимъ пиромъ,
И заживемъ съ тобой, касаточка, домкомъ.

АКСЮТА.

Тому-то не бывать, вѣнчаться я не стану;
Я лучше удавлюсь, зарѣжусь, въ воду спряну,
Я лучше въ монастырь въ монахини пойду.

АНДРЮШКА.

А какъ бы не бывать? Я силой поведу!

АКСЮТА.

О, нѣтъ, соколикъ мой! напрасно ты хлопочешь;
Я чаю, мало ли чего ты, вѣрно, хочешь,
Да, лихъ, я не хочу—разчухалъ-ли, мой свѣтъ?

АНДРЮШКА.

Не хочешь?

АКСЮТА.

Не хочу!

АНДРЮШКА.

Не хочешь?

АКОУТА.

Таки вѣтъ!

Хошь тресни, а твоей не буду я женою;
Уйду отсель и быть я не хочу съ тобою! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Митюха, Андриушка и Мишутка.

АНДРИУШКА (по некоторомъ молчаніи).

Ну, вѣтъ, въ напрасную ломается она,
Я сдѣлаюсь хоть съ кѣмъ, хоть будь самъ сатана.

МИТЮХА.

А что бы сдѣлалъ ты?

АНДРИУШКА.

То сдѣлаю, что нада.

Ну, дѣвушка ужъ хватъ! проклятая досада!
Молчи же, я ее какъ вора захвачу,
Женюся силою, и все ей заплачу.
Ужъ обвиняюся хоть волей, хоть неволей,
И хвостъ ей попржему, тово-вова, поболѣ.

МИТЮХА.

Не горячись, тебѣ здѣсь воли не дадутъ.
Хоть лакомой ты котъ, да лапкн отшибутъ.

АНДРИУШКА.

Кто лапкн отшибеть?

МИТЮХА.

Хоть мы.

АНДРИУШКА.

Ты?

МИТЮХА.

Кулаками!

Я вижу, ты востѣръ, да сами мы съ усами.

АНДРЮШКА.

Потише, свѣтикъ мой; да, знать, ты хочешь самъ
Жениться, братъ, на ней; ну, ну, скажи-ка намъ!

МЯТЮХА.

Чего жъ тутъ спрашивать, вѣтъ ты смекаешь дѣломъ;
Топнехонько безъ ней мнѣ жить на свѣтѣ бѣломъ.

АНДРЮШКА.

Послушай же меня, мы завтра поутру
Пойдемъ на драку, и коль те не понутру,
Чтобъ я оставилъ васъ, то эдакъ не бѣйся
И свадьбѣ не мѣшать ты нашей побожися,
Коль не захоглыгъ раззору кабаковъ.
Сейчасъ же уведу домой всѣхъ батраковъ,
Которыхъ-было далъ тебѣ я на подмогу,
Повѣрь мнѣ, я не лгу, ну право, ну ей-богу!

МЯТЮХА.

Помоги, братъ, твоей Аксютой не куплю,
Но кину, слышь ты, всѣмъ на брата по рублю,
Такъ я и безъ твоихъ управлюсь съ дѣлымъ ямомъ;
Меня не проведешь никонимъ ты обманомъ.

АНДРЮШКА.

Коль такъ, не пособлю ужъ я тебѣ ни въ чемъ;
Пойду и все теперь поставлю кверху дномъ
И подыму противъ тебя всю братью нашу.
Покинешъ всѣ тебя... (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Мятюха и Мишутка.

МИШУТКА.

Ну, заварилъ ты кашу!
Что-бы намъ расхлебать!

МЯТЮХА.

Сказалъ: не допущу
Идти имъ подъ вѣнецъ—и будетъ, что хочю!
А ужъ Аксютушку навѣрно уломаю;
Послушаетъ меня, за то я отвѣчаю.

(Конецъ перваго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Андрюшка, Елисей, Парамошка и цѣловальники.

АНДРЮШКА.

Ну, дядя Елисей, сосѣдъ мой дорогой!
Впослѣдній для тебя вступилъ сюда ногой
И коль повѣренной еще не перестанетъ
Со мною зацѣпясь, безъ драки не отстанетъ,
То я ему задамъ, слышь ты, лихой трезвонъ.

ЕЛИСЕЙ.

На сходкѣ отвѣчать предъ міромъ будетъ онъ
Коль Аксютушка въ твоей не будетъ волкъ.

АНДРЮШКА.

И говорить, кажись, объ ней не надо болѣ;
Вѣдь не въ охоту я хочу вѣнчаться съ ней;
Да я бы волю далъ хоть удавиться ей,
Коль бы не хотѣлъ Митюшкиной насады.
Такъ, други, не стерплю я эдакой досады;
Повѣренному я женюсь на ней на зло,
И завтра-жъ къ утру поѣду на село.
Онъ хочетъ барствовать межъ насъ, мои родные,
Онъ думаетъ, что мы его всѣ крѣпостные.

ПАРАМОШКА.

Онъ правду говоритъ, скажу, ребята, вамъ.
Не можетъ быть для насъ Архипычъ даже самъ
Опасенъ такъ, какъ тотъ, кто здѣсь хвостомъ виляетъ,
А тамъ и силою, глядишь ты, напираетъ.

ЕЛИСЕЙ.

Да если на селѣ, гдѣ старосты одни,
А работящихъ нѣтъ, такъ (думаю) они
Помѣщику и въ вѣкъ оброку не дадутъ;
Безъ матки дѣтушекъ всегда болячки жгутъ.

АНДРЮШКА.

Или, тово-вона, ты хочешь, братъ, сказать,
Чтобъ намъ боариномъ Митюху признавать?

ЕЛИСЕЙ.

Не то смекаешь ты; я говорю: Митюха
 Къ намъ прежде самъ прильнулъ, какъ будто къ меду муха.
 Теперь же хочется, ты вѣдаешь, ему,
 Чтобы въ чередъ и мы лѣгнелися къ нему.
 Но ежели еще чужариться онъ станетъ,
 То, вѣрь мнѣ, пропадетъ, какъ словно въ воду канетъ.
 Охулки эдакой, какъ хопъ, не потерплю
 И первый отъ него съ своими отступлю.

АНДРЮШКА.

А я тожъ потакать ему ни въ чемъ не стану,
 И слѣдомъ за тобой, тово-вона, отстану.

НАРАМОШКА.

Ребятунки, вѣшние: идетъ Митюха къ намъ.

ЯВЛЕНЕ ВТОРОЕ.

Презнiе и Митюха.

МИТЮХА (не видя Андрюшки).

Вы здѣсь всѣ собрались; я вѣсточку подамъ
 Для насъ нерадошну; скажу я въ осторожку,
 Что нашей силушки сбываетъ по немножку.
 Андрей....

АНДРЮШКА.

Ты хочешь, братъ, меня что-ль провести?
 Ты хочешь на меня бѣду свою взнести.
 Да нѣтъ-лихъ, здѣсь давно про нашу схватку знаютъ.
 Дивлюся, что они тебя не повѣдаютъ.

ЕЛИСЕЙ.

Не кинемъ мы его, коль онъ пособитъ намъ
 Безъ земскихъ усмирить грабежъ по кабакамъ,
 Когда онъ намъ еще разочикъ помирволитъ,
 А впрочемъ, что онъ самъ, какъ знаетъ, такъ изволитъ.

МИТЮХА.

Я вижу, пыль въ глаза ты хочешь мнѣ пустить.

ЕЛИСЕЙ.

Нѣтъ, я хочу тебѣ всѣмъ міромъ заявить,
Чтобы съ Андрюшкою, какъ хошь, ты замирился
И уступить ему невѣсту согласился.

МИТЮХА.

Напрасно силитесь вы устрашать меня;
Ихъ свадьбѣ не бывать, въ томъ побожуся я.

ПАРАМОШКА.

Эй, говорятъ тебѣ, держи вострѣе ухо,
И лучше замиришь ты поскорѣй съ Андрюхой.
Вѣдь это для тебя-жъ, а намъ такъ все равно.

МИТЮХА.

Да, плутни-то твои смекаю я давно;
Мнѣ васъ не надобно, есть батраки со мною.

ЕЛНОВЪ.

Митюха, смилуйся хоть надъ самимъ собою,
Иль разойдемся всѣ отсюда какъ разъ.
Ну, что ты сдѣлаешь тогда одинъ безъ насъ:
Вить ямщики тебѣ и ребра поломають.

МИТЮХА.

Да эти пустяки меня не испугаютъ!
Хотите, вижу я, вы на попятной дворъ,
А виновать во всемъ Андрюшка—шельма, воръ.
Все это онъ, злодѣй, одинъ накуралесилъ.
О! еслибы я могъ, то я-бъ его повѣсилъ!
Оставьте насъ однихъ, когда хотите вы,
Чтобъ старшей не было надъ вами головы.
Валите черезъ пень, безмозглые, колоду,
Побейте вы меня Архипичу въ угоду;
Коль хочется изъ васъ кому пяти рублей,
Тотъ подойди ко мнѣ и скулы мнѣ разбей.
Женихъ Асютушкинъ! ступай, дерись со мною,
Но коль я живъ—она не будетъ за тобою.

АНДРЮШКА.

Митюха! долго, братъ, я слушалъ и терпѣлъ
 И долго на тебя сквозь пальчики смотрѣлъ.
 Я время дагъ тебѣ и смалчивалъ нарочно,
 Когда меня бранилъ ты, братъ, преузорочно.
 Теперь моя, слышь ты, настала череда.
 Я вижу, ты привыкъ ругаться навсегда;
 Спасибо, не хочу здѣсь оставаться долѣ.
 Приходить не въ тернѣжъ, мнѣ мочи нѣту болѣ.
 Пойду отсель; но вѣрь, безъ помощи моей
 Какъ разъ найдешь конецъ головушкѣ своей....
 (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Презаніе, кромѣ Андрюшки.

НАРАМОШКА.

И намъ, родимые, здѣсь неча оставаться;
 Намъ съ этимъ дуракомъ и въ вѣкъ не уломаться.
 Онъ вѣрнью бѣду ужъ самъ себѣ избралъ;
 Уйдемте отъ него; чтобъ чортъ его побралъ!
 (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИШУТКА.

Ну, я не видывалъ еще такова вора,
 Каковъ Андрей! и ты съ нимъ одного провора;
 Неужели тебя не можно упросить?

МИТЮХА.

Ну, что-жъ еще, болванъ, ты сталъ меня учить,
 И можешь упрекать.—Андрюшки что-ль боишься?
 Ну, такъ оставь меня и къ чорту провалися.

МИШУТКА.

За что-жъ серчаешь ты, коль хопъ—я замолчу.
 Вить кажется, тебѣ-жъ я добраго хочу;
 Тебѣ же сослужить хотѣлъ я, вѣдашь, службу,
 И докажу тебѣ мою, коль хочешь, дружбу.
 Идешь на драку ты, и я иду съ тобой;
 И всюду я готовъ хотъ въ омутъ головой.

МИТЮХА (*обнимая его*).

Спасибо, братъ, тебѣ за это; обойдемся.
 О чемъ намъ унывать, когда мы обойдемся
 Безъ цѣловальниковъ, безъ этихъ дураковъ;
 Да ни котораго изъ нашихъ батраковъ
 Я и безъ нихъ не дамъ Архипичу въ обиду.
 Ужъ я его турну, лишь только въ драку выду.
 Вить не оставитъ насъ съ работниками, братъ,
 Терѣшка-куманекъ, да дядюшка Панкратъ;
 Еще-жъ дьячекъ Антропъ намъ также будетъ вѣреть,
 А этотъ-то одинъ везетъ, какъ доброй мерникъ,
 Да два племянника: Иванычъ да Фадей;
 А въ драгѣ-то Иванъ большой руки злодѣй!
 Еще-жъ всѣ, почитай, Вагдайски горожане.
 Ну, а у этихъ, братъ, буяны на буянѣ,
 И гонить-то буянъ; ужъ то-то удалцы,
 Кого ни поверни, всѣ выдутъ молодцы!
 Вить мало ли начель; и такъ, когда сберемъ
 Всѣхъ нашихъ-то бойцовъ—да какъ имъ поднесемъ
 По доброй кружечкѣ хотъ травнику, хотъ водки,
 Такъ и останемся безъ всякой мы заботки.
 Милыя! слушай-ка, пожалуста сходи,
 Аксютушки моей вездѣ ты погляди;
 А ежели найдешь, ей въ ножки повалися,
 Прощенія у ней проси мнѣ, и божися,
 Что я, даскать, ни въ чемъ не виновать предъ ней,
 Что, даскать, виновать во всемъ пострѣлъ Андрей;
 Проси, чтобъ на меня она не осерчалась;
 Проси, чтобы со мной, какъ можно, повидалась;
 Скажи, что безъ нея на свѣтѣ тошно жить.
 Поди, меня-ль она захочетъ погубить?

МИШУТКА.

Изволь, все сдѣлаю; тебѣ то общаю,
 И разомъ я ее, какъ надо; уломаю.....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Митюха и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Иванычъ дядюшка.

МИТЮХА.

Что надо? говори....

ГОРОЖАНИНЪ.

Достались въ руки намъ изрядны хобары.
 Мы Зимогорьевца сейчасъ заплонили,
 Ботораго вонъ тамъ въ оржаньи захватили.
 Онъ-было на межѣ засѣлъ, слышь ты, въ кусты,
 Чтобъ насъ поосмотрѣть порядкомъ, вѣдашь ты;
 Да-лихъ, не удалось, оно не такъ-то было.
 Не знаю подѣ животъ его знать подхватило,
 Да только громко онъ, ты вѣдашь, застоналъ,
 А дядя это твой тотчасъ и услышалъ
 И притаялся самъ; спустя минуточку срокомъ,
 Онъ какъ-то и опять, знаешь, крикнулъ ненарокомъ,
 А дядя на голосъ и цапъ-царапъ его,
 И насъ поделикнулъ всѣхъ, ужъ тутъ-то мы его
 Приструнили путемъ; какъ надо доспросили;
 Мужикъ-то хворой былъ, а то-объ мы пуще били.
 Вить хорошо, что онъ былъ, вѣдашь, нездоровъ.

МИТЮХА.

Ну, чтѣ-жъ онъ говорить?

ГОРОЖАНИНЪ.

Что онъ изъ ундеровъ,
 Еще на Масляной въ отставку отпросился,
 Да въ Зимогорьевѣ у брата поселился;
 Отъ этого за нихъ теперя и стоять.
 Смекалъ было онъ то, что нашихъ оглядять.
 Вотъ все, что знаю я, но наши половые
 Узнали отъ него всѣ замыслы дурные,
 И чаю, что сюда его приволокутъ.

МИТЮХА.

Зови же всѣхъ сюда.

ГОРОЖАНИНЪ.

Да вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Митюха и половые.

МИТЮХА.

Что вы, ребята, такъ на складѣ присудили:
 Чтобъ мы пошли впередъ, или чтобъ отступили
 Назадъ отъ ямщиновъ?

половой.

Гадали такъ и сякъ,
Хоть много думали, но вышло все пустякъ.
Гутарили, чтобъ намъ, полуночной порою
Плотину разломавъ, остаться за рѣкою,
Что-бъ должно ямщикамъ пуститься было вплавъ;
Да ундерь, обо всемъ какъ надо рассказавъ,
Другую думу далъ; намъ стыдно ихъ бояться!
Не за рѣкой сидѣть, а надобно подраться.

МИТЮХА.

А что такое онъ мудреное открылъ?

половой.

Присяжнаго слова Архипичъ подтвердилъ,
Поставивши тебя всей свалки головою;
Вестъ ссору завсегда божился онъ съ тобою,
Доколы твоихъ костей и ребръ не перечесть,
Доколы губъ, и зубъ, и скулы не разобьетъ,
А чтобъ острастку дать, то не съ другаго слова
Калыкаль мало ли что про тебя дурнова.
Гуляка-молодецъ, извожникъ Андреянъ,
Который въ ту пору какъ стелька, вишь, былъ пьянъ,
Далъ слово, почитай предъ цѣлымъ, вѣдашь, ямомъ,
Что притащить тебя къ Архипичу арканомъ.
Неужели терпѣть намъ экой ихъ задоръ?

МИТЮХА.

Чего жъ и ждать отъ нихъ, гдѣ все на воръ воръ!
Но вѣтъ, братъ, на арканъ, небось, не попадуся.
Я земскому суду бумагой покловюся,
Такъ онъ и пришлетъ къ намъ десятка два солдатъ,
А мнѣ исправникъ-то, слышь ты, не супостатъ.

половой.

Экъ хорохоришься на нихъ ты по пустому;
Въ Макарьѣ на торгу такова я содому
На рынкѣ не видалъ; хоть плохо намъ во всемъ,
Да такъ уже и быть—на драку мы пойдёмъ.
Съ тобой все трень-трава, все пустяки, все враки!

МИТЮХА.

Ай да ребяташки! готовьтеса вы къ дракѣ,
Сберитесь поскорѣй вонъ тамъ за бугоркомъ,
И какъ поправитесь, подайте знакъ свисткомъ.

(Половые уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИТЮХА.

Теперь пойду-ка я Аксюту пошуняю;
Но вотъ она идетъ, что дѣлать—я не знаю.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Прежніе, Аксюта и Мароутка.

АКСЮТА.

Насилу я къ тебѣ, Митюха, добрела.
Повѣришь ли, какъ я испугана была;
Лишь я пришла домой, а мнѣ вдругъ ваши бають,
Что цѣловальники тебя всѣ покидаютъ,
Что долженъ ты идти одинъ на цѣлой ямъ.
Мнѣ вѣрить ли тому, скажи теперь ты самъ?

МИТЮХА.

Да, эта вѣсточка, Аксюта, справедлива.
Не ждалъ я николи и самъ такого дива;
Вдругъ цѣловальники всѣ сблизя съ пахвей,
А дѣлу голова—твой женшокъ Андрей!
Ужъ экой есть ли гдѣ прятманной дѣтина!
Ну, то-то, слышь, буанъ, ужъ добрая скотина,
И пьяница-то онъ, набойчатой дуракъ!
Да что, и безъ него мнѣ все, слышь, пустарнакъ,
И безъ него пойду на цѣло Зимогорье;
Лишь то, Аксютушка, важись, мнѣ только горе,
Что ты, бѣлянуска, не любишь, знать, меня.
Ахъ свѣтикъ ты мой, свѣтъ, касаточка моя!
Когда ты на меня свои прищуряешь глазки,
Иль какъ-нибудь меня когда давнешь изъ ласки,
По сердцу у меня мурашки и пойдутъ;
Ну, словно вклятомъ меня какъ обдадутъ.
Какая-бъ ни была, пройдетъ кручина люта.
Да взглянь же на меня, голубушка Аксюта,
Хоть глазиномъ однимъ, и горе все пройдетъ.
Твой взглядъ мнѣ бодрости и смѣлости даетъ;
Да за тебя, важись, хоть съ вѣмъ я подеруся!

АКСЮТА.

Митюха, свѣтъкъ мой! ну, право, я боюся,
 Что ты учнешь одинъ противу ямщиковъ.
 Навѣрно будешь ты безъ ребръ и безъ зубовъ.
 Послушайся меня, не затѣвай содома,
 Мирись съ зрителемъ, останься лучше дома.
 Да нѣтъ, коль ты уйдешь домой, такъ ямщики
 Всю брагу перепьютъ, разграбятъ кабаки,
 Да и того, кажись, еще имъ будетъ мало.
 Всѣхъ цѣловальниковъ сюда я созвала,
 Они придуть...

МИТЮХА.

Отъ нихъ что-жъ хочешь ты?

АКСЮТА.

Не знаю;

Но чтобъ спасти тебя, завовъ, зарыдаю;
 Пусть виноватою предъ ними буду я...
 Но вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Премнѣе, Андрюшка, Елисей, Парамошка и цѣловальники.

АКСЮТА.

Родимые друзья!
 Послушайте меня; сказать по правдѣ-матѣй,
 Одна виновна я въ случившейся здѣсь скватѣй.
 Готова я за то побой принимать.
 Вы драться станете, а я васъ увѣрять,
 Что не хочу никакъ съ Андрюшкою вѣнчаться!
 Иль за Митюхой быть, иль дѣвкой оставаться!
 Божусь вамъ, что и я поставлю на своемъ.

АНДРЮШКА.

Иль только ты сюда звала меня затѣмъ,
 Чтобы, тово-вона, ругаться надо мною?

АКСЮТА.

Не буду никогда, Андрей, я за тобою:
 Митюха мой женихъ, не то, такъ я божусь,
 Что въ монастырь пойду, не то такъ удавлюсь!

АНДРЮШКА.

Коль хочешь ты, чтобъ я севодни же съ Митюхой
Мирился дружески, такъ ты меня послухай.
Въ послѣдній разъ тебѣ, Аксюта, говорю.

ЕЛИСЕЙ.

Послушай, можетъ быть, я васъ и помирю.
Послушайте меня, сказать вамъ правду-матку,
Я знаю всѣ дѣла, какъ надо по порядку,
И вамъ повѣрять мнѣ, кажися, что не грѣхъ.
Мнѣ гѣтъ за семьдесятъ, а старѣ васъ всѣхъ,
И свѣту, и людей видалъ ужъ я довольно.
Бывало плохо мнѣ, бывало и привольно,
Я все отвѣдывалъ, и солоно хлебалъ,
Глоталъ и горькое, и сладкое ѣдалъ.
Ну, слѣдственно моимъ словамъ повѣрять можно.
И такъ, послушайте, сперва сказать вамъ должно,
Что я, кажися мнѣ, хоть и не такъ смѣшленъ,
Однако знаю все и грамотѣ ученъ,
Читалъ я и Бову, читалъ и Еруслана,
Читалъ исторію я Смураго Кафтана,
И Ваньку Каина, Петра Златыхъ Ключей,
И мало ли еще, вить много драги сей.
Когда мы въ Петербургъ съ мукою прѣзжали,
Видалъ въ театрѣ я, какъ и комель ломали
Какого-то царя, прозванье позабылъ;
Хоть много я читалъ, хоть и въ театрѣ былъ,
Но ни въ одной еще того не встрѣтилъ сказкѣ,
Чтобъ ссорились свои за дѣвушкины глазки
Тогда, какъ надобно идти въ сраженье имъ;
Чтобы къ богатырямъ или царямъ какимъ
Возили на войну невѣсть чтобы вѣнчаться.
А дѣвкамъ не въ свое не надобно мѣшаться.
Вить какъ придуть онѣ, завоютъ, заревуть,
Такъ вотъ тебѣ и блинъ, и слезки потекутъ.
Чему быть доброму, коль на войнѣ невѣста?
Вить тамъ, гдѣ бьютъ людей, дѣвшинникъ не у мѣста!
А ежели къ кому хоть и жена придетъ,
Чего и быть нельзя—такъ то произойдетъ:
Разрумятся, свой долгъ въ неволю позабудетъ;
Кто съ бабой свяжется, тотъ бабою самъ будетъ.
И чай, иной готовъ такую басню слысть,
Такія чудеса, гляди, и въ книгахъ есть!
И такъ, Аксюташка, то хоть тебѣ не нрався,
Оглобли поверни, да и домой отправся,
И этимъ откупъ весь ты отъ бѣды спасешь
И прибыли намъ всѣмъ не мало принесешь.

МИТЮХА (*съ сторону*).

Видишь что нагородили, поди ты, ихъ послушай!
Вѣдь вонъ что говорить—разжуй ты ихъ, раскушай!

ПАРАМОШКА.

Ну, нѣтъ; намъ, видно, ихъ и въ годъ не уломать
Не лучше-ль къ ямщикамъ за мировой послать?

АНДРЮШКА.

Аксюта, я тебѣ вить кланяться не стану;
Не честію тебя, такъ силою достану,
И ежели нейдешь со мною ты къ вѣнцу,
То къ твоему сейчасъ поѣду я отцу.
Тово-вона оно, я на тебя пожалюсь,
Ужъ больше надъ тобой, негодная, не скажусь,
И съ батюшкой твоимъ, хоть завтрешнимъ же днемъ,
Мы розгами тебѣ всю спину издеремъ;
Закатимъ съ нимъ тебѣ порядочную взварку;
Завоешь у меня ты матушку-сударку.
Я, знаешь, тебѣ задамъ, запомнишь ты меня,
Не то—такъ и кнудомъ....

АКСЮТА (*съ сторону*).

Ахти, бѣда моя!

Вить батюшка сердить, тотчасъ мнѣ спустить шкуру!
Видалъ-ли кто-нибудь подобную мнѣ дуру!
Ну, накачала я теперь себѣ бѣду;
Нѣтъ, лучше за него я, такъ и быть, пойду,
Чѣмъ оную терпѣть притоманную муку.
Согласна я на все; давай, Андрюшка, руку.

МИТЮХА (*останавливая ее*).

Ахти! что дѣлаешь—скажи?

АКСЮТА.

То, что велать;
Спина-то вить моя, а кнудъ не свой мнѣ братъ!

АНДРЮШКА (*схватъ ее руку*).

Ну, ну, Аксютушка, теперь тебя прощаю;
Забудемъ обо всемъ; а я ужъ общаю,

Коль поживешь со мной—полюбишь ты меня.
 О дракъ должно намъ потолковать, друзья!
 Доселева я былъ какъ будто чѣмъ-то связанъ;
 Теперь же я готовъ все сдѣлать, что обязанъ,
 Вить съ нею подъ вѣнецъ пойду хоть завтра-жъ я.

МИТЮХА (*кидается на Андрюшку*).

Андрюшка бестія, мошенникъ, воръ, свинья!
 Слышь, свадьбѣ не бывать! Ты знаешь ли, что время?
 Пойдешь къ вѣнцу тогда, коли меня побьешь.

ЕЛИСЕЙ (*удерживая его*).

Ты въ рукавицу, братъ, запряталъ три алтына.

МИТЮХА (*отрывается*).

Хоть четверть онъ положь!

АКСЮТА (*кидается между ними*).

Не надо и полтины.
 За мужа постою головешкой моей! (*Митюхъ*)
 Коль хочешь бить его, меня сперва побей;
 На, въ маковку стучи, коль есть въ тебѣ досуга.

АНДРЮШКА.

Сѣмъ, мы побережемъ, повѣренной, другъ друга.
 Ты вспомни, должно намъ идти на ямщиковъ,
 Коли не захотѣлъ раззору кабаковъ;
 Докажемъ мы, кажишь, на дракъ по неволѣ—
 Заслужитъ кто изъ насъ мою невесту болѣ.

(*Уводитъ Аксюту и естъ за ними слѣдуютъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИТЮХА (*смотря вслѣдъ за ними*).

Аксютушку ему дозволилъ я отвезть;
 Ну, эдакая мнѣ приходитъ нынѣ честь! (*Мишуткѣ*)
 За что-жъ мнѣ потакнуть Аксюту не хотѣла,
 Скажи, за что она меня не пожалѣла?
 Или какой, скажи, имѣю я порокъ?
 Бѣда, безчестье мнѣ! Но слышу я свистокъ...

(*Слышитъ за кулисами свистъ*).

МИШУТКА.

Да, это поданъ знаеъ, что все готово къ бою.
Митюха, побѣжимъ скорѣй туда съ тобою.

МИТЮХА.

Насилу-то пришелъ послѣдній къ драгѣ часъ.
Вѣрь мнѣ, Архипчѣ скручу я самъ какъ разъ;
Не побоюсь я и даже Андреевна,
Лишь только-бъ удалось гдѣ встрѣтить мнѣ буяна.
Но въ драгѣ не могу ничѣмъ располагать.
Мнѣ тошно, тошно такъ, что и нельзя сказать,
Какъ словно, слышь ты, я обожрался селеден.
Мишутка, встань-ка, братъ, ты за меня въ середкѣ,
Какъ въ драку мы поидемъ, надѣнь ты мой армякъ.

МИШУТКА.

Зачѣмъ?

МИТЮХА.

Я знаю все; вотъ-на тебѣ кушакъ,
Вотъ шляпа, вотъ тебѣ мои и рукавицы;
Вить благо, что у насъ съ тобою сходны лица,
Не всякой можетъ насъ на взглядъ вдругъ распознать,
И будетъ трудно имъ тебя, слышь ты, узнать.

МИШУТКА.

А, а! теперича смекаю дѣломъ кроху:
Бояшься ты—отъ нихъ чтобъ не было подвоху.

МИТЮХА.

Да, такъ, братъ, угадалъ; а то Андрюшка хватъ
Для удали такой! вотъ-на тебѣ и платъ.
Ты отъ меня имъ, слышь, Аксютѣ поклонися,
Что я ее люблю, какъ можно—побожися.

(За кулисами свистъ).

Впослѣдній голосъ намъ, слышь, подають свистомъ;
Теперича скорѣй на драку мы поидемъ.

(Конецъ втораго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Аксюта и Марфутка.

АКСЮТА.

Что далѣе бѣжать? Дай мнѣ собраться съ силой.
И такъ ужъ потъ съ меня течетъ, какъ словно мыло.
Или здѣсь станемъ ждать мы лучше ямщиковъ,
Чтобъ не одинъ пришелъ Митюха безъ зубовъ,
Чтобъ мнѣ досталось, чтобы меня побили,
И чтобы мнѣ за все порядкомъ оплатили.

МАРФУТКА.

Ахъ, лебедь, нѣтъ спина и у тебя свербитъ,
Иль наша не взяла?....

АКСЮТА.

О томъ все говорить,
Что намъ досталось; крикъ нашихъ раздается,
И плохо, плохо намъ, мнѣ на сердцѣ сдается.

МАРФУТКА.

И мнѣ то-жъ чуеться, ну право, ну ей-ей!

АКСЮТА.

Ахти! ужъ не видать мнѣ больше ясныхъ дней.

МАРФУТКА.

Ты подъ вѣнецъ идти дала напрасно слово,
Нельзя-ль его назадъ, Аксютушка, взять снова?

АКСЮТА.

Лукавой спуталъ грѣхъ Митюху моего,
И виновата я безчестію его.

МАРФУТКА.

И, дѣвка! можешь ли виною то назваться,
Когда болгась ты побоямъ подвергаться?

АКСЮТА.

Теперь я въ монастырь навѣрное пойду;
Знать, мнѣ написано то было на роду.

МАРФУТКА.

Я вижу горожанъ и половой вашъ съ ними.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣже, половой и горожане.

АКСЮТА.

Авось хоть крохотку порадуясь съ своимн.
Скажи, пожалуй, мнѣ, соколъ мой ясной-свѣтъ!
Насъ Зимогорьевцы побили или нѣтъ?

половой.

Не плачь, Аксютушка! Валдайцы, знашь, пируютъ;
Архипычъ и весь ямъ во всѣ лопатки дуютъ.

АКСЮТА (съ восторгомъ).

О, нижній земскій судъ! ты насъ навѣрно спасъ!
Знать, надобно за что ты не оставилъ насъ,
Валдайцевъ сохранилъ командою своею,
Которую прислалъ; теперь я думать смѣю,
Что дѣлъ Митюшинька соколъ, голубчикъ мой,
Что онъ избавился извошничьихъ побой;
Теперь и кабаки и все осталось дѣло.
Да расскажи, мой свѣтъ, какъ было это дѣло,
Какъ драва началась, и все что было тутъ.

половой.

Отъ пагубы спасалъ насъ нижній земскій судъ.
Что можетъ устоять противъ команды штатной,
И кто въ тюрьму попасть захочетъ безвозвратно?
Исправникъ къ намъ прислалъ одиннадцать солдатъ,
А ундеръ съ ними былъ такой дородной хватъ!
Хоть съ нами обошлись они сперва сиѣсиво,
Но какъ поставили мы имъ ушатикъ пива,
Вина, да пирожковъ, да воденъ сладкой штофъ,
То ундеръ-то и сталъ не такъ уже суровъ;
А какъ они ведро вина попростали,

Какъ накатились, словоохотны стали.
 На драку Елисей ихъ шуткой пригласилъ;
 Они кобенялись; не долго онъ просидъ;
 Ну, всякой тутъ въ свои садился, вѣдашь, сани.
 Собравшись въ кучку тутъ, всё наши горожане
 Пошли какъ разъ туда, гдѣ были ямщики,
 Точили зубы всё, вострили кулаки;
 Идемъ.... и вдругъ на насъ съ пескомъ каменье въ куча.
 Ну, такъ вотъ и валить, какъ въ непогоду туча.
 Но мы межъ тѣмъ шагкомъ идемъ себѣ впередъ,
 А вихорь по горамъ такъ, слышь ты, и реветъ.
 Вотъ мы и рядучкомъ стѣснились въ плотную
 И кто во что гораздъ запѣли плясовую,
 Идемъ.... и съ нами вдругъ тутъ куча ихъ сперлась,
 Раздался страшный крикъ и свалка началась.
 Удамы ихъ бойцы къ намъ кинулись въ средину;
 Вотъ тутъ-то и пошло: кто въ носъ, кто въ бокъ, кто въ спину.
 Какъ будто коршунъ злой на воробье въ летитъ,
 Ну, словно такъ какъ вихрь когда въ дуло свиститъ
 И съ дуба жолуди и листья обиваетъ
 И сучья внизу гнетъ и вѣточки ломаетъ,
 Такъ точно удалцы Ермигъ да Андреянъ
 Кидаются на насъ и дѣлаютъ изъяснъ;
 И взадъ ихъ и впередъ валятся наши шапки,
 Какъ съ кону городки, иль какъ бы словно бабки.
 И много повалять имъ нашихъ удалось!
 Какъ съ граду иль съ дождя поляжется овесъ,
 Такъ наши удалцы, знашь, по травѣ лежали;
 Иные плакали, другіе верещали,
 Которые ползли на четверенькахъ прочь,
 А тѣ еще дрались, въ комъ оставалась мочь,
 Покудова и ихъ не съѣздили подъ вздохи.
 Тамъ слышались вездѣ побранки лишь да окли;
 А пьяной Елисей, чтобъ нашихъ удержать,
 Хотѣлъ было съ дѣтьми намъ удалъ показать,
 И всё шесть сыновей въ глазахъ его свалились:
 Тутъ ноги у него едва не подкосились;
 Но онъ поправился, въ кулачной бой пошелъ,
 И вѣрно бы себѣ такой-же срамъ нашелъ,
 Коль не поспѣли-бъ къ намъ два наши на подмогу,
 Которы насъ свели на чистую дорогу:
 Одинъ изъ нихъ Антропъ, приходской нашъ дьячокъ;
 Мужикъ онъ умица, мошенникъ и врючокъ,
 Онъ изъ бойцовъ боецъ, извѣстный запивоха;
 Да вить ему съ родни Митюха и Терѣха.
 Онъ страхъ плечистъ, здоровъ, высокъ, и толстъ и смѣлъ,
 Превзрачной молодецъ, красивъ собой, пострѣгъ!
 Ермила онъ задралъ, и вышелъ съ нимъ на драку,
 И было хвацкую ему далъ перебаку.

Ермиль-то, слышь, сперва качнулъ его вкнотомъ,
 А нашъ-то вырвалъ вкнутъ, да въ зубы кулакомъ;
 А тотъ ему какъ разъ и въ волосы вцѣпился,
 Чихнулъ его въ скулу, а онъ и съ ногъ свалился.
 Свернувъ лицомъ къ землѣ, его въ загривокъ дулъ;
 Потомъ уставши, смогъ, а нашъ поотдохнулъ,
 И видить, что ему приходитъ плохо дѣломъ,
 Лежалъ, лежалъ, да какъ вернется всѣмъ онъ тѣломъ,
 Какъ дастъ ему раза; тутъ на ноги вскочилъ,
 И чуть-чуть подъ себя Ермила не свалилъ,
 Однакоже и тотъ поправился какъ должно;
 И такъ они дрались, что и сказать не можно:
 То верхъ возьметъ Ермиль, не то такъ нашъ Антропъ;
 Ермиль копытцы вверхъ, и нашъ упалъ какъ снопъ,
 Какъ пласточки лежатъ; но дрались оба смѣло,
 Изъ обонихъ руда такъ, слышь, и закипѣла.
 Но между тѣмъ идетъ вблизи кулашной бой:
 Гуляка Андреянъ и удалецъ другой,
 Который будто бы какъ съ неба къ намъ свалился,
 Съ извощкомъ какъ разъ въ плотную спохватился.

АБСЮТА.

Но кто же онъ такой, зачѣмъ сюда попалъ,
 И какъ по сю пору народъ объ немъ не знаетъ?

половой.

Да нашимъ незнакомъ онъ, слышь ты, былъ ребятамъ;
 Онъ все свое лицо укуталъ краснымъ платомъ,
 На немъ было старье рубаха и армякъ,
 И малой изъ себя не очень чтобы въ зракъ;
 Да только прытокъ онъ, пласть, связанный на рождѣ,
 Ему отличкой былъ; всѣхъ подрало по кожѣ,
 Лишь взвидѣли его; трухнулъ самъ Андреянъ,
 Хмѣль у него прошелъ, хотъ онъ былъ крѣпко пьянъ.
 Нашъ въ морду билъ его, валялъ и подъ мнентви.
 Ну, Андреянъ, такой не видывалъ ты пытки!
 Дубину тотъ свою лишь хочеть приподнять,
 А нашъ-то и учнетъ его тутъ подѣзжать;
 Вздурился Андреянъ, поднялъ свою щетину,
 И сварьнулъ далеко увѣснсту дубину;
 Шагъ десятка два назадъ онъ отступилъ
 И въ варегу свою свинчатку запустилъ.
 Зубами скрипнулъ, какъ намазана телега;
 Онъ хочеть нашего доѣхать, знашь, съ разбѣга,
 Кидается къ нему; нашъ видить то и ждетъ;
 Ужъ размахнулся онъ, ужъ въ ухо оплететъ,
 Но нашъ тутъ отъ него вдругъ на бокъ отшатнулся.

И носомъ Андреявъ такъ въ землю и уткнулся,
 А нашъ сѣлъ на него и въ прахъ его разбилъ!
 Кажись, что онъ руды корыто источилъ!
 Архипичъ дрался ужъ въ то время съ чумаками:
 Давай себя гвоздить въ мордасы кулаками!
 Съ сердцовъ, не съ трусости свистить себѣ въ зубы.
 Тѣмъ самымъ временемъ, покняввши дѣсокъ,
 Митюханы братья на нихъ пустился рысью сряду,
 И кинулись они назадъ подобно стаду
 Барановъ или свиней, бѣгущихъ отъ волковъ;
 Давай Богъ ноги! всѣ отъ вашихъ чумаковъ.
 И весь сѣнной покосъ—имъ узкая тропинка!
 Вотъ, вѣдашь ты, была и вся тебѣ причина.

АКСЮТА.

Но о Митюхѣ-то ты мнѣ не говоришь;
 Скажи, я знать хочу, скажи, къ чему томишь

половой.

Объ немъ еще никто изъ горожанъ не знаетъ,
 И это, вѣдашь ты, всѣхъ много сокрушаетъ.
 Ни онъ не сыщется, ни удаецъ другой,
 Что драку окончалъ могучею рукой.
 Здѣсь дѣловальники хотѣли всѣ собраться;
 Они сюда придуть, чтобъ вмѣстѣ постараться,
 Какъ имъ Иванмча и парня-то найти.
 Въ надеждѣ видѣть ихъ, спѣшили сюда придти.

АКСЮТА.

Пошли всѣхъ горожанъ; пойдемъ съ тобою сами,
 И станемъ разными брнчать мы голосами.
 Давай искать: авось его мы и найдемъ.

(Хочетъ идти).

Постой, сперва туда съ тобою мы пойдемъ!

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МИТЮХА.

(Одинъ, пьяный и разбитый, голова подвязана).

Никакъ я видѣлъ здѣсь голубушку Аксюту.

Да, такъ! она пошла туда сію минуту.

Нѣтъ, можетъ отъ того казалась мнѣ она,

Что я отъ хмѣлю такъ, какъ будто бы со сна.

(Садится за кустомъ).

Ну, здѣсь я отдохну, а то мнѣ не въ ногу теу;
 Заставилъ всѣхъ играть я на свою погудеу,
 За то избить и самъ, въ костяхъ пристрашной ломъ;
 Здѣсь нѣту двухъ зубовъ, здѣсь стукнулся я лбомъ;
 Рука виситъ какъ плеть, и на ногу хромаю;
 Весь словно, какъ въ мѣшкѣ; да что-то, я не знаю,
 Гдѣ Мишка мой теперь, провалъ бы его взялъ!
 О сю пору нейдетъ, знать—гдѣ онъ запропалъ.

(По некоторомъ молчаніи вынимаетъ изъ-за пазухи тшюфъ съ водкою).

Дай тягну съ гори я оставшее хмѣльное;
 Теперь, сѣмъ, всхрпану; раздолбе намъ въ покоѣ.
(Засыпаетъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Митюха спящій, Андрюшка, Елисей, цѣловальники, половые, горожане, Аскля и Марфутка; всѣ, кромѣ женщинъ, пьяны и избиты.

АНДРЮШКА.

Мнѣ сердце говорить, всегдашній мой вѣщунъ,
 Что мы найдемъ того, кто задалъ карачунъ
 Съ размаху одного ерыгѣ Андреяну,
 И кто Архипычу надѣлалъ страсть изъяну.
 Я вамъ боюсь бойца кулашнаго сего
 Принять и признавать за брата моего,
 Во всемъ къ себѣ приму его я въ половину
 Лишь только-бъ этова найти мнѣ мужичину.

ЕЛИСЕЙ.

О, еслибъ удалось увидѣть молодца,
 Во здравіе его хватилъ бы я винца.

АНДРЮШКА *(горожанамъ).*

Ребятунки! искать вездѣ его идите.

ЕЛИСЕЙ.

Но болѣе еще Иваныча ищите;
 Вы, други, вспомните, что онъ начальникъ вашъ,
 Что добрый парень онъ, заступникъ первой нашъ,
 Онъ первой выдумалъ, чтобъ намъ идти на драку,
 И много чрезъ него досталось намъ смаку
 Но вижу я, несутъ армякъ его сюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ же и нѣсколько горожанъ (*несутъ армякъ Митюшкинъ*).

АКСЮТА.

Ахъ! что съ нимъ сталося, бѣда моя, бѣда!

АНДРЕШКА.

Аксютушка!

АКСЮТА.

И слезъ моихъ тать не стану;
 Такъ! онъ не одобровалъ, я вижу по кафтану.
 Андрей! повинна я, побей кожь хоть меня,
 Но даже и тогда божиться буду я,
 Что никогда тебя, какъ мужа, не любила,
 Что за носъ я тебя, и слово давъ, водила;
 Митюху моего какъ сокола любя,
 Обманывала всѣхъ и самой себя.
 Глядѣла на него всегда какъ мышъ изъ норки....
 Ну, колоти меня, валяй на обѣ корки!

АНДРЕШКА.

Пришибежь плотно зная, какимъ онъ ямщикомъ;
 Теперьче я тебя объѣду ужъ конемъ,
 И завтра же съ тобой поутру обвѣнчаюсь;
 Ужъ будешь ты моя, за это я ручаюсь!

ЕЛИСЕЙ (*горожанину*).

Скажи-ка, братецъ, намъ, гдѣ ты его нашелъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Экъ не разчушаютъ: лежалъ другой соколъ
 Въ кафтанѣ-то ево, который, зная, подтяпалъ.
 Мишутка—это былъ, Ермиль его уляпалъ,
 Какъ драка началась; онъ весь какъ чортъ избить.
 Нашъ Парамонка съ нимъ, какъ пласть, тоже лежить,
 Безъ ногъ, безъ зубъ, безъ рукъ, съ разбитой головою.
 Насилу вымолвить словечко могъ со мною,
 Мишутка же и рта не можетъ растворить;
 Обоихъ ихъ велѣлъ я въ городъ оттащить.

МИТЮХА (*просыпаясь*).

Какъ знатно я всхрапнулъ съ устатеа и съ похмѣльа...
Пойти бы поискать Минутку отъ бездѣльа.
Охъ-ти! Зѣвается!

ЕЛИСЕЙ (*подходя къ Митюхѣ*).

Зѣваетъ кто-то тамъ!

МИТЮХА (*накрываясь платкомъ*).

Со мной тутъ кто-то есть!

ЕЛИСЕЙ (*подходя ближе*).

Такъ это онъ! онъ самъ,
Тотъ самый удалецъ, который Андреяна
Сломалъ, какъ лютой волкѣ свиный или барана.
Я узнаю его, сними же ты свой платъ,
Дай на себя взглянуть, любезный другъ и братъ,
Открой намъ голову; ну, полно, не корячься;
Скажи: кто ты таковъ, скажи же, не ортачься!
Наплакаться хочю, соколъ мой, на тебя.
Вѣтъ ты, свалыжника, буяна погубя,
Какъ мы свалился въ плотную съ ямщиками,
Миѣ сыновой оберегъ своими кулаками.
Дай на себя взглянуть хотя однимъ глазкомъ,
Хотя попотчивать дозволь себя винцомъ. (*Митюха открываетъ лицо*).
Иванычъ!

ПОЛОВОЙ.

Это онъ!

АНДРЮШКА.

Какъ зюзя пьянъ Митюха?

ДЕСЮТА.

Такъ, точно это онъ! Митюша мой!

АНДРЮШКА (*съ досадою*).

ДЕСЮХА!

МИТЮХА.

Когда бы, братъ, вина ты мнѣ не посулилъ,
То рожн-бъ я своей ни зашто не открылъ.

ВЛАСЕЙ.

Ну, такъ и обдало меня, какъ словно варомъ;
Какъ я не могъ узнать тебя по тѣмъ ударамъ,
Которы задавалъ ты давѣ ямщикамъ;
Но твой армякъ въ крови, ты весь избить и самъ.

АКСЮТА (*Марфутка*).

Ахти, Марфутушка!

МИТЮХА (*Елисею*).

Ну, что же ты хлопочешь?
Вить за меня терпѣть ты вѣрно не захочешь.

ЕЛИСЕЙ.

Да мнѣ, Митюха, жаль здоровья твоего.

МИТЮХА.

Вить не твое оно, на кой мнѣ чортъ его,
Когда ужъ не женюсь я на Аксиутѣ болѣ?
Я боленъ и здоровъ все по своей вить волѣ.
Да гдѣ Минутка мой, что онъ нейдетъ сюда?
Забудеть про меня каналья завсегда;
Скажите мнѣ объ немъ хотя одно словечко.
Такъ, знаю; говорятъ мнѣ мой вѣщунъ сердечко,
Что вѣрно въ дракъ онъ не на животь избить.
И вѣрно гдѣ-нибудь безъ памяти лежить.

АКСЮТА.

Марфутка, онъ хмѣленъ, и право я не знаю,
Идти-ли мнѣ къ нему? Разсердится онъ, чаю.

АНДРЮШКА (*съ стороны*).

Ну, эдакой какой Митюха-то силачь!
Теперь ужъ вижу я, что тертой онъ калачъ;
Казалось, я его что въ пятеро сильнѣе,

Анъ—вѣтъ-лихъ, онъ меня гораздо повострѣе.
 Мнѣ Андрейшку-то свернуть не удалось;
 А онъ его какъ разъ на всѣ на три разнесъ.
 И если захочу вѣнчаться я съ Аксютой,
 То онъ меня вернѣтъ какъ надо больно круто.
 А я вить-лихъ его побоевъ не стерплю;
 Нѣтъ, лучше я ему невѣсту уступлю.

(Подходитъ къ Митюхѣ).

Иванычъ! слушай-ка, тебя Андришка кличетъ.

МИТЮХА.

Иванычъ ужъ и такъ довольно горя мычетъ,
 А отъ кого и какъ? Все, дьяволь, отъ тебя!

АНДРЮШКА.

Да не сердись же, братъ, и выслушай меня:
 Аксюта, подь сюда, да будь повеселѣе.
 О чемъ завyla ты? Да будь же посмигѣе.
 Мы хвацкой сдѣлаемъ тотчасъ всему конецъ.
 Вотъ-на тебѣ жена, ступай съ ней подь вѣнецъ,
 А батюшка ея на это согласится,
 Лишь надобно ему сотнягой поклониться.

МИТЮХА *(обнимая Аксюту).*

Спасибо, братъ, тебѣ; ты не такой свинья
 Теперь, какъ прежде былъ!—Аксюта, ты моя!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Прежніе и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Митюха! ямщиковъ послѣднихъ доконалъ
 Твой братъ съ Терѣхой, и мнѣ онъ наказалъ
 Сказать, что ждутъ тебя собравшись горожане;
 Валдайскимъ назвали тебя съобща міране.

МИТЮХА

(поддерживаемъ Аксютою и Елисеємъ).

Сбирайтесь поскорѣй, мы всѣ туда поидемъ,
 Слышь, выпить да и ихъ попотчивать вниномъ.

(По некоторомъ молчаніи).

Но земскому суду намъ надо поклониться.

Ай, да исправникъ нашъ! нельзя имъ нахвалиться:
 Для чливыхъ онъ самъ чливъ, а для крутыхъ самъ крутъ.
 Ребята, грянемте: великъ нашъ земскій судъ!

в с ъ.

Великъ нашъ земскій судъ!

К О Н Е Ц Ъ.

Примѣчаніе. Авторъ пародіи на трагедію Озерова «Димитрій Донской», Петръ Николаевичъ Семеновъ, принадлежитъ къ числу малоизвѣстныхъ писателей начала нынѣшняго столѣтія. Кромѣ «Митюхи», онъ написалъ только небольшую оперетку «Удача отъ неудачи или приключеніе въ иудовской корчмѣ» (1818), перевелъ три піесы («Амфитріонъ», «Изступленный», «Федра») и набросалъ двѣ пародіи: на оду Державина и на «Демьянову уху» Крылова. Изъ всего этого въ печати при жизни его явились только оперетка да переводы, безъ означенія однако его имени, которое названо было впервые въ газетномъ извѣстіи о его смерти, послѣдовавшей на 41-мъ году отъ роду (28-го мая 1832 г.), и затѣмъ не упоминалось до 1861 г., когда нами былъ напечатанъ «Митюха Валдайской» въ «Библиографическихъ Запискахъ». Эту пародію Семеновъ написалъ на 20-мъ году своей жизни, въ 1810 году, и затѣмъ нѣсколько разъ перерабатывалъ ее, а въ 1826 г. даже приготовилъ для печати и передалъ М. П. Погодину для его «Московского Вѣстника», но напечатаніе піесы не было разрѣшено ценсурю. Въ 1859 г. намъ случайно попался списокъ ея, сохранившійся въ бумагахъ нѣкогда знаменитаго петербургскаго актера С. Н. Сандунова, съ которымъ Семеновъ былъ очень друженъ. Мы тогда же передали этотъ списокъ А. Н. Аванасьеву для его «Библиографическихъ Записокъ», но онъ въ томъ же году и прекратилъ, такъ что ненапечатанная рукопись была передана Аванасьевымъ новому издателю возобновленныхъ черезъ годъ «Записокъ», В. И. Касаткину, которымъ и была напечатана, но крайне небрежно, съ искаженіемъ словъ, съ пропускомъ цѣлыхъ стиховъ и даже конца одного и начала слѣдующаго явленія. Это вызвало, въ свое время, замѣчанія академика Я. Б. Грота, напечатанныя тоже въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1861 года (№ 15), и сообщившія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, такъ какъ Касаткинъ нашу поѣтку на рукописи: «изъ бумагъ С. Н. Сандунова» принялъ за означеніе имени автора и приписалъ піесу Сандунову. Не очень давно, въ одномъ изъ приобретенныхъ нами рукописныхъ сборниковъ, мы нашли новый списокъ «Митюхи Валдайской»,

съ которымъ и свѣрили прежній Сандуновскій списокъ, впрочемъ весьма вѣрный, но крайне нечетко писанный, чѣмъ и объясняются многочисленныя искаженія, допущенныя при первомъ печатаньи въ 1861 г.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь и указанное г. Гротомъ «предувѣдомленіе» Семенова къ его піесѣ, котораго нѣтъ въ обихъ имѣющихся у насъ спискахъ:

«Шутка была началомъ пародіи,—сказано въ предисловіи къ извѣстной пародіи Боало на трагедію Корнелия «Сидъ». Нѣсколько часовъ шутившаго расположенія духа, въ кругу пріятельскомъ, равно произвели сію бездѣлу, совѣтъ не въ намѣреніи унизить превосходнаго «Димитрія Донскаго», произведеніе славнѣйшаго нашего любимица Мельпомены (и она не явилась бы никогда въ свѣтъ при жизни знаменитаго трагика, къ сожалѣнію, похищеннаго уже отъ Музъ раннею кончиною). Самый Виргилій имѣеть и «Энеиду» свою не одну пародію. Бездѣлка сія никогда бы не была напечатана, если бы разсѣявшіеся невѣрные списки съ оной, обезображенные переписчиками, не подали поводъ предложить ее въ настоящемъ видѣ всѣмъ любителямъ забавнаго чтенія, ищущимъ одиѣхъ веселыхъ минутъ въ минутахъ своего досуга.

«(Сверхъ того, долженъ замѣтить я, что пародія сія писана не для театра, хотя и расположена совершенно по правиламъ онаго; но какъ пародія можетъ иногда заставитьъ смѣяться зрителей и въ самой трагедіи, то авторъ ея, вовсе не имѣя желанія вредить блистательному успѣху «Димитрія», никогда бы не хотѣлъ видѣть представленія «Митюхи»»).

Это «предувѣдомленіе» написано П. Н. Семеновымъ въ 1826 г., и все поставленное нами въ скобкахъ было вычеркнуто имъ и, слѣдовательно, въ печатномъ изданіи не должно бы было явиться.

Іюль. 1878 г.

П. А. Шфремовъ.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

соч. М. Ю. Лермонтова.

Варианты первой рукописи автора.

Между автографами М. Ю. Лермонтова, хранящимися в Императорской публичной библиотеке, находится рукопись «Героя нашего времени»¹⁾, или, вѣрнѣе, нѣкоторыхъ изъ повѣстей, составляющихъ это произведение дорогаго поэта нашего. Рукопись эта состоитъ изъ довольно толстой тетради въ листъ, всей исписанной рукою Лермонтова, съ многочисленными поправками и передѣлками. На заглавномъ листѣ написано: «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка». Это, очевидно, черновая тетрадь, съ коею перебылъ былъ тотъ экземпляръ, съ котораго было сдѣлано первое печатное изданіе 1840 года. Учѣлось не все. Мы имѣемъ передъ собою 2-ю повѣсть: «Максимъ Максимычъ», которая носитъ названіе «Изъ записокъ офицера». Тутъ же римскими цифрами поставлено II. Первой повѣсти «Бѣла» нѣтъ. Затѣмъ подъ Ж III «Фаталистъ» и подъ конецъ: «Княжна Мери». Между листами этой тетради лежитъ полулистъ почтовой бумаги, на которомъ написано рукою Лермонтова предисловіе къ «Журналу Печорина». Почеркъ и чернила другіе. Листъ, очевидно, вырванъ изъ другой рукописи и попалъ сюда позднѣе. О томъ, чтобы описываемый экземпляръ составлялъ позднѣйшую передѣлку, и думать нельзя, потому что Лермонтовъ самъ руководилъ изданіемъ не только 1-мъ 1840 года, но и 2-мъ изданіемъ «Героя нашего времени» 1841 года. Оба эти изданія совершенно равны между собою, число строкъ и страницъ то же, печать та же—буква въ букву. Разницу составляетъ предисловіе Лермонтова къ 2-му изданію, напечатанное имъ, въ черновомъ видѣ, въ одномъ изъ своихъ альбомовъ, тоже хранящихся въ публичной библиотеке (сравни соч. Лермонтова, изд. 1873 г.,

¹⁾ Которую обязательно предоставилъ намъ рассмотреть А. О. Бычковъ. Рукопись состоитъ изъ 57 полулистовъ, всего 114 страницъ. П. В.

примѣч. 34, П. А. Ефремова, стр. 376). Лермонтовъ, конечно, самъ замѣнилъ и прежніе заголовки другими. Въмѣсто «Изъ записокъ офицера» онъ поставилъ «Максимъ Максимычъ», вмѣсто «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка» — «Герой нашего времени». Во всякомъ случаѣ, если и не имъ было измѣнено это заглавіе, онъ его призналъ, такъ какъ у П. А. Ефремова находится изданіе «Героя нашего времени» 1840 года, которое самъ авторъ прислалъ княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ Одоевской (рожд. Ланской, женѣ известнаго писателя кн. Владиміра Федоровича). На заглавномъ листѣ этого экземпляра, послѣ печатныхъ словъ «Герой нашего времени», Лермонтовъ поставилъ запятую и прибавилъ: «упадаетъ къ стопамъ ея прелестнаго сіятельства, умоляя позволить ему не обѣдать».

Приводить всѣхъ вариантовъ мы не станемъ по незначительности ихъ: замѣнена одно слово другимъ, одной фразы другою мало имѣетъ значенія. Но есть мѣста, которыя, для будущаго біографа Лермонтова, могутъ имѣть цѣну, и ихъ-то приводимъ мы послѣ сравненія, сдѣланнаго между рукописью и изданіемъ П. А. Ефремова 1873 года. Пагинацію мы ставимъ соображаясь съ этимъ изданіемъ.

„Максимъ Максимычъ“ или „Изъ записокъ офицера“.

Т. I, на стр. 208. Описывается вѣшній видъ Печорина:

Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ рѣшительности въ характерѣ. Если вѣрить тому, что каждый человѣкъ имѣетъ сходство съ какимъ нибудь животнымъ, то, конечно, Печорина можно было бы сравнить съ тигромъ. Сильный и гибкій, ласковый или мрачный, великодушный или жестокой, смотря по впушенію минуты; всегда готовый на долгую борьбу; иногда обращенный въ бѣгство, но неспособный покориться; нескучающій одинъ, въ пустынѣ съ самимъ собою, а въ обществѣ себѣ подобнаго требующій беспрекословной покорности. По крайней мѣрѣ такимъ, казалось мнѣ, долженъ былъ быть его характеръ физическій, то есть тотъ, который зависитъ отъ нашихъ нервовъ и отъ болѣе или менѣе скорого обращенія крови. Душа—другое дѣло! Душа или покоряется природнымъ склонностямъ, или борется съ ними, или побѣждаетъ ихъ. Отъ этого—злѣди, толпа, и люди высокой добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Печоринъ принадлежалъ къ толпѣ, и если онъ не сталъ ни зло-

дѣмъ, ни святымъ, то это, я увѣренъ, отъ лѣни. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо.

Въ концѣ разсказа Лермонтовъ говорить:

Я пересмотрѣлъ записки Печорина и замѣтилъ по нѣкоторымъ мѣстамъ, что онъ готовилъ ихъ къ печати, безъ чего, конечно, я не рѣшился бы употребить во зло довѣренность штабсъ-капитана. Въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ читателямъ; вы это сами увидите, если то, что вы объ немъ знаете, не отбило у васъ охоты узнать его короче. На тетрадахъ не было выставлено чиселъ. Нѣкоторыя, вѣроятно, потеряны, потому что между ними нѣтъ большой связи, а я, несмотря на дурной примѣръ, поданный намъ нѣкоторыми журналистами, никакъ не рѣшился поправлять или доканчивать чужое произведеніе, за что, конечно, онъ самъ на меня сердиться не будетъ.

„Фаталисть“ (стр. 297).

Господа! сказалъ онъ (Вуличъ) медленно, освобождая руку: кому угодно заплатитъ за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ продолжалъ: если я не долженъ умереть, то этотъ пистолетъ или не заряженъ, или осѣчется. Если суждено противное, то ничто не можетъ этому помѣшать, и такъ, тогда всѣ ваши опасенія напрасны. Онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ.

Стр. 303, 14-я строка снизу:

...Я люблю сомнѣваться во всемъ: это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не можетъ дать хуже смерти, и что смерть неизбежна, и что существованіе каждаго изъ насъ, исполненное страданія или радости, темно, незамѣтно въ этомъ безбрежномъ котлѣ, называемомъ природой, гдѣ кипитъ, исчезаетъ и возрождается столь-

во разнородныхъ жизней... Вѣдь хуже смерти ничего не случит-
ся, а смерти не минуешь.

Бняжна Мери. Пятигорскъ, 12-го мая.

Тутъ въ числахъ вообще разница: вмѣсто іюня 13-го, 14-го, 18-го, 22-го, 24-го, 25-го, 26-го—стоятъ 5-го, 6-го, 10-го, 11-го, 12-го, 14-го, 15-го іюня.

[Стр. 231]. —И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну!.. Но я теперь увѣренъ, что, при первомъ случаѣ, она спроситъ кто я и почему я здѣсь, на Кавказѣ. Ей, вѣроятно, расскажутъ исторію дуэли, и особенно ея причину, которая здѣсь нѣкоторымъ извѣстна, и тогда... Вотъ у меня будетъ удивительное средство бѣсить Грушницкаго.

[Стр. 280 —4-я строка сверху]. Какъ орудіе казни, я упалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія. Какъ нарочно, я всегда являлся къ пятому акту ихъ драмы; невидимая сила кидала меня посреди ихъ надеждъ, намѣреній и связей, и все разрывалось, все погибало отъ моего прикосновенія... Моя любовь никому не принесла счастья...

[Стр. 280, строка 1-я снизу]. ...открылъ романъ Вальтеръ-Свотта, лежавшій у меня на столѣ; то были «Шотландскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ. Неужели шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую минуту, которую даритъ его книга....

[Стр. 289]. ...Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо вѣзалось въ моей памяти¹⁾. Я его храню какъ сокровище. Стыдно признаться! Я нахожу утѣшеніе въ мысли, что былъ любимъ какъ немногіе на этомъ свѣтѣ.

[Стр. 290 (письмо Вѣры), строка 13-я сверху].и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

(Вмѣсто напечатаннаго продолженія и конца письма стоятъ слѣдующее):

«Прощай, мой бѣдный другъ; я рада, что не увидимся передъ разставаньемъ. Я знаю, ты нынче долженъ драться съ

¹⁾ Дѣло идетъ о письмѣ, которое Вѣра написала Печорину, уѣзжая.

Грушницкимъ, но увѣрена также, что ты останешься живъ. Мое сердце иначе бы мнѣ сказало противное. Прощай! Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, я тебя теряю на вѣки! Мери тебя любить..... Если что нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней, она тебя любить..... Ребенокъ! Вчера она мнѣ рассказала все. Мнѣ стало жаль ее. Она думаетъ, смотря на твое поведеніе, что ты ее любишь, потому что защитилъ такъ горячо ея честь. Она думаетъ, что ты хотѣлъ испытать ее... Я ей ничего не сказала, поцѣловала ее и благословила!... О, не погуби ее!... Одной довольно! Я не стану тебя увѣрять, что не переживу нашей разлуки... къ чему?... Одинъ лишній горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ твоихъ воспоминаній, а мнѣ послѣ него труднѣе съ тобою разстаться... Вѣра.

Р. S. Одно меня мучаетъ: что если ты въ самомъ дѣлѣ любишь Мери? О, неправда ли, этого не можетъ быть!»...

[Стр. 291, внизу]. Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обыкновенный (обычный) порядокъ...

(Съ этихъ словъ и до словъ: противъ дула пистолета, строка 3-я, на стр. 292, въ первоначальномъ видѣ написано слѣдующее):

....Я сталъ припоминать выраженія письма Вѣры, старался объяснить себѣ причины, побудившія ее къ этой странной, трагической выходкѣ.

Вотъ послѣдовательный порядокъ моихъ размышленій:

1) Если она меня любитъ, то зачѣмъ же такъ скоро уѣхала и не простая, не полюбопытствовавъ даже узнать, убитъ я или нѣтъ? Не вѣрю я этимъ предчувствіямъ сердца, да и ей бы не должно на нихъ такъ слѣпо полагаться.

2) Но вѣдь намъ надобно же было когда нибудь разстаться, и она хотѣла своимъ отъѣздомъ произвести на меня, въ послѣдній разъ, глубокое, неизгладимое впечатлѣніе?... Эгоизмъ!...

3) Женщины вообще любятъ драматизировать свои чувства и поступки; сдѣлать сцену почитаютъ они обязанностью.

4) Но тутъ еще, можетъ быть, скрывается маленькая ревность. Вѣра думаетъ, что я влюбленъ въ княжну и хочетъ своимъ великодушіемъ привязать меня болѣе къ себѣ, или даже, зная мой характеръ, она думаетъ, что я княжну оставлю и погонюсь за нею, потому что блага, которыя мы теряемъ, полу-

чають въ глазахъ нашихъ двойную цѣну.... Если такъ, то она ошиблась—я слишкомъ лѣнивъ.

5) Или она великодушно уступаетъ меня княжнѣ? Это отъ нея, пожалуй, станется! Но, въ такомъ случаѣ, она меня не любить.

6) И какое же право я имѣю требовать ея любви? Развѣ не я первый началъ платить за ея ласки холодностью, за жертвы равнодушіемъ и насмѣшкой!

7) Теперь, когда я знаю, что все между нами кончено, мнѣ кажется, что я ее любилъ истинно. Одно меня печалитъ— это письмо. Неужели она не могла обойтись безъ пышныхъ фразъ и декламаций?

8) Я былъ дуракъ, что такъ мучился нѣсколько часовъ сряду: что значать разстроенные нервы, ночь безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета.

(И т. д., какъ въ печатномъ изданіи).

Другихъ, болѣе значительныхъ, вариантовъ нѣтъ; мелкія передѣлки отдѣльных словъ показываютъ извѣстный уже способъ работы Лермонтова надъ его слогомъ. Приведенные нами варианты важны въ смыслѣ уясненія отношенія Лермонтова къ своему герою. Они поясняютъ взглядъ автора, высказанный имъ въ предисловіи къ журналу Печорина (стр. 214): «Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она— слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ».

Заставляя Печорина анализировать самого себя, Лермонтовъ самъ подвергаетъ анализу «Героя времени». Успѣлъ ли авторъ въ этомъ анализѣ, былъ ли самъ онъ тогда вполне зрѣлаго развитія—это дѣло критика и биографа; здѣсь же, гдѣ мы даемъ матеріалъ, было бы неумѣстно входить въ оцѣнку самаго произведенія или личности автора.

Пав. Висковатый.

С.-Пб., 4-го іюля 1878 г.

Подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1878 г. продолжается. 12 книгъ, съ портретами: Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками въ Парижѣ, снимокъ съ портрета, писаннаго А. А. Ивановымъ въ Римѣ, въ 1841 г.), вн. В. Л. Долгорукаго и вн. И. А. Долгорукаго (обезглавлены въ 1739 г.), Александра I-го (1802 г.) и проч. Цѣна восемь руб. съ пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

десятый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1879 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя девять лѣтъ изданія (1870—1878 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, съ приложеніемъ, время отъ времени, гравированныхъ портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 40 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2000 печатныхъ страницъ.

При книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1879 г. будутъ прилагаться: портреты достопамятныхъ и замѣчательныхъ въ исторіи нашего отечества дѣятелей. Гравюры будутъ исполнены, какъ исполнялись въ теченіе девяти лѣтъ, лучшимъ отечественнымъ граверомъ: Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ и нѣкоторыми другими. Также время отъ времени будутъ помѣщаемы: снимки съ замѣчательныхъ документовъ, рисунки историческихъ памятниковъ и зданій, родословія замѣчательныхъ фамилій, снимки съ рѣдкихъ медалей.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Цѣна за 12 книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» **1879 г.**:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ восьми рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» при книжномъ магазинѣ Николая Ивановича Мамонтова (Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46); въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева) и Николая Ивановича Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. Иногородные обращаются исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Примѣчаніе. Тѣ изъ подписчиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» текущаго года, которые, при возобновленіи подписки на будущій годъ, пожелаютъ имѣть двѣ большія гравюры, отпечатанныя въ Парижѣ и исполненныя на мѣди Академикомъ Н. П. Пожалостиннымъ: «Несеніе креста», картина Карраччи, и «Птицеловъ», картина Профессора Перова, —могутъ получить ихъ за 5 рублей—объ вѣстѣ, вмѣсто руб., прежней ихъ цѣны. (*Гравюры этихъ осталось немного*).

Третье изданіе «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1870 г. (годъ первый)—12 книгъ, въ трехъ большихъ томахъ, съ портретами, снимками и 65-ю рисунками—цѣна 8 руб. съ перес.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1876 г., 12 книгъ, съ портретами: Лжедмитрія I, Еватерины II, Михельсона, Емельяна Пугачева, князя Платона Зубова, А. П. Ермолова, Клугенау, В. Г. Бѣлинскаго, со снимками и виньетами—8 руб. съ пересылкою.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1877 г., 12 книгъ, съ портретами: Княгини Дашковой, графа А. Мамонтова, кн. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, Московскаго митрополита Филарета, М. Θ. Орлова, княгини Жаннеты Ловичъ, кавказскаго имама Шамиля, Н. Н. Муравьева (Карскаго), К. В. Чевкина, И. А. Яковл
Рисунки: Галера Еватерины II; памятникъ Архипу Осипу
Снимки съ рѣдкихъ медалей и подлиннаго письма Алексѣя

Цѣна ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ съ пересылкою.

Есть подробный указатель къ трудамъ статистическихъ комитетовъ по 1873 г., г. Межова (Извѣстія Географич. общества 1873 г.) и въ него не вошли всѣ изданія, о чемъ заявляетъ и самъ составитель...

Собраніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи г. Орла и городовъ Орловской губерніи—не первый трудъ. Въ 1874 году тамъ же были изданы: «Историческіе очерки г. Орла въ связи съ судьбою прочихъ городовъ Орловской губерніи», а въ 1875 г. «Исторія г. Болхова и его церковныя древности»—оба сочиненія принадлежатъ г. Пясецкому. Г. Пупареву принадлежитъ небольшой сборникъ, озаглавленный «Орловская Старина», въ который вошли матеріалы, печатавшіеся въ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1872 г.—это матеріалы, извлеченныя изъ архивовъ Орловской губерніи и касающіеся мѣстной исторіи и статистики за XVIII вѣкъ. Продолженіемъ этого сборника можетъ служить сборникъ матеріаловъ, заглавіе котораго мы выписали выше, составленный тѣмъ же авторомъ. Содержаніе его слѣдующее: «Орелъ до обращенія его въ губернский городъ»; «Городъ Елецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія»; «Древнія городища и курганы въ Орловской губерніи»; «Новыя матеріалы для исторіи воспитанія въ Орловской губерніи»; «Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1839—1875». Изданіе указателей къ мѣстнымъ вѣдомостямъ желательно имѣть и отъ другихъ мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ уже теперь, судя по заявленію издателя этого сборника, полного экземпляра нѣкоторыхъ Губернскихъ Вѣдомостей нельзя найти и въ мѣстныхъ губернскихъ архивахъ и редакціяхъ. Не менѣе настоятельна потребность описанія и приведенія въ порядокъ мѣстныхъ архивовъ, которые, какъ мы видѣли изъ заявленія г. Дитятина относительно Ярославля и какъ оказывается изъ замѣчанія г. Пупарева (отд. II, стр. 4), представляются въ значительной степени опустошенными вслѣдствіе пожаровъ и небрежности. Статистическія таблицы въ сборникѣ Пупарева ообщаютъ свѣдѣнія о движеніи населенія въ Орловск. губ. за 1872—1875 г., по сословіямъ и исповѣданіямъ; о числѣ

зданій въ городахъ и губерніяхъ; о доходахъ и расходахъ городовъ; о числѣ ремесленниковъ въ городахъ; о числѣ фабрикъ и заводовъ въ губерніи; о числѣ насильственныхъ и случайныхъ смертей въ губерніи; о числѣ учебныхъ заведеній въ губерніи; и проч. Трудъ г. Пупарева весьма обстоятельный и добросовѣстный.

Нижегородскій Сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редактора комитета А. С. Гадинскаго. Т. VI, 1877 г. XIV+357, 241—480. Ц. 1 р. 50 к.

Самое видное мѣсто въ этомъ томѣ сборника принадлежитъ статьѣ: «Историческое описаніе города Василія Нижегородской губерніи» (Васильсурска), В. Ф. Кудрявцева (1—100 стр.); далѣе слѣдуютъ: Очеркъ города Книгинина и его уѣзда, А. С. Коробкина; Статистическіе очерки нѣкоторыхъ селъ; Свадебныя обычаи Веллужскаго края Макарьевского уѣзда, М. М. Поспѣлова; Ивановъ день въ селѣ Новомъ Лихтѣвѣ, Нижегородскаго уѣзда, свѣщ. Борисовскаго; О торговлѣ иконами въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Л. Гуляева; Свѣдѣнія о пчеловодствѣ и климатѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи, журналы статистич. комитета.

Труды Нижегородскаго статистическаго комитета, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ весьма немногихъ (напримѣръ, Владимирскаго, Новгородскаго и друг.), издаются систематически и съ знаніемъ дѣла. Редакторъ сѣтуетъ даже, что въ теченіе десяти лѣтъ ему удалось издать лишь шесть, а не десять томовъ. «Могли бы издать»,—говоритъ онъ,—не только X-й, но и XX-й, какъ по массѣ того матеріала, который имѣемъ въ своемъ распоряженіи въ настоящую минуту, такъ и по той массѣ его, которой было бы на лицо въ десять, двадцать разъ больше теперешняго, если бы было достаточно денежныхъ средствъ на изданіе Сборника по два и по три тома въ годъ... Однажды, послѣ выхода изъ печати V-го тома, мы дошли даже до такого отчаянія, что обратились къ неисчерпаемымъ щедротамъ одного мецената, но чаша его миновала насъ, чѣмъ мы нисколько не смутились, ибо вообще не привыкли смущаться... В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, три книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Р. Москвѣ— въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **Н. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **И. Ч. Ив. Мамонтова**, на Кушнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Польяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

- I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн. съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятый.

НОЯБРЬ.

1878 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Мюнхентій, архієпископъ Херсонскій и Тавричскій, 1800—1857 гг. Глава III: дѣятельность въ Вологодской и Харьковской епархіяхъ, 1841—1846 гг.	367	VI. Очерки, разсказы, воспоминанія Э..... в. IV: Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—Гавриѣла Степановичъ Ватенковъ.—«Король» И. Е. Кузнецовъ, 1819г.	499
II. Журналъ путешествія В. Н. Зинькова по Италіи, Франціи и Англійи, 1785—1786 гг. Сообщ. Н. П. Варышниковъ. Приключенія его и кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго.	399	VII. Разсказы, замѣтки, матеріалы: 1. Марья Антоновна Вертольдъ, 1816—1822 гг. Сообщ. А. Петровъ (531). 2. Смоленская губернія въ 1813—1816 гг. Сообщ. А. Г. Глинка (535). 3. Народные слухи и толки въ 1827 г. (541). 4. Языкъ любви сто лѣтъ назадъ. Сообщ. Н. А. (543). 5. Живописецъ Жанъ-Вуаль, 1812 г. Сообщ. А. А. Васильчиковъ (544). 6. Тревога у Севастополя, 15-го октяб. 1854 г. Сообщ. Н. Леонъ (544).	
III. Послѣдніе дни жизни Императрицы Маріи Феодоровны, 1828 г. Разсказъ камеръ-юнкера Н. П. Чернышевой.	441	VIII. Некрологъ: Арнадій Васильевичъ Кочубей, 1790—1878 гг. Сообщ. графъ Милорадовичъ.	546
IV. Алексій Гавриловичъ Венеціановъ, первый русскій бытовой живописецъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности, 1780—1846 гг. Составилъ П. Н. Петровъ. Главы II—III.	457	IX. Судебное дѣйствіе въ 1809 г., зрѣлище, составленное Горюшкинымъ. Сообщ. А. С. Наставинъ.	551
V. Записки Тьebo, берлинскаго профессора и академика, 1765—1785 гг. Глава III. Перевелъ и сообщ. съ примѣчаніями Д. Д. Рябининъ.	477	X. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. Н.—въ (ш оберткѣ).	

Открыта подписка на историческій журналъ: «Русская Старина» 1879-го года [дѣсятый годъ изданія]. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и проч. приложеніями восемь руб.

Изъ прежнихъ лѣтъ изданія «Русской Старины» можно получить: 1870 г. (третье изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. и 1878 г. Цѣна каждаго года въ 12-ти книгахъ съ гравированными на мѣди и на деревѣ портретами по 8 руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября.

Списки населенных мѣстъ Россійской Имперіи, составл. и издан. Центральн. статистич. ком. мин. внутр. дѣль. I. Костромская губернія, Сиб. 1877, LXXIV + 465. Ц. 2 р. II. Уфимская губернія, CXXXIX + 196. Ц. 1 р. 80 к. III. Вятская губернія, CXXIV + 994. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ теченіе 15-ти лѣтъ Центр. стат. ком. издалъ до 40 описей населенных мѣстъ разныхъ губерній Россіи, сопровождаемыхъ обыкновенно болѣе или менѣе обширными вводными статьями, касающимися географіи, исторіи, этнографіи и статистики каждой губерніи въ отдѣльности. Въ этихъ введеніяхъ особенное вниманіе историка обращаютъ на себя историко-этнографическіе очерки русской колонизаціи, матеріаломъ для которыхъ служили между прочимъ самые списки, почему означенныя описанія часто представляютъ незаменимый матеріалъ. Съ другой стороны, изданіе полныхъ списковъ населенных мѣстъ даетъ возможность опредѣлить и такія мѣста, населенія которыхъ были известны еще по древнимъ памятникамъ, но не были опредѣлены въ точности. Многие изъ списковъ населенных мѣстъ были обработаны известнымъ закономъ исторической географіи и этнографіи Россіи, каковымъ по справедливости считался покойный Артемьевъ (напр., губерніи: Саратовская, Самарская, Курская, Тамбовская, Ярославская, Бессарабская и др.). Названные выше списки обработаны гг. Раевскимъ, Завринымъ и Огородниковымъ и принадлежать къ болѣе полнымъ по своимъ вводнымъ статьямъ. Каждая опись губерніи обыкновенно сопровождается географическою картою; но нельзя не выразить сожалѣнія, что не всѣ описанія сопровождаются перечнемъ сочиненій и статей, относящихся къ рассматриваемой мѣстности, а между тѣмъ многія изъ нихъ находятся въ мѣстныхъ изданіяхъ, не всѣмъ доступныхъ (какъ губерн. и епарх. вѣдом. и т. п.). Если эта роскошь могла бытъ допущена въ нѣкоторыхъ спискахъ, то желательно было бы видѣть ее и во всѣхъ другихъ.

Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. III. Акты о Гайдамакахъ. Томъ III. Кіевъ. 1876. 128 + 897. Ц. 3 р. 25 к.

Хотя этотъ томъ помѣченъ 1876 годомъ, но онъ появился въ свѣтъ только недавно, и потому мы сочли возможнымъ указать здѣсь на его выходъ. Въ немъ помѣщено 364 документа, относящихся непосредственно къ означенному вопросу или близкіе къ нему по содержанію. По времени они относятся къ 1700—1768 г., слуга такимъ образомъ продолженіемъ двумъ первымъ томамъ той же части, посвященнымъ исторіи казачества (1500—1716 гг.), и вступленіемъ къ новой драмѣ, разыграншейся въ томъ же краѣ, известной подъ именемъ колѣнвщичны. Введеніе къ вышедшему тому составляетъ послѣдствіе В. Б. Антоновича (1—128), послѣднее исторіи гайдамачины, главнымъ матеріаломъ для котораго послужили самые акты, но при этомъ приняты во вниманіе и другія данныя, существующія въ русской и польской литературѣ. Комиссія издаетъ акты въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ архивѣ, не прилагая переводовъ; но каждый актъ сопровождается краткимъ изложеніемъ его содержанія. Кроме того, въ концѣ тома приложены указатели именъ личныхъ, географическихъ названій и предметовъ.

О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка, по соч. д-ра Аливиста, сост. Л. Майковъ. Сиб. 1877. стр. 107. Ц. 75 к.

Означенный очеркъ представляетъ отдѣльный оттискъ статей г. Майкова, помѣщенныхъ въ Журн. мин. нар. просв. за 1877 г. Профессоръ Аливистъ близознакомъ съ финскимъ міромъ какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по глубокому изученію нѣкоторыхъ его нарѣчій. Представляя извлеченіе изъ почтеннаго труда гельсингфорскаго профессора, составитель извлеченія счелъ необходимымъ дополнить его нѣкоторыми указанными этнографическаго характера, подтверждающими замечанія автора, основанными на данныхъ языка, причемъ онъ воспользовался преимущественно русскими источниками. Въ составъ его очерка вошли: скотоводство, земледѣліе съ ихъ приспособленіями; домашніе промыслы, кузнечное дѣло; названія металловъ; деревянныя издѣлія; ткачество; окрашиваніе тканей; выдѣлка шкуръ и обуви; жилищъ; одежда; домашняя утварь; мореплаваніе; торговля и счеты; семейный бытъ; бытъ общественный; военныя обычаи

ИННОКЕНТІЙ,

Архієпископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

III¹⁾.

Путешествіе преосвященнаго Иннокентія изъ Кіева въ Вологду продолжалось не долго; но и въ этотъ короткій срокъ преосвященный, всегда дорожившій временемъ и умѣвшій цѣлесообразно пользоваться каждымъ случаемъ, нашелъ возможнымъ осмотрѣть, по пути, Московскую синодальную бібліотеку. Въ рапортѣ св. синоду изъ Вологды, отъ 5-го іюня 1841 г., онъ доносилъ, что «по сдачѣ Кіево-Михайловскаго монастыря со всѣмъ его имуществомъ и приходо-расходными книгами назначеннымъ отъ преосвященнаго митрополита лицамъ..., отправившись въ путь 4-го числа прошлаго мѣсяца и осмотрѣвъ на пути, въ Москвѣ, синодальную бібліотеку, по предмету составленія «Догматическаго Сборника», прибылъ того же мѣсяца 29-го числа въ Вологду, и, по принесеніи Господу Богу моленія, немедленно вступилъ въ отправленіе своей должности»²⁾. Въ письмѣ, отъ 19-го іюня того же года, къ нѣкоему соборному старцу Кіево-Печерской лавры, «почтеннѣйшему о. Д...», Иннокентій, между прочимъ, сообщалъ: «путь нашъ былъ очень хорошъ; насъ вездѣ чтили и носили на рукахъ. Я удивился тому, какъ меня знаютъ вездѣ и льстятъ!...»³⁾.

м. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 193—204; 547—572.

г. «Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ», М. Максимовича,

стр. 20.

«Олтавскія епарх. вѣдомости» за 1868 г., № 6.

Н. В.

«Архивъ», томъ XXIII, 1878 г., ноябрь.

«На другой день по приѣздѣ преосвященнаго Иннокентія въ Вологду, — рассказываетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ, — директоръ гимназіи объявилъ воспитанникамъ, что новый епископъ—это знаменитый проповѣдникъ Россіи, подъ руководствомъ коего такъ блистательно издавалось «Воскресное Чтеніе». А съ «Воскреснымъ Чтеніемъ» воспитанники знакомы были потому, что въ праздничные и воскресные дни, за обѣдней, читались имъ краснорѣчивыя поученія изъ этого изданія. Вотъ какъ слава Иннокентія предшествовала ему¹⁾».

Въ первое время своего пребыванія въ Вологдѣ, преосвященный Иннокентій не могъ забыть излюбленнаго имъ Кіева, въ которомъ и для котораго онъ столько потрудился, и не переставалъ интересоваться всѣмъ, что тамъ дѣлается. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ о. Д.... Иннокентій писалъ по этому поводу слѣдующее, сообщивъ предварительно о своемъ житьѣ-бытьѣ вологодскомъ: «Въ Вологдѣ намъ очень не худо; могло бы быть даже очень хорошо, еслибъ предъ нами жили люди, дорожащіе хоть сколько нибудь человѣчествомъ, а то... Пишу это къ вамъ въ надеждѣ, что это въ васъ останется.

«Что у васъ послѣ насъ? Какъ мнѣ хочется забыть Кіевъ, а все еще помнится; думаю, что и насъ не вдругъ забудутъ—нѣкоторые, по крайней мѣрѣ. Я старался дѣлать все, что зависѣло отъ меня, чтобъ Кіевъ давалъ о себѣ знать Россіи! Опытъ теперь показалъ мнѣ, что трудъ былъ не напрасенъ. Въ церковномъ отношеніи о Кіевѣ говорятъ теперь болѣе, чѣмъ о Москвѣ и даже о Петербургѣ. Это также только для васъ пишется. Если вздумаете писать ко мнѣ, то пишите, пожалуйста, также просто, какъ я къ вамъ. Пишите обо всемъ отъ души; вы знаете, что я не берегу писемъ,—то же совѣтую дѣлать и вамъ. Если дадите обѣщаніе, то я буду писать къ вамъ обо всемъ, въ противномъ случаѣ—замолчу.

«Знакомымъ по усерднѣйшему поклону; очень жалѣю, что я не успѣлъ проститься съ старухою Прасковьею, — благословеніе ея отъ угодниковъ вологодскихъ, коихъ у насъ 70, въ томъ числѣ есть и кіевскіе. Что владыка? Что академія? Что вы и ваши отношенія? У преосвященнаго Іосифа²⁾ поцѣлуйте за меня руку и

¹⁾ См. «Памятная книжка Кіевской губерніи на 1858 г.», стр. 125.

²⁾ Преосвященный Іосифъ, бывшій Смоленскій, жилъ на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ съ 1834 г. † въ 1851 г. Къ этому іерарху нашей церкви Иннокентій питалъ особое почтеніе и любовь.

поклонитесь ему до земли: незабвенный для меня пастырь. Читите его какъ отца».

Вскорѣ послѣ прибытія въ Вологду, дѣятельный и неутомимый Иннокентій, посѣтивъ гимназію, гдѣ, по свидѣтельству очевидца, интересовался всѣмъ, а воспитанниковъ принималъ потому у себя «отечески», обозрѣвъ духовную семинарію и нѣкоторые храмы, вникнувъ въ дѣлопроизводство консисторіи, отправился, какъ онъ самъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ къ петербургскому другу, «въ странствованіе на нѣсколько недѣль по своей епархіи, которая пространствомъ похожа на эвзархію». Отъ пытливаго, пронизательнаго взгляда Инноцентія мало что могло укрыться, особенно если предметъ заслуживалъ серіознаго вниманія въ томъ или другомъ отношеніи по мѣстнымъ, или по обще-церковнымъ интересамъ. Во время обозрѣнія своей епархіи Инноцентій, между прочимъ, писалъ своему петербургскому другу, отъ 23-го іюля (1841 г.): «Я теперь нахожусь въ монастырѣ преподобнаго Θεодосія Тотемскаго. Прекрасное мѣсто: истинная лавра! И этотъ монастырь — заштатный!... вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ во время открытія мощей преподобнаго въ царствованіе императора Павла I-го. Но неблагоразуміе одного человѣка, гдѣ за 40 назадъ, должно ли вредить св. мѣсту? А вредить сильно. Обитель не можетъ, по недостатку людей, выдерживать съ честью своего званія. Стеченіе народа огромное, а служить почти некому. Мнѣ посчастливилось обратить вниманіе здѣшнихъ гражданъ на сіе обстоятельство, и они возымѣли благую мысль: собрать нужную сумму, чтобъ на проценты можно было производить жалованье по степени 2-го класса. Сдѣлавъ этотъ сборъ (безъ всякой огласки, ибо участвуютъ только нѣсколько богатей), они будутъ просить о возведеніи св. обители во 2-й классъ. Хорошо ли это? Скажите намъ заранѣе, чтобы мы напрасно не трудились. Обрѣтеніе св. мощей преподобнаго Θεодосія было въ свое время эпохою, такъ же, какъ обрѣтеніе мощей святителя Митрофана. Посему, истинно жаль, что обитель его потомъ, такъ сказать, заброшена. А стеченіе народа и теперь огромное: содержаніе обители богатое; но царскій крестъ и прочая утварь остаются безъ употребленія, по неимѣнію архимандрита».

Мысль о возстановленіи Θεодосіевскаго Тотемскаго монастыря

сообразно съ духовно-религіозными потребностями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, а также и съ назначеніемъ самой обители, не покидала Иннокентія до самаго оставленія имъ Вологодской епархіи. Равнымъ образомъ, онъ не переставалъ хлопотать, просить и писать—или о перемѣщеніи разныхъ духовныхъ лицъ на соотвѣтствующія имъ наклонностямъ и характеру должности, преимущественно по духовно-учебнымъ заведеніямъ, или заботился объ усиленіи персонала духовныхъ мѣстныхъ учреждений, или всѣми мѣрами старался возобновить и украсить храмы, особенно же почитаемые въ епархіи святыми, и проч.

За нѣсколько дней до выбытія своего изъ Вологды въ мѣсто новаго служенія, именно 29-го декабря (1841 г.), преосвященный Иннокентій, между прочимъ, писалъ петербургскому другу: «О Тотемскомъ монастырѣ я принялъ дерзновеніе сказать нѣчто въ годовомъ епархіальномъ отчетѣ св. синоду. Когда бы благосклонно взглянули на мое предположеніе и позволили начать дѣло по формѣ! Есть въ семъ отчетѣ нѣсколько и другихъ для насъ нужныхъ предположеній; но я боюсь, чтобы весь плодъ ихъ не составился изъ того, чтобы писавшему прослыть затѣйникомъ... По крайней мѣрѣ, я сдѣлалъ свой долгъ передъ своей епархіей.

«Въ отношеніи къ его сіятельству я домогаюсь перемѣны начальника въ здѣшнихъ училищахъ духовныхъ: вещь очень нужная. Прежній смотритель—человѣкъ очень изрядный, но крайне развлеченный должностями; а рекомендуемый мною и свободенъ, и опытенъ, и отлично дѣятеленъ. Назначеніе на это мѣсто какого-либо воспитанника академіи не помогло бы нашему недостатку; ибо, по новости и неопытности, онъ самъ долго будетъ учиться своей должности, а она такова, что на ней ему долго оставаться будетъ неудобно.

«Непріятное происшествіе съ смотрителемъ женскихъ училищъ, іеромонахомъ Іоною, также заставляетъ желать, чтобы участь его была рѣшена скорѣе, чтобы училище не страдало отъ недостатка начальника. Всего бы желательнѣе, какъ я репортовалъ и официально, чтобы сему іеромонаху дана была какая-либо должность въ другой епархіи; ибо вовсе бросить его—жаль, и по молодости, и по способности къ дѣлу.

«Еще слово за бѣдныхъ зырянъ. Сжальтесь надъ ними бѣд-

ними дѣтми природы и дайте имъ способъ сдѣлаться чадами благодати. Безъ пособія отъ правительства, тамошнему священству нѣтъ возможности снабдить ихъ достойными пастырями. Объ этомъ я также упоминалъ въ своемъ отчетѣ св. синоду...¹⁾

«Сколько книгъ новыхъ штатовъ, чиновниковъ, новыхъ назначеній! А бѣднымъ архіереямъ въ новомъ годѣ дали бы хотя по одному писцу собственному! Все пиши своею рукою, а новыхъ требованій, формъ, отчетовъ, взысковъ — безъ числа. Пора подумать сверху о томъ, какъ живутъ внизу»...

Во все время пребыванія въ Вологдѣ, въ каждое воскресенье и праздники, Иннокентій говорилъ проповѣди какъ въ соборѣ, такъ и въ церквахъ, въ которыхъ служилъ. Онъ ввелъ одно нововведеніе, сколько оригинальное, столько же и полезное: это — литературные вечера, на которые сходились учителя семинаріи и нѣкоторые другія лица, преимущественно изъ приходскихъ священниковъ; здѣсь читались учителями семинаріи свои лекціи или сочиненія, а священниками — свои проповѣди. Неизлишне упомянуть еще, что, почти при самомъ вступленіи въ управленіе епархіею, Иннокентій былъ «высочайше утвержденъ вице-президентомъ Вологодскаго тюремнаго комитета, съ управленіемъ дѣлами онаго». Такимъ образомъ, можно сказать, что хотя преосвященный Иннокентій и не долго оставался въ Вологодской епархіи — всего девять мѣсяцевъ, — «но и въ это короткое время, — говоря словами «Біографической записки о преосв. Иннокентіи», — онъ успѣлъ обратить заботливое вниманіе на дѣла мѣстной консисторіи, на улучшеніе духовныхъ училищъ, на обновленіе архіерейскаго дома и соборнаго храма; успѣлъ заняться обзорѣніемъ и отчасти собраніемъ вологодскихъ древностей; составленіемъ своихъ «словъ въ вологодской пастырѣ», изданныхъ въ послѣдствіи²⁾, — успѣлъ

¹⁾ Такое ходатайство преосвященнаго признано уважительнымъ, вслѣдствіе чего и предложено было увеличить содержаніе священниковъ Устьинскаго и большей части Яренскаго уѣздовъ, населенныхъ по преимуществу зырянами. («Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1843 годъ», стр. 31). Н. В.

²⁾ Препровождая къ своему петербургскому другу новое московское изданіе прежнихъ «Словъ» (изд. М. П. Погодинымъ), Иннокентій, между прочимъ, писалъ, отъ 5-го іюня 1848 г.: «Богѣ въ отвѣтственности я за вологодскую книжку; но и тутъ надобно было удовлетворить усиленному желанію вологжанъ — имѣть что-либо на память нашихъ церковныхъ собесѣдованій съ

заслужить признательность св. синода «за особую попечительность о благѣ своей паствы».

Въ письмѣ отъ 22-го декабря (1841 г.) къ М. Максимовичу Иннокентій, между прочимъ, говоритъ: «спрѣсите, каково намъ въ Вологдѣ? Не худо, только очень трудно: надобно все устроить съ ногъ до головы»¹⁾. Судя по тѣмъ «докукамъ» Иннокентія, съ которыми онъ постоянно обращался къ высшему духовному начальству,—это было дѣйствительно такъ; чтобы все «устроить съ ногъ до головы»,—для этого у Иннокентія достало бы и энергии и способности, и, пожалуй, средствъ, но не достало времени. 31-го декабря 1841 г. преосвященный вологодскій Иннокентій «переведенъ на епархію Харьковскую, съ оставленіемъ при той степени въ іерархіи, кою дотолѣ пользовался». Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что «докуки и представленія» Иннокентія своему начальству остались не безплодны для Вологодской епархіи, какъ это видно изъ письма преосвященнаго къ его петербургскому другу, изъ Харькова, отъ 28-го февраля 1842 г. Такъ, Иннокентій пишетъ: «Усерднѣйше благодарю ваше пр—во за дружелюбное участіе въ перемѣнѣ моего положенія и за приятную вѣсть объ успѣхѣ моихъ представленій для пользы Вологды, которая, не смотря на враткость моего въ ней пребыванія, дорога сердцу моему, какъ мой Рувимъ, какъ начало и труды и величія пастырскаго. Если бы вы видѣли, съ какими слезами она провожала меня! Послѣ сего не безъ горести и грусти можно было оставить край, особенно, когда Господь видимо благословилъ тамъ служеніе мое успѣхомъ. Только назначеніе преемника моего²⁾, послужило мнѣ въ успокоеніе: это одинъ изъ достойнѣйшихъ пастырей, какихъ я знаю».

ними. А спустя годъ, трудно было возобновить въ памяти говоренное; особенно невозможно было сохранить теплоту рѣчи и чувства,—сей, можно сказать, души слова и мысли, тѣмъ паче церковнаго».

¹⁾ «Письма о Кіевѣ», стр. 31.

²⁾ Преемникомъ Иннокентія назначенъ былъ Острогжскій викарій (Воронежской епархіи) Иринархъ, бывшій епископомъ Рижскимъ («Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1841 г.», стр. 6; «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей російскія церкви», П. Строева, 1877 г., столб. 839).

Трудно понять, какими соображеніями руководствовало высшее духовное начальство при перемѣщеніи преосвященнаго Иннокентія изъ Вологды въ Харьковъ, тѣмъ болѣе, что подобное, такъ сказать, скороспѣшное передвиженіе духовныхъ іерарховъ изъ одной епархіи въ другую едва-ли можетъ служить въ пользу интересовъ церкви. Дѣло въ томъ, что, при краткосрочности пребыванія епископа во вѣренной ему епархіи, онъ, при всемъ своемъ желаніи, не имѣетъ возможности всесторонне и основательно ознакомиться съ потребностями, нуждами и зачастую съ недугами своей паствы, уврачеваніе которыхъ требуетъ, какъ извѣстно, всегда достаточно-продолжительнаго времени ¹⁾. Кромѣ того, надобно думать, такой порядокъ не можетъ выгодно отзываться и на самихъ дѣятеляхъ духовнаго вертограда... Но какъ бы то ни было, а преосвященный Иннокентій черезъ девять мѣсяцевъ перемѣщенъ былъ, какъ сказано выше, изъ Вологодской въ Харьковскую епархію. Свои мысли и чувства по случаю перемѣщенія изъ Вологды въ Харьковъ Иннокентій выразилъ въ толь-ко что сказанномъ письмѣ къ его петербургскому другу, при чемъ, между прочимъ, добродушно высказалъ: «Харьковъ всегда былъ мнѣ милъ; поэтому я ѣхалъ въ него съ удовольствіемъ, которое нисколько не умалилось по пріѣздѣ моемъ въ него. Народъ добрый и образованный. На дорогѣ, впрочемъ, особенно въ Москвѣ, было не безъ вопросовъ: какъ случилось перемѣщеніе мое, что за цѣль? и т. под. Виною недоумѣній наши бѣдныя ранги іерархическіе, въ отношеніи къ коимъ Харьковъ и Вологда стоятъ почти въ обратномъ содержаніи. Поелику ученики мои давно занимаютъ степени гораздо высшія, то всякое движеніе мое въ противномъ направленіи кажется подозрительнымъ публикѣ. Это однако же нисколько не мѣшаетъ мнѣ оставаться совершенно довольнымъ своимъ добрымъ Харьковомъ».

Въ послѣдствіи, болѣе чѣмъ черезъ три съ половиною года, именно 1-го сентября 1845 г., преосвященный Иннокентій сообщалъ петербургскому другу о своей харьковской паствѣ слѣдующее: «Прошедшій мѣсяцъ мною проведенъ въ странствованіи.

¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ своему петербургскому другу изъ Харькова Иннокентій говоритъ: «трудно таскаться изъ края въ край Россіи, не физически — вездѣ можно найти нужное, — а нравственно; ибо скоро-ли узнаешь людей на новомъ мѣстѣ и оснуешь съ ними надлежащую связь?» Н. В.

Хотѣлось поподробнѣе осмотрѣть послѣдніе три уѣзда. Теперь можно сказать, что Харьковская епархія мнѣ известна во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ этнографіи. Епархія очень хорошая, и жаль было бы разлучиться съ нею. Дворянство образованнѣе всѣхъ, какія я видѣлъ въ другихъ губерніяхъ. Духовенство также не отстанетъ отъ всѣхъ мною видѣнныхъ. Только народъ вообще нуждается въ религіозномъ возбужденіи, начиная съ Харькова. Употребленныя для сего мѣры показываютъ однако же, что онъ радъ подобному возбужденію. Но многихъ мѣръ еще далеко нельзя употребить по самому нынѣшнему распорядку гражданскому. Мнѣ не разъ думалось написать о семъ что-либо, но что дѣлать съ написаннымъ? Это будетъ репортъ необыкновенный, и его нельзя отправить по командѣ».

Высказывая въ этомъ послѣднемъ письмѣ мысль, что харьковская паства «вообще нуждается въ религіозномъ возбужденіи», и что употребленныя къ тому мѣры способствуютъ «подобному возбужденію», — преосвященный Иннокентій разумѣлъ, очевидно, тѣ мѣры, которыя предприняты были съ этою цѣлію по его почину и которыя плодотворно практикуются по настоящее время. Мы укажемъ только на нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, таковы: преосвященный учредилъ весьма торжественный церковный ходъ, совершаемый ежегодно, по случаю перенесенія въ Харьковъ изъ Куряжскаго монастыря (въ 8-ми верстахъ отъ города) чудотворной иконы Божіей Матери. Какое впечатлѣніе вообще производили крестные ходы на массу—это видно изъ словъ самого Иннокентія, написанныхъ однажды имъ къ своему другу: «Новый крестный ходъ нашъ изъ Куряжа въ Харьковъ, 30-го сентября, совершился благополучно. Украина наша показала при семъ случаѣ, что она не такъ холодна и равнодушна въ церковнымъ процессіямъ, какъ объ ней думаютъ обыкновенно». Затѣмъ Иннокентій возстановилъ нѣсколько древнихъ и особенно чтимыхъ въ народѣ монастырей и обителей, каковы, на примѣръ, Ахтырскій и Святогорскій ¹⁾. О послѣднемъ, вскорѣ послѣ прибытія въ Харьковъ, преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «Видно, мой жребій быть возстановителемъ монастыря. Только пріѣзжаю въ Харьковъ, и на другой день получаю изъ Питера

¹⁾ См. «Списки іерарховъ» Строева, изд. подъ ред. М. И. Семеновскаго, столб. 971, 972. Н. В.

письмо отъ одной знакомой мнѣ особи — возстановить харьковскій Святоторскій монастырь, коего мѣсто находится въ помѣстьи сей особи. Стало быть, мы, вмѣсто двухъ, по прежнему будемъ имѣть четыре монастыря. Это, право, лучше, нежели имѣть четырнадцать театровъ»¹⁾.

На первыхъ же порахъ своего епископства въ Харьковѣ, Иннокентію представилась возможность завести двѣ школы: одну для древне-церковной живописи, а другую для церковнаго пѣнія. По поводу этого преосвященный писалъ къ своему другу: «Въ Москвѣ одинъ купецъ, почтенный и добрый христіанинъ, предлагалъ мнѣ желаніе учредить на свой счетъ школу живописи древне-церковной. Мнѣ кажется это очень хорошимъ, и наши церковники могли бы употребимы (быть) на эту академію церковную. Не худо бы въ подобномъ же родѣ учредить дать кому-либо (ибо гдѣ намъ самимъ учреждать?) школу церковнаго пѣнія, которое у насъ брошено на произволъ судьбы, хотя составляетъ важный элементъ службы. Даже бы, мнѣ кажется, нѣкоторые монастыри могли быть обращены на это предназначеніе. Не начать-ли съ харьковскихъ²⁾? Видите, какъ я разговорчивъ изъ Харькова.

¹⁾ Въ «Извлеченіи изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1844 г.», стр. 10—11, читаемъ: «Харьковской епархіи, Изюмскаго уѣзда, въ урочищѣ, называемомъ святыми горами, съ незапамятныхъ временъ существовалъ мужскій монастырь, подъ названіемъ Святоторскаго. Первые подвижники его, по образу кievскихъ, жили въ пещерахъ, вырытыхъ въ мѣловой горѣ, гдѣ и донныя существуютъ пещерная церковь. Обитель сія упразднена была въ 1787 г., но память о ней сохранилась въ народѣ и привлекала туда въ разное время года множество богомольцевъ. Въ прошломъ 1843 г., владѣлецъ сосѣдственнаго имѣнія с.-петербургскій предводитель дворянства д. с. с. Потемкинъ обратился въ св. синодъ съ просьбою о возстановленіи оной и предложилъ на сей предметъ отъ себя 10 т. руб. сер. и 70 дес. лѣса, сѣнокосовъ и огородной земли, прилегающей къ урочищу. Монастырь вновь учрежденъ подъ наименованіемъ Успенской Святоторской общественной пустыни и торжественно открытъ въ 15-й день августа». Слѣдовательно, у Строева («Списки іерарховъ») годъ возобновленія монастыря (1842) показанъ не вѣрно. Н. В.

²⁾ Замѣчательно, что Иннокентій, самъ не умѣвшій правильно пѣть по нотамъ, прекрасно понималъ хорошее, правильное церковное пѣніе. «Признательный и благодарный къ незабвенному архипастырю», протоіерей Г. въ своей «Вѣтви въ лавровый вѣнокъ безсмертія Иннокентію», между прочимъ, говоритъ: «утромъ каждой субботы бывала репетиція пѣвчимъ — готовились къ служению.... Пѣвчіе при немъ стали пѣть превосходно. И вотъ еще что чудно: самъ владыка говорилъ: «вотъ природа меня чѣмъ не пожаловала — ни одной

Только почеркъ мой тотъ же бѣдный, что и на сѣверѣ. За то же душевное, теплое уваженіе»...

Преосвященный Иннокентій не только заботился о возстановленіи древнихъ монастырей и обитателей, онъ неустанно хлопоталъ и объ учрежденіи новыхъ, особенно если представлялась къ тому благопріятная случайность, а главное — если имѣлись при этомъ въ виду цѣли и способы къ благотворному воздѣйствию на мѣстное и окрестное населеніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что преосвященный началъ ревностно хлопотать объ основаніи женскаго монастыря съ училищемъ при немъ въ помѣстьи гг. Степановыхъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе изъявили живѣйшую готовность пожертвовать на учрежденіе такого монастыря очень почтенную сумму. 11-го апрѣля 1844 г. Иннокентій объ этомъ обстоятельствѣ писалъ своему петербургскому другу: «Съ самаго полученія указа объ основаніи въ С.-Петербургѣ училищнаго заведенія для дѣвицъ духовнаго званія, мысль завести нѣчто подобное для Харькова постоянно занимала меня; но недостатокъ средствъ къ тому, казалось, отнималъ всякую надежду увидѣть что-либо въ семь родѣ. И вотъ, Господь и въ семь случаѣ явилъ, что невозможное у человѣка — у Него возможно.

«Вблизи Харькова (30 верстѣ) есть значительное помѣстье гг. Степановыхъ, принадлежащее двумъ братьямъ и сестрѣ, монашествующей въ курскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Въ прошедшемъ октябрѣ они погребли своего отца, оставившаго имъ значительное состояніе, между прочимъ, въ капиталахъ. И прежде всѣ они были не расположены въ мірской жизни, вслѣдствіе чего сестра уходомъ ушла въ монастырь изъ дома родителейскаго, а послѣ сего случая и болѣзни старшаго брата сдѣлались еще удаленнѣе отъ міра и расположеннѣе къ дѣламъ благимъ. Проведши въ моей домово́й церкви большую часть Великаго поста, братья явились потомъ ко мнѣ съ предложеніемъ основать въ помѣстьи своемъ женскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы при немъ было училищное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія. На все это, кромѣ готовой уже церкви, они рѣшаются употре-

ноты не протяну голосомъ», — но любилъ пѣвчихъ, понималъ ноты, любилъ даже напѣвать и служилъ вѣликогѣнно!» («Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», стр. 122—123).

Н. В.

бить до трехъ сотъ тысячъ, но могутъ употребить и больше, коль скоро окажется въ томъ потребность.

«Дѣло, очевидно, благое и общепольное; но, утруждавъ въ короткое время св. синодъ двумя представленіями о двухъ монастыряхъ, намъ показалось затѣйливымъ безпокоить его объ учрежденіи третьяго. Думали-гадали, и остановились на той мысли, чтобы г. Степанову съ братомъ самому войти съ прошеніемъ къ ея высочеству Ольгѣ Николаевнѣ, яко покровительницѣ чело-вѣколюбиваго учрежденія для дѣвицъ духовныхъ. Отъ нея можетъ уже перейти дѣло сіе куда слѣдуетъ, и такимъ образомъ избѣгнется наше выказываніе себя съ монастырями....

«Почему, можетъ придти при семъ мысль, не учредить училища безъ монастыря? Послѣдняго требуетъ благочестивое чувство учредителей, коимъ хочется монастырь новый сдѣлать памятникомъ для своихъ родителей. Впрочемъ, и заведенію училищному лучше быть подъ сѣнію св. обители, нежели стоять одному. Можетъ быть, есть при семъ даже мысль помѣстить въ будущемъ монастырѣ настоятельницею свою сестру. Но сія мысль, очень естественная въ учредителяхъ, ниѣму не вредить, даже многому можетъ способствовать; ибо сестра ихъ—монахиня вполне достойная сего мѣста, и, безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ употребить на монастырь и заведеніе все, что можетъ принадлежать ей изъ наслѣдства отеческаго. И такъ, благоволите удѣлить частицу вашего времени на разсмотрѣніе сего дѣла, предложивъ его кому слѣдуетъ, и дайте намъ знать, яже подобаетъ творити. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать вашего приговора, и не только мы, но и бѣдныя сироты, приметающіяся теперь гдѣ и какъ случится».

Хотя преосвященный Инновентій очень желалъ, чтобы при ново-учреждаемомъ женскомъ монастырѣ была и школа для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, но это его желаніе не осуществилось, по крайней мѣрѣ въ первое время. «За полгода назадъ я имѣлъ удовольствіе извѣщать васъ,—писалъ преосвященный 3-го ноября 1844 г. своему другу,—что для Харьбовской епархіи открывается случай благоприятный имѣть еще, кромѣ двухъ обновленныхъ, и новую обитель.... Мысль объ устроеніи при новой обители училища для сиротствующихъ дѣвицъ едва-ли, въ сожалѣнію, придетъ при семъ случаѣ въ исполненіе. Кто-то внушилъ имъ

(строителямъ), что безмятежіе иноческаго житія можетъ сильно страдать отъ того, если ввести въ монастырь это заведеніе. Но мы не отчаиваемся, что, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи состоится и сіе благое предположеніе. Средства къ тому найдутся. Они же сами не прочь отъ того, чтобы сдѣлать на сіе пожертвованіе».

Черезъ полгода съ небольшимъ, именно 2-го іюля 1845 г., Иннокентій по поводу новооткрываемаго монастыря писалъ своему другу: «Благоволите принять благодарность за то благосклонное участіе, которое оказано вами въ дѣлѣ гг. Степановыхъ или, лучше сказать, общемъ нашемъ. Они не находятъ словъ, какъ выразить свою благодарность къ его сіятельству и вамъ. На прошедшихъ дняхъ мы распланировали мѣсто для новаго монастыря. Онъ будетъ въ другомъ родѣ, нежели Ахтырскій и Святогорскій монастыри, безъ горъ и юдолей, но съ самою пріятною сельскою фязіономіей. Очень хочется имъ имѣть на благословеніе одну изъ иконъ упраздненнаго монастыря Курскаго, о чемъ и послано прошеніе къ его сіятельству. Дѣло, кажется, не трудное, ибо икона почти по праву, какъ изволите увидѣть изъ прошенія, принадлежитъ намъ. Но можетъ явиться оппозиція со стороны власти, предержавшей въ Курскѣ. Посему покорнѣйше просимъ употребить нужное посредство къ избѣжанію всякихъ пререканій»¹⁾.

Кстати приведемъ здѣсь еще одно мѣсто изъ письма Иннокентія къ своему другу, отъ 27-го октября того же 1845 г. «У гражданъ здѣшнихъ, по случаю ежегоднаго перенесенія св. иконы изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій соборъ наедральный (онъ при моемъ домѣ), болѣе и болѣе усиливается мысль просить

¹⁾ Монастырь, о которомъ идетъ рѣчь, извѣстенъ нынѣ подъ именемъ Харьковскаго Николаевскаго, 2-го класса, основанъ въ 1845 г., а не въ 1846, какъ значится у Строева въ его «Спискахъ іерарховъ» (см. столб. 978). 27-го октября 1845 г. Иннокентій писалъ своему петербургскому другу: «Честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству краткое описаніе открытія новаго монастыря нашего съ приложеніемъ и того, что было сказано по сему случаю открывавшимъ. Если подобный матеріалъ можетъ годиться для вашего журнала («Министерства Народнаго Просвѣщенія»), то благоволите помѣстить его. Если же онъ не придется подъ цвѣтъ ему, то соблаговолите передать въ каковой либо другой. Намъ хочется только доставить симъ утѣшеніе строителямъ монастыря, кои очень встревожены задержкою въ св. синодѣ бумаги о постриженіи сестры ихъ. Посему покорнѣйше просимъ, гдѣ бы ни напечаталось, прислать намъ нѣсколько оттисковъ отпечатаннаго, для нихъ же».

овозстановленіи на семь мѣстѣ прежде бывшаго Покровскаго монастыря. Это было бы намъ весьма встати. Но возможное ли дѣло? Мы уже надобно намъ съ монастырями. Къ дѣли сей два пути: перевести штатъ изъ Куряжскаго, который можетъ остаться приписнымъ къ Покровскому, какъ и было нѣвогда, или внесеніе отъ кого либо денегъ на новый монастырь. Дайте намъ совѣтъ—что лучше, если только это не есть вещь несбыточная. Соборъ самый въ такомъ случаѣ можетъ быть переведенъ въ соборъ Успенскій, который и занималъ мѣсто кафедральнаго во всѣхъ случаяхъ, пока мы не оправили Покровскаго.

Если преосвященный Иннокентій заботился объ учрежденіи школы для живописи и церковнаго пѣнія, то на училища духовныя, преимущественно же на семинарію, онъ не могъ не обратить особеннаго своего вниманія.

Прежде всего харьковскій владыка озаботился устроить новое великолѣпное зданіе для семинаріи, на новомъ, видномъ мѣстѣ. Но и при этой, какъ выражается Иннокентій, «благопотребной загѣѣ», обошлось съ его стороны не безъ хлопотъ, заботъ, просьбъ и затрудненій. Такъ, 13-го сентября 1842 г. преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «По прошедшей почтѣ получили мы увѣдомленіе объ отпускѣ суммы на здѣшнюю семинарію. Крайне благодаренъ за милость. Но есть одно обстоятельство, которое заставляетъ при семъ вѣриво задуматься. Такая огромная постройка требуетъ начальника семинаріи самаго дѣятельнаго, а у насъ его, къ сожалѣнію, нѣтъ. Скажемъ дѣло какъ есть. Ректоръ здѣшній—человѣкъ молодой, довольно здоровый, за нѣсколько лѣтъ, по чистой почти лѣности, вздумалъ отказаться отъ должности профессора. Другой употребилъ бы потомъ попой и способности свои во благо семинаріи,—онъ, напротивъ, предался празднои жизни, изъятаи, впрочемъ, отъ всѣхъ видовъ воздержанія. Главнымъ дѣйствователемъ остался одинъ инспекторъ семинаріи и трудился по всей возможности. Но недостатокъ авторитета, молодость, слабость здоровья—не позволили ему сдѣлать всего, что требовалось для блага семинаріи. Оттого она едва не послѣдняя въ кievскомъ округѣ, тогда какъ, по способности здѣшняго юношества, могла бы быть изъ первыхъ. При такомъ положеніи вещей, теперъ надобно заняться постройкою. Что намъ

дѣлать въ такомъ случаѣ? Я бы желалъ слѣдующаго: ректора теперешняго перевести въ другое мѣсто, нынѣшняго инспектора сдѣлать ректоромъ и дать намъ хорошаго инспектора; тогда мы могли бы отвѣчать и за внѣшнее, и за внутреннее благоустройство семинаріи, которую оставлять въ слабомъ состояніи крайне жаль, тѣмъ паче, что нашъ городъ полонъ заведеній учебныхъ. Прошу покорнѣйше объяснить, если можно, сіи обстоятельства его сіятельству. Только при семъ усерднѣйшая просьба: не уронить слишкомъ теперешняго нашего ректора. Правда, что онъ очень лѣнивъ (почему не говоритъ никогда проповѣдей по назначенію, даже и служить рѣдко), но вмѣстѣ съ тѣмъ трезвъ, честенъ и не глупъ. Потерять такого человѣка было бы очень жаль, и если я пишу нѣсколько противъ него, то потому, что не хочу мѣнять семинаріи на одного человѣка. Его собственное желаніе ограничивается полученіемъ въ управленіе какого либо монастыря; впрочемъ, онъ можетъ занять мѣсто и высшее. Если потребуется съ моей стороны какая либо бумага, то я, по увѣдомленію отъ васъ, готовъ написать о семъ его сіятельству. Только гораздо лучше бы было, еслибы это было сдѣлано, если можно, безъ всякихъ бумагъ».

Какъ видно, преосвященный Иннокентій весьма озабоченъ былъ постройкою новаго зданія для семинаріи; но главнымъ предметомъ его мыслей и заботливости было внутреннее благоустройство ея, зависящее отъ состава начальниковъ и преподавателей и отъ ихъ взаимныхъ отношеній,—при чемъ частая перемѣна учителей, особенно же лицъ начальствующихъ, обыкновенно не могла приносить, по мнѣнію Иннокентія, пользы дѣлу воспитанія и образованія. Хотя на мѣсто прежняго ректора Филофея и присланъ былъ другой, но съ такимъ слабымъ здоровьемъ, что «его,—писалъ преосвященный своему другу въ Петербургъ,—надобно не употреблять на трудъ, а беречь и хранить. А тутъ постройка семинаріи—дѣло очень хлопотливое. Не знаешь, какъ и преодолѣть эту трудность». Черезъ три дня, именно 29-го ноября 1843 г., Иннокентій писалъ къ тому же петербургскому другу: «Болѣзненное состояніе о. ректора здѣшной семинаріи заставило и его и меня хлопотать о сложеніи съ него ученыхъ должностей. Между тѣмъ, получена теперь бумага о назначеніи ему помощника по классу. Легко станется, что, при сей помощи, онъ возможно

еще дѣлать свое дѣло, на что у него немалая способность. Посему, еслибы еще доселѣ не рѣшенъ былъ жребій его, то мы готовы съ нимъ до времени оставаться въ настоящемъ положеніи. Мнѣ особенно тѣмъ пріятнѣе было бы это, что переимѣна ректоровъ чаетса невыгодна по многимъ отношеніямъ; а сей ректоръ, кромѣ болѣзни, не имѣетъ никакихъ недостатковъ. Впрочемъ, да будетъ воля Божія и начальства!...

«Судьба о. Иеронима—ректора, при настоящихъ переимѣнахъ, остается та же, что и прежде. Между тѣмъ, какъ я прежде увѣдомлялъ васъ, для него полезнѣе было бы продолжать служеніе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь сдѣлано для устроенія судьбы его все, что можно было сдѣлать. А обстоятельства не совсѣмъ благопріятствуютъ его здѣшнему пребыванію, ибо въ университетѣ здѣшнемъ много поляковъ, съ коими онъ встрѣчался прежде, въ своихъ странствованіяхъ. Впрочемъ, и это дѣло вполнѣ предоставляется благоусмотрѣнію вашему».

Затѣмъ, почти черезъ два года, 1-го сентября 1845 г., Иннокентій снова пишетъ въ Петербургъ о ректорѣ семинаріи: «Въ прошедшемъ письмѣ я упоминалъ о нуждѣ дать для здѣшней семинаріи новаго ректора. Теперь я пишу о томъ же его сіятельству. Настоящій начальникъ хорошъ и поведеніемъ, и познаніями, но весьма слабъ здоровьемъ, неопытенъ для управленія здѣшнимъ народомъ и, вмѣсто помощи мнѣ, имѣетъ нужду въ томъ, чтобы носить его, такъ сказать, на своихъ плечахъ. Вотъ вамъ примѣръ всего этого изъ двухъ только недѣль: въ пятокъ, передъ субботою Лазаревою, торжество о рожденіи царевича—онъ не хочетъ служить, будучи свободенъ; въ субботу Лазареву крестный ходъ изъ собора въ соборъ, съ вербою—онъ бросилъ его и ѣдетъ въ свой монастырь. Омовеніе ногъ въ четвертокъ—онъ не хочетъ быть на немъ и служить въ монастырѣ. Въ великій пятокъ ему проповѣдь—его нѣту въ городѣ. На Пасху его уже не просимъ—онъ является самъ служить; въ недѣлю антипасхи новый крестный ходъ—его нѣту, и проч. и проч. Я всячески покрываю его уклоненія въ подобныхъ случаяхъ и готовъ бы все переносить, но семинарія имѣетъ нужду въ управленіи строжайшемъ и лучшемъ. Въ академіи онъ можетъ быть очень хорошимъ наставникомъ, ибо довольно знающъ. Нельзя ли дать ему подобнаго мѣста? Этому онъ будетъ самъ радъ. А мнѣ, если

нельзя прислать изъ Кіева о. Теофана Авсенева, присылайте кого угодно, только бы дѣлалъ свое дѣло».

При частой перемѣнѣ начальствующихъ лицъ семинаріи, дѣло преподаванія въ ней затруднялось еще недостаткомъ учителей, на что Иннокентій неоднократно указывалъ своему петербургскому другу. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 14-го февраля 1844 г., преосвященный писалъ: «Что вы не присылаете къ намъ въ семинарію наставниковъ? Академіи обременяются тѣмъ, что не знаютъ, куда дѣвать людей, а семинаріи страдаютъ оттого, что въ классахъ нѣтъ учителей. Право, странный образъ дѣйствія духовно-учебнаго управленія».

Вообще положеніе семинаріи въ педагогическомъ отношеніи было не завидно. Иннокентій всячески старался помочь горю, но заботы его не всегда приводили къ желаннымъ послѣдствіямъ... 2-го іюня 1845 г. преосвященный писалъ своему другу: «Думаю, что г. Новосильскій уже прибылъ въ Петербургъ. Я просилъ его объяснить его сіятельству и вамъ нескладное положеніе начальства здѣшной семинаріи. Къ крайней неопытности въ управленіи присоединился еще, на бѣду, духъ взаимнаго немиролюбія, такъ что я непрестанно долженъ употреблять свое посредство въ предупрежденіе дальнѣйшихъ смуть. Крайне была бы обязана харьковская семинарія, а вмѣстѣ съ ней и я, еслибы о. ректору дано было другое мѣсто, а сюда прислать въ ректоры о. профессоръ кіевской академіи, іеромонахъ Авсенева, или казанской академіи, профессоръ о. Фотій или Серафимъ».

Кажется, Иннокентію не довелось, при всѣхъ его просьбахъ и хлопотахъ, установить надлежащій, сообразный съ воспитательными цѣлями юношества, внутренній распорядокъ семинаріи до выѣзда его изъ Харькова, и, конечно, это зависѣло не отъ его доброй воли, а отъ высшаго духовнаго управленія, которое, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ (о чемъ будетъ сказано ниже), дѣйствовало прямо въ ущербъ православнаго духовенства и даже—самой нашей церкви.

Преосвященный Иннокентій, скоро разузнавши неприглядный бытъ духовенства, особенно сельскаго, во вѣренной ему епархіи, пришелъ къ той разумной мысли объ обезпеченіи этого быта, предположенія къ осуществленію которой начали разрабатываться

только въ наше время, именно: поднять уровень матеріальнаго благосостоянія духовенства посредствомъ денежнаго пособія, или даже жалованья отъ правительства. Эта важная реформа, какъ извѣстно, вполнѣ не осуществилась и теперь, хотя для нея и много уже сдѣлано... «Скоро ли вы обрадуете наше бѣдное духовенство помощію отъ правительства?—писалъ преосвященный своему другу 2-го іюня 1845 г.—Въ этомъ состоитъ, особенно по нѣкоторымъ мѣстамъ, крайняя нужда. Безъ обезпеченія состоянія всѣ реформы по училищамъ не могутъ принести плода. Нехудо бы подумать и объ архіерейскихъ домахъ. Нѣкоторые терпятъ не менѣе сельскихъ причтовъ. Но если трудно дѣлить пособія, то пусть лучше все идетъ къ нимъ».

Кстати объ архіерейскихъ домахъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, Иннокентій писалъ (28-го февраля 1842 г.) своему петербургскому другу о харьковскомъ архіерейскомъ домѣ слѣдующее: «Одной бы только милости желалъ я здѣсь отъ начальства, чтобы улучшено было содержаніе дома архіерейскаго, который есть одинъ изъ бѣднѣйшихъ. Св. синодъ давно знаетъ о сей бѣдности, и владыкѣ писалъ о своей готовности помочь. Только, какъ начать это дѣло? Не письмомъ же къ его сіятельству? Тащиться съ репортѣмъ о семъ въ синодъ мнѣ не хочется, и мы лучше будемъ сидѣть безъ хлѣба, нежели просить его среди площади». 27-го октября 1845 г., по тому же предмету Иннокентій писалъ въ Петербургъ: «Да нельзя-ли напомнить (графу) еще о моей просьбѣ, адресованной къ его сіятельству за три года передъ симъ и оставленной безъ отвѣта, сущность коей состояла въ томъ, чтобы здѣшнему дому архіерейскому положенъ былъ окладъ по примѣру третье-классныхъ. Это никому не будетъ въ соблазнъ, ибо здѣшній домъ всѣмъ извѣстенъ крайнею скудностію своего содержанія. Сосѣдамъ нашимъ такъ вы слишкомъ щедры, а насъ, бѣдныхъ, вовсе забываете. Говорю такъ жалобно потому, что приходитъ время платить должникамъ ¹⁾, а средствъ нѣту».

На содержаніе архіерейскаго дома не было, по видимому, ассигновано добавочныхъ суммъ, сколько объ этомъ ни хлопоталъ Иннокентій. Самому же ему, вѣроятно, во вниманіе особенныхъ заслугъ его по управленію епархіею, увеличенъ былъ окладъ

¹⁾ Преосвященный, очевидно, обмолвился, сказавши «должникамъ», а не «кредиторамъ».

содержанія, но уже въ то время, когда преосвященный нисколько въ томъ не нуждался: «Что это вамъ вздумалось баловать насъ роскошью?—спрашивалъ Иннокентій своего друга въ письмѣ отъ 4-го мая 1846 г.,—я разумѣю прибавокъ въ своему окладу. За четыре года назадъ, когда мы слезно писали о нашихъ нуждахъ, это была бы великая милость. А теперь, когда мы немножко поправились трудами рукъ своихъ, можно бы безъ нея и обойтись. Другое дѣло, еслибы что сдѣлано было для дома архіерейскаго, который имѣеть въ томъ существенную нужду. Развѣ та выгода, что при семь условіи можно подольше пожить на одномъ мѣстѣ. Это благо великое»..... Но его, какъ увидимъ ниже, не привелось испытать преосвященному Иннокентію.

Мы упомянули, что харьковскій владыка очень ревностно заботился о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, и особенно о благосостояніи церквей, монастырей, духовныхъ заведеній и проч. Но такъ какъ въ этомъ отношеніи оказывались по преимуществу все-таки—нужда, бѣдность, или недостатки,—то, понятное дѣло, Иннокентій сочувственно относился только къ тому, что способствовало къ устраненію подобнаго положенія, и далеко не дружелюбно смотрѣлъ на тѣ мѣры, которыя, въ дѣйствительномъ ихъ примѣненіи, оказывались или затруднительными, или даже невозможными. Мы не видимъ надобности приводить всѣ тѣ мѣропріятія, съ которыми харьковскій преосвященный не соглашался, или по крайней мѣрѣ находилъ ихъ неудобопримѣнимыми. Укажемъ только на слѣдующее:

За границей, въ Шавгаузенѣ, написана была кѣмъ-то книжка, въ которой, вмѣстѣ съ искаженіемъ исторіи русской церкви и съ разными «клеветами» на нее, находилось не мало и таковаго, что заслуживало полного и серьезнаго вниманія. Иннокентій, слѣдящій за иностранною духовною литературою, обратилъ вниманіе на эту книжку, и объ ней не однажды бесѣдовалъ въ письмахъ съ своимъ петербургскимъ другомъ, изъ которыхъ въ одномъ онъ, относительно заслуживающаго вниманія, 10-го ноября 1845 г. писалъ:

«Въ концѣ прошедшаго письма я упомянулъ о книжкѣ, вышедшей недавно въ Шавгаузенѣ, и сказалъ, что тамъ есть нѣчто

и стоящее вниманія, напримѣръ: крайнее стѣсненіе церкви въ правѣ приобрѣтать имущества. Никто, кажется, такъ не терпитъ отъ сего, какъ мы съ новыми нашими монастырями. Нашлось бы не мало людей, готовыхъ пожертвовать: кто—поля, кто—лѣсу. Начнуть дѣло; мы къ нимъ съ тысячью вопросовъ: кто у нихъ наслѣдникъ, объявлено-ли было имъ и проч., и дѣло кончается ничѣмъ. И пусть бы этого требовалъ сводъ законовъ: онъ гораздо милостивѣе. Св. синодъ собственнымъ распоряженіемъ (ибо указъ отъ него) ¹⁾ наложилъ на себя и всю церковь нерѣшимыя узы. Ради Бога, вникните въ этотъ указъ..... Онъ рѣшительно долженъ убить все. Это истинное самоубійство!.. ²⁾.

Забываясь о средствахъ или нѣкоторыхъ мѣрахъ, ведущихъ къ преуспѣванію православія въ Харьковской епархіи, преосвященный Иннокентій не могъ не обратить вниманія на католиковъ и особенно на униатовъ, вопросъ о которыхъ сильно занималъ тогда наше правительство. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, мы увидимъ, какъ преосвященный смотрѣлъ вообще на католичество въ Россіи; здѣсь же упомянемъ только, что, по какому бы то ни было поводу, онъ не замедлялъ высказывать свой взглядъ по вопросу о положеніи у насъ католиковъ. Въ письмѣ къ своему другу, отъ 25-го ноября 1843 г., преосвященный, между прочимъ, писалъ: «На прошедшей почтѣ я отправилъ въ вашему превосходительству одинъ изъ журналовъ католическихъ, съ критикою на нашъ католическій катехизисъ. Дѣло показалось мнѣ стоящимъ вашего вниманія, — а съ другой стороны, представилось, что подобные журналы у насъ рѣдки и можетъ статься, что

¹⁾ Циркуляръ 31-го іюля 1843 г.

²⁾ Въ видахъ возбужденія въ народѣ благочестивой ревности къ храмамъ Божиимъ, Иннокентій находилъ желательнымъ и даже необходимымъ производить время отъ времени награды тѣмъ свѣтскимъ лицамъ, которыя дѣлаютъ богѣе или менѣе крупныя пожертвованія на церкви, монастыри, духовно-учебныя заведенія и проч. Такимъ образомъ, 24-го февраля 1845 г., онъ писалъ петербургскому другу. «На прошедшей почтѣ отправлено къ его сіятельству отношеніе о наградѣ одного изъ здѣшнихъ купцовъ медалію за пожертвованіе на церкви. Усерднѣйше молимъ васъ оказать возможное участіе въ семь дѣлѣ, ибо и награждаемый вполне стоитъ того, и награда его можетъ оказать преблагоприятное дѣйствіе для церквей нашихъ. Дѣлать сіи вещи изрѣдка крайне нужно и вездѣ, а въ здѣшней сторонѣ, холодной вообще къ церквамъ, тѣмъ паче».

Н. В.

посланный мною не былъ еще у васъ на виду. Къ величайшему удовольствію моему, доставъ послѣ католическій нашъ катехизисъ (прежде не могъ я сего сдѣлать, по рѣдкости у насъ сей книги), я не нашелъ въ немъ того, что навязывается ему журналюшкѣю заграничнымъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, не мѣшало бы что-либо написать въ заграничныхъ вѣдомостяхъ, служащее къ поясненію состоянія у насъ католиковъ. Состояніе это ничѣмъ не хуже состоянія православныхъ, а еще, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, лучше; а между тѣмъ, наше молчаніе даетъ поводъ писать о насъ, что вздумается, и распространять множество лжи на счетъ нашъ, какъ это видно изъ газетъ и журналовъ, мною получаемыхъ».

«Заговоривъ о семъ предметѣ,—продолжаетъ далѣе Иннокентій,—не могу скрыть отъ васъ еще одной мысли. Правительство видимо затрудняется остаткомъ, хотя малымъ, уніатства и принуждено прибѣгать къ мѣрамъ не совсѣмъ мягкимъ, какъ это сдѣлано недавно въ Курскѣ. По моему—напрасно. Той же цѣли можно было достигнуть другимъ, самымъ простымъ способомъ. Знаете ли, почему сіи люди такъ упорны? Потому главное, какъ оказывается изъ свѣдѣній, до меня дошедшихъ, что имъ не знать, что дѣлать съ собою,—не знать, какъ послѣ жить, обратившись въ православіе. Если бы этотъ способъ былъ открытъ, то все уладилось бы, какъ нельзя лучше. Чего стоило бы обезпечить ихъ дальнѣйшее существованіе? И соблазнъ значительно былъ бы извѣдънъ. Пишу все сіе, между прочимъ, потому, что и ко мнѣ пришелъ уніатъ упорный изъ Полтавы, а упорство его именно такого рода. Назначьте ему въ содержаніе, въ какомъ бы то ни было видѣ, 400—300 руб., и онъ завтра же подастъ просьбу о обращеніи»¹⁾.

¹⁾ По этому поводу петербургскій другъ писалъ Иннокентію: «Что касается сообщенной вами мысли о надежнѣйшемъ средствѣ къ преложенію нѣсколькихъ остающихся упорными лицъ изъ бывшаго уніатскаго духовенства назначеніемъ имъ необходимаго къ содержанію пособія, то желательно было бы, чтобы это средство могло быть вполне успешнымъ, какъ того ваше пресвященство надѣетесь въ отношеніи къ присланному изъ Полтавы въ Харьковъ упорному уніату. Въ этомъ смыслѣ считаю нужнымъ сообщить, что какъ теперь въ сельскихъ приходахъ западнаго края духовенство не только обезпечено, но и положено снабдить оное домами, то еслибы этотъ упорный рѣшился явить повинновеніе церкви, можно бы смѣло обѣщать ему опредѣленіе къ

Ранѣе того, именно при самомъ началѣ своего пребыванія въ Харьковской епархіи, преосвященный Иннокентій обратилъ вниманіе на вопросъ объ уніатствѣ, взглядъ на который по одному частному случаю и не преминулъ высказать петербургскому другу, въ письмѣ отъ 30-го марта 1842 г.:

«А въ здѣшнемъ университетѣ вышло небольшое приключеніе,—писалъ преосвященный.—Вскорѣ по прїѣздѣ моемъ, одинъ кандидатъ вздумалъ держать экзамень на степень магистра по разсужденію объ уніи. Такой предметъ, который теперь имѣетъ значеніе не одно историческое, а и государственное, обратилъ, вслѣдствіе сего, особенное вниманіе на это разсужденіе. Я, въ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ, какъ доказательство, что и изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унію не по-русски. Это заставило меня сказать свое опасеніе главамъ здѣшняго университета, и они, вполнѣ раздѣляя его, рѣшились, прїостановивши диспутанта, послать это разсужденіе къ вамъ на просмотръ предварительный. Мѣра весьма благоразумная. Вамъ виднѣе дѣла сего рода, и вашъ приговоръ положить конецъ недоумѣніямъ. Только во всякомъ случаѣ множество дерзкихъ выраженій на счетъ восточной церкви и ея патріарховъ, кажется, не должны быть пропущены, ибо они, кромѣ того что антиполитическія, противны исторіи, и публичное защищеніе ихъ можетъ произвестъ соблазнъ. Между тѣмъ, очень жаль было бы, еслибы изъ сего разсужденія выведено было что либо въ предосужденіе автора его. Это просто недоразумѣніе молодаго человѣка, который своими дарованіями и усердіемъ къ дѣлу подаетъ о себѣ хорошія надежды, и онъ готовъ былъ самъ исправить все, что можно, токмо университетская цензура затруднилась возвратитъ назадъ дѣло, будучи сама связана какими-то законами. Для скорѣйшаго

первому вакантному воссоединенному приходу, съ чѣмъ соединится совершенное обезпеченіе его участи, вмѣстѣ съ предоставленіемъ ему носить прежнюю одежду и съ полнымъ забвеніемъ его прежняго неповорства. Успѣхъ въ его обращеніи пріобрѣтеть вамъ новое право на признательность св. синода».

Н. В.

соображенія вашего по сему дѣлу, я счелъ за безполезное приложить при семъ и самое разсужденіе» ¹⁾.

Преосвященный Иннокентій, обращая вниманіе на вопросъ объ униатствѣ, особенно близко принималъ къ сердцу религіозно-нравственное состояніе своей харьковской паствы (о чемъ упоминалось выше), и это тѣмъ болѣе, когда представлялся ему благопріятный случай. Одинъ изъ помѣщиковъ Харьковской губерніи нѣкто г. Широ, послалъ въ родѣ извѣта или доноса, на французскомъ языкѣ, письмо къ оберъ-прокурору св. синода ²⁾, въ которомъ мрачными красками описалъ состояніе Украйны въ религіозно-обрядовомъ и нравственномъ отношеніи. Письмо это было препровождено петербургскимъ другомъ къ Иннокентію, и послѣдній, по поводу его, отъ 14-го февраля 1844 г., писалъ слѣдующее:

«Честъ имѣю возвратить вашему превосходительству письмо г. Широ. Содержаніе его мнѣ уже извѣстно было изъ разговора моего съ симъ помѣщикомъ, въ бытность мою у него въ селѣ прошедшимъ лѣтомъ. Посему-то и удивительно для меня, что онъ свои мнѣнія помѣстилъ въ письмѣ всѣ сполна, а мои соображенія отложилъ въ сторону и умолчалъ о нихъ. Умолчалъ, во 1-хъ, оттого, что печальная картина религіознаго невѣжества и апатіи, имъ нарисованная, идетъ не ко всѣмъ украинцамъ, а только къ помѣщичьимъ крестьянамъ; во 2-хъ, не сказалъ того, что помѣщики суть истинные виновники сего жалкаго состоянія. Это прекрасно, что теперь г. Широ самъ гонитъ крестьянъ своихъ въ церковь,—но это начало дѣлаться не болѣе года, когда онъ возвратился изъ службы домой. Навести бы справку: сколько лѣтъ передъ тѣмъ его предки или управители гнали крестьянъ изъ церкви? Удивительно ли послѣ того, если ими снислана несчаст-

¹⁾ Дѣло идетъ о магистерской диссертациі талантливаго нашего историка и ученаго Николая Ивановича Костомарова. Въ «Запискахъ» своихъ, значительная часть которыхъ уже написана, Николай Ивановичъ, безъ сомнѣнія, во всѣхъ подробностяхъ разскажетъ этотъ весьма интересный эпизодъ, многозначительный не только по отношенію къ его біографіи, но и въ лѣтописи Харьковского университета и для характеристики архіепископа Иннокентія. Являясь «доносителемъ», Иннокентій провидѣлъ однако, что авторъ преслѣдуемой книги съ «дарованіями» и «подастъ хорошія надежды». Тѣмъ неосторожнѣе поступилъ преосвященный возбудивъ это дѣло.... Ред.

²⁾ Приводимъ въ приложеніи переводъ этого любопытнаго документа.

ная привычка не бывать въ церкви? Неужели есть помѣщики, кои гонять изъ церкви? Кои гонять прямо—такихъ не много, а кои гонять стороною, невидимо—таковы почти всѣ. Это гоненіе стороною состоятъ въ томъ, что бѣдному крестьянину такъ мало дней остается отъ панщины для своихъ работъ, что онъ поневолѣ въ праздники спѣшить не въ церковь, а на свое поле, или употребляетъ его просто на отдыхъ, къ воему малороссъ расположенъ гораздо болѣе великороссіянина. А указъ о трехъ дняхъ работы на господина? Кто смотритъ на него? Ибо кто смотритъ за исполненіемъ его? Онъ нерушимо остается на бумагѣ, въ архивѣ. Чтѣ дѣлать въ такомъ положеніи вещей дѣлать священнику? Вступать въ доносы на помѣщика? Это значило бы лишить себя съ семьєю не только спокойствія, даже пропитанія. Чтѣ дѣлать и епархіальной власти? Поднять тревогу по всей губерніи? Но къ чему бы повело это? Очевидно, необходимо какое либо государственное учрежденіе для пресѣченія сего зла, а зло крайне велико и даетъ результаты самыя печальныя для будущности отечества. Г. Широко самъ чувствуетъ нужду въ подобной мѣрѣ и хотѣлъ бы, чтобы надзоръ за отношеніемъ къ церкви поселянъ лежалъ не на однихъ священникахъ и благочинныхъ, а и на станovýchъ приставахъ, и на помѣщикахъ. Нѣтъ ничего основательнѣе (?) сего предположенія. Почему не поставить закономъ, чтобы всѣ начальники, каждый по своей части, репортовали, по временамъ, о семъ предметѣ высшему начальству? Особенно о исповѣди. Законоположеніе наше признаетъ важнымъ сіе дѣло въ отношеніи судебномъ, и допросъ подсудимаго и свидѣтеля всегда начинается тѣмъ: какого онъ исповѣданія и бывалъ ли у исповѣди и причастія? Но это теперь одна форма, и бывалый, и небывалый—равно всегда бывалъ. Но тогда были бы справки о бытіи. А еще лучше, если бы бывавшій всегда имѣлъ квитокъ въ бытіи дѣйствительномъ. Это одно, безъ другихъ усильныхъ средствъ, заставило бы всѣхъ и каждого бывать у исповѣди, тогда какъ теперь множество упущеній въ семъ дѣлѣ, хотя они и не показываются въ исповѣдныхъ книгахъ ¹⁾.

¹⁾ Для насъ, живущихъ при другихъ общественныхъ условіяхъ и реформахъ нынѣшняго времени, можетъ показаться странною предлагаемая преосвященнымъ Иннокентіемъ мѣра; но не слѣдуетъ забывать, что она должна была осуществиться при господствѣ крѣпостнаго права. Н. В.

•Обращаясь за симиъ отъ сего случая къ общему положенію религіозности въ народѣ, съ горестію должно сказать, что множество причинъ умствуютъ (?) постоянно и сильно за ослабленіе, между тѣмъ какъ ничего почти не дѣлается для огражденія ея. И вотъ важная задача для высшаго правительства церковнаго! Проходя исторію его со временъ Петра I-го, видимъ, что сія задача оставалась въ сторонѣ, между тѣмъ какъ она должна всегда быть первая и послѣдняя. Въ одномъ рукописномъ сочиненіи, случайно попавшемъ въ мои руки, весьма основательно изображены съ сей стороны нужды нашей церкви и ея бѣдственное положеніе, указанъ отчасти и способъ, что именно нужно дѣлать. По внимательному взгляду, соединенному съ желаніемъ истиннаго добра отечеству, и безъ того не трудно усмотрѣть, гдѣ источникъ зла и какія противъ того средства. Вашему управленію предлежитъ заняться симъ важнымъ дѣломъ, за которое похвала не отъ человѣка токмо, но отъ Бога».

Приведемъ здѣсь еще одинъ отрывокъ изъ этого же письма, который хотя и вызванъ былъ особымъ обстоятельствомъ, но по мысли вполне соотвѣтствуетъ вопросу, о которомъ идетъ рѣчь. Иннокентій писалъ: «Кто бы это былъ сочинитель книги о гоненіяхъ на католиковъ въ Россіи? При всей злобѣ, которая водила перомъ его, въ ней есть мѣста, стоющія примѣчанія. И что всего примѣчательнѣе—размышляющая публика и въ Россіи совсѣмъ не того же мнѣнія. По крайней мѣрѣ, мнѣ не разъ доводилось слышать подобныя разсужденія. А еще болѣе всякъ, кто можетъ, толкуетъ о томъ, о чемъ писалъ въ вамъ г. Широ. Значитъ, пробудилась уже общественная потребность въ дѣйствіи со стороны духовнаго правительства. Почему, слѣдовательно, не начать дѣлать что либо исподволь къ ея удовлетворенію?»

Теперь мы скажемъ объ учено-литературныхъ занятіяхъ пресвященнаго Инновентія, которыя онъ не оставлялъ при всѣхъ своихъ заботахъ по управленію ввѣренной ему епархіи, и затѣмъ приведемъ нѣкоторые особенные случаи изъ его общественной дѣятельности и частной жизни, за время до назначенія его въ Херсонъ.

Выше мы упомянули, что Иннокентій, будучи еще ректоромъ

кіевской академіи, составлялъ, при содѣйствіи профессоровъ ея, «Догматическій Сборникъ», съ цѣлью «представить намятникъ православной вѣры, который бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіе всѣхъ столѣтій сохранялась она въ православной церкви со всею неизмѣнностію и чистотою». При составленіи этого, весьма важнаго по своей задачѣ, труда, требовались не только глубокія историческія, филологическія и богословскія знанія, но еще имѣніе подъ руками необходимыхъ ученыхъ пособій, какъ-то: специальныхъ книгъ, древнихъ хроникъ, рѣдкихъ рукописей и т. п. Въ бытность преосвященнаго въ Кіевѣ начатое изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, было далеко не окончено. Поэтому мысль о продолженіи и особенно объ окончаніи его не оставляла Иннокентія какъ въ Вологдѣ, такъ и въ Харьковѣ, хотя осуществленіе ея, по совершенному отсутствію подъ руками только что указанныхъ ученыхъ пособій, представлялось дѣломъ крайне затруднительнымъ, а пороку даже невозможнымъ. 29-го декабря 1841 г. преосвященный писалъ изъ Вологды своему петербургскому другу вотъ что:

«Въ дополненіе къ официальнымъ бумагамъ, позвольте побесѣдовать съ вами неофициально, и первѣе всего о «Сборникѣ». Мнѣ ли не желать ему скорѣйшаго окончанія? Но что дѣлать, когда дѣло само по себѣ крайне трудно, а обстоятельства мои не менѣе затруднительны? Какъ продолжать съ успѣхомъ трудъ, требующій всякаго рода справокъ историческихъ, когда въ здѣшней библіотекѣ нѣтъ даже и того, что составляетъ азбуку историческую; нѣтъ, напримѣръ, ни одного, хотя бы несовершеннаго, «Собранія Соборовъ»? Присылаемые вами разныя книги не только не наполняютъ нашего недостатка, а еще болѣе обнаруживаютъ нашу бѣдность.—Вы хотѣли придать мнѣ въ помощь архимандритовъ, но что-бы они дѣлали здѣсь безъ ученаго пособия? И гдѣ, изъ незанятыхъ учеными должностями людей, найти сотрудника, который бы могъ войти въ духъ сего дѣла и работать какъ должно? Для перевода готовой печатной статьи можно сыскать десятки переводчиковъ. Но отыскать матеріалъ, сообразить его важность удѣльную, расшифровать рукопись—для сего потребно болѣе, нежели обыкновенное знаніе греческаго или латинскаго языка. Я оставилъ въ Кіевѣ нѣсколько статей, уже переведенныхъ, для одной провѣрки окончательной съ подлинникомъ—и доселѣ не

добьюсь, чтобъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ выслали ихъ. Среди сихъ обстоятельствъ остается одно: представить вамъ перечень того, что найдено, обработано, приготовлено, и сказать смиренно: вотъ что можно было намъ сдѣлать; примите, что есть, и употребите, какъ вамъ будетъ угодно. Согласны ли? Можно въ добавокъ сказать, что бы я еще желалъ видѣть въ «Сборникѣ» для его полноты и совершенства. Если послѣднее окажется нужнымъ и удобоисполнимымъ, то окончаніе дѣла можетъ быть возложено на какую либо комисію или академію, а всего лучше на московскую, которая, подъ руководствомъ своего владыки, пользуясь, между прочимъ, синодальною бібліотекою, безъ особенныхъ усилий восполнить недостающее».

О трудности работы по составленію «Сборника» въ Вологдѣ Иннокентій еще разъ высказалъ своему другу (въ письмѣ отъ 28-го февраля 1842 г.), замѣтивъ, между прочимъ: «касательно вопроса о «Сборникѣ», я думаю воспользоваться случаемъ для отпущенія вамъ: вы меня, вопреки всѣхъ резоновъ, проводили въ Вологду; а я вамъ скажу, что подъ 56-мъ градусомъ нечего было собирать, кромѣ исландскаго моху отъ грудной болѣзни».

Но собраніе необходимыхъ для работы матеріаловъ оказывалось дѣломъ хлопотливымъ и затруднительнымъ не только «подъ 56-мъ градусомъ», но и поближе къ центрамъ просвѣщенія. Былъ, на примѣръ, такой случай: понадобилось преосвященному «Посланіе» патріарха Іова въ Грузію о вѣрѣ—рукопись весьма замѣчательная и рѣдкая; провѣдавъ въ Москвѣ, на пути изъ Вологды въ Харьковъ, что рукопись эта находится въ бібліотекѣ московской академіи, онъ немедленно писалъ своему другу: «Я бы тотчасъ пошелъ за нею пѣшкомъ изъ Москвы, но тамъ ватиканская система запрета; поэтому, прошу поворно вытребовать ее указомъ и прислать посворѣ». Начались предписанія, розыски замѣчательнаго документа, который всетаки почему-то не отыскивался; между тѣмъ, Иннокентій не переставалъ докучать о немъ въ своихъ письмахъ другу. Только слишкомъ черезъ два года обнаружилось, гдѣ находится розыскиваемая рукопись, вслѣдствіе чего преосвященный, 18-го іюня 1843 г., писалъ своему другу: «Въ нѣкое вознагражденіе доуви, мною вамъ часто причиняемой, примите вѣсть, что драгоцѣнное «Посланіе» патріарха Іова о вѣрѣ въ Грузію, которое такъ долго и напрасно искомо было

и вами по всѣмъ архивамъ Москвы, а мною и по всѣмъ угламъ Грузіи, нашлось наконецъ, и гдѣ-жъ? Въ рукописяхъ г. Строева, купленныхъ недавно г. Погодинымъ. Извѣстіе о семъ привезъ недавно мнѣ самъ настоящій хозяинъ его, мимоѣздомъ за границу».

Затрудненія, или, вѣрнѣе сказать, просто невозможность продолжать работы по составленію «Сборника» не устранились съ перѣездомъ Иннокентія въ Харьковъ, по крайней мѣрѣ на первое время. Здѣсь, какъ и въ Вологдѣ, не доставало необходимыхъ для того научныхъ пособій, о чемъ съ горечью преосвященный сообщалъ своему другу, откровенно признавшись, что исполняемый имъ трудъ становится ему въ тягость. 30-го марта 1842 г. Иннокентій писалъ: «По совѣту и владыки кievскаго ¹⁾, и вашему, я отправилъ на прошедшей почтѣ въ его сіятельству перечень статей, приготовленныхъ для «Сборника», съ вопросомъ: можно-ли остановиться на собранномъ, или же продолжать собирать далѣе? Отказаться прямо отъ работы надъ окончаніемъ дѣла—не налегла рука! Какъо ни есть, но свое дитя, и прямо бросить его показалось неумѣстнымъ. А впрочемъ, я не только не буду въ претензіи, а, напротивъ, останусь весьма благодаренъ, если вздумаютъ снять съ меня сію тяжесть. Мнѣ же и въ настоящемъ мѣстѣ положительно очень неудобно продолжать работу, ибо и въ Харьковѣ, подобно какъ въ Вологдѣ, я не нашелъ самыхъ обыкновенныхъ книгъ, какъ-то: «Собранія Соборовъ». Къ сожалѣнію и удивленію, университетская бібліотека такъ же въ семъ отношеніи скудна, какъ и семинарская».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что продолженіе работъ по «Догматическому Сборнику» было для Иннокентія дѣломъ если не невозможнымъ, то положительно несоотвѣтствующимъ ни желанію составителя его, ни цѣлямъ самаго труда. Между тѣмъ, изъ Петербурга шли письма и предписанія о скорѣйшемъ окончаніи «Сборника». Нѣсколько ранѣе, преосвященный желалъ, какъ мы видѣли, хотя незначительную часть труда передать другимъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ, онъ, хотя и съ стѣсненнымъ сердцемъ, рѣшился, по видимому, отказаться отъ «своего дитяти», такъ долго лелѣемаго въ его мысляхъ. Въ письмѣ отъ

¹⁾ Митрополита Филарета.

13-го сентября 1842 г. Иннокентій откровенно и высказался передъ своимъ петербургскимъ другомъ:

«Его сіятельство, — писалъ онъ, — вѣроятно, удивится, получивъ письмо мое съ отказомъ моимъ отъ «Догматическаго Сборника». Да, я рѣшился на это; послѣ отношенія, мною полученнаго, мнѣ нечего было дѣлать болѣе. Требовать отъ человѣка текста, когда знаютъ, что у него нѣтъ книгъ, значить — требовать невозможнаго. Не вздумали бы, вслѣдствіе сего, сдѣлать мнѣ какой-либо непріятности? Я ей буду радъ, ибо это будетъ прекрасный случай сойти съ пути административнаго, давно мною искомый и доселѣ не находимый».

Казалось бы, при столь неблагопріятныхъ условіяхъ для продолженія труда, особенно при видимомъ нежеланіи самого преосвященнаго продолжать его, нечего было особенно и требовать отъ него; оставалось довольствоваться тѣмъ, что дѣлалъ и что могъ сдѣлать харьковскій владыка. Но петербургскіе чиновники духовнаго вѣдомства и чуть-ли не во главѣ ихъ другъ Иннокентія, относились къ этому иначе; имъ хотѣлось во что-бы то ни стало добиться отъ преосвященнаго составляемаго имъ «Сборника». Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ черноваго письма къ нему петербургскаго друга, отъ 10-го января 1843 г., гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«У насъ приближается время отчета, и необходимо сказать въ немъ что нибудь новое о «Догматическомъ Сборникѣ». Не найдете-ли, ваше преосвященство, возможнымъ ускорить присылкою его сюда, какъ онъ есть: разумѣется одинъ переводъ, о коемъ вы уже писали, что готовъ. Ради Бога, не стѣжуйте, если осмѣливаюсь напомнить о семъ важномъ трудѣ, котораго идемъ нетерпѣливо и который, хотя стоилъ вамъ многихъ заботъ, но не менѣе того долженъ исполнить благодарности всякаго, кто онымъ будетъ пользоваться. Радъ бы я не беспокоить васъ: но какъ же и мнѣ быть съ отчетомъ? Исключить статью нельзя, показать въ томъ же видѣ — такъ же невозможно. По крайней мѣрѣ долгомъ считаю предварить частнымъ моимъ вопросомъ итѣющій послѣдовать обычный вопросъ официальный».

Думать надобно, что такія поощренія не особенно могли располагать къ труду преосвященнаго Иннокентія по составленію «Сборника». Спрашивается: что же оставалось ему дѣлать въ виду

только что сказанныхъ обстоятельствъ или условій, при которыхъ онъ продолжалъ свой трудъ, хотя бы и любимый имъ и по существу чрезвычайно важный? Очевидно, преосвященному оставалось дѣлать только то, что было возможно при его положеніи. И вотъ, мы видимъ, что Иннокентій (такъ онъ самъ съ горечью извѣщалъ петербургскаго друга о своихъ, по видимому, чрезвычайно скромныхъ работахъ) «съ весною (1843 г.) сѣлъ за «Сборникъ», переписывалъ что есть и какъ есть». Выходила всетаки «книжка порядочная». Къ концу года трудъ Иннокентія близился къ окончанію. Казалось бы, повторяемъ, разнымъ составителямъ официальныхъ отчетовъ можно было бы довольствоваться такимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, о чемъ и слѣдовало упомянуть во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за тотъ годъ, о которомъ идетъ рѣчь. Но въ данномъ случаѣ мы видимъ совершенно противное этому. Въ письмѣ отъ 14-го февраля 1844 г., Иннокентій какъ-то печально-укоризненно говоритъ своему петербургскому другу: «Сказать-ли что-либо вамъ о своемъ «Сборникѣ»? Г. сочинитель отчета по духовному вѣдомству какъ будто предчувствовалъ, что онъ долженъ нынѣ кончиться, прошедь его молчаніемъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро долженъ явиться къ вамъ, въ совершенствѣ или съ недостатками—не намъ судить о томъ. Впрочемъ, это трудъ, по самому существу своему, таковъ, что не можетъ обратить на себя вниманія тѣхъ, кои не имѣли случая заниматься дѣлами подобнаго рода».

При всемъ томъ, Иннокентій не переставалъ трудиться для «Сборника», хотя и получалъ изъ Петербурга письменныя извѣстія не совсѣмъ одобрительнаго свойства на счетъ медленности въ окончаніи имъ своего труда. Какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ за это время преосвященнаго къ своему другу, онъ не разъ жаловался на свое крайне затруднительное положеніе, писалъ «не поборно», въ чемъ «паки и паки» просилъ извиненія, прибавляя,

¹⁾ Это совершенно справедливо, ибо мы не нашли въ «Извлеченіи изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1844 г.» никакихъ о настоящемъ трудѣ преосвященнаго указаній или даже упоминаній,—обстоятельство очень странное, особенно если вспомнимъ, что составленіе отчетовъ было дѣломъ петербургскаго друга Иннокентія.

однако, напримѣръ, то, что «самое дѣло, благодаря Бога, идетъ хорошо; начинаемъ переписывать уже IV-й вѣкъ; до IX-го выйдетъ порядочное in folium» и проч.

Между тѣмъ, изъ Петербурга слѣдовали совѣтъ за увѣщаніемъ, запросъ за предписаніемъ преосвященному—и все относительно дальнѣйшаго труда его по «Сборнику», такъ что, наконецъ, трудъ этотъ, предпринятый по желанію и почину Иннокентія, принялъ характеръ просто официальный, чиновничій,—чего никакъ не желалось ученому и даровитому харьковскому іерарху, всегда желавшему видѣть «дѣло для самаго дѣла». 2-го іюня 1845 г., Иннокентій писалъ своему петербургскому другу, между прочимъ, вотъ что: «Совѣстно мнѣ, что я доселѣ не отвѣчалъ еще на запросъ касательно дальнѣйшихъ мыслей о «Сборникѣ». Но эти мысли таковы, что ихъ неудобно излагать на бумагѣ, а, между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ долженъ явиться къ вамъ 1-й томъ «Сборника», изъ коего дѣло виднѣе будетъ, нежели изъ десяти писемъ. Благоволите довести сіе обстоятельство до свѣдѣнія его сіятельства, дабы не возымѣлось мысли, что я пренебрегаю запросомъ. По слѣдующей почтѣ, впрочемъ, я постараюсь отвѣчать общимъ образомъ, чтобы соблюсти въ перепискѣ законную форму».

Въ половинѣ 1845 г., первая часть труда была окончена, и преосвященный нашелъ лучшимъ озаглавить книгу не «Догматическій Сборникъ», а «Памятникъ вѣры православной». Немедленно рукопись сдана была въ типографію для напечатанія, при чемъ Иннокентій самъ корректировалъ ее. 1-го сентября 1845 г. онъ писалъ своему другу: «Теперь дочитываю корректуру первой части своего «Памятника вѣры», а на слѣдующей недѣлѣ онъ долженъ отправиться къ вамъ. Просимъ не осудить его убожества и прикрыть, чѣмъ можно, его наготу. А для меня будетъ праздникомъ уже самое отправленіе его, ибо во всю жизнь я не чувствовалъ таковой тяжести, какъ отъ сего невиннаго, самого по себѣ, но крайне затруднительнаго, по обстоятельствамъ, дѣла».

Дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ первая часть «Памятника» была отправлена въ Петербургъ. Въ то же время преосвященный слѣшилъ окончаніемъ и второй части. Между тѣмъ, ему было очень желательно слышать мнѣніе о своемъ трудѣ отъ

непосредственно заинтересованных въ этомъ дѣлѣ лицъ, т. е. тѣхъ, которыя держали въ своихъ рукахъ бразды управленія по духовному вѣдомству,—и желалъ этого Иннокентій не въ какихъ нибудь видахъ авторскаго самолюбія, а съ цѣлями совершенно иного свойства. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ послѣ сейчасъ приведеннаго письма, именно 10-го октября (1845 г.), преосвященный писалъ своему другу: «Хотѣлось бы поскорѣе развязаться съ II-мъ томомъ моего «Памятника». Первый уже въ вашихъ рукахъ. Что съ нимъ? Если возможно, то желательно было бы поскорѣе услышать хотя главное мнѣніе — не изъ любопытства, а для того, чтобы сообразиться, если то нужно и возможно, съ нимъ при составленіи II-го тома».

Въ слѣдующемъ году (16-го февраля), Иннокентій, видимо заинтересованный мнѣніемъ о своемъ трудѣ высшихъ духовно-административныхъ лицъ, высказалъ своему петербургскому другу, какъ личный свой взглядъ на него, такъ и затруднительныя условія, при которыхъ онъ исполнялся. Преосвященный, между прочимъ, писалъ по этому поводу:

«Мыслей вашихъ о первомъ томѣ «Сборника»¹⁾ буду ожидать съ нетерпѣніемъ. На счетъ достоинства этой книги я не только не предубѣжденъ, а еще самъ первый готовъ быть ея обвинителемъ. Извиненіе одно—что, при моихъ обстоятельствахъ, въ десять разъ сдѣланное было труднѣе дѣлать, нежели въ другомъ положеніи. Около двухъ лѣтъ почти я оставался даже въ той мысли, что ничего нельзя сдѣлать похожаго на цѣльный трудъ. Скажутъ: все-же можно было выполнить присланную мнѣ, не знаю кѣмъ, составленную программу. Но, что же бы вышло изъ сего выполненія? Таковой скелеть, и при томъ неполный, стыдно было показать кому-либо. Это походило бы на то, какъ изъ допотопнаго міра отрываютъ части какого-либо животнаго».

Къ началу того же 1846 г. оконченъ былъ и II-й томъ «Памятника вѣры». Иннокентій думалъ составить и третью часть, но отложилъ осуществленіе этой мысли, какъ по причинѣ только что указанныхъ обстоятельствъ, такъ и потому, что задача этого, такъ сказать, дополнительнаго труда могла быть выпол-

¹⁾ Т. е. «Памятника вѣры православной».

нена и другими лицами. Въ только что приведенномъ письмѣ отъ 16-го февраля, преосвященный писалъ своему другу: «Со святымъ и великимъ постомъ. Да будетъ онъ для васъ тѣмъ, чѣмъ быть ему для всѣхъ насъ желаетъ церковь святая. А мнѣ начало его дорого и памятно будетъ уже однимъ тѣмъ, что я вступаю въ него безъ прежней тяжести (исключая грѣховной) на плечахъ. «Памятникъ» мой не только конченъ, но и отправляется по слѣдующей почтѣ къ вамъ. Не лишите его благосклоннаго взора и пріюта. Думалось-было составить еще третью часть, собственно для раскольниковъ, т. е. собрать воззванія къ нимъ нашихъ соборовъ и пастырей. Но это могутъ сдѣлать и другіе, если окажется нужнымъ. И безъ того трудъ, каковъ ни есть, имѣетъ свою надлежащую полноту».

Н. М. В—овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНИИ, ИТАЛІИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

въ 1784—1788 гг. ¹⁾.

Римъ.—12-го (23-го) февраля 1785 г.

Былъ у Баттони ²⁾ и видѣлъ портретъ Скавронской и нѣкоторыя картины; въ лицахъ его мало экспрессіи и колоритъ съ натурой не сходенъ. Послѣ обѣда получилъ твое письмо, за которое благодарю, хотя и не понимаю, что чрезъ слѣдующее сказать хочешь: «regardez moi autant ce que vous faites, que ce que vous croyez faire» ³⁾.

Вечеромъ былъ у аббата Amaduzzi ⁴⁾ и такъ симъ знакомствомъ доволенъ, что у него, противъ намѣренія, часа съ три пропадалъ. Онъ нападалъ, къ моему крайнему удовольствію, на правленіе Clement XIV и разсказалъ мнѣ подробно обстоятельства разрушенія ордена ⁵⁾. Я не упустилъ разспросить его обо всемъ и, при нашемъ свиданіи, тебѣ много разскажу, когда ты хочешь. Я тебѣ очень благодаренъ за доставленіе мнѣ сего знакомства.

24-го. Былъ въ славной церкви св. Петра... Ее не моему перу описывать... Обѣдалъ у Разумовскаго. Вечеромъ бралъ первый урокъ англійскому языку и началъ италіанскому обучаться и читать съ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 207—240.

²⁾ Помпеіо Джироламо Баттони (Battoni), живописецъ, р. 1708, † 1787 г., въ Римѣ. Кн. Л.-Р.

³⁾ Переводъ: Пиши мнѣ какъ о томъ, что дѣлаешь, такъ и о томъ, что думаешь дѣлать.

⁴⁾ Амадуцци (Giovanni-Christoforo Amaduzzi), италіанскій ученый, род. 1740, † въ Римѣ 1792 г. Кн. Л.-Р.

⁵⁾ Вопросъ объ іезуитахъ весьма живо интересовалъ общество того времени, по причинѣ дѣятельнаго участія, которое принималось въ немъ почти всѣми дворами Европы и за и противъ ордена. Извѣстна оппозиція Фридриха Великаго и императрицы Екатерины II рѣшенію папы уничтожить орденъ. Н. В.

аббатомъ (въ рукописи пробѣлъ), который человекъ преученный, съ Амадуцциемъ знакомъ очень и у насъ въ кадетскомъ корпусѣ нѣкоторое время былъ.

25-го . . . Несказанно на наши убранства досадовалъ, что, не взирая на то, что намъ и безъ того мало времени, мы все новыя вещи затѣваемъ, которыя у насъ его отымають. И такъ, по условію, поѣхалъ къ Разумовскому, чтобы съ нимъ ѣхать къ кардиналу Бернису ¹⁾, у котораго онъ почти каждый день. Тебѣ сей домъ извѣстенъ, такъ какъ и принцесса Святаго Креста ²⁾. Людей чрезвычайно много было, а паче министровъ не у своихъ мѣстъ—четыре находились: отставной вѣнскій, изъ Неаполя Лазъ-Казасъ, который, чрезъ нѣсколько дней, отъ своего двора туда министромъ ѣдетъ, Разумовскій и Юсуповъ, котораго я нынче съ его красавицей на концертѣ Берниса еще видѣлъ, и она мнѣ еще мѣше, нежели концертъ, понравилась: я не видѣлъ лица приличнѣе для служанки.

26-го февраля.—Изъ Рима.

Юсуповъ, какъ я уже тебѣ сказывалъ, въ одну сіенскую даму, которая здѣсь находится, влюбленъ, и всѣхъ допрашиваетъ: «не дивятся ли ея красѣ?»—и до сихъ поръ только одинъ это въ ней видитъ! Правду сказать: этого и довольно.

27-го: Былъ у Анжелики Кауфманъ ³⁾, о которой мое мнѣніе, что ея картины пріятны, но когда увидишь одну, то и всѣ уже видѣлъ, ибо онѣ очень другъ на дружку походятъ, а паче лица. Сверхъ того, кажется мнѣ, что фигуры ея болѣе на древнія статуи, нежели

¹⁾ Кардиналъ Бернисъ (Bernis), р. 1715, † въ Римѣ 1794, бывшій французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а съ 1769 года по самую смерть—посолъ версальскаго двора въ Римѣ, человекъ умный и любезный, но добившійся нѣкоторой извѣстности маленькими стишками и интригами. Фридрихъ Великій звалъ его «цвѣточницей Бабетой». По словамъ фонъ-Визина, только у него въ домѣ можно было найти французскія газеты, вслѣдствіе строгой цензуры того времени въ Римѣ, и только у него можно было встрѣтиться съ людьми и отобѣдать.

²⁾ О принцессѣ Санта-Кроче говорить фонъ-Визинъ, что у ней бываетъ весь городъ и что, во время этихъ сѣздовъ, на крыльцѣ нѣтъ ни плочекъ. (Соч. фонъ-Визина, изд. Ефремова). Такъ какъ фонъ-Визинъ и Н. В. Зинovieвъ были въ Италіи въ одно время, то Записки одного пополняются Записками другаго, тѣмъ болѣе, что точки воззрѣнія у нихъ различны на столько, что то, что обращало вниманіе одного, оставалось незамѣченнымъ другимъ. Н. В.

³⁾ Анжелика Кауфманъ р. 1741 г., † въ Римѣ 1807 г. Кн. Л.-Р.

на изображенія нынѣшнихъ людей походятъ. Алфаветы ¹⁾, которые ты желалъ, къ моему отъѣзду поспѣютъ и будутъ переплетены. Заѣзжалъ къ Рауумовскому, котораго дома не засталъ, потому что онъ съ одной г-жой Гоерсъ, урожденной Клари, старья щи разогрѣваетъ. Оттуда поѣхалъ съ своими товарищами и съ Сантинимъ ²⁾ къ его любезной, которую, какъ мнѣ сказывали, чтѣ и вѣроятно, онъ содержитъ. Здѣсь былъ концертъ, составленный изъ дипломатовъ, на которомъ она пѣть изволила посредственно и довольно громко. Сокровище сіе готовится во вторыя актрисы моему отечеству! Какъ не цвѣсти государству, когда и о бездѣлицахъ толь славные люди пекутся, каковъ здѣсь нашъ консулъ!

Изъ Рима, 1-го марта. Жалобой начну на здѣшнюю погоду, гдѣ такъ холодно и такъ забну, какъ нигдѣ не забъ. Представъ себѣ, что, по приѣздѣ сюда, двѣ ночи къ ряду не могъ заснуть отъ стужи!

Окончивъ свой англійскій урокъ, поѣхалъ къ St. Croche, гдѣ былъ представленъ приѣхавшей сюда Толстой, племянницѣ любезнаго твоего Остермана ³⁾, мужъ которой влюбился въ какую-то старую президентшу въ Туринѣ и остался такъ долго, что почтенный его дядя и милый твой начальникъ его изъ вида потерялъ и такъ встревожился, что всѣмъ своимъ подкомандующимъ писалъ, чтобы его отыскивали, и даже въ Франкфуртъ къ Биллеру объ этомъ повелѣніе далъ. Вотъ, учись предосторожности! Я увѣренъ, что онъ объ этомъ и Кашкина ⁴⁾ въ Тобольскѣ увѣдомилъ,—дѣло возможное, что онъ и туда прямо могъ приѣхать! Невѣроятно, какъ молодые люди въ здѣшнихъ краяхъ себя оказываютъ! Представъ, что сей упомянутый Толстой, подражая довольно несчастливо французу, одѣтъ очень странно, имѣя камзолъ пѣшей гвардіи—подъ кирасирскимъ мундиромъ! Какой отчетъ любопытнымъ иностраннымъ о своемъ одѣяннн дать можетъ?

Все, что я до сихъ поръ изъ своихъ путешествующихъ знакомыхъ видѣлъ, приводитъ меня къ мнѣнію, что ихъ весьма рано изъ госу-

¹⁾ Алфаветы, вѣроятно, требовались для маленькихъ дѣтей гр. Семена Романовича Воронцова.

²⁾ Русскій консулъ въ Римѣ.

³⁾ Гр. Иванъ Андреевичъ Остерманъ (р. 1725, † 1811) въ это время былъ вице-канцлеромъ; въ послѣдствіи (1796), при императ. Павлѣ—государственнымъ канцлеромъ. 21-го апрѣля 1797 года вышелъ въ отставку и переселился на жительство въ Москву.

⁴⁾ Евгенийъ Петровичъ Кашкинъ (умер. 1796 г.)—генералъ-губернаторъ пермскаго и тобольскаго намѣстничества. Въ послѣдствіи былъ генералъ-губернаторомъ сначала ярославскаго и вологодскаго, а потомъ тульскаго и калужскаго.

дарства высылають, что они не только себѣ пользу чрезъ то не приобрятають, но, возвратясь, самимъ, а чаще еще и государству, вредны дѣлаются..... Прости.

Римъ.—23-го (12-го) февраля.

Утро провелъ за чтеніемъ Винкельмана ¹⁾. Послѣ обѣда былъ въ капеллѣ Сикстинской, гдѣ слышалъ ламантационы и славный «*pi-segege*»; первое посредственно, послѣднее мнѣ показалось безпримѣрно, однимъ словомъ—небесной музыкой. Нельзя сравнить какъ поютъ *pi-segege* здѣсь и у насъ, не взирая на то, что говорятъ, что наша капелла лучше папской. Вечеромъ ѣздилъ въ «*Trinito del Pelegini*», гдѣ кардиналы и прелаты пилигримамъ ноги моютъ, что не только не приятно, но, напротивъ—очень гадко видѣть; ужинъ же ихъ, при которомъ тоже верховное духовенство служитъ, весьма великолѣпнень. и удивительно, что, при такомъ великомъ множествѣ, порядокъ есть, да сверхъ того блюда хороши и изобильно приготовлены! Я думаю, что эти тунеядцы, нажрасъ въ три дня, пѣлюю недѣлю потому не ѣдятъ! Сказывали мнѣ, что въ иной годъ ихъ до 24,000 человекъ бываетъ и всѣ почти угощены три дня, такъ что въ эти года общество, которое сіе учрежденіе завело, въ большой долгъ входитъ. Странно, что папы со всѣхъ католиковъ деньги собирають, а въ такомъ дѣлѣ никакого участія не имѣють. Они съ расчетомъ на своемъ стулѣ сидятъ!

24-го. Поутру былъ въ капеллѣ Sixtina, гдѣ, послѣ обѣдни, пошелъ папа ²⁾ къ гробницѣ Спасителя; послѣ чего благословилъ городъ и свѣтъ. Надобно тебѣ объ этомъ благословеніи сказать, что считаютъ, что оно не только до конца города, но даже до сорокамильной окружности достигаетъ, не такъ какъ то, которое въ Свѣтлое воскресенье будетъ, ибо оно только до мѣста «*St. Angelo*» достигаетъ; нынѣшнее я не могъ видѣть, ибо тяжело все вмѣстѣ соединить. По окончаніи обѣдни, пошелъ я—гдѣ папа двѣнадцати пилигримамъ ноги моетъ, церемонія, которую онъ довольно проворно оканчиваетъ. Послѣ сего этимъ же пилигримамъ обѣдъ былъ, за

¹⁾ Винкельманъ (Jease Joachime Winkelmann, род. 1717 въ Бранденбургѣ, убитъ въ 1768 г. въ Триестѣ) знаменитый антикварій и писатель по части живописи и ваанія. Онъ считается основателемъ новой эстетики. Изъ числа его сочиненій, на русскій языкъ переведено: «Руководство къ точнѣйшему познанію древнихъ и хорошихъ живописей и проч.» Спб. въ тип. Вильковскаго, 1798 г. (См. росписъ Смирдина, № 5,382-й).

Н. В.

²⁾ Піпъ VI (р. 1717,†1799), изъ фамиліи Браски (Braschi),—папа съ 1775 года

Кн. Д.-Р.

которымъ папа служилъ и съ великою ловкостію кушанья подавалъ, которыя часто перемѣнять принужденъ былъ, ибо и здѣсь всякій за пятерыхъ ѣлъ. Невѣроятна тѣснота, которая здѣсь была! Я до сихъ поръ не понимаю: какъ несчастій не было? Представь же себѣ, что, чрезъ эту тѣсноту, гдѣ бы булавка до земли не дошла,—подносы, на которые для прожоръ блюда поставлены были, пронесли! При этомъ случаѣ не малая давка была и я отъ ней локтями и отъ подносовъ поднятыми руками защищался и такъ оные отъ себя перегнулъ, что на другую сторону жареная рыба, бывшая на тарелкахъ, повалилась аббатамъ на головы....

Вечеромъ опять былъ у Miserege, сочиненія Peroli; онъ мнѣ не такъ понравился какъ вчерашній—Allegri ¹⁾). По окончаніи сего былъ въ нѣкоторыхъ церквахъ, чтобы посмотрѣть, по нашему сказать—плащаницу, но, кромѣ большого свѣта отъ свѣчей, въ сихъ поворищахъ ничего не видалъ.

25-го. И нынче, также въ 9 часовъ, въ Capelle Sixtina былъ; папа со скинутыми башмаками и съ тремя книксами цѣловалъ крестъ, а послѣ него, по порядку, верховное духовенство оное же дѣлало; потомъ пошелъ онъ въ процессію въ «Capelle Paulina» причастіе опять въ капеллу Сикстина принести, что исправно и сдѣлалъ.

Отъ Сантина твои два письма получилъ, которыя мнѣ удовольствіе сдѣлали, а паче краткая исторія, которую ты нашей дружбѣ дѣлаешь. Дай Боже, чтобы она все сильнѣе дѣлалась и вѣкъ бы продолжила! Кормилицу мнѣ очень жаль, и я желаю, чтобы она поскорѣе выздоровѣла. Послѣ обѣда смотрѣлъ какъ величайшей церкви магѣйшій реликвій казали, да сверхъ того съ балкона, который такъ высокъ, что папу, который онымъ жителей крестилъ, почти не видать было. Святѣйшій тутъ молитву творилъ,—не знаю о чемъ, но знаю, что очень долго и такъ, что, не взирая на мою страсть къ церемоніямъ, я смотрѣть терпѣніе потерялъ! Дина молитвъ папскихъ заставляеть меня думать, что много въ нихъ пустаго находится!....

По приѣздѣ изъ Пизы. (Куда авторъ ѣздилъ для свиданія съ гр. Семеновъ Воронцовымъ).

..... Я тебѣ одну свою мысль скажу, которую я очень давно питаю, что я, можетъ быть, сдѣлаюсь, такъ какъ и Лойелось, начальникомъ ордена. Не знаю—буду ли такой счастливый успѣхъ имѣть, какъ онъ, но въ томъ увѣренъ, что предметъ и исполненіе онаго наисвя-

¹⁾ Miserege соч. Allegri произвело также впечатлѣніе на Д. И. фонъ-Визина (Слѣд. «Путешеств. его по Италіи». Соч. фонъ-Визина, издан. Ефремова).

тѣйшіе будутъ. Оно состоитъ въ томъ, что, когда наскучу свѣтомъ, не буду имѣть фамилныхъ обязательствъ, то обращу свое недвижимое имѣніе въ капиталъ, употреблю изъ онаго часть на самое нужнѣйшее свое содержаніе, а прочее—на вспомошествованіе несчастнымъ, которыхъ благомъ единственно заниматься буду. Знаешь ли, что хотя чувствую, что сія мысль никогда въ дѣйствіе произведена, можетъ быть, не будетъ, но утѣшаюсь, что нѣтъ несчастія на свѣтѣ, которое могло бы меня бесполезнымъ на свѣтѣ сдѣлать ¹⁾).

Цѣльнѣй свѣтъ къ войнѣ собирается, для чего и мнѣ немного не повоевать?—я тебѣ сверхъ того войну обѣщаль и теперь хочу слово свое сдержать, только, чуръ, безъ огненнаго оружія, и ты не употреби лукавства. И такъ, шишакъ на головѣ, латы надѣты, копье въ рукахъ, бери ты теперь щитъ и защищайся.

Чтобы съ тобою проститься, чтобы тебя еще разъ предъ девяти-мѣсячною разлукой видѣть, поѣхалъ я къ тебѣ въ довольно неприятное время и назвалъ бы свой путь безпокойнымъ, когда бы онъ удовольствіемъ тебя видѣть не награжденъ былъ. Малое время нашего вмѣстѣ пребыванія принуждало бы насъ онимъ пользоваться, но ты, любезнѣйшій, вздумалъ Тотта ²⁾ читать и на оное дни и ночи употреблялъ, такъ что подъ конецъ и меня оное дѣлать принудилъ:

¹⁾ Авторъ писемъ не ограничивался одними словами, но и на дѣлѣ проводилъ высказанныя имъ мнѣнія и убѣжденія. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1789 г., въ № 16-мъ, отъ 24-го февраля, изъ Новгорода, читаемъ: «На сихъ дняхъ, въ новгородскомъ главномъ училищѣ, въ присутствіи ихъ превосходительство г-дъ отправляющихъ должность генералъ-губернатора, Николая Петровича Архарова, и правителя намѣстничества Петра Федоровича Квашнина-Самарина, при посѣщеніи преосвященнаго Афанасія, епископа старорусскаго, благороднаго дворянства и лучшаго купечества, воспослѣдовало годоваго экзамена окончаніе, раздѣленіемъ приличныхъ награжденій учащимся за оказанныя успѣхи въ предметахъ ученья, при чемъ г. директоръ училищъ объявилъ, что его прев—во дѣйствительный камергеръ Василій Николаевичъ Зиновьевъ представилъ въ новгородское главное училище 12 крестьянскихъ мальчиковъ, изъ своихъ деревень, въ Новгородской губерніи состоящихъ, для обученія предметамъ ученья, на собственномъ его содержаніи, кои съ позволенія начальства и приняты въ училище, съ должной къ его прев—ству за довѣріе признательностью». Если вспомнимъ почти полное равнодушіе нашего дворянства того времени къ дѣлу народнаго образованія, то нельзя не признать за В. Н. Зиновьевымъ—едва ли не первую почину въ этомъ дѣлѣ. Этотъ официально-извѣстный поступокъ Василія Николаевича достаточно ясно разъясняетъ складъ его ума, его убѣжденій и теплаго расположенія къ своему ближнему.

Н. В.

²⁾ Баронъ Тоттъ (р. 1733,†1793), извѣстный артиллеристъ, который своею дѣятельностію парализировалъ успѣхи гр. Орлова въ Турціи. Общественное мнѣніе Европы приписывало ему солидарность съ дѣйствіями Пугачева, что и выразилось въ письмѣ Вольтера къ императр. Екатеринѣ. Тоттъ извѣстенъ, какъ авторъ: «Mémoires sur les Turcs et les Tartares» 1784, 4 vol. in 8—сочин-

все это я называю дурно время проводить, даже и нехорошій расчетъ.... Когда бы тебѣ Тоттъ равно миль со мною былъ, ты могъ бы его съ собою везти, я же съ тобой разставался. Вторая моя на тебя жалоба, что передъ моимъ отъѣздомъ ты мнѣ сказалъ, <что послѣ меня тебѣ будетъ грустно>; я тебѣ съ откровенностію предлагалъ остаться у тебя до твоего отъѣзда; ты самъ, давъ мнѣ мысль, что мое присутствие можетъ быть тебѣ полезно, отказался отъ онаго, послѣ чего мнѣ уже оставаться у тебя невозможно показалось, не смотря на то, что я, въ мысляхъ своихъ, готовъ былъ и, клянусь тебѣ, что на языкѣ уже рѣшительное приказаніе, послѣ твоего чаяемаго <да>, Лемсу¹⁾ было, чтобы въ твоей спальнѣ мнѣ спать готовить. Вотъ тебѣ жалоба на моего любезнаго Сеньюшку, вотъ тебѣ война изъ осажденнаго мной разъ города; но, кончивъ войну, немедленно и миръ заключаю; останемся всякій при своемъ: ты—сохрани мнѣ въ той же силѣ свою дружбу, что для меня безцѣнно, а я—увѣряю тебя, что ничто моей привязанности къ тебѣ переменить не можетъ. И такъ, миръ заключенъ, обоюдное объятіе въ Лондонѣ оное заключить!

Теперь скажу тебѣ что нибудь о моей дорогѣ изъ Флоренціи. Поѣхалъ въ 11 часовъ вечеромъ, встрѣтился у воротъ съ Разумовскимъ, который въ оный городъ съ своимъ братомъ, выѣхавшимъ къ нему на встрѣчу, пріѣхалъ. Сей Разумовскій очень на Оберта, бывшаго гувернера моего племянника, похожъ. По пріѣздѣ моемъ въ Римъ изъ Пизы, зачалъ тотчасъ одѣваться, чтобы ѣхать на церемонію въ Capelle Sixtina, гдѣ мнѣ чтеніе разными голосами евангелія св. Матвѣя и соединеніе при этомъ хора очень понравилось. Вечеромъ былъ у фонъ-Визина²⁾, который очень оправился и все продолжаетъ покупать. Забылъ тебѣ сказать; что въ день моего пріѣзда была Курляндская герцогиня³⁾ папѣ представлена въ сакристіи. Elle s'est parfaitement bien acquitté de cela⁴⁾.

венія, переведеннаго на многіе языки. Какъ человѣкъ военный, гр. Семень Романовичъ Воронцовъ интересовался сочиненіемъ ученаго артиллериста.

¹⁾ Слуга автора,—иностраниецъ.

²⁾ Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ былъ въ Италіи въ одно время съ Василіемъ Николаевичемъ Зиновьевымъ. Въ 1785 году фонъ-Визинъ занемогъ въ Римѣ нервнымъ ослабленіемъ; но ему стало лучше, о чемъ и замѣчаетъ авторъ. (См. Соч. фонъ-Визина, изд. Ефремова).

³⁾ Герцогомъ Курляндскимъ съ 1769 по 1795 г. былъ Петръ Биренъ (р. 1724, † 1800), сынъ знаменитаго временщика Бирена. Герцогъ Петръ Биренъ былъ женатъ: 1) съ 15-го окт. 1765 г. на принцессѣ Вальдекской; она съ нимъ развелась въ 1772 году; 2) на княжнѣ Евдокиѣ Борисовнѣ Юсуповой, которая тоже съ нимъ развелась въ 1778 г. и умерла въ 1780 г.; и наконецъ 3) съ 1779 года на графинѣ Шарлоттѣ Медемъ. Авторъ, очевидно, говоритъ о третьей супругѣ герцога.

⁴⁾ Переводъ: она отлично съ этимъ справилась.

6-го марта 1785 г.—Изъ Рима.

Надѣюсь, что ты мое письмо съ Протасовымъ уже получилъ; отправляю тебѣ сіе и прошу сдѣлать мнѣ одолженіе—отвѣчать какъ можно скорѣе. Я предпринимаю одно дѣло, которое, безъ твоего совѣта, никакъ исполнить не хочу. Не думай, что жениться собираюсь! Правда, что хочу приобрѣсть одну особу, но не живую, а изъ мрамора. Канова, отъ котораго мнѣ хотѣлось маленькую статуу имѣть, уговариваетъ и проситъ меня, чтобы я лучше заказалъ того же сидячаго Марса въ натуральный ростъ сдѣлать, говоря, что въ большемъ видѣ онъ самыя малыя части можетъ видными сдѣлать. За маленькую проситъ 400 скудовъ, а за большую 800. Такъ какъ сіе не прежде какъ чрезъ два года кончится, то я думаю оставить ему, при отъѣздѣ, половину, а вторую половину въ два текущіе года заплатить. Я увѣренъ, что буду имѣть вещь, которой подобной у насъ не будетъ; но вопросъ, любовный мой: будетъ ли сіе тобой апробовано? И такъ, дай мнѣ на то твой совѣтъ; я его ожидаю.

Флоренція.—17-го марта.

Я ѣду отсюда чрезъ полчаса. Заказалъ себѣ рѣзать камни и, между прочимъ, дѣлаю лошадь безъ узды; хочу, по крайней мѣрѣ, вольность носить, когда ея не могу имѣть! И такъ, прошу тебя прислать сюда одинъ «empreinte» ¹⁾ твоего перстня, на которомъ лошадь безъ узды. Прости....

30-го марта.—Изъ Рима.

..... Обѣдалъ у кн. Юсупова, который многихъ за столомъ ругалъ, между прочимъ перваго своего злодѣя, герцога Курляндскаго, который хотя этого и стоитъ, но лучше бы было, когда бы онъ сіе другимъ оставялъ.

1-го апрѣля. Поутру получилъ твои два письма вдругъ. Одна изъ пріятныхъ для меня вещей было слышать, что кормилица выздоровѣла. Извиненіе твое, что будто я прежде Тотта читать началъ—несправедливо. Да, объ семь полно; мы миръ сдѣлали и «кто старое

¹⁾ Оттискъ печати.

помянуть—тому глазъ вонъ». «Война»—куда какъ я ея не люблю, и Канова это знаетъ, изображая мнѣ статую «мира». Что меня, сверхъ того мучить—это рекрутскій наборъ: меня вѣтъ на мѣстѣ, и боюсь, чтобы деревни мои посему не пострадали ¹⁾.

Римъ.—7-го апрѣля.

Не видалъ и нынче музея; наложеніе шляпы кардиналу Доріи тому причиной было. Церемонія сія не такъ важная, чтобы памяти была достойна; но однако я долженъ примѣтить, что въ промежуткѣ сей церемоніи читали въ консисторіи процессы святыхъ и между прочими хвалами, которыя одному дѣлали, находилась и та, что онъ никогда на женщинъ не глядѣлъ. По моему, этакій грѣхъ я бы никому не простилъ и счелъ бы нерадѣніемъ не видать самое пріятнѣйшее для насъ твореніе Всевышняго.

До обѣда, ѣздилъ къ ремесленнику Локанжулли, который модель перки св. Петра дѣлаетъ и которую государыня за 1,000 червонцевъ у него заказала, чтобы въ маленькомъ видѣ видѣть освѣщеніе купола въ праздникъ св. Петра. Модель сія въ $2\frac{3}{8}$ раза менѣе нежели настоящая, если я въ своемъ счетѣ не ошибся. Какъ сіе предпріятіе окончится—того не знаю, но болѣе недогадливаго ремесленника я еще не видалъ. Представъ себѣ, что онъ, вмѣсто того, чтобы принять какую нибудь положительную мѣру, вздумалъ свою,—и теперь, чтобы привести всѣ части въ надлежащую препорцію, принужденъ всякую часть самъ въ натурѣ измѣрять. Надобно быть очень просто, чтобы себѣ такой напрасный трудъ сдѣлать!

Послѣ обѣда заходилъ къ Юсупову и засталъ его въ весьма странномъ спорѣ съ кн. Трубецкимъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, въ доказательство, что онъ ни за какой женщиной не волочится не имѣвъ ея, письма изъ кармана вытаскивать зачалъ! Я, по чести, не воображалъ, чтобы это въ дѣйствительности быть могло, и считалъ такое позорище единственно приличнымъ для театра! Вечеромъ былъ въ концертѣ у кардинала Берниса, гдѣ меня Лембергъ представилъ маркизу Литтѣ ²⁾, съ которымъ я буду стараться, въ сует-

¹⁾ Въ 1785 г. въ Россіи не было войны и авторъ, вѣроятно, лишь предвидитъ ея возможность, по тѣмъ политическимъ complicacіямъ, которыя существовали между европейскими кабинетами.

²⁾ Гр. Юлій Помпеевичъ Литта, въ послѣдствіи главный дѣятель въ доставленіи Мальтійскому ордену покровительства императора Павла. Въ октябрѣ 1798 г. онъ женился на гр. Екатериинѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ. Онъ умеръ 24-го января 1839 г., въ Петербургѣ, состоя на русской службѣ, членомъ государственнаго совѣта. Н. В.

номъ своемъ положеніи, болѣе знакомство сдѣлать, ибо онъ мнѣ очень любезнымъ и знающимъ человѣкомъ кажется; я съ нимъ часа съ полтора проговорилъ....

9-го. Былъ въ «Villa Ludovisi», брата того, которому ты папскій стулъ пророчествуешь. Вечеромъ возилъ и представилъ фонъ-Визина—Петракіямъ ¹⁾).

Я сіи три дня весьма весело провелъ; получилъ два твои письма, въ которыхъ ты меня немилосердно ругаешь. Прежде оправданія, я уже мщеніе сдѣлалъ, намаравъ тебѣ много такого, что тебѣ, можетъ, скучно читать будетъ.

21-го. Нынче цѣлый день дома остаюсь, чтобы не подвергаться твоимъ ругательствамъ; работаю, какъ лошадь.

22-го. Съ Гвиталіемъ ѣздили «aux Thermes de Caracalla», которыя между оставшимися за лучшія считаются; величина ихъ чрезвычайная и доказательствомъ римской роскоши служатъ, которая, по моему, непростительна! Такія издержки могли бы лучше, по моему, употреблены бытъ!

Видѣлъ я, какъ въ Римѣ нищимъ потокаютъ и ихъ одобряютъ, раздавая по монастырямъ супы. Я нѣсколько между ними пробылъ и видѣлъ, какъ они веселы; ихъ веселость во мнѣ досаду произвела и я пожелалъ, чтобы короля прусскаго на нѣсколько мѣсяцевъ прислать сюда, чтобы онъ неполезныхъ прибралъ.....

Видѣлъ въ Капитоліѣ статую Марка-Аврелія и что Рейфенштейнъ мнѣ ни рассказывалъ не могло меня переувѣрить, какъ сія статуя всѣми и ни славится, что лошадь отлита дурно, потому, 1-е, что она очень тяжела, 2-е, что у ней хвостъ мерзкій и дурно выработанъ, 3-е, что у ней голова къ шеѣ такъ приставлена, какъ ни у какой лошади быть не можетъ, 4-е, что она такъ толста, что никакой человѣкъ не могъ бы на нее сѣсть, безъ опасности получить килу. Что объ ней Фальконетъ ²⁾ писалъ—того я не знаю, но его лошадь, которую онъ сдѣлалъ, несравненно предпочитаю; съ правой стороны она еще сносна, но съ лѣвой глядѣть нельзя! Сверхъ того, у ней морщины на шеѣ, которыя въ натурѣ быть не могутъ....

¹⁾ Авторъ говорить о римскомъ небогатомъ семействѣ Петраки, представитель котораго состоялъ почтовымъ чиновникомъ въ Римѣ. Онъ имѣлъ дочь весьма хорошую пѣвицу, красивой наружности, которою, во время своего пребывания въ Римѣ, увлекся авторъ настоящихъ писемъ. Мы исключили подробности этого увлеченія, рассказъ о которомъ проходитъ почти по всѣмъ настоящимъ письмамъ.

²⁾ Знаменитый художникъ, получившій извѣстность въ Россіи работой памятника Петра Великаго въ Петербургѣ. Умеръ въ Парижѣ въ 1791 году.

Римъ.—26-го апрѣля.

28-го. Получилъ отъ моего друга ¹⁾ письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что комнаты, въ которыхъ сперва А. Васильевна ²⁾, а потомъ, по временамъ, разные жили, будто скоро заняты будутъ нѣкоторымъ Ермоловымъ ³⁾. Циціановъ ⁴⁾ свидѣтельствуешь тебѣ свое почтеніе.

Римъ.—1-го мая.

. . . . Обѣдалъ у кн. Юсупова, который здѣсь, какъ ты знаешь, очень долго зажился.

4-го. Былъ у маркиза Литты и насилу засталъ его дома; онъ мнѣ новую часть своего знанія показалъ въ древности. Правду сказать, если злословить позволено, то онъ почти натянулъ случай для сего; но слабость сія простибельна и многимъ знающимъ людямъ свойственна.

9-го. Отобѣдавъ, поѣхали мы «à la Villa Adriana». Великолѣпие сего замка тебѣ извѣстно. На дорогѣ видѣлъ славное озеро, «il lago del Tartari». Сіе озеро, не взирая на чрезвычайное свое источеніе, во многихъ мѣстахъ дно неизмѣримое имѣетъ и сколько опытовъ оно узнать ни было, все втунѣ старались. Возлѣ сего озера остатки королевы Зенобии; въ одномъ произведеніи (?) нашего рода находится, что будто мы отъ ней происходимъ. Тебѣ оставляю сіе судить, зная меня такъ коротко,—находится ли въ твоёмъ вѣрномъ другѣ царская кровь?

Римъ.—30-го апрѣля (11-го мая).

. . . . 13-го. Поѣхали мы въ домъ кн. Киджи, гдѣ видѣлъ трехъ играющихъ «amongst di Francesco Vani» ⁵⁾, съ которыхъ у тебя копія. Твоя копія мнѣ больше нравится, нежели оригиналь. Сіе бы

¹⁾ Сличить письма кн. Циціанова къ В. Н. Зиновьеву, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ».

²⁾ Гр. Александра Васильевна Браницкая (род. 1754 г., умерла 15-го августа 1838 г.), рожденная Энгельгартъ, бывшая въ это время статсъ-дамой (съ 1781 г.), а въ послѣдствіи оберъ-гофмейстериней.

³⁾ Александръ Петровичъ (род. 1754 г., умер. 1836 г.), генералъ-поручикъ. Его вліяніе при дворѣ начинаетъ выступать именно съ этого времени, т. е. съ начала 1785 г.; оно продолжалось лишь до іюня 1786 г.; съ этого времени онъ удалился отъ двора и путешествовалъ.

⁴⁾ Кн. Павелъ Дмитріевичъ (убитъ измѣннически въ 1806 г.), въ послѣдствіи генералъ-отъ-инфантерій и кавказскій главнокомандующій. Онъ находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ къ автору этихъ писемъ. Н. В.

⁵⁾ Франческо Вани (Francesco Vanni), живописецъ, р. 1563, † 1609. Фабіо Гиджи (Fabio Ghigi), въ послѣдствіи папа подъ именемъ Александра VII, былъ однимъ изъ его покровителей. Кн. Л.-Р.

могло тебѣ большой утѣхой быть, если бы такъ знатокъ судилъ; но я начинаю о себѣ думать какъ о грузинскомъ царевичѣ, который чѣмъ болѣе читаетъ, тѣмъ менѣе понимаетъ, а я чѣмъ болѣе вижу, тѣмъ менѣе начинаю находить вещей, которыя бы мою анпробацію имѣли.

... 14-го. Что Тарбѣевъ ¹⁾ отставленъ, тебѣ извѣстно; но, можетъ, еще не знаешь, что Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ ²⁾ на Закревской помолвленъ; Козадавлевъ ³⁾ женился на одной московской княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ той, которая за Дьяболи (или Деболи) вышла. Зная твою короткую связь съ ними, поспѣшиль пріятную сію вѣсть тебѣ дать.

16-го мая.—Римъ.

.... Поѣхалъ къ Мергену и тутъ про тебя говорить. Я всегда случаемъ пользуюсь, когда найду челоѣка, который тебя знаетъ. Отъ него поѣхалъ въ домъ маркиза Rondonini. Въ семъ домѣ ты знаешь славную и прекрасную «голову Медузы», статую цѣлую Александра (единственную) и бюстъ Катонновъ, который очень на гр. Ив. Григорьевича Чернышева ⁴⁾ похожъ. Вотъ, ты со мной всегда спорилъ, что въ лицахъ ошибиться можно. Когда тебя сіе не уличить, то ужъ я и не знаю, чѣмъ твои закоренѣлыя мнѣнія измѣнить можно; ты ясно видишь, что въ этомъ случаѣ сходство лицъ и сходство душъ произвало. Послѣ обѣда, поѣхалъ «à la Villa Pamfili», гдѣ Гвидова дьявола въ папской одеждѣ видѣлъ.

17-го. Ты уже знаешь: гдѣ новая музыка—тамъ и Вася; такъ и новѣче, вторично Геомелеву слышалъ.

¹⁾ Петръ Петровичъ Тарбѣевъ состоялъ въ должности петербургскаго губернатора съ 1784 по 1785 г.

²⁾ Гр. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ (умеръ 29-го марта 1796 г.), вучатный братъ кн. Таврическаго и извѣстный генералъ; онъ имѣлъ въ супружествѣ дѣвицу Прасковью Андреевну Закревскую.

³⁾ Осипъ Петровичъ Козадавлевъ (род. 1755 г., умеръ 1819 г.), д. т. совѣтникъ и товарищъ, по воспитанію въ Лейпцигѣ, Радищева, Бутузова и В. Н. Зиновьева. Съ 1-го января 1810 г. по 1819 г. состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, вучатной сестрѣ князя А. Н. Голицына.

⁴⁾ Гр. Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ (род. 24-го ноября 1726 г., умеръ 26-го февраля 1797 г.), меньшей изъ братьевъ Чернышевыхъ. 12-го ноября 1796 г. возведенъ импер. Павломъ въ достоинство генералъ-фельдмаршала по флоту, почему его въ шутку и называли: «L'amiral d'eau douce». Н. В.

[Безъ числа].

Я въ Неаполѣ. Ты, я вижу, немилосердно меня за это ругаешь; но я все въ томъ мнѣніи, что я брани недостойнъ. Сюда пріѣхалъ 5-го вечеромъ.

6-го. Поутру былъ у Паэзіелло, котораго съ крайнимъ удовольствіемъ видѣлъ; обѣдалъ у Скавронскаго въ деревнѣ, гдѣ весьма пріятно время провелъ. Италіинскій свидѣтельствуеетъ тебѣ свое почтеніе.

7-го. Обѣдалъ у Скавронскаго на дачѣ, «à la terre Gresa», бывшей лорда Тильнея ¹⁾, гдѣ обѣдала и мать его ²⁾, съ своей подругой, Новосильцевой, премою дѣвушкой. Паэзіелло, котораго я на сей обѣдъ съ собой привезъ, по своему обыкновенію и снисхожденію, нѣсколько своихъ арій пропѣлъ. Онъ поручилъ тебѣ поклониться и повторить тебѣ увѣренія его привязанности къ тебѣ. Онъ желалъ бы нѣкоторыя штуки своего сочиненія послать, но боится тебя онымъ беспокоить. Хотя онъ и на службѣ здѣшняго короля, но потерялъ надежду возвратиться въ Россію, и здѣсь, по болѣзни своей жены, остаться принужденъ.

Неаполь.—8-го іюня 1785 года.

Обѣдалъ у Скавронскаго въ деревнѣ. Слышалъ на семъ обѣдѣ игру на скрипкѣ славнаго Жардини ³⁾; но такъ какъ онъ въ квартетахъ игралъ, то не могу о его искусствѣ судить.

9-го. Ѣздилъ въ Портичи. Сожалѣнія достойно, что король не болѣе денегъ употребляетъ, чтобы болѣе въ землѣ вещей искать. Удивительно, что между такимъ количествомъ вещей такъ мало мраморныхъ найдено! Завтра съ свѣтомъ ѣду странствовать.

11-го. Въ 5 часовъ выѣхалъ. Заѣзжалъ къ Скавронскому, гдѣ

¹⁾ Мать гр. П. М. Скавронскаго, гр. Марія Николаевна, рожд. баронесса Строганова (р. 1732, † 1805). Ея двоюродная сестра, баронесса Марія Сергѣевна Строганова, была за Николаемъ Устиновичемъ Новосильцевымъ (отъ этого брака родился извѣстный въ послѣдствіи графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ). Вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь о какой-то родственницѣ М. С. Новосильцевой, не показанной въ росписи, помѣщенной у Долгорукова, IV, стр. 167.

²⁾ Лордъ Тильней (Sir John Child, Viscount Castlemain and Earl Tynney), † 1784 г., хол. Съ нимъ угасъ этотъ титулъ.

³⁾ Джіардини (Felice Giardini), извѣстный италіанскій скрипачъ и композиторъ, р. 1716, † въ Москвѣ 1796 г.

Италинскаго разбудилъ, который эту ночь только 1½ часа спалъ, ибо курьера отправляютъ и онъ письмомъ занятъ былъ.

15-го. Въ Неаполь въ 4 часа поутру приѣхалъ.

18-го. Обѣдалъ у Гамильтона¹⁾, гдѣ и Жардини былъ и вечеромъ квартеты игралъ. Я игру Жарновина и Дица²⁾ его игрѣ предпочитаю.

19-го. Обѣдалъ съ семьєю Скавронскаго въ загородномъ домѣ Гамильтона, гдѣ, не взирая на чрезвычайный вѣтеръ, мнѣ очень весело было. Ты, я думаю, помнишь маленькій его домикъ у взморья, возлѣ Палезипа (Позилиппа?) Теперь, скажу тебѣ объ Италинскомъ, который своимъ состояніемъ и обхожденіемъ Павла Мартыновича совершенно доволенъ, и сіе нѣкоторое участіе, какъ я думаю, имѣеть, что его здоровье лучше становится. Считаю, что ты все еще въ состояніи его участіе берешь, счелъ, что тебѣ не непріятно будетъ сіе слышать.

Римъ.—30-го (19-го) іюня 1785 г.

...Скажу тебѣ еще что нибудь о Неаполѣ. Слышалъ я серенаду подъ своими окнами. Когда бы мода была мужчинамъ серенады давать, я бы подумалъ, что она мнѣ дается.

23-го. Въ этотъ день увидѣлъ я, что Скавронской приревновалъ меня. Къ удовольствію моему, его ревность должна скоро кончиться³⁾. Я съ величайшимъ сожалѣніемъ Неаполь оставилъ и, когда бы не праздникъ св. Петра, можетъ быть, я бы долѣе здѣсь пробылъ, нежели ты мнѣ могъ это позволить. Хвалилъ очень Честерфильда,

¹⁾ Сэръ Уилліамъ Гамильтонъ, р. 1730, † 1803, англійскій посланникъ въ Неаполь съ 1764 по 1800 годъ, и археологъ. Его вторая жена, леди Эмма Гамильтонъ (р. 1761, † 1815) извѣстна своею красотою, своими похождениями и своимъ вліяніемъ какъ на неаполитанскую королеву Каролину, такъ въ особенности на адмирала Нельсона.
Кж. Л.-Р.

²⁾ Жарновинъ и Дицъ—два музыканта-скрипача. Оба состояли на службѣ при императорскомъ театрѣ, въ Петербургѣ. О Дицѣ, кромѣ того, извѣстно, что онъ пересталъ говорить и около года не выходилъ изъ этого безмолвія, не переставая восхищать своей игрой; этотъ случай далъ поводъ Державину и И. И. Дмитріеву написать по стихотворенію на игру Дица (Соч. Державина, изд. Грота).

³⁾ Гр. Екатерина Васильевна Скавронская была красавица и гр. Сегюръ, описывая ея наружность, говорить, что ея голова могла-бы служить образцомъ для головы амура.
Н. В.

что онъ своему наслѣднику въ Неаполь ѣхать запретилъ ¹⁾. Скажу еще тебѣ, что народъ неаполитанскій мнѣ показался гораздо добрѣе, нежели прочій италіанскій.

28-го... Послѣ обѣда ѣздилъ съ кн. Юсуповымъ и его дражайшей «Contessa Deveschi» смотрѣть «Cavalchota de P. Collona», а потомъ былъ въ церкви св. Петра.

29-го. Обѣдню, служенную св. отцомъ, видѣлъ и далъ себѣ слово, что я послѣдній разъ церемоніи такого рода смотрю.... Видѣлъ заженіе купола, которое прекрасное дѣйствіе дѣлаетъ, такъ какъ и освѣщеніе онаго ²⁾.

Надобно тебѣ хотя однажды одну здѣшнюю новость дать: Аркетти ³⁾, который здѣсь теперь находится, произведенъ въ легаты, въ Болонію. Сіе, мнѣ кажется, новый родъ славы нашему двору придаетъ. Читалъ ли ты манифестъ о дворянствѣ? ⁴⁾. Когда, чрезъ нѣсколько вѣковъ, русское дворянство болѣе почтенныхъ мужей имѣть будетъ, нежели оно теперь имѣетъ, то я думаю, что люди тогдашнихъ временъ себя попрекать будутъ, что они испортились, что старая добродѣтель, которая изъ сего манифеста видна, перевелась, что уже рѣже граждане находятся, которые всѣмъ для отечества жертвуютъ, и т. д. Не подшутили ли наши предки надъ нами? а мы безъ остановки теперешнія времена бранимъ! Очень мнѣ понравилась въ семъ манифестѣ благодарность и привзательность, которыя государыня дворянству изъявляетъ!

Объ Эссенѣ ты очень выгодно мыслишь; многіе иностранные о немъ иначе судятъ. Я какъ съ княземъ ⁵⁾ въ Англіи былъ, — мы также у него приставали. Прости.

¹⁾ Здѣсь говорится о сочиненіи лорда Честерфильда, переведенномъ въ послѣдствіи съ англійскаго на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Духъ лорда Честерфильда или Избранныя мысли изъ правоучительныхъ его сочиненій и писемъ къ сыну своему». Переводъ И. Л. Спб. Типогр. академіи наукъ. 1815 г. (По росписи Смирдина № 1270-й).

²⁾ Авторъ говоритъ объ иллюминаціи въ день св. Петра, 29-го іюня.

³⁾ Кардиналъ Іоаннъ Андрей Арчетти (Archetti), изъ маркизовъ Формигарскихъ, архіепископъ халкедонскій, папскій нунцій въ Петербургѣ въ 1783 г. (См. Le Catholicisme romain en Russie, par le C-te Tolstoy. Т. II., p. 27-me).

⁴⁾ Вѣроятно, здѣсь разумѣется «Жалованная Грамота», изданная 21-го апрѣля 1785 г.

⁵⁾ Кн. Григорій Григорьевичъ Орловъ, который послѣ своей ослы, уже женатый, путешествовалъ по Европѣ, съ своей супругой, кн. Екатериной Николаевной, и ея роднымъ братомъ, авторомъ настоящихъ писемъ. О путешествіи этомъ извѣстно весьма мало и бумаги сего Вышебеша, къ сожалѣнію также о немъ умалчиваютъ.

Римъ.—2-го іюля 1785 г.

Полутру былъ у кардинала Аркетти, который, къ удивленію моему, меня еще помнитъ, видѣвъ меня лишь одинъ разъ, какъ я его по городу и по рядамъ возилъ до дворца. Я до сихъ поръ безъ смѣху своей фигуры въ этой каретѣ вспомнить не могу! Купилъ тебѣ «Жизнь Тасса»; желаю, чтобы она тебѣ понравилась; я оную, такъ какъ и Винкельманово сочиненіе, Моценигъ отвезу, чтобы онъ тебѣ оное доставилъ.

3-го. Былъ въ послѣдній разъ въ музеѣ папы Сикста днемъ и еще разъ восхищался симъ собраніемъ. Послѣ обѣда ѣздилъ смотрѣть иллюминацію модели церкви св. Петра, которая для государыни дѣлается; освѣщена была только одна лампа, ибо куполь еще не готовъ. По тому, что я видѣлъ, не думаю, чтобы могло сдѣлать похожее дѣйствіе, какъ церковь являетъ, ибо, я думаю, большая причина красы сей иллюминаціи состоитъ въ величинѣ строенія. И такъ, чтобы иллюминацію сей модели нѣсколько сходно съ оригиналомъ сдѣлать, надо неотгѣнно придумать способъ, чтобы чрезъ оптическое стекло увеличить сію модель,—а сіе, я думаю, очень тяжело произвести будетъ. Не знаю, извѣстно ли тебѣ, что 625 Fiasoli (т. е. факеловъ) на всей иллюминаціи зажигается, что для сего слишкомъ 200 человекъ употребляется и что сія иллюминація 700 скудовъ стоитъ ¹⁾.

4-го. Чрезъ Литту получилъ дозволеніе видѣть кабинетъ «Duca Agozzi», который отгѣнно хорошъ. Вечеромъ ѣздилъ съ Амадуціемъ въ бенедиктинскій монастырь «St. Alessio», къ аббату того монастыря «Negrini», который здѣсь въ великомъ почтеніи и у котораго по понедѣльникамъ многіе кардиналы собираются. Нынче былъ тутъ кардиналъ «Archioto», который отъ мѣста del Secretario del Stato отказался, что ему здѣсь великое почтеніе прибрѣло, а сіе мѣсто теперь дано кардиналу Бонкаминію и нашъ общій пріятель пророчествуетъ великія чудеса отъ сего, уподобляя сей выборъ соединенію горы Этны съ Везувіемъ. Я очень люблю его на эту матерію наводить, ибо онъ всегда, разгорячившись, всю силу своего краснорѣчія употребляетъ и, говоря про вулканы, самъ огнедышащей горой дѣлается.

6-го. Обѣдалъ у Юсупова, гдѣ былъ и Бернисъ; онъ въ обществѣ очень пріятный человекъ.

¹⁾ Это мѣсто, вѣроятно, относится уже къ самой иллюминаціи церкви св. Петра, а не къ модели.

7-го іюля 1785 г.—Изъ Рима.

8-го. Вечеромъ былъ у Амадуцци, который мнѣ неоднократно о своей библіотекѣ говорилъ, въ которой много сочиненій «здѣшнихъ ученыхъ <de la moneta>... Пишетъ о деньгахъ, когда всѣ жалуются, что оныхъ нѣтъ!

10-го. Обѣдалъ у кн. Юсупова, гдѣ пріѣзжій братъ Канціонева былъ, который, изъ маленькихъ купчишекъ—банкиромъ сдѣлался. Этакія фортуны заставляютъ думать, что у насъ золото на деревьяхъ растетъ, а мы, бѣдные путешествующіе, за сіе лживое мнѣніе, дѣйствительно золотомъ платить должны.

... 12-го. Ты, я думаю, бранишь меня немилосердно, что я тебѣ объ отъѣздѣ отсюда ничего не говорю?—Смотрѣть уже перестала, а все здѣсь остаюсь.....

Римъ.—1-го (12-го) августа 1785 г.

Въ Різто пріѣхалъ около обѣда. Въ первый разъ столь пространное обиталище имѣлъ, занимая цѣлый этажъ, въ которомъ, два года назадъ, польскій посланникъ жилъ. Меня здѣсь, какъ медвѣдя, по всѣмъ собраніямъ возили. Собранія сіи изрядныя, ибо состоятъ изъ римскихъ жителей, которые сюда пріѣзжаютъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ чрезвычайно гостепримны и кажется, что зрители другъ передъ дружкой хвастаютъ, когда иностраннаго въ своемъ домѣ имѣютъ. Отсюда ѣздилъ древній городъ Авбу смотрѣть. Теперешняя Авба — мѣстечко премелкое, гдѣ крайняя бѣдность властвуетъ. Представь себѣ, что до того бѣдны крестьяне, что когда хижина ихъ развалится, то они не въ состояніи ее построить! и такихъ разваленныхъ домовъ много видно во всемъ королевствѣ. Гдѣ я ни былъ—всегда на чрезвычайныя подати жалуются, нѣтъ земли и правленія, гдѣ бы подданные жалобъ не приносили! И такъ, на повѣрку выходитъ, что мы одни только счастливы и оныхъ жалобъ дѣлать не можемъ.

2-го. Поутру поѣхалъ водой въ Отрукію, которое болѣе на собраніе нищихъ, нежели на обитаемое мѣсто походить. Чтобы дать гребцамъ отдохнуть, ходилъ смотрѣть здѣшній почти разваленный замокъ, которыхъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ великое множество, что доказательствомъ служитъ, что феодальное правленіе здѣсь перевелось послѣ всѣхъ, ибо почти не видно маленькаго мѣстечка, которое-бы безъ замка было, да и до сихъ поръ большая часть дворянъ своихъ подданныхъ судить и къ смерти приговариваетъ, хотя последнее въ исполненіе, безъ соглашенія королевскихъ судовъ, исполнено быть не можетъ. Какъ слаба была въ прежнее время власть государей и какіе должны были быть беспорядки въ правленіи!

Флоренція.—24-го августа 1785 г.

Вмѣсто Рима сей городъ видишь! Ты долженъ, какъ я думаю, сему дивиться..... неожиданное случилось!

20-го. Поутру въ 6 часовъ выѣхалъ съ Амадуцциемъ изъ славнаго, древняго сего города съ большимъ удовольствіемъ; уменьшаетъ оное только союзъ короля британскаго (что уже во Флоренціи извѣстно, ибо я оное отъ милорда Купера слышалъ). Сей союзъ мнѣ очень досаденъ и я не могу объ ономъ безъ злости думать. Общество Амадуцциево мнѣ отъменно пріятно.

22-го. День пробылъ въ Сиенѣ. Здѣсь великій князь многіе монастыри уничтожилъ. Гульбища, гдѣ здѣшнее дворянство собирается, для сего маленькаго города очень изрядно. Красавицъ, которыхъ здѣсь, по большей части, описываютъ,—я не видалъ.....

23-го. . . . Вечеромъ былъ у славной Коррилли ¹⁾, которая пріятная женщина и теперь еще очень понятно, что она могла великія страсти производить, соединяя съ добрымъ нравомъ пребыстрѣйшій разумъ и необыкновенный оборотъ мыслей.

25-го. Поутру видѣлъ физическій кабинетъ, подъ дирекціей аббата Фонтана ²⁾, который творецъ онаго. Искусство надзирателя сего кабинета тебѣ извѣстно.

Тосканцы, какъ мнѣ кажется, между италіанцами, то же, что саксонцы между нѣмцами: болѣе просвѣщены и могутъ болѣе славныхъ людей показать, какъ, на примѣръ, Брунолеско, Буонаротти, Галлилея и проч. Мнѣ кажется, что и народъ здѣсь болѣе просвѣщенія имѣетъ, нежели въ другихъ частяхъ Италіи, лучше одѣвается, — особенно крестьянскій народъ. И дворянки здѣшнія въ одеждѣ болѣе вкус имѣютъ....

¹⁾ Женщина-импровизаторъ. Даръ импровизаціи былъ въ большой мѣрѣ въ Италіи; при музыкальныхъ и поэтическихъ способностяхъ италіанцевъ, при ихъ врожденной артистичности и музыкальномъ ритмѣ, даръ импровизаціи давался имъ весьма легко, что иностранцевъ приводило въ неописанное удивленіе. Пушкинъ въ «Египетскихъ ночахъ» вывелъ на сцену италіанца-импровизатора и этотъ портретъ, нарисованный нашимъ гениальнымъ поэтомъ, можетъ служить живымъ сколкомъ для другихъ такихъ же личностей. Н. В.

²⁾ Аббатъ Феличе Фонтана, извѣстный естествоиспытатель, р. 1730, † 1803. Въ физическомъ и анатомическомъ кабинетѣ во Флоренціи было, между прочимъ, болѣе 1,500 восковыхъ анатомическихъ фигуръ. Жн Л. Р.

Флоренція.—30-го августа 1785 г.

Нынче цѣлое утро и послѣ обѣда бѣгалъ по городу и книги покупалъ.

1-го сентября. Поутру былъ въ домѣ Рикорди; здѣсь видѣлъ другую славную „Improvisatrice Fantastici“, которая, чтобы моего товарища и меня увидеть, зная, что мы въ этомъ домѣ будемъ, нарочно тутъ явилась. Надобно тебѣ сказать, что Коррилла такую ненависть къ ней имѣетъ, что кто къ Фантасличчиди ходитъ, тотъ долженъ отречься отъ дома Корриллы, и такъ какъ Амадуцци былъ въ нѣкоторой связи съ первой, то не только не можетъ къ сей послѣдней ходить, но и не имѣетъ позволенія въ тѣхъ мѣстахъ находиться, гдѣ она обыкновенно бываетъ, какъ, напримѣръ, въ академіи, гдѣ я нынѣшнее утро былъ и имѣлъ случай слышать отъ Фантасличчиди одинъ очень изрядный сонетъ.

Вечеръ провелъ у Корриллы, гдѣ видѣлъ славнаго „Suffren“¹⁾, который, кажется, ѣздитъ казать свою шпагу, которую ему голландцы подарили. Мнѣ кажется, что въ его славѣ болѣе счастье нежели искусство причинно. Я не могу повѣрить, чтобы послѣднее въ ономъ участіе имѣло, увидя его фигуру и услыша его разговоры; но, можетъ, я и ошибаюсь....

2-го. Нынче цѣлый день пробылъ дома, читая съ великою жадностію „Domina della Rivoluzione d'Italia“,—совершенное сочиненіе, и я жалѣю, что мой скорый отсюда отъѣздъ мнѣ мѣшаетъ докончить его здѣсь. Многія мысли и прожекты приходили, которые могли бы быть употреблены съ удобствомъ въ нашемъ отечествѣ, и я новую причину имѣлъ сожалѣть, что я не съ тобой и не могу тебѣ своихъ мыслей сообщить.—Портреты въ миниатюрѣ твоихъ малютокъ посѣдѣли и я оными очень доволенъ; теперь я ихъ, за стекломъ, цѣловать могу; они мнѣ крайнее утѣшеніе дѣлаютъ и я не думалъ, чтобы они такую радость во мнѣ произвели...

¹⁾ Балльи де-Сюффренъ (род. 1726 г., умеръ 1788 г.), извѣстный французскій адмиралъ и балльи мальтійскаго ордена, отличившійся во многихъ морскихъ сраженіяхъ. У него было нѣсколько братьевъ, и, вѣроятно, объ одномъ изъ нихъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ, подъ 19-мъ октября 1788 г., замѣтивъ: «Велѣно принять въ нашу службу брата Балльи де-Сюффренъ».

Флоренція.—3-го сентября 1785 г.

Утро былъ занятъ чтеніемъ.... а послѣ обѣда ходилъ къ «Fontana», директору физическаго кабинета, смотрѣть, какъ восковыя фигуры и части человѣческія дѣлаютъ.

4-го. Нынѣшнее утро все читалъ. На сіе отвѣчай мнѣ въ Туринѣ: я прямо, чрезъ Mont-Senis, во Францію переѣду. Надѣюсь, что наша корреспонденція попорядочнѣе будетъ... Представь себѣ, что болѣе четырехъ мѣсяцевъ я никакого извѣстія изъ Россіи не имѣю. До сихъ поръ не знаю, получилъ ли я продолженіе своего отпуска?....

Изъ Болоніи.—6-го сентября 1785 г.

Выѣхалъ нынче поутру изъ Флоренціи и прибылъ сюда. Я столь населеннаго мѣста никогда не видалъ и великое удовольствіе оно видѣть имѣлъ. Въ Тиролѣ есть многія долины, которыя очень населены, но, въ примѣръ сей—пустыней кажутся.

Я тебѣ уже въ послѣднемъ письмѣ сказывалъ, что я нахожу Тоскану противъ прочей Италіи сходною съ Саксоніей—въ разсужденіи другихъ нѣмецкихъ провинцій. Еще имѣлъ случай сіе подтвердить, ибо только что на папское владѣніе въѣхалъ, примѣтна стала грубость народа, алчность его на деньги, который, чтобы получить ихъ, всякіе обманы выдумываетъ.

8-го. Поутру ѣдилъ по разнымъ собраніямъ картинъ. Забылъ тебѣ сказать, что обѣдалъ у здѣшняго Archiovescovo, которому ты папупесцію (т. е. папство) назначилъ; но дозволю себѣ сказать, что, я не знаю почему, мнѣ кажется, что онъ добрый и почтенный человѣкъ, но не имѣетъ качествъ отмѣнныхъ, которыя бы сіе предвидѣти заставляли. Ты мнѣ на сіе скажешь, что папы не по достоинствамъ выбираются... на это я соглашусь, но тогда предвидѣти трудно—кому сіе достанется.

11-го. Дворянства въ Болоніи мало, ибо оно по деревнямъ разѣхалось; но изъ малаго, которое здѣсь, можно о пышности онаго судить. Вообще видны два характера въ римскомъ дворянствѣ: или глупая гордость, или непростительное фамиліарство въ обращеніи, а часто оно умѣетъ сіи качества соединить такъ, что между собой надуваются и выступаютъ какъ пѣтухи, а съ слугами своими—лакеями дѣлаются и, кажется, что они только для сего состоянія и сотворены. Видишь, какъ я ѣдокъ противъ сего народа!—но онъ мнѣ день ото дня противнѣе дѣлается.

12-го. Простился съ кардиналомъ «Giovanetti», объ которомъ тебѣ скажу, какъ онъ получилъ кардинальскую шляпу. Нынѣшній папа ¹⁾, бывъ кардиналомъ, былъ въ монастырѣ, гдѣ онъ былъ аббатомъ, и гуляя въ саду онаго, зацѣпилъ за дерево и потерялъ свое beretto. Giovanetti, который за нимъ шелъ, поднялъ его и такъ какъ оно въ пыли замаралось, то, очищая его, онъ сказалъ папѣ: «*un presagio che questo beretto rosso sarà scagiato in un bianco*», —на что папа отвѣтилъ: «*si al mio sarà cangiato in un bianco, furo che il vostro si cangi in un rosso*» ²⁾ и, бывъ возведенъ на святой стулъ, сдержалъ свое обѣщаніе. Завтра со свѣтомъ отсюда ѣду. Прости.

Парма.—14-го (3-го) сентября 1785 года.

.... Приѣхалъ сюда вечеромъ. Нынѣче былъ въ библиотекѣ, заведенной маркизомъ Dutilio; она очень хороша на видъ. Что лучше всего, такъ это каталогъ, который чрезвычайно способствуетъ отыскивать книги. Въ академіи художествъ видѣлъ славный «День» Корреджіева «*il St. Bartolomeo*». Скажу тебѣ мое мнѣніе о семъ, какъ и о сочинителѣ онаго, только съ договоромъ, чтобы ты не рассердился на меня; мнѣ помнится, что ты великій обожатель Корреджіо. Колоритъ его во всѣхъ картинахъ весьма приятенъ; справедливъ ли онъ или нѣтъ—объ ономъ не хочу судить; тѣни въ картинахъ его отмѣнно хороши, лицо Богородицы изрядно; но Магдалина, въ этой картинѣ, такъ изображена, что ей такъ стоять не можно: она цѣлуетъ ногу Христа, а оборотилась лицомъ къ зрителямъ и, слѣдовательно, ея поцѣлуй—щекой придется. Въ картинѣ его «*St. S. rpolco*»—тѣ же недостатки нахожу, съ прибавкой, что въ оной картинѣ его ошибки—еще болѣе, что ангелы на веру такъ исковерканы, что не можно разобрать ноги оныхъ и не знаешь, которая кому принадлежитъ; у Богородицы лицо не благочинное. Ты мнѣ на сіе можешь сказать, что тяжело соединить пріятство и красоту лица съ почтительнымъ видомъ,—на это я согласенъ; но со всѣмъ тѣмъ, многія картины находятся, въ которыхъ краса, пріятство и величіе сохранены.

15-го. Еще вторично былъ въ академіи, гдѣ съ большимъ удо-

¹⁾ Въ 1785 г. на папскомъ престолѣ находился папа Пій VI. Онъ былъ избранъ въ 1785 г.; умеръ въ 1799 году.

²⁾ Переводъ: «это предзнаменованіе, что ваша шапка превратится въ бѣлую». —На что получилъ отвѣтъ отъ Giovanetti: «если моя превратится въ бѣлую, то ваша должна обратиться въ красную».

вольствіемъ «День» твоего любимца видѣлъ. Послѣ обѣда ходилъ въ замокъ здѣшняго герцога¹⁾. Ты знаешь чудеснаго сего владѣтеля сколько непонятныхъ противорѣчій въ ономъ находится. Онъ и его супруга, какъ тебѣ извѣстно, самая чудесная пара!

18-го. Былъ на курсѣ, который, по множеству каретъ, очень на неаполитанскій похожъ.

19-го. Былъ представленъ а р ш и д ю к у, правителю здѣшнему; но еще въ городѣ знакомства не сдѣлалъ.... На сіе отвѣчай мнѣ въ Парижъ. Скажи мнѣ: долго ли ты въ Англии пробудешь? Постарайся сдѣлать такъ, чтобы мы вмѣстѣ тамъ пожили....

Парижъ.—9-го января 1786 г.

Поздравляю съ новымъ годомъ и желаю тебѣ въ ономъ, какъ и во всѣхъ будущихъ, возможное благополучіе. Наконецъ я добрался до сего славнаго города. До сихъ поръ я такъ мало имъ тронуть, что самъ не могу довольно надивиться! Ты звалъ меня къ себѣ,—а я ѣхать отговаривался; теперь мнѣ опредѣляешь жить въ Парижѣ, а я къ тебѣ неотмѣнно быть желаю. И такъ, любезный мой другъ, хочешь или нѣтъ,—я ѣду въ Лондонъ и выѣду отсюда 14-го, т. е. въ субботу. И такъ, прошу тебя сдѣлать мнѣ одолженіе и выслать человѣка въ Дувръ, хотя на подержаніе; ты меня симъ крайне одолжишь и дай мнѣ объ ономъ знать, адресуя письма въ Кале. Причины, для чего я твоего предложенія—остаться здѣсь до марта,—не принимаю, слѣдующія. Первая: чтобы доказать тебѣ, нѣкоторымъ образомъ, что я къ тебѣ не ѣхалъ не по предпочтенію веселья, а по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился. Вторая: что въ теперешнее время Парижъ, а особливо круглежація мѣста неудобно видѣть, слѣдовательно, я почти время потеряю, живя здѣсь; напротивъ, бывъ въ Лондонѣ, я честь и удовольствіе имѣть буду ваше сіятельство видѣть и прекрайнее удовольствіе моихъ малютокъ такъ часто цѣловать, какъ можно. На тебя, правду сказать, чрезвычайно золь за твое письмо, которое въ Генуѣ получили, и ты собери всѣ свои силы, ибо я на тебя сильно нападу; но не очень страшись: имѣвъ въ одной рукѣ оружіе, въ другой оливковую вѣтвь держатъ буду, такъ послѣ короткой войны,—долгій миръ заключимъ. Я сюда

¹⁾ Фердинандъ, герцогъ пармскій (р. 1751, † 1802), изъ испанской отрасли Бурбоновъ. Его супруга Марія-Амалія, эрцгерцгиня австрійская (р. 1746, † 1804), была родная сестра императора Иосифа II, который въ первомъ бракѣ былъ женатъ на его сестрѣ.

четвертаго дня прїѣхалъ, благополучно пробывъ въ Лионѣ двѣ недѣли. До скорого свиданія, прости. Малютокъ своихъ и моихъ три раза отъ меня поцѣлуй; я съ нетерпѣніемъ того жду, когда сіе самъ сдѣлать смогу.

Переѣхавъ въ Англїю и живя одно время въ домѣ гр. С. Р. Воронцова, ежедневно видаясь съ нимъ и обмѣниваясь взглядами и мыслями, В. Н. Зиновьевъ не считалъ, вѣроятно, уже для себя болѣе необходимымъ письменно излагать свои впечатлѣнія, почему и не велъ своего дневника въ теченіе семимѣсячнаго своего пребыванія въ Лондонѣ; но въ половинѣ іюля 1786 г. онъ предпринимаетъ новое путешествіе, именно по Англии и Шотландіи и, съ этого времени, начинается новый письменный обмѣнъ мыслей между двумя друзьями. Эти-то письма В. Н. Зиновьева къ гр. С. Р. Воронцову и составляютъ продолженіе дневника.

При изданіи этой части дневника, мы продолжали держаться (какъ и въ первыхъ двухъ частяхъ его: изъ Германіи и Италіи) въ предѣлахъ, по возможности, историческихъ, хотя и не считали умѣстнымъ вовсе, такъ сказать, отнять всякое личное значеніе автора-путешественника; вотъ почему мы оставили его личные взгляды и воззрѣнія на многія встрѣчаемыя имъ явленія и его мнѣнія о далекомъ его отечествѣ, которое онъ любилъ горячо и искренно, сознавая съ тѣмъ вмѣстѣ его недостатки; при этомъ мы руководились, кромѣ того, мыслию, что взглядъ автора и вообще его кругозоръ, хотя и устарѣвшіе уже въ наше время, имѣютъ однако же, по нашему разумѣнію, полное право на занятіе мѣста въ исторической переплѣткѣ XVIII вѣка, во первыхъ, какъ взгляды товарища по воспитанію Радищева и передоваго человѣка своего времени и, во вторыхъ, какъ письма, адресованныя къ такой выдающейся личности, каковою былъ графъ С. Р. Воронцовъ.

Н. П. Барышниковъ.

Письма В. Н. Зиновьева къ гр. С. Р. Воронцову изъ Англии.

Варвикъ.—5-го (16-го) іюля 1786 г.

Твое письмо, посланное въ Оксфордъ, получилъ 14-го; благодарю тебя и Якова Ивановича за его приписаніе. Зная, что ты ему мои письма кажешь, я особливаго къ нему не пишу.

Въ Оксфордѣ надо видѣть бібліотеку и картинную галлерю тому, кто имѣетъ въ свемъ распоряженіи много времени. Здѣсь, къ крайнему моему удовольствію, удалось мнѣ слышать экзаменъ или пробу одного кандидата, просящаго чина доктора музыки, въ присутствіи

вицъ-президента и части оксфордской публики. Испытаніе это состояло въ концертѣ, на которомъ все разнаго рода сочиненія сей особи играли; между прочимъ, была одна арія съ маленькимъ барабаномъ. Зала наполнена портретами гг-дъ докторовъ онаго искусства; надъ органомъ виситъ портретъ Генделя.

Бирмингамъ.—18-го іюля.

(Начиная съ этого письма, на всѣхъ остальныхъ усматривается надпись: «A Son Excellence, Monsieur le C-te de Woronzof etc. etc. Harley Street № 36. London».)

13-го іюля, поутру.—Изъ Оксфорда.

..... Виндзорскій замокъ, кто цѣнитъ свое время, примѣчанія не достоинъ. Между картинами, въ немъ находящимися, видѣлъ изображеніе свиданія Генриха VIII съ Францискомъ I, и перваго портретъ и фізіономію не болѣе пріятно видѣть, какъ о тиранствѣ его слышать.

Отсюда пошелъ къ живописцу на стеклѣ г-ну Жервисъ, и очень доволенъ былъ видѣть его работу. Не думаю, чтобы вещи и животныя лучше могли изображаться, какъ симъ образомъ живописи. Разговорившись съ нимъ объ открытіи сего искусства, онъ мнѣ сказалъ, что никогда не думалъ симъ искусствомъ себя прокармливать, но разными приключеніями доведенъ былъ изыскивать способы питаться инымъ, нежели своими доходами, и, искавъ потерянное сіе искусство, разнократными опытами до онаго дошелъ. Я его спросилъ—не написалъ ли онъ свой секретъ, чтобы онъ, послѣ его, не потерялся? Его жена, въ его отсутствіе, мнѣ одно весьма невѣроятное приключеніе рассказала; но отъ него въ отвѣтъ на мой вопросъ получилъ, что онъ никакихъ мѣръ по сему не взялъ; но не противенъ чтобы онъ, какой ни есть особъ, продать въ иной землѣ и даже съ дозволеніемъ, по приобрѣтеніи, чтобы оно употреблено было, но съ тѣмъ только, чтобы при его жизни оно не публиковать, и въ Англии бы никто, кромѣ его, сего секрета не зналъ. Сверхъ того, сказывалъ онъ мнѣ, что, какъ княгиня Дашкова¹⁾ здѣсь была, онъ хотѣлъ послать картинку государынѣ, но найдя разныя затрудненія въ ономъ, оставилъ оно. Я сказалъ ему, что онъ теперь сіе

¹⁾ Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (род. 17-го марта 1740 г., умер. 4-го января 1810 г.), сестра графа Семена Романовича Воронцова, жила въ Англии нѣсколько лѣтъ сряду, для образованія своего сына, который состоялъ студентомъ Эдинбургскаго университета между 1775 и 1780 годами. Н. В.

черезъ тебя исполнить можетъ и, отдавъ тебѣ, можетъ увѣренъ быть, что оное вѣрно до государыни дойдетъ; а когда оный способъ письма нашей императрицѣ понравится, то она, можетъ, и заблагодарасудить купить у него сей секретъ. Онъ симъ очень, кажется, доволенъ былъ и взялъ отъ меня мой и твой адресы, 'прося меня, чтобы я тебя предупѣдомилъ, что онъ къ тебѣ будетъ и доставить тебѣ картинку своей работы для пересылки и поднесенія государынѣ. Не знаю, говорить ли онъ по французски?—кажется, по рожденію, онъ ирландецъ. Прости, нынѣшнія мои похождения тебѣ завтра скажу.

15-го (26-го) іюля.—Изъ Лидса.

Остаюсь у тебя въ долгу, и начну оный платить, сказавъ тебѣ, что изъ Кастельтона благополучно прибылъ 24-го въ Шефильдъ и отдалъ письмо Якова Ивановича г-ну Турнеру, весьма почтенному человѣку, который чрезвычайное приключеніе съ крайнимъ великодушіемъ сносить, а именно: онъ имѣлъ одного сына, при рожденіи котораго онъ потерялъ свою жену, и, любя его, не женился, а онъ, доживъ до 29-ти лѣтъ, умеръ смертію для постороннихъ весьма утѣшительною. Онъ простудился на одномъ пожарѣ, работая на ономъ, занемогъ и нѣсколько послѣ того умеръ, сожалѣемъ не только своимъ отцомъ, но и всѣмъ городомъ.

Теперь о семь городѣ: онъ очень замаранъ,—такъ же какъ и большая часть его жителей, сажей и угольями. Шефильдъ и округжащія мѣста принадлежать лорду Сорѣ¹⁾. Здѣсь видѣлъ мануфактуры, между которыми главная одного г. «Tudor et Comp.» и она дѣйствительно примѣчанія достойна. Во всѣхъ подобныхъ фабрикахъ главныя машины лошадьми въ движеніе приводятся. Между прочимъ я тебѣ долженъ сказать, что сей Tudor съ товарищемъ зачалъ свою фабрику съ 800 ф. и имѣя 500 на свою часть, а теперь имѣетъ 20,000 капитала, да другой—по препорціи. Я думаю, что нѣтъ земли, гдѣ бы съ дарованіемъ можно бы было такъ скоро приобрести столько денегъ, какъ здѣсь; но теперь даже думаю, что по препорціи сіе во всякой землѣ,—стоитъ только употребить свой разумъ на то. Сіе весьма утѣшительное разсужденіе, при моихъ теперь обстоятель-

¹⁾ Графъ Чарльсъ Сёрре (Surrey), изъ фамиліи Гоуардъ, р. 1767, † 1815, бездѣтнимъ. По смерти отца своего въ 1786 г., онъ принялъ титулъ герцога Норфолькъ (Norfolk). До него Гоуарды неизмѣнно исповѣдывали католическую вѣру; онъ первый изъ этой фамиліи перешелъ въ протестантизмъ. Кн. Л.-Р.

ствахъ: не имѣвъ болѣе 5-ти гиней въ карманѣ и уславъ все свое богатство по почтѣ, адресовалъ письмо къ тебѣ. Ты, можетъ быть, на это спросишь: испыталъ ли я свои силы когда нибудь?—я тебѣ отвѣчу, что я думаю, что силы мои душевныя слабы, но уже давно я того мнѣнія, что человекъ, съ нѣкоторымъ разсужденіемъ и твердостью, долженъ въ ономъ успѣть. Пожалуй, не заключи изъ сего разсужденія, что, имѣя только пять гиней, я думаю употребить свое стараніе на приобрѣтеніе денегъ?—Мнѣ кажется, что въ этомъ я весьма благоразуменъ, былъ и есмь. Можетъ, я благополучнымъ своимъ положеніемъ избавленъ, а, можетъ, еще болѣе разными приключеніями испытать случай имѣлъ, что весьма мало денегъ надобно, чтобы насъ довольными дѣлать. Я думаю вообще, что счастье и несчастье всякій человекъ въ себѣ, такъ сказать, носить и отъ сего происходятъ разныя чувства у людей, при равныхъ приключеніяхъ. Боясь тебѣ наскучить; я бы еще кое-что къ сему прибавилъ, но полно...

Видѣлъ въ упомянутомъ мѣстѣ кузницы, гдѣ бритвы дѣлаютъ, которыя здѣсь за шиллингъ продаютъ, самой той же доброты, которыя въ Лондонѣ за пять. (Ты можешь себѣ представить сколь тамошніе купцы выигрывать должны!); въ другой—пилы; видѣлъ мѣста, гдѣ дѣлаютъ сталь и гдѣ оную перековываютъ и приводятъ въ желаемыя формы, чрезъ водяную мельницу. О всѣхъ сихъ фабрикахъ сдѣлать внятное описаніе—трудно и тебѣ читать скучно будетъ, а при свиданіи нашемъ надѣюсь дать тебѣ о всемъ этомъ довольно внятное понятіе... Здѣсь считаютъ 45,000 жителей, которые день ото дня умножаются переходомъ крестьянъ изъ круглежацихъ мѣстъ. Бывъ здѣсь, я досадовалъ, что наше желѣзо сюда привозятъ, даютъ обрабатывать англичанамъ, а потомъ, то же желѣзо, обработанное, въ 10 разъ дороже мы же покупаемъ, отъ нихъ же. Но теперь образъ своихъ мыслей я перемѣнилъ, не считая первымъ предметомъ фабрики и торговлю въ начинающемъ государствѣ, а какъ о семъ мыслю въ будущемъ, когда мнѣ досугъ будетъ, скажу.

Видѣлъ въ Шефилдѣ какъ уголья привозятъ на коляскахъ, которыя отъ того мѣста, гдѣ уголь вынимается, спускаются и три мили сами бѣгутъ, а назадъ пустыя одной лошадей встаскиваются; колеса у сихъ колясокъ чугунныя и такъ вылиты, что не могутъ выходить изъ брусевъ, которые на дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ, лежатъ; выгода сего изобрѣтенія отъѣнной прибыли. Самый дурной здѣсь работникъ получаетъ семь шиллинговъ въ недѣлю, а есть такіе, которые и по три ф. имѣютъ!

25-го. Видѣлъ «Wentworth-Hause», принадлежащій лорду William. Новая пристройка къ сему дому огромна, но все это, по моимъ

мнѣніемъ, тотъ же недостатокъ имѣеть, какъ домъ лорда Siarsdles ¹⁾, то есть, что портикъ или колоннада на крыльцѣ—не по пропорціи дома, и кажется, что домъ для крыльца съ колоннами, а не на оборотъ, какъ бы должно было; оттого сѣни, наполненныя колоннами, дѣлаются темны и теряютъ свою красу: Внутри дома очень хорошо, покойно и великолѣпное расположеніе; особливо первая зала очень хороша и имѣеть очень изрядныя копии древнихъ статуй; но что болѣе всего примѣчанія здѣсь достойно—это картина большая Гверчинова «Агарь съ сыномъ своимъ Изманломъ».

Лидсъ.—18-го (29-го) іюля 1786 г.

Опять здѣсь, какъ видишь, послѣ трехдневнаго въ Гаригетѣ, довольно скучнаго пребыванія. Здѣсь, такъ же почти какъ и у всѣхъ водъ, съѣзжаются разные люди и весьма часто между ними находятся что называется «авантюристы». Успѣлъ здѣсь только съ однимъ г. «Crowlay» познакомиться, а съ прочими болѣе полное знакомство имѣлъ. Видѣлъ здѣсь два англійскіе обычая,—одинъ, что любовники храбрость, силу и вѣрность любовницамъ своимъ испытіемъ вина оказываютъ, а другой, что если въ собраніи за столомъ, захотятъ нѣкоторые изъ компаніи пить вина болѣе обыкновеннаго, тогда тѣ, которые сего не хотятъ,—выходятъ. Ты себя легко представить можешь, какую я далъ тягу,—дѣйствительно, оглянуться боялся, думая, что силой оставятъ. Мнѣ всего страннѣе показалось, что, по нѣкоторому времени, самые сіи же винопіющіе въ залу вошли и разсыпались по дамамъ, говоря съ оними, и мнѣ показалось, что сіе пріятно имъ было. Можетъ быть, я ошибся, и по сему не дѣлаю своихъ заключеній, но, кажется, вѣроятныя имѣю.

Поутру былъ въ «Harwood»,—домъ прекрасный и фасада очень хороша, уборъ комнатъ великолѣпія и богатства чрезвычайнаго, но что мое критическое качество до крайности возбудило,—это то, что, при длинной великолѣпной галлерей, поставлены четыре бюста: Каракаллы и Комода съ одной стороны, съ другой—Гомера и Фаустина. Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ, видѣть въ Англии двухъ чудовищъ рода человѣческаго и дѣлать ими украшеніе великолѣпной комнаты! Досадно! до крайности досадно! Что я съ бюстами сихъ тирановъ и онимъ подобными сдѣлалъ бы—писать здѣсь длинно; но не лучше ли было бы, вмѣсто двухъ сихъ possédés, поставить лорда Чатама и достойнаго

¹⁾ Лордъ Siarples?? Перековеркано такъ, что понять нельзя о комъ идетъ рѣчь.

его сына В. Питта, а вмѣсто Гомера и Фаустина — Мильтона и королевы Елизаветы. Я намѣренъ хозяину сего богатаго дома оное при первомъ удобномъ случаѣ присовѣтовать, чрезъ его знакомыхъ.

Сюда пріѣхалъ въ 12 часовъ, опять поздно, чтобы видѣть продажу суконъ; но былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оное дѣлается; оно называется «Клотсъ-Гаоль» и заведено при началѣ сего вѣка; прежде же на рынкѣ дѣлалось шесть и болѣе часовъ, а иногда и цѣлый день. Для сего построено упомянутое мѣсто и продажа не должна болѣе одного часа продолжаться, что колоколомъ назначается. По вторникамъ и субботамъ съ 8^{1/2} часовъ до 9^{1/2} продается цвѣтное сукно, а въ прочіе дни бѣлое. Здѣсь самое простое и весьма посредственное сукно продается: цвѣтное отъ 1^{1/2} до 9-ти шиллинговъ, а бѣлое до 14-ти бываетъ, которое уже здѣсь красятъ. Оныя сукна привозятся изъ окружающихъ деревень, крестьянами оныхъ обработанныя, которые за шерстью для сего по всему государству ѣздятъ.

Завтра жду знакомство дѣлать съ славнымъ здѣшной земли математикомъ Сиденемъ ¹⁾, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашей государыней въ Россію званъ былъ, но предпочелъ остаться въ своемъ отечествѣ. Послѣ завтра, послѣ здѣшняго суконнаго торга, собираюсь ѣхать въ Іоркъ, гдѣ теперь находятся такъ называемыя «Сейзесъ» и гдѣ я надѣюсь увидѣть что до судебного порядка принадлежитъ; сверхъ того Сиденсъ ²⁾ тутъ же представлять будетъ. Когда часто такіе непредвидимые случаи будутъ, то боюсь долѣе въ своемъ путешествіи остаться, нежели чаялъ.

Лидсъ.—20-го (31-го) іюля 1786 г.

Еще слова два о здѣшнемъ мѣстѣ: 16,000 жителей въ ономъ, а въ приходѣ 40,000. Сей городъ, не смотря на число своихъ жителей, не имѣетъ члена въ парламентъ; но что еще страннѣе, что онаго и имѣть не желаетъ, приводя къ тому очень хорошую причину, а именно: что во время выборовъ въ народѣ обыкновенно бываетъ большою явство, а сіе здѣсь отвадило бы работниковъ отъ нужныхъ упражненій и нанесло бы вредъ здѣшной торговлѣ. Сукна

¹⁾ Смеатонъ (Smeaton, John) род. 1724, умеръ 1792 г., пзвѣстный англійскій инженеръ и строитель Эдинбургскаго малака при входѣ въ проливъ Ламанша.

²⁾ Сара Кембль, въ замужествѣ Сиддонсъ (Siddons), знаменитая актриса (р. 1755, † 1831 г.).

здѣшнія идутъ водою въ Гуль, откуда они по разнымъ землямъ— въ Голландію, къ намъ, въ Гишпанію, въ Турцію, въ Италію, въ нѣмецкую землю и т. д., моремъ развозятся. Лошади и шерсть, съ сего времени, здѣсь вздорожали; овецъ уже въ здѣшнемъ графствѣ не пасутъ, ибо называемыя здѣсь «Commons» (земли, владѣныя вообще разными Freeholders) раздѣлены по Freeholders. Удивительно, что народъ толь давно цвѣтущій имѣетъ такіа нестройства! даже были земли, которыя никому не принадлежали! Все сіе заставляетъ меня заключить, что здѣшній народъ такъ занятъ былъ вольностію и торгомъ, что не имѣлъ времени употребить свое вниманіе на домашнее устройство. Меня удивляетъ, какъ сіе прежде временъ Елизаветы не было сдѣлано!

И около здѣшняго мѣста много угольныхъ выемокъ, которыя вчера, ѣхавъ за городъ обѣдать, я видѣлъ. Изнутри земли уголья вынимаютъ, а на поверхности оной хлѣбъ сѣютъ. Я и тутъ имѣлъ случай повторить и утвердить свое мнѣніе, что сіи уголья—одна изъ главныхъ причинъ богатства здѣшней земли и это средство, которое доставляетъ здѣшнему народу золото гишпанцевъ и португальцевъ, доставляемое оными въ крайній убытокъ своимъ государствамъ. Для выемокъ угольныхъ обыкновенно покупаютъ дозволеніе на оное у владѣльцевъ поверхности земли и не могутъ далѣе идти, какъ до границъ тѣхъ владѣльцевъ, съ которыми договорились. Я, для шутки, спросилъ: «назначена ли глубина?» — на что мнѣ отвѣчали, что до центра земли. Ты можешь представить какіе споры тамъ возстанутъ, когда антиподы Англии до того же мѣста дойдутъ! Обыкновенно въ угольныхъ заводахъ много воды находится, которую огненными машинами вычерпываютъ.

Нынче поутру былъ у Сидена и тутъ узналъ, что онъ не былъ званъ государыней, но что онъ огненную машину въ Кропштадтѣ прожектировалъ. Онъ строитель славнаго фоналя въ Плимутѣ, который въ 1756 г. начался, а въ 1759-мъ оконченъ былъ. Надобно тебѣ знать, что сія башня, посреди моря на камнѣ (rocher), съ безпрерывными сопротивленіями неугомоннаго моря построена, что работники, употребленные на ономъ мѣстѣ, часто въ опасности бывали. Долго бы было тебѣ всё затрудненія сего строенія описывать, но вотъ что тебѣ скажу: что сія работа могла только въ отливъ дѣлаться, ибо во время прилива сей камень покрытъ водою бываетъ; что между этимъ временемъ что ни было сдѣлано, то заливалось и уносилось водою и хотя пробовали укрѣпить камни прекрѣпкими цѣпями, но при отливѣ ихъ уже не находили. Представь себѣ, что въ бурное время море всю сію башню заливаешь! Оный фональ построенъ

обществомъ, которое нѣкоторую пошлину со всякаго корабля беретъ; караулятъ оныя три человѣка, имѣя на полгода провизіи; онъ освѣщается 24-мя сальными свѣчами, которыя по два фунта вѣсятъ. Почтенный архитекторъ сего чудеснаго фоналя многія другія работы въ своемъ государствѣ дѣлалъ. Я у него видѣлъ двѣ очень хорошія обсерваторіи, съ разными его въ оныхъ инвенціями, съ астрономическими часами его работы, и зрительныя трубки, также его рукъ,—однимъ словомъ, онъ, кажется, въ математическихъ частяхъ—человѣкъ отмѣнный. Ты знаешь, коль сію полезную науку я чту, почему ты легко себѣ представить можешь, что я весьма доволенъ былъ своимъ визитомъ; но что болѣе всего почтенно въ семь человѣкъ,—что онъ, принесъ разными стараніями своему государству, себѣ, а потому и семьѣ своей пользу, теперь удалися отъ всѣхъ работъ и единственно занятъ изданіемъ своихъ сочиненій, гдѣ открываются со всевозможною ясностію всѣ ему извѣстныя тайны и его изобрѣтенія. Дай ему Всевышній за то здоровья! — а доброе расположеніе и ему наградой будетъ.

Обѣдалъ у Диксона со всей его фамиліей. Здѣсь имѣлъ случай слышать предлинный разговоръ о романахъ и свои разсужденія сдѣлать; но боюсь тебѣ онымъ наскучить, а такъ какъ я частію сіи письма и для себя пишу, то ты слѣдующее, безъ потери, можешь, когда хочешь, пропустить.

Англичанки, какъ мнѣ кажется, и многихъ другихъ народовъ дѣвушки и женщины съ охотой романы читаютъ, что, по моему, весьма дурныя слѣдствія производить, о которыхъ здѣсь длинно говорить. Мнѣ, можетъ быть, сдѣлають вопросъ: чѣмъ же я хочу, чтобы женщины занимались и не лучше ли, чтобы онѣ читали романы, нежели сами случай давали бы оныя сочинять?—На сіе я скажу, что въ хорошемъ смотрѣніи дѣвица, и не читавъ романовъ, не подастъ случая свою жизнь онымъ сдѣлать; а желаю я, чтобы ихъ упражненіе было, когда онѣ выучатся читать, во 1-хъ, понятіемъ причиннымъ о вѣрѣ, въ которой онѣ воспитаны, во 2-хъ, чтобы имъ преподали всѣ тѣ знанія, которыя хорошую хозяйку дѣлають, дабы чрезъ то, когда онѣ выдутъ замужъ, чтобы не были въ тягость своимъ мужьямъ, но въ облегченіе, и для того всѣ должны быть выучены всякимъ женскимъ работамъ, арифметикѣ, и могли бы домогъ править. Когда такая дѣвушка выйдетъ замужъ,—она не будетъ въ тягость своему мужу.

Матлокъ.—20-го іюля 1786 г,

.....Получилъ твое письмо и, по прочтеніи онаго, поѣхалъ въ Вудстокъ. Возлѣ сего мѣста находится славный Блендгеймъ. Я рѣдко видалъ что нибудь, чѣмъ бы такъ доволенъ былъ; особливо садъ для меня еще лучше, нежели домъ, и такъ хорошъ, что, не смотря на мою склонность критиковать, мнѣ ничего не остается, какъ только его хвалить..... Здѣсь есть одно мѣсто, которое на одно гатчинское походить. Со стороны двора дворецъ очень похожъ на построенный въ Царскомъ Селѣ городокъ, въ которомъ гвардейскіе солдаты живутъ, съ тою разницей, что тутъ огромнѣе несравненно. Внутри отдѣлка комнатъ великолѣпна, картины, по большей части Рубенсовы... Не объѣдавъ, поѣхалъ въ Стоо, теперь здѣсь есть трактиръ, и пошелъ въ садъ и домъ дюка Букинѣмсакаго. Часто наставленными строеніями въ саду, Стоо очень похожъ на Царское Село и мнѣ совсѣмъ не нравится. Что касается внутренняго убора дворца,—то я свое сужденіе объ ономъ оставлю; скажу только тебѣ, что на одномъ плафонѣ, въ золотѣ, сдѣлана цѣпь орденская св. Георгія; не знаю, прилично ли оно на плафонѣ?—До сихъ поръ, мнѣ кажется, что богатые люди, дѣлавъ наряды и украшенія, слишкомъ о вкусѣ пекутся и на то болѣе денегъ тратятъ, нежели бы нужно: оттого столько вкусу налѣпять на одномъ мѣстѣ, что, удаляясь отъ простоты,—безъ вкуса дѣлаются. При семъ я вспоминаю очень хорошее слово Рейфенштейна ¹⁾, который говорилъ, что «дурной вкусъ всегда дороже стоитъ, нежели хорошій». Осмотрѣвъ все, я въ «Wagwik» поѣхалъ, куда вечеромъ и прибылъ. Для англичанина, можетъ, сіе мѣсто довольно примѣчанія достойно, но для иностраннаго—какое дѣло знать, что, 800 лѣтъ тому назадъ здѣсь какой-то «Gug Earl Wagwik» жилъ, кабана, какую-то корову и великана убилъ, послѣ чего пустынною жизнь свою кончилъ. Въ замкѣ кажутся его латы, кошы и ланцы (т. е. lances), которыя очень на длинные шести. походятъ..... Прибылъ въ Бирминджамъ, отнесъ письмо г-на Тортона къ одному г-ну Masson, который обѣщалъ мнѣ все показать. Можешь представить, какъ я доволенъ былъ сему извѣстію! Массонъ пошелъ къ другимъ, къ которымъ имѣлъ письма, между прочимъ отнесъ письмо г-на Питерса къ одному г-ну Gorbette, который, только что прочелъ письмо, сказалъ, что они недавно сдѣлали положеніе никого въ фабрики не пускать. Онъ мнѣ, съ крайнимъ прискорбіемъ, сказывалъ, что, бывъ въ части въ Корнскихъ за-

¹⁾ Рейфенштейнъ—чичерове В. Н. Зиновьева въ Римѣ.

водахъ, онъ, теперь потерялъ много чрезъ переходъ Gascognie (?), что онъ на 20,000 сперва государынѣ товаровъ продавалъ, а теперь оное кончится, потому что онъ слышалъ, что государыня Gasco-gnie даетъ 2,500 фунтовъ на годъ жалованія. На все сіе я отвѣчалъ своимъ образомъ и наше свиданіе кончилось тѣмъ, что онъ мнѣ свое сожалѣніе высказалъ, что не можетъ мнѣ ничего показать и что онъ то же былъ принужденъ сдѣлать съ однимъ французскимъ президентомъ, который ему привезъ письмо отъ бывшаго лорда Шельборна. На другой день, я поѣхалъ на фабрику Болтона и я все съ французскими иностранцами видѣлъ. Проворство работниковъ отмѣнное, машины обыкновенныя и я увѣренъ, что у насъ въ Тулѣ тѣ же; но большая выгода здѣшнихъ фабрикъ—то, что онѣ употребляютъ въ должныхъ мѣстахъ женщинъ, ребятъ и мужчинъ взрослыхъ, а часто взрослога съ малымъ употребляютъ. Не знаю, полируютъ ли сталь у насъ голыми руками?—въ Бирминджамѣ оное дѣлаютъ. На здѣшней фабрикѣ употреблено отъ 300 до 400 работниковъ. Г-нъ Болтонъ мало о сей фабрикѣ печется, ибо бѣльшій его теперь доходъ—отъ огненныхъ машинъ, которыя онъ въ заводахъ корнвальдскихъ учредилъ, получая одну третью выгоды противъ прежнихъ машинъ. Онъ, сказываютъ, съ г-мъ Ваттомъ ¹⁾ имѣетъ 20,000 фунт. дохода, а фабрика его по прикащикамъ раздѣляется, которые, дѣля барыши, оной управляютъ.

18-го. Былъ у г-на Watt, съ которымъ, на англійскомъ языкѣ, споръ имѣлъ объ архитектурѣ и сдѣлалъ ему одно возраженіе, которое мнѣ понравилось. Онъ защищалъ готическую архитектуру, говоря, что римская не такое дѣйствіе дѣлаетъ, ибо въ послѣдней пропорціи сохранены; на что я привелъ въ примѣръ двухъ высокихъ людей: одного худощаваго, а другаго, по препорціи роста, толстаго; первый, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ болѣе удивленія; но простота послѣдняго, не удивляя, несравненно будетъ болѣе нравиться. Желалъ, чтобы мое возраженіе и мой примѣръ тебѣ показались.

....Способы разбогачиваться торговлею такъ здѣсь велики, что люди средняго состоянія не могутъ слугами завестись, ибо они, проживъ у своихъ хозяевъ съ годъ, находятъ способъ торгомъ болѣе наживать, нежели находясь въ услуженіи.

19-го. Послѣ обѣда отсюда поѣхалъ, ночевалъ въ Вартонѣ; славное пиво тебѣ здѣсь извѣстно. Все, что здѣсь дѣлается, привозятъ къ намъ, чрезъ Гуль.

¹⁾ Уаттъ (Watt, James, род. 1736 г., умеръ 1819 г.) знаменитый механикъ-инженеръ, извѣстенъ какъ изобрѣтатель пароваго двигателя. Н. В.

20-го. Былъ въ Дербѣ; тутъ видѣлъ машину, которая шелкъ навиваетъ; она довольно курьезна и вывезена изъ Италіи. Здѣсь также лучший фарфѣръ дѣлаютъ. Мѣстоположеніе здѣсь отиѣнно хорошо и, какъ говорятъ, «гоманеске».

22-го. Обѣхавъ верхомъ романтическое положеніе Матлока, поутру былъ на мельницѣ г-на Arkwright¹⁾, которая хлопчатую бумагу прядетъ. Все въ оной отиѣнно любопытно, не выключая хозяина, о которомъ скажу два слова: онъ былъ парикмахеръ и, бривъ одного бѣднаго челѣвѣка, получилъ разныя отъ него мысли завести сію мельницу и, предпріявъ сіе съ двумя другими товарищами, — изъ которыхъ одинъ скоро умеръ, а другой свое участіе ему продалъ, — сдѣлался одинъ хозяиномъ сего завода и теперь его считаютъ имѣющимъ 200,000 фун. капиталу.

23-го. Поутру поѣхалъ верхомъ на одну свинцовую мину, называемую Portoway, и видѣлъ все что можно видѣть, даже спускался на самый низъ, гдѣ руду вынимаютъ, и самъ работалъ. Входя наверхъ и зачиная чувствовать нѣкоторую усталость, мысленно о своемъ сложеніи сожалѣлъ; но мнѣ мой водитель утѣшительную похвалу далъ, что онъ не встрѣчалъ много иностранныхъ, которые бы столь скоро могли всходить; сія похвала, признаюсь, въ моемъ положеніи, мнѣ весьма пріятна была и дала мнѣ новыя силы. Окончивъ сей довольно безпокойный день, послѣ верховой ѣзды на гнѣивой и спотыливой лошади, прибылъ благополучно въ Шастволидъ.

24-го. Осматривалъ домъ дюка Девоншира, который мнѣ очень понравился. Здѣсь кажутъ комнаты, въ которыхъ королева Марія²⁾ многіе годы задержана была. Паркъ изрядный, фонтаны въ ономъ есть; но зная Петергофскіе, только Версальскіе смотрѣть можно, — и такъ, я оныя не видалъ.

Въ Грофшоптѣ очень пріятное мѣстоположеніе. Меня весьма удивляетъ, какъ можетъ толь малая земля, какова здѣшняя, имѣть столько обитателей и имѣть столько неплодородныхъ земель! — Еще удалось мнѣ вспомнить мое недоразумѣніе, что я однажды, какъ ты помнишь, утверждалъ, что первое стараніе всякаго правительства должно быть — одобрять хлѣбопашество, а уже потомъ поощрять торговлю. Знаешь ли ты, въ чемъ я безцѣнное богатство Англій считаю? — въ неисчерпаемомъ множествѣ угольевъ. Когда бы оныхъ у нихъ не было,

¹⁾ Сэръ Ричардъ Аркрайтъ (Arkwright), р. 1732, † 1792., изобрѣтатель машины, которая произвела переворотъ въ произведеніи хлопчатобумажныхъ издѣлій и обогатила англійскихъ промышленниковъ.

²⁾ Королева Марія Стюартъ (р. 1542, † 1587).

позабыли бы они вывезить наше желѣзо, чтобы оное у себя обрабатывать, другимъ и намъ оное, обработанное, вдесятеро дороже продавать!—и сія одна причина, почему Англія можетъ такъ населена быть, ибо и для топки всякой—имъ ни сучка не надобно...

Юркъ.—4-го августа 1786 г.

Здѣсь, со 2-го, нахожусь и вообще не могу довольно нахваляться учтивостью и ласкою здѣшнихъ жителей.

Здѣсь видѣлъ, два дня сряду, судъ преступниковъ и, при семъ случаѣ, старался получить настоящую идею о здѣшнемъ провинціальномъ правленіи и скажу тебѣ только вкратцѣ, болѣе—чтобы помнить, нежели—чтобы сіе описывать. И такъ, лордъ-лефтенантъ¹⁾—въ провинціальныхъ городахъ, генераль-шерифъ и его ассистенты—во всякой провинціи одинъ или болѣе, называемые «Колонель-жостисъ-офъ-пись», которые первымъ королю предлагаются, такъ какъ и кандидаты. Во второе названіе «Грендъ жюри» и «пети жюри», «Конселорсъ».

Судъ отправляетъ одинъ изъ 12-ти судей, которыхъ сюда два приѣзжаютъ: одинъ—для уголовныхъ, другой—для гражданскихъ дѣлъ, два раза въ годъ, и судятъ дѣла всего графства. Сверхъ сего, въ уѣздахъ 12 «альдерменовъ», которые младшаго изъ себя въ мэры выбираютъ. Объ образѣ исправленія суда сими судьями ничего не говорю, ибо ты оное знаешь; но оно мнѣ такъ нравится, что желалъ бы, чтобы оно вездѣ учреждено было, и не понимаю, для чего оное не дѣлается? — Вопреки мнѣ скажутъ, что государи потеряютъ большую власть, имѣя, такъ сказать, въ своей волѣ жизнь всякаго человѣка; но на сіе я скажу, что они могли бы себѣ всегда оставить власть, бравъ въ свой особливый судъ такія преступниковъ, какихъ пожелають, сказавъ, что дѣлають сіе для скорѣйшаго порядка, а подъ симъ предлогомъ брать всѣхъ тѣхъ, которыхъ только пожелають, и оставлять тѣхъ преступниковъ, которые ихъ мщенія не стоятъ, и дать, чрезъ то, способъ и средство невиннымъ оправдаться. Я не говорю, напримѣръ, сіе о нашемъ отечествѣ, ибо оно, въ разсужденіи сего, можетъ быть, не въ такомъ положеніи находится по причинѣ, 1-е, малаго населенія земли и большижъ разстояній одного мѣста отъ другаго; 2-е, положенія нашихъ крѣстьянъ; 3-е, не довольнаго просвѣщенія нашего народа. А сколь здѣшній народъ просвѣщенъ—я имѣлъ случай видѣть; но для чего сіе во Франціи и въ болѣшей части Германіи не дѣлается—того не понимаю.

¹⁾ Lord Lieutenant—лордъ намѣстникъ.

Единбургъ.—13-го августа 1786 г.

Вотъ гдѣ, любезный другъ, я очутился, но ты, не взирая на сіе, не отдѣлаешься и я съ тобой еще объ Іоркѣ поговорю; и такъ, къ дѣлу: коль мнѣ понравилось производство уголовного суда, толь, напротивъ, не хвалю сіе учрежденіе въ гражданскихъ тяжбахъ. 5-го я былъ въ судѣ и слышалъ довольно странное дѣло, а именно: споръ о дорогѣ,—публичная ли она или приватная? и тутъ видѣлъ болѣе 30-ти человекъ, отвѣчающихъ подъ присягой, и думаю, что большая часть изъ нихъ противъ принятой присяги и противъ своей совѣсти отвѣчали. Долго бы было о неудобствахъ такого допроса здѣсь объяснить,—я только о двухъ вещахъ упомяну: 1-ое, что я бы присягу, при семъ случаѣ, совсѣмъ уничтожилъ, бывъ увѣренъ, что человекъ съ совѣстію на вопросъ, ему сдѣланный въ толь уважительномъ мѣстѣ и въ глазахъ почти всего народа, конечно справедливый отвѣтъ дастъ. Человекъ, который толь несчастливъ и потерялъ чувство совѣсти, очень склоненъ нарушить присягу, себѣ черезъ то вредить, и смѣю сказать, и слушателямъ, которые привыкають видѣть нарушеніе толь важнаго дѣла. 2-ое, что почти неотмѣнно надобно, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ—одинъ правъ, другой виноватъ былъ; слѣдствіе непремѣнное изъ сего, что часть одна неотмѣнно должна фальшивую присягу сдѣлать. Многія другія причины имѣю не хвалить сей образъ судебного порядка; но сіе до свиданія, когда тебѣ угодно будетъ, оставлю. Здѣсь также видѣлъ, что съ проигрышной стороны одинъ квакеръ присягнулъ и противники его дали тотчасъ сіе пяти жюри примѣтить. Сіе собраніе 12-ти человекъ весьма уважается и все, что въ судахъ ни дѣлается—все для объясненія имъ, ибо они осуждаютъ преступника или тяжбника. 5-го я выѣхалъ изъ Іорка.

6-го. Вечеромъ пріѣхалъ въ «Рипонъ» и отдалъ письмо г-на Робертсона г-ну Варделеву,—прозваніе очень къ нашимъ приближающееся.

7-го. Былъ въ «Стюдлей-паркѣ», гдѣ есть изрядные виды, но много регулярности...

8-го. Деревня, принадлежащая тому же господину, которому и Стюдлей принадлежитъ,—имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе и до сихъ поръ въ Англіи я ничего подобнаго не видалъ. Не совѣтую тебѣ сію землю оставлять, не выдавъ сего мѣста. Отъ роду моего не видалъ такого дыма, какъ въѣзжая въ «Нью-кастель»!... Ночевалъ въ Англіи въ Варвикѣ, а 10-го поутру выѣхалъ въ Шотландію.

Теперь дозволю мнѣ главное мое мнѣніе сказать объ этой землѣ: известно, что она всѣмъ изобилуетъ: хлѣбомъ, деньгами, жителями, мануфактурами; но что должно удивить путешественника—это строенія, которыя въ разныхъ городахъ производятся, и, что, такъ сказать, изъ одного города два дѣлается и сіе безъ убытка хлѣбопашества, и я увѣренъ, что эти города получше будутъ тѣхъ, которые по приказу построены ¹⁾; но сіе государство не думало, прежде хлѣбопашества, о построеніи городовъ. Почти вездѣ, гдѣ я ни спрашивалъ—это стало только 50 лѣтъ тому назадъ заводиться, а сія земля въ это время жителей своихъ не умножила. Хорошій примѣръ нашимъ политикамъ! Дѣйствительно, я часъ отъ часу увѣряюсь, что намъ фабрики не нужны и болѣе вредны, и я никакъ не принимаю возраженія, что деньги въ государствѣ остаются: да,—но отнимаются руки отъ пашни. Что дѣлать съ жителями, которые не въ хлѣбородныхъ провинціяхъ живутъ?—переселять половину оныхъ или сколько нужно въ пустыя, казенныя земли. Ты видишь, что я все при своихъ, Гаричетскихъ (?) мысляхъ остаюсь! Долженъ еще одно примѣчаніе сказать о семъ народѣ, что удивительно видѣть во всякомъ городѣ преогромныя строенія для сборщиковъ подѣ именемъ: «асамблеумъ»; но что похвальнѣе всего, что, при этихъ строеніяхъ, всегда находится огромныя же строенія для больныхъ, для бѣдныхъ, для училищъ и сиротъ. Человѣкъ съ чувствами долженъ народъ тотъ почитать, въ которомъ оное видить! Что касается до жителей, то скажу, что вездѣ видно изобиліе, пріятная и неподдѣльная чистота, учтивость отѣнная и пристойная. Средній классъ людей я нашелъ также весьма ласковымъ къ иностранцамъ. Кажется—все, что хотѣлъ тебѣ объ Англіи сказать?—теперь слѣдуй за мной въ Шотландію...

Единбургъ весь взрытъ и въ подобіе англійскихъ городовъ и здѣсь строятъ... Обѣдалъ у лорда Монбодди ²⁾, который, какъ

¹⁾ Намеки на усиленное въ то время построеніе городовъ въ Россіи. Въ манифестѣ 1785 года апрѣля 21-го сказано, что, въ продолженіе 23-хъ-лѣтняго царствованія императрицы Екатерины II-й, воздвигнуто 216 новыхъ городовъ въ Россіи. Въ послѣдующія царствованія многіе изъ нихъ упразднены, такъ какъ ихъ жители преимущественно занимались хлѣбопашествомъ и не шли ни торговыхъ оборотовъ, ни потребности быть городскими обывателями.

²⁾ Л-дъ Монбоддо (Burnet James, lord Monboddo), шотландскій философъ, род. 1714 г., умеръ 1799 г.; оставилъ два англійскія сочиненія, исполненныя любопытныхъ изысканій, но съ тѣмъ вѣстѣ и парадоксовъ: «Присхожденіе и прогрессъ нарѣчій» 1773—1792 гг. 6 част., въ 8-ю д. и «Метафизика древнихъ» 1779—1799 гг. 6 част. въ 4-ю д. Мы полагаемъ, что книги, о которыхъ упоминается, были филологическаго содержанія, какъ потому, что лордъ Монбоддо

ты, чаю, помнишь, тебѣ книги препоручилъ для пересылки къ государя. Скажу тебѣ, что онъ весьма твоей учтивостью хвалится, и мы за твое здоровье пили.

Отсюда всё почти по деревнямъ разѣхались, слѣдовательно я не увижу многихъ весьма достойныхъ людей; но нынче возвратился D. Robertson, котораго я у Рожерсона видѣлъ, ему письма отдалъ и въ понедѣльникъ съ нимъ завтракалъ. Я имѣлъ уже случай познакомиться съ братомъ Ерскини ¹⁾ и съ однимъ Mashionich, и что могу теперь заключить изъ ихъ разсказовъ, такъ это что сія земля въ гораздо болѣе счастливомъ положеніи находится, нежели Англія, ибо она пользуется всѣми выгодами правленія той земли, не имѣя по своему положенію большихъ неудобствъ, которыя въ той землѣ являются необходимыми слѣдствіемъ выборовъ въ парламентъ. Довольно; чаю, что тебѣ сего будетъ...

Фельфуть.—13-го (24-го) августа 1786 г.

Это мѣсто ты въ самой подробной географіи не найдешь! Не думалъ прежде Ливерпуля писать, но, имѣя досугъ, пользуюсь симъ случаемъ.

Единбургъ—старый городъ, очень нечистъ и дуренъ, но теперь построили множество новыхъ улицъ, которыя очень хороши. Три моста въ городѣ огромны, изъ которыхъ только одинъ оконченъ, а два только начаты.

... Положеніе Шотландіи и жителей оной мнѣ кажется несравненно выгоднѣй, нежели англичанъ, ибо они пользуются всѣми выгодами послѣднихъ и не имѣютъ неудобствъ, которыя отъ выборовъ въ парламентъ въ народѣ происходятъ, ибо первые, какъ тебѣ извѣстно, они только 46 членовъ посылаютъ, да сверхъ того сей выборъ дѣлается людьми, которые 800 ливровъ дохода имѣютъ, и по-

былъ лингвистъ, такъ и потому, что императрица въ 1784 г. предприняла намереніе собрать словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ, почему, вѣроятно, и было необходимо государя извѣстнаго познакомиться и съ сочиненіями лорда Монбоддо.

¹⁾ Ерскинъ, лордъ Томасъ (род. 1750 г., умеръ 1823 г.), англійскій юристъ и ораторъ. Въ 1789 году онъ шелъ рука объ руку съ Фоксомъ, а въ 1806 г. былъ великимъ канцлеромъ. Онъ старался о запрещеніи торга невольниками, защищалъ свободу книгопечатанія и возвысилъ свой голосъ въ пользу грековъ, притѣсняемыхъ турками. Его рѣчи изданы въ Лондонѣ въ пяти частяхъ. Кроме того, онъ написалъ, въ 1792 г., сочиненіе «*Considérations sur les causes et les conséquences de la guerre actuelle avec les Turcs*», которое имѣло 43 изданія. (Dictionnaire de biographie et d'histoire, par Désobry et Bachelet).

Н. В.

тому не мѣшаютъ народу слѣдовать обыкновеннымъ и должнымъ своимъ упражненіямъ. Чувствительная разница, при вѣздѣ въ Шотландію, и примѣтно кожь бѣднѣ сей народъ аглицкаго. Тебѣ извѣстно, что Шотландія рѣдкіе годы своимъ хлѣбомъ прокармливается и часто оный изъ Англіи или изъ иностранныхъ земель получаетъ. Мое самолюбіе весьма удоволствовано было, ибо, какъ ты изъ моего послѣдняго письма знаешь, мнѣ очень понравился образъ аглицкаго криминальнаго суда и весьма недоволенъ былъ гражданскимъ порядкомъ;—мое мнѣніе подтверждено было, ибо шотландцы приняли первый, а въ разсужденіи другаго остались при своемъ старомъ. Большая часть людей, при моемъ бытіи въ Единбургѣ, по деревнямъ развѣхавшись была, но я тебѣ упомяну о тѣхъ, которыхъ я видѣлъ, а именно: г. Смитъ ¹⁾, сочинитель той книги, которая тобой и мною почтена; г. Арскинъ (вѣроятно—Ерскинъ), братъ славнаго авторнея въ Лондонѣ и не менѣе его въ Единбургѣ почтенъ. Тебѣ извѣстно, что сіе мѣсто въ разсужденіи медицины весьма славится. Между священниками здѣшней церкви также отмѣнные проповѣдники находятся. Здѣсь видѣлъ г. Рожерсона и г. Бакунина и удивлялся, какъ онъ похудѣлъ и сколь онъ больнымъ кажется.

17-го. Поутру выѣхалъ изъ Единбурга и въ Глазгау пріѣхалъ; былъ вечеромъ въ театрѣ, который былъ весьма наполненъ.

18-го. Я трижды въ Единбургѣ видѣлъ Робертсона ²⁾, о которомъ тебѣ, какъ о славномъ человѣкѣ, упомянуть забылъ. Учрежденіе, а паче преподаваніе уроковъ здѣсь отмѣнно хорошо. Я болшее разсужденіе имѣлъ съ упомянутымъ профессоромъ о ненадобности изученія логики, а что для остренія разума и для приведенія въ порядокъ мыслей нужно употребить математику, и хотя

¹⁾ Смитъ, Адамъ (род. 1723 г., умеръ 1790 г.), знаменитый шотландскій экономистъ, профессоръ экономіи и логики въ Глазговѣ и писатель по предмету политической философіи. Сочиненіе, о которомъ упоминается, вѣроятно: «Изысканіе причинъ народнаго богатства», надѣлавшее во время своего появленія (въ 1776 г.) много шума, какъ новостію взгляда, такъ и либеральнымъ возрѣніемъ на торговлю. Это сочиненіе переведено на многіе языки.

²⁾ Робертсонъ (William Robertson, род. 1721 г., умеръ 1793 г.)—извѣстный историкъ и ректоръ Единбургскаго университета. Княгиня Дашева находилась съ нимъ въ переносѣхъ, по поводу воспитанія своего сына, и просила его совѣтовъ; но когда Робертсонъ вѣжливо посовѣтовалъ подождать поступленіемъ молодаго князя въ университетъ года на два или на три, чтобы дать ему время лучше подготовиться, то княгиня не послѣдовала его совѣтамъ и немедленно опредѣлила сына студентомъ. (См. Записки княгини Дашевой).

онъ даетъ уроки въ первой, но я довелъ его почти до признанія, что съ нѣкоторой перемѣной и прибавленіемъ обученія математикѣ, она то же полезное дѣйствіе сдѣлаетъ, что и логика, съ той разницей, что обученіе первой многія выгоды соединяетъ, которыхъ послѣдняя не имѣетъ. Изъ Глазгау выѣхалъ 19-го, а изъ Шотландіи 20-го.

Манчестеръ.—19-го (30-го) августа 1786 г.

... Положеніе женскаго пола здѣсь не весьма выгодно, ибо онѣ, имѣвъ нѣжныя сердца, находятъ въ мужьяхъ своихъ противное оному и которыхъ чтобы тронуть надобно подлюжины на театрѣ убить или показаться публикѣ съ замараннымъ лицомъ и руками въ крови. Я бы хотѣлъ знать сколько находится въ Англии мужей, которые бы своимъ женамъ послѣ свадьбы сказали: «я тебя чрезвычайно люблю», или что нибудь подобное оному. Съ своей стороны, я не вижу оному хладнокровію и соглашусь скорѣе цѣлнй вѣкъ² свой проплакать, нежели промѣнять чувствительное сердце на нечувствительное. Я англичанъ весьма почитаю, за то, что они свой разумъ, главное качество души, хорошо употребляютъ; но малая нѣжность ихъ сердца—мнѣ не нравится.

Узнавъ я отъ Якова Ивановича¹⁾, что ты заставляешь переписывать мои письма, то когда сіе не имѣ дѣлается, то прошу тебя прервать оное, ибо, какъ ты себѣ весьма легко представить можешь, я не желаю, чтобы иной то зналъ, безъ моего согласія, что я къ тебѣ пишу.

Сюда пріѣхалъ вчера вечеромъ и нынче ходилъ смотрѣть здѣшнія мануфактуры. Сказывали мнѣ, что какой-то здѣшній господинъ выдумалъ машину ткать и хочетъ на нее получить патентъ. Вотъ, я думаю, одна изъ причинъ, что сія земля толь цвѣтетъ, что вмѣсто людей умѣетъ колесы употреблять и дѣлается чрезъ то мануфактурщикомъ всего свѣта.

31-го. Ѣздилъ по каналу дюка Бриждватеръ...

1-го сентября. Выѣхалъ поутру отсюда и прибылъ въ Ливерпуль къ обѣду; вечеромъ былъ въ театрѣ. Зала преизрядная и больше двухъ лондонскихъ. Первая пьеса была новомодная опера. Что касается до музыки, то тебѣ, какъ имѣющему настоящій вкусъ,—не-

¹⁾ Если не ошибаемся, то подъ именемъ Якова Ивановича слѣдуетъ разумѣть г-на Жоли, секретаря гр. С. Р. Воронцова; о немъ упоминается въ Запискахъ гр. Бомаровскаго.

чего говорить. Вообще, я англичанъ, какъ тебѣ извѣстно, паче всѣхъ народовъ люблю; но съ оными въ разсужденіи ихъ вкуса для театра несогласенъ, ибо, по большей части, ихъ трагедіи—побоище всѣхъ актеровъ, а ихъ комедіи часто неблагоразумныя фарсы. Мнѣ кажется еще, что они въ декорацияхъ большіе педанты; напримѣръ, на всѣхъ ихъ сценахъ находятся двѣ двери, похожія на обыкновенныя, у домовъ колокола, часто часы бьютъ и т. д.; чрезъ сіе они думаютъ на своемъ театрѣ до обмана живо представлять, но я думаю, что ни одинъ англичанинъ, ни въ какой піесѣ, не забывалъ, что онъ въ театрѣ; объ иностранныхъ я увѣренъ, что они сіе помнятъ. Напротивъ—во Франціи, гдѣ всѣхъ сихъ штукъ на театрѣ нѣтъ, я увѣренъ, что многіе англичане забывали, что представленіе—сочиненное, а не дѣйствительное, видятъ. Сей же вечеръ видѣлъ здѣсь брата М. Siddens ¹⁾, чрезвычайно хорошаго актера, который съ прекрасной фигурой соединяетъ весьма натуральную акцію; онъ въ одной піесѣ, которую я видѣлъ, женится на злой весьма женщинѣ; чтобы притворной своей злостію ее смягчить, употребляетъ на оное удобнѣйшіе способы и успѣваетъ въ своемъ предпріятіи. Когда бы сіе въ натурѣ могло приключиться, я бы предпочелъ храбрость и сильнодушіе такого человѣка сильнодушію Коломба: сей рисковалъ потерять жизнь, первый—вести навсегда премучительную.

2-го. Видѣлъ здѣшніе доки, которые богатства сего мѣста доказываютъ. Въ городѣ считаютъ 50,000 жителей; онъ ведетъ большой торгъ съ Востъ-Индіей и съ Африкой въ покупкѣ негровъ, о которомъ намѣренъ распроевѣдать, что и исполнилъ, и скажу тебѣ, что главная часть здѣшняго торгова состоитъ въ ономъ. Коль несчастна доля сихъ бѣдныхъ араповъ—тебѣ лучше моего извѣстно; но мнѣ сказывали, что они гораздо несчастливѣе, бывъ въ подданствѣ своихъ земляковъ; желаю—чтобы сіе справедливо было, ибо оно тогда нѣкоторое утѣшеніе для чувствительнаго сердца—знать, что люди, которые въ несчастномъ положеніи, еще бы несчастливѣе были, когда бы въ ономъ не находились.

3-го. Если я въ сей землѣ не сдѣлаюсь добрымъ человѣкомъ, то нигдѣ онымъ быть не могу, ибо по обыкновенному своему отиѣнному счастью представляются мнѣ случаи знакомиться съ весьма добрыми

¹⁾ Семейство Кембель (Kemble) состояло изъ сестры, въ послѣдствіи Сиддонсъ и двухъ братьевъ: Джона-Филиппа (р. 1757, † 1823 г.) и Чариса (р. 1775, † 1854 гг.). Оба были актерами. Здѣсь говорится о старшемъ изъ нихъ, такъ какъ младшій дебютировалъ только шесть лѣтъ спустя (1792).

людьми и оное служить мнѣ къ моему исправленію. Вотъ, любезный мой, угольные и золотые мои заводы, вотъ мои огромные парки и замки, которые я настоящимъ предпочитаю!—но надобно и ихъ видѣть и ты будь спокоенъ, я изъ Англии не выѣду, не выдавъ угольного завода, почему и надѣюсь, что ты мнѣ простишь, что я въ Нью-кастлѣ оныхъ не видалъ. Ласка и учтивость людей въ здѣшней землѣ отмѣнная и я не могу довольно оными нахвалиться и приписываю сіе своему мало-заслуженному счастью. Ты знаешь, что я неохотно сей путь предпринялъ, а теперь не могу довольно оному радоваться. Я думаю, что человѣкъ, стараясь узнать свои недостатки, не можетъ оные лучше исправить, какъ путешествіемъ; подобно камню, который, треніемъ своимъ со множествомъ другихъ, глаже дѣлается и, полируя, такъ сказать,—себя, иногда неровности другихъ, которые съ нимъ сталкиваются, ровняетъ.

4-го. Вечеромъ былъ въ театрѣ, гдѣ Кембелъ ¹⁾ Ричарда III-го представлялъ, и послѣ трагедіи и маленькой, съ французскаго переведенной оперы, передъ публикой въ театрѣ читалъ, чтобы показать чистоту и исправный свой выговоръ. Мнѣ кажется, что чтеніе сіе—большое доказательство непостояннаго и малознаемаго настоящаго выговора въ англійскомъ языкѣ. Я думаю, что ни одинъ французъ или нѣмецъ, или какой ни есть человѣкъ другаго народа, не думалъ тѣмъ похвастать, что онъ природный свой языкъ хорошо и правильно выговариваетъ!

Бристоль.—3-го (14-го) сентября 1786 г.

6-го. Выѣхалъ изъ Ливерпуля. Скажу тебѣ (можетъ, тебѣ этого еще неизвѣстно), что французы построили на африканскомъ берегу, близъ селеній англійскихъ, двѣ крѣпости, которыя противъ послѣдняго мирнаго договора построены, и, вслѣдствіе сего, ливерпульскіе купцы, боясь препятствія въ торгѣ, сдѣлали представленіе министерству здѣшнему... Что изъ сего выйдетъ?—Это твоего корпуса должность узнать!

... Ходилъ смотрѣть городъ «Schrewsbury», гдѣ примѣчанія достойно учрежденіе для бѣдныхъ, которые, по силамъ своимъ, припуждены работать.

9-го. Видѣлъ одинъ изъ каналовъ, который соединяетъ многіе въ здѣшнемъ государствѣ, проведенный одной компаніей. Одна изъ большихъ выгодъ здѣшней земли, что для всѣхъ большихъ предпріятій

¹⁾ См. предмущее примѣчаніе.

находятся очень скоро люди, которые складываются и таким образом подают способ производить работы, которыя бы одним не могли произведены быть.

13-го. Былъ у одного Hogford и обѣдалъ у него; онъ квакеръ и ты легко себя представить можешь, какъ я старался отъ него отобрать все то, что мнѣ казалось нужнымъ о нихъ сѣктѣ.

Вкратцѣ о нихъ мое мнѣніе тебѣ передамъ, что они лишаютъ себя многихъ выгодъ христіанина и, безъ всякой нужды, многихъ невинныхъ удовольствій сего свѣта. Il me semble que chacun doit avoir de la religion, puisqu'elle est la source et le plus solide fondement de toutes les vertus; mais on ne doit pas se distinguer des autres que par ces actions, et même dans celles-ci il faut savoir faire la difference; au reste et c'est même du devoir si les circonstances, la situation le permettent, de participer aux plaisirs de ce monde, aux sociétés, aux bals, aux spectacles de toute sorte ¹⁾. Портъ здѣшній, послѣ Лондона, первый; странно, что онъ кончается преузкою рѣкой, которая, въ отливѣ, чрезвычайно мало воды имѣетъ, весьма узка, но, не взирая на сіе, 500 или 600 кораблей въ иностранныя земли отходятъ. Онъ имѣетъ многія привилегіи и самъ собою графство составляетъ, казнить смертію, не ожидая королевскаго согласія, и сверхъ того всякій, который женится на дочери фригохдера, получаетъ голосъ въ выборѣ члена въ парламентъ и сіе право очень во зло употреблено было въ послѣднемъ выборѣ, ибо одна женщина часто была обвиняна со многими, чтобы дать своему супругу право выбирать, — не бывъ замужемъ ни за однимъ изъ нихъ. 6,000 выборщиковъ считаютъ... а я считаю, что сего довольно для тебя будетъ. Завтра ѣду въ Батъ. Василій Зиновьевъ.

Сообщ. Н. П. Варышниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Переводъ: Мнѣ кажется, всякій человекъ долженъ боготворить религію, потому что она источникъ и самое крѣпкое основаніе всѣхъ добродѣтелей; но не нужно отличатся отъ другихъ своими дѣйствіями и даже въ нихъ должно дѣлать разницу. Впрочемъ, если обстоятельства и положеніе дозволяютъ, даже обязательно участвовать въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, посѣщать общества, балы и спектакли всякаго рода.

ПОСЛѢДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ

съ 13-го сентября по 24-е октября 1828 г.

Здоровье императрицы Марии Теодоровны начало, по видимому, ослабѣвать съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1827 года.

Вдовствующая императрица, вступившая въ шестьдесятъ седьмой годъ возраста и сохранявшая свою свѣжесть, или, по крайней мѣрѣ, молодость—внѣзапно почувствовала дурноту прогуливаясь съ княгиней Ливенъ въ Павловскѣ, близъ Розоваго павильона, вокругъ котораго была ею собрана многочисленная и прекраснѣйшая коллекція этого рода цвѣтовъ, предпочитаемыхъ ею всѣмъ прочимъ.

Это легкое нездоровье не имѣло послѣдствій, но послѣ него осталась общая слабость, отъ которой Государыня не могла оправиться. Послѣ того, на благородныхъ чертахъ ея лица, не утратившихъ присущей имъ граціи и продолжавшихъ отражать удивительную доброту ея сердца, замѣтили отпечатокъ усталости и страданья, къ которому, по временамъ, примѣшивался отѣнокъ грусти.

Она всѣмъ говорила, впрочемъ, что чувствуетъ себя хорошо; въ особенности-же успокоивала государя, въ нѣжной его заботливости безпрестанно ее разспрашивавшаго, не чувствуетъ ли она какихъ послѣдствій недавняго внутренняго нездоровья: «я никогда не чувствовала себя такъ хорошо!» повторяла она почти машинально, въ отвѣтъ на всѣ разспросы о ея здоровьи ¹⁾.

Но съ княгиней Ливенъ, баронессою Адлербергъ, княгиней Волконскою и съ прочими статсъ-дамами, императрица была болѣе склонна жаловаться на значительную переиѣну, происшедшую въ общемъ состояніи ея здоровья, прежде столь крѣпкаго и надежнаго: «приходится покориться судьбѣ», го-

¹⁾ Pierre Lacroix (Bibliophile Jacob), Histoire de la vie et du règne de Nicolas I. (Paris, Hachette, 1866). Tome troisième, chapitre LXXXVI, p.p. 186—187.

ворила она съ грустною улыбкою. «Постараемся, однако, не слишкомъ скоро состарѣться!»

Она была однако-же принуждена возложить на приближенныхъ къ ней особъ бремя своихъ занятій, которымъ до того времени, по видимому, не тяготилась. Образъ жизни ея сталъ уединеннѣе, однако-же она удѣляла менѣе времени художественнымъ работамъ, въ которыхъ находила наслажденіе; она, напримѣръ, вовсе отказалась отъ рѣзбы медалей, утомлявшей ея зрѣніе; перестала также раскрашивать эстампы и проводить долгіе часы за чтеніемъ книгъ, въ великолѣпныхъ бібліотекахъ, ею самою собранныхъ, для собственнаго своего занятія, какъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ и въ Павловскѣ.

Предчувствія, отъ которыхъ императрица-мать не могла оборониться, сообщились помимо ея желанія духу августѣйшаго ея сына, котораго преслѣдовали, среди занятій государственными дѣлами, смутныя предчувствія какого-то семейнаго горя.

Императрица Александра Феодоровна, нервная натура которой, съ каждымъ днемъ дѣлавшаяся впечатлительнѣе, ощущавшая равномѣрно отголосокъ тревожнаго состоянія духа своего супруга, видя его печальнымъ и не вѣдая тому причины, вообразила, что императоръ серьезно опасается за свое собственное здоровье: эта мысль жестоко мучила Государыню и она усилила свои просьбы, мольбы и слезы, чтобы императоръ согласился отказать отъ своего намѣренія ѣхать въ Дунайскую армию.

Николай Павловичъ въ намѣреніи своемъ былъ непреклоненъ, но онъ обѣщалъ императрицѣ дозволить ей ему сопутствовать и что она не проведетъ мѣсяца безъ свиданія съ нимъ. Что касается до Великаго Князя Наслѣдника, которому при всѣхъ торжественныхъ выходахъ назначено было занимать мѣсто рядомъ съ Ихъ Величествами, то Его Высочество, во время ихъ отсутствія, долженъ былъ оставаться на попеченіи и подѣ опекою своей досточтимой бабки.

Эти заботы и устройство семейныхъ и политическихъ дѣлъ не мало отразились и на состояніи двора, при которомъ пронесся слухъ, что врачи опасаются за здоровье обѣихъ императрицъ.

Поэтому въ день Рождества Христова, — въ который важное значеніе войны съ Турціей придадо особенное оживленіе ежегодному собранію старыхъ офицеровъ и солдатъ, приглашаемыхъ въ Зимній дворецъ на торжество въ память изгнанія неприятелей изъ русскихъ предѣловъ въ 1812 году, — взоры всѣхъ съ участіемъ были устремлены на обѣихъ императрицъ, о болѣзняхъ которыхъ носились слухи и которыя, въ самомъ дѣлѣ, казались нездоровыми. Замѣтили также, не безъ тоскливаго чувства, что императоръ блѣденъ лицомъ и печаленъ. Этого было достаточно для возбужденія опасеній, распространившихся и въ народѣ.

Грустное и глубокое впечатлѣніе произвело на императрицу-мать прощаніе съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ (7-го февраля 1828 года): онъ просилъ родительницу благословить его, какъ-бы видя ее въ послѣдній разъ.

Императрица Марія Теодоровна, здоровье которой не улучшалось, находилась еще подъ гнетомъ мрачныхъ предчувствій, возбужденныхъ отъѣздомъ цесаревича, какъ новый ударъ внезапно поразилъ ея сердце, отнявъ у него одно изъ самыхъ близкихъ лицъ. Княгиня Ливенъ, бывшая для Императрицы самымъ дражайшимъ другомъ, въ теченіе сорока лѣтъ не разстававшаяся съ нею, была сражена непродолжительною болѣзнію, во время которой Императрица расточала самыя трогательныя попеченія почтенной наставницѣ своихъ дѣтей.

Эта смерть, почти скоропостижная, распростерла скорбь и смущеніе на царскую фамилію, которой княгиня Ливенъ была какъ бы членомъ,—до такой степени царственная семья окружала ее вниманіемъ, уваженіемъ, привязанностью.

Въ особенности императрица Марія Теодоровна была безутѣшна по уtratѣ княгини Ливенъ и подъ вліяніемъ мрачнаго раздумья она сказала многимъ изъ своихъ приближенныхъ, что не долгимъ переживетъ своего оплакиваемого друга.

Императоръ, не менѣе огорченный этою потерей, принужденъ былъ удвоить внимательность и предупредительность, оказываемыя имъ августѣйшей его родительницѣ, чтобы водворить въ душѣ ея болѣе покорности судьбѣ и спокойствія. Онъ лично, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Павловичемъ, присутствовалъ на погребеніи бывшей воспитательницы великихъ князей и великихъ княженъ; весь дворъ и безчисленная толпа народа приняли участіе въ сожалѣніи, превратившемъ трауръ семейный—во всеобщій.

Обращаемся къ разсказу одного изъ приближенныхъ лицъ Императрицы Маріи Теодоровны о послѣднихъ дняхъ жизни этой Государыни. Разсказъ принадлежитъ Настасьѣ Петровнѣ Чернышевой, камеръ-юнгферѣ Императрицы. Чернышева служила 15 лѣтъ при дворѣ и подъ живымъ впечатлѣніемъ описала болѣзнь и кончину Маріи Теодоровны въ письмѣ къ сестрѣ, Натальѣ Чернышевой, бывшей въ 1828 г. камеръ-юнгферой при королевѣ Нидерландской Аннѣ Павловнѣ. Въ послѣдствіи Настасья Чернышева была замужемъ за ген.-лейт. И. О. Дунюковскимъ († 1851 г.) и умерла въ 1872 г.—на 70-мъ году отъ роду. Письмо, въ черновомъ брунѣ, не полное, сообщено намъ племянницей покойной Л. И. Бѣляевой.

Р е д.

14-го ноября 1828 г.

....Я опишу все подробно. Конечно, великой княгинѣ ¹⁾ любопытно будетъ знать все, и вѣрно не одинъ разъ спрашивала: писала-ли я, и, можетъ быть, удивится, что не писала во время болѣзни государыни; но признаюсь вамъ, съ какими мыслями писать, а послѣ ни на часъ не имѣла времени; хотя до послѣдняго дня я не теряла надежды, однако, сколько могла, не отходила прочь и замѣчала каждое движеніе.

13-го сентября (1828 г.) возвратились изъ Павловска весьма благополучно и весело, со всѣми дѣтьми; какъ государыня берегла всѣхъ дѣтей, укрывала чтобы не простудились, и, конечно, не имѣла ни малѣйшаго предчувствія не возвратиться на будущій годъ! Государыня такъ была довольна, что ея почивальня сдѣлалась свѣтлѣе: какую-то сдѣлали пережѣну въ садикѣ, все это было такъ пріятно. Лѣто мы провели покойно, пріятно, хотя мы жили въ двухъ дворцахъ, но и къ тому привыкли, ибо у насъ было очень тихо; только намъ больно было смотрѣть на государыню, что она совсѣмъ не пользовалась воздухомъ, была въ безпрестанныхъ занятіяхъ, а особенно на письмо, такъ что ужасно было смотрѣть—иногда въ хорошую погоду только полчаса гуляла, что не имѣла времени; въ среду даже одна обѣдала, ибо писала до 11-го часа вечера. Мы не могли надивиться какъ у ней не болитъ голова и не устаютъ руки; разстроенная ужасно по военнымъ обстоятельствамъ, такъ что иногда, какъ одѣвалась, стоитъ задумавши, молчить и глаза наполнены слезъ; наконецъ, въ довершеніе всего, съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстія о Варнѣ, такъ что дурно ночи спала.

И такъ, отправились изъ Павловска; двое маленькихъ впереди съ докторомъ и съ няньками, Наслѣдникъ съ дядькой въ коляскѣ, Елена Михайловна въ другой каретѣ, а Ольга и Александра съ государыней; все это было благополучно. Такъ какъ государыня для дѣтей поѣхала такъ рано, то ей нужно было еще возвратиться въ Павловскъ; 16-го числа опять поѣхала на двѣ ночи;

¹⁾ Великая княгиня Анна Павловна, въ послѣдствіи королева Нидерландская, при которой Наталья Чернышева, сестра Настасьи Чернышевой, была камеръ-юнгферой. Л. В.

послѣ того Елена Михайловна сдѣлалась больна, что остановило государыню съѣздить въ Гатчино на нѣсколько дней; наконецъ, она поправилась.

Поѣхали въ Гатчино 30-го сентября для встрѣчи императрицы 2-го числа; 3-го возвратились въ городъ, и какъ государыня въ Гатчинѣ не успѣла ничего сдѣлать, то намѣрена была туда послѣ возвратиться на нѣсколько дней.

9-го октября, во вторникъ, государыня ѣздила въ Коммерческое училище на экзамень; пріѣзжаетъ оттуда во 2-мъ часу и не скидаетъ ни платка, ни кожаные сапоги, что она тамъ очень озябла, ибо не было ни одного окошка двойнаго. Въ 3-мъ часу пріѣзжаетъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о взятіи пагубной Варны, ибо мы это почитаемъ убійствомъ нашей незабвенной царицы. Она была въ такой ужасной радости, что мы всѣ перепугались и говорили между собой: Господи! что это такое, съ нею ударъ сдѣлается, или она помѣшается; Новосильцевъ такъ испугался, что даже въ лицѣ перемѣнился; выходитъ къ намъ и то же самое повторяетъ, что и мы. Я думаю, Господи, что это значить, что за ужасъ! Между тѣмъ Новосильцевъ немедленно послалъ за Рюлемъ, а наша государыня пошла къ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; ее еще не было, когда она пришла къ себѣ; но Рюль ходитъ за нею и проситъ ее выпить оранжевой воды для успокоенія, но, къ несчастію, государыня была въ такой радости и такъ бодрилась, что забыла о себѣ и не хотѣла, говорила, что она чувствуетъ себя очень хорошо, совѣтовъ не нужно; послѣ того Рюль проситъ ее принять (лекарство) вечеромъ; она побоялась принять, что на другой день надо было ѣхать въ Казанскую для молебствія. Послѣ сего извѣстія государыня была очень весела; въ среду 10-го утромъ говорить: «вотъ первая ночь, что я могла лучше спать». Пріѣзжаетъ изъ Казанской и говорить: «счастье будетъ, если мы не простудились, ибо мы очень озябли: двери открыли, вѣтеръ прямо на насъ, и мы стояли безъ ничего, даже не подавали шаль». Этотъ день проходитъ. 11-го въ четверговъ говорить: «Слава Богу, много вамней спало съ моего сердца; есть еще довольно, однако теперь грѣхъ сказать; слава Богу, много убавилось и какъ я была весела».

Я этотъ день была дежурная; вечеромъ государыня говорить: «il fait un peu froid». Я думала отъ того, что она была въ

кисейномъ платьѣ, то я даже спросила, не угодно ли ей надѣть капотъ, однако не захотѣла. Ввечеру была императрица и вмѣстѣ ужинали; послѣ ужина смотрѣла кровать въ новой почивальной, и говоритъ: «завтра, можетъ, надѣюсь здѣсь спать». Но, слава Богу, что еще тутъ не почивала, а то бы сказали: отъ новой почивальной (Оная на томъ мѣстѣ, гдѣ была большая лѣстница).

Ночью съ 11-го на 12-е число, въ 4 часа утра, въ пятницу, ея величество повзвала потереть ей бокъ и спину; я терла довольно долго, на что изволила сказать: «est-ce que vous n'êtes pas fatiguée, ma chère?» Потомъ другую сторону, и спросила который часъ? Это было три четверти пятого. «Оставь теперь, можетъ быть, меня это успокоить». Только что я легла, изволила опять меня спросить кое-что и говоритъ: «il fait froid»; немедля надѣла шалевой платокъ; «il me semble que mon corps me tremble, je voudrais voir Mr. Ruhl, mais il est trop de bonne heure, je ne voudrais pas le réveiller».—Pourquoi pas, Votre Majesté, il est toujours prêt pour V. M.—«Comment est mon visage?»—Le visage est bien, on voit seulement que Votre Majesté a froid. Однако вижу что-то не хорошо и говорю: j'enverrai après Mr. Ruhl.—«Oui, faites le chercher et faites moi donner du thé». Я немедля послала за Рюлемъ и приказала чай; между тѣмъ ея величество съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Рюля и безпрестанно спрашиваетъ тутъ ли онъ? Ужасная тревога—лихорадка началась; Рюль пришелъ и самъ налилъ чай съ виномъ, но когда ея величество держала блюдечко, то руки ужасно тряслись отъ сильной лихорадки. Послѣ чаю (приняты были средства для очищенія желудка, между прочимъ данъ былъ)—ревень; вскорѣ послѣ сего ея величество два раза вырвало, чему государыня очень испугалась: «qu'est-ce que c'est donc? ce n'est pas bien ça?» Но увѣрили, что это не иное что какъ чай съ виномъ; между тѣмъ лихорадка началась сильнѣйшая. Ея величеству угодно было встать съ постели и сидѣть въ креслахъ, покуда (лекарство) не будетъ дѣйствовать. Надѣли чулки, башмаки, шалевую шинель, шаль, салопъ; но какъ ужасно было видѣть такую скорую перемѣну въ лицѣ государыни; вдругъ сдѣлалась блѣдна, худая и лихорадка сильно била, и отъ сильнаго трясенія даже трудно говорила. Тутъ я долго терла ноги; наконецъ (лекарство) очень

хорошо подѣйствовало; послѣ того ея величество явила опять дѣнь въ постель; положили къ ея ногамъ горячіе кувшины, и отъ того успокоилась и уснула, но дыханіе было короче обыкновеннаго.

Въ 9 часовъ пробудилась и пила бульонъ и непремѣнно хотѣла встать, ибо беспокоила остановка въ дѣлахъ; но Рюль никакъ не позволилъ встать прежде 8-ми часовъ. Тогда ея величество перемѣнила бѣлье, надѣла опять ночную кофту и шапотъ изъ матеріи на подкладкѣ, и сѣла на кушетку; тутъ подали кушать, но государыня кушала весьма мало и ни въ чемъ не находила вкусъ. Потомъ писала по нѣскольку строкъ къ Императору, Цесаревичу и къ Великому Князю, позвала Вилламова отдать письма и спрашиваетъ: «Comment me trouvez vous?»—Très faible, отвѣчаетъ онъ. «N'est-ce pas? ah comme j'ai été malade (или j'ai souffert, не помню) cette nuit». Потомъ перенесли ея величество на кушетку въ желтую комнату.

Во весь день государыня (или, лучше сказать, во все время своей болѣзни) была въ такой слабости, что все спала, и это всёкъ очень беспокоило; но Рюль былъ очень симъ доволенъ. Даже императрица Александра Феодоровна очень безпоянлась. Въ 8 часовъ государыня явила пить чай; тутъ была императрица Александра Феодоровна и сама наливала. Въ 9 часовъ прошла больная немного по комнатѣ, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ; потомъ легла почивать не ужинавъ; ночь провела довольно покойно, два раза только спрашивала.

13-го, въ субботу утромъ, ея величество пила чай; до перваго часа осталась въ постели, послѣ пила бульонъ; встала, также одѣлась и перешла изъ почивальной въ малиновый кабинетъ, нигдѣмъ не поддерживаемая; тамъ опять легла на кушетку; долго не пускали туда идти, ибо готовили отъ государя подарокъ: малахитовый круглый голубой столъ съ такою же вазою и широкою по верху рисованною гирляндю, на малахитовыхъ столбахъ, на сѣрой круглой каменной доскѣ; вверху и внизу поставлены фарфоровые горшки съ цвѣтами. На все это ея величество взглянула весьма хладнокровно; казалось, ничто ея не занимало; «с'est jolî», вотъ все что сказала. Послѣ обѣда опять была очень слаба и не вставала съ кушетки. Пришла императрица съ поздравленіемъ, нарядная какъ должно изъ уваженія для такого праздника, съ подарками и со всѣми дѣтьми, въ томъ числѣ Елена и Екатерина Михайловны, кои всѣ имѣли въ рукахъ по букету цвѣ-

товъ; ея величество приняла ихъ всѣхъ лежа, ибо была очень слаба. Сердце мое раздиралось, видя ея такъ же слабой, какъ и накануне, и я горько отъ того плакала; ввечеру перешла одна въ почивальную, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ. Ночь провела довольно покойно.

Въ воскресенье, въ день торжественнаго для насъ и послѣдняго праздника ¹⁾, ея величество поутру встала, надѣла подаренный отъ императрицы Александры Теодоровны, въ Рождество еще, висейный питый капоть на бѣломъ атласѣ; когда еще былъ въ постели, мы всѣ удостоились поздравить ея величество. Послѣ обѣдни императрица также пришла поздравить со всѣми дѣтьми, и наша государыня пила при ней кофе. Александра Теодоровна была такъ рада видѣть, что государынѣ лучше, и говорить, что пришелъ отъ императора фельдъегерь, который говорить, что императоръ скоро будетъ, можетъ быть, даже сегодня, и просить, ради Бога, не тревожиться и не радоваться, а побережь себя. Государыня слышитъ уже его походку, его голосъ, хочетъ идти ему на встрѣчу въ другую комнату; всѣ удерживаютъ, наконецъ объявляютъ; она спѣшитъ къ нему и уже въ дверяхъ его величество бросается въ объятія; государынѣ тотчасъ подали вресла. Надо было видѣть это трогательное свиданіе; наконецъ вручаетъ ему дѣтей, кои ввѣрены были ея августѣйшему попеченію, каждая особенно; радость общая, всѣ глядятъ, радуются и плачутъ. Тутъ ея величество осталась съ императоромъ; положили на диванъ и дали кое-что выпить для успокоенія нервовъ; послѣ того ея величество опять перешла въ малиновый кабинетъ и цѣлый день лежала на кушеткѣ. Ввечеру перевели въ почивальную, для ночи положили на бокъ подушку изъ соли; ночь провела не очень покойно, мѣняла подушку, на животъ клали теплыя салфетки.

Но поутру, т. е. (15-го) числа, въ понедѣльникъ, ея величество въ 10-мъ часу спросила чай; раньше еще желала, но не хотѣла спросить: «je n'ai pas voulu vous réveiller, vous dormiez si tranquillement». Послѣ встала въ 1-мъ часу и сказала: «не хорошо такъ поздно вставать, это все разстраиваетъ», надѣла волнекоровый капоть, шалевой платокъ и перешла въ малино-

¹⁾ День рожденія Императрицы Маріи Теодоровны.

ный кабинетъ; цѣлый день сидѣла въ креслахъ, а ноги обложили подушками.

16-го, во вторникъ, ея величество надѣла тотъ же воленкоровый капотъ, перешла въ малиновый кабинетъ и сидѣла на стулѣ, ибо въ креслахъ жарко, и, казалось, была лучше; но все жаловалась бокомъ, боялась нѣтъ ли въ боку воспаления: «Je crois, que mon bon Ruhl se trompe, je suis sûre que j'ai de l'inflammation». И просила поставить пиявки на бокъ, однако Рюль положилъ прежде пластырь,—это было въ 11 часовъ,—а если черезъ два часа не будетъ облегченія, то пиявки; но ея величество изволила ходить съ государемъ и государыней по комнатамъ и сказала: когда она ходитъ, то чувствуетъ въ боку облегченіе и послѣ того говорить, что ей отъ пластыря лучше.

Отобѣдавши въ 3 часа, чувствуетъ опять ознобъ и ходить по комнатѣ; между тѣмъ спрашиваетъ: каковъ у нея видъ? я говорю: видъ хорошъ, ваше величество, а между тѣмъ вижу, что лицо становится похоже какъ ночью на 12 часовъ; страхъ меня беретъ, не опять-ли лихорадка? Разъ прошла по комнатамъ и захотѣла лечь на кушетку; началась лихорадка по настоящему. О ужасъ! начали мы тереть ноги, ибо были холодны по волѣнѣ, я внѣ себя отъ страху, лицо мое горитъ отъ ужасу. Я смотрю на государыню, дышетъ ли она, но дышетъ тихо, сама блѣдна; мы думаемъ отъ того, что она была легко одѣта и сидѣла на стулѣ, не такъ какъ вчера—въ креслахъ и обложена подушками; Рюль говоритъ, что это отъ того; государыня ему отвѣчаетъ, какъ будто встревоженная; кругомъ обложили кувшинами, не знаемъ какъ согрѣть. Бѣдный Рюль испугался и думаетъ—отъ того, что государыня перешла вспотѣвши въ другую комнату; однако, слава Богу, когда заснула—потѣеть какъ должно, но скоро проситъ перемѣнить бѣлье и встать; мы умоляемъ ее того не дѣлать и быть спойной. Не спитъ и все думаетъ какъ бы встать. Рюль только и проситъ, чтобы успокоиться и уснуть; мы двое остались сидѣть всю ночь. Я всю ночь проплакала глядя на государыню, такъ больно на нее было смотрѣть, никогда не видавши ее такъ больной; притомъ же я очень безпокоилась, однако не ожидала такого несчастія.

Ахъ, милая Наталинька, я пишу, но перо изъ рукъ падаетъ, я совершенно внѣ себя, не понимаю, что со мною дѣлается, пишу,

останавливаюсь, слишкомъ недѣля мое письмо продолжается, не помню что надо писать.—Послѣ того надо было остаться ея величеству въ постелѣ, и она такъ береглась, кажется, боялась пошевелиться въ первый день, т. е. въ среду 17-го числа; другіе дни лежала на боку, и все надо было поворачивать и поднимать, такъ она была слаба; однако и сама приподнималась, но съ нашею помощію, и какъ была всѣмъ довольна, то вы себѣ представить не можете; что ни сдѣлаютъ, какъ ни положатъ, за все благодарить: *«Comme c'est bien, comme c'est commode, comme je suis bien couchée, bien obligée, mes enfants, bien obligée, mes chers enfants»*. Что за кротость, что за терпѣніе во все время болѣзни, то это непонятно; сколько разъ императору говорила, какъ ей усердно всё служить, что она такъ всѣми довольна, что она нахвалиться не можетъ, невозможно лучше и усерднѣе служить, какъ ей служить. Даже еще въ понедѣльникъ говорила, когда ходила съ императоромъ, и нѣсколько разъ это было повторяемо.

Въ среду, четвертокъ и пятницу осталась въ постели и, казалось, ей отъ того было лучше; хотя ночью три и четыре раза что нибудь спросить, но все не казалось опасно. Въ субботу, во второмъ часу, встала съ постели и я была внѣ себя отъ радости; мнѣ что-то говорило: напрасно ты прежде времени радуешься; на субботу Рюль не ночевалъ у государыни, ибо и самъ сдѣлался боленъ, но это даже и не нужно было; но только государь воспользовался этимъ случаемъ и предлагаетъ государынѣ взять другаго какаго доктора, что Рюль не совсѣмъ здоровъ, и сохрани Богъ если онъ совсѣмъ сдѣлается боленъ; ея величество на то отвѣчаетъ, что никакого другаго доктора не нужно, а если Рюль сдѣлается боленъ, то она сама себя будетъ лечить; не забудьте, что Рюль давно просилъ государя, чтобы сдѣлать conseil, но государь боялся матушку встревожить.

Надо вамъ сказать, что государыня кушала и во всемъ находила вкусъ, даже всегда двѣ чашки желе скушаетъ и съ большимъ удовольствіемъ. На воскресенье она не могла спать, то заставила читать газеты и тѣмъ ее успокоили. Въ это утро говорить: «вотъ сегодня я своимъ сномъ спала, и совершенно лучше себя чувствую». Надѣла тафтяную шинельку и сѣла на диванъ; послѣ обѣда легла на кушетку и часа два почивала; послѣ опять сѣла на диванъ и дѣлала корпію. Вилламовъ читалъ и она слу-

шла; но какъ ея величество легла этотъ день рано, то и не могла хорошо спать, и заставила ночью читать газеты, чѣмъ ее усыпили.

Въ воскресенье, т. е. 21-го числа, поутру, казалась хороша; Вилламова тогда не было, то я читала молитвы и библію; съ того дня какъ государыня сдѣлалась больна, то не могла сама читать, а всегда Вилламовъ; два раза императрица читала. Послѣ обѣда ея величество не изволила лечь на кушетку, а почивала сидя на диванѣ, подъ ноги подставили скамейку и ноги обвернули шалими; ввечеру была гораздо слабѣе, — мы думали отъ того, что сидя почивала, а не на кушеткѣ, — и даже иногда не хорошо слышала, такъ что раза три иногда надо было повторить. Послѣ 11-ти часовъ даже ужинала, за то хотѣла лечь позже, чтобы лучше уснуть; посидѣла долго и слушала что Вилламовъ читалъ, а сама дѣлала корпію; я стояла подгѣ нея и складывала выдернутыя нитки. Но все что-то сидѣла нагнувши, какъ будто ей трудно было голову поднимать; кто ни войдетъ, на кого ни взглянетъ, на всякаго улыбнется; казалось, она всякому подавала надежду, что ей лучше, и никто еще не отчаявался. Но какое-то тайное предчувствіе говорило, что не видать намъ ее здоровою по прежнему; мы другъ друга обманывали, насъ — государыня, мы — ее: ибо когда на нее взглянешь и она улыбнется, то сердце возрадуется. Однако я въ воскресенье говорю: «намъ кажется, что государынь лучше, а она съ перваго дня все въ одномъ положеніи»; но когда ложилась спать, то не могла еще хорошенько лечь, какъ вся опустилась и лежитъ точно мертвая. Ахъ, Боже мой! Какъ мы испугались, видя ее вдругъ такую слабую, и все думаемъ, что она оттого ослабѣла, что не легла хорошенько послѣ обѣда.

Ночью на 22-е октября, т. е. на понедѣльникъ, просыпалась почти каждыя два часа; но утромъ имѣла такое прекрасное лицо — будто здоровая, и мы, бѣдныя, такъ обрадовались, и Рюль нашель, что пульсъ былъ поутру очень хорошъ и покоенъ; послѣ ошть находить, что пульсъ немного agité. Государыня на то говорить: «vous m'avez dit ce matin que mon pouls était tranquille, et à cette heure vous me dites qu'il est agité; c'est très désagréable quand les médecins changent de paroles». Въ этотъ день ея величество дурно говорила; вечеромъ еще болѣе сидѣла нагнувши. Рюль, видя ее въ такомъ положеніи, рѣшился ей бро-

сильную кровь, по совету других двух докторов, кои в этот день только тут были. Ея величество тотчас сама согласилась и самъ императоръ тут былъ; меня всякій разъ была сильная лихорадка, однако надо было забывать себя. Это было уже 11 часовъ вечера. Крейтонъ пустилъ кровь, а я держала чашку и смотрѣла какъ шла кровь; выпустили три чашки, кровь была очень темная. Императоръ ободряетъ государыню, что ей глазъ лучше, голосъ чище, и государыня очень бодрится.

Ахъ, Боже милосердый! что за непонятная болѣзнь. Я бы желала знать что чувствовала блаженная наша царица: кроти, добра, терпѣлива, но страдаетъ, ничѣмъ не жалуется, на всякаго милостиво взглянетъ, улыбнется. Этотъ день располагалась даже пить по канвѣ, но не въ силахъ была—то дѣлала корпцію; еще до кровопусканія захотѣла выйти въ другую комнату, но черезъ силу, ибо до крайности была слаба, а все мы ничего не понимали, точно она хотѣла проститься съ любимою своею уборною, и въ тотъ день такъ была слаба, что когда ей надобно встать и передъ нею стоишь и держишь ее, то она ляжетъ на плечо. Послѣ кровопусканія ее положили на диванъ, чтобы она уснула, но не давали заснуть. Черезъ два часа положили въ постель, и мы стояли всю ночь попеременно и держали руки, чтобы не разшевелить (я не болѣе часу лежала въ эту ночь, такъ я была безпокойна, но не безъ надежды, воображала, что послѣ того ея величеству будетъ лучше), и намъ велѣли наблюдать всякое движеніе; Рюль самъ почти не вышелъ всю ночь изъ почивальной. Ея величество просыпалась каждый часъ, и всякой разъ спрашивала — который часъ, даже о насъ безпокоилась, что мы не спимъ.

23-го во вторникъ, въ 8-мъ часу утра, помолилась Богу и спросила чай, и послѣ того приказала мнѣ сѣсть подлѣ нея, ибо она видѣла, что я очень берегла ея ручку. Даже утромъ говорить Государю: «я довольно хорошо спала, но она мнѣ мѣшала, ибо очень берегла мою руку». Государь говорить, что это очень хорошо и должно было беречь. Голосъ не чище вчерашняго, даже забывала, что пила чай, и спросила еще въ 10 часовъ и выпила чашку и нѣсколько разъ спрашивала,—молилась-ли она Богу.

И такъ, весь этотъ день Ея Величество когда спала, то не совсѣмъ закрывала глаза, а когда не спала, то не совсѣмъ откры-

ваза, а въ половищу; но какъ я вдругъ испугалась, вида ея точно умирающей—это было въ 12-мъ часу: лежитъ тихо, легко дышетъ, точно засыпаетъ, глядитъ въ полъ-глаза, слезка выкатилась. Ахъ, Боже милосердый, свѣтъ ли терается изъ глазъ? сама едва стою на ногахъ, всѣ стоятъ поодаль кровати, гляжу на всѣхъ и вижу, что всѣ въ лицѣ перемѣнились. Въ этотъ день давали принимать камфару, на то государыня: «вѣрно ужасная будетъ нервическая горячка?» Послѣ того принесли шпанскую муху, на что ея величество говорить: «on veut me mettre la mouche, mais il est déjà trop tard». Однако послѣ того сидѣла не одинъ разъ, и послѣдній разъ кушала супъ и желе; самъ государь тутъ былъ, держалъ тарелку, наливалъ бульонъ и все еще хорошо было; нѣсколько разъ послѣ того поднимали и всякой разъ весело на всѣхъ поглядывала. А я такъ была глупа, что все надѣялась, меня же увѣряли наши, что это отъ слабости такъ бываетъ, то я бы была все въ надеждѣ; притомъ же очень боялась помыслить въ худую сторону. Ахъ, я бѣдное, несчастное твореніе, должна была наконецъ перенести такое ужасное несчастье; не постигаю даже, какъ я только могла перенести это все. Вдругъ въ 7 часовъ слышу, что государь ей предлагаетъ причаститься, ибо ея величество накануне еще говорила, что если ея находятъ такъ худо, то она лучше бы желала приготовиться, то государь и воспользовался симъ случаемъ. На что государыня говорить: «не лучше-ли оставить до утра, развѣ ея находятъ такъ опасно?» Государь говорить: «j'espère pas encore, mais ce serait manquer à notre Seigneur». Государыня тотчасъ согласилась и приказала позвать духовника. Послали за духовникомъ, между тѣмъ Государыня позвала Вилламова; послѣ того стала молиться Богу, дабы приготовиться въ принятію Святыхъ Таинствъ. Послѣ того просить непременно ея переложить на кушетку; исполнили желаніе и переложили вмѣстѣ съ тюфякомъ; послѣ того еще просить: «пустите меня, я хочу встать». Всѣ просить остаться лежать, чтобы не простудиться, но нѣтъ, все просить: «пожалуйста, сдѣлайте мнѣ это удовольствіе». Императоръ съ императрицей плачутъ, ибо не понимаютъ чего желаетъ. Наконецъ я говорю: пощщьте ради Бога, спустите только ноги; вотъ подставили стулья, подложили толстый салопъ, надѣли шаль и спустили ноги; симъ была ея величество очень довольна; между тѣмъ входитъ духов-

ниязъ: «подождите, батюшка мой, сдѣлайте милость, подождите», говоритъ твердымъ голосомъ; «теперь положите меня на кровать». И посадили, вошелъ духовникъ. «*Il faut que vous sortiez, mes enfans, par ce que je dois me confesser*».

Надо было видѣть съ какимъ чувствомъ и съ какою твердостью государыня взяла въ руки образъ и стала говорить свои чувства; тутъ я не смѣла остаться долѣе, но это скоро кончилось и мы опять всё вопли. Императоръ, императрица и всё плакали; при насъ ея величество приобщилась въ послѣдній разъ. Ахъ, Боже, каково намъ было это все видѣть; я не чувствовала, что съ нами дѣлается. Императоръ вышелъ съ духовникомъ, послѣ того ея величества легла и примѣтно ослабѣла и начала насъ благословлять. «*Adieu, mes enfans, adieu, mes chers enfans, je vous bénis; прощайте, я васъ благословляю; adieu, nous nous ver- rons*». Съ какою твердостью духа и въ какой памяти, чтобы всё поняли, что она говоритъ. Государь слышитъ, что съ нами прощается, входитъ и бросается на колѣни, императрица—по другую сторону; императоръ подводитъ Великаго Князя Наслѣдника Александра для благословенія: «*voilà mon garçon, papa*», но государыня не слышитъ; послѣ сама его спросила; государь въ риданіи цѣлуетъ руки и проситъ, чтобы ея величество благословила каждаго изъ дѣтей своихъ: «*Voilà, papa, pour Constantin, pour Michel, pour Marie, pour Anne, pour Héléne*»—для каждаго съ остановкой. Потомъ спрашиваетъ Государь: не угодно-ли видѣть другихъ дѣтей?

— «*Oui, ой sont ils, amenez-les moi*»; это уже было 11 часовъ.

Примѣчаніе. Здѣсь обрывается письмо Настасьи Чернышевой, дошедшее до насъ въ лоскуткахъ, довольно связано и нечетко написанное.

Дополняемъ этотъ рассказъ нѣкоторыми подробностями изъ «Исторіи Николая I-го» соч. Ла-Круа:

17-го (29-го) октября 1828 г., состояніе здоровья императрицы Маріи Феодоровны, по видимому, улучшилось; она спала тихимъ сномъ; силы къ ней возвратились: она могла привстать. Окружающіе вздохнули свободнѣе, почитая ее внѣ повторенія припадка.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней положеніе больной, дѣйствительно, не ухудшалось: она сама вполне вѣрила въ близкое выздоровленіе, но лихорадочное безпокойство не исчезало.

Она, всегда столь воздержная въ рѣчахъ, непрерывно говорила, ксено-

тельно о войнѣ: разспрашивала сына, настоятельно требуя обстоятельнѣйшихъ подробностей о его пребываніи въ арміи, объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, о страхахъ, которыя прѣвѣшалъ, о битвахъ, въ которыхъ участвовалъ, о мельчайшихъ эпизодахъ опаснаго его путешествія. Императоръ съ величайшею охотою исполнялъ желаніе своей высоко-чтимой родительницы, а императрица Александра Теодоровна, находившаяся при ней безотлучно, слушала съ неменьшимъ участіемъ эти рассказы, передаваемые больной.

Императрица-мать съ особенною заботливостью освѣдомлялась о положеніи перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей арміи, ибо она помнила, что ея вѣдѣнію ввѣрено главное управленіе всѣми богоугодными и благотворительными заведеніями, и вѣдѣла себя какъ бы въ обязанность утомительныя разспросы относительно попеченій, прилагаемыхъ о больныхъ и раненыхъ. Посѣщеніе ея сыномъ госпиталей Бабадага и Бюстенджи, гдѣ свирѣпствовали тифъ и чума, тронуло ее до слезъ; она ежеминутно съ возрастающимъ волненіемъ возвращалась къ этому предмету разговора и въ одну изъ подобныхъ минутъ, какъ-бы подъ напѣтиемъ внезапнаго вдохновенія, она начертала слѣдующій рескриптъ на имя графа Воронцова, генералъ-губернатора Новороссійскаго края и Бессарабіи.

— «Графъ Михаилъ Семеновичъ! Желая содѣйствовать хотя-бы и слабымъ приношеніемъ облегченію страданій храбрыхъ воиновъ, пролившихъ кровь на полѣ чести за государя и отечество, обращаюсь къ усердію и заботливости вашимъ, неустанно вами прилагаемымъ для содѣйствія всякому добруму намѣренію. При семъ получите вы сумму въ пятнадцать тысячъ рублей, которую, въ особенное для меня одолженіе, обратите на пособіе офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, какъ гвардіи, такъ и арміи, которые будутъ въ таковыхъ нуждаться по выходѣ изъ госпиталей. Желая, чтобы при раздачѣ этой суммы руководствовались правилами, установленными при раздачѣ пособій изъ капитала, завѣщаннаго на сей предметъ императрицею, моею возлюбленною свекровью. Къ сему присоединяю нѣкоторое количество корпіи, мною изготовленной для раненыхъ воиновъ, находящихся въ госпиталяхъ. Полагаясь при сихъ распоряженіяхъ на вашу пламенную любовь къ добру, прошу васъ, по мѣрѣ поступленія ихъ, присылать мнѣ списки воиновъ, которымъ выданы будутъ денежныя пособія. Есмь съ истиннымъ уваженіемъ и искреннею благосклонностью вамъ доброжелательная—Марія». С.-Петербургъ, 21-го октября 1828 года.

Это новое благодѣяніе, оказанное одесскому военному госпиталю императрицею-матерью; было, такъ сказать, послѣднимъ подвигомъ жизни этой великодушной и милосердной государыни.

Въ тотъ самый день, въ который она диктовала упомянутый рескриптъ, въ общемъ состояніи ея здоровья произошла внезапная переѣна, обнаружившаяся постепеннымъ ослабленіемъ всѣхъ ея способностей: душа, зрѣніе и

память были до такой степени угнетены, что доктора, призванные на консилиумъ, признали несомнѣннымъ апоплексическій припадокъ; приложили всѣ старанія къ его предотвращенію, но было уже слишкомъ поздно.

По приказанію ординарныхъ докторовъ ея величества гг. Рюля и Крейтона, была пущена кровь: это кровопусканіе произвело дѣйствіе диаметрально противоположное ожидаемому. Поэтому обвиняли докторовъ въ томъ, что они своею нерѣшительностью допустили усилиться болѣзни, перешедшей въ неизлечимую.

Августѣйшая больная оставалась безъ чувствъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, приходя по временамъ въ себя какъ-бы для сознанія своего безнадежнаго положенія и для приготовленія себя къ смерти. Она скончалась въ ночь на 24-е октября, въ два часа, сожалея объ отсутствіи обоихъ своихъ сыновей Константина и Михаила, которыхъ желала обнять въ послѣдній разъ.

— «Я удивлялась,—говорила она при agonіи,—я удивлялась, какъ я такъ долго могла пережить моего возлюбленнаго сына, блаженній памяти Александра! Я отхожу къ нему,—прибавила она,—и на небесахъ мы оба будемъ молиться за всѣхъ васъ и за нашу святую Русь!»

Жители Петербурга, пробудясь отъ звона колоколовъ во всѣхъ церквахъ столицы, узнали о кончинѣ императрицы-матери.

— «Всевышнему было угодно поразить насъ новымъ страшнымъ ударомъ» — такъ возвѣщено было Россіи, манифестомъ 24-го октября 1828 г., о кончинѣ императрицы Маріи Теодоровны, — «болѣзнь слабая въ началѣ и внезапно усилившаяся, 24-го октября, въ два часа пополудни, положила конецъ ея драгоцѣнной жизни, коей всѣ минуты были посвящены исполненію обязанностей высокой добродѣтели».... и далѣе: «да услокоитъ Господь на ionѣ Своемъ ея кроткую душу, бывшую вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ в доблестей».

АЛЕКСѢЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ВЕНЕЦІАНОВЪ,

ОТЕЦЪ РУССКОЙ БЫТОВОЙ ЖИВОПИСИ.

II¹⁾.

(Продолженіе).

Прошло полтора мѣсяца отъ принятія Тыранова подъ покровительство общества поощренія художниковъ, какъ Венеціановъ письменно заявилъ (10-го марта 1825 г.) ходатайство о другомъ талантѣ, «который безъ учителей, безъ наставниковъ, занимаясь искусствомъ по страсти, оказалъ уже значущіе успѣхи въ той части искусства, для которой нужны болѣе природныя способности, нежели какія либо принятія правила».

«Три года тому назадъ,—писалъ Венеціановъ,—будучи въ Теребенскомъ монастырѣ, Вышневолоцкаго уѣзда, замѣтилъ я между живописцами-работниками одного, который писалъ смѣлѣе всѣхъ прочихъ и былъ моложе другихъ. Отвѣты его на нѣкоторые мои вопросы были довольно удовлетворительны. Узнавъ, что и я художникъ, онъ обратился ко мнѣ съ просьбою дать ему совѣты: тѣ, которые давалъ мастеръ, казались ему неясными и неточными. Пригласивъ его къ себѣ, я показалъ ему случившіяся картины. Толковалъ о необходимости знанія рисунка, который есть главнѣйшій путь къ достиженію совершенства въ живописи; говорилъ, что искать его должно въ хорошихъ произведеніяхъ и въ натурѣ. А какъ хорошихъ произведеній онъ видѣть не можетъ живя въ томъ мѣстѣ, то рекомендовалъ ему копировать натуру, увѣривъ, что и она доведетъ его до большой степени знанія. Онъ послѣдовалъ моему наставленію и прошлаго года удивилъ меня совершенно живописью предметовъ и эффектомъ иконостаса, который писалъ въ сосѣднемъ съ моимъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 265—280.

сельцомъ погостѣ. Удивилъ не меньше и карриатурами, которыя написалъ онъ. Общество увидитъ изъ представляемой картины художника сего—силу его знанія и способностей. Приѣхавъ въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ сюда, я предлагалъ ему приѣхать въ Петербургъ и заняться рисованіемъ въ академіи, что для него всего нужнѣе. Онъ съ восторгомъ на сіе рѣшился, но страшится дорогаго содержанія и боится умереть съ голода въ Петербургѣ, какъ онъ пишетъ ко мнѣ. Убѣжденъ будучи, что художникъ сей скорѣе выиграетъ здѣсь и въ знаніяхъ, и въ состояніи, и, быть можетъ, сдѣлается отличнѣйшимъ, я намѣренъ вызвать его сюда, дать квартиру и столъ, заставить у себя рисовать съ гипсовъ, ходить въ классы академіи. Но, какъ будучи только въ зависимости отъ одного меня, онъ будетъ располагать собою по своей волѣ и, статья можетъ, раньше перестанетъ учиться, нежели должно, то, чтобы связать его и приохотить надежнѣе, я прошу покорнѣйше общество поощренія художниковъ объявить ему предварительно о своемъ покровительствѣ и дать обѣщаніе, если онъ окажетъ успѣхи и заслужитъ отъ академіи 1-ю серебряную медаль, занять его для общества работою рублей на тысячу или болѣе. Это можетъ возбудить въ немъ рвеніе, отвлечетъ отъ занятій для гостинаго двора и послужитъ къ истинной его пользѣ. Что же касается до выполненія сего обѣщанія, то оно не можетъ, кажется, затруднить общество, ибо по одной литографической части, я увѣренъ, иные прилежные художники, между дѣломъ трудясь, могутъ выработать въ годъ несравненно большую сумму. Художникъ, о которомъ имѣю честь представлять, есть калязинскій мѣщанинъ Никифоръ Степановъ, по прозванію Крыловъ, имѣющій отъ роду съ небольшимъ 20 лѣтъ.

Въ этомъ письмѣ бросается въ глаза политика А. Г. Венеціанова, подлаживавшагося подъ вкусъ высокихъ меценатовъ, толковавшихъ о подчиненности. Самъ Венеціановъ, добрѣйшій изъ смертныхъ, и не думалъ своихъ учениковъ въ чемъ либо стѣснять, заботясь главнѣе всего и прежде всего о ихъ артистическомъ развитіи. Предложеніе о литографическомъ рисованіи для изданій общества поощренія художниковъ, въ то время задумавшаго занять вдругъ нѣсколько рисовальщиковъ, — заслуживаетъ объясненія. Въ одномъ изъ предпріятій общества заинтересованъ былъ лично Венеціановъ. Это было изданіе въ литографіяхъ его собственныхъ твореній и произведеній мастеровъ фламандской и голландской школъ, находящихся въ Эрмитажѣ, съ иллюминированіемъ съ оригиналовъ красками имъ самимъ и его учениками. Никифоръ Крыловъ и Тырановъ были заняты обоими родами работъ: рисовали

и раскрашивали. Крыловымъ нарисованы, на примѣръ, пара крестьянскихъ дѣвушекъ съ куклами, надъ корзинкою, прикрытою одѣяльцемъ—«Настя съ Машей». Общество поощренія художниковъ хотѣло, чтобы Венеціановъ, получившій большую часть продажной цѣны экземпляровъ, принялъ на свой счетъ хотя печатаніе литографій, но онъ, въ приготовленномъ по этому случаю условіи (18-го февраля 1826 г.) отъ печатанія на его счетъ отказался, требуя, «чтобы ему иллюминировать никакъ не менѣе 12-ти предметовъ изъ его собственныхъ. Ему бы хотѣлось въ нихъ помѣстить ховаяйку, раздающую бабамъ лень». Картина эта находилась у вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны, но онъ надѣялся, что Н. М. Лонгиновъ исходатайствуетъ позволеніе ея величества на рисованіе и изданіе. Хотѣлъ Венеціановъ «всего иллюминировать 600 экземпляровъ и кончить ихъ въ годъ, получая, при доставленіи работы, никакъ не менѣе 10 руб. за экземпляръ», т. е. выручить 6,000 руб., по его расчету достаточныхъ на обезпеченіе на два года содержанія учениковъ и семейства, при тогдашней дешевизнѣ еще жизни даже въ Петербургѣ.

А для сокращенія издержекъ, онъ рассчитывалъ съ мая по сентябрь прожить «въ деревнѣ, заняться произведеніемъ новыхъ предметовъ съ натуры». Поэтому, на лѣтніе мѣсяцы оговаривалъ въ условіи—не требовать отъ него доставленія иллюминированныхъ рисунковъ, окончивъ до весны и сдавъ по 25-ти, «выпедшихъ шести предметовъ и, еще не отпечатаннаго, 7-го». Первые двѣ картинки мы выше указали, это—работы Тыранова и Крылова. Послѣ «гумна», Венеціановъ написалъ цѣлый рядъ простонародныхъ типовъ и сценъ, съ одною, двумя фигурами; самая сложная изъ нихъ композиція была картина, выполненная для императрицы Елисаветы Алексѣевны, «хозяйка, раздающая лень бабамъ» (1824 г.).

По собственнымъ словамъ художника, вслѣдъ за нею написалъ онъ картинки: «крестьянка, чешущая шерсть», «деревенская ховаяйка за завтракомъ», «одѣвающійся мужичокъ» и «спящій пастушокъ» (1825 г.). На выставку въ академіи художествъ, въ 1824 году, кромѣ ихъ Венеціановъ поставилъ еще двѣ фигурки мальчиковъ. Первая «Вотъ-те и батькинъ обѣдъ!»—присѣвшій, пригоруясь, въ лѣсу мальчикъ съ собакой, съ пустымъ буракомъ, изъ котораго вылились щи,—находится у Н. Д. Быкова. Не менѣе интересовалъ публику на выставкѣ, серьезностью выраженія на лицѣ, погруженный въ занятіе, считая себя большимъ, «мальчикъ, свивающій лыки въ клубокъ». Какъ на изображенія дѣйствій никогда невиданныхъ, глазѣла столичная знать и на крестьянокъ, написан-

ныхъ кистью Венеціанова, съ полною оригинальностью присущаго имъ выраженія. Это были двѣ картинки, составлявшія pendant (одна къ другой): «крестьянка съ грибами, въ лѣсу», и «крестьянка, занятая чесаньемъ волны, въ избѣ». Въ обществѣ поощренія художниковъ устроенная весной 1826 года выставка розыгрышей лотереи заключала еще двѣ отдѣльныя «головки крестьянокъ», приобретенныя П. П. Свиньинимъ и попавшія въ его коллекцію. Какъ извѣстно, съ первой же лотереей своею общество поощренія художниковъ помѣшало въ число выигрышей раскрашенныя литографіи, и живой интересъ, возбуждаемый въ публикѣ произведеніями Венеціанова, давалъ надежду имѣть не просто успѣхъ, но даже выручить на изданіи сценъ народной жизни «капиталь затрачиваемый, съ хорошими процентами». Поэтому, заключая условіе съ обществомъ, Венеціановъ вставилъ въ него и слѣдующее предложеніе: «4. По отпечатаніи на счетъ общества двухъ картинокъ по 200 экземпляровъ, рисованныхъ Тырановымъ, Венеціановъ предлагаетъ, чтобы общество оныя продавало по 3 руб. пару и первую выручкою возвратило свои издержки за бумагу и напечатаніе слишкомъ 400 экземпляровъ. Потомъ бы по 100 оттисковъ продано въ пользу Тыранова за его трудъ. Рисунки же, которыхъ Тырановъ не доставитъ обществу, по числу (обозначенному) въ квитанціяхъ Венеціанова Гельмерсену ¹⁾, обществу считать въ числѣ 100, слѣдующихъ въ пользу Тыранова».

Судя же по силѣ интереса, возбужденнаго картинками Венеціанова,—послѣ выставки 1824 года сдѣлавшимися предметомъ разговоровъ не между одними уже любителями отечественнаго искусства,—художникъ имѣлъ основанія ожидать успѣха. Назначая самую скромную цифру продажныхъ экземпляровъ литографій (по 50 экзempl. для покрытія издержекъ и на изданіе 200 рисунковъ), онъ могъ надѣяться, съ осуществленіемъ предпріятія, имѣть 2,000 рублей, что, по финансовымъ цѣлямъ, для него такъ важно было въ это время. Обращаясь въ концѣ предложенія къ общему расчету, при взвѣшиваніи шансовъ удачи и неуспѣха, Венеціановъ приходилъ къ заключенію, что, «продавая по 12 руб. 50 коп. картинку (замѣнявшую въ нѣкоторомъ случаѣ оригиналъ его, такъ какъ раскраска отъ руки производилась самимъ авторомъ), общество поощренія художниковъ имѣетъ (за издержками на комиссію 1 р. 25 к. и на иллюминировку 10 р.—по 1 р. 25 коп. отъ каждой картинки пользы; а отъ 25 картинокъ 31 р. 25 к.)». Слѣдовательно, изъ платы за 50 экземпляровъ покрывался расходъ на камень и рисованіе (30 р.). Въ та-

¹⁾ Литографу, печатавшему съ камня.

кой-же платѣ за рисованіе на камнѣ, у Венеціанова была: 1) цѣль та, чтобы молодой художникъ былъ награжденъ публикою по мѣрѣ его выполненія, и 2) чтобы не обременить общества издержками для совершенно новыхъ и еще, какъ бы сказать, дикихъ предметовъ».

Напечатанныя разрядкой слова въ изложеніи Венеціанова были отголоскомъ мнѣній академическихъ аристарховъ, этимъ эпитетомъ покуда клеймившихъ «этюды безусловнаго подражанія натурѣ» Венеціанова. Они никакъ не могли понять при своемъ взглядѣ на вещи: что можетъ здѣсь нравиться публикѣ, толпящейся передъ малевькими холстиками мужичьихъ портретовъ, когда ихъ собственныя высокоблагородные сюжеты и портреты высокопоставленныхъ лицъ заслуживали только мимолетнаго взгляда проходящихъ по выставкѣ. Академическіе судьи, трактовавшіе автора народныхъ картинокъ, полныхъ жизни, могли бы впрочемъ замѣтить, что и передъ портретомъ А. М. Полтарцаго, писаннымъ Венеціановымъ, тоже не надолго останавливались зрители, хотя онъ, безспорно, былъ хорошъ и похвалить живопись съ технической стороны было трудно. Дѣло въ томъ однако, что портретный родъ одною техникою не могъ привлекать и тогда уже общаго вниманія [на экземпляры, мало разнившіеся другъ отъ друга, при условности позъ, въ то время, не говоря уже о ничтожности выраженія на лицахъ и некрасотѣ костюма вообще, тогда какъ струйка чувства національности въ первый разъ еще забила сильно въ безхистротныхъ на видъ этюдахъ Венеціанова, разломавшихъ разомъ ледъ приличій и условій, державшихъ до того въ оковахъ мысль русскихъ живописцевъ-композиторовъ, занимавшихъ всѣмъ чѣмъ угодно, кромѣ своего, непосредственнаго, окружающаго.

Извѣстный самъ въ свое время художникъ-любитель, заявившій одинаковое умѣнье владѣть кистью не менѣе удачно какъ и перомъ, издатель первыхъ «Отечественныхъ Записокъ», академикъ живописи Императорской академіи художествъ, Павелъ Петровичъ Свиньинъ, обозрѣвая выставку въ академіи, въ 1827 году, трудамъ Венеціанова посвятилъ нѣсколько теплыхъ строкъ. Отзывъ Свиньина для насъ особенно важенъ потому, что издатель «Отечественныхъ Записокъ» преклонялся предъ нашими корифеями исторической живописи и, стало быть, хваля Венеціанова, — представителя противнаго лагеря, — высказалъ дѣйствительно тронувшее его самого глубоко. Въ подстрочномъ примѣчаніи рецензентъ еще счелъ нужнымъ оговориться, что «заслуги Венеціанова отечественнымъ художествамъ возбуждаютъ къ нему уваженіе». Для того времени, это сильно сказано. Особенное значеніе придаетъ тутъ оговорка, что за-

слуги Венеціанова искусству, по смыслу словъ рецензента, заключались, кромѣ дѣятельности по школѣ, въ вѣрности передачи эффектовъ русской природы. Относительноэтого качества живописи Свиньинъ приводитъ уже не личное свое мнѣніе, а впечатлѣніе, производимое картинами Венеціанова на выставкѣ между зрителями. «Особенное вниманіе публики,—замѣчаетъ обозрѣватель выставки,—обращалось здѣсь на произведенія г. Венеціанова, состоящія, какъ обыкновенно, изъ небольшихъ картинъ, плѣняющихъ русскаго патриота вѣрнымъ изображеніемъ предметовъ, близкихъ его сердцу. Эти лица, это небо, эти вещи,—все это русское, все невымышленное, все взято съ самой природы. Оттого-то картины г. Венеціанова нравятся и намъ и иностранцамъ; оттого-то мы и видимъ удивительные успѣхи его школы».

Павелъ Петровичъ Свиньинъ никогда не былъ энтузіастомъ и осмѣливался даже рѣзко осуждать первокласснаго мастера-натуралиста каковъ портретистъ Доу. Поэтому можно понять, что живость передачи природы не только въ собственныхъ твореніяхъ Венеціанова,—колористомъ не признавать котораго мы не можемъ и теперь,—но даже въ первыхъ, слабыхъ во всякомъ случаѣ, попыткахъ добиться эффекта у учениковъ его. Работы ихъ, да воспитанниковъ общества поощренія художниковъ (не ходившихъ къ Венеціанову, а учившихся у профессоровъ академіи) наполняли въ этотъ разъ двѣ залы, давая возможность подмѣтить у всѣхъ ихъ признаки таланта разной величины.

III.

Вотъ по возможности полный перечень учениковъ Венеціанова, насколько намъ удалось добратся изъ разностороннихъ указаній.

1. Раньше попавшій къ Венеціанову, младшій Тырановъ, съ конца 1824 года принявшійся рисовать съ бюстовъ, скоро былъ переведенъ въ натурный классъ въ академіи и уже въ апрѣлѣ 1825 года написалъ украдкой свой портретъ. На этомъ быстромъ опытѣ обработки глаза его Венеціановъ больше всего нашелъ подтвержденіе вѣрности приѣма своего въ руководствѣ начинающаго. Написанный же Тырановымъ, послѣ своего, «портретъ мальчика» такъ былъ хорошъ, что заслужилъ одобреніе императрицы Елисаветы Алексѣевны. Императрица же Марія Федоровна, пожелавъ видѣть самый опытъ начинающаго, благоволила вслѣдъ затѣмъ вѣрить Венеціанову молодого глухонѣмаго, Беллера. Отдавая этого обиженнаго природою молодого

человѣка, ея величество имѣла въ виду цѣль убѣдиться легко-ли усвоенъ будетъ рисунокъ Беллеромъ, относительно развитія котораго наставники училища глухонѣмыхъ давали отвѣты отрицательные. Конечно, Беллеръ далеко отставалъ отъ другихъ учениковъ Венеціанова и ему стоило сперва большихъ трудовъ втолковать несчастному самую суть приѣма. Но, разъ понявъ въ чемъ дѣло, и Беллеръ научился писать съ натуры хорошо, хотя не такъ скоро, какъ мы объяснимъ въ свое время, не забывая впередъ. Тирановъ же, послѣ первыхъ двухъ головокъ, получили страстную охоту писать съ натуры и съ каждымъ новымъ этюдомъ дѣлалъ попытки разнообразить положеніе модели и условія паденія свѣта, такъ что каждый этюдъ его былъ самъ по себѣ интересенъ, плѣняя прелестью кисти, жизненностью и игрою освѣщенія, большею частью солнечнаго, но скользящаго, боковаго, съ отраженіемъ въ тѣни, или съ отсвѣтомъ на тѣлѣ какаго либо яркаго колера. Отъ этого этюды Тиранова съ 1826 года уже начали раскупаться на-расхватъ на выставкѣ общества поощренія художниковъ. Въ половинѣ 1826 года написана имъ была перспективная картина «внутренность французской эрмитажной бібліотеки», въ которую чѣмъ больше вглядываешься, тѣмъ обаятельнѣе кажется передача натуры. «Видъ на р. Тоснѣ, близъ села Николаевскаго» (на выставкѣ 1827 г.) былъ выполненъ другою, впрочемъ, манерою, не меньше поражающею, а двѣ портретныхъ головы, «старика» и «дѣвушки» (съ теленкомъ), заключали опредѣлявшіяся уже достоинства молодаго таланта колориста.

2. Крыловъ, пораженный передачею натуры самого Венеціанова еще въ 1824 году,—по прїѣздѣ въ Петербургъ, на первыхъ же порахъ такъ написалъ «видъ изъ окна на палисадникъ, передъ квартирою», что восхищенный Венеціановъ носилъ его всюду показывать и представилъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, изволившей оставить его у себя. Этотъ первый опытъ пейзажной живописи возбудилъ въ Крыловѣ сильное желаніе изобразить картину зимы, внѣ города, гдѣ нибудь. У Венеціанова было много знакомыхъ, горячо относящихся къ искусству. Изъ числа этихъ почитателей искусства и художника, были купцы братья Черныгины, имѣвшіе въ Тоснѣ химическій заводъ. Услышавъ отъ хлопотуна-Венеціанова о затѣѣ ученика его—написать зимній видъ съ натуры, любезные заводчики изъявили полную готовность помочь съ своей стороны осуществленію предпріятія. Они увезли Крылова къ себѣ, и предоставивъ ему выбрать пунктъ, съ котораго казалось бы ему удобнѣе писать этюды зимней природы, на этомъ мѣстѣ построили деревянный домъ для мастерской, съ примѣненіемъ для возможнаго удобства въ работѣ. Въ быстро по-

сѣбѣшемъ помѣщеніи, на праздникахъ Рождества въ 1826 году, Крыловъ принялся за работу и въ мѣсяцъ написалъ все съ натуры, что нужно для картины. Особенно хорошо въ ней передалъ молодой художникъ холодный воздухъ и всѣ планы, кромѣ ближайшаго, на которомъ сѣбѣгъ вышелъ очень грубымъ. Этотъ единственный недостатокъ не помѣшалъ, впрочемъ, картинѣ Крылова на выставкѣ 1827 года производить сильное впечатлѣніе обаятельно свѣченными и глубокими освѣщеніемъ, туманностью дали и всѣми стлѣчїями хорошо сохранимой въ памяти стужи. Живя у Чернягинныхъ, Крыловъ написалъ, въ ростъ, старшаго изъ братьевъ, представивъ его наблюдающимъ измѣненіе ареометра, сидя передъ входомъ въ заводъ свой. Вниманіе и сосредоточенность на лицѣ кимика, да стоящая передъ нимъ лягавая собака—поражали всѣхъ правдой и живостью. Не менше окончательно исполненъ былъ и мѣхъ на шубѣ, обманывавшій зрителей, невольно касавшихся рукою до полотна; не такъ удаченъ былъ только расчетъ перспективы. Безъ этого небольшого изъяна, слѣдовало бы Крылова за эту картину сдѣлать профессоромъ живописи, какъ замѣтили любители. Но и промахъ перспективный не могъ помѣшать судьямъ изыскаго—другой только годъ учившагося—наградить золотою медалью, вмѣстѣ съ Тирановымъ и братьями Чернецовыми, бывшими въ академіи уже по шести лѣтъ.

3. Цѣнители находили достойнымъ золотой же медали и третьяго ученика Венеціанова, Александра Алексѣевича Алексѣева, написавшаго къ выставкѣ «мастерскую Венеціанова», но медалью отъ общества воощренїя художниковъ похвѣртвовано было на этотъ разъ только двѣ. Ненижнїе третьей медали вызвало даже заявленїе совѣта, что Алексѣевъ достоинъ ея и рекомендуется обществу «за признанныя въ упомянутомъ художникѣ дарованїа». «Мастерская Венеціанова» заключала, кромѣ прекраснаго расчета линейной и воздушной перспективы, еще интересную сцену. Одинъ ученикъ изображенъ былъ списывающимъ дѣвушку, въ русскомъ платьѣ, отражавшуюся въ зеркалѣ, повѣшенномъ въ простѣнкѣ между двумя окнами, тогда какъ другой ученикъ заглядѣлся на модель и, передвигая свой мольбертъ, задѣлъ за начатую картину товарища. Трудность передачи момента въ краскахъ тутъ усилена была еще боковымъ лучомъ изъ другой комнаты, черезъ растворенныя двери падающимъ на полъ, слегка скользнувъ по гнѣсамъ, которыми заставлена вся правая сторона картины. Написавшїй эту, трудную въ техническомъ отношенїи, сцену былъ тотъ мальчикъ, котораго въ апрѣлѣ 1823 года нашелъ Венеціановъ у Крылова копировавшимъ съ эстампа «св. семейство» Леонарда да-Винчи. Отданъ онъ былъ въ ученики къ хозяину Крылова,

живописному мастеру, въ годы, помѣщицею (Ольгою Николаевною Куминовой), въ 1825 году, по завѣщанію общества поощренія художниковъ дала ему свободу сдѣлаться художникомъ. Своими быстрыми успѣхами Алексѣевъ оправдалъ довѣренность Венеціанову общества поощренія художниковъ, оказывавшаго ему напередъ бѣговой записки всевозможныя одолженія, и вліяніемъ своимъ, и денежными средствами. Ходатайство объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости Алексѣева (по запискѣ Венеціанова, 2-го сентября 1826 года) и Златова было первымъ опытомъ благоволенія общества къ усердному выводителю талантовъ изъ ничтожества. Статсъ-секретарь П. А. Кикинъ, предсѣдатель общества поощренія художниковъ, всюду немедленно писалъ, куда назначалъ въ своихъ запискахъ Венеціановъ.

4. Александръ Алексѣевичъ Златовъ былъ четвертый воспитаникъ Венеціанова, способностями уступавшій тремъ первымъ только ради молодости. Онъ былъ тоже изъ крѣпостныхъ и принадлежалъ родственницѣ Куминовой, помѣщицѣ небольшого числа душъ, Надеждѣ Михайловнѣ Змѣевой, которая не затруднилась освободить одного изъ крестьянъ, бывшихъ у ней, можно сказать, на счету. Она не требовала даже никакого вознагражденія отъ общества поощренія художниковъ, готоваго бы и на выкупъ мальчжика съ дарованіемъ. Златовъ далеко, впрочемъ, не пошелъ.

5. Александра Ивановича Беллера, глухонѣмого, должны мы, по времени поступленія, считать пятымъ у Венеціанова.

Вліяніе многозначительнаго и въ то время общества поощренія художниковъ, въ дѣйствіяхъ котораго принимали участіе очень вліятельные люди, безъ сомнѣнія, сильно поднимало авторитетъ Венеціанова, находившаго милостивую поддержку въ министрѣ Императорскаго двора, князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ (черезъ посредство основателя общества поощренія художниковъ, П. А. Кикина, на дочери котораго, Марьѣ Петровнѣ, женатъ былъ старшій сынъ князя, Дмитрій Петровичъ).

Надѣясь на эту поддержку, Венеціановъ и обратился по начальству, къ президенту А. Н. Оленину, съ запискою 30-го марта 1827 года. Въ запискѣ, изложивъ милости, оказывавшіяся ему императоромъ Александромъ I и его августѣйшею супругою, описалъ онъ успѣхи своихъ учениковъ, особенно Тыранова. «Тырановъ, по двухлѣтнемъ ученіи у меня (смѣю утвердительно сказать, что до меня никакъ не рисовалъ), написалъ бібліотеку Эрмитажа, которая, прошлаго года, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ ¹⁾

¹⁾ Тоже членомъ общества поощренія художниковъ.

была представлена государю императору и мой юный Тирановъ получилъ милостивую награду—перстень. А я питаю желаніе продолжать мой путь: представлять августѣйшему монарху успѣхи моихъ воспитанниковъ, одинъ за другимъ, и показать слѣдствіе и употребленіе мое милостей покойнаго государя императора, а вмѣстѣ съ симъ просить его сдѣлать мнѣ вспоможеніе, подобное въ Бозѣ почивающему августѣйшему брату его, для того, что я уже для содержанія ежедневно натурщиковъ, для заведенія гипсовъ, для большой квартиры, и прочаго, и для содержанія самихъ воспитанниковъ задолжалъ болѣе 4,000 руб.

«Вотъ, ваше превосходительство, чистѣйшая истина первой цѣли моего представленія картинокъ государю императору, а вторая есть желаніе видѣть въ русской галлерей продолженіе своихъ трудовъ, въ лицахъ совершенно русскихъ.»

«Четверо моихъ воспитанниковъ находятся подъ покровительствомъ общества поощренія художниковъ, котораго я никогда не смѣлъ обременять издержками для нихъ, зная большіе расходы общества для общей пользы художниковъ. И потому они на все мое содержаніе.»

Это откровенное признаніе имѣло полный успѣхъ. Апрѣля 28-го уже князь П. М. Волконскій написалъ Оленину, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, изъ поднесенныхъ академикомъ Венеціановымъ четырехъ картинъ, оставить для Эрмитажа только двѣ маленькія картинки, за которыя выдать ему изъ кабинета 2,000 руб., остальные же двѣ ему возвратить».

Возвращенныя двѣ головы стариковъ куплены въ слѣдующемъ году академіей художествъ. Уча вѣрно смотрѣть на натуру начинающихъ и занимаясь съ ними по-долгу, А. Г. Венеціановъ успѣвалъ тоже много работать. При легкости кисти, онъ скоро писалъ портреты и отдѣлывалъ ихъ, какъ этюды вообще. Не съ натуры, а съ готовыхъ изображеній, писать онъ не очень любилъ, но, по просьбѣ членовъ академіи россійской, написалъ съ разныхъ портретовъ историографа Н. М. Карамзина посмертное изображеніе его, считающееся самымъ схожимъ (1828 г.). Кажется, въ это же время, на гѣто уѣхавъ въ деревню, написалъ онъ и первыхъ купальщицъ у ручья, затронутый заживо переговорами собратій-профессоровъ, что онъ умѣетъ только писать однѣ головы, а на цѣлыя фигуры у него будто бы не хватало умѣнья. Нѣтъ сомнѣнія, что формы женскихъ обнаженныхъ фигуръ бралъ Венеціановъ съ античныхъ гипсовъ, а не съ живыхъ натурщицъ. Оттого на попытки композицій въ

этомъ родѣ картинъ отца нашей бытовой живописи никогда не смотрѣли серьезно, тѣмъ болѣе, что картины Венеціанова въ родѣ женскихъ академій не отличались и по вымыслу особенными достоинствами, кромѣ развѣ искусства мягкаго письма и тщательности—впрочемъ, обличавшей медленное производство. Съ своей стороны, на попытки Венеціанова такъ неудачно фантазировать готовы мы смотрѣть какъ на уступку духу времени, можетъ быть, и съ особенною цѣлью. Есть еще возможность предполагать, что композиціями въ этомъ родѣ думалъ онъ косвеннымъ путемъ достигнуть профессуры, а съ помощью ея сильнѣе двинуть обученіе искусству въ академіи. Судьба, казалось, улыбалась въ это время благородному труженнику. Въ профессорахъ онъ не замѣчалъ уже особеннаго нерасположенія, и, еще того меньше, враждебности. Президентъ и вице-президентъ были на его сторонѣ. Преимущество образовательной системы Венеціанова признано было блистательно самимъ совѣтомъ, почти безъ исключеній награждавшимъ учениковъ его медалями. Не обдѣляли его и иконостасными работами. Получилъ бы онъ и профессорство, если бы прямо потребовалъ программы, а не пробовалъ почвы, прибѣгая къ полумѣрамъ въ родѣ выставленія готовыхъ, видимо съ цѣлью, какъ мы замѣтили, писанныхъ картинъ. Академическая партія въ ту пору уже тѣсно сплотившись, заключая все родныхъ да свойственниковъ ректора Марто-са: одинъ зять его былъ профессоръ живописи (Егоровъ), другой—профессоръ архитектуры (Мельниковъ), третій выведенъ въ конференцъ-секретари (Григоровичъ). Всѣ прочіе перекумились. Такъ что сторонняго, да еще отца семейства, могли заправлятели дѣломъ въ академіи принять въ сообщество свое съ неохотою. Поэтому, косвенныхъ маневровъ, хотя и хорошо могли ихъ всѣ понимать и замѣчать, вліятельная партія умшленно старалась не видѣть. Если же бы прямо сталъ Венеціановъ искать званія профессора,—хотя не служащаго снерева,—то при благосклонности, оказываемой ему властью имѣющими въ академіи, совѣту академическому пришлось бы удостоить искателя, а не отказывать ему. Не было и мотива отказа, когда заслуги были такъ хорошо видны, и членами общества поощренія художниковъ при всякомъ случаѣ ставились на видъ, а не закрывались.

Къ несчастію, какъ всѣ таланты, Венеціановъ былъ не политикъ и, занятый больше всего своими идеями—упростить развитіе начинающимъ идти по пути искусства, не имѣлъ времени высматривать обстоятельства и выбирать удобное время для дѣйствій.

У него въ ходу былъ одинъ мотивъ: умноженіе учениковъ. Едва прошли первыя впечатлѣнія о результатахъ выставки 1827 года,

не успѣла еще совсѣмъ пройти и зима, какъ Венеціановъ обратился къ комитету общества поощренія художниковъ (2-го марта 1827 г.) съ представленіемъ, способнымъ скорѣе обрадовать чѣмъ испугать искренно интересовавшихся дѣломъ художественнаго развитія въ отечествѣ почтенныхъ членовъ его. Упомянувъ объ успѣхахъ четверныхъ своихъ питомцевъ, Венеціановъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

«Теперь я имѣю еще троихъ: молодого человѣка, начавшаго учиться съ апрѣля мѣсяца прошлаго 1827 года, изъ мѣщанъ, Александра Денисова, — ему 16 лѣтъ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года изъ Вышняго-Волочка гнѣпкомъ ко мнѣ¹⁾ пришедшаго, мѣщанскаго же сына, Василья Зиновьева, котораго трудъ при семъ честь имѣю представить, — и вально-отлученнаго Ивана Ушакова, недавно ко мнѣ поступившаго отъ академика Васильева, котораго произведеніе тоже представляю. А труды Денисова, приведенныхъ къ концу, нѣтъ, для того что онъ занятъ въ Эрмитажѣ «старою галлереею». Успѣхи и поведеніе сихъ молодыхъ людей меня утѣшаютъ, почему всенужайше прошу общество удостоить ихъ, подобно первымъ четыремъ, своего покровительства, которое, увѣренъ я, дастъ имъ новый духъ къ успѣхамъ, а мнѣ новое удовольствіе питаться оными».

Съ принятіемъ 6) Денисова, 7) Зиновьева и 8) Ушакова, семьи учениковъ Венеціанова начала разрастаться примѣтно, но рѣсть ея не останавливался, потому что къ 1830 году итогъ пользовавшихся руководствомъ привѣтливаго наставника доросъ до восемнадцати.

Дальнѣйшее поступленіе учениковъ къ Венеціанову слѣдовало въ такомъ порядкѣ.

9. Послѣ Ушакова, слѣдуя указанію, найденному нами въ запискахъ самого Венеціанова, должны мы считать Никанора Ларионовича Скворцова, кажется, — человѣка со средствами, любителя. Къ нему адресовалъ въ 1836 году Венеціановъ для передачи ученику своему Алексѣеву письмо, которое мы укажемъ въ порядкѣ времени. Скворцова работа была уже на выставкѣ 1830 года. Впрочемъ, Скворцовъ не жилъ у наставника.

10. Послѣ Ушакова былъ вѣять Евграфъ Антоновичъ Булатовъ, работы котораго въ тридцатыхъ годахъ тоже являлись на выставкахъ.

¹⁾ Должно быть — еще въ деревню.

11. Далѣе, или одновременно съ Булатовымъ, поступилъ и Николайевъ, имени котораго отыскать намъ не удалось.

12. Вольноотпущенный Яковъ Давидовъ тоже взятъ былъ въ 1828 году. Въ описаніи работъ учениковъ Венеціанова на выставкѣ 1830 года, безъ сомнѣнія, по извѣстіямъ, сообщеннымъ самимъ учителемъ, Воейковъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» говоритъ, что учится Давидовъ «два года ровно» («Рус. Инв.» 1830 г., стр. 993).

13. Также два года названъ учащимся, въ 1830 году, и дворянинъ Алексѣй Александровичъ Васильевъ, въ послѣдствіи очень известный портретистъ, за прекрасный портретъ профессора живописи А. Е. Егорова, въ 1845 году признанный академикомъ. Онъ еще живъ теперь, родившись въ 1811 году, 8-го іюля.

14. Полугодомъ позднѣе (Васильева и Давидова (слѣдуя указаніямъ въ статьѣ Воейкова) явился къ Венеціанову Василій Михайловичъ Авроринъ, послѣ выставки 1828 года воротившійся въ Москву и бывший дьякономъ тамъ при церкви Воскресенія въ Баратахъ.

15. Вмѣстѣ съ Авроринимъ за полтора года до выставки 1830 года (открытой въ сентябрѣ), показавъ у Венеціанова и Василія Семеновичъ Гальяновъ, въ 1830 году уже выставившій свои два произведенія и, съ полученіемъ званія художника, удалившійся въ Архангельскъ, гдѣ онъ обучалъ рисованію (если живъ теперь), почти четыре десятилѣтія, въ гимназій и женскомъ училищѣ.

16. Полугодомъ позднѣе Гальянова, т. е. съ начала осени 1829 года—что дало право описателю выставки 1830 года въ «Русскомъ Инвалидѣ» указать первый годъ пребыванія у Венеціанова—поступилъ Евграфъ Ѳеодоровичъ Крендовскій. Въ просьбѣ, поданной въ совѣтъ Императорской академіи художествъ въ 1839 году, Крендовскій самъ разсказалъ обстоятельства своего художественнаго обученія. Изъ этой просьбы видно, что Крендовскій, оставившій гражданскую службу въ чинѣ коллежскаго регистратора, «первоначально обучался рисованію въ арзамасской школѣ у академика Ступина; потомъ въ С.-Петербургѣ, подъ руководствомъ академика Венеціанова, и посѣщалъ рисовальные классы Императорской академіи художествъ». Подавъ просьбу, нами приведенную, Крендовскій просилъ и получилъ званіе свободного художника и удалился въ Кременчугъ, гдѣ занялся портретною живописью въ миниатюрѣ, съ большимъ успѣхомъ.

17. Одновременно съ Крендовскимъ, взята была Венеціановимъ въ ученицы еще дѣвочка 11-ти лѣтъ, дочь дьячка приходской церкви

на Пескахъ, Елена Рождественская, въ одинъ годъ сдѣлавшая блистательные успѣхи и, вмѣстѣ съ другими, выставившая уже работы свои въ академіи въ 1830 году. Раннее развитіе этой ученицы, независимо таланта, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести къ превосходству пріемовъ наставника.

18. Меньше года до выставки 1830 г., то-есть или въ концѣ 1829 или въ началѣ даже этого самаго года, оказался учащимся у Венеціанова и необыкновенно талантливый Лавръ Филипповичъ (?) Плаховъ.

О Плаховѣ и его необыкновенныхъ способностяхъ сохранилось множество характерныхъ анекдотовъ, сдѣлавъ чуть не легендарными похождения и эксцентричность этого художника. Основательнаго изслѣдованія объ этомъ талантѣ въ правѣ ожидать современные любители отъ занимающихся исторіею отечественнаго искусства. Самая судьба Плахова, его таинственное исчезновеніе изъ столицы и труженническая жизнь въ провинціи—дѣйствительно заслуживаютъ приложенія усилій къ розысканіямъ о немъ, просто по непосредственному интересу и особенностямъ всего стеченія обстоятельствъ. «Воспоминанія» А. Н. Мокрицкаго, очевидно, были на этотъ конекъ, но, къ сожалѣнію, факты тамъ настолько спутаны, что, не находя подтвержденія въ главномъ, трудно опредѣлить степень достовѣрности во всемъ прочемъ. Что намъ извѣстно точно—мы далѣе укажемъ, заранѣе заявляя невозможность составленія покуда чего-либо болѣе обстоятельнаго.

19. Въ 1831 году, мы находимъ живущимъ у Венеціанова Евгенія Петровича Житнева, очень талантливаго акварельнаго портретиста, род. 1812 года и умершаго 24-го апрѣля 1860 г., отъ чахотки, академикомъ.

20. Вмѣстѣ съ нимъ, или еще и раньше, учился у Венеціанова Тухариновъ, тоже человекъ съ большими способностями. Онъ хорошо шелъ въ академическихъ классахъ, но былъ большой загула, наверстывавшій кутежи усиленными работами, не имѣя въ нихъ недостатка. О Тухариновѣ говоритъ Венеціановъ въ письмѣ къ Алексѣеву, выражая полную несостоятельность удержать широкую натуру.

21. За Тухариновымъ въ числѣ учениковъ Венеціанова слѣдуетъ указать на Алексѣя Даниловича Печенкина, тоже выказывавшаго талантъ въ бытовой живописи, но въ послѣдствіи сдѣлавшагося учителемъ рисованія въ Гжатскомъ уѣздномъ училищѣ.

22. Вмѣстѣ съ нимъ, или въ одно время, въ школѣ Венеціанова былъ и Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій (род. 1810 г.), съ 1836 года сдѣлавшійся ученикомъ Карла Павловича Брюллова. Въ

своихъ воспоминанійхъ о Венеціановѣ, онъ, впрочемъ, называетъ Венеціанова вездѣ своимъ наставникомъ.

23. Судя по времени первыхъ успѣховъ въ академіи, тогда же пользовался уроками Венеціанова и знаменитый въ послѣдствіи портретистъ, профессоръ Сергѣй Константиновичъ Заряноко, род. 1818 г. 24-го сентября, въ Могилевской губерніи и ум. 1870 г. 20-го декабря.

24. Иванъ Федоровичъ Каширинъ былъ съ нимъ въ одно же время, посѣщая, какъ и онъ, академическіе классы и въ 1836 году получилъ званіе художника.

25. Кажется, къ числу учениковъ Венеціанова должны мы причислить и Сергѣя Алексѣева, одновременно съ Мокрицкимъ, въ 1836 г. (16-го янв.), получившаго вторую серебряную медаль за «перспективу портретной галлерей въ Зимнемъ дворцѣ».

Понимая хорошо несостоятельность усилій своихъ выяснить отчетливо составъ школы Венеціанова, мы просимъ знающихъ и живыхъ еще учениковъ его разъяснить и указать, кто были ихъ соученики у Алексѣя Гавриловича, любезно и сочувственно принимавшаго всякаго, кто обращался къ нему за помощью и совѣтомъ. Только такимъ путемъ мы и можемъ дойти до положительныхъ результатовъ въ объясненіи прошлаго, хотя и не очень отдаленнаго.

26. Вотъ, напримѣръ, оставаясь далеко неувѣренными въ принадлежности къ школѣ Венеціанова состоявшаго подъ покровительствомъ общества поощренія художниковъ Сергѣя Алексѣева, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что Григорій Карповичъ Михайловъ, вмѣстѣ съ Мокрицкимъ считавшійся любимымъ ученикомъ Карла Брюллова, до прибытія его въ Петербургъ былъ настолько же близокъ къ сердцу Алексѣя Гавриловича Венеціанова.

27. Въ томъ же положеніи къ наставнику былъ и Александръ Михайловичъ Михайловъ, котораго Венеціановъ хотѣлъ даже включить въ свою фамилію и самъ хлопоталъ о приданіи ему прованія Венеціановъ-Михайловъ. Любимый наставникомъ, Александръ Михайловичъ былъ у Венеціанова, впрочемъ, какъ увидимъ, поддѣе Григорія Карповича, о которомъ писалъ Венеціановъ, 24-го апрѣля 1836 года, въ комитетъ общества поощренія художниковъ:

«Въ прошломъ 1835 году, общество поощренія художниковъ, снисходя моимъ просьбамъ, два раза дѣлало ученику моему Михайлову денежныя пособія, давало билеты пользоваться академическими рисовальными классами. Михайловъ дѣлаетъ весьма значительныя успѣхи, и въ доказательство представляя въ распоряженіе общества его работы картину «кухарка», за которую Императорская академія ху-

дожествъ назначила ему въ награду вторую серебряную медаль¹⁾, — и покорнѣйше прошу общество поощренія художниковъ, такъ какъ я отъѣзжаю изъ Петербурга на четыре мѣсяца, и Михайлова, оставляя въ своей квартирѣ, не могу дать ему содержания и нужнаго пособия, чтобы безъ отрывокъ кончить серьезную, начатую имъ прошлаго года въ май мѣсяцѣ, картину внутренности античной галлерей академіи художествъ, къ экспозиціи, то покорнѣйше прошу комитетъ общества поощренія художниковъ пожаловать Михайлову, до возвращенія моего, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ.

Дѣйствительно, трудъ Михайлова былъ очень сложный и выполненъ не торопясь, прекрасно. Желаящіе повѣрить наши слова могутъ видѣть картину Михайлова въ академіи художествъ. Картина представляетъ вторую античную галлерей, названную нынѣ заломъ Тиціана, нѣсколько вправо отъ входа въ милицъ-кабинетъ. Слева у стѣны, за балюстрадою помѣщены гипсовые слѣпки съ антиковъ, справа на стѣнѣ изображены картины и самъ художникъ представляеть рисующимъ въ правомъ углу картины.

28. Изъ Венеціановыхъ учениковъ, принять къ Брюллову и Илья Дипинъ, о которомъ не пришлось намъ получить ни откуда извѣстій.

29. Тоже къ Брюллову перешель, подготовленный хоренно Венеціановымъ, и Игитъ, имени котораго даже отыскать намъ не удалось.

30. Оставившій портретъ почтеннаго наставника своего, шестидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, Федоръ Михайловичъ Славянской (родившійся въ 1819 году) поступилъ къ Венеціанову не ранѣе 1839 года, сперва занимаясь гравюрою, и въ 1839 году еще выставивъ «работы на мѣди и оттиски». У Венеціанова, оставивъ гравюру, перешель онъ къ перспективѣ и портрету, и, за портретъ Шебуева, считаясь ученикомъ Маркова въ академіи, въ 1852 г. признанъ академикомъ.

31 и 32. За Славянскимъ, въ числѣ учениковъ Венеціанова должны слѣдовать непосредственно Антоновъ и Бурдинъ. Обстоятельства во время поступленія ихъ къ Венеціанову описаны въ запискѣ его, 4-го октября 1840 года, адресованной въ комитетъ общества поощренія художниковъ. Въ ней рекомендуетъ ихъ Венеціановъ благосклонности общества.

«Неоднократно пользовался я милостивымъ вниманіемъ общества къ

¹⁾ Въ собраніи совѣта 16-го января 1836 г.

ученикамъ моимъ, и, къ удовольствію моему, многіе изъ нихъ оправдали успѣхами своими пособія общества, почему и теперь беру смѣлость представить 12 картинокъ, изъ которыхъ шесть—самый первый опытъ въ краскахъ ученика моего Антонова. Изъ сихъ картинокъ общество изволитъ усмотрѣть его способности, а я, найдя въ немъ склонность къ пейзажной живописи, даю ему теперь написать во дворцѣ картину съ садика при помпейской галлерей. Антоновъ самый бѣднѣйшій человѣкъ, имѣетъ мать, проживающую скудными доходами съ домика. Я бы желалъ чтобы комитетъ общества соизволилъ принять сколько нибудь изъ его картинокъ и пожаловалъ ему одновременно въ поощреніе, давъ средства пропавшій съ успѣхомъ начатую во дворцѣ картину.

Другія же шесть картинокъ—ученика же моего, Бурдина. Этотъ человѣкъ работалъ въ Москвѣ у подрядчиковъ, имѣлъ кусокъ хлѣба, но не имѣлъ нищи духу. Въ мартѣ мѣсяцѣ (1840 года, разумѣется) почти пришелъ въ Петербургъ и чрезъ знакомыхъ упросилъ меня взять съ собою въ деревню, вмѣстѣ съ Антоновымъ, чтобы ознакомиться съ натурою. Онъ у меня гдѣ работалъ, написалъ предлагаемая шесть картинокъ и доставилъ мнѣ полное удовольствіе любовью своею къ трудамъ, отличнымъ нравомъ и благоразуміемъ. Въ немъ болѣе всего утѣшало меня то, что онъ понималъ свои недостатки и какъ много надобно учиться, чтобы быть художникомъ. Я его посадилъ также во дворцѣ писать маленькую церковь, съ противной стороны той, которую пишетъ для великихъ князей мой же ученикъ Венеціановъ ¹⁾. Этому человѣку (т. е. Бурдину) нужно не одно одновременное пособіе, а и постоянное, по крайней мѣрѣ на годъ, почему умоляю комитетъ общества принять отъ него картинокъ столько, сколько благоудно будетъ пожаловать ему на окупированіе одновременно, и выдавать ежемѣсячно на содержаніе рублей по 20-ти. Я увѣренъ, что эти молодые люди оправдаютъ милости общества, какъ успѣхами, такъ и продолженіемъ прекраснаго поведенія».

Одновременно съ Михайломъ Антоновымъ, о которомъ мы немного знаемъ, да съ Николаемъ Алексѣевичемъ Бурдинимъ, братомъ актера Федора Алексѣевича Бурдина,—дѣйствительно талантомъ, рано похищеннымъ у искусства смертью (онъ родился въ 1814 г. и умеръ

¹⁾ Т. е. Александръ Михайловичъ Михайловъ, о которомъ мы выше говорили.

въ 1857 г.), поступилъ къ Венеціанову еще третій ученикъ въ это время.

33. Это былъ Иванъ Смирновъ, о которомъ въ дѣлахъ общества поощренія художниковъ сохранилось тоже ходатайство Венеціанова, въ формѣ прошенія въ комитетъ общества поощренія художниковъ:

«Принося благодарность комитету общества за вниманіе къ моей просьбѣ о ученикахъ моихъ, Бурдинѣ и Антоновѣ, осмѣливаюсь и еще утрудять моей просьбою: принять въ свое покровительство еще одного изъ учениковъ моихъ, Ивана Смирнова (изъ мѣщанскаго сословія), который уже по милости общества пользуется билетомъ для входа въ классы академіи. Онъ теперь, во дворцѣ, оканчиваетъ картину съ натуры—внутренность помпейской галлерей. За картиной этой ему нужно просидѣть постоянно мѣсяца два или три, слѣдовательно—лишиться постороннихъ средствъ къ пропитанію. Поэтому покорнѣйше прошу комитетъ общества на это время пожаловать ему какое нибудь содержаніе (теперь у него, просто, буквально, сапоговъ нѣтъ). 21-го марта 1841 г.».

Между тѣмъ сбоку надпись: «исполнено 21-го января 1841 г.».

Ясно, что мартъ поставленъ въ послѣдствіи, и именно помѣта марта оказывается днемъ засѣданія комитета общества поощренія художниковъ. Какъ видно, въ Смирновѣ принималъ участіе еще конференцъ-секретарь академіи художествъ, В. И. Григоровичъ, тоже членъ общества поощренія художниковъ. Его записка отъ 20-го ноября 1840 года приложена къ ходатайству Венеціанова, и записка эта служитъ, такъ сказать, буквальный исполненіемъ просьбы вставника: «Г. Венеціанова ученику, Смирнову, выдать прошеу немедленно 25 рублей ассигнаціями, а просьбу его сохранить до засѣданія комитета общества поощренія художниковъ. Григоровичъ». Записка, разумѣется, адресована къ А. П. Сапожникову, казначею общества, отъ котораго и послѣдовала немедленная выдача получателю, тутъ и росписавшемуся.

Эти немногословныя, лаконическія распоряженія, при посредствѣ Григоровича, Сапожникова и Венеціанова, достигавшія цѣли—благородныхъ усилій самихъ бѣдняковъ о развитіи божьяго дара, живо воскрешаютъ въ памяти нашей массу негласныхъ дѣяній добра и заботливости Венеціанова и его друзей о начинающихъ талантахъ.

Послѣдними учениками Венеціанова были, получившіе въ послѣдствіи громкую извѣстность, жанристъ и пейзажистъ, развившіеся окончательно за границею; это были:

34. Алексѣй Филипповичъ Чернышевъ и

35. Михаилъ Спиридоновичъ Эрасси.

Относительно пріянія ихъ подѣ покровительство общества поощренія художниковъ, въ дѣлахъ его сохранилось слѣдующее увѣдомленіе отъ комитета общества А. Г. Венеціанову, отъ 2-го мая 1843 года:

«До отъѣзда вашего изъ С.-Петербурга, вамъ угодно было, черезъ г. члена А. П. Сапожникова, представить въ комитетъ общества поощренія художниковъ нѣкоторыя работы учениковъ вашихъ Чернышева и Герасія.

«Усматривая изъ этихъ трудовъ развивающіяся подѣ просвѣщеннымъ руководствомъ вашимъ способности этихъ юныхъ художниковъ и желая ободрить ихъ, комитетъ положилъ выдать имъ въ поощреніе 200 рублей ассигнаціями.

«Успѣхи этихъ молодыхъ людей суть новое доказательство постоянныхъ попеченій и усердія вашего на пользу художниковъ и художествъ. И потому комитетъ поставяетъ пріятною для себя обязанностью изъявить вамъ вновь свою признательность».

Въ послѣдній годъ своей жизни А. Г. Венеціановъ, заботясь о Эрасси, еще писалъ въ общество поощренія художниковъ:

«Благоговѣя вниманію (sic) комитета общества къ труду племянника моего Эрасси, питаю себя чистѣйшею благодарностью и полною увѣренностью, что и впредь общество не лишитъ своего вниманія успѣхи Эрасси.

«Этотъ молодой человекъ занимался у меня въ деревнѣ два года писаньемъ съ натуры и рисованьемъ съ гипсовъ; у него нѣтъ пылкаго дара, но любовь къ искусству и прилежаніе примѣрны. Теперь онъ въ первый разъ копируетъ пейзажъ Куккука и ходитъ въ академическій гипсовый классъ. Я отъѣзжаю въ деревню и счастливейшимъ себя почту, ежели комитетъ общества удостоитъ: поручить надзоръ за ходомъ Эрасси, въ живописи и рисованіи, благоразумію почтеннѣйшаго члена общества Андрея Петровича Сапожникова. 14-го декабря 1846 года».

Этотъ отъѣздъ изъ столицы былъ послѣдній для А. Г. Венеціанова, въ Тверской губерніи, 4-го декабря 1847 г., и умершаго. Тридцать пять учениковъ (т. е. половину того, что указывала дочь)—имъ приготовлены для дѣятельности по искусству—по нашимъ извѣстіямъ, за полноту которыхъ мы, впрочемъ, ручаться не можемъ. По крайней мѣрѣ, сами встрѣчая неразрѣшимыя сомнѣнія о трехъ

лицахъ въ своемъ спискѣ, мы готовы отступить отъ своего предположенія, что эти три лица пользовались руководствомъ Венеціанова. Считаая нужнымъ сдѣлать эту оговорку, оканчивая перечень извѣстныхъ намъ учениковъ Алексѣя Гавриловича Венеціанова,—укажемъ дѣятельность учителя и учениковъ съ 1830 года, когда можно считать школу Венеціанова достигшею апогея.

П. Н. Петровъ.

Спб. 1878 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА-АКАДЕМИКА ТЪЕВО

1765—1785 гг.

III ¹⁾.

Аббат Рейналь и княгиня Дашкова.—Неприятное приключеніе съ нею въ Парижѣ.—Пребываніе ея въ Берлинѣ, выходки и споры съ учеными и дипломатами.—Дашкова и французскій уполномоченный на вечерѣ у графа Финкенштейна.—Похожденія графа Матюшкина съ дѣвицею Генке.

.... Сочиненіе аббата Рейналя (Raynal) ²⁾: «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les Indes»—надѣлало ему много хлопотъ во Франціи. Парижскій парламентъ обнаружилъ негодованіе, а духовенство подняло гвалтъ и пустилось интриговать: авторъ перенугался и успѣшилъ уѣхать въ Готу, гдѣ былъ очень радушно принятъ, но гдѣ ожидалъ съ каждою почтой извѣстія о конфискаціи своихъ доходовъ. Однакожъ, не смотря на лестный пріемъ герцогини Саксенъ-Готской, ему не могло нравиться пребываніе при ея дворѣ, который онъ находилъ слишкомъ гѣснымъ поприщемъ для своихъ дарованій: его влекли въ Берлинъ честолюбіе, жажда громкой извѣстности, собственныя выгоды, надежда на почести со стороны короля-мыслителя и, наконецъ, мысль, что яркій отблескъ этихъ почестей отразится въ Парижѣ и Версали, гдѣ смутить или уничтожить его враговъ. Въ это время княгиня Дашкова, возвращаясь вмѣстѣ съ сыномъ своимъ изъ Парижа, про-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 507—522.

²⁾ Guillaume-François Raynal, род. 1713, ум. 1796 г. Выше названное сочиненіе его: «Философская и политическая исторія европейскихъ заведеній и торговли въ обѣихъ Индіяхъ», написанное въ либеральномъ духѣ, особенно прославило его; прочія-же сочиненія этого писателя не пользуются такою же извѣстностью.

ѣзжала черезъ Готу и остановилась тамъ на нѣсколько дней ¹⁾. Приѣхала она страшно-взбѣшенною противъ Франціи и французовъ. Въ душѣ ея было свѣжо еще впечатлѣніе досаднаго случая съ нею въ Тюльери, а оно, по самому свойству этого случая, не могло быть скоро забыто,—тѣмъ болѣе особой столь гордою, надменною и порывистою во всѣхъ страстяхъ своихъ, какъ княгиня Дашкова. Дѣло было въ томъ, что эта барыня, дюжая какъ мужчина, весьма прекрасная, съ высоко-закинутою головою, съ смѣлымъ и повелительнымъ взглядомъ, съ широкою поступью, въ одинъ прекрасный день находилась на гуляньѣ въ Тюльерійскомъ саду, а кто-то изъ гуляющихъ, проходя мимо нея, сказалъ своему товарищу: Посмотри, вотъ русская княгиня

Разумѣется, обстоятельства, о которыхъ шла рѣчь, большею частію были выдуманы, но во Франціи, среди публики, слыли за чистѣйшую истину. Легко угадать, что слова прохожаго, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного къ другому, въ большой аллеѣ, собрали вокругъ княгини цѣлую толпу любопытныхъ, что, наконецъ, привело ее въ сильное смущеніе. Среди обступившихъ ее, стоялъ ближе другихъ кавалеръ ордена св. Людовика, красивой и благородной наружности, но съ нѣсколько строгою фізіономіей. Къ нему-то она обратилась съ вопросомъ о причинѣ этого сходбища. «Милостивнѣй государь,—сказала она ему,—что вамъ угодно, что вы такъ меня разсматриваете?» (*qu'avez vous donc tant à me considérer?*).—«Сударыня,—былъ отвѣтъ,—прошу извинить меня, только я гляжу на васъ, а вовсе не разсматриваю» ²⁾ (*Madame, je vous demande bien pardon; mais je vous regarde et ne vous considère pas!*) При этихъ словахъ, княгиня вскакиваетъ въ бѣшенствѣ, протискивается сквозь толпу, слѣпшитъ къ себѣ, посылаетъ за лошадью и мчится въ Готу.

Аббатъ Рейналь, въ исключительномъ своемъ положеніи, легко могъ извинить Дашковой непріязненные чувства, какія она выказывала противъ Франціи; при томъ-же, онъ рассчитывалъ воспользоваться ея пріѣдомъ для дальнѣйшаго путешествія въ ея экипажѣ.

¹⁾ Дашкова путешествовала за границей два раза: въ первый разъ, нѣкогда, подъ именемъ госпожи Михалковой, въ 1769—1772 гг.; въ Парижѣ она была тогда всего три недѣли, въ 1770 году. Вторая поѣздка ея за границу продолжалась съ 1775 по 1782 г.

²⁾ Здѣсь вышегъ непереводимый каламбуръ. Глаголь разсматривать—*considérer*—употребленный Дашковою, имѣетъ еще другое значеніе: почитать уважать. Слѣдовательно, о. вѣтъ, данный княгинѣ, содержитъ въ себѣ такой смыслъ: «я разглядываю, но не уважаю васъ».

И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ ловко любезничалъ, что барыня эта предложила ему мѣсто въ своей каретѣ, которое онъ принялъ до Берлина, гдѣ, по его словамъ, былъ ожидаемъ, и откуда обѣщаль герцогинѣ Готской вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, княгиня послала освѣдомиться о здоровьѣ русскаго посланника, князя Долгорукаго, а тотъ, въ свою очередь, явился съ визитомъ къ своей соотечественницѣ и звалъ ее обѣдать къ себѣ на слѣдующій день, съ сыномъ ея и спутникомъ ихъ, Рейналемъ. Къ этому обѣду были приглашены де-Лагранжъ (de-Lagrange), Формей (Formey), Меріанъ (Mérian) и я ¹⁾. За столомъ княгиня Дашкова, обращаясь къ аббату Рейналю, начала говорить о дѣлахъ Женевы, осажденной тогда швейцарцами, сардинцами и французами. По мнѣнію княгини, все это было устроено тонкими просками де-Верженна ²⁾ и затѣяно для того, чтобы, въ концѣ-концовъ, Женева очутилась одною изъ французскихъ провинцій. Тутъ г. Рейналь, не располагавшій ѣхать въ Россію и не нуждавшійся болѣе въ княгинѣ, вновь сдѣлался патріотомъ и прямодушнымъ человѣкомъ. . . . «Сударыня, — возразилъ онъ, — женевская территория едва заключаетъ въ себѣ пространство въ два льѣ; а вамъ хорошо извѣстно, что наши (французскія) провинціи совѣмъ иного размѣра. Если вы замѣтите мнѣ, что Женева богата, я отвѣчу, что всѣ источники ея богатства — контрабанда, да выгоды отъ смежности съ нашими границами. Если Женеву мы включимъ въ составъ Франціи, то контрабанда и богатства отодвинутся подалѣе, а Женева быстро превратится чуть не въ деревню. И можете-ли вы думать, сударыня, что изъ-за подобнаго городишка (какимъ она сдѣлалась бы лѣтъ черезъ десять), г. де-Верженнъ станетъ пускаться въ хлопоты и затраты для изворотливыхъ интригъ, ко вреду своей репутаціи честнаго дѣятеля и къ подрыву правъ, какія онъ приобрѣлъ на уваженіе и довѣріе всѣхъ европейскихъ кабинетовъ? Будьте увѣрены, что онъ умѣетъ расчитывать гораздо лучше и что политика мелочно-стяжательная, коварная, безсовѣстная и раззорительная, — отнюдь не въ его правилахъ».

Тутъ бѣдная княгиня обвела присутствующихъ безпокойнымъ и тревожнымъ взглядомъ, обличавшимъ ея смятеніе, замѣшательство и

¹⁾ Все члены Берлинской академіи. Изъ нихъ Меріанъ (Jean Bernard Merian), базельскій уроженецъ, былъ извѣстенъ своими философскими сочиненіями по метафизикѣ. Род. 1723 г., ум. 1807 г.

²⁾ Charles Gravier, comte de Vergennes, род. 1719 г., былъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI, съ 1774 г. по самую смерть свою (въ фев. 1787 г.).

даже изумленіе. Было очевидно, что не только она не находила ничего для отвѣта, но и не привыкла къ такимъ твердымъ возраженіямъ, особенно со стороны аббата Рейналя (недавняго ея угодника); а потому быстро перешла къ другому предмету, обратившись къ Лагранжу ¹⁾, моему застольному сосѣду....

— «Г. де-Лагранжъ,—сказала она ему,—вы, безъ сомнѣнія, знаете отца-Жаккѣ? ²⁾».

— Я никогда не видѣлъ его, сударыня, и не веду съ нимъ никакой переписки.

— «Но, милостивый государь, это человѣкъ высокаго достоинства по части математики».

— Онъ, сударыня, одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе писали объ этой наукѣ; имъ выпущено, полагаю, томовъ съ шестьдесятъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ мнѣ случалось пробѣгать, то могу отозваться, что вообще слогъ его не дуренъ и что онъ былъ и еще можетъ быть очень полезенъ юношеству; онъ хорошо усвоилъ и передалъ системы или теоріи другихъ ученыхъ.

— «Конечно, онъ человѣкъ умный и пріятный; но, кромѣ того, онъ признанъ за одного изъ первѣйшихъ геометровъ нашего вѣка и за геніальнаго человѣка. Имя отца-Жаккѣ перейдетъ въ потомство».

— Своими дарованіями онъ могъ-бы этого достигнуть, сударыня; но математики доходятъ до этого вовсе не количествомъ написанныхъ томовъ. Кто за собою насчитываетъ ихъ наибольшее число, тотъ еще не можетъ надѣяться, что его труды будутъ памятны хоть-бы чрезъ двадцать лѣтъ по смерти автора, если онъ не сдѣлалъ въ наукѣ никакого открытія; а, къ несчастію, именно въ подобномъ положеніи и оказывается отецъ-Жаккѣ, тогда какъ кто либо другой, послѣ кого остался-бы только одинъ клочокъ бумаги, величиною съ ладонь, заслужилъ-бы славу въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, будь на этомъ клочкѣ начертаніе великаго и изумительнаго открытія,—какъ, напримѣръ, одного изъ законовъ Кеплера.

Тогда княгиня, другъ Екатерины Второй, директоръ Императорской с.-петербургской академіи наукъ, разбитая въ пухъ: по поводу Женевы—аббатомъ Рейналемъ, а по поводу отца-Жаккѣ—Лагран-

¹⁾ Joseph-Louis Lagrange, знаменитый французскій математикъ. Род. въ Туринѣ, въ 1736 г.; вступилъ въ Берлинскую академію, по вызову Фридриха II, въ 1766 г., и пробылъ тамъ до 1787 г.; умеръ въ Парижѣ въ 1813 году. Научные труды его высоко цѣнятся. Они составляютъ нѣскольکو томовъ.

²⁾ Le règne François Jascquier, плодовитый французскій ученый писатель по предмету математики. Род. въ 1711 г., ум. въ Римѣ въ 1788 г. Нѣкоторые изъ его сочиненій писаны по италіански и по латыни.

земь,—рѣшилась оставить въ покоѣ вопросы научные и политическіе и принялась за обыкновенные безсодержательные разговоры....

..... Въ другой разъ опять случилось мнѣ тамъ-же встрѣтиться съ княгиней Дашковой: я и баронъ фонъ-Штутереймъ (Stuthereim), саксонскій посланникъ, обѣдали съ нею у Долгорукаго. Въ разговорѣ она упомянула имя одного иностраннаго министра, бывшаго тогда въ Дрезденѣ, при чемъ Штутереймъ не преминулъ отозваться о немъ съ наилучшей стороны. Такія усердныя похвалы должны были-бы послужить внушительнымъ предупрежденіемъ для странствующей дамы; но дама эта рѣдко оказывалась похожею на то, тѣмъ ее можно было вообразить себѣ.

— Какъ можете вы,—отрѣзала она барону,—говорить столько хорошаго о подобномъ человѣкѣ? Я сама снисходительна, потому что отлично знаю, какую оцѣнку слѣдуетъ давать вашей братьѣ, мужчинамъ; вѣдь всѣ вы одинаковы: слабы и притязательны, горды и несправедливы, вѣчно наклонны къ самовластію и тиранству; вы одинъ другаго стоите. Однакожъ, хотя намъ, женщинамъ, и приходится многое терпѣть отъ васъ и многое вамъ прощать, тѣмъ не менѣе справедливо, что все, обличающее положительный недостатокъ всякаго чувства человѣческаго, не можетъ быть терпимо даже и въ васъ, мужчинахъ. А поведеніе этого посланника съ своей женой не указываетъ-ли на такой недостатокъ? Она дуриа собою,—я согласна; но вѣдь онъ это зналъ, когда на ней женился. Если ея непривлекательная наружность оправдываетъ его въ нелюбви къ ней ¹⁾, то оправдываетъ-ли также въ увозѣ жены на чужбину, во Францію, для того, чтобъ тамъ разорить ее, покинуть и потомъ отослать одну въ отечество, сперва прокутивъ до-тла все состояніе на любовницъ и разныя сумазбродства? И что-же? Это все ничего не значить, въ сравненіи съ слѣдующимъ поступкомъ. Бѣдная женщина, не имѣя болѣе никакихъ средствъ, отправляется къ своему брату. Тотъ умираетъ бездѣтнымъ и оставляетъ ее единственной наследницею; а покойникъ былъ очень богатъ, какъ и она сама была прежде. Что-же, затѣмъ, дѣлаетъ ея муженекъ, этотъ всегдашній расточитель, спустившій уже и свое состояніе? Онъ тогда пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ она живетъ, чтобы помириться съ нею, то есть, чтобъ прибрать къ рукамъ имѣніе ея и, быть можетъ, промотать вновь. Къ счастью, она поступила въ этомъ случаѣ, какъ обязана была въ отношеніи къ самой себѣ. Пріѣхавшій супругъ безцеремонно входитъ къ женѣ и застаётъ ее за туалетомъ; она его принимаетъ очень хладно-

¹⁾ Замѣтите, что княгиня Дашкова сама была очень дуриа.

кровно, какъ принимаютъ обыкновеннаго посторонняго гостя, не стѣсняясь; спрашиваетъ его, намѣренъ-ли онъ пробить нѣсколько дней въ этихъ мѣстахъ, гдѣ онъ займетъ себѣ квартиру и не сдѣлаетъ-ли ей чести откушать у ней сегодня? Такіе вопросы и тош ихъ дали ему, наконецъ, почувствовать, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ и онъ тотчасъ-же убрался прочь. Я не думаю, чтобы должно было простить ему отсутствіе человѣческихъ чувствъ, дошедшее до такой степени, что онъ собирался вновь сойтись съ нелюбимою женщиной, разоренной имъ и безжалостно покинутой, и сблизиться съ нею потому, что она опять разбогатѣла! Этотъ господинъ только и показалъ въ себѣ сердце, когда поспѣшилъ удалиться послѣ сдѣланнаго ему приема».

—Но,—замѣтилъ г. Штутереймъ,—говорятъ, будто бы не собственно ему должно приписать послѣдній поступокъ, въ какомъ вы его упрекаете; онъ сдѣлалъ такъ противъ своей воли: родные принудили его, нѣкоторымъ образомъ, къ этому. Что-же касается до его первыхъ грѣховъ противъ жены, то это—заблужденія молодости, за которыя онъ и не думаетъ себя хвалить. Впрочемъ, я отозвался о немъ съ хорошей стороны, съ какой мы всѣ вообще говоримъ о немъ. Я сужу его, какимъ онъ теперь среди насъ; а онъ таковъ, что всѣ мы питаемъ къ нему высокое уваженіе.

Княгиня, будучи не изъ уступчивыхъ особъ, стала-было опять спорить; но баронъ ничего болѣе не сказалъ, и тогда она напустилась на меня.

—«Славныя дѣла,—заговорила княгиня, относясь ко мнѣ,—славныя дѣла вы, французы, продѣлываете въ вашей Франці! вы впадаете въ банкротство передъ цѣлою Европой; всѣ у васъ угнетены, обобранны, разорены: а между тѣмъ, вы швыряете за окно тридцать милліоновъ, для празднованія свадьбы вашего дофина! Правда, что по милости вашей полиціи, которою вы такъ хвастаете, мошенники дѣлаютъ тревогу среди вашихъ увеселеній; тысяча восемьсотъ чело-вѣкъ погибаетъ во время фейерверка, но что за бѣда? Лишь-бы фейерверкъ вышелъ чудомъ изъ чудесъ! И такъ, въ итогѣ: государственное банкротство, безумные расходы, убійства! о, милостивый мой государь, это прекрасно! это великолѣпно!—Нѣтъ, у насъ въ Россіи не то. Мы имѣемъ государыню, которая дѣйствуетъ иначе: долговъ не дѣлаетъ, платитъ аккуратно; убійствъ при ней не бываетъ; если же случается, что частный банкъ (*une caisse particulière*) идетъ не хорошо, въ чемъ императрица нисколько не заинтересована, это ничего не значитъ: достаточно, если банкъ этотъ былъ учрежденъ съ ея разрѣшенія, и она, будто поручительница, пополняетъ его дефи-

пить. Ну, какъ полагаете вы, въ какомъ видѣ представлятся сравниваемые мною явленія глазамъ потомства?»

Я не могъ ей отвѣчать, потому что былъ въ гостяхъ у русскаго посланника, къ которому, въ добавокъ, былъ лично искренно привязанъ; онъ же, съ своей стороны, не могъ не снисходить къ задушевной пріятельницѣ Екатерины II. Но потомъ я рассказывалъ о выходкахъ Дашковой французскому повѣренному въ дѣлахъ, и тотъ, будучи на слѣдующій день за большимъ ужиномъ у графа Финкенштейна ¹⁾, сказалъ нѣсколькимъ дамамъ, съ которыми разговаривалъ въ то время, когда вошла эта ужасная княгиня (*cette terrible princesse*): «Ахъ, *mesdames*, станемъ остерегаться! Спрячьте меня, пожалуйста, или, по крайней мѣрѣ, не оставляйте одного! Эта госпожа пришла сюда, можетъ быть, за тѣмъ, чтобъ обойтись со мной какъ Увы, для нея это все равно, что игрушка. Повѣрьте мнѣ, лучше спрячемтесь; при ней никто здѣсь не безопасенъ. Ахъ! Вотъ она опускаетъ руку въ карманъ! Вытаскиваетъ оттуда свой платокъ . . . Пропали мы, пропали! Развѣ вы не знаете, что у ней платокъ любимое оружіе!»—Цѣлый вечеръ продолжались эти шутки и княгинѣ трудно было ихъ не замѣтить по частому хохоту, который раздавался какъ разъ вблизи ея особы.

Въ числѣ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ, былъ нѣкто графъ Матюшкинъ (*un comte russe M. Matouchka*). Проѣздомъ черезъ этотъ городъ, онъ влюбился въ старшую изъ трехъ дочерей бѣднаго нѣмецкаго музыканта Генкѣ (*Hencke*), красавицу-дѣвушку, которая многихъ сводила съ ума;—похитилъ ее изъ отцовскаго дома, женился на ней въ Вѣнѣ, а потомъ бросилъ тамъ, уѣхавъ въ Россію. Тогда она возвратилась въ Берлинъ и вела жизнь куртизанки, подъ своимъ законнымъ именемъ и титуломъ графини Матюшкиной....
....Другая же сестра ея, дѣвица Генке, въ послѣдствіи была вліятельнѣйшею любовницею короля Фридриха Вильгельма II, наследовавшаго престолъ Фридриха Великаго.

¹⁾ Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ Кто именно былъ этотъ Матюшкинъ, доискаться мы не могли. Не Дмитрій ли Михайловичъ (тайный совѣтникъ), послѣдній въ родѣ графовъ Матюшкиныхъ? Но въ Россіи онъ имѣлъ законную жену, графиню Анну Алексѣевну, рожденную княгиню Гагарину, статсъ-даму Екатерины II и потомъ оберъ-гофмейстерину императрицы Маріи Федоровны. Она род. 1722 г., ум. 3-го мая 1804 г. Дмитрій же Михайловичъ ум. въ 1800 г.

IV.

Прїѣздъ въ Берлинъ наследника русскаго престола в. к. Павла Петровича, для свиданія съ невѣстой.—Сдѣланный ему приѣмъ.—Впечатлѣніе, произведенное вообще особою великаго князя.—Потсдамскіе военные маневры и анекдотъ по этому поводу о фельдмаршалѣ Румянцевѣ.—Бережливость Фридриха II въ расходахъ.—Его стойкость въ правлахъ.—А. В. Суворовъ.

Изъ придворныхъ праздниковъ, бывшихъ при мнѣ въ Берлинѣ, по случаю брачныхъ союзовъ царственныхъ особъ, скажу теперь о состоявшемся передъ первою женитьбою великаго князя Павла Петровича, который, впрочемъ, не съ прусскою принцессой вступалъ въ супружество и не въ Берлинѣ женился, но прїѣхалъ туда выбрать себѣ и посватать невѣсту. Свадьба же ихъ состоялась послѣ, въ Петербургѣ.

Не знаю, по какимъ тонкимъ политическимъ соображеніямъ, русская императрица послала своего сына въ Берлинъ для выбора невѣсты; но только, около іюня мѣсяца 1776 г., маркграфиня Гессен-Дармштадтская, которую Фридрихъ называлъ достойнымъ человекомъ (*un homme de mérite*), прїѣхала къ намъ въ Берлинъ съ тремя дочерьми; а въ то же время генералъ Лентулусъ (*Lentulus*) отправился до Мемеля на встрѣчу великому князю, съ тѣмъ, чтобы оттуда сопровождать его далѣе и оплачивать расходы путешествія до самаго прибытія ко двору Фридриха, гдѣ великій князь долженъ былъ выбрать изъ трехъ сестеръ-принцессъ ту, которая ему болѣе понравится¹⁾. Дѣлалось все зависящее, чтобы путь его былъ ознаменованъ торжественными встрѣчами и празднествами, по крайней мѣрѣ, на сколько было возможно при простотѣ и строгости нравовъ этой страны, а также и при скудости всего необходимаго для устройства и разнообразной обстановки подобныхъ зрѣлищъ. Въѣздъ великаго князя въ Берлинъ послѣдовалъ въ одинъ прекраснѣйшій день, въ 3

¹⁾ Авторъ, очевидно, ошибается, перепутывая обстоятельства первой женитьбы Павла съ подробностями второй. Поѣздка его въ Берлинъ (въ іюль 1776 г.) предшествовала послѣднему браку, а не первому. Съ принцессой Гессен-Дармштадтскою Августою Вильгельминой, нареченною при императрицѣ Наталіею Алексѣевной (род. 14-го іюня 1755 г. и бывшею, по матери, родною теткою императрицы Елисаветы Алексѣевны) Павелъ вступилъ въ супружество 29-го сентября 1773 г. и овдовѣлъ 16-го апрѣля 1776 г.; а женитьба на двоюродной внучкѣ Фридриха Великаго, принцессѣ Виртембергской Софіи-Доротей-Августѣ-Луизѣ, нареченной Маріею Ѳеодоровной (род. 14-го октября 1759 г., сконч. 24-го октября 1828 г.), состоялась 16-го сентября 1776 г., именно послѣ берлинскаго свиданія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

или 4 часа пополудни ¹⁾). Триумфальныя арки изъ зелени у городскихъ воротъ и на королевскомъ мосту близъ дворца, повсюду цвѣты, длинный поѣздъ каретъ и отряды пѣхоты и конницы—всего этого было вдоволь: ничего не жалѣли для дорогаго гостя. Для него распорядились починить и старыя вызолоченныя сплошь фазтоны и другія парадныя кареты Фридриха Перваго, которыя были брошены на жертву червоточинѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Все обличало безплодность и неловкія усилія (*efforts impuissants et disparates*) выказать какую нибудь пышность.

Я былъ представленъ великому князю въ его покояхъ русскимъ посланникомъ; то же было и въ другой разъ, совмѣстно съ моими товарищами и сочленами по академіи, когда великій князь посѣтилъ ее, и, наконецъ, опять при обзорѣнн имъ военно-гражданской школы. Профессора Формей и Боррели (*Borghelli*) обратились къ нему съ вѣтievатыми привѣтственными рѣчами; но никто отъ него не получилъ никакого доказательства удовольствія. При его отъѣздѣ изъ Петербурга, съ нимъ было отпущено два полныхъ сундука съ вещами для подарковъ, а онъ привезъ ихъ оба назадъ, непочатыми; но не потому, кажется, что не любилъ дарить, а оттого, что состоялъ подъ руководствомъ фельдмаршала Румянцева и графа Салтыкова. И тотъ и другой имѣли репутацію скупыхъ людей, да притомъ, быть можетъ, они еще рассчитывали втайнѣ угодить матери, не допуская сына привлекать къ себѣ въ свѣтѣ сторонниковъ.

Если не было повода подивиться щедрости великаго князя, за то всѣхъ изумила его манера кланяться. Вообще сильныя міра сего, при поклонѣ, понижаютъ голову слегка, предоставляя намъ, простымъ смертнымъ, сгибаться всѣмъ туловищемъ; но, по крайней мѣрѣ, они всетаки наклоняются хоть немножко; великій-же князь поступалъ совершенно наоборотъ: онъ бросалъ взглядъ на того, кто дѣ-

¹⁾ Великій князь имѣлъ торжественный въѣздъ въ Берлинъ 21-го іюля 1776 г. Впереди ѣхали 24 почталіона, игравшіе на рожкахъ и трубахъ и 6 почтовыхъ чиновниковъ въ мундирахъ. За ними шло нѣсколько ротъ мѣщанъ, въ мундирахъ-же; за мѣщанами ѣхали три кареты, въ которыхъ находились нѣкоторые изъ прусскихъ савонниковъ; потомъ отрядъ тѣлохранителей и скороходовъ, бѣжавшихъ предъ великолѣпною каретою, гдѣ сидѣли великій князь и принцъ Геврихъ. Въ слѣдующихъ каретахъ находились фельдмаршалъ Румянцевъ, Н. И. Салтыковъ и другіе русскіе, сопровождавшіе великаго князя. Въ заключеніе, шло сто человѣкъ, составлявшихъ почетную стражу великаго князя. Лица городского управленія приняли пріѣхавшихъ особъ у триумфальныхъ воротъ, у которыхъ 70 молодыхъ дѣвицъ, одѣтыхъ нимфами и пастушками, подвесили имъ стихи и гирлянду изъ цвѣтовъ. При въѣздѣ производилась пушечная пальба и играла военная музыка.

лаять ему поклонъ, и тотчасъ-же вскидывалъ еще выше голову, которую вовсе и не опускалъ. Однимъ словомъ, онъ себѣ позволялъ только вторую половину поклона, такъ что движеніе это выходило у него какимъ-то повелительнымъ приѣмомъ. Замѣчу еще, что говорилъ онъ очень мало и въ послѣдствіи не приходилось вспомнить ни одного слова, имъ сказаннаго ¹⁾.

Когда онъ ѣздилъ въ Потсдамъ, Фридрихъ велѣлъ для него произвести, въ его присутствіи, военные маневры, которые были выполнены отлично. Фельдмаршалъ Румянцевъ, ради кого въ особенности лопотали, чтобы эти маневры шли получше, казался отъ нихъ въ восторгѣ, и потомъ, желая выразить свои впечатлѣнія, сказалъ прусскимъ генераламъ:

— «Эти маневры превосходны; но мнѣ кажется, что они представляютъ подражаніе какому нибудь военному дѣлу древнихъ временъ; скажите мнѣ пожалуйста,—не Александра ли это Великаго, либо Аннибала, или Юлія Цесаря?»

Пруссаки крайне затруднились отвѣчать фельдмаршалу, не зная, какъ бы осторожнѣе и деликатнѣе объяснить ему, что маневры эти были точнымъ изображеніемъ двухъ большихъ побѣдъ самого Румянцева надъ турками во время послѣдней войны. Подражаніемъ этимъ сраженіямъ на маневрахъ Фридрихъ желалъ оказать столь-же лестное, какъ и тонкое вниманіе побѣдителю турокъ. Нечего и говорить, что это недоразумѣніе русскаго полководца вскорѣ сдѣлалось безцѣннымъ анекдотомъ для всѣхъ военныхъ пруссаковъ ²⁾.

¹⁾ Для сопоставленія, приведемъ тутъ-же небольшой отрывокъ изъ «Записокъ Людовика XVIII», гдѣ очерчена, также съ вѣрнѣйшей стороны, личность Павла, когда онъ путешествовалъ за границей, бывъ наследникомъ престола: « . . . Въ 1781 г. пожаловали къ намъ высокіе посѣтители: сынъ Екатерины II съ своей супругой. Они представились французскому двору подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ (du Nord). Этотъ принцъ, будущій императоръ Павелъ I, на кого въ послѣдствіи я имѣлъ столько поводовъ лично жаловаться, былъ замѣчательно дурень собою (d'une laideur remarquable), но имѣлъ довольно порядочныя манеры (ayant quelques formes polies) Его супруга, прекрасно-сложенная женщина, высокаго роста, нравилась своимъ благороднымъ и привлекательнымъ видомъ. Она тщательно таила пожирающее ее честолюбіе, зная, что Екатерина II никогда не простила бы въ ней присутствія этой страсти.—Намъ слѣдовало принять высокіхъ путешественниковъ подобающимъ образомъ, но я долженъ признаться, что подобныя посѣщенія весьма обременительны для тѣхъ, кто ими удостоивается. Однакожь, мы выполнили долгъ гостепрѣимства такъ, что царственные гости могли остаться довольны: они были приняты парижанами еще лучше, нежели императоръ германскій Іосифъ II». (Mémoires de Louis XVIII, Bruxelles, 1832. Т. 2). Д. Р.

²⁾ Если и вѣрить этому сомнительному анекдоту, то онъ невольно наводитъ на вопросъ: недоразумѣніемъ-ли, или-же ироніей вызваны переда-

Передъ отбытіемъ великаго князя во-своаи, Фридрихъ пріѣхалъ въ Берлинъ (изъ Потсдама) проститься съ нимъ; это было въ воскресный день; при дворѣ былъ большой ужинъ, на которомъ употреблялась золотая посуда. Было чрезвычайно жарко, а въ столовой залѣ набралось множество любопытныхъ, такъ что всѣ задыхались отъ духоты, и король распорядился удалить постороннихъ зрителей.

Фридрихъ, желая шегольнуть пышностію (*jouer la magnificence*) передъ наслѣдникомъ російскаго престола, не забылъ, въ то же время, своихъ правилъ строгой бережливости: онъ наиподробнѣйшимъ образомъ прослѣдилъ всѣ счета расходовъ, сдѣланныхъ или заказанныхъ генераломъ Лентулусомъ; нашелъ ихъ преувеличенными или недостаточно вѣрными, и, послѣ того, такъ неласково принялъ этого генерала, что тотъ вскорѣ рѣшился возвратиться въ свое отечество, въ Швейцарію.

Когда, въ ожиданіи великаго князя, оберъ-штальмейстеръ получилъ отъ короля повелѣніе исправить поскорѣе и получше старіе парадные экипажи и позолоченую упряжь Фридриха Перваго, то, составивъ смѣту расходамъ на эти поправки, доложилъ государю, что они обойдутся, по крайней мѣрѣ, въ десять тысячъ талеровъ. Монархъ отвѣчалъ ему:

— «Я знаю очень хорошо, что ваше превосходительство изволите быть щедры и великодушны; а я, перебываясь кое-какъ посредствомъ соблюденія экономіи, не на столько счастливъ, чтобы имѣть возможность слѣдовать вашему блестящему примѣру. Но что меня отчасти успокаиваетъ, такъ это полная увѣренность, что ваше превосходительство, въ добавокъ, отменно искусны и усердны къ дѣлу; а потому я и льщу себя надеждой, что вамъ благоудно будетъ произвести всѣ нужныя исправленія за шесть тысячъ. Вотъ все, что я могу на это отпустить. Такъ значить, рѣшено: шесть тысячъ. Ни копѣйки больше. Но чтобы все было хорошо и ни въ чемъ не было недостатка».

И вслѣдствіе этой насмѣшливой отвѣди, имѣвшей грозное значеніе строжайшаго приказанія, бѣдный оберъ-штальмейстеръ нашелъ

важныя здѣсь слова русскаго полководца. Вѣдь маневры, при самомъ отчетливомъ и картинномъ ихъ исполненіи, могли и не дать вѣрнаго изображенія румянцевскихъ побѣдъ. Невозможно допустить, чтобы умнѣйшій и даровитѣйшій изъ нашихъ генераловъ обличилъ въ этомъ случаѣ бессознательность въ своихъ дѣйствіяхъ и такую наивность, что даже не могъ догадаться въ чемъ дѣло. Скорѣе есть поводъ предположить, что онъ захотѣлъ тонкимъ образомъ дать почувствовать несходство копій съ оригиналомъ.

Д. Р.

средства сдѣлать почти за полцѣны всю работу, какая требовалась обстоятельствами.

.... Въ какомъ бы исключительномъ, особенномъ положеніи ни находился великій король, онъ никогда не дѣлалъ уступокъ въ усвоенныхъ имъ принципахъ и не отклонялся отъ нихъ ни на шагъ. Напротивъ, онъ какъ будто изысканно пользовался всякимъ обстоятельствомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, чтобы въ виду его заявить еще съ большею торжественностію, до какой степени онъ былъ несроденъ отступать отъ своихъ основныхъ правилъ. Такой образъ дѣйствій въ особенности примѣнялся къ его постоянной заботѣ поселить уваженіе къ законамъ, не только касающимся имущественныхъ правъ, но и относящимся къ полицейскому благоустройству.

Послѣ первой войны за Баварское наслѣдство, Франція и Россія условились, наконецъ, двинуть свои войска,—каждая держава по 50,000 человекъ,—противъ императора Іосифа II, если послѣдній не согласится на сдѣланныя ему предложенія. Пятьдесятъ тысячъ русскихъ расположились уже въ Польшѣ, въ готовности приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ скоро окажется нужнымъ. Эта армія должна была состоять подъ главнымъ начальствомъ князя Репнина, находившагося при королѣ прусскомъ, въ качествѣ уполномоченнаго на веденіе переговоровъ. Однакожь, князь Репнинъ не имѣлъ порученія завѣдывать всѣми подробностями военныхъ дѣйствій: они были возложены на подчиненнаго ему знаменитаго Суворова (Schuwaroff), котораго я видѣлъ вскорѣ послѣ того въ Берлинѣ много разъ, и изъ устъ котораго слышалъ однажды, бывши у посланника, князя Долгорукаго, слѣдующій разговоръ:

— «Какой необыкновенный человекъ,—говорилъ Суворовъ,—король вашъ! Ничто его не поколеблетъ и не преклонитъ. У меня было съ нимъ замѣчательное приключеніе, при чемъ онъ просто поразилъ меня. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, я получилъ отъ императрицы депеши для доставленія королю, о которыхъ зналъ, что онѣ весьма важны и безотлагательны. Мнѣ было приказано проѣхать этотъ путь какъ можно скорѣе, да и самый предметъ моей командировки достаточно побуждалъ меня не мѣшкать ни одной минуты. Легко понять, сколько мнѣ пришлось вытерпѣть отъ медлительности почтарей въ прусскихъ владѣніяхъ. Я имъ щедро давалъ деньги и постоянно твердилъ, какъ необходимо мнѣ ѣхать скорѣе, — и что же? Я не могъ ровно ничего добиться, точно толковалъ автоматамъ. Эта бѣда дошла до послѣдней крайности, когда я проѣзжалъ Померанію, и именно въ то время,

когда все терпѣніе мое истощилось. Въ такомъ-то былъ я положеніи, какъ попался мнѣ почтарь, еще мѣшкотивѣ прочихъ; напрасно я его уговаривалъ, сулилъ ему дать побольше на водку, наконецъ, сердился и грозилъ: онъ еще пуще дѣлалъ проволочку, закуривая свою трубочку и поминутно давая отдыхать лошадямъ, да вдобавокъ сталъ и грубить. Тутъ, вышедъ изъ себя окончательно, я влѣпилъ ему тростью съ полдюжины плотныхъ ударовъ, съ обѣщаніемъ наддачи, если онъ не поѣдетъ шибче. Это средство помогло, и возница мой прибавилъ шагу, но, пріѣхавъ на слѣдующую станцію, онъ подалъ жалобу мѣстнымъ судьямъ (magistrats), которые пришли ко мнѣ, съ объявленіемъ, что, на основаніи законовъ, они обязаны меня задержать до окончанія производства дѣла, начатаго по иску этого просителя; законы-же государства безусловно воспрещаютъ проѣзжающимъ, подѣ страхомъ тяжкихъ взысканій, бить почтарей, на которыхъ дано только право жаловаться мѣстному суду. Я замѣтилъ господамъ судьямъ, что если они меня остановятъ, то будутъ отвѣтственны за гибельныя послѣдствія моея задержки. Я показалъ имъ вѣренныя мнѣ депеши, подѣ императорскою печатью, на имя ихъ государя; кромѣ того, они увидали на мнѣ орденъ: все это на нихъ подѣйствовало и они пустили меня ѣхать далѣе.

«Не трудно было предвидѣть, что они непременно донесутъ королю обо всемъ дѣлѣ, а такъ какъ мнѣ приходилось опередить посылку ихъ донесенія, то я рѣшился воспользоваться этимъ преимуществомъ, чтобы поскорѣй самому рассказать о моемъ приключеніи Фридриху, при первомъ же съ нимъ свиданіи. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Бреславль, я былъ позванъ къ нему и принять какъ нельзя лучше. Самая благосклонная и привѣтливая фізіономія, величайшая вѣжливость, выраженія лестнаго вниманія и удовольствія видѣть меня,—вотъ что встрѣтило и ободрило меня сначала. При вопросѣ: «благополучно ли вы ѣхали?» (*Avez-vous fait un heureux voyage?*), я рассказалъ ему, вкратцѣ, какимъ образомъ почтари,—особенно въ Помераніи,—выводили меня изъ всякаго терпѣнія, и какъ грубость одного изъ нихъ довела меня до крайности ударить его,—чѣмъ, однакожь, сдѣлана ему больше острастка, нежели нанесена боль; далѣе рассказалъ я, какъ мѣстные судьи на слѣдующей станціи, удостоившись въ моей необходимости снѣжно ѣхать, чтобы своевременно явиться для принятія и исполненія повелѣній его величества короля, рѣшились не препятствовать продолженію моего пути... Съ первыхъ же словъ моего рассказа, я увидѣлъ передъ собой совершенно иного человѣка; никогда въ театрѣ сигнальный свистокъ не производитъ такой быстрой и противоположной перемены декораціи.

Этотъ человѣкъ преобразился мгновенно въ серьезно-внимательнаго, холоднаго и строгаго слушателя; онъ неподвижно и безмолвно выслушалъ меня до конца, и, когда я кончилъ, онъ ледянымъ тономъ произнесъ только эти немногія слова: «господинъ генералъ, вы весьма счастливо отдѣлались» (*Monsieur le général, vous avez été fort heureux*). И затѣмъ онъ успѣшилъ заговорить о другомъ, причесъ, мало по малу, вновь принявъ на себя прежній видъ пріятнаго собесѣдника. Скажу вамъ, господа, что никогда не понялъ я такъ хорошо, какъ въ этомъ случаѣ, что значить и чѣмъ долженъ быть государь, достойный управлять народами, всегда проникнутый сознаниемъ своихъ обязанностей и неуклонный въ поддержкѣ общественнаго порядка и законовъ. Пусть почти въ его странѣ устроены въ самомъ дѣлѣ неудобно для путешественниковъ,—а всетаки, въ ожиданіи, пока не послѣдуетъ правильнаго измѣненія ихъ къ лучшему законодательнымъ путемъ,—дотоле онъ обязанъ не оставлять установленнымъ покровительствомъ своихъ почтарей, такъ какъ отнюдь не въ нихъ лично кроется причина зла. Преобразовывайте, улучшайте ваши учрежденія, если это нужно и возможно для васъ; но, до тѣхъ поръ, умѣйте заставить чтить дѣйствующіе законы. Затѣмъ, не могу уже сказать, что онъ отвѣчалъ своимъ судьямъ, потому что я болѣе не слышалъ объ этомъ дѣлѣ».

Суворову казалось тогда (около 1779 г.) лѣтъ сорокъ съ небольшимъ¹⁾. Это былъ маленькій человѣчекъ, довольно крѣпкій, сухощавый, но не тощій, вѣчно подвижной и юркій. На моемъ вѣку я никого не видывалъ, кто былъ бы такъ стремителенъ, какъ онъ (*rapide*), во взглядахъ, словахъ и движеніяхъ. Казалось, онъ ощущалъ потребность дѣлать одновременно тысячу дѣлъ, переносясь, какъ молнія, отъ предмета къ предмету, или отъ одной мысли къ другой. Мнѣ иногда сдавалось, что я гляжу на помѣшаннаго, да и сами русскіе сознавали, вмѣстѣ со мной, что, по крайней мѣрѣ, онъ слишкомъ страненъ, хотя, впрочемъ, всѣ они, вообще, твердо стояли на убѣжденіи, что это одинъ изъ храбрѣйшихъ и искуснѣйшихъ полководцевъ въ мірѣ. Въ послѣдствіи, я не былъ удивленъ съ его стороны ни повѣшеніемъ двѣнадцати тысячъ поляковъ (!!!) за мужественное противодѣйствіе раздѣлу Польши (?!!!), ни оригинальною и доблестною ролью, какую игралъ онъ въ Италіи и Швейцаріи, сражаясь съ французами за австрійцевъ, противъ которыхъ такъ охотно готовился къ бою, за-одно съ французами, двадцать лѣтъ тому назадъ.

¹⁾ Суворовъ родился въ 1729 г., слѣдовательно, въ 1779 г. имѣлъ ровно 50 лѣтъ отъ роду. Д. Р.

V.

Воспоминанія о нѣкоторыхъ событіяхъ Семилѣтней войны. — Принцъ Генрихъ прусскій. — Его двукратное путешествіе въ Петербургъ. — Политическіе его виды. — Дипломатія прусскаго кабинета при Фридрихѣ II. — Неожиданность раздѣла Польши. — Выпускъ фальшивой монеты изъ Пруссіи и принятія по этому случаю мѣры Екатериною II. — Королева шведская Ульрика. — Ея воспоминанія о дѣйствіяхъ русскаго посланника. — Принцъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, воюющій русскою армію.

Въ Семилѣтнюю войну, русскіе, овладѣвъ Пруссіею, внесли туда всѣ опустошительныя бѣдствія войны: и необычайныя поборы, и грабежи, и пожары; страна подверглась жестокому разворенію и дикому произволу. Фридрихъ имѣлъ съ непріателемъ много битвъ, страшно кровопролитныхъ, и въ одной изъ нихъ ¹⁾ взялъ въ плѣнъ нѣсколько значительнѣйшихъ генераловъ, въ томъ числѣ и Григорія Чернышева, бывшаго въ послѣдствіи военнымъ министромъ ²⁾. Вечеромъ плѣнниковъ представили королю, съ слѣдующимъ докладомъ: «гг. русскіе генералы». Тогда Фридрихъ, взглянувъ на нихъ съ негодованіемъ, сказалъ: «Русскіе генералы? Скажите лучше—варвары-зажигатели!» И съ этими словами повернулся къ нимъ спиной.

Нѣсколько лѣтъ спустя, тѣ же самые генералы, возвращенные при раздѣлѣ плѣнныхъ, находились во главѣ русской арміи, когда воцарился Петръ III. По смерти этого государя, Екатерина II послала своимъ войскамъ приказъ возвратиться въ Россію и принять нейтральное положеніе. Тутъ у Фридриха было свиданіе съ тѣми военачальниками, съ которыми прежде онъ обошелся такъ дурно. Теперь онъ бесѣдовалъ съ ними цѣлый часъ, безъ шляпы, съ непокрытой головою на солнечномъ жару, и въ этомъ разговорѣ, всевозможными любезностями, просьбами, обѣщаніями и, безъ сомнѣнія, убѣдительно-вѣскими доводами, добился отъ нихъ, чтобы они подержали въ тайнѣ до завтрашняго дня полученный ими приказъ о возвращеніи въ свои предѣлы. Тогда онъ вступилъ въ сраженіе съ австрійцами,

¹⁾ Битва при Цорндорфѣ, 14-го августа 1759 г. Русскими командовалъ графъ Виллимъ Виллимовичъ Ферморъ, въ послѣдствіи служившій губернаторомъ въ Смоленскѣ, съ 1763 по 1770 г. Умеръ въ 1771 г.

²⁾ Не Григорія, а Захара Григорьевича Чернышева, тогда генераль-поручика, а въ послѣдствіи фельдмаршала (род. 1772, ум. 1784 г.). Вмѣстѣ съ нимъ попали въ плѣнъ генералы: Салтыковъ, Мантейфель, Сулковскій и бригадиры: Тизенгаузенъ и Северсъ. См. «Записки Болотова», изданія «Русскою Старшой», т. I, стр. 790—792.

сосредоточивъ противъ нихъ всѣ свои силы и обезпечившись тѣмъ, что лѣвый его флангъ былъ прикрытъ русскою арміею, которая собственно не участвовала въ сраженіи, но стояла въ боевомъ порядкѣ. Австрійцы же, ничего не зная о полученномъ изъ Петербурга распоряженіи и опасаясь всего со стороны русскихъ, готовыхъ къ дѣлу, не смѣли въ виду ихъ предпринять никакихъ наступательныхъ движеній, вслѣдствіе чего были разбиты королемъ, который одержалъ надъ ними полную побѣду, — выигранную благодаря невѣдѣнію побѣденныхъ, вѣроломству свидѣтелей боя, удалившихся только на другой день, и ловкой изворотливости побѣдителя. За то генераль Григорій (Захаръ?) Чернышевъ, этотъ варваръ-зажигатель, получилъ въ даръ отъ его величества великолѣпную шпагу, украшенную брилліантами, которую онъ свято хранилъ всю свою жизнь. Русскіе военачальники не подпали въ Петербургѣ обвиненію въ ослушаніи, потому что Екатерина II, прочитавъ переписку Фридриха съ Петромъ III¹⁾, совершенно разувѣрилась на счетъ перваго: она думала прежде, что король прусскій относился, по крайней мѣрѣ, безучастно къ поступкамъ, какіе она испытывала или могла ожидать отъ своего мужа; но прочитанныя ею письма доказали, что, напротивъ, король не пропускалъ ни одного случая смягчать и успокаивать Петра, своего восторженнаго почитателя, и всегда отзывался о ней какъ нельзя лучше. Этой-то умѣренности Фридриха и мудрой его прозорливости слѣдуетъ приписать нейтралитетъ, принятый Екатериною почти вслѣдъ за выказанными-было ею намѣреніями возобновить враждебную политику императрицы Елисаветы относительно Пруссіи.

Когда въ продолженіе Семилѣтней войны русскіе вступили въ Берлинъ, то эти «зажигатели» (какъ называлъ ихъ Фридрихъ II) выказали въ себѣ гораздо болѣе дисциплины, умѣренности и мѣтѣ варварства, чѣмъ австрійцы. Очень многимъ семействамъ, — въ особенности по рекомендаціи знаменитаго Эйлера²⁾, — дана была охранная стража; сборы вѣдывались въ возможно-ограниченномъ размѣрѣ; общественныя сооруженія и памятники оставлены неприкосновенными. Былъ даже случай, что за какую-то недобросовѣстную продѣлку

¹⁾ Эта чрезвычайно интересная переписка впервые обнародована въ «Руской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ III.

²⁾ Леонгардъ Эйлеръ, славный математикъ, членъ академій наукъ: парижской, лондонской, берлинской и петербургской. Онъ прожилъ въ Берлинѣ двадцать пять лѣтъ, а потомъ переселился въ Петербургъ, гдѣ потерялъ зрѣніе, и умеръ на 77-мъ году отъ роду. Родился въ Базелѣ въ 1707 г., ум. въ 1783 году.
Д. Р.

(grüppen) русское начальство распорядилось подвергнуть полковаго священника или попа тѣлесному наказанію, публично, причемъ завѣдывавшій экзекуціею генералъ почтительно поцѣловалъ ему руку передъ началомъ и по окончаніи экзекуціи.

Принцъ Генрихъ, второй братъ Фридриха II ¹⁾, два раза ѣздилъ въ Петербургъ ²⁾, по важнымъ и весьма-секретнымъ тогда политическимъ видамъ: Пруссія желала приобрести себѣ шведскую Померанію (за которую предоставляла равный участокъ въ Финляндіи) и Мекленбургъ, за Вестфалію и Гельдернъ; кромѣ того, хотѣла обмѣна: Лузацию на Аншпахъ и Барейтъ, небольшой части Богеміи, чтѣ съ правой стороны р. Эльбы, на часть Польши и, наконецъ, домогалась городовъ Данцига, Торна и Эльбинга съ ихъ территоріей.

Есть основаніе заключить, что первый раздѣлъ Польши былъ предложенъ принцемъ Генрихомъ; но онъ отнюдь не хотѣлъ окончательнаго ея уничтоженія и открыто порицалъ второй и даже послѣдній раздѣлъ этого королевства.

..... Политическія соображенія, возбуждавшія его противъ всеобщаго раздробленія Польши, внушали ему особенный планъ; онъ рассчитывалъ, что возможно было бы поставить это государство въ положеніе надежнаго передоваго оплота противъ Россіи, Австріи и Турціи, въ случаѣ надобности, и видѣлъ въ Польшѣ весьма полезнаго союзника для Пруссіи, Швеціи и Давіи. Таковы были тайныя причины, по которымъ онъ никогда не могъ простить, во первыхъ,—своему брату Фридриху II противодѣйствія къ возведенію его, Генриха, на польскій престолъ; а во вторыхъ,—племяннику своему, королю Фридриху-Вильгельму II, послѣдняго раздѣла Польши.

..... Изъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, берлинскій, при Фридрихѣ II, отличался скрытностью, бдительною внимательностью къ ходу дѣлъ, предусмотрительностью и ловкостью. Спокойный съ виду, король былъ, въ сущности, неустанно-дѣятеленъ; непроницаемый для

¹⁾ Фридрихъ-Генрихъ-Людвигъ, принцъ прусскій, род. въ 1726 г. умеръ въ 1802 г. Онъ былъ изъ лучшихъ боевыхъ сподвижниковъ своего геніальнаго брата, но личныя между тѣмъ и другія отношенія не отличались особенною короткостью. Генрихъ былъ притязательно-самолюбивъ, упрямецъ и чрезвычайно непривлекателенъ наружною. Впрочемъ, авторъ этихъ воспоминаній, пользовавшійся его вниманіемъ, постоянно отзывался о немъ въ хвалебномъ смыслѣ.

²⁾ Съ октября 1770 г. по январь 1771 г., и съ половиною апрѣля по іюль 1776 года.

другихъ, онъ умѣлъ разгадывать всѣхъ. Не смотря на общераспространившееся мнѣніе о крайней тонкости Фридриха, а слѣдовательно, и о необходимости относиться недовѣрчиво къ его замысламъ,—ему всегда удавалось застигнуть врасплохъ другихъ. Отчасти можно судить о томъ по первому раздѣлу Польши. Фридрихъ началъ съ того, что распустилъ слухъ, будто бы тамъ появилась чума и что, для огражденія Пруссіи отъ заразы, границы должны быть оцѣплены военнымъ кордономъ. Эта выдумка обманула рѣшительно всѣхъ,—по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ, гдѣ всѣ горожане запасались укусомъ четырехъ разбойниковъ. Удивленіе было всеобщее, когда мнимый кордонъ оказался арміею, которая, въ двухдневный переходъ, заняла области, долженствовавшія отойти на долю Пруссіи. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Людовикъ-де-Роганъ ¹⁾, писалъ своему двору, что этотъ раздѣлъ Польши просто небывальщина; герцогъ д'Эгиллонъ (duc d'Aiguillon), министръ иностранныхъ дѣлъ въ Версали, утверждалъ то же самое пока, наконецъ, раздѣлъ не осуществился фактически, очевидно для всѣхъ, съ объявленіемъ о томъ самому версальскому кабинету.

Интересно одно обстоятельство: Фридрихъ II, имѣя постоянно карту Польши передъ глазами когда онъ соображалъ ея раздѣлъ между тремя державами, оставилъ по смерти своей эту карту разложенною на томъ-же столѣ, въ собственной библиотекѣ. На ней были проведены линіи перомъ и карандашомъ, для обозначенія границъ, какъ уже опредѣлившись при раздѣлѣ, такъ, по видимому, и вновь предполагаемыхъ. Этотъ раскрытый атласъ намекалъ на задуманный проектъ новаго передѣла, или показывалъ, что дѣло признаю совсѣмъ поконченнымъ: можно думать двояко. Какъ бы ни было, а это обстоятельство и множество подобныхъ обнаруживаютъ, что Фридрихъ мало заботился о мнѣніи общественномъ относительно совершившихся событій.

Въ царствованіе Фридриха II были случаи выпуска фальшивой монеты, и одинъ изъ нихъ произошелъ уже въ мирное время, долго спустя послѣ Семилѣтней войны. Эта поддѣлка монеты, въ мнѣніи публики, слыла дѣломъ самого короля, т. е. послѣдствіемъ его распорядженія. Я не берусь утверждать чего навѣрно не знаю, а только расскажу о происшедшемъ и о толкахъ по этому поводу... Въ дѣлѣ, о которомъ говорю, главнымъ агентомъ является нѣкто Гальсеръ

¹⁾ Rohan-Guémené (Louis-René-Edouard), кардиналъ, — тотъ самый, который извѣстенъ несчастнымъ дѣломъ объ ожерельѣ, купленномъ, будто-бы, для королевы Маріи-Антуанеты. Род. 1734 г., ум. въ 1802 г. Д. Р.

(Galsler), одинъ изъ старшихъ секретарей собственной канцелярш короля

Передъ первымъ раздѣломъ Польши, Гальсеръ заказалъ тайно сдѣлать миллионъ на пятнадцать дукатовъ, съ примѣсью недоброкачественной лигатуры на цѣлую треть вѣса. Сбытъ выдѣланной такимъ образомъ монеты былъ порученъ сыну извѣстнаго мастера по этой части, еврею Еффраиму, который отправился въ Польшу, окруживъ себя щегольской обстановкой, подъ именемъ совѣтника Симониса (le conseiller de Simonis). Тамъ онъ дѣлалъ громадныя закупки зерноваго хлѣба, драгоценныхъ камней, золота и серебра,— все на наличныя деньги, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣлъ спустить привезенныя съ собой миллионы ¹⁾. Поляки скоро убѣдились, что обмануты на третью часть цѣнности всѣхъ полученныхъ ими платежей, и, въ свою очередь, рѣшились такимъ же способомъ сбыть поддѣльную монету далѣе, къ своимъ сосѣдямъ, русскимъ, расплачиваясь ею за купленные у нихъ товары. Къ несчастію, въ Россіи скоро открыли поддѣлку, возбудившую громкія жалобы обманутыхъ. Жалобы эти дошли до Екатерины II; она велѣла дознать дѣло и безъ труда добралась до первоначальнаго виновника всей операціи,— совѣтника Симониса; послѣднее обстоятельство навело ее на слѣдъ, давъ возможность догадаться, чьимъ именно орудіемъ былъ этотъ господинъ. Тогда императрица распорядилась объявить своимъ подданнымъ, что имѣющіеся у нихъ поддѣльныя дукаты будутъ принимаемы въ казенныхъ кассахъ, съ размѣномъ на настоящіе, а Фридриху сообщила обо всемъ этомъ, потребовавъ, чтобы его прусское величество, подъ опасеніемъ весьма серьезныхъ послѣдствій, соблаговолилъ взять назадъ всѣ фальшивыя деньги прусскаго издѣлія, попавшія въ Россію, и размѣнять на монету, употребительную въ торговлѣ. Я не долженъ умолчать передъ читателями, что всѣ вышеизложенныя и нижеслѣдующіе факты переданы мнѣ и засвидѣтельствованы друзьями и покровителями г. Гальсера, а потому, съ ихъ же словъ, скажу еще, что Фридрихъ, получивъ депешу отъ Екатерины II, позвалъ къ себѣ Гальсера и сказалъ ему:

— «Вы сдѣлали очень неудачное дѣло по фабрикаціи дукатовъ; по-

¹⁾ Дѣйствительно, великій Фридрихъ не погнашался ремесломъ дѣлателя фальшивой монеты и, въ ноябрѣ 1771 г., выпустилъ порядочное количество ея въ Польшу (два миллиона флоринъ) черезъ евреевъ, съ цѣлію найти въ этой операціи способъ къ дешевому содержанію своихъ войскъ, введенныхъ туда предъ первымъ раздѣломъ (см. депешу Сальдерна, въ «Исторіи паденія Польши» соч. С. М. Соловьева, стр. 139).

смотрите что пишетъ ко мнѣ о томъ русская императрица. Можете быть увѣрены, что я не навлеку на себя войны изъ-за этой исторіи. И такъ, я приму дукаты, которые мнѣ возвратятъ, по нарицательной ихъ стоимости. Но, сверхъ того, мнѣ остается увѣрить императрицу, что самъ я тутъ ровно не при чемъ; а для этого у меня нѣтъ иного средства, какъ объявить, что фальшивыя деньги вы смастерили безъ моего вѣдома и что за это вы будете мною наказаны, заключеніемъ въ крѣпость Шпандау».

Говорятъ, выслушавъ такое предложеніе, Гальсеръ не согласился быть опозореннымъ, но его величество прогнѣвался, далъ ему сапогами нѣсколько пинковъ по ногамъ и велѣлъ тотчасъ же засадить его въ крѣпость. Замѣчательно при томъ, что король тутъ же отдалъ строжайшія приказанія о принятіи охранительныхъ мѣръ для сбереженія въ цѣлости имущества бывшаго своего секретаря: его дома, мебели, а въ особенности шестерки великолѣпнѣйшихъ лошадей, считавшихся лучшими во всемъ государствѣ и превосходившихъ лошадей самого короля. Года чрезъ полтора, Гальсеръ былъ выпущенъ изъ крѣпости; ему возвратили все, что ему принадлежало, и назначили мѣстомъ пребыванія одну деревню вблизи Мекленбурга,—можетъ быть, ту, гдѣ онъ родился, но, по крайней мѣрѣ, ту самую, гдѣ жилъ его братъ, въ званіи пастора... По смерти Фридриха, Гальсеръ получилъ болѣе свободы и, кажется, былъ даже употребляемъ по секретнымъ правительственнымъ порученіямъ.

Сестра Фридриха II, вдовствующая королева шведская Ульрика, простила въ Берлинѣ мѣсяцевъ девять. Я часто удостоивался быть въ числѣ приглашаемыхъ ею особъ.

Однажды она рассказывала мнѣ про всѣ интриги иностранныхъ посланниковъ въ Стокгольмѣ во время ея царствованія,—въ особенности же посланниковъ англійскаго и русскаго. Интриги эти затѣяны были съ цѣлю поселить внутри Швеціи разладъ, рознь и смуту для ослабленія государства. Не то обстоятельство раздражало королеву Ульрику, что дипломаты домогались всячески вредить: они ужъ для этого и были присланы (говорила мнѣ она),—стало быть, такой образъ дѣйствій входилъ въ ихъ обязанность; но, по мнѣнію королевы, пуще всего заслуживалъ негодованія выборъ средствъ, какія они употребляли, особенно представитель Россіи. Англійскій посланникъ всетаки еще соблюдалъ нѣкоторую благопристойность въ своихъ дѣйствіяхъ; правда, онъ пускалъ въ ходъ клеветы собствен-

наго или чужаго изобрѣтенія, но, по крайней мѣрѣ, чтить принятая формы, обычаи и тонъ общества, тогда какъ посланникъ русскій не зналъ въ этомъ случаѣ никакихъ для себя предѣловъ и не стѣснялся ни приличіемъ, ни стыдомъ: онъ сѣялъ свои козни даже въ самыхъ низшихъ слояхъ черни, распространялъ въ этой средѣ вопіющія нечѣстности и самъ обѣгалъ грязнѣйшія харчевни, чтобы распускать тамъ мерзостныя слухи и толки, совершенно ложныя и неправдоподобныя. Могу положительно сказать, что королева Ульрика питала отъявленную ненависть къ этому русскому дипломату, имя котораго я забылъ, но знаю, что онъ находился очень долго въ Швеціи, прежде чѣмъ королева пріѣхала въ Берлинъ ¹⁾.

Племянникъ короля по матери, принцъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, попавшій въ немилость Фридриха ²⁾, тяготившійся гарнизонной службой въ провинціи, искалъ удобнаго случая выйти изъ этого положенія. Такой случай представился, когда возникла новая война между Россіей и Турціей. Онъ ходатайствовалъ о дозволеніи служить волонтеромъ подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцева, на что и получилъ разрѣшеніе.

. Въ двухъ большихъ битвахъ, гдѣ Румянцевъ нанесъ

¹⁾ Королева Ульрика, супруга короля шведскаго Адольфа-Фридриха, царствовавшего съ 1751 по 1771 г., особенно памятна учрежденіемъ въ Стокгольмѣ академіи изящной словесности, въ 1753 году. Внутреннее раздѣленіе въ Швеціи, о которомъ здѣсь приведенъ рассказъ этой королевы, явилось послѣдствіемъ борьбы двухъ политическихъ партій, извѣстныхъ въ исторіи подъ названіемъ яггилъ и шапокъ. Обѣ были подъ сильнымъ вліяніемъ представителей иностранныхъ державъ. Первая партія, аристократическая, пользовалась поддержкой Россіи, а вторая, королевская, — Франціи. Крамолы этихъ партій повергли Швецію почти въ состояніе анархіи, прекращенной государственнымъ переворотомъ, который произведенъ былъ королемъ Густавомъ III въ 1772 году.

Русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Адольфѣ-Фридрихѣ и его преемникѣ былъ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, съ 1760 г. по 1774 г., послѣ чего получилъ званіе вице-канцлера. Онъ род. 1723 г., ум. 18-го апрѣля 1811 года, на 89-мъ г., сенаторомъ, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Имѣлъ ордена: Александровскій, Андреевскій и Владимірскій (1-й степени).

²⁾ Онъ и братъ его, принцъ Фридрихъ-Августъ, были сыновья сестры Фридриха, герцогини Брауншвейгской, и состояли въ военной службѣ. На ихъ родной сестрѣ женился наслѣдникъ прусскій, племянникъ короля, Фридрихъ Вильгельмъ; но этотъ бракъ не былъ счастливъ и расторгнутъ по требованію мужа. Принцъ Вильгельмъ за сестру свою безвинно навлекъ на себя неудовольствіе Фридриха II, чѣмъ былъ сильно потрясенъ. Д. Р.

туркамъ рѣшительное поражение ¹⁾, принцъ Вильгельмъ изъ первыхъ стремился въ самый пылъ боя, въ головѣ передовой колонны русскихъ гренадеровъ. Ежеминутно подвергаясь опасности быть убитымъ, онъ даже не былъ раненъ. Въ эти долгіе и трудные два дня онъ покрылъ себя блескомъ славы, но не радовался и даже какъ будто тяготился ею. Душевная его тоска не разсѣялась, а усталость даже увеличила ее, истощеніемъ силъ. Черезъ два дня послѣ второго изъ этихъ сраженій, у него сдѣлалось воспаление, которое произвело смертельную жабу (*une esquinance violente*), быстро уложившую его въ гробъ, не смотря на всѣ врачебныя пособія Фридрихъ II выразилъ глубокое сожалѣніе о безвременной кончинѣ этого доблестнаго и даровитаго принца.

Перев. и сообщ. вѣ. 1874 г. Д. Д. Рябининъ.

Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Конечно, при Ларгѣ и Кагулѣ, 8-го и 21-го іюля 1770 г. Д. Р.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... ..ВА

IV ¹⁾.

Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.

1819 г.

Въ концѣ 1817 года, приказъ главнаго командира Кронштадта вызвалъ лейтенанта и двухъ мичмановъ, желающихъ служить въ Охотскѣ. Что касается меня, я обдумалъ и рѣшилъ: въ Кронштадтѣ очень нехорошо, такъ много офицеровъ, чтобы попасть въ походъ, надобна протекція. Содержаніе слишкомъ бѣдно, жить едва можно. Можетъ быть, и въ Охотскѣ нехорошо; если я не найду тамъ лучшаго, то увижу новое—всетаки выигрываю! Эта посылка глубокаго и мудраго размышленія рѣшила: ѣду!

Узнаю, объявили желаніе до сорока человѣкъ! трудно надѣяться на счастье. У меня былъ дядя Бунинъ; тогда онъ былъ знаменитость во флотѣ, онъ всю службу былъ адъютантомъ адмирала Ханыкова и былъ дорогимъ другомъ—всего флота. О немъ современемъ расскажу, а теперь упомяну, что онъ единственный учредитель клуба въ Кронштадтѣ; клубъ, празднуя день своего учрежденія, и до сего времени не забываетъ выпить за здоровье Ивана Петровича Бунина. Жизнь въ Кронштадтѣ такъ была нехороша, что еслибъ была экспедиція въ адъ, то много бы нашлось охотниковъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 98—117.

Я обратился къ дядѣ, прося его содѣйствія. Оказались избранниками: я, товарищъ мой по выпуску Повалишинъ и лейтенантъ Вороновъ. Съ нами отправлялись 25 человекъ матросъ—тоже охотниковъ, да два пожилые штурмана—классическіе пьяницы.

Получа полугодное жалованье и прогоны, въ началѣ лѣта пустились мы въ неизвѣстную тогда страну. Не было ни одного служащаго, возвратившагося изъ Охотска. Охотскъ, Камчатка—тогда были настоящія terra incognita. Для экономіи, мы купили большую повозку и умѣстились трое.

Описать наше долгое путешествіе—пришлось бы описать Россію 60 лѣтъ назадъ, но съ этимъ не совладать мнѣ; взгляды, понятія юноши-моряка не были подготовлены въ тому. Могу сказать, что насъ вездѣ ласкали, по городамъ отлично кормили, чуть получше городъ—танцы, вездѣ упрашивали погостить. Не разъ я слышалъ на вечерахъ, какъ старухи говорили: «какіе молоденькіе, а за что-то ѣдутъ въ далекую ссылку». По три матроса ѣхали на подводѣ въ одну лошадь, а крестьяне давали каждому по парѣ и благодарили, если матросы сами правятъ: пора была рабочая. Крестьяне, узнавъ въ какую далекую сторону ѣдемъ, отказывались отъ прогонныхъ, кормили возможно лучшимъ образомъ и не припомню, чтобы хотя разъ согласились взять деньги; говорили: «такой далекій путь, вамъ, голубчики, придется нужду терпѣть; Христосъ съ вами, помощи вамъ Богъ, мы дома въ теплѣ». Кланялись, провожая, бабы совали матросамъ лепешки, яйца, дарили полотенца, на рубашку. Добра и ласкова тогда была Россія!

Пріѣхали мы въ Омскъ. Знаю, теперь тамъ пребываніе генераль-губернатора Западной Сибири, но таковъ ли Омскъ теперь—не знаю; расскажу каковъ онъ былъ тогда.

На рѣкѣ Омѣ и Иртышѣ, на краю киргизскихъ степей, была крѣпость съ очень высокимъ землянымъ валомъ: это и былъ Омскъ. Въ крѣпости сосредоточивались всѣ управленія корпусной квартиры, всего сибирскаго войска; тутъ жилъ и корпусный командиръ Глазенапъ, который передъ нашимъ пріѣздомъ умеръ; его скромный домъ и былъ нашею квартирою. Комендантомъ былъ полковникъ Ивановъ; онъ и его семейство, можно сказать, были единственные вполнѣ цивилизованные люди по петербургски. Полковникъ Ивановъ всю свою службу былъ адъютантомъ при генераль-губернаторахъ; онъ и семейство его были ласковы, при-

вѣтлывы; въ первый же день, я сталъ другомъ его и его семьи. Въмѣсто Глазенапа, управлялъ корпусомъ генералъ баронъ Клодъ фонъ-Югенсбургъ, уже пожилой, добрый, но страшный флегматикъ; я ему понравился, онъ самъ повелъ меня знакомить съ знаменитостями: генералъ-аудиторомъ, интендантомъ и проч.; онъ вводилъ меня даже въ комнаты дѣвицъ-дочерей. Каково же было мое удивленіе, когда я увидаль, что всѣ комнаты дѣвицъ окнами на высоко огороженный дворъ; въ окнахъ толстыя желѣзныя рѣшетки, въ комнату одна только дверь изъ спальни родителей— вотъ настоящая Азія! Баронъ, вводя меня въ дѣвицамъ, надѣвалъ на глаза отломокъ желѣзки съ дырочкою—это, видите ли, былъ самъ амуръ! Въ первый же день, милый комендантъ жаловался, что въ крѣпости частые поджоги. Я спросилъ его, ѣздитъ ли онъ по варуламъ? Онъ пренаивно спросилъ: «за чѣмъ это?» Я объяснилъ ему, что онъ можетъ попасть подъ судъ. Оказалось, что онъ не понималъ даже слова «рундъ». Я былъ мудрецомъ передъ нимъ. Совѣтовалъ ѣздить, объяснилъ порядки; онъ упросилъ меня поѣхать съ нимъ. Часовыхъ вездѣ много, но все дремлетъ, оставивъ ружье, и что же? мы нашли горѣвшую головешку очень недалеко отъ пороховаго магазина. Хотя опасности быть не могло и можно думать, что головешка была куда-то несена и брошена—заслышавъ шумъ. Комендантъ обнималъ и благодарилъ меня. Учредили патрули и поджоги прекратились. Такая патріархальность службы не могла не остаться у меня въ памяти. Форштадтъ при крѣпости былъ большой, тамъ жилъ атаманъ линейныхъ казаковъ Броневскій. На другой же день, онъ пригласилъ насъ на балъ. Молодыхъ дамъ и барышень было много, но кавалеровъ танцующихъ мало. Казацкихъ офицеровъ было много и на подборъ красавцы, стройные молодцы, любаго въ натурщики скульптору; комендантъ мнѣ сказалъ, что всѣ они хорошаго поведенія, но малограмотны и для общества не годятся; ихъ дѣлаютъ офицерами для красоты фронта. Я видѣлъ фронтъ казаковъ—это богатыри и красивы, что за люди, что за кони! Танцовали только экосезъ, да кругъ съ шеномъ и крестомъ. Въ первый же балъ, мы стали львами, научили матрадуръ, тампедъ, кадрили съ вальсомъ и даже котильонъ. Начались балъ за баломъ каждый день. Мы ввели, что мужчины не садятся ужинать, а ходятъ, занимая и служа дамамъ. Хорошенькихъ замѣчательно много. дамъ и дѣвицъ, молодых, скоро

знакомятся. Хорошенькая барышня, развитѣе другихъ, особенно мнѣ нравилась; я уговорилъ ее сѣсть близко музыкантовъ и напѣвалъ ей, стоя за стуломъ. Она испуганно говорить: «отойдите, маменька грозитъ». Старуха, сухая, длинная, съ другаго конца стола, грозитъ сердито предлиннымъ пальцемъ. Я бросился къ старухѣ и притворился увѣреннымъ, что она звала меня пальцемъ. Старуха, чиновная, сконфузилась, увѣряла, что это она—Глафирѣ, но болѣе не грозила. Вотъ какая была Азія въ Омскѣ. Насъ просто не отпускали, насъ ласкали, матросъ кормили; но всему бываетъ конецъ; поѣхали, провожали насъ чуть ни всѣ. Верстахъ въ трехъ, спускаясь въ оврагъ, лошади понесли, повозка наша опрокинулась, мы разлетѣлись; но матросъ, сидѣвшій на возлахъ, оказался со сломанной ключицей. Судьба вернула насъ въ Омскъ. Опять праздники.—Не помню чрезъ сколько дней, ночью, бѣжалъ я отъ гнавшихся за мною двухъ солдатъ съ ружьями и кто-то кричалъ: «убей его, я отвѣчаю!» Бѣгать я не имѣлъ себѣ равнаго, солдатъ я не могъ бояться, я былъ переодѣтъ, меня не узнали; выбѣжалъ я на валъ и забавлялся надъ запыхавшимися солдатами, но пришлось плохо мнѣ: неожиданно на валу, изъ будки, вышелъ часовой навстрѣчу. Въ такомъ критическомъ положеніи, я рѣшился соскочить съ вала. Правда, въ корпусѣ, за булеу, я много разъ скакалъ съ галлерей втораго этажа на дворъ, но это было не выше трехъ сажень, а валъ былъ высокою до пяти сажень. Разсуждать было некогда, я изъ ближайшей амбразуры, держась руками, спустился по валу, носками сапоговъ успѣлъ выбить ямки—всетаки уменьшилъ высоту вала. Подбѣжали солдаты; прочитавъ молитву, оттолкнулся и сдѣлалъ прыжокъ. Упалъ на ноги, песокъ, большая путаная трава, скоро опомнися—цѣлъ! Слышу, солдаты кричатъ: «тутъ тебѣ и карачунъ провятому!» я всталъ и пошелъ, солдаты заговорили: «да это шайтанъ, бѣсъ!» Я обошелъ валъ, вошелъ въ ворота и легъ спать. Поутру говорю въ Омскѣ: кто? какъ? что? и проч. Полагаю, никто не спроситъ, по какой причинѣ я попалъ въ такое происшествіе? Любовь, содержательница міра, душа чувствительныхъ сердецъ! Послѣ обѣда, комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ все знаетъ. Запираться передъ другимъ не слѣдовало. «Вы забыли, что здѣсь Азія?»—Я думаю, что здѣсь Россія!—«Нѣтъ, здѣсь Азія, и я за вашу жизнь не ручаюсь».—Мнѣ кажется, вы увеличиваете.—«Нѣтъ, я знаю Омскъ. А вотъ что,

одно средство: вотъ вамъ курьерская подорожная до Иркутска, соберитесь скорѣй, поѣдемъ прогуляться за крѣпость, тамъ сядете на курьерскую, у меня все подготовлено. Съ семействомъ прощаться не нужно».

Такъ я и укатилъ изъ Омска одинъ. Въ Иркутскѣ получилъ отъ коменданта коротенькое письмо: «въ твоемъ тюфякѣ и въ сдѣланной вмѣсто тебя куклѣ, въ ту же ночь, сдѣлано пять ранъ ножами». Вотъ она, Азія! Надѣюсь, теперь Омскъ сталъ европейскимъ городомъ и желѣзныя рѣшетки улетучились.

Въ Иркутскѣ, прямо пріѣхалъ въ адмиралтейство; начальникомъ былъ лейтенантъ Кутыгинъ, холостой; онъ былъ старше меня лѣтъ на десять, личность уважаемая и любимая всѣмъ городомъ; онъ принялъ меня какъ родной и обращался со мною какъ съ сыномъ; видя во мнѣ мало-опытнаго юношу, онъ просто приказывалъ, что мнѣ дѣлать. Тогда во флотѣ былъ духъ: для флотскаго офицера былъ государь, потомъ адмиралъ, и больше старшаго начальства не было; все остальное, попавши на корабль, подчиняется командиру, хотя бы лейтенанту. Поэтому, когда Кутыгинъ предложилъ мнѣ явиться къ гражданскому губернатору Трескину, я находилъ это униженіемъ, но поѣхалъ.

Что такое былъ Трескинъ въ Иркутскѣ, теперь трудно рассказать, а еще труднѣе вѣрить. Николай Ивановичъ Трескинъ былъ губернаторомъ 14 лѣтъ въ Иркутскѣ, но какимъ губернаторомъ? Теперь трудно имѣть понятіе. Въ текущемъ столѣтіи, называютъ властителемъ Наполеона I; по моему, онъ былъ неограниченная власть въ войскѣ—при успѣхѣ, а власть гражданская ограничивалась законами. Трескинъ и законы—были синонимы, болѣе: былъ только Трескинъ, а законы были далеко, далеко! По праздникамъ, Николай Ивановичъ позволялъ дамамъ цѣловать свою руку; изъ мужчинъ допускались въ руку только старшіе чины и первогильдейцы. Всѣ дамы цѣловали руки у его супруги и у дочерей. Разказовъ о деспотической власти Трескина множество и едва вѣроятныхъ, но вѣрныхъ. Жалобы не доходили до Питера, а если рѣдкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться.

13 лѣтъ былъ генераль-губернаторомъ Пестель, былъ ли онъ въ Иркутскѣ—не знаю. Рассказывали, по какому случаю былъ

посланъ Сперанскій. Государь обѣдалъ у извѣстнаго тогда остряка Нарышкина; государь обратился къ Нарышкину: «графъ (онъ всегда называлъ графомъ), временемъ я чувствую необходимость въ очкахъ, но не рѣшаюсь». Нарышкинъ отвѣчалъ: «я знаю удивительныя очки!»—«У кого?» Нарышкинъ всталъ и, указывая рукою черезъ столъ, сказалъ: «в.о.н.ъ у Пестеля: онъ 13 лѣтъ живетъ здѣсь и видитъ все въ Сибири!» Говорятъ, эта шутка, а вѣроятнѣе жалобы, слухи—рѣшили послать пензенскаго губернатора Сперанскаго въ Сибирь генералъ-губернаторомъ. Когда я пріѣхалъ въ Иркутскъ, передо мною (29-го августа 1819 года) пріѣхалъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Трескинъ все еще былъ нетронутый, цѣльный Трескинъ: онъ не вѣрилъ, что бы безъ него могла существовать Иркутская губернія.

Часовъ въ 9 утромъ, пріѣхалъ я къ Трескину. Большая прихожая полна служебнаго люда: два казацкихъ и два полицейскіе офіцера, казаки, полицейскіе, да два дежурныхъ чиновника Тишина. Вхожу въ большое зало—три печи и пять дверей. У глухой стѣны, на разъ назначенныхъ мѣстахъ, стоятъ чиновники съ бумагами; оставшіяся пустыя мѣста около печекъ подходящія занимали; по видимому, каждый имѣлъ назначенное ему мѣсто. Тишина во всемъ домѣ совершенная, кажется, ни одинъ чиновникъ не пошевелилъ ногой. Я вошелъ и сѣлъ около окна и столика. Не могъ не замѣтить, что на меня значительно поглядывали чиновники; я полагалъ, что имъ въ диковинку чужой человекъ, да еще морякъ. Послѣ узналъ—ихъ изумила моя дерзость, что я сѣлъ. Вошелъ молодчина кавалеристъ, это—комендантъ мольвовниѣ Цейдлеръ съ рапортомъ, осмотрѣлся и сѣлъ около меня. Послѣ я узналъ, что комендантъ осмѣлился первый разъ сѣсть у Трескина и, вѣроятно, ему неловко было стоять, когда сидитъ юноша. Болѣе часу мы сидѣли и очень тихо говорили, а чиновники продолжали стоять, каменные. Замѣтилъ я, что комендантъ не сводитъ глазъ съ маленькой двери. Растворилась эта маленькая дверь, комендантъ быстро вскочилъ, а я заглядѣлся, да и было на что: представьте себѣ, въ отворенную дверь виднѣются мраморную бѣлую статую! Это былъ его превосходительство губернаторъ Трескинъ. Какъ снѣгъ бѣлый колпакъ, изъ-подъ колпака длинныя бѣлыя волосы, рубашка съ стоячимъ воротникомъ, безъ галстука, какъ снѣгъ бѣлый халатъ, подпоясан-

ный обѣимъ кушакомъ, изъ-подъ халата внизу видно нижнее бѣлье, чулки и мягкія туфли безъ задковъ. Трескинъ не шелъ, а двигался скользя туфлями. Минувъ коменданта, который, рапортуя, называлъ ваше превосходительство, Трескинъ, не слушая, подошелъ прямо ко мнѣ:

— «А ты уже съѣлъ?»

— Съ дороги, ваше превосходительство.

— «Гдѣ ты учился?»

— У дьячка на мѣдныхъ деньги (Думаю: видишь мундиръ).

— «Сколько у тебя денегъ?»

— Императорское третное въ карманѣ.

Трескинъ взялъ меня за руку и вывелъ на средину залы; держать и говорить:

— «Не велика птичка, да носокъ остеръ!»

— Къ вашимъ услугамъ, ваше превосходительство.

— «Сколько у тебя душъ?»

— Одна своя, но прекрасная, имѣю честь рекомендовать.

Трескинъ обернулся къ чиновнику и сказалъ: «отведи его въ дѣтямъ».

Въ одну изъ дверей, я пошелъ за чиновникомъ; онъ передалъ меня лакею, который и привелъ меня къ дѣтямъ. Кажется, помню: три взрослыхъ дѣвицы: Юлія—совершенный монголь, Софія—китайка, хоть на картинку чайнаго ящика: маленькая, нѣжная, съ мягкими движеніями, съ прекрасной кожей и китайскими глазами. Третьей не помню имени—русская. Каждая изъ нихъ сидѣла за пальцами. Я поклонился, а онѣ и не взглянули; я молча осматривалъ ихъ работы—молчать. Одна уронила клубокъ, я бросился поднимать, но, по кадетски, соразмѣрилъ ступнуть головой. «Кажъ это вѣжливо!»—Вамъ не должно было беспокоиться, моя обязанность служить вамъ.—«Не нужны ваши услуги!» Думаю, врете, дѣвчаты. Хвалю работы—молчать. Критикую—молчать. Русская пошла въ помощь, смотрю,—три перегородки ящика полнешеньки конфетъ. Я быстро и обѣими руками схватилъ по полной горсти; русская закричала: «это что? разбойникъ!» Сестры вскочили—за мной, я на софу, на столъ—въ дверяхъ молча стоитъ самъ Трескинъ и смотритъ съ недоумѣніемъ. Сестры жалуются на меня, я жалуюсь на дѣвицъ и, стоя на столѣ, ѣмъ конфеты. Трескинъ расхохотался и ушелъ, а мы помирились и познакомились. Мир-

но и весело наболтавшись съ дочерьми, пошелъ откланяться отцу; старикъ любезно пригласилъ мнѣ обѣдать у него въ 2 часа.

До обѣда, я былъ у коменданта—прекрасная личность, доброе и почтенное нѣмецкое семейство; нѣсколько гостей, разговоръ шелъ о моемъ представленіи Трескину. Кто-то сказалъ мнѣ, что опасно шутить съ Трескинымъ. Я отвѣчалъ: Трескинъ не адмиралъ, мы съ нимъ равны, а попадетъ ко мнѣ на корабль, то будетъ подъ моей командой.

Послѣ я узналъ, что мое представленіе Трескину и разговоръ съ нимъ ходили по городу съ прибавленіями, а такой скандалъ у дочерей былъ невообразимъ для иркутянъ въ домѣ Трескина.

Въ два часа, за обѣдомъ, Трескинъ былъ въ томъ-же нарядѣ, въ какомъ дѣлалъ приемъ. Кромѣ дѣтей, было человѣкъ пять немолодыхъ чиновниковъ; они были дѣйствующія лица безъ словъ и рѣчей. Я, какъ молодой, ѣлъ за двоихъ, а говорилъ со старикомъ и дочерьми—за всѣхъ. Помню, не упускалъ случая пошутить надъ его беззубою старостію, что очень забавляло его. Старикъ хотѣлъ знать всѣ подробности о фамиліальныхъ дѣлахъ моихъ, о службѣ, о причинѣ поѣздки, о будущихъ цѣляхъ. Я былъ откровененъ и болтливъ. Я старику понравился и онъ сказалъ: «глядя на него, я давно такъ не ѣлъ; приходи ко мнѣ, какъ можешь чаще, обѣдать». Послѣ обѣда, дочери пригласили къ себѣ и угощали на-славу сладкимъ. Зоветь старикъ; онъ лежалъ въ кабинетѣ на софѣ, далъ мнѣ какую-то книгу: «читай». Какая-то нравственная скука, я началъ читать съ толкомъ, съ разстановкой. Старикъ вскричалъ: «ты не умѣешь лучше читать? Читай сворѣй!» Я замоллъ какъ дьячекъ. Старикъ былъ доволенъ. Оказалось, что эта старая голова еще съ такимъ пылкимъ воображеніемъ, что, при медленномъ чтеніи, у него толпятся въ головѣ свои идеи и онъ не можетъ слѣдить за чтеніемъ внимательно. Безтолковое и быстрое мое чтеніе онъ очень хвалилъ.

Я не знаю, чѣмъ былъ прежде Трескинъ—не любопытствовалъ, но почему-то думается, что онъ давнишній чиновникъ Иркутска. Трескинъ, безъ сомнѣнія, былъ умный дѣлецъ, дѣятельность его была изумительна. Полиція, земскіе суды, палаты—онъ или его власть была все! Онъ зналъ все и распоряжался

всѣмъ; онъ зналъ подробно всю частную жизнь Иркутска. Трескинъ былъ деспотъ безграничный! Но мнѣ случилось прочесть немного бумагъ его въ Питерѣ въ Цестелю: тамъ онъ скромнень, добръ, скорбѣлъ о людскихъ слабостяхъ и тяготился обязанностію исправлять падшихъ. Трескинъ былъ страшный корыстолюбецъ, его считали въ десяткахъ миллионѣвъ, но удивительно то, что вообще мало жаловались на его взяточничество: это мнѣ объясняли тѣмъ, что онъ бралъ, но и умѣлъ дать средство наживать. Я не засталъ жены его живою, о ней тоже не переслушать рассказовъ. Если Трескинъ властвовалъ головою, она властвовала сердцемъ надъ всѣми мужчинами—безъ оппозиціи. Трескинъ въ дѣла жены не мѣшался. Последняго ея избраннаго я хорошо зналъ, его звали Иванъ Ефимычъ Кузнецовъ, а весь Иркутскъ звалъ его королемъ. Дѣйствительно, это былъ рѣдкій красавецъ, его я сравнивалъ съ павлиномъ; говорилъ онъ очень дурно, грубо на о, уродливыхъ провинціализмовъ пропасть. Жена Трескина возвращалась съ королемъ Кузнецовымъ изъ-за Байкала; поѣхали кругомъ Байкала, дорога адская, такую и останется—гора на горѣ и очень высоки. На этотъ разъ, лошади понесли съ большой горы; губернаторша рѣшилась выскочить изъ кареты, попала платьемъ въ колеса и ее буквально разорвало. Король усидѣлъ и спасся.

Трескинъ, какъ медаль, имѣлъ двѣ стороны; сказавши объ одной, надобно сказать и о другой сторонѣ. Мнѣ казалось, Трескинъ не былъ золъ и жестокъ, но, какъ власть, былъ очень строгъ: всѣ полиціи были доведены до совершенства и за то въ Иркутской губерніи не было ни грабежей, ни воровства; я сотни примѣровъ слышалъ: проѣзжій, забывшій въ домѣ крестьянина кошелекъ, часы, бумага, непременно былъ догоняемъ и получалъ забытое. Дороги, мосты были превосходны, деревни чисты; судя по наружности домовъ, крестьяне были зажиточны; скота, лошадей много; пятнадцать, двадцать троевъ стояли при въѣздѣ въ деревню, платили четыре копейки на тройку за версту. Иркутскъ былъ очень опрятный городъ и много хорошихъ домовъ. О преступленіяхъ въ городѣ не было слышно.

12 лѣтъ спустя, я нашель: убійства, грабежи, воровство, шайки разбойниковъ близъ города. Села, деревни по наружности очень обѣднѣли; если чего и не забудете, то у васъ укра-

дуть все, что можно; дороги, мосты очень дурны. Я объясняю такую разницу тѣмъ, что Трескинъ былъ законъ, а Лавинскій повиновался закону. Шесть или семь лѣтъ шайба грабила и убивала. Иванъ Яковлевичъ Козловъ (знакомый по солеваренному заводу) распорядился удачно поймать знаменитаго красавца и храбреца атамана Александрова, который повялся убить Козлова. Атаманъ никогда не измѣнялъ данному слову. По жалобѣ Козлова, Лавинскій потребовалъ дѣло, ему привезли на двухъ возахъ. Лавинскій не пожалѣлъ русскихъ непечатныхъ словъ, а на послѣдней страницѣ написалъ: «Четырехъ главныхъ наказать кнутомъ нещадно». Артистъ-палачъ Буяновъ каждаго убилъ съ четырехъ ударовъ. Лавинскій получилъ строгій выговоръ и послѣдовало общее распоряженіе: въ приговорахъ, слово нещадно—не употреблять. При мнѣ и на моихъ глазахъ, въ теченіи четырехъ часовъ, въ городѣ Иркутскѣ, днемъ, убили: крестьянина, двухъ женщинъ и дѣвушку, послѣднюю—въ пяти шагахъ отъ меня, на главной улицѣ, человекъ—незнающій дѣвушек; но это особая исторія, я былъ слѣдователемъ по просьбѣ Лавинскаго. Когда нибудь расскажу объ этихъ убійствахъ. Вотъ какъ измѣнился цѣлый край—всего въ 12 только лѣтъ!

О Сперанскомъ въ Иркутскѣ мало что было слышно, онъ какъ будто ничего не дѣлалъ. Сперанскій занималъ домъ «короля» Кузнецова. Домъ деревянный, большой—ононъ въ 9, а, можетъ, въ 11, на восточномъ краю города, ближайшій къ адмиралтейству. На другой день послѣ Трескина, я явился Михаилу Михайловичу. Изъ прихожей, гдѣ были: казачій офицеръ, казакъ и полицейскій солдатъ, вхожу въ большую залу—пестрая толпа: буряты, крестьяне, тунгусы. Сперанскій въ форменномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы; онъ говорилъ съ крестьяниномъ, а чиновникъ записывалъ. Только я вошелъ, Сперанскій обратился ко мнѣ, и когда я назвалъ себя, онъ спросилъ:

- «Давно пріѣхали?»
- Только вчера.
- «Куда ѣдете?»
- Въ Охотскъ.
- «Одни?»

— Съ командой, она еще не прибыла.

— «Повеселитесь здѣсь, въ Охотскѣй соскучитесь».

Повлонъ. Разница съ Трескинымъ и въ обстановкѣ и въ приѣмѣ.

Портретовъ Сперанскаго очень много и всѣ похожи, только я не видалъ ни одного портрета съ глазами Сперанскаго: есть предметы недоступныя для живописи! Такихъ глазъ, какъ у Сперанскаго, я другихъ не встрѣчалъ, не возьмусь и приблизительно описать ихъ. Могу сказать только: глаза Сперанскаго я ни разу не видалъ измѣняющимися—всегда, постоянно тихи, спокойны, ласковы; они не прищурены, но и не открыты, не вызывающіе и не уклоняющіеся—умъ, душа и сердце помѣстились въ этихъ глазахъ! Живопись безсильна! Увѣренъ, что со смертію этихъ глазъ, другихъ такихъ глазъ не осталось; не видавшіе выраженія глазъ Сперанскаго—не составятъ себѣ понятія о прелести оригинальнаго выраженія ихъ! Сперанскій былъ выше средняго роста, сухощавъ, правильно сложенъ. Оригинальный, голый, большой черепъ—очень въ нему шель. Правильныя черты всегда покойнаго, добраго лица были привлекательны, голосъ тихій—будто подъ сурдинкой, говорилъ медленно и, казалось, всегда откровенно. Говорилъ мало, будто по необходимости; смѣха не слыжалъ, а улыбка—весьма часто, всегда скромная, очень пріятная. При такой особѣ, провинціальныя чины закутывались въ молчаніе, а пріѣхавшіе съ нимъ, знавшіе его добрую снисходительность—болтали, шутили не стѣсняясь, какъ-бы въ его отсутствіе; онъ даже любилъ говорливость другихъ за обѣдомъ, но безъ его участія въ разговорѣ.

День Сперанскаго былъ рассчитанъ по табели—не отступая. Утро просителямъ, не много работы, заданной канцеляріи съ вечера, долгая прогулка на открытомъ воздухѣ. Сколько разъ встрѣчалъ я его одного въ—20°,—25° R.: холодная поношенная шинель, на голой головѣ сафьянный черный картузь, вверху четырехугольный—настоящая конфедератка. Картузь на шелковой подкладкѣ—и ему не холодно! Ходилъ тихо, размѣренно—какъ говорилъ. Прогулка—недалеко отъ дома и на небольшомъ пространствѣ. Сперанскій никогда не отказывался отъ приглашенія на обѣдъ; тогда онъ былъ въ мундирномъ фракѣ. Орденовъ на немъ никогда не видалъ. Званныя обѣды были очень часты и часто я обѣдалъ вмѣстѣ.

Первый обѣдъ, на которомъ я былъ съ Сперанскимъ—это праздничный обѣдъ у Трескина; на этомъ обѣдѣ я видѣлъ Сперанскаго въ мундирѣ и въ бѣлыхъ брюкахъ съ золотыми лампасами—только одинъ разъ и видѣлъ Сперанскаго въ мундирѣ. Даже самъ Николай Ивановичъ Трескинъ былъ въ мѣшкватомъ вице-мундирѣ. Манеры Сперанскаго на обѣдѣ были тѣ же, что и на обѣдѣ у купца. Послѣ обѣда Сперанскій вынулъ золотую коробку въ родѣ папиросницы, досталъ изъ нея черную пилюлю и проглотилъ—это было въ гостиной. Недолгая бесѣда послѣ обѣда и если есть дамы, то преимущественно съ дамами, и уѣзжалъ. Послѣ обѣда немного чтенія, въ сумерки ходилъ по залѣ до темноты. При огнѣ принимался за бумаги и, кажется, это время было временемъ усиленной работы. Въ праздники, купцы давали балы въ домѣ ратуши. Сперанскій постоянно посѣщалъ, говорилъ съ дамами, кажется, особенно отличалъ жену коменданта Луизу Ивановну и жену полковника Нараевскаго Наталію Карповну; послѣдняя была красавица. Я, товарищъ мой Повалишинъ, племянникъ Сперанскаго Вейкартъ и какой-то чиновникъ постоянно составляли кадрилъ. Сперанскій постоянно смотрѣлъ на нашъ танецъ и, кажется, его занимала наша молодая рѣзвость. Тѣмъ и оканчивался его балъ.

Разказовъ по городу ходило множество о Сперанскомъ; каждое его слово, кажется, каждое его движеніе замѣчалось и повторялось въ публикѣ. Терпѣніе его съ просителями было неистощимо. Однажды, надѣлало много говору: монголь-буряты жаловался, что исправникъ Волошинъ вызвалъ его въ Иркутскъ, въ его отсутствіе забрались въ его курту волки и собаки, утащили говядину и боговъ. Просилъ выискать съ исправника убытки. Сперанскій отказалъ. Буряты пришли другой разъ съ той же просьбой—получилъ отказъ. Пришелъ третій разъ. Сперанскій назвалъ его глупымъ и приказалъ вывести. Это происшествіе сильно удивило всѣхъ, говору было много! Изъ этого можно заключить, какимъ терпѣніемъ обладалъ Сперанскій.

Иркутскъ зналъ, что Сперанскій свазалъ, гдѣ былъ—малѣйшія подробности не ускользали отъ общества, но не было ни одного слова о томъ, что дѣлалъ въ кабинетѣ и дѣлалъ ли чтонибудь, готовилось-ли, или не готовилось въ будущемъ для Сибири? Это будущее было непроницаемо, не было даже догадокъ. Три

секретаря Сперанскаго были люди бойкіе, не отказывались отъ удовольствія и даже очень, но о дѣлахъ ни полслова! Всѣ знали, что Цейеръ—правая рука Сперанскаго по бумагамъ. Цейеръ, маленькаго роста, сухенькой, съ большимъ носомъ, въ очкахъ, съ торопливою походкою—не ручаюсь есть ли у него голосъ? Часто видѣлъ его, но положительно не помню, чтобы онъ выговаривалъ хотя одно слово. Цейеръ, статскій совѣтникъ, вѣчно съ бумагами подъ мышкою и бѣжить, либо въ Сперанскому, либо отъ него. На обѣдахъ, балахъ, Цейеръ почти не бывалъ. Былъ и правитель канцеляріи (Иванъ Ивановичъ Шкларевскій), но всѣ знали, что онъ носить только званіе; Сперанскій не употреблялъ его. Сперанскій былъ чрезвычайно доступенъ, но нельзя было не замѣтить—служащіе при немъ были совершенно свободны внѣ службы, но никогда ни одинъ не приближался къ нему.

На одномъ изъ обѣдовъ, мнѣ пришлось сѣсть противъ капитана путей сообщенія; онъ спросилъ меня:

— «По какой причинѣ морская служба называется смолена?»

— По той же, по которой служба на канавахъ называется—грязная служба.

— «Вы ходили въ морѣ?»

— Да, я четыре лѣта служилъ на корабляхъ.

— «Вы такъ рано начали службу походами?»

— Мы всѣ привыкаемъ смолоду.

— «Скучная ваша служба?»

— Почему такъ? это неправда, мы всѣ любимъ быть въ морѣ.

— «На корабляхъ не бываетъ дамъ?»

— Не бываетъ. Онѣ только бы мѣшали, на кораблѣ для нихъ нѣтъ времени и мѣста.

— «Признайтесь, первый походъ былъ для васъ страшень?»

— Можетъ быть, бываютъ трусы, но такіе переходятъ въ другія службы; изъ моихъ товарищей перешли двое въ вѣдомство путей сообщенія, ихъ никто не держитъ.

— «Моряки очень серьезны и строги».

— Моряки никогда никого не затрогиваютъ.

Это было недалеко отъ Сперанскаго; я на концѣ неприятнаго разговора замѣтилъ, что онъ внимательно слушаетъ и улыбается; я прекратилъ отвѣчать, считая продолжать неприличнымъ.

Послѣ обѣда, капитанъ подошелъ ко мнѣ и рекомендовался: Гаврило Степанычъ Батенковъ. Я сказалъ о себѣ.

— «Извините, я, можетъ быть, сказалъ вамъ что нибудь не-пріятное?»

— Извините, я отвѣчалъ вамъ какъ умѣлъ.

Онъ взялъ меня за руки, просилъ быть знакомымъ.

— «А на счетъ разговора прошу васъ, не стѣсняйтесь, браните меня сколько угодно; кромѣ благодарности, отъ меня ничего не будетъ. Михаилъ Михайловичъ очень любитъ когда я говорю за обѣдомъ, а эти господа (указывая на иркутскихъ чиновниковъ) всякою малостью обижаются, говорить съ ними невозможно. Вы такъ добры и умны, дали мнѣ возможность поддержать разговоръ. Надѣюсь, мы будемъ пріятелями, будемъ садиться противъ и вы выведете меня изъ затрудненія».

На другой день, Батенковъ пріѣзжалъ ко мнѣ, потому я бывалъ у него очень часто. Мы подружились.

Батенковъ былъ довольно большаго роста, сухоощавъ, брюнетъ, съ золотыми очками, по близорукости; въ фигуру его ничего не было замѣчательнаго, но ротъ и устройство губъ поражали своею особенностію. Губы его не выражали ни злости, ни улыбки, но такъ и ожидаешь—вотъ-вотъ услышишь насмѣшку, сарказмъ. Даръ говорить о чемъ угодно занимательно, весело, и говорить цѣлые часы—эта способность была изумительна! Готовность его на отвѣты и возраженія не имѣла равнаго. Батенковъ былъ незлобиваго, добрѣйшаго сердца. Ученость его была замѣчательна, онъ очень легко и много писалъ стиховъ; я много читалъ его басень, но и тутъ—только сатира и сарказмъ, болѣе на извѣстныхъ лица и нравы. О Батенковѣ я знаю только изъ случайныхъ его разсказовъ; онъ началъ службу въ артиллеріи. Въ 1812-мъ году, ему съ товарищемъ дали по двѣ пушки, приказали защищать мостъ и не уходить.

— «Мы стрѣляли, французы валились; мы стрѣляли, а французы падали и приближались; французы были близко; товарищъ, чтобы спасти пушки, отъѣхалъ; у меня оставались только два канонира, я самъ приложилъ фитиль и отъ удара упалъ; меня проходящіе французы кололи, но мнѣ не было больно, но когда штыкъ попалъ мнѣ подъ чашку колѣна, я потерялъ память. Очнулся я въ палаткѣ, лежатъ раненные французы: я былъ въ плѣну.

Вмѣстѣ съ другими, я былъ отправленъ на югъ Франціи, гдѣ и вылезъ изъ 18-ти ранъ. Когда наши взяли Парижъ и мы, плѣнные, получили свободу, я явился въ главный штабъ. Тамъ мнѣ сказали, что Батенковъ убитъ и исключенъ изъ списковъ, требовали документовъ. Какіе документы я могъ представить? Я назвалъ батарею, въ которой служилъ; нашлось только два канонира, которые остались живы; узнавъ меня, засвидѣтельствовали, что я ихъ поручилъ».

— А что было съ вашимъ ушедшимъ товарищемъ?

— «Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу съ холма; товарища судили и приговорили за ослушаніе разстрѣлять. Кутузовъ разжаловалъ его въ солдаты, онъ убитъ».

— Какъ же вы попали въ путей сообщенія?

— «Раны меня беспокоили въ ненастье, да и надоѣла мнѣ фронтальная служба; я написалъ въ управленіе путей сообщенія: если желаютъ имѣть хорошаго офицера, то я согласенъ служить».

— Будто бы такъ и написали?

— «Право такъ, у насъ въ Россіи худо просить, искать; иди законнымъ порядкомъ—тысячи затрудненій, проволочки».

— Ну, а какъ же сюда попали?

— «Хотѣлось посмотреть Сибирь. Сперанскій, познакомившись, вмѣсто моей обязанности, далъ мнѣ работу: составить новое положеніе о ссыльныхъ. Много собралъ свѣдѣній—путаницы, противорѣчій пропасть; надобно прежде привести въ одному знаменателю и потомъ составить что нибудь цѣлое».

Я съ Батенковымъ каждый день становился дружнѣе; за обѣдами онъ вострился надо мною; если удавалось, и я платилъ ему тѣмъ же. Въ то время и до сего часа, я имѣю природное отвращеніе ко всякому вину; за здоровье Сперанскаго, вмѣсто шампанскаго, я пилъ превосходный медъ; отъ двухъ бокаловъ меда выходилъ изъ-за стола красенѣкій. Это замѣчалъ Сперанскій; вида мою дружбу съ Батенковымъ, разъ говоритъ ему:

— Пріятель вашъ молодопка-морякъ, можетъ быть, неглупый юноша, но чтѣ значитъ среда: такъ молодъ, а уже становится пьяницей.

Батенковъ расхохотался и сказалъ: «вотъ какъ иногда высостоящіе дѣлаютъ ошибочныя заключенія о маленькихъ. Мой пріятель-морякъ еще въ жизни не пробовалъ никакого вина,

онъ и за ваше здоровье нѣтъ медъ, а не шампанское, а что онъ краснѣетъ—виновата юность».

Сперанскій смѣялся надъ своею ошибкою и добавилъ, что онъ желалъ бы почаще сознаваться въ такихъ ошибкахъ.

Батенковъ былъ старше меня лѣтъ на десять, но онъ такъ былъ уменъ и умѣлъ сдѣлать, что я не чувствовалъ этой разницы. Однажды, въ сумерки, между интересными его разказами, онъ сказалъ мнѣ, что у нихъ есть кагаль, что у нихъ ходятъ свои почты и что всѣхъ своихъ членовъ кагала они имѣютъ средства быстро двигать къ повышенію по службѣ. «Хочешь, я запишу тебя въ члены?»

— Какая цѣль кагала?

— «Этого я не могу сказать тебѣ: это тайна!»

Я не думавши отвѣчалъ: По моему, Гаврило Степанычъ, гдѣ тайна, тамъ—нечисто!

Мы болѣе не говорили объ этомъ. Я теперь ясно помню: я отвѣчалъ Батенкову безъ всякаго сознательнаго намѣренія, вовсе не обдумавъ. Это время было щегольство фразъ и готовности резонно отвѣчать противорѣча. Въ послѣдствіи оказалось, что 1819-го года называвшійся кагаль—послѣ было общество 14-го декабря! Не сорвись тогда съ языка глупая фраза, попади я въ списокъ—другимъ бы путемъ пошла вся жизнь моя! Батенковъ не желалъ мнѣ сдѣлать зла, онъ желалъ сдѣлать мнѣ добро, потому что самъ былъ членомъ сильнаго кагала.

Послѣ разговоровъ моихъ съ Сперанскимъ, о чемъ потомъ разскажу, буду продолжать о Батенковѣ чтѣ только знаю о немъ. Сперанскій, черезъ Батенкова, предложилъ мнѣ перейти служить къ нему; вотъ слова Сперанскаго:

— «Скажите ему, пусть лучше начинаетъ служить съ головы! Жизнь въ дикой сторонѣ, безъ общества, можетъ очерствить его».

Я отвѣчалъ, что я только и знаю морскую науку, для нея только учился семь лѣтъ и увѣренъ, что я недурной морской офицеръ. Штатская служба мнѣ неизвѣстна; мнѣ надобно учиться вновь—поздно, можетъ быть, и не выучусь; отъ флота отстану, а къ штатскимъ не пристану; кромѣ того, я страстно люблю морскую жизнь. Пусть будетъ какъ будетъ! Благодарю и вѣчно не

забуду милостиваго вниманія ко мнѣ Михаила Михайловича.— остаюсь во флотѣ! Хорошо ли я сдѣлалъ, худо ли—не знаю!

Судьба послѣ запрягла меня въ штатскую—совладалъ!

Пришло время ѣхать изъ Иркутска; прощаясь съ Батенковымъ, онъ съ большимъ чувствомъ проводилъ меня, взялъ съ меня слово писать къ нему по приѣздѣ въ Охотскъ и что я найду тамъ, что я и исполнилъ. Батенковъ писалъ ко мнѣ прекрасныя письма, полныя веселости, какъ будто хотѣлъ утѣшить меня въ днѣхъ одиночества. Помню одно письмо изъ Питера: онъ просилъ меня наблюдать и точно объяснить: когда прибываетъ другая вода въ рѣку, то вливается она по дну или по поверхности? Наблюдать было легко тамъ, гдѣ каждая сутки морской приливъ возвышаетъ воду въ рѣкѣ отъ 10-ти до 12-ти футъ. Я получилъ отъ Батенкова писемъ пять и отвѣчалъ. Когда же дошло до насъ извѣстіе о катастрофѣ 14-го декабря, я вспомнилъ о кагалѣ и не сомнѣвался, что это одно и то же тайное общество; очень боялся за свои письма, хотя тамъ и тѣни не было преступныхъ идей, но въ такихъ случаяхъ во всемъ вина. Читая слѣдствіе и судъ, я успокоился: вѣроятно, Батенковъ уничтожилъ всѣ бумаги.

Будучи начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, я употребилъ возможное стараніе узнать гдѣ Батенковъ? Въ Восточной Сибири его не было. Нашелъ случай навести справки въ Западной—и тамъ не было моего Гаврилы!

Въ 1819 году, въ Иркутскѣ, были особенно дружны: Батенковъ, докторъ Валтеръ и Гедельштромъ. О послѣднемъ послѣ. Между связанными друзьями, если я не былъ другомъ существеннымъ, то хотя прилагательнымъ, но всетаки былъ очень близкимъ.

Чтобы не забыть: Батенковъ не употреблялъ табаку, не игралъ въ карты и почти не пилъ вина.

Въ 1832 году, является ко мнѣ изъ Питера Гедельштромъ. Матвѣй Матвѣичъ! какими судьбами? Оказалось, что онъ приѣхалъ при жандармскомъ полковникѣ Кылчевскомъ, которому поручено было составить статистику всей Сибири. Говоря между нами, ловкій полковникъ составить никакой статистики не могъ, для того и взялъ ученаго Гедельштрома, а самъ исполнялъ другое порученіе. Но это къ разсказу не идетъ. Дѣло было къ обѣду.

Гедельштромъ любилъ выпить, даже и очень; я угостилъ его препорядочно любимой его наливкой съ обльпихой. Послѣ обѣда, въ гостиной, я упросилъ его разсказать мнѣ подробно, что онъ знаетъ о нашемъ дорогомъ Гаврилѣ? Гедельштромъ приказалъ мнѣ запереть двери гостиной и сосѣднихъ комнатъ, и вотъ что разсказалъ:

— «Послѣ 14-го декабря, Батенковъ оставался недѣли двѣ на свободѣ. Былъ онъ на вечерѣ уваженнейстера Соломки, стоялъ въ залѣ опершись у стола; гдѣ бы ни былъ Гаврило, его всегда окружала толпа слушателей. Сказали: пріѣхалъ фельдъегерь! Батенковъ спокойнымъ голосомъ сказалъ: «господа, прощайте, это за мной!» Фельдъегерь увезъ Батенкова. Я зналъ, что Гаврило посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ видѣться съ нимъ не было средствъ. Узнаю, что Гаврило въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ Гаврилой, такъ хотѣлось, что я покоя не зналъ. Какъ ни обдумывалъ, видѣлъ одну невозможность. Подружился я съ капитаномъ Преображенскаго полка; онъ съ ротою ходилъ карауломъ въ крѣпость. Въ минуты откровенности, я высказалъ ему страстное свое желаніе повидаться съ Гаврилой. Долго мы судили и редили—средствъ не находилось. Придумалъ я—хоть бы побывать въ крѣпости, все ближе къ цѣли. Капитанъ предложилъ взять меня деньщикомъ, я охотно согласился. Но до цѣли далеко! Однажды, шутя просектировалъ капитанъ: «вотъ бы тебѣ одѣться преображенскимъ солдатомъ, стать бы тебѣ на часы въ коридоръ казематовъ, ты могъ бы видѣться цѣлый часъ». Отъ шутливаго предложенія дошло до осуществленія. Добрый капитанъ рѣшился, а я радъ пуститься на все!—лишь повидаться. Приготовилъ я себѣ солдатскій мундиръ, обстригся и въ одинъ изъ карауловъ капитана пошелъ съ нимъ деньщикомъ. Около полночи, я былъ солдатомъ и лежалъ между спящими солдатами. По крику унтера: смѣна внутреннихъ! я взялъ ружье и сталъ съ другими».

Я взглянулъ на Гедельштрома и, видя пожилаго и порядочно полнаго мужчину, не могъ безъ смѣха вообразить его солдатомъ.

— Да какъ же не узналъ васъ унтеръ?

— «Въ караульномъ домѣ полусвѣтъ отъ закопченной лампы, да и все сонное, только проснулись. Привели меня въ длинный коридоръ, тоже же ярко освѣщенный. Порядку смѣны часоваго

научилъ капитанъ, сталъ я на часы. Ружье къ стѣнѣ, дверей нѣсколько, но въ которыхъ Гаврило? Въ каждой двери стеклышко, закрытое снаружи, двери заперты крѣпкими засовами и аружи. Поднимаю закрывшу стекла, внутри ночникъ освѣщаль казематъ. Въ одномъ казематѣ, вижу сидитъ на кровати высокой, тонкой, сѣдой—не Гаврила ли? отодвинулъ засовъ, отворилъ и спросилъ: Гаврило?

Всталъ сухой старикъ и, вмѣсто отвѣта, спросилъ: «кто теперь на престолѣ царствуетъ?»

Я отвѣчалъ: Николай.

— «Чей сынъ?»

— Внуку Екатерины, сынъ Павла. А вы кто?

— «Я Шушеринъ».

«Я заперъ казематъ и нашель Гаврилу. Мы обнялись, говорили вмѣстѣ, Гаврило разсказалъ: «Въ Шлиссельбургѣ было несносно. Удалось написать къ моей невѣстѣ, приказалъ чертенку сходить къ Сперанскому и просить о переводѣ меня въ Петропавловскую крѣпость. Перевели—по болѣзни. Я написалъ письмо къ государю—полное раскаянія, и просилъ помилованія. Заболѣлъ я нервной горячкой. Приѣзжалъ штабъ-докторъ. Пришелъ въ себя и чувствую приближеніе смерти. Гадко мнѣ показалось, что я малодушно лгалъ, просилъ прощенія и раскаявался. Я потребовалъ священника и продиктовалъ, что я не хочу умереть и унести съ собою подлую ложь. Раскаяніе и просьба о прощеніи—ложь! пусть не вѣрять государю, никто изъ нашихъ виновныхъ не попросить прощенія, а если и будетъ прощенъ, то не отстанеть отъ начатаго дѣла.—Я выздоровѣлъ и остался на-вѣчно живымъ въ этомъ гробѣ! Найди мою невѣсту, она въ нуждѣ, помоги ей, сколько можешь. Я притворился сумасшедшимъ, думалъ попаду въ сумасшедшій домъ, тамъ все-таки люди». Заслышали хлопнувшія двери: это смѣна. Простились, поплакали, заперъ казематъ и взялъ ружье, смѣнился. Повторить было невозможно, капитанъ увѣрялъ, что онъ много выстрадалъ въ этотъ часъ. Нашель бывшую невѣсту Гаврилы, она, жила безъ нужды; я подарилъ ей 100 руб. отъ имени Гаврилы; она очень плакала, вспоминая о Гаврилѣ».

— Гдѣ она живетъ?

— «Въ Конюшенной».

Передаю рассказ Гедельштрома дословно; есть невѣроятное, но это остается на его совѣсти.

Бывшую невѣсту Батенкова, въ 1833 году, нашелъ и я; она еще была недурна О Батенковѣ наговориться не могла; она любила его и никого болѣе не любила; были женихи—отказала. Бывшая невѣста Батенкова рассказывала, что Сперанскій принадлежалъ къ обществу 14-го декабря и боялся показаній Батенкова; она нѣсколько разъ была послана въ казематъ къ Батенкову съ обнадеживаніемъ, что дѣло принимаетъ хорошій оборотъ. Какъ же васъ пропускали?—«Какъ скажу: отъ Сперанскаго, то крѣпостной офицеръ и проведетъ». Эта дѣвушка замѣтно была съ хорошимъ образованіемъ, очень жива, вѣроятно, потому Батенковъ и называлъ ее чертенкомъ.

Гораздо позже я слышалъ подтвержденіе рассказа Гедельштрома о просвѣбѣ Батенкова съ раскаяніемъ и потомъ объ исповѣди.

Рассказывали мнѣ еще, что когда, по приговору суда, Батенковъ долженъ былъ быть сосланъ въ каторжную работу въ Сибирь, что будто бы Сперанскій входилъ съ докладомъ, что Батенковъ понесетъ двойное наказаніе, потому что въ Сибири извѣстно всѣмъ, что Батенковъ составлялъ положеніе о ссыльныхъ. Что будто бы по этому докладу и сдѣлано для Батенкова исключеніе: вмѣсто Сибири—въ казематъ крѣпости.

Вотъ, кажется, все, что я знаю о Батенковѣ, но ручаюсь только за то, гдѣ лично участвовалъ, а остальное—за что купилъ, за то и продаю.

Сперанскій въ Иркутскѣ все продолжалъ «ничего не дѣлать», но не замѣтно, какъ-то постепенно и тихо, Трескинъ—все еще губернаторъ, но отошелъ на второй планъ. Я не любилъ Трескина и его дочерей, да и было что любить получше.

Сиджу одинъ въ адмиралтействѣ; передъ сумерками, является казакскій офицеръ: пожалуйста къ генераль-губернатору! Одѣлся въ полную форму. Вхожу въ залъ. Михаилъ Михайловичъ стоитъ у косяка окна и читаетъ книжку въ $\frac{1}{16}$ листа. Увидавъ меня, спросилъ:

— «Что вы такъ примундирились?»

— Къ вашему высокопревосходительству.

— «Посланный, вѣрно, васъ позовалъ къ генераль-губернатору?»

— Точно такъ-съ.

— «Они не понимаютъ: я приказалъ пригласить васъ къ Михаилу Михайловичу: прошу различать, можете ли вы приходить въ сюртучекъ, мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ вами; снимите вашу саблю, положите шляпу и приходите. Вы, конечно, воспитанникъ Морскаго корпуса?»

— Точно такъ, морскихъ офицеровъ изъ другихъ заведеній нѣтъ.

— «Да, я это знаю. Вашъ главный курсъ астрономія?»

— Учебный курсъ очень разнообразенъ, но главный — математика.

— «У васъ система Коперника?»

— Дѣйствительно такъ, но съ послѣдующими развитіями: Галилея, Кеплера, Ньютона и другихъ.

— «Скажите мнѣ, довольны вы этой системой?»

Я взглянулъ на Сперанскаго и подумалъ: шутишь, баринъ! или подурочить хочешь?

Сперанскій, замѣтивъ мое молчаніе, сказалъ:

— «Пожалуйста не стѣсняйтесь, прошу, выскажите свои мысли откровенно!»

Я рѣшился на шутку отвѣчать шуткою. Сперанскій такъ былъ привѣтливъ, какъ будто ободрялъ меня.

— Курсъ астрономіи вамъ извѣстенъ; конечно, извѣстно вамъ и то, что вычисленія наши не имѣютъ разницы, если мы принимаемъ, что движется солнце и стоитъ земля и обратно: вотъ уже первое сомнѣніе въ совершенствѣ системы міра. Я не вполне доволенъ.

— «Такъ вы имѣете свою систему?»

— Да, я думаю, должно быть иначе.

— «Право, пожалуйста, объясните ваши мысли».

— Солнце, какъ центръ нашей планетной системы, признано за тѣло, дающее свѣтъ и теплоту. Съ послѣднимъ я согласиться не могу.

— «По какому основанію?»

— Все, что даетъ тепло, съ приближеніемъ къ нему—тепло усиливается, а съ приближеніемъ къ солнцу, на вершинахъ высочайшихъ горъ, на воздушныхъ шарахъ—тепло уменьшается.

— «Но вы не отвергнете, что чувствуете теплоту отъ лучей солнца?»

— Я полагаю, мы еще не знаемъ вполне физико-химическаго свойства лучей свѣта на тѣла; можетъ быть, свѣтъ солнца способенъ только возбуждать теплоту въ тѣлахъ.

— «Хорошо, что же вы создаете на вашемъ основаніи?»

— Отъ дошедшихъ до насъ ученій египетскихъ жрецовъ, Птолемея и грековъ, они признавали нѣсколько небесъ и нѣсколько міровъ. Принимая за основаніе, что, съ удаленіемъ отъ земли, тепло исчезаетъ, а холодъ усиливается, трудно вполне отвергнуть ученіе древнихъ; разумъ, слѣдя за мертвящимъ холодомъ, упрется въ ледяную кору видимаго нами неба, эта видимая синева есть подобіе замерзшей воды.

— «Положимъ, а звѣзды?»

— Если допустить твердую ледяную кору вмѣсто неба, то вмѣстѣ съ тѣмъ, не отвергая безконечности творенія Создателя, будетъ естественно вѣрить, что за этой корой есть другой, высшій міръ—міръ, въ которомъ нашъ воздухъ замѣняется каменъ. Того міра, того свѣта намъ постигнуть не дано, но, повинувшись воображенію, руководимому логическимъ разумомъ, мы можемъ только предполагать о томъ непостижимомъ свѣтѣ, а какъ нѣтъ тѣлъ безъ скважинъ, мы можемъ допустить и въ ледяной корѣ скважины, сквозь которыя крошечныя частицы того свѣта проникаютъ къ намъ.

— «Прекрасно, а солнце, луна?»

— Солнце есть отверстіе большое, но заслоненное полупрозрачнымъ тѣломъ, и потому передаетъ намъ только часть того свѣта, иначе все погибло бы на землѣ. Луна есть холодное, мертвое тѣло, не имѣющее огня, воды, атмосферы, а потому и жизни; луна есть матеріалъ для будущей планеты.

— «Вы думаете?»

— Мы, новыя, признаемъ для грѣшниковъ мученіе преисподней; гдѣ она—я не знаю, но мой разумъ допускаетъ, что душа умершаго, какъ эфиръ воспаряя, приближается къ ледяной корѣ; праведные допускаются проникнуть въ тотъ высшій свѣтъ для блаженства, а грѣшныя терзаются по сю сторону мертвой ледяной коры.

— «Браво, ваша система не забыла и разрѣшаетъ о дѣлахъ и душахъ людей».

Пришелъ рай и адъ—помня, что говорилъ съ поповичемъ. Въ этомъ родѣ продолжался разговоръ—съ моей стороны серьезно; Сперанскій тоже не улыбался, а какъ бы ободрялъ. Я путалъ все, что зналъ изъ физики—электричество, магнитъ. Между многими вопросами, смѣло разрѣшилъ сѣверное сіяніе, доказывая, что безъ этого магнито-электрическаго процесса земля была бы необитаема отъ испорченности воздуха на экваторѣ. Сперанскій, выслушавъ о сѣверномъ сіяніи, сказалъ:

— «Скажите, какъ это просто, а я думалъ, что этого никто не знаетъ».

Въ сосѣдней комнатѣ подали огонь; Сперанскій подаль мнѣ руку и сказалъ: «Когда вы ничѣмъ не заняты, побывайте у меня, но только помните, къ Михаилу Михайловичу въ мундирѣ не ходять. Прощайте, благодарю васъ, меня зовутъ работать».

Когда я болталъ галиматью, часто взглядывалъ на Сперанскаго, ожидалъ видѣть улыбку, но онъ, ходя мѣрными шагами, серьезно слушалъ. Сперанскій былъ въ старенькомъ сюртукѣ съ очень узкими рукавами, вѣрно—старинная мода.

Хотя я тогда штатскихъ уважать не могъ, но мнѣ казалось, не пересолил ли я, такъ много и глупо болтая? Пріѣхавъ домой, я до слова записалъ, и въ тотъ же вечеръ былъ у Батенкова; рассказалъ и прочиталъ записанное, мы вмѣстѣ съ Гаврилой смѣялись. Я спросилъ его, не очень ли я наглушилъ и что меня немного безповоитъ. Батенковъ успокоилъ меня, сказавъ, что Сперанскому все можно говорить, онъ даже любитъ слушать болтовню веселонравныхъ.

— «Да что тебѣ вздумалось излагать свою систему міра?»

— Мнѣ показалось, что онъ хочетъ дурачить меня, я хотѣлъ сказать небольшую шутку за шутку, да какъ началъ говорить, а онъ поддакивать, то и нагородилъ чушь!

Я спросилъ Гаврилу, не знаетъ ли какую книжку читаетъ Сперанскій?

— «Онъ очень любитъ и постоянно читаетъ Ому Кемпійскаго».

На другой день, Батенковъ только явился къ Сперанскому, какъ тотъ началъ смѣяться, рассказывая о моей болтовнѣ. Сперанскій полагалъ, что я серьезно увлекаюсь своей системой. Батенковъ разуверилъ его и сказалъ, что я безпокоюсь, не слип-

комъ ли наглушилъ. Сперанскій приказалъ успокоить меня и прибавилъ:

— «Бойкое молодое воображеніе; мнѣ нравится, онъ смѣлы юнша!»

Батенковъ объяснилъ, что я, какъ морякъ, уважаю только адмирала—остальные чины не существуютъ.

— «Правда, моряки всегда держать себя особенно, сдержанно, но время и жизнь научатъ его».

Для меня слова пророческія!

Чтобы быть послѣдовательнымъ, я запишу и вторыя сумерки у Сперанскаго. Дней черезъ пять или семь послѣ первыхъ сумерекъ, явился тотъ же ординарецъ и сказалъ: пожалуйста къ Михаилу Михайловичу. Я надѣлъ вице-мундиръ, безъ сабли, въ фуражкѣ; явился поранѣе въ ту же залу. Сперанскій такъ же ласковъ, спросилъ не занятъ ли я, и сказалъ: «походимте».

— «Гдѣ ваша родина?»

Я отвѣчалъ.

— «Имѣете родныхъ въ Петербургѣ?»

Я назвалъ Анну Петровну и Ивана Петровича Бунинныхъ.

— «Это дѣвица-поэтъ?»

— Точно такъ, она мнѣ тетка.

— «Бунинъ—это весельчакъ?»

— Дѣйствительно онъ.

— «Тетку вашу я встрѣчалъ въ обществѣ, а о дядѣ вашемъ много забавныхъ рассказовъ».

— Онъ былъ тоже морякъ.

— «Гдѣ вы прежде учились?»

— Я нигдѣ не учился, умѣлъ только читать, а подписывалъ прошеніе въ корпусъ по карандашу. Тетка отвезла меня въ Петербургъ, а дядя, какъ морякъ, опредѣлилъ.

— «Долго вы пробыли въ корпусѣ?»

— Семь лѣтъ.

— «И успѣли кончить полный курсъ? у васъ наукъ много?»

— Мы каждый день сидимъ въ классахъ восемь часовъ и въ классовъ учимъ уроки.

Сперанскій хотѣлъ знать малѣйшія подробности о порядкахъ въ корпусѣ, о начальствѣ, объ обращеніи, о наказаніяхъ, объ обязанности офицеровъ, о пищѣ, даже объ играхъ кадетъ, объ

экзаменахъ. Сперанскій, замѣтивъ, что я говорю о корпусѣ восторженно, съ любовію —

— «Вы любите корпусъ?»

— Я всегда съ благоговѣніемъ вспоминаю Морской корпусъ!

— «Такъ весело вамъ было въ корпусѣ?»

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, корпусъ далъ мнѣ нравственное бытіе, я обязанъ корпусу всѣмъ: я поступилъ въ корпусъ — дикимъ волченкомъ, а вышелъ человѣкомъ, воспоминанія о корпусѣ для меня священны. Начальники были благодѣтели — отцы къ дѣтямъ.

— «Это дѣлаетъ вамъ честь. Но пока вы въ корпусѣ, для васъ внѣшняя жизнь не существуетъ?»

— Напротивъ, мы знаемъ все, что дѣлается, что говорится въ городѣ.

— «Какимъ это образомъ?»

— По субботамъ и праздникамъ насъ отпускаютъ къ роднымъ и знакомымъ; насъ много, насъ, какъ дѣтей, не остерегаются. Когда мы возвращаемся въ корпусъ и рассказываемъ слышанныя новости, мы, своимъ критическимъ умомъ, противорѣчія подводимъ къ общему знаменателю и дѣлаемъ свои заключенія.

— «Обо мнѣ что нибудь говорили у васъ?»

— Какъ же, и очень громко.

— «Что же?»

— Да я васъ повѣсилъ.

— «Какъ такъ?»

— Такъ, вырѣжу изъ бумаги человѣчка, одинъ конецъ нитки на шею, а другой конецъ заверну въ кусокъ жеваной бумаги, брошу въ потолокъ; мокрая жеваная бумага прилипнетъ и человѣчекъ виситъ съ подписью: Сперанскій измѣнникъ.

— «За что же вы меня вѣшали?»

— Говорили, что вы передали Наполеону великіе секреты государя и подписали какую-то бумагу.

— «Такъ вы такіе патріоты въ корпусѣ?»

— Да, мы очень любимъ государя.

— «А Россію?»

— Да какъ любить, чего не знаешь; вотъ я ѣду болѣе года и все Россія, я и теперь ее не знаю.

— «Какъ вы рѣшились ѣхать въ такую даль?»

— Въ Кронштадтѣ не хорошо жить, насъ очень много. Я подумалъ: если въ Камчаткѣ не найду лучшаго, то найду новое— всетаки выигрываю.

— «Смѣлая посылка!»

— Да когда же и искать, какъ не въ мои годы?

— «Вы правы».

Подали огонь; Сперанскій поблагодарилъ, я откланялся.

Иркутскъ веселился напропалую, казалось, никто ничего не дѣлаетъ, а Сперанскій меньше всѣхъ: обѣдъ, балъ—Сперанскій непременно вездѣ присутствуетъ; служащiе при немъ, кажется, затѣмъ и прiѣхали, чтобы праздновать,—только никто не видитъ Цейера и канцелярскихъ, да долго по ночамъ освѣщенъ весь домъ Сперанскаго. Не слыша служебнаго слова и не видя дѣлъ—домъ Трескина постоянно пустѣлъ; домъ, недавно сцентрировавшiй въ себѣ всю жизнь Иркутска—сталъ какъ зачумленный, хотя Трескинъ продолжалъ быть губернаторомъ. Въ обществѣ не было о немъ ни полслова.

Какъ-то вдругъ, неожиданно, явились на сцену разговора три исправника: иркутскiй—Волошинъ, верхнеудинскiй—Гедельштромъ и нижеудинскiй—Лоскутовъ. Первые два были въ Иркутскѣ и были постоянными членами общества; о нихъ говорили, но они одни, кажется, не слышали говора. Двухъ первыхъ я хорошо зналъ, а третьяго—никогда не видалъ.

Волошина называли—студентъ, смѣялись, что онъ, бывши еще московскимъ студентомъ, уже былъ назначенъ исправникомъ, занималъ должность 13 лѣтъ.

Гедельштромъ, по рассказамъ, былъ домашнимъ секретаремъ графа Румянцева; по какому-то дѣлу (не сохранила моя память, чуть-ли не въ Ревелѣ), падающему тѣнью на графа, Гедельштромъ принялъ вину на себя и былъ удаленъ въ Сибирь. Человѣкъ, хорошо учившiйся, предпринялъ путешествiе въ Ледовитому океану; изданная имъ книжка была у меня, но теперь, вѣроятно, не найдется. Гедельштромъ долго былъ исправникомъ за Байкаломъ. На cadaго исправника, по жалобамъ—насчетывались милліоны взятокъ. Гедельштромъ говорилъ, что у нихъ оставались проценты, а капиталъ попадалъ въ Трескину.

У Волошина были крестины; на парадномъ обѣдѣ былъ Сперанскій, обѣдъ былъ роскошный, помню—стерляжью уху на шампансомъ; обѣдъ былъ очень веселъ, говорливъ, Батенковъ былъ въ ударѣ, абординировалъ меня немилосердно; Сперанскій добръ, молчаливъ, но былъ привѣтливъ, ласково шутилъ съ хозяиномъ. На другой день слышимъ: у бѣднаго Волошина описали имѣніе и оказалось денегъ—одинъ рубль семьдесятъ три копейки. Бѣдный Волошинъ, въ день описи имущества, должно быть съ горя, при мнѣ, вечеромъ, проигралъ въ банкъ до 25-ти тысячъ рублей. Странно, никого это не удивило, еще страннѣе, что Сперанскій зналъ о проигрышѣ, но не показалъ и вида, что ему извѣстно. Объ описи Гедельштрома—не знаю или не помню, а вотъ при описи въ Нижнеудинскѣ Лоскутова, у него нашли—набитую мебель ассигнаціями и только въ мебели нашли 450 тысячъ рублей. Сперанскій, немилосердно, жестоко наказалъ этихъ грабителей—онъ сослалъ ихъ въ Россію! Они, бѣдные страдальцы, перѣѣхали—кто въ Москву, кто въ Петербургъ. Хотя жестокое, но оригинальное наказаніе—ссыла въ Сибирь въ столицы!

Михаилъ Михайловичъ трудился не надъ исправленіемъ прошедшаго зла, чего и невозможно было исправить, была бы безплодная работа; онъ трудился надъ устраненіемъ зла въ будущемъ и работалъ—пересоздать управленіе Сибири. Разъ, я случайно слышалъ, какъ говорили люди, имѣющіе возможность знать многое, что Сперанскій сначала хотѣлъ сдѣлать изъ Сибири—Финляндію, но получилъ совѣтъ—не начинать.

Передѣланную Сибирь я видѣлъ чрезъ 12 лѣтъ. Плоды труда Сперанскаго были осязательны: власти были ограничены, правленіе Трескина—было слабымъ преданіемъ и умерло въ исторіи, сохранившись въ анекдотахъ. Но какъ всё дѣла человѣческія—несовершенны, такъ и послѣдствія благонамѣреннаго труда умнаго человѣка—оказались односторонними. Злоупотребленія властей дѣйствительно уменьшились; не слыхать было жалобъ отъ богатаго купечества и вообще классы имущіе были довольны, но за то обезсиленная власть не имѣла силы сдерживать народъ, впадала въ апатію. Въ нравственномъ бытѣ народа я нашелъ огромную перемену, менѣе одного поколѣнія—и народа

узнать было нельзя! Жизнь въ городѣ мало была обезпечена частыя убійства, грабежи, воровства, не далеко отъ Иркутска, въ горахъ—двѣ шайки разбойниковъ. Нѣсколько разъ я слышалъ какъ Лавинскій съ негодованіемъ говорилъ:

— «Человѣкъ готовился лазить на колокольню и звонить въ колокола, а ему поручили передѣлать край! Хорошъ реформаторъ!» и не скупился прибавить непечатныхъ словъ. Болѣе всего поразило меня—это замѣтное обѣднѣніе деревень. Казалось бы, съ уничтоженіемъ деспотической власти полицій, избавленіемъ отъ незаконныхъ поборовъ исправниковъ—жизнь крестьянъ должна бы улучшиться, но результатъ вышелъ противный. Не одинъ разъ слышалъ отъ стариковъ, жалѣвшихъ объ управленіи Трескина, вспоминали какое было спокойствіе, а теперь что...

Я ничего не сказалъ о частной жизни жителей Иркутска, да и вообще не могу сказать многого. О чиновникахъ говорить нечего, это кочующій народъ—пріѣзжаютъ съ цѣлю, на время, и уѣзжаютъ, достигнувъ по возможности своей цѣли; чиновники не составляютъ кореннаго осѣдлаго населенія Иркутска. Аристокрацію Иркутска составляютъ первогильдейцы-милліонеры, торгующіе съ Китаемъ черезъ Кяхту. Градація купцовъ, какъ и вездѣ—по величинѣ капитала. Мѣщане, казаки—всѣ собственники домовъ и не бѣдны. Иркутскіе купцы люди образованные, въ щегольскихъ фракахъ; танцуютъ съ молодыми женами ихъ, я знаю, что онѣ въ платьяхъ, не рѣдко выписанныхъ изъ Парижа. Боляски изъ Питера, съ иглочки. Вотъ вамъ купецъ Вася Баснинъ: Лавинскій пошелъ гулять пѣшкомъ и взялъ меня съ собою. «Вотъ близко, зайдемъ къ Васѣ Баснину». Огромный двухъ-этажный каменный домъ, чистота прекрасная. Не приказавъ доложить, мы нашли Васю Баснина въ библіотекѣ, въ богатомъ китайскомъ шелковомъ халатѣ, въ большомъ покойномъ креслѣ, съ новѣйшею книгою. Вася сконфузился, засуетился. Генераль-губернаторъ запретилъ одѣваться. Вася позвонилъ, явился серебряный шоколадникъ; при насъ сваривъ на спиртѣ, предложилъ намъ прекраснаго шоколада. Лавинскій приказалъ ему надѣть сюртукъ и мы пошли втроемъ продолжать прогулку. Лавинскій взялъ подъ руку Васю, серьезно говорили о средствахъ усилить и улучшить кяхтинскую торговлю. Чувствуя, что я имъ не товарищъ, я откланялся. Вотъ типъ иркутскаго первогильдейца.

Въ 1819-мъ году, выдвигался изъ всѣхъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—по недавнему положенію своему друга сердца губернаторши Трескиной и потому еще, что онъ тогда былъ товарищемъ откупщика. Его домъ занималъ Сперанскій (Кузнецовъ имѣлъ огромный двухъ-этажный каменный домъ на берегу рѣчки Ушаковки). Дума занимала нѣсколько отдѣльныхъ, небольшихъ домовъ для проѣзжающихъ—служащихъ, въ домахъ было все удобство на первое время. Содержатель почты обязанъ былъ немедля прислать пару лошадей съ вучеромъ, которые и находились въ распоряженіи проѣзжающаго цѣлый день. Самъ проѣзжающій попадалъ въ распоряженіе Кузнецова, у котораго, въ нижнемъ этажѣ, обѣдъ, ужинъ, чай—день и вечеръ. Обѣдъ даже прихотливый и разливное море; вечеръ—постоянная игра въ карты; самъ Кузнецовъ не игралъ. Случалось быть свидѣтелемъ, какъ шнырявались десятки тысячъ въ банкъ. Но все было чинно, прилично, весело.

Иркутскъ стоитъ на ровной, сухой мѣстности праваго берега Ангары. Отъ востока обходить, а сѣверную часть города пронзываетъ быстрая рѣчка Ида и тутъ же впадаетъ въ огромную Ангару. Иркутскъ 1819-го года щеголялъ опрятностію улицъ и домовъ. Въ Иркутскѣ всѣ жители имѣли своихъ лошадей, а потому извозчиковъ не было мѣста.

Въ штатѣ Сперанскаго былъ весьма приличный господинъ; говорили, что онъ считается чтецомъ Михаила Михайловича, но едвали это правда: этотъ господинъ говорилъ съ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ акцентомъ; но онъ былъ замѣчательнъ: превосходно игралъ на скрипкѣ, непобѣдимый игрокъ въ шахматы, артистъ на билиардѣ; вотъ онъ-то и давалъ каждый вечеръ концертъ—на картахъ въ банкъ.

Въ Иркутскѣ былъ Вейкартъ; онъ былъ родной племянникъ Сперанскаго; мы были ровесники, онъ еще нигдѣ не служилъ, превосходно образованъ, воспитанникъ іезуитовъ, которыхъ онъ серьезно боялся—хотя іезуиты и были далеко. Жоржъ Вейкартъ былъ очень недуренъ собою, средняго роста, сильно и стройно сложенъ и предобрѣйшаго сердца. Мы скоро сдѣлались друзьями; Сперанскій, кажется, доволенъ былъ нашею дружбою; онъ очень любилъ Жоржа, но денегъ не давалъ ни копѣйки; Жоржъ всегда былъ хорошо одѣтъ, но и только. Всѣ шалости сходили намъ

безъ замѣчанія. Гдѣ теперъ незабвенный мой другъ Жоржъ? — Живъ-ли онъ? а онъ обѣщаль пойти далеко!

Сперанскій все ничего не дѣлаль, все продолжалъ бывать на обѣдахъ и балахъ; казалось, все шло по старому. Цейеръ все суетливо бѣгалъ съ бумагами, — никто ничего не звалъ.

Оставшаяся команда въ Омскѣ прибыла въ Иркутскъ поздно осенью; для слѣдованія въ Якутскъ, мы должны были дожидаться, какъ замерзнетъ великолѣпная Лена. Въ мое отсутствіе изъ Омска, Воронѣвъ женился тамъ.

Стала зима, мы должны были ѣхать. Сдѣлавъ прощальныя визиты, Трескина, кажется, не видаль; я не любилъ его, тогда всѣ обходили его, домъ его точно стоялъ оглашеннымъ, хети онъ и былъ еще губернаторомъ. Когда я откланивался Сперанскому, онъ, ласково улыбаясь, пожелалъ успѣха, не скучалъ, и сказалъ:

— «Совѣтую найти занятіе кромѣ службы и не быть празднымъ».

Батенковъ проводилъ за городъ и съ чувствомъ друга, прощаясь, твердилъ: «пиши, пиши!» Дорогой мой Жоржъ проводилъ меня до первой станціи.

Черезъ 15 лѣтъ, я видѣлъ только одного Сперанскаго; его уже вносили на лѣстницу; онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ. внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— «Ваше имя не обще-употребительное?»

Я назвалъ себя (Эразмъ).

А онъ улыбаясь прибавилъ «Роттердамскій!» Смотря на мое лицо, Михаилъ Михайловичъ сказалъ: «надѣюсь, вамъ была удача въ вашихъ дѣлахъ?»

— Да, я не могу пожаловаться, до сихъ поръ, я доволенъ и службою и дѣлами.

— «Надѣюсь, такъ и будетъ продолжаться, вы должны имѣть успѣхъ.— Случали вы?»

— Мнѣ чувство скуки неизвѣстно.

— «Счастливыи характеръ».

Я замѣтилъ тогда и убѣжденъ теперъ, что Сперанскій не только зналъ, но и уважалъ Лафатера: родимыя пятна на моемъ

лицѣ, по Лафатеру, означаютъ успѣхъ въ жизни. Затѣмъ спрашивалъ о моей службѣ, о жизни въ Камчаткѣ и Охотскѣ. Узнавъ, что я поневолѣ былъ въ Иркутскѣ, хотѣлъ знать, какъ я нашелъ Иркутскъ? Я былъ скромень, но онъ сказалъ:

— «Я имѣю свѣдѣнія, что тамъ стала порочень народъ. Можетъ быть, народъ рано получилъ много воли, можетъ быть, были нужны еще крѣпкія возжи, но будемъ надѣяться лучшаго отъ времени». Въ заключеніе спросилъ, не имѣю-ли я нужды въ его содѣйствіи?

Я почтительно благодарилъ и откланялся. Сперанскій приглашалъ меня раздѣлить свободный часъ, но я болѣе не былъ.

Знаменитость Иркутска въ 1819 году былъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ, въ обществѣ назывался король. Въ 1830 году, я нашелъ короля порядочно старымъ, до крайности бѣднымъ; кажется, всего имущества остался деревянный домъ, въ которомъ жилъ Сперанскій. Домъ большой, въ 1819 году—горѣлъ огнями, въ 1830 стоялъ темный. По старому знакомству, помня хлѣбъ-соль, былъ я у короля—пусто, бѣдно! одинокъ, дѣтей нѣтъ и не было. Говорилъ такъ же на о, но былъ молчаливъ, свучень, даже плохо одѣтъ. Грустное впечатлѣніе! Въ 1833 году, прощаясь окончательно съ Иркутскомъ, заѣхалъ къ королю. Нашелъ его въ маленькой комнатѣ, въ халатѣ съ сотнею заплатъ; онъ сидѣлъ около наклоненнаго лотка (которымъ дѣти катаютъ яйца на Пасхѣ), около него два мѣшка грязнаго песку, а выше лотка—ведро воды. Король со щеткою въ рукѣ вымывалъ песокъ въ лоткѣ.

— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ефимычъ?

— «Да вотъ, по старому знакомству, бѣглый варначекъ принесъ землицы на пробу; не знаю, что будетъ—пробую».

Подумалъ я: ни въ какомъ положеніи надежда не оставляетъ человѣка. Простились съ пожеланіями.

Въ Кіевѣ, получилъ я письмо изъ Иркутска: Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—милліонеръ, не знаетъ счета деньгамъ, дѣлаетъ громадныя пожертванія, статскій совѣтникъ, въ орденахъ и сталъ настоящимъ королемъ между милліонерами!—Видѣнный мною грязный песокъ оказался богато-содержащимъ золото; го-

ворять, 100 пудовъ песку давали около фунта золотого песку; это, конечно, неисчислимое богатство, когда считается не бѣдною розсыпь, которая даетъ изъ 100 пудовъ золотникъ золотого песку.

Трескинъ переселился въ Москву, притворялся бѣднякомъ, дочерей водилъ въ заячьихъ салопахъ. Рассказывали, что Нарышкинъ ходатайствовалъ о вспомошествованіи Трескину и сказалъ, что, по бѣдности, дочери его ходятъ въ заячьихъ салопахъ. Добавляютъ, что государь много смѣялся участію Нарышкина. Кто тогда не слыжалъ о милліонахъ Трескина?

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого воспоминанія за 60 лѣтъ, вѣроятно, живутъ не многіе, да и я оживаю только въ прошедшемъ. Настоящее часто напоминаетъ мнѣ, что я хожу по кладбищу!

Э..... ..ъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Марья Антоновна Бертгольдъ

въ 1816—1822 гг.

Въ 1816 году, по повелѣнію его императорскаго высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича, главнаго начальника кадетскихъ корпусовъ, я былъ опредѣленъ, для воспитанія, въ 1-й кадетскій корпусъ. По шести-лѣтнему моему возрасту, меня помѣстили въ малолѣтнее отдѣленіе, раздѣлявшееся на шесть каморъ, изъ коихъ каждая состояла вѣ завѣдываніи особой дамы (мадамъ), при двухъ нянькахъ. 1-ю каморою завѣдывала мадамъ Марья Антоновна Бертгольдъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и начальницею всего малолѣтняго отдѣленія, 2-ю мадамъ Алабова, 3-ю мамзель Бонниотъ (Елисавета Николаевна, дочь), 4-ю мадамъ Воронцова, 5-ю мадамъ Альбедиль, 6-ю мадамъ Бонниотъ (Марья Ивановна, мать). Не знаю по какому случаю, только я поступилъ въ 1-ю камору и въ послѣдствіи сталъ въ число тѣхъ воспитанниковъ, къ которымъ, за благоправное поведеніе и прилежаніе къ наукамъ, начальница особенно благоволила. Благоволеніе ея ко мнѣ простиралось до того, что, въ послѣднее время пребыванія моего въ малолѣтнемъ отдѣленіи, она назначила меня въ своей каморѣ сержантомъ, т. е. старшимъ воспитанникомъ, обязаннымъ имѣть наблюденіе за прочими своими товарищами. Почестъ великая, которой удостоивались только по одному воспитаннику въ каждой каморѣ, и такимъ образомъ было шесть сержантовъ во всемъ малолѣтнемъ отдѣленіи.

Марья Антоновна Бертгольдъ представляла весьма почтенную и замѣчательную личность, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ и хорошему образованію. Не смотря на преклонныя лѣта,

она неутомимо наблюдала за вѣренными ея попеченію питомцами, слѣдила за ихъ умственнымъ развитіемъ, старалась вселить въ нихъ всё добрыя правила и направить на путь истинный тѣхъ дѣтей, которыя совращались съ него, или по своему нерадѣнію, или по вѣтренности, свойственной ихъ возрасту.

Исповѣдуя лютеранскую вѣру, она была примѣрною христіанкою и считала правила религіи основаніемъ всякаго образованія. Затѣмъ, обращала особенное вниманіе, кромѣ русскаго, на изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, которые знала въ совершенствѣ, приучала также воспитанниковъ къ вѣжливому и ловкому обращенію, — что составляло необходимою принадлежность хорошаго образованія по программѣ, которой держались во время цвѣтущаго состоянія корпуса при бывшемъ начальникѣ его графѣ Ангальтѣ, который тогда не изгладился еще изъ памяти потомства.

Вообще мадамъ Бертгольдъ трудилась не только добросовѣстно, но и дѣлала добра болѣе чѣмъ того требовали обязанности ея званія. Доказательства этому будутъ приведены ниже сего.

Время воспитанниковъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: по колокольчику, въ 6 часовъ утра вставали, умывались, одѣвались, молились и осмотръ чистоты рукъ и платья въ каждой камерѣ посредствомъ мадамовъ и нянекъ; въ 7 часовъ завтракъ, состоявшій изъ тарелки габерсуа съ изюмомъ, при чемъ давали кусокъ ситнаго хлѣба; въ 8 часовъ классы, 1-я перемѣна до 10-ти часовъ, а вторая отъ 10-ти до 12-ти часовъ, а въ 12 часовъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ; послѣ него рекреація въ саду или въ залѣ, въ 2 часа классы до 4-хъ часовъ въ 4 часа булки, послѣ того опять рекреація; въ 7 часовъ ужинъ изъ двухъ блюдъ; въ 9 часовъ ложились спать, а кто хотѣлъ — могъ лечь въ постель и ранѣе, т. е. тотчасъ послѣ ужина. Въ теченіе цѣлаго дня при воспитанникахъ находилась неотлучно, какъ въ классахъ, такъ и за столомъ, въ рекреационномъ залѣ или въ саду, дежурная мадамъ, по очереди чрезъ четыре дня въ пятый, кромѣ начальницы. Очередная мадамъ, для лучшаго наблюденія за поведеніемъ воспитанниковъ, избирала изъ числа ихъ двухъ дежурныхъ собѣ въ помощь. Эти дежурные воспитанники по окончаніи дня, т. е. въ 9 часовъ вечера, обязаны были являться къ начальницѣ съ слѣдующимъ рапортомъ: *«madame! nous avons l'honneur de vous faire le rapport, que sur notre défour tout était tranquille et en ordre»*. При этомъ иногда присовокуплялась, по приказанію дежурной мадамы, если было нужно, особая фраза, въ родѣ слѣдующей: *«Excepté le Cadet N. qui a battu le Cadet M.»*. Въ послѣдствіе этого прибавочнаго рапорта, на другой день виновный подвергался наказанію, смотря по степени вины, т. е. нѣсколькими уда-

рами розги изъ рукъ нявки; штрафу за завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ или во время рекреаций, или лишенію права на увольненіе въ отпускъ въ предстоящій праздникъ; то же самое ожидало и ученика лѣтняго, который былъ записанъ своимъ учителемъ за нежаніе урока. Праздничный день противу будничнаго представлялъ только ту разницу, что воспитанники утромъ, вмѣстѣ классовъ, отправлялись въ корпусную церковь, смотря по вѣроисповѣданіямъ: православную, католическую, или лютеранскую, въ сопровожденіи особо наряжаемыхъ корпусныхъ офицеровъ, которые приводили изъ своихъ ротъ за малолѣтними, отводили ихъ по церквамъ и приводили обратно въ малолѣтнее отдѣленіе, сдавая на руки дежурной мадамъ; послѣ обѣда и до самаго ужина воспитанники пользовались рекреациями, исключая записанныхъ учителями за нежаніе своихъ уроковъ, которые отъ 2-хъ и до 4-хъ часовъ, т. е. до времени раздачи булокъ, должны были отправляться въ классы, для чего наряжался также особый офицеръ съ лѣтними.

Изъ этого распредѣленія занятій воспитанниковъ видно, что главное свободное время, предоставленное въ ихъ пользу въ теченіе дня, заключалось отъ 4-хъ до 7-ми часовъ вечера. Въ эти часы каждый по произволу могъ или приготовить уроки, или гулять, или играть, или вообще заниматься чѣмъ либо другимъ по своему желанію.

Съ наступленіемъ этихъ свободныхъ часовъ, Марья Антоновна обыкновенно всякій день присылала въ садъ или въ залу къ дежурной мадамъ свою горничную, или сторожа, просить объ отпускѣ въ ней на квартиру отъ пяти до восьми воспитанниковъ 1-й каморы, поимянно. Этимъ приглашеніемъ чаще всего были удостоиваемы, конечно, тѣ, которые были у начальницы на хорошемъ счету, а въ числѣ ихъ и я. Въ квартирѣ ея была особая комната, выходившая окномъ въ садъ, гдѣ на нѣкоторомъ возвышеніи стоялъ по срединѣ столъ, а вокругъ его стулья для кадетъ, желающихъ заниматься приготовленіемъ уроковъ, или чтеніемъ. И тѣ и другіе обращались къ ней, или къ ея сыну съ разными вопросами, для разъясненія того, чего они не понимали, или съ просьбою книжекъ для чтенія, и всѣ ихъ требованія были охотно удовлетворяемы. Свободные же отъ занятій смѣло могли идти или въ залу бесѣдовать съ нею на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, или въ кабинетъ къ ея сыну учиться у него вырѣзывать разныя фигуры изъ бумаги, или же играть съ нимъ въ шашки, или въ дурочки. Счастіе и искусство выигрывавшаго вознаграждалось или фигурными вырѣзками, или небольшимъ лакомствомъ, состоявшимъ изъ яблокъ, чернослива, орѣховъ и тому подобнаго. Часу въ 7-мъ мадамъ Вертгольдъ угощала всегда своихъ гостей чаемъ со сливками

и сухарями, а послѣ того отпускала ихъ отъ себя, такъ чтобы они поспѣвали къ ужину съ прочими воспитанниками.

Подобное ежедневное угощеніе, какъ оно ни скромно, но дѣлалось безвозмездно, и все же что нибудь да стоило. Тутъ главное дѣло не въ издержкахъ, хотя онѣ для небогатой начальницы, получавшей ограниченное содержаніе, должны были быть ощутительны. Но гдѣ найти подобную благодѣтельную личность, заботящуюся свыше своихъ обязанностей о поступившихъ дѣтяхъ на столько, чтобы ни одного вечера не провести не посвятивъ его имъ и имѣя притомъ на своихъ рукахъ больного взрослого сына, требовавшаго тоже безпрестанныхъ материнскихъ попеченій?

Этотъ сынъ, Федоръ Федоровичъ Вертгольдъ, молодой человекъ около 30-ти лѣтъ, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1805 году, за слабостію здоровья, былъ уволенъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ 14-го класса. Онъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни и страдалъ тихою меланхоліею. Необыкновенно кроткаго и деликатнаго характера, онъ имѣлъ большое расположеніе къ дѣтямъ; часто занимался съ ними, отыскивая для нихъ въ имѣвшихся у него лексиконахъ французскія и нѣмецкія слова, при упражненіи воспитанниковъ въ переводахъ съ этихъ языковъ; дѣлалъ весьма искусно изъ тонкой бумаги маленькими ножницами вырѣзные силуэты и ландшафты и имѣлъ терпѣніе играть съ дѣтьми въ шашки или въ дурачки.

Кромѣ упомянутаго выше препровожденія времени съ избранными воспитанниками, Марья Антоновна два раза въ недѣлю собирала въ свою залу по вечерамъ, послѣ ужина, всѣхъ кадетъ ея каморы, для упражненія въ разговорахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и для практикованія въ правилахъ свѣтской вѣжливости и манерахъ. Занятія эти сопровождались слѣдующимъ порядкомъ: воспитанники выстраивались въ одну шеренгу съ трехъ сторонъ залы, а на четвертой сторонѣ сидѣла на диванѣ начальница и наблюдала за ними. Ближайшіе два воспитанника, стоявшіе съ лѣвой стороны дамы, поворачивались лицомъ къ лицу одинъ противу другаго и первый задавалъ второму на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, смотря по назначенію, какой либо вопросъ, изъ числа фразъ, помѣщенныхъ въ діалогахъ на этихъ языкахъ; второй, отвѣтивъ на этотъ вопросъ на томъ же языкѣ, обращивался затѣмъ къ другому своему сосѣду съ лѣвой стороны и повторялъ тотъ же вопросъ и, получивъ отвѣтъ, поворачивался на свое мѣсто, и такъ далѣе заданный вопросъ съ отвѣтомъ на него обходилъ весь кругъ до послѣдняго воспитанника. Если кто дѣлалъ ошибку, то Марья Антоновна, слѣдя за этими раз-

говорамъ; исправляла ихъ. Это приучало дѣтей къ лучшему произношенію словъ на иностранныхъ языкахъ и кромѣ того укрѣпляло въ ихъ памяти тѣ фразы изъ діалоговъ, которыя они обязаны были говорить въ классахъ передъ учителями. Забава эта кончалась тѣмъ, что всѣ воспитанники, начиная съ стоявшаго съ лѣвой руки мадамъ Берггольдъ, подходили къ ней по одиночкѣ, раскланивались съ нею по правиламъ танцевальнаго искусства и каждый въ свою очередь повторялъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ ей прощальную фразу, въ родѣ слѣдующей: «madame! j'ai l'honneur de vous souhaiter la bonne nuit». Послѣ того всѣ, сдѣлавъ вмѣстѣ общій ей поклонъ, уходили въ свою камору, гдѣ ложились спать.

А. П. Петровъ.

Примѣчаніе. А. П. Петрову принадлежитъ также другой очеркъ изъ исторіи бывшаго I-го кадетскаго корпуса, помѣщенный въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г. томъ XX.

Смоленская губернія 1813—1816 гг.

[Письмо къ Г. А. Глинкѣ].

М. г. Григорій Андреевичъ (Глинка). Обстоятельства не позволили вамъ видѣть Смоленскую губернію въ самомъ несчастномъ ея положеніи, т. е. въ 1813 году, равно и узнать подробности въ какомъ она и въ сіе время положеніи. Я, какъ самовидецъ онаго по изгнаніи неприятеля, равно по долгу моему знающій и теперешнее ея положеніе, вамъ сообщаю.

Въ 1813 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, возвращался я изъ Рязанской губерніи черезъ Тулу и Калугу. Въ Смоленской губерніи, проѣзжая Юхновскій уѣздъ, первые слѣды разоренія увидѣлъ я на берегахъ рѣки Угры: большое село Знаменское, принадлежащее кн. Шаховскому; половина сожжена; въ пяти верстахъ отъ онаго, егѣ-жѣ, Шаховскаго, село Віошки, гдѣ былъ огромный господскій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями, равно какъ и все еело сожжено безъ остатка.

Затѣмъ увидѣлъ я городъ Вязьму, представляющую въ сіе время только одиѣ обгорѣлыя стѣны каменныхъ домовъ и обширныя пустыя мѣста погорѣвшаго деревяннаго строенія, а оставшіеся отъ пожара нѣкоторые дома наполнены были многими семействами, жившими прежде въ достаткѣ, но въ сіе время нищими и не имѣющими не только выгодъ въ жизни, но даже и самаго пропитанія, стѣсненными, въ чужихъ домахъ, а половина изъ нихъ были больны и безъ помощи.

Проѣзжая съ Вязьмы къ Дорогобужу, 78 верстѣ, всѣ селенія безъ изъятія, лежація на большой дорогѣ и по близости оной, сожжены, и проѣзжая отъ Вязьмы до Дорогобужа не только негдѣ было обогрѣться, но не встрѣчалось ни что живущее на свѣтѣ, и куда-бъ взоръ вашъ ни обратился—надежда мертвѣя тѣла людей, павшихъ лошадей и скота, киверы, башмаки, изорванныя платья и изломанныя повозки. Но гдѣ были обыватели, лишеныя жилищъ, ограбленныя почти на-годо? разбрелись по разнымъ мѣстамъ, увлекая съ собою старика, больныхъ и младенцевъ; не имѣя покровъ, томилась въ несчастіи.

Городъ Дорогобужъ сожжёнъ почти вовсе и едва ли придетъ когда въ прежнее состояніе; обыватели его бѣдны и торги мало значительны; строенъ вѣками—истребленъ въ одинъ день.

Отъ Дорогобужа до Соловьева перевоза 40 верстѣ. Мѣста сіи населены большею частію казенными крестьянами волостей Бизиковской и Свереколуцкой; разореніе потерпѣли съ прочими равное, то есть лишлись домовъ, лошадей, скота, птицъ, одѣянія и пронитанія, но особенно пострадали отъ болѣзней и уменьшились до половины, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ-то Челювая, гдѣ было до 20-ти крестьянскихъ дворовъ, теперь нѣтъ ни одного, а на томъ мѣстѣ построены дорогобужскими мѣщанами два постоянныхъ двора; другая близъ нея лежащая экономическая деревня Косы уничтожилась совершенно.

Приѣхавъ къ Соловьевскому перевозу, начинается Духовской округъ; домъ мой, оттуда въ одной верстѣ, сначала не былъ сожжёнъ,—въ немъ гнѣздились французы и по малу жили нѣкоторыя строенія, самый домъ однако остался не сожжёнъ, но безъ оконъ, безъ дверей, безъ печей и безъ половъ, а о прочемъ имуществѣ и упоминать не слѣдуетъ; но счастливы тоть, чьи крестьяне, такъ какъ мои, остались въ цѣлости, ибо, имѣя жилища свои въ углу Бѣльскаго округа, ужасъ войны не видали.

Въ Соловьевѣ, на берегу рѣки Днѣпра, французы имѣли маленькое укрѣпленіе и пушки, и при изгнаніи нѣкоторое время тамъ держались, отчего и убито ихъ больше нежели въ другихъ мѣстахъ. Тѣла были тотчасъ прибраны, но еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1813 г. мнѣ случилось видѣть вытаскивающія изъ-подъ снѣга тѣла людей и лошадей, а лугъ востѣ Днѣпра—покрытый киверами, башмаками, сѣдлами и разными кусками изорванныхъ платьевъ, доказывающими истребленіе людей.

Въ домѣ моемъ я нашелъ восемь мертвыхъ тѣлъ убитыхъ французовъ и 180 павшихъ лошадей, и хозяйство началось уборкою оныхъ.

Слѣдуя отъ Днѣпра къ Смоленску, на разстояніи восьми верстѣ,

находилось семь ямскихъ деревень, какъ-то: Соловьево, Заднево, Макиевская, Красная ель, Скрыпово, село Яшево и Слабодавишево, но въ мартѣ мѣсяцѣ и прѣдъанковъ онымъ не было, но всѣ мѣста сіи были занесены снѣгомъ и покрыты мертвыми тѣлами; а обывателей участь была та, что и прочіе выше мною описанныя.

Смоленскъ—губернскій городъ, который послѣ сожженія видѣлъ я въ первый разъ въ концѣ мая мѣсяца 1813 года,—ожелѣн бы не имѣлъ окружающей его огромной стѣны и оставшихся каменныхъ церквей, навѣя бы было назвать городомъ; форштадтъ, называемый Петропавловскимъ, былъ чистое поле, покрытое пеломъ и углемъ; а погорѣвшіе и засохшіе сады дѣлали мѣсту сему видъ безобразный. Внутри стѣны лучшіе каменные дома сожжены, а нѣкоторые разстрѣяны ядрами; улицы заустѣли, во всемъ недостатокъ и всеобщее уныніе. Въ такомъ положеніи остались извѣстныя мнѣ мѣста по изгнаніи непріятеля.

Въ сіе время, во милосердію государя императора, отпущено на вспоможеніе разоренныхъ 6 милліоновъ; изъ оныхъ отдѣльно для Калужской губерніи 675 тысячъ рублей, а остальные 5.325.000 употреблены для Смоленской губерніи. Назаннымъ крестьянамъ даны пайки на 1813, 1814 и 1815 годы, и воля ихъ засѣяны всѣ, отпущены на строеніе лѣсъ; дано по 100 рублей на постройку; каждому работнику 50 рублей на покупку лошади и отпущены деньги на отдачу рекрутъ. Помѣщичьи крестьяне получили пайки на три мѣсяца и поля ихъ засѣяна двѣнадцатая часть.—Въ май мѣсяцѣ 1813 года начали обыватели изъ разсѣянна собираться, по привычкѣ, на мѣсто прежнихъ жилищъ своихъ и нѣкоторое время жили на открытомъ воздухѣ, питаясь грибами и хлѣбомъ. Первое ихъ было дѣло убрать мертвыя тѣла людей и павшихъ лошадей и скота, сдѣлать новыя на большихъ дорогахъ мосты и перовозы, строить для хлѣба шалаши. Болѣзни сдѣлались повсемѣстными, люди умирали человекъ за человекъ, большею частію среднихъ лѣтъ, послѣду они убирали тѣла и заразились. Недоставало не только гробовъ, но и работниковъ рыть ямы для погребенія; священники не успѣвали по долгу христіанскому дѣлать каждому погребеніе. Въ сіе самое время смоленское ополченіе возвратилось, а на мѣсто оныхъ новѣдѣно собрать рекрутъ съ каждаго 500 душъ по 10-ти человекъ. Вслѣдъ за тѣмъ другой рекрутскій наборъ изъ 500 душъ по 8-ми человекъ, во время когда болѣзни свирѣпствовали, люди умирали, всѣ вещи, принадлежащія къ отдачѣ рекрутъ, вздорожали, денегъ не было, да и пріобрѣсти ихъ нечѣмъ. Сіе обстоятельство привело обывателей въ совершенное изнуреніе. Къ несчастію, падежъ скота и лошадей продол-

жался и повторялся нѣсколько разъ, такъ что кто успѣлъ приобрести онаго, то повторившееся несчастье все оное истребило, и желавшій поправить свое хозяйство еще болѣе сдѣлался бѣденъ.

По истеченіи льготнаго времени съ окончаніемъ 1813 года, губернія, какъ будто не пострадавшая, поставлена во всѣ прежнія свои повинности наравнѣ съ прочими губерніями, разоренія не потерпѣвшими, а по мѣстному своему положенію страдаетъ болѣе нежели оныя.

Первое, по изгнаніи непріятеля, обыватели должны были устроить большія дороги, мосты и перевозы—не починить, но сдѣлать совсѣмъ новыя, поелику все сіе было истреблено; принять на себя въ натурѣ почтовую гоньбу по всей губерніи, и тѣмъ изнурить остатки тѣхъ лошадей, которыя, по отдаленности своей отъ военной дороги, отъ истребленія непріятельскаго и всеобщаго падежа уцѣлѣли; безпрестанно проводы военныхъ, колодниковъ, воинскихъ командъ, требующихъ подводъ—забирали у нихъ послѣднихъ лошадей и отвлекали крестьянъ отъ полевыхъ работъ; а сіе было въ то время, когда въ большомъ семействѣ едва одинъ человекъ оставался не боленъ или только что началъ оживать, а прочіе всѣ лежали на смертномъ одрѣ и симъ лишались послѣдней для себя помощи. Въ семъ положеніи должно было помышлять о постройкѣ для зимы убѣжищъ Помѣщики для сего срубили послѣднія свои рошчи; но во всемъ затрудненіи останавливали работы. По неимѣнію достаточнаго числа лошадей, не на чемъ было возить матеріалы. Тутъ настало время платить подати, съ каждой души по 3 рубля, и по положенію почтовой гоньбы наймомъ содержаніе оныхъ съ души по 37 копѣекъ, а по сдѣланному постановленію, что ямщики въ числѣ своемъ уменьшились и разорены, то снять съ нихъ изъ отправляемой ими повинности 90 лошадей почтовыхъ и наложить сію тягость на прочіихъ обывателей губерніи, почему и должно было сдѣлать новую раскладку и прибавить къ платимымъ прежде 37 коп. еще на каждую ревизскую душу по 8 коп.

Всѣ эти обстоятельства, совокупно съ тѣмъ, что бѣдный крестьянинъ все кромѣ хлѣба служащее къ его пропитанію, равно какъ и одѣяніе, долженъ приобрести покупкою, ибо по недостатку скота не имѣлъ съ чѣмъ сварить свои щи, а по неимѣнію овецъ не имѣлъ пубы, ни кафтана. Къ несчастію, крестьяне Смоленской губерніи никогда не занимались торгами или какимъ мастерствомъ, но вся ихъ промышленность состояла въ хлѣбопашествѣ, которое и подорвано въ самомъ своемъ основаніи.

И въ семъ положеніи находится и по сіе время (1816 г.).

Проѣзжіе, не бывшіе прежде въ сихъ мѣстахъ, сего не примѣтятъ, потому что деревни построены на тѣхъ же мѣстахъ и подъ тѣми-же названіями, увидятъ крестьянскія избы новыя, примѣтятъ также нѣсколько скота и лошадей. Но тотъ, кто зналъ мѣста сія прежде разоренія, увидятъ большую разницу: деревня, въ которой было прежде дворовъ 23, теперь имѣетъ только 7 или 8; крестьянинъ, у котораго было по обыкновенію 2 избы, 3 или 4 клетки, скотный дворъ и гумно, теперь имѣетъ только одну избу, а рѣдкій успѣлъ сдѣлать и другую, а вмѣсто сѣней плетень; клетъ одна или совсѣмъ нѣтъ ни одной; рѣдкій изъ нихъ успѣлъ построить скотный дворъ, а гумновъ во всей деревнѣ 2 или 3. Во дворѣ, гдѣ было прежде отъ 5 до 10 лошадей и до 12 коровъ, теперь едва 2 лошади и 1 корова, а овецъ почти нѣтъ совершенно. Все сіе для будущихъ временъ общаетъ худыя послѣдствія, поелику почва земли сей такова, что безъ постоянного удобренія истощается и съ трудомъ ужъ поправлена быть можетъ, а безъ скотоводства сего сдѣлать невозможно; и такъ, проѣзжіи, знавшіи прежде мѣста сія, тотчасъ примѣтятъ, что онъ не видитъ на поляхъ тѣхъ скотскихъ стадъ, которыхъ прежде вездѣ встрѣчалъ; примѣтитъ многія нивы и даже цѣлыя поля зануствѣвшими и заросшими кустарникомъ; поля паровыя, прежде всегда скотомъ выбитыя, теперь—заросшія травой и крапивой. На лицахъ жителей примѣтно уныніе причиняемаго воспоминаніемъ прошедшаго благосостоянія и воображеніемъ настоящаго и будущаго своего несчастія; которое для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что должны передать оное своему потомству.

Дворяне губерніи Смоленской, движимые духомъ усердія къ государю и отечеству, а ненавистію къ неприятелю, какъ будто сдѣлавъ общее условіе, каждый оставилъ свое жилище и имущество на произволъ судьбы и старался удалиться. Желаніе было всѣхъ равное, но обстоятельства различны. Счастливы тоть, у кого случились на тотъ разъ деньги немногія, а большая часть не имѣла оныхъ достаточно или совсѣмъ ничего. Но сіе не останавливало. Бѣжали въ каретахъ, бѣжали верхомъ, а многія несчастныя семейства тѣшкомъ тащились, не зная куда и что съ ними послѣдуетъ, и вдругъ изъ благосостоянія очутились въ нищетѣ и пытались подаваніемъ. Тѣ, которые болѣе имѣли способствъ, увезли съ собою по нѣсколько серебряныхъ ложекъ и у кого были чайныя серебряныя приборы, депешіе до нихъ отъ предковъ и хранимыя яко памятники, въ сіе время сдѣлались ихъ ходячею монетою и единственною помощію. Но средства сія скоро истощились, какъ увидѣли себя въ совершенней бѣдности. Но бывъ утѣшены извѣстіемъ о изгнаніи неприятеля, желали бы эту

минуту очутиться на своей родинѣ, но большая часть встрѣтила невозможность; что имѣли съ собою—было продано и издержано, и ужь довольно поздно прибыли на мѣста своихъ жилищъ и не могли оныхъ узнать. Но людей достаточныхъ счастье и здѣсь сопровождало, болѣе могли съ собою забрать при побѣгѣ и скорѣе возвратиться въ свои дома, въ надлежащее время подать прошенія свои въ сословія приврѣнія разоренныхъ и получить значительное вспоможеніе; и при томъ достаточное число деревень ихъ, расположенныхъ въ разныхъ округахъ и въ отдаленности, не потеряли такого разоренія и служили много къ началамъ восстановления хозяйственнаго, хотъ дѣла ихъ и не пришли въ прежнее положеніе. Кто имѣлъ домъ въ 15 или 16 комнатъ, тотъ живетъ въ двухъ или трехъ вновь построенныхъ жилищахъ, имѣя и прочее имущество по соразмѣрности. Но горе тому, кто имѣлъ небольшую деревню, лежащую на военномъ пути: возвратясь, нашелъ домъ свой и дома крестьянъ своихъ сожженными, людей скитающихся безъ крова и пропитанія, больныхъ и умирающихъ, до такой степени, что едва изъ нихъ третья, а у другаго четвертая часть осталась живыхъ, и то большею частію старыхъ и къ работѣ неспособныхъ, и не имѣющихъ притомъ скота и лошадей, и совершенно безпомощныхъ, поелику небогатый помѣщикъ ихъ во время побѣга своего продалъ все, что имѣлъ съ собою, и возвратился нищимъ, не имѣя не токмо способовъ помочь бѣднымъ своимъ крестьянамъ, но и самъ терпѣлъ голодъ и по бѣдности своей не имѣлъ способовъ занять денегъ, и потому же самому не могъ въ скорости возвратиться въ свое жилище; но иной пріѣхалъ въ нихъ іюля или августа; хотя и просилъ сословіе разоренныхъ, но ужь было поздно, время прошло и пособія истощились; и ежели бы сіи несчастные не получили по милосердію монаршему пропитанія на три мѣсяца, то всѣ бы бѣдствія ихъ кончились голодною смертію. Въ такомъ положеніи находится по сіе время Смоленская губернія, а именно, богатые нѣсколько поправились, а недостаточные сдѣлались нищими и безъ особаго вспоможенія навсегда таковыми останутся. Тѣ мѣста, которыя отъ театра войны нѣсколько удалены, хотя дома ихъ не сожжены, но распространившіяся болѣзни по многимъ мѣстамъ дѣлали значительныя опустошенія, а повсемѣстный скотскій падежъ лишилъ обывателей скота и лошадей, отчего сельское хозяйство ихъ совершенно упало. Вотъ все, что я могъ, милостивый государь, по свѣдѣніямъ моимъ сообщить вамъ о положеніи Смоленской губерніи. Пребываю и проч. Ѳеодоръ Лыкошинъ, предводитель дворянства Смоленской губерніи. 1816 года мая 7-го дня.

Сообщ. въ 1875 г. А. Г. Глинка.

НАРОДНЫЕ СЛУХИ И ТОЛКИ

1827 г.

I.

23-го июня 1827 года галичскій помѣщикъ, флота капитанъ-лейтенантъ Петръ Петровичъ Фатьяновъ, заявилъ галичскому земскому суду, что съ нѣ котораго времени доходятъ до него слухи, что во многихъ деревняхъ, лежащихъ въ окрестности его усадьбы, объявляется жителямъ, чрезъ сотскихъ, чтобы они не начинали косить травъ до 29-го июня; «но какъ, — прибавилъ Фатьяновъ, — мнѣ нигдѣ не было до сего времени объявлено по какому предписанію и причинамъ чинится сіе запрещеніе, то, дабы, по мѣждѣнію моему о семъ распоряженіи вышняго начальства, не содѣлаться безъ причины виновнымъ, нужнымъ считаю просить судъ, дабы чрезъ него слѣдуетъ объявлено мнѣ было таковое предписаніе».

Находя, что «слухи эти суть ложные, наносящіе общенародный вредъ. о пресѣченіи моего обязанъ дѣйствовать, по должности своей, сотскій той сотни, отъ всего никакихъ по предмету сему свидѣній судъ не имѣетъ», земскій судъ потребовалъ къ себѣ, для допроса, красильниковаго сотскаго деревни Шипелевой, Бозьму Иванова, который и объяснилъ, что въ его сотнѣ подобныхъ слуховъ не имѣется, но что 21-го числа старосты трехъ помѣщиковъ сказывали ему будто бы запрещено косить траву до Петрова дня. Услыхавъ это въ первый разъ, онъ тотчасъ отправился въ Галичь для узнанія истины и узнавъ достоверно, «что слухи эти ложные и запрещенія ни откуда на сей случай не имѣются», объявилъ на другой день старостамъ и всемъ живущимъ въ его сотнѣ.

Судъ не удовольствовался, однако, этимъ объясненіемъ и поручилъ дворянскому засѣдателю «изыскать виновныхъ, разгласившихъ ложные слухи». Первымъ дѣломъ засѣдателя, по прибытіи на мѣсто, было допросить старосту Кузьмина, на котораго указалъ сотскій, и лишь только онъ началъ свой допросъ, Кузьминъ, «не выслушавъ никакихъ словъ, сталъ божиться и говорить, что знать ничего не знаетъ, а напоследокъ сказалъ, что, зайдя къ сотскому, говорилъ, что отъ народной молвы услышалъ о воспрещеніи косить траву до Петрова дня и просилъ отъ него, яно начальнина сотни, въ семъ случаѣ разрѣшенія. На это сотскій отвѣчалъ, что съѣздить въ Галичь и узнать о всемъ обстоятельстве. Жена же сотскаго говорила ему, что должно есть о семъ запрещеніе»; но затѣмъ отъ ссылки своей на жену Иванова Кузьминъ отказался.

Староста другой вотчины, Герасимъ Максимовъ, показалъ засѣдателю, что, возвратясь 20-го іюня домой, засталъ домашнихъ своихъ косящими на огородахъ траву, а такъ какъ возвращавшіеся съ бывшаго того числа въ Галичъ торгова разные неизвѣстные ему крестьяне и женки говорили, что-де косить траву до Петрова дня запрещено, то опасаясь, чтобы не попасть чрезъ то подъ отвѣтственность, послалъ къ сотскому спросить точно ли есть такое запрещеніе и на другой день получалъ отъ сотскаго отвѣтъ, что «никакихъ нѣтъ запрещеній».

Въ томъ же духѣ объяснилъ дѣло и третій изъ указанныхъ сотскихъ старостъ, Тимофей Даниловъ, съ тою только разницею, что на рассказъ его о народной молвѣ сотскій посовѣтовалъ «погодить косить до тѣхъ норъ, пока онъ съѣздитъ въ Галичъ». Подобный же отвѣтъ сотскій далъ и посланному къ нему старостомъ Кузьминнымъ за недѣлю до 29-го іюня крестьянину Стенанову, говоря: «погодите до Петрова дня, ибо уже времени нѣсколько».

Слова эти подали капитанъ-лейтенанту Фатьянову, отъ котораго земскій судъ потребовалъ разъясненія его объявленія, поводъ обвинять красильниковскаго сотскаго, «потому что если онъ не имѣлъ вреднаго намѣренія, то не могъ и не долженъ былъ отвѣчать подобнымъ образомъ, ибо недѣля времени во время работъ много сдѣлаетъ урону въ быту крестьянскомъ». Однако уѣздный судъ прекратилъ это дѣло, въ виду того, «что по изслѣдованію не открыто, отъ кого именно послѣдовали означенные слухи и всѣ они произшли отъ одной молвы».

Между тѣмъ молва не ограничивалась одною только красильниковскою сотнею; по крайней мѣрѣ, костромской гражданской губернаторъ и кавалеръ Карлъ Баумгартенъ, въ предложеніи галичскому земскому суду отъ 25-го іюля того же года, писалъ, «что до свѣдѣнія его дошло, что по ввѣренному сему суду уѣзду между обывателями распространены слухи, чтобы до Петрова дня не косить сѣна и не ломать вѣнниковъ. Сверхъ того извѣстно, что съ подобнымъ объявленіемъ приходилъ сотскій въ усадьбу Доръ къ помѣщику Ивану Петровичу Тарбѣеву». Поэтому губернаторъ предписалъ суду «строжайше и аккуратнѣйшимъ образомъ изслѣдовать съ чьего приказанія и кѣмъ таковыя слухи распространены были».

Сотскій Стенанъ Васильевъ, на котораго указывалось въ этомъ предложеніи, стрекся отъ приписываемаго ему запрещенія косить траву и ломать вѣнники до Петрова дня, объяснивъ, что управляющему вотчиною Тарбѣеву онъ говорилъ только, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ не работали; но староста деревни Махровой прямо указалъ, что Васильевъ, при встрѣчѣ съ нимъ, сказалъ, «чтобы онъ до Петрова дня сѣна не косилъ и вѣнниковъ не ломалъ, о чемъ бы и вотчинѣ подтвердилъ, чтобы они того не производили, ибо-де ему приказано якобы отъ земскаго суда». Въ виду уликъ

старосты на очной ставкѣ, сотскій сознался, что точно разговоръ этотъ между ними былъ, «оттого самого, якобы имъ слышано, что есть запрещеніе»; и въ дополненіе этого сознанія объяснилъ земскому суду, что объ этомъ запрещеніи онъ слышалъ въ Петровъ постъ, объ Ивановѣ днѣ, на ярмаркѣ въ селѣ Воздвиженскомъ, но отъ кого именно слышалъ—не знаетъ, такъ какъ говорено это было народомъ стороною, а не съ нимъ.

Что касается до Тарбѣева и управляющаго его вотчиною, то извѣстіе о приходѣ къ первому сотскаго съ упомянутымъ въ предложеніи губернатора объявленіемъ не подтвердилось и Тарбѣевъ объяснилъ даже, что онъ уже другой годъ живетъ въ округѣ Буевской, а не въ Галичской, и сотскій у него не бывалъ.

Уѣздный судъ, основываясь на собственномъ сознаніи Васильева, приговорилъ: выдержать его, въ страхъ другимъ, на хлѣбъ и водѣ при земской полиціи недѣлю, подтвердивъ, чтобы на будущее время отъ подобныхъ разглашеній всемірно удержался, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія ¹⁾.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Языкъ любви сто лѣтъ назадъ.

Въ позднѣйшіе годы все болѣе и болѣе появляется въ отечественной литературѣ историческихъ романовъ изъ прошлаго вѣка, при чемъ сочинители ихъ стараются воспроизводить языкъ, какъ письменный, такъ и разговорный, той эпохи, изъ которой выводятъ своихъ героев и героинь. Въ виду этого не безынтересно привести изъ нѣкоторыхъ перелискъ одной русской дамы—за время болѣе ста лѣтъ тому назадъ—тѣ эпитеты, съ которыми она обращается къ избраннику ея сердца.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: ангель, ангель мой, батинька, батя, батинька-душа, батинька-сударышка, батинька-голубчикъ-милый, батюшка-голубчикъ, владыко и сего брѣух (дорогой супругъ), голубчикъ, голубчикъ милой, Гришеночъ мой, Гришеночъ бездѣнный, безпримѣрный и милѣйшій въ свѣтѣ, Гришинька, Гришинька другъ мой, Гришатка мой собственный, голубушка, голубчикъ-другъ-сердечный, голубчикъ-батинька; душа милая, другъ милый, другъ собственный, душа милая-голубчикъ, душевья, душечка, душа моя милая, душенокъ мой дуракъ, дорогія сладкія губки, душатка милая, душечка милая, душечка, душа; жизнь, индѣйскій пѣтухъ, казакъ, котъ заморской, левъ въ тростникѣ, милой, милушка, милуша, миленькой, милая душа, милой и бездѣнной мой, милой мой и прелюбезной другъ, милой другъ, милая милуша, милая милушечка Гришинька, мамурка, милая Гришифшечка, милуша милая, милуша милушенька, моя жизнь, мой дорогой, моя душа бездѣнная, Московъ; нѣжный мужъ; павликъ, радость, сударушка, сударка, славной и сладкой, сударка миленькой, собственной мой милой, соколъ мой дорогой; татаринъ, тигръ, шалунъ, янцкой

¹⁾ Изъ дѣлъ архива костромскаго окружнаго суда.

Пугачевъ, Яуръ (?). Cher époux (милый супругъ), mon cher ami, ma petitiote (мой попугайчикъ), m'amour (любовь моя), mon bien (чортъ возьми, тыфу арнасть!), mon bijou (моя драгоценность; сокровище), mon ami, mon beau faïence d'or (мой прекрасный золотой фаянсъ), mon mari (мой мужъ), mon cher et bien aimé époux (дорогой и возлюбленный супругъ), mon toutou (анка, гамка, завва).

Сообщ. Н. А.

Живописецъ Жанъ Вуаль.

1812 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., т. XXII, помѣщена замѣтка г. Сомова о весьма извѣстномъ у насъ въ прошломъ столѣтїи французскомъ портретистѣ Виолье (онъ-же Вуаль). Виолье былъ еще живъ въ 1812 г. и собирался обративъ въ Россїю. Вотъ что писалъ о немъ изъ окрестностей Парижа въ графу А. К. Разумовскому нашъ посолъ во Франціи князь Александръ Борисовичъ Куракинъ:

«Pavillon Coislin. Coteau de Bellvue, près Paris, le 22 Mai (3 Juin) 1812.

«M-r le Comte. Permettez moi de recommander aux bontés de V. E. le Conseiller de collège Viollier qui aura l'honneur de lui remettre cette lettre et qui retourne en Russie avec sa famille. Il a le bonheur de jouir de la protection de S. M. l'Imperatrice Mère, dont les bontés l'ont fixé chez nous il y a 30 ans et lui font regarder notre pays comme sa véritable patrie. Ses connaissances dans tout ce qui tient aux beaux arts lui concilieront je l'espère la faveur de V. E., et j'ose à ce titre lui demander pour M. Viollier un accueil favorable, auquel je serai bien sensible me flattant qu'il sera aussi un effet des dispositions de V. E. à mon égard. Je la prie и пр. Le Prince Alexandre Kourakin».

Письмо это, находящееся въ архивѣ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, принадлежащемъ нынѣ правнукѣ его князю Н. В. Репнину, доказываетъ, что Виолье не только собирался въ Россїю, но даже прїѣхалъ въ Петербургъ и доставилъ по назначенію посланіе кн. Куракина.

Сообщ. А. А. Васильчиковъ.

Тревога близъ Севастополя 15-го октября 1854 г.

Въ XX-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1877 г., въ Запискахъ доктора А. А. Генрици (стр. 444) изложены обстоятельства тревоги, происшедшей отъ разбѣжавшихся лошадей одного изъ драгунскихъ полковъ. Все это происшествіе изложено не совсѣмъ вѣрно какъ относительно времени, мѣста, такъ и названія драгунскаго полка. Лошади разбѣжались не въ Кинбурнскомъ, а въ Карпопольскомъ драгунскомъ полку. Вотъ вкратцѣ истинное изложеніе этого происшествія.

1-я драгунская дивизія, подъ командою генераль-лейтенанта Врангеля и въ составѣ трехъ драгунскихъ полковъ, Московскаго, Карпопольскаго и Кинбури-

скаго, и одного полка Уральскихъ казаковъ, прошла 6-го октября 1854 года чрезъ Перекоть и въ нѣсколько переходовъ достигла рѣчки Бельбекъ за Вахчисаромъ, гдѣ и была расположена бивакомъ. 13-го октября было получено приказаніе всѣмъ драгунскимъ полкамъ выступить на-легкѣ на Черную рѣчку къ с. Чоргуну; въ 8 часовъ вечера Баргопольскій полкъ выступилъ изъ бивака и въ 4 часа утра 14-го октября перешедши Черную рѣчку вбродъ, остановился на лѣвомъ берегу рѣки и позади Каменнаго моста чрезъ водопроводъ, влѣво отъ него. Здѣсь лошади были покормлены и напоены, съ восходомъ же солнца Баргопольскій полкъ выступилъ чрезъ мостъ водопроводнаго канала на позицію на равнину, гдѣ наканунѣ была произведена кавалерійская атака Кардигана и гдѣ еще лежали убитые англійскіе кавалеристы, которыхъ въ это время убили, а на равнинѣ лежало до 400 труповъ лошадей.

Простоявши цѣлый день 14-го октября на позиціи, къ вечеру кавалерія, оставивъ аванпосты, отошла назадъ за водопроводный каналъ, за исключеніемъ Баргопольскаго драгунскаго полка, который былъ оставленъ на лѣвомъ берегу канала, т. е. на сторонѣ, обращенной къ непріятелю, и расположился на ночлегъ бивакомъ въ эскадронной колоннѣ справа. Такъ какъ полку велѣно выступить на-легкѣ изъ бивака на р. Бельбекъ и всѣ обозы оставлены были тамъ же, и потому коновязи не были взяты; только командиръ 9-го эскадрона капитанъ Трухачевъ распорядился взять коновязь, раздавъ ее по частямъ въ каждый взводъ. Вслѣдствіе этого остальные девять эскадроновъ не имѣли коновязей и лошади были удерживаемы въ рукахъ солдатъ и приходилось такъ, что лошадей по пяти и болѣе на одного человѣка. Въ 9-мъ же эскадронѣ, который былъ въ тотъ же день дежурнымъ, коновязи были разбиты и у нихъ стояли лошади, только размундштученныя. Ночью, когда большинство людей уснуло, жюко полка проскакала лошадъ; былъ ли на ней всадникъ—осталось неизвѣстнымъ, но вслѣдствіе этого шума нѣсколько крайнихъ лошадей шарахнулось, а потомъ и больше лошадей вырвалось съ рукъ сонныхъ людей и всѣ лошади бросились впередъ по направленію къ непріятелю и онѣ не бѣжали на мостъ, такъ какъ онъ былъ сзади. На непріятельской позиціи лошади были встрѣчены выстрѣлами изъ орудій, почему лошади повернули назадъ на отрядъ Жабоврицкаго, который также встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, такъ какъ при темной ночи нельзя было видѣть, что лошади безъ всадниковъ. 9-й же эскадронъ, какъ дежурный, немедленно сѣлъ на лошадей и выѣхалъ впередъ полка и въ этомъ эскадронѣ всѣ лошади оказались на-лицо. Въ то время, когда лошади бросились съ бивака, то часть людей спала въ интервалахъ между эскадронами, а потому нѣсколько было и убитыхъ; я самъ въ это время, проснувшись, видѣлъ въ пяти шагахъ отъ себя убитаго рядоваго 10-го эскадрона шипомъ подковы въ високъ. Съ разсвѣтомъ были посланы драгуны разыскивать бѣжавшихъ лошадей и при помощи казаковъ большинство лошадей было приведено.

Въ Запискахъ же доктора Генрици названъ не тотъ полкъ, въ которомъ разбѣжались лошади, затѣмъ мѣсто бивака указано на правой сторонѣ водопровода, полкъ же стоялъ на лѣвомъ берегу, и, наконецъ, это было не 2-го ноября, а въ ночь съ 14-го на 15-е октября.

Г. Екатеринославъ.

Н. Леонковъ.

АРКАДІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЧУБЕЙ

1790—1878.

4-го марта 1878 года скончался въ С.-Петербургѣ, на 89-мъ году своей жизни, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ опекунскаго совѣта Аркадій Васильевичъ Кочубей, одинъ изъ немногихъ послѣднихъ сподвижниковъ славной эпохи 1812—1814 гг. Аркадій Васильевичъ Кочубей былъ правнукомъ Леонтія Васильевича, погубленнаго Мазепой, и младшимъ сыномъ Василя Васильевича Кочубея, отъ брака его съ Еленою Васильевною Туманскою, дочерью генеральнаго писаря, во время управленія Малороссіею графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Арк. В. Кочубей родился 9-го февраля 1790 г. въ г. Новгородѣ-Сѣверскі (Черниговской губ.) и провелъ первые года дѣтства въ Малороссіи, въ селѣ Ярославцѣ, Кролевецкаго уѣзда, гдѣ жили его родители гдѣ отецъ его († 1800 г.) въ то время былъ предводителемъ дворянства. Въ 1799 г., когда ему минуло десять лѣтъ, къ нему и брату его Александру Васильевичу ¹⁾ поступилъ гувернеромъ аббатъ Фроманъ, присланный изъ Петербурга графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, двоюроднымъ братомъ его отца. Въ 1802 году, Аркадія Васильевича отвезли въ Петербургъ и помѣстили въ известный тогдашній пансіонъ аббата Николая, куда поступилъ гувернеромъ и Фроманъ; въ этомъ же пансіонѣ воспитывались старшіе братья Арк. В. Демьянъ Васильевичъ ²⁾ и Василій Васильевичъ. Въ пансіонѣ аббата Николая, находившемся возлѣ нынѣшняго дома министерства путей сообщенія, каждый воспитанникъ имѣлъ свою особенную комнату, число которыхъ никогда не превышало тридцати трехъ. Всѣ науки преподавались на французскомъ языкѣ. Классными товарищами Аркадія Васильевича были братъ его Александръ Васильевичъ, графъ Соллогубъ (отецъ автора «Тарантаса»), Сер. Петр. Неклюдовъ, князь Пав. Павл. Гагаринъ, графъ Ник. Гурьевъ, Обресковъ, графъ Григ. Орловъ, графъ Серг. Павл. Потемкинъ, Алекс. Мих. Потемкинъ, кн. Ал. Як. Лобановъ-Ростовскій, гр. Григ. Самойловъ и Шенингъ. Въ пансіонѣ Аркадій Васильевичъ съ товарищемъ своимъ, графомъ Потемкинымъ, написали оперу въ стихахъ «Душеньку», взятую изъ поэмы Богдановича, и издали ее роскошно съ гравюрами; тамъ

¹⁾ А. В. Кочубей † 1866 г., членъ государственнаго совѣта.

²⁾ Умеръ 17-го апрѣля 1858 года, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и въ званіи члена государственнаго совѣта.

же онъ переводилъ Расина. Въ 1806 г. аббатъ Николь сдалъ свой пансіонъ двумъ братьямъ аб. Макарь, и въ 1807 г. Аркадій Васильевичъ кончилъ свое воспитаніе имѣя всего семнадцать лѣтъ отъ роду. Будучи еще въ пансіонѣ, Арк. В. былъ записанъ юнкеромъ въ иностранной коллегіи, и произведенъ въ переводчики; изъ пансіона его ввели присягать на чинъ.

Проведя нѣкоторое время въ Малороссіи, Аркадій Васильевичъ возвратился въ Петербургъ, и, собственно говоря, дѣйствительная его служба началась въ 1809 году, когда онъ, съ братомъ своимъ Демьяномъ Васильевичемъ, перешелъ изъ иностранной коллегіи въ канцелярію Принца Георгія Ольденбургскаго, недавно передъ тѣмъ женившагося на Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и назначеннаго въ Тверь генераль-губернаторомъ и главнымъ директоромъ путей сообщеній. Въ Твери, въ 1811 году, Арк. В. былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества.

Когда, въ 1812 году, вспыхнула война, Кочубей покинулъ гражданскую службу и былъ принятъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, поручикомъ, 13-го октября 1812 года, шефомъ котораго былъ генераль-майоръ Федоръ Васильевичъ Ридигеръ. На четвертый день вступленія своего въ полкъ, Арк. В. участвовалъ въ сраженіи подъ Чашниками 17-го, 18-го и 19-го октября, гдѣ за оказанную храбрость награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ; потомъ былъ въ дѣлахъ 26-го октября при Лукомлѣ, 2-го ноября при Смольнѣ, 12-го при Батурѣ, 15-го подъ Борисовымъ, за участіе въ которыхъ произведенъ въ штабъ-ротмистры; участвовалъ въ занятіи Вильны 30-го ноября, въ дѣлахъ декабря 11-го при мызѣ Кытуніяхъ, 15-го при Тильзитѣ, 22-го при Лабіо, 27-го и 29-го въ дѣлѣ при занятіи Кенигсберга, 30-го при преслѣдованіи непріятеля отъ Баумберга до Эльбинга и занятіи онаго, за которыя награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Въ кампанію 1813 года, Аркадій Васильевичъ участвовалъ въ большихъ генеральныхъ сраженіяхъ: апрѣля 20-го при Люценѣ, 8-го и 9-го мая въ сраженіи при Бауценѣ, въ кровопролитномъ авангардномъ дѣлѣ, въ которомъ были убиты три штабъ-офицера и нѣсколько оберъ-офицеровъ Гродненскаго гусарскаго полка; 10-го подъ Рейхенбахомъ, и въ прикрытіи отступленія, за что награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 13-го и 14-го августа, убита была лошадь подъ Аркадіемъ Васильевичемъ—ядро вырвало ей горло—и сбросило Кочубея съ сѣдла. Гусаръ подвелъ ему свою лошадь, и, такимъ образомъ, онъ продолжалъ участвовать въ дѣлѣ. Послѣ того Арк. В. участвовалъ 2-го октября 1813 г. въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Въ 1814 году Кочубей совершилъ со своимъ полкомъ походъ во Францію, и былъ въ дѣлахъ подъ д. Валефіемъ 17-го января, при Баргуровѣ 18-го, при д. Лабаекъ 19-го, подъ Труа, при преслѣдованіи непріятели, за что получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. алмазами украшенный; марта 2-го, 3-го и 6-го въ дѣлахъ на пространствахъ между деревнями С-тъ Мартень, Дотеснуканъ и Ляхель, 8-го и 9-го въ сраженіи подъ Арси, 13-го подъ Фершампенуазомъ, 17-го и 18-го подъ Парижемъ. Здѣсь онъ получилъ отъ короля прусскаго орденъ Краснаго Орла 3-й степени.

Въ 1814 году сентября 14-го, Арк. В. Кочубей произведенъ въ ротмистры, а 10-го октября того же года онъ былъ переведенъ, тѣмъ же чиномъ, лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, находясь въ то время въ отпуску въ деревнѣ, а потому, въ началѣ 1815 года, Арк. В. возвратился въ Петербургъ и явился въ Царское Село въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, коимъ въ то время командовалъ генералъ-майеръ Левашевъ. Служа въ лейбъ-гусарскомъ полку, Арк. В. совершилъ походъ въ Вильну, гдѣ было получено извѣстіе о Ватерлооской побѣдѣ, и гвардія возвратилась въ Петербургъ. Въ гусарскомъ полку Арк. В. Кочубей оставался не долго, потому что, съ перваго дня поступленія въ полкъ, онъ не сошелся съ полковнымъ командиромъ. Левашевъ въ гусарскомъ полку вообще не любилъ; онъ былъ чрезвычайно жестокъ, кромѣ того, съ нижними чинами.

Арк. В. Кочубей просилъ командира гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, генерала И. В. Васильчикова, о переводѣ своемъ въ корпусъ графа Воронцова, находившійся во Франціи, что и было вскорѣ исполнено. Арк. В. въ 1816 году перевелъ подполковникомъ въ Тверской драгунскій полкъ, коимъ командовалъ полковникъ Набель, старшій его товарищъ и пріятель по Гродненскому гусарскому полку.

Главная квартира графа Воронцова была въ Мобежѣ, а полка— г. Ритель. Въ Тверскомъ драгунскомъ Арк. В. назначенъ командиромъ втораго эскадрона, и въ отсутствіи полковаго командира, въ 1818 году, когда полковникъ Набель ѣздилъ лечиться въ Висбаденъ, Арк. В. командовалъ временно полкомъ. Потомъ графъ Воронцовъ предлагалъ Арк. В. мѣсто коменданта въ г. Aveines (г. Авени), но Арк. В. отказался, предпочитая оставаться въ полку.

Въ 1819 г., послѣ Ахенскаго конгресса, императоръ Александръ I заѣзжалъ въ Мобежъ—осматривать корпусъ Воронцова, и вскорѣ послѣ того, войска наши осенью возвратились въ Россію. Тверской драгунскій полкъ поступилъ во 2-ю драгунскую дивизію корпуса графа Ламберта, стоявшую въ Воронежской губерніи. Квартира Тверскому полку была назначена въ селѣ Бѣлогорьѣ, на берегу р. Дона, въ Острогорскомъ уѣздѣ.

Въ концѣ 1821 года Арк. В. взялъ безсрочный отпускъ и отправился въ деревню Ярославецъ, Черниговской губернии, и въ 1824 г. вышелъ въ отставку.

Въ поѣздку свою въ Диканьку къ графу Виктору Павловичу Кочубею, онъ влюбился въ племянницу графини Маріи Васильевны Кочубей, княжну Софію Николаевну Вяземскую, на которой и женился въ томъ же 1824 г. 15-го сентября, и послѣ свадьбы вновь поступилъ на службу и опредѣлился по особымъ порученіямъ къ главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ. Служа въ почтовомъ ведомствѣ, Арк. В., уже въ чинѣ статскаго совѣтника, въ 1827 г., въ день крестинъ Великаго Князя Константина Николаевича, пожалованъ былъ въ званіе камергера Двора Его Величества.

Вскорѣ послѣ того, 9-го марта 1828 г., Арк. В. былъ назначенъ кievскимъ вице-губернаторомъ, гдѣ онъ оставался три года, которые, по словамъ Арк. В. К., были самымъ счастливымъ временемъ его жизни—и дѣйствительно, онъ пользовался въ Кіевѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью, и оставилъ по себѣ въ кievлянахъ отрадное воспоминаніе. Наградой за его въ Кіевѣ службу былъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ маѣ 1830 г., во время пріѣзда государя императора Николая въ Кіевъ, Арк. В. К. назначенъ былъ орловскимъ губернаторомъ; здѣсь, въ 1834 году, скончалась послѣ десятилѣтней счастливой супружеской жизни жена Аркадія Васильевича Софія Николаевна Кочубей.

Передъ этимъ, въ 1833 г., Арк. В. получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени. Сентября 20-го 1834 г. государь императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Орелъ для осмотра драгунскаго корпуса, и пробылъ въ Орлѣ восемь дней. Объ этомъ восьмидневномъ пребываніи покойнаго императора Аркадія Васильевичъ любилъ часто вспоминать и говорить.

Государь былъ очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ въ Орлѣ и, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, вручилъ Арк. В. орденъ св. Анны 1-й степени.

Въ 1835 г. Арк. В. принялъ дѣятельное участіе въ учрежденіи орловскимъ помѣщикомъ Брянскаго уѣзда Михаиломъ Петровичемъ Бахтинымъ кадетскаго корпуса, и опять принималъ, 7-го сентября 1835 г., императора Николая Павловича въ Орлѣ, проѣзжавшаго для осмотра войскъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, вслѣдствіе повторенныхъ просьбъ Арк. В. объ увольненіи отъ губернаторской должности, онъ, въ 1837 г., былъ произведенъ въ тайные совѣтники, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и отчисленъ отъ должности губернатора.

Въ 1842 г. Арк. В. назначенъ сенаторомъ, въ 1-е отдѣленіе 5-го департамента. Въ 1847 г., въ апрѣлѣ, назначенъ почетнымъ опеку-

номъ въ свб. опекунскій совѣтъ и вслѣдъ за симъ попечительнѣ больницы Всѣхъ Скорбящихъ.

Больницею Всѣхъ Скорбящихъ управлялъ болѣе двадцати лѣтъ. и при увольненіи отъ управленія Арк. В. удостоился получить Высочайшій рескриптъ:

«Аркадій Васильевичъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, не смотря на преклонныя лѣта и многочисленныя занятія по сенату, вы съ неутомимымъ усердіемъ заботились о благоустройствѣ ввѣренной вашему управленію больницы Всѣхъ Скорбящихъ. Нынѣ, увольняя васъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ обязанностей по означенному заведенію, я справедливымъ долгомъ считаю выразить вамъ при этомъ случаѣ совершенную Мою признательность и благоволеніе. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, 27-го января 1868 года.

Продолжительная служба Аркадія Васильевича Кочубей, въ званіи сенатора и почетнаго опекуна, была вознаграждена 1848 г. орденомъ св. Владиміра 2-й степени, 1851 г. Бѣлаго Орла, 1855 г., уже въ нынѣшнее царствованіе, орденомъ св. Александра Невскаго, 1856 г. чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 1859 г. брилліантовыми знаками Александра Невскаго, и послѣднею наградою Арк. В., полученною имъ на службѣ, былъ орденъ св. Владиміра 1-й степени. Послѣдніе годы, уже въ глубокой старости, Арк. В. пересталъ ѣздить и въ сенатъ и въ опекунскій совѣтъ.

Аркадій Васильевичъ Кочубей, проживъ до глубокой старости, былъ вездѣ и всегда любимъ всѣми знавшими и окружавшими его.

Отличительною чертою его и двухъ братьевъ его, Демьяна и Александра В. Кочубеевъ, съ которыми его соединяла неизмѣнная дружба, было исчезающее совершенно въ нынѣшній вѣкъ гостепримство, хлѣбосольство и желаніе помочь ближнему. На сколько онъ могъ, онъ старался помочь каждому нуждающемуся; сколько лицъ были облагодѣтельствованы тремя братьями, про то знаютъ многіе малороссіане, съ благоговѣніемъ воспоминающіе о своихъ покровителяхъ. Не задолго до смерти, мучимый тягостною болѣзнію, онъ со смиреніемъ перенеслъ страшныя страданія, причастился, и, вскорѣ послѣ оправившись, жилъ недѣли три, и тихо заснулъ 4-го марта 1878 года. 7-го марта, тѣло Аркадія Васильевича было предано землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, возлѣ могилъ братьевъ-друзей. При выносѣ, ему были отданы воинскія почести, какъ кавалеру золотаго оружія за храбрость. Передъ домомъ, по Мойкѣ, находился въ строю лейбъ-гвардіи Князь полкъ и гвардейская конная батарея.

Графъ Милорадовичъ.

СУДЕБНОЕ ДѢЙСТВІЕ,

ПРОИСХОДИВШЕЕ ДЕКАБРЯ 21-ГО ДНЯ 1809 ГОДА,

ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПАНСИОНѢ,

ВО ВРЕМЯ ГОДИЧНАГО ИСПЫТАНІЯ ЮНОШЕСТВА,

ОБУЧАЮЩАГОСЯ РОССІЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ,

ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ КОЛЛЕЖСКАГО СОВѢТНИКА

ЗАХАРІЯ ГОРЮШКИНА.

Дѣйствіе производилось въ Убѣдномъ Судѣ, въ залѣ Благороднаго Пансіона,
представленной въ видѣ судебного мѣста.

МОСКВА.
1809.

ДѢИСТВУЮЩІЕ:

Уѣздный судья, Павелъ Хотиницовъ.

Засѣдатели:

Старшій,	Ееимъ Карновичъ.
Младшій,	Сергій Саларевъ.
Стряпчій,	Сергій Чаплинъ.
Секретарь,	Федоръ Гамаля.
Протоколистъ,	Иванъ Выходцевъ.
Регистраторъ,	Александръ Выходцевъ.

У протоколнста:

Подканцеляристь,	Алексей Озотаницкой.
Копистъ,	Степанъ Карновичъ.

У регистратора:

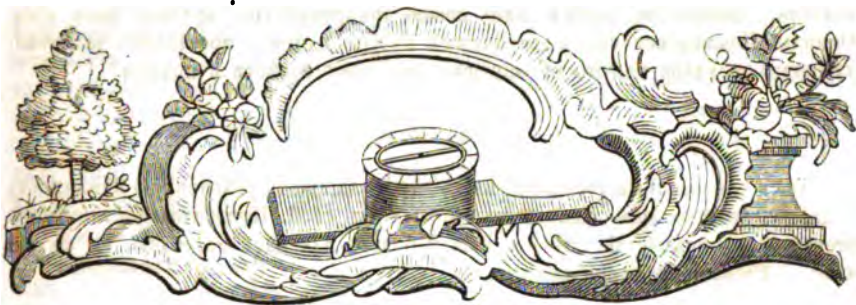
Канцеляристь,	Николай Медвѣдевъ.
Подканцеляристь,	Иванъ Забалинъ.
Копистъ,	Петръ Храповицкій.
Помощникъ гражданскихъ дѣлъ,	Алексей Комаровъ.

У него:

Подканцеляристь,	Иванъ Изборскій.
Копистъ,	Дмитрій Поповъ.
Построенные:	1-й. Николай Гамаля.
"	2-й. Николай Каменискій.

Предложена для рѣшенія задача:

Имѣеть-ли право участвовать въ наследственномъ недвижимомъ имѣннiи сестра послѣ брата съ дочерью его?

Все назначенныя къ отправленію дѣйствія входятъ въ залу слѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Младшій засѣдатель; за нимъ секретарь и протоколистъ рядомъ.

За ними стряпчій.

Первые трое садятся на свои мѣста, а стряпчій или тутъ остается, или уходитъ.

2-е. Старшій засѣдатель.

Секретарь и протоколистъ, вставши, ему кланяются; засѣдатель, сдѣлавши имъ и младшему засѣдателю приличную учтивость, садится на свое мѣсто.

3-е. Наконецъ, входитъ узднй судья.

Увидѣвши его, все встаетъ и кланяется; онъ, отвѣтствуя имъ также поклономъ, садится на свое мѣсто. Секретарь становится въ концѣ судебного стола, подлѣ старшаго засѣдателя, а протоколистъ у наоя, поставленнаго въ концѣ сего стола, и дѣйствіе начинается. Узднй судья открываетъ засѣданіе рѣчью, на которую сперва старшій засѣдатель, а потомъ младшій отвѣтствуютъ.

СУДЬЯ.

Милостивые государи! Счастливо государство, въ которомъ каждый гражданинъ споспѣшествуетъ благу ближнихъ, каждый членъ общества ревностно исполняетъ долгъ свой. Воинъ, съ мечомъ въ рукахъ, охраняетъ отечество отъ нападеній непріятеля;—судья неусыпно печется о покоѣ и благоденствіи внутреннемъ, наказуетъ клевету и неправду и отверзаетъ невинности кровь и защиту надежную;—ученый наставляетъ народъ добродѣтели и просвѣщенію: миръ и блаженство цвѣтутъ въ странѣ сей! На насъ, любезные товарищи! возложена священнѣйшая обязанность блюсти въсы правосудія и воздавать каждому по дѣламъ его. Обязанность пріятная, драгоценная сердцамъ нашимъ! Постараемся быть достойными своего званія и оправдать выборъ дворянства!...

СТАРШІЙ.

Правосудіе есть главная добродѣтель судій. Судья безъ правосудія подобенъ воину безъ меча и храбрости, подобенъ земледѣльцу безъ пахити и трудолюбія. Дворянство почтило насъ своею довѣренностію, вручило намъ всѣя Ѳемиды. Поклянемся предъ верховнымъ Судіею и предъ престоломъ человеколюбиваго государя нашего не нарушать законовъ совѣсти и правды.

МЛАДШІЙ.

Такъ, милостивые государи! намъ долгъ защищать утѣсенную невинность и карать преступленіе. Исполнимъ свято долгъ свой. Признательность сыновъ отечества и спокойствіе совѣсти нашей будутъ для насъ наградою, ни съ какимъ сокровищемъ несравненною.

СУДЬЯ.

Теперь приступимъ къ нашей должности (Звонять въ колокольчикъ и говорить къ придвернику): Просителей.

ПРИДВЕРНИКЪ (впускаетъ по одному).

ПРОСИТЕЛЬ (входитъ и кланяется съ учтивостію).

СУДЬЯ (знавши его).

А! Семенъ Ивановичъ! что вамъ угодно?

ПРОСИТЕЛЬ.

Мнѣ нужно подать прошеніе отъ жены моей, о утвержденіи за нею недвижимаго имѣнія послѣ родителя ея (Подаетъ).

СЕКРЕТАРЬ (принявъ прошеніе, читаетъ).

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь императоръ Александръ Павловичъ, самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій!

Проситъ титулярнаго совѣтника Семена Иванова сына Добромислова жена Анна Сидорова дочь; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Сего 1809 года октября 5-го дня, родитель мой коллежскій секретарь Сидоръ Петровичъ Правинъ скончался; за нимъ было во владѣніи недвижимаго имѣнія, доставшагося ему по наслѣдству послѣ родителя его Петра Сергѣевича Правина, Пансіонскаго округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, написанныхъ по вышней 5-й ревизіи за упомянутымъ дѣдомъ моимъ 836 душъ, съ

принадлежащими къ нимъ по генеральному размежеванію землями, оставшіяся за отдачею мнѣ въ приданое въ деревнѣ Игнатьевой 90 душъ. А какъ у него другихъ ни сыновей, ни дочерей не было: то по всему оному, на основаніи уложенія 17-й главы 2-й стать 2-го отдѣленія, состою я одна наслѣдницею. Ибо хотя именованный родитель мой и имѣеть родную сестру Марью, но она родителемъ его выдана въ замужство за коллежскаго совѣтника Ивана Гаврилова сына Разсудова, съ даннымъ ей въ приданое недвижимымъ его имѣніемъ, состоящимъ сего же округа въ деревнѣ Сидоровой въ 75-ти душахъ: то она, по силѣ указа 7185 года августа 10-го дня, въ томъ оставшемся послѣ родителя моего недвижимомъ имѣніи при жизни моей участвовать не можетъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было то оставшееся послѣ родителя моего наслѣдственное недвижимое имѣніе, на основаніи законовъ, за мною справить и отказать. Сіе прошеніе подать, за дѣломъ хожденіе имѣть, къ чему надежить, тако же въ удовольствіи и неудовольствіи подписываться вѣрю я именованному мужу моему, о чемъ дано ему отъ меня вѣрующее письмо, при семъ приложенное.

Всемилолюбивѣйшій государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ прошеніи рѣшеніе учинить. Вашего императорскаго величества вѣрноюданная Анна Добромыслова. Декабря 21-го дня 1809 года. Сіе прошеніе сочинялъ и на-бѣло переписывалъ Пансіонскаго земскаго суда канцеляристъ Андрей Петровъ сынъ Волковъ. Къ подаванію надлежитъ въ Пансіонскомъ уѣздномъ судѣ.

СЕКРЕТАРЬ (къ просителю).

Извольте подписать подачу и дать на производство дѣла гербовой бумаги. (Идетъ къ своему столу, а за нимъ)

ПРОСИТЕЛЬ (подписываетъ подачу такъ):

1809 года декабря 21-го дня подаю повѣренной Семень Добромысловъ.

СЕКРЕТАРЬ (звонитъ между тѣмъ въ колокольчикъ и говоритъ къ придвернику).

Повытчика.

ПОВЫТЧИКЪ.

Что прикажете?

СЕКРЕТАРЬ.

Прими гербовой бумаги 5 листовъ.

ПРОСИТЕЛЬ (подписавши, отдаетъ).

СЕКРЕТАРЬ (къ просителю).

Напишите тутъ же, что и отдали.

ПРОСИТЕЛЬ (пишетъ).

И дасть на производство гербовой бумаги 5 листовъ (И потомъ идетъ къ судѣ).

СУДЬЯ (къ просителю).

Мы не замедлимъ сдѣлать рѣшеніе по вашей просьбѣ.

ПРОСИТЕЛЬ (поклонясь, уходитъ).

СУДЬЯ.

Кажется, это дѣло обыкновенное. Кому въ такомъ случаѣ, какъ не дочери, быть наслѣдницею послѣ отца.

СТАРШІЙ.

Конечно. Хотя и видно, что послѣ покойнаго оставалась сестра, да она выдана отъ отца ея съ награжденіемъ. При томъ всегдашній обытъ подтверждаетъ, что имѣніе по законамъ, въ прошеніи изъясненными, дается послѣ отца дочерямъ, противъ чего и тетки ни слова не говорили.

СУДЬЯ.

Кажется, будто здѣсь и толковать болѣе нечего.

МЛАДШІЙ.

Однакожъ всегда и во всемъ должно основывать заключенія свои на точной силѣ и словахъ законовъ, и примѣры не должны быть основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ.

СТАРШІЙ.

Кто можетъ вамъ противорѣчить въ этомъ; только и въ законахъ нѣаго ничего не сыщемъ, какъ то, что дочь послѣ отца наслѣдница, а не сестра.

МЛАДШІЙ.

Не говоря еще ничего о законныхъ предписаніяхъ, я скажу только, что и тетка ея также дочь отцу своему, и онѣ между собою, въ разсужденіи ихъ пола, равны. Изъ прошенія видно, что дано въ приданое родителями ихъ: за теткою 75, а за племянницею 90 душъ. И такъ она, получа достальныя 835, будетъ имѣть 925 душъ изъ дѣдовскаго имѣнія: то судя естественно, я не вижу, почему бы должна быть дочь сына предпочтительнѣе дочери отца его.

СТАРШІЙ.

Да что намъ заниматься этими мыслями, когда законы говорятъ иначе.

МЛАДШІЙ.

Это какъ вамъ угодно; а я прежде, нежели услышу о томъ слова закона, не смѣю утверждать ни того, ни другаго.

СУДЬЯ.

Иначе и быть не должно; теперь мы только предварительно судимъ, по словамъ прошенія.

МЛАДШІЙ.

Въ прошеніяхъ иногда пишутъ всякъ по своему.

СЕКРЕТАРЬ (въ это время дѣлаетъ на прошеніи помѣту такъ: №, подано декабря 21-го дня. Учиня справку съ архивомъ и выписку изъ дѣла и законовъ, предложитъ къ докладу. Отдаетъ прошеніе протоколисту, а онъ регистратору. Сей, записавъ его во входящую книгу, отдаетъ повѣтчику съ роспискою въ ней. Повѣтчикъ, записавши запросъ въ архивъ, подаетъ его секретарю; онъ, подписавши его, отдаетъ повѣтчику, и при окончаніи послѣднихъ словъ младшаго, подошедъ къ судейскому столу, къ судьямъ).

Я приказалъ изготовить все, что нужно къ рѣшенію сего дѣла.

СУДЬЯ.

Вотъ увидимъ.

ПРИДВЕРНИКЪ.

Господнинъ коллежскій совѣтникъ Разсудовъ приказалъ о себѣ доложить.

СУДЬЯ.

Проси его сюда, и какъ войдетъ, подай стулъ.

ПРОСИТЕЛЬ (съ учтивостію подаетъ судья бумагу и придверникъ ставитъ для него стулъ).

СУДЬЯ (указывая на стулъ).

Прошу садиться. Позвольте спросить, что это за бумага?

ПРОСИТЕЛЬ.

Прошение жены моей о раздѣлѣ съ племянницею ея недвижимаго имѣнія, оставшагося послѣ первой—брата, а послѣдней—отца.

СЕКРЕТАРЬ (принявъ, читаетъ).

Всепресвѣтѣйшій, державнѣйшій, великій государь императоръ Александръ Павловичъ, самодѣжецъ всероссійскій, государь всемилоостивѣйшій!

Проситъ коллежскаго совѣтника Ивана Гавриловича Разсудова жена Марья Петрова дочь; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Родитель мой Петръ Сергѣевичъ Правинъ, имѣя за собою недвижимое имѣніе, состоящее Пансіонскаго округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, людьми и крестьянами, написанными за нимъ по нынѣшней 5-й ревизіи 1,000 душами, со всѣми принадлежащими къ нимъ, по генеральному размежеванію, землями и всякими на ней угодьями, въ 1795 году августа 17-го дня, далъ въ него за мною въ приданое деревню Сидоровскую, состоящую въ семидесяти пяти душахъ, съ принадлежащею къ ней землею, и 1796 года мая 25-го дня скончался. Послѣ его все оставшееся за нимъ недвижимое имѣніе, на основаніи уложенія 17-й главы 2-й статьи 1-го отдѣленія, дано сыну его, а моему родному брату Сидору. Онъ, владѣя тѣмъ недвижимымъ имѣніемъ, 1797 года января 9-го дня, отдалъ же изъ него въ приданое за дочерью своею Анною деревню Игнатову, имѣющую въ себѣ девяносто душъ, съ принадлежащею къ ней землею, и сего 1809 года октября 5-го дня умеръ. Послѣ его на основаніи оной уложенной статьи и указа 7184 года марта 14-го дня, по 7-му докладу, состою я къ оставшему по немъ, братъ моему, родовому недвижимому имѣнію, обще съ дочерью его, вотчинницею.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было изъ того оставшагося послѣ брата моего наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія, надлежащее по законамъ количество за мною справиться и отказать. Сіе прошеніе подать, за дѣломъ хожденіе имѣть, и къ чему надлежитъ руку прикладывать, въ удовольствіи и неудовольствіи подписываться—вѣрю я именованному мужу моему, и что учинить—прекословить не буду, о чемъ и даю ему отъ меня особливое вѣрующее письмо, при семъ приложенное.

Всемилоостивѣйшій государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моему прошенію рѣшеніе учинить. Вашего императорскаго величества вѣроподданная Марья Разсудова. Декабря 21-го дня 1809 года. Сіе прошеніе сочинялъ и переписывалъ Пансіонскаго земскаго суда копінствъ Сидоръ Андреевъ сынъ Строкинъ. Къ поданію надлежитъ въ Пансіонскомъ уѣздномъ судѣ (Кладеть прошеніе предъ просителя). Извольте подписать подачу и пожаловать на производство дѣла гербовой бумаги.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я приказу ее дать. Сколько прикажете?

СЕКРЕТАРЬ.

Три листа.

ПРОСИТЕЛЬ (пишетъ подачу такъ):

1809 года декабря 21-го дня подаю повѣренной Разсудовъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Извольте тутъ же написать: и далъ на производство гербовой бумаги три листа.

ПРОСИТЕЛЬ (и то пишетъ).

СЕКРЕТАРЬ (взявши прошеніе, на своемъ столѣ пишетъ на немъ помѣту: №, подано декабря 21-го дня. Отдать къ дѣлу и росписать оное и помѣченные въ немъ законы въ выписку. Отдаетъ протоколисту, и оно по прежнему порядку доходить до повѣтчика, который, что помѣчено секретаремъ, исполняетъ).

СУДЬЯ (къ просителю).

Мы предъ вами не скроемъ: отъ племянницы вашей супруги теперь же подано мужемъ ея прошеніе, чтобъ оставшее послѣ отца ея имѣніе утвердить за нею одною.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я это и прежде зналъ. Къ счастью нашего семейства, оно отнюдь не разстроитъ нашей родственной связи. Мы и безъ того богаты; за нимъ или за мною оно будетъ, меня не обогатитъ, а его не разоритъ.

СУДЬЯ.

Это весьма благородно.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я увѣренъ, что племянница сейчасъ охотно бы раздѣлила съ тетвою это имѣніе; но мы имѣемъ дѣтей, а дворянская грамота говоритъ: «Благородный наследственнымъ имѣніемъ да не распоряжается инако, какъ законами предписано».—И потому не дѣлая сдѣлки по домашнему, мы положили войти въ судъ къ исполнителямъ законовъ.

СУДЬЯ.

Примѣрное родство!

ПРОСИТЕЛЬ.

Да за что тутъ ссориться? Правосудіе подобно вѣсамъ: съ одной стороны существо дѣла, а съ другой—законъ: то неужели на это должно негодовать, когда положенныя на нихъ тяжести одна другую будутъ перевѣшивать? Это ихъ свойство.

СУДЬЯ.

Однакожь, кажется, это дѣло не такъ мудрено, чтобъ и дома его не можно было кончить. Примѣры многихъ рѣшеній подтверждаютъ, что послѣ отъ дочь наследница.

ПРОСИТЕЛЬ.

Боимся чтобъ, опершись на примѣрахъ, не ошибиться. Пусть лучше скажутъ вамъ тѣ, которые обязанности говорить по точной силѣ и словамъ законовъ: да или нѣтъ!

СУДЬЯ.

Мы займемся рѣшеніемъ этой задачи.

ПРОСИТЕЛЬ (вставши).

Покорнѣйше васъ прошу объ этомъ (уходить).

СУДЬЯ (старшему).

Неужь-ли этому иначе быть должно, какъ мы прежде думали?

СТАРШІЙ.

Посмотримъ, что намъ скажутъ законы?

ПОВЫТЧИКЪ (подошедъ къ секретарю).

Выписка изъ законовъ по дѣлу г-жъ Добромысловой и Разсудовой готова.

СУДЬЯ (къ секретарю). •

Пожалуй представь намъ скорѣе эту матерію на разрѣшеніе, такъ ли она мудрена, какъ мы объ ней теперь слышали?

СЕКРЕТАРЬ (ПОДПИСАВШИ ВЫПИСКУ).

Вѣнська готова и повѣренныя подписались, чтобъ слушать ее безъ нихъ.

СУДЬЯ.

Читайте.

СЕКРЕТАРЬ.

Существо дѣла вамъ уже извѣстно: не прикажете-ли начать съ законовъ?

МЛАДШІЙ.

По моему, для чего же и не такъ?

СТАРШІЙ.

И я на это согласенъ.

СУДЬЯ.

Читайте законы.

СЕКРЕТАРЬ.

Уложенія глава 17-я о вотчинахъ начинается такъ (читаетъ): «Въ прошломъ во 136 году блаженныя памяти великій государь, царь и великій князь Михайла Феодоровичъ всея Россіи, и отецъ его государевъ блаженныя-же памяти, великій государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, патріархъ московскій и всея Россіи, указами о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ». Потомъ статьи 2-й въ отдѣленіи 1-мъ (читаетъ): «У которыхъ вотчинниковъ послѣ ихъ останутся дочери ихъ и сестры замужемъ, и объ вотчинахъ ихъ учнутъ битъ челомъ по родству чело-битыми, тѣхъ умершихъ дочери и сестры, которыя замужемъ, въ вотчину же».

МЛАДШІЙ.

Это какъ двѣ капли воды съ нашимъ дѣломъ.

СТАРШІЙ.

Справедливо. Но послушаемъ, что будетъ далѣе.

СЕКРЕТАРЬ (ПРОДОЛЖАЕТЪ ЧИТАТЬ).

«И имъ чинити указъ по уложенію; а онѣ тѣмъ вотчинамъ вотчичи».

СТАРШІЙ.

Это еще не конецъ. Надобно слышать, какой указъ есть объ этомъ далѣ въ уложеніи?

МЛАДШІЙ.

Справедливо. Но что сестра послѣ брата съ дочерью его въ оставшемъ по немъ участвуетъ, то это, кажется, очень ясно сказано.

СУДЬЯ.

Пожалуйте: послушаемъ далѣ, тутъ, можетъ быть, все есть.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«А послѣ которыхъ умершихъ учнутъ быть челою о вотчинахъ послѣ отцовъ своихъ сыновья и дочери, и тѣ вотчины давати сыновьямъ, а дочерямъ вотчинъ съ братьею жеребьевъ не давати, пока-мѣста братья ихъ живы, а давати дочерямъ послѣ отцовъ ихъ изъ помѣстей на прожитокъ по указу».

СТАРШІЙ.

Но это при жизни брата такъ и было; что же дѣлать, какъ онъ умеръ?

МЛАДШІЙ.

Кажется, и объ этомъ ясно сказано: «Дочерямъ вотчинъ съ братьею жеребьевъ не давати, пока-мѣста братья ихъ живы». Следовательно, какъ умрутъ, то давати.

СТАРШІЙ.

По заключенію—такъ; но должно знать, что объ этомъ законы говорятъ.

МЛАДШІЙ.

Или какъ вамъ угодно.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«А какъ братья ихъ не станеть, и дочери тѣмъ вотчинъ анъ вотчинъ».

СТАРШІЙ.

Вотъ и конецъ.

МЛАДШИЙ.

Справедливо.

СТАРШИЙ.

Такъ поэтому одна дочь послѣ отца и наследница, а не сестра его съ вею?

МЛАДШИЙ.

А, по моему, надобно прежде разсудить: о чьихъ дочеряхъ тутъ говорится?

СТАРШИЙ.

О чьихъ же, какъ не о сыновнихъ?

МЛАДШИЙ.

А мнѣ кажется—о дочеряхъ отеческой и сыновней.

СТАРШИЙ.

Жеаль бы я, чтобъ мнѣ это было доказано.

МЛАДШИЙ.

Изволите слышать во-первыхъ: умираетъ вѣето, послѣ его остается дочь его и сестра.

СТАРШИЙ.

Такъ.

МЛАДШИЙ.

И слѣдовательно, онѣ въ отношеніи къ ихъ родителямъ—дочери.

СТАРШИЙ.

Что же дагѣе?

МЛАДШИЙ.

Не о нихъ ли послѣ этого сказано, что одна послѣ отца, а другая послѣ брата—вотиччи.

СТАРШИЙ.

Да это уже конечно; требуется повегвміе объ оставшихся послѣ умершаго сына и дочери.

МЛАДШІЙ.

Я и на это вамъ доложу: наследовалъ въ нѣвнѣмъ перваго сына, а второ-
братъ.

СТАРШІЙ.

Правда.

МЛАДШІЙ.

Потомъ умираетъ братъ, остается въ живыхъ его сестра, а перваго дочь:
то о комъ же сказать, какъ не о дочери перваго вотчинника, а послѣднюю
сестрѣ.

СТАРШІЙ.

Пусть такъ; но тутъ говорится о такомъ братѣ, послѣ котораго не оста-
лось дѣтей, а у насъ есть дочь.

МЛАДШІЙ.

Нѣтъ, здѣсь этого не сказано, а говорится во множественномъ числѣ о
дочеряхъ.

СТАРШІЙ.

А что же изъ этого слѣдуетъ?

МЛАДШІЙ.

Слышали вы, что онѣ дочери сына и отца, и что о участіи послѣ одной
отца, а другой брата сказано: онѣ вотчичи. — Да положимъ и по вашему, что
въ послѣднемъ случаѣ говорится только о смерти одного брата; но оставилъ-ли
онѣ дѣтей, о томъ ни слова не сказано.

СТАРШІЙ.

Что же изъ этого слѣдуетъ?

МЛАДШІЙ.

То, что при какихъ бы обстоятельствахъ ни умеръ братъ, сестра послѣ
его вотчинница.

СТАРШІЙ.

Такъ, по вашему, если-бъ братъ и сына оставилъ: то и при немъ тогда
его была бы вотчинницею?

МЛАДШІЙ.

У насъ теперь такой матеріи нѣтъ, то и не нужно ею заниматься, по пословицѣ: о чемъ не просятъ, того не судятъ. А отвѣтствовалъ я только на вашъ вопросъ.

СУДЬЯ.

Такъ-ли, сякъ-ли будетъ, оставимъ до времени судить объ этомъ, а послушаемъ, что далѣе говорятъ законы.

СЕКРЕТАРЬ.

Въ отдѣленіи 2-мъ (читаетъ): «Да въ прошломъ въ 157-мъ году блаженный памяти великій государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, патріархъ московскій и всея Россіи, указалъ вотчины родовыя и за службы данныя отдавати вотчинамъ дѣтямъ сыну, а буде умершаго сына не будетъ, и тѣ вотчины дочерямъ».

СТАРШІЙ.

Ну, вотъ и кончано. У насъ послѣ умершаго нѣтъ сына, а есть дочь; слѣдовательно, и должна наследовать она, не смотря на то, что послѣ сего осталась сестра.

МЛАДШІЙ.

О! пожалуйста, удержитесь съ своимъ заключеніемъ. Здѣсь очень ясно видѣть можно, что это узаконеніе о томъ, когда послѣ умершаго останется сынъ или дочь, а о сестрѣ его и слова нѣтъ.

СТАРШІЙ.

Да что изъ этого слѣдуетъ?

МЛАДШІЙ.

То, что если судить по вашему, то оба эти закона одинъ другому будутъ противорѣчить; но поелику они говорятъ совсѣмъ о разныхъ случаяхъ наследства женскаго пола, въ самомъ дѣлѣ бываемаго, то этого объ нихъ и мыслить я не смѣю.

СТАРШІЙ.

Для меня такъ это не вразумительно.

МЛАДШІЙ.

Напротивъ, очень ясно. Извольте представить, по вашему, будетъ вотъ какъ: по первому закону будутъ участвовать въ имѣніи и дочь и сестра; а по второму получить все одна дочь, хотя бы и была у него сестра: слѣдательно, одинъ случай будетъ производить равныя дѣйствія, одно другому противныя; то какъ же это назвать, какъ не противорѣчіемъ?

СТАРШІЙ.

Что же далѣе?

МЛАДШІЙ.

А если въ первомъ случаѣ будутъ участвовать дочь и сестра, а во второмъ, когда нѣтъ сестры, одна дочь: то будутъ оба эти закона дѣйствовать на каждый особенно случай, а не противорѣчить; и слѣдовательно, въ первомъ дочь сына будетъ въ наслѣдіи равна дочери отца, а не предпочтительнѣе, какъ вы изволите полагать. Вотъ случай одинъ изъ тѣхъ, для которыхъ нужно знать естественное право, дабы удобнѣе понять гражданское!

СУДЬЯ.

Позвольте еще болѣе вникнуть въ слова законовъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Статья 4-я: «О родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ государь указалъ и бояре приговорили быти по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и по уложенію прежнихъ государей отца своего государства блаженныи нами великаго государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Россіи и дѣда своего святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха московскаго и всея Россіи 136 и 137 году, какъ писано выше сего, у кого сыновей не останется и родовыя и выслуженныя вотчины давати дочерямъ».

СТАРШІЙ.

Да это все то же, что прежде слышали.

МЛАДШІЙ.

И притомъ все сказанное въ указахъ 136 и 137 годовъ, въ первомъ случаѣ, о участи дочери съ сестрою ея отца, а во второмъ—одной дочери, когда нѣтъ сестры, подобно печати утверждается на вѣчныя времена.

СУДЬЯ (къ секретарю).

Что далѣе?

СЕКРЕТАРЬ.

7184 года марта 14-го въ 7-й статьѣ докладомъ представлено было (читаетъ): «Послѣ котораго умершаго останутся сироты и дочери, а сироты не станутъ, а вотчины за сиротами были не исправлены, а за ними исправлены, а послѣ ихъ останутся дочери, и тѣ вотчины дочери умершаго дать, или внуку его, сиротной дочери».

СУДЬЯ.

Вотъ на этотъ вопросъ, кажется, отвѣтъ можетъ насъ помирить.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«И великій государь указалъ, и бояре приговорили: Послѣ котораго умершаго останется дочь, да внука, сироты дочь; и послѣ умершаго, хотя будетъ за сиротами были вотчины исправлены, дѣлить пополамъ тетки съ племянницы; а за которою дочерью далъ отецъ въ приданна вотчины, и тѣ вотчины зачитать, и давать то, что доведется противъ остаточныхъ вотчинъ половины».

МЛАДШІЙ.

И правда, что помирить; инаго и сказать нечего, какъ быть дѣлу такъ, какъ тутъ законъ говорить.

СУДЬЯ И СТАРШІЙ ЗАСѢДАТЕЛЬ (вздумываются).

СЕКРЕТАРЬ (подождавши несколько).

Смѣю представить, что этому закону есть отиѣна.

СТАРШІЙ (съ торопливостію).

Пожалуй одолжи.

СЕКРЕТАРЬ.

Въ 7185 году августа 10-го дня, эта статья еще представлена была въ разсмотрѣніе боярамъ; послѣ чего въ указѣ на нее сказано: «Бояре, слушавъ сію статью, для спору и челобитья всякихъ чиновъ людей, приговорили отставить».

СТАРШІЙ (къ младшему съ улыбкой).

Стало, послѣ этого и всякое мудрованіе въ сторону.

МЛАДШІЙ.

О! я совсѣмъ далекъ отъ этого (повторяетъ слова): «Бояре приговорили сію статью, для спору и челобитья всякихъ людей, отставить». А не для того, чтобъ она противна была прежде изданнымъ законамъ.

СТАРШІЙ.

А чтожь изъ этого вы еще выведете?

МЛАДШІЙ.

Послѣ подумаемъ, въ какомъ уваженіи должны быть боярскіе третники.

СТАРШІЙ.

Да какъ вы ни воображайте, только все будетъ то, чтобъ остаться.

МЛАДШІЙ (къ судьямъ).

Позвольте продолжать.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«И приговорили послѣ такихъ умершихъ вотчинниковыхъ сыновей и дочерей вотчины давать дѣтямъ его, съ того умершаго внучатамъ, буде сыновей не останется, и такіа вотчины давать и дочерямъ ихъ, а теткамъ такихъ вотчинъ не давать, и съ племянницами не дѣлить потому, что онѣ, тетки, и братья своей по уложенію не вотчинницы; а будетъ у такихъ тетокъ и племянницъ не останется, и такіа вотчины отдавать такимъ, буде послѣ племянницъ умершихъ дѣтей не будетъ: а будетъ такіа ихъ племянницы съ тѣми вотчинами выдутъ замужъ и будутъ у нихъ дѣти, и тѣ вотчины дѣтямъ ихъ, и которыя помрутъ въ дѣвкахъ, или и замужъ вышедъ, а дѣтей у нихъ не будетъ, и такіа вотчины отдавать теткамъ же ихъ».

СТАРШІЙ.

Вотъ вамъ и все.

МЛАДШІЙ.

И подлинно—все.

СТАРШІЙ.

Что же вы послѣ этого изволите сказать?

МЛАДШІЙ.

Я не знаю, что вы противъ меня скажете, а я смѣю доложить, что противъ этого никому и рта отворить нельзя, не согласясь на то, что я уже сказалъ.

СТАРШІЙ.

Вы шутите, а здѣсь шуткамъ не мѣсто!

МЛАДШІЙ.

Совсѣмъ напротивъ. Какъ бы этотъ боярской приговоръ ни былъ основателенъ на предыдущее время къ рѣшенію по нему дѣлъ, но къ существу нашего дѣла онъ никакого отношенія не имѣетъ.

СТАРШІЙ.

Почему же такъ?

МЛАДШІЙ.

А вотъ почему: уложенная статья и указъ 7184 года говорятъ о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ.

СТАРШІЙ.

Точно такъ.

МЛАДШІЙ.

Указомъ же 7185 года повелѣно: давать при рѣшкѣ только братнимъ дочерямъ, а ихъ племянницамъ однѣ выслуженныя вотчины; слѣдовательно, до родовыхъ онъ не касается: то поэтому на родовыя должны дѣйствовать законы, прежде его состоявшіеся. Но у насъ дѣло идетъ о родовой вотчинѣ: слѣдовательно, онъ къ нашему дѣлу никакого отношенія не имѣетъ, а должно дѣйствительнымъ остаться то, что сказано уложенія 2-й статьи въ 1-мъ отдѣленіи и указъ 7184 года на 7-ю статью. какъ на немъ основанномъ и болѣе объясненномъ.

СТАРШІЙ.

Не понимаю, какъ это у меня мимо ушей пролетѣло. Однакожь вы согласитесь, что этимъ указомъ 7-я статья указа 7184 года вся отставлена.

МЛАДШІЙ.

Теперь нужно посудить о важности этого 7185 года боярскаго приговора.

СТАРШІЙ.

Чтожь бы тутъ нужно было знать?

МЛАДШІЙ.

Вотъ что: въ уложеніи сказано, что въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ тетка съ племянницею вотчини; а указомъ 7184 года предписано было и то, какъ ихъ между ими раздѣлять.

СТАРШІЙ.

Пусть такъ.

МЛАДШІЙ.

Но въ 7185 году боярскимъ приговоромъ велѣно: давать при теткахъ шемьяницамъ выслуженныя вотчины.

СТАРШІЙ.

Правда.

МЛАДШІЙ.

Слѣдовательно, имъ вмѣстѣ съ отмѣненіемъ указа 7184 года въ разсужденіи выслуженныхъ вотчинъ отмѣнена и сила уложенная.

СТАРШІЙ (думаетъ).

МЛАДШІЙ (перерывая молчаніе, говоритъ къ судья).

Не угодно-ли приказать прочесть указъ 1714 года іюня 15-го дня: такъ, кажется, объ этомъ что-то сказано.

СТАРШІЙ.

Да, да!!!

СУДЬЯ (къ секретарю).

Читайте.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«Ревнуя закону Божию, дабы во всѣхъ отъ Бога данныхъ его царскому величеству государствахъ судъ былъ повсюду равный, безъ богоненавистаго лицемѣрія и противнаго истинѣ проклятыя користи, повелѣлъ всякаго чина судіямъ всякія дѣла дѣлать и вершить всѣ по уложенью; а по указаннымъ пунктамъ и сепаратнымъ указамъ отнюдь не дѣлать, развѣ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ уложеніи ни мало не упомянуто, а учинены на то не въ премѣну, но въ дополненіе уложенія новоуказные пункты. И того ради тѣ пункты пріемлются во исполненіе онаго законнаго уложенія, дондеже оное уложеніе для невольныхъ въ немъ рѣшительныхъ пунктовъ исправлено и въ народъ публиковано будетъ, понеже въ уложеніи того не обрѣтается. А тѣ всѣ указы, которые учинены не въ образецъ, также которые учинены противно уложенію, и прочіе тому подобныя, хотя помѣчены именными указами и палатскими приговорами, всѣ отставить и на примѣръ не выписывать».

младшій.

Вотъ извольте послѣ этого посудить о силѣ боярскаго приговора 7185 года.

старшій (секретарю).

Да, нѣтъ-ли чего дагѣе въ законахъ?

секретарь.

Есть, да, кажется, все то же.

судья.

Однакожь пожалуй-ка прочти.

секретарь.

Указа 1731 года марта 17-го, въ статьѣ 2-й по назначеніи участій женамъ послѣ мужей, мужьямъ послѣ женъ и дочерямъ послѣ отцовъ при братьяхъ сказано: «Прочіе всѣ раздѣлы между дѣтьми и родственниками мужескимъ и женскимъ поломъ, чинить по уложенію».

младшій.

А о новоуказныхъ статьяхъ и слова нѣтъ.

секретарь.

Извольте услышать.

судья.

Ну, что еще?

секретарь.

Тутъ же въ статьѣ 6-й (читаетъ): «Прочія невершенныя и вновь начинающіяся дѣла дѣлать и рѣшить по сему указу и по уложенію, и по новоуказнымъ статьямъ, которыя учинены въ дополненіе уложенія, и приняты къ законному уложенію, а не въ противность».

старшій.

И подлинно, это одно только подтвержденіе указа 1714 года, о уничтоженіи новоуказныхъ статей, противныхъ уложенію.

СЕКРЕТАРЬ.

Богѣ на эту матерію законовъ вѣтъ.

СТАРШІЙ (къ младшему, съ видомъ учтивости).

Послѣ всего этого мнѣ ничего не остается, какъ просить у васъ прощенія: можетъ быть, я при нашихъ преніяхъ и связалъ вамъ чтонибудь лишнее.

МЛАДШІЙ (съ тою же учтивостію).

О! сдѣлайте милость, не извольте беспокоиться; это все происходило между нами отъ усерднаго желанія исполнить вашу обязанность, а пословица говоритъ: «Ошибиться можно, да въ ошибку признаться должно». Стало, это уже и кончено. А съ другой стороны еще и то говорится: должно то извинить, что можно усердіемъ замѣнить. И такъ, остается намъ только исполнить общему вашему намѣренію, чтобъ рѣшить это дѣло по точной силѣ и словамъ законовъ.

СТАРШІЙ.

По моему, дѣлу кончено: въ раздѣлѣ имѣнія теткѣ съ племянницею поступить по словамъ указа 7184 года, основывающагося на уложенной статьѣ.

СУДЬЯ.

О! пожалуйте! это слишкомъ скоро и отважно. Извѣстно, что дѣла по силѣ указа 7185 года, съ состоянія его, рѣшились противно вашему заключенію: то какъ же можно подумать, чтобъ всѣ прежде насъ бывшіе ошибались?

СТАРШІЙ.

Что дѣлать, сейчасъ читано, что примѣры, чьи бы то ни были, не законъ; я противъ закона не смѣю ничего ни думать, ни говорить.

СУДЬЯ.

Какъ бы то ни было, но мнѣ позвольте взять нѣкоторое время на размышленіе; я въ недоумѣніе прихожу. Какъ это? Указъ 7185 года дѣйствовалъ иначе, нежели вы полагаете, и если мы заключимъ противное, то чтобъ намъ грубо не ошибиться.

МЛАДШІЙ.

Кажется, не изъ чего будетъ сдѣлать такого заключенія объ насъ.

СУДЬЯ.

Притомъ думать надобно и о томъ, что мы такимъ рѣшеніемъ наведемъ неудовольствіе тѣмъ племянницамъ, которыя привыкли этимъ правомъ такъ долго пользоваться, между тѣмъ, какъ тетенька объ этомъ молчала.

младшій.

Чтожъ дѣлать, когда законы насъ обязываютъ въ отправленіи правосудія поступать безъ лицепріятія!

старшій.

И безпреставно подтверждаютъ, чтобъ отдавать каждому ему принадлежашее; а притомъ тетка, которая нынѣ о правѣ своемъ проситъ, тѣмъ не виновата, что другія объ этомъ молчали и тѣмъ права своего лишились.

судья.

При всемъ этомъ, позвольте мнѣ посоветоваться съ кѣмъ нибудь знающіе меня въ этакихъ дѣлахъ.

младшій.

Это какъ вамъ угодно.

судья.

А естли и тогда не рѣшусь, то не лучше-ли будетъ представить въ вернее мѣсто, чтобъ ово меня разрѣшило?

секретарь.

Да и генеральнаго регламента въ главѣ 6-й сказано (читаетъ): «Наипаче надлежитъ того смотрѣть, ежели дѣла сомнительныя и какого изъясненія требующія, чтобъ не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельству напередъ или сенату докладываться, или справиться откуда надлежитъ».

младшій.

Хотя по законамъ и велѣно представлять въ вышнія мѣста, а имъ докладываться государю, но въ такихъ только случаяхъ, когда въ законахъ покажется темно, или на что законовъ нѣтъ; а на что есть въ законахъ ясныя предписанія, о томъ настрожайше запрещается представлять и тѣмъ требовать указа на указъ (Указъ 1722 года апрѣля 17-го о храненіи гражданскихъ правъ); взять же время на разсмотрѣніе дѣла, конечно, вамъ отказать въ этомъ не можно.

старшій.

Справедливо: чѣмъ осторожнѣе, тѣмъ лучше.

судья (къ протоколисту).

Запишите въ нынѣшнемъ журналѣ, чтобъ по этому дѣлу имѣть дальнѣйшее разсужденіе въ другое собраніе.

ПРОТОКОЛИСТЪ (пишетъ журналъ такъ):

1809 года декабря 21-го дня.

Въ Пансіонской уѣздной судѣ прибыли по полуночи господа:

уѣздный судья }
засѣдатель } въ 6-мъ часу.

С л у ш а л и:	Когда приговоры крѣплены.	Когда исполнены.
<p>Выписку по прошеніямъ титулярнаго совѣтника Семена Иванова сына Добромыслова жены Анны Сядоровой, и коллежскаго совѣтника Ивана Гаврилова сына Разсудова жены-жъ Марьи Петровой дочерей, о недвижимомъ имѣніи Пансіонскаго округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, Приказали: по открывшемуся сомнительству, на основаніи генеральнаго регламента 6-й главы, имѣть разсужденіе въ другое собраніе.</p>		

(Потомъ, подписавши, подаетъ секретарю).

СЕКРЕТАРЬ (то же сдѣлавши, къ судьямъ).

Не угодно-ли подписать нынѣшній журналъ?

судья.

Читайте!

СЕКРЕТАРЬ (прочитавши съ начала до конца, кладетъ протоколъ къ подписанію предъ уѣзднаго судью. Онъ, подписавши, подаетъ старшему, сей—младшему, а младшій отдастъ протоколисту и потомъ всѣ встаютъ и расходятся).

Примѣчаніе. «Судебное дѣйствіе», напечатанное здѣсь, было издано въ 1809 году, въ 4-ю д., 25 стр., и сообщено намъ А. С. Наставникомъ. Мы сочли его нелишнимъ перепечатать, такъ какъ оно весьма живо воспроизводитъ бумажное, безконечное и безгласное судопроизводство недавней старины: еще въ первой четверти текущаго столѣтія судьи въ Россіи должны были справляться съ боярскими приговорами Михаила Федоровича и учащемуся юношеству, будущимъ судьямъ, на основаніи «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича, чины юридическіе вопросы, какіе могла имъ представить ихъ дебная практика.

и вооруженіе; религиозныя понятія; дѣленіе времени; народныя праздники; народное творчество; наконецъ общіе выводы о древнемъ бытѣ западныхъ оявноу.

Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Книга V, выш. I. Подъ ред. Н. А. Попова. стр. 221. Москва. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Весь настоящій томъ занятъ матеріалами, относящимися къ этнографіи Архангельской губерніи и сообщенными въ означенное общество г. Еоименко, давно уже извѣстнымъ въ нашей этнографической литературѣ нѣсколькими подобными трудами. Этотъ матеріалъ распределенъ по слѣдующимъ отдѣламъ: общія свѣдѣнія о населеніи; жилищныя обстановка; одежда и обувь; пища и питье; свадебныя обряды; обряды и игры въ теченіе года; нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; народное врачеваніе; расколъ среди сельскаго населенія. Во второй выпускъ, уже печатающійся, войдутъ: народный языкъ и словесность. Само собою понятно, что эти легкія указанія далеко не исчерпываютъ всего богатства матеріаловъ, заключающихся въ означенномъ собраніи. Общество предполагало сначала представить обработку ихъ подъ заглавіемъ «Описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ»; но оставило эту мысль по разнымъ соображеніямъ. Конечно, изданіе матеріаловъ въ настоящемъ видѣ имѣетъ и свои преимущества, если имѣть въ виду постоянное накопленіе новыхъ матеріаловъ и отчасти вслѣдствіе сообщенныхъ данныхъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ, труды г. Еоименка заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено должное вниманіе.

Указатель къ неофициальной части Университетскихъ (киевскихъ) Извѣстій за 1861—1877 года. Киевъ. 1878. 45 стр.

Настоящій указатель даетъ полный перечень научныхъ статей, помѣщенныхъ въ Извѣстїяхъ за все время ихъ существованія по 1877 г. включительно, а также всѣхъ статей касающихся состоянія университета св. Владимира и его учреждений.

Изданія Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ 1877—1878 гг.

Въ концѣ прошлаго года архивъ издалъ: «Очеркъ дѣятельности комисіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при немъ (207 стр. Ц. 1 р.). Въ этотъ очеркъ входятъ: записка о дѣятельности комисіи (составлен. г. Асимономъ), существованіе которой тѣсно связано съ именемъ незабвеннаго дѣятеля по русской археографіи гр. Н. П. Румянцева, и отчеты архива за 1873—1877 гг. Помимо собственно оециальнаго интереса, заключающагося въ послѣднихъ, въ нихъ можно найти свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ архива и занятїяхъ въ немъ нашихъ ученыхъ. Весьма желательно, чтобы Московскій архивъ не замедлилъ также изданіемъ исторіи этого важнаго учрежденія, къ составленію которой уже приступлено теперь, но въ которую вошли бы возможно полныя свѣдѣнія о матеріалахъ, хранящихся въ архивѣ, такъ какъ едва ли можно ожидать въ скоромъ времени появленія въ свѣтъ систематическаго описанія самаго архива, хотя въ его распоряженіи находятся уже прекрасныя описи Н. Н. Бантыша-Каменскаго и реестры позднѣйшихъ пріобрѣтеній этого учрежденія.

Въ то же время означенная комисіи занялась перепечаткою прежнихъ своихъ изданій, какъ-то Памятниковъ рос. словесности XII вѣка, Калайдовича, Древнихъ рос. стихотвореній, собранныхъ Киршено Даниловымъ, и издала уже вновь: Законы В. К. Іоанна Васильевича и вѣука его Царя Іоанна Васильевича. (XIX + 76. Ц. 1 р.), съ предисловіемъ М. Стрѣва и К. Калайдовича. Новое изданіе произведено по подлиннымъ спискамъ, составляющимъ собственность того же архива. Кроме того, комисіи печатаетъ каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати библіотеки того же архива, съ 1517—1821 годъ. Въ виду вновь оживившейся дѣятельности комисіи, можно пожелать, чтобы она приняла на себя трудъ окончить V-й томъ Собр. госуд. грамотъ, печальная исторія котораго такъ подробно разсказана въ очеркѣ дѣятельности комисіи, и отпечатала бы письма Калайдовича объ археологическихъ, наслѣдованіяхъ въ Казанской губ. (1823 г.).

В. И.—въ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербурѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ **Ивиола Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

- I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библиографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовныя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн. съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятый.

ДЕКАБРЬ.

1878 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Тьebo, берлинскаго профессора и академика, 1765—1785 гг. Глава IV. Перевель и сообщ. съ прихъчаніями Д. Д. Рябининъ (Окончаніе)	575	скій. — Переходъ на службу изъ Симбирска въ Кіевъ.	631
II. Журналъ и воспоминанія В. Н. Зиновьева. 1785—1790 гг. Сообщ. Н. П. Барышниковъ. Прихъчанія его и кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго (Окончаніе)	598	IV. Историческіе матеріалы, повелѣнія, письма и замѣтки: 1. Императрица Екатерина II: ея повелѣнія и резолюціи: О герinguтерахъ. — По поводу неурожая. — О покупкѣ суконъ съ российскихъ фабрикъ. — О строеніяхъ (712). 2. Письмо Григорія Потемкина къ Екатеринѣ II, 1769 г. (716). 3. Повелѣніе Екатерины II о пасторахъ, 1786 г. (717). 4. Замѣтки Z, и г. Дика (710).	
III. Очерки, рассказы и воспоминанія Э..... ва. V. Жизнь и служба въ Симбирскѣ, 1834—1837 гг. — Поступленіе въ жандармы. — Приѣздъ въ Симбирскъ. — Пошылки къ прихиренію губернатора съ обществомъ. — Щекотливое дѣло. — Новый губернаторъ, Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. — Бунтъ лашманъ-татаръ. — Императоръ Николай Павловичъ въ Симбирскѣ. — Ссылные. — Княжна Тамара. — Графъ Мошинскій. — Разрушеніе раскольниковей обители. — Бунтъ удѣльныхъ крестьянъ въ Сызранскомъ уѣздѣ. — Казни. — Гр. Л. А. Перов-		V. Приключеніе Густава III, стихотвореніе Василия Петровича Петрова, 6-го іюля 1788 г. Сообщ. съ предисловіемъ П. А. Ефремовъ	719
		VI. Князья Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковы, обезглавленные въ 1739 г. Замѣтка къ портретамъ ихъ при «Русской Старинѣ»	735
		VII. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. Н.—въ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ. Указатель личныхъ именъ въ XXIII-мъ томѣ «Русской Старины».

Открыта подписка на историческій журналъ: «Русская Старина» 1879-го года [десятый годъ изданія]. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и проч. приложеніями восемь руб.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.), 1877 г. и 1878 г. Цѣна каждаго года въ 12-ти книгахъ съ гравированными портретами **по 8 руб.** съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, № 90—1.

1878.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря.

вопросомъ: не можетъ ли онъ заручиться необходимымъ ей на это время содѣйствіемъ человека истинно-даровитаго и достойнаго довѣрія къ его познаніямъ по данному предмету. Князь указалъ на де-Ларивьера, расхваливъ его до-нельзя. Договоръ съ послѣднимъ былъ заключенъ и утвержденъ, съ условіемъ, что онъ явится къ императрицѣ прежде срока, назначеннаго для собранія въ Москвѣ депутатовъ изъ всѣхъ областей имперіи.

Въ минуту отъѣзда Ларивьера, г-жа де Мор*** (m-me de Mor***), очень милая и любезная дама, связанная съ нимъ тѣсною дружбой, не могла рѣшиться пустить его одного на жертву всѣхъ обстоятельствъ дальняго пути; съ своей стороны, и жена его обнаружила не менѣе участія къ здоровью мужа, который тоже былъ не въ силахъ противиться столь нѣжной внимательности,—такъ что, въ заключеніе всего, они пустились въ дорогу троимъ.

По пріѣздѣ путешественниковъ изъ Парижа въ Берлинъ (гдѣ и часто имѣлъ честь ихъ видѣть), они отдыхали тамъ болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ собрались съ духомъ углубиться далѣе на сѣверъ. А между тѣмъ, императрица, желавшая видѣть ожидаемаго путешественника только для того, чтобы посоветоваться съ нимъ на счетъ проекта уложенія, приготовленнаго для сословныхъ депутатовъ, приходила въ нетерпѣніе и досадовала. Наконецъ, не задолго передъ наступленіемъ дня открытія собранія, — она уѣхала съ своимъ проектомъ въ Москву, открыла въ опредѣленный срокъ засѣданіе депутатовъ ¹⁾ и внесла проектъ на ихъ обсужденіе. Г. де-Ларивьеръ прибылъ въ Петербургъ чрезъ семь или восемь дней послѣ отъѣзда императрицы; никакихъ относительно себя распоряженій онъ не засталъ и когда выразилъ желаніе отправиться въ Москву, ему отвѣчали, что онъ не можетъ этого сдѣлать: о его пріѣздѣ послали государынѣ донесеніе и возвратившійся отъ нея курьеръ привезъ съ собою только приказаніе, чтобы де-Ларивьеръ остался, въ ожиданіи, на мѣстѣ. Для него и сопутствовавшихъ ему дамъ это ожиданіе заняло цѣлый безконечный мѣсяцъ нетерпѣнія и скуки, не включая въ счетъ ни поздняго раздумья, ни напрасныхъ сожалѣній. Чтобы развлечься, дамы упростили однажды де-Ларивьера повести ихъ въ маскарадъ, въ театральную залу; тамъ онъ были узнаны и довольно невѣжливо интригованы разными замаскированными людьми. Дѣло зашло такъ далеко, что имъ пришлось убраться оттуда. На бѣду, онъ еще вздумали дѣлать розыски о своихъ обидчикахъ, воображивъ, что откроютъ противъ себя какой-то заговоръ со стороны особъ

¹⁾ 30-го іюля 1767 г. Депутатовъ было 565 человекъ.

исбѣдникъ вѣсь, и надѣлали столько шума своими жалобами, что много прибавили себѣ враговъ. Возвращеніе императрицы не принесло съ собою никакой перемены въ ихъ положеніи: ни приказанія на ихъ счетъ, ни зова, ни какого либо вопроса. Де-Ларивьеръ рѣшился, наконецъ, испросить соизволеніе ея величества на выѣздъ изъ ея владѣній для возвращенія во Францію. Тогда только онъ имѣлъ съ государыней разговоръ, — единственный за все время бытности его въ Россіи. При этомъ свиданіи обѣ стороны старались выдержать свое достоинство. О прошедшемъ не было высказано ни слова: никакихъ упрековъ или жалобъ, никакихъ сожалѣній. Весь разговоръ между собесѣдниками былъ таковъ: «М. г., — сказала императрица, подходя къ де-Ларивьеру, — можете ли вы опредѣлить, какое, по вашему мнѣнію, лучшее средство хорошо управлять государствомъ?» — «Государыня, есть одно только: быть справедливымъ, г. е. поддерживать порядокъ, и заставить исполнять законы». — «Но на какомъ основаніи удобнѣе установить законы имперіи?» — «Есть одно лишь основаніе: естество вещей и человѣка» (*la nature des choses et des hommes*). — «Очень хорошо; но когда желательно дать законы народу, то какими правилами могутъ вѣрнѣе обозначиться тѣ, что лучше подходятъ къ дѣлу?» — «Давать или дѣлать законы, государыня? Но это такое дѣло, котораго Богъ не предоставилъ никому (*c'est une tâche que Dieu n'a laissé à personne*). Э! Чтò за твореніе такое человѣкъ, чтобъ ему возмечтать о себѣ, будто онъ призванъ и способенъ предписывать законы существамъ, которыхъ или вовсе не знаетъ, или же знаетъ недостаточно? И по какому праву установлялъ бы онъ законы для существъ, которыхъ Богъ не обрекалъ ему во власть?» — «Въ чемъ же полагаете вы науку государственнаго управленія?» — «Въ основательномъ изученіи, признаніи и примѣненіи природныхъ законовъ, столь явно начертанныхъ Богомъ въ самомъ устройствѣ человѣка, при его созданіи. Домогаться идти далѣе этого — было бы затѣей разрушительною и бѣдственною по своимъ послѣдствіямъ» (*une entreprise destructive*). — «Милостивый государь, я очень довольна, что васъ слышала: желаю вамъ добраго здоровья» (*je vous souhaite le bon jour*). Императрица была столько удивлена и какъ бы возмущена такими отвѣтами, что поспѣшила прекратить разговоръ, чтобъ не выказать своего замѣшательства, а потому бесѣда эта не повела за собой другихъ. Де-Ларивьеру выдано было денежное вознагражденіе согласно условіямъ, состоявшимся въ Парижѣ, и онъ отправился изъ Петербурга гораздо поспѣшнѣе, чѣмъ ѣхалъ туда. Въ Берлинѣ онъ пробылъ лишь нѣсколько дней. Король по прежнему, казалось, ничего о немъ не зналъ, однако, де-Ларивьеръ имѣлъ дол-

ПРОТОКОЛИСТЪ (пишетъ журналъ такъ):

1809 года декабря 21-го дня.

Въ Паисіонской уѣздной судѣ прибыли по полуночи господа:

уѣздный судья }
засѣдатели } въ 6-мъ часу.

Слушали:	Когда приговоры крѣплены.	Когда исполнены.
<p>Выписку по прошеніямъ титулярнаго совѣтника Семена Иванова сына Добромыслова жены Анны Сидоровой, и коллежскаго совѣтника Ивана Гаврилова сына Разсудова жены-жъ Марьи Петровой дочерей, о недвижимомъ имѣніи Паисіонскаго округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, Приказали: по открывшемуся сомнительству, на основаніи генеральнаго регламента 6-й главы, имѣть разсужденіе въ другое собраніе.</p>		

(Потомъ, подписавши, подаетъ секретарю).

СЕКРЕТАРЬ (то же сдѣлавши, къ судьямъ)

Не угодно-ли подписать нынѣшній журналъ?

судья.

Читайте!

СЕКРЕТАРЬ (прочитавши съ начала до конца, кладетъ протоколъ къ подписанію предъ уѣзднаго судью. Онъ, подписавши, подаетъ старшему, сей—младшему, а младшій отдастъ протоколисту и потомъ все встанутъ и расходятся).

Примѣчаніе. «Судебное дѣйствіе», напечатанное здѣсь, было издано въ 1809 году, въ 4-ю д., 25 стр., и сообщено намъ А. С. Наставнымъ. Мы сочли его нелишнимъ перепечатать, такъ какъ оно весьма живо воспроизводитъ бумажное, безконечное и безгласное судопроизводство недавней старины: еще въ первой четверти текущаго столѣтія судьи въ Россіи должны были справляться съ боярскими приговорами Михаила Федоровича и учащемуся юношеству, будущимъ судьямъ на основаніи «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича, рѣшныя юридическіе вопросы, какіе могла имъ представить ихъ судебная практика.

и вооруженіе; религіозныя понятія; дѣленіе времени; народныя праздники; народное творчество; наконецъ общіе выводы о древнѣмъ бытѣ западныхъ финновъ.

Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Книга V, вып. I. Подъ ред. Н. А. Попова. стр. 221. Москва. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Весь настоящій томъ занятъ матеріалами, относящимися къ этнографіи Архангельской губерніи и сообщенными въ означенное общество г. Еюменко, давно уже извѣстнымъ въ нашей этнографической литературѣ нѣсколькими подобными трудами. Этотъ матеріалъ распределенъ по слѣдующимъ отдѣламъ: общія свѣдѣнія о населеніи; нѣвшія обстановки; одежда и обувь; пища и питье; свадебныя обряды; обряды и игры въ теченіе года; нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; народное врачеваніе; расколъ среди сельскаго населенія. Во второй выпускъ, уже печатающійся, войдутъ: народный языкъ и словесность. Само собою понятно, что эти легкія указанія далеко не исчерпываютъ всего богатства матеріаловъ, заключающихся въ означенномъ собраніи. Общество предполагало сначала представить обработку ихъ подъ заглавіемъ «Описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ»; но оставило эту мысль по разнымъ соображеніямъ. Конечно, изданіе матеріаловъ въ настоящемъ видѣ имѣетъ и свои преимущества, если имѣть въ виду постоянное накопленіе новыхъ матеріаловъ и отчасти неполноту сообщенныхъ данныхъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ, труды г. Еюменка заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено должное вниманіе.

Указатель къ неофициальной части Университетскихъ (киевскихъ) Извѣстій за 1861—1877 года. Киевъ. 1878. 45 стр.

Настоящій указатель даетъ полный перечень научныхъ статей, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ за все время ихъ существованія по 1877 г. включительно, а также всѣхъ статей касающихся состоянія университета св. Владимира и его учрежденій.

Изданія Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ 1877—1878 гг.

Въ концѣ прошлаго года архивъ издалъ: «Очеркъ дѣятельности комисіи печатанія грамотъ и договоровъ», состоящей при немъ (207 стр. Ц. 1 р.). Въ этотъ очеркъ входятъ: записка о дѣятельности комисіи (составлен. г. Асимомомъ), существованіе которой тѣсно связано съ именемъ незабвеннаго дѣятеля по русской археографіи гр. Н. П. Румянцева, и отчеты архива за 1873—1877 гг. Помимо собственно оеціального интереса, заключающагося въ послѣднихъ, въ нихъ можно найти свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ архива и занятіяхъ въ немъ нашихъ ученыхъ. Весьма желательно, чтобы Московскій архивъ не замедлил также издаваніемъ исторіи этого важнаго учрежденія, къ составленію которой уже приступлено теперь, но въ которую вошли бы возможно полныя свѣдѣнія о матеріалахъ, хранящихся въ архивѣ, такъ какъ едва ли можно ожидать въ скоромъ времени появленія въ свѣтъ систематическаго описанія самаго архива, хотя въ его распоряженіи находятся уже прекрасныя описи Н. Н. Бавтыша-Каменскаго и реестры позднѣйшихъ пріобрѣтеній этого учрежденія.

Въ то же время означенная комисіа занялась перепечаткою прежнихъ своихъ изданій, какъ-то Памятниковъ рос. словесности XII вѣка, Калайдовича, Древнихъ рос. стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, и издала уже вновь: Законы В. К. Іоанна Васильевича и виука его Царя Іоанна Васильевича. (XIX + 76. Ц. 1 р.), съ предисловіемъ М. Стрѣва и Е. Калайдовича. Новое изданіе провѣрено по подлиннымъ спискамъ, составляющимъ собственность того же архива. Кромѣ того, комисіа печатаетъ каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати бібліотеки того же архива, съ 1517—1821 годъ. Въ виду вновь оживившейся дѣятельности комисіи, можно пожелать, чтобы она приняла на себя трудъ окончить V-й томъ Собр. госуд. грамотъ, печальная исторія котораго такъ подробно рассказана въ очеркѣ дѣятельности комисіи, и отпечатала бы письма Калайдовича объ археологическихъ, изслѣдованіяхъ въ Казанской губ. (1823 г.). В. И.—въ.

и что внесеніе его кандидатомъ пришлось, по счету, первымъ вслѣдъ за назначеніемъ русской императрицы. Фридрихъ былъ возмущенъ мыслью, что перво-принятый послѣ нея академикъ могъ быть изъ жидовъ, и даже разсердился за представленіе о немъ, — не потому, чтобы не уважалъ Моисея Мендельсона какъ философа, и не по предразсудкамъ, но изъ опасенія, чтобы подобное сооставленіе именъ не было сочтено въ Россіи, или даже при прочихъ дворахъ европейскихъ, за насмѣшку, либо, по крайней мѣрѣ, за крайнюю непочтительность. Классъ философіи не принялъ на видъ этия политическія соображенія, которыя я напередъ предугадывалъ, говоря, что императрица преградила къ намъ доступъ еврею. Г. Бегель (Béguelin), особенно настаивавшій на внесеніе его въ списокъ, заплатился за то въ послѣдствіи: его обошли назначеніемъ на директорскую вакансію.

VII.

Потемкинъ. — Его характеристика. — Сравненіе съ Орловымъ. — Поступки временщика съ своимъ родственникомъ, Березинымъ, и съ пріѣзжими французами: Лафоссомъ и Дюномъ.

. . . . О Потемкинѣ мнѣ многое рассказывалъ секретарь русскаго посланника, князя Долгорукаго, Березинъ. По словамъ его и другимъ особѣ, Потемкинъ вовсе не былъ красавецъ и мало того, что некрасивъ лицомъ, а даже какъ-то страшноватъ отталкивающимъ выраженіемъ фizioноміи; въ добавокъ, былъ косоглазъ и кривоногъ; за то имѣлъ замѣчательные ростъ, станъ и силу. Съ такими существенными достоинствами наружности соединялось еще одно: великолѣпнѣйшіе волосы. Поэтому, на уборку и прическу ихъ употреблялось все время пріема посѣтителей. Сидя въ своей уборной, за перегородкою изъ перилъ, вышиною въ половину человѣческаго роста, онъ видѣлъ передъ собой всѣхъ сановниковъ имперіи на вытяжкѣ, въ полномъ мундирѣ и орденахъ, — въ почтительномъ ожиданіи одного взгляда, или слова: «здравствуй». Съ кѣмъ изъ нихъ онъ хотѣлъ говорить, того удостоивалъ зовомъ по имени, причемъ весь привѣтъ и ласка состояли изъ словъ: поди сюда (ради-суда), поди прочь (ради-проше); эти слова вызывали въ средѣ предстоящихъ мгновенное исполненіе, съ такимъ изгибомъ внизъ всего туловища, что руки касались пола. Временщикъ, не платившій никогда своихъ долговъ, распорядился всѣмъ самовластно и надменно. Пора его могущества пробудила живѣйшія сожалѣнія о предѣстникѣ его, князѣ Орловѣ,

и вооружение; религиозныя понятія; дѣленіе времени; народныя праздники; народное творчество; наконецъ общіе выводы о древнемъ бытѣ западныхъ славянъ.

Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Книга V, вып. I. Подъ ред. Н. А. Попова. стр. 231. Москва. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Весь настоящій томъ занятъ матеріалами, относящимися къ этнографіи Архангельской губерніи и сообщенными въ означенное общество г. Ефименко, давно уже известнымъ въ нашей этнографической литературѣ нѣсколькими подобными трудами. Этотъ матеріалъ распределенъ по слѣдующимъ отдѣламъ: общія свѣдѣнія о населеніи; жилищныя обстановки; одежда и обувь; пища и питье; свадебныя обряды; обряды и игры въ теченіе года; нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; народное врачеваніе; расколъ среди сельскаго населенія. Во второй выпускъ, уже печатающійся, войдутъ: народный языкъ и словесность. Сама собою понятно, что эти легкія указанія далеко не исчерпываютъ всего богатства матеріаловъ, заключающихся въ означенномъ собраніи. Общество предполагало сначала представить обработку ихъ подъ заглавіемъ «Описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ»; но оставило эту мысль по разнымъ соображеніямъ. Конечно, изданіе матеріаловъ въ настоящемъ видѣ имѣетъ и свои преимущества, если имѣть въ виду постоянное накопленіе новыхъ матеріаловъ и отчасти сложнаго сообщенныхъ данныхъ для изслѣдывающихъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ, труды г. Ефименка заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено должное вниманіе.

Ученый секретарь
Императорскаго общества любителей
естествознанія, антропологии и этнографіи
Н. А. Попова.

издана
въ
— 1877

Изданія Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ 1877—1878 гг.

Въ концѣ прошлаго года архивъ издалъ: «Очеркъ дѣятельности комисіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при немъ (207 стр. Ц. 1 р.). Въ этотъ очеркъ входятъ: записка о дѣятельности комисіи (составлен. г. Асимономъ), существованіе которой тѣсно связано съ именемъ незабвеннаго дѣятеля по русской археографіи гр. Н. П. Румянцева, и отчеты архива за 1873—1877 гг. Помимо собственно officialнаго интереса, заключающагося въ послѣднихъ, въ нихъ можно найти свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ архива и занятіяхъ въ немъ нашихъ ученыхъ. Весьма желательно, чтобы Московскій архивъ не замедлилъ также изданіемъ исторіи этого важнаго учрежденія, къ составленію которой уже приступлено теперь, но въ которую вошли бы возможно полныя свѣдѣнія о матеріалахъ, хранящихся въ архивѣ, такъ какъ едва ли можно ожидать въ скоромъ времени появленія въ свѣтъ систематическаго описанія самаго архива, хотя въ его распоряженіи находятся уже прекрасныя описи Н. Н. Бантыша-Каменскаго и рестры позднѣйшихъ пріобрѣтеній этого учрежденія.

Въ то же время означенная комисія занялась перепечаткою прежнихъ своихъ изданій, какъ-то Памятниковъ рос. словесности XII вѣка, Калайдовича, Древнихъ рос. стихотвореній, собранныхъ Баршею Даниловымъ, и издала уже вновь: Законы В. К. Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича. (XIX + 76. Ц. 1 р.), съ предисловіемъ М. Стрѣва и К. Калайдовича. Новое изданіе привѣрено по подлиннымъ спискамъ, составляющимъ собственность того же архива. Кроме того, комисія печатаетъ также славяно-русскія книги чернойной библиотеки того же архива, съ 1517—1821

Въ виду вновь опубликованнаго
комисіи, жюль
этого года трудъ
уд. грамотъ.
какъ
въ

«была 1-го декабря»

на Потемкина возможно подѣйствовать неотступною настойчивостью. И затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ежедневно, нетопный старикъ томился, какъ безпріютный, въ переднихъ покояхъ своего неблагодарнаго и бездуннаго питомца. Наконецъ Нарынкинъ, по праву стараго заслуженнаго царедворца, имѣвшій возможность быть смѣлѣе другихъ въ своихъ домогательствахъ, взялъ на себя замолвить слово Потемкину: «Знаете-ли вы, что дядя вашъ, мой старинный другъ, сидитъ въ вашей передней, умирая со скуки, и что такъ онъ каждое утро проводитъ тамъ? Неужто вы ничего для него не сдѣлаете? Пора би положить этому конецъ». — «Пусть убирается! Онъ давно ужъ мнѣ надоѣдаетъ! Я чуть было не распорядился принять мѣры, чтобы онъ не могъ сюда таскаться и разыгрывать немѣстную роль, какую онъ здѣсь представляетъ изъ себя. Пусть убирается прочь! Скажите ему хорошенько объ этомъ, а иначе я заставлю его раскаться въ своей докучливости». — «Но вѣдь онъ вашъ дядя». — «Такъ благодарн онъ за это Бога, да напередъ остерегайся!» — И старикъ полковникъ побрелъ обратно въ свою глушь затантъ въ ней чувства оскорбленія и гнѣва ¹⁾).

Пьеръ Лафоссъ (Pierre Lafosse), ученый знатокъ лошадей, знаменитый берейторъ и ветеринаръ, извѣстный замѣчательными сочиненіями по своей части, бывши въ Вѣнѣ, получилъ отъ тамошняго русскаго посланника столь убѣдительныя приглашенія ѣхать въ Петербургъ, при самыхъ заманчивыхъ обѣщаніяхъ, что отправился туда, съ рекомендательными письмами къ вельможамъ и особенно къ князю Потемкину. Приѣздъ Лафосса подоспѣлъ какъ нельзя болѣе кстати для этого счастливаго преемника князя Орлова. У Потемкина была

¹⁾ О личности обоихъ Березинныхъ—этого полковника и упомянутаго выше секретара посольства—мы не могли найти никакихъ свѣдѣній. Что за родство было между Потемкинымъ и этою фамиліею, какія были между ними отношенія въ его молодости и въ послѣдующее время—также неизвѣстно. Находимъ, впрочемъ, подтвержденіе того факта, что при Екатеринѣ II дѣйствительно производилось какое-то дѣло, касавшееся Березинныхъ и доходившее до самой государыни. Въ одномъ изъ ея писемъ къ статсъ-секретарю А. В. Олсуфьеву, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. (изд. 2-е, стр. 425), содержится слѣдующее распоряженіе:

«Адамъ Васильевичъ! Изволь Березиннымъ еще, въ дополненіе вчерашней моей резолюціи, объявить, что я поѣду рѣшить ихъ дѣло; но они чрезъ то уже потеряютъ апелляцію на мнѣ; и такъ, пускай сами выберутъ». — 14-го января 1764 г. (Письмо LXIII).

Предостереженіе императрицы тяжущимся о возможности потерять апелляцію собственно на ней самой, кажется, намекаетъ на то, что процессъ этотъ заведенъ былъ противъ казны.

Д. Р.

большая лошадь, которую въ Россіи никто не могъ вылечить,— лошадь дорогая и превосходная, подарокъ императора Іосифа Второго родному, породному и дебелому баловню счастья. Нечего и говорить, что Пьеръ Лафоссъ былъ принятъ очень хорошо: онъ пользовался свободнымъ доступомъ къ временщику, при всегданней полной увѣренности въ ласковомъ пріемѣ. Больное животное было показано ему и отдано на его руки; Лафоссъ распорядился устройствомъ особаго сарая для леченія рѣдкаго коня, къ чему приложилъ возможные старанія и все свое искусство. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣлъ совершенно вылечить лошадь, за что получилъ изъясненіе словесной благодарности, во всѣхъ преувеличенныхъ формахъ ложной признательности,—но тѣмъ дѣло и кончилось: ему не возвратили сдѣланныхъ по этому случаю затратъ, не вознаградили платой за трудъ и, наконецъ, воспретили ему всякій доступъ,—точно такъ же какъ было съ старымъ дядей Потемкина. Однимъ словомъ, для бѣднаго Лафосса ровно ничего не сдѣлали, и ему пришлось выбраться изъ Россіи, какъ бы изъ львиного логовища.—Пьеръ Лафоссъ пріѣхалъ въ Берлинъ и привезъ съ собой нѣсколько писемъ ко мнѣ. Онъ пробылъ тамъ нѣкоторое время, часто видѣлся со мной и передалъ мнѣ все рассказанное выше....

....У Вольтера, въ Фернеѣ, жилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Дюпюи (Dupuis), очень искусный въ своемъ ремеслѣ. Когда Вольтеръ однажды совѣтовалъ ему произвести какую нибудь особенно-изящную работу, достойную славы,—тотъ отвѣчалъ, что у него задуманъ уже проектъ и планъ такой работы, а именно сервиза для завтрака (déjeuner), который годился бы въ подарокъ отъ Вольтера «бессмертной Екатерины Второй» (à l'immortelle Catherine Seconde). Вольтеръ съ жаромъ ухватился за эту мысль и, одобливъ всѣ подробности художественно-затѣливаго проекта, доставилъ мастеру нужный для этой великолѣпной работы матеріалъ: золото и серебро.

....Работа должнаствовала быть очень продолжительною, судя по тому, что весь приборъ предполагался изъ шести тысячъ составныхъ частей. Къ несчастію, Дюпюи не успѣлъ еще ее окончить, какъ Вольтеръ умеръ въ Парижѣ¹⁾. Это событіе раззорило бѣднаго мастера: онъ удалился въ Лозанну додѣлывать свой сервизъ и уже почти изготовилъ его въ то время, когда секретарю покойника Вольтера дано было порученіе доставить бібліотеку великаго человѣка въ Петер-

¹⁾ Вольтеръ (Marie-François Arquet de Voltaire) род. 20-го февраля 1697 г., ум. 30-го мая 1778 г. Д. Р.

бургъ ¹⁾). Секретарь этотъ, изъ участія къ судьбѣ Дюжени, вѣнчался вѣзти его съ собой въ Россію, обѣщая представить императрицѣ соразмѣръ, какъ работу, нарочно предпринятую для поднесенія ей величеству. Дюжи принялъ предложеніе, но, среди дорожныхъ сборовъ, заболѣлъ, и секретарь принужденъ былъ уѣхать безъ него. Едва вы-

¹⁾ Екатерина II купила бібліотеку Вольтера у его племянницы, г-жи Дани (M-me Denys), и по этому поводу написала ей слѣдующее письмо (не опубликованное Гриммомъ, но вошедшее въ коллекцію документовъ, собранныхъ продолжателемъ Башомона (Bachaumont):

«Je viens d'apprendre, madame, que vous consentez à remettre entre mes mains ce dépôt précieux que M. votre oncle vous a confié,—cette bibliothèque que les âmes sensibles ne verraient jamais sans se souvenir que ce grand homme sut inspirer aux humains cette bienveillance universelle que tout ses écrits, même ceux de pur agrément, respirent. Personne avant lui n'écrivit ainsi que lui; il servira d'exemple et de modèle à la race future; mais il faudrait unir le génie à la philosophie, aux connaissances et aux agréments, en un mot être semblable à M. de Voltaire, pour l'égalier; et si j'ai partagé, avec toute l'Europe, vos regrets, madame, sur la perte de cet homme incomparable, vous vous êtes mise en droit de participer à la reconnaissance que je dois à ses écrits. Je suis, sans doute, très sensible à l'estime et à la confiance que vous me marquez. Il m'est bien flatteur de voir qu'elles sont héréditaires dans votre famille, et la noblesse de vos procédés vous est caution de mes sentiments à votre égard. J'ai chargé M. Grimm de vous remettre quelques témoignages, dont je vous prie de faire usage».

«Catherine».

Переводъ: «Я узнала, сударыня, о вашемъ согласіи передать въ мои руки драгоценное хранилище, завѣщанное вамъ дядею вашимъ, — его бібліотеку, которая не можетъ не напомнить всякому человѣку съ душой, что великій писатель умѣлъ внушить людямъ всеобщее чувство челоѣчности, наполняющей всѣ его произведенія, не исключая и написанныхъ въ легкомъ родѣ. Никто до него не писалъ такъ: нмѣ указать примѣръ будущимъ поколѣніямъ, но для того, чтобъ ему слѣдовать, нужно сочетать гевій съ мудростью, знаніемъ и изяществомъ,—однимъ словомъ, нужно уподобиться Вольтеру, чтобъ сравняться съ нимъ. И если я, съ цѣлою Европой вмѣстѣ, раздѣлила вамъ скорбь о потерѣ этого неподражаемаго челоѣка, то и вы приобрѣли себѣ право раздѣлить мою признательность, какою обязана я его твореніямъ. Я, конечно, съ особеннымъ удовольствіемъ и искреннимъ расположеніемъ принимаю тѣ изъявленія уваженія и довѣрія, которыя вы передо мной выразили. Для меня весьма лестно видѣть, что чувства эти преемственны въ вашемъ семействѣ; благородство вашихъ поступковъ можетъ служить порукой и за мои чувства въ отношеніи къ вамъ. Я поручила г. Гримму передать вамъ нѣкоторыя изъ доказательствъ ^{*}), которыя прошу васъ принять для своего употребленія».

«Екатерина».

(Письмо это еще не появлялось въ русской печати до сего времени).

^{*}) Деньги, 50,000 эку, въ видѣ кредита на банкирскій домъ гг. Лабора и Лабалию (Laborde et Laballue), и, кромѣ того, разныя подарки изъ драгоценныхъ мѣховъ.

здоровья, ищущій бѣдный артистъ пустился въ догонку за своимъ пріятелемъ, но опоздалъ застать его въ Гаврѣ и отплылъ въ Петербургъ, надѣясь поспѣть туда прежде, нежели его другъ выйдетъ оттолкъ въ обратный путь. У береговъ Швеціи Дююи потерпѣлъ крушеніе и насилью спасся вмѣстѣ съ своимъ сервизомъ, — то есть, единственнымъ своимъ сокровищемъ. Густавъ III, — тотъ самый, что въ послѣдствіи былъ умерщвленъ, — прослышавъ объ этомъ издѣліи, пожелавъ видѣть вещь, пришель отъ нея въ восторгъ и спросилъ о цѣнѣ; но злополучный артистъ имѣлъ неловкость отвѣчать, что приборъ этотъ заказанъ и исполненъ для поднесенія императрицѣ, послѣ чего Густавъ ограничился только предоставленіемъ художнику способовъ къ дальнѣйшему путешествію. Когда Дююи прибылъ въ Россію, секретарь Волтера уже выѣхалъ оттуда, и бѣдному страннику не оставалось ни на кого положиться, кромѣ какъ на самого себя. Онъ обратился къ князю Потемкину, дѣйствительно единственному лицу, чрезъ кого можно было получить доступъ къ Екатеринѣ Второй. Всемогущій ея любимецъ, увидѣвъ сервизъ, нашелъ его восхитительнымъ и рѣшился оставить за собою; однакожъ, денегъ за него не заплатилъ, по своему всегдашнему обыкновенію, а вскорѣ затѣмъ не велѣлъ и впускать къ себѣ Дююи. Напрасно бѣднякъ обращался къ Потемкину съ просительными письмами: онъ не могъ добиться ни возвращенія своего дежене, ни пріема у князя, ни отвѣта себѣ. Наконецъ несчастный, въ отчаяніи, явился излить всѣ свои злополучія передъ французскимъ посланникомъ, маркизомъ де-Веракъ (de Vérac) ¹⁾; тотъ былъ живо тронутъ ими и возмущенъ наглымъ грабительствомъ временщика. Онъ старался утѣшить бѣднаго Дююи обѣщаніемъ всевозможнаго содѣйствія къ его удовлетворенію, хотя самъ внутренно сознавалъ невозможность рассчитывать на какой либо успѣхъ, если не употребить смѣлой и рѣшительной мѣры. Поэтому, французскій посланникъ воспользовался временемъ, когда пріемная зала князя Потемкина была биткомъ набита сановниками имперіи, и представителями иностранныхъ державъ. Въ виду всѣхъ этихъ особъ, маркизъ де-Веракъ ходатайствовалъ о возвращеніи неоплаченного сервиза и при томъ далъ почувствовать, что иначе онъ, посланникъ, самъ будетъ обязанъ войти съ официальнымъ требованіемъ, чего, безъ сомнѣнія, князь не захочетъ. Раздраженный и озадаченный Потемкинъ отвѣчалъ, что его давно уже обременяла эта вещь. Посланникъ поймалъ его на словѣ и просилъ распорядиться возвращеніемъ прибо-

¹⁾ Маркизъ де-Веракъ прибылъ въ Петербургъ въ іюнь 1780 года. Д. Р.

ра, что, дѣйствительно, и сдѣлалось. Такъ—гнѣвъ является доброю чертой у тѣхъ, въ комъ нѣтъ иныхъ, лучшихъ, побужденій для справедливости и сдержанности въ образѣ дѣйствій.

Выручивъ свой драгоценный сервизъ, Дюпонъ посѣшилъ избраться изъ этой «проклятой страны» (*de se maudit pays*), гдѣ рисковалъ всего лишиться. Приѣхавъ въ Варшаву, онъ работалъ тамъ нѣсколько времени, чтобъ добыть себѣ денегъ на дорогу, что дѣлалъ вслѣду, гдѣ нуждался въ средствахъ; работу же находить ему было не трудно, такъ какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, обладалъ рѣдкимъ вкусомъ и умѣньемъ. На границѣ прусскихъ владѣній онъ столкнулся съ новыми затрудненіями: ему предъявили законъ, воспрещающій провозъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій безъ уплаты пошлины, въ размѣрѣ 50% на сто—съ суммы ихъ стоимости. Многострадальщій Дюпонъ оставилъ на границѣ свой сервизъ, свою жену и дочь, и поѣхалъ въ Берлинъ просить милости. Главноуправляющій государственными доходами, де-Лоне (*de Labauc de Launay*), подтвердивъ ему правильность требованія пограничныхъ сборщиковъ и присовокупивъ, что онъ, де-Лоне, самъ не можетъ быть изъять отъ дѣйствія этого закона, посоветовалъ ему обратиться къ королю съ письмомъ, для составленія коего указалъ просителю на меня. Мнѣ посчастливилось сдѣлать въ письмѣ столь удачное сопоставленіе Вольтера, Фридриха и Екатерины, что король препроводилъ письмо это къ де-Лоне, съ собственноручной надписью: «разрѣшить провозъ вещи беспошлинно».

....Дюпонъ пробылъ два или три мѣсяца въ Берлинѣ, гдѣ досталъ себѣ работу чрезъ посредство де-Лоне, и потомъ уѣхалъ въ Гессенъ-Кассель, надѣясь, что ландграфъ купитъ у него сервизъ. Что съ нимъ случилось далѣе, я не слыхалъ, но всегда тщательно сохраняю одну изъ прекрасносдѣланныхъ имъ вещицъ: миниатюрную голову Вольтера изъ золота ¹⁾).

¹⁾ По поводу анекдотовъ о Потемкинѣ, изображающихъ его въ невыгодномъ свѣтѣ, авторъ, въ предисловіи къ своему труду, говоритъ слѣдующее (т. I, стр. XXXIV):

«Если я въ своей книгѣ не слишкомъ щажу Потемкина, то надѣюсь, что русская нація слишкомъ справедлива, чтобъ сѣтовать на меня за это. Я былъ только справедливъ, порицая личность, не имѣвшую никакого права на смѣченныя о ней отзывы, и въ этомъ случаѣ я сталъ какъ бы мстителемъ за самихъ же русскихъ. Кто зналъ меня, тому извѣстно, что я не одержимъ національными предубѣжденіями; дарованія, геній и добродѣтели свойственны всѣмъ народамъ; но нравы, воспитаніе и образъ правленія бываютъ или благоприятны или враждебны развитію этихъ качествъ. Когда Потемкинъ забираетъ слу—

VIII.

Екатерина II въ молодости, по воспоминаніямъ баронессы Принтценъ.—Благодарность за услугу врача.—Библиотека императрицы.—Братья Орловы.—Ихъ предокъ—стрѣлецъ, помилованный Петромъ Великимъ.—Анекдотъ о пребываніи этого государя въ Берлинѣ.—Приверженцы Екатерины II, при ея воцареніи.—Энергическая выходка Григорія Орлова.

Екатерина II, какъ всѣмъ извѣстно, родилась и воспитывалась въ Кюстринѣ, гдѣ отецъ ея, генераль прусской службы, былъ губернаторомъ ¹⁾. Баронесса фонъ-Принтценъ (Printzen), въ дѣвичествѣ своею состоявшая камеръ-фрейлиной или въ званіи статсъ-дамы при этомъ крошечномъ дворѣ, много рассказывала мнѣ и объ ея родителяхъ, и о дочери ихъ, которая, по-истинѣ, отнюдь не воображала сдѣлаться въ послѣдствіи государынею великой державы.—«На моихъ глазахъ,—говорила баронесса,—она родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ передъ отъѣздомъ ея въ Россію. Я пользовалась на столько ея довѣріемъ, что могла думать будто знаю ее лучше чѣмъ кто либо другой; а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности, я только замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Однимъ словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной, а потому, вы можете судить объ удивленіи моемъ, когда пришлось узнать про необычныя ея приключенія».

народы изнываютъ подъ тяжкимъ гнетомъ; когда же кормиломъ государства править человекъ, исполненный достоинствъ, живущій лишь для добра, поставившій себѣ цѣлю только справедливость, умѣренность, благотворительность и твердость,—тогда народы могутъ надѣяться всего хорошаго; имъ остается лишь благодарить небо и благословлять своего государя. И нѣтъ такого рода славы, нѣтъ такого счастья, которыхъ русскіе не могли бы себѣ ожидать при подобномъ царствованіи!»

¹⁾ Принцесса Ангальтъ-Цербстъ-Бернбургская, Софія-Августа-Фредерика, въ послѣдствіи Екатерина II Алексѣевна, дочь владѣтельнаго князя Христіана-Августа и жены его, рожденной герцогини Голштинской Іоанны Елисаветы, родилась не въ Кюстринѣ, а въ Штеттинѣ (21-го апрѣля 1729 г.), гдѣ отецъ ея былъ градоначальникомъ и губернаторомъ прусской Помераніи. (Она род. 29-го ноября 1690 г., ум. 16-го марта 1747 г., 57-ми лѣтъ отъ роду). Д. Р.

Екатерина, бывши еще великою княгиней, имѣла весьма серьезную болѣзнь, отъ которой благополучно вылечилъ ее одинъ медикъ-французъ, уѣхавшій, чрезъ нѣсколько времени спустя, на свою родину ¹⁾. Сдѣлавшись царствующей государиной, императрица вспомнила услугу, оказанную ей этимъ человѣкомъ, и послала ему патентъ (brevet) на пенсію въ десять тысячъ франковъ. «Если я не имѣю счастья, — сказала она, — быть полезною тѣмъ, кто далъ мнѣ жизнь, то, по крайней мѣрѣ, обязана сдѣлать это для того, кто сохранилъ мнѣ ее». Полный смыслъ этихъ словъ объясняется тѣмъ, что принцесса, мать ея, умершая не задолго до ея воцаренія ²⁾, жила крайне небогато въ Парижѣ, гдѣ занимала небольшой отель за Люксембургомъ. Не говорю о родномъ братѣ Екатерины ³⁾: онъ жилъ и умеръ безъизвѣстнымъ.

Въ чемъ могли позавидовать императрицѣ любители книгъ, такъ это въ устройствѣ ея библіотеки: чтобы достать книгу съ известной полки, стоило лишь прижать пуговку подѣ тѣмъ же самымъ номеромъ; тотчасъ полка выдвигалась впередъ, опускаясь до уровня рукъ, а вторичнымъ давленіемъ пуговки возвращалась на свое мѣсто. Нѣтъ надобности досказывать, что необходимый для того механизмъ былъ скрытъ внутри дерева шкафовъ.

На меня, полагаю, не попеняютъ, если я занесу въ свои «Воспоминанія» то, что дошло до моего свѣдѣнія на счетъ Орловыхъ и что можетъ быть распредѣлено на три пункта: 1) объ ихъ родѣ и семействѣ; 2) объ ихъ участіи въ событіяхъ, въ іюні 1762-го года, и 3) объ особенномъ характерѣ того изъ нихъ, кого прозвали Balafre ⁴⁾.

Орловыхъ было пять братьевъ; старшій ⁵⁾, никогда не хотѣвшій

¹⁾ Дѣйствительно, она была тогда тяжело больна отъ простуды, и въ теченіи 27-ми дней жизнь ея казалась въ опасности; но вылечилъ ее не французъ, а португалецъ Саншешъ, служившій тогда придворнымъ медикомъ.

²⁾ Родилась 24-го октября 1712 г., умерла 19-го мая 1760 года.

³⁾ Братъ Екатерины, Фридрихъ-Августъ, бывшій пятью годами моложе ея, служилъ римско-императорскимъ генералъ-фельдмаршаломъ. Былъ женатъ на принцессѣ Ангальтъ-Бернбургской Фредерикѣ-Августѣ-Софій. Умеръ въ мартѣ 1793 г. Онъ былъ послѣдняя отрасль Ангальтъ-Цербстскаго дома.

⁴⁾ Balafre — имѣющій рубецъ на лицѣ. Это прозваніе дали Алексію Григорьевичу Орлову (р. 1737, † 24-го декабря 1808 г.) иностранцы и офранцузенные соотечественники высшаго петербургскаго общества, потому что онъ имѣлъ шрамъ на щекѣ, разрубленной ему Василиемъ Шванвичемъ, въ пьяной дракѣ. Подробности объ этомъ случаѣ см. въ IV т. «Русской Старины» 1871 г., въ выноскѣ подѣ страницей 387.

Д. Р.

⁵⁾ Иванъ Григорьевичъ, дѣйствительно отказавшійся отъ всѣхъ почестей; онъ былъ отставной гвардіи капитанъ. Вышелъ въ отставку при самомъ воцар-

занять никакого мѣста, не бывшій ничѣмъ по службѣ и прозванный философомъ; второй—пожалованный княземъ ¹⁾); третій—тотъ, что съ рубцомъ на лицѣ; двое другихъ ²⁾), гораздо моложе первыхъ, не обратившіе на себя особеннаго вниманія. Всѣ пятеро были громаднаго роста и необычайной силы, какую рѣдко встрѣчаешь, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. Второй братъ былъ самый красивый, а третій самый сильный изъ всѣхъ. Шрамъ на его лицѣ былъ послѣдствіемъ спора объ закладъ, предложеннаго имъ въ лѣта своей молодости, съ вызовомъ драться одновременно противъ нѣсколькихъ гренадеровъ, которыхъ онъ и одолѣлъ, получивъ, однакожь, рану въ лицо, оставившую слѣдъ на всю его жизнь. О происхожденіи этихъ братьевъ мнѣ предстоитъ привести фактъ, читанный мною, а теперь передаваемый здѣсь въ томъ же самомъ видѣ.

Однажды, въ Берлинѣ, пошелъ я на аукціонную продажу книгъ. Войдя въ залу, гдѣ производилась публичная распродажа, я увидѣлъ Лагранжа (товарища своего по академіи), сидѣвшаго у стола; мнѣ удалось добыть себѣ мѣсто подлѣ него, и мы принялись за пересмотръ книгъ, лежавшихъ передъ нами на столѣ. Лагранжъ взялъ брошюру въ синей оберткѣ, страницъ въ пятьдесятъ: то было повѣствованіе, составленное однимъ офицеромъ, о событіяхъ въ Россіи, современныхъ кончинѣ Петра III. Перелистывая брошюру, съѣдъ мой попалъ въ ней на одно мѣсто, которое указалъ мнѣ; мы вдвоємъ прочли тамъ слѣдующее: «Петръ I, повелѣвъ обезглавить мятежныхъ стрѣльцовъ, распорядился, для вящшей быстроты въ отправленіи казни, положить передъ собой плаху, на которой онъ собственноручно, дюжими ударами топора, препровождалъ на тотъ свѣтъ виновныхъ, выбранныхъ имъ на свою долю въ изрядномъ количествѣ, ловко отсѣкая одну голову за другой. Тутъ между обреченными бойнѣ стрѣльцами явилось горячее соревнованіе наперерывъ идти подъ царскій топоръ, чтобы скорѣе сподобиться чести принять казнь, по примѣру Иисуса Христа (?), и соревнованіе это простиралось такъ далеко, что одинъ изъ нихъ, высокій и очень красивый мужчина, подступивъ къ мѣсту кровавой расправы въ то время когда другой

реніи Екатерины, жилъ большею частію въ Москвѣ. Ум. 16-го ноября 1791 г. Братья уважали его какъ отца.

¹⁾ Григорій Григорьевичъ—фаворитъ императрицы, род. 6-го октября 1734 г. ум. 13-го апрѣля 1783 года.

²⁾ Федоръ Григорьевичъ, генераль-авшефъ, род. 8-го февраля 1741 года, ум. 17-го мая 1796 года, и Владиміръ Григорьевичъ, генераль-поручикъ, род. 1743 г., ум. 1831 года.

Всѣ пять братьевъ возведены въ графское достоинство при коронаціи Екатерины II.

Д. Р.

38

его товарищъ занялъ свою очередь на императорской плахѣ,—положилъ туда же и свою голову, чтобы подвести ее подъ оборотный ударъ топора (un coup de revers). Петръ I, пораженный такою чрезмѣрною покорностью («servilité»), объявилъ помилованіе этому человѣку: пощаженный былъ именно дѣдъ Орловыхъ»

Далѣе мы не могли продолжать нашего чтенія, потому что брошюра эта была пущена въ продажу за два су, но вызвала постепенныя надбавки до червонна и, конечно, поднялась бы въ цѣнѣ еще выше, если бы въ публикѣ огласился тотъ фактъ, что покупка этой книжки была заказана по порученію русскаго посланника, имѣвшаго предписаніе своего правительства скупить всѣ ея экземпляры, но какой бы ни было цѣнѣ.

Хотя князь Орловъ (Григорій) и не былъ такой силачъ, какъ братъ его Алексѣй, но надобно думать, что, и за всѣмъ тѣмъ, онъ имѣлъ силу не-дюжинную, если вѣрить случаю, о которомъ мнѣ рассказывали. Говорятъ, что когда надлежало привести гвардейскихъ солдатъ къ присягѣ, Григорій Орловъ, командиръ роты, которая была одѣта по-римски (capitaine d'une compagnie habillée à la romaine) (?), приказалъ ей присягать; но одинъ офицеръ, человѣкъ видный и крѣпкій, вскричалъ, что онъ прежде присягалъ уже государю и потому не можетъ давать клятвъ никому другому. Тогда Орловъ, схвативъ за грудь ослушника, вышвырнулъ его изъ строя съ такой силой, что выброшенный упалъ на довольно далекое разстояніе отъ рядовъ, послѣ чего Орловъ, полуоборотясь къ фронту, скомаандовалъ: «маршъ!» и всѣ безпрекословно повиновались командѣ, подъ впечатлѣніемъ этого рѣшительнаго поступка.

Перевелъ и сообщ. въ 1875 г. Д. Д. Рабинникъ.

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ

въ 1786—1790 гг. ¹⁾.

Въ концѣ 1786 года, В. Н. Зинovieвъ возвратился изъ предпринятаго путешествія по Англіи и Шотландіи въ Лондонъ и съ этого времени выданы ежедневно съ своимъ другомъ, гр. С. Р. Воронцовымъ, началъ излагать въ формѣ поденныхъ записокъ свои впечатлѣнія и взгляды на явленія общественной жизни, которыя наиболѣе обращали на себя его вниманіе. Авторъ поденныхъ записокъ почему-то избралъ для нихъ французскій языкъ и, по видимому, мало озаботился о приданіи имъ хотя нѣсколько изящной формы, почему онѣ и представляютъ собою вполне беспорядочный образецъ веденія журнала. Не говоря уже о встрѣчающихся на каждомъ шагу грамматическихъ погрѣшностяхъ, затемняющихъ самый смыслъ, — Записки, кромѣ того, страдаютъ въ меньшей степени отъ вполне небрежнаго отношенія автора къ самому дѣлу ихъ веденія; тетради ихъ не сшиты, измараны и частію, вѣроятно, утеряны, потому что нельзя, напримеръ, не замѣтить перерывовъ въ годахъ и отсутствія ихъ окончанія.

Не смотря однако же на эти недостатки и въ виду несомнѣннаго интереса этихъ Записокъ, веденныхъ ежедневнымъ свидѣтелемъ жизни гр. С. Р. Воронцова въ Лондонѣ и русскимъ туристомъ XVIII вѣка, — человекомъ, по своему времени, развитымъ и образованнымъ, намъ удалось, до известной степени, восстановить хронологическую ихъ связь, что даетъ возможность прослѣдить за ихъ авторомъ, какъ въ теченіе его жизни въ Лондонѣ и его обратнаго путешествія въ Россію, такъ, отчасти, и за его времяпровожденіемъ въ Петербургѣ, уже по его возвращеніи на родину изъ заграничнаго путешествія. Писанныя по французски, такимъ языкомъ, который

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 207—240; 399—440.

былъ весьма обыченъ людямъ даже высшаго общества XVIII вѣка, то есть вовсе не грамматическимъ, неправильнымъ и исполненнымъ руссизмовъ. — Записки В. Н. Зиновьева представляютъ въ оригиналѣ немаловажный трудъ для читателя, который еще болѣе усугубляется отъ встрѣчаемыхъ на каждой почти страницѣ отступленій, лишенныхъ историческаго значенія, и обращеній къ Богу за ниспосланныя автору милости и милосердіе. Понятно, что, въ такомъ видѣ, журналъ В. Н. Зиновьева не могъ быть напечатанъ и читатель едва ли вынесъ бы изъ его прочтенія что-либо интересное, кромѣ весьма тяжелаго впечатлѣнія—результата его растянутости. Все это вызвало съ нашей стороны его переводъ и необходимое сокращеніе всего того, что не имѣетъ историческаго интереса, но является въ видѣ неумѣстныхъ длиннотъ, тяжело дѣйствующихъ на читателя и положительно вредныхъ цѣлому.

Н. П. Барышниковъ.

1786 годъ.

По возвращеніи моемъ изъ путешествія ¹⁾.

Въ концѣ сентября, здоровъ и невредимъ возвратился изъ моего путешествія. Я не засталъ гр. Воронцова, къ дому котораго я подѣхалъ, и такъ какъ моя комната была занята моимъ двоюроднымъ братомъ Сенявинимъ, я нанялъ квартиру на той же улицѣ. Г-нъ Парадисъ (Paradis), встрѣтивъ меня однажды, такъ настоятельно уговаривалъ меня заниматься геометріей, что,—не бывъ въ силахъ ему отказать,—мы начали уроки и такимъ образомъ мысль, которую я имѣлъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, начала приводиться въ исполненіе.

Въ половинѣ ноября, я предпринялъ путешествіе въ Нью-Меркетъ, гдѣ видѣлъ скачки и общество клуба. Я возвратился въ Лондонъ въ тотъ день, въ который изъ него выѣзжалъ мой двоюродный братъ, Сенявинъ. Снова началъ братъ уроки у г. Парадисъ, но когда дѣло коснулось до объясненій, я усмотрѣлъ, что онъ не могъ болѣе мнѣ преподавать, почему я и рѣшился взять другаго учителя, для чего и помѣстился у г. Вильямсона, весьма хорошаго математика и очень образованнаго человѣка.

25-го ноября. По субботамъ я отправлялся ночевать къ гр. Воронцову, гдѣ пробывалъ и воскресенья.

27-го. Въ воскресенье, я былъ пріятно обрадованъ посѣщеніемъ

¹⁾ Т. е. по возвращеніи автора въ Лондонъ изъ путешествія по Англіи и Шотландіи.

ки Голицына ¹⁾ и, можетъ быть, имѣлъ случай отплатить ему за то, что получилъ отъ его брата въ Туринѣ; но нужно сознаться, что онъ принялъ это лучшимъ образомъ нежели я (?).

5-го. Этотъ день былъ днемъ св. Екатерины, по нашему календарю, и послѣ обѣдни я обѣдалъ у гр. Воронцова, гдѣ говорили, что одинъ ирландскій епископъ Берклея ²⁾ написалъ книгу, въ доказательство того, что тѣла не существуютъ. Намѣреніе его было хорошее, потому что онъ писалъ въ опроверженіе философовъ, которые утверждаютъ, что все въ природѣ—матерія, почему и названы «материалистами»; но такъ какъ это обстоятельство было упомянуто при разговорѣ и, не смотря на это, всетаки продолжали высказывать сужденія на эту тему,—дальнѣйшее слушаніе этого разговора дѣлалось нелѣпностію. При преніяхъ перешли къ мнѣніямъ, которыя, постоянно приближаясь другъ къ другу, никогда не совпадаютъ, и пожелали, чтобы они были прямы; въ это время, съ болѣею горячностію, нежели бы слѣдовало, и я принялъ участіе въ разговорѣ; но, размысливъ въ послѣдствіи,—мнѣ стало жаль этихъ людей, употребляющихъ свой ничтожный умъ на разрушеніе самихъ, такъ сказать, чувствительныхъ мыслей, тогда какъ они могли бы употребить свои способности на приобрѣтеніе реальныхъ знаній; но г-нъ Вильямсонъ меня угѣшилъ, такъ сказать, мнѣніемъ Болингброка ³⁾, который сравнивалъ споръ этихъ философовъ съ работами вавилонскаго столпотворенія, которое кончилось тѣмъ, что всѣ впали въ замѣшательство и разошлись, не понимая другъ друга.

11-го. Выйдя изъ дому на прогулку, я вошелъ въ лавку, чтобы размѣнять деньги, и былъ немало удивленъ: хозяинъ лавки разговаривалъ съ какимъ-то человѣкомъ о томъ, что планеты не имѣютъ вліянія на поведеніе людей. Въ одной только Англии торговецъ саломъ можетъ разсуждать о такой матеріи! Я взялъ смѣлость подтвердить мнѣніе торгаша, который былъ противъ этого вліянія. Сегодня за обѣдомъ я вспомнилъ нѣчто, что доставило мнѣ большое удовольствіе, а именно—что у меня никогда не было ссоры и даже въ дѣтствѣ не помню, чтобы я съ кѣмъ нибудь подрался.

...22-го прибылъ въ Батъ. Довольно скучалъ въ этомъ мѣстѣ и кромѣ того съ большимъ безпокойствомъ провелъ двѣ ночи; но онѣ

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-то князѣ Алексѣѣ Голицынѣ. См. прим. къ письму 11-го января 1786 года.

²⁾ Жоржъ Берклея (Berkeley или Berkley), ирландскій епископъ, философъ (р. 1684, † 1753 г.).

³⁾ Лордъ Болингброкъ (Bolingbroke) (р. 1678, † 1751 г.)—предвѣстникъ школы энциклопедистовъ.

мнѣ дороги, потому что я научился слѣдовать совѣту, данному мно-
гоуважаемымъ Виллермовомъ.

25-го. Слышалъ проповѣдь самаго высокаго содержания, какую
мнѣ когда либо приходилось слышать.

1787 годъ.

1-го января. Уѣхалъ изъ Бата и сегодня окончилъ мое путе-
шествіе.

2-го. Приѣхалъ въ Лондонъ утромъ; вечеромъ былъ у леди Пеннъ
(Penne), гдѣ познакомился съ г-мъ Дальтономъ¹⁾, человѣкомъ весьма
любезнымъ.

3-го. Произошелъ несчастный случай съ Мишенъкой²⁾, которому
кормилица, упавъ на него, сломала ногу.

7-го. Пробылъ съ Мишенъкой одну изъ страшныхъ и полезныхъ
ночей.

11-го. Приѣхалъ Сенъ-Мартенъ³⁾ и остановился у г-на Тимана.

12-го. День моихъ именинъ; я его увидѣлъ (т. е. Сенъ-Мартена)
вечеромъ и это свиданіе доставило мнѣ великую радость.

19-го. Обѣдалъ у кн. Голицына и передъ вечеромъ началась
рѣчь, которая подала мнѣ мысль, что теперь многіе начинаютъ до-
биваться познаній съ излишнимъ пыломъ (avec trop d'ardeur) и, мнѣ
кажется, что этотъ пылъ служитъ препятствіемъ дальнѣйшему
преуспѣванію, котораго слѣдуетъ желать. Но если бы этого въ дѣй-
ствительности и не было, то всетаки чрезвычайно мучительно пере-
ходить разныя ступени и лишь шагъ за шагомъ достигать цѣли, до
которой можетъ достигнуть всякій. Особы эти, кромѣ того, чрез-
мѣрно привязаны къ свѣту и, ужъ по этой одной причинѣ, не мо-
гутъ приносить ему пользы, что однако же здѣсь должно считать-

¹⁾ Дальтонъ (Dalton), лондонскій купецъ, торговавшій шерстью († 1806),
мастеръ стула въ масонской ложѣ № 259 (?). См. Thory, Acta Latomorum,
I, 224. Кн. А. Д. Р.

²⁾ Несомнѣнно, рѣчь идетъ о сынѣ гр. С. Р. Воронцова, графѣ (въ послѣд-
ствіи князѣ) Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ. Н. В.

³⁾ Сенъ-Мартенъ (Louis-Claude de S-t Martin) р. 1743 † 1803, осно-
ватель секты извѣстной подъ именемъ мартинистовъ. Въ его біографіи, помѣ-
щенной въ Nouvelle Biographie Générale (XLIII, 65), читаемъ слѣдующее: «Vers
1786, S-t Martin fit un voyage en Angleterre, ou il se lia étroitement avec le
témologiste William Law; il se prit surtout d'affection pour les Russes, qui lui
parurent plus portés au spiritualisme. Le Prince Alexis Galitzine devint son
élève et son ami, et l'emmena visiter l'Italie en 1787». Кн. А. Д. Р.

ся одной изъ важнѣйшихъ цѣлей, а такое дѣйствіе иногда отталкиваетъ людей, видящихъ въ другихъ столь странный способъ поведенія.

23-го. Открыть парламентъ, но такъ какъ я еще въ прошломъ году видѣлъ его открытіе, то на этотъ разъ не поѣхалъ на эту церемонію.

26-го. Провелъ вечеръ у гр. (не разобрано фамиліи), датскаго посланника, и пріѣхавъ нѣсколько рано, видѣлъ безпокойство, съ которымъ хозяйка дома устанавливала столы для игры. При этомъ случаѣ, я не могъ не подумать, что люди весьма часто дѣлаютъ себѣ нескончаемый трудъ, заботясь о доставленіи удовольствій для себя и для другихъ. Сколько приготовленій замѣчается въ особенности въ устройствѣ большихъ обѣдовъ, сколько тысячъ людей этимъ заняты!—а результатомъ является то, что остаются съ полчаса времени за столомъ и часто этотъ несчастный получасъ намъ кажется за цѣлый день! Когда же людское поведеніе не будетъ вызывать восклицаніе: «О тщеславіе, тщеславіе!»—Лучшій на это отвѣтъ, быть можетъ, будетъ: никогда въ этомъ свѣтѣ!

Въ этомъ обществѣ я видѣлъ принца Вельскаго и г-жу Фицъ-Гербертъ ¹⁾. Я въ первый разъ видѣлъ принца въ обществѣ, намѣревался быть ему представленнымъ, но, не знаю право, что меня отъ этого удержало. Здѣсь я также нѣкоторое время смотрѣлъ на игру «въ фараонъ» и это мнѣ напомнило безразсудство, которое я сдѣлалъ въ Дрезденѣ. Но худшее изъ всего, что мнѣ здѣсь приключилось, было то, что я сильно простудился.

28-го. Былъ въ обѣднѣ и моя простуда почти прошла. Обѣдалъ у гр. Воронцова, гдѣ видѣлъ вновь пріѣхавшихъ сира Брауна и его товарища по путешествію, барона Мюниха.

30-го. Годовщина роковаго дня для Карла I-го, который, какъ извѣстно, былъ приговоренъ и казненъ своимъ собственнымъ народомъ,—происшествіе не только необыкновенное, но безпримѣрное; желательно, чтобы оно навсегда осталось единственнымъ въ этомъ родѣ и было бы первымъ и послѣднимъ. Въ царствованіе Карла II-го, парламентъ установилъ постъ въ этотъ день и въ Лондонѣ есть особенная для этого церковная служба. Тѣ изъ духовныхъ

¹⁾ Принцъ Вельскій, Георгъ, въ послѣдствіи регентъ и наконецъ король англійскій подъ именемъ Георга IV (р. 1762, † 1830).

Г-жа Фицъ-Гербертъ (Марія-Анна), р. 1754, † 1837, вдова Томаса Фицъ-Герберта († 1781), извѣстна была своею красотою и неограниченнымъ вліяніемъ на принца Вельскаго какъ съ женитьбы его, такъ и послѣ.

отцовъ, которые желаютъ, въ обществѣ канцлера отправляются въ Вестминстерское аббатство присутствовать при богослуженіи и проповѣди, которая говорится однимъ изъ вновь поставленныхъ епископовъ. Сегодняшній разъ проповѣдь говорилъ епископъ Оксфордскій, но духовные отцы не присутствовали, кромѣ канцлера, которому обязательно находится при богослуженіи. Нижній парламентъ тоже участвуетъ при отправленіи этого богослуженія въ часовнѣ, гдѣ спикеръ, который, такъ сказать, канцлеръ нижней палаты, долженъ находиться. Проповѣдь въ часовнѣ нижней палаты говорится капеланомъ.

Обѣдалъ у графа, гдѣ послѣ обѣда имѣлъ оживленный разговоръ съ г-мъ Сальведра (Salvedra) ¹⁾, о человѣческихъ наклонностяхъ; онъ хотѣлъ ихъ всё подвести подъ уровень инстинкта!

Парижъ.—20-го іюня 1787 года.

По видимому, этотъ трудъ (ouvrage) перервался на болѣе продолжительное время нежели въ дѣйствительности. Находясь подъ вліяніемъ тысячи необъяснимыхъ обстоятельствъ, я сдѣлалъ привязанность къ дѣвицѣ Юмъ и вскорѣ это отняло у меня возможность продолжать мои уроки алгебры, которые меня достаточно занимали. Въ это время я имѣлъ случай познакомиться съ докторомъ Гривъ (Grive), который настолько поглотилъ мое вниманіе, что я сочинилъ для него нѣчто о безсмертіи души. Въ это же время я познакомился съ Шойнборнъ (Schoinborn) ²⁾. Я былъ свидѣтелемъ того, что случилось съ г-мъ Парадисъ, относительно избранія Провидѣніемъ необыкновеннаго способа, чтобы установить его на истинномъ пути. Я самъ едва не заболѣлъ, когда во время посѣщенія меня гр. Воронцовымъ прочелъ ему, что я написалъ для г-на Гривъ, и, не смотря на слабость, ко мнѣ въ самую минуту битвы (combat) возвратились силы. Въ концѣ мая, я оставилъ Англію, проливая слезы, какъ о гр. Воронцовѣ, такъ еще болѣе о Мишенъкѣ, который былъ весьма тронутъ моимъ отъѣздомъ. За исключеніемъ, того, что проломили верхъ моей кареты и что я, не зная объ этомъ случаѣ, уплатилъ что запросили за ея сохраненіе, я совершилъ весьма счастливо переѣздъ. Въ тотъ день, въ который я покинулъ Кале, погода была очень дождлива и въ карету ко

¹⁾ По всей вѣроятности, не Сальведра, а Сааведра (Saavedra), испанская фамилія, старшій членъ которой носитъ титулъ герцога Ривасъ (Rivas).

²⁾ Не слѣдуетъ-ли читать Шельбёрнъ (Shelburne), въ послѣдствіи лордъ Ландедоунъ?
Кн. А. Л.-Р.

мнѣ налилось много воды. Въ мой прїѣздъ я видѣлъ Шантильи и прибылъ сюда 26-го мая. Одѣвшись, я отправился къ нашему послу ¹⁾ и къ княгинѣ Голицыной ²⁾; но долженъ былъ возвратиться обратно къ себѣ, по причинѣ усталости моихъ лошадей.

27-го. Былъ въ нашей церкви, гдѣ праздновался Троицынъ день, и здѣсь познакомился съ г. Кошелевымъ ³⁾, у котораго въ тотъ же день обѣдалъ; тутъ же познакомился и съ его супругой г-жой Кошелевой, одной изъ пресоходивѣйшихъ мною встрѣченныхъ душъ. Они отчасти и были причиной, что я рѣшился продолжить мое отсутствіе изъ отечества. Боже Всемогущій и Всевѣдущій! снизойди благословить мои добрыя намѣренія и направь шаги мои сообразно Твоей волѣ и на служеніе къ прославленію Твоего имени!

Познакомился съ графиней Разумовской и мы провели два дня, послѣ восхитительнаго вечера, въ назидательныхъ разговорахъ, до двухъ часовъ. Чтѣ сказать тебѣ, мой дорогой другъ? Я желалъ бы передать тебѣ лишь тысячную часть, но нужно сознаться, что я—несчастный, съ слабымъ, всегда готовымъ воспламеняться сердцемъ, когда не нужно! Не смотря на то, что случилось со мной въ Лондонѣ, я былъ близокъ сдѣлать новую привязанность и излечился отъ нея страннымъ образомъ—на прогулкѣ въ Эрменонвилѣ; тамъ покоится прахъ Ж. Ж. Руссо! Я сдѣлалъ много поѣздокъ по окрестнымъ деревнямъ, между прочимъ былъ въ деревнѣ герцогини де-Брисакъ, отъ которой получилъ премилое письмо. Тутъ встрѣтилъ моего благодѣтеля Жирѣ ⁴⁾. Отсюда я сдѣлалъ поѣздку въ монастырь Трапистовъ, гдѣ познакомился съ братомъ Просперомъ, въ комнатѣ у котораго нашелъ картину, которую, съ давняго времени, желалъ заказать для себя. По возвращеніи (вѣроятно, въ Парижѣ), для рѣдкости случая ѣздилъ въ Пале-Рояль—мѣсто, гдѣ (объ которомъ?) ни съ кѣмъ не говорятъ ни слова. Г. Кошелевъ 20-го отсюда уѣхалъ и оставилъ меня на попеченіи отца Жирѣ, у котораго я сегодня обѣдалъ и гдѣ получилъ хорошій урокъ и подтвержденіе того, что человекъ долженъ непремѣнно посѣщать общество, чтобы съ бѣльшей ясностію замѣчать свои недостатки. Рѣчь объ англійскомъ языкѣ убѣдила меня въ моемъ чрезвычайномъ самолюбіи.

¹⁾ Т. с. Иванъ Симолянъ, русскій посланникъ въ Парижѣ (1784—1792).

²⁾ Кн. Наталія Петровна Голицына, рожд. гр. Чернышева (р. 1741, † 1827).

³⁾ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ († 1827 г.), въ послѣдствіи обер-гофмейстеръ, извѣстный мистикъ. Ж. Варвара Ивановна NN.

⁴⁾ Жирѣ, докторъ медицины и магнетизеръ, содѣйствовавшій вступленію автора въ масонскій орденъ. Объ немъ будетъ подробно говорено дальше въ «Воспоминаніяхъ».

Туръ.—24-го іюля 1787 года.

Прекрасна мысль г-жи Кошелевой, которая въ своемъ дѣтствѣ думала видѣть написанное на лунѣ слово: «Богъ»—слово, которое для мыслящаго существа должно читаться на каждомъ древесномъ листкѣ! Смотря на красоту неба, на облака, я восклицалъ: «Какое могущество Того, Кто сотворилъ все это, кто оживилъ своей волею все, что мы видимъ; лишь одному Его слову все подчинилось, все вошло въ повиновеніе! Каково должно быть величіе, окружающее Его престолъ! Каково счастье предаваться такимъ мыслямъ! Какое зрѣлище можетъ сравниться съ созерцаніемъ природы!

2-го ноября. Ла-Галандри. Прежде отъѣзда изъ этой деревни должно сказать, что я выѣхалъ 24-го іюня, въ воскресенье, послѣ обѣдни. Въ дорогѣ ничего замѣчательнаго не случилось; на другой день, сдѣлавъ 20 станцій, я пріѣхалъ сюда около 7-ми часовъ, найди уже хозяевъ (т. е. Кошелевыхъ) поселившихся здѣсь, въ этой деревнѣ. Однажды мы обѣдали у г. Конъ (Caun), съ которымъ я имѣлъ очень оживленный разговоръ о Кромвелѣ, и, находясь въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, вслѣдствіе изрядной порціи выпитаго мной вина, у меня возникъ съ моимъ хозяиномъ и другой разговоръ, но всетаки въ болѣе благоразумной формѣ нежели тотъ, который у насъ съ нимъ былъ въ каретѣ, на дорогѣ въ Тушанъ (Touchant), по поводу поведенія министровъ въ политикѣ. Сколько неудовольствій причиняешь себѣ излишнею горячностію! Не знаю, каковы другіе, но, что до меня касается, я—олицетвореніе грѣха и ничтожества! Здѣсь я довольно хорошо употребилъ время: утро было употреблено на чтеніе съ маленькой Коко и съ ея матерью, а послѣобѣденное время было разнообразнѣе. Я имѣлъ нѣсколько споровъ съ хозяйкой дома и въ одномъ изъ нихъ я сознаю себя очень виновнымъ, потому что былъ весьма грубъ; но, съ одной стороны, я имѣлъ случай видѣть ея кроткость и великодушіе, съ другой—что споры, чтобы быть полезными, должны производиться не иначе, какъ съ глазу на глазъ.

Приключившаяся апоплексія старому Сентъ-Мартену привлекла въ здѣшніе края его сына ¹⁾, который, прибывъ къ намъ на три дня, имѣлъ случай произвестъ безконечное добро. При этомъ, я имѣлъ возможность видѣть очень дурное качество моего сердца, которое, надѣясь на милосердіе Божіе, съ помощію Его милости измѣнится.

¹⁾ См. примѣчаніе къ письму отъ 11-го янв. 1787 г.

Велика милость Всемогущаго Существа, что она даетъ возможность узрѣть наши пороки!

Возвращаясь съ водъ, графиня Разумовская проѣхала чрезъ Туръ и пробыва въ немъ одинъ день, находясь въ весьма жалкомъ состояніи относительно своей души.

Назадъ тому 8 дней, какъ Кошелевъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы найти квартиру, а я остаюсь здѣсь съ его супругой, съ нетерпѣніемъ дожидаясь (впрочемъ, не съ такимъ, съ какимъ бы было должно) его письма, которое должно рѣшить нашъ отъѣздъ. Имѣя въ виду достаточно привлекательныя приглашенія въ Лионъ, я уже болѣе мѣсяца готовъ туда отправиться, но г-жа Кошелева меня удержала и такъ какъ она также рѣшила мой пріѣздъ сюда, то я и этому подчинился, чтобы кончить начатую службу.

Примѣчаніе. Съ этого мѣста продолженіе журнала, въ формѣ писемъ, адресовано: «à ma chère soeur», вѣроятно, въ смыслѣ масонскаго братства, а такъ какъ въ журналѣ повторяются мѣстами слова «ma soeur» съ прибавленіемъ «Barbe», то мы, кажется, не ошибаясь можемъ полагать, что эти письма адресованы къ Варварѣ Ивановнѣ Кошелевой, супругѣ Родіона Александровича Кошелева.

Н. П. Варшавинъ.

Лионъ.—11-го ноября 1787 года.

Вотъ я счастливо и добрался сюда, моя дорогая сестра. Со вчерашняго вечера я еще не видѣлъ ни Милане ¹⁾ (Millanais), ни Виллермоза ²⁾, но сколько здѣсь, столько же и въ дорогѣ часто думалъ о васъ.

9-го. Въ 4 часа я выѣхалъ; съ большимъ нетерпѣніемъ дождался восхожденія солнца, чтобы оно освѣтило мнѣ интересовавшіе меня виды.

10-го. Спустился съ довольно высокой горы Таранъ (Tarau), и, идя пѣшкомъ, остановился на нѣсколько минутъ, пораженный спокойствіемъ, всюду царствовавшимъ! Я думалъ о васъ, дорогая се-

¹⁾ Милане (Millanais, avocat du Roi à Lyon), одинъ изъ вліятельныхъ масоновъ лионскихъ, авторъ сочиненія: Réponse aux assertions contenues dans l'ouvrage ayant pour titre: De conventu Latomorum apud aquas Wilhelminas. Lyon, 1784, in 8. Въ 1793 умеръ на эшафотѣ, въ Лионѣ. См. Thory, Acta Latomorum I. 372, II. 354.

Кл. А. Д.-Р.

²⁾ О Виллермозѣ см. примѣч. къ письму отъ 18-го дек. 1785 г.

стра, о васъ, находившейся въ то время въ самомъ шумномъ городѣ въ мірѣ.

11-го. Былъ у обѣдни, въ церкви св. Іоанна, которая весьма замѣчательна.

12-го. Былъ у Милане, который, вѣроятно, вслѣдствіе своихъ занятій, не могъ меня видѣть; Виллермовъ, который долженъ былъ посѣтить меня утромъ, тоже не пріѣхалъ... вотъ, дорогая сестра, и несчастія! но я утѣшаюсь, зная, что эти люди такъ заняты, что только дѣла самой большой важности имъ мѣшаютъ меня развѣловать. Нужно вамъ сказать, что я занимаю теперь ту же комнату, въ которой имѣлъ случай сдѣлаться христианиномъ.

13-го. Наконецъ, я видѣлся съ этимъ превосходнымъ Виллермовомъ! Сегодня я долженъ былъ быть у него въ 10¹/₂ часовъ. Какъ нѣжно я цѣловалъ его! Мы не хотѣли разлучаться; онъ былъ окруженъ письмами. Чтобы дать вамъ понятіе, какъ заняты эти достойные люди, скажу вамъ, что онъ не имѣлъ время разобрать свои письма, за три года полученія; онъ передалъ мнѣ, что въ теченіе недѣли онъ ищетъ свиданія съ Милане, но послѣдній также не имѣетъ свободнаго времени. Я имѣлъ съ нимъ весьма интересный разговоръ о чтеніи св. писанія, которое главнѣйше состоитъ въ таинственности, которая окружаетъ большую часть періодовъ, однимъ словомъ, мы говорили о томъ, какъ нужно читать св. писаніе.

Я отискалъ прекрасную квартиру съ Жирô (Gigaud), который будетъ стоять вмѣстѣ со мной,—это отель «Мира».

14-го. Сегодня видѣлъ принятіе въ орденъ, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе и чрезъ которое, назадъ тому почти два года, я также прошелъ и самъ. Здѣсь я имѣлъ случай развѣловать дорогаго брата Милане.

15-го. Вотъ я наконецъ и въ отелѣ «Мира»! Да ниспошлетъ мнѣ его Господь и да послужитъ мое успокоенное сердце ему обителью!

18-го. Уже нѣсколько дней я не бесѣдовалъ съ вами, моя дорогая сестра, но весьма часто о васъ думалъ. Сегодня съ дорогаимъ братомъ Жирô я былъ у обѣдни и на возвратномъ пути имѣлъ весьма интересный разговоръ съ однимъ изъ нашихъ, г-мъ Гренвилемъ ¹⁾ (Grainville); онъ, между прочимъ, отнял у меня эту большую охоту къ магнетизму (*ce grand désir pour le magnétisme*), но далъ болѣе ясную мысль о лунатикахъ. Я долженъ замѣтить здѣсь два необяко-

¹⁾ Гренвилль (de Grainville, officier au régiment de Foix) былъ въ числѣ масоновъ, созванныхъ на парижскіе конвенты 1785 и 1787 годовъ. Thory, Acta Latomorum, II. 94.

венныхъ случаевъ, которые были съ дорогимъ Жирò: первый—съ одной особой, которая его нашла въ неизвѣстной для нея деревнѣ, а другой—съ женщиной, находившейся въ лунатизмѣ, въ Парижѣ, и состоявшей на службѣ, въ конторѣ одного нотаріуса.

20-го. Сегодня, съ дорогимъ Жирò и сильно любимымъ мной Виллермовомъ, я присутствовалъ на усладительномъ (delicieux) обѣдѣ у одного изъ нашихъ, г. Гренвилль. Я затрудняюсь вамъ выразить мною ощущаемую радость, вслѣдствіе моего нахождения въ этомъ добромъ обществѣ. Дорогой Виллермозъ мнѣ передалъ одно обстоятельство о нашихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ я никогда не думалъ, но которое тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно.

21-го. Былъ сегодня у г. Превенсаль (Previncale), гдѣ, какъ первобытные христіане, мы вмѣстѣ читали. Я весьма часто о васъ думаю.

25-го. Надо путешествовать, чтобы быть въ состояніи записывать свои мысли, которыя могли бы быть интересны; переменна предметовъ ихъ рождаетъ—вотъ причина, почему до сегодняшняго дня я не могъ вамъ ничего сообщить. Былъ въ обѣднѣ съ дорогимъ Жирò и потомъ обѣдалъ съ моими дорогими братьями и весьма пріятно провелъ время. Послѣ обѣдни видѣлъ одно собраніе, мною еще невиданное и возбуждавшее во мнѣ многія размышленія.

О парижскомъ парламентѣ получаютъ весьма дурныя слухи; боюсь, чтобы все это не кончилось дурно.

10-го декабря. Наканунѣ дня моего рожденія, хочу вамъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ за это время, и такъ: 7-го вечеромъ, я находился въ большомъ обществѣ моихъ друзей и имѣлъ случай пользоваться ихъ познаніями. 8-го у насъ обѣдалъ Виллермозъ и Гренвилль и я имѣлъ случай видѣть одну изъ сторонъ огромной пользы, когда принадлежишь къ этому обществу, потому что почти всѣ его члены навѣстили моего товарища Жирò, который болѣнъ. Здѣсь былъ также и Милане, который говорилъ весьма вѣрно о человѣческой волѣ. 9-го былъ въ нашемъ собраніи. Что за счастливыя для меня здѣсь минуты, моя дорогая сестра! Да славится вѣчно имя Всемогущаго Бога!

11-го. Сегодня день моего рожденія, и такъ, скажу вамъ, дорогая сестра, что мнѣ 32 года. Наша здѣшняя жизнь есть постоянная школа. Счастливы тѣ, которые стараются воспользоваться получаемыми ими уроками! Я нахожусь теперь относительно этого въ весьма выгодномъ положеніи; если этимъ случаемъ не воспользуюсь,—вина падеть на меня; но надѣюсь, что милосердіемъ Всемогущаго и съ помощію моего дорогаго стража, я воспользуюсь выгодною моего положенія. Я одинъ, безъ общества, безъ родныхъ; друзья, которыхъ я

имѣю, заняты другимъ дѣломъ; вотъ почему, чтобы достигнуть положенія душевнаго довольства, мнѣ нужно искать помощи въ другой сторонѣ; но полагаю, что, отыскавъ ее, моя келья (cellule) будетъ для меня вездѣ пріятнѣйшимъ достояніемъ,—а это большое счастье. моя дорогая сестра!

16-го. Я, кажется, говорилъ вамъ, что надо путешествовать, чтобы быть въ состояніи писать интересный журналъ. Я веду здѣсь жизнь столь однообразную, что, въ самомъ дѣлѣ, я не знаю, что вамъ сказать, потому что, если бы я повторялъ вамъ каждый день, что весьма часто о васъ думаю,—я боюсь, что это могло бы вамъ наскучить.

19-го. Скажу вамъ нѣчто, что, можетъ быть, васъ удивить, а именно: что, не смотря на то, что нахожусь въ средѣ особъ, исполненныхъ большихъ познаній, мое къ нимъ горячее уваженіе уменьшилось, и, полагая, что достаточно хорошо остаться такимъ, каковъ я теперь, я молю Всемогущаго Бога употребить свое вліяніе, чтобы меня поддержать въ настоящемъ моемъ состояніи духа.

25-го. Сегодня исполнилось два года, что, по милости Всемогущаго, я имѣлъ счастье сдѣлаться христіаниномъ¹⁾, чрезъ дорогаго брата Виллермова, съ которымъ я былъ въ церкви св. Іоанна, также, какъ и въ тотъ знаменательный день! Я только теперь вспомнилъ, что забылъ вознести благодареніе Богу за эту великую милость! Развѣ я не окаянный?

26-го. У меня обѣдали Мольеръ и Пагануцци (Molière et Paganuzzi), и эта трапеза была по-истинѣ братская.

1788 годъ.

21-го января. Сегодня я обѣдалъ у декана (doyen), гдѣ назадъ тому два года я также былъ на обѣдѣ, который возникъ въ моей памяти, со многими подробностями, возбуждившими во мнѣ большое удовольствіе. «Славны бубны за горами!» Прежде нежели пріѣхать сюда, я воображалъ, что рѣчи лицъ, которыя предаются почтеному занятію когда находятся вмѣстѣ, должны лишь касаться его, но увъ!—теперь я усматриваю, что только въ уединеніи можетъ развиться истинное чувство. Постараюсь, на сколько могу, воспользоваться этимъ.

¹⁾ Это обстоятельство подробно объяснено дальше въ «Воспоминаніяхъ» автора.

23-го. Вчера обѣдалъ у Виллермоза, гдѣ чрезвычайно хорошо проваль время, а сегодня у г-на Браунъ, который имѣеть дѣтѣй, изъ которыхъ меньшей, кажется, очень уменъ; но его заставляютъ очень много работать, задавая ему часто вопросы, и мнѣ кажется, что умѣстнѣй, чтобы предлагали вопросы дѣти, а не ихъ спрашивали.

1-го февраля. Былъ весьма неудачный день, потому что я проваль его въ спорахъ—утромъ о магнетизмѣ, а вечеромъ о бракѣ; но за то я и не могъ заснуть до 5-ти часовъ. Вы знаете, что я всегда думаль, что споры никуда не годятся, и ночью принялъ рѣшеніе никогда не принимать въ нихъ участія; въ этомъ рѣшеніи я еще болѣе утвердился, встрѣтивъ брата Мольера, который мнѣ сказалъ, при моей у него исповѣди, что Іисусъ Христосъ никогда не спорилъ. И такъ, будемъ просить Іисуса Христа, чтобы онъ далъ намъ силы избѣгать споровъ и быть воздержными въ нашихъ рѣчахъ. «Возложи храненіе устамъ моимъ»!

25-го марта. Препятствія мѣшаютъ моему путешествію въ Лондонъ и ставятъ меня въ необходимость возвратиться къ сентябрю мѣсяцу въ Россію.

Рюмьинъ.—21-го мая.

Вотъ я и покинулъ Ліонъ еще съ 19-го числа, проживъ въ немъ шесть мѣсяцевъ и девять дней. Не смотря на то, что я обѣщаль вамъ мой журналъ лишь изъ Швейцаріи, но не могу же я разговаривать одинъ!—почему и скажу вамъ, что, чрезъ пребываніе въ Ліонѣ, я достигъ нескончаемаго блага и молю Всемогущаго, чтобы онъ снизошелъ усовершенствовать его еще болѣе и довершить на мнѣ свою работу. Вечеромъ того же дня, я пріѣхаль въ Гренобль; но на другой день мнѣ встрѣтились препятствія ѣхать въ деревню г-на Тура (Tour), только 21-го числа я могъ это исполнить. Войска окружили парламентъ и я (вижу?) въ числѣ патрульныхъ въ городѣ (Les troupes avaient investi le Parlement et je suis (vois?) des patrouilles dans la ville),—что произвело на меня странное впечатлѣніе. Большое несчастіе, когда государь обязанъ употреблять военную силу, чтобы насиловать своихъ собственныхъ подданныхъ, вмѣсто того, чтобы употребить ее на ихъ защиту!

22-го. Былъ въ Картезианскомъ монастырѣ (Grande Chartreuse). Мы вышли въ хорошую погоду, но на дорогѣ были застигнуты дождемъ и я совершенно измокъ; по приходѣ же нашемъ, погода прояснилась; мы съ трудомъ спускались въ долины и всходили на крутые подъе-

мы, однимъ словомъ,—здѣсь всего было въ волю. Я не осмѣливался выразить моего мнѣнія о духовномъ обществѣ монастыря, чего бы мнѣ весьма хотѣлось, но мои мысли для этого не достаточно ясны. Уже въ совершенно другую погоду, вчера, 23-го, мы возвратились въ Гренобль. Я доволенъ начать путь въ Швейцарію и прошу Михосердаго Творца, чтобы снизошелъ благословить его и позволилъ мнѣ, чрезъ Свою неисчерпаемую доброту, вынести изъ него возможную для себя пользу.

Немуръ.—7-го ноября.

И такъ, это адресовано къ вамъ, моя дорогая сестра; безпокойства, которыя мы испытали прежде отъѣзда изъ Ла-Галандри, вамъ извѣстны, а между тѣмъ они были излишни, потому что все пошло отлично. Съ нами случилось, добрая сестра, то, что случается весьма часто—мы безпокоились тому, чему не слѣдовало безпокоиться.

Въ этотъ же вечеръ мы доѣхали до Орлеана и вчера утромъ я убѣжалъ (*et hier matin je me suis enfuis*), съ рѣшимостію сопроводать васъ въ Этампъ (*Etamp*), гдѣ мы разстались, потому что я, такъ сказать, былъ обязанъ васъ сопроводать до этого мѣста. Тѣмъ не менѣе, я благодарю небо, что оно выразило свою волю, чтобы я докончилъ что началъ, и чтобы созналъ ничтожность моихъ услугъ, потому что сдѣлалъ лишь то, что былъ обязанъ сдѣлать. Какъ возблагодарить мнѣ добраго ангела, который внушилъ мнѣ мысль говорить съ вами, въ вашемъ отсутствіи!

Было еще свѣтло когда я достигъ Фонтенбло....

Примѣчаніе. Вслѣдъ за симъ помѣщаемый отрывокъ изъ дневника В. Н. Зиновьева представляетъ собой неспитую тетрадь на синей бумагѣ, въ листъ. Отрывокъ этотъ безъ начала и конца и веденъ уже по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія. Вслѣдствіе утраты его заголовка, онъ не обозначенъ никакимъ годомъ, но, основываясь на происшествіяхъ, о которыхъ въ немъ упоминается, его съ полной достовѣрностію должно отнести къ 1790-му году. Этотъ отрывокъ веденъ по русски и касается нелишнихъ интереса эпизодовъ о многихъ лицахъ высшаго петербургскаго общества, а частію и придворной жизни того времени. Въ это время В. Н. Зиновьевъ пережилъ уже весьма многое, почему взглядъ его на многое, какъ намъ кажется, измѣнился, и въ его сужденіяхъ этого времени проглядываетъ несвойственный ему въ прежнее время пессимизмъ и чрезъ иѣру строгія воззрѣнія на различныя явленія того времени, сами по себѣ совершенно невинныя и безвредныя. Какъ бы то ни было, но отрывокъ этотъ

заслуживаетъ полнаго вниманія и любопытствъ уже потому, что упоминаетъ о нѣкоторыхъ фактахъ петербургской жизни того общества, въ которомъ вращался авторъ дневника, до сего времени мало или вовсе не извѣстныхъ. Очевидно, что существуетъ замѣтный пробѣлъ между началомъ этого отрывка и возвращеніемъ автора въ Петербургъ изъ путешествія, — отсутствіе заголовка къ этому отрывку еще болѣе подтверждаетъ это мнѣніе. Утрата начала этого отрывка изъ дневника В. Н. Зинovieва и продолженія его заставляетъ невольно сожалѣть о нихъ, въ виду близкаго знакомства автора съ лицами, о которыхъ онъ пишетъ, и той среды, въ которой онъ вращался въ Петербургѣ и которая была ему извѣстна во всѣхъ подробностяхъ.

Н. П. Барышниковъ.

1790-й годъ.

5-го октября. Нравы у насъ такъ разстроены, что нигдѣ такихъ вещей не дѣлается, какъ у насъ. Князь Куракинъ ¹⁾ далъ балъ, гдѣ не только три актрисы находились, но и любовники ихъ! При самыхъ развращенныхъ нравахъ въ Парижѣ сего не дѣлаютъ. Еще замѣтить здѣсь можно, — дороговизна чрезвычайная, которая здѣсь и непонятна: какъ люди съ посредственнымъ состояніемъ жить могутъ?

6-го октября. Пробылъ цѣлый день у Варвары Ивановны, и тутъ Родіонъ Александровичъ ²⁾ оказалъ свое лукавство, — осматриваясь, нахожусь ли я въ комнатѣ, чтобы сказать обо мнѣ, что я крѣпко играю. Вѣкъ живи и вѣкъ учись! пословица выйдетъ справедливая: «чтобы узнать другаго, надобно пудъ соли вмѣстѣ съѣсть. — Разговоръ за столомъ былъ, болѣею частью, о картахъ.

¹⁾ Въ 1790 году кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ находился еще на жительствѣ въ своемъ «Надежинѣ», почему авторъ, безъ сомнѣнія, говоритъ о князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ Куракинѣ. Въ это время онъ служилъ подъ начальствомъ Алексѣя Ивановича Васильева (въ послѣдствіи графа), въ канцеляріи генераль-прокурора кн. Вяземскаго.

Н. П. В.

Сомнѣваюсь въ справедливости этого примѣчанія. Изъ подлинной переписки кн. Александра Борисовича видно, что онъ въ іюнѣ 1792 годѣ выѣхалъ изъ Петербурга въ саратовское свое имѣніе; слѣдовательно, онъ былъ въ Петербургѣ еще до вступленія императора Павла на престолъ.

Кн. А. Л.-Р.

²⁾ Мужъ и жена — Кошелевы. Въ Вышебешскомъ архивѣ находятся письма Кошелевыхъ къ автору дневника, изъ которыхъ усматриваются ихъ дружескія отношенія. Во время путешествія Кошелевыхъ по Европѣ, ихъ домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ масоновъ. В. Н. Зинovieвъ познакомилъ съ Кошелевыми и ввелъ въ ихъ общество Сень-Мартена.

Н. П. В.

8-го октября. Обѣдалъ, въ день рожденія, у Варвары Ивановны, которая была опечалена болѣзнію дочери своей. Погода такъ дурна, что всѣ въ городѣ почти немогутъ, начиная отъ государыни и наслѣдника, у котораго Сергѣй Ивановичъ ¹⁾ не въ милости. Боже Всемогущій! избави меня отъ близкаго знакомства съ вельможами сего свѣта,—оное, мнѣ кажется, весьма опасно. Всѣ наши слабости ведутъ насъ сохранить оное, а въ ономъ надобно или самому испортиться, или противъ совѣсти онимъ льстить! Ужиналъ у имянинника случайнаго Тарсукова ²⁾. Удивительно, какъ у насъ публика людей дѣлаетъ случайными, которые не таковыя, и, не могши чрезъ оныхъ ничего получить, такъ ихъ превозносить, какъ будто они половину государства отдать могли!

9-го октября. Обѣдалъ у Завадовскаго ³⁾, который очень не весель былъ. Былъ въ концертѣ, считая слышать гарфирста; кончилъ вечеръ у Варвары Ивановны и въ 10 часовъ былъ у Новосильцева ⁴⁾, гдѣ засталъ всѣхъ прилежно играющихъ въ банкъ.

10-го октября. Обѣдалъ у Козадавлева ⁵⁾.

11-го октября. Нынче былъ славный обѣдъ у гр. Ивана Петровича ⁶⁾ для поднесеннаго, по имянному указу, ему золотого кубка. Я сидѣлъ возлѣ Петра Ивановича Новосильцева и тутъ зашелъ разговоръ, что сей кубокъ перейдетъ къ потомкамъ, которые, читая надпись, будутъ имѣть ложное мнѣніе о дѣяніяхъ гр. Салтыкова.

¹⁾ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ (умеръ въ 1802 г., въ Монтпелье) извѣстенъ какъ лицо, имѣвшее особенную довѣренность и расположеніе импер. Павла.

²⁾ Ардаціонъ Александровичъ Тарсуковъ (умеръ въ 1811 г.) въ послѣдствіи былъ оберъ-гофмаршаломъ двора; имѣлъ въ супружествѣ племянницу Мары Савишны Перекусиной, Екатерину Васильевну.

³⁾ Гр. Петръ Васильевичъ Завадовскій.

Н. В. П.

⁴⁾ Петръ Ивановичъ Новосильцевъ, въ послѣдствіи д. т. с. († 1805 г.), женатый на Екатеринѣ Александровнѣ Тарсуковой (сестрѣ Ардаціона Александровича Тарсукова).

Кн. А. Л.-Р.

⁵⁾ Осипъ Петровичъ.

⁶⁾ Гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ (р. 1730 г., умеръ 14-го ноября 1805 г.), въ послѣдствіи генераль-фельдмаршалъ. Въ 1790 году онъ командовалъ финляндскою арміей. Въ день торжества мира съ шведами, 8-го сентября, графъ награжденъ званіемъ подполковника гвардіи Коннаго полка, шпагой съ алмазами и ордевомъ св. Авдрея Первозваннаго. При этомъ, какъ усматривается изъ дневника Василя Николаевича, ему поднесенъ, по имянному указу, золотой кубокъ съ надписью. Обстоятельство это, какъ кажется, до сего времени не было извѣстно. Надо полагать, что всѣ эти награды и вызвали, 11-го октября 1790 года, со стороны графа обѣдъ, во время котораго на столѣ красовался упомянутый золотой кубокъ, съ надписью, содержаніе которой намъ не извѣстно.

Н. П. В.

12-го октября. Обѣдалъ дома, а ужиналъ у Кошелевой, гдѣ съѣхалась очень пріятная компанія и гдѣ, послѣ ужина, играли почти всѣ въ Кензь (quinze).

14-го октября. Обѣдалъ у Новосильцева, а ужиналъ на именинахъ у Прасковьи Ивановны Голицыной ¹⁾.

16-го октября. Обѣдалъ у Кошелева со Ржевскимъ, ужиналъ на именинахъ у Анны Петровны Козадавлевой ²⁾. Съ нынѣшняго дня собираюсь всякій день писать свой журналъ.

18-го октября. Обѣдалъ у дяди Алексѣя Наумовича ³⁾. Домъ его день ото дня безпорядочнѣе становится. Ужиналъ у Александры Борисовны Измайловой ⁴⁾, гдѣ и послѣ ужина въ карты играли; забава обыкновенная у насъ и которая обратилась въ упражненіе и заставляеть забывать нужныя и полезныя вещи!

22-го октября. Получилъ пріятное письмо отъ гр. Семена Романовича Воронцова; обѣдалъ у Валувѣа ⁵⁾, а вечеромъ былъ у Завадовскаго.

24-го октября. Пробылъ цѣлое утро дома, чтобы отвѣчать на письмо Воронцова, а потомъ поѣхалъ въ Эрмитажъ, гдѣ разныя игры были, и вѣроятно, что оный данъ былъ для графа Старенберга, для пріѣзжаго съ извѣстіемъ о новомъ императорѣ ⁶⁾. Мнѣ тутъ довольно скучно было и я поѣхалъ ужинать къ Миниху.

31-го октября. Ничего, примѣчанія достойнаго, не произошло. Вчера обѣдалъ у Кошелева; послѣ обѣда игралъ въ карты съ Кошелевой и старшимъ Стакельбергомъ ⁷⁾, который мнѣ объ-

¹⁾ Княгиня Прасковья Ивановна Голицына, рожденная Шувалова (р. 1734, † 1802 г.), родная сестра Ив. Ив. Шувалова. Кн. А. Л.-Р.

²⁾ Анна Петровна Козадавлева, рожденная княжна Голицына, супруга Осипа Петровича и внучатая сестра князя Александра Николаевича Голицына.

³⁾ Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ (умеръ въ 1797 г.), адмиралъ и родной дядя Н. В. Зиновьеву, по Авдотѣ Наумовнѣ—матери автора дневника, которая была родной сестрой Алексѣя Наумовича. Н. П. В.

⁴⁾ Александра Борисовна Измайлова, рожд. княжна Юсупова, вдова д. т. с. Ив. Мих. Измайлова († 1787 г.) и родная сестра кн. Николая Борисовича Юсупова.

⁵⁾ Петръ Степановичъ Валувѣа, въ послѣдствіи д. т. с. (р. 1740, † 1814), женатый на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой (дочери того Александра Родионовича, о которомъ авторъ говорилъ по случаю пребыванія своего во Франціи). Кн. А. Л.-Р.

⁶⁾ По кончинѣ Іосифа II-го, на германскій престолъ, въ 1790 году, вступилъ Леопольдъ II-й, бывшій сначала герцогомъ Тосканскимъ. Н. П. В.

⁷⁾ Графъ Густавъ Оттоновичъ Стакельбергъ, дѣйств. т. с. и андреевскій кавалеръ. Въ 1773 году былъ назначенъ отъ русскаго двора посломъ въ Варшаву и тамъ его умѣнье вести дѣла доставило ему авторитетъ умнаго и

явилъ, что онъ собирается волочиться за моей женой, когда бы я женился. Нравы у насъ примѣтно развращаются и, кажется, очевидно день ото дня хуже становятся! Вечеромъ былъ на концертъ, гдѣ частію подтвержденіе тому имѣлъ, что теперь говорю. Ужиналъ у Козадавлевой.

6-го ноября. На сихъ дняхъ былъ дежурнымъ у государыни и въ первый разъ представлялъ ей трехъ въ кавалергардской, да генераль-маіора Река, въ дежурной. Въ тотъ же день обѣдалъ шведскій генераль Стедингъ ¹⁾ и присланный отъ императора Старенбергъ. Былъ балъ у посла 4-го, гдѣ мнѣ очень весело было, послѣ котораго Варвара Ивановна занемогла. 5-го ноября, былъ поутру у Варвары Ивановны и тутъ мнѣ Родіонъ Александровичъ, съ обыкновенной своей горячностью, попрекалъ, что я его жену разбудилъ; но, благодаря Бога, что я передъ выѣздомъ моимъ читалъ проповѣдь о любви, слѣдовательно, мнѣ легче было воздержаться отъ вспыльчивости, которая у меня въ сильномъ градусѣ. Вечеромъ заѣхалъ къ Завадовскому просить его объ Экерманнѣ. Нонче было собраніе для новаго клуба, но сомнѣваться должно, чтобы онъ состоялся, ибо никто въ директоры идти не хочетъ. Вечеромъ былъ въ концертъ у Строганова, гдѣ Стакельбергъ, въ Георгіевскомъ крестѣ, въ шпагѣ и въ мундирѣ, буффонскую арію пѣлъ, такъ что пудра около него летѣла. Нравы наши день ото дня портятся, и не видно что изъ сего выйдетъ,—но хорошаго нечего ожидать.

10-го ноября. Нонче былъ у Троицы, у обѣдни, и положилъ всякое воскресенье туда ѣздить, а когда дежурный, то тогда послѣ оной во дворецъ пріѣзжать. Обѣдалъ у Анны Осиповны ²⁾, гдѣ послѣ обѣда заснулъ; а вечеромъ былъ въ Эрмитажѣ, гдѣ совершенныя святки были, которыя намъ великія бѣдствія предвѣщаютъ! Боже ми-

способнаго человѣка. Въ Варшавѣ онъ жилъ весьма роскошно. Авторъ «Дневника» едва ли не ошибается причисливъ его къ георгіевскимъ кавалерамъ.

Н. П. В.

¹⁾ Шведскій генераль (а въ послѣдствіи фельдмаршалъ) графъ Стедингъ (Stedingk) пріѣхалъ въ Петербургъ съ письмомъ отъ короля шведскаго къ императрицѣ Еватеринѣ, послѣ нашей войны съ Швеціей, и, бывши вскорѣ назначенъ шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургъ, оставался въ этомъ званіи до февраля 1808 года. Записки его, на французскомъ языкѣ, издали генераломъ графомъ Біорнстьерномъ, въ Парижѣ, въ 1844—1847 годахъ.

Кн. А. Л.-Р.

²⁾ Анна Осиповна Бобріщева-Пушкина, рожденная Козадавлева, тетка Осипа Петровича Козадавлева, имѣла весьма обширный кругъ знакомыхъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, и еще въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны пользовалась милостями двора.

Н. П. В.

жосерднѣ! Тебѣ боже извѣстна опасность, въ которой я нахожусь, охрани меня отъ оной, направи стопы моя на путь истины и утверди меня въ ономъ!

11-го ноября. Было молебствіе у двора о взятіи Киіи ¹⁾,—города турецкаго. Ивана Ивановича Шувалова были имянины, гдѣ я до пятого часа пробылъ.

15-го ноября. Балъ у Тарсукова, гдѣ Брюсъ и Салтыкова были. Печальное состояніе нашего отечества!—молодость (т. е. молодежь) самая развращенная, а старики и разные люди—безъ правилъ, шутки, волокиты и подлѣцы и не имѣютъ малѣйшаго вѣса надъ юношествомъ.—Что изъ этого выйдетъ?!

17-го ноября. Былъ Эрмитажъ, со многими шумомъ. Государыня подходила ко мнѣ и не узнавала меня; но я думаю—нарочно....

Примѣчаніе. Выше помѣщенный отрывокъ дневника В. Н. Зиновьева—последній. Не знаемъ—существуетъ ли продолженіе этого дневника. Изъ словъ этого отрывка усматривается, что авторъ, въ день 16-го октября, отмѣтилъ: «Съ нынѣшняго дня собираюсь всякій день писать свой журналъ», и необходимо предположить, что авторъ продолжалъ бы его и что таково было его твердое намѣреніе, которое, если не исполнялъ, то независимо отъ своего желанія и по неизвестнымъ для насъ причинамъ.

Изъ числа бумагъ, непосредственно слѣдующихъ, по времени ихъ написанія, за послѣднимъ отрывкомъ дневника, замѣтно выдѣляется «Автобіографія» В. Н. Зиновьева, писанная уже въ 1806 году и озаглавленная «Воспоминаніями». Эти «Воспоминанія» написаны для матери второй супруги В. Н. Зиновьева, г-жи Брейткопфъ, въ послѣдствіи начальницы Екатерининскаго института, съ которой у автора «Воспоминаній» существовали родственныя, дружескія и вполне искреннія отношенія, на что указываютъ и Воспоминанія. О г-жѣ Брейткопфъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ гр. Комаровскій («Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 220).

¹⁾ 1790 года 18-го октября, турки сдали русскимъ городъ и крѣпость Киію. 20-го октября наша флотилія, подъ командою генералъ-маіора Рыбаса, вступила въ Дунай и заняла постъ при крѣпости Киіи, послѣ чего турецкія войска были совершенно разбиты и у нихъ отнято 19 пушекъ, 7 судовъ и пр.

«Воспоминанія» восполняютъ недомолвки и пробѣлы, встрѣчаемыя довольно часто, вслѣдствіе разсѣянности автора и его дурной памяти (въ чемъ онъ сознается въ одномъ изъ писемъ своихъ къ гр. Воронцову). «Воспоминанія», кромѣ того, сообщаютъ много новаго о воспитаніи автора и дополняютъ, до извѣстной степени, тѣ отрывочныя понятія о домашнемъ воспитаніи вообще, которое давалось въ это время русскимъ богатымъ дворянамъ. Понятно, что, начавъ въ 30-тилѣтнемъ возрастѣ свой журналъ, въ Лейпцигѣ, онъ оставилъ незагнанными свои первые дѣтскіе годы, почему они и остались для насъ неизвѣстными,—«Воспоминанія» же, въ этомъ случаѣ, восполняютъ нѣсколько этотъ пробѣлъ. Въ нихъ заключаются не безынтересныя указанія на жизнь 12-ти русскихъ студентовъ, посланныхъ, въ 1766 году, по желанію императрицы Екатерины, въ Лейпцигъ. Указанія эти, разумѣется, вполне любопытны, потому что добытыя до сего времени свѣдѣнія о ихъ жизни въ Лейпцигѣ далеко не полны и заставляютъ желать во многомъ ихъ восполненія.

«Воспоминанія» писаны ихъ авторомъ въ то время, когда онъ достигъ уже 52-хъ лѣтъ. Пылкій энтузіастъ и искренній масонъ, въ лучшемъ значеніи слова, въ это время В. Н. Зиновьевъ уже критически относился къ многимъ явленіямъ, встрѣченнымъ имъ на жизненномъ пути: въ это время онъ уже безошадно относится къ многимъ своимъ дѣйствіямъ, онъ уже самъ сознается въ излишней впечатлительности и энтузіазмѣ своихъ прежнихъ лѣтъ. Не переставая отдавать справедливость познаніямъ, такъ сказать, вожаковъ и корифеевъ французскаго масонства, съ которыми онъ сошелся въ прежнее время—въ его отзывѣхъ о нихъ, находящихся въ «Воспоминаніяхъ», какъ будто слышится нѣкоторое недовольство тѣмъ, что онъ въ нихъ встрѣтилъ. Такъ, онъ положительно радуется, что былъ остороженъ съ Сентъ-Мартеномъ, который безъ этого могъ бы имѣть на него дурное вліяніе. Если къ этому добавимъ его отзывъ изъ Лиона о тамошнихъ масонахъ, по поводу которыхъ онъ привелъ даже русскую поговорку: «славны бубны за горами», то получимъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что В. Н. Зиновьевъ далеко не былъ удовлетворенъ общимъ тономъ заграничнаго масонства, не соответствовавшимъ его взгляду на общество, отъ котораго истинные масоны требовали чего-то болѣе серьезнаго. «Воспоминанія» написаны по французски, но мы нашли необходимымъ перевести ихъ на русскій языкъ, какъ для болѣе доступности читателей, такъ и не видя необходимости удерживать языкъ подлинника, исполненный безчисленныхъ неправильностей и грамматическихъ погрѣшностей.

Н. П. Варшавинъ.

Воспоминанія В. Н. Зиновьева.

8-го декабря 1806 года.

Вчера, вы сдѣлали мнѣ вопросъ, на который я спѣшу отвѣтить, въ надеждѣ, что произнесенный приговоръ надъ самимъ собой принесетъ большую пользу, потому что напомнить мнѣ о великомъ множествѣ моихъ грѣховъ и о непостижимомъ милосердіи Спасителя, которое Ему угодно было ниспослать такому несчастному грѣшнику, каковъ я.

До двѣнадцатилѣтняго возраста ¹⁾, я находился въ домѣ моихъ родителей, гдѣ, признаюсь вамъ, мнѣ весьма памятно, что я занимался продажей ртути моей покойной сестрѣ ²⁾ и наущничествомъ. Со стыдомъ воспоминаю объ удовольствіи, съ которымъ это дѣлалъ, но, оставленный на попеченіе порочныхъ слугъ—я шелъ по ихъ стопамъ.

Вы видите, мой другъ, ребенка уже испорченнаго, слѣдовательно, я долженъ благодарить Провидѣніе, которое, не смотря на мои пороки, осыпаетъ меня благодѣяніями, потому что на двѣнадцатомъ году я былъ отправленъ изъ моего отечества и удаленъ отъ всѣхъ окружавшихъ меня негодяевъ. Въ Лейпцигѣ, какъ я уже однажды вамъ говорилъ, самое замѣчательное, что со мной случилось, была одна минута столь безнадежной тоски, что я хотѣлъ лишиться себя жизни, но мой внутренній покровитель, мой ангель-хранитель мнѣ сказалъ: «какъ предстанешь ты передъ Богомъ, послѣ подобнаго поступка!» и при этомъ мое умственное смущеніе кончилось.

Въ то время, какъ я и нѣсколько молодыхъ людей находились подъ надзоромъ маіора Бокума, насъ выучили по нѣмецки, заставляли читать разныя книги священнаго писанія, и я смѣю сказать, что это чтеніе въ будущемъ принесло мнѣ наиболѣе пользы и было причиной, что, не смотря на мое стараніе заглушить крикъ совѣсти моими пороками, я не могъ этого достигнуть. Въ теченіе этихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, я помню, что дѣлалъ дѣтскія шалости и даже грѣхи. При насъ былъ священникъ нашего исповѣданія, но я не помню, чтобы я у него хоть однажды былъ на духу; теперь я пользуюсь случаемъ исповѣди и вхожу въ единственный храмъ— свое сердце. Мое пребываніе въ Лейпцигѣ должно быть раздѣлено на два періода, потому что послѣ побѣга (fuite) маіора, которому мы были

¹⁾ Василий Николаевичъ родился 11-го декабря 1755 г.

²⁾ Екатерины Николаевны, бывшей за вн. Г. Г. Орловымъ. Ек. А. Д.-Р.

поручены, насъ помѣстили въ двухъ домахъ (nous fûmes placés en deux maison-) ¹⁾. Я попалъ въ одинъ изъ нихъ, гдѣ женщина дурнаго поведенія заставила меня согрѣшить ранѣе, нежели я могъ бы имѣть къ тому случай. Я оставался въ этомъ домѣ, о которомъ упомянулъ, болѣе двухъ лѣтъ и наконецъ былъ призванъ въ мое отечество моимъ старшимъ братомъ, котораго вы знаете, и, пробивъ около шести мѣсяцевъ въ Россіи, я уѣхалъ изъ нея, въ качествѣ курьера, съ извѣстіемъ о мирѣ. Я былъ посланъ въ Италію съ извѣстіемъ о мирѣ съ турками. Ни во время этого путешествія, ни во время ожиданія мной кн. Орлова въ Италіи, со мной ничего не случилось настолько замѣчательнаго, о чемъ бы стоило здѣсь упоминать. Въ теченіе этого времени я слѣдовалъ моимъ дурнымъ наклонностямъ, но былъ за это наказанъ болѣзнію. Я расстался съ княземъ въ Англіи и опять проваля около восьми мѣсяцевъ въ Лейпцигѣ, откуда отправился обратно въ Россію и вступилъ во владѣніе моимъ имѣніемъ, раздѣливъ его съ братомъ. Нужно вамъ замѣтить одну странность, а именно, что я получилъ всѣ свои чины во время моего отсутствія изъ того края, гдѣ они раздаются, и помимо моего вѣдѣнія.

Послѣ смерти моей покойной сестры, случившейся въ 1781-мъ, и смерти кн. Орлова въ 1783 году, я рѣшился вернуться въ чужіе края. Причиной этому было то, что я желалъ убѣдиться въ благодатной вѣрѣ, при помощи которой желалъ покинуть это мѣсто скорби и грѣха и сдѣлаться христіаниномъ по сердцу, а не по имени только. Я вообразилъ, что въ чужихъ краяхъ я встрѣчу людей, которые уничтожатъ всѣ мои сомнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ, потому что, не смотря на мои животныя инстинкты, мой другъ, я не могъ уснуть свою совѣсть, упрекавшую меня въ нихъ. Болѣе двухъ лѣтъ я былъ игрушкой своихъ страстей и, бывъ еще разъ наказанъ болѣзнію, я рѣшился употребить все свое стараніе, чтобы сдѣлаться болѣе разумнымъ.

Какъ самая болѣзнь, такъ и опасеніе быть вновь наказаннымъ, а особенно прихѣрь, который я долженъ былъ давать моему племяннику ²⁾, котораго я нашелъ въ Брауншвейгѣ, положили конецъ, на нѣкоторое время, моей безпорядочной жизни. Занимаясь изученіемъ англійскаго языка, я началъ переводить одно правоучительное сочиненіе, которое принесло мнѣ нескончаемую пользу и пробудило, до

¹⁾ Судьба Бокума, послѣ случившейся съ нимъ катастрофы въ Лейпцигѣ, неизвѣстна. Теперь оказывается, что онъ куда-то бѣжалъ, вѣроятно, вслѣдствіе злоупотребленій, въ которыхъ его обвиняли русскіе учащіеся.

²⁾ Сынъ Александра Николаевича Зиновьева, Николай Александровичъ. Въ это время онъ обучался въ Лейпцигѣ въ университетѣ. Н. П. В.

известной степени, истинныя чувства, оскверненныя моими порочными поступками.

Пребывъ около шести мѣсяцевъ въ Брауншвейгѣ, я отправился въ Италию, черезъ Вѣну, чтобы видѣться съ гр. Воронцовымъ, который въ то время лишился нѣжно-любимой имъ жены. Чтобы не удлинить моего разсказа и такъ какъ главная моя цѣль—объяснить здѣсь то, что болѣе касается хода вещей, нежели безконечнаго милосердія, которое дало мнѣ познаніе истины, я выпущу многіе случаи моей жизни, не имѣвшіе прямого отношенія къ этой цѣли.

Въ Римѣ я пребылъ около шести мѣсяцевъ. Я горячо пристрастился къ искусствамъ, что хотя нѣсколько отвлекло меня отъ прочихъ моихъ дурныхъ наклонностей. Проживъ около десяти мѣсяцевъ въ разныхъ городахъ Италиі, я прибылъ въ Миланъ.

Надо вамъ сказать, что, покидая Россію, я узналъ, что покойный герцогъ Брауншвейгскій Фердинандъ состоялъ во главѣ добраго масонскаго общества, и, испрося у него аудіенцію, я открылся ему въ моемъ намѣреніи подвизаться въ правилахъ этого общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ его покровительства, вполне полагая, по моимъ соображеніямъ, что въ этомъ обществѣ совмѣщаются весьма полезныя знанія, которыя, быть можетъ, мнѣ разъяснятъ много неизвѣстныхъ вещей и чрезъ нихъ, быть можетъ, я буду даже въ состояніи получить то, чего давно желалъ и чѣмъ, въ то же время, достигну предположенной мной цѣли.

Вы увидите, добрый другъ, что, въ послѣдствіи, по несповѣдливой благости милосердаго Творца, я имѣлъ счастье достигнуть того, о чемъ мечталъ. Герцогъ Брауншвейгскій снабдилъ меня очень вѣрнымъ понятіемъ объ этомъ орденѣ, надѣливъ многими рекомендательными письмами къ разнымъ его членамъ, разсѣяннымъ частію по Франціи, частію по Италиі, объяснивъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что наибольшіе въ дѣлѣ этого общества я могу преуспѣть въ Лионѣ,—мѣстѣ, которое было главнымъ его центромъ и куда я былъ также отрекомендованъ.

Возвратився теперь назадъ. Изъ Милана я поѣхалъ въ Туринъ; въ этотъ городъ я имѣлъ письмо герцога къ г-ну Жирдъ,—доктору медицины и ревностному магнетизеру. У него въ первый разъ я увидѣлъ чудное дѣйствіе этой силы, въ наше время еще столь мало изслѣдованной. Г-нъ Жирдъ состоялъ также дѣятельнымъ членомъ и въ масонскомъ обществѣ. Не вообразите однако же, милый другъ, что магнетизмъ имѣетъ что нибудь общее съ истиннымъ масонствомъ!

Вамъ приблизительно известна мой откровенный характеръ. Я самъ не могу достаточно объяснить причину этому, но всегда имѣлъ боль-

шое довѣріе къ масонамъ, вѣроятно, потому, какъ я думаю, что считалъ ихъ за честныхъ людей, а съ таковыми я не могу достаточно наговориться и не открытъ имъ вполне своей души, что я всегда дѣлалъ съ недостаточною осторожностію. Насколько я помню, я совершенно открылся доктору Жиро и передалъ ему письмо герцога, сказавъ, что, желая отправиться въ Ліонъ, чтобы подвизаться въ правилахъ общества, въ которомъ и онъ состоялъ членомъ, я нахожусь въ затрудненіи...

Этотъ достойный и нынѣ уже скончавшійся человекъ обошелся со мной такъ, какъ я, по моей полной къ нему довѣрчивости, того заслуживалъ.

И такъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія въ Туринѣ, я отправился въ Ліонъ. Здѣсь я немедленно передалъ два или три письма отъ герцога главнымъ членамъ почтеннаго общества, въ которое былъ принятъ. Богѣ всѣхъ мнѣ сдѣлали добра Виллермозъ, Саваронъ, Милане, Периссъ, Мольеръ, Леруа, Ренавъ, Рашесъ и многіе другіе. Я познакомился съ милымъ (charmant) Сенъ-Мартеномъ и даже сдѣлалъ съ нимъ поѣздку въ Парижъ; но, вслѣдствіе предвзятаго о немъ мнѣнія, я отъ него не воспользовался его бесѣдой, на сколько бы могъ; съ нимъ я былъ остороженъ, не смотря на мою къ нему любовь и привязанность. Я не жалѣю объ этомъ; напротивъ, даже благодарю милосердное Существо, потому что съ моими нѣкими наклонностями, особливо въ то время, когда онѣ были въ полномъ развитіи силъ, могло легко случиться, что его истинныя и возвышенныя познанія мнѣ причинили бы вредъ. Скажу, что, только женившись на вашей милой дочери ¹⁾, я читаю съ величайшимъ удовольствіемъ его произведенія и смѣю сказать, что они производятъ на меня нескончаемое добро. Во время моего пребыванія въ Ліонѣ, я получилъ двѣ степеня въ орденѣ, но, при послѣдней, отъ меня потребовали положительнаго отвѣта, какъ о моей религіи, такъ и о томъ, былъ ли я истиннымъ христіаниномъ—въ душѣ, а не по одному лишь имени? На сколько я могу припомнить, мой добрый другъ, я всегда ненавидѣлъ ложь, но могло случиться, что, можетъ быть, я неоднократно и лгалъ. Къ стыду моему, нарушилъ данное слово одной особѣ, передъ отъѣздомъ моей покойной сестры въ чужіе края! Повторяю, я ненавижу ложь и, кажется, всегда ее ненавидѣлъ,—по крайней мѣрѣ, въ то время, когда меня спросили о внутреннихъ чувствахъ моего сердца. Я твердо рѣшился высказать ихъ такими, ка-

¹⁾ Тутъ говорится о супругѣ Василія Николаевича, Устанъ Федоровѣ, рожденной Брейткопфъ. Н. П. В.

кими они были въ дѣйствительности, а получить новую степень, которую мнѣ предлагали, безъ признанія себя истиннымъ христіаниномъ,—невозможно, потому что я имъ еще въ дѣйствительности не былъ. Я принялся за чтеніе священнаго писанія, чтобы утвердиться въ нашей блаженной религіи; до сего же времени я ограничивался тѣмъ, что возилъ съ собой священныя книги, не раскрывая ихъ. Но, мой другъ, вы, можетъ быть, не мало удивитесь, узнавъ, что тѣмъ болѣе я читалъ, тѣмъ болѣе возрастали мои сомнѣнія и это возбужденное сомнѣніе и безпокойство до того наконецъ усилылись, что я долженъ былъ прервать чтеніе... Тогда, не находя спокойствія въ постелѣ, мнѣ послышалось, что меня зовутъ по имени, и когда, отъ страха, я открылъ глаза, мнѣ показалось, что комната моя была наполнена дымомъ! Мои лонскіе друзья, которымъ я это рассказывалъ, говорили, что, можетъ быть, это было дѣйствіе божественной благодати, въ чемъ однакоже они положительно увѣрять не могли, потому что это могло быть и дѣйствіе воображенія. Я не очень любопытствую постигнуть причинъ этого явленія, зная великую ко мнѣ милость Высшаго Существа и тогда, какъ мое поведеніе заслуживаетъ лишь небесной кары, Оно не устаетъ оснать меня своими щедротами. Да будетъ же имя Его прославлено во вѣки!

Проснувшись, рано утромъ, 25-го декабря, по новому стилю, я сѣлъ въ карету и отправился къ Виллермозу, чтобы просить его меня успокоить отъ моего волненія, но, повстрѣчавшись съ нимъ на дорогѣ, мы помѣстились въ одномъ экипажѣ, гдѣ я и рассказалъ ему о всѣхъ моихъ безпокойствахъ и о всемъ, что со мной происходило; онъ замѣтилъ мнѣ, что онъ теперь ѣдетъ къ обѣдни и что оттуда заѣдетъ ко мнѣ; я сопровождалъ его въ церковь и тутъ мое ночное безпокойство возвратилось съ болѣею силой, сопровождаемое словами и замираніемъ сердца. Я молился, прося милосердное Существо оказать мнѣ милость—просвѣщеніемъ меня въ истинѣ. Быть можетъ, мой дорогой другъ, я лишь въ первый разъ въ жизни молился какъ слѣдуетъ!

Послѣ обѣдни, мы сѣли передъ огнемъ каміна и начали вновь тотъ же разговоръ. Добрый Виллермозъ съ большимъ терпѣніемъ выслушалъ все, что я ему говорилъ, вынулъ изъ кармана маленькую книжку и указавъ на читанное въ этотъ день евангеліе отъ св. Іоанна. Кончилъ ли онъ чтеніе или нѣтъ?—этого не помню, потому что былъ слишкомъ заволнованъ, чтобы дать вѣрный отчетъ о всемъ случившемся, но, къ удивленію моему, съ этой минуты я былъ убѣжденъ въ божественной религіи нашего Спасителя.

Я не въ состояніи описать вамъ, милый другъ, все, что произо-

шло со мной въ теченіе нѣсколькихъ дней къ радѣ, видѣ и чувству непостижимое ко мнѣ милосердіе Спасителя и что моя утренняя, светская жизнь дѣлала меня Его недостойнымъ! Я долженъ былъ получить послѣднюю степень въ этомъ почтенномъ обществѣ, но, отскавъ теперь главное, единственное сокровище, я объявилъ членамъ, что я былъ совершенно равнодушенъ къ этому, потому что член не могли мнѣ дать большаго и лучшаго состоянія, нежели Тотъ, Кого я теперь узналъ. Вопросъ о моемъ повышеніи я предоставлялъ членамъ общества на нихъ полную волю, и они возвели меня въ слѣдующій градусъ, къ которому теперь я такъ счастливо былъ подготовленъ. Я долженъ сказать, что они располагаютъ въ обществѣ большими научными свѣдѣніями, которыхъ, можетъ быть, нигдѣ нельзя найти, исключая сочиненій Сень-Мартена. Вы поймете, дорогой другъ, какую пользу можно получить въ обществѣ подобныхъ людей, потому что чрезъ нихъ дѣлаешься въ состояніи разрѣшать все для насъ таинственное и необъяснимое, встречающееся на нашемъ жизненномъ пути, и что, вслѣдствіе нашей чрезмѣрной безправственности, сдѣлалось столь трудно достижимымъ.

Прежде нежели принять послѣдній градусъ въ обществѣ, я однажды утромъ посетилъ г. Саварона и, такъ какъ съ этими почетными людьми я всегда говорилъ съ открытымъ сердцемъ, мнѣ постигли странная беспокойства, потому что, просвѣтвшись истиннымъ свѣтомъ, я не старался избавиться отъ привычки къ высотамъ.

О, дорогой другъ! я не могу выразить вамъ тѣ несправедливыя ощущенія, которыя породила эта мысль! На моемъ лицѣ выступалъ холодный потъ, и я очень страдалъ. Добрый Саваронъ, полагая, что на меня нашло вдохновеніе, спѣшилъ поздравить меня съ нимъ, не смотря на мои увѣренія, что душевное состояніе мое далеко отъ этого. Что значать люди, добрый другъ! Это продолжалось до той поры, пока я не узналъ передъ распятіемъ и настоятельными мольбами не сталъ умолять Того, Кто на немъ изображенъ, чтобы Онъ не оскудѣвалъ бросать въ меня свои громы до той минуты, пока не возвратюсь къ нему!

Послѣ всего этого, я пробылъ въ Лионѣ приблизительно около года, много занимаясь чтеніемъ героичeskихъ книгъ, не пропуская ни одного собранія этого уважаемаго общества и находясь съ большимъ удовольствіемъ на ихъ дружескихъ обѣдахъ, гдѣ я общинственно мѣнялся между особами, для которыхъ было открыто мое сердце. Такъ какъ мнѣ часто повторяли о единственномъ пути для достиженія царствія небеснаго, я вообразилъ, что мое вѣроисповѣданіе

было къ этому препятствіемъ, и для того, чтобы мнѣ вступить на этотъ царственный путь, мнѣ нужно сдѣлаться католикомъ. Такъ какъ такое намѣреніе было не бездѣлицей, я совѣтовался о немъ съ дорогимъ Виллермовомъ, и слова, имъ мнѣ сказанныя, напечатлѣлись на моемъ сердцѣ. Вотъ, приблизительно, что онъ сказалъ мнѣ: «Вамъ не нужно дѣлаться католикомъ,—вы можете спастись и безъ этого; не думайте, что я оправдываю раздѣленіе двухъ нашихъ вѣроисповѣданій, которое совершилось при посредствѣ Фотія; онъ, быть можетъ, и до сего времени расплачивается за это. Я не вижу затѣмъ бы вамъ измѣнять ваше вѣроисповѣданіе». Недавно только я успокоился, что я не католикъ, только недавно я согласовалъ свое мнѣніе съ мыслию, что дѣйствительно существуетъ только одинъ путь, ведущій къ Богу, и, сколько ни есть вѣроисповѣданій,—всѣ они болѣе или менѣе идутъ сбоку главнаго пути, но не по немъ самомъ, потому что, если бы они находились на истинномъ пути,—передъ нами повторились бы апостольскія времена!

Во время моего пребыванія въ Ліонѣ, мнѣ пришло на мысль исповѣдываться и причаститься по католическому обряду, такъ какъ я не могъ этого исполнить по обряду своего вѣроисповѣданія. Добрый Виллермовъ одобрилъ мою мысль. Почтенное духовное лицо,—членъ нашего общества, деканъ Ренавъ, согласился доставить мнѣ это благо, и я дважды исповѣдывался и причастился въ Ліонѣ. При моей первой исповѣди, я старался припомнить всѣ преступленія, совершенныя мною въ дѣтствѣ, и вы можете себѣ представить, что, не смотря на мою память, которая въ этомъ случаѣ мнѣ не очень послужила, какъ я это часто послѣ замѣчалъ, списокъ ихъ былъ весьма длиненъ.

Я сейчасъ замѣтилъ, что, вслѣдствіе моей дурной памяти, я вдался въ ошибку и сдѣлалъ страшный анахронизмъ, потому что это дѣйствіе, о которомъ я сейчасъ говорилъ, случилось, когда я вторично прибылъ въ Ліонъ и когда я тамъ пробылъ шесть мѣсяцевъ. Первый разъ когда я былъ въ Ліонѣ и когда имѣлъ высокое счастье сдѣлаться христианиномъ, я оставался въ немъ лишь одинъ мѣсяць, и уѣхалъ съ полученнымъ мною сокровищемъ въ Англію.

И такъ, возвратимся назадъ. Я отправился изъ Ліона въ Парижъ съ дорогимъ Сенъ-Мартеномъ; но, бывъ предупрежденъ противъ него, по поводу его двухъ первыхъ сочиненій, въ продолженіе всего путешествія и вообще во все время моего съ нимъ знакомства, я былъ остороженъ. Въ этомъ также, мой дорогой другъ, мнѣ видится милосердіе Господне, потому что я до сихъ поръ энтузіастъ. Выборъ гувернера для моего сына служить тому неопровержимымъ доказа-

тельствомъ! И такъ, если бы я, дорогой другъ, вслѣдствіе того обстоятельства, о которомъ упомянулъ, не былъ остороженъ, этотъ человѣкъ, исполненный небеснаго огня, такъ бы меня подчинилъ себѣ, что я полагаю, что я или сошелъ бы съ ума, или фанатизмомъ, который овладѣлъ бы мной, сократилъ свои дни, и тогда, какъ теперь я наслаждаюсь его сочиненіями,—я увѣренъ, что въ то время, въ которое его зналъ, его дружба причинила бы мнѣ лишь одинъ вредъ. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ излагалъ передо мной хоропія и добрыя мысли, о которыхъ я вспоминаю до сего времени. Во время нашего путешествія мы достаточно страдали отъ холода, и я далъ себѣ слово—въ теплыхъ странахъ, въ это время года, не путешествовать. Въ Парижѣ я остался отъ восьми до десяти дней и познакомился съ княгиней Голицыной, женой князя Владиміра¹⁾; она проживала тамъ съ своимъ семействомъ, для воспитанія дѣтей.

Я поѣхалъ въ Лондонъ и достигъ его безъ особенно замѣчательныхъ приключеній и весьма счастливо, остановившись въ домѣ у гр. Семена Воронцова. Время свое я проводилъ весьма спокойно, прилежно занимаясь хорошимъ чтеніемъ и читая преимущественно слова Спасителя и «Подражаніе» Ему. Такимъ путемъ я достигъ 100-й главы первой книги, что потрясло мой слабый рассудокъ, возбудило мое воображеніе и во мнѣ во всеоружіи явился энтузіазмъ съ головы до ногъ. Я переносился воображеніемъ черезъ моря и переѣзжалъ всѣ четыре части свѣта; но, такъ какъ эти путешествія труднѣе исполнить на дѣлѣ, нежели въ воображеніи, и такъ какъ я увѣрился въ истинѣ чрезъ Виллгермоза, къ которому имѣлъ всевозможныя причины питать полное довѣріе, я спрашивалъ его совѣта о моихъ мысляхъ и моихъ химерическихъ намѣреніяхъ. Тутъ явилось испытаніе моему терпѣнію, потому что въ теченіе четырехъ недѣль я не получалъ отъ него никакого отвѣта; я писалъ письмо за письмомъ, не только ему, но даже моимъ другимъ знакомымъ, спрашивая о причинахъ молчанія дорогаго Виллгермоза и, ожидая его отвѣта, не двигался изъ Лондона, не смотря на то, что время года благопріятствовало путешествію по Англій. Въ теченіе этого времени, я познакомился въ Салисбюри съ женой секретаря посольства, г-ой Погенполь²⁾, и съ ея двоюродной сестрой, дѣвицей Юмъ,

¹⁾ Княгиня Наталія Петровна, рожден. графиня Чернышева (р. 1741, † 1837 г.), вдова кн. Владиміра Борисовича Голицына.

²⁾ Василій Погенполь, секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ. Объ немъ гр. Воронцовъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ письмахъ; см. «Архивъ кн. Воронцова», кн. IX, часть 2-я.

чтобы нѣсколько разсѣяться отъ безпокойнаго сомнѣнія, явившагося слѣдствіемъ молчанія г. Виллермоза. Г-жа Юмъ была очень опечалена своимъ предстоящимъ поступленіемъ ко двору, къ меньшимъ дѣтямъ короля, въ качествѣ гувернантки. Я ничего почти не припомню изъ того, что происходило съ нами, въ теченіе нашего тамъ пребыванія, но весьма естественно, что безпокойство, явившееся отъ неполученія отвѣта по вопросу, меня на столько интересовавшему, поглощало всѣ мои чувства; тѣмъ не менѣе однакоже, я поставлялъ себѣ въ обязанность—развлекать этихъ двухъ дамъ и мнѣ кажется, что иногда я имѣлъ въ этомъ успѣхъ. Послѣ пребыванія нѣсколькихъ дней въ Салисбюри, мы отправились въ Лондонъ, куда благополучно и пріѣхали и гдѣ я нашелъ письмо отъ дорогаго Виллермоза,—оно было громовое: въ немъ меня упрекали въ нетерпѣніи и во многомъ другомъ.

Это письмо возвратило меня къ разсудку, и, чрезъ нѣсколько дней, я уже сидѣлъ въ каретѣ, чтобы сдѣлать объѣздъ Англіи и нѣкоторой части Шотландіи. Что сказать вамъ, дорогаго другъ, объ этомъ путешествіи? Можно сказать многое, и, признаюсь, я это дѣлалъ, потому что писалъ журналъ, который отправлялъ въ письмахъ къ гр. Воронцову; но когда имѣешь въ виду вѣчность,—единственную цѣль, достойную нашего вниманія,—то на многія вещи, о которыхъ, можетъ быть, исписаны цѣлые тома, смотришь какъ на неимѣющія никакой цѣны бездѣлицы; и такъ, тутъ я ограничусь лишь разсказомъ о двухъ происшествіяхъ, находившихся, какъ мнѣ кажется, въ непосредственной связи съ моимъ существомъ.

Первое изъ нихъ то, что когда я былъ въ деревнѣ г. Диксона,—негоціанта въ Лидсѣ, женатаго на прелестной особѣ,—у меня въ теченіе двухъ или трехъ дней была, безъ всякой видимой причины, страшная тоска; потомъ, мнѣ пришло на мысль, что это было время кончины дорогаго и уважаемаго Саварона. Рѣдко я испытывалъ болѣзненное состояніе ума подобное тому, въ которомъ я находился въ этой деревнѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ имѣніи г. Диксона, я продолжалъ путешествіе по Англіи и здѣсь я долженъ упомянуть о страшной бурѣ, которую я перенесъ, сопровождаемой всѣми неудобствами: страхомъ за свою жизнь, ужаснымъ и совершенно противнымъ вѣтромъ, проливнымъ дождемъ, и небомъ, покрытымъ грозными тучами. Не знаю, какъ долго продолжалось мое ужасное положеніе, полагаю, что, по меньшей мѣрѣ—часъ. Я бы напрасно вамъ добавилъ, что, отдавъ свою жизнь въ руки Того, который мнѣ ее даровалъ, я возсналъ къ Нему горячія молитвы... Наконецъ, показа-

лось солище. Я затрудняюсь выразить радость и спокойствіе, снишедшія въ мое сердце чрезъ появленіе этого свѣтила.

И такъ, окончу мой объѣздъ по Англіи, сказавъ вамъ объ удивленіи, которое я испытываю въ настоящую минуту по поводу того, что, во время моего путешествія, я не встрѣтилъ ничего, что могло бы подать мысль моему сердцу найти, положительнымъ образомъ, пристанище, потому, дорогой другъ, что я обязанъ вамъ сказать, что я именно то, что у насъ принято называть «сердечкинъ» (se qu'on appelle chez nous: «сердечкинъ»), и, не смотря, что мое вѣдѣнное желаніе жениться было поставлено въ положеніе застоя прочтеніемъ 100 главъ евангелія, оно снова возбудилось къ дѣятельности—письмомъ г. Виллермоза. И такъ, я удивляюсь, какимъ образомъ, посѣщая столько мѣстъ, находясь на водахъ Бристолья и Горизета, мое слабое и черезчуръ нѣжное сердце ничего не встрѣтило, отъ чего бы оно сдѣлалось жертвой. Еще новое милосердіе Провидѣнія, которое такъ явно сохранило меня отъ этого несчастія.

Приѣхавъ въ Лондонъ и пробивъ нѣсколько дней съ гр. Воронцовымъ, я посѣтилъ дѣвицу Юмъ, которая уже въ это время жила при дворѣ. Кажется, со втораго уже моего посѣщенія, у меня явилась странная мысль—предложить ей мою руку, не смотря на то, что она двумя годами была старѣе меня. Теперь я самъ смѣюсь надъ собой, но увѣряю васъ, что я не сожалею ни этой глупости, ни огорченія, которое было результатомъ этой исторіи: оно оказало пользу моему сердцу. При моихъ словахъ, особа, о которой идетъ рѣчь, удивилась и, отказавъ мнѣ почти положительно, добавила, между другими причинами, что не можетъ дать своего согласія безъ соизволенія своего отца, который находится въ Голландіи. Этого было достаточно для такого энтузіаста, какъ я, чтобы заставить меня отправиться въ это мѣсто, съ цѣлью полученія согласія и позволенія ея отца, и я помню, что на этомъ пути, кромѣ дурныхъ дорогъ, ненавистой повозки, ночи и дождя,—мое возбужденное воображеніе заставило меня позабыть о всемъ этомъ, и я ручаюсь, что ваше воображеніе никогда не достигало такого возбужденнаго состоянія. Въ настоящую минуту далеко не оправдывая этого, я отъ всего сердца восклицаю съ мудрецомъ: «Суета сует!».

Г. Юмъ, соглашаясь на бракъ своей дочери со мной, написалъ ей объ этомъ письмо, но, къ своему удивленію и къ моему также, получилъ отвѣтъ, въ которомъ его дочь высказываетъ твердое рѣшеніе—остаться дѣвушкой; съ этимъ я и возвратился въ Англію, не помню ужъ въ какомъ настроеніи, но, приѣхавъ на мѣсто и употребивъ гр. Воронцова и друзей дѣвицы Юмъ, я не могъ, однако же,

добиться положительнаго отказа и, не имѣя возможности ее видѣть ни у ней въ домѣ, ни у ея знакомыхъ, я проводилъ довольно тяжелое время, въ которое, находясь, такъ сказать, подъ бременемъ волненій, не могъ иначе избавиться отъ этого положенія, какъ утомляя себя отдаленными прогулками по лондонскимъ улицамъ, или ложась спать, — что я всегда дѣлалъ до обѣда и послѣ него, когда мнѣ становилось ужъ очень тяжело. Что сказать на это? Бѣдное, несчастное существо!

Вслѣдствіе поздняго времени года, явились непріятности холода. Я принялъ рѣшеніе дожидаться весны и вздумалъ въ свободное время, которое мнѣ оставалось, учиться геометріи, а для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, я помѣстился у одного профессора, устроившись какъ школьникъ, приходя къ гр. Воронцову по субботамъ и возвращаясь въ свою школу утромъ по понедѣльникамъ. Такъ какъ я получилъ вкусъ къ этой наукѣ,—а этого только и нужно для энтузіаста, чтобы впасть въ излишество,—то однажды я такъ горячо и такъ продолжительно предался моему ученію, что пересталъ наконецъ понимать, что мнѣ говорилъ мой учитель... Вторично въ моей жизни, я думалъ, что сошелъ съ ума и, ходя по улицамъ, я испытывалъ себя, спрашивая: находятся ли дѣйствительно предметы, которые я видѣлъ на томъ и другомъ мѣстѣ? Послѣ получасовой прогулки, я усмотрѣлъ, что мое малое количество разума мнѣ еще осталось. Горе тому, кто самообольщается имѣньемъ его въ большомъ достаткѣ и полагая, что онъ имъ только однимъ можетъ довольствоваться въ теченіе нашего несчастнаго, исполненнаго заблужденій положенія, въ которое мы впали. Какъ хорошо объ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ дорогой Сенъ-Мартенъ: «Счастливъ тотъ, кто мыслить, что имѣетъ мало или почти ничего; чрезъ это онъ удвоитъ свои усилія, для стремленія къ истинному лишь неизсякаемому источнику разума!» Испытавъ это надъ собой, остальное время дня я употреблялъ на ученіе и отдохновеніе, или выражавшееся въ прогулкѣ, или въ лежаніи на софѣ. Я бредилъ линіями, даже нашелъ рѣшеніе одной задачи, о которомъ мой профессоръ говорилъ, что оно не существуетъ; но и объ этомъ скажемъ вмѣстѣ съ мудрецомъ: «Суета суетъ и все суета, кромѣ Бога!»

Пройдя все сочиненіе (имя автора не разобрано) отъ доски до доски, со всѣми теоремами, которыя я, слава Богу, снова позабылъ, я дождался весны и сталъ готовиться къ отъѣзду. День его былъ уже назначенъ, но я долженъ былъ отложить его до слѣдующаго дня, потому что король дѣлалъ смотръ своей гвардіи и не было возможности найти лошадей. Это обстоятельство, если смѣю такъ выразиться, явно было устроено Провидѣніемъ, потому что во время

обѣда у графа, на которомъ находился и я,—графъ получилъ записку отъ леди Пальмерстонъ, съ увѣдомленіемъ, что дѣвица Юмъ соглашалась не дѣлать болѣе препятствій къ свиданію со мной, въ домѣ упомянутой леди. Переживъ уже разъ безпокойное состояніе, о чемъ я уже говорилъ, и спасеніе отъ котораго я находилъ, къ счастью, лишь во снѣ, я не захотѣлъ уже болѣе подвергаться риску вновь попасть въ то же положеніе и, отказавшись отдавать свой отъѣздъ,—уѣхалъ на другой день. Прежде однакоже, нежели оставить Англію, я долженъ рассказать вамъ объ одной изъ моихъ опрометчивыхъ выходокъ, которая состояла въ томъ, что, имѣя тамъ друга ¹⁾, пользовавшагося счастіемъ быть христіаниномъ, мнѣ пришло на мысль обратить его на истинный путь и, такъ какъ онъ былъ одного со мной вѣроисповѣданія, то, причащаясь однажды вѣстѣ съ нимъ, мнѣ показалось, что онъ отнесся къ этому таинству не съ достаточно-приличнымъ настроеніемъ духа. Я позабылъ должна ему почтеніе и уваженіе, его года, и напалъ на него съ завальчивостію, выговаривая, что онъ сдѣлалъ большой грѣхъ. Не помню, что я ему еще говорилъ въ теченіе дня, но я нѣсколько разъ возвращался къ тому же предмету,—но все напрасно. Еще одинъ новый вздохъ! и добавлю къ этому: «Несчастный грѣшникъ и слѣпецъ! ты думаешь просвѣщать другихъ, но самъ-то ты ясно-ли видишь? И отъ кого получилъ ты право обращать другихъ на истинный путь!»

Во время моего пребыванія въ Англіи, пріѣзжалъ Сенъ-Мартенъ и однажды былъ у гр. Воронцова; но такъ какъ это былъ только церемонный визитъ и какъ Сенъ-Мартенъ былъ гораздо осторожнѣе меня, то графъ видѣлъ въ немъ человѣка, какимъ должны быть всѣ люди.

Наконецъ я отправился въ путь. Путешествіе изъ Лондона въ Парижъ теперь вспоминается мной какъ давно видѣнный сонъ; я почти ни о чемъ не помню и во все продолженіе пути ничего замѣчательнаго со мной не случилось. Я пріѣхалъ въ Парижъ, и узналъ, что въ немъ находится русская церковь; отправился въ нее и тутъ познакомился съ г-мъ и г-жой Кошелевыми. Въ этотъ же день, какъ мнѣ кажется, они пригласили меня къ себѣ обѣдать и мы заключили знакомство, которое въ одно мгновеніе превратилось въ дружбу, вамъ известную, продолжающуюся до настоящей минуты, и я могу сказать, что нѣтъ особы, которую я бы на столько любилъ, какъ эту почтенную женщину. У нихъ была дочь—преlestное дитя, съ которой они разлучились, по причинѣ ея смерти, но надѣясь, что лишь на нѣкоторое время. Ея мать на пятомъ году учила ее читать и, однажды заставъ ихъ за этимъ занятіемъ, которое шло

¹⁾ Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь о графѣ С. Р. Воронцовѣ. Сравни выше, письмо отъ 13-го ноября 1784 г. Кн. А. Л.-Р.

весьма дурно и часто кончалось слезами дочери и матери, я предложил свои услуги, полагая, что въ этомъ не было ничего неприличнаго. Мое предложеніе было принято и было средствомъ, избраннымъ Провидѣніемъ для соединенія насъ еще тѣснѣе. Уроки со мною шли довольно хорошо; я уже и прежде приобрѣлъ въ этомъ навыкъ, уча по русски дѣтей гр. Воронцова. Кошелевы предложили мнѣ провѣсть съ ними лѣто въ провинціи Турень, гдѣ они наняли дачу, и, хотя срокъ моего отпуска истекалъ, я согласился на ихъ предложеніе, прося, чрезъ моихъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) знакомыхъ, о продолженіи моего отпуска. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, въ обществѣ одной изъ почтеннѣйшихъ женщинъ, я провелъ время очень пріятно, занимаясь образованіемъ своего сердца и находясь въ прелестной мѣстности, противъ города Тура, на берегахъ Луары, въ деревнѣ, называемой «Ла-Галандри».

Маленькая Кошелева въ это наше пребываніе выучилась очень правильно читать по французски. Однажды, я имѣлъ очень смѣшную сцену съ г. Кошелевымъ, которая доказываетъ мое самолюбіе. Мы ѣхали втроемъ въ двухмѣстной каретѣ и я помѣщался съ г. Кошелевымъ на скамейкѣ бокъ-о-бокъ; въ такомъ-то положеніи у меня съ нимъ завязался споръ и я какъ бѣшенный накинулся на него, не только съ горячностью, но, можно сказать, съ яростію, и все это, какъ мнѣ теперь помнится, по поводу политическихъ убѣжденій. Бѣдная Кошелева сначала не знала, что дѣлать, но потомъ нашла въ себѣ достаточно благоразумія уничтожить эту размолвку и мы помирились. Послѣ этого мы стали очень осторожны, по крайней мѣрѣ я, и хотя часто не раздѣляли взглядовъ г. Кошелева, по причинѣ противоположнаго образа мыслей,—я болѣе не помню, чтобы мнѣ случилось съ нимъ долго спорить, хотя, правду сказать, я имѣю большую склонность къ спорамъ и хотя и порицаю ее, но тѣмъ не менѣе мнѣ случается забываться. По этому же поводу я долженъ упомянуть, что у меня вышелъ споръ, даже болѣе того — ссора съ покойнымъ княземъ Циціановымъ,—моимъ лучшимъ другомъ, который сопровождалъ меня въ Финляндію для моего же развлеченія отъ горя, причиненнаго мнѣ смертію моей сестры,—и я со стыдомъ вспоминаю, что я былъ такъ взбѣшенъ, что не знаю, какъ не увлекся до требованія удовлетворенія! Нравственная нищета! нищета всегда и на каждомъ шагу.

Г. Кошелевъ уѣхалъ впередъ, чтобы приготовить въ Парижѣ квартиру, а я проводилъ его жену въ Фонтенбло, откуда дорога расходилась на Парижъ и Ліонъ, куда я и направился и гдѣ, какъ выше сказалъ, я пробылъ не четыре, а болѣе пяти мѣсяцевъ.

По прибытіи туда, я сейчас же побѣжалъ къ почтенному Вилгермозу, котораго нашелъ въ изрядно меблированной комнатѣ, съ абажуромъ на глазахъ, разбирающаго письма, присланнаго къ нему отъ разныхъ лицъ; они лежали почти на всѣхъ стульяхъ. «Вы застаете меня,—сказалъ онъ,—въ минуту приведенія въ порядокъ моей корреспонденціи». Принеся ему извиненія въ моемъ нетерпѣніи, я замѣтилъ, что не считалъ себя достойнымъ полученія отъ него громоваго письма. На сколько мнѣ памятно, онъ далъ мнѣ понять, что ошибся въ моемъ поведеніи, въ чемъ, впрочемъ, я не совершенно увѣренъ. Въ это-то мое здѣсь пребываніе, чрезъ одно почтенное католическое лицо, я и причастился св. Таинствъ.

Желая видѣть Швейцарію, я оставилъ Ліонъ, чтобы уже никогда болѣе въ него не возвращаться. На это я долженъ замѣтить, что, благодаря Божественному Провидѣнію, мой вкусъ къ чужимъ краямъ совершенно удовлетворенъ. Мое путешествіе по Швейцаріи и остальной Франціи не представляетъ собой ничего на сколько нибудь замѣчательнаго, чтобы быть здѣсь помѣщеннымъ, до той поры, пока мы неожиданно не встрѣтились въ городѣ Брюннѣ съ Кошелевими. Мы вмѣстѣ посѣтили Цюрихъ, гдѣ видѣли Лафатера, котораго однажды застали заваленнаго бумагами въ его кабинетѣ и весьма занятаго. Въ Женевѣ, молодой, очень любезный человекъ г-нъ Дюдонъ дѣлалъ силуэтъ г-жи Кошелевой. Свиданіе съ Кошелевыми въ Швейцаріи кончилось тѣмъ, что я съ удовольствіемъ позволилъ себя убѣдить возвратиться въ Россію въ ихъ обществѣ. Это путешествіе не представляетъ ничего замѣчательнаго и почти совершенно изгладилось изъ моей памяти. Проѣхавъ чрезъ Лейпцигъ, гдѣ я видѣлся съ старымъ и мной любимымъ моимъ гувернеромъ, докторомъ Киндъ, мы достигли Нарвы, гдѣ г-жа Кошелева остановилась, чтобы пользоваться у одного мѣстнаго доктора, который ей уже разъ очень помогъ отъ ея постоянной болѣзни губы, которая отъ времени до времени, ужасно распухала. Я пробылъ съ г-жой Кошелевой пять или шесть недѣль, и большую часть времени глазъ-на-глазъ съ ней, потому что ей мужъ оставилъ насъ, чтобы приготовить все нужное въ Петербургѣ, для пріѣзда своей жены. Въ теченіе этого времени я выучилъ маленькую Кошелеву читать по русски; она была восхитительный ребенокъ. Послѣ этого съ г-жой Кошелевой я возвратился въ Петербургъ.

Вотъ, мой дорогой другъ, половина моей жизни, о которой вы не знали; что же касается другой половины, то она вамъ, въ большей части, извѣстна. Я не рисовалъ себя правдивыми красками во многихъ грѣхахъ, нѣкоторые совсѣмъ выпустилъ, потому что, признаюсь,

они мнѣ кажутся отвратительными, а я всегда, вспоминая о нихъ, хочу также помнить ослѣпительное милосердіе Господне, мнѣ ихъ простившее! Въ молитвахъ вашихъ прошу вспоминать обо мнѣ; имя же ваше давно уже находится въ моихъ.

Василій Зиновьевъ.

Примѣчаніе. Авторъ журнала, Василій Николаевичъ Зиновьевъ (род. 11-го декабря 1755 года, умер. въ 1816 г. (?), сынъ петербургскаго обер-коменданта генераль-маіора Николая Ивановича и Авдотьи Наумовны (рожд. Сазавиной) Зиновьевыхъ.

Рано оставивъ свое отечество, по 12-му году, т. е. въ 1766 году, онъ былъ отправленъ, по желанію государыни, въ Лейпцигъ, въ числѣ 12-ти русскихъ дворянъ. Слѣдовательно, по своему воспитанію, онъ принадлежить къ той выдающейся молодежи, которая разносторонне проявила свою дѣятельность на русскомъ общественномъ и государственномъ поприщѣ. Изъ той же среды вышли личности, принесшія несомнѣнную пользу своему родному краю, каковы Радищевъ, Ушаковъ, Бутузовъ, Козадавлевъ, — все они были товарищами В. Н. Зиновьева и вѣсть съ нимъ обучались въ Лейпцигѣ (См. «Русскій Архивъ» 1870 года, статью: «Изъ семейнаго архива села Вышебени», стр. 333).

Хотя при русскихъ студентахъ находился въ Лейпцигѣ учитель русскаго языка (тамъ же, стр. 953), но надо полагать, что преподаваніе научныхъ предметовъ велось на иностранныхъ языкахъ, чѣмъ и объясняется недостаточное знакомство В. Н. Зиновьева съ своимъ отечественнымъ языкомъ и затрудненіе въ изложеніи на немъ своихъ мыслей. Безъ ошибки можно предположить, что на русскій языкъ весьма мало или вовсе даже не обращалось вниманія и русскіе воспитанники рисковали совершенно забыть свою родную рѣчь. Письма родителей молодого Зиновьева, адресованныя къ нему и къ Бокуму, въ Лейпцигъ, представляютъ тому неопровержимыя доказательства. И Николай Ивановичъ и Авдотья Наумовна въ каждомъ письмѣ приказываютъ сыну писать къ нимъ русскія письма и, наконецъ, свое желаніе получать таковыя отъ своего сына выражаютъ въ просьбахъ, адресованныхъ къ Бокуму: «приказать ихъ сыну хотя одно письмо написать по русски». Въ этихъ письмахъ проглядываетъ даже опасеніе, что ихъ сынъ забудетъ вовсе писать по русски. Изъ краткихъ свѣдѣній объ учебныхъ занятіяхъ Василія Николаевича въ Лейпцигѣ, почерпнутыхъ нами въ бумагахъ Вышебешскаго архива, мы вывели заключеніе, что онъ учился прилежно. Въ письмѣ отъ 1-го августа 1768 года,

изъ Петергофа, родитель автора журнала выражаетъ сыну свою благодарность. «Изъ присланной книги, — пишетъ онъ, — о вашемъ экзаменѣ къ ея императорскому величеству, о твоихъ наукахъ, усмотрѣвъ, что ты учишься не лѣбно, за что тебѣ спасибо», и далѣе: «Ея величество неоднократно всемилостивѣйше о тебѣ отзываться соизволила, что ты учишься хорошо». Въ письмахъ Николая Ивановича есть также намеки и слухи о слабыхъ преуспѣянiяхъ русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 27-го сентября 1771 г. онъ пишетъ: «слышно, что вы будто очень мало въ наукахъ приобретениа сдѣлали». Изъ приведенныхъ нами писемъ можно вывести безошибочное заключенiе, что В. Н. Зиновьевъ, какъ болѣе юный изъ посланныхъ въ Лейпцигъ русскихъ дворянъ, оставался тамъ долѣ прочихъ; но съ достовѣрностію однако же обозначить время его возвращенiя въ Россію — мы затруднились бы, по неимѣнiю на то указанiй. Съ нѣкоторою положительностію можно однако же заключить, что В. Н. Зиновьевъ въ 1773 году былъ уже въ Россіи и около этого времени, потерявъ своего родителя, пожалованъ камеръ-юнкеромъ Высочайшаго двора. Въ 1774 году, онъ былъ посланъ курьеромъ въ Италію, съ извѣстіемъ о заключенiи мира съ турками (Бучукъ-Кайнарджскаго, 10-го іюля 1774 г.). По кончинѣ своего родителя, раздѣливъ имѣніе съ своимъ братомъ, Александромъ Николаевичемъ, и получивъ вполнѣ обезпеченное состояніе, Василій Николаевичъ пожелалъ ознакомиться съ европейскою жизнью, чувствуя, съ тѣмъ вмѣстѣ, по своей артистической натурѣ, особенное влеченіе къ извѣстному. Страстное увлеченіе всѣмъ прекраснымъ, добрымъ и честнымъ, безпримѣрное восхищеніе природою, живописью, музыкой, — все въ немъ намекаетъ на эту артистическую струю, бившую сильно и долго. Василій Николаевичъ самъ называетъ себя «энтузіастомъ» — и дѣйствительно, онъ имъ былъ вполнѣ, — даже когда измѣнилъ многие свои взгляды и смотрѣлъ уже другими глазами на жизненные и общественныя явленія, — онъ не переставалъ увлекаться. И такъ, болѣе нежели обезпеченное состояніе, общественное положеніе и его связи, безъ затрудненій, во время его путешествiя, открыли ему торный путь и легкій доступъ къ европейскимъ дворамъ и коронованнымъ лицамъ. Въ Берлинѣ онъ представляется Фридриху Великому, въ Брауншвейгѣ — герцогу Брауншвейгскому, главѣ всѣхъ наслоновъ того времени; въ Неаполѣ онъ также представляется ко двору и приглашается на придворныя празднества.

Увлекаясь всѣмъ человѣчнымъ, добрымъ и честнымъ, понятно, что, знакомясь съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, русскій путешественникъ не ограничился только безслѣднымъ и официальнымъ ему представленіемъ, но пожелалъ съ нимъ сблизиться и войти въ болѣе тѣсныя сношенія, которыя и выразились въ перепискѣ, веденной въ смыслѣ наслоновскаго братства. Переѣхавъ во Францію, въ Лионѣ Василій Николаевичъ

поддался мистическому настроенію, навѣянному на него средой масоновъ, подъ главенствомъ Виллермоза. Здѣсь онъ сходится съ Сенъ-Мартеномъ и едва не подчиняется его вліянію; но его умный другъ и родственникъ, гр. Семенъ Романовичъ Верошцовъ, какъ бы предвидя что-то недоброе въ своемъ молодомъ, увлекающемся другѣ, своими письмами настоятельно требуетъ дѣла,—дѣла производительнаго, а не одного только мистическаго мистизма, который былъ несвойственъ его трезвой, вполне реальной натурѣ. Наконецъ, Василій Николаевичъ перѣзжаетъ въ Англію и, подъ зоркимъ наблюденіемъ гр. Воронцова, предается изученію разныхъ предметовъ. Занятія эти, разумѣется, не носятъ на себѣ печати строгой системы и законченности, — это нѣчто порывистое, артистическій диллетантизмъ, изъ котораго, быть можетъ, отчасти и прикѣпчивался капризъ избалованнаго русскаго бирча, но всетаки, на глазахъ гр. Семона Романовича, эти порывистыя занятія получаютъ значеніе пользы и дѣлесообразности, могущія современемъ принести добрые результаты и, во всякомъ случаѣ, восполнить сумму познаній занимавшагося.

Отъ усиленныхъ занятій математикой и изученія англійскаго языка, Василій Николаевичъ вновь всецѣло отдается страсти къ путешествіямъ; онъ объѣзжаетъ Англію и Шотландію и хотя это путешествіе совершилось подъ вліяніемъ новаго увлеченія, но безспорно, что, до извѣстной степени, оно прибавило новыя свѣдѣнія къ существовавшему уже итогу его познаній. Все это, однакоже, взятое въ совокупности, не расширило бы умственнаго кругозора автора журнала, если бы не существовало между нимъ и гр. Воронцовымъ той дружбы и пріязни, которая, выражаясь въ устныхъ бесѣдахъ и обиліи мыслей, внесла благотворное вліяніе въ его развитіе и научала, хотя и любознательнаго, но молодого и увлекающагося человѣка критически относиться къ окружающимъ явленіямъ и анализировать и вдумываться въ причины, ихъ производящія.

Пробывъ довольно долгое время въ Англіи и живя въ Лондонѣ частію въ домѣ русскаго посольства, частію же неподалеку отъ него, Василій Николаевичъ часто видался съ гр. Воронцовымъ и былъ всегда пріятель у него вполне дружески и интимно. Покинувъ Англію и съ грустнымъ чувствомъ разставшись съ семействомъ русскаго посла, Василій Николаевичъ переправился во Францію и здѣсь вновь подпадаетъ вліянію масоновъ. Онъ безвыѣздно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, проживаетъ въ Лионѣ и положительно впадаетъ въ мистизмъ. Дѣла по его илѣнью въ Россіи и окончаніе его отпуска, наконецъ, вырываютъ его изъ масонской среды и онъ отъѣзжаетъ обратно въ свое отечество. На этомъ и останавливается его журналъ или письма въ формѣ журнала.

Дальнѣйшая жизнь Василя Николаевича намъ почти не извѣстна, помимо вполне дружескихъ его отношеній съ княземъ П. Д. Цициановымъ,

выразившихся въ перепискѣ, нами сообщенной въ «Русскій Архивъ» въ 1872 году. Существуютъ кромѣ того нѣкоторые печатныя, но краткія о немъ свѣдѣнія, разбросанныя по разнымъ литературнымъ и историческимъ изданіямъ—свѣдѣнія, впрочемъ, не повѣренныя критикой и въ большинствѣ случаевъ невѣрныя.

Василій Николаевичъ былъ женатъ три раза.

Въ первый бракъ онъ вступилъ 17-го февраля 1790 г. съ фрейлиной Барварой Михайловной Дубянской (род. 23-го октября 1763 г., умер. 17-го іюля 1803 г.), дочерью унтеръ-егермейстера бригадирскаго полка, Михаила Ѳеодоровича и Натальи Ѳеодоровны. Барвара Михайловна Дубянская была принята во фрейлины и выскана милостями императрицы, потому что родной дѣдъ ея, протопресвитеръ Ѳеодоръ Яковлевичъ Дубянской, дѣти котораго, въ 1761 году, возведены Елисаветой Петровной въ дворянское достоинство, былъ духовникомъ Екатерины, по прибытіи ея въ Россію. Вѣчаніе происходило въ большой придворной церкви, въ присутствіи великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Эта первая супруга Василія Николаевича погребена между ближайшими родственниками, Дубянскими, въ Невскомъ монастырѣ. (См. Списки Карабанова. Фрейлины русскаго двора XVIII-го стол. «Русская Старина», т. IV-й, стр. 391-я).

Вторично женился В. Н. Зиновьевъ на Іустинѣ Ѳеодоровнѣ Брейткопфъ, дочери начальницы Екатерининскаго института, Анны Ивановны Брейткопфъ. И наконецъ, въ третій разъ, Василій Николаевичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Розановой. Отъ этихъ трехъ браковъ у него было 18 человѣкъ дѣтей. (См. «Русскую Родословную Книгу», составленную кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, изданіе редакціи «Русской Старины», томъ I, стр. 169—170).

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія объ авторѣ журнала. Если бы прибавимъ къ нимъ, что В. Н. Зиновьевъ достигъ чина тайнаго совѣтника и званія дѣйствительнаго камергера, при отправленіи должности президента медицинской коллегіи,—то извѣстія о немъ будутъ вполне исчерпаны.

12-го марта 1877 года.

Г. Орель.

Н. П. Варышниковъ.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э.....ВА.

V 1).

Жизнь и служба въ Сибирскѣ

1834—1839 гт.

Бывши начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, въ февраль 1832 года, поѣхалъ я въ Кяхту; февраль у китайцевъ—мѣсяць праздниковъ новаго года. Не доѣзжая станціи три до Троицкосавска, зимній путь прекращается; на этой мѣстности никогда не бываетъ ни снѣга, ни дожда. Въ Троицкосавскѣ—главное управленіе таможни, населеніе города большое; тутъ живутъ восточные и временные рабочіе изъ Кяхты, тысячи обозниковъ—движенія очень много. Отъ Троицкосавска до Кяхты 4 версты. Кяхта небольшой городокъ съ своеобразнымъ бытомъ и населеніемъ: это міръ первогильдейцевъ, которые только одни имѣютъ право вести заграничную торговлю. Въ городкѣ совершенная тишина, движенія никакого; въ это время шли переговоры и сдѣлки съ китайцами. Тузы иркутскіе всѣ были мнѣ знакомы, я сдѣлалъ имъ визиты, т. е. выпилъ чашекъ десяти чая и прилебнулъ изъ десятка рюмокъ вина. Всѣ были заняты, всѣ озабочены. Возвратясь на квартиру, вмѣсто контрвизитовъ, получилъ столько же ящичковъ чая. Не буду описы-

1) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 99—117; 499—530.

вать Кяхту, Маймачинъ тамошніе порядки у русскихъ и китайцевъ — все это описано и переписано десятки разъ. Подъ покровительствомъ Васи Баснина, обѣдалъ у богатаго купца-китайца; сосчиталъ шариками хлѣба 93 кушанья, какія это кушанья? право не знаю, но пробовалъ всего чайною ложечкою, всѣ блюда сносны и многія вкусны. Обратило мое вниманіе блюдо съ турецкимъ табакомъ, очень пышно наложеннымъ; смотрю, всѣ ѣдятъ, макая въ сою; взялъ и я, во рту таетъ, спросилъ что такое? сказали — свиная кожа! Своеобразный міръ китайцевъ извѣстенъ, а если скажу, что начинается обѣдъ конфетками и кончается супомъ, то достаточно выражу противоположность всему русскому. Мы гордимся изобрѣтеніемъ самовара, но едва ли это вѣрно: мы придумали только дать другое употребленіе самовару. Самоваръ съ незапамятныхъ временъ употребляется китайцами, но не для чая, какъ у насъ: у нихъ кипящій самоваръ подается послѣднимъ блюдомъ за обѣдомъ. Въ самоварѣ кипѣла разная зелень и коренья; каждому изъ насъ подали на блюдѣ тонко, претонко наръзанные ломтики сыраго фазана; каждый палочками бралъ ломтики, опускалъ въ кипящій бульонъ, и, держа въ недолго, кушалъ. Право, это недурно. Самоваръ прекрасной формы, не такъ данно и Тула переняла эту форму. Пили китайцы не больше намеретва, но пили очень часто, нямъ спиртъ изъ риса — какъ огонь острый, думаю, градусовъ до 70-ти. Не взирая, что я былъ предупрежденъ разсказами и чтеніемъ, но былъ удивленъ міромъ другой планеты! Былъ съ визитомъ у Дзаргучея, очень важный и очень вѣжливый китайецъ. Обѣдалъ у него въ какой-то ихъ праздникъ, было 113 блюдъ, порядки одни. Я замѣтилъ, что у Дзаргучея акцентъ и даже голосъ разговора не похожъ на другихъ; мнѣ сказали, что эта манера говорить употребляется при дворѣ, гдѣ Дзаргучей былъ чиновникомъ. У одного китайца, какъ оказалось, полицейскаго Дзаргучея, уши въ стеклянныхъ футлярахъ. Китаецъ на вопросъ объяснилъ: «Русскіе, когда худо видятъ, то носятъ стекла на глазахъ; я худо слышу, тоже надѣлъ стекла на уши». Видно, физика не процвѣтаетъ въ Китаѣ. Известно, что китайское правительство запретило быть женщинамъ въ Маймачинѣ, для того чтобы не ссориться съ русскими, потому что исторія Китая раз-

сказываютъ, что всѣ ссоры, войны, происходили изъ-за женщинъ. Это догадывается, что китайскія женщины—не другой планеты!

Возвратился въ Троицкосавскъ. Тамъ въ это время жилъ баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ. Этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ пріѣхалъ изъ Питера для изученія религіи Далай-Ламы. Извѣстно было, что этотъ баронъ—отецъ всѣхъ наукъ и братъ мудрости. Вечеромъ я сдѣлалъ ему визитъ; прося лавей доложить, получилъ отвѣтъ:

— Барону, его прев—ству, не докладываютъ, пожалуйста.

Цивилизованный лавей годился бы въ старинную французскую комедію. Въ небольшомъ домикѣ, въ первой низенькой комнатѣ, около стола, сидноу къ дверямъ, сидѣлъ толстѣвъ въ халатѣ; противъ него, у того же ломбернаго стола, наклонился черезъ столъ въ одеждѣ священника; оба разсматривали какую-то брошюрку на китайскомъ языкѣ. Тихо войдя, слышу—говорить баронъ:

— Да вы, отецъ Іакинфъ, обратите вниманіе, не бабалистика ли это?

Я сталъ за кресломъ барона, оба такъ были углублены въ книжку, что не обратили вниманія на мой приходъ. Сталъ и я смотрѣть на книжку, мнѣ казалось неслыханнымъ прервать интересное разсужденіе. Вижу, книжка вся состоитъ изъ цифръ въ нѣсколько рядовъ съ китайскими бузвами. Въ это время, баронъ перевернулъ листокъ, я увидѣлъ сбоку чертеть сферическаго треугольника съ отиѣтками извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Дѣло знакомое, я сказалъ:

— Да это логарисмы!

Баронъ обернулся ко мнѣ и не вставая—что, кажется, едвали и возможно было—подаль руку и самой привѣтливой манерой усадилъ меня къ столу и представилъ отцу Іакинфу. Въ двѣ, три минуты, я чувствовалъ себя коротко знакомымъ, такъ привлекательна была манера барона, а я подумалъ: вотъ удалось однимъ камнемъ убить два воробья: хотѣлось видѣть монаха Іакинфа Бичурина, да не зналъ какъ. Тотчасъ потребовалось отъ меня объясненіе, что я разужью подъ названіемъ логарисмъ, и почему я признаю эту непонятную книжку, надъ которою они ломаютъ голову,—логарисмами? Я объяснилъ до подробностей употребленіе логарисмъ и даже объяснилъ способъ

вычисления ихъ. Оказалось, брошюрка издана иезуитами въ Пекинѣ. Любезность барона наименовала меня ученымъ. Своро баронъ овладѣлъ разговоромъ и съ гордостью хвасталъ, что онъ считалъ громаднымъ успѣхомъ приобрѣтеніе Ганжура и не терять надежды приобрѣсти Данжуръ, что Европа не имѣетъ ничего подобнаго и проч. и проч. Эти Ганжуръ и Данжуръ, въ религін Далай-Ламы,—почти то же самое, что у папы костельное право, одно пространное, другое сокращенное.

Хитрые логаршеры сблизили меня съ барономъ. Что за увлекательный человѣкъ: пропасть путешествовалъ, знакомъ и въ перепискѣ съ учеными знаменитостями цѣлаго свѣта. Занимательныхъ разсказовъ, всегда умныхъ, интересныхъ анекдотовъ—безъ конца. Баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ былъ небольшого средняго роста, необыкновенной толщины. Всегда привѣтливое выраженіе недурнаго лица, глаза полны веселости и блеска. Баронъ былъ холостъ. Обращеніе его было—человѣкъ самаго высшаго тона. Онъ имѣлъ искусство оставить увѣренность въ каждомъ, что Шиллингъ находитъ его умнымъ человѣкомъ. Въ Петербургѣ я видалъ, какъ дамы, и особенно молодежь, искали его: онъ умѣлъ заставить ихъ хохотать и быть внимательными къ его анекдотамъ. Шиллингъ былъ другъ всего высшаго круга Питера. Помню разъ, какъ баронъ заставилъ усердно хохотать все большое общество своимъ разсказомъ въ лицахъ, какъ толпіе италіанцы несли громадную его толщину на Эту; онъ самъ не смѣялся, но разсказъ былъ мастерской и чрезвычайно комиченъ.

Возвратясь въ Петербургъ съ идеями стараго флота, но побывавъ въ Кронштадтѣ, я страшно разочаровался! Той отдѣльной касты, того завѣтнаго братства, той независимости, жажетса, отъ цѣлаго свѣта—ничего не нашелъ! Достойные старики, около которыхъ кристаллизовалась молодежь и продолжала нравы флота—одни поумирали, другіе удалились. Изъ огромнаго моего выпуска, нашелъ только семь товарищей—всѣ разбрелись, а оставшіеся казались будто каждый сцентрированы въ себѣ; нѣтъ прежней разгульной откровенности, бѣдность большая, я былъ богачъ между ними. Далъ товарищамъ хороши

обѣдъ въ трактирѣ Стюарта. Обѣдъ прошелъ молчаливо. Всѣ были ласковы по товарищески, но и только! На вопросы, что съ вами? отвѣчали: «не то время, поживешь, увидишь». Самые искренные, и тѣ тихо, жаловались на князя Меншикова.

45 лѣтъ прошло—разскажу мое первое представленіе князю Меншикову. Это время было время проектовъ—кто могъ, тотъ и умничалъ, я еще въ Сибири понялъ современную моду. Надумалъ и я проекты для Охотска и для Байкала. Являюсь смѣло князю. Я надѣялся щегольнуть, заинтересовать своими проектами, но не на того попалъ: я съ незрѣлой и недозрѣвшей мыслью хотѣлъ сдѣлать скачокъ, не тутъ-то было: князь крѣпко держалъ нитку начатой идеи! Я понялъ, что могу остаться въ дуракахъ, и замолчалъ.

— «Что-жъ вы молчите?»

— Извините, ваша свѣтлость, я не могу говорить съ вами.

— «Отчего?»

— 15 лѣтъ я не видалъ такъ высоко стоящей особы и всю жизнь не встрѣчалъ такого могучаго ума.

— «Ну, такъ какъ же мы будемъ говорить съ вами?»

— Ваша свѣтлость, я искренно доложу вамъ, что, стоя передъ вами, я потерялъ способность мыслить, я чувствую свое ничтожество!

— «Вы одичали, поживите въ Петербургѣ, отдохните, иногда приходите (кажется) по середкамъ пить чай. Прощайте».

Мнѣ только и хотѣлось дозволенія пожить въ Питерѣ. Деньжонки у меня были, я считъ дозволеннымъ себѣ ухнуть удовольствіями, отъ которыхъ былъ отчужденъ 15 лѣтъ.

Во флотѣ я разочаровался: упадокъ общаго духа, бѣдность товарищей, поразили меня—какая будущность? Я долго думалъ и рѣшился искать другой службы. Тогда самое большое содержаніе было, какъ въ новомъ учрежденіи, въ корпусѣ жандармовъ, но безъ протекціи какъ попасть туда? Бродя по Питеру, я вспомнилъ барона Шиллинга, засталъ его дома, онъ принялъ меня очаровательно; разговаривая со мною, заставилъ меня высказать откровенно о причинахъ моего намѣренія. Спросилъ мою квартиру и мы простились. Утромъ, получаю съ жандармомъ записку отъ начальника штаба корпуса жандармовъ Дубельта, всѣмъ знакомой формы: «свидѣтельствуя совершенное

почтеніе» и проч., приглашался я въ штабъ, для нѣкоторыхъ личныхъ объясненій. Дубельтъ хотѣлъ знать объ Американской компаніи, а кончилось приглашеніемъ меня въ жандармы.

Явился къ князю Меншикову; опять исторія проектовъ, а опять замолчалъ и повторилъ въ родѣ первой продѣлки, а на вопросъ князя: «какъ же мы будемъ говорить?» я просилъ позволенія написать. — «Такъ вы литераторъ? Ну, сочините, посмотримъ». Я написалъ и принесъ, князь читалъ саркастически улыбаясь и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— «Предметы такъ важны, что превосходятъ мою власть; отнесите въ совѣтъ адмиралтейства, но будьте осторожны (пониживъ голосъ), тамъ сидятъ все мудрецы!»

Это онъ сказалъ съ такимъ сарказмомъ презрѣнія, что я будто теперь слышу.

Въ адмиралтействѣ я нашелъ Васильева, съ которымъ я бралъ обсерваціи въ Камчаткѣ, Рикорда, съ которымъ служилъ тамъ же, и другихъ. Моряки приняли меня по родному; я подалъ проеѣтъ, много хохотали и спросили: да чего ты хочешь? я просилъ позволенія пожить въ Петербургѣ. Мнѣ дали билетъ съ прописаніемъ не отлучаться изъ Петербурга до рассмотрѣнія моихъ проектовъ.

Мнѣ того и нужно было, чтобы не отдѣлиться отъ жандармовъ. Государь уѣхалъ и вызвалъ кн. Меншикова въ Мюнхенгрецъ. Я объявилъ Дубельту: если желаютъ, чтобы я былъ жандармомъ, то это можно сдѣлать только безъ кн. Меншикова. Отвѣтъ изъ флота о мнѣ много стоилъ мнѣ хлопотъ и я обязанъ много Лермантову.

Я—жандармъ. Возвратившійся князь очень гнѣвался, узнавъ, что я перешелъ въ жандармы. Лермантовъ рассказывалъ, что князь назначалъ меня командиромъ новаго фрегата, по методѣ Стефенса; при этомъ и доложилъ Лермантовъ, что меня уже нѣтъ во флотѣ; князь гнѣвно спросилъ:

— «Кто его выпустилъ?»

— Моллеръ.

— «Охъ, этотъ гнилой, онъ всѣхъ распустилъ».

Мнѣ хотѣлось имѣть патентъ изъ флота. Князь бросилъ патентъ на полъ и сказалъ: «никогда не подпишу». Послѣдовао сепаратное повелѣніе: изъ флота не переводить.

У меня был двоюродный братъ Василій Семеновъ; онъ былъ тогда цензоромъ, къ нему собирались литераторы и любители. Въ одинъ вечеръ Семеновъ объявилъ, что онъ прочтетъ замѣчательную вещь. В. Семеновъ, превосходный чтець, прочиталъ «Большой выходъ у Сатаны» Сенновскаго. Только ахали, удивленію, похваламъ, восторгамъ—не было конца. Но когда братъ сказалъ, что пропустить не можеть, всё заговорили: это преступленіе, это грабежъ литературы, это убійство таланта, это святотатство и проч., долго судили и рядили. В. Семеновъ рѣшилъ, что если не поможетъ графъ Бенкендорфъ—на него послѣдняя надежда—онъ другаго средства не видитъ. Графъ хорошо зналъ Семенова, который, говоря о своемъ сомнѣніи въ статью, божился, что въ ней ничего нѣтъ, но сомнѣвается по своей неопытности. Графъ приказалъ мнѣ положить у него на туалетъ. Я отлично припряталъ и прикрылъ бумагами. Каждую недѣлю приходилъ Семеновъ за статью; графъ увѣрялъ, что еще не дочиталъ, а я видѣлъ, что и не дотрогивался. Пришелъ Семеновъ третій разъ и увѣрилъ, что литераторъ настоятельно просить, работа срочная. Графъ приказалъ мнѣ подать, я отвернулъ послѣднюю страницу и графъ написалъ: «дозволяется печатать». Говорять, государь былъ недоволенъ ценсурою, оборвалось на Бенкендорфѣ.

Меня назначили въ Симбирскую губернію.

Откланиваясь графу Бенкендорфу, я просилъ его наставленія, чего я долженъ достигать нравственно, исполняя свою обязанность? Графъ отвѣчалъ:

— «Ваша обязанность—утирать слезы несчастныхъ и отвращать злоупотребленія власти, а обществу содѣйствовать быть въ согласіи. Если будутъ любить васъ, то вы легко всего достигнете».

— Ваше сіятельство, общество играетъ въ запрещенныя игры—въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— «А вы любите играть?»

— Нѣтъ.

— «Ну, такъ позволяю вамъ играть въ банкъ до 5 руб., но вы не должны дозволить обыгрывать неопытную юность и хранителя казенныхъ суммъ».

Я далъ честное слово исполнить.

Приѣхалъ въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 года;

предмѣстника моего, полковника М....., я не засталъ уже, но засталъ овлобленіе всего общества противъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе и нерасположеніе въ голубому мундиру.

Разбирая дѣятельность М....., я нашелъ, что онъ совершенно не понималъ своей обязанности: онъ хотѣлъ быть сыщикомъ, ему казалась славою—рыться въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ домашнихъ тайнъ общества. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетенъ и такъ была дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрутъ, хотя это и не было обязанностію жандармскаго штабъ-офицера, но М..... совался вездѣ. Однимъ словомъ, М..... хотѣлось быть страшнымъ и—достигъ общаго презрѣнія!

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Питера до 1,500 верстъ; ѣхать для зимнихъ удовольствій въ столицы—слишкомъ далеко, да тогда и сообщенія были не такія, какъ теперь. Богатаго дворянства много; по необходимости, по окончаніи лѣтнихъ хлопотъ по хозяйству, на зиму всѣ помѣщики группировались въ Симбирскъ и веселились такъ, какъ уже не веселятся!

Я зналъ по опыту, что тотъ не находитъ любви, кто ее ищетъ; общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ условій общественныхъ и непривосновеніемъ семейнаго домашняго быта.

Первый визитъ губернатору, онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ:

— «Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали?»

— Содѣйствовать возвышенію власти вашего прев-ства.

— «Какіе ваши планы?»

— Я еще ничего не знаю.

— «Имѣете знакомыхъ?»

— Никого.

— «Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?»

— Только личнаго ко мнѣ уваженія и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить, я тогда только и буду вамъ полезенъ.

— «Это такъ немного, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямою своею обязанностію исполнить».

— Мнѣ болѣе ничего и не нужно.

— «Вы, господа жандармы, любите много писать?»

— При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово по-

называть вамъ все, что я буду писать, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условія.

— «Нани условія такъ несложны, что мнѣ пріятно подать вамъ руку дружбы».

Мы простились. Слышу, всякій день въ городѣ обѣды, балы, но я расчелъ не навязываться на знакомство, дать забыть систему М..... Первымъ пріѣхалъ ко мнѣ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія; старикъ узналъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и уросилъ къ себѣ на балъ. Скоро я сталъ членомъ общества. Скоро я узналъ въ курильныхъ кабинетахъ, что все общество ненавидитъ губернатора, причинъ — безчисленное множество, какъ обыкновенно бываетъ при неудовольствіяхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда и расходятся мнѣнія и причины—какъ радіусы. Въ этомъ случаѣ, оказались два помѣщика: Т. и О.—несомнѣнно люди умные! я къ губернатору:

— Васъ здѣсь не любятъ.

— «Это правда».

— Какая причина?

— «Право, не знаю».

— Быть главной властью и быть нелюбимымъ—непріятно.

— «Непріятно, да что же сдѣлать?»

— Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависитъ помириться съ обществомъ.

— «Пожалуйста, я на все согласенъ».

— Вы дѣйствительно не знаете причины?

— «Честное слово, не знаю!»

— Т. и О. главные ваши враги, причины неважны; пригласите ихъ, вы сумѣете смягчить; объяснитесь и помиритесь, тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.

— «Очень много вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете какъ мой другъ!»

— Но надѣюсь—вы обо мнѣ не упомянете, мой успѣхъ въ секретѣ.

— «Будьте покойны, я помню наши условія».

Предъ этимъ, я напелъ случай познакомиться съ Т. и видѣлся съ О. Зналъ я, что губернаторъ приглашалъ къ себѣ

этихъ господъ утромъ. Вечеромъ, я былъ у Т. Холодный наклонъ, молчать, отворачиваются. Я притворился свротинной и не понимаю, говорю любезности дамамъ. Т. не выдержалъ и въ досадѣ началъ говорить даже оскорбительно:

— «Мы думали, что вы человекъ съ характеромъ и не имѣли нужды скрывать своихъ чувствъ передъ вами, а вы унизились и передали подлецу» и проч.

— Я хотѣлъ согласія, единодушія общества съ властію; если унизился, по вашему, то съ доброю цѣлію. Жалѣю, что я ошибся, но кто не ошибался? Могу я узнать, какая была сцена между вами?

— «Губернаторъ усадилъ насъ въ кабинетъ и сказалъ: господа, между нами есть неприятности, и вы и я имѣемъ обоюдныя причины; полагаю, какъ благородные люди, мы не обязаны давать въ томъ кому бы ни было отчета, но, къ удивленію моему, вы малодушно сообщили жандарму! Ха, ха, ха, да знаете ли кто этотъ жандармъ? онъ, по просьбѣ моей, присланъ сюда для моихъ услугъ! вотъ кому вы довѣрились. Господа, я не отнимаю у васъ права имѣть ко мнѣ неудовольствіе, но будьте же благородны, дѣйствуйте сами, безъ жалкаго жандарма. Прощайте, я счелъ долгомъ сказать вамъ это».

Каково мнѣ было слушать этотъ монологъ! Я высказался искренно, не имѣя причинъ не вѣрить губернатору; жалѣю, что я обезпokoилъ уважаемыхъ мною людей, но надѣюсь, другой разъ не ошибусь. Мы помирились, согласившись, что губернаторъ [болѣе чѣмъ человекъ не хорошій].

Рано утромъ—я у губернатора. Ласковъ, привѣтливъ, хорошій другъ!

— Не утерпѣли, не сохранили секрета?

— «Языкъ мой—врагъ мой! Крутомъ виноватъ!»

— Ну, по условію—вы губернаторъ, а я жандармъ, но помните, у меня огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ—куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— «Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; увлекся съ не.....ми, больше этого не будетъ».

Тутъ пристала страдалица-жена его съ просьбой—простить.

— Такъ и быть, этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но другой разъ не забудемъ!

— «Душою и сердцемъ—согласенъ!»

Вскорѣ повторился другой подобный случай...

Тогда установленной формы для переписки въ корпусѣ жандармовъ не было; армейскіе писали рапортами, такая форма не позволяла вольничать, я принялъ манеру писать: письмами, докладами и простыми записками, но рапорта—никогда! Составилъ письмо къ шефу объ отношеніяхъ моихъ къ губернатору и объ его безхарактерности и въ концѣ увѣрилъ, что не пройдетъ много времени, какъ выяснится необходимость смѣнить его.

Пришелъ къ губернатору и прямо сказалъ: намъ болѣе говорить нечего! Онъ началъ извиняться, я подаль ему письмо къ шефу и сказалъ: я далъ слово показать вамъ, что я пишу—прочтите. Прочитавъ, поблѣднѣлъ и сказалъ:

— «Вы такъ писать не можете!»

— Отчего?

— «Я буду жаловаться на васъ!»

— Тѣмъ лучше, скорѣй объяснятся ваши дѣйствія.

— «Вы не пошлете».

Я кликнулъ жандарма, запечаталъ у губернатора и приказалъ отнести на почту.

Кто таковой губернаторъ Z.? Онъ былъ въ отставкѣ капитаномъ Преображенскаго полка. 14-го декабря, онъ явился къ дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобъ покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и Z. за нимъ. Якубовичъ, вмѣсто убѣжденія, говорилъ: «ребята, держись, наша беретъ, трусятъ, ура! Константинъ!» и бунтовщики кричатъ: «ура, Константинъ и супруга его Конституція!» Якубовичъ возвращался и докладываетъ: «извольте слышать, они съума сошли, хотѣли въ меня стрѣлять».

Такъ было нѣсколько разъ и Z. всякій разъ ходилъ и одинъ разъ перевязалъ ногу платкомъ, прихрамывая, будто ударили его по ногѣ.

Государь не забывалъ усердія и сказалъ в. к. Михаилу Павловичу: «я видѣлъ усердіе Z., спроси его, чего онъ хочетъ?» В. к. Михаилъ спросилъ Z.: «чего ты хочешь?» Z., не задумавшись, отвѣчалъ: желаю быть губернаторомъ.

— «Не много ли это будетъ?»

— Для государя все возможно!

И вотъ Z. чрезъ разныя метаморфозы — губернаторъ въ Сибирскѣ. Это я знаю отъ него самого.

Z. былъ очень недурень собой, средняго роста, стрепъ, всегда щеголь, образованія — для гостинной, не дурной актеръ. Дѣла, бумаги для него дѣло постороннее.

Застаю Z., подписываетъ кучу бумагъ: «какъ же это вы читаете?»

— «Пробовалъ читать, ничего не понимаю; пробовалъ не читать — все равно, такъ лучше не читать — результатъ одинъ».

Былъ рекрутскій наборъ; для приѣма въ Симбирскѣ пріѣхалъ маіоръ Ю., а для наблюденія въ губерніи флигель-адъютантъ полковникъ К. Высочайше повелѣно: при пріѣздѣ флигель-адъютанта, хотя бы и младшаго чиномъ, жандармскій штабъ-офицеръ обязанъ явиться къ нему; но не позже какъ на другой день, хотя бы генераль-адъютантъ, обязанъ отдать визитъ. Я вообще былъ строгій исполнитель служебныхъ обязанностей, немеди явился къ флигель-адъютанту К.; онъ принялъ меня, какъ петербуржець — вѣжливо, ласково, какъ милый товарищъ. Прошло два дня — не ѣдетъ ко мнѣ, думаю, вѣрно не знаетъ распоряженія. Между безконечными моими разсказами изъ жизни, я напомнилъ К., что онъ обязанъ быть у меня. Онъ расхохотался, любезно назвалъ меня мелочникомъ и что подобная претензія не достойна меня и проч. Я доказывалъ ему, что моя служебная сила зависитъ отъ наружнаго уваженія ко мнѣ, и увѣрялъ, что не приду его. Не поѣхалъ ко мнѣ К., но мы оставались пріятелями.

Рекрутскій наборъ шелъ; слышу, маіоръ Ю. беретъ взятки, но это тогда была вещь обыкновенная. Нѣсколько помѣщиковъ жаловались мнѣ, что помѣщичьяго рекрута не принимаютъ безъ пяти полуимперіаловъ. Одинъ коротко знакомый мнѣ отдавалъ своего лакея; я видѣлъ его: молодчина, 9-ти вершковъ роста, молодой, красавецъ. Приказавъ вести въ присутствіе, пошелъ и я туда же; дошла очередь до лакея; маіоръ Ю. посадилъ его на полъ спиною къ стѣнѣ, ноги его скосилъ въ одну сторону и оказалось — одна нога короче, закричалъ: затылокъ! Я, какъ не имѣющій права мѣшаться, молчалъ, но когда совѣтникъ отиѣчалъ въ книгѣ, я шопотомъ попросилъ дать мнѣ выписку за что образованъ. Услыхалъ неразумный маіоръ, поднялъ шумъ, заходилъ пѣтукомъ и говорилъ грубости, что всякій тутъ мѣшается

и проч. Я, не выронивъ и полслова, напомнилъ тихо предсѣдателю правило на зеркалѣ. Добрякъ предсѣдатель Огневъ остановилъ расходившагося маіора. Я составилъ записку о рекрутѣ и маіорѣ и подалъ флигель-адъютанту К. Онъ объяснилъ мнѣ, что маіоръ родной братъ служащаго и въ большой силѣ при дворѣ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ дѣла маіора Ю., что и мнѣ будутъ неприятности. К. хотѣлъ возвратить мнѣ записку, но у меня были заняты руки, что я не могъ взять записки, и она осталась у К. Одинъ небогатый помѣщикъ, хорошо знаемый, просилъ моего участія сдать рекрута съ небольшимъ изъясномъ. Я своего унтера преобразилъ въ мужика отдатчика, далъ ему пять полумперіаловъ, четыре мужика при немъ..... Унтеру приказано—отдавая деньги маіору, уронить на полъ. Рекрутъ принять.

Въ городѣ громко говорили о сценѣ въ присутствіи и удивлялись, какъ я перенесъ молча. Одинъ только старикъ почтмейстеръ Лазаревичъ, выслушавъ, сказалъ:

— «Господа, та собака, которая не лааетъ, всегда больно кусаетъ, я за маіора и гроша не держу, онъ пропадетъ».

Наборъ конченъ, маіоръ набралъ до 8-ми тысячъ руб., но въ Симбирскѣ же и проигралъ, бѣдный. Я составилъ о всемъ подробную записку и упомянулъ, что К. не отдалъ мнѣ визита.

Въ февралѣ, вечеромъ, пью чай. Буря, мятель страшная, колокольчикъ у воротъ; входитъ холмъ снѣга и говоритъ:

— «Имѣю честь явиться! прошу извиненія, виноватъ кругомъ!»

Это былъ флигель-адъютантъ, полковникъ К. За чаемъ рассказавъ, что его очень бранилъ Бенкендорфъ за неотданіе визита.

— «На балѣ у Фикильмона, танцую кадрили съ государыней; только кончилъ, фельдъегерь подалъ бумагу: ему приказано немедленно отвезти меня въ Симбирскъ, а мнѣ своеручно произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ маіора Ю. при рекрутскомъ наборѣ».

Мнѣ предписано содержать подъ строгимъ надзоромъ маіора Ю., до окончанія слѣдствія.

Флигель-адъютантъ К.... остановился въ домѣ губернатора. К. не имѣлъ понятія, какъ и приступить къ слѣдствію; Z. далъ ему чиновника, служащаго у него по особымъ приключеніямъ. На другой день, я узналъ, что допрашивалъ и писалъ чиновникъ. Я въ полковнику К. и тутъ сказалъ:

— Говорятъ, что будто бы слѣдствіе дѣлаеть чиновникъ?

Перепугался, поблѣднѣлъ Б., забожился, заклался честнымъ словомъ и проч., что это неправда. Мнѣ жаль было бѣднягу, я сказалъ, что я удовлетворенъ и вѣрю ему. Привезли маіора Ю. подъ арестомъ унтеръ-офицера и солдата.

Пріѣхалъ графъ Протасовъ; онъ состоялъ при особѣ государя, полковникъ. Удѣльные имѣнія были разбросаны по всей Россіи; неудобно и дорого было управленіе, предполагалось: удѣльныхъ крестьянъ возвратитъ въ казну, а симбирскихъ казенныхъ крестьянъ, тысячъ до четырехсотъ, обратитъ въ удѣльные. Это и поручено было исполнить гр. Протасову. Послѣ него пріѣхалъ жандармскій полковникъ Ф.... Графъ Протасовъ—добрѣйшій, благороднѣйшій человекъ, но страшный педантъ службы.

Симбирскіе казенные крестьяне—на черноземѣ, на Волгѣ, были богаты, много домовъ крыты тесомъ, синіе кафтаны, красные кушаки—жили привольно. Дѣлаясь удѣльными, становились помѣщичьими—переходъ не радостенъ! Надобно было быстро и ловко обдѣлать дѣло. Все исполненіе пало на меня. Понявъ любовь гр. Протасова къ крайней аккуратности, я каждый день посылалъ ему отчетъ въ каждомъ часѣ моей дѣятельности.

Въ это время, я проѣзжалъ въ сутки 300 верстъ.

Я успѣлъ взять подписки со всѣхъ деревень въ согласіи на переходъ, а Ф.... еще сочинялъ проектъ, какъ приступить къ дѣлу. Губернаторъ не участвовалъ, но ему хотѣлось прицѣпиться къ наградѣ; онъ вздумалъ взбунтовать одну отдаленную деревню Буинскаго уѣзда. Я упросилъ графа съѣздить со мною. Городничій Буинска не могъ отвѣчать графу ни на одинъ статистическій вопросъ, даже не сказалъ сколько церквей въ городѣ. Графъ спросилъ меня: «что онъ—дуракъ пошлый?»

— Нѣтъ, вы не умѣете спрашивать, мнѣ онъ отвѣтитъ: г. городничій, сколько у васъ кабаковъ?

Бодро и быстро отвѣчалъ—шесть!

Графъ легъ спать, а я—въ деревню къ бунтовщикамъ и такъ настрашалъ ихъ именемъ графа, что когда онъ пріѣхалъ, то нашелъ всю деревню на колѣняхъ; но тутъ же я узналъ, что пріѣзжалъ переодѣтымъ чиновникъ по приключеніямъ, но доказать было трудно и я просилъ дѣла не поднимать.

Отромная была власть у Протасова. Когда я поразсказалъ о полковникѣ К. и что онъ флигель-адъютантъ, но живетъ у губернатора, гр. Протасовъ послалъ за К., а мнѣ приказалъ сѣсть за ширмы. Боже мой, я и теперь слышу тотъ повелительный голосъ графа! Оба полковники и К.—флигель-адъютантъ, но графъ такъ жестоко бранилъ его, какъ я не бранилъ бы писаря,—глушомъ, соусникомъ, блюдоливомъ и проч.... Укорялъ его, какъ довѣреннаго государя: въ нему долженъ прибѣгать обиженный, а кто же пойдетъ съ жалобой на губернатора, когда онъ лижетъ его тарелки! Приказалъ чрезъ два часа съѣхать—и съѣхалъ. Во все время, К. покорно молчалъ. Я такъ и ждалъ, вотъ К. треснетъ графа.

Когда собирался графъ уѣзжать, то я, боясь неустановившагося еще дѣла и боясь шаловливости Z., совѣтовалъ придумать что нибудь. Графъ послалъ меня къ губернатору сказать, что графъ будетъ у него официально.

Пришли мы съ графомъ, губернаторъ встрѣтилъ во фрагѣ. Графъ спросилъ: какъ передалъ вамъ г. маіоръ? На отвѣтъ губернатора, графъ сказалъ:

— «Я пришелъ официально передать губернатору волю государя, съ лавсемъ я говорить не могу, надѣньте мундиръ и придите выслушать».

Пришелъ въ мундирѣ губернаторъ. «Слушайте повелѣніе государя: вы устраняетесь отъ всякаго участія въ дѣлахъ по переименованію казенныхъ крестьянъ въ удалыне. Государь императоръ повелѣваетъ всѣ распоряженія по этимъ дѣламъ поручить вамъ, г. маіоръ! вы имѣете дѣйствовать не сносясь съ губернаторомъ; малѣйшее косвенное вмѣшательство губернатора замѣтите—пришлите немедля курьера».

Губернаторъ только успѣлъ сказать, что онъ не заслужилъ такого недовѣрія.

Графъ крикнулъ: «молчать! когда приказываетъ государь, тогда не разговариваютъ, а исполняютъ; еще слово—я отправлю васъ въ телѣжкѣ!»

Я былъ свидѣтелемъ два раза страшной власти графа Протасова. Не будучи посвященъ въ іерархію дворскихъ чиновъ, я изумлялся власти полковника и осторожно высказалъ это графу;

онъ много смѣялся моему невинному невѣжеству и сказалъ: «флигель-адъютантовъ много, а при особѣ государя—два, три».

За этими хлопотами, я потерялъ изъ вида слѣдствіе о майорѣ Ю. Послѣ слышалъ: флигель-адъютанта полковника К. назначили въ какой-то армейскій полкъ—младшимъ. Майору Ю. не давать въ команду отдѣльной части—милостиво! На счетъ виновныхъ доставить въ Петербургъ забракованнаго рекрута.

Старшимъ, чванству, я никогда не спускалъ, но часто попадались по жалобамъ секретари, столоначальники, засѣдатели и тому подобныя: берутъ взятки—бери, Богъ съ ними, на то они и крапивное. сѣмя, а то жадныя, возьметъ съ одного и беретъ съ противника, обиженная сторона жалуется. Сейчасъ записку: свидѣтельству совершенное почтеніе и проч., имѣю честь просить пожаловать для личныхъ объясненій. Въ залѣ всегда есть просители или знакомые. Приходитъ виновный, я самымъ ласковымъ образомъ говорю, что я затрудняюсь въ одномъ дѣлѣ и обращаюсь къ его опытности; прошу его совѣта и приглашаю въ кабинетъ, двери на замокъ и тамъ уже объясненіе, отъ котораго сойдетъ съ головы мыла три! Видя трусость и раскаяніе, обѣщаніе немедля возвратить обиженному деньги и клятва болѣе такъ не дѣлать,—выходя изъ кабинета, я вѣжливо благодарю его за умный и опытный совѣтъ—далѣе кабинета не иду. Не помню случая, чтобы были рецидивисты. Цѣль достигалась безъ оскорбленія.

Черезъ 10 лѣтъ, я былъ въ Симбирскѣ, имѣлъ дѣло совершить три купчія въ гражданской палатѣ. Совершили въ одинъ день и въ какой—въ субботу! Представьте мое положеніе, я скажу хотя невѣроятную правду, есть свидѣтели, но мнѣ никто не повѣрить: 1848 года въ 30-й день ноября, въ день Андрея Первозваннаго, я вынулъ 500 руб., чтобы благодарить секретаря и надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ. Эти господа руки назадъ и сказали: «извините, ваши деньги прожгутъ наши карманы и принесутъ несчастіе нашимъ дѣтямъ; вы были нашимъ отцомъ, за вами мы жили какъ у Христа за-пазухой; извините, полковникъ, не обижайте насъ, мы вашихъ денегъ взять не можемъ!»

Представьте—и не взяли!!! Такой исключительный случай въ тѣ старыя годы невѣроятенъ, но былъ; признаться, я считалъ

себѣ высокою наградою за службу въ Сибирскѣ и вѣрилъ, что тамъ я былъ не лишній.

Припоминая прошедшее, дѣйствительно не припомню, чтобы я комунибудь изъ этой мелкой сошки сдѣлалъ бы существенный вредъ, а что бывало въ кабинетѣ, того никто не зналъ. Оказалось, лекарство было полезное.

Наступили дворянскіе выборы, съѣзжалось дворянъ до 300. Великодушныхъ (болѣе 100 душъ) въ губерніи было много. Выборы обыкновенно были шумны, бывали и серьезныя ссоры, но я не мѣшался. Я на выборы смотрѣлъ какъ на дѣло семейное, сегодня ссорятся, а завтра мирятся—только не мѣшать.

Еще до выборовъ, я зналъ, что князь Д. сосваталъ старшую дочь губернскаго предводителя князя Б. Давненько ходили сплетни, что будто бы губернаторъ Z. наряжался старухою и ходилъ на свиданіе къ теперешней невѣстѣ и что будто бы Z. такъ хорошо гримировался, что отецъ-князь Б. разъ встрѣтилъ старуху-губернатора и не только не узналъ, но указалъ, что дочь его въ саду. Сплетень всегда много въ провинціи, а тѣмъ болѣе въ такомъ большомъ обществѣ; но на этотъ разъ разыгралась весьма серьезная исторія, такъ что я вынужденъ былъ выказать весь авторитетъ моей власти.

Былъ въ Сибирскѣ полковникъ графъ Т.; былъ холостой, жилъ въ Сибирскѣ, но числился по иностранной коллегіи. Графъ Т. былъ другомъ Z. и, еще болѣе—другомъ князя Д., жениха. Z. похвасталъ мнимою интрижкой съ княжной передъ графомъ Т.; послѣдній, любя князя Д., сообщилъ ему о признаніи губернатора Z.

Князь Д. былъ отставной гвардеецъ; онъ кавказскій князь и, говорили, владѣтельнаго дома. Князь Д. былъ брюнетъ, хорошаго средняго роста, стройный, одѣвался отчетливо въ черное, говорилъ сѣвось зубы, стригся подъ гребенку, молчаливъ, холодець, корчилъ Байрона—тогда много было Байроновъ, мода! Князь Д. считался всмыльчивымъ, храбрымъ; за нимъ была странность, онъ имѣлъ антипатію въ коннѣ. Я думалъ, что онъ притворяется. Мы были знакомы съ нимъ по панапоному. На одномъ вечерѣ, я увидѣлъ идущаго по улицѣ князя, поймалъ котенка, посадилъ въ столъ и далъ ему сахару. Встрѣтивъ князя, взялъ

его подъ руку и, говоря, велъ его въ столу; подходя, я почувствовалъ, что онъ ведрогнулъ, а подойдя—поблѣднѣлъ, вырвался отъ меня и сказалъ, что онъ не можетъ тутъ быть. Это былъ фактъ сильной антипатіи! Котенка я выкинулъ, но никому не сказалъ о моей шалости. Впрочемъ, князь держалъ себя весьма прилично, въ карты не игралъ, вина почти не пилъ, былъ ненарушимо одинаковъ, но на то онъ и былъ Байронъ. Ни одной исторіи не было за княземъ Д.

Какъ только князь Д. выслушалъ графа Т., тотчасъ же объяснился съ отцомъ княземъ Б. и отказался отъ невѣсты. Невѣста въ глубокомъ обморокѣ, отецъ несчастливъ, князь Д. бѣснуется. Узнаю вечеромъ, что князь Б., какъ губернской предводитель (кажется, въ теченіи 18-ти лѣтъ), намѣренъ утромъ жаловаться дворянству и просить защиты—старому слугѣ дворянства! Князь Д. клянется разбить рожу губернатору въ соборѣ!

Поздно вечеромъ, я нашелъ губернатора въ страшной тревогѣ: онъ слышалъ о намѣреніи князя Б. Зная нерасположеніе въ нему дворянства и какаго дворянства—дружнаго, гордаго, сибирскаго,—было отъ чего въ отчаянье придти! А я прибавилъ о намѣреніи князя Д. Это окончательно сдѣлало губернатора неспособнымъ мыслить! Онъ только и видѣлъ спасеніе въ моей помощи. Но какъ же онъ и просилъ меня спасти его!

Я спросилъ Z.: что побудило его хвастать? онъ отвѣчалъ:

— «Имѣть успѣхъ въ женщинѣ и не рассказать, все равно, что, имѣя андреевскую звѣзду, носить ее въ карманѣ».

Исторія—во всѣхъ отношеніяхъ скверная. Не будь Z. губернаторомъ, то была бы смѣшная, скандальная исторія, но хотъ лькомъ шить, а онъ—губернаторъ, власть! Разыграйся глупость—огорчила бы государя и на все честное и благородное сибирское дворянство упала бы тѣнь преступленія! Я рѣшился дѣйствовать не для спасенія Z., котораго я уважать не могъ, а для спасенія власти губернатора.

Рано утромъ, я былъ въ кабинетѣ губернскаго предводителя и, послѣ обычныхъ вѣжливостей, я прямо приступилъ:

— До свѣдѣнія моего дошло, что ваше сіятельство намѣрены сегодня говорить передъ дворянствомъ и жаловаться на Z.?

— «Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, неправда».

— Если неправда, то тѣмъ лучше; вамъ остается, князь, дать мнѣ честное слово, что вы говорить не будете, я вамъ повѣрю.

— «Кто вамъ далъ право: требовать отъ меня честное слово и входить въ мои дѣла?»

— Моя обязанность, князь.

— «Въ чемъ она состоитъ?»

— Въ секретной инструкціи, утвержденной государемъ!

— «Я вамъ слова не дамъ и думаю—наши объясненія кончены!»

— Нѣтъ, князь, если не дадите слова, то я дамъ вамъ слово, что вы отсюда не выйдете!

— «Это какъ?»

— Я васъ арестую!

— «Вы имѣете право арестовать губернскаго предводителя?»

— Имѣю право всякаго арестовать, для охраненія власти, вѣренной государемъ.

— «Вы молоды судить объ оскорбленіяхъ, вы не отецъ!»

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ!

— «Вы знаете эту несчастную исторію?»

— Все подробно знаю и знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣла скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему; пострадаетъ тотъ, кто виною огорченія вашего.

— «Какое вы можете дать ручательство?»

— Честное мое слово, которому я не измѣнялъ во всю жизнь!

— «Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните, вы отвѣтите передъ оскорбленнымъ отцомъ!»

— Вамъ нѣтъ исхода, князь: либо вѣрите моему слову и дайте мнѣ ваше честное слово, либо вы не выйдете отсюда.

Князь заплакалъ и далъ мнѣ честное слово, что говорить передъ дворянствомъ не будетъ. Я успокоивалъ его, какъ умѣлъ. Грустно видѣть старыя слезы оскорбленнаго отца. Разговоръ былъ длиненъ, я записалъ только главные пункты.

Покончивъ съ однимъ княземъ, я посѣтилъ князя Д. Выходить ко мнѣ князь, съ плотно обстриженной головой, воротнички

à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдять сквозъ зубы—англичанинъ да и только!

— «Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?»

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашенный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубуку такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчать, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посоветовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Авія немного утихла и князь сквозъ черные зубы процѣдилъ:

— «Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?»

Я разсмѣялся и сказалъ: жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— «Я не имѣю нужды ни въ чемъ участіи!»

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— «Позвольте узнать, какаа вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?»

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу Z. публично?

— «Ну, что же вамъ за дѣло?»

— До рожи Z. мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но п..... рожа Z. принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорбленіе власти, поставленной государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока Z. губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— «Кто можетъ остановить меня?»

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— «Какимъ это образомъ?»

— Я прошу васъ, пока Z. губернаторомъ, не оскорблять его, въ чемъ и прошу вашего честнаго слова!

— «А если я вамъ слова не дамъ?»

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— «Вы не посмѣете этого сдѣлать!»

— Князь, даю честное слово—сдѣлаю!

— «Кто далъ вамъ право?»

— Секретная инструкція, высочайше утвержденная!

— «Вы не понимаете моего оскорбленія и не можете понять».

— Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробно; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, что вы и увидите.

— «Въ чемъ же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п..... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?»

— Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!

— «Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете».

— Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, еслибъ не зналъ всего; только публикѣ неизвѣстно, что я все знаю, и не узнаютъ безъ нужды.

— «Можете вы мнѣ сказать, что вамъ извѣстно?»

— Очень охотно: малодушный хвастунъ Z. считалъ гордостью для себя похвастать интригой съ прекрасной и уважаемой дѣвушкой, передъ графомъ T.; послѣдній, какъ вполне благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и T. и вы, князь. Презрѣнно виноватъ Z. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что Z. солгалъ: ничего подобнаго не было.

— «Какъ вы можете знать и ручаться?»

— Князь, еще повторю: я жандармъ!

— «Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказать его?»

— Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но согласитесь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить—кого же?—Z.! Меня бы не удовлетворила подобная месть!

— «Чего же я могу желать или что сдѣлать, по вашему?»

— Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ,

можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— «Что же вы можете сдѣлать?»

— Все, что вы хотите!

— «Ну, а еслибъ я потребовалъ, чтобы м..... сознался, что онъ солгалъ?»

— Только-то, князь?

— «Мнѣ и этого будетъ довольно!»

— Нѣтъ, князь, я не того хочу, я обѣщаю вамъ, что онъ долженъ при васъ написать, что онъ п.... солгалъ и что если болтнетъ одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, дозволить вамъ разбить свою р....

— «Будто вы можете это сдѣлать?»

— Даю вамъ слово, но и вы дайте мнѣ честное слово, что, пока онъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— «Слово даю вамъ, но помните, въ случаѣ неудовлетворенія меня, моя ненависть обратится на васъ!»

— Согласенъ, князь, но пока будетъ секретъ.

Съ княземъ Д. мы расстались въ мирномъ настроеніи. Попелъ я къ Z., увѣдомилъ его, что князь Б. не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности—даже черезчуръ! Но зная легкомысленную и шаловливую натуру Z., спускаться съ веревочки нельзя его. Я нарисовалъ цѣлый адъ мести въ князѣ Д. и не ручаюсь за его отчаянную рѣшимость.

— «Да, я знаю, это кавказскій дикарь, у него кинжалъ всегда готовъ! Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ!»

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо съѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

Боже мой, какъ струсилъ мой губернаторъ!

— «Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома—дикарь, кинжалъ!»

— Вотъ какъ мы сдѣлаемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которымъ вы послѣ заплатите; выходить не совѣтую, сважитесь больнымъ, а еще лучше прикажите поставить себѣ дюжину пьявокъ: это сдѣлается всѣмъ извѣстно и болѣзнь будетъ прилична.

— «Охотно принимаю вашъ совѣтъ».

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постелѣ. Еще болѣе я настрадалъ его княземъ Д. По моему описанію, это былъ крокодилъ, пантера! Въ нѣсколько дней, до того деморализовалъ моего Z., что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ Z. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. Z. ужасно обрадовался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣкоторыми пожертвованіями съ его стороны. Z. соглашался на все безусловно. Я предложилъ свиданіе съ княземъ Д. вечеромъ. Z. долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично. Z. опасался, что, при свиданіи, князь пырнетъ его кинжаломъ, я показалъ ему мою саблю, отточенную какъ бритва, и свиданіе будетъ при мнѣ. Z. соглашался написать какое угодно письмо, хотя на гербовой бумагѣ, но только бы не видѣться; я требовалъ свиданія и Z. согласился на все.

Въ 9 часовъ вечера, князь одѣтъ по послѣдней модѣ во фракѣ. Z. въ халатѣ исполнялъ роль больнаго. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальни жены; я поставилъ Z. около стола со стороны и близъ дверей—на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привелъ князя Д. и поставилъ его на діаметръ противъ Z., а самъ сталъ въ срединѣ между нихъ. Оба молчатъ. Я сказалъ Z.:

— Князь желаетъ продиктовать письмо—угодно вамъ написать?

— «Охотно исполню все!»

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, процѣживая севозъ зубы:

«Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжнѣ Б., совершенно ложныя и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д., вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка Z.»

Преотвратительно писалъ Z., а тутъ стоя, въ испугѣ,—еще

хуже, и подалъ князю Д. Комическая сторона этой сцены выразилась тѣмъ: когда диктовалъ князь, то, поглядывая на меня, улыбался и подмигивая показывалъ на нишунцаго Z.,—понятно говорилъ: какой д.....! Когда же Z. передалъ письмо князю Д. и тотъ внимательно читалъ, то Z. улыбался подмигивалъ мнѣ и тоже выражалъ глазами — какой д.....! А что я думалъ, стою между ними? позвольте умолчать!

Князь Д., прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ полупоклономъ, молча ушелъ. Бѣдная страдалица-жена Z. мучилась во все время не меньше мужа. По уходѣ князя, я очутился въ роли благодѣтельнаго генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д. совершенно удовлетворился. Князь Д. объяснился съ княземъ Б. и съ ожившей для радостей невѣстой.

Мнѣ остается сказать: я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ. Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора Z. и высочайшее повелѣніе «впредь никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ Z. горько плакалъ и жаловался, что онъ не знаетъ причины, по которой лишился мѣста, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ какъ выхъзть и вывести семейство (у него была одна дочь, которая послѣ была женою брата П** и умерла, оставя красавицу дочь).

Откупщикъ Бенардаки подарилъ Z. карету. Добряки дворяне собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать Z. отъ своего имени. Уѣхалъ Z. безъ проводовъ.

Вмѣсто Z. назначенъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. Въ «Русской Старинѣ» есть посмертныя Записки его; мнѣ приходится сказать о немъ, какъ стороннему зрителю.

Послѣ графа Протасова, полковникъ Ф.... продолжалъ жить въ Симбирскѣ; дѣла ему не было, да едва ли онъ способенъ былъ на дѣло. Онъ предполагалъ что-то начать, все думалъ начать, но такъ ничего и не началъ; онъ даже не зналъ, что я дѣлаю; губерніи ему не поручали, а числился онъ при штабѣ; можетъ быть, забыли о немъ, или хотѣли забыть. За дѣл-

ствіе при графѣ Протасовѣ, я получилъ подполковника, а Ф... Владимира на шею. За что ему? Не знаю! Корпусъ жандармовъ избавился отъ него, сдѣлавъ его подольскимъ губернаторомъ, гдѣ онъ былъ—калѣфъ на часъ. Я же и былъ на его похоронахъ въ Кіевѣ. Припомнилась мнѣ дѣятельность Ф... въ Симбирскѣ. Пишетъ во мнѣ Дубельтъ и присылаетъ доносъ на меня отъ Ф..... Не хотѣлъ я и показать Ф... его глупости, да и рѣдко съ нимъ видѣлся.

Такъ было недавно, съ небольшимъ 40 лѣтъ, но, какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едвали солгу сказавъ, что никто этого не зналъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или пріѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки рассказывали: когда спросили его, когда онъ позволитъ представиться чиновникамъ?—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ безпобояться, я съ господами служащими познакомлюсь занимаясь амѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что ѣсть, о пріѣзжамъ извѣстно—богатъ, бѣденъ, свучежъ, весель, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говорить по французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался и почти не упоминалась фамилія: просто говорили—губернаторъ. Я куда-то ѣздилъ; возвратясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказано, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложеннаго бумагами, на двухъ стульяхъ—дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ на встрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное я, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темно-русые волосы приглажены по военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложения, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. При-

гласилъ сѣсть. Думаю, захочетъ знать о губерніи, объ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же и узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слышалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія. Откланявшись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность—пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ѣздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоитъ правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ спортуѣ, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я возмущенъ было общественной жизнью, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ обдѣляется съ дѣлами, то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не обдѣлался! Я рассказалъ какой-то анекдотъ, думая сорвать улыбку—рассказъ мой прошелъ мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставлялъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; всплывъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило разсказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совѣтникомъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходячій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклоняться ему, но, въ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношенія съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Мнѣ отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжій, долженъ самъ искать въ насъ; не хочетъ, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернской предводитель, князь Б., прослуживъ предводителемъ, если не ошибаюсь, лѣтъ 18, отказался: на него сильно подѣйствовала рассказанная исторія, онъ заболѣлъ отъ огорченія.

Вмѣсто князя Б., выбрали отставнаго генералъ-маіора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселонравный, часто впадалъ въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставившій меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дрогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ, или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посрединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно рассказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны. Архитекторъ не рассчиталъ, что ему придется имѣть дѣло съ Жиркевичемъ. Обычная увѣренность специалистовъ—что тамъ смыслитъ губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспылилъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мы ѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— «Ваше превосходительство, вы на дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика».

— Кого это?

— «Архитектора».

— Онъ мошенникъ, воръ.

— «Этотъ мошенникъ всетаки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать».

— Мошенникъ, воръ—не имѣетъ званія, я выгнать подлца и выгоноу всякаго вора.

— «Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!»

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиревичъ, дошло до кружнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на котораго, сказалъ: «Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернской предводитель! На основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныхъ власти; здѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!»

Замолчали оба мои пріатели и молча доѣхали до могилы. Послѣ съ обоими я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиревичъ не могъ поправиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшая ему быть губернаторомъ. Жиревичъ не могъ отдѣлиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовали.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиревичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиревича достанетъ управлять тремя губерніями, стоялъ за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлитъ съ ними удовольствія.

Хлопотавши съ Z., я потерялъ изъ вида дѣла по удѣльнымъ имѣніямъ; доходили до меня слухи о неудовольствіяхъ на удѣльное управленіе, но полагалъ—дѣло новое, еще не освоилось, не надо мѣшать, обойдется. Лишь только я хотѣлъ пощупать осторожно, чтд дѣлаетъ удѣльная контора, какъ является ко мнѣ лучший мой унтеръ-офицеръ Варакинъ, посланный мною въ уѣздъ, и рассказываетъ, «что въ татарской деревнѣ Безднѣ, удѣльныхъ чиновниковъ, съ управляющимъ NN., татары засадили въ пустую избу и заколотили—подъ арестъ. Татаръ на-

бравось множество изъ другихъ деревень, всѣ верхами, скачутъ по полю съ ножами и кистенями, бормочать по своему; я въ сосѣднемъ русскомъ селѣ дождался ночи и тихимъ манеромъ освободилъ чиновниковъ.

— За что татары арестовали удѣльныхъ?

— «Ничего не знаю».

Я къ Жиркевичу, ему только что донесъ исправникъ; явился удѣльный управляющій и говорить объ ужасномъ бунтѣ. Отъ какой причины бунтъ—покрыто мракомъ неизвѣстности. Я спросилъ Жиркевича, что онъ намѣренъ дѣлать?

— «Поѣду, прочитаю законъ».

— Татары, не понимая русскаго языка, не послушаютъ.

— «Тогда приведу войска».

— Какія?

— «Здѣшній баталіонъ».

— Въ баталіонѣ до 300 человѣкъ, но не наберется здоровыхъ и 100 человѣкъ, остальные калѣки, а ружей кой-какъ годныхъ, съ замками, не найдется и 50-ти, что же вы можете съ этой арміей?

— «Исполню законъ».

— Но вы знаете, что это не только бесполезно, но вредно тѣмъ, что татары разъ испытаютъ бессиліе воинской команды, тогда нужна противъ нихъ армія, вѣдь татаръ 40 тысячъ!

— «Что же дѣлать, я долженъ исполнить законъ».

Въ этихъ словахъ выразился весь Жиркевичъ.

Сознавая вредъ отъ буквального исполненія закона, я, у него же въ кабинетѣ, написалъ къ нему конфиденціальное письмо, въ которомъ, изложивъ бессиліе его дѣйствовать противъ взбунтовавшихся татаръ—исполняя буквально статьи закона, и могущій произойти отъ того вредъ, то, въ отвращеніе вредныхъ послѣдствій, я, на основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, останавливаю ея дѣйствія по этому дѣлу и принимаю на свою отвѣтственность. Подальъ Жиркевичу, онъ прочиталъ внимательно два раза, спросилъ:

— «Вы не возьмете назадъ?»

— Нѣтъ.

— «Что заставляетъ васъ соваться въ такое рискованное дѣло и брать добровольно на свою отвѣтственность?»

— Безполезность вашихъ дѣйствій и польза отъ моей удачи, вѣдь я русскій человекъ!

Жиряевичъ обнялъ меня и сказалъ:

— «Вы честный и благородный дуракъ!»

— Спасибо.

— «На вашемъ мѣстѣ, я бы не взялъ на себя, а вамъ дай Богъ успѣха!»

Татары въ Симбирской губерніи называются лашманы. Это названіе первоначально было, вѣроятно, жоцманъ.

Въ Симбирской губерніи, если не ошибаюсь, находится до 270-ти тысячъ десятинъ удивительнаго корабельнаго дубоваго лѣса, есть сосновыя рощи мачтовыхъ деревъ. Петръ I-й возложилъ на татаръ, по требованію адмиралтейства, нарубить и вывезти на пристань дубы по указанію разныхъ тимермановъ; за это татары-лашманы избавлялись отъ податей и отъ рекрутства. Татарамъ, какъ я узналъ, повинность эта обходилась очень дорого, но азіаты гордились отличіемъ особой привилегіи отъ христіанъ и охотно исполняли хотя и тяжелую повинность.

Съ переводомъ казенныхъ крестьянъ въ удѣльные, о татарахъ-лашманахъ не было и рѣчи; татары оставались прежними лашманами. Пока я хлопоталъ съ Z., потомъ женился, удѣльная контора въ тихомолку, стала забирать лашманъ въ свое завѣдываніе, стала предписывать волостямъ. Пока шло дѣло о мелочахъ, татары молчали. Контора неразумно коснулась религиозныхъ правъ татаръ, предписала запретить многоженство. Татары зашумѣли. Удѣльная контора не остановилась, вѣдумала учредить общественную запашку. Татарамъ показалось, что этимъ равняютъ ихъ съ христіанами, лишаютъ привилегій и дѣлаютъ удѣльными. Приѣхали удѣльные чиновники въ большое татарское село Бездну и хотѣли ввести общественную запашку. татары осатанѣли. Азіаты на коней, кинжалы, кистени, съ гибкомъ загнули чиновниковъ въ пустую избу и заколотили. Какъ сказано, жандармскій унтеръ-офицеръ, ѣхавшій случайно мимо, умно освободилъ. Исправникъ доглядывалъ, что въ татарамъ и показаться опасно, такъ они взбѣсились.

Чтобы не дать вида и тѣни физической силы, я взялъ съ собою жандарма безъ оружія, татарина Абрешитку, не виднаго собою, но ловкаго и преданнаго. Приѣхалъ въ Бездну вечеромъ.

Абрешитва секретно предувѣдомилъ муллу, что я буду у него ночью и чтобы онъ тайно пригласилъ къ себѣ богатыхъ татаръ. Абрешитва имѣлъ инструкцію—увѣрить татаръ и болѣе муллу, что я пріѣхалъ спасать ихъ отъ страшной бѣды. Около полночи Абрешитва провелъ меня завулками, огородами, къ муллѣ; тамъ я нашелъ человѣкъ девять главныхъ капиталистовъ.

Азіаты—страшно честолюбивый народъ; я вмѣстѣ съ ними пилъ чай, которымъ потчивалъ мулла. Между разговорами, я увѣрилъ ихъ, что мнѣ извѣстно—вся сила народа въ ихъ рукахъ, что народъ, какъ стадо овецъ, повинуется ихъ разуму и слѣдъ ихъ капитала. Они сказали мнѣ, что въ Бездну собралось до 8-ми тысячъ татаръ. Я сказалъ имъ мудрую и краснорѣчивую рѣчь, въ которой выяснилъ: положимъ, они могутъ не повиноваться удѣльнымъ, даже губернатору, но они знаютъ, что я особый слуга государя, могу потребовать сто тысячъ солдатъ: что тогда будетъ съ ними? Прежде силы, я, любя ихъ и желая имъ добра, нарочно пріѣхалъ тайно переговорить съ ними и вразумить, что вся бѣда оборвется на нихъ, потому что простой народъ повинуется имъ, какъ мурзамъ, князьямъ. Нарисовалъ имъ спокойный и довольный видъ настоящаго и—сылка въ Сибирь, въ каторгу, а способные—въ солдаты, тогда лишатся своихъ милыхъ красавицъ-женъ и дѣтей, своего капитала; но это случится тогда, когда они, своимъ неповиновеніемъ, лишатъ меня силы помогать имъ. Тутъ они сказали мнѣ, что удѣльные лишаютъ ихъ вѣры Магомета. Я поручился имъ своимъ словомъ, что уничтожу такія распоряженія. Боились они, что какъ повертятся, то ихъ заберутъ въ тюрьму. Я объявилъ имъ, что если покорятся мнѣ, то у нихъ не будетъ никакого начальника—кромѣ меня, а я даю слово, что безъ меня до нихъ никто не дотронется пальцемъ, а передъ государемъ я буду ходатайствовать за нихъ. Вижу, подѣйствовало мое краснорѣчіе. Я еще усилилъ настоящій рай и будущій адъ, а главное—ударялъ на лишеніе женъ. На вопросъ ихъ: чего же ты хочешь, бачка?—Чтобы вы приказали народу покориться.

— Теперь ночь, бачка, ничего не подѣлаешь.

— Я завтра нарочно буду долго спать, то вы успѣете переговорить. Я прикажу сотскимъ собрать весь народъ на полѣ,

вы станете омоло меня, и когда я прикажу стать на колѣни, то вы первые становитесь, а далѣе увидишь.

Татары спросили: а удѣльнѣхъ придутъ?

Я увѣрилъ ихъ, что пока они будутъ покорны мнѣ, то одинъ я буду ихъ начальникомъ и до повелѣнія государя другаго начальника не будетъ. Мы еще разсуждали, но надобно было быть очень осторожными съ подозрительными азѣтами, одно сомнительное слово могло испортить дѣло.

Утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собрать весь народъ на полѣ; жандармъ устроилъ небольшой столъ и стулъ, чтобы влѣзть мнѣ. Самъ я былъ въ сюртукѣ съ эполетами, въ шарфѣ, шляпѣ, но безъ сабли. Абрешитинъ держалъ мою пинцель. Весенній день былъ очень хорошъ. Когда я влѣзъ на столъ, то, дѣйствительно, была огромная масса ермолокъ. Омоло самого стола стояли мои богачи. Я говорилъ, можетъ быть, гениально, но толпа ни слова не понимала. Вдругъ толпа забормогала, зашумѣла. Я крикнулъ: молчать! и потребовалъ поворности. Толпа сердито бормочетъ, я будто зажалъ свои уши и крикнулъ: молчать! Затихло. Я громко, съ разстановкой и, должно быть, торжественно (безъ смѣха не могу вспомнить) сказалъ: еще одно слово и я лишу васъ моего покровительства! Эти грозныя слова ошеломили толпу. Видя вліяніе, я закричалъ: на колѣни! Стояшіе тузы омоло стола стали на колѣни, толпа, одни за другими, всѣ на колѣняхъ. Я подумалъ: наша взяла, еще потребую: голову на землю, и я вашъ покровитель! (сильно сказано). Всѣ ермолки легли на землю. Этотъ моментъ нравственной силы и побѣды забыть нельзя. Я помню, можетъ, 20 секундъ посматрѣлъ на эту картину и промелькнули въ головѣ Чингизъ-ханы, Тамерзаны. Приказалъ встать и милостиво объявилъ, что, за ихъ покорность, я одинъ ихъ начальнигъ и больше никого нѣтъ. Обрадовались, кричатъ: исправника не будетъ? удѣльныхъ не будетъ?—Никого не будетъ, только я.—Ладно, бачка, ты нашъ, а мы твои, прикажи, не выдадимъ.—Такъ какъ вы отдаетесь подъ мою власть, то намъ нужны условія, по которымъ вы должны повиноваться, а потому выберите депутатовъ, съ которыми я и напишу условія.—Выбрали депутатовъ и изъ сосѣднихъ деревень. Я развернулъ X-й томъ законовъ и выписалъ земскія обязанности; согласились, подписалъ я и депутаты приложили тамгу. Я

объявлялъ въсьюльно сосѣднихъ татарскихъ деревень, принять былъ съ почетомъ, какъ владѣтельный князь. Когда я возвратился въ Бездну, какъ въ свою резиденцію, мнѣ объявили почетные старики, что они подали за меня большой записка до Магаметъ и что я буду счастлива. Ничего не понимая, и усердно благодарилъ ихъ и сказалъ, что я былъ бы доволенъ и малой запиской. Они удивились моему невѣжеству и растолковали, что, по малой запискѣ, я пошелъ бы тоже въ рай, но сюда, а по большой запискѣ пойду впереди. Я опять, какъ невѣжа, не пошелъ. По моему, быть въ рай первому или послѣдному—все равно. Этому непонятію татары еще болѣе удивились и внижительно объяснили мнѣ: послѣдному достанутся изъ гурій обершны, тогда какъ первый выберетъ лучшенѣхъ, и причмокнули.

Вотъ она, въ лицахъ матеріальная Азія! Принявъ прекрасный даръ татаръ, я преусердно благодарилъ моихъ новыхъ друзей. Но такъ какъ у меня много важныхъ дѣлъ, то я долженъ уѣхать въ Симбирскъ, а чтобы никто не обидѣлъ ихъ, то я пришлю къ нимъ моего адъютанта, черезъ котораго и буду присылать мои приказанія; но и этого мало: для моего спокойствія, чтобы хотя разъ въ недѣлю присылали ко мнѣ посланниковъ, отъ которыхъ я и буду знать, все ли у нихъ благополучно. Титулъ посланника очень понравился честолюбивымъ азіатамъ.

Возвратясь въ Симбирскъ, я немедленно видѣлся съ Жиркевичемъ и рассказалъ ему комично фарсъ на полѣ и успѣхъ—но подготовку скрылъ. Жиркевичъ, слушая, только покачивалъ головою и сказалъ:

— «Вы поступили какъ сумасшедшій, но успѣхъ оправдываетъ все. Поздравляю васъ. Видно, вы родились въ сорочкѣ».

Мы уговорились, чтобы безъ моего билета никакой чиновникъ не заглянулъ къ татарамъ.

Я хотѣлъ послать къ шефу по почтѣ, но узналъ, что NN. два дня уже ускакалъ въ Питеръ. Боясь, что онъ обезпокоитъ государя своими разсказами, въ Питерѣ могутъ принять серьезно, вѣдь Симбирскъ знакомъ съ Пугачевымъ, губернія, въ которой никогда не квартировало войско, да мало ли что можно подуматъ слушая такого храбреца, какъ NN., которому выгодно было до крайности раздуть бунтъ для оправданія себя. Принявъ все въ соображеніе, я послалъ жандарма курьеромъ,

съ подробнымъ донесеніемъ, въ которомъ изложилъ причины волненія, его размѣры и мѣры для его утишенія, мнѣ принятыя.

Пока ѣздили курьеры, я важно принималъ посланниковъ. Чтобы быть въ глазахъ татаръ почтеннымъ, я сшилъ себѣ халатъ такихъ яркихъ цвѣтовъ, что глазамъ было больно. Докладываютъ: посланники пріѣхали. Для меня выносили кресло, а для посланниковъ стулья. Облекившись въ халатъ, я важно усаживался на крыльцѣ, а посланники на дворѣ. Послѣ докладовъ о благополучіи, шли разсужденія о внутренней политикѣ. Я боялся какихъ нибудь происшествій, требующихъ слѣдствія, моя политика была: я—власть и нѣтъ другой власти. Татаринъ укралъ у татарина деньги и сѣдо, произошла драка, вору вышибли глазъ. Резолюція: ворованное сполна возратить и, по приговору выбранныхъ судей, на общемъ сходѣ и при обиженномъ, вера высѣчь строго. Пока я былъ властитель, я установилъ въ каждой деревнѣ американскій линчъ, но съ моимъ утвержденіемъ, и шло хорошо. По окончаніи всѣхъ дѣлъ, посланники угощались чаемъ. Важно отълавливаясь, отправлялись въ свои села довольными, а тамъ разсказовъ—на недѣлю.

Вечеромъ является курьеръ съ конвертомъ, мнѣ предписаніе: быть въ распоряженіи генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго.

Въ полной формѣ явился немедля князю. Князь принялъ меня очень сухо, даже не всталъ, не поздоровался и не пригласилъ сѣсть.

— «Что у васъ тутъ за безпорядки?»

— Какіе, ваше сіятельство?

— По какой причинѣ ваши татары бунтуютъ?»

— Татары не мои, не бунтуютъ; о причинѣ ослушанія могутъ объяснить удѣльные, а мнѣ неизвѣстна.

Пріемъ князя очень оскорбилъ меня, притомъ же я хорошо зналъ себѣ цѣну: безъ меня некому было дѣлать. Я рѣшился проучить питерскаго вельможу. Спросилъ еще что-то князь, я, вмѣсто отвѣта, просилъ позволенія удалиться—чувствую пароксизмъ лихорадки, и уѣхалъ.

На другой день, князь рано былъ у Жиркевича; послѣ я узналъ, что Жиркевичъ сказалъ князю: безъ жандарм-

слага штабъ-оффера трудно что нибудь сдѣлать, все дѣло у него въ рукахъ. Князь подѣхалъ къ моему дому; я выслалъ адъютанта доложить, что я болѣнъ и принять не могу, а самъ стою у окна и князь не могъ не видать меня. Князь присылаетъ сказать, что онъ—на нѣсколько минутъ. Отвѣчаю, что лежу въ постелѣ. Князь желаетъ сказать нѣсколько словъ у постели.—Скажите, что я лежу на кровати жены, не могу принять.—Долго стоялъ князь у воротъ; я утѣшался: хотъ немного отплатилъ гордцу, еще поклонится. Наконецъ, князь просилъ передать, что онъ имѣетъ крайнюю нужду говорить со мною, чтобы я пріѣхалъ, какъ могу.

Жирновичъ, отдавая визитъ князю, выслушавъ его рассказы о нежеланіи моемъ видѣться, сказалъ:

— «Мы, провинціалы, очень щекотливы, не обидѣлся ли онъ чѣмъ нибудь?» и повторилъ, что безъ меня не съ кѣмъ дѣлать. Объ этомъ узналъ я послѣ.

Между прочимъ, я узналъ, что князь пріѣхалъ въ дормезѣ съ NN., что мнѣ очень не нравилось. Вечеромъ явился къ князю. Приемъ другой: встрѣтилъ, подаль руку и подвинулъ кресло. Послѣ участія къ моему нездоровью, начался разговоръ о бунтѣ татаръ:

— «Объясните пожалуйста мнѣ это происшествіе?»

— Татары арестовали удѣльныхъ чиновниковъ и отказались повиноваться властямъ; узнавъ ожесточеніе татаръ и зная ничтожныя средства губернатора, я рѣшился дѣйствовать лично и оставилъ законныя дѣйствія губернатора.

— «Въ какомъ положеніи теперь бунтъ татаръ?»

— Татары смирились на условіи, чтобы не подчиняться удѣльнымъ.

— «И вы приняли эти условія?»

— Я бы принялъ все, лишь бы укротить озлившіхся татаръ, вѣдь ихъ до сорока тысячъ въ губерніи.

— «Вы должны были подчинить татаръ прямому ихъ начальству—удѣльнымъ!»

— Это я предоставляю вашему сіятельству, я не умѣлъ этого сдѣлать.

— «Удѣльное начальство требовало законнаго, они ослушались, то нужно сломить ихъ!»

— Первый раз слышу, что ламиманы назначены удельными. Я исполнял волю государя и переводил казенных крестьянъ въ удѣль. О татарахъ-лаиманахъ не было слова, они пользуются особою привилегіею и остались ламиманами. По какому праву удѣльные вмѣшались къ татарамъ? Никто этого не знаетъ, это наглое самоволіе. Сломить татаръ—нѣтъ волеи въ губерніи.

— «Государю это угодно!»

— Надобно объявить формально, законнымъ порядкомъ. Ламиманы пользуются законною привилегіею и несутъ весьма тяжелыя обязанности.

— «Я нахожу дѣйствія удѣльныхъ совершенно правильными».

Меня опять взбѣсила такая пристрастная односторонность, я опять почувствовалъ паровозикъ, прекратилъ разговоръ и отклялся.

Князь послалъ черезъ удѣльныхъ призвать нѣсколькихъ татаръ. Не послушались, а пріѣхали ко мнѣ; я послалъ ихъ съ адъютантомъ къ князю и приказалъ доложить, что это тѣ люди, которыхъ онъ требовалъ черезъ удѣльныхъ.

Князь нѣсколько разъ въ день приглашалъ меня къ себѣ—болѣны! Думаю, поклонись мнѣ. Когда я видѣлся съ Жиревичемъ, онъ дружески совѣтовалъ мнѣ поладить съ княземъ. Былъ я у князя: очень, весьма ласковъ, просилъ меня составить планъ, какъ приступить къ дѣлу. Я, ссылаясь на болѣзнь, совѣтовалъ дѣйствовать чрезъ начальство татаръ—удѣльныхъ; князь поморщился, я указалъ на жандармскаго полковника Ф...., живущаго въ Симбирскѣ безъ дѣла, но Жиревичъ предупредилъ князя; князь засмѣялся и сказалъ: «мнѣ сказано пользоваться моею помощію». По моему, князь спустилъ флагъ. Я спросилъ: чего вамъ угодно достигнуть?—«Чтобы татары сдѣлали общественную запашку».—На что планы, планы на мѣстѣ дѣйствія. Попробую устроить это, но съ условіемъ, чтобы теперь пока не мѣшались удѣльные. Есть ближайшая небольшая татарская деревня, я сегодня же отправлюсь туда и, если устрою, то дамъ вамъ знать. Отъ перваго успѣха или неуспѣха будетъ зависеть все дѣло.

Пріѣхалъ къ татарамъ; опять принялся я за краснорѣчіе и людямъ побогаче нарисовалъ картину страшныхъ лишеній—при

ослушаніи и сповойнаго доволяства съ женами—при поворности, и болѣе убѣдилъ тѣмъ, что я сдѣлаю ихъ начальниками, а работать будутъ простые татары, которые примки повиноваться имъ, какъ мирзамъ. Цѣль съ ними чай; они вѣрили, что я ихъ другъ и стою за нихъ. Князя и власть его представилъ могуществомъ отъ земли до неба. Согласились, но болтали съ ними до полночи.

Немедля послалъ жандарма въ князю и просилъ его пріѣхать до полдня, чтобы въ тотъ же день окончить зашапу.

Утромъ собрались татары съ сохами, боровами и съ лукошками черезъ плечо съ зерномъ для посѣва. Ловко настрацалъ княземъ; татары говорили, что они надѣются на мою защиту, не то—лучше бѣжать. Научилъ рабочихъ стать на колѣни около орудій, а какъ подѣдетъ князь, то поклониться въ землю, а подойдетъ, то говорить: помилуйте, ваше сіятельство!

Вижу, далеко по степи несется князь въ коляскѣ шестерней; ближе—вижу съ нимъ сидитъ NN....., меня такъ и передернуло. Я полагаю, что князь, по моей просьбѣ, проститъ татаръ и на этой радости скорѣй отправится парадомъ самъ на поле, чтобы при себѣ сдѣлать какъ нибудь посѣвъ.

Встрѣча князя была какъ по писанному; татары просили: помилуй, ваше сіятельство! я кланялся и просилъ за татаръ; князь, улыбаясь неожиданному фарсу, простилъ татаръ. Но, вмѣсто того, чтобы при себѣ сдѣлать зашапу, князь приказалъ NN..... распорядиться. Я внутренно бѣсился и жалѣлъ, зачѣмъ я поѣхалъ.

NN....., въ мундирѣ, съ пшажонкой, суетливо и радостно повелъ рабочихъ, мы съ княземъ ушли въ домъ. Я сердился и почти не отвѣчалъ князю. Немного погодя, мой Абрешитка подмигнулъ мнѣ, я вышелъ; онъ доложилъ, что всѣ рабочіе, съ явнымъ недовольствомъ, даже съ руганью, разошлись по домамъ. Я не сказалъ князю, но, подъ видомъ духоты, предложилъ прогуляться. Только вышли за ворота, смотрю и едва вѣрю глазамъ: около недалекой мечети, татаринъ сидитъ верхомъ на бѣлой лошади, съ сохою на боку; по правую сторону уцѣпился за поводъ узды NN..... и танецъ лошадь направо, а татаринъ спокойно дергаетъ лѣвый поводъ; лошадь, слушая хозяина, рысцою бѣгаетъ кругомъ мечети; NN....., придерживая нутающуюся пшажонку, въ припрыжку бѣжитъ наравнѣ съ лошадью. Я едва не

расхохотался, но, замѣтивъ, что князь близорукъ, я притворился, что не могу разсмотрѣть какого-то движенія около мечети. Князь въ лорнетъ разсмотрѣлъ, хохоталъ и сказалъ: «вотъ глупѣйшій скандалъ! Прикажите NN..... придти сюда!»

NN....., едва перевода духъ, могъ только сказать: «татары разбѣжались».

Князь сердито сказалъ: «кромѣ одного на бѣлой лошади. Князь обратился ко мнѣ: «что теперь дѣлать?»

— Ничего. Заставить ихъ нельзя. Развѣ NN..... можетъ, а я не могу.

— «Но, однако, что же дѣлать далѣе?»

— Дѣло испорчено, а было направлено хорошо; теперь, чтѣ вы прикажете дѣлать?»

Князь подалъ мнѣ руку и сказалъ: «ошибка моя, я полагаю болѣе способности въ NN.....; я долженъ былъ пожить на вашу опытность».

— Ваше сѣятельство, неопытность—не преступленіе, о г. NN..... узнаете, что онъ настоящая причина ослушанія этихъ бѣдныхъ людей (статскій совѣтникъ хоть бы слово).

— «Охотно вамъ вѣрю, я видѣлъ опытъ его неловкости».

— Еще повторю, неловкость—не преступленіе, узнаете со временемъ.

— «Я не спорю съ вами, но что намъ дѣлать далѣе?»

Я подумалъ: ага, просишь прощенья и по-дѣломъ тебѣ, ну-ка, придумай самъ, чтѣ тебѣ дѣлать.—Поѣдѣте далѣе, въ шести верстахъ село Бездна, это главная квартира бунта, тамъ и были арестованы удѣльные. За успѣхъ не ручаюсь, но желалъ бы поменьше показывать удѣльныхъ.

— «Мы прикажемъ пріѣхать имъ ночью и вовсе не выходить изъ дома».

Пріѣхали въ Бездну, народу полны улицы; остановились въ домѣ богатаго татарина, огромный крытый дворъ полонъ народа. Князь вышелъ на заднюю галлерею и сказалъ, что его прислалъ государь съ повелѣніемъ, чтобы они повиновались.

Загадѣли татары всѣ вдругъ. Абрешитка перевелъ, что сердятся и не хотятъ повиноваться. Князь приказалъ мнѣ переписать всѣхъ имена и фамиліи. Я пошелъ въ средину толпы; знакомые татары смѣются и говорятъ: здравствуй, бачка, какъ жи-

вещи? Кого ни спрошу, какъ зовутъ—либо молчить, либо отвѣтъ: не знаю. Я доложилъ князю.

— «Что же теперь дѣлать?»

— Подождите до завтра, а что нибудь сдѣлаю ночью.

Моимъ пріятелямъ-татарамъ приказалъ прислать: курь, яицъ, утокъ, масла, все принесли; взялся изготовить лакей князя. Послѣ чая, я ушелъ къ муллѣ, тамъ собрались мои друзья. Не буду передавать долгихъ толковъ, трудно было смягчить отвращеніе ихъ къ удѣльнымъ. Успокоивалъ ихъ тѣмъ только, что я остаюсь защитникомъ ихъ и что я ихъ другъ. Кончилось тѣмъ, что мнѣ удалась опять штука: я обѣщалъ назначить ихъ—кого старшиной, кого ревизоромъ, распорядителемъ, надзирателемъ и проч., составилъ огромный штатъ честолюбивыхъ татаръ, поманилъ могущими быть медалями. Согласились, но просили побить ихъ при народѣ, потому что весь народъ присягалъ не слушаться. Ну, за наказаніемъ дѣло не станетъ.

Съ вечера послалъ нарочнаго въ Симбирскъ съ приказаніемъ прислать на подводахъ 40 солдатъ съ боевыми зарядами, солдатъ назначить изъ поляковъ—это были отличные молодцы-мародеры. Приказалъ быть 10-ти жандармамъ безъ коней.

Пріѣхали команды. Татаръ собралось очень много. Я, будто случайно, взялъ изъ толпы согласившихся со мною ночью, назначилъ имъ должности. Первый—старшина—отказался повиноваться. Я крикнулъ: фухтеля! Два жандарма обнаженными саблями весьма неосторожно ударили разъ пять, упалъ на колѣни побитый; слѣдующимъ по два фухтеля, покорились и говорили толпѣ со слезами въ свое оправданіе. Ружья заряжены при толпѣ (выстрѣлили-ли бы? не ручаюсь). Каждому битому чиновнику далъ по два солдата и, на отвѣтъ чиновника, приказалъ привезти сохи, бороны, сѣяльницы. Черезъ Абрешитеву объявилъ толпѣ, что за ослушаніе не только буду стрѣлять, но сожгу ихъ дома съ женами.

Привели рабочихъ болѣе, чѣмъ нужно. Объявилъ всѣмъ, что если не проститъ князь, то всѣ сгніютъ въ тюрьмахъ. Приказалъ жандармамъ поставить всѣхъ на колѣни, а муллѣ приказалъ читать молитвы, чтобы князь простилъ.

Прихожу къ князю—онъ приготовился къ катастрофѣ: пистолеты заряжены, шапка, сабля острия, вынуты изъ ноженъ.

Князю сказали о прибытіи командъ, но онъ, проученный уже, не мѣшалъ мнѣ, да и не зналъ, что я дѣлаю. Я пригласилъ князя прощать, и условился—не прощать, пока я не поручусь. Попросилъ его надѣть звѣзды.

Подопелъ князь: «на караулъ!» Барабанишки съ дробн сблизя на генераль-маршъ. Я просилъ простить татаръ, князь гнѣвался; я просилъ, просили татары. Князь объявилъ, что онъ не можетъ вѣрить ослушникамъ и спросилъ меня, могу ли я поручиться за нихъ? Я спросилъ татаръ, не выдадутъ ли они меня?

— «Ручись, бачва, не выдамъ».

Князь простилъ, я представилъ мною испеченный штабъ чиновниковъ. Князь утвердилъ. Тутъ же, съ мѣста, отправились парадно на поле, сдѣлали нигуда негодную запашку. Богатырь татаръ спросилъ: что лучше—въ тюрьму или наказаніе розгами? Тѣ, переговоривъ съ массою, въ одинъ голосъ отвѣчали: розгами! Близко былъ исправникъ, приказалъ ему дать всѣмъ по 100 розогъ, но за то князь далъ слово татаръ болѣе не трогать, и татары счастливы и совершенно успокоились.

Я просилъ князя ночевать, чтобы узнали татары во всѣхъ деревняхъ. Князь много благодарилъ меня, завидовалъ моему характеру, что изъ серьезнаго дѣла я умѣю сдѣлать фарсъ. Я вышелъ на первый планъ, а NN..... ступшевался.

Пробѣжали мы всѣ уѣзды, были во всѣхъ татарскихъ деревняхъ, продѣлали фарсъ легче, чѣмъ въ Безднѣ. Всѣмъ татарамъ, для спокойствія ихъ, я назначилъ по 100 розогъ, съ тѣмъ, что не пойдутъ въ тюрьму, а исправники, исполняя наказаніе, взяли по полтиннику, о чемъ я узналъ послѣ. Въ Курмышѣ я такъ напугалъ княземъ старика Ахуна (глава магометанскаго духовенства), что мы боялись, чтобы онъ не умеръ.

Осматривали по пути корабельные лѣса, ничего подобнаго и видѣть нельзя: дубы—2, 3 аршина въ діаметрѣ, стоятъ густо, сплошь. Одинъ дубъ, подъ названіемъ матка, былъ около 4-хъ аршинъ діаметра. Дубъ, упавшій отъ старости, пестухи выжили больше половины, въ эту арку я прошелъ въ султанѣ и не задѣлъ. Лашманы, чтобы вывести дубъ на пристань, въ особые для того сани запрягаютъ до 150 лошадей. Двинуть съ мѣста мало 200 человекъ и бьются не одинъ день. Я видѣлъ новый двухэтажный амбаръ: дубъ направился на амбаръ и стеръ его,

перешедши черезъ. 270 тысячъ десятинъ такого лѣса Перовскій хотѣлъ приобрести въ удѣль, лишивъ флотъ. Лѣсъ стоилъ много маленькаго государства, но пока я былъ въ Симбирскѣ—отстаивалъ, а Перовскій—гнѣвался.

Возвратясь въ Симбирскъ, я сдѣлался неразлучнымъ съ княземъ; ему хотѣлось доискаться причины бунта татаръ.

. Я попросилъ своихъ друзей-татаръ найти мнѣ хотя одинъ приказъ въ волости отъ удѣльной конторы, о запрещеніи татарамъ имѣть болѣе одной жены. Я зналъ, что NN..... отобралъ и уничтожилъ всѣ приказы. Ночью привезли мнѣ единственный экземпляръ приказа, сохраненный писаремъ на границѣ Казанской губерніи. Я настаивалъ на существованіи распоряженія

. я подалъ князю приказъ, подписанный NN....., съ печатью конторы. Боже мой, какъ разсвирѣпѣлъ мой честный князь.

Мнѣ пріятно вспомнить, что Иванъ Степановичъ Жиркевичъ, принимая искреннее участіе, очень былъ доволенъ моими успѣхами, а подготовка, всетаки, осталась въ секретѣ¹⁾. Всѣ удивлялись успѣху, видя только наружную сторону дѣла.

Князь Лобановъ-Ростовскій былъ очень красивый мужчина, очень статный, отъ 40-ка до 45-ти лѣтъ, справедливъ и храбръ какъ шпага. Если не ошибаюсь, онъ началъ службу адъютантомъ при князѣ Волконскомъ,—вотъ отчего онъ, можетъ быть, безсознательно, заступался за удѣль, но послѣ я узналъ—вся продѣлка отъ Льва Перовскаго черезъ князя Волконскаго. Перовскій былъ вице-президентомъ удѣловъ.

Еще при объѣздѣ татаръ, князь посылалъ курьеровъ, а изъ Симбирска—то и дѣло летѣли курьеры; князь писалъ государю на оторванной страничкѣ маленькой почтовой бумаги и всегда вдоль бумаги и по французски, непременно дѣлалъ помарки: up и upe, такъ и посылалъ съ помарками. Моя обязанность была печатать и пломбировать сумку жандарма. Я совѣтовалъ переписи

¹⁾ См. отзывъ И. С. Жиркевича о дѣятельности составителя этихъ «Очерковъ и разсказовъ» при усмиреніи волненія лашманъ-татаръ, «Русская Старина» над. 1878 г., томъ XXIII, «Записки Жиркевича», стр. 41—43. Ред.

сать помарки, онъ отвѣчалъ: «Государь требуетъ отъ насъ дѣла, а не формы» ...

Проводилъ я князя до границы губерніи и не дала мнѣ судьба повидаться съ нимъ; былъ я въ перепискѣ съ княземъ, хотя рѣдко.

Пока я хлопоталъ съ лашманами, неудовольствіе росло противъ Жиркевича. Одинъ Жиркевичъ не замѣчалъ того и это потому, что онъ не сознавалъ своей вины (?) въ обществу, онъ не могъ быть другимъ, какимъ онъ былъ. Я продолжалъ писать, воздавая хвалу честному его трудолюбію, безукоризненной нравственности, высокимъ служебнымъ достоинствамъ, но вреднымъ (!??) для Симбирска. Любить Жиркевича трудно, но не уважать нельзя.

Получено извѣстіе, что государь Николай Павловичъ посѣтитъ Симбирскъ. Не описывать же мнѣ, какъ готовился городъ къ пріѣзду государя: суета, хлопоты, бѣлять, метуть—всегда и вездѣ одинъ порядокъ. Развѣ расскажу весьма важный случай удивительной находчивости частнаго пристава. Въ Симбирскѣ жили двѣ старыя дѣвицы, сестры Ивана Ивановича Дмитриева, поэта и министра. Къ этимъ старухамъ и приступа не было ни полиціи; на всякое требованіе полиціи—одинъ отвѣтъ: «да ты, батюшка, никакъ съ ума сошелъ, развѣ не знаешь, что у меня братъ министр!» Полиція ретировалась. Деревянный домъ на Покровской улицѣ, чуть ли не ровесникъ Симбирску, дѣствительно существовалъ со своего созданія; улица—одна изъ главныхъ, на пути проѣзда государя, полиція претендовала поблѣнить домъ. Частный приставъ лично предъявилъ требованіе и встрѣтилъ неопровержимый аргументъ: «мой братъ министр». Частный приставъ хотя и былъ ошеломленъ, но важность обстоятельствъ выжала его находчивость; онъ, подумавши, отвѣчалъ:

— «Оно, конечно, у васъ братецъ министръ, я и уважаю, но и у меня дяденька царь Соломонъ, а потому поблѣнить извольте».

Этимъ доводомъ такъ озадачились старухи, что покорились и выблѣнили домъ.

Коснувшись почтенныхъ старухъ, сознаюсь въ своемъ шутовствѣ. У этихъ старушекъ-дѣвицъ воспитывалось по племянницѣ, дѣвицы прехорошенькія и уже въ возрастѣ невѣсты. Ста-

рухи страстно любили своихъ красавицъ, не надышатся на нихъ, утѣха остальныхъ дней старухъ, жизнь которыхъ была связана съ красивою юностью; о замужствѣ племянницъ не могло быть и въ помышленіи, дѣвицы жили въ очарованныхъ замкахъ, знакомыхъ старухи не имѣли, потому что братъ—министръ. Въ нашемъ маловѣрующемъ и развратномъ вѣкѣ побѣждаютъ и Черномора и Бабу-Ягу. Приѣхали въ отпускъ два гусара (охъ, эти гусары!); говорятъ, будто дѣвицы и не видали гусаръ, а племянницы ушли отъ милыхъ и дорогихъ тетенокъ съ незнакомыми, ушли въ одинъ претемный вечеръ. Объяснить этотъ непонятный казусъ для всѣхъ была задача, но я легко и здраво разрѣшилъ колдовствомъ. Хотя я зналъ гдѣ вѣнчались гусары, но когда сестрицы министра потребовали поймать преступныхъ гусаръ, я разсвирѣпѣлъ. Да, помилюте: я начальникъ нравственной полиціи и въ моемъ присутствіи смѣютъ совершаться такіе скандалы. Я немедленно раздѣлил команду на два отряда и на попонкахъ послалъ по двумъ дорогамъ (шагомъ, вмѣсто проѣздки), съ приказаніемъ привести живыхъ или мертвыхъ—вотъ какъ строго! А колдуны-то вѣнчались возлѣ дома, въ церкви Покрова. Что дѣлать, сплутовалъ и признаюсь. Сестры министра, въ справедливомъ гнѣвѣ, отказали въ наслѣдствѣ преступнымъ племянницамъ и не пускали на глаза, грозно сердились цѣлую недѣлю. Съ шалунами-гусарами совершилась метаморфоза: шалуны превратились въ благородныхъ, добрыхъ помѣщиковъ и въ уважаемыхъ членовъ общества.

За три дня до приѣзда государя, народъ изъ далекихъ деревень: татары, чуваша, мордва, русскіе, на четыре версты отъ Симбирска заняли почтовую дорогу по обѣимъ сторонамъ, тутъ и ночевали.

Государь приѣхалъ передъ сумерками, занялъ домъ губернатора. Съ приѣздомъ государя, весь народъ города и съ дороги наполнилъ большую площадь передъ домомъ губернатора и около собора. Жандармы, полиція были спрятаны въ сосѣднихъ домахъ, но тишина и благонравіе толпы были образцовыя во все время. На другой день утромъ назначенъ приемъ.

Вотъ память мнѣ измѣнила—въ день приѣзда государя или передъ тѣмъ, полученъ указъ объ увольненіи Жиркевича? Не помню. О себѣ скажу, что я усердно готовился и хотѣлъ быть

умнымъ, голову свою наполнилъ статистикою губерніи до точности, чуть ли я ни могъ отвѣчать, сколько въ губерніи таракановъ; пути сообщенія, торговля, промыслы—все какъ на ладони. Но вышло, что я оказался вотъ увидите. Я знаю, что мой шефъ, гр. Бенкендорфъ, не щеголялъ памятью; въ мое время въ Питерѣ, дѣлая визитъ французскому посланнику и не имѣя съ собою карточки, приказалъ швейцару записать, а на вопросъ: какъ прикажете?—графъ забылъ свою фамилію, да уже графъ Орловъ ѣхавши крикнулъ: Бенкендорфъ! Графъ поскорѣй вернулся, твердя свою фамилію, и записался. Для представленія я написалъ записочку своей фамиліи и адъютанта. Графъ благодарилъ. Дворянъ было столько, сколько могла вмѣстить большая зала; дворяне помѣщались около стѣны съ окнами, а слушающіе у противной стѣны.

Государь вышелъ къ дворянамъ и весело сказалъ:

— «Ого, вижу, что я пріѣхалъ въ черномоземную губернію такой ростъ не вездѣ встрѣчается!»

Нарочно или случайно, съ головы ряда стояли человекъ 18 ростомъ выше государя. Представлять дворянъ долженъ былъ губернской предводитель. Мой другъ, предводитель дворянства Бестужевъ, былъ въ генеральскомъ мундирѣ. Лакей догадался списокъ дворянъ положить въ задній карманъ мундира. У моего друга такъ была развита нѣкоторая часть тѣла, что, при всемъ усилии, руки предводителя не доставали до кармана. Я съ удовольствіемъ готовъ былъ помочь страдательному положенію друга, но самъ стоялъ во фронтѣ. Государь улыбаясь ожидалъ, а списокъ такъ и остался въ карманѣ. Жиркевичъ былъ въ залѣ, какъ любитель, въ вицъ-мундирѣ. Я долженъ замѣтить, что Жиркевичъ былъ, противъ обыкновенія, оживленъ и былъ какъ дома. Видя страдательное и безвыходное положеніе губернскаго предводителя, Жиркевичъ подскочилъ и сказалъ государю:

— «Я попробую представить вашему величеству».

Пошелъ по ряду, называя фамиліи. Правда, онъ называлъ Ивана Петромъ, а Кузьму Степаномъ, но шелъ смѣло, не останавливаясь. Государь остановился передъ бодрымъ старикомъ Петромъ Петровичемъ Бабкинымъ и сказалъ:

— «Вашего мундира и я не знаю, скажите, какою это мундиръ?»

— Вѣчной памяти матушки Екатерины, капитана Преображенскаго полка.

Государь поклонился и сказалъ: «Славнаго вы роста».

— Я, государь, былъ выше, но осѣлъ.

— «Какъ это?»

— У меня обѣ ноги прострѣлены.

Государь съ милостивою улыбкою поклонился.

Какъ понало Жиревичъ кончилъ представленіе, а капризный списокъ такъ и не явился на свѣтъ. Государь былъ очень милостивъ и веселъ; обратясь къ дворянамъ, сказалъ:

— «Господа, скажите, кто у васъ былъ лучшимъ и любимымъ губернаторомъ?»

Въ одинъ голосъ отвѣчали: «Жмакинъ!»

Государь обернулся къ Бенвендорфу и сказалъ: «вотъ видишь, графъ Александръ, можно быть вяточникомъ и любимымъ».

Государь подошелъ къ нашей сторонѣ, я стоялъ на флангѣ. Графъ Бенвендорфъ, представляя меня, сказалъ: «жандармскій штабъ-офицеръ, въ Симбирской губерніи находящійся (смотря на зполеты), подполковникъ.... подполковникъ».... вижу, что графъ данную ему мною записку мнетъ въ правой рукѣ, но забылъ и фамилію и бумажку. Государь улыбался и милостиво сказалъ:

— «Вы Стоговъ?»

Я поклонился.

Государь изволилъ спросить: «сколько лѣтъ вы здѣсь служете?»

Я былъ готовъ отвѣчать на самые трудные и сложные вопросы и, какъ камчадалъ, не предполагалъ, что государи такъ просто спрашиваютъ; хорошо помню, первая цифра пролетѣла сквозъ голову—8, за ней 80, 800, никакъ не поймаю мысль, стою и молчу, чувствую—кровь приливаетъ къ головѣ, стою и молчу, какъ умникъ. Государь очень милостиво, съ его невыразимо привлекательной улыбкой, тихо сказалъ:

— «Ну, чтожъ вы молчите? Вы здѣсь служете три года, я помню васъ и доволенъ вами, продолжайте служить».

Я только кланялся, но можно вообразить, какъ я былъ доволенъ собою. При привычной находчивости моряка, вдругъ на меня нашелъ столбнякъ. Я бы объяснилъ причину, но боюсь быть еще глупѣе. Чиновниковъ представлялъ Жиревичъ; на

лѣвомъ флангѣ стояли уцѣллыне, государь не позволилъ представить ихъ и сказалъ:

— «Идите, я изъ васъ—единицы—сдѣлаю четыре нуля».

По окончаніи представленій, государь, обращаясь къ Жиркевичу, сказалъ:

— «Къ тебѣ не идетъ статское платье», а къ графу Адлербергу: «надѣнь на него военный мундиръ». Потомъ сказалъ Жиркевичу: «я даю тебѣ славную губернію, Витебскую, тамъ у меня лучшіе два элемента: жида и поляки, поляки и жида».

Слушая это, я чувствовалъ себя награжденнымъ.

Послѣ представленія назначено быть въ соборѣ. Графъ Бенкендорфъ приказалъ мнѣ очистить соборъ:

— «Государь не любитъ, чтобы очень много было».

Государя всѣ хотѣли видѣть; мужчины представлялись, понятно, дамы избрали для себя церковь. Очистить церковь полную дамъ, выгнать сливки симбирской интеллигенціи—дамъ, отъ покровительства которыхъ зависитъ мое спокойствіе, мое существованіе, моя сила, мой успѣхъ, мое счастье! Прогнавши дамъ, остается повѣситься. Велятъ очистить церковь—преприятная задача, отъ которой—хоть въ Волгу. Говоря о тѣснотѣ, выражаются: некуда упасть яблоку, а я увѣряю, въ церкви дамы, дамы и только дамы, да такъ плотно, что и булави въ упасть некуда. Насилу я пробрался въ алтарь; тамъ архіепископъ съ причтомъ въ облаченіи. Я, какъ можно громче, сказалъ:

— Владыко, государь не будетъ въ соборѣ, онъ изволитъ слушать обѣдню у Николая (важется такъ, маленькая церковь близко дома губернатора).

Архіепископъ сказалъ: «Ну, братія, такъ пойдемъ, собирайтесь, да не забудьте чего нибудь».

Какъ услышали дамы мои слова, такъ и бросились изъ собора, чтобы захватить мѣста у Ниволы. Я тихонько приказалъ архіерею остаться, церковь запереть и поставилъ трехъ часовыхъ—не пускать, такъ и выпутался. Послѣ, во время службы, я пускалъ дамъ по немногу, оказывая дружеское покровительство.

Послѣ церкви—разводъ. Я очертилъ вѣрно симбирскій баталіонъ. Корпусный Капцевичъ заранѣе присылалъ по ночамъ изъ разныхъ баталіоновъ для показа государю. Передъ представленіемъ, я составилъ записку о ловкости Капцевича и подаль

шефу. Государь дѣлалъ смотръ. Жандармы на лошадяхъ и полиція едва сдерживали народъ. Бенкендорфъ, Адлербергъ, флигель-адъютанты, я—человѣкъ семь—стояли кучкою, въ сторонѣ, къ срединѣ площади. Кончивъ ученье, государь скомандовалъ:

— «Рязанцы, орловцы, нижегородцы, впередь!» Вышли, молодецъ къ молодцу.

Государь выбралъ всѣхъ въ гвардію, а окружному генералъ-маіору Мандрыкѣ сказалъ: «отправить всѣхъ на счетъ Капцевича, а съ нимъ я рассчитаюсь».

На другой день, чрезъ Бенкендорфа, дворяне просили расквартировать одинъ корпусъ войскъ. Государь весело сказалъ:

— «Вамъ жениховъ надо? Хорошо, подумаю».

На третій день сказалъ: «какъ ни рассчитывалъ, не могу, слишкомъ далеко отъ всѣхъ границъ».

Когда государь приказалъ подать экипажъ, народъ прорвалъ цѣпь и, придя въ истушленный восторгъ, наполнилъ плотно пространство между государемъ и экипажемъ; насъ такъ славили, что мы едва не задыхались; у ногъ Бенкендорфа разрѣшилась женщина. Бенкендорфъ, уже привычный къ восторгамъ народа, но и тотъ испуганно сказалъ: «да что же это будетъ, это сумасшедшіе». Я сказалъ: пока не сядетъ государь, намъ ничто не поможетъ. Долго пробирался государь къ экипажу и тотъ къ государю; народъ, дѣйствительно какъ безумный, не помнилъ себя, молился на государя, ложился къ ногамъ, но только государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ, мы остались одни. За экипажемъ все бѣжало, обгоняли и крестились, шапки, полшубки валялись на землѣ, восторгъ былъ невыразимый. Замѣчу, послѣ многихъ я спрашивалъ, для чего всѣ бѣжемо бросились къ государю по окончаніи смотра? Единогласно отвѣчали: всѣ слышали, какъ государь крикнулъ: «Народъ мой, ко мнѣ!» — чего, конечно, не было.

Помню, одинъ разъ, при выѣздѣ государя изъ дома, какая-то женщина побѣжала передъ лошадьми, платокъ съ головы сняла, машетъ имъ и кричитъ ура! Вдругъ споткнулась и упала почти подъ ноги лошадей и давай кричать караулъ. Бенкендорфъ бросился къ кучеру и осадилъ лошадей. Государь очень смѣялся. Отъ «ура» до «караулъ» — одинъ шагъ.

Замѣчу, во все пребываніе государя я не видалъ ни одного пьянаго.

Государь пробылъ въ Симбирскѣ трое сутокъ; дворяне не забудутъ милостиваго и ласковаго вниманія государя. Въ городѣ остались памятники: прекрасный спускъ къ Волгѣ, площадь около собора превратилась въ гулянье съ кустарниками и дорожками, но всего не рассказать и не припомню.

Государь уѣхалъ, помѣщики разѣхались хозяйничать и охотиться, все затихло, одни удѣльные чувствовали себя нулемъ съ минусомъ. Жирьевичъ съ большимъ чувствомъ простился со мною; не знаю, догадывался ли онъ, что я стоялъ за него горой, между нами не было слова. Какъ пріѣхалъ онъ невидимкою, такъ незамѣтно и уѣхалъ.

Пока не пріѣдетъ новый губернаторъ, я чтонибудь расскажу, а рассказовъ—безъ конца.

Симбирская губернія хлѣбная, нищихъ въ Симбирскѣ почти не было. Вдругъ быстро стали наполняться улицы, церкви—нищими. Причинъ не было, урожаи обильные, а нищихъ все прибавляется. Одной старухѣ я часто подавалъ копѣйку, и однажды спрашиваю: на что тебѣ, старая, деньги: вонъ котомка полна хлѣба?

— «Какъ же, мой роденькой, намъ безъ денегъ нельзя».

— Зачѣмъ?

— «Какъ зачѣмъ? какъ не заплачу, то либо выгонять, либо въ тюрьму угожу».

— Что ты врешь, старая, грѣшишь: кто съ тебя возьметъ?

— «Какъ кто возьметъ, не заплати-ка я 40 коп. въ недѣлю, то ты, батюшка, только бы и видалъ меня; не вру я, всѣ платятъ, другіе и больше меня».

— Кому же ты платишь, старая корга?

— «Да вонъ этому полицмерскому, всѣ платятъ и я плачу».

— Да васъ много, онъ не упомнитъ.

— «Какое не упомнитъ, на то у него книжка, тамъ каждыи на счету».

Это обратило мое вниманіе, я распорядился—украсть книжку у полицмерскаго.

Новый полицмейстеръ, не помню фамиліи, былъ ротмистръ по кавалеріи, по наружности щеголь. Книжка у меня въ ру-

какъ—прелюбопытная. Нѣсколько сотъ нищихъ (сколько—забылъ) записаны по именамъ, многіе отмѣчены чѣмъ искалѣчены, всякій, по степени лѣтъ, калѣчества, оцѣненъ еженедѣльной податью; были и такіе, что платили 80 коп.: это безъ обѣихъ ногъ. Аккуратность замѣчательная: кто не доплатилъ 3 копѣйки, отмѣтка на полѣ: доплатить въ такой-то день.

Я написалъ шефу, что обязанность всякаго русскаго патріота выдвигать на пользу государства генія, могущаго принести пользу государству. Случайно я открылъ въ симбирскомъ полицмейстерѣ удивительную финансовую способность, геніальную голову, могущую обогатить казну безъ отягощенія общества. Описавъ всю продѣлку и приложивъ, какъ фактъ, книжку, просилъ покровительства ему и взять его изъ Симбирска, гдѣ геніальность его не можетъ имѣть полного развитія.

Полицмейстеръ вытребованъ въ Питеръ, улетучился и дальѣ не слыхалъ о немъ. Вотъ и такіе бывають артисты.

Саратовскій помѣщикъ Петръ Ивановичъ Богдановъ, осенью, выѣхалъ на охоту изъ Саратова въ поле, съ собаками; куда бѣжали зайцы и лисицы, туда и Богдановъ ѣхалъ съ охотою; такъ за зайцами и лисицами доѣхалъ до Симбирска, гдѣ захватила его зима. Между Саратовымъ и Симбирскомъ до 400 верстъ по почтовой дорогѣ. Богдановъ остался зимовать въ Симбирскѣ. Богдановъ хорошъ собой, богатъ, щеголь, танцоръ, немного поэтъ—быстро сталъ необходимымъ членомъ общества, познакомился и я съ нимъ. Однажды Петръ Ивановичъ приходитъ ко мнѣ. Весьма ловко, искренно и прилично объясняетъ, что онъ очень любитъ играть въ карты, но ничего не любитъ дѣлать тайно: пришелъ просить позволенія играть. Я подумалъ: не позволю—будутъ играть скрытно, ловить ихъ—низко, я согласился дозволить, но съ условіемъ: по окончаніи игры, каждое утро сообщать мнѣ, чѣмъ кончилась игра, и если я признаю, что нужно возратить проигравшему, то исполнить, въ чемъ и прошу дать мнѣ честное слово. Богдановъ протянулъ руку и далъ честное слово; я добавилъ, что если буду обмануть разъ, то условіе прекращается. Богдановъ подтвердилъ. Кто будетъ играть? Онъ назвалъ 8 человѣкъ, людей богатыхъ, молодыхъ, независимыхъ. Я не находилъ препятствія.

Однажды приходитъ утромъ и говорить: вчера К. проигралъ

30 тысячъ. К. было только 18 лѣтъ, сынъ богатыхъ родителей, но не отдѣленъ; отецъ въ большихъ связяхъ въ Питерѣ, много надѣлаетъ шума; какъ несовершеннолѣтнему, я попросилъ деньги возвратить. Въ тотъ же вечеръ проиграли ему обратно. Обыграли ремонтера, тоже возвратили. Я видѣлъ пользу въ дозволени. Игроки были молодежь, люди образованные, веселые шалуны, необходимые въ обществѣ.

На Троицу бываетъ большая ярмарка въ Корсунѣ, куда вывозилось до двухъ тысячъ заводскихъ лошадей. Я—комендантъ ярмарки. Богдановъ, съ своею партіею игроковъ, просятъ позволенія покутить три дня. «Господа, могутъ быть жалобы, моя обязанность, мой долгъ, быть справедливымъ и строгимъ». — «Мы ручаемся чѣмъ угодно, жалобъ не будетъ, мы не дѣти». — «Ну, смотрите, чтобы не было худо, кутите». Слышу, дѣйствительно кутить, но никто не жалуется; конечно, главную роль играли красавицы. На третью ночь меня будятъ: пожаръ! Ярмарка вся составлена изъ плетня, лавки крыты лубомъ и рогожами, вся ярмарка вспыхнетъ, какъ порохъ. Бѣгу, и что же я нашель: кутиламъ недостало вина; французъ, торгующій винами, заперъ магазинъ и легъ спать. Кутилы поотдавъ домъ обложили соломой, челоуѣвъ 100 поставили съ водою кругомъ соломы, ночь была совершенно тиха; соломѣ зажгли и открыли ставни у оконъ француза; тотъ, увидавъ пожаръ, торопился спасать и выныдывалъ ящики съ виномъ, что и нужно кутиламъ. Солома къ приходу моему была потушена. Французъ не жаловался, а я прекратилъ кутежъ.

Одинъ близкій мнѣ челоуѣвъ,—не назову его, онъ еще здравствуетъ,—страстно любилъ играть и проигрывалъ постоянно. Я взялъ слово съ Богданова не играть съ нимъ. Этотъ близкій мнѣ челоуѣвъ гостилъ у меня. Я былъ въ гостяхъ; дають мнѣ знать, что гость мой два раза прѣзжалъ за деньгами и подгулявши. Я отправился къ Богданову; помню, онъ жилъ въ Кирпичномъ переулкѣ, отдѣльный новый домъ въ три окна. Слѣзомъ ставни огня не видно и ничего не слышно, суконныя шторы, ворота на запорѣ. Тишина. Заборъ очень высокъ; я своему кучеру приказалъ нагнуться и съ плечъ его прыгнуть черезъ заборъ. На дворѣ много саней, но ни одного кучера; я отперъ ворота, а кучеру приказалъ стоять у крыльца. Въ прихожей

куча шубъ и нивого. Въ залѣ, со стаканомъ шампанскаго, старый грѣшникъ, проигравшійся коноводъ; въ боковой комнатѣ, съ свѣчою и съ книгою подъ мышкою, маляръ. Старый грѣшникъ хотѣлъ сказать: «полк...», я пригрозилъ. Вхожу въ другую комнату, Богдановъ мечетъ банкъ, кругомъ стола человѣкъ шесть. Только увидалъ меня Богдановъ, задрожали руки и карты рассыпались; остальные господа всѣ нагнулись подъ столъ и что-то ищутъ. Я только сказалъ: «вы, Петръ Ивановичъ, нарушили свое слово», собралъ со стола всѣ деньги, засунулъ пьяненькому моему гостю въ карманъ, взялъ его подъ-руку и пошелъ съ нимъ вонъ. Въ комнатахъ была страшная жара. Я рассчитывалъ на быстрый ударъ. Моя шуба была въ саняхъ, я моего гостя, безъ шапки, завернулъ въ свою шубу. Богдановъ вышелъ съ товарищами и на морозѣ опомнились: «да, позвольте, полковникъ, такъ нельзя». Пошелъ! Слышу, гонятся за мною съ бубенчиками. Улицы глухія, безъ фонарей, я велѣлъ пустить въ карьеръ до фонарей, Уложилъ гостя спать, а самъ явился гдѣ былъ въ гостяхъ. Никто и не замѣтилъ моего отсутствія.

На другой день, утромъ, является Богдановъ, блѣдный, сконфуженный.

— «Полковникъ, чѣмъ же это кончится?»

— Что такое, мой другъ?

— «Да что, вы были вчера вечеромъ?»

— Это у Петра Антоновича Ахматова? Тамъ играли въ фанты.

— «Я говорю не объ Ахматовѣ, а что вы были у насъ».

— Милый другъ, если ты не пьянъ, то вчера перепилъ и бредишь. Я отъ Ахматова не отлучался, что засвидѣтельствуетъ тебѣ все общество.

— «Да помилуйте, мы не сумасшедшіе. Я пришелъ просить, чѣмъ вамъ угодно кончить?»

— Что такое кончить, я не понимаю?

Долго я тарантилъ, дурачилъ его; когда онъ сталъ просить прощенія и извинялся тѣмъ, что они два раза прогнали того, съ кѣмъ я не приказалъ играть, но онъ побоялся, что вы дозволили ему играть. Тогда я объяснилъ Богданову, что никто не долженъ знать, что я былъ у нихъ, въ противномъ случаѣ, я обязанъ исполнить свой долгъ, а вы знаете какой?

— «Знаемъ, въ тюрьму, но на этотъ разъ простите».

— Охотно прощаю, но кажется, я захватилъ деньги? (тысячи двѣ).

— «Что о деньгахъ, мы ему еще бы вдвое дали, только бы онъ не приходилъ къ намъ».

— Ну, Петръ Ивановичъ, на этотъ разъ дѣло кончено, будьте осторожны.

— «Полеволикъ, я почитаю и всѣ любимъ васъ, умоляю, не прїѣзжайте такъ неожиданно и одни; впрочемъ, мы приняли мѣры».

— Какія мѣры ни принимайте, но нарушите условіе—я буду у васъ.

— «Не совѣтую и умоляю: не являйтесь одни, какъ вчера».

— Это почему?

— «Намъ исходъ одинъ, мы за себя не отвѣчаемъ».

— Ха, ха, ха, что вы говорите, а у кого вчера la main дроже и рассыпались карты? А что такое искали господа подъ столомъ? Всѣ вы струсили.

— «Клянусь вамъ, полеволикъ, мы гнались вчера за вами, рѣшившись на крайнюю мѣру».

— Все вы врете, вы видѣли меня безъ сабли, а не видали двухъ двухствольныхъ пистолетовъ, спрятанныхъ въ карманахъ, да у кучера ножикъ въ аршинъ (все я совралъ). Куда вамъ!

Я простилъ и игроки болѣе не нарушали моего условія. Богдановъ послѣ былъ губернскимъ предводителемъ въ Саратовѣ; онъ самъ рассказывалъ мнѣ, что, за соло въ кадрилѣ, мать давала ему 10 тысячъ; у старухи былъ большой кованный сундукъ, полный денегъ. Недавно я получилъ письмо изъ Саратова, что уже лѣтъ десять, какъ Богдановъ умеръ, проигравшись. Обыкновенная доля игроковъ!

Не помню точно времени, привезли въ Симбирскъ изъ Тифлиса царевну Тамару, подъ мой строгій надзоръ. Не подумайте, что эта Тамара подобна Тамарѣ Лермонтова, нѣтъ, непохожа. Длинная, узкая въ плечахъ и вся ровная до конца ногъ, лицо длинное, чисто армянское, лѣтъ подъ 50. Привезли плачущую, и сколько разъ ни навѣщалъ ее, видѣлъ плачущую и всегда въ одной позѣ: съ своею служанкою сидятъ на полу и раз-

бирають спутанный разноцвѣтный шелкъ. Нельзя было не бывать у ней, а идти—наказаніе: не люблю плачущую женщину, еще бы хорошенькую, да и то не надолго, молоденькія слезы не горьки. Не буду утверждать, долго ли надоѣдали мнѣ слезы Тамары, но, въ прїѣздъ государя, я рѣшился хлопотать сбыть съ рукъ плаксу. Составилъ пречувствительную записку и молилъ графа Бенкендорфа доложить государю о помилованіи Тамары; это было вечеромъ, графъ отвѣчалъ: «убирайся, спать хочу, поиди въ Адлербергу, онъ ходатай за всѣхъ». Я къ добрѣйшему изъ добрыхъ, графу Адлербергу; подавъ записку, сталъ неотступно просить его. Трудно вѣрить, но прошу не сомнѣваться: прося графа Адлерберга, у меня капнуло слезъ пятокъ, право такъ! Графъ съ участіемъ спросилъ: вы такое близкое принимаете участіе? Я не сказала, что она мнѣ надоѣла. Благодарный графъ тотчасъ пошелъ къ государю и вынесъ помилованіе Тамарѣ. Я приказалъ разбудить ее и объявилъ ей радость. Не буду рассказывать о сценѣ ея благодарности, право, и тутъ ничего не было прїятнаго. Черезъ 4 дня отправилъ царевну съ жандармомъ въ Тифлисъ, тамъ выѣхали 20 каретъ встрѣчать ее. Ну и дай Богъ ей здоровья!

Пишетъ Дубельтъ: «подъ твой надзоръ назначенъ бывшій волынской губернской предводитель, графъ Петръ Мошинскій. Облегчи его положеніе, что отъ тебя зависитъ».

Является Мошинскій, небольшого роста, съ самымъ добрымъ и скромнымъ выраженіемъ въ лицѣ; мнѣ казалось, что его забила судьба, но нѣтъ, онъ таковъ отъ рожденія; ему лѣтъ 35, плѣшивъ, хорошо образованъ. Сосланъ былъ въ Тобольскъ за 14-е декабря. Въ первый же часъ я спросилъ его: «чего онъ хочетъ?» Онъ не вдругъ отвѣчалъ: «я не знаю, чего я могу желать». — Какое ваше самое большое желаніе? Онъ послѣ признался мнѣ, что ему очень забавно казалось, что какой-то подполковникъ такъ самонадѣянно спрашиваетъ, когда первыя лица въ государствѣ ничего не могли для меня сдѣлать, но отвѣчалъ: мое желаніе одно—сблизиться съ женою и дочерью. «Ну, вотъ, видите-ли, я черезъ 4 мѣсяца подвину васъ къ вашей семьѣ, но съ условіемъ: вы должны всякій день непременно являться ко мнѣ, дабы я не лгавши могъ сказать, что я всякій день вижу

вась. Я не всегда свободенъ, но вотъ вамъ комната, книги и трубка. Исполните вы, исполню и я».

Рѣдкую почту не писалъ я о Мошинскомъ и писалъ правду: что онъ вполнѣ раскаялся, искренно преданъ государю и Россіи, сознаетъ глубоко безуміе поляковъ и проч. Прогрессивныя мои донесенія выходили ладны и я собирался повести атаку—выслать Мошинскаго на югъ. Вдругъ курьеръ: графъ пишетъ, чтобы я употребилъ все искусство, осторожно, но непремѣнно убѣдить Мошинскаго подписать прилагаемую бумагу. Читаю. Это не болѣе, не менѣе—согласіе Мошинскаго на разводъ съ своею женою. Графъ ованчиваетъ, что онъ надѣется на мою деликатность и участіе въ положенію Мошинскаго.

Я даже не вдругъ и сообразилъ, что мнѣ дѣлать. Мошинскій только и мечталъ о счастіи увидаться съ своею семьею, а я долженъ—осторожно, деликатно, съ участіемъ, поднести для его подписи разводъ съ любимую имъ женою! Прежде всего я мысленно проявлялъ всѣхъ полекъ (теперь приглядѣлся и не провливаю). Не стану рассказывать, какъ я хитрилъ, подготавливая бѣднаго Мошинскаго, но конецъ концовъ тотъ: несчастный, чтобы подписать, падалъ два раза въ обморокъ, подписалъ и заболѣлъ. Желая сколько нибудь вознаградить Мошинскаго, я каждую почту просилъ о переводѣ Мошинскаго на югъ, добылъ и послалъ свидѣтельство доктора, что необходимо для него теплѣе климатъ. Ровно черезъ три мѣсяца со дня прибытія ко мнѣ Мошинскаго, онъ переведенъ въ Черниговъ, куда и выѣхала къ нему дочь.

Съ этого времени я забылъ о Мошинскомъ. Я—въ Кіевѣ. Въ 1839 году ко мнѣ на квартиру явился какой-то полякъ и объясняетъ, что меня очень любитъ Петръ Мошинскій.

— «Гдѣ теперь Петръ Мошинскій?»

— Онъ съ дочерью въ Черниговѣ.

— «Что же вамъ отъ меня нужно?»

— Я ѣду къ Мошинскому, желаю быть управляющимъ въ одной изъ его деревень, прошу отъ вась рекомендабельнаго письма.

— «Письма вамъ не дамъ, потому что вась не знаю; поѣзжайте, скажите Петру, что я его люблю и что мы скоро увидимся, онъ дастъ вамъ мѣсто и безъ письма».

Перевести Мошинскаго въ Кіевъ мнѣ было не трудно: тогда

болѣ сотни поляковъ разослали по заговору Канарскаго. Мнѣ не трудно было убѣдить Бибинова, для примиренія съ дворянами, представить о пользѣ перевода Мошинскаго въ Кіевъ. Дозволено. Мошинскій бросился ко мнѣ на шею и со слезами радости называлъ меня своимъ благодѣтельнымъ провидѣніемъ. Дочь его — предоброе дитя. Явился графъ Ш....къ; мнѣ крайне не нравился, но какія-то старинныя фамиліи связи—дочь Мошинскаго вышла за Ш....ва, который сдѣлалъ ее несчастною, промоталъ ее одиннадцать тысячъ душъ крестьянъ и бросилъ ее, бѣдную!

Передъ свадьбой, я же хлопоталъ и писалъ представленіе о помилованіи Мошинскаго. По симбирской привычкѣ, Мошинскій аккуратно, всякое утро, приходилъ пить кофе. Когда пришло помилованіе, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ и объявилъ, что уѣзжаетъ, обнялъ меня и просилъ принять на память дружбы наслѣдственный отъ бабушки фермуаръ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Бриллианты блестящіе меня не плѣвали, но въ срединѣ былъ невиданный, огромный восточный густой изумрудъ. Любовь моя къ этому камню, должно быть, родилась со мною; я полюбовался изумрудомъ, поцѣловалъ Петра Мошинскаго и возвратилъ ему фермуаръ. Просьбы его, даже слезы, доказательства, что это не деньги—ничто не помогло. Болѣе я не видался съ Мошинскимъ. Получилъ отъ него письмо, онъ начинаетъ: «родился я графомъ, крестился графомъ, однако я графомъ никогда не былъ». Вотъ до чего обрусѣлъ человѣкъ: полякъ и не хочетъ быть графомъ!

Присланы ко мнѣ подъ надзоръ съ десятокъ поляковъ, по мятежу 1830 года; два доктора, одинъ очень хорошо учился, онъ и теперь живетъ недалеко отъ меня, фамилія его Станкевичъ; присылаетъ ко мнѣ поклоны, но самъ не ѣдетъ, можетъ быть, и я не поѣхалъ бы на его мѣстѣ. Поляки были очень смирны, былъ и всендзъ. Было бы чтò и рассказать о нихъ, но когданибудь послѣ.

Приѣхалъ въ Симбирскъ новый губернаторъ, Иванъ Петровичъ Хомутовъ. Онъ приѣхалъ шумно, весело; ко всѣмъ визиты, къ нему всѣ—противоположность Жиркевичу.

Хомутовъ хорошей наружности, лѣтъ подъ 50, высокъ, плѣшивъ, съ большимъ носомъ—весьма представительная личность, любезенъ, веселоправенъ, любить общество.

Жена его—маленькая горбунья, но за то урожденная Озерова—это нужно замѣтить. Дѣтей у нихъ не было.

Хомутовъ, бывши полковникомъ, въ извѣстномъ елисаветинскомъ дѣлѣ—Паскевичъ доносилъ о позиціи, но, говоря о лѣвомъ флангѣ, писалъ, что «онъ слабъ, но тамъ у меня храбрый полковникъ Хомутовъ и я спокоенъ». Хомутовъ хранитъ рескриптъ: «Храброму полковнику Хомутову съ товарищами» и проч. Хомутовъ извѣстенъ былъ въ арміи тѣмъ, что онъ ни разу не поклонился ядру. И это нужно замѣтить!

Съ губернаторомъ Хомутовымъ, кажется, въ двѣ минуты я сталъ другомъ—предлюбезный человѣкъ. Передъ прїѣздомъ Хомутова, въ Симбирскѣ образовалась шайка воровъ, сначала мелочныхъ, а потомъ смѣлыхъ до дерзости. Я шелъ съ Хомутовымъ въ первые дни его губернаторства, вечеромъ, и рассказывалъ ему о дѣятельности воровъ; онъ сказалъ громко и самоудѣленно: «я всѣхъ ихъ уничтожу». Я предупредилъ, что неравно который нибудь лежитъ за заборомъ и сдѣлаютъ что нибудь въ насмѣшку ему. Поутру получаю отъ него записку: «пожалуйста не рассказывайте, подлецы украли изъ прихожей мою шубу; если можно, помогите найти». Шуба, еще до свѣта, была разрѣзана на нѣсколько частей и вывезена въ разныя заставы.

Воры дошли до крайней дерзости: недалеко отъ моей квартиры забрались въ купцу въ домъ и когда тотъ хотѣлъ выглязъ въ окно, его въ окнѣ придержали за руки внутри, а съ улицы за ноги, и хорошо высѣкли розгами. Губернаторъ созналъ безсиліе своихъ средствъ. Я совѣтовалъ ему написать ко мнѣ письмо, съ изложеніемъ, что средствъ городской полиціи недостаточно для уничтоженія дерзкой шайки воровъ въ городѣ, а потому и просить моего содѣйствія. Я просилъ его отдать полицію въ мое распоряженіе. Лучшая тайная моя полиція въ городѣ были кантонисты, съ которыми я сношлся черезъ моихъ писарей.

Симбирскъ, между Волгой и Свѣгой, раздѣляется преглубокимъ оврагомъ, который служилъ удобнымъ помѣщеніемъ навоза со всего города. Въ одномъ концѣ, на днѣ оврага, жили въ ла-

чужахъ отставныя и бѣдныя солдатки; тутъ, въ тайникахъ, былъ складъ вещей мелкаго воровства. Моя тайная полиція дала мнѣ знать, что, въ эту ночь, шайка будетъ праздновать у одной вдовы-солдатки, въ оврагѣ. Около 11-ти часовъ темной ночи, составилъ я стратегическій планъ: полиція употреблена для фальшивой атаки, а жандармы—молча и скрытно въ засадѣ, поперегъ оврага. Самъ я—въ половинѣ высоты крутаго бока оврага, въ углубленіи, гдѣ брали глину, на тропинкѣ. Полиція подняла крикъ, воры бросились бѣжать, но попали въ крѣпкія руки жандармовъ; одинъ воръ прорвался и бѣжалъ по тропинкѣ мимо, не замѣтивъ меня; божь оврага круть, вижу, воръ бѣжить и чѣмъ-то упирается правой рукой. Я пропустилъ его мимо себя, быстро догналъ и, неожиданно для него, такъ ловко и сильно ударилъ его по шеѣ, что онъ, кувыркаясь, погрузился въ жидкій навозъ; я крикнулъ жандармовъ и тѣ взяли его. Оказалось, что это былъ бойкій атаманъ, упирался онъ пистолетомъ. Шайка вся была въ плѣну. Дуло пистолета было полно земли; когда вынули, на дулѣ оказалась золотая надпись: Бенкендорфъ. Послалъ я пистолетъ шефу. Дубельтъ писалъ ко мнѣ, что этотъ пистолетъ выпалъ изъ сѣдла, когда графъ шелъ въ атаку подъ Лейпцигомъ, товарищъ пистолета сохранился и что шефъ очень желаетъ знать, какимъ путемъ пистолетъ очутился у вора, въ Симбирскѣ. Но я могъ узнать только, что воръ купилъ пистолетъ на толвучкѣ, въ Тамбовѣ. Для пистолета-то я и рассказалъ этотъ случай.

Въ началѣ Великаго поста, ко мнѣ курьеръ—предписаніе: «немедля отправиться въ Саратовъ, совершенно секретно, и находиться тамъ въ распоряженіи генералъ-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго».

Отъ князя письмецо: «Дружище, въ Саратовѣ не сладятъ съ раскольничьимъ монастыремъ; государь посылаетъ меня, а я выпросилъ тебя у государя въ помощь, не сердись. Сдѣлай тамъ подготовочку, на котормя ты такой мастеръ, и пришли жандарма, у меня будетъ уложенъ дормезъ—явлюсь. До свиданія».

Совершенно секретно—отъ кого? значить, отъ цѣлаго свѣта. На курьерскихъ помчался я по пензенской дорогѣ, проѣхавъ верстъ 100, свернулъ на проселокъ и выбрался на саратовскую

почтовую дорогу. Дорога была адская, нѣсколько разъ у извожиковъ лилась кровь изъ горла, бросалъ ихъ на дорогѣ и доѣзжалъ съ жандармомъ. Верстахъ въ сорока не доѣзжая до Саратова, была деревня брата моей жены. Въѣзжать въ Саратовъ, на курьерскихъ, секретно—нельзя, я взялъ въ деревнѣ брата рогозную вибитку и въ ясный вѣденье, по улицамъ почти уже безъ снѣга, въѣзжалъ самъ въ формѣ, а жандарму, тоже въ формѣ, приказалъ идти пѣшкомъ, никто не обратилъ вниманія. Тогда Саратовъ былъ не то, что теперь, тогда Саратовъ былъ—огромная деревня. Остановился я въ только что построенномъ маленькомъ (въ три окна) трактирѣ «Москва». Живу три дня, никто меня не спроситъ, какъ будто я не въ городѣ. Въ эти три дня я узналъ все, что дѣлается въ Саратовѣ и что дѣлалось съ монастыремъ. Трактиръ—благодарное поле для узнаванія общихъ секретовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: за Волгой, на рѣкѣ Иргизѣ, былъ старинный раскольникій монастырь; этотъ монастырь благословлялъ Пугачева на русское царство и былъ повсемѣстно въ большомъ уваженіи. Послѣдовало высочайшее повелѣніе: въ мѣстѣ монастыря образовать уѣздный городъ Николаевскъ. Назначенъ штатъ чиновъ и духовенства. Раскольники отказались повиноваться. Ъздили совѣтники, жандармскій штабъ-офицеръ—всѣмъ отказъ. Поѣхалъ самъ губернаторъ, но, видно, не изъ храбрыхъ: въ какой-то домикъ вызвалъ архимандрита монастыря и говорилъ съ нимъ оградившись отъ него двумя жандармами съ обнаженными саблями, скрепченными передъ особой губернатора. Преэффектная картина, когда я скажу, что злодѣй—архимандритъ былъ маленькій старичишка, для уничтоженія котораго довольно одного кулака. Согласія не послѣдовало. Въ Саратовѣ квартировала артиллерія; помню, командиръ—безногій генералъ Арнольди. Губернаторъ потребовалъ, чтобы артиллерія привела въ повиновеніе ослушниковъ. Пришла артиллерія къ монастырю. Раскольники, сдѣлавшись руками и ногами, покрыли всю площадь около церквей тѣлами своими, какъ черепомъ. Говорили объ одномъ нашемъ фанатикѣ, который умолялъ объ ядрушкахъ, но его не послушали. Артиллерія тихо и скромно проѣхала бѣвъ тѣлъ, говорить: ни крика, ни ропота не слышали отъ раскольниковъ! На этомъ дѣлѣ и остановилось дальнѣйшее распоряже-

ніе губернскаго начальства. Узналъ я много злоупотребленій въ городѣ, всѣ интриги, а сплетень, сплетень!

На четвертый день явился къ губернатору, назвалъ свою фамилію; губернаторъ спросилъ:

— «Не Иванычъ-ли?»

— Да, я сынъ Ивана Дмитріевича.

— «Таъ поди ко мнѣ, ты мой племянникъ»,—и обнялъ по родному. «Давно-ли ты пріѣхалъ?»

— Четвертый день.

— «Какъ же это я не зналъ?»

— Не мудрено, я живу тихо.

— «Зачѣмъ пріѣхалъ?»

— По своему частному дѣлу.

— «Какое у тебя дѣло?»

— Пokuпаю имѣніе.

— «Браво! я тебѣ помогу; далеко имѣніе?»

Я назвалъ имѣніе брата.

— «Очень радъ. Гдѣ остановился?»

— Въ трактирѣ Москва.

— «Переѣзжай ко мнѣ, а теперь будемъ обѣдать вмѣстѣ».

Губернаторъ—Степановъ; онъ написалъ нѣсколько удачныхъ романовъ и повѣстей: «Постоялый дворъ», «Чортовы салязки» и проч. Толстякъ, вдовецъ, лѣтъ подь 60, человекъ умный, пріятный, но, право—не губернаторъ.

Въ разговорѣ съ дяденькой, я узналъ все дѣло съ монастыремъ, но, конечно, безъ крестообразныхъ сабель. Я представился таъ заинтересованнымъ монастыремъ, что пожелалъ съѣздить; хотя и отговаривалъ дядя, находя опаснымъ, я, для отвращенія опасности, упросилъ дать мнѣ открытое предписаніе, чтобы уѣздныя полиція оказывали мнѣ содѣйствіе по моему требованію.

Послѣ обѣда я уже отправился въ монастырь. Въ ближайшей къ монастырю деревнѣ, былъ штатъ чиновъ будущаго города. Разговаривая со всѣми и особенно съ умнымъ старикомъ-крестьянникомъ, при разныхъ разказахъ, обратила мое вниманіе одна повторяющаяся фраза: «раскольники причащались и присягали не оставлять монастырь добровольно». Значить, могутъ оставить монастырь не добровольно—не нарушивъ при-

сяги. Болѣ навелъ меня на эту мысль кварталный Голыкинъ, изъ писарей-кантонистовъ.

Такъ какъ князь Лобановъ пишетъ ко мнѣ о подготовочкѣ только, а не о личномъ моемъ дѣйствіи, то я и счелъ правильнымъ сначала явиться переодѣтымъ и взглянуть въ дѣло, а далѣе дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

Монастырь раскольниковъ, въ собственномъ смыслѣ—не монастырь, а сбродъ беспорядочныхъ лачужекъ, въ которыхъ жили мужчины и женщины вмѣстѣ. Все населеніе состояло изъ бѣлыхъ: солдатъ, крестьянъ, преступниковъ изъ Сибири, изъ тюремъ. Говорили, было болѣе пяти тысячъ, управлялъ всѣмъ старичишко архимандритъ, но власть его была почти номинальная, управляли всѣмъ фанатики-начетчики. Приношенія въ монастырь были громадныя, изъ разныхъ мѣстъ, но главные и постоянныя—изъ Оренбургской губерніи и съ Дона. Посреди большая площадь, на которой стояли каменные церкви, весьма хорошей архитектуры.

Хотя я пріѣхалъ какъ любитель, но открытое предписаніе, въ случаѣ, давало мнѣ власть. Я еще въ трактирѣ зналъ, что вся полиція на отъѣзду у монастыря, надѣяться на помощь такихъ людей и дѣйствовать съ ними открыто—опасно. Вообще, уровень чиновниковъ въ Саратовской губерніи былъ весьма невысокъ.

Опираясь на фразу присяги: не оставлять добровольно, я совѣтовалъ чиновникамъ собрать сколько можно болѣе отставныхъ и понятыхъ, приготовить носилокъ.

Въ монастырѣ знали о каждомъ движеніи противъ нихъ. Утромъ сняли свои караулы у околицы и на площади образовали черепаху. По моему совѣту, попробовали: съ краю черепахи, одному раскольнику розняли руки и ноги и, положивъ на носилки, вынесли за околицу. Только увидалъ раскольникъ, что онъ внѣ околицы монастыря, вскочилъ съ носилокъ, перекрестился на монастырь и только пятки его мелькнули, такъ онъ удралъ въ степь. Понятно, началась механическая работа. Такимъ способомъ прочистили широкую дорогу къ церкви, прошю съ пѣніемъ наше духовенство, а какъ окропили церковь святою водою, начетчики сказали, что церковь опоганѣла, и монастырь сталъ очищаться день и ночь. Говорили послѣ, что раскольники образовали свой монастырь въ пустыняхъ къ Каспійскому морю.

И на этотъ разъ, серьезное дѣло разрѣшилось фарсомъ. Возвратясь въ Саратовъ, я увѣрилъ дяденьку, что я только подъѣзжалъ къ монастырю, и не знаю, что тамъ дѣлалось.

Немедля послалъ жандарма курьеромъ къ князю Лобанову-Ростовскому и въ концѣ письма просилъ извиненія, что дѣло кончилось безъ него.

Между прочимъ, чтобы продолжать секретъ, я получилъ отъ брата довѣренность: имѣнне его имѣю право заложить, продать и проч. Начавъ залогъ, гражданская палата потребовала съ меня 30 коп. съ рубля; поторговавшись, согласились на 25 коп. и только для меня, и такъ были добры, что показали мнѣ дѣлежъ этихъ денегъ, кому и сколько съ рубля. Часто мнѣ приходилось писать къ шефу, но слыша, что саратовская почта очень любопытна, я сначала посылалъ чрезъ коммисіонерство, а потомъ чрезъ госпиталь; въ Питерѣ, распечатавъ и увидавъ внутри конвертъ къ шефу, доставляли. Уѣхать изъ Саратова безъ предписанія я не имѣлъ права. Дядю губернатора я любилъ и, желая ему добра, совѣтовалъ выйти въ отставку,—не согласился. Квартальному Голяткину приказалъ выйти въ отставку и уѣхать.

Возвратился жандармъ—отъ князя тысяча благодарностей съ поцѣлуями, много шутить и пипеть очень весело. Мчатся по злой распутицѣ—мало удовольствія. Жандарму князь далъ 25 р. и приказалъ показать ему, что дормезъ совсѣмъ уложенъ и чтобы онъ объ этомъ сказалъ мнѣ. Гр. Бенкендорфъ благодарилъ и разрѣшилъ мнѣ возвратиться въ Симбирскъ.

Послѣ меня довольно было переборки въ Саратовѣ: дядю моего исключили изъ службы, съ тѣмъ чтобы никуда не опредѣлять; николаевскую полицію предали суду; жандармскаго штабъ-офицера исключили изъ корпуса жандармовъ и проч.

Саратовскіе чиновники, въ особенности полиція того времени, мнѣ очень нравились, казались апатическими, на всѣхъ какой-то тонъ холодной формы, ни малѣйшей энергіи къ дѣлу; можно судить потому, что я, жандармъ, пріѣхалъ, остановился въ трактирѣ, прожилъ трое сутокъ и полиція не знала, хотя и существовалъ полицмейстеръ. Таковъ порядокъ показался мнѣ во всей губерніи, даже жандармская команда—сонная!

Изъ саратовскихъ, я видѣлъ въ послѣдствіи одного только

бывшаго квартального Голяткина. Въ 1838 году нашелъ я его младшимъ полицмейстеромъ въ Кіевѣ. Весь Кіевъ возненавидѣлъ старшаго полицмейстера, сдѣлали исправляющимъ должность полицмейстера Голяткина. Похвастаю—Голяткинъ еще живъ. Когда вступилъ онъ въ должность полицмейстера, пришелъ ко мнѣ и просилъ научить его быть любимымъ полицмейстеромъ. Голяткинъ пробылъ 10 лѣтъ полицмейстеромъ, былъ любимъ жителями, что рѣдко въ этой должности, вышелъ въ отставку по своему желанію, въ общему сожалѣнію; о совѣтѣ моемъ бывшему кантонисту позвольте умолчать, секреты на улицѣ не валяются.

Возвращаясь изъ Саратова въ Симбирскъ, я поѣхалъ по берегу Волги; это было въ концѣ Вербной недѣли. Проѣзжая Сызранскій уѣздъ, узнаю—бывшіе казенные, теперь удѣльные крестьяне бунтуютъ; по рассказамъ, уже тысячъ до восьми не повинуются. Такіе бунты разливаются какъ пожаръ. Я къ губернатору Хомутову, оказалось, что онъ ничего не знаетъ. Я предложилъ и торопилъ Хомутова, чтобы онъ обдѣлалъ дѣло на Страстной, пока народъ весь трезвъ. Хомутовъ упросилъ меня ѣхать съ собою. Съ нимъ отправился правитель его канцеляріи, Раевъ.

Приѣхали въ главную бунтующую деревню, названія не помню. Народу очень много. Ловкій мой жандармъ, чрезъ какого-то родню, отставнаго солдата, узналъ, что главный бунтовщикъ Оедька и указалъ мнѣ его. Мужиченко небольшой, плотный, лѣтъ 35-ти, въ синемъ кафтанѣ, красный кушакъ, сапоги съ напускомъ и новая шапка изъ мерлушекъ. Стоитъ возпрямъ, около него вучка народа.

Рано утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собраться крестьянамъ, что имъ будетъ читать законъ губернаторъ. Послушались, собрались и стали въ рядѣ фронта. Я сказалъ губернатору, что, проходя по ряду, противъ главнаго воювода Оедьки я кашляну, но совѣтую не трогать: при массѣ и бранить не должно, а всякое дѣйствіе опасно. Проходя—Оедька стоялъ въ срединѣ ряда—я только кашлянулъ, какъ губернаторъ остановился, вызвалъ Оедьку и молодцомъ крикнулъ:

— «Клятуевъ! Вотъ я покажу тебѣ какъ бунтовать! Раздѣть его!»

Только тронулись за Оедьку, какъ вся масса гаркнула и бро-

сился выручать Оедку. Мой храбрый губернаторъ—бѣжать, Раевъ за нимъ. Толпа съ крикомъ гналась за ними и губернатора съ правителемъ выгнали за околицу. Я остался на мѣстѣ: крикъ, шумъ, я только указываю, чтобы не дотрогивались до меня, никто не дотронулся; напираютъ задніе, около меня падаютъ, смотрятъ на меня добро и смѣются. Разошлась толпа, я нашель губернатора въ постелѣ, боленъ, кровавая дизентерія.

Вижу, дѣло очень плохо; послалъ за солдатами съ боевыми патронами и приказалъ явиться 12-ти жандармамъ безъ коней. Цѣлую ночь придумывалъ, какую бы штуку выкинуть, а безъ штуки нельзя, потому что силы нѣтъ. У татаръ вывезли меня богатые торговцы, а тутъ нѣтъ богатыхъ и нѣтъ трехъ—четырехъ женъ у нихъ. Проклятые русопетки, преупорные и озлобленные, а что еще хуже, раскуражились побѣдою надъ губернаторомъ. На всякій случай приказалъ исправнику собрать побольше понятыхъ и отставныхъ.

Претивъ церкви стояли отдѣльно пять домовъ, по обыкновенію, рядомъ съ крытыми дворами, внутри разгороженными плетнемъ; плетни выломать и образовался одинъ крытый дворъ изъ пяти. Понятыхъ спрятать ночью во дворѣ. Заготовить веревкъ и розогъ.

Рано утромъ пріѣхали команды. Спиною къ домамъ, въ одну шеренгу, выстроилъ 40 солдатъ, между церковью и солдатами собралъ бунтовщиковъ, сказалъ имъ убѣдительную рѣчь и спросилъ: повинуются-ли? Въ одинъ голосъ: нѣтъ, не повинuemся! —«Вы знаете, ребята, по закону я долженъ стрѣлять». —Стрѣлай, батюшка, пуля виноватаго найдетъ, кому что Богъ назначилъ. —«Слушайте, братцы»,—я снялъ шляпу и съ чувствомъ перекрестился на церковь,—«я таковой же православный, какъ и вы стрѣлять никогда не позволю, мы всѣ подъ Богомъ; можетъ, найдется невинный, то, убивши его, дамъ строгій отвѣтъ Богу, пожалуйте и меня, а чтобы не было ошибки, я каждого спрошу и кто не покорится, тотъ самъ будетъ виноватъ». Обратился къ первому:

— «Повинуешься ты закону?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Законъ далъ государь, такъ ты не повинуюсь и государю?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Государь—помазанникъ Божій, такъ ты противишься Богу?»

— Супротивляюсь.

Крестьянина передалъ жандарму, съ словами: «ну, такъ ты не пеняй на меня!». Жандармъ передалъ другому; жандармы были разставлены такъ, что послѣдній передавалъ во дворъ, тамъ зажимали мужику ротъ, набивали паклей, кушачкомъ вязали руки, а ноги веревкою и вляли на землю.

Я имѣлъ терпѣніе каждому мужику сдѣлать одни и тѣ же вопросы, и отъ каждаго получилъ одинаковые отвѣты, и каждаго передалъ жандармамъ, и каждаго во дворѣ вязали и вляли. Процедура эта продолжалась почти до вечеренъ. Послѣдніе десятка полтора мордвы и русскихъ покорились, ихъ отпустилъ домой. Ночь не спалъ, не пилъ, не ѣлъ, сильно усталъ, но въ такихъ дѣлахъ успѣхъ зависитъ отъ быстроты.

Пришелъ во дворъ, всѣ дворы устланы связанными бунтовщиками. «Розогъ! давайте перваго». Выводятъ старика лѣтъ 70-ти. — «Повинуешься?» — Нѣтъ! — «Съките его». Старикъ поднялъ голову и просить: батюшка, вели посворѣй забить. Неприятно, да дѣлать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дѣло. Наконецъ, старикъ умеръ, я приказалъ мертвому надѣть кандалы. Одинъ за другимъ, 13 человѣкъ засѣчены до смерти и на всѣхъ кандалы. 14-й вышелъ и говоритъ: я поворяюсь. «Ахъ, ты негодай, почему ты прежде не покорился? Покорились бы и тѣ, которые мертвы, розогъ! Дать ему 300 розогъ».

Это такъ подѣйствовало, что всѣ лежащіе заговорили: мы всѣ поворяемся, прости насъ. — «Не могу, ребята, простить, вы виноваты противъ Бога и государя». — Да ты накажи, да помилуй.

Надобно знать русскаго человѣка: онъ тогда искренно покоренъ и спокоенъ, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщаніе его ничего не стоитъ, онъ тревожится, ожидаетъ что еще съ нимъ будетъ, а въ головѣ у него—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, того и гляди, наглупить. Наказанный—боится быть виноватымъ вновь и успокоивается.

Приказалъ солдатамъ раздѣлиться на нѣсколько группъ и дать всѣмъ бунтовщикамъ по 100 розогъ, подъ надзоромъ исправнива. Потомъ собралъ всѣхъ, составилъ нѣсколько каре и объ-

явилъ: «я сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать по закону, простить ихъ можетъ только губернаторъ; онъ можетъ всѣхъ въ тюрьму, тамъ сгніете подъ судомъ». — Батюшка, будь отецъ родной, заступись; какъ Богъ, такъ и ты, переживи гнѣвъ на милость. Я поставилъ ихъ на колѣни, научилъ просить помилованія и далъ слово, что буду ходатаемъ за нихъ, но губернаторъ очень сердитъ. Кричатъ: заступись, батюшка, выручи!

Прихожу въ губернатору, лежитъ болѣнь, не знаетъ чтò я дѣлалъ. Мнѣ доложили, что засѣченные ожили, ихъ обливали водою, и я повеселѣлъ. Говорю губернатору: «пойдемте прощать».

Не вѣрить.

— Только прошу, долѣе сердитесь, не прощайте, а простите только подъ моимъ ручательствомъ за нихъ.

Подходя къ фронту, губернатору, хотя и штатскому—«на караулъ!», барабанщикъ двѣ дробы, «здравія желаемъ вашему превосходительству!»—все для эффекта. Подходимъ къ группамъ я снялъ шляпу и почтительно, низко кланяюсь, представляю раскаявшихся. Виновные въ одинъ голосъ: помилуй, ваше превосходительство! — «Не могу, вы такъ виноваты, что васъ слѣдуетъ судить». А мужики, кланяясь въ землю, твердятъ: помилуй, ваше превосходительство, ни впредь, ни послѣ того не будетъ. А я-то униженно, безъ шляпы, кланяюсь и прошу помиловать. Губернаторъ гнѣвно сказалъ, что онъ бунтовщикамъ вѣрить не можетъ и согласится тогда, если кто за нихъ поручится.

Я обернулся къ мужикамъ: ручаться-ли за нихъ?

Какъ заорутъ въ одинъ голосъ: ручайся, отецъ, небось, не выдадимъ, ручайся, батюшка. — «Ребята, смотри, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтъ за васъ». — Отецъ ты нашъ, вотъ-тѣ пресвятая! положимъ жизнь за тебя, ручайся! — Я поручился. Губернаторъ умилостивился, простилъ.

Я распустилъ всѣхъ по домамъ, приказалъ сотскимъ наорить солдатъ и жандармовъ. Оттуда что взялось: снесли столы, зажгли лучины, явились десятками горшковъ щей, каши, кисели съ сытой, все постное; вѣроятно, было готово для мужей, но имъ не удалось поѣсть, съѣли солдаты. Въ тюрьму пошелъ только одинъ Оедька.

Только я вошелъ къ губернатору, онъ, какъ чисто русскій

человѣкъ, поклонился мнѣ плѣшивой головой въ землю; признаться, я отскочилъ и, обнявъ его, поцѣловалъ.

Вотъ и справедливо, что человѣкъ не во всёхъ случаяхъ равно храбръ. Мой губернаторъ былъ извѣстнымъ храбрецомъ во всей арміи, а передъ безоружными мужиками струсилъ и бѣжалъ. Да и вашъ покорный слуга, кажется, струсилъ и не могъ отвѣчать, сколько лѣтъ служить въ Симбирскѣ.

Не взирая на ночь, губернаторъ торопился ѣхать домой, показываетъ мнѣ письмо отъ своей жены, она пишетъ: «Ванюшка, брось все, я лежу въ ваннѣ, со мной конвульси; я умру, если ты скоро не прійдешь», и проч. Хомутовъ спрашиваетъ: кажется, и вы получили письмо? Я тогда только вспомнилъ о письмѣ—не до того было—вынулъ свернутую на уголокъ сѣрую бумажку и прочиталъ. Хомутовъ спросилъ: можно прочесть?—Извольте. Моя 19-ти-лѣтняя худенькая жена писала: «Шипмаревъ (адъютантъ) сказалъ, что вы требуете солдатъ съ боевыми патронами; можетъ, есть опасность? Не думайте обо мнѣ, я буду гордиться всю жизнь, что мужъ мой исполнилъ свой долгъ». Иванъ Петровичъ такъ и ахнулъ: такая пичужка и такого геройскаго характера. «Подарите мнѣ это письмо».—Зачѣмъ?—«Я вставлю въ рамку и буду хранить». Послѣ этого, мой Хомутовъ чуть не молился на мою жену.

Для читателя, разрѣшилась исторія новымъ фарсомъ. Но, однако, предположить, что это не была бы Страстная и такой упорный народъ не былъ бы трезвъ, можетъ быть, изъ фарса вышла бы трагедія и сколько было бы несчастныхъ. Эту исторію я докончу.

Наступило время жатвы хлѣба; староста мой увѣдомляетъ меня, что пришли какіе-то люди и просятъ позволенія сжать хлѣбъ. Я поскакалъ въ деревню, оказалось, что это сызранскіе бунтовщики, пришли съ женами и, изъ благодарности за мою добродѣтель, хотятъ сжать хлѣбъ мой. Меня не могло не тронуть такое доброе и честное русское сердце. «Да вѣдь васъ не били, друзья мои?»—«Эхъ, батюшка, что такое что поучили, а какъ бы не ты, такъ и теперь бы маялись въ тюрьмѣ и разоромъ раззорились бы; мы за тебя Богу молимся». Жены при этой оказіи всплакнули отъ воображенія, что раззорились бы, еслибъ мужа попали въ тюрьму. Отъ этой теплой сердцу взятки я от-

казаться не могъ; гости не позволили даже жать барщинскимъ, въ два дня все сжали. Это было въ селѣ Чамбулѣ, Собазино тожъ, Сентилеевскаго уѣзда; теперь принадлежитъ Федору Ивановичу Ермолову. Для гостей я приказалъ убить нѣсколькожъ барановъ, быка, напечь пироговъ, по чаркѣ водки и донести откровенно шефу.

Вотъ и судите о русскомъ человѣкѣ: онъ, съвозъ наказаніе; видитъ доброту. Наказаніе ему ни по чемъ, оно кратковременно, только не отдавай его пивкамъ полицейскимъ и судейскимъ. Наказаніе онъ считаетъ родительскою наукой, а хозяйственное раззореніе—нравственная смерть. Есть два способа изучить народъ: одинъ въ кабинетѣ, а другой на практикѣ. Который лучше? Думаю, въ кабинетѣ умнѣе и основательнѣе.

По усмиреніи, написалъ князю Лобанову-Ростовскому, что чуть-чуть не удалось было повидаться мнѣ съ нимъ и описалъ ему коротенько. Онъ очень мило отвѣчалъ: «подготовочка опять удалась! Хватъ, молодецъ, доложу государю» и проч....

Въ концѣ 1840-хъ годовъ, князь ѣхалъ въ Кіевъ, писалъ, что ѣдетъ ко мнѣ въ гости, давно не видались. Кажется, въ Козельцѣ князь умеръ отъ холеры.

Отъ какихъ же безпорядковъ было ослушаніе противъ удѣльныхъ? говорятъ, дымъ безъ огня не бываетъ. Разговаривая съ умными и зажиточными крестьянами, какъ имъ лучше—теперь или прежде? отвѣчали:

— «Теперь не въ примѣръ легче. Бывало, въ годъ разъ найдешь исправникъ, выберешь жирнаго барана, завалишь на плечи, да и прешь, ажъ лобъ не разъ взорветъ; а теперь найдутъ эти господа удѣльные, то возьмешь хворостину, да и сгоняшь что есть на дворъ, и легко и скоро. Теперь намъ несравненно легче. Мы скоро и одежонки лишимся кака была».

Обращусь еще къ прекращенію ослушанія въ Сыраранскомъ уѣздѣ. Мѣры для усмиренія, по нынѣшнимъ порядкамъ, покажутся жестокими, варварскими. Совершенно согласенъ и не противорѣчу. Попробую прекратить это ослушаніе новѣйшимъ филантропическимъ способомъ. Взбунтовались нѣсколько деревень; уѣздная полиція бессильна. Приѣхалъ губернаторъ—выгнали. Мѣстной воинской команды почти нѣтъ. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ едва ли вѣхалъ бы въ околицу. Черезъ три

дня Пасха—разрѣшеніе на водку. Успѣхъ противъ губернатора и безсиліе власти возбудили бы надежду въ сосѣднихъ уѣздахъ. Неудовольствіе общее, потому что причины однѣ. Ослушаніе превращается въ бунтъ и такъ быстро, какъ пожаръ, въ началѣ незначительный, охватываетъ всю массу, могущую горѣть. Надобно принять въ соображеніе, что удѣльныхъ въ губерніи до 400 тысячъ. Надобны войска, а ближе 400—500 верстъ нѣтъ солдата. Прибывшее войско, безъ сомнѣнія, усмирить, но усмиреніе пьяныхъ людей можетъ обойтись не безъ потери въ людяхъ. Но пока достигнуть успѣха эти мѣры, волнующійся народъ, наполняя кабаки, не обсѣетъ поля. Положимъ, что усмиреніе произойдетъ безъ потери въ людяхъ, что очень трудно, судя по ожесточенію. Слѣдствіе, что покажетъ слѣдствіе? Всѣ виноваты и виноваты равно, это видно изъ одинаковыхъ отвѣтовъ каждаго на мои вопросы. Всѣхъ нельзя посадить въ тюрьму, всѣхъ судить нельзя—амнистія. Зная русскаго простаго человѣка въ одиночку и въ массѣ, амнистія—прощеніе безъ наказанія—не примиряетъ его ни съ собою, ни съ причиной, произведшей неудовольствіе. Тюрьмы полны, ссылка—семья разорены окончательно. Разорившійся крестьянинъ не справится въ одно поколѣніе. Неуваженіе и злоба съ горькимъ недоувѣріемъ выросли въ своему начальству, которое хотя и прекратитъ причины къ неудовольствію, но недоувѣрія изъ сердца не вырвешь. Прибытіе войска, усмиреніе по всей губерніи—пройдутъ мѣсяцы. Слѣдствіе суды протянутъ годъ. Годъ безпокойства, тревоги, пьянства народа, едва ли исправитъ нравы. Еще повторю: разоренный крестьянинъ потеряетъ почти навсегда. Я изъ всѣхъ золъ выбиралъ меньшее. Гдѣ родилось неповиновеніе, тамъ усмирено въ два дня. Усмирено главное гнѣздо—покорились всѣ. Что не осталось горечи, ожесточенія, видно изъ добровольной благодарности въ усмирявшему, благодарности, выразившейся въ простой, но искренней русской формѣ. Которая система лучше, варварская или современная филантропическая—не мнѣ рѣшать.

Возвратившись въ Симбирскъ, узнаю, пока я былъ въ Саратовѣ, произошелъ разрывъ между обществомъ и домомъ губернатора. Непріятное извѣстіе, но какая причина? Узнавши болѣзнь, можетъ быть, найдется лекарство.

Расправивъ крылья, я узналъ отъ дамъ—родныхъ моихъ друзей (бываютъ и двоюродные друзья), что всему причиною губернаторша. Она неосторожно сказала, что для нея мелко симбирское общество, что она по рожденію своему Озерова, привыкла быть въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Этого было довольно. Въ симбирскомъ обществѣ, дѣйствительно, было много фамилій, происшедшихъ и носящихъ историческія имена; для симбирскаго общества сочинитель трагедій неважная личность; симбирскіе дворяне считаютъ своими: Карамзина, поэта Языкова, Дмитріева и многихъ другихъ—что для нихъ Озеровъ?

Причина, оскорбившая общество, оказалась важна и глубока. Говорили: если мы низки для нея, то пусть и сидеть одна на высотѣ, мы безъ нея жили и будемъ жить, и проч., и проч. Въ бунтахъ народа немудрено найтись, а между дамами—подготовки не придумаешь. Вообще впутаться въ исторію между дамъ—все равно, что пасть рукой между дверей, неизбежно выйдешь побитымъ. Я осторожно переговорилъ съ Хомутовымъ, онъ смѣясь сказалъ: «Бабы сплетни! вотъ я дамъ имъ хорошій балъ я помиримся!» Я подумалъ: посмотримъ.

Передъ баломъ Хомутовъ сдѣлалъ визиты, разосланы билеты. Хомутовъ просилъ меня пріѣхать пораньше. Моя жена не выѣзжала по нездоровью.

Домъ прекрасно освѣщенъ, губернаторъ и его супруга разряжены, полный хоръ музыкантовъ, въ отдѣльной комнатѣ накрытъ ужинъ на 70 или 80 приборовъ, прислуги много, все парадно, обдуманно, подъѣздъ иллюминированъ, полиція, жандармы,—все важно, по губернаторски. 10 часовъ, ѣдутъ кареты, засуетились встрѣчать. Кареты проѣхали около дома—мимо. Погода, ѣдутъ кареты—мимо. Мы ходимъ, разговариваемъ, а кареты то и дѣло ѣдутъ—мимо. Ожиданіе гостей стало неприятнымъ, я попросилъ, чтобы хотя музыканты играли. Музыканты играютъ, а кареты прохочуть мимо. Минула полночь, хоть бы ктонибудь показался. Губернаторъ не въ духѣ, губернаторша молчитъ; кончилось тѣмъ, что мы трое сѣли за длинный столъ и ужинали одни—парадно! Тѣмъ и кончился балъ, примиреніе не состоялось.

На другой день узнаю, что было нѣсколько вечеровъ въ городѣ; кареты мимо дома губернатора ѣздили пустыя—злая насмѣшка. Разрывъ общества съ губернаторомъ непримиримый.

Много хохотали, когда я рисовал ожиданіе гостей, игру музыкантовъ и, наконецъ, парадный ужинъ. Не буду передавать что говорили въ обществѣ

Написалъ я къ шефу объ отношеніяхъ общества къ губернатору и о причинѣ, но, искренно любя Хомутова, просилъ, какъ достойнаго, перевести его туда, гдѣ менѣе дворянства. Черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Вятку.

Въ другихъ губерніяхъ дворяне могутъ быть такъ же благородно горды, но такъ дружна и единодушна вся масса общества, какъ общество симбирское, едва ли гдѣ есть.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ вице-президентъ удѣловъ, сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Я къ нему. Половина залы чиновниковъ. Только я вошелъ, онъ раздвинулъ толпу и, придворно-дипломатической, почти неслышной походкой, повелъ меня одного въ гостиную, усадилъ меня на софу, а самъ сѣлъ въ кресло. Говорилъ очень много объ услугахъ моихъ удѣлу и такъ хвалилъ меня, что я только кланялся и думалъ скорѣй уйти; когда я откланялся, Перовскій проводилъ меня до прихожей.

Хотя бы я и знаменитость былъ, но такой приѣмъ и столько льстивыхъ словъ поселили во мнѣ недоувѣріе. Я учредилъ за нимъ надзоръ.

Первое впечатлѣніе дѣлаетъ Перовскій непріятное—весьма! При среднемъ ростѣ, сухощавости, движенія вялы, походка дѣланная, продолговатое лицо кажется изношеннымъ, цвѣтъ кожи безъ жизни, съ желтоватымъ отливомъ, выраженіе лица кажется застывшимъ. Глаза, обращенные куда-то, но никогда на человека, съ кѣмъ говорить,—производятъ полное недоувѣріе. Вообще, послѣ разговора съ Перовскимъ, разговора, переполненаго льстивыхъ похвалъ мнѣ, я вынесъ тяжелое впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ недобромъ, и избѣгалъ случая увидать его другой разъ.

Мнѣ кажется, мы съ Перовскимъ имѣли обоюдную антипатію. Забѣгу впередъ. Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ, а я все тотъ же подполковникъ въ Кіевѣ; ничего общаго между нами не было, какъ у слона съ кобаромъ. Я былъ представленъ въ наградѣ двухъ тысячъ рублей ежегодно, пока на службѣ. При представленіи, государь изволилъ спросить о мнѣ: «не изъ жандармовъ-ли?» Бибиковъ отвѣчалъ утвердительно. Государь

изволилъ сказать: «Я его знаю, это прераспорядительный штабъ-офицеръ», и удостоилъ награды. Я Бибикову не рассказывалъ о прежней своей службѣ и онъ былъ удивленъ, что государь изволилъ вспомнить о такой инфузоріи. Возвратясь, Бибиковъ очень интересовался о причинѣ милостиваго вниманія ко мнѣ государя и спросилъ:

— «Почему же вы мнѣ не сказали прежде?»

— Зачѣмъ? Что было, то прошло.

— «А за что ненавидитъ васъ Перовскій?»

— Почему вы такъ думаете?

— «Перовскій вечеромъ сидѣлъ у меня и мы курили сигары у стола; я рассказалъ ему, какъ я былъ удивленъ, когда государь изволилъ вспомнить о васъ. При этомъ я почувствовалъ что столъ задрожалъ, и Перовскій вскрикнулъ: «какъ, такъ при васъ этотъ злодѣй? и вы его терпите!» Я объяснилъ ему, что, напротивъ, я вижу въ васъ скромнаго и очень искреннаго офицера. «Ради Бога, не держите его, онъ много надѣлаетъ вамъ непріятностей; послушайте меня, удалите этого вреднаго и злаго человѣка». Я смѣялся, но Перовскій въ гнѣвъ дрожалъ. Пожалуйста, расскажите откровенно, что между вами могло быть?»

Я рассказалъ. Бибиковъ спросилъ: «вы не боитесь Перовскаго?»

— Я никого не боюсь, я горжусь, что удостоился ссоры съ министромъ; еслибъ онъ былъ менѣе противенъ мнѣ, я перешелъ бы къ нему служить, онъ полюбилъ бы меня.

— Отъ чистаго сердца не совѣтую».

Перовскій объѣхалъ во всѣхъ уѣздахъ удѣльныя имѣнія Просьбы крестьянъ выслушивалъ, но не удовлетворялъ, находя чиновниковъ правыми; часто заговаривалъ о мнѣ, а въ городахъ выпрашивалъ у откупщиковъ и купцовъ, какія со мною сношенія. Но, по пословицѣ: «какъ чесноку не ѣлъ, то и не пахнетъ». Петербуржцу мерещилось, что въ провинціи всѣ должны брать взятки.

Перовскій уѣхалъ, я не видался съ нимъ.

Курьеръ: шефъ приказываетъ—сколько можно поспѣшнѣ явиться къ нему. Въ четверо сутокъ я былъ въ штабѣ. Дубельтъ показываетъ мнѣ большой доносъ на меня государю, подписанъ: «министръ двора кн. Волконскій, съ донесенія къ нему Перов-

сваго». Прочитавъ, я видѣлъ желчную руву Перовскаго. Резолюція государя:

— «Вызвать Стогова и потребовать объясненія».

Дѣло весьма серьезно—стоять передъ государемъ съ княземъ Волконскимъ. Я набросился на Дубельта, почему не предупредили меня, я взялъ бы съ собою факты для опроверженія. Дубельтъ смѣется и говоритъ: «ты и такъ отгрызешься, мы тебя знаемъ, камчадала». Имъ шутки, а меня не могло не тревожить: не равна борьба подполковника съ вельможами! Помню, я такое чувствовалъ волненіе, что не ложился спать, выпилъ четыре графина холодной воды, и въ утру написалъ отвѣты.

Государь изволилъ жить въ Петергофѣ; долги показались мнѣ часы ожиданія. Движимый справедливостью, императоръ Николай Павловичъ написалъ: «теперь мнѣ дѣло ясно, Стоговъ правъ». Подполковникъ, эта маленькая инфузорія передъ недосыгаемою свѣтлостью — получилъ защиту!

Бываютъ условія въ жизни неизбѣжны; миновать, можетъ быть, условія связей вельможъ, обоюдныхъ уступокъ—невозможно. Для этихъ связей, уступокъ, мы, маленькіе люди, дѣлаемся необходимою жертвою.

• Возвратясь, не успѣлъ я отдохнуть, получаю переводъ въ Саратовъ. Меня не переводъ оскорбилъ, а оскорбило невниманіе, почему не спросили моего согласія, хотя изъ вѣжливости. Я подалъ прошеніе въ отставку. Прошеніе возвращено и Дубельтъ пишетъ: «ты рогожку дерешь, графъ не хочетъ и слышать о твоей отставкѣ, приказалъ спросить: «чего ты хочешь?» —Ничего, въ Саратовъ не поѣду, я вамъ не мальчишекъ дался. Тогда высочайшимъ приказомъ назначенъ я въ Кіевъ въ генералъ-губернатору, управлять военною частію. Я—просьбу въ от-

ставу. Получаю просьбу обратно и письмо отъ шефа, написанное бриллиантами; пишетъ, что родственникъ его, Бибиковъ, просить его выбрать изъ корпуса жандармовъ въ помощь ему штабъ-офицера. Гордясь такою честью для корпуса, шефъ, просматривая списовъ, (будто) всякій разъ останавливался на моей фамиліи; увѣренъ, что это назначеніе разовьетъ мои способности и проч. — мастера писать! Въ заключеніе просить принять должность на одинъ годъ и если не понравится, то корпусъ жандармовъ, за мою службу, считаетъ долгомъ предоставить мнѣ избрать мѣсто по желанію.

Я очень хорошо понималъ, что удѣльнымъ необходимо нужно было отдѣлаться отъ меня, житья имъ не было; Перовскому выговоры не нравились, и я—жертва продѣлки Перовскаго чрезъ князя Волконскаго.

Послѣ такого письма, я согласился ѣхать въ Кіевъ, но съ тѣмъ, чтобы утвердили мнѣ двѣ тысячи столовыхъ и дали бы двѣ тысячи на подъемъ—и то и другое исполнили съ первою почтою.

Я закончилъ мою службу въ жандармахъ предсказаніемъ, что въ Симбирской губерніи, по деревнямъ, если не будетъ бунта, то выразится неудовольствіе поджогами; что бы приняли заранѣе мѣры—озлобленіе очень велико.

Черезъ Кіевъ проѣзжалъ чиновникъ III-го отдѣленія и передалъ мнѣ, когда начались поджоги въ Симбирской губерніи по деревнямъ и когда бросили въ огонь исправника и еще кого-то, тогда въ III-мъ отдѣленіи вспомнили обо мнѣ, а архиваріусъ принесъ мое послѣднее сказаніе. Пророчество мое поскорѣй спрятали.

Изъ 40-ка-лѣтней моей службы, 15 лѣтъ въ Кіевѣ была самая непріятная служба. Я пользовался большою властію въ трехъ губерніяхъ. Государь поручалъ мнѣ дѣла лично, помимо генераль-губернатора, всегда милостиво разговаривалъ со мною. Послѣдній разъ, въ 1850 году, на вопросъ мой о здоровьѣ, императоръ Николай Павловичъ изволилъ спросить:

— «А ты, старый драбантъ (я былъ уже сѣдой), все еще служишь?»

— Устарѣлъ, ваше величество, хочу въ отставку.

— «Погоди, вмѣстѣ пойдемъ».

Отчего неприятна и грустна была служба въ Кіевѣ? быть можетъ, расскажу въ другой разъ.

Э. И. С...овъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Рукописный пяти-язычный словарь въ Нижегородской семинарской библиотекѣ и его происхожденіе.

Въ систематическомъ каталогѣ Нижегородской фундаментальной семинарской библиотекы 1874 года подъ № 3,887 значится: «Словарь языковъ разныхъ народовъ, въ Нижегородской епархіи обитающихъ, имянно: россиянь, татарь, чувашей, мордвы и черемисъ, по высочайшему соизволенію и повелѣнію ея императорскаго величества премудрой государыни Екатерины Алексѣевны, императрицы и самодержицы всероссійской, по алфавиту россійскихъ словъ расположенной и Нижегородской семинаріи отъ знающихъ оные языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ преосвященнаго Дамаскина епископа нижегородскаго и алатурскаго, сочиненной 1785 года, въ двухъ томахъ».

Не безынтересна для ученыхъ, археологовъ и филологовъ исторія происхожденія этого доселѣ не изданнаго словаря.

Заботясь о просвѣщеніи инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, императрица Екатерина II пожелала имѣть у себя словаря этихъ иноплеменныхъ народовъ. Съ этою цѣлію она писала о своемъ желаніи тѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, въ епархіяхъ которыхъ жили тѣ или другіе изъ иноплеменныхъ народовъ, и, между другими, и тогдашнему преосвященному нижегородскому Дамаскину Семенову-Рудневу. Вотъ рескриптъ императрицы къ епископу Дамаскину о семъ:

«Преосвященный епископъ нижегородскій Дамаскинъ! Считаю, что въ Нижегородской семинаріи преподается ученіе языковъ разныхъ народовъ, въ епархіи вашей обитающихъ, я желаю: чтобы ваше преосвященство доставили мнѣ словарь тѣхъ языковъ съ россійскимъ переводомъ, расположа оной по алфавету россійскихъ словъ, и, сверхъ писеманъ оныхъ народовъ, написавъ по россійски каждое слово, какъ оно произносится. Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательная Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ.

Августа 26-го 1784 года.

Получивъ такой рескриптъ, преосвященный Дамаскинъ немедленно приступилъ къ выполнению монаршаго желанія.

Сначала избраны были для этого ученики семинаріи, а вскорѣ вызваны къ нимъ въ Нижній-Новгородъ и нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ, знающихъ иноплемennные языки. Вызывались преосвященнымъ также свѣдущіе изъ обратившихся въ христіанскую вѣру татары, мордвы, чувашы и черемисы. Всѣ они, подъ непосредственнымъ надзоромъ Дамаскина, трудились въ семинаріи и въ архіерейскомъ домѣ надъ составленіемъ пяти-язычнаго Словаря. Дѣятельность преосвященнаго не осталась безъ плода: въ 7 мѣсяцевъ приготовленъ былъ словарь въ двухъ томахъ. Порядокъ словъ расположенъ въ немъ по алфавиту русскому; противъ cadaго русскаго слова въ другихъ графахъ писались также по русски, только съ удареніями, слова татарскія и по татарски, мордовскія, чувашскія и черемисскія только по русски съ удареніями «за немѣніемъ, какъ сказано въ заголовкѣ графы, собственныхъ писеманъ у тѣхъ народовъ». Къ составленному словарю въ предисловіи Дамаскинъ написалъ краткое историческое и статистическое свѣдѣніе объ этихъ народахъ. Весь словарь съ предувѣдомленіемъ отосланъ къ императрицѣ 15-го апрѣля 1785 года въ коніи, а подлинникъ его, въ двухъ томахъ, содержащій въ себѣ болѣе 1,000 листовъ, отданъ въ Нижегородскую семинарскую бібліотеку «для храненія въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній императрицы».

¶ Хотя вся эта исторія пяти-язычнаго словаря описана архимандритомъ Макаріемъ (что нынѣ епископъ архангельскій), въ его «Исторіи Нижегородской іерархіи», въ біографическомъ очеркѣ преосвященнаго Дамаскина (стр. 171 и 172; Спб. 1857 г.), но тамъ нѣчто измѣнено въ существѣ дѣла, а кое-что передано невѣрно. Такъ, напримѣръ, архимандритъ Макарій почему-то измѣнилъ самый текстъ высочайшаго рескрипта, опустивъ въ немъ слова: «.... съ російскимъ переводомъ, расположа оной по алфавету російскихъ словъ, и сверхъ писеманъ оныхъ народовъ....» По смыслу рѣчи архимандрита Макарія выходитъ, что онъ опустилъ эти слова императрицы ради вѣщаго восхваленія Дамаскина въ ущербъ мудрости императрицы Екатерины II, такъ какъ онъ въ панегирикѣ Дамаскину—по приведеніи рескрипта—далѣе говорить, что «епископъ (Дамаскинъ) самъ выбралъ методъ для составленія словаря», — тогда какъ ничего подобнаго не бывало со стороны Дамаскина, а этотъ методъ, по которому и составленъ словарь, указала Дамаскину сама императрица въ выпущенныхъ архимандритомъ Макаріемъ словахъ рескрипта. Правда, архимандритъ Макарій, приводя рескриптъ, говоритъ въ примѣчаніи, что «подлинный рескриптъ хранится въ Нижегородской консисторіи», почему выходитъ, будто онъ этотъ рескриптъ списалъ для біографіи Дамаскина съ подлинника, а не съ копій, приложенной въ словарю, и это какъ бы оправдываетъ пропускъ въ рескриптѣ, учиненный архимандритомъ Макаріемъ, но копіи сдѣлана съ подлинника (взятаго, какъ увидимъ ниже, вопреки завѣщанію, изъ семинарской бібліотеки въ консисторію въ 1803 году), свѣрена канцеляристомъ Степаномъ Ильинскимъ и подтверждена въ вѣрности съ подлинникомъ 1803 года марта 24-го дня секретаремъ Соколовскимъ. Далѣе архимандритъ Макарій говоритъ: «.... въ другихъ графахъ писались также по русски, только съ удареніями, слова татарскія, какъ и мордовскія, и чувашскія, и черемисскія». Но на дѣлѣ было не такъ: слова татарскія писались и русскими буквами съ удареніями и тутъ же и татарскими письменами, мордовскія же, чувашскія и черемисскія только русскими буквами съ удареніями, потому, какъ на-

иѣчено въ заголовкахъ графѣ этихъ языковъ, что «у народовъ сихъ языковъ нѣтъ собственныхъ письменъ». Наконецъ, архимандритъ Макарій говоритъ, что къ императрицѣ былъ отосланъ подлинникъ этого словаря, а въ семинарскую бібліотеку переданъ списокъ съ него, но это не вѣрно. Вотъ подлинное завѣщаніе преосвященнаго Дамаскина о судьбѣ этого словаря, написанное имъ собственною рукою на оборотѣ заглавнаго (перваго) листа экземпляра пяти-язычнаго словаря, хранящагося въ Нижегородской семинарской бібліотекѣ: «Какъ сей словарь на разныхъ языкахъ народовъ, въ Нижегородской губерніи обитающихъ, сочиненъ по имянному ея императорскаго величества повелѣнію, то и рескриптъ ея величества, въ сей силѣ къ преосвященному Дамаскину епископу Нижегородскому насланный, прилагается при семъ въ оригиналѣ за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ: которой рескриптъ, равно какъ словарь, весь въ двухъ томахъ состоящій, съ коего точная копія послана къ ея величеству 15-го апрѣля 1785 года, отсылается въ семинарскую бібліотеку съ тѣмъ, чтобы съ прочими семинарскими книгамъ хранился въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній ея императорскаго величества Екатерины Вторя, императрицы и самодержицы всероссійскія. «Смиренный Дамаскинъ епископъ Нижегородской и Алатурской».

Ради ученаго интереса и возстановленія правды и истинныя я и рѣшился написать предложенную замѣтку.

Нижній-Новгородъ.

Аполлонъ Можаровскій.

К. В. Ч е в к и н ъ

въ 1855—1862 гг.

Замѣтки въ статьѣ Н. Н. Селенцова («Р. Старина», т. XXII, стр. 1—38).

Такъ какъ почтенный авторъ этого очерка, въ сожалѣнію, не служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія во время управленія имъ Константина Владиміровича, то очеркъ его основанъ большею частію на письменныхъ дѣлахъ и документахъ центральнаго управленія министерства.

При такомъ способѣ составленія очерка не мудрено, что въ немъ оказались нѣкоторые фактическіе недосмотры и недостатки, которые мы считаемъ нужнымъ пополюнить. Во первыхъ, въ очеркъ дѣятельности бывшаго главноуправляющаго графа Клейнмихеля не извѣстно зачѣмъ попало сооруженіе обводнаго канала въ Москвѣ.

Обводный каналъ устроенъ еще при постройкѣ перваго постояннаго моста въ Москвѣ, такъ называемаго «Каменнаго моста», въ XVI-мъ столѣтіи¹⁾, для отвода р. Москвы на время его сооруженія; до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, онъ былъ въ видѣ рва около низменной площади, на которой оставались хлѣбные обозы, называвшейся болотомъ.

При проектированіи, на счетъ строительныхъ суммъ храма Христа Спаси-

¹⁾ Древній мостъ этотъ уже разрушенъ и замѣненъ новымъ.

теля въ Москвѣ, канала, соединяющаго р. Москву съ Волгой, обводный каналъ этотъ вошелъ въ систему проектируемаго канала, для чего онъ значительно углубленъ и обдѣланъ камнемъ, а вынутаю изъ него землей возвышена болотная площадь.

Въ началѣ канала устроена чрезъ р. Москву разборчатая плотина для наполненія канала водою, а въ концѣ устроенъ шлюзъ для выпуска судовъ въ р. Москву; всѣ эти сооруженія окончены задолго до назначенія графа Клейнмихела главноуправляющимъ, но плотина была повреждена водою, а потому былъ поднятъ вопросъ о перестройкѣ оной по новой системѣ, и перестройка-то этой плотины, начатая прежде, окончена при вступленіи въ управленіе графа Клейнмихела. Точно также Днѣпровско-бугскій каналъ и расчистка днѣпровскихъ пороговъ начаты до графа П. А. Клейнмихела, и нельзя даже сказать, чтобы они были при немъ окончены, а только прекращена на нихъ работа, такъ какъ поднятъ былъ вопросъ о производствѣ работъ на другихъ основаніяхъ.

Самую любопытную часть статьи составляютъ выдержки изъ воспоминаній одного лица, служившаго въ центральномъ управленіи министерства, во время управленія имъ Константина Владиміровича; къ сожалѣнію, эти выдержки слишкомъ коротки.

Мы вполнѣ сочувствуемъ заключительнымъ словамъ характеристики Константина Владиміровича: «чуждый пристрастіямъ, онъ не имѣлъ фаворитовъ и въ назначеніи на должности соблюдалъ строгую справедливость».

Чтобы соблюсти эту справедливость, онъ старался лично ознакомиться со всѣми своими подчиненными; можно смѣло сказать, что, за исключеніемъ лицъ, служившихъ въ строительныхъ коммисіяхъ¹⁾, не было въ корпусѣ путей сообщенія нижеера, котораго бы онъ не зналъ лично, и не зналъ, на что онъ способенъ. Для этого каждое незнакомое ему лицо, явившееся въ Петербургъ, Константинъ Владиміровичъ подвергалъ строгому допросу о его службѣ и его занятіяхъ, — при объѣздахъ округовъ онъ приглашалъ всегда по нѣскольку нижеверовъ къ себѣ на обѣдъ и въ откровенной поговѣжденной бесѣдѣ наводилъ рѣчь на технические вопросы, и при своей проникательности вѣрно опредѣлялъ достоинство собесѣдника и потому ему легко было соблюдать справедливость въ наградахъ и назначеніяхъ.

При немъ мѣстное начальство не могло затереть лицо способное, и часто онъ удостоивалъ наградъ и назначалъ на должности вовсе не тѣхъ лицъ, которыхъ представляло ближайшее начальство, и когда одинъ начальникъ округа спросилъ канцелярію, почему дана награда лицу, имъ не удостоенному, то получилъ отвѣтъ, что главноуправляющему лично извѣстна служба каждого нижеера, и награды онъ раздаетъ по своему усмотрѣнію.

Въ очеркѣ Н. Н. Селифютова, рассказавъ эпизодъ о постройкѣ Кіево-брестскаго шоссе и высказавъ, что Константинъ Владиміровичъ предполагалъ подвергнуть виновнаго отвѣтственности. Такимъ образомъ бросается непріятная тѣнь на лицо, заслуживающее полнаго уваженія; зная близко это дѣло, я могу сказать, что едвали Константинъ Владиміровичъ могъ имѣть подобное желаніе.

Такъ какъ лицо, избавленное отъ отвѣтственности, уже сошло съ жизненнаго поприща, то смѣло можно назвать его пня: лицо, избавленное отъ отвѣт-

¹⁾ На которыхъ, какъ справедливо сказалъ авторъ, онъ мало обращалъ вниманія.

ственности по манифесту—инженеръ-генераль-лейтенантъ Четвериковъ 1-й. Одно это имя уже показываетъ, что тутъ не могло быть никакихъ злоупотребленій¹⁾. Добросовѣстный во всемъ, но крайне мѣшеотный, онъ не рѣшался представить о добавкѣ платы Гладину (которому подрядъ былъ отданъ его предмѣстникомъ) безъ полного и фактическаго удостовѣренія въ дѣйствительной невозможности выполнить подрядъ, для чего онъ, подѣ своимъ наблюдениемъ, заготовлялъ камень и щебень, для разныхъ участковъ, съ строгою экономіею, и только тогда представлялъ о добавкѣ Гладину денегъ, когда собственнымъ опытомъ убѣждался, что эта добавка есть дѣйствительная необходимость; на производство этихъ опытовъ онъ употреблялъ деньги, назначенныя на другія предпріятія. Зная вполнѣ службу, честность и добросовѣстность Четверикова, Константинъ Владиміровичъ прикрылъ самовольный поступокъ Четверикова вѣроятнѣйшимъ манифестомъ, но, конечно, этотъ манифестъ не спасъ бы отъ ответственности лицо менѣе честное, чѣмъ Четвериковъ.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что наши личныя сношенія съ Константиномъ Владиміровичемъ оставили въ насъ только пріятныя воспоминанія, и мы всегда были въ рядахъ его поклонниковъ. Мы лично присутствовали при докладѣ ему дѣла по нашему проекту и можемъ только подтвердить все сказанное объ этихъ докладахъ Н. Н. Селифонтовымъ, но не можемъ не добавить, что докладъ дѣлъ начальникомъ отдѣленія, а не директоромъ департамента, кромѣ личнаго знакомства съ прямими работниками, къ чему всегда стремился Константинъ Владиміровичъ, показывалъ его большую административную способность, ибо это очень облегчало ему прямое знакомство съ дѣломъ, которое ему предлежало рѣшать. Конечно, онъ дорожилъ способнымъ лицомъ на каждомъ мѣстѣ, но мы не вѣримъ, чтобы Константинъ Владиміровичъ могъ сказать, какъ то рассказываетъ Н. Н. Селифоновъ со словъ одного изъ сослуживцевъ Константина Владиміровича, что «чиновника особыхъ порученій онъ можетъ брать съ улицы любого». Онъ не только не бралъ никого съ улицы, но не бралъ и чиновниковъ изъ другихъ вѣдомствъ, безъ короткаго знакомства съ дѣятельностію избираемаго.

Инженеръ Ник. Ив. Палибинъ.

Г. Тифлисъ.

Отъ Редакціи. Н. Н. Селифоновъ, какъ не служившій въ вѣдомствѣ путей сообщенія ни при генералѣ Чевкинѣ, ни при графѣ Клейнмихелѣ, могъ руководиться при составленіи очерка лишь письменными документами и въ томъ числѣ сохранившемся въ библиотекѣ покойнаго члена государственнаго совѣта Николая Ивановича Бахтина копіею съ извѣстнаго отчета графа Клейнмихеля, озаглавленнаго: «Обзоръ главныхъ распоряженій и работъ по указаніямъ незабвеннаго и вѣчной памяти достойнаго, въ Божѣ почившаго государя императора Николая Павловича, произведенныхъ по вѣдомству путей сообщенія и публичныхъ зданій, съ 1842 по 1856 годъ».

Въ обзорѣ этомъ, подѣ рубрикою «Устройство городовъ», «Въ Москвѣ», «по рѣкѣ Москвѣ», читаемъ:

«Судоходство въ Москвѣ, направляющееся отъ Оки по низовой части

¹⁾ Некрологъ покойнаго помѣщенъ нами въ «Журналъ министерства путей сообщенія».

р. Москвы, прекращалось близъ Кремля у Каменнаго моста, построеннаго еще въ XVII столѣтіи. Возвышенный флюдбетъ его преграждалъ ходъ судовъ въ одной части столицы въ другую.

«Для устранения этого препятствія, сооруженъ Обводный каналъ, длиною $3\frac{1}{2}$ версты, а для учрежденія непрерывнаго судоходства, при Бабьемъ городѣ, гдѣ каналъ отдѣляется отъ рѣки Москвы, русло рѣки запружено разборчатою плотиною, а въ концѣ канала сооруженъ Краснохолмскій шлюзъ.

«Составленъ проектъ на перестройку Каменнаго моста съ понижениемъ и уширениемъ его, и сдѣланы распоряженія къ производству самихъ работъ съ 1856 года.

«Выше Каменнаго моста, противъ храма Христа Спасителя, предполагено соорудить черезъ р. Москву мостъ, отъ него открыть новую улицу до Обводнаго канала, и черезъ каналъ этотъ устроить мостъ для прямаго сообщенія Тверской и Препнстенской части съ Замоскворѣчьемъ. На всѣ эти работы проекты составлены» и т. д. Ред.

Замѣтка о стихотвореніи, приписываемомъ архіепископу Иннокентію.

Мы получили эту замѣтку по почтѣ отъ неизвѣстнаго лица, не подписавшаго своей фамиліи:

«Стихотвореніе «Не унывай» принадлежитъ не архіепископу Иннокентію, какъ пишетъ составитель его біографіи («Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 547), а — Соколову: такъ сообщилъ мнѣ архіепископъ литовскій Макарій. Въ эту ошибку Н. М. В—ва ввелъ собраніе сочиненій Иннокентія, изданное г. Вольфомъ, въ которое вошло это стихотвореніе; но въ этомъ собраніи есть и другія невѣрности. Стихотвореніе «Не унывай» находится у меня подъ рукою».

Z.

Замѣтка по поводу разсказа г. Вистенгофа: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ».

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 193—216, статью подъ заглавіемъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ», я, какъ несправедливо задѣтый авторомъ оной г. Вистенгофомъ, считаю своимъ долгомъ написать опроверженіе, не какъ оправданіе, — считая его совершенно излишнимъ, — но чтобы открыть истину и уничтожить несправедливую клевету, введенную авторомъ на славный Александрійскій гусарскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить безвыходно сорокъ лѣтъ. Строкамъ моимъ прошу васъ, г. редакторъ, дать мѣсто въ уважаемомъ мною вашемъ журналѣ.

На стр. 193, авторъ заявляетъ, что большинство офицеровъ полка были польскаго происхожденія и что полковникъ Карамзинъ, прибывши въ полкъ, былъ встрѣченъ командиромъ полка, флигель-адъютантомъ графомъ Алопеусомъ, не особенно пріятливо. Въ дѣйствительности же въ полку въ то время было только восемь офицеровъ польскаго происхожденія, что

можетъ всякій провѣрить взявъ списки полка того времени и что означаетъ, что офицеровъ польскаго происхожденія было далеко не большинство. Всѣ они были отличные офицеры, хорошіе товарищи и даже между собою объяснялись на русскомъ языкѣ, избѣгая разговоровъ на польскомъ, и никогда не употребляли его предъ фронтомъ. Карамзинъ былъ принятъ въ полку радушно и вскорѣ со всѣми познакомился, очаровавъ всѣхъ своимъ умомъ и любезностію. Графъ Алопеусъ встрѣтилъ его какъ стараго товарища, очень любезно, и все время былъ по прежнему къ нему въ хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ полку пастари было заведено принимать радушно прибывающихъ вновь достойныхъ товарищей, безъ задней мысли, что садятся на шею, тѣмъ болѣе этого не было относительно Карамзина.

На стр. 200, авторъ, какъ опытный наблюдатель, замѣтилъ на моемъ лицѣ неподдѣльное самодовольствіе по случаю назначенія моего будто-бы командующимъ полкомъ. Командиръ полка графъ Алопеусъ рапорта о болѣзни не подавалъ и приказъ по полку о назначеніи меня командующимъ не отдавался, а потому если бы и дѣйствительно я былъ такъ мелочень, какъ полагаетъ авторъ, то причинъ радоваться не имѣлъ; полковникъ Карамзинъ тоже рапорта о болѣзни не подавалъ, а увѣдомилъ запискою бывшаго начальникомъ отряднаго штаба князя Васильчикова, что онъ, по случаю пароксизма лихорадки, съ дивизіономъ на аванпосты идти не можетъ; но такъ какъ дивизіонъ выступилъ изъ лагеря 15-го мая, въ 9 часовъ утра, и Вистенгофъ, находясь въ 4-мъ эскадронѣ, тоже выступилъ, поэтому онъ не могъ слышать разговора Васильчикова съ Карамзинимъ, а тѣмъ болѣе самъ съ ними бесѣдовать, и все объясненное имъ на стр. 200—203 не болѣе какъ выдумка досуужей фантазіи.

Разговоръ Вистенгофа съ подполковникомъ Сухотинимъ, стр. 205—208, лишень всякаго вѣроятія и я не допускаю, чтобы это говорилъ Сухотинъ, знаяши его какъ человѣка правдиваго и съ которымъ я все время находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

1854 г., 16-го мая, въ 5 часовъ утра, эскадроны были готовы къ выступленію и, по немнѣнью мѣста выстроиться въ колонну, стояли передъ коновязями, которыя были разбиты, по той же причинѣ, въ разныхъ мѣстахъ, какъ позволяла мѣстность; люди были уже на лошадяхъ и офицеры находились на своихъ мѣстахъ. Ровно въ 5 часовъ я сѣлъ верхомъ и подѣхалъ, прямо отъ своей палатки, не подѣзжая къ фронту, къ палаткѣ Карамзина и вмѣстѣ съ нимъ уже подѣхалъ къ фланговому эскадрону,—стало быть, не имѣлъ ни времени, ни случая вести съ офицерами выдуманный авторомъ разговоръ. Карамзинъ тотчасъ пустилъ лошадей въ карьеръ, обскакалъ всѣ эскадроны здороваясь съ людьми, но никакой рѣчи не говорилъ, а, поручивъ мнѣ вести отрядъ, самъ поѣхалъ къ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту фонъ-Фишбаху съ докладомъ, а въ городѣ около моста встрѣтилъ отрядъ и ѣхалъ впереди его; при выступленіи отряда Сухотинъ еще спалъ.

Описанный авторомъ статьи ходъ боя подъ Карауломъ лишень всякой справедливости и я сомнѣваюсь, чтобы нашелся кто либо изъ участвовавшихъ въ бою, кто бы могъ передать автору все въ такомъ извращенномъ видѣ, а приписываю это желанію автора выставить въ неблагопріятномъ видѣ общество офицеровъ полка того времени, чтобы тѣмъ оправдать себя предъ лицомъ другихъ, какъ оставшаго полетъ не по собственному желанію.

Генералъ-маіоръ Дика.

Одесса. 1878 г.

Императрица Екатерина II.

О дозволеніи братьямъ Гернгутерамъ селиться въ Россіи

1763—1764 г.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской всеподданнѣйшій докладъ сѹнода. По высочайшему В. И. В—ва имянному, въ письменномъ сѹнодальнаго члена Димитрія, митрополита новгородскаго, предложеніи, объявленному повелѣнію, о выѣхавшихъ сюда изъ-за границы иноземцахъ, Гернгутами имянуемыхъ, что можно-ль допустить ихъ къ поселенію и жительству въ Россіи, сѹнодь общее имѣлъ разсужденіе. А понеже сѹнодальные члены, упомянутой новгородскій митрополитъ Димитрій и Гавріилъ архіепископъ санктпетербургскій, изъ тѣхъ Гернгутовъ съ двоими—однимъ архидіакономъ (Павель Лайрицъ) а другимъ ассесоромъ (Иванъ Лорецъ) называющимися, имѣли довольные разговоры, и письменныя о состояніи секты ихъ на латинскомъ языкѣ извѣстія разсматривали, и изъ оныхъ примѣчано, что ученіе ихъ сходствуетъ съ лютеранскимъ, а паче съ реформатскимъ ученіемъ, съ малою токмо нѣкоторою отгѣнкою. А что касается до обрядовъ и честнаго христіанскаго обращенія, то уподобляютъ они себя первенствующимъ христіаниномъ, и называются общебратствомъ евангелическимъ. Того ради сѹнодь всеподданнѣйше В. И. В—ву представляетъ, что, по разсужденію сѹнода, означеннымъ иноземцамъ, Гернгутами имянующимся, выѣздъ на поселеніе къ жительству въ Россіи позволить можно, такъ какъ и прочія лютеранской и реформатской и прочихъ религій люди свободнымъ здѣсь жительствомъ безпрепятственно пользуются, точію притомъ крѣпкое учинить имъ должно подтвержденіе, чтобъ они, въ свою въ Россіи бытность, никого изъ подданныхъ В. И. В—ва ни подъ какимъ видомъ, въ силу указовъ, своей секты учить и въ оную совращать отнюдь не могли. Болѣе же сѹнодь предаеть во особливое В. И. В—ва благоволеніе. В. И. В—ва всенизжайшіи раби и богомольцы: Смиренный Димитрій митрополитъ новгородскій. Смиренный Гавріилъ архіепископъ санктпетербургскій. Лаврентій архимандритъ Троицкой Лавры. Кирилова монастыря Бѣлозерскаго архимандритъ Сумбѣнъ. Оберъ-секретарь Остолоповъ.

Декабря 22-го дня
1763 года.

Собственноручная революція императрицы Екатерины II на семь докладѣ на полѣ: «По силѣ сего доклада Геригутамъ дозволеніе поселиться отъ насъ дано будетъ».

Примѣчаніе. При семь докладѣ приложенъ отпущекъ диплома Геригутскому братству на поселеніе въ Россіи 1764 года февраля 11-го дня, писаннаго на латинскомъ языкѣ и подписаннаго вице-канцлеромъ княземъ Александромъ Голицынымъ, по повелѣнію императрицы. На латинскій языкъ переложиъ этотъ дипломъ съ русскаго оригинала Григорій Тепловъ.

Въ 1764 году 6-го января архидіакономъ Павломъ Лайрицомъ и ассесоромъ Иваномъ Лоредомъ поднесена была Екатеринѣ II книга о вѣрѣ Геригутеровъ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Exposition de l'origine, de la doctrine, des constitutions, usages et ceremonies ecclesiastiques de l'Eglise de l'Unité des Frères Evangeliques». Эта книга хранится при дѣлѣ въ великолѣпномъ золотомъ переплетѣ.

Распоряженія по случаю недостатка хлѣба въ Смоленской губерніи

1766 г.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской отъ сената всеподданнѣйшій докладъ. Смоленская губернская канцелярія доношеніемъ въ сенатъ, отъ 28-го минувшаго февраля, представила о недостаткѣ въ тамошней губерніи у обывателей, а особливо у крестьянъ, въ хлѣбѣ, по причинѣ бывшаго въ прошломъ 1765 году неурожая, а притомъ доносить, что оной канцелярією опредѣлено: 1-е, изъ наличнаго въ Смоленскомъ магазинѣ хлѣба выдать отписной по корчемному дѣлу у полковника Потемкина деревни Рябинки крестьяномъ, до новаго урожая заимообразно, на первый случай, ржи 10, да ячменю 5 четвертей. 2-е, на основаніи указа 1723 года, чрезъ нарочнаго при канцеляріи секундъ-маіора Порошина и опредѣленнаго отъ магистрата, у смоленскихъ мѣщанъ хлѣбъ описать, и сколько явится, кромѣ подрядчиковъ и винныхъ поставщиковъ, прочимъ въ расходъ употреблять запретить. 3-е, въ Смоленской уѣздъ отправить прямо изъ Смоленска, а въ города изъ тамошнихъ канцелярій нарочныхъ, чтобъ развѣдали тотчасъ и секретно, у кого есть хлѣба достаточное число, и потомъ освидѣтельствовавъ объявили-бъ, чтобъ никуда въ расходъ безъ указа не употребляли, а притомъ взяли-бъ о числѣ душъ сказки. 4-е, на Дорецкой и Бѣльской пристаняхъ хлѣбъ также описать, и до будущаго указа оной въ Ригу отправлять и никуда въ расходъ употреблять не велѣть. 5-е, по присылкѣ-жъ всѣхъ оныхъ извѣстій

сколько изъясвлявагося хлѣба самимъ козяевамъ оставить и поколику неимущимъ раздавать распоряженіе учинено будетъ. 6-е, ежели между тѣмъ окажется хлѣбъ на полки и команды или на вино и пиво подрядной, оной изъ описи выключить. 7-е, къ комиссарамъ послать ордеры, чтобъ помѣщикамъ объявили, дабы они по такому неурожая крестьянъ и людей своихъ въ случаѣ недостатка довольствовани не надѣясь на казну, иначе же сверхъ собственнаго своего убытка, когда оныя разбрѣдутся и за границу побѣгутъ, должны они подушныя деньги за нихъ платить. И о семъ надлежащее исполненіе учинено. А въ сенатъ, для извѣстія, доносить, какихъ ради причинъ на то поступлено; притомъ же представляеть, что какъ изъ положенной 10,000 р. суммы употреблено для содержанія заграничнаго монастыря 2,376 рублей, да не употребленныхъ осталось 2,904 рубли 63 копѣйки съ четвертью, всего 5,280 рублей 63 копѣйки съ четвертью, то не соизволено-ль будетъ, на случай недостатка оныя, отпустить изъ коллегіи экономіи, а къ тому и еще сколько разсудится прибавить, дозволя на тѣ деньги хлѣбъ въ дешевыхъ мѣстахъ купить и неимущимъ раздавать.

В. И. В.—ву сенатъ всеподданнѣйше представляеть, что хотя въ доношеніи Смоленской губернской канцеляріи нимаго не изъяснено, во сколькихъ мѣстахъ и коликое число людей недостатокъ въ хлѣбѣ претерпѣваетъ, а одна небольшая деревенька, въ которой она канцелярія, описывая болѣе другихъ настоящую въ пропитаніи крайнюю нужду, доносить, что жителямъ той деревни выдать велѣно займообразно ржи десять и ячменя только пять четвертой, примѣромъ на всю губернію служить не можетъ, тѣмъ напротивъ, что сія деревня изъ-за помѣщика, въ корчемствѣ приличившагося, вышедъ въ опись, конечно, и безъ того можетъ быть въ такомъ состояніи, что и при хорошемъ хлѣба урожаѣ прокормить себя едва-ль можетъ, слѣдовательно и нельзя бы еще утверждать, чтобъ въ той губерніи обыватели и крестьяне совершенной недостаткомъ въ пропитаніи имѣли, особливо когда въ то-же время получено отъ тамошняго губернатора увѣдомленіе, что, въ число годовой туда препорціи вина 26,000 ведръ, явилось тамошнихъ помѣщиковъ къ поставкѣ слишкомъ уже на 18,000 ведръ; но понеже, напротивъ того, сенатъ, усматривая, какъ изъ присланной изъ Смоленской губернской канцеляріи вѣдомости весьма возвысившіяся въ самомъ Смоленскѣ, а паче въ уѣздахъ хлѣбныя цѣны, такъ и по полученнымъ при томъ доношеніи не единственно изъ означенной уже одной малой деревеньки, но изъ шести разныхъ селеній весьма того худаго хлѣба пробамъ, которой въ оныхъ селеніяхъ нынѣ уже въ пищу употребляется, принужденъ не сомнѣ-

ваться, что въ тамошней губерніи, по нѣкоторымъ мѣстамъ, великой въ хлѣбѣ недостатокъ, то ко отвращенію онаго, другаго средства нѣтъ, какъ что буде у смоленскихъ мѣщанъ и у помѣщиковъ довольно излишняго хлѣба въ казну по настоящимъ цѣнамъ купить не сыщется, то необходимо надобно изъ приготовленнаго къ отпуску въ Ригу на Порецкой и Бѣльской пристаняхъ хлѣба, хотя по третей части у каждаго промышленника за деньги по настоящимъ же цѣнамъ въ казну взять, и тѣмъ совершенно немущихъ пропитанія крестьянъ и обывателей заимообразно ссудить, ибо какъ изъ доношенія-жъ Смоленской губернской канцеляріи усмотрѣно, что хотя еще съ 1750 года заведенъ тамъ для таковыхъ случаевъ магазинъ, и велѣно употребить на то до 10,000 рублей, почему и искуплено было хлѣба тысячъ на семь, однакожь оной будучи въ разныя времена немущимъ розданъ, донинѣ, за ихъ бѣдностію, еще не возвращенъ, такъ что теперъ въ томъ магазинѣ наличнаго хлѣба не болѣе какъ 192 четверти ржи, 64 четверти овса и 144 четверти ячменю состоитъ, и потому сенатъ, поднося для всевысочайшаго В. И. В.—ва усмотрѣнія одну пробу изъ присланнаго при доношеніи Смоленской губернской канцеляріи хлѣба, приѣмлетъ смѣлость В. И. В.—ву всеподданнѣйше представить: не соизволите ли В. И. В.—во изъ матеряго къ подданнымъ своимъ милосердія всемилостивѣйше повелѣть, на покупку въ Смоленской магазинъ нужнаго къ пропитанію тамошнихъ жителей и крестьянъ хлѣба, отпустить изъ обращенныхъ на богоугодныя дѣла экономическихъ доходовъ до 15,000 рублей.

Всемилоствѣйшая государыня! сенатъ просить на оное В. И. В.—а всевысочайшаго указа, дабы, получа оной, можно было, еще прежде открытія водяной коммуникаціи, смоленскому губернатору подать достаточныя наставленія къ отвращенію какъ недостатка въ пропитаніи народномъ, такъ и могущаго быть отъ тамошнихъ промышленниковъ неудовольствія въ случаѣ когда-бъ по необходимости принуждено было изъ приготовленнаго ими къ отпуску хлѣба удержать нѣкоторую часть на мѣстѣ. Князь Яковъ Шаховской. Петръ Панинъ. Адамъ Олсуфьевъ. Оберъ-секретарь Ермолаевъ.

Марта 14-го дня 1766 года.

Полученъ того же дня. Слушанъ марта 15-го дня 1766 году.

Повелѣніе Екатерины II: «Быть по сему; а что касается до покупки хлѣба, то оной стараться въ землѣ искупить, а болѣе у извѣстныхъ богачей, а ежели у нихъ достаточно не сыщется, то въ такомъ случаѣ покупать на пристаняхъ».

**Известный указъ императрицы Екатерины II о покупкѣ для
арміи суконъ съ російскихъ фабрикъ**

1766 г.

Ея императорское величество всевысочайше указать соизволила: на армію англійскихъ суконъ не покупать, а подряжать всегда съ російскихъ фабрикъ и сіе содержать въ секретѣ. Генераль-квартирмейстеръ князь Вяземскій.

Сентября 19-го 1766 года.

Слушанъ того жъ 19-го числа сентября.

О расходахъ на строенія—замѣтка Екатерины II.

1766 г.

На Царское Село.	15,000
На Петергофъ.	60,000
На Ораниенбаумъ.	50,000
На Зимній дворецъ	120,000
На Дѣвичій монастырь	40,000
Берегъ	200,000
	<hr/>
	485,000
	24,000
На строеніе Александрo-Невскаго монастыря.	20,000
	<hr/>
	529,000

Письмо Григорія Потемкина къ Екатерины II

24-го мая 1769 г.

Всемилютейшая государыня! Безпримѣрныя вашего величества попеченія о пользѣ общей учинили отечество наше для насъ любезнымъ. Долгъ подданнической обязанности требовалъ отъ каждаго соотвѣтствованія намѣреніямъ вашимъ и съ сей стороны должность моя исполнена точно такъ, какъ вашему величеству угодно. Я высочайшія вашего величества къ отечеству милости видѣлъ съ признаніемъ, вникалъ въ премудрыя ваши узаконенія и старался быть добрымъ гражданиномъ. Но высочайшая милость, которою я особенно възскаанъ, наполняетъ меня отъвѣннымъ къ персонѣ вашего величества усердіемъ.

Я обязанъ служить государынѣ и моей благодѣтельницѣ, и такъ, благодарность моя тогда только изъявится въ своей силѣ, когда мнѣ для славы вашего величества удастся кровь пролить; сей случай представился въ настоящей войнѣ и я не остался въ праздности.

Теперь позвольте, всемилостивѣйшая государыня, прибѣгнуть къ стопамъ В. В—ва и просить высочайшаго повелѣнія быть въ дѣйствительной должности при корпусѣ князя Прозоровскаго, въ какомъ званіи В. В—ву угодно будетъ, не включая меня навсегда въ военной списокъ, но только пока война продлится.

Я, всемилостивѣйшая государыня, старался быть къ чему ни есть годнымъ въ службѣ вашей, склонность моя особливо къ конницѣ, которой и подробности я смѣло утвердить могу, что знаю, впрочемъ, что касается до военного искусства, больше всего затвердилъ сіе правило, что ревностная служба къ своему государю и пренебреженіе жизни бывають лучшими способами къ полученію успѣховъ. Вотъ, всемилостивѣйшая государыня, чему научила меня тактика и тотъ генераль, при которомъ служить я прошу вашего высочайшаго повелѣнія. Вы изволите увидѣть, что усердіе мое къ службѣ вашей наградить недостатки моихъ способностей и вы не будете имѣть раскаянія въ выборѣ вашемъ. Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Григорій Потемкинъ.

Въ квартирѣ кн. Прозоровскаго.
24-го мая 1769 году.

Повелѣніе Екатерины II о приготовленіи пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ

1786 г.

На проектъ Фитингофа объ учрежденіи главной консисторіи лютеранскаго и реформатскаго исповѣданія, поднесенномъ императрицѣ Екатеринѣ II, въ докладѣ отъ сената въ іюль 1786 г., императрица собственноручно написала:

«Сей проектъ составленъ, по моему приказанію, д. т. совѣти. Фитингофомъ и клонится къ тому, чтобъ заводить въ Лиф-Эст-и Финляндіи также, а въ Россіи гдѣ есть, протестантскія кирки поповъ изъ російскихъ подданныхъ тѣхъ законовъ, дабы избавитися бродягъ шведскихъ и иныхъ націй, кои развращають тѣ народы и не вперяють въ нихъ вѣрность и ревность къ Россіи, что нынѣ лѣтомъ въ Финляндіи довольно оказалось».

Графъ Ѳ. И. Толстой.

Мнѣ очень лестно, что рассказы о моемъ отцѣ, гр. Ѳ. Ив. Толстомъ, прозванномъ американцемъ, вошли въ литературной трудъ г-жи Новосильцевой, и, отдавая полную справедливость ея прекрасному таланту, я не могу однако не находить страннымъ, что авторъ не обратился ко мнѣ за болѣе вѣрными свѣдѣніями и согласіемъ моимъ на ихъ напечатаніе.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 538, г-жа Новосильцева говорить, что отецъ мой, въ англійскомъ клубѣ, заперъ двери и вынулъ пистолетъ, для побужденія къ расчету; не говоря о томъ, что эта трактирная стена немнѣшма не только въ англійскомъ клубѣ, въ который въ то время ѣздили не иначе какъ во фракахъ, но даже невозможна и въ любомъ шустерь-клубѣ, гдѣ есть старшины и нѣтъ запираемыхъ на ключъ комнатъ для игры; къ этому я должна прибавить, что гр. Толстой никогда не носилъ при себѣ пистолета. Охоты охъ не любилъ и въ нашемъ домѣ не было ни одной вещи, ее наломившей.

Рассказы г-жи Новосильцевой, помѣщенные ею въ «Русской Старинѣ» томъ XXI, стр. 334, тоже не вѣрны.

Отецъ мой умеръ на моихъ рукахъ, въ присутствіи моей матери и любимаго имъ семейства, графини Прасковьи Васильевны Толстой. Петра Александровича Нащокина при этомъ не было и никто изъ семейныхъ не находилъ нужнымъ извѣстить его о близкой кончинѣ графа. Причина же, объясняющая въ рассказѣ г-жѣ Новосильцевой его отсутствіе, не заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ непрѣздныхъ дорогъ, по шоссе, въ 80-ти верстномъ разстояніи отъ Москвы, 24-го октября, трудно себѣ представить.

Никакими кольцами Нащокинъ съ отцомъ моимъ не жѣнялся, но у графа было особаго фасону вѣнчалное кольцо, по образцу котораго Петръ Александровичъ когда-то заказалъ такое же для себя.

Отецъ похороненъ безъ кольца; никогда не дрался на дуэли вмѣсто Нащокина, съ нимъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ, одиннадцать разъ не былъ разжалованъ, а два раза, и не попадалъ къ Крузенштерну прямо съ дороги на багъ.

Покорнѣйше прошу редакцію журнала «Русской Старины» напечатать мою замѣтку въ вашемъ журналѣ, а въ случаѣ печатанія новыхъ статей, касающихся моего отца, обращаться ко мнѣ.

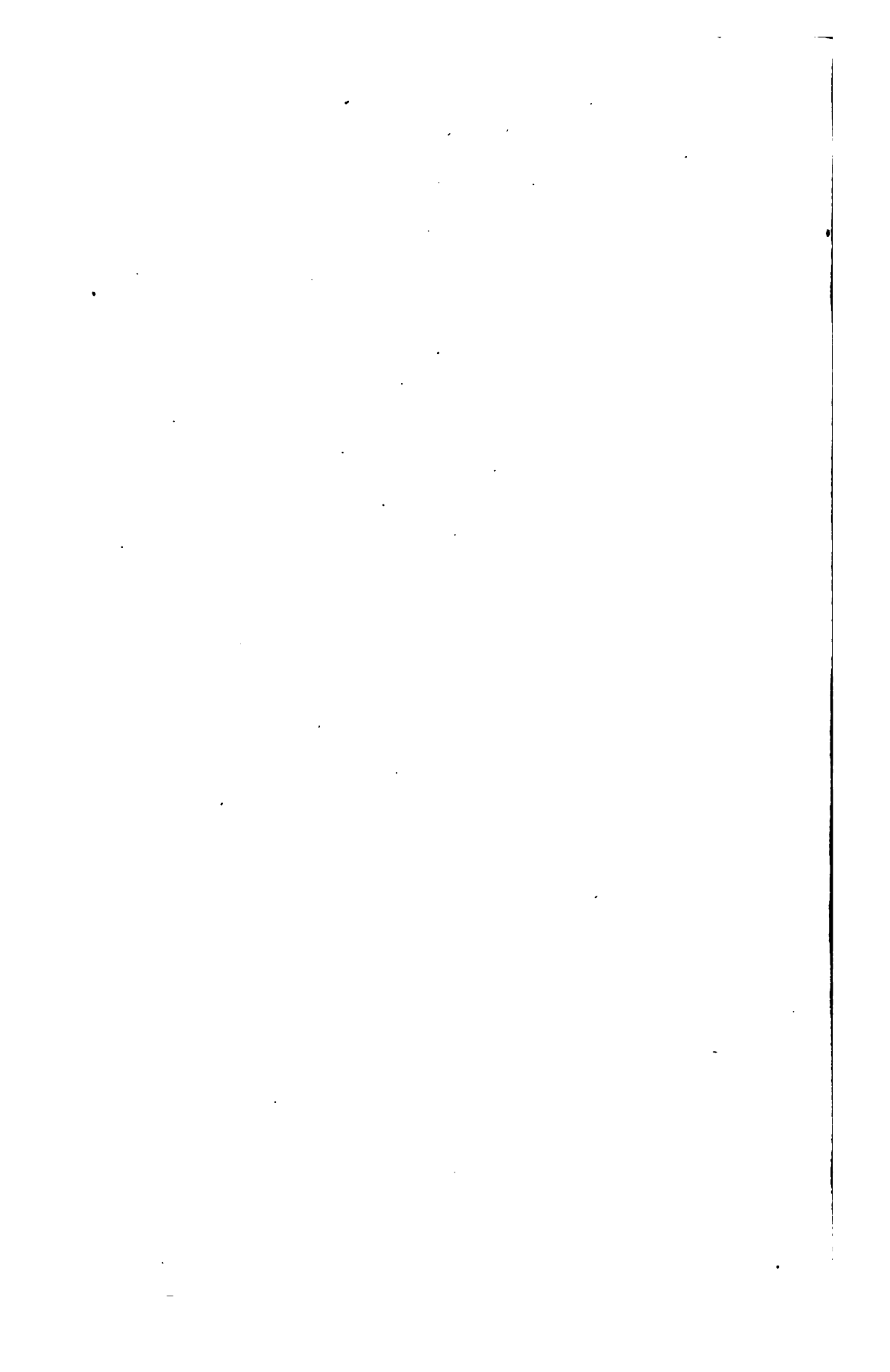
Прасковья Ѳедоровна Перфильева,
рожденная графиня Толстая.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ
ГУСТАВА ІІІ,
КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО,

1788 года, іюля 6-го дня.

Стихотвореніе В. П. Петрова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1788.

Это сатирическое произведение В. П. Петрова, по словам митр. Евгения («Словарь свѣтскихъ писателей», т. II, 118), было напечатано въ 1788 году только въ 50 экземплярахъ. Оно уже давно сдѣлалось величайшею библиографическою рѣдкостью, неизвѣстною ни одному изъ библиографовъ нашего времени. Только начало стихотворенія, до словъ: «клады всю Русь подъ саблю!» сохранилось въ корректурныхъ листахъ въ библиотекѣ М. П. Полуденскаго и было перепечатано А. Н. Аванасьевымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 года (№ 19, стр. 605—608), а въ 1867 г. отыскалась и полная копія съ рукописи въ собраніи А. Ф. Бычкова. Мы тогда напечатали ее отдѣльной брошюркою, но только въ количествѣ 100 экземпляровъ, изъ которыхъ въ продажу поступило не болѣе 25, такъ что и наше изданіе можно считать какъ бы рукописью. Оно не попадалось въ руки даже такимъ специальнымъ изслѣдователямъ отношеній Екатерины II къ Густаву III, какъ Я. Гротъ и А. Брикнеръ, изъ которыхъ первый три раза печаталъ о Екатеринѣ II и Густавѣ III (въ «Старой и Новой Россіи», въ «Запискахъ Академіи» и отдѣльно), а второй, кромѣ обширнаго изслѣдованія о войнѣ съ Швеціей 1788—1790 г., посвятилъ особую статью комической оперѣ Екатерины: «Горе богатырь». Между тѣмъ оба изслѣдователя вовсе не упоминаютъ о сатирѣ В. Петрова, имѣющей близкое отношеніе съ комедіей императрицы.

Напомнимъ вкратцѣ читателямъ о Густавѣ III и его «примѣченіи», послужившемъ основою стихотворенія.

Густавъ III, король шведскій, сынъ и преемникъ Фридриха-Адольфа, царствовалъ съ 1771 по 1792 годъ. Онъ былъ человекъ образованный, умный, отважный и рѣшительный, но виѣсть съ тѣмъ крайне тщеславный и расточительный, и имѣлъ несчастную слабость выказываться полководцемъ и доблестнымъ рыцаремъ давно минувшихъ временъ, въ чемъ доходилъ нерѣдко до донкихотства. Почти во все время своего царствова-

ніа онъ пользовался любовью народа и ненавистью аристократіи, у которой при самомъ вступленіи на престолъ отнялъ власть, находившуюся въ ея рукахъ со смерти Карла XII. Съ Россіей Густавъ III сначала былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и дважды пріѣзжалъ на свиданіе съ императрицею Екатериною II, одинъ разъ въ Петербургъ (въ 1777 г.) и другой разъ въ Фридрихсгамъ (въ 1783 г.). Императрица при этомъ хорошо узнала его слабыя стороны и въ послѣдствіи превосходно умѣла пользоваться ими для своихъ политическихъ цѣлей. Получивъ отъ нея 200 т. рублей, въ видъ вознагражденія издержекъ за поѣздку въ Фридрихсгамъ, Густавъ III отпривился путешествовать по Европѣ и этимъ путешествіемъ, сопряженнымъ съ разными выходками и крайнею расточительностью, много потерялъ въ мнѣніи своего народа, а Россіи доставилъ случай на свободѣ управиться съ его союзниками — турками. Въ 1786 г. Англія и Пруссія начали подстрекать его къ войнѣ съ Россією, чтобы, пользуясь войной ея съ турками, онъ возвратилъ всѣ прежнія утраты земель шведскаго королевства. Густавъ III легко поддавался искушенію и предложилъ къ войнѣ напелъ въ незначительной схваткѣ шведскаго отряда съ русскимъ при ссорѣ за мостъ на граничной рѣчкѣ Кюмени. Утверждаютъ даже, что онъ велѣлъ перерядить часть шведовъ въ русскіе мундиры и напасть имъ на другихъ шведовъ.

Эта неожиданная Россіей война началась лѣтомъ 1788 г., при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, потому что всѣ военныя силы были на югѣ и даже Петербургъ былъ безъ защиты. Тѣмъ не менѣе, императрица отвергла непожѣрныя условія Густава III для мира и наслоро были собраны всѣ средства къ оборонѣ. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ отправился въ походъ, но однако вскорѣ былъ отозванъ императрицею. Сухопутнымъ войскомъ въ Финляндіи начальствовалъ король Густавъ, а флотомъ его братъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Послѣдній однако пропустилъ удобное время для нападенія и далъ срокъ собраться всему русскому флоту, такъ что въ морскомъ сраженіи при о. Гохландѣ, 6-го іюля 1788 г., шведы были разбиты и принуждены уйти къ Свеаборгу. На сухомъ пути самъ Густавъ предпринялъ осаду Фридрихсгама, но представители аристократической партіи въ войскѣ успѣли въ это время составить заговоръ, извѣстный подъ именемъ Аньяльскаго союза. Въ началѣ августа военные начальники объявили королю, что они не могутъ принимать участія въ наступательной войнѣ, начатой безъ согласія государственныхъ чиновъ, а солдаты отказались идти на штурмъ, не смотря на всѣ убѣжденія короля. Онъ не могъ ничего сдѣлать, а между тѣмъ было получено извѣстіе о вторженіи датчанъ въ Швецію, и Густавъ III поспѣшилъ въ Стокгольмъ, куда и прибылъ въ сентябрѣ. Аньяльскій союзъ (такъ названный отъ Аньяльской мызы, гдѣ собирались заговорщики) вступилъ между тѣмъ въ переговоры съ русскими и заключилъ перемиріе.

До этого момента войны В. Петровъ довольно подробно передаетъ всѣ обстоятельства похода въ пророчествѣ Барла XII Густаву III, изъ чего и можно заключить, что стихотвореніе написано въ послѣдней четверти 1788 года. Сама императрица также не оставила безъ насмѣшки неудачную попытку Густава III, и написала по этому поводу комическую оперу: «Горьбогатырь».

Добавимъ еще, что Густавъ III, при помощи угрозъ Англіи, сумѣлъ удачно раздѣлаться съ датчанами и этимъ возвратилъ себѣ часть потеряннаго уваженія и любви городского и сельскаго населенія; а опираясь на него и на духовенство, онъ еще разъ успѣлъ сломить, на сеймѣ 1789 г., враждебную себѣ аристократію и еще болѣе расширилъ королевскую власть и поднялъ значеніе средняго сословія, предоставивъ ему доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, прежде исключительно принадлежавшимъ аристократамъ. Войну съ Россіей онъ продолжалъ, съ неравнымъ успѣхомъ, до половины августа 1790 г.; шведскій флотъ неоднократно терпѣлъ пораженія отъ русскаго, но и русскій флотъ былъ разбитъ въ іюнь 1790 года. Густавъ III однако не извлекъ выгоды изъ этой побѣды: онъ уже задумалъ въ это время воевать съ Франціей за освобожденіе Людовика XVI. Миръ съ Россіей былъ заключенъ 14-го августа и все было оставлено по прежнему, какъ и до начала войны.

Послѣ этого Густавъ началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Франціей, въ союзъ съ Россіей и нѣмецкими государями, для чего и предпринималъ поѣздку въ Германію. Но, по возвращеніи его оттуда, аристократическая партія, опасаясь новыхъ стѣсненій, рѣшилась прибѣгнуть къ убійству. Въ ночь на 17-е марта 1792 г., во время маскарада, Густавъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ пистолета отставнымъ гвардейскимъ маіоромъ Анкарстремомъ и умеръ черезъ 12 дней.

П. А. Шфремовъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ
 ГУСТАВА ІІІ,

КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО.

1788 г. іюля 6-го дня.

Густавъ,
 Въ покоѣ жить уставъ,
 Войной на Русь воздвига;,
 По Карлову острига
 Въ страхъ русскихъ городовъ и селъ,
 И чтобъ избыть въ здоровьѣ траты,
 Одѣлся въ латы,
 Какъ въ кожу льва осель:
 Богатырина страшной,
 Коль рокъ послужитъ вертопрашной!
 Обстава пушками Нейшлотъ,
 Онъ вывелъ въ море сильный флотъ.
 Была велика ошибка!
 И въ томъ Густавова немалая ошибка,
 Что флотъ пустилъ безъ латъ.
 Желая драться споро,
 Онъ скоро
 Потребовалъ заплатъ;
 Въ немъ часты сдѣлались прорѣхи.
 Летали ядра какъ орѣхи,
 Картечи какъ горохъ;
 Нѣтъ времени промолвить: охъ!
 Затеръ Густавъ густую брагу,
 Такъ надобно имѣть распить ее отвагу.

Понть тихъ,
Рокъ лихъ,
Стрѣльба не умолкаетъ;
Суда недвижны смерть толкаетъ
Со всѣхъ сторонъ,
Безъ милосердья ихъ рѣшетить,
И въ шведовъ безъ ошибки мѣтить;
Великъ урочъ!
Лишась отваги,
Неволей преклоняютъ флаги.
Густавъ велитъ налечь
И не жалѣть картечь;
Усталымъ снова жаръ вдыхаетъ,
И силой въ бой увѣчныхъ пхаетъ.
Но тщетны всѣ труды:
Густаву въ драгъ носъ разбили до руды.
Кровавыхъ капель видя росу
И трату кораблей,
Въ несчастну ночь
Дырявый флотъ онъ тянетъ прочь,
Для поправленія мачтъ, пагубъ и рулей,
И для починки носу.
Лишь выступилъ на берегъ,
Искалъ уединиться,
И вздумалъ въ ближнюю долину уклониться,
Оставя всѣхъ.
Тамъ сталъ какъ вкопаной и голову повѣсилъ,
Воображая, что сегодня начудесилъ.
Тогда надъ нимъ полна
Свѣтила блѣдная луна,
Нигдѣ вокругъ не слышно было шуму;
Тѣмъ больше онъ погрузнулъ въ думу:
Не разъ свои полки въ умѣ пересчиталъ,
И средства разные, томясь, избобрѣталъ,
Съ котораго зайти бы боку,
Чтобъ рану дать Руси глубоку.
Среди задумчивости таковой,
Тѣнь Карлова къ нему подходитъ,
И обойма его, какъ человѣкъ живой,
Съ нимъ рѣчь сію заводитъ:
«Какой на морѣ звукъ
Надѣлалъ ты, мой внукъ?
Ажъ я въ гробъ пробудился.
За что на Русь ты такъ жестоко разсердился?
Я съ ней поставилъ вѣчной миръ;
Что значить сей кровавой пиръ?»

В. П. ПЕТРОВЪ, 1788 г.

«Одѣвшись въ латы»,
Густавъ ему въ отвѣтъ,
«Я тшуся возвратить утраты,
Что мой надѣлалъ дѣдъ».

КАРЛЪ.

О! это, другъ мой, поздно,
Минуше ты забудь;
Коль было таково сужденье неба грозно,
Покорень року будь;
Ты прѣшь противъ рожна напрасно;
Кто вредной далъ тебѣ совѣтъ?
Съ соперникомъ своимъ согласно
Твой дѣдъ на свѣтѣ томъ живеть;
Ему на здѣшнемъ подражая,
Съ Россіей дружно ты живи,
И, никого не обижая,
Отцомъ народа прослыви.

ГУСТАВЪ.

Однако, дѣдъ, вѣдъ то не худо,
Чтобъ былъ умамень Россѣ?

КАРЛЪ.

Но произвестъ такое чудо
Мой внукъ, мнѣ мнится, не доросъ.

ГУСТАВЪ.

Какъ! вѣтъ такого силъ достатку
Во сродникѣ твоємъ,
Чтобъ горду Русь нагнуть къ упадку?
Я льшусь усилъ со славой въ семь,
Льшусь русскихъ разметать какъ чурокъ;
Тѣмъ занять весь, на то иду;
Мѣшками золота отъ турокъ
На ихъ подкупленъ я бѣду:
Ты знаешь ли—межь ихъ идетъ ужасна ломка,
И туркамъ плохъ въ сраженьяхъ прокъ;
Такъ твоего они потомка
Просили облегчить ихъ рокъ.

И я, вообразя о ихъ къ тебѣ заслугѣ,
Беру ихъ къ сердцу честь,
И въ брань вступаю надосугѣ;
Паля, за тѣмъ что порохъ есть.

КАРЛЪ.

Такъ ты воюешь, внукъ, за взятки
И ставишь подданныхъ подъ пуши на подрядъ!
Боль слабъ твой умъ и мысли шатки!
Ну, что, когда грѣхомъ съ тобой такой же лядъ
Послѣдуетъ, какой съ султаномъ?
Досегѣ, внукъ мой, жилъ ты паномъ;
Теперь, военному вдаваяся труду,
Самъ кличешь на себя бѣду.

ГУСТАВЪ.

Такъ развѣ опускать мнѣ пользы очевидны
И лучшихъ случаевъ къ наживѣ тщетно ждать?
Твои мнѣ рѣчи, дѣдъ, обидны;
Ты долженъ по себѣ о внукѣ разсуждать.
Открыться на-прямки: я ту-жъ ко славѣ жажду
Питаю, какъ и ты.
Я мучился минуту каждую,
Мнѣ мало трона суеты,
Мнѣ сфера надобна пошире,
Повыше почестей амвоны,
Чтобъ видѣвъ былъ я въ цѣломъ мірѣ,
И всѣ бѣ, уставя персть, кричали: вонъ онъ! вонъ!
Какъ я къ тебѣ приближенъ,
Великій дѣдъ, родствомъ—
Хочу быть близокъ удалствомъ;
За тѣмъ-то я, взгляни, по твоему остриженъ!

* * *

Сколь ни былъ Карлъ угрюмъ,
Неволей усмѣхнулся,
Подумавши—никакъ ума Густавъ рехнулся.
Но чтобъ возобновить въ немъ прежню здравость думъ,
За сумасшествіе его не обличаетъ,
Но кротко отвѣчаетъ:

«Я вижу, ты себя по-дѣловски остригъ,
 Да волосовъ въ царѣ важна ли, внучекъ, стрижева?
 Когда чрезъ то добротъ въ душѣ твоей нѣтъ лишка,
 Все въ мѣру твоего ты дѣда не достигъ.»

* * *

«Какъ! я не дѣдъ?» Густавъ тутъ крикнулъ велегласно;
 «Я дѣдомъ быть искалъ всечасно,
 Да имъ и сдѣлался, всю мочь употребя:
 Всмотрись въ Густава ты, увидишь въ немъ себя!»
 То молва, какъ солдатъ предъ тѣнью выступаетъ,
 Бросаетъ ноги вверхъ, бѣгъ крѣпко въ землю пятай.
 Движеній разнотою
 Почтеніе себѣ у дѣда покупаетъ.
 Вдругъ, мечъ изъявъ, кричить: «во фрунтъ! ступай! рази!
 Клади всю Русь подъ саблю!
 Не значить ли сіе течъ въ дѣдовски стези;
 Я Карлъ и Карлова въ жизнь духа не оставлю!
 О, жаръ какой въ груди моей скопленъ!
 Мнѣ нужно было расходиться,
 А то пойдетъ бѣда плодиться
 И русскихъ неизбѣженъ плѣнъ».

* * *

Качая головой, тутъ Карлъ ему вѣщаетъ:
 «Твой жаръ и похвальба,
 Страхъ, ужасъ и пальба
 Мнѣ, милой внукъ, отнюдь добра не обѣщаетъ.
 Одумайся, смиришь,
 Моимъ примѣромъ умудришь.
 Ты лучше бы прегрѣшности исправилъ,
 Когда бы мирно правилъ.
 Теперь шума, бурля, взнимая гордо бровь,
 Боюсь, надѣлаешь ты тратъ ужасныхъ вновь;
 Отвага безъ ума — больша въ войнахъ помѣха,
 И гвѣвъ безъ силъ достоинъ смѣха.
 Ты въ сердцѣ разбуди къ отечеству любовь
 И некрещеному престань дружить неизждѣ:
 Арабска золота дороже шведска кровь.
 Не вѣрь прельщающей надеждѣ:
 Обрушится тотъ можетъ въ мигъ,
 Кто силъ не мѣряетъ своихъ.
 Межъ нами молвить, внукъ, хотя и мнишься ты,
 Среди подъятой суеты,

Быть страшнѣмъ
 На здѣшнемъ берегу;
 Но лъзя ли утанѣ, что носъ тебѣ расквашенъ
 На первый въ бой шагъ,
 Что шведскій флотъ разбить, растроченъ, измочаженъ,
 Что чернѣ и весь сенатъ тѣмъ сильно опечаленъ,
 И въ гробѣ принужденъ и я вздыхать: охъ, охъ!
 Вотъ твой зачинъ! сколь выѣздъ въ море плохъ!»

* * *

«Великій предокъ!»
 Густавъ прервалъ съ сердцовъ;
 «Между героевъ ты сколь храбростью ни рѣдокъ,
 Дозволь себѣ сказать правдивы пять-шесть словъ:
 Ты весь переѣмился нравомъ,
 Мнѣ вается, на томъ ты свѣтѣ поглупѣлъ;
 Живя межъ смертными и бывъ въ разсудкѣ здоровъ,
 Ты то ли пѣлъ?
 Любилъ подъ заврами корону,
 Ни людямъ не давалъ, ни пушкамъ угомону,
 Ходилъ съ ружьемъ вблизи, вдали,
 Всегда кричалъ: пали! пали!
 Теперь меня склоняешь къ миру,
 Чтобъ я бездушному подобенъ былъ кумиру,
 Сидѣлъ
 Безъ дѣлъ,
 Поджавши руки,
 И умиралъ со скуки.
 Нѣтъ,
 Милый дѣдъ!
 И я хочу искать побѣдъ!
 Коль тысячи людей моей послушны волѣ,
 За чѣмъ на ратное и мнѣ не выйти поле,
 За чѣмъ не посадить съ разбѣгу на рога
 Стариннаго врага?
 Что жарко встрѣченъ я, въ томъ нѣтъ большой потери,
 Отворены и мнѣ впередъ къ побѣдамъ двери;
 Премѣнно счастье на войнѣ —
 Сегодня имъ, а завтра мнѣ.
 А ты журишь меня,
 Какъ глупаго молокососа;
 Напоминаешь мнѣ расквашеніе носа,
 Некстати надо мной труня.
 Ты счастья на войнѣ превратность самъ извѣдалъ!
 Я чаю — если ты не все забвенью предашь,

Что сыграно съ тобой
 Насмѣшницей судьбой —
 Ты помнишь тотъ разгромъ, ту ваху подъ Полтавой,
 Когда на вѣкъ разставшись съ славой,
 Изъ боевой стѣны
 Ты первый на-утекъ всѣмъ махомъ побѣжалъ
 И чуть штаны
 На мѣстѣ, гдѣ сидѣть имъ должно, удержалъ.
 И послѣ, будучи и слабъ и хромъ отъ раны,
 Не преставаешь ты бить тревогу въ барабаны,
 Пока тебя ядро, ударивши въ високъ,
 Повергло мертва на песокъ. 1)

* *

Тутъ Карлъ, чело нахмура
 И двигаясь какъ буря,
 Весь гнѣвомъ запылалъ,
 И пзъ-подъ руки пыхъ за пыхомъ посылалъ;
 Три раза кулакомъ на внука замахнулся;
 Три раза отъ него внукъ съ нуждой увернулся;
 Впослѣдокъ, разъярившись, онъ возопилъ: «Щенокъ!
 Тебѣ ли получать побѣдами вѣнокъ?
 Шишимора, не вонь!
 Не лавра—смѣха ты, нль больше, слезъ достоинъ!
 Для безопасности отъ пулъ
 Запятавшись ты въ латы,
 Какъ въ крѣпостѣнныя палаты,
 Заране всѣмъ далъ знать, что ты въ герояхъ нуль.
 О, черепъ на хребтѣ носящая улитка!
 Смѣшна твоя на брань попытка;
 • Смѣшонъ порывъ
 Россіи сопротивъ!
 Ты, злостью на нее пылая,
 Не смѣлъ съ ней явно рукъ смѣсять;
 Но какъ лукавый песь, не лая,
 Хотѣлъ, подкрившись, укусить,
 Пятой ее ударить въ зубы.
 Оплакивай теперь свои поступки грубы,
 Сумбуръ взысканій и угрозъ,
 И, плача, утирай кровоточивый носъ.

1) Карлъ подъ Полтавой не убить; наканунѣ сраженія раненъ опасно въ ногу; въ сраженіяхъ началъ его пушечною картечью разбита, а онъ цѣлъ остался и бѣжалъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Бендеры. (Примѣч. въ рукописи).

Измѣнникъ отчества, свободы общей хищникъ,
 Что подданныхъ кровью торгуешь какъ барышникъ,
 На кучу ты даровъ Абдуловыхъ взгляни
 И кучу съ оною тѣхъ мертвыхъ тѣлъ сравни,
 Безвинно конхъ ты подвелъ подъ русски пушки.
 Иль жизни ихъ, злодѣй, не стоятъ ни полушки?
 Кто выучилъ тебя такъ мыслить, басурманъ,

Что, если королю угодно,
 Премногихъ съ тратой душъ онъ можетъ благородно
 Свой златомъ набивать карманъ?

Ты, вонча, въ-тай пріялъ магометанску вѣру,
 Что преданъ туркамъ такъ надѣру.

Надѣнь, надѣнь чалму,
 Поклонникъ Магометовъ,

И свѣту покажи всему,
 Что первый ты для мзды обрѣзался изъ шведовъ.
 Между даровъ тебя въ честь прислать алкоранъ,
 Абдуль и ты—души не слышите другъ въ другъ:

Великомочный онъ на югѣ,
 Ты въ Нордѣ маленькой тиранъ;
 Софы султанскія подпора,
 Для боля сердца моего,
 Въ бѣду отчества всего
 И христіанству для позора.

Но, о второй визирь! Магмедовъ богатырь!

Когда ты такъ упоренъ

И здравымъ мыслямъ неповоренъ,
 Рѣшился Швецію преобратить въ пустырь,
 Такъ слушай же тебѣ грозящія впрעדъ бѣдства.

Мнѣ всѣ войны открыты слѣдства;

Изъ устъ моихъ теперь

Внимаю число твоихъ потерь:

Ты много тысячъ пудъ утратилъ солонины,
 Солдатамъ хлѣбъ твоимъ представилъ изъ мякны.

Они, его ѣдя не всласть,

Колькратно будетъ онъ въ ихъ горлѣ становиться—

Тебя за сямъ столомъ согласно будутъ клясть,

Желая тѣмъ тебѣ всѣхъ прежде подавиться.

Ты будешь казанье въ церквахъ читать, какъ попь,

И ленты раздавать съ амвона,

Чтобъ твоего въ защиту трона

Охотнѣй тотъ, кто глушь, на смерть свой ставилъ лобъ.

Вельможи, видя то, въ-тай сердца будутъ плавать,

А чернъ, розина рты,

Дивиться, смѣючись, что ты

Снисходишь безъ чиновъ такъ въ публикѣ калыкать.—

Чтобы во твой предѣлъ не допустить врага,

Ты каменны мосты, смыкающи брега,
 Велишь ломать отъ страху,
 И то испортить съ-маху,
 Что прежде бранныхъ бѣдъ
 Стояло много лѣтъ.
 Который чортъ и что тебѣ далъ за охоту
 Губить безъ жалости рукъ собственныхъ работу?
 Въ сильнѣйшемъ твоего неистовства жару,
 Въ самомъ на бой яру,
 Оружники твои, къ отечеству равнодушны,
 Окажутся тебѣ презрительно-ослушны.
 Ты скажешь имъ: во фрунтъ! о други, полетимъ!
 Они тебѣ: — король! мы драться не хотимъ!
 Вложи въ ножны свой клинокъ,
 Иль, ежели ты смѣль,
 Такъ выйдь противъ Руси одинъ на поединокъ.
 Намъ ребры надобны и свѣтъ не надобль! —
 А какъ тебя тутъ взбѣситъ,
 Ты радъ бы всѣхъ ихъ съѣсть,
 Но страхъ въ душѣ твоей всю лютость перевѣситъ:
 Ты долженъ нѣхота досаду горьку снести.
 Вскричишь, съ ума сойдя:
 Казните дерзкихъ строго!
 Но смѣнешь, разсудя,
 Что ты—одинъ, ихъ много.
 Не найдешь палача,
 Самъ развѣ ихъ накажешь:
 Кого нябудь по шеѣ смажешь
 Рукой державной съ-горяча,
 И тѣмъ явишь въ себѣ кудачника исправна.
 Комедія забавна:
 Царь будетъ гнѣваться, браниться, топотать,
 А подданы надъ нимъ внутрь сердца хохотать! —
 Отъ одного державы края
 Походъ къ другому простирая,
 Черезъ горы, доли, рѣкъ струи,
 Черезъ лѣсъ, потоки и ручьи,
 То на конѣ, то пѣшию,
 Шататься будешь ты, какъ лѣшию,
 Туда
 Сюда,
 Голодныхъ вонновъ таская,
 И ихъ до подлости лаская —
 Съ тобою вмѣстѣ жить, съ тобою умереть;
 А самъ назадъ всякъ часть смотрѣть
 Всѣ-ль идуть за тобою слѣдомъ:
 Чтобъ вмѣсто предлагаема врага,

Склоненъемъ въ сторону шага,
Не погнались куда невѣжи за обѣдомъ.

Рушевые види стѣвъ,

Людей твоихъ постыднѣи плѣтъ,
Какъ нищій будешь ты просить о перемирьи,
Чтобъ датчане тебя не трогали, какъ чарьи:

Ты съ ними не дрался,

Ты съ этой стороны къ войнѣ не собрался.
Тутъ сдѣлаешься ты вдругъ кротокъ какъ овечка,

И снявъ чалму или шоломъ,

Постыдно будешь бить предъ странячими челомъ:
Замолвить за тебя противнымъ полсловечка;
Съ турецкимъ золотомъ развяжешь кошельки,
Самъ будешь ужъ дарить всей чливостью руки;
Войны ни перервать и продолжать не смѣя,

И что начать недоумѣя,

Замучишься тоской, свой видя близкій мать,
Абдулу, и дарамъ, и животу вераждь.

Въ послѣдокъ довершить несчастье

И съ ногъ до головы чтобъ въ студию тебя облечь—
Судьба изъ рукъ твоихъ исторгнетъ самовластье,
Служившее тебѣ, какъ бѣшеному мечъ.

Въ погибели людей и флота

Потребутъ съ тебя отчета;

Ты станешь совѣсти на судъ

И будешь обличенъ, какъ скверный ты сосудъ,
Буянъ отъ хмѣля непокойный,
Монарша сана недостойный.

Представь, что будешь ты тогда,

Когда

Златая вольность вновь возникнетъ,

И весь народъ ура! ей въ радости воскликнетъ,
Кляня тиранскихъ вслухъ насиліе когтей;
Когда мечтамъ твоимъ поставятся предѣлы,

И перевязи бѣлы

У всѣхъ спадутъ съ локтей.

И такъ ты былъ великъ неслишкомъ —

Военныхъ послѣ бѣдъ

Презрѣннымъ будешь ты въ Европѣ королѣнникомъ,
Иль какъ ненадобный для царства кормождь.

Нельзя уже тогда задрать тебѣ сосѣдей,
А развѣ на волковъ возстанешь и медвѣдей,
Или на кабановъ, средь блатныхъ камышей,

И крысъ дворцовыхъ и мышей.

Не нужно тутъ ужъ войскъ, ни ядръ, ни пулъ свинцовыхъ—
Наступивай, драчунъ!

Одною головою,

Съ предлинной булавою,
 Какъ Гераклесъ имъ дашь ты скоро карачунъ;
 Всѣ твари мечъ твой, трасучись, почувють!
 Тогда-то ужъ, мой другъ,
 Большой тебѣ досугъ —
 Приобрѣтать вѣнки, трофеи, пирамиды.
 Послушай-же, Густавъ, какъ можно не робѣй,
 Всѣхъ гадягъ перебей;
 Безъ панцыря и пушекъ
 Дави лягушекъ
 И что ни попадетъ все, вышедъ изъ земли;
 Корыстями твои обвѣшай веревъ;
 Чтобъ лапы ихъ, хвосты и мѣрь различныхъ морды
 Казали издали твои побѣды горды.
 Вотъ храбрости твоей сколь много будетъ пробы! —
 Рвѣчь кончили Карлъ и скрылся въ гробъ.

КНЯЗЬЯ ДОЛГОРУКОВЫ

въ 1730—1740 гг.

ЗАМѢТКА.

Читатели «Русской Старины» получали при ея книгахъ 1878 года, между другими портретами, изображенія двухъ страдальцевъ изъ фамилиі князей Долгоруковыхъ: это князь Василій Лукичъ и князь Иванъ Алексѣевичъ. Портреты рѣдкіе, никогда до сихъ поръ не изданные и воспроизведенные для нашего изданія искуснымъ рѣзцомъ академика Сѣрякова съ невышедшихъ, въ свое время, въ свѣтъ гравюръ изъ собранія Платона Бекетова, нынѣ принадлежащихъ П. А. Ефремову.

До сихъ поръ намъ довелось видѣть живописный портретъ только одного изъ этихъ Долгоруковыхъ—именно князя Ивана Алексѣевича—на выставкѣ портретовъ русско-историческихъ лицъ въ 1870 г. въ Петербургѣ.

Страданія той группы представителей этой фамилиі, къ которой принадлежатъ князья Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ, страданія и казни, повесенныя ими въ царствованіе Анны Іоанновны, были предметомъ нѣсколькихъ статей и біографическихъ замѣтокъ, составленныхъ сначала по актамъ, обнародованнымъ въ ту же эпоху офиціально, и по извѣстіямъ иностранцевъ-современниковъ, затѣмъ по симъ же послѣднимъ и по документамъ фамильныхъ архивовъ (таковы матеріалы о нихъ въ соч. кн. П. В. Долгорукова); наконецъ, въ послѣднія 15 лѣтъ, и по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, сохранившимся въ подлинномъ о нихъ розыскомъ дѣлѣ бывшей Тайной Канцеляріи (Государственный архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ).

С. М. Соловьевъ въ своемъ монументальномъ трудѣ: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» отвелъ двѣ-три страницы судному дѣлу о Долгоруковыхъ и кровавой его развязкѣ, совершившейся въ 1739 году. (См. томъ XIX, стр. 318—319; томъ XX, стр. 409—411).

Мы не станемъ повторять достаточно уже извѣстныхъ фактовъ, по крайней мѣрѣ опустимъ весьма многіе изъ нихъ; но въ виду изданныхъ «Русскою Стариною» портретовъ князя Василія и князя Ивана Долгоруковыхъ напомнимъ въ сжатомъ очеркѣ судьбу какъ ихъ, такъ и многочисленныхъ родителей за время съ 1730 по 1742 годъ.

Материалами для этой записки послужили рукописи, принадлежащая ред. «Русской Старины», а именно: I. Обстоятельная статья из известнаго библиомана и библиофила Якова Федоровича Березина-Ширяева, сообщенная намъ въ 1871 г. II. Большая выписка (экстрактъ) изъ подлиннаго розыскнаго дѣла о князьяхъ Долгоруковыхъ, сдѣланная въ 1740-мъ году и въ кони сообщенная ред. «Русской Старины» изъ архива покойнаго Ф. В. Булгарина—Т. А. Сосновскимъ. Выписка занимаетъ 24 стр. убористаго письма въ листъ, и носитъ заглавіе: «Бѣдствія, претерпѣнныя фамилією князей Долгорукихъ». III. Нѣсколько выписокъ изъ подлинныхъ указовъ и распоряженій 1739 г., до ссылки и казни Долгоруковыхъ относящихся, сообщены И. Андреевскимъ, и IV. Два—три документа о княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, сообщенные изъ Сибири, въ 1872 г., изъ Барнаула, почтеннымъ сотрудникомъ «Русской Старины» С. Гуляевымъ.

Князь Василій Лукичъ, въ царствованіе Петра Великаго, состоялъ сначала при посольствѣ Якова Федоровича Долгорукова въ Парижѣ, а потомъ посланникомъ при разныхъ дворахъ. При Екатеринѣ I онъ находился въ Стокгольмѣ, а въ царствованіе Петра II—состоялъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, сынъ Алексѣя Григорьевича, род. въ 1708 г., воспитывался въ Польшѣ, у своего дяди. По пріѣздѣ въ Россію, онъ былъ опредѣленъ Екатериною, въ 1725 году, гофъ-юнкеромъ ко двору царевича Петра II и вскорѣ сдѣлался его любимцемъ и товарищемъ забавъ. Честолюбивый и могущественный Меншиковъ, обручившій съ юнымъ императоромъ дочь свою Марію, не обращалъ особеннаго вниманія на привязанность Петра къ своему любимцу и самовластно распоряжался дѣлами. Владычество при дворѣ Меншикова устрашало нѣкоторыхъ вельможъ, оскорбленныхъ его надменнымъ обращеніемъ, и они стали искать случая къ гибели временщика. Графъ Остерманъ и Василій Лукичъ Долгоруковъ въ особенности старались свергнуть его Меншикова и для достиженія своей цѣли избрали посредникомъ любимца государева; они снабжали наставленіями Ивана Алексѣевича Долгорукова какъ говорить императору о Меншиковѣ и въ какомъ видѣ представлять его корыстолюбію. Иванъ Алексѣевичъ, руководимый своимъ дядею и графомъ Остерманомъ, съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ могущественнаго временщика и вскорѣ достигъ цѣли. Князь Меншиковъ былъ лишенъ всѣхъ почестей и сосланъ съ семействомъ сначала въ Рененбургъ, а потомъ въ Березовъ.

Съ паденіемъ Меншикова Долгоруковымъ уже не было опаснаго соперника и, казалось, сама судьба вела ихъ на высшую ступень государственныхъ почестей. Петръ II, по прибытіи въ Москву для коронованія, возвелъ любимца своего, двадцати-лѣтняго юношу, князя Ивана Алексѣевича, въ званіе оберъ-камергера и пожаловалъ андреевскою лентою. Долгоруковъ безот-

лучно находился при государѣ, забавлялся съ нимъ охотою и разными увеселеніями въ окрестностяхъ Москвы. Во время такихъ забавъ, Петръ не рѣдко заѣзжалъ къ отцу своего любимица, князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, жившему въ подмосковномъ селѣ своемъ Горенки, и съ удовольствіемъ проводилъ у него по нѣсколько часовъ. Тамъ, однажды, увидалъ юный Петръ сестру своего любимица, княжну Екатерину Алексѣвну, которую и избралъ себѣ въ супруги. 19-го числа сентября 1729 года, Петръ объявилъ верховному совѣту о предстоящемъ своемъ бракѣ съ княжною Долгоруковою, а 30-го ноября, въ Лефортовскомъ дворцѣ, совершенно было ихъ обрученіе ¹⁾.

Отецъ невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ верховнаго совѣта, будущій родственникъ государя, получилъ въ даръ двѣнадцать тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Братъ невѣсты, Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ царя, стоялъ на высшей ступени государственныхъ почестей. Князь Василій Лукичъ, дядя невѣсты, пользовался также особенными милостями государя, однимъ словомъ—всѣ Долгоруковы были возведены въ высшіе чины и сдѣлались самыми могущественными при дворѣ лицами.

19-го января 1730 г. было назначено бракосочетаніе императора съ княжною Долгоруковою, но 6-го января, въ день Богоявленія, императоръ Петръ, бывъ съ своею невѣстою на торжественномъ водосвѣтіи, происходившемъ на Москвѣ-рѣкѣ, сильно простудился и, пріѣхавъ во дворецъ, почувствовалъ себя нездоровымъ. На другой день у него открылась оспа и болѣзнь съ каждымъ днемъ стала усиливаться. 17-го января уже не оставалось никакой надежды на выздоровленіе государя и 19-го числа, въ день, предназначенный для свадьбы, во второмъ часу пополудни, скончался императоръ Петръ, на рукахъ любимица своего, князя Ивана Алексѣевича, и барона Остермана.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, предвидя, что съ переменою государственнаго правленія можетъ утратиться ихъ прежнее могущество, старался упрочить за собою власть, какими бы то ни было способами. Для достиженія своей цѣли, онъ еще во время предсмертной агоніи государя рѣшился составить отъ его имени духовное завѣщаніе, которымъ императоръ передавалъ престолъ обрученной своей невѣстѣ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой.

Мысль о составленіи этого завѣщанія была положена на семейномъ совѣтѣ Долгоруковыхъ: князей Алексѣя, Сергія и Ивана Григорьевичей, князя Василія Лукича и юнаго оберъ-камергера Ивана Алексѣевича. На томъ же совѣтѣ—сочинена была эта духовная. «И на-черно ту духовную написалъ

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 340, нѣкоторыя интересныя данныя о княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой.

князь Сергій, а потомъ съ той духовной написалъ оной же князь Сергій двѣ такія же духовныя уборнымъ письмомъ».

По приказу князя Алексѣя Григорьевича, сынъ его, князь Иванъ, подписалъ одну изъ этихъ духовныхъ—именемъ императора Петра II «такимъ почеркомъ», каковымъ «его величество имя свое подписывалъ».

Но какъ ни были смѣлы составители подложнаго духовнаго завѣщанія, они спѣшили найти поддержку для проведенія своего дерзкаго плана и прежде всего поддержку въ своихъ родичахъ; таковы были: подполковникъ л.-г. Преображенскаго полка князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ и братъ его князь Михайлъ Владиміровичъ. Старшій изъ нихъ былъ въ отлучкѣ; за нимъ было немедленно послано, по распоряженію князей Алексѣя Григорьевича и Василя Лукича.

Вотъ какъ рассказывалъ девять лѣтъ спустя князь Василій Владиміровичъ объ этомъ роковомъ для него и для всей его фамиліи дѣѣ. Приводимъ его рассказъ, дополнивъ показаніями прочихъ участниковъ событія, его рдичей:

«Во время болѣзни его императорскаго величества Петра II—былъ я, князь Василій, въ деревнѣ у княжны Вяземской. И въ ту мою бытность, въ Москвѣ, отъ князя Алексѣя Григорьева сына, или отъ князя Василя Лукина сына, или отъ брата моего роднаго князя Михайла Долгорукихъ, того не упомяну,—присланъ былъ ко мнѣ, а кто не упомяну же;—который присланный отъ нихъ объявилъ мнѣ, что его величество весьма болѣнъ и приказали-де просить меня, чтобы я былъ во дворецъ, безъ замедленія. И я изъ оной деревни пріѣхалъ въ Москву. И по пріѣздѣ, на другой день съ братомъ своимъ, княземъ Михайломъ, пріѣхалъ во дворецъ. И за тяжкою болѣзнию его величества видѣть времени мы не получили. Потомъ побѣхалъ я, съ братомъ своимъ княземъ Михайломъ въ Головинскій домъ, къ князю Алексѣю. И по приходѣ къ нему въ покои, были тогда у него князь Василій Лукинъ сынъ, князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, да сынъ князя Алексѣя—Иванъ. И я спросилъ князя Алексѣя: «Бывовъ его величество и есть-ли къ выздоровленію надежда?» И князь Алексѣй мнѣ сказалъ, что его величество весьма болѣнъ. И потомъ онъ, князь Алексѣй, побѣхалъ къ его величеству, во дворецъ.

«Послѣ отъѣзда князя Алексѣя во дворецъ, князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти (по приказу брата своего Алексѣя) говорили мнѣ: «вотъ-де его величество весьма болѣнъ; и ежели скончается, то надобно какъ можно удержать, чтобы послѣ его величества наслѣдницею російскаго престола быть обрученной его величества невѣстѣ княжнѣ Екатеринѣ». И я, и братъ мой князь Михайло—князю Сергію и князю Ивану Григорьевымъ дѣтямъ говорили:—«этому, чтобы княжнѣ Екатеринѣ послѣ его величества быть наслѣдницею, статься не можно, повеже она за его величествомъ въ

супружествѣ не была».—На такія слова—князь Сергій и князь Иванъ говорили мнѣ:—«Какъ этому не сдѣлаться! ты-де въ Преображенскомъ полку—подполковникъ, а князь Иванъ—маіоръ, то можно учинить; и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому; сверхъ же того говорить о томъ будемъ графу Гаврилу Головкину и князю Дмитрію Голицыну; а смелъ они въ томъ заспорить, то будемъ ихъ бить».

«И я онымъ князьямъ Сергію и Ивану говорилъ: «что вы, ребята, врете! какъ тому можно сдѣлаться, и какъ мнѣ полку объявить! Услыша отъ меня объ ономъ объявленіи, не токмо будутъ меня бранить, но и убьютъ, понеже неслыханное въ свѣтѣ дѣло вы затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть російскаго престола наследницею! кто ей подданнымъ быть (пожелаетъ); не только посторонніе, но и я, и прочіе фамиліи нашей никто въ подданствѣ у ней быть не захотятъ. А ежелибъ она за его величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда-бъ въ учиненіи ея наследницею не безъ сумнѣнія было, понеже по кончинѣ государя императора Петра Великаго покойную государыню императоръ при животѣ своемъ короновалъ».

«И на то князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили: «Княжну Катерину государь императоръ нынѣ изволилъ самъ учинить наследницею по себѣ». И я сказалъ: «тобъ хорошо, понеже оное въ волѣ его величества состоитъ, но токмо какъ и о такомъ несостоятельномъ дѣлѣ разсуждать можно, потому что если вы говорите, что его величество весьма болѣнъ и говорить не можетъ, то какъ его величеству оное учинить можно!»—И притомъ онымъ князю Сергію и князю Ивану Григорьевымъ дѣтямъ, а послѣ того, какъ пріѣхалъ къ нимъ князь Алексѣй, то и ему, князю Алексѣю, говорилъ я, чтобъ они отъ означеннаго намѣренія своего отстали, что тому сдѣлаться не можно, что это дѣло ни къ чему негодное, чтобъ они о такомъ противномъ дѣлѣ думать перестали, и что они еще сами себя въ томъ погубятъ.—И они, князь Алексѣй, и князь Сергій, и князь Иванъ Григорьевы дѣти за то на меня осердились. И я, съ братомъ своимъ Михайломъ, отъ нихъ поѣхалъ въ домъ свой».

Относительно той мысли «о наследствіи» дочери князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, что «когда-бъ она была за государемъ въ супружествѣ, и тогда-бъ» могъ осуществиться замыселъ «родичей» Василя Владиміровича, послѣдній хотя и самъ однажды высказалъ эту мысль, но «въ такомъ намѣреніи, что ежели-бъ она, Катерина, могла быть за его величествомъ въ супружествѣ, то, можетъ бы, быть его величество, по своему соизволенію, ее и короновалъ при себѣ, какъ дѣдушка его учинилъ, о чемъ онъ, князь Василій, и Долгорукиимъ (кн. Алексѣю, Сергію и Ивану Григорьевичамъ) сказывалъ и разсуждалъ имъ, что когда Богъ того не сдѣлалъ, то нынѣ, видя его величество въ тяжкой болѣзни, думать о томъ не надлежитъ,—что собою того дѣлать никакъ не можно, и дѣло то страшное,

и чтобъ они отъ того отстали, понеже въ томъ могутъ сами пропасть;— но токмо отъ оныхъ, князя Алексѣя съ братьями, къ отвращенію отъ того склонности онъ не присмотрѣлъ,—но всё злобу они за то на него, князя Василя, имѣли».

Кромѣ того, родичи Василя Владиміровича говорили, что еслибы государь подписалъ духовную о преемствѣ ему престола его невѣстѣ «и призвавъ министровъ, сенаторовъ и генералитетъ, вручилъ имъ и о исполненіи словесно повелѣлъ и, такимъ образомъ, могло-бы въ дѣйствіе произойти».

Но кн. Василій Владиміровичъ продолжалъ «на-крѣпко подтверждать» своимъ родичамъ, чтобъ они «отъ своего намѣренія отстали», такъ какъ «по ихъ намѣренію ничего сдѣлаться не можетъ».

Всѣ доводы Василя Владиміровича къ отвращенію «родичей его отъ ихъ замысла и чтобъ они намѣреніе свое отложили» — остались безсильными.

Что касается до князя Василя Лукича, то кн. Василій Владиміровичъ отъ него ничего по отношенію къ наслѣдованію престола княжны Катериной не слышалъ; видѣлъ его «въ печальномъ образѣ» и, какъ показалось князю Василю Владиміровичу, кн. Василій Лукичъ уже «не хотѣлъ слышать отъ князя Сергія съ братьями показаннаго ихъ противнаго намѣренія»; мало того, князь Василій Лукичъ, какъ самъ увѣрялъ потомъ, даже отговаривалъ своихъ родичей отъ ихъ замысла.

На пути домой—два брата, князь Василій и Михайло Владиміровичи, разговорились.

— «Вотъ мы отговариваемъ и претимъ,—сказалъ князь Михайло,—что княжнѣ Катериной наслѣдницей быть не можно, а когда его величеству отъ болѣзни будетъ легче, то князь Алексѣй съ братьями своими за то насъ губятъ».

— «Плюнуть на нихъ лучше,—отвѣтилъ князь Василій;—правду имъ говорить, а не манить».

Члены верховнаго совѣта также не поддержали предложенія, въ числѣ другихъ имъ заявленное, объ избраніи на престолъ княжны Екатерины Долгоруковой. Князь Василій Лукичъ вполне уразумѣлъ несообразность и преступность этого замысла князя Алексѣя съ братьями и живѣйшимъ образомъ поддержалъ мысль объ избраніи на престолъ герцогини Курляндской.

Извѣстна попытка «верховниковъ» къ ограниченію самодержавной власти вновь избранной императрицы, посольство за нею въ Митаву, заблаговременное увѣдомленіе противниками кн. Долгоруковыхъ герцогини объ актѣ ограниченія власти, подписаніе ею этого акта, наконецъ, прибытіе 15-го февраля 1730 г. въ Москву.

Кн. Василій Лукичъ былъ дѣятельный участникъ и даже «затѣйщикъ» въ дѣлѣ ограниченія власти вновь избранной государыни; онъ ѣздилъ съ актомъ этимъ въ Митаву, онъ и сопутствовалъ Аннѣ Іоанновнѣ въ Москву.

Тогда же, въ намѣреніи выгородить себя изъ неудавшагося замысла своихъ родичей о духовной, кн. Василій Лукичъ счелъ необходимымъ донести ей «о дураческомъ дерзновеніи князей Сергія и Ивана Григорьевичей—что они министровъ бить хотѣли, ежели совѣту ихъ слушать они не стануть»; но эта забѣжка зайцемъ впередъ не выгородила князя Василя Лукича изъ общей судьбы съ его «дерзновенными» родичами.

15-го февраля 1730 г. Анна Іоанновна имѣла торжественный вѣздъ въ Москву, а 24-го февраля уже разыгралась извѣстная сцена: явились депутаты отъ дворянства бить челомъ императрицѣ вступить во все прерогативы верховной самодержавной власти.

— «Такъ ты обманулъ меня, Василій Лукичъ»,— сказала при томъ императрица, выслушавъ депутацію, и актъ, ею подписанный въ Митавѣ, былъ разорванъ. Въ Москвѣ не замедлилъ явиться Биронъ.

Въ апрѣлѣ 1730 г. князь Василій Лукичъ лишенъ чиновъ и орденовъ, а 12-го іюня того же года посланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Того же числа іюня князя Алексѣя Григорьевича съ женою Прасковей Михайловной, съ дочерью Екатериной Алексѣевной, этой «разрушенной» (какъ ее тогда называли), также съ дочерьми Оленой и Алной, съ четырьмя сыновьями, сослали въ Березовъ.

Какъ извѣстно, князей Долгоруковыхъ не переставали преслѣдовать и въ послѣдующее время: однихъ назначили мѣста ссылки — въ крѣпость, другихъ переводили съ одного мѣста ссылки на другое. При этомъ, по дѣвѣтамъ или доносамъ разныхъ лицъ, возникало и производилось множество дѣлъ относительно фамиліи Долгоруковыхъ. Такъ продолжалось болѣе восьми съ половиною лѣтъ.

14-го октября 1739 г. знаменитый «истязатель», генералъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подполковникъ и генералъ-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ объявилъ высочайшее повелѣніе, что «по экстракту изъ дѣлъ о князьяхъ Долгоруковыхъ «надлежащее разсужденіе имѣть ему, Ушакову, съ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ гр. А. И. Остерманомъ».

17-го октября Остерманъ и Ушаковъ въ той же канцеляріи представили имѣніе «чего Долгорукие по винамъ своимъ достойны». Въ этомъ же имѣніи указанъ былъ также составъ «генеральнаго собранія ко учиненію надлежащаго приговора» и приведены вопросные пункты, по которымъ повелѣно было допросить кн. Василя Лукича Долгорукова и поступить (съ нимъ) генералу Ушакову.

Вотъ эти пункты:

«1) Во время болѣзни его императорскаго величества Петра II, отъ васъ, или отъ другаго кого, сочинена-ль была какая духовная? 2) Кто оную духовную на-черно сочинялъ и послѣ на-бѣло переписывалъ? 3) Что въ оной

духовной имянно было написано? 4) По переписываніи оной на-бъло, кому она отдана и у кого осталась? 5) Не подписывался ли кто на оной под руку его императорскаго величества Петра II? 6) И напоследѣ, гдѣ она духовная дѣвалась и гдѣ-жъ въ сохраненіи имѣется? 7) Кто при сочиненіи оной духовной были совѣтники и кто-жъ о той духовной вѣдалъ? 8) Чтѣть онъ, Долгорукій, по снмъ пунктамъ объявилъ сущую и истинную правду и не утаилъ бы ничего, помня страшный судъ Божій, и за неправду, и за утайку, страшась ея императорскаго величества жесточайшаго гнѣва и наказанія.

«Ежели оный Долгорукій будетъ объявлять менѣе, какъ отъ князя Ивана и князя Сергія Долгорукихъ объявлено, тогда отъ показаніевъ ихъ выписавъ то, чего отъ онаго князя Василья Долгорукова показано не будетъ, допрашивать его въ томъ особо. А буде оный князь Василій обстоятельнѣе объ оной духовной покажетъ, и болѣе, нежели отъ князя Ивана и князя Сергія объявлено, то обо всѣхъ обстоятельствахъ его подробно допрося, возвратиться въ С.-Петербургъ. А ежели онъ по вышеписаннымъ пунктамъ заператься станетъ, тогда показать ему въ отвѣтъ, писанномъ рукою князя Сергія, токмо то, какъ онъ о сочиненіи означенной духовной объявилъ, а потомъ прочесть ему показаніе князь Иваново, какъ онъ о сочиненіи оной духовной и о подпискѣ подъ руку его императорскаго величества Петра II показалъ. И понеже чаять надобно, что, по такому обличенію, онъ уже правду объявить принужденъ будетъ, тогда велѣть ему противъ вышеписанныхъ же пунктовъ подробно отвѣтствовать, и поступать съ нимъ противъ вышеписаннаго-жъ. А когда онъ въ той духовной повинится, то допросить его о нижеслѣдующемъ:

«Для чего онъ о той духовной, какъ надлежало совѣстному и присяжному человѣку, ея императорскому величеству не объявилъ». «Анна».

«Въ Тайную Канцелярію. Полученъ іюня 16-го 1739 года».

21-го октября 1739 г. состоялся высочайшій указъ, которымъ повелѣно валось произнести въ «генеральномъ собраніи» судъ надъ князьями Долгоруковыми, при чемъ утвержденъ былъ и «реестръ, кому въ собраніи быть». Въ этомъ указѣ, между прочимъ, было изъяснено: «Понеже, по слѣдствіи, князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, князь Василій Лукинъ сынъ, князь Сергіи и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, забывъ страшный и неизбѣжный судъ Божій и презря присягу свою, въ государственныхъ безбожныхъ тяжкихъ преступленіяхъ и злодѣйскихъ воровскихъ замыслахъ и намѣреніяхъ явно обличены, и сами въ томъ виновны, и изъ нихъ поимутый князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, будучи уже въ ссылкѣ, зловымыленно дерзнулъ произносить важныя злыя слова, о которыхъ въ нашей Тайной Канцеляріи по дѣлу явно; тако-жъ князь Василій и князь Михайло

Володиміровы дѣти Долгоругіе объ означенныхъ злодѣйскихъ дѣлахъ и нахѣреніяхъ вѣдали, и, гдѣ надлежитъ, о томъ прямо не только не доносили, но еще въ первыхъ своихъ вопросахъ о томъ закрывали и ни о чемъ не показывали, о которыхъ оныхъ Долгорукихъ важныхъ винахъ и преступніяхъ, изъ имѣющагося въ нашей Тайной Канцеляріи о нихъ дѣла, учинено обстоятельное изображеніе; того ради, для суда оныхъ Долгорукихъ въ такихъ ихъ тяжкихъ винахъ, какъ по божескимъ, такъ и по государственнымъ нашимъ правамъ, указали мы учредить генеральное собраніе, состоящее изъ персонъ, въ приложенномъ при семъ реестрѣ означенныхъ; и оному генеральному собранію вышеобъявленное въ Тайной нашей Канцеляріи объ ихъ, Долгорукихъ, тяжкихъ преступленіяхъ, учиненное обстоятельное изображеніе для рѣшенія и учиненія приговора сообщить. И для того, тому отъ насъ учрежденному генеральному собранію всемогуществѣнше повелѣваемъ, чтобъ для сего дѣла, сего октября 31-го дня, въ сенатскіе апартаменты собрались и, по выслушаніи того изображенія и совѣстномъ въ тѣхъ преступленіяхъ разсужденіи, учинить генеральный приговоръ».

А вотъ «реестръ, кому въ собраніи быть»:

Кабинетные министры.

Трое первые синодальные члены.

Сенаторы всѣ.

Изъ придворнаго штата:

Оберъ-штабмейстеръ князь Буракинъ.

Гофмаршалъ Шепелевъ.

Изъ гвардіи ея императорскаго величества:

Маіоры: Альбрехтъ, Апраксинъ, Чернцовъ, князь Черваскій.

Изъ генералитета и изъ военной коллегіи:

Генералъ-фельдмаршалъ князь Трубецкой. Генералъ Чернышевъ. Генералъ-маіоры: Петръ Измайловъ, Степанъ Игнатьевъ.

Изъ адмиралтейской коллегіи:

Адмиралъ графъ Головинъ, генералъ кригсъ-коммисаръ Соймоновъ, совѣтникъ Мишуковъ, генералъ-интендантъ Головинъ.

Изъ губернской канцеляріи—тайный совѣтникъ Наумовъ.

Изъ ревизіонъ-коллегіи—президентъ Панинъ.

Изъ камеръ-коллегіи—вице-президентъ Аленинъ.

Изъ юстицъ-коллегіи—совѣтникъ Квашнинъ-Самаринъ». «Анна».

«Генеральное собраніе, по обсужденіи дѣла о тяжкихъ винахъ князей Долгорукихъ», приговорило: князя Ивана Алексѣевича къ смертной казни, послѣ колесованія, отсѣчь голову, а Василью Лукичу, Сергію и Ивану Григорьевичамъ—просто отсѣчь головы, что и было исполнено 8-го ноября 1739 года, на Красномъ полѣ, въ Новгородѣ.

«Въ 1869 г. мнѣ пришлось быть въ Новгородѣ и посѣтить могилы князей Долгоруковыхъ,—разсказываетъ Я. Ѳ. Березинъ-Шираевъ. Князья Долгоруковы похоронены неподалеку отъ мѣста ихъ казни, на Рождественскомъ кладбищѣ, находящемся за Малымъ Волховцемъ, верстахъ въ 3-хъ отъ города. Прежде существовалъ на этомъ мѣстѣ мужской монастырь, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1388-мъ годомъ, и скудельницы или общія ямы, въ которыя, во время мора и другихъ повѣтрій, зарывали тѣла умершихъ. Кромѣ скудельнъ, при монастырѣ находилось еще особое кладбище для погребенія странниковъ, нищихъ и казенныхъ. Въ 1764 г., съ учрежденіемъ штатовъ, Рождественскій монастырь былъ уничтоженъ, и церковь его переименована въ городскую приходскую.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Рождественской церкви находится другая, небольшая, каменная церковь, во имя св. Николая Чудотворца. Эта церковь была основана въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1745 г. княжна Долгорукова, бывъ въ Новгородѣ, посѣтила могилы своихъ казенныхъ родственниковъ—брата и дядей. Желая сохранить отъ забвенія то мѣсто, гдѣ были погребены останки несчастныхъ ея родныхъ, она заложила надъ могилами ихъ церковь во имя св. Николая Чудотворца. Нѣкоторые полагаютъ, что нынѣ существующая каменная церковь построена сыномъ казеннаго Ивана Алексѣевича, Михаиломъ Ивановичемъ Долгоруковымъ¹⁾.

Рано утромъ пріѣхалъ я на Рождественское кладбище и, встрѣтивъ тамошняго причетника, обратился къ нему съ просьбою указать мнѣ мѣсто, гдѣ похоронены князья Долгоруковы. Причетникъ поспѣшилъ исполнить мое желаніе, и, сходивъ за ключами, отперъ дверь церкви Николая Чудотворца. Войдя въ храмъ съ сѣверной стороны, я увидѣлъ двѣ каменные гробницы, одинаковой величины, находящіяся по правой сторонѣ отъ входа; онѣ примыкаютъ къ западной стѣнѣ церкви и окружены съ трехъ сторонъ деревянною загородкою. Гробницы довольно большого размѣра и обложены простою щекатуркою; на нихъ нѣтъ никакой надписи, но надъ гробницами, на стѣнѣ, находится черная деревянная доска съ словами, что на этомъ мѣстѣ погребены Василій Лукичъ, Иванъ Алексѣевичъ, Сергій и Иванъ Григорьевичи Долгоруковы.

Въ церкви Николая Чудотворца сохраняется нѣсколько вещей, принадлежавшихъ кн. Долгоруковымъ, и, между прочими, замѣчательный по древности образъ Николая Чудотворца, бывшій съ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ въ Березовѣ. Въ алтарѣ я видѣлъ икону Знаменія Божіей Матери, напрестольное евангеліе, блюдо, кадило и подсвѣчникъ, пожертвованные Долгоруковымъ въ вѣчный поминъ отца его, Ивана Але-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 43.

ксѣевича, и прочихъ родственниковъ. Въ иконостасѣ есть изображенія святыхъ, имена которыхъ напоминаютъ о семействахъ Долгоруковыхъ ¹⁾).

Въ церкви находится небольшой придѣлъ во имя Іоанна Златоустаго; онъ устроенъ за западною стѣною. Этотъ придѣлъ, какъ говорятъ, сдѣланъ по желанію княгини Натальи Борисовны, въ память супруга ея, Ивана Алексѣевича, съ которымъ дочь знаменитаго фельдмаршала Шереметева девять лѣтъ раздѣляла страдальческую жизнь въ Березовѣ.

По обозрѣніи долгоруковской церкви и ея достопримѣчательностей, я вышелъ на кладбище, и причетникъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ прежде были студельничьи ямы, въ которыя зарывали тѣла умершихъ во время мора. Такихъ ямъ было три, и теперь на мѣстѣ ихъ поставленъ большой крестъ, у котораго въ опредѣленное время совершается общая панихида.

Напомнимъ о судьбѣ прочихъ членовъ этой фамиліи.

Какъ видно изъ приговора 1-го ноября 1739 г.—князь Василій Владиміровичъ заточенъ въ Иванъ-городѣ, въ Нарвѣ; князь Михайло Владиміровичъ—въ Шлюссельбургѣ.

У князя Михайла были сыновья: князь Александръ—въ маѣ 1739 г. служившій подполковникомъ въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку.

Князь Сергѣй Михайловичъ служилъ въ рижскомъ гарнизонѣ майоромъ. 2-го мая 1739 г. императрица Анна велѣла его «отъ воинской и статской службы отставить, и жить ему въ подмосковной деревнѣ, селѣ Попровскомъ, безвыѣздно».

Князь Петръ да князь Василій Михайловичи въ 1736 г. зачислены въ драгуны, въ Троицкій полкъ, на дѣйствительную службу ²⁾).

Внучаты—дѣти князя Сергѣя Михайловича: кн. Михайло—прапорщикъ драгунскій, князь Федоръ—вахмистръ драгунскій, князь Иванъ, да княжна Марья Сергѣевна 17-ти лѣтъ, Авдотья 4-хъ лѣтъ жили въ 1740 г. въ Москвѣ.

Наконецъ упомянемъ о судьбѣ княжны Кнатаріны Алексѣевны. Въ 1740 г. она, вмѣстѣ съ двумя своими сестрами, Оленой и Анной, отправлена, «за надлежащимъ карауломъ» изъ оберъ-офицеровъ, въ Сибирь съ тѣмъ, чтобы сибирскій митрополитъ, по собственному усмотрѣнію, развѣстилъ сестеръ по монастырямъ, и затѣмъ повелѣвалось «въ тѣхъ мона-

¹⁾ Кромѣ поименованныхъ предметовъ, я видѣлъ еще нѣсколько старинныхъ иконъ, изъ которыхъ одна икона, съ изображеніемъ святыхъ и разныхъ животноныхъ, особенно достойна изслѣдованія археолога. Я. III.

²⁾ Дочери князя Михаила: Анна была въ замужствѣ за Львомъ Александровичемъ Милославскимъ, а Настасья—за Александромъ Романовичемъ Брюсомъ; кромѣ того оставались въ 1739-мъ г., въ Москвѣ, «дѣвками»: княжна Авдотья и княжна Аграфена.

стыряхъ по обыкновенію постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей ни для чего отнюдь не выпускать, и писемъ писать не давать и постороннимъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не допускать, и чтобъ никакихъ шалостей и непотребнаго отъ нихъ не происходило; пищею и одеждою содержать ихъ, по обыкновенію тѣхъ монастырей, равнобѣрно противъ прочихъ монахинь безъ всякой отгѣны».

Екатерина Алексѣевна была пострижена въ монахини (1740 г.) въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, а Анна—въ верхотурскомъ Покровскомъ.

Эти монастыри, какъ и всѣ вообще въ Сибири, были крайне бѣдны, «весьма малобратственные и нищенскіе, единою милостынею питаемы, въ которыхъ не только карауловъ содержать, но и обычайныхъ монастырскихъ службъ исправлять (было) некому».

Сибирскій митрополитъ Антоній, указомъ отъ 17-го декабря 1739 г., требовалъ отъ архимандрита томскаго Алексѣевского монастыря свѣдѣній о женскомъ Рождественскомъ монастырѣ, въ которомъ была пострижена Екатерина Алексѣевна. Изъ донесенія архимандрита, между прочимъ, видно, что въ монастырѣ было шесть деревянныхъ келій и больница—длиною 18-ти, а шириною 4-хъ сажень,—всѣ ветхія, стояли врознь; какого либо другаго монастырскаго зданія не было; вообще монастырь былъ крайне скуденъ и бѣденъ. Въ описаніи монастыря, приложенномъ къ донесенію, говорится, что «монахинь семь; стары и дряхлы, и ходить изъ келій не могутъ, а оди очами не видятъ. Владичиновъ монастырскихъ нѣтъ, но токио живутъ въ монастырѣ четыре вдовы немущихъ, для послуженія больнымъ монахинямъ. А денежнаго и хлѣбнаго жалованья прежде сего производилось, отъ прошлыхъ лѣтъ по 1731 годъ: денегъ 6 рублей, хлѣба по 2 четверти каждой монахинѣ, а съ 1736 по 1740 годъ дачи имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не было и нынѣ нѣтъ; а пропитываются монахини милостынею».

Въ виду такихъ «резонновъ» признано было необходимымъ: «оберъ-офицеровъ изъ солдатъ», сопровождавшихъ княженъ изъ Березова въ Сибирь, «для караула оставить при оныхъ Долгорукихъ по два человекъ, до указу».

Екатерина Алексѣевна была освобождена изъ монастыря 29-го декабря 1741 года.

С. Федорцево.
1878 г.

Императоръ Александръ I.

Встрѣтились мнѣ въ одной рукописной тетради 1824 года два анекдота объ императорѣ Александрѣ I. Вѣроятно, въ то время они были многимъ извѣстны и передавались въ изустныхъ разсказахъ, но были-ли гдѣ напечатаны—не знаю. Вотъ эти анекдоты:

I.

Въ юнѣ мѣсяцѣ 1824 года, императоръ Александръ Павловичъ прогуливался, въ полдень, на Каменномъ острову; пробило 12 часовъ. Государь, проходя мимо часоваго, остановился и спросилъ: «сколько было часовъ?» Солдатъ не смутился отъ неожиданнаго вопроса и бойко отвѣчалъ: 36 часовъ, ваше императорское величество. Государь съ изумленіемъ взглянулъ на часоваго, но, ни слова не сказавъ, прошелъ далѣе. Возвратясь съ прогулки въ Каменноостровскій дворецъ, императоръ велѣлъ князю Волконскому узнать: не помѣшанъ-ли въ умѣ солдатъ, стоящій на часахъ въ такомъ-то мѣстѣ.

Князь Волконскій поспѣшилъ исполнить повелѣніе государя, отправился къ часовому и спросилъ его:

— Проходилъ мимо тебя государь императоръ?

— Проходилъ, ваше сіятельство.

— Замѣтилъ онъ тебя или нѣтъ?

— Точно такъ, в. с., замѣтилъ и изволилъ спросить, сколько часовъ было.

— Что-жъ ты отвѣчалъ?

— Отвѣчалъ, что было 36 часовъ.

— Какъ ты могъ дать такой глупый отвѣтъ: развѣ часы могутъ бить столько разъ?

— Столько было, в. с.,—съ увѣренностію отвѣтилъ солдатъ.

— Какой вздоръ,—съ гнѣвомъ возразилъ князь,—какіе часы могли бить столько разъ и гдѣ ты ихъ слышалъ?

— Государь императоръ желали знать сколько часовъ было и я отвѣчалъ 36, потому что въ крѣпости пробило 12, въ адмиралтействѣ 12 и здѣсь на острову 12, а всего 36 часовъ.

Князь Волконскій подробно передалъ государю отвѣтъ часоваго. Государь разсмѣялся и, признавая справедливымъ отвѣтъ солдата, послалъ ему въ награду 25 рублевиковъ въ своемъ платкѣ.

Князь Волконскій самъ отправился къ часовому съ монаршею наградою и хотѣлъ ему вручить ее, но часовой сказалъ:

— Никакъ нѣтъ-съ, в. с., я не могу принять монаршей награды, потому что нахожусь на часахъ, а часовой не имѣетъ права ничего брать до смѣны; потрудитесь положить возлѣ меня, и когда я смѣнюсь, то возьму присланное.

— Хорошо, — сказалъ князь, — въ этомъ платкѣ тебѣ присланы отъ императора деньги которыя я положу возлѣ тебя, но платокъ долженъ возвратитъ государю.

— Что прислано въ даръ императоромъ — то назадъ не отнимается, — сказалъ солдатъ, — при томъ же, в. с., платокъ вмѣстѣ съ деньгами уже находится подъ моимъ карауломъ, и я не могу его отдать.

Волконскій передалъ императору бойкій и находчивый отвѣтъ солдата, и государь, похваливъ его, велѣлъ произвести часоваго въ унтеръ-офицеры.

II.

Императоръ Александръ I, какъ извѣстно, часто путешествовалъ по Россіи. Кажется въ 1824 году, пріѣхавъ въ городъ Чембары, императоръ былъ встрѣченъ однимъ священникомъ тамошней церкви, который съ крестомъ въ рукѣ вышелъ на паперть и ожидалъ императора. Лишь только государь вошелъ въ церковь, то священникъ сказалъ ему краткую рѣчь, которая такъ понравилась императору, что онъ, по выслушаніи ея, тотчасъ обратился къ сопровождавшему его адъютанту и сказалъ: «выдать священнику 1,000 и пожаловать камиллавку».

Отстоявъ краткій молебенъ и проложась ко кресту, императоръ попросилъ священника повторить снова свою рѣчь. Священникъ немедленно исполнилъ желаніе императора, и по окончаніи рѣчи осмѣлился сказать:

— «Повторите же и вы свои милости, в. и. величество».

Такая необыкновенная находчивость священника весьма понравилась государю и онъ приказалъ выдать ему еще 2,000 рублей и крестъ св. Анны 3-й степени.

Сообщ. Яковъ Веревинъ-Ширяевъ.

1871 г.

З а м ѣ т к и.

Помѣщая на страницахъ «Русской Старины» двѣ замѣтки, изъ которыхъ одна—библиографическая, а другая—биографическая.

Въ I-мъ т. Пушкинскаго (втораго) изданія Исакова (Спб. 1871 г., т. I, стр. 268—269) значится стихотвореніе:

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ, и т. д.

Озаглавлено оно «Княгинѣ Е. А. Голицыной», въ примѣчаніяхъ же, помѣщенныхъ въ концѣ книги, поясняется, что оно посвящено «Княгинѣ Еленѣ Александровнѣ Голицыной, рожд. княжнѣ Салтыковой», бывшей въ бракѣ за своимъ отцомъ, княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицынымъ ¹⁾.

Это не вѣрно; какъ мнѣ извѣстно изъ положительныхъ данныхъ, Пушкинъ не писалъ стихотворенія этой княгинѣ Еленѣ Александровнѣ Голицыной, но другой, рожденной Нарышкиной, супругѣ князя Василя Сергѣевича Голицына ²⁾, бывшей въ первомъ бракѣ за княземъ А. А. Суворовымъ, матеря теперешнихъ старшихъ представителей князей Суворовыхъ. Княгиня съ 1830-хъ годовъ постоянно жила на югѣ, то въ Одессѣ, то въ Крыму, на дачѣ Wassili-Sağal, и скончалась въ 1860-хъ годахъ. Самое стихотвореніе помѣчено: Одесса.

Въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1876-го года были помѣщены статьи о тамбовскомъ холерномъ возмущеніи, въ которомъ упоминалось какъ бы медкомъ о роли, которую игралъ нѣкто кн. Г. (мой отецъ—князь Николай Борисовичъ Голицынъ) при усмиреніи его. Свѣдѣнія той и другой статьи относительно моего отца не вѣрны. Онъ никогда не подвергался оскорбленіямъ толпы, хотя чуть-чуть не заплатилъ жизнью ³⁾; онъ игралъ главную роль въ дѣломъ ходѣ этого несчастнаго происшествія, взялъ на себя, безъ чьего либо разрѣшенія, обязанности коменданта города, будучи единственнымъ тогда лицомъ военнаго сословія въ Тамбовѣ, а также въ виду бездѣйствія гражданскаго губернатора Миронова; былъ назначенъ презумомъ военно-судной комисіи и участвовалъ въ постановленіи приговора. Списокъ приговоренныхъ (черновой), сущность обвиненія каждаго и родъ наказанія, вообще разныя черновыя бумаги этого дѣла были въ моихъ рукахъ еще недавно, когда я, приводя окончательно въ порядокъ бумаги покойнаго отца († 1866 г.), уничтожилъ эти разрозненные листки. За дѣйствія свои по прекращенію бунта, онъ получилъ высочайшую благодарность.

О. Бичевое.

Кн. Н. Н. Голицынъ.

¹⁾ Князь былъ военный писатель, переводчикъ, поэтъ, исследователь историко-богословскихъ вопросовъ и проч. Съ Пушкинымъ онъ былъ хорошо знакомъ, и поэтъ написалъ четверостишіе на кончину одного изъ его дѣтей († 1823). Известно его же французское письмо къ князю, которымъ благодаритъ за переводъ «Клеветникамъ Россіи» (*Aux détracteurs de la Russie*) и хвалитъ его (см. Библиографическія Записки 1858, № 16, столб. 197).

²⁾ Сынъ генерала—отъ-инвантеріи князя Сергѣя Федоровича Голицына и княгини Варвары Васильевны, рожденной Энгельгардтъ (воспѣтой Державиннымъ:... «Плѣнна сердца и лицомъ»...)

³⁾ Его привезли домой въ телѣгѣ, спрятаннымъ подъ соломой. Кн. Н. Г.

ПѢСНЯ.

Со вечера дожбѣ,
 Со полуночи снѣжок,
 Ко бѣлу свѣту порошица мягенькая,
 А по тому по пороху
 Двое саночек бѣжить.
 Однѣ сани со возыряп,
 Другіе з подрѣзами;
 А на первых санях
 Салтыков господин,
 На другихъ же санях
 Там 'Лединскій был.
 А 'Лединскій говорит:
 «Пора конниковъ кормить»,
 А Салтыков говорит:
 «Ко Андрею воротить—
 А в Андрея мужика
 Много сѣна, много 'вса
 В его дочь хороша,—
 Свѣт-Матронушка душа»....
 А Матронушка по сѣнпшках
 Похаживает,
 А лу ленту поплечкамъ поглаживает.
 «То-то лента,
 То-то лента,
 То-то ленточка моя.
 Мнѣ не батюшка купил,
 Не родимой подарил,—
 Мнѣ купил—подарил
 Салтыковъ господин!»...
 При комъ денежки платил?
 «Тамъ 'Лединскій был!»...

Записалъ въ Калуж. губ. и сообщ. Д. Носъ.

Гор. Велижъ (Витебск. губ.).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1878 ГОДА.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Съ выпускомъ настоящей книги окончивъ девятый годъ нашего изданія, считаемъ необходимымъ, какъ то дѣлали и въ каждый изъ предшествовавшихъ годовъ, оглянуться назадъ и дать себѣ отчетъ, что внесла въ литературу отечественной исторіи и словесности «Русская Старина» изданіемъ этого года.

Записки и воспоминанія, изслѣдованія историческія, біографическіе очерки, литературно-художественныя произведенія прошлаго времени, а также историческіе и литературные матеріалы, статьи, замѣтки и рассказы, посвященные изученію близкаго прошлаго нашего отечества,—вотъ тѣ отдѣлы, которые съ самаго основанія «Русской Старины» входятъ въ это изданіе.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

I.

Ни одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ нашего повременнаго историческаго сборника не былъ столь богатъ Записками и Воспоминаніями, какъ 1878-й годъ. Въ самомъ дѣлѣ: лица всевозможныхъ сословій, положеній и умственнаго развитія представили въ своихъ Запискахъ очерки ими пережитаго, передуманнаго, видѣннаго и испытаннаго, живописуя, нерѣдко въ самой безыскусственной формѣ, ту среду, изъ которой они вышли или въ которой довелось имъ вращаться. Такимъ образомъ «Русская Старина» 1878-го года представила: Записки крестьянина,

вынесшаго въ началѣ текущаго столѣтія солдатскую ляжку и подѣ монашескимъ клобукомъ нашедшаго себѣ успокоеніе, это—Назаровъ (1790—1839); казака, добровольно оставившаго спокойную и сытую жизнь, чтобы броситься въ походы и приключенія разнаго рода, голодать и воевать на берегахъ Дуная, бродяжничать въ степяхъ южной Россіи, явиться однимъ изъ основателей и первобытныхъ жителей города Екатеринодара, быть вершителемъ дѣлъ и распорядковъ бравыхъ черноморцевъ-казакъ, и проч., и проч., это—Мигринъ (1770—1850 гг.). Записки протоіерея Виноградова (1800—1836 гг.) раскрываютъ другія картины, правда, уже знакомыя, но всегда являющія нѣкоторыя новыя подробности: мы говоримъ о средѣ духовнаго сословія, ихъ воспитаніи, о домашнемъ и общественномъ бытѣ и о ихъ міровоззрѣніи. Подлѣ узкаго эгоизма, нетребовательнаго отношенія и къ себѣ, и ко всему окружающему, и столь спокойно мирящагося со всѣми явленіями, которыя наполняли жизнь и окружали протоіерея Виноградова,—пріятно остановиться на личности пастора Іоанна Губера: дневникъ его воскрешаетъ предъ нами поволжье въ роковую эпоху первой, по времени, холеры 1830-го года. Какіе ужасы развертываются въ картинѣ, рисуемой Губеромъ день за днемъ, и сколько самоотверженія являетъ дѣятельность этого служителя алтаря Господня. А вотъ и еще подвижникъ церкви и ея служитель, всендзъ прелать Буткевичъ: съ безпристрастіемъ, столь рѣдкимъ въ прозелитахъ римскаго первосвященника, съ спокойствіемъ и ясностью воззрѣнія на предзнамененіе и судьбы своего народа, долженствующаго жить и преуспѣвать въ единеніи съ своимъ могучимъ собратомъ по крови, Буткевичъ даетъ отчетъ въ видѣнномъ, слышанномъ и имъ самимъ испытанномъ въ кровавую усобицу Польши и Россіи въ 1830—1831 гг.; Записки этого священника нельзя не признать цѣннымъ матеріаломъ для исторіи той эпохи—исторіи, увы! никого ничему не научившей и не отвратившей повторенія кровавыхъ событій 1830-го года чрезъ тридцать съ небольшимъ лѣтъ.

Въ Запискахъ Жиркевича—читатели «Русской Старины» встрѣтили стараго, крайне увлекавшагося, зачастую невоздержанно-рѣзкаго, но честнаго и, въ сущности, добраго знакомаго—это самъ составитель Записокъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. Предпринимая изданіе его мемуаровъ еще лѣтъ пять тому назадъ.

мы тогда-же опредѣлили значеніе этого памятника по отношенію къ исторіи быта и развитія русскаго общества: Жиркевичъ—до извѣстной степени продолжатель Болотова; преемство и связь Записокъ того и другаго не только хронологическая: Жиркевичъ начинаетъ свои Записки съ 1790-хъ годовъ, т. е. съ того именно времени, которымъ прерывается монументальный трудъ Андрея Тимофеевича Болотова, повторяемъ—не только хронологическая, но и по существу, по внутреннему ихъ духу и содержанію, Болотовъ и Жиркевичъ—русскіе дворяне, такъ сказать, средней руки, какъ по воспитанію, такъ и по своему положенію, т. е. представители громаднѣйшаго большинства русскаго дворянства; но Болотовъ, по преимуществу—представитель сельскаго помѣстнаго дворянства, Жиркевичъ—чисто-служаго. Оба замѣчательно честные, исполненные самыхъ благородныхъ побужденій, горячо любящіе свою родину и ей служащіе въ тѣхъ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ довелось имъ быть. Но крайне спокойному міросозерцанію Болотова рѣзко противостоятъ пылкая, горячо возстающая противъ всякой неправды личность Жиркевича.

Въ предыдущихъ главахъ его Записокъ въ «Русской Старинѣ» (1873—1876 гг.) читатели ознакомились съ кадетскимъ-шляхетскимъ воспитаніемъ, съ боевой службой русскаго дворянства въ эпоху великой борьбы Россіи съ Наполеономъ, затѣмъ съ службой военной на мирномъ ея положеніи, съ бытомъ всевозможныхъ представителей русскихъ помѣщиковъ, далѣе съ цѣлою пучиною злоупотребленій военной администраціи 1830-хъ годовъ и проч. и проч.

Въ главахъ XXI—XXIV явившихся изъ Записокъ Жиркевича въ «Русской Старинѣ» 1878 г., мы видимъ Ивана Степановича на посту губернатора, правителемъ одной изъ обширныхъ и богатыхъ черноземныхъ губерній.... (1833—1835 гг.). Самое назначеніе Жиркевича на этотъ постъ живо переноситъ насъ въ ту эпоху, когда фронтовой офицеръ, съ одинаковою легкостью, назначался и въ чиновники, и въ техники, и въ администраторы; когда казалось и вѣрилось, что достаточно наименовать въ приказѣ или повелѣніи любого офицера на какой угодно постъ и онъ дѣлался судьей, правителемъ цѣлой области, посланникомъ-дипломатомъ, министромъ, полководцемъ.....

Жиркевичъ, по крайней мѣрѣ, старался возмѣстить недоста-

тожъ въ себѣ знанія и подготовки къ исполненію возложенной на него обязанности губернатора пылкою преданностью правдѣ и жаждою со всѣмъ ознакомиться и изучить весь механизмъ представившейся ему службы, для того чтобы немедля выступить —умѣлымъ или неумѣлымъ—это другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, искреннимъ борцомъ противъ всевозможныхъ злоупотребленій... Не скрывая своихъ недостатковъ, ошибокъ и увлеченій, Жиркевичъ беспощадно поражаетъ тѣхъ лицъ, общественная и служебная дѣятельность которыхъ казалась ему, быть можетъ и вполне ошибочно, недостаточно честною.... Весьма вѣроятно, что отзывы его исполнены страстности и увлеченія, какими исполнена была вся личность этого рѣдкаго, въ то время, по своей честности, губернатора, тѣмъ не менѣе они имѣютъ и интересъ и значеніе для исторіи русскаго общества 1830-хъ годовъ и для характеристики, такъ сказать, областной администраціи той эпохи.

Но здѣсь мы должны остановиться, чтобы напомнить объ одной изъ трудностей, которая зачастую представляется намъ при обнаруженіи тѣхъ или другихъ мемуаровъ изъ эпохи не весьма отдаленной: при своеобразномъ взглядѣ на печать большинства грамотнаго—мы разумѣемъ дѣйствительно читающаго—люда въ Россіи, при совершенномъ отсутствіи въ теченіе долгаго и долгаго времени свободнаго у насъ обсуждения общественной и служебной дѣятельности различныхъ лицъ, не говоря уже изъ современной дѣятельности, но даже изъ прошлаго, отстоящаго отъ насъ на двадцать, тридцать, на сорокъ лѣтъ—нерѣдко еще являются лица, которыя находятъ для себя оскорбительнымъ очеркъ таковой дѣятельности въ тѣхъ или другихъ мемуарахъ. Эти лица забываютъ, что общественная дѣятельность не можетъ не быть предметомъ самыхъ разностороннихъ сужденій и что документальное въ печати опроверженіе ошибочныхъ или почему либо пристрастныхъ отзывовъ—вотъ лучшее и благороднѣйшее оружіе для отраженія и разсвѣнія таковыхъ отзывовъ.

Цѣль нашего изданія—истина, его руководитель—безпристрастіе.

Этотъ девизъ «Русской Старины» мы не только повторили и повторяемъ, но мы неуклонно ему слѣдовали въ теченіи девяти лѣтъ нашей редакторской дѣятельности и будемъ слѣдовать. Въ

самомъ дѣлѣ, можетъ ли кто нибудь упрекнуть насъ въ отступленіи отъ этого девиза? скажетъ-ли кто, что мы отказали кому либо въ помѣщеніи поправки, дополненія или и совершеннаго опроверженія того, что явилось въ тѣхъ или другихъ Запискахъ, разсказахъ, документахъ и Воспоминаніяхъ, въ нашемъ изданіи напечатанныхъ?

Повторимъ то, что мы сказали еще въ обзорѣ перваго трехлѣтія «Русской Старины» (1870—1872 гг.):

«....Изданіе наше, выдвинувшись изъ сферы современной публицистики, не усвоиваетъ себѣ никакихъ исключительныхъ симпатій или антипатій ни къ эпохѣ, ни къ личности.....

«...Всякое тенденціозное направленіе «Русской Старины» было бы непростительною ошибкой, такъ какъ оно неизбежно отняло бы у нея ту полную независимость, какою должно безусловно пользоваться каждое подобнаго рода изданіе. Оно должно единственно служить отголоскомъ прошедшаго, безъ всякихъ заранѣ составленныхъ предубѣжденій ни за, ни противъ.

«Поэтому мы беремъ каждый историческій матеріалъ свободными, не связанными ничѣмъ руками и съ спокойною совѣстью передаемъ его подъ типографскій станокъ, не дѣлая изъ него ни панегирика, ни памфлета; затѣмъ, конечно, уже не наша вина, если онъ иной разъ принимаетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ какъ бы особенный оттѣнокъ, затрогивающій чье либо фамиліное, иногда, впрочемъ, совершенно ложное самолюбіе. Въ томъ же, что мы постоянно руководствуемся чувствомъ историческаго безпристрастія, читатели наши могутъ легко убѣдиться, между прочимъ, изъ того, что мы охотно помѣщаемъ всякое опроверженіе.....»

Обращаясь къ обязанностямъ нашимъ по отношенію къ изданію «Русской Старины», мы тогда же, въ первомъ отчетѣ нашимъ читателямъ, говорили:

«.....Было бы крайне ошибочно или даже чрезвычайно недобросовѣстно искажать историческіе матеріалы въ виду того опасенія, что какое нибудь сообщаемое въ нихъ свѣдѣніе или обстоятельство можетъ показаться оскорбительнымъ для того, къ кому относится лично или наслѣдственно. При томъ, понятіе объ оскорбленіи такъ удобо-растяжимо, что редація «Русской Старины», при всеѣ, даже самой мелочной, щепетильности и безпредѣльной осторожности, никогда не можетъ быть увѣрена, что какое нибудь извѣстіе не вызоветъ противъ нея чьего либо неудовольствія. Слѣдовательно, еслибы редація «Русской Старины», издавая подлинныя историческіе матеріалы, стала раздумывать, какъ будутъ приняты находящіеся въ нихъ

извѣстія отдѣльными личностями, то понятно, что она позволила бы себѣ тѣмъ самымъ ставить личныя притязанія выше исторической правды, а вмѣстѣ съ тѣмъ передѣлки и сокращенія, произвольно допускаемы редакціею въ упомянутыхъ матеріалахъ, неизбѣжно должны были бы подорвать въ общественномъ мнѣніи ихъ историческій кредитъ. Это — съ одной стороны. Съ другой же стороны, мы полагаемъ, что, печатая матеріалы, выставляющіе какую либо личность въ неблагопріятномъ свѣтѣ, мы тѣмъ самымъ не только не вредимъ ея чести, но, напротивъ, предоставляемъ удобный случай оградить ее отъ несправедливыхъ нареканій. Нельзя не принять въ соображеніе, что тѣ рукописныя матеріалы, которые до настоящаго времени хранились подъ спудомъ и теперь являются впервые на страницахъ нашего изданія, все равно — и безъ насъ, рано или поздно, — выступили бы въ печати на свѣтъ Божій. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе проходитъ времени отъ дѣятельности какого нибудь лица, тѣмъ болѣе представляется затрудненій для возстановленія ея въ истинномъ видѣ. Современники такого лица сходятъ постепенно съ земнаго поприща, у остающихся же въ живыхъ многія частности улетучиваются изъ ихъ памяти, а также утрачиваются или теряются изъ виду разные письменные документы, которые въ извѣстныхъ случаяхъ, еще по горячимъ слѣдамъ, могли бы представить собою оправдательныя данныя. Независимо отъ этого, копія съ рукописей, а также устные, заимствованныя изъ нихъ, рассказы, распространяются въ публикѣ все болѣе и болѣе, получая въ послѣдствіи окончательную, полную достовѣрность.

«Вслѣдствіе всего этого, мы твердо убѣждены, что чѣмъ ранѣе появится о комъ нибудь въ печати такой отзывъ, который можетъ показаться оскорбительнымъ или ему самому, или близкимъ къ нему по родству лицамъ, считающимъ своею обязанностью охранить его честь, тѣмъ болѣе представляется удобствъ и средствъ для защиты дѣйствительно оскорбленнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для возстановленія правды путемъ печати. Въ такихъ, вполне достаточныхъ, способахъ защиты никогда не было и не будетъ со стороны редакціи «Русской Старины» ни малѣйшаго отказа»... [См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 8—10; см. также изд. 1874 г., томъ XI, стр. 789—791].

Это обѣщаніе мы постоянно исполняли и въ теченіе истекшаго, девятаго, года нашего изданія. Ни одно изъ присланныхъ намъ объясненій и опроверженій, хотя бы таковыя были и совершенно голословныя, не оставлено безъ вниманія: всѣ они напечатаны и непременно въ изданіи того же года, въ которомъ помѣщена та статья, въ которой они относятся.

Впрочемъ, по отношенію къ обозрѣваемому, 1878-му году.—

съ удовольствіемъ отмѣтимъ два факта: во первыхъ—ни одной изъ подобнаго рода статей и замѣтокъ не явилось въ постороннемъ изданіи, всѣ онѣ сообщены непосредственно «Русской Старинѣ», согласно неоднократно повторенной и нынѣ повторяемой просьбѣ: всякую ошибку или невѣрность, въ нашихъ сообщеніяхъ вкравшуюся—на страницахъ нашего же изданія и исправлять; во вторыхъ, помянутыя поправки, объясненія или опроверженія почти всѣ написаны съ большимъ достоинствомъ и сдержанностью, безспорно дѣлающими честь ихъ составителямъ: таковымъ благородствомъ и правдою дышетъ, на примѣръ, замѣтка высокодостоянаго (по отзыву вн. И. В. Васильчикова) участника въ войнѣ 1853—1855 гг. генерала (тогда еще подполковника) Дика. Искренно желаемъ чаще и чаще встрѣчать въ нашихъ корреспондентахъ столь благородную сдержанность и уваженіе къ печатному слову.

Въ ряду Записокъ, обнародованныхъ въ настоящемъ году «Русскою Стариною», безъ сомнѣнія, не прошли незамѣченными: «Очерки, воспоминанія и рассказы» лица, скрывшаго себя подъ начальною буквою его имени—Э.... Съ своей стороны, не скроемъ того удовольствія, съ которымъ дали мѣсто въ нашемъ изданіи этимъ живо, мастерски набросаннымъ очеркамъ. Они отличаются замѣчательною свѣжестью и яркостью красокъ при воспроизведеніи картинъ прошлой жизни или при воспроизведеніи образовъ тѣхъ лицъ, съ которыми доводилось разсказчику встрѣчаться, таковы Сперанскій, Трескинъ, Батенковъ, Лавинскій, архіепископъ иркутскій Иринеи, Протасовъ, Перовскій, и многіе другіе. Любопытно, что г. Э.—однокашникъ по воспитанію въ Морскомъ корпусѣ знаменитыхъ братьевъ Бестужевыхъ (декабристовъ), сослуживецъ Жиркевича, въ послѣдствіи правая рука одного изъ правителей юго-востока Россіи, — доживши до девятаго десятка лѣтъ, до позднѣйшаго времени никогда не выступалъ въ печати. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ печальнымъ, униженнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась до 1850-хъ годовъ русская печать: много лицъ, обладавшихъ не сомнѣнно бойкимъ, талантливымъ перомъ, даже не пробовали силъ своихъ въ печати, не находя этого ни удобнымъ, ни возможнымъ, именно вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыя была поставлена

въ Россіи печать, и въ особенности того взгляда, какой былъ въ сферахъ власть имѣвшихъ на лицъ подвизавшихся въ печати.

Редакція «Русской Старины» съ удовольствіемъ можетъ напомнить въ обзорѣ текущаго года, что въ ряду Записокъ, явившихся въ 1878-мъ году на страницахъ этого изданія, были мемуары трехъ женщинъ; таковы Записки княгини Зинаиды Александровны Волконской (рожденной княжны Бѣлосельской)—объ императорѣ Александрѣ I (1824—1825 гг.); Любовь Павловны Никулиной-Косицкой (1829—1868 гг.)—артистки Императорскаго московскаго театра, и Татьяны Петровны Пассекъ. Записки Косицкой—это исповѣдь самородка-таланта, какъ нельзя лучше рисующая тѣ преграды, одолѣть которыя довелось даровитой женщинѣ, чтобы выбиться изъ ничтожества на славный путь артистки. Г-жа Пассекъ въ послѣднихъ главахъ ея Воспоминаній съ обычною этой писательницѣ теплотою и художественностью воспроизводитъ прекрасную личность графа Федора Петровича Толстаго—это свѣтлое и крупное явленіе въ исторіи русскихъ художествъ и искусствъ. Эти главы тѣмъ въ особенности интересны, что главный герой ихъ выступаетъ въ собственныхъ разсказахъ о разнообразныхъ событіяхъ эпохи Александра I (масонскія ложи, ланкастерскія школы, арацеевщина), а также объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и отношеніяхъ его къ русскимъ художникамъ.....

Кстати напомнимъ то, о чемъ мы оговаривались и въ прежнее время: Записки и Воспоминанія не есть непреложный, подлинный историческій документъ. Составители ихъ, къ сожалѣнію, не всѣ и не всегда отличаются безпристрастіемъ, не всегда подкрѣпляютъ свою память о повѣствуемыхъ ими событіяхъ справками въ официальныхъ и другихъ непреложныхъ источникахъ, а потому зачастую дѣлаютъ ошибки хронологическія и другія.... И такъ, безъ строгой критики и провѣрки—этимъ отдѣломъ матеріаловъ невозможно пользоваться; но въ виду того громаднаго значенія, какое имѣютъ мемуары для ознакомленія съ общимъ характеромъ той или другой эпохи, а также въ виду тѣхъ живыхъ характеристикъ дѣятелей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, художниковъ, писателей, артистовъ и вообще общественныхъ дѣятелей, какія мы зачастую находимъ въ сказаніяхъ современниковъ, лично ихъ знавшихъ,—нельзя не извинять составителямъ

Записокъ ихъ хронологическихъ или другихъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, ошибокъ. Впрочемъ, въ печатаемыхъ нами мемуарахъ мы всегда исправляемъ помянутыя неточности, либо сами, либо печатая указанія и поправки, сообщаемыя читателями.

Записки доктора А. А. Генрици о войнѣ 1853—1855 гг. окончены въ текущемъ году; о значеніи ихъ мы уже говорили въ отчетѣ за 1877 годъ «Русской Старины». Не маловажнымъ также вкладомъ въ историческую литературу Крымской кампаніи и Севастопольскаго погрома должны послужить Записки генерала А. Е. Попова, бывшаго по 1-е декабря 1854 г. начальникомъ штаба гарнизона многострадальнаго города; конечно, исторіею выдѣлится въ этихъ бойко написанныхъ Запискахъ правду отъ пристрастія, вызваннаго ненавистью къ князю Меншикову, дѣйстви-тельно тяжко оскорбившему молодого тогда полковника, составителя Записокъ.

Дневникъ пристава при Шамилѣ П. Г. Пржецлавскаго есть продолженіе уже начатаго въ изданіи «Русской Старины» прошлаго года; онъ еще не конченъ—окончаніе его будетъ въ слѣдующемъ году; напечатано однако достаточно для того, чтобы найти въ дневникѣ весьма обстоятельный матеріалъ для знакомства съ группою злѣйшихъ враговъ Россіи, каковыми были Шамилъ и его семейство, и по отношенію къ которымъ нельзя не вспомнить пословицы «какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ сморгить».

Берлинскій академикъ Тьебо съ своими воспоминаніями о встрѣчахъ съ русскими людьми, путешествовавшими въ 1765—1785 гг. за границей, единственный иностранецъ, Записки котораго помѣщены въ «Русской Старинѣ» текущаго года. Мы уже объяснили, въ прежнихъ обзорахъ, почему рѣдко и неохотно даемъ мѣсто въ нашемъ сборникѣ писаніямъ иноземцевъ о Россіи и русскихъ людяхъ. Даже дневникъ знаменитаго публициста Варнгагена фонъ-Энзе послужилъ намъ источникомъ лишь для несолькихъ выдержекъ, которыя какъ нельзя лучше показываютъ сколь искаженныя свѣдѣнія имѣли иноземцы о нашемъ отечествѣ въ столь близкое къ намъ время, каковы 1845—1850 года. Другое дѣло русскій иностранецъ пасторъ Зейдеръ—русскій подданный, но думавшій, говорившій и писавшій только по нѣмецки. Пострадалъ онъ однако совершенно по русски, и нельзя безъ глубокой

скорби за время, въ которое возможны были такія явленія, читать повѣсть о его страданіяхъ, имъ самимъ двукратно начертанную.

Къ отдѣлу мемуаровъ можно отнести обширное собраніе писемъ Василя Николаевича Зиновьева изъ путешествія его по Германіи, Италіи, Англии и Шотландіи въ 1785—1789 гг. Хотя письма эти довольно длинны, монотонны, мѣстами совершенно скучны, тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе какъ замѣтки одного изъ образованнѣйшихъ представителей Екатерининскаго русскаго общества о художествахъ, искусствахъ, наукахъ, а также о политической и гражданской жизни Западной Европы. Любопытно сопоставить эти письма съ одновременными почти замѣтками другаго путешественника, именно желчнаго Дениса Ивановича Фовъ-Визина, автора «Бригадира» и «Недоросля».

Изложенный перечень показываетъ, что въ 1878 г. въ «Русской Старинѣ», какъ мы сказали выше, появились Записки самыхъ разнообразныхъ по образованію и общественному положенію лицъ: крестьянинъ (онъ же солдатъ и монахъ), казакъ, протоіерей, пасторъ, ксендзь-прелатъ, морякъ и жандармскій штабъ-офицеръ, докторъ, женщины-писательницы и въ ихъ числѣ драматическая артистка, генеральнаго штаба офицеръ, губернаторъ—все это составители изданныхъ «Русскою Стариной» 1878 г. мемуаровъ. Можно подумать, что этимъ значительно исчерпано собраніе этого рода матеріаловъ, собранныхъ и подготовленныхъ редакціею «Русской Старины» къ помѣщенію на страницахъ этого изданія, между тѣмъ мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что въ ея распоряженіи находится еще девяносто семь неизданныхъ этого рода рукописей, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ изъ нѣсколькихъ томовъ ¹⁾.

¹⁾ Общее число изслѣдованій, мемуаровъ, статей и замѣтокъ, сообщенныхъ «Русской Старинѣ» (по 1-е декабря 1878 г.)—2,827. Изъ этого числа довольно много цѣлыхъ фамиліальныхъ архивовъ, значащихся подъ однимъ номеромъ. Едва ли шестая доля этихъ сообщеній исчерпана «Русскою Стариной» (1870—1878 г.), остальное будетъ печататься въ 1879-мъ и послѣдующихъ годахъ этого журнала.

II.

Историческихъ изслѣдованій «Русская Старина» представила въ отчетномъ году не много¹⁾, но изъ нихъ нельзя не указать на изслѣдованіе-очеркъ Н. И. Костомарова—о казакахъ. Эта статья даровитаго нашего историка и ученаго имѣетъ тѣмъ болѣе значеніе, что предметъ ея—изъ области исторіи, спеціально и всесторонне разработанной г. Костомаровымъ, именно изъ исторіи Малороссіи. При недостаткѣ статей-изслѣдованій, «Русская Старина» 1878 года представила рядъ довольно обширныхъ біографическихъ очерковъ. Таковы біографіи генераль-аншефа Ив. Ив. Бутурлина, 1661—1738 гг., одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго; князя Друцкаго-Любецкаго, 1777—1846, бывшаго министра финансовъ Царства Польскаго, человѣка по-истинѣ геніальнаго; цесаревича Константина Павловича—этотъ послѣдній трудъ, почти исключительно составленный по матеріаламъ, принадлежащимъ редакціи «Русской Старины», есть первый опытъ біографіи цесаревича, бывшаго сподвижникомъ Суворова, невольнаго виновника кровавой смуты 14-го декабря 1825 года и польской революціи 1830 года. Отсутствие біографіи этого, хотя и второстепеннаго, но крупнаго по своему положенію, дѣятеля въ исторіи Россіи XIX столѣтія давно чувствовалось и «Русская Старина» нынѣ восполнила этотъ пробѣлъ, представя не только біографію Константина Павловича (трудъ нашего почтеннаго сотрудника Е. П. Карновича), но и нѣсколько дополнительныхъ къ ней статей, таковы: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Вержбѣ, 20-го ноября 1830 г.», «Пріѣздъ польскаго депутата къ цесаревичу Константину Павловичу въ 1830 г.», «Народные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ». Точно также обиліе собраннаго редакціей матеріала дало возможность приступить къ біографіи другихъ, на совершенно иномъ поприщѣ, дѣятелей: мы говоримъ о жизнеописаніи Инокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго (1800—1857 гг.)—россійскаго Златоуста, какъ прозвали этого витію его безчисленные и пламенные поклонники,

¹⁾ Таковы, между прочимъ, «Десноты Зеновичи въ XVI—XVII столѣтіяхъ» статья С. Л. Пташницкаго, «Князья Долгоруковы въ 1730—1759 г.», «Военная политика и военныя учрежденія» статья М. И. Богдановича и друг.

а также о биографіи покойнаго государственнаго мужа Константина Владиміровича Чевкина. Въ первомъ трудѣ, еще неоконченномъ, мы надѣемся представить весьма много совершенно новыхъ данныхъ въ ознакомленію читателей съ этимъ знаменитымъ іерархомъ російской церкви, а второй — представляетъ лишь одну, такъ сказать, главу изъ жизнеописанія Чевкина, — именно время управленія имъ путями сообщеній — весьма обстоятельная монографія Н. Н. Селифонтова, частью по бумагамъ, завѣщаннымъ покойнымъ Константиномъ Владиміровичемъ редакціи «Русской Старины», частью по свѣдѣніямъ изъ официальныхъ источниковъ и изъ бумагъ Н. И. Бахтина.

Довольно полнымъ очеркомъ жизни кавказскаго генерала Г. В. Новицкаго, 1800—1877 гг., и биографическими замѣтками о А. Ѳ. Корниловичѣ и И. А. Анненковѣ (декабристѣ), профессорѣ А. И. Селинѣ и поэтѣ Н. А. Некрасовѣ исчерпывается обзоръ-ваемый отдѣлъ въ «Русской Старинѣ» изданія 1878 г.

• III.

Въ ряду отдѣльныхъ историческихъ матеріаловъ, каковы правительственные и юридическіе акты, указы, письма государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, небольшія полуобдѣланныя монографіи объ отдѣльныхъ эпизодахъ, преимущественно изъ новѣйшей исторіи Россіи, рассказы и замѣтки — должно назвать:

Завѣщаніе и переписка одного изъ представителей именитой фамиліи Деспотъ Зеновичей, изъ эпохи XVI столѣтія: особенно любопытно завѣщаніе Юрія Деспота Зеновича 1562 года — обширный документъ, рисующій бытъ знатнаго западно-русскаго помѣщика каштеляна Смоленскаго, на 300 лѣтъ отдаленнаго отъ насъ времени, притомъ православнаго исповѣданія. «Монастырскій судъ въ 1610 г.», «Москва въ 1687—1688 гг.». Челобитная 1721 года на злоупотребленія горнозаводчика Акинфія Демидова въ Пермскомъ краѣ. Нѣсколько документовъ, рисующихъ мрачное время правленія Анны Іоанновны; таково убійство, по распоряженію ея правительства, полковника Синклера (1739); сожженіе на кострѣ одного башкирца въ Екатеринбургѣ (1738); примѣчанія неизвѣстнаго лица, кажется — исторіографа Миллера, на

письма лэди Рондо о русскомъ дворѣ (1730—1739) — переводъ интересной рукописи, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу; «Русскій дворъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ 1761 г.» — переводъ съ рукописи Лафермиера, также принадлежащей Августѣйшему Владѣтелю Павловска, изъ превосходной библиотеки котораго заимствовано редакціей «Русской Старины», съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, вообще довольно много драгоценныхъ матеріаловъ къ отечественной исторіи XVIII вѣка.

Нѣсколько собственноручныхъ повелѣній и замѣтокъ Екатерины II и проч. Одному изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ въ исторіи кратковременнаго царствованія императора Павла — суду и кровавой казни казацкихъ полковниковъ Грузиновыхъ, посвящена въ «Русской Старинѣ» обзорѣваемого года особая монографія, составленная исключительно по военно-судному о нихъ дѣлу 1800 года.

Современная великая борьба Россіи съ Турціей за освобожденіе нашихъ многострадальныхъ братьевъ славянъ Балканскаго полуострова вызвала насъ на напечатаніе, въ видѣ исторической справки, «извѣстія современника о призывѣ посломъ римскаго (австрійскаго) императора московскихъ царей на борьбу съ Турціей въ 1684 г.»; проекта адмирала Грейга объ овладѣніи Дарданеллами, съ замѣчаніями князя Потемкина (1783 года), и обширнаго маршрута отъ Руцука до Константинополя — 1793 года, составленнаго русскими офицерами изъ свиты М. И. Голенищева-Кутузова, ѣхавшаго въ тотъ годъ посломъ въ Константинополь. Имѣя же въ виду, что война 1877-го года уже дѣлается достояніемъ исторіи, мы помѣстили рассказъ о баязидскомъ славномъ сидѣніи, и теперь же

— приглашаемъ участниковъ минувшей войны представлять на страницы «Русской Старины» свои воспоминанія, рассказы, замѣтки, документы — словомъ, все, что можетъ послужить матеріаломъ къ исторіи этой войны.

Рассказы современниковъ: «Императоръ Павелъ и старообрядцы», «Послѣдніе дни жизни и кончина императрицы Маріи Теодоровны», «Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 г.», «Рассказы

изъ прошлаго г-жи Новосильцевой», «Разказы стараго лейбъ-ка-зава», нѣсколько документовъ къ исторіи заселенія западнаго Кавказа (1861—1863 гг.) и нѣкоторыя другія замѣтки и матеріалы составляютъ ту Записную Книжку ред. «Русской Старини», изъ которой мы издавна черпаемъ самыя разнообразныя мелкія подробности въ освѣщенію тѣхъ или другихъ крупныхъ событій или достопамятныхъ дѣятелей и представителей власти или и самой среды русскаго общества той или другой эпохи. Въ ряду этихъ мелочей — всего до 70-ти небольшихъ статей и документовъ — не осталось, конечно, незамѣченнымъ «Судебное дѣйствіе» — діалогъ начала XIX столѣтія, знакомившій будущихъ юристовъ съ механизмомъ тогдашнихъ судейскихъ распорядковъ въ Россіи.

Перехода отъ изслѣдованій, очерковъ и матеріаловъ чисто историческихъ въ отдѣлу литературному, необходимо еще упомянуть о двухъ обширныхъ генеалогическихъ трудахъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» обзорѣваемаго года: дѣло идетъ о двухъ родословіяхъ: Романовы-Юрьевы-Захарьины съ XIII в. до 1613 г. и Царствующій въ Россіи домъ Романовыхъ въ XVII—XIX вв. Необходимость составленія и изданія этихъ родословіи обуславливалась отсутствіемъ обстоятельно и совершенно полно составленной генеалогической росписи этой фамилии, а также непрерывными упоминаніями о различныхъ ея членахъ въ «Русской Старинѣ» — изданія всецѣло посвященномъ изученію русской исторіи.

IV.

Разработка исторіи отечественной словесности съ самаго основанія нашего изданія всегда входила въ кругъ главнѣйшихъ задачъ «Русской Старини», но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе значительности, по числу и объему, напечатанныхъ нами Записокъ и Воспоминаній, а равно въ виду обилія прочихъ историческихъ матеріаловъ, недостатокъ мѣста не позволилъ намъ представлять новыя данныя по отдѣлу исторіи отечественной словесности въ томъ количествѣ, какъ бы то намъ было желательно и чему могли бы съ удобствомъ служить обширныя наши собранія этого рода матеріаловъ. Тѣмъ не менѣе, и въ 1878 году мы обнародовали нѣсколько историко-біографическихъ и литературныхъ матеріаловъ, а именно

по отношенію въ Жуковскому, Пушкину, Гоголю, Лермонтову (варианты изъ подлинной рукописи: «Героя нашего времени») и Далю; равнымъ образомъ напечатали большое собраніе писемъ и критическихъ замѣтокъ (1822—1830 гг.) знаменитаго польскаго историка Лелевеля по поводу монументальнаго труда Карамзина: «Исторія государства російскаго», наконецъ, въ обзорѣваемомъ же году «Русской Старины» напечатаны нѣкоторыя сатирическія литературныя произведенія прошлаго времени, каковы: «Приключеніе Густава III», сатира извѣстнаго пшты Екатеринбургскаго вѣка Василя Петровича Петрова († 1800 г.), «Митюха Валдайской, зрѣлице въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ» — остроумная пародія П. Н. Семенова (1810 г.) на трагедію «Дмитрій Донской» Озерова; пародія эта имѣетъ не только интересъ какъ весьма выразительное проявленіе въ средѣ русскаго общества начала XIX вѣка сознанія неестественности и нелѣпости драматическихъ произведеній, созданныхъ хотя бы и талантливыми писателями (каковымъ, на примѣръ, былъ Озеровъ), но по ложно-классическому шаблону. Независимо отъ этого, «Митюха Валдайской» имѣетъ и другое значеніе, именно по своему превосходному языку: дѣйствительно, въ немъ чисто народный говоръ, живая струя вполне народной безыскусственной рѣчи съ ея крайне образными и мѣткими выраженіями.

«Царь Горохъ» — шутка-пародія 1834-го года, равнымъ образомъ, — произведеніе вполне русскаго бойкаго юмора; въ ней осмѣивается также безжизненность, ходульность, высокопарность и безсодержательность формы, но уже не въ литературѣ, а въ наукѣ, жрецы которой — по просту сказать — въ силу тѣхъ или другихъ условій, въ которыхъ находилась тогда наука, съ усердіемъ, заслуживающимъ лучшаго дѣла, зачастую тольки воду, или занимались изслѣдованіемъ совершенно бесплодныхъ и ни для кого не нужныхъ вопросовъ.

Независимо однако отъ біографическаго матеріала и «смѣхотворныхъ» произведеній изъ добраго прошлаго, «Русская Старина» въ 1878 году представила одно серьезное, вполне художественное произведеніе: мы говоримъ объ обширной поэмѣ В. К. Кюхельбекера «Вѣчный Жидъ». Никогда до сихъ поръ не напечатанное, произведеніе это замѣчательно не только само по себѣ, по своимъ литературнымъ достоинствамъ, каковы художественность нѣкоторыхъ поэтическихъ картинъ, въ немъ разсѣян-

ныхъ,—но и какъ яркое выраженіе того мистическаго направленія, подвижникомъ котораго является въ ряду поэтовъ Пушкинскою эпохи—Кюхельберъ.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельберъ—до сихъ поръ вовсе не упоминался въ исторіи отечественной словесности; «Русская Старина», напечатавъ его «Вѣчнаго Жидъ», а нѣсколько ранѣ нѣкоторыя стихотворенія Кюхельбера и его литературный дневникъ въ тюрьмѣ, — даетъ возможность историкамъ отнести этому поэту подобающее мѣсто въ пантеонѣ русской словесности. Здѣсь только отмѣтимъ необыкновенную начитанность и, можно сказать, ученость Кюхельбера: при обстоятельствахъ самыхъ гнетущихъ,—каково десятилѣтнее тюремное заточеніе и затѣмъ ссылка въ мѣста отдаленныя въ Сибирь,—Кюхельберъ не переставалъ обогащать свой умъ изученіемъ иностранныхъ, европейскихъ и восточныхъ, литературъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ трудиться для пламенно любимой имъ отечественной словесности: обширное собраніе этихъ трудовъ, какъ переводовъ, такъ и оригинальныхъ произведеній, свято сбереженное и предоставленное въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» дѣтьми Кюхельбера, еще ждетъ изданія и надлежащаго опредѣленія ихъ значенія для исторіи отечественной словесности.

Представляя литературно-художественныя произведенія прошлаго времени, «Русская Старина» сохраняетъ на своихъ страницахъ и созданія народнаго творчества. Таковы напечатанныя въ ней въ 1878 г. «Свопческія пѣсни», также нѣсколько историческихъ народныхъ пѣсень, «Стихъ о раззореніи скитовъ», «Народные заговоры» и проч.

V.

Въ послѣдніе годы, въ «Русской Старинѣ» довольно много мѣста отведено исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи. Такъ, нами изданы обширныя біографическіе очерки русскихъ художниковъ съ обзорѣніемъ состоянія искусствъ въ нашемъ отечествѣ въ тѣ годы, когда подвизались эти художники, а также не менѣе обширныя собранія ихъ писемъ и замѣтокъ, знакомящихъ съ исторіей и процессомъ ихъ творчества. Въ 1878 г. этому отдѣлу въ «Русской Старинѣ» весьма посчастливилось: здѣсь напечатанъ

очеркъ изслѣдованія о жизни и дѣятельности, такъ сказать, отца бытовыхъ русскихъ живописцевъ Алексѣя Гавриловича Венеціанова (1780—1846), почтенный трудъ П. Н. Петрова—безспорно одного изъ знатоковъ исторіи искусствъ въ нашемъ отечествѣ и весьма много для нея потрудившагося. Въ «Русской же Старинѣ» 1878 г. помѣщенъ рядъ автобіографическихъ разсказовъ нашего гениальнаго мариниста И. К. Айвазовскаго о его ХLII-хъ лѣтней художественной дѣятельности (1836—1878 гг.).

Айвазовскій принадлежитъ къ группѣ тѣхъ отмѣченныхъ Провидѣніемъ талантовъ, которые составляютъ гордость и славу страны, которой они принадлежатъ—и мы считаемъ себя счастливыми, что могли на страницахъ нашего изданія сохранить, въ его живыхъ и увлекательныхъ разсказахъ, весьма важный для будущаго его біографа матеріалъ.

Въ этомъ же году мы представили, кромѣ небольшихъ замѣтокъ (Жанъ Вуаль—живописецъ, А. Клепиковъ—медальеръ), нѣсколько довольно крупныхъ, по значенію, данныхъ для біографіи покойнаго вице-президента Академіи Художествъ гр. Ѳ. П. Толстаго, славнаго живописца-гравера-медальера, и окончили печатаніемъ собраніе писемъ, очерковъ и замѣтокъ А. Н. Сѣрова объ искусствѣ вообще и музыкѣ въ особенности. Письма эти вызывали неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей—за ихъ, якобы, сухость, манерность и чрезвычайную растянутость,—тѣмъ не менѣе мы остаемся при высказанномъ уже нами убѣжденіи (см. «Русскую Старину» изд. 1877 г., т. XX, стр. 731), что мы не въ правѣ не издавать матеріалъ для изученія дѣятельности такихъ заслуженныхъ подвижниковъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ, какимъ былъ даровитый, поразительно трудолюбивый и, можно сказать, ученый, вполне строгій къ себѣ и другимъ, какимъ былъ А. Н. Сѣровъ. Если талантъ его и не стоялъ на высотѣ его обширнаго образованія и того многолѣтняго упорнѣйшаго труда, который онъ посвятилъ на его развитіе,—тѣмъ не менѣе трудовая жизнь Сѣрова положительно заслуживаетъ изученія, какъ свидѣтельство того, до чего можетъ достигнуть человѣкъ, съ энергіей и твердою волей неуклонно преслѣдующій свои идеалы въ области искусствъ.

VI.

Въ 1878-мъ году въ «Русской Старинѣ» вмѣсто глагола перечня вновь вышедшихъ книгъ по исторіи и вспомогательнымъ въ ней наукамъ, каковой тянулся на оберткѣ книгъ нашего изданія въ прошломъ году, возобновился «библіографическій листокъ», — печатавшійся съ 1870-го по 1876 г. включительно. Составленіе этого листа принадлежитъ профессору русской исторіи въ Киевскомъ университетѣ В. С. Иконникову, извѣстному нѣсколькими весьма замѣчательными трудами въ области какъ до-петровской, такъ и новѣйшей отечественной исторіи. Благодаря этому листу, читатели «Русской Старины» своевременно ознакомились со значеніемъ и достоинствомъ до 30-ти вышедшихъ въ послѣднее время главнѣйшихъ трудовъ и сборниковъ по отечественной исторіи, археологіи, географіи, этнографіи и нумизматикѣ.

VII.

Намъ остается сказать, что изданіе «Русской Старины» за обзорѣваемый годъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, украшено нѣсколькими художественными приложеніями, а именно при книгахъ 1878 года помѣщены: портреты злополучныхъ, по своей трагической смерти (въ 1739 г.), князя Василя Лукича Долгорукаго — славнаго дипломата, сподвижника Петра Великаго, и Ивана Алексѣевича Долгорукаго — любимца Петра II; также рѣдкій портретъ императора Александра I (1802 г.), силуэтъ пастора Зейдера, наконецъ портретъ кавказскаго генерала Г. В. Новицкаго. Напомнимъ при этомъ случаѣ, что, предпринимая въ 1870 году изданіе «Русской Старины», мы не общали никакихъ художественныхъ приложеній и, напротивъ, самое изданіе, соотвѣтственно крайне умѣренной подписной на него цѣнѣ, предполагали издавать въ размѣрѣ не свыше восьми печатныхъ листовъ въ мѣсяць.

Но вотъ, по мѣрѣ возрастанія сочувствія къ «Русской Старинѣ» ея читателей, это изданіе стало выходить въ полтора, иногда даже въ два раза большею противу прежняго объема и съ весьма цѣнными приложеніями, каковы портреты достопамятныхъ русскихъ людей въ гравюрахъ отечественныхъ талантливыхъ художниковъ: на мѣди—академика И. П. Пожалостина, и на деревѣ—академика Л. А. Сѣрякова (гравѣра Его Императорскаго Величества). Произведеній рѣзца этихъ художниковъ накопилось теперь въ изданіяхъ «Русской Старины» довольно много, такъ что, не говоря уже о рисункахъ, чертежахъ и снимкахъ, приложенныхъ въ «Русской Старинѣ», если бы собрать въ одинъ альбомъ только портреты, ею изданные, то таковой вмѣстилъ бы въ себѣ болѣе пятидесяти портретовъ ¹⁾.

Не ограничиваясь гравюрами, ред. «Русской Старины» время отъ времени прилагала хромолитографіи. Такъ, въ 1878 г. изданъ нами хромолитографическій (красками отпечатанный) снимокъ портрета Н. В. Гоголя. Трудность возможно точнаго воспроизведенія этого портрета, принадлежащаго кисти знаменитаго художника А. А. Иванова (1841 г.), вызвала продолжительность этой работы, исполненной въ Парижѣ извѣстнымъ литографомъ Лемерсье ²⁾. Изданію «Русскою Стариною» хромолитографированнаго снимка съ лучшаго портрета Н. В. Гоголя предшествовало появленіе на страницахъ нашего изданія (1878 г.) весьма обстоя-

¹⁾ Вотъ они: Александръ I.—Анна Иоанновна.—Гр. Аракчеевъ (2 портрета).—Биронъ.—Болотовъ (2 портрета).—Брауншвейгское семейство (4 силуэта).—Булатовъ.—Бѣлинскій.—Воейковъ.—Волковъ.—Гоголь (отпечатанъ красками).—Грибоѣдовъ.—Княгиня Дашкова.—Денисовъ, атаманъ.—Гр. Дмитріевъ-Мамонъ.—Дмитрій самозванецъ.—Князья В. Л. и И. А. Долгорукіе (казнены въ 1739 г.).—д'Эонъ.—Екатерина II.—А. П. Ермоловъ.—Зейдеръ (силуэтъ).—Кн. Зубовъ.—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.—Каразинъ.—Кн. Кутузовъ-Смоленскій.—Клугенау.—Лермонтовъ (отпечатанъ красками).—Княгиня Ловичъ.—Наталья Федоровна Лопухина (статсъ-дама, казненная въ 1742 г.).—Михельсонъ (побѣдитель Цугачева).—Муравьевъ-Карскій.—Новицкій.—М. Ѡ. Орловъ.—Петръ Великій.—Платовъ, атаманъ.—Кн. Потемкинъ.—Пугачевъ (2 портрета).—Рябининъ, крестьянинъ, пѣвецъ быллицъ.—Филаретъ, митрополитъ Московскій.—Фотій, архимандритъ Юрьевско-Новгородскій.—Чевкинъ.—Шамиль.—И. А. Яковлевъ и нѣк. другіе.

²⁾ Производство снимка и отпечатаніе оного въ Парижѣ, въ 5,725 экз., со многихъ камней, продолжалось болѣе года и стоило намъ 1,875 франковъ.

тельное излѣдованіе П. А. Ефремова о портретахъ Гоголя и рисункахъ къ его сочиненіямъ. Излѣдованіе это можетъ служить образцомъ для критическаго обзорѣнія портретовъ того или другаго изъ наиболѣе популярныхъ писателей, государственныхъ и вообще общественныхъ дѣятелей.

Прочія приложенія къ «Русской Старинѣ» 1878 года состоятъ изъ снимка (автографа) съ подлиннаго стихотворенія И. А. Крылова и нѣсколькихъ мелкихъ рисунковъ: виды землянокъ подъ Севастополемъ, 1854—1855 гг., знакъ масонской ложи «Соединенныхъ славянъ» и изображеніе памятника на могилѣ пастора Зейдера.

Ред.

Сельцо Федорцево.
1878 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе или историко-литературныя статьи и матеріалы.

Поименовываемъ въ настоящемъ списокѣ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ находятся въ распоряженіи редакціи и, по возможности, будутъ напечатаны въ книгахъ ежемѣсячнаго историческаго изданія «Русской Старины» 1879-го и послѣдующихъ годовъ:

В. П. Авенаріусъ, — Аврамовъ, — Н. Агафоновъ, — А. К. Адицовъ, — М. П. Азанчевскій, — И. К. Айвазовскій, — И. И. Акутинъ, — П. В. Алабинъ, — В. А. Альфонскій, — И. Амелицкій, — И. Андожскій, — И. Я. Андреевскій, — Анненковъ, — графъ С. А. Апраксинъ, — А. П. Арбузовъ, — И. А. Аренсъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — Арнольди, — Ф. А. Арсеньевъ, — П. Я. Аршеневскій, — Асташевъ, — Н. Н. Ахвердовъ, — А. Ю. Ашебергъ.

Баладновичъ, — О. С. Балъ, — А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ, — С. И. Барановскій, — П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — А. И. Барзеновскій, — проф. Н. И. Барсовъ, — Н. П. Барсуковъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барминниковъ, — Батюшковъ, — А. В. Башкатовъ, — В. Башловскій, — Башунскій, — кн. В. Бяшцевъ, — А. Безсоновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безукладниковъ, — Н. В. Бергъ, — П. В. Березинъ, — Я. Ф. Березинъ-Ширяевъ, — Ад. П. Берже, — Беръ, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Р. И. Бжостовская, — Н. Библинъ, — баронъ Вистромъ, — Бобровскій, — С. Богоянскій, — М. И. Богдановичъ, — Н. К. Богумевскій, — И. Н. Божеряновъ, — М. П. Болотовъ, — Боричевскій, — А. А. Бородулинъ, — М. Ф. Бороздинъ, — Я. И. Борзеновскій, — Д. Благово, — проф. А. Г. Бригнеръ, — Б. Ф. и В. Ф. Булгарины, — Бутковъ, — Бутаковъ, — баронъ Бутлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — Н. Д. Вилковъ, — акад. А. Ф. Вичковъ, — А. Вѣлаго, — Н. А. Вѣлозерская, — баронъ Ф. А. Виулеръ.

В. Н. Ваксель, — И. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, — П. П. Васильевъ, — Васильчиковъ, — Н. Васьковъ, — г. Вахтинъ, — В. Н. Ведерниковъ, — П. П. Велікопольскій, — А. Величковъ, — Вельяминовъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Венеціанова, — М. П. Венюковъ, — акад. К. С. Веселовскій, — Н. И. Викинскій, — Н. Виноградовъ, — А. Н. Виноградовъ, — К. А. Висковатовъ, — В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, — Ф. К. Витбергъ, — Н. П. Вишняковъ, — Владимірова, — М. Владимкинъ, — П. П. Возницинъ, — А. Ф. Волковъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ, — И. В. Вологдинъ, — П. А. Вороновъ, — Вороновъ, — Воскобойниковъ, — Н. М. Востоковъ, — Н. Н. Вохинъ, — баронъ Вревскій, — баронесса Вревская, — Вудъ, — А. Н. Вульфъ.

С. Н. Гавриловъ, — кн. Ив. Гагаринъ, — К. И. Гамаринъ, — А. Гакъ, — А. Д. Галаховъ, — Гвоздиковъ, — Г. Н. Геннади, — Н. В. Гербель, — Герцкъ, — П. П. фонъ-Гейцъ, — Гиліосъ, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Ф. С. Глинка, — Глуховъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, — кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голицынъ, — кн. Н. С. Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — И. Голышевъ, — Голубевъ, — И. Ф. Горбуновъ, — проф. А. Д. Градовскій, — Н. И. Григоровичъ, — А. Н. Григорьевъ, — А. Громачевскій, — Н. В. Губерти, — П. Гулакъ-Артемовскій, — С. И. Гулаевъ, — свящ. В. Гурьевъ.

В. Д. Давыдовъ, — К. И. Давыдовъ, — Давыльченко, — П. Я. Дашковъ, — П. П. Деви, — Н. Д. Де-ла-Флизь, — А. П. Демидовъ, — Фонъ-Дерфельденъ, — А. И. Деспотъ Зеновичъ, — К. К. Детловъ, — Дятроптовъ, — Дмитриевъ, — Н. Г. Дмоховскій, — Я. И. Довголевскій, — В. Док-ій, — кн. В. Долгоруковъ, — А. Долгоруковъ, — кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, — И. И. Дубасовъ, — Н. Ф. Дубровниъ, — Н. П. Дуровъ.

К. Евлентьевъ, — от. П. П. Еланскій, — кн. Енгальчевъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ, — В. Ермаковъ, — А. Ерошанинъ, — А. П. Есиповъ, — Г. В. Есиповъ, — И. Ефимовъ, — П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ, — Н. Ф. Желтовъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ, — В. И. Жиркевичъ, — В. Жуковъ, — Д. Жуковъ, — Журавскій.

А. П. Заблокиѣ-Десятковскій, — И. Е. Забѣлинъ, — Л. А. Загоскинъ, — А. Г. Затлеръ, — И. Захарыинъ, — К. Зенденгорстъ, — А. Змѣевъ, — В. Р. Зотовъ, — Е. Б. Зубова.

П. А. Ибердусовъ, — Н. С. Иванина, — А. В. Ивановъ, — Н. И. Иванова, — Ивановскій, — от. И. Иващенко, — Иверсенъ, — Игнатьевъ, — П. А. Измаиловъ, — проф. В. С. Иконниковъ, — М. А. Имбергъ, — В. А. Инсарскій, — Н. О. Истинской, — С. Ф. Исѣевъ.

Казадаевъ, — П. С. Казанскій, — Казачокъ, — М. К. Казина, — Казинъ, — П. С. Калачевскій, — Д. И. Калугинъ, — граф. Л. М. Каменская, — Капаринъ А., кн. М. А. Кантакузина, — гр. П. И. Капнисть, — В. Н. Карамзинъ, — А. А. Карасевъ, — М. В. Карасевъ, — А. М. Каратыгина, — П. А. Каратыгинъ, — С. А. Каратыгинъ, — П. П. Каратыгинъ, — П. Карнауковъ, — Е. П. Карновичъ, — С. Д. Карповъ, — А. Карташевъ, — Н. А. Карцевъ, — П. Карцевъ, — Н. С. Кашкинъ, — Н. Т. Кедровъ, — Н. П. Кельшъ, — Т. Кибальчичъ, — Кырилловъ, — А. Н. Бирининъ, — Киселевъ, — П. А. Китицинъ, — Ф. Н. Кишенскій, — И. Кларкъ, — П. Кленниковъ, — Князевичъ, — А. С. Князевъ, — Д. Ф. Кобеко, — Г. А. Ковалевскій, — Н. И. Коведаевъ, — М. М. Ковязинъ, — Козадаевъ, — С. Козловскій, — Н. И. Койленскій, — Козачевскій, — К. П. Козаковъ, — Н. М. Колмаковъ, — гр. Н. М. Коновницына, — Д. А. Копьева, — Е. Ф. Корвинъ-Круковская, — И. П. Корниловъ, — Ю. В. Косова, — Я. И. Костенецкій, — Н. И. Костомаровъ, — М. Костылевъ, — Н. П. Косаровскій, — А. Красильниковъ, — В. А. Краснокутскій, — М. Круповичъ, — В. Ф. Кудряцевъ, — М. П. Кудряцевъ, — Г. И. Кузминскій, — С. Е. Кулеша, — акад. А. А. Кунинъ, — И. К. Куряиновъ, — кн. Куракинъ, — М. Куроптевъ, — М. Н. Кутаевъ, — М. В. Кухельбекеръ.

Проф. Н. Лавровскій, — А. М. Лазаревскій, — И. К. Лалотниковъ, — С. Лашкаревъ, — С. И. Лашкевичъ, — А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — М. А. Левенцовъ, — А. А. Левшинъ, — А. И. Левшинъ, — архимандр. Леонидъ, — Леоновъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — В. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — К. Ф. Де-Ливронъ, — В. Лихачевъ, — А. В. Лишинъ, — кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, — Г. Т. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — Е. А. Лопушинскій, — Г. Лохвицкій, — В. К. Луцкій, — В. И. Лѣствицкиъ, — Любарскій, — И. Людмиловъ, — И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій, — О. Маевскій, — В. Н. Майновъ, — И. В. Майновъ, — Л. Н. Майковъ, — С. М. Макарова, — К. Максимовъ, — Н. Я. Максимовъ, — И. П. Малаховскій, — И. И. Манжура, — Мансуровъ, — К. А. Маньковскій, — Маринъ, — М. А. Марковъ, — П. И. Мартосъ, — А. А. Мартыновъ, — П. Мартыновъ, — кн. Н. Масальскій, — Е. П. Масловъ, — А. Н. Матвѣевъ, — У. П. Матвѣевъ. — Ив. Матченковъ, —

П. И. Мацѣвичъ,—Д. С. Мацѣвичъ,—И. А. Мачинскій,—бар. Мейендорфъ,—
Н. К. Меллеръ,—Мельниковъ,—П. Н. Меншиковъ,—А. Е. Мерпаловъ,—Меше-
тчячъ,—Г. И. Мигринъ,—Н. Д. Мизко,—проф. О. Ф. Миллеръ,—О. Б. Миллеръ,—
гр. Г. А. Милорадовичъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина,—Г. Минъ,—С. Миро-
польскій,—М. П. Митковъ,—В. Михайловъ,—Г. Михельсонъ,—А. Ф. Мож-
аровскій,—гр. А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—П. Морозовъ,—Д. К. Мо-
розь,—Е. Т. Морошчина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Му-
ликовский,—Н. Н. Мурзаевичъ,—Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—Нарбутъ,—А. Нарохиницкій,—А. С. Наста-
внинъ,—П. И. Небольсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некра-
совъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—А. Н. Неустровъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Не-
ловъ,—С. А. Никитенко,—баронъ А. Н. Николай,—А. А. Никольскій,—В. В.
Никольскій,—Никулинъ,—М. Д. Нилъ,—Л. Л. Ничнаевскій,—Н. Новицкій,—
А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ.

Кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Огаревъ,—
П. Огивскій,—Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—П. О. Омеляненко,—Ф. К. Опо-
чининъ,—И. И. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. В. Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А.
Орловъ,—проф. Н. А. Осокинъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,— баронесса Л.
Остенъ-Сакенъ.

Л. Н. Павлицевъ,—И. Д. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—
В. Ф. Павловъ,—Н. Палибинъ,—А. В. Пальчиковъ,—Панаевъ,—Н. И. Па-
новъ,—Ф. Ф. Пардалоцкій,—П. Д. Парендовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—
Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—Перетцъ,—Пер-
фильева,—Петровский,—Ал. Н. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ,—П. Н. Пѣ-
тровъ,—А. А. Плансонъ,—Платонова,—А. А. Пovalo-Швейковскій,—А. Ф.
Подвысоцкій,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—акад. И. П. По-
жалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Ф. Покровскій,—
В. Поляковъ,—Н. А. Поливановъ,—В. Н. Поливановъ,—А. С. Половскій,—
Я. П. Полонскій,—А. Пономаревъ,—Анд. Н. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Ми-
халъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—А. Е. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—
Н. Н. Правиковъ,—А. Преображенскій,—О. А. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлав-
скій,—Д. И. Прозоровскій,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—С. Л. Пташицкій,—
И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. П. Патковскій.

А. Раменскій,—М. М. Рангъ,—А. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—С. А. Рег-
менскій,—Н. В. Реутскій,—графъ Ржевускій,—Людмила Ив. Рикордъ,—А. Ф.
Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—Д. П. Родионовъ,—А. И. Розановъ,—Н. П. Роза-
новъ,—Н. И. Розановъ,—О. Фонтъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розень,—Д. А. Ро-
котовъ,—А. Н. Романовскій,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—А. Росноповъ,—
графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—С. А. Рудакова,—
Рудаковъ,—Н. Рудыковский,—К. Рудницкій,—В. Р. Руммель,—Руничъ,—Н. Рын-
довскій,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

П. И. Савватовъ,—А. И. Савельевъ,—А. А. Савурскій,—Савельевъ,—Д. Са-
довниковъ,—Садовскій,—Н. Ф. Сазоновъ,—В. Савтовъ,—Н. Ф. Самаринъ,—
Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамо-
чинъ,—Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—
В. И. Семеновскій,—П. Семеновъ,—Сергѣевъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—Сер-
дюкова,—Сеславина,—Симоновъ,—Скальковскій,—Д. И. Скобелевъ,—Б. Скоро-
богатый,—В. Смирновъ,—Д. Смышляевъ,—А. И. Соболевскій,—В. Соколовскій,—

акад. О. Г. Солдцевъ,—акад. С. М. Соловьевъ,—А. И. Сомовъ,—Р. Сорочкинъ,—Т. А. Сосновскій.—П. Т. Софiенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. Л. Спасскій,—Н. И. Стародубскій,—А. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—А. Д. Столпчинъ,—Сторожевскій,—Стороженко,—Стронинъ,—В. Я. Стожнинъ,—Н. И. Стояновскій,—А. И. Стригодскій,—Н. С. Стромилловъ,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступининъ,—А. А. Суворовъ, князь Италійскій графъ Рымникскій,—С. Судковъ,—С. Н. Сулима,—В. Сульменевъ,—А. И. Сулодскій,—П. Суходольскій,—Сунковъ,—С. П. Сысоевъ,—акад. Л. А. Сѣряковъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Тавицкій,—Темниковъ,—Н. М. Тереховъ,—Тимофеевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимошукъ,—В. П. Титовъ,—И. Тихомировъ,—К. Н. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Толстай,—Томашевъ,—Н. Е. Топчиевъ,—Л. Н. Трефоловъ,—П. Трофимовскій,—А. Н. Труворовъ,—Туганъ-Мирза Барановскій,—Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

Н. Федоровъ,—А. И. Фелькнеръ,—Т. И. Филипповъ,—К. Н. Флиге,—И. Р. Фольдери-Ховевъ,—О. Е. Франкъ,—Фрезе,—А. В. Фрейгангъ.

А. Ханъ-Аговъ,—Хмѣльницкій,—П. Ф. Хомутовъ,—А. Н. Хребтовъ,—Н. Хупотскій.

Цвилевъ,—С. О. Цвѣтковъ.

Графъ Э. К. Часкскій,—В. И. Чаславскій,—Ад. П. Чеботаревъ,—Ченихинъ,—Г. С. Чириковъ.—И. А. Чистовичъ,—Я. А. Чистовичъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ,—П. А. Чумиковъ.—К. Н. Чупинъ.

И. И. Шамшевъ,—Н. И. Шигановъ,—кн. Ив. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—А. В. Шереметевъ,—Н. К. Шильдери,—Г. И. Ширяевъ,—А. Д. Шинковъ,—А. Шкляревскій,—А. О. Шлейснеръ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—Н. К. Штрандманъ,—М. О. Шугуровъ,—Б. К. Шульцъ,—В. В. Шульцъ.

П. К. Щебальскій,—Н. Н. Щукьянъ.

П. И. Юркевичъ.

Языковъ,—С. М. Якимашъ,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Якушкинъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Яньковскій,—Ястржембскій,—П. Ясницкій,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвилъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ съ призвательностію упомянуть о покойныхъ: А. И. Артемьевъ,—А. Н. Аванасьевъ,—Я. П. Баклановъ,—Е. А. Бесугежовой,—М. А. Бесугежвъ,—О. М. Боданскомъ,—И. Д. Вѣлаевъ,—И. Д. Варпаховскомъ,—Н. В. Веригинъ,—А. С. Вороновъ,—А. О. Гильфердингъ,—А. Б. Гриббе,—В. И. Далъ,—П. М. Дараганъ,—Н. Н. де-Прерадовичъ,—И. И. Европеусъ,—К. Б. Злобинъ,—Ф. В. Карзинъ,—от. К. Кустодіевъ,—А. М. Блжевачъ,—П. П. Ламбинъ,—П. С. Лебедевъ,—Е. Ф. Лермонтовой,—кн. С. А. Малатовой,—П. К. Менковъ,—от. М. Я. Морощкинъ,—О. Н. Муратовъ,—П. А. Мухановъ,—акад. П. П. Пекарскомъ,—А. Н. Поповъ,—В. О. Ратчъ,—А. И. Рыжовъ,—И. И. Свиазевъ,—В. И. Фелькнеръ,—М. Д. Хмыровъ и К. В. Чевкинъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамиліные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятъ въ распоряженіи «Русской Старины» и также постепенно будутъ печататься.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1878 году.

Въ 1878 г. экземпляры «Русской Старины» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Амурская обл.		Викинская губ.	
(381,900 жит.).		(539,383 жит.).	
Амолы	1	Баку	11
Кочетовъ	1	Куба	1
Омскъ	16	Ленкорань	1
Петропавловскъ	1	Маразлинская	1
	<hr/>	Сальяны	1
	19	Шемаха	2
			<hr/>
Амурская обл.		Вессарабская губ.	
(44,297 жит.).		(1,254,706 жит.).	
Благовѣщенскъ	6	Бишиневъ	29
Албазинъ	3	Аккерманъ	4
Михайло-Семеновская	1	Байрамча	1
Черняева	1	Бендеры	5
	<hr/>	Каушаны	1
	11	Секурянская	2
Архангельская губ.		Сороки	1
(291,696 жит.).		Тарутино	1
Архангельскъ	12	Хотинъ	2
Онега	1		<hr/>
Пинега	1		46
Сороцкая	1	Варшавская губ.	
Шенкурскъ	1	(949,065 жит.).	
	<hr/>	Варшава	68
	16	Александровъ Пограничный	1
Астраханская губ.		Влодавскъ	3
(612,625 жит.).		Ловичъ	4
Астрахань	21	Новый Дворъ	9
Зинзелинская	1	Скеревеицы	2
Красный Яръ	1		<hr/>
	<hr/>		87
	23		

Вилзенская губ.	
(1,123,206 жит.).	
Вильно	36
Вилейка	2
Дисна	3
Молодечно	2
Свенцянны	1
Солы	1
Щучинь	1
	<hr/>
	46

Витебская губ.	
(912,844 жит.).	
Витебскъ	5
Велижъ	8
Динабургъ	10
Дрисса	1
Невель	1
Сеньковская	1
	<hr/>
	21

Владимирская губ.	
(1,280,550 жит.).	
Владимиръ	18
Александровъ	4
Бараново	1
Болдинская	1
Васильевское	1
Второвская	1
Вязники	3
Гавриловъ посадъ	1
Гороховецъ	3
Иваново-Вознесенскъ	5
Киржачъ	4
Мовровъ	2
Меленки	1
Мошка	1
Нуромъ	5
Никольское	1
Покровъ	1
Сима	1
Судогда	1
Суздаль	2
Тейково	4
Шуя	3
Юрьевъ-Польскій	1
	<hr/>
	65

Волынская губ.	
(1,877,961 жит.).	
Житомиръ	8
Владимиръ	2
Волочискъ	2
Дубно	4
Заславъ	1
Ковель	2

Корець	1
Кременецъ	4
Купель	1
Любарская	1
Луцкъ	2
Новоградъ Волынский	2
Овручъ	2
Олыба	1
Островъ	1
Печановка	1
Радзивилю въ	3
Ровно	4
Старо-Константиновъ	2
	<hr/>
	44

Вологодская губ.	
(1,041,269 жит.).	
Вологда	13
Великій Устюгъ	1
Вельскъ	1
Кадниковъ	2
Никольскъ	1
Тотьма	2
Устьицъ	1
	<hr/>
	21

Воронежская губ.	
(2,259,973 жит.).	
Воронежъ	26
Бестужевская	1
Вирючъ	2
Бобровъ	4
Бутурдиновка	2
Валуяги	3
Задонскъ	1
Землянскъ	3
Калачъ	2
Константиновская	1
Коротоякъ	1
Лявненскъ	2
Мандрово	1
Нижнедѣвицкъ	1
Новохоперскъ	2
Острогожскъ	6
Павловскъ	1
Ровенки	1
Россоша	1
Хрюново	2
	<hr/>
	63

Выборгская губ.	
(289,170 жит.).	
Выборгъ	3
Сердоболь	1
Фридрихсгамъ	1
	<hr/>
	5

Вятская губ.
(2,448,600 жит.).

Вятка	13
Воткинский зав.	1
Дебесы	1
Елабуга	5
Ижевскій зав.	3
Киевурская	1
Лубянская	1
Малмыжъ	2
Налинскъ	1
Орловъ	1
Сарануль	3
Слободской	1
Уржумъ	2

35

Гродненская губ.
(1,033,678 жит.).

Гродно	11
Брестъ-Литовскъ	7
Вилостокъ	4
Заполье	1
Зельвы	1
Кобринъ	1
Пружаны	1
Словимъ	1

27

Дагестанская обл.
(477,731 жит.).

Дербентъ	2
Гунибъ	2
Дашлагаръ	1
Петровскъ	3
Темаръ-Ханъ-Шура	6
Чиръ-Юртъ	1

15

Донская обл.
(1,275,686 жит.).

Новочеркасскъ	43
Амвросіевка	1
Вокосвая	2
Голодаевка	4
Грушевская	2
Есауловская	1
Константиновская	3
Миллерово	1
Нижнечирская	1
Новогригорьевская	1
Урюпинская	4
Усть-Медвѣдичная	4
Харцызская	2
Цымлянская	4
Шалаевская	2
Шахтная	1

76

Екатеринославская губ.
(1,488,016 жит.).

Екатеринославъ	23
Азовъ	2
Александровскъ	5
Бахмутъ	1
Верхнеднѣпровскъ	5
Гавриловка	1
Еленовское	1
Канцерово	1
Константиновка	1
Кучеваловская	1
Лозовая	2
Лозовая	1
Луганскій зав.	9
Мариуполь	3
Марченская	1
Новомосковскъ	3
Павлоградъ	6
Перещепино	6
Петропавловка	1
Ростовъ	16
Самойловка	1
Славяносербскъ	2
Славгородъ	2
Софиевка	1
Таганрогъ	13

102

Елисаветпольская губ.
(593,784 жит.).

Елисаветполь	6
Делижанъ	1
Новоагстафинская	1
Шуша	1

9

Енисейская губ.
(372,862 жит.).

Красноярскъ	9
Енисейскъ	7
Каргиво	3
Кореливо	1
Минусинскъ	3

23

Забайкальская обл.
(430,780 жит.).

Чита	6
Верхнеудинскъ	3
Горбичевская	1
Кавыкучи-газимурская	1
Кяхта	2
Нерчинскъ	3
Нерчинскій зав.	3

Средняя Кара	1
Стрѣтская	1
Троицкосавскъ	2
Шелопугинская	2
	<hr/>
	25

Закаспійскій отд.
(275,000 жит.).

Красноводскъ	1
	<hr/>
	1

Закаспійскій оир.
(68,839 жит.).

Закаталы	1
	<hr/>
	1

Зарафинскій оир.
(163,185 жит.).

Самаркандъ	7
Баты Курганъ	1
	<hr/>
	8

Иркутская губ.
(378,244 жит.).

Иркутскъ	28
Витимскъ	3
Жигаловская	3
Нижеудинскъ	1
Нохтуйскъ	4
Тельминская	1
Тулуновка	1
Хоготская	1
	<hr/>
	42

Казанская губ.
(1,739,909 жит.).

Казань	54
Воробьевская	1
Бозмодемьянскъ	1
Ланшевъ	4
Маринскій зав.	1
Свияжскъ	3
Спаскъ	7
Царевкокшайскъ	1
Чебоксары	2
Чистополь	5
	<hr/>
	79

Калишская губ.
(717,927 жит.).

Калишь	6
Блодава	1
Конишь	1
Ленчица	1
Турекъ	1
	<hr/>
	10

Калужская губ.
(1,010,628 жит.).

Калуга	14
Александровскій хуторъ	1
Боровскъ	1
Брянъ	1
Жыздра	6
Бозельскъ	3
Меднь	2
Петрищевская	1
Серпейскъ	1
Суборовская	1
Таруса	1
Троицкая	1
	<hr/>
	33

Кіевская губ.
(2,251,404 жит.).

Кіевъ	81
Бердичевъ	2
Богуславъ	1
Бособродская	1
Бѣлая Церковь	2
Воронцовская	3
Гребенская	1
Гуровщина	1
Базатинъ	1
Каменка	1
Каневъ	1
Боростышевская	1
Борсувъ	1
Лысянка	1
Махновка	1
Мокрая Болыгорка	1
Радомыслъ	4
Ружинъ	1
Самгородокъ	1
Сквира	1
Смѣла	7
Тараща	3
Умань	2
Худолѣвка	1
Черкасы	2
Шпола	1
	<hr/>
	124

Ковенская губ.
(1,348,936 жит.).

Ковно	2
Вилькомиръ	2
Ворневецкая	3
Кейданы	1
Ново-Александровскъ	1
Поневѣжъ	1
Субочъ	1
Таурогенъ	1
Тельши	1
	<hr/>
	1

Шавли	4
Юрбургъ	1
Яново	1

29

Костромская губ.

(1,198,870 жит.).

Кострома	18
Буй	1
Варнавицъ	1
Ветлуга	2
Вичуга село	1
Вичуга ст.	2
Галичь	2
Евдокимово	1
Кинешма	6
Клеваново	1
Кологривъ	1
Малоугарская	1
Нерехта	2
Парфеньевъ пос.	1
Плесь пос.	1
Солиталичь	2
Урень	1
Чухлома	1
Юрвецъ-Повольскій	4

49

Кубанская обл.

(831,740 жит.).

Екатеринодаръ	14
Ейскъ	5
Конаевское	1
Крымская	1
Ладожская	1
Майкопъ	5
Невиномыская	1
Темрюкъ	1
Тихорецкая	2
Устьлабинская	1

32

Курляндская губ.

(637,146 жит.).

Митава	4
Либавъ	3

7

Курская губ.

(2,020,679 жит.).

Курскъ	19
Бѣлгородъ	7
Дмитриевъ	3
Короча	1
Бочетки	1
Льговъ	5
Марьино	1
Мирополье	2

Новый Осколь	1
Обоянь	1
Путявлъ	3
Рыльскъ	8
Старый Осколь	7
Суджа	3
Тимъ	3
Фатежь	1
Щигры	3

69

Кутанская губ.

(688,125 жит.).

Кутанскъ	8
Зугиды	1
Квирилы	1
Ново-Санаки	1
Поти	1

12

Кѣлецкая губ.

(537,936 жит.).

Кѣльцы	3
Андреевъ	1
Мѣховъ	1
Пинчовъ	2
Стопница	1

8

Лифляндская губ.

(1,017,074 жит.).

Рига	15
Большереа	1
Верро	1
Дерптъ	7

24

Ломжинская губ.

(511,088 жит.).

Ломжа	8
Островъ	2
Пултускъ	1
Тыкоцинь	1

12

Люблинская губ.

(766,962 жит.).

Люблинъ	7
Бѣлгорай	1
Грубешовъ	1
Замостье	1
Ивань-городъ	1
Новая Александрия	2
Холмъ	4

17

Минская губ.		Серпуховъ	9
(1,222,642 жит.).		Стрѣленкія слободы	1
Минскъ	10	Фаустово	1
Бобруйскъ	5		657
Борисовъ	2	Нижегородская губ.	
Домоховичи	1	(1,293,643 жит.).	
Игумень	1	Нижній Новгородъ	27
Мозырь	1	Арзамасъ	5
Несвижъ	1	Богородское	1
Новогрудокъ	1	Василь	1
Пинскъ	1	Городецъ	1
Слуцкъ	1	Кадницкая	1
Столбцы	1	Книгининъ	1
	25	Лукояновъ	1
		Лысково	3
Могилевская губ.		Мангушевская	2
(976,601 жит.).		Починки	3
Могилевъ	11	Семеновъ	2
Выховъ	1	Сергачъ	3
Гомель	3		51
Горы-Горыя	1	Новгородская губ.	
Климовичи	1	(1,021,317 жит.).	
Костюковка	1	Новгородъ	18
Краснополе	3	Боровичи	2
Мстиславъ	1	Бронницы	1
Орша	2	Валдай	3
Рудня	1	Грузино	1
Чаусы	1	Демянскъ	1
Чериковъ	1	Ереминская	1
	27	Зарѣчье	2
		Крестцы	1
Московская губ.		Кузуйская	1
(1,803,740 жит.).		Любань	1
Москва: а) чрезъ газетную эк-	195	Мегледы	2
спедицію		Сомино	1
б) чрезъ московскіе книж-	411	Спасская полость	2
ные магазины		Торбино	1
Богородскъ	1	Устюжна	4
Бронницы	1	Череповецъ	3
Верея	2	Шамская	1
Волоколамскъ	1		46
Воскресенскъ	3	Ниоладская губ.	
Дмитровъ	1	(183,845 жит.).	
Завидовская	2	Гельсингфорсъ	7
Звенигородъ	2	Свеаборгъ	2
Каменка	1		9
Клинъ	1	Олонцевая губ.	
Клинская	1	(298,364 жит.).	
Коломна	2	Петрозаводскъ	7
Можайскъ	2	Вытегра	4
Молоди	1		11
Москва ст.	2		
Подольскъ	3		
Подсолнечная	2		
Руза	1		
Сергіевъ посадъ	11		

Оренбургская губ.
(926,165 жит.).

Оренбургъ	22
Верхнеуральскъ	2
Грачевка	1
Илецкъ	2
Бочьяръ	1
Челябинскъ	3

81

Орловская губ.
(1,668,311 жит.).

Орелъ	33
Александровка	2
Архангельская	1
Болховъ	2
Брянскъ	7
Брянскъ ст.	1
Дмитриевъ	3
Донъ	1
Дросково	2
Дубовецъ	1
Елецъ	14
Измайково	1
Карачевъ	6
Ботомки	1
Кромы	2
Ливны	5
Малоархангельскъ	5
Мценскъ	6
Россошное	1
Русскій Бродъ	2
Съвскъ	2
Толстогубово	1
Трубчевскъ	1
Хотынецъ	1

101

Пензенская губ.
(1,209,964 жит.).

Пенза	26
Воейково	1
Инсаръ	3
Исса	1
Каменка	1
Керенскъ	2
Краснослободскъ	1
Мокшаны	1
Наровчатъ	2
Нечаевскій Уметъ	1
Нижній Ломовъ	3
Саранскъ	4
Симанцино	1
Студенецъ	1
Чембаръ	4

52

Пермская губ.
(2,240,960 жит.).

Пермь	14
Билимбаевскій зав.	2
Богословскій зав.	3
Веретя	1
Верхотурье	1
Далматовъ	2
Екатеринбургъ	27
Ирбитъ	3
Каменскій зав.	1
Катайская	1
Красноуфимскъ	2
Кунгуръ	3
Кушвинскій зав.	5
Невьянскій зав.	2
Нижнетагилскій зав.	4
Оса	1
Солнцанскъ	2
Сугатская	2
Сысертскій зав.	1
Чердынъ	1
Шадринскъ	1

79

Петроковская губ.
(708,008 жит.).

Петроковъ	1
Бендинъ	5
Лодзь	1
Сосновицы	1
Ченстоховъ	3

11

Плоцкая губ.
(490,975 жит.).

Плоцкъ	5
Добржинъ	1
Млава	1
Млава ст.	1
Пловскъ	1

9

Подольская губ.
(1,996,046 жит.).

Каменецъ-Подольскъ	12
Балта	3
Баръ	1
Брацлавъ	2
Винница	3
Гайсинъ	2
Голованевскъ	1
Джуринская	1
Дережня	1
Бруты	1
Летичевъ	2
Литинъ	2
Могилевъ	3

Немировъ	1
Новая Ушица	2
Ольгополь	4
Пнево	1
Попелюха	1
Проскуровъ	2
Тына	1
Тулъчинъ	1
Ямполь	1
Ярышевская	1

Полтавская губ.
(2,154,847 жит.).

Полтава	28
Божковъ	1
Бутенковская	1
Бѣлоцерковка	1
Гадячъ	4
Жуковская	1
Зеньковъ	3
Золотоноша	7
Кобеляки	2
Коновничская	1
Константиноградъ	1
Кременчугъ	8
Лохвица	4
Лубны	6
Малая Перецѣпина	1
Миргородъ	6
Опошня	1
Переяславъ	6
Пирятинъ	3
Прилуки	3
Ромны	4
Рѣшетилевка	1
Хороль	3
Яготино	3

Приморская обл.
(44,820 жит.).

Николаевскъ	2
Владивостокъ	2
Софійскъ	1
Хабаровская	3

Псковская губ.
(834,069 жит.).

Псковъ	10
Боровичи	1
Великіе Луки	4
Горичная	1
Новоржевъ	4
Опочка	1
Островъ	1
Порховъ	4

Сольды	1
Сорокинская	1
Торопецъ	3
Холмъ	5

36

Радомская губ.
(562,191 жит.).

Радомъ	5
Конскъ	1
Липскъ	1
Опатовъ	1
Сандоміръ	2
Сташовъ	2

12

Рязанская губ.
(1,524,442 жит.).

Рязань	14
Данковъ	1
Егорьевскъ	3
Ерахтурская	1
Зарайскъ	8
Карабинская	1
Касимовъ	5
Луховицы	1
Михайловъ	5
Пронскъ	2
Рябенбургъ	2
Ряжскъ	2
Сапожокъ	2
Сарай село	2
Скопинъ	2
Спаскъ	1
Старожилво	1

53

Самарская губ.
(1,904,153 жит.).

Самара	17
Алексѣевка	1
Балаково	1
Борки	1
Бугульма	2
Бугурусланъ	3
Бузулукъ	3
Екатериновка	1
Екатериненштадтъ	1
Кичуй	1
Мелекесъ	1
Новый Узень	3

35

С.-Петербургская губ.
(1,367,503 жит.)

С.-Петербургъ: а) по почтѣ . . . 948
б) безъ достав-
ки . . . 163

Гатчино	9
Гдовъ	2
Доможирово	1
Волгинская	1
Красное Село	1
Кронштадтъ	21
Левашовка	1
Луга	1
Молосковицы	1
Нарва	4
Новая Ладога	2
Ораниенбаумъ	1
Павловскъ	4
Парголово	1
Петергофъ	3
Преображенская	1
Саблино	1
Сергиевская	1
Сестрорѣцкѣ	1
Сиверская	3
Царское Село	14
Шлиссельбургъ	1
Ямбургъ	1

1187

Саратовская губ.
(1,768,138 жит.)

Саратовъ	29
Аткарскъ	3
Балашовъ	4
Беково	3
Вольскъ	4
Дубовскій посадъ	1
Екатериновка	2
Камышинъ	2
Ключи	1
Колено	1
Кондалъ	1
Кузнецкъ	2
Маринская	1
Никулино	2
Петровскъ	2
Ртищево	2
Рудя	1
Сердобскъ	3
Сосновка	1
Таловка	1
Хвалынскъ	3

69

Семипалатинская обл.
(610,123 жит.)

Семипалатинскъ	5
Алтайская	1

Зайсанскій постъ	2
Баркаралы	1
<hr/>	
	9

Семирѣчинская обл.
(539,530 жит.)

Вѣрный	6
Бахты	1
Караколъ	1
Кульджа	2
Нарынское	1
Токмакъ	1

3

12

Симбирская губ.
(1,218,888 жит.)

Симбирскъ	13
Алатырь	3
Ардатовъ	4
Болховская	1
Краснососенская	3
Корсунъ	11
Курмышъ	5
Новоспаское	1
Прозвино Городище	1
Сызрань	8
Тагайская	1
Тетюшская	1
Ясашно Ташлинская	1
Юрловка	1

54

Смоленская губ.
(1,214,637 жит.)

Смоленскъ	12
Вѣлой	3
Вязьма	5
Гжатскъ	2
Дорогобужъ	1
Духовщина	1
Ельня	1
Ивановская	1
Ивановская	1
Каменская	1
Коски	2
Пересва	1
Полуево	1
Порѣчье	1
Рославль	2
Рославецъ	1
Рославль ст.	1
Серги-Ивановская	1
Сычевка	1
Стѣнинская	1
Уваровская	1
Юхновъ	1

42

Ставропольская губ.		Судаекъ	1
(473,974 жит.)		Ялта	7
Ставрополь	16	Феодосія	5
Александровское	1		
Медвѣжнское	2		77
Прасковья	1	Тамбовская губ.	
Средній Егорынь	1	(2,262,136 жит.)	
	21	Тамбовъ	30
Сувадльская губ.		Борисоглѣбскъ	8
(537,807 жит.)		Волконская	1
Сувадль	6	Грязи	3
Верхоболовская	3	Добринка	1
Владиславовъ	1	Елатъма	2
Волковъшки	1	Каргашино	2
Мариамполь	1	Кирсановъ	7
Сейны	1	Козловъ	11
	13	Козловская	1
Сѣдлецкая губ.		Лебедянь	4
(575,978 жит.)		Липецкъ	4
Сѣдлецъ	3	Муравьевская	1
Бѣла	5	Моршанскъ	4
Мендзержыць	1	Новочеркутино	1
Раднѣ	1	Просьянополннская	2
	10	Разказово	1
Сырѣ-Дарьинская обл.		Спасскъ	1
(1,239,649 жит.)		Темниковъ	1
Ташкентъ	19	Уметъ	2
Казалинскъ	6	Усмань	3
Чимкентъ	1	Царицынъ	4
Чиназъ	1	Щацѣ	2
	27		96
Тавастгусская губ.		Тверская губ.	
(202,250 жит.)		(1,561,300 жит.)	
Тавастгусъ	1	Тверь	16
	1	Брусовская	1
Таврическая губ.		Бѣжецкъ	3
(747,009 жит.)		Весьегонскъ	1
Симферополь	19	Высокое	1
Бердянскъ	5	Вышній Волочокъ	4
Большой Токмакъ	1	Калазипъ	2
Евпаторія	2	Кашинъ	5
Зуя	1	Максатиха	1
Карасубазаръ	2	Малышево	2
Каховка	2	Осташковъ	3
Керчь Ениколь	8	Ржевъ	6
Кривички	3	Селижарово	3
Мелитополь	3	Спировская	1
Ногайскъ	1	Старица	1
Орѣховъ	1	Сытьковская	1
Перекопъ	2	Торжокъ	6
Севастополь	12	Троицкая	2
Севастополь ст.	1		59
Сирогозская	1	Терская обл.	
		(530,980 жит.)	
		Владикавказъ	10
		Веденская	1
		Воздвиженская	1

Грозный	2
Кссентукская	1
Кызларь	1
Пятигорскъ	6
Хасафъ-Юртъ	3

Чернь	3
Чернская	1
Шаховская	1
Ясенки	1
<hr/>	
	67

Тифлисская губ.
(662,859 жит.)

Тифлисъ	64
Ахалкалаки	1
Ахалцыхъ	1
Боржомская	1
Гори	2
Деланъ-Огли	1
Душетъ	1
Игдырь	1
Царскіе Колодцы	2

Уральская обл.
(346,715 жит.)

Нижнеуральскъ	5
Гурьевъ	1
Калмыковъ	1
<hr/>	
	7

Уфимская губ.
(1,550,148 жит.)

Уфа	11
Байсарово	1
Бирскъ	2
Мензелинскъ	4
Саткинский зав.	1
Стерлитамакъ	1
<hr/>	
	20

Тобольская губ.
(1,086,848 жит.)

Тобольскъ	8
Еланская	1
Ишимъ	1
Бурганъ	3
Новозанская	1
Туринскъ	1
Тюкалинскъ	1
Тюмень	7

Ферганская обл.
(960,000 жит.)

Коканъ	1
Маргеланъ	7
Намаганъ	3
Ошъ	1
<hr/>	
	12

Томская губ.
(838,756 жит.)

Томскъ	12
Барнаулъ	9
Бийскъ	1
Зимногорскъ	3
Итатская	1
Маринскъ	1

Харьковская губ.
(1,739,220 жит.)

Харьковъ	56
Алексѣвка	1
Аатырка	2
Брвенково	1
Богодуховъ	3
Боромлянская	1
Вълополье	2
Въловодскъ	1
Волчанскъ	4
Голая Долина	1
Дергачи	4
Змиевъ	2
Изюмъ	6
Котельва	1
Краснонаволока	1
Купянскъ	3
Новокатеринославская	1
Сеньювская	1
Славянскъ	2
Старобѣльскъ	2
Сумы	15
Чугуевъ	3

Тульская губ.
(1,216,593 жит.)

Тула	27
Алексинъ	3
Богородицкъ	2
Бѣлевъ	3
Веневъ	3
Доробино	1
Елифанъ	2
Ефремовъ	5
Иваново	1
Кашира	3
Ланотково	1
Новосиль	3
Одоевъ	5
Пахомово	1
Томстухъ	1

Херсонская губ. (1,739,280 жит.)	
Херсонъ	10
Александрия	3
Анабевъ	1
Березовка	2
Бериславъ	1
Бирзуга	1
Вознесенскъ	7
Врадѣвка	1
Джемурѣвская	2
Елисаветградъ	11
Знаменка	2
Константиновская	1
Курисово-Повровская	1
Любашевка	1
Максимовская	1
Марьяновская	1
Николаевъ	20
Новогеоргиевскъ	1
Новомиргородъ	2
Ново-Воронцовка	1
Новая Прага	1
Одесса	61
Ольвиополь	1
Очаковъ	1
Павлышская	2
Песчаный Бродъ	1
Помошная	1

138

Черниговская губ. (1,704,080 жит.)	
Черниговъ	10
Батуринъ	1
Бахмачъ	1
Березна	1
Бобровицы	1
Бобровицы	2
Борзна	1
Глуховъ	5
Грузское	1
Елѣнская	1
Клиницы	2
Козелецъ	2
Конотопъ	3
Конотопская	1
Коропъ	1
Кролевецъ	2
Мѣна	1
Новгородъ-Сѣверскъ	6
Новозыбковъ	1
Новый Рокскъ	1
Нѣжинъ	8
Остеръ	1
Плиски	1
Погаръ	1
Почепъ	2
Рѣпкинская	1

Семипольская	1
Стародубъ	6
Суражъ	1
Тулиголовъ	1
Чемерская	1
Чернотичи	1
	<hr/>
	69

Черноморскій окр.
(15,735 жит.)

Новороссійскъ	1
Анапа	1
Туапсе	1
	<hr/>
	3

Эриванская губ.
(547,693 жит.)

Эриванъ	2
Александрополь	17
Новый Баязетъ	1
	<hr/>
	20

Эстляндская губ.
(325,715 жит.)

Ревель	5
Раке	1
	<hr/>
	6

Иркутская обл.
(234,851 жит.)

Иркутскъ	4
	<hr/>
	4

Ярославская губ.
(1,008,315 жит.)

Ярославль	27
Большесельская	1
Великое село	1
Давидовъ	1
Молога	1
Мышкинъ	1
Петровскъ	1
Пошехонье	1
Романовъ-Борисоглебскъ	1
Ростовъ	4
Рыбинскъ	11
Рыбинскъ ст.	1
Тихменево	1
Угличъ	1
Харино	1
	<hr/>
	54

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Австрія	5	Египеть	1
Англія	3	Италія	7
Бельгія	1	Китай	3
Бразилія	1	Португалія	1
Болгарія	71	Турція	1
Германія	10	Франція	15
Голландія	2	Швейцарія	6
Давія	1		
			128

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.

1. Асмолинской обл.	19	30. Кіевской губ.	124
2. Амурской обл.	11	31. Ковенской губ.	29
3. Архангельской губ.	16	32. Костромской губ.	49
4. Астраханской губ.	23	33. Кубанской обл.	32
5. Бакинской губ.	17	34. Курляндской губ.	7
6. Бессарабской губ.	46	35. Курской губ.	69
7. Варшавской губ.	87	36. Кутанской губ.	12
8. Виленской губ.	46	37. Кълецкой губ.	8
9. Витебской губ.	21	38. Лифляндской губ.	24
10. Владимірской губ.	65	39. Ломжинской губ.	12
11. Волынской губ.	44	40. Люблинской губ.	17
12. Вологодской губ.	21	41. Минской губ.	26
13. Воронежской губ.	63	42. Могилевской губ.	27
14. Выборгской губ.	5	43. Московской губ.	51
15. Вятской губ.	35	44. Нижегородской губ.	51
16. Гродненской губ.	27	45. Новгородской губ.	46
17. Дагестанской обл.	15	46. Нюландской губ.	9
18. Донской обл.	76	47. Олонцкой губ.	11
19. Екатеринославской губ.	102	48. Оренбургской губ.	31
20. Енисейской губ.	9	49. Орловской губ.	101
21. Енисейской губ.	23	50. Пензенской губ.	52
22. Забайкальской обл.	25	51. Пермской губ.	79
23. Закаспійскомъ отдѣлѣ	1	52. Петроковской губ.	11
24. Закавказскомъ округѣ	1	53. Плоцкой губ.	9
25. Заравнинскомъ окр.	8	54. Подольской губ.	49
26. Иркутской губ.	42	55. Полтавской губ.	99
27. Казанской губ.	79	56. Приморской обл.	8
28. Калининской губ.	10	57. Псковской губ.	36
29. Калужской губ.	33	58. Радомской губ.	12
		59. Рязанской губ.	53
		60. Самарской губ.	35

61. С.-Петербургской губ.	76	80. Уральской обл.	7
62. Саратовской губ.	69	81. Уфимской губ.	20
63. Семипалатинской обл.	9	82. Ферганской обл.	12
64. Семирѣчинской обл.	12	83. Харьковской губ.	113
65. Симбирской губ.	54	84. Херсонской губ.	138
66. Смоленской губ.	42	85. Черниговской губ.	69
67. Ставропольской губ.	21	86. Черноморскомъ округѣ	3
68. Сувалкской губ.	13	87. Эриванской губ.	20
69. Сѣдлецкой губ.	10	88. Эстляндской губ.	6
70. Сыръ-Дарьинской обл.	27	89. Якутской обл.	4
71. Тавастгусской губ.	1	90. Ярославской губ.	54
72. Таврической губ.	77		
73. Тамбовской губ.	96	Итого	3376
74. Тверской губ.	59	II. Въ Москвѣ.	606
75. Терской обл.	25	III. Въ Петербургѣ (съ доставк.	
76. Тифлисской губ.	74	и безъ доставки).	1111
77. Тобольской губ.	23	IV. За границей.	128
78. Томской губ.	27		
79. Тульской губ.	67		5221

Завѣдывающая экспедиціей К. О. Кармалина.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ XXIII ТОМЪ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1878 г.

(СЕНТЯВРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАБРЬ).

А.

- Абалянская, Екат. Никл.**, восп-ца Смольнаго, 1783 г., 317.
- Аббасъ-Ширза**, перс. наслѣдн. принцъ, р. 1782 † 1833 г., 287.
- Абдуль-Азизъ**, султанъ, р. 1830 † 1876 г., 295—297.
- Абдуль-Меджидъ**, султанъ, р. 1823 † 1861 г., 295, 297.
- Абрешитка**, симбирск. татаринъ, 1836 г., 660—669.
- Авсенья**, Теофанъ, іеромонахъ, проф. Кіевск. академіи, 1845 г., 382.
- Агъевъ**, полковн., 1800 г., 243.
- Адлербергъ**, бар-са, Юлія Фед. (Анна-Шарлотта-Юліана) рожд. фонъ-Багговуть, начальница Смольнаго монастыря, р. 1760 † 1839 г., 441.
- Адлербергъ**, гр. Влдим. Федор., ген.-ад. 676, 677, 683.
- Аванчешскій**. Ссылка на «Исторію Преображенск. полка», 170—172.
- Айвазовскій**, Гавр. Конст., нынѣ епископъ имеретин., р. 1813 г., 74.
- Айвазовскій**, Ив. Конст., художникъ-маринистъ, р. 1817 г. Автобіографія его, 55—74; 281—306.
- Аксамова**, Марія Никл., восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
- Алабинъ**, Петръ Влдим. Сообщ. біографическій очеркъ: «Ив. Ив. Бутурлинъ, 1661—1738 гг.», 161—180 и копии съ писемъ И. И. Бутурлина къ женѣ и дочери 1711—1719 гг., съ примѣчаніями къ нимъ, 180—186.
- Алабова**, начальница 2-й камеры малолѣтн. отдѣл. 1-го кадетск. корпуса, 1816 г., 531.
- Александра Никодаевна**, вел. кнг., въ супруж. принц. Гессенъ-Кассельская, р. 1825 † 1844 г., 444.
- Александра Федоровна**, имп-ца, р. 1798 † 1860 г., 40, 442, 445, 447—456.
- Александровъ**, 508.
- Александръ I**, императ., р. 1777 † 1825 г. 30, 115, 116, 144, 210, 267, 278, 279, 290, 456, 465, 537, 548, 747—750.
- Александръ II**, императ., р. 1818 г., рескриптъ кн. Аркадію Вас. Кочубею, 1868 г., 550; упом. 70, 72, 138, 284, 301, 442, 444, 454.
- Алексѣва**, Настасья, восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
- Алексѣвъ**, Алсд. Алексв., художн., 1825, 464, 468, 470.
- Алексѣвъ**, Серг., художн., 1836 г., 471.

Алешей Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г., 161, 261, 313.
Алешей Петровичъ, царевичъ, р. 1690 † 1718 г., 171, 172, 178, 186.
Алопеусъ, гр., полковн., флиг.-адъют., 1854 г., 710, 711.
Альбедиль, начальница 5-й камеры малодѣтн., отд. 1-го кадетск. корпуса, 1816 г., 531.
Альбрехтъ, прусс. принцъ, 1846 г., 145.
Амадуцци (Giovanni Christoforo Amaduzzi) аббатъ, италянск. ученый, р. 1740 † 1792 г., 399, 400, 414—416.
Аморетти, мариупольск. negociантъ, 302.
Ангальтъ, гр., начальникъ 1-го кадетск. корпуса, 1816 г., 532.
Ангальтъ - Цербстъ - Бернбургская принцесса (Софія-Августа-Фредерика), см. Екатерина II.
Андреевскій, И. Сообщ. «Посвященіе Николаю Петровичу Румянцеву», 134.
Анвартстремъ, отставн. гвард. маіоръ, убійца кор. швед. Густава III, 1792 г., 723.
Анна Иоанновна, имп-ца, р. 1693 † 1740 г. Судь надъ кн. Долгоруковыми 1739 г., 741—743; упом. 178, 187, 192, 735, 740.
Анна Леопольдовна (Елизавета-Христина, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская), правительница, р. 1718 † 1746 г., 192.
Анна Павловна, вел. княг., въ супруж. корол. Нидерланд., р. 1795 † 1865 г., 443, 444, 454.
Анна Петровна, цесаревна, р. 1708 † 1728 г., 176, 177.
Анрепъ, ген., 1849 г., 153, 154.
Ансильонъ, историкъ, прусс. министръ иностр. дѣл, † 1837 г., 143.
Антоній, сибирскій митропол., 1739 г., 746.
Антоновичъ, Екатерина, въ замуж. Венедиктова, 269.
Антоновскій, секрет. уголовн. суда, 1836 г., 141.
Антоновъ, Михайлъ, художн., 472—474.
Апраксинъ, гр., Федоръ Матв., ген.-адм. и чл. верховн. тайн. сов., р. 1661 † 1728 г., 167—178.
Араго, Эмануэль, драмат. писатель, по-

сланн. франц. республики въ Берлинъ, 1848 г., 150.
Арапчевъ, гр., Алексій Андр., ген.-кап. воен. мн-ръ, р. 1769 † 1834 г., 241.
Арчетти, Иоаннъ Андрей (Archetti), кардин., папскій нунцій въ Петербургѣ, 1783 г., 413, 414.
Аркрайтъ, сэръ Ричардъ (Arkwright), механикъ, р. 1732 † 1792 г., 431.
Армфельдъ, ген. шведск. службы, 1714 г., 168, 185.
Арникъ, мн-ръ, 1848 г., 148—150.
Арнольдъ, ген., 688.
Арсеньевъ, полковн., 1736 г., 310—312.
Арсеньевъ, Д. С., 1867 г., 284.
Архаровъ, Никол. Петр., новгород. ген.-губернат., 1789 г., р. 1742 † 1814 г., 404.
Астрыкъ, еврейскій раввинъ, 1861 г., 98.
Ахматовъ, Петръ Антонов., 681.
Афанасій, еписк. старорусскій, 1789 г., 404.
Афанасьевъ, А. Н., издат. «Библиографическихъ Записокъ», 359, 720.
Афанасьевъ, Ив. Афанасьев., войска старш., р. 1758 † 1800 г., 241—263.

Б.

Бабинъ, Дмит., подпоруч., 1711 г. 181.
Бабинъ, Петръ Петр., 1836 г., 674.
Бажковъ, художн. - пейзажистъ, р. 1631 † 1709 г., 304.
Бакунинъ, 1786 г., 436.
Бакунинъ, 1847 г., 147—154.
Балашева, Елисавета Дмитр., воспит. Смольнаго, 1783 г., 317.
Баратаевъ, кн., симбирск. губери. предводит., 1834 г., 33—49.
Барышиновъ, Николай Павл. Сообщ. «Журналъ путешествія В. Н. Зинцова по Германіи, Италиі, Франціи и Англіи», 1784—1790 г., съ примѣчаніями 207—240; 399—440; 593—630.
Барятинскій, кн., Фед. Серг., об.-гоф. р. 1720 † 1779 г., 592.
Барятинскій, кн. Федоръ Юрьев., бояринъ, 1688 г., 124.
Васинъ, Василій, прут. кунаецъ, 526, 632.
Батенковъ, Гавр. Степ., канцл., 1819 г. 512—528.

- Баттони**, Помпею Джироламо (Battoni), живопис., р. 1708 † 1787 г., 399.
- Баумгартенъ**, Карлъ, востром. губернат., 1827 г., 542, 548.
- Бахтинъ**, Мих. Петр., орловск. помѣщ., 1836 г., 549.
- Бахтинъ**, Никл. Ив., чл. государств. совѣта, 709.
- Беллеръ**, Алсд. Ив., художн., 1825 г., 462—465.
- Бемъ**, предводит. венгерц. 1849 г. 153.
- Бенардаки**, откупщикъ 1834 г., 33, 49—54, 654.
- Бенкендорфъ**, гр. Алсд. Христофоръ, ген.-адъют., р. 1783 † 1844 г., 47, 116, 118, 319, 320, 637—701, 703.
- Бергъ**, гр., ген.-фельдм., намѣстн. Царства Польскаго, † 1874 г., 143, 147.
- Березинъ**, отставн. полков., 1764 г., 583—585.
- Березинъ**, секрет. русск. посольства, 1764 г., 582, 584.
- Березинъ-Ширневъ**, Яковъ Осодулов. Сообщ. анекдоты объ имп. Александрѣ I, 1824 г., 747, 748. Ссылка на его статьи, 736, 744.
- Березовскій**, М. С., композит., 61.
- Берклей**, Жоржъ (Berkeley), ирландск. еписк., р. 1684 † 1753 г., 595.
- Берникъ** (Bernis), кардин., франц. посоль въ Римѣ, 1785 г., р. 1715 † 1794 г., 400, 407, 414.
- Бертгольдъ**, Марія Антон., начальница малолѣтн. отдѣл. 1-го кадетск. корпуса, 1816—1822 г., 531—585.
- Бертгольдъ**, Фед. Фед., 1816 г., 533, 534.
- Бестужевъ-Рюминъ**, гр. Алексѣй Петр., кабинетъ-ин-ръ, потомъ государс. канцл., р. 1693 † 1766 г., 191—198.
- Бестужевъ**, Андрей Васил., колл. сов., управл. симб. удѣльн. конт., 1834 г., 38—40; 663—673.
- Бестужевъ**, Борясъ Петр., отставн. лейтен., 1834 г., 689.
- Бестужевъ**, отставн. ген.-майоръ, 1836 г., 657, 674.
- Бибиковъ**, Дмитр. Гавр., ген.-адъют., ген. губернаторъ Сибири, въ послѣд. ин-ръ внутр. дѣлъ, 118, 685, 700, 701, 703, 704.
- Виронъ**, Петръ, герц. курлянд., р. 1724 † 1800 г., 406, 406, 741.
- Влудовъ**, гр. Дмит. Никл., ст.-секрет., ин-ръ внутр. дѣлъ, р. 1785 † 1864 г., 146, 147.
- Влюберъ**, Ив. Ив., бергмейстеръ, 1721 г., 307, 308.
- Влюмъ**, проф. Дерпт. университета, 1845 г., 142.
- Вобришская**, гр-ня, рожд. Самойлова, 1847 г., 64, 65.
- Вобришцева-Пушкина**, Анна Осиповна, рожд. Козадавлева, 1790 г., 610.
- Вогданова**, Анна Ив., восп-ца Смольнаго; 1783 г., 317.
- Вогдановъ**, Петръ Петр., саратовск. губ. предвод., 679—682.
- Воголбововъ**, А. П., художн., 302.
- Возумъ**, майоръ, 1767 г., 613, 614, 627.
- Вологовъ**, Андрей Тимоѣев., р. 1738 † 1833 г., ссылка на его «Записки», 491.
- Воннютъ**, Елис. Никл., начальница 3-й камеры малолѣтн. отдѣл. 1-го кадетск. корп., 1816 г., 531.
- Воннютъ**, Марія Ив., начал-ца 6-й камеры малолѣтн. отдѣл. 1-го кадетскаго корпуса, 1816 г., 531.
- Воровиновскій**, Владим. Лукичъ, портретистъ, 275.
- Воровскій**, проф. Впленс. университета, 1824 г., 88.
- Воррелли** (Vortelli) проф., чл. берлин. академii, 1776 г., 485.
- Враницкая**, гр-ня, Александра Васил., рожд. Энгельгардтъ, статсъ-дама, р. 1754 † 1833 г., 409.
- Врейтшопфъ**, Анна Ив., нач-ца Екатерининск. явстит., 1790 г., 611, 613—627.
- Врейтшопфъ**, Устинья Федор., въ зам. Зиновьева, 616, 630.
- Вришнеръ**, Адольфъ Густав., проф., 720.
- де-Вриссель**, герцо-ня, 1787, 599.
- Вромъ**, К. О., художн. Рисоваль портр. об.-камерг. кн. Ивана Алексѣевича Долгорукова, казеннаго 26-го октб. 1739 г., съ весьма рѣдкой гравюры, сообщ. П. А. Шфремовымъ, и портр. ген.-отъ-артил. Георгія Васильевича Нювицкаго, 1, 161.

Врождорфъ, бар., 1761 г., 194.
 Броневскій, атам. лин. каз. 1818 г., 501.
 Бруунъ, риж. ген.-губер. 1784 г., 209.
 Бруни, проф., 304.
 Брюдловъ, Карлъ Павл., проф. акад., †
 1852 г., 64, 71, 304.
 Брюсъ, гр., Алсд. Роман., 1739 г., 745.
 Брюсъ, гр. Яковъ Виллимов., ген.-фельд-
 марш., р. 1660 † 1735 г., 184.
 Брянчаликовъ, жант. полковн., 1830 г.,
 112, 113.
 Брянцевъ, чиновн., 1834 г., 35.
 Булгарикъ, Ѳаддей Венедикт., писат.,
 р. 1789 † 1859 г., 75—90.
 Бунина, Анна Петровна, 118, 522.
 Бунинъ, Ив. Петр., 1818 г., 499, 500, 522.
 Бурдинъ, Никл. Алексѣев., художн., р.
 1814 † 1857 г., 473.
 Бурдинъ, Ѳед. Алекс., артистъ, 473.
 Бурносъ, подполковн., 1801 г., 30.
 Бурсавъ, кош. атаманъ 1800 г., 36—32.
 Вутурлина, Акулина Пет., 1713 г., 183.
 Вутурлина, Анна Ив., въ замуж. Голо-
 вина, 179—186.
 Вутурлина, гр-ня, Марія Ром., рожд.
 Воронцова, р. 1738 г., 196.
 Вутурлина, Марса Тимоф., рожд. Саве-
 лова, 180—186.
 Вутурлинъ, гр., Алсд. Борнс., ген.-
 фельдмарш., р. 1694 † 1767 г., 163, 164.
 Вутурлинъ, Аркадій Ив., камергеръ,
 1742 г., 179.
 Вутурлинъ, Владим. Серг., 179.
 Вутурлинъ, Дмит. Ив., 1713 г., 183.
 Вутурлинъ, Ив. Ив., ген.-аншефъ, р.
 1661 † 1738 г. Письма его къ женѣ и
 дочери 1711—1719 г.г., 161—186.
 Вутурлинъ, Никл. Ив., майоръ, 179.
 Вутурлинъ, Серг. Ив., 179.
 Вуановъ, 508.
 Вычковъ, Асав. Ѳедор., акад. Ссылка
 на рукопись Лермонтова «Герой на-
 шего времени», 361; упом. 720.
 Вѣлаго, поруч., 1801 г., 30.
 Вѣленицына, въ зам. Кармалина, 285.
 Вѣлосельскій, кн., Алсд. Мих., русс.
 посолъ въ Дрезденѣ, 1784 г., въ посл.
 об.-шенкѣ, р. 1752 † 1809 г., 215,
 219, 233.

Вѣлосельскій, кн. Андрей Мих., послан.
 въ Дрезденѣ, † 1779 г., 233.
 Вѣльева, Л. И. Сообщ. письмо Н. П.
 Чернышевой о послѣднихъ дняхъ жизни
 имп-цы Маріи Ѳеод., 1828 г., 443—456.
 Вѣценцова, Екат. Ив. воспи-на Смол-
 наго, 1783 г. 316.
 Вюллеръ, бар. Карлъ Яковл., р. 1749 †
 1811 г., 227. 401.
 Вюффонъ - отецъ (George-Louis-le-Clerc,
 comte de Buffon), натуралистъ, р. 1707 †
 1788 г., 577.
 Вюффонъ-сынъ, полковн. франц. служ-
 бы, 577.

В.

Валуева, Дарья Алсд., рожд. Коле-
 лева, 609.
 Валуевъ, Петръ Степ., дс. тн. сов. р.
 1740 † 1814 г., 609.
 Вальтеръ, докторъ, 1819 г., 515.
 Ванни, Франческо (Francesco Wanni),
 живопис., р. 1563 † 1603 г., 409.
 Варнгагенъ фонъ-Энзе, офиц. австр.
 службы, съ 1813 г. капит. руск. службы,
 1819 г. прусск. посланн. при Баденск.
 дворѣ. Записки изъ дневника его 1845—
 1849 г.г., 142—155.
 Васильевъ, Алексѣй Ив., въ послѣдств.
 гр., 1780 г., 607.
 Васильевъ, Степанъ, сотскій, 1827 г.
 542, 543.
 Васильевъ, морск. офиц., 1836 г., 636.
 Васильчиковъ, А. А. Сообщ. замѣтку
 о живопис. Жанъ-Буагъ, 1812 г., 544.
 Васильчиковъ, кн. Витт. Иллар. Сообш.
 замѣтку по поводу разсказа: «А. П.
 Карамзинъ», 155, 156; упом. 72, 711.
 Васильчиковъ, кн., Илларионъ Вас.
 ген.-адъют., предсѣдат. госуд. сов., р.
 1776 † 1847 г., 548.
 Ватъ, см. Уатъ.
 Вейде, генер., 1703 г., 166, 169, 172.
 Вейдемейеръ, ссылка на его соч. «Дворъ
 и замѣчат. люди въ Россіи во второй
 половинѣ XVIII в.», 580.
 Вейкартъ, Жоржъ, 1819 г., 510, 527, 528.
 Вельскій, принцъ, Георгъ, въ послѣд.

- регентъ и након. кор. англ. Георгъ IV.
р. 1762 † 1830 г., 597.
- Венеціано, Елена, 1730 г., 269.
- Венеціано, Ѳеодоръ, 1730 г., 269.
- Венеціанова, Александра Алексѣев., р.
1816 г., 277.
- Венеціанова, Александра Семенов., р.
1803 г., 269.
- Венеціанова, Алексан. Сидоровна, 269.
- Венеціанова, Марья Анастасьевна, рожд.
Азарьева, р. 1780 † 1831 г., 276.
- Венеціанова, Софья Ив., р. 1821 г., 270.
- Венеціанова, Фелиц. Алек., р. 1818 г.,
268—277.
- Венеціановъ, Алексѣй Гавр., первый
русс. бытовой жив., р. 1780 † 1846 г.,
Биографическій о немъ очеркъ, 265—
280; 457—476.
- Венеціановъ, Анд. Сем., р. 1813 г., 269.
- Венеціановъ, Андрей Ѳеодор., 269.
- Венеціановъ, Аркадій Ив., медикъ, р.
1816 † 1849 г., 270.
- Венеціановъ, Гавр. Юрьев., р. 1752 г.,
268—277.
- Венеціановъ, Георг. Ѳеодор., 269.
- Венеціановъ, Ив. Гавр., р. 1785 † 1835 г.,
269—272.
- Венеціановъ, Клав. Ив., р. 1819 г., 270.
- Венеціановъ, Мих. Юр., † 1807 г., 269.
- Венеціановъ, Сем. Андр., надворн. сов.,
р. 1773 г., 269.
- Венеціановъ, Серг. Ив., р. 1826 г., 270.
- де-Веранъ, маркизъ (de Vergas), франц.
посланн., 1778 г., 587.
- де-Вершаннъ (Charles Gravier, comte
de Vergennes), франц. мн.-рѣ иностр.
дѣлъ, р. 1719 † 1787 г., 479.
- Вернанъ, масонъ, 1784 г., 230.
- Вестфаль, генералъ, 1784 г., 225.
- Вилламовъ, Григ. Ив., ст. сек. имп-цы
Марія Ѳеодор., 1828 г., 447, 451, 453.
- Виллермовъ (Willelmoz), лионск. купецъ,
мас., 1784 г., 230, 596—605; 616—629.
- Виллисонъ, генер., 147—149.
- Вильямсонъ, математ., 1786 г., 594, 595.
- Виндиггрецъ, кн., австр. фельдмарш.,
† 1848 г., 150, 152.
- Винкельманъ, (Vinkelmann), антиварій
и писат., р. 1717 † 1763 г., 402.
- Висноватовъ, К. А. Сообщ. «Письма
шведск. посланника фонъ-Кохена въ
ливонскому ген.-губернатору Ян. Ив.
Гастферу, 1687—1688 г.», 121—129.
- Висноватый, Пав. А. Сообщ. замѣтку о
соч. Лермонтова «Герой нашего вре-
мени» (варьянты). 361—366.
- Вистенгофъ, Пав. Ѳеодор. Ссылка на его
очеркъ: «Андрей Николаевичъ Карам-
зинъ». 155, 156, 710, 711.
- Віельгорскій, гр. Мат. Юрьев., 1845 г.,
55, 56, 63.
- Воейковъ, кiev. ген.-губер., 1768 г., 183.
- Возницынъ, капит.-лейтен., 1738 г., 313.
- Волжонская, кнг., ст.-дама, 1828 г., 441.
- Волжонскій, кн., Дмит. Петр., 465.
- Волжонскій, кн. Петръ Мих., ген.-адъют.,
мн.-рѣ двора, р. 1776 † 1852 г., 116,
465, 466, 671, 701, 702—704, 747, 748.
- Воловскій, Людовикъ, членъ Парижск.
института, 1861 г., 98.
- Воложеневскій, Петръ Ѳеодор, протоіер.,
1800 г., 243—260.
- Воложинъ, Иркутск. исправн., 1819 г.,
510, 524, 525.
- Вольковскій, Ив. Ѳеодор., 1688 г., 124.
- Вольтеръ (Marie - François - Arouet de
Voltaire), франц. писат., р. 1697 † 1778 г.
575—588.
- Вольцогенъ, ген.-адъют., 1813 г., 144.
- Воробьевъ, С. М., худож., 1846 г., 57.
- Воронковъ, лейт., 1818 г., 500, 510, 528.
- Воронцова, гр-ня, Екат. Алекс., рожд.
Сенявина, † 1784 г., 227, 228.
- Воронцова, гр-ня, Екат. Сем., въ замуж.
Пембровъ, 233, 236.
- Воронцова, гр-ня Елис. Ром., въ замуж.
Полинская, камеръ-фрейлина, р. 1739 †
1792 г., 196.
- Воронцова, начальница 4-й камеры ма-
лолѣтн. отдѣл. 1-го кадетск. корп.,
1816 г., 531.
- Воронцовъ, гр., Цлар. Ив., р. 1760 †
1791 г., 229.
- Воронцовъ, гр., Мих. Цлар., государст.
канцл., р. 1714 † 1767 г., 199.
- Воронцовъ, гр. Мих. Сем., въ послѣд.
кн., ген.-фельдм. и намѣстн. кавказск.,

- р. 1782 † 1856 г., 118, 233, 286, 240, 455, 536, 598.
- Воронцовъ, гр. Романъ Иллр., сенаторъ, ген.-аншк., р. 1707 † 1783 г., 196.
- Воронцовъ, гр. Сем. Ром., русс. посолъ при Лондонск. дворѣ, полномочн. ин-ръ въ Венеціи, 1783 г., р. 1744 † 1832 г., 207—240; 399—440; 548; 598—690.
- Врангелъ, генер., главнокоманд. прусс. и союзными войсками, 1849 г., въ посл. фельдмарш., 150, 151.
- Врангелъ, бар., ген.-лейт., 1854 г., 544.
- Вроньскій, Константинъ, овлац., 1836 г., 135, 141.
- Вяземская, княж., Софія Никл., въ зам. кнж. Кочубей. † 1834 г., 549.
- Вяземскій, кн. Алсд. Алексв., ген.-прок., р. 1727 † 1793 г., 607, 716.
- Вяземскій, кн., 1849 г., 154.

Г.

- Гавриилъ, архіеп. сибур. 1763 г., 712.
- Гавриилъ, слб. митропол. 1793 г., 13.
- Гагаринъ, кн., Пав. Пав., предс. депр. законовъ, р. 1789 † 1872 г., 546.
- Галенковский, докт., 1861 г., 97.
- Гальсгеръ (Galzer), старш. секр. собств. канцел. прусс. короля, 1771 г., 495.
- Гамилътонъ, леди Эмма, супруга неап. послан., р. 1761 † 1815 г., 412.
- Гамилътонъ, сэръ Уиллиамъ, англ. посл. въ Неап., архел., р. 1790 † 1808 г., 412.
- Гарриъ, капит., 1870 г., 290—292.
- Гарроуъ, учнт. Смольнаго, 1783 г., 318.
- Гастферъ, Яковъ Ив., ген.-лейт., ливонскій ген.-губрнт., 1687 г., 121—129.
- Гедельштромъ, Матв. Матв., верхнеуд. исправн., 515—525.
- Генрици, А. А., докт. Ссылка на его «Записки», 544, 545.
- Георгъ IV, кр. англ., р. 1762 † 1830 г., 597.
- Гервегъ, писатель, 1847 г., 147.
- Гергей, предводит. венгер. инсургентовъ, 1849 г., 153, 154.
- Гернгутерх, братья, 1763 г., 712, 713.
- Гизо, франц. ин-ръ, 1843 г., 147.
- Глазенапъ, корпусн. команд., † 1818 г., 500, 501.
- Глинна, А. Г. Сообщ. письмо Ф. Линашина къ Г. А. Глиннѣ о состояніи Смоленской губерніи 1816 г., 535—541.
- Глинна, Грпр. Андр., 1816 г., 535—541.
- Глинна, Мих. Ив., компознт., р. 1804 † 1857 г., 286.
- Гловачевскій, Барилъ Ив., портрет., 1810 г., 275, 276.
- Глѣбовъ, Ив. Фел., ген.-анш., сент., 1767 г., 580.
- Гликозубовъ, войск. стар., 1800 г., 34.
- Гоголь, флиг. адъют., 1830 г., 112, 113.
- Гоголь, Никл. Вас., писат., р. 1808 † 1852 г., 64, 70, 159.
- Голембевскій, Лука, исследователь древняго польскаго быта, 1829 г., 89.
- Големжщевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн., Мих. Иллр., фельдмарш., р. 1748 † 1813 г., 207, 410, 627.
- Голыновъ, Ссылка на «Дѣянія Петра Вел.», 166—185.
- Голлицына, кнж., Аделанда-Амалия, рзд. Шметтвау, 575.
- Голлицына, княж., Анна Петр., въ замк. Козадавлева, 410.
- Голлицына, Варвара Вас., вос-да Смольнаго, 1783 г., 316.
- Голлицына, кнж., Варв. Васил., рожд. Энгельгардтъ, 749.
- Голлицына, кнж., Елена Алсдр., рожд. Нарышенина, 749.
- Голлицына, кнж., Елена Алсдр., рожд. княж. Салтыкова, 749.
- Голлицына, кнж., Нат. Петр., рожд. гр-м Чернышева, р. 1741 † 1837 г., 599, 620.
- Голлицына, кнж., Прасковья Ив., рожд. Шувалова, р. 1734 † 1802 г., 609.
- Голлицынъ, кн., Александръ, вице-канц. 1764 г., 713.
- Голлицынъ, кн., Алсд. Никл., ин-ръ народн. просвѣщ. и об.-прокур. сп. р. 1773 † 1844 г., 465, 609.
- Голлицынъ, кн., Алексѣй, 1786 г., 595, 596.
- Голлицынъ, кн., Валеріанъ Мих., дѣл., † 1859 г., 320.
- Голлицынъ, кн. Вас. Вас., генералси-мусъ, любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, 1687 г., 122—128.
- Голлицынъ, кн., Васил. Серг., 749.

Голицынъ, кн., Владим. Борис., бригадиръ, р. 1731 г., 620.
 Голицынъ, кн., Дмит., первый кievск. губернат., 1711 г., 181.
 Голицынъ, кн., Дмитр. 1730 г., 730.
 Голицынъ, кн., Дмит. Алексв., тн. сов., русс. посоль въ Парижъ, 1760 г., р. 1734 † 1799 г., 575—578.
 Голицынъ, кн. М. М., ген.-лейт., 1714 г., въ послѣд. фельдм., 168, 174, 184—186.
 Голицынъ, кн., 1785 г., 236—238.
 Голицынъ, кн., Никл. Борис., военн. писатель, † 1866 г., 749.
 Голицынъ, кн., Никл. Никл., сообщ. свои замѣтки, 749.
 Голицынъ, кн. Серг. Фед., ген.-инф., 749.
 Головатый, полков., началн. пѣхоты черном. казаковъ, 1792 г., 4—26.
 Головкинъ, Сергій Автомонов., 179, 182.
 Головкинъ, ген.-интендантъ, 1739 г., 743.
 Головкинъ, гр., Гавр. Ив., госудр. канц., р. 1660 † 1734 г., 184, 185, 739.
 Головкинъ, гр., адмир., 1739 г., 743.
 Голубевъ, Алсд. Ив., чиновн. особ. порученій, 1830 г., 108, 117.
 Голуховскій, проф. Виленс. универс., 1824 г., 87, 88.
 Гольцъ, Иоаннъ Магнусъ, 1688 г., 129.
 Голятинъ, саратовск. кварт., 1836 г., въ послѣдс. Киевс. полицмс., 690—692.
 Горбуновъ, Ив. Фед. Сообщ. извѣстie о Смольномъ монаст., 1783 г., 316—318.
 Гордонъ, Петръ, ген.-лейт., 1687 г., 122, 166.
 Горюхінъ, А. В., ректоръ московск. духв. академіи, 1866 г., 156.
 Горюхины, Захарій, кол. сов. Состав. «Судебное дѣйст. въ 1809 г.», 551—574.
 Граветъ (Grauet), жив., 1820 г., 277—279.
 Грановскій, Тимое. Никл., проф. Моск. универс., 1849 г., 154.
 Граффъ (Graff), Антоъ, саксонскій придворный живопис., р. 1730 † 1813 г., 216.
 Гревовъ, подполковн., 1798 г., 263.
 Гренвиллъ (de Grainville), мас., 1787 г., 602, 603.
 Гречъ, Никл. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., 86, 87.
 Грибовскій, полковн., правитель канцел. гр. Зубова, 1793 г., 13—15.

Григоровичъ, Вас. Ив., конференц-секрет. Акд. Худож., 1845 г., 467, 474.
 фонъ-Гроссъ, Федоръ Ив., тн. сов., русс. посоль при Ганзск. городахъ, 1784 г., р. 1729 † 1797 г., 221.
 Гротъ, Як. Карл., акад., 359, 360, 720.
 Грузиновъ, Елграфъ Осипов., полковн. гвардіи, † 1800 г., 241—264.
 Грузиновъ, Илья Роман., сотн., 1800 г., 253—264.
 Грузиновъ, Осипъ Роман., войск. старш., 249—263.
 Грузиновъ, Петръ Осипов., подполков., 1798 г., 241—264.
 Грузиновъ, Романъ, 264.
 Груомъ, майоръ, 1784 г., 217.
 Гуляевъ, С. Семка на сообщ. имъ документы о жнж. Еяст. Алексв. Долгоруковой, 736.
 Гурьева, гр-ня, Прасковья Никол., рожд. гр-ня Салтыкова, † 1830 г., 222.
 Гурьевъ, гр. Дмит. Алсд., дс. тн. сов., мн-ръ финансовъ, р. 1751 † 1825 г., 222.
 Гурьевъ, гр. Николай, 1805 г., 546.
 Густавъ III, король шведскій, 1772 г., † 1792 г., 497, 587, 719—734.
 Гюдежъ, художн., 1846 г., 304.

Д.

Далматова, Еяст. Потаповна, воспитанца Смольнаго, 1783 г., 317.
 Дальримпль, сэръ Джонъ (Dalrymple), англ. мн-ръ, 1784 г., † 1821 г., 211.
 Дальтонъ (Dalton), лондон. купецъ, мас., † 1805 г., 596.
 Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ), епископъ нижегородс. и алуторскій, 1785 г., составитель «Пяти-язычнаго словаря», хранящагося въ нижегород. семинарск. библиотекѣ, 705—707.
 Дампьерръ, гр-ня (Dampierre), 1870 г., 290, 292, 293.
 Давидовичъ, проф. Виленск. универс., 1824 г., 88.
 Даргомыжскій, Алсд. Серг., композит., р. 1813 † 1869 г., 296.
 Дашкова, кн-ня, Екатер. Роман., рожд.

Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 196, 492, 436, 477—483.
 Девьеръ, гр. Мануэль, ген.-лейтен., сб. ген.-полицейск., 1725 г., 177, 178.
 Дембиновіи, предвод. венгерск. нисур-гентовъ, 1846 г., 153.
 Демидовъ, Акинѳій Никит., горно-за-водчикъ, 1721 г., 307, 308.
 фонъ-Державъ, 1834 г., 50.
 Державинъ, Гавр. Роман., писат., р. 1743 † 1816 г., 118, 412.
 Джардини, (Felice Giardini) итал. скри-пага и композит., р. 1716 † 1796 г., 411, 412.
 Дидро, (Denis Diderot), франц. философъ, р. 1719 † 1783 г., 575—577.
 Дика, ген.-маіоръ. Сообщ. замѣтку по поводу разсказа г. Вистенгофа: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ, 1854 г.», 710—711; упом. 155.
 Дивсонъ, писат., 1786 г., 428.
 Дмитрій, митри. новгород., 1763 г., 712.
 Дитмаръ, Амалия, воспит-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
 Дмитриевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., мн-ръ юстиціи, поэтъ, р. 1760 † 1837 г., 412, 672, 673.
 Долгорукая, княж., Аг. Мих. 1739 г., 745.
 Долгорукая, княж., Анна Алексѣевна, 1739 г., 745, 746.
 Долгорукая, княж., Анва Мих., въ зам. Милославская, 1739 г., 745.
 Долгорукая, княж., Евд. Мих., 1739 г., 745.
 Долгорукая, княж., Евд. Серг., 1739 г., 745.
 Долгорукая, княж., Екат. Алексв. обру-ченна невеста Петра II, потомъ въ замуж. гр-ня Брюсъ, р. 1712 † 1745 г., 736—746.
 Долгорукая, княж., Елена Алексѣевна, 1740 г., 745.
 Долгорукая, княж., Мр. Серг., 1739 г., 745.
 Долгорукая, княж., Наст., Мих., въ зам. гр-ня Брюсъ, 1739 г., 745.
 Долгорукая, княж. Наталія Борис., рожд. гр-ня Шеремет., р. 1714 † 1771 г., 745.
 Долгорукая, княж., Прасковья Мих., 1730 г., 741.
 Долгорукій, княж., Алсд. Мих., подполк., 1839 г., 745.

Долгорукій, княж., Алексѳій Григор., дс. тн. сов., чл. верховн. тайн. сов., † 1784 г., 736—741.
 Долгорукій, княж., Вас. Влад., русс. по соль въ Варшавѣ 1721 г., въ послѣдк. ген.-фельдм., чл. верховн. тайн. сов., р. 1667 † 1746 г., 172, 738—745.
 Долгорукій, княж., Васил. Лукичъ, ч. верховн. тайн. сов., 1730 г., † 1739 г. 735—746.
 Долгорукій, княж. Вл. Дмит. 1688 г., 124.
 Долгорукій, княж. Владим. Серг., русс. послан. въ Берлинъ, 1784 г., 213, 479—488, 582.
 Долгорукій, княж., Ив. Алексѣев., оберъ-камергеръ, любямецъ Петра II, р. 1708 † 1739 г., 178, 735—746.
 Долгорукій, княж., Ив. Григ., 1730 г., † 1789 г., 738—744.
 Долгорукій, княж., Ив. Серг., 1739 г., 745.
 Долгорукій, княж., Михаилъ Владим., дс. тн. сов., чл. верховн. тайн. сов., р. 1667 † 1750 г., 738—745.
 Долгорукій, княж., Мих. Ив., 744.
 Долгорукій, княж., Мих. Серг., праворщ. 1739 г., 745.
 Долгорукій, княж., П. В. Ссылка на «Россійскую Родословную книгу», 161, 163, 575.
 Долгорукій, княж., П. Мх., 1739 г., 745.
 Долгорукій, княж., Серг. Григор., 1730 г., † 1739 г., 737—744.
 Долгорукій, княж., Серг. Мих., маіоръ., 1739 г., 745.
 Долгорукій, княж. Яковъ Ѳеодор., русс. посоль во Франціи и Испаніи, 1688 г. р. 1639 † 1720 г., 127, 172, 178, 736.
 Долгорукій, княж., Ѳеодоръ Серг., вах-мистръ, 1739 г., 745.
 Донцетти, композит., 1857 г., 73.
 Доновой, довторъ, 1836 г., 141.
 Дороговъ, А. М., художн., 1846 г., 57.
 Доу, портретистъ, 462.
 Дубельтъ, Леопт. Васил., начальн. шта-ба корпуса жанд., 1836 г., 635, 636, 635, 683, 687, 701, 702, 703.
 Дубинская, Варв. Мих., фрейлина, 1790 г. въ замуж. Зигоньева, р. 1763 † 1802 г., 630.

- Дубинская**, Нат. Фед., 630.
Дубинскій, Мих. Федор., унт.-егермейстеръ, 630.
Дубинскій, Федоръ Яковл., протопресвитеръ, духовникъ имп-цы Екатерины II, 630.
Дукловской, И. О., генер.-лейтенантъ, † 1851 г., 843.
Дуровъ, Никл. Павл., проф. математич. наукъ. Ссылка на его библиотеку, 160.
Дьячкова, Олимпиада Васил., восп-ца Смольнаго, 1783 г., 317.
Дюпюи (Dupuis), художн., золот. дѣлъ мастеръ, 1767 г., 582—583.

Е.

- Евгеній**, митрополитъ, 1788 г., 720.
Евгенія, имп-ца француз., 1853 г., 71—74, 289, 292.
Евтушевскій, лекаръ, 2, 3, 4.
Егоровъ, А. Е., проф. живописи, 1825 г., 467, 469.
Екатерина I, импер-ца, р. 1684 † 1727, 161, 169—178.
Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г., О дозволеніи братьямъ Гернгутерамъ селиться въ Россіи, 1763—1764 гг., 712, 713; собственнор. замѣтки и записки 1763, 1764 и 1768 гг., 131—133; распоряженія по случаю недостатка хлѣба въ Смоленск. губ., 1766 г., 718—715; изустный приказъ о покупкѣ для арміи суконъ съ російскихъ фабрикъ, 1766 г., 716; собственнор. записка о расходахъ на строенія, 1766 г., 716; рескриптъ нижегородск. еписк. Дамаскину, 1785 г., 705; новелліе о приготовленіи пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ, 1786 г., 717. Упом. 13 — 18, 32, 197, 399—435, 481—496, 575—592, 606—611, 630, 706, 707, 720—723, 736.
Екатерина Михайловна, вел. кнг., въ супруж. герц-на Мекленбургъ-Стрелицкая, р. 1827 г., 447.
Екатерина Павловна, вел. кнг., въ первомъ супруж. принцесса Ольденбургская, во второмъ корол. Виртембергская, р. 1788 † 1818 г., 547.

- Елагинъ**, 1711 г., 182.
Елена Павловна, вел. кнг. (Фредерика-Шарлота-Марія, принцесса Виртембергская), р. 1806 † 1873 г., 144, 146, 153.
Елисавета Алексѣевна, имп-ца, р. 1779 † 1826 г., 40, 278, 279, 459, 462—465, 484.
Елисавета Петровна, имп-ца, р. 1709 † 1761 г., 177, 187—201.
Ереншильдъ, контръ-адм. швед. службы, 1714 г., 168.
Ермолаевъ, об.-секрет. 1766 г., 715.
Ермоловъ, Алексд. Петр., ген.-поруч., р. 1754 † 1836 г., 409.
Ермоловъ, Алексій Петр., ген.-артил., р. 1777 † 1861 г., 64—67.
Ереникъ, лордъ Томасъ, англ. юристъ и ораторъ, р. 1750 † 1823 г., 435, 436.
Ефремъ, см. **Симонисъ**.
Ефремовъ, П. А. Сообщ. соч. П. Н. Семенова «Митюха Валдайской», зрѣлице въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, 321—360; упом. 159, 362, 735.

Ж.

- Жанье** (François Jacquier) франц. ученый, р. 1711 † 1788 г., 480.
Жанъ-Вуаль (Jean Viollier), придворн. живопис.-портретистъ, 1812 г., 544.
Жардини, см. **Джардини**.
Желѣзнова, Екат. Ив., восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
Жервисъ, художн., 1786 г., 422.
Жирневичъ, В. И. Сообщ. «Записки Ив. Степ. Жирневича, 1789 — 1848 гг.», 33—54.
Жирневичъ, Ив. Степ., отстав. ген.-маіоръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его, глава XXIV, 33—54; упом. 654—678, 685.
Жиро, мас., докт. и магнетизеръ, 1787 г., 599—616.
Жмаинъ, директ. департ. исполн. полиціи, 1834 г., бывший симб. губернат., 39, 50, 51, 675.
Жолк, Яковъ Ив., секрет., 1735 г., 437.
Жуковский, Вас. Андрев., писат., р. 1788 † 1852 г., 64, 71, 154.
Жуковский, Мих. Степ., чиновн., въ послѣдствіи ген.-интендантъ арміи, 31.

Жуковский, Степ. Мих., ст. секрет., тн. сов. † 1877 г., 31.
 Жульковъ, Тойгида, башкирецъ, 1738 г., 310—313.
 Жупанскій, И. К., познанскій книго-продавецъ-издатель, 95.
 Жюль, см. Валунижъ.

З.

Заводовскій, гр. Петръ Васил., дс. тн. сов., р. 1738 † 1812 г., 608—610.
 Завалишинъ, Д. И. Ссылка на замѣтку о А. О. Корниловичѣ въ «Древн. и Новой Россіи» 1878 г., № 6. 320.
 Загражскій, Алд. Артемьев., ген.-поручкъ, 583.
 Загражскій, симбирск. губернат., 1834 г., 33—48, 638—654, 658.
 Загребская, Елизавет. Александр., въ замуж. Давиденская, 115.
 Загребская, Марина Осиповна, въ зам. Нарышкина, 234.
 Загребская, Прасковья Андр., въ зам. Потемкина, 410.
 Загребскій, 1786 г., 238.
 Загъ, 1824 г., 87.
 Зауервейдъ, А. Н., проф. акад., батал. художн., 302.
 Зенченко, полковн., 2.
 Зиновьева, Варв. Мих., рожд. Дубинская, р. 1763 † 1802 г., 630.
 Зиновьева, Евдокія Наумовна, рожд. Сенявина, 207, 609, 627.
 Зиновьева, Екат. Никл., въ замуж. кн. Орлова, † 1781 г., 613, 616.
 Зиновьева, Екат. Петр., рожд. Розанова, 630.
 Зиновьева, Устинья Федор., рожд. Брейткопфъ, 616, 630.
 Зиновьевъ, Алд. Никл., 1780, 614, 628.
 Зиновьевъ, Вас. Никл., тн. сов., дѣйств. камерг., презид. медицинск. коллегии, р. 1755 † 1816 г. Журналъ его путешествія по Германіи, Итали, Франціи и Англии, 1784—1790 гг., 207—240; 399—440; 593—630.
 Зиновьевъ, Никл. Алд., 1784 г., 218—221, 614.

Зиновьевъ, Никл. Ив., ген.-маіоръ, сиб. об.-комендантъ, 627, 628.
 Зиновьевъ, Степ. Вас., 208.
 Златовъ, Алд. Алексѣев., художникъ, 1826 г., 465.
 Златова, Надежда Михайл., поштинца, 1825 г., 465.
 Златовъ, Венедиктъ Андр., окольный 1688 г., 124.
 Зорикъ, очаковскій городн., 1794 г., 10.
 Зубовъ, гр., Валеріанъ Алексд., ген.-анш., р. 1771 † 1804 г., 15, 16.
 Зубовъ, гр. Платонъ Алексд., въ послѣдствіи кн., любимецъ Екатерины II, р. 1767 † 1822 г., 13.

И.

Иванова, Евдокія Григ., въ замужствѣ Митрина, 27, 30.
 Иванова, Татьяна Петр., 1800 г., 27—30.
 Ивановъ, И., художн., 1846 г., 57.
 Ивановъ, Ковьма, сотскій, 1827 г., 541, 543.
 Ивановъ, Фед. Ив., полковн. артил., 1798 г., 27.
 Ивановъ, полковн., омскій комендантъ, 1819 г., 500—503.
 Ивановъ, лейтен., началн. Иркутск. адмиралтейства, † 1830 г., 99—100.
 Ивашева, Вѣра Алексдр., рожд. Толстая, 158.
 Ивашева, Вѣра Васил., въ замуж. Черессова, 158.
 Ивашева, Екат. Алексдр., рожд. Лебедева, 158.
 Ивашева, Марія Вас., въ замуж. Трубинова, 158.
 Ивашевъ, ген.-маіоръ, 1834 г., 40.
 Ивашевъ, Вас. Петров., декабристъ, † 1840 г., 158.
 Ивашевъ, Петръ Васил., 158.
 Ивашевъ, Петръ Никифор., 1825 г., 158.
 Игницъ, художн., 472.
 Игнатьевъ, ген.-маіоръ, 1739 г., 743.
 Игнатьевъ, Никл. Павл., ген.-адъют., бывший русск. посолъ въ Константинополь, имѣя графъ, 296, 297.
 Измайдова, Александра Борис., рожд. кнж. Юсупова, 609.

- Измайловъ, Ив. Мих.**, дс. тн. сов.,
† 1787 г., 609.
- Измайловъ, Петръ**, ген.-майоръ, 1799 г.,
743.
- Иловайскій, ген.-отъ-кавал.**, войск. атаманъ, 1798 г., 248.
- Иловайскій, полковн.**, 1800 г., 256.
- Иловайскій, подполк.**, 1800 г., 243.
- Инокентій, архіепис.** херсонск. и тавричeskій, извѣстный проповѣдникъ, р. 1800 † 1867 г. Биографическій о немъ очеркъ, 367—398; уном. 67, 710.
- Иностранцевъ, капитанъ**, фельдъегере, 1864 г., 112, 113.
- Иржаръ, епископъ** рижскій, 372.
- Ирней, пензенскій архіеписк.** въ послѣд. прутскій, 1680 г., 99—117.
- Италинскій, Андрей Яковл.**, посланн. въ Константинополь, 1812 — 1816 гг., † 1828 г., 237—240, 411, 412.

I.

- Иериней, см. Ирней.**
- Иакинфъ, о. (Бичуринъ)**, монахъ, 1834 г., 633.
- Иоаннъ IV Грозный**, царь, р. 1530 г., † 1584 г., 119.
- Иоаннъ Алексѣевичъ**, царь, р. 1666 † 1696 г., 122, 128, 129.
- Иона, іеромонахъ**, смотрит. женск. вологодск. училищъ, 1841 г., 370.
- Иосифъ II, имп. австр.** † 1790 г., 488, 609.

К.

- Казначеевъ, Алд. Ив.**, градоправитель Θεодосія, 1829 г., въ послѣд. дс. тн. сов., сенат., 61, 63.
- Калитинъ, Алексѣй Ив.**, воевода Верхотурскій, 1703 г., 307.
- Кампентаузенъ, мн-рь**, 1848 г., 150.
- Камницъ, 1846 г.**, 143.
- Камринъ, гр. Егоръ Франц.**, ген.-адъют., мн-рь финанс., † 1845 г., 51, 117, 135.
- Канова, скульпторъ**, 1785 г., 406, 407.
- Канельба, таганрогск. уѣздный казначей**, 1800 г., 27, 28.

- Капцѣвичъ, 1836 г.**, 676.
- Карабановъ, Ссылка на соч. «Фрейлины русс. двора XVIII стол.»**, 630.
- Карамзинъ, Андрей Никл.**, полковн., † 1854 г., 155, 156, 710, 711.
- Карамзинъ, Никл. Мих.**, историографъ, р. 1766 † 1826 г., 75—87. Семька на «Исторію Госуд. Росс.» 165 упом. 466;
- Карандашевъ, уч. при Ом.**, 1783 г., 818.
- Карасевъ, А. А.** Сообщ. рассказъ ген. Шумкова объ А. О. Корниловѣ, издатель историч. сборника «Русская Старина» въ 1824 и 1825 гг., 319—320.
- Караулова, Анна Александр.**, восп. ца Смольнаго, 1788 г., 317.
- Карлъ XII, кор. шведскій**, 166, 167 194, 720, 723.
- Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій**, 1725 г., 176.
- Карлъ, герц. Зюдерманланд.**, 1788 г., 722.
- Кармалина, Л. П.**, рожд. Вленицкина 285, 286.
- Кармалинъ, началн. Гундсбаго воен. округа**, 1868 г., 265.
- Карповъ, С. Д.** Сообщ. «Записки И. Ст. Жиркевича», 1789—1848 гг., 33—54.
- Каррель, Ф. Ф.**, лейбъ-мед., 1867 г., 284.
- Касмынинъ, Зиновій**, каз. Луганской станицы, 1800 г., 243—262.
- Катламинъ, Борисъ Андр.**, майоръ 1800 г., р. 1739 г., 248—264.
- Кауфманъ, Анжка**, р. 1741 † 1807 г., 400.
- Кашвинъ, Евгенийъ Петр.**, перм. и тоб. ген.-губрн., р. 1738 † 1796 г., 401.
- Квашининъ-Самаринъ, совѣтн. юстицъ-коллегии**, 1739 г., 743.
- Квашининъ-Самаринъ, Петръ Ѳеодор.**, правит., новгородск. намѣстничества, 1789 г., 404.
- Кейзерлингъ, гр. Александръ**, въ посл. попечит., Дерпт. учебн. округа, 143, 145.
- фонъ-Келлерманъ, Иоан.**, 1688 г., 127, 128.
- фонъ-Келлеръ, баронъ**, голл. резидентъ, 1688 г., 126.
- Кембль, Джонъ-Филиппъ**, акт., р. 1757 † 1823 г., 438, 439.
- Кембль, Сара**, въ замуж. Сиддонсъ, (Siddons) знамен. актриса, р. 1755 † 1831 г., 426, 438.

- Кембль, Чарльс, актеръ, р. 1775 † 1854 г., 438.
- Кенигсмаркъ, гр-ня, 1846 г., 144.
- Кесслеръ, русскій генеральн. консулъ, 1843 г., 63.
- Кибричъ, правит. канцел. иркутск. ген.-губернат., 1830 г., 108.
- Киджи, вн., 1785 г., 409.
- Кинина, Марія Петр., въ замуж. вѣг. Волыковская, 465.
- Кининъ, Петръ Андр., статья-секрет., р. 1777 † 1834 г., 279, 465.
- Килчовскій, жанд. полкъ., 1832 г., 515.
- Киндъ, бывшій гувернеръ В. Н. Зиньова, 1784 г., 218, 219, 626.
- Кирекоскій, живопис., 293.
- Кирѣева, 1869 г., 289.
- Кирѣевъ, ген.-лейт., 1800 г., 26, 27, 31.
- Кирѣевъ, 1869 г., 289.
- Киселевъ, гр., Пав. Дмит., русс. посолъ въ Парижѣ, р. 1788 † 1872 г., 73.
- Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправл. путями сообщенія съ 1842—1855 г., 707—709.
- Клейстъ, графъ, 1848 г., 148.
- Клобукова, Анна Юрьевна, рожд. Венецианова, 269.
- Клодъ фонъ-Югенбургъ, вюрис. командиръ 1819 г., 501.
- Коваленская, Елена Григ., 1800 г., 30.
- Коваленскій, Григ. Ив., надв. сов., таганрог. предв. дворян., 1800 г., 27—30.
- Ковалько, дворянинъ, 1794 г., 18, 19.
- Козинъ, ген.-адъют., 1800 г., 243—248. 260, 262.
- Козадавлева, Анна Петр., рожд. княж. Голицына, 1790 г., 609, 610.
- Козадавлева, Анна Осиповна, въ зам. Вобрещева-Пушкина, 1790 г., 610.
- Козадавлевъ, Осипъ Петр., совѣтъ. Академии Наукъ, въ послѣдств. мн-ръ внутр. дѣлъ, р. 1755 † 1819 г., 207, 410, 608, 610. 627.
- Козловскій, вн., 1846 г., 143, 146.
- Козловъ, Ив. Яковл., 508.
- Кожоревъ, откупщ., 72, 282.
- Колуцъ, художн., 1846 г., 57.
- Колленбергъ, графъ, 1784 г., 217.
- Колесниковъ, Илья, каз., 1800 г., 253, 254, 262.
- Комаровскій, гр., ссыл. на его «Зап.» 611.
- Константикъ Николаевичъ, Вел. Дл. р. 1827 г., 57—64, 187, 206, 549.
- Константикъ Павловичъ, вел. кн. цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., 91, 135—142, 442, 447, 454, 456.
- Контрѣвъ, Казимиръ, библиот. Виленск. университ., р. 1772 † 1836 г., 84.
- Корниловичъ, Алсд. Осип., декабр. издат. историческ. сборника «Русская Старина» 1824 и 1825 гг., † 1833 г., 319, 320.
- Корниловъ, Владим. Алекс., ком. корб., 1846 г., въ посл. адм., † 1854 г., 61, 71.
- Корнишевъ, секрет. сн., 1718 г., 173.
- Костомаровъ, Никл. Ив., акад. Ссылка на его «Заявки», 388.
- Косаговъ, Григ. Ив., думный дворянинъ 1688 г., 124.
- Котляревскій, подполковн., въ послѣд. кошевой атаманъ, 1794 г., 11, 21—30.
- Котляревскій, Петръ Семен., ген.-лейт., р. 1782 † 1851 г., 61 285—289.
- Кохановскій, 1823 г., 84.
- фонъ-Кохентъ, Христофоръ, шведск. посл. при москов. дв., 1686—1688 г., 121—129.
- Кочубей, вн., Алсд. Вас., чл. госуд. сов., † 1866 г., 546, 550.
- Кочубей, вн., Аркадій Вас., дс. т. сов., сенат., р. 1790 † 1878 г., 546—550.
- Кочубей, вн., Вас. Вас., предв. дворн. Черниг. губ., † 1800 г., 546.
- Кочубей, вн., Вас. Вас., 1802 г., 546.
- Кочубей, гр., Викт. Пав., мн-ръ внутр. дѣлъ, въ послѣдств. госуд. канцл., р. 1768 † 1834 г., 546, 549.
- Кочубей, вн., Демьянъ Вас., дс. тн. св., † 1858 г., 546, 547, 550.
- Кочубей, вн., Леонтій Вас., 546.
- Кочубей, внг., Елена Вас., рожд. Турманская, 546.
- Кочубей, внг., Марія Вас., рожд. Васильчикова, статья-дама, † 1854 г., 549.
- Кочубей, внг., Софія Никл., рожд. княж. Вяземская, † 1834 г., 549.
- Копеллева, Варв. Ив., 1787 г., 599—626.

Бошалева, Дарья Алексд., въ замуж. Вагуева, 1790 г., 609.

Бошелевъ, Алексд. Родионов., ген.-маир., 1796 г., 609.

Бошелевъ, Родионъ Алсдр., въ послѣд. гофмейст., мистикъ, 1787 г., † 1827 г., 599—625.

Бреватъ, генер., 1696 г., 166.

Брейтога, лб.-медикъ, 1828 г., 452, 455, 456.

Брекининъ, комисарь, 1720 г., 175.

Брешиняловскій, Адріанъ, 1824 г., 88.

Бриной, Андрей Вас., окольник., 161, 168.

Брыловъ, Никиф. Степ., рисовальщ., въ послѣдств. художн., 277, 279, 458—463.

Бузинъ, симб. откупщ., 1834 г., 49.

Бушмедовъ, Ив. Ефимов., въ послѣд. ст. сов., 507, 508, 527, 529.

Буакинъ, староста, 1827 г., 541.

Буинджик, художн., 302.

Бушольницъ, Несторъ Вас., издат. журн. «Худж. Газ.», 1845 г., 56—61.

Бульбаковъ, полковн., 1780 г., 3.

Бульманъ, Квиринъ, 1689 г., 313.

Буракинъ, вн., Алсд. Борис., ген.-анш., об.-штабмейст., р. 1697 † 1749 г., 743.

Буракинъ, вн., Алсд. Борис., русс. посолъ во Франціи, 1812 г., р. 1752 † 1818 г., 544, 607.

Буракинъ, вн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., р. 1759 † 1829 г., 262, 607.

Бурисъ, правит. канцеляріи гр. Суворова, 1794 г., 16.

Бутыгинъ, лейтен., начальн. Иркутск. адмиралт., 1818 г., 102, 503.

Бюльветтеръ, ми-ръ, 1848 г., 150.

Бюстеръ, суперъ-интендантъ, 1784 г., 221, 223.

Л.

Лавинская, Елисавет. Алексд., рожд. За-кревская, 115.

Лавинскій, Алсд. Степ., Иркутск. ген.-губернат., 1830 г., въ послѣд. дс. тн. сов., † 1844 г., 100—116, 508, 526.

Лаврентій, архиманд. Троицкой лавры, 1763 г., 712.

Лагорио, Л. Ф., художн., 1846 г., 57, 302.
де-Лагранжъ (Joseph-Louis Lagrange),

франц. математикъ, чл. Берлинск. акад., р. 1736 † 1813 г., 479—481, 591, 592.

Лазаревичъ, симбирск. почтмейстеръ, 1834 г., 643.

Лазаревъ, подполковн., 1796 г., 286.

Лазъ-Кавасъ, австр. ми-ръ, 1785 г., 400.

Лайрицъ, Павелъ, архидіаконъ, 1763 г., 712, 713.

Ла-Бруа (Pierre Lacroix, Bibliophile Jacob). Ссылка на его соч. «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I», 441, 454.

Ламбертъ, графъ, 1819 г., 548.

Лассеи, гр. Петръ Петр., ген., 1718 г., въ послѣд. фельдмарш., р. 1678 † 1751 г., 173.

Лафермиеръ, секрет. велик. вн. Павла Петровича. Записки его о Русскомъ Дворѣ, 1761 г., 187—206.

Лафоссъ, Пьеръ (Pierre Lafosse), берейт. и ветеринаръ, 1767 г., 582—585.

Лачикова, Ольга Мих., восп.-ца Смольнаго, 1783 г., 316.

Лебедева, Екат. Алсдр., въ замуж. Ива-шева, 158.

Лебедевъ, Касторъ Никиф., авт. соч. «Подарокъ ученымъ о Царѣ Горохѣ», 160.

Леберехтъ, Карлъ-Александръ, об.-медалиеръ при русс. дворѣ, 1783 г., 231.

Левашевъ, ген.-майоръ, 1815 г., 548.

Ле-Дактю, Камиль. въ замуж. Ива-шева, 158.

Лейхтенбергскій, герц., Евгений Максимілиановичъ, вн. Романовскій, р. 1847 г., 160.

Лелювель, Іоакимъ, польскій историкъ, проф. Виленскаго университ., р. 1786 † 1861 г. Переписка съ Ѳ. Булгаринымъ, 1822—1830 гг., 75—98.

Лембергъ, 1785 г., 407.

Леоновъ, подполков., 1800 г., 243.

Леоновъ, Н. Сообщ. замѣтку: «Тревога близъ Севастополя, 15 окт. 1854 г.», 544, 545.

Леонтьевъ, Ив. Юрьев., окольникій, 1688 г., 124.

Леонтьевъ, проф., 1869 г., 289.

Лермантовъ, 636.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., 361—366.

- Дестоужь**, гр., Иоганъ-Германъ, лб.-медикъ имп-цы Елисаветы Петровны, 193.
- Дивенъ**, кнг., Шарлотта Карл., рожд. Поссе. воспитат-ца дѣтей имп. Павла, р. 1743 † 1828 г., 441, 443.
- Дидгеймъ**, австр. генер., 1849 г., 152.
- Дипникъ**, Илья, художн., 472.
- Дипманъ**, колл. сов., чпновн. при русск. посольствѣ, 1849 г., 154.
- Дипранди**, Пав. Петр., ген.-лейтенантъ, 1854 г., 155.
- Дитта**, гр., Юлій Помдеев., об.-шенкъ, чл. государств. сов., р. 1754 † 1839 г., 407—409, 414.
- Добановъ-Ростовскій**, кн., Алсд. Яков., 1805 г., 546.
- Добановъ-Ростовскій**, кн., ген.-адъют., 1836 г., 664—703.
- Добановъ-Ростовскій**, кн., Алексѣй Борис., нинѣ полномочный посолъ въ Константинополѣ. Сообщ. замѣтки и примѣчанія къ журналу путешествія В. Н. Зивовьева по Германіи, Италіи, Франціи и Англіи 1784—1790гг., 207—240; 399—440; 593—636; ссылка на «Русс. Родосл. Книгу», 630.
- Добойко**, Ив., проф. русскаго языка въ Виленск. университет., † 1863 г., 75—82.
- Донгиновъ**, Мих. Никл. Ссылка на соч. «Новиковъ и московскіе мартинисты», 213, 230.
- Донгиновъ**, Никл. Мих., статья-секрет., 1826 г., 459.
- Дорець**, Иванъ, ассес., 1763 г., 712, 713.
- Доскутовъ**, нижнеудинс. исправникъ, 1819 г., 524, 525.
- Дубновскій**, варш. цензоръ, 1824 г., 88.
- Дутковский**, Петръ Степ., вице-адм., 102.
- Дышовъ**, секрет. таганрогск. уѣздн. суда, 1800 г., 27, 28.
- Дышонкинъ**, Федоръ, предводит. дворянства Смоленск. губ., 1816 г., 535—540.
- Дюнебургъ-Брауншвейгскій**, герцогъ, Карлъ-Вильгельмъ, глава германскихъ масоновъ, р. 1785 † 1806 г., 223, 491, 497, 498.
- фонъ-Лютцереде**, бар., саксонск. генер. и посланн. въ Петерб., 1847 г., 147.

M.

- Маевская**, рожд. Лелевель, 1861 г., 97.
- Маеца**, Ив., гетм., малоросс. 1687 г., 124.
- Майеръ**, художн., 1846 г., 57.
- Майковъ**, А. Н., поэтъ, 300.
- Мажарій**, архиманд., нинѣ епископъ архангельскій. Ссылка на «Исторію вѣжегородской іерархіи», 706, 707.
- Мажарій**, (Михантъ Булгаковъ), нинѣ архіеп. литовскій, р. 1816 г., 710.
- Мавошмовичъ**, М. Ссылка на «Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ», 367, 372.
- Мазюковъ**, Петръ Семен., секрет. русс. посольства, 1784 г., 213.
- Мандрыка**, ген.-майоръ, 1836 г., 677.
- Мантейфель**, генер., 1757 г., 491.
- Мануфловъ**, Петръ, управл. заводами, 1757 г., 313—315.
- Марія Александровна**, импер-ца, р. 1824 г., 63, 283, 285.
- Марія Александровна**, вел. кнг., въ супруж. герцогиня Единбургская, р. 1853 г., 283—285.*
- Марія-Амалия**, эрцгерц-ня австр., р. 1746 † 1804 г., 420.
- Марія-Луиза**, герц-ня Тосканск., рожд. принцесса испанск., 1785 г., 236, 239.
- Марія Николаевна**, вел. кнг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, род. 1819 † 1876 г., 56, 62, 63.
- Марія Федоровна** (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса Виртембергская), имп-ца, р. 1759 † 1828 г. Рескриптъ кн. Мих. Сем. Воронцову, 1828 г., 455; послѣдніе дни ея жизни, 1828 г., 441—456. Упом. 462, 463, 484, 486, 544, 630.
- Маршовичъ**, Екат., 1759 г., 269.
- Маршовичъ**, Михантъ, 1759 г., 269.
- Мартосъ**, ректоръ академіи худож., 467.
- Матюшкина**, гр-ня, Анна Алекс., р. кнж. Гагарина, р. 1722 † 1804 г., 483.
- Матюшинъ**, гр., Дмит. Мих., тн. сов., † 1800 г., 477, 483.
- Махмудъ II**, султанъ, 1839 г., 295.
- Мацѣвичъ**, Л., ссылка на «Акаѣнствъ мировому посреднику», 159.

Медомъ, гр-ня, Шарлотта, въ замуж. Вн-рокъ, 405.

Мейендорфъ, русск. посланн. въ Вѣнѣ 1848 г., 147—152.

Мейерфельдъ, ген.-маіоръ шведск. служ-бы, 1710 г., 167.

Мельниковъ, проф. архитектуры, 467.

Менделсоизъ, Моисей (Mendelson), авт. книги: «Оедонъ или бесѣда о безсмертіи души», р. 1729 † 1786 г., 575, 581, 582.

Меншиковъ, кн., Алсд. Данил., генера-лиссимусъ, р. 1673 † 1729 г., 171—178, 736.

Меншиковъ, кн. Алсд. Серг., адм. глав-нокоманд. войскамн въ Крыму, р. 1787 † 1869 г., 70, 118, 635, 686.

Мерианъ (Jean-Bernard Merian), чл. Берлинск. академіи, р. 1723 † 1807 г., 479.

Мерсье де-Ларивьеръ (Mersier de la Rivière), почетн. чл. париж. парламента, 1767 г., 575—580.

Меттернихъ, кн., герцогъ Картели, австр. госуд. канцл., р. 1773 † 1859 г., 147; 150.

Мигрина, Анна Днт., рожд. Фурмей, 1770 г., 1.

Мигрина, Евдокія Григор., рожд. Ива-нова, 27—30.

Мигриязъ, Василій, поруч., 1770 г., 1, 2.

Мигриязъ, Григорій Ив. Сообщ. «Похож-денія или исторія жизни Ивана Миг-рина, черноморскаго казака, 1—32.

Мигриязъ, Ив. Васил., поруч., 1770 г., 1, 9, 20.

Мигриязъ, Ив. Ив., черноморск. казакъ, р. 1770 г. Походженія или исторія его жизни, 1—32.

Мигриязъ, Никл., поруч., 1.

Мигриязъ, Пантелеймонъ, учитель, 1.

Миклашевскій, екатеринославск. губерн., 1794 г., 16.

Миллашевскій, авт. учебника «Поль-ской исторіи», 1824 г., 88.

Миллане (Millanais), масонъ, † 1793 г., 601—603, 316.

Миллеръ, Герардъ-Фридрихъ, исторіо-графъ, † 1783 г., 187.

Милорадовичъ, гр. Сообщ. некрологъ «кн. Аркадій Вас. Кочубей, 1790—1878 г.», 546—550.

Милославскій, Левъ Алекс., 1739 г., 745.

Мильде, мн-рь, 150.

Минихъ, бар., 1787 г., 597, 609.

Минтеръ, датск. теологъ, 1784 г., 227.

Мироновъ, тамбовск. гражд. губерна-торъ, 749.

Миропольскій, С. Сообщ. замѣтку «Ца-ревна Софія Алексѣевна», 130—131.

Митузова, Анна Андр., восп-ца Смоль-наго, 1783 г., 317.

Михайловъ, Григор. Карн., художн., 471.

Михайловъ-Венеціановъ, Алсд. Мих., художн., 1836 г., 471—473.

Михаилъ, иркутск. архіепск., 1818 г., 102, 103.

Михаилъ Николаевичъ, Бел. Кн., р. 1832 г., 71.

Михаилъ Павловичъ, Бел. Кн., р. 1798 † 1849 г., 153, 154, 448 — 447, 454, 456, 641.

Михельсонъ, Ив. Ив., севастопольск. военн. губернат., ген.-инф., 1801 г., р. 1740 † 1807 г., 31.

Монгаровскій, Аполлонъ. Сообщ. замѣт-ку: «Рукописный пяти-язычный сло-варь въ Нижегородской семинарской библиот. и его происхождение», 705—707.

Моніо, полковн., начальн. черноморск. казак., 1792 г., 6.

Монрицкій, Аполлонъ Никл., р. 1810 г. Ссылка на его соч. «Воспомнаніе объ А. Г. Венеціановѣ и ученнцахъ его», 267, 268, 275, 470.

Монрыиъ, полковн., кошевой атаманъ, 1792 г., 8, 9.

Моллеръ, адмир., 636.

Молчанова, Анна Алексъ., восп-ца Смоль-наго, 1783 г., 317.

Монбоддо, лордъ (Burnet James, lord Monboddo), шотландск. учен., р. 1714 † 1799 г., 434, 435.

Монбоддини, см. Монбоддо.

Мордвиновъ, 1869 г., 289.

Моценжго, гр. Днт., флорен. посланн. при русск. дворѣ, 1792 г., 233, 240.

Мошинскій, гр., Петръ, бывш. волынск. губ. предв., 683—685.

Муральевъ, Алсд. Никол., полк., иркутск. полиційн., 1830 г., 111.

Мускинъ-Пушкинъ, гр. Ив. Алексѣев., д. тайн. сов., 1713 г., 183—185.
Мѣшковъ, полк. 1800 г., 256.
Мюллеръ, д-ръ, 1848 г., 149.
Фонъ-Мюнхгаузенъ (Münchhausen), Альбрехтъ-Эдмундъ-Георгъ, тн. сов., об.-гофмарш., 1784 г., 235.

Н.

Набеля, полк., 1816 г., 548.
Набокова, Ольга Сем., воспитанница Смольнаго, 1783 г., 316.
Нагаевъ, адмир., 1720 г., 175.
Наполеонъ III, имп. франц., 1858 г. 71—74.
Нараевская, Натал. Карп. 1819 г., 510.
Нараевскій, полк., 1818 г., 100.
Нарушевичъ, Адамъ Станисл., поэтъ и истор., р. 1733 † 1796 г., 76—95.
Нарышкина, Марина Осиповна, рожд. Закровская, 234.
Нарышкинъ, Алексд., 1726 г., 178.
Нарышкинъ, Левъ Алексд., об.-штабм., р. 1739 † 1799 г., 14, 234, 575, 583, 584.
Нарышкинъ, Левъ Кирилл., бояринъ, 1688 г., 128.
Наставникъ, А. С. Сообщ. «Судебное дѣйствіе въ 1809 г., зрѣлище, составл. Горюшкинскимъ», 551—574.
Наумовъ, тн. сов., 1739 г., 743.
Нацовникъ, Петръ Алсд., 718.
Невѣровский, ген.-лейт., 1780 г., 3.
Невѣровъ, бывший попечит. Кавк. учебн. округа, 154.
Нейманъ, прусс. ген.-адъют., 1849 г., 154.
Неклюдовъ, Серг. Петр., 1805 г., 546.
Немцевичъ, предс. варш. общ. любит. наукъ, 1826 г., 88, 89.
Неплюевъ, Леонт. Романов., окольник. 1688 г., 124.
Неплюевъ, нач. Оренб. края, 1742 г., 310.
Неплюевъ, сенат., 1761 г., 200.
Несвидцкій, кн., 1785 г., 238.
Нессельроде, гр. Карлъ Вас. (Карлъ-Робертъ), канцлеръ, р. 1760 † 1862 г., 154.
Николай I, импер., р. 1796 † 1855 г. Последніе дни жизни имп-цы Маріи Феодоровны, 1828 г., 441—456; приездъ въ

Симбирскъ, 1836 г., 672—678; посѣщен. мастерск. художн. Айвазовскаго, 1847 г., 65. Упом.: 36—41, 55, 57, 60—71, 113—117, 135, 142—155, 287, 290, 319, 466, 549, 636—667, 683—704, 709.

Николай Николаевичъ, Старшій, Вел. Кн., р. 1831 г., 63, 71, 297.

Николь, аббатъ, содерж. панс., 1802 г., 546, 547.

Новицкій, Георг. Вас., ген.-отъ-арт., р. 1800 † 1877 г., 159.

Новосильскій, 1845 г., 382.

Новосильцева, Екат. Алексд., рожд. Тарсукова, 608.

Новосильцева, Ссылка на рассказы о Ѳ. И. Толстомъ, 718.

Новосильцевъ, гр., Никол. Никол., тн. сов., тов. мнн. юст., въ посл. предс. гос. сов., р. 1761 † 1838 г., 87, 411, 445.

Новосильцевъ, Никл. Устин., 1785 г., 411.

Новосильцевъ, Петръ Ив., дс. тн. сов., † 1805 г., 608, 609.

Носаревская, рожд. Лелевель; 1861 г., 97.

Носъ, Д. Сообщ. «Пѣсню», запис. нмъ въ Калужск. губ., 750.

О.

Обертъ, гуверн. Н. А. Зяновьева, 1784 г., 218, 219, 405.

Обрѣсковъ, Алексѣй Мих., тн. сов., рус. посольствъ Константант. 1768 г., 133.

Обрѣшковъ, 1805 г., 546.

Овцынъ, прокур., 1800 г., 26, 27.

Огневъ, симб. вице-губ., 1834 г., 42, 50, 643.

Одоевская, кнг., Ольга Степ., рожд. Ланская, 362.

Одоевскій, кн., Владим. Феодоров. сенат. и писат., 362.

Олеинъ, Алексѣй Никол., презид. Акад. Худ., † 1842 г., 278, 466, 466.

Олоуфьевъ, Адамъ Вас., управл. собств. канц. Екатерины II, † 1784 г., 584, 715.

Ольга Николаевна, вел. кнг., въ супр. королева Виртембергская, р. 1822 г., 64, 444.

Ольденбургскій принцъ, Георгій, тверск.

- ген.-губ. и главн. директ. пут. сообщ., 1809 г., 547.
- Омеръ-ханъ**, дагест. владѣл., 1800 г., 286.
- Онацлавичъ**, 1823 г., 84.
- Ону**, перв. драгом. русск. посольства, 1874 г., 296, 297.
- Опочинкинъ**, капит., 1711 г., 181.
- Орлова**, кнг., Екат. Никола., рожд. Зиновьева, † 1781 г., 413, 613, 616.
- Орловъ-Чесменскій**, гр., Алексій Григ., ген.-анш., р. 1737 † 1808 г., 590—592.
- Орловъ**, Вас. Петр., ген.-отъ-кавал., войск. атам., 1800 г., 243—250.
- Орловъ**, гр., Владим. Григ., ген.-поруч., р. 1743 † 1831 г., 591.
- Орловъ**, кн., Григ. Григ., ген.-фельдцейхмс., р. 1734 † 1783 г., 212, 239, 413, 582—592, 613, 614.
- Орловъ**, Григор. Никит., об.-гофмарш., † 1803 г., 225.
- Орловъ**, гр., Григорій, 1805 г., 546.
- Орловъ**, гр., Ив. Григ., отст. гвард. кап., † 1791 г., 590, 591.
- Орловъ**, гр. Фѳдоръ Григ., генер.-анш. р. 1741 † 1796 г., 591.
- Осиповскій**, Пав. Семен., помѣщ. 1800 г., 27, 28.
- Осокина**, Нат. Ив., въ замуж. Родіонова, 158.
- Остерманъ**, гр., Андр. Ив., (Генрихъ-Іоаннъ-Фридрихъ), дс. тн. сов., каб.-миръ и ген.-адмир., р. 1686 † 1747 г., 736, 737, 741.
- Остерманъ**, гр., Ив. Андр., русск. пос. въ Швецію, въ послѣд. вице-канцл., р. 1723 † 1811 г., 401, 497.
- Остолоповъ**, об.-секрет., 1763 г., 712.

II.

- Павель I**, императ., р. 1754 † 1801 г., Военно-судное дѣло въ Черкасскѣ о братьяхъ Грузиновыхъ, 1800 г., 241—264; упом. 19—30, 187, 369, 407, 484—491, 607, 608, 630, 722.
- Павловъ**, Мих. Григ., проф. Московск. универс., 160.
- Палибинъ**, Никл. Ив., инженеръ, Сообщ. замѣтки къ статьѣ Н. Н. Селифонтова

- о К. В. Чевкинѣ, съ 1855 по 1862 г., 707—709.
- Панинъ**, президентъ ревизіонъ-коллегии, 1739 г., 743.
- Панинъ**, гр. Викт. Никит., мн-ръ юст., 1845 г., 55, 56, 63.
- Панинъ**, гр., Петръ Ив., ген.-анш., р. 1721 † 1789 г., 715.
- Панкратьевъ**, деж.-майоръ 1780 г., 3.
- Панкратьевъ**, генер., корпусн. команд., 1849 г., 3.
- Панюжинъ**, ген., 1849 г., 151.
- Парадисъ**, математ., 1786 г., 594, 598.
- Паскевичъ**, кн. Варшавскій, Ив. Фѳд., фельдмарш., † 1856 г., 118, 136, 137, 152, 153.
- Пахомовъ**, Матвѣй, надзират. училища при Общ. Благородн. Дѣвицъ (Смоленскій) 1783 г., 316—318.
- Павзіелло**, Джіованни (Paisiello), композиторъ-музыкантъ, 1785 г., р. 1741 † 1816 г., 240, 411.
- Пелливанъ**, испр. долж. рект., 1824 г., 87.
- Пеллиссѣ**, фр. марш., 1857 г., 71, 73.
- Пемброуъ**, лордъ, 233.
- Перевусихина**, Марья Савишна, кам.-юнгфера имп-цы Екатерины II, 608.
- Перовскій**, гр. Вас. Алексѣев., оренб. военн. губернат., 72.
- Перовскій**, Левъ Алексѣев., въ послѣд. гр., мн-ръ внут. дѣлъ, 39, 40, 46, 64, 671, 700—704.
- Персіановъ**, войск. старш. 1800 г., 256.
- Перфильева**, Екат. Яков., воев.-ца Смоленскаго, 1783 г., 317.
- Перфильева**, Прас. Фѳдор., рожд. гр-ня Толстая. Сообщ. замѣтку объ отцѣ своемъ гр. О. И. Толетомъ, 718.
- Перчель**, предводит. польской партіи 1849 г., 153.
- Пестель**, В. И., таврич. губ., 1846 г., 61.
- Пестель**, Ив. Борис., сибирск. ген.-губ., 503, 507.
- Петровъ**, А. П. Сообщ. разсказъ: «Марья Антоновна Берггольдъ, начальница малолѣтн. отд. 1-го кад. корп. 1816—1822 гг.», 531—535.
- Петровъ**, В. П., авторъ сатирическаго стихотворенія: Приключеніе Густава III,

- Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 196, 482, 436, 477—483.
- Девьеръ, гр. Мануиль, ген.-лейтент., спб. ген.-полиціймс., 1725 г., 177, 178.
- Дембиновскій, предвод. венгерск. инсургентовъ, 1846 г., 153.
- Демидовъ, Акинѳій Никит., горно-заводчикъ, 1721 г., 307, 308.
- фонъ-Дерншъ, 1834 г., 50.
- Державинъ, Гавр. Роман., писат., р. 1743 † 1816 г., 118, 412.
- Джиаardini, (Felice Giardini) итал. скрипка и композит., р. 1716 † 1796 г., 411, 412.
- Дидро, (Denis Diderot), франц. философъ, р. 1719 † 1783 г., 575—577.
- Джа, ген.-маюръ. Сообщ. замѣтку по поводу разсказа г. Вистенгофа: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ, 1854 г.», 710—711; упом. 155.
- Джиссонъ, писат., 1786 г., 428.
- Дмитрій, митри. новгород., 1763 г., 712.
- Дитмаръ, Амалия, восп.-да Смольнаго, 1783 г., 316.
- Дмитриевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., мн-ръ юстиціи, поэтъ, р. 1760 † 1837 г., 412, 672, 673.
- Долгорукая, княж., Аг. Мих. 1739 г., 745.
- Долгорукая, княж., Анна Алексѣевна, 1739 г., 745, 746.
- Долгорукая, княж., Анна Мих., въ зам. Милославская, 1739 г., 745.
- Долгорукая, княж., Евд. Мих., 1739 г., 745.
- Долгорукая, княж., Евд. Серг., 1739 г., 745.
- Долгорукая, княж., Екат. Алексв. обрученна невѣста Петра II, потомъ въ замуж. гр-ня Брюсъ, р. 1712 † 1745 г., 736—746.
- Долгорукая, княж., Елена Алексѣевна, 1740 г., 745.
- Долгорукая, княж., Мр. Серг., 1739 г., 745.
- Долгорукая, княж., Наст., Мих., въ зам. гр-ня Брюсъ, 1739 г., 745.
- Долгорукая, княж. Наталія Борис., рожд. гр-ня Шеремет., р. 1714 † 1771 г., 745.
- Долгорукая, княж., Прасковья Мих., 1730 г., 741.
- Долгорукай, княж., Алсд. Мих., подполк., 1839 г., 745.
- Долгорукай, княж., Алексѣй Григор., дс. тн. сов., чл. верховн. тайн. сов., † 1784 г., 736—741.
- Долгорукай, княж., Вас. Влад., русс. по соль въ Варшавѣ 1721 г., въ послѣд. ген.-фельдм., чл. верховн. тайн. сов., р. 1687 † 1746 г., 172, 738—745.
- Долгорукай, княж., Васил. Лукачъ, чл. верховн. тайн. сов., 1730 г., † 1739 г., 735—746.
- Долгорукай, княж. Вл. Дмит. 1688 г., 124.
- Долгорукай, княж. Владим. Серг., русс. послан. въ Берлинъ, 1784 г., 213, 479—488, 582.
- Долгорукай, княж., Ив. Алексѣев., обер-камергеръ, любямецъ Петра II, р. 1708 † 1739 г., 178, 735—746.
- Долгорукай, княж., Ив. Григ., 1730 г., † 1789 г., 738—744.
- Долгорукай, княж., Ив. Серг., 1739 г., 745.
- Долгорукай, княж., Михайлъ Владим., дс. тн. сов., чл. верховн. тайн. сов., р. 1667 † 1750 г., 738—745.
- Долгорукай, княж., Мих. Ив., 744.
- Долгорукай, княж., Мих. Серг., прапорщ. 1789 г., 745.
- Долгорукай, княж., П. В. Ссылка на «Россійскую Родословную книгу», 161, 163, 575.
- Долгорукай, княж., П. Мх., 1739 г., 745.
- Долгорукай, княж., Серг. Григор., 1730 г., † 1739 г., 737—744.
- Долгорукай, княж., Серг. Мих., маюръ., 1739 г., 745.
- Долгорукай, княж. Яковъ Ѳеодор., русс. посоль во Франціи и Испаніи, 1688 г., р. 1639 † 1720 г., 127, 172, 178, 736.
- Долгорукай, княж., Ѳеодоръ Серг., вахмистръ, 1739 г., 745.
- Донцетти, композит., 1857 г., 73.
- Донской, докторъ, 1836 г., 141.
- Дороговъ, А. М., художн., 1846 г., 57.
- Доу, портретистъ, 462.
- Дубельтъ, Леонт. Васил., начальн. штаба корпуса жанд., 1836 г., 635, 636, 655, 683, 687, 701, 702, 703.
- Дубинская, Варв. Млх., фрейлина, 1790 г. въ замуж. Виновова, р. 1763 † 1802 г., 630.

Дубинская, Нат. Фед., 630.
Дубинскій, Мих. Федор., унт.-егермейстеръ, 630.
Дубинскій, Федоръ Яковл., протопревсвитеръ, духовникъ имп-цы Екатерины II, 630.
Дукиновскій, И. О., генер.-лейтенантъ, † 1861 г., 843.
Дуровъ, Никл. Павл., проф. математич. наукъ. Ссылка на его библиотеку, 160.
Дьячкова, Олимпиада Васил., восп-ца Смольнаго, 1783 г., 317.
Дюшлон (Dupuis), художн., золот. дѣлъ мастеръ, 1767 г., 582—588.

Е.

Евгеній, митрополитъ, 1788 г., 720.
Евгенія, имп-ца француз., 1853 г., 71—74, 289, 292.
Евтушевскій, лекаръ, 2, 3, 4.
Егоровъ, А. Е., проф. живописи, 1826 г., 467, 469.
Екатерина I, импер-ца, р. 1684 † 1727, 161, 169—178.
Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г., О дозволеніи братьямъ Гернгутерамъ селиться въ Россіи, 1763—1764 гг., 712, 713; собственнор. замѣтки и записки 1763, 1764 и 1768 гг., 131—133; распоряженія по случаю недостатка хлѣба въ Смоленск. губ., 1766 г., 718—719; изустный приказъ о покупкѣ для арміи суконъ съ русскійскихъ фабрикъ, 1766 г., 716; собственнор. записка о расходахъ на строенія, 1766 г., 716; рескриптъ нижегородск. еписк. Дамаскину, 1785 г., 705; повелѣніе о приготовленіи пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ, 1786 г., 717. Упом. 13 — 18, 32, 197, 399—435, 481—496, 575—592, 608—611, 630, 706, 707, 720—723, 736.
Екатерина Михайловна, вел. кнг., въ супруж. герц-на Мекленбургъ-Стреландка, р. 1827 г., 447.
Екатерина Павловна, вел. кнг., въ первомъ супруж. принцесса Ольденбургская, во второмъ корол. Виртембергская, р. 1788 † 1818 г., 547.

Елагинъ, 1711 г., 182.
Елена Павловна, вел. кнг. (Фредерика-Шарлота-Марія, принцесса Виртембергская), р. 1806 † 1873 г., 144, 146, 153.
Елисавета Алексѣевна, имп-ца, р. 1779 † 1826 г., 40, 278, 279, 459, 462—465, 484.
Елисавета Петровна, имп-ца, р. 1709 † 1761 г., 177, 187—201.
Ереншильдъ, контръ-адм. швед. службы, 1714 г., 168.
Ермолаевъ, об.-секрет. 1766 г., 715.
Ермоловъ, Алексд. Петр., ген.-поруч., р. 1754 † 1836 г., 409.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-артил., р. 1777 † 1861 г., 64—67.
Ерскинъ, лордъ Томасъ, англ. юристъ и ораторъ, р. 1750 † 1823 г., 435, 436.
Ефремъ, см. Симонъ.
Ефремовъ, П. А. Сообщ. соч. П. Н. Семенова «Митюха Валдайской», зрѣлице въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, 321—360; упом. 159, 362, 735.

Ж.

Жакъ (François Jacquier) франц. ученый, р. 1711 † 1788 г., 480.
Жакъ-Виуаль (Jean Viollier), придворн. живопис.-портретистъ, 1812 г., 544.
Жардинъ, см. Джиардинъ.
Желѣнова, Екат. Ив., восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
Жервикъ, художн., 1786 г., 422.
Жиревичъ, В. И. Сообщ. «Записки Ив. Степ. Жиревича, 1789 — 1848 гг.», 33—54.
Жиревичъ, Ив. Степ., отставн. ген.-майоръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его, глава XXIV, 33—54; упом. 654—678, 686.
Жиро, мас., докт. и магнетизеръ, 1787 г., 599—616.
Жмакинъ, директ. департ. исполн. полиціи, 1834 г., бывший симб. губернат., 39, 50, 51, 675.
Жоли, Яковъ Ив., секрет., 1785 г., 437.
Жужовскій, Вас. Андрев., писат., р. 1788 † 1852 г., 64, 71, 154.
Жужовскій, Мих. Степ., чиновн., въ послѣдствіи ген.-интендантъ арміи, 31.

- Самойловъ, гр., Григорій, 1806 г., 546.
 Сандуновъ, С. Н., артистъ, 359.
 Санттикъ, русск. консулъ въ Римѣ, 1786 г., 401, 403.
 Сашпесъ, придворн. медикъ, 1760 г., 590.
 Сапожниковъ, Андр. Петр., казначей «Общ. поощренія художн.», 1841 г., 474, 475.
 Сверчковъ, художн., 1850 г., 64, 69, 70.
 Сверчковъ, Н., художн.-гиппографъ, 69.
 Свинькинъ, Пав. Петр., издат. «Отечеств. Записокъ», 1827 г., 460, 461.
 Сегюръ, гр., франц. посолъ въ Россіи, 1785 г., 412.
 Селлфонтовъ, Никл. Никл., товарищъ мн-ра путей сообщ., сенат., ст.-секрет. Ссылка на статью его: «Вост. Вѣд. Чевениъ», 707—709.
 Сельдинъ, полковн. франц. службъ 1784 г., 211.
 Семеновъ, Василій, пенсоръ, 118, 687.
 Семеновъ, Павелъ. Сообщ. «Тропарь на день Преображенія Господня», соч. митрополита Филарета, 1866 г., 156.
 Семеновъ, Петръ Никл., авт. соч. «Митюха Валдайской», зрѣяще въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стих., р. 1791 + 1832 г., 321—360.
 Сенковский, Осипъ Ив., проф., Спб. университет., писат., † 1858 г., 79 — 90, 118, 687.
 Сент-Мартенъ (Louis-Claude de St Martin), основат. секты мартинист., 1743 + 1803 г., 596—629.
 Сеникина, Евдокія Наумов., въ замуж. Зинovieва, 609.
 Сеникина, Екат. Алексв., въ замуж. гр-ня Воронцова, 207.
 Сеникинъ, Алексій Наумов., адмиралъ, † 1797 г., 207, 609.
 Сеникинъ, Ив. Алексв., кан., 1786 г., 594.
 Сергій Александровичъ, Вел. Кн., р. 1867 г., 283—285, 301.
 Серинъ-бей, турецкій придворн. архит., 1858 г., 295, 296.
 Серинъ-эфенди, началн. константинопольскаго порох. завода, 1858 г., 295.
 Серре, Чарльсъ, гр. (Surtey), р. 1767 + 1815 г., 423.
 Сиддоевъ, см. Камбля.
 Сидимовъ, Матв. Ив., фельдшеръ вол. пѣх. полка, 1836 г., 185—188.
 Симеонъ, архим. бѣлозерск., 1763 г., 712.
 Симонинъ, совѣтникъ 1771 г., 496.
 Симонинъ, Ив., русск. посолъ въ Парижѣ, 1784—1792 г., 599.
 Славронская, гр-ня, Екат. Вас., во 2-мъ замуж. гр-ня Лятта, рожд. Энгельгардтъ, 237, 407, 412.
 Славронская, гр-ня, Марія Никл., рожд. бар-са Строганова, р. 1732 + 1805 г., 411.
 Славронскій, гр., Пав. Мартин., послан. въ Неаполѣ, 1784 г., р. 1757 + 1793 г., 232, 235, 411, 412.
 Слюбелева, Зинаида Дмит., гр-ня Богарне, р. 1857 г., въ замуж. за его высоч. Евгениемъ Максимилианов., кн. Романовскимъ, герц. Лейхтенбергскимъ, 160.
 Слюзовъ, контъ-адмир., 1867 г., 284.
 Сморняковъ-Писаревъ, Григорій, 1726 г., 178.
 Сморонадскій, гетманъ, 1711 г., 180.
 Славяновскій, Фед. Мих., акад., 1852 г., р. 1819 г., 472.
 Слаткичъ, А. Сообщ. Монастырскій судъ XVII в. (1610). 119—121.
 Слюсаревъ, полковн., 1800 г., 243.
 Смеатонъ (Smeaton John), англ. инженер., строитель Эдинбургск. маяка, р. 1724 + 1792 г., 426—428.
 Смидевъ, см. Смеатонъ.
 Смирновъ, совѣтн. русс. посольства, 1784 г., 216, 219.
 Смирновъ, Ив., художн., 1861 г., 474.
 Смитъ, Адамъ, проф., р. 1723 + 1790 г., 436.
 Смитъ, бургомистръ г. Бремена, 1846 г., 104.
 Смолодовичъ, титул. совѣтн., 1836 г., 141.
 Соймаоновъ, ген. - кригсъ - комиссаръ, 1739 г., 748.
 Соймаоновъ, Мих. Фед., дс. тв. сов., дирент. горныхъ и монетн. дѣлъ, р. 1753 + 1804 г., 213.
 Солюгубъ, гр., 1806 г., 546.
 Солюзовъ, Серг. Мих., акад. Ссылка на «Исторію Россіи съ древн. врем.», 165, 168, 170, 177, 735; ссылка на «Исторію паденія Польши», 495.
 Сохожа, вагенмейст., 1825 г., 516.

Сомовъ, ссылка на его замѣтку о портр. Жавъ-Буалъ, 544.

Сосновскій, Т. А. Сообщ. «Письма Юахима Лелевеля къ Ѳ. В. Вулгарину, 1822—1830 гг.», 75—98.

Софія Александровна, царица-правителья., р. 1657 † 1704 г., 122, 130, 131.

Спаренфельдъ, 1688 г., 127.

Сперанскій гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 114, 118, 499—526.

Спиридоновъ, писарь, 1836 г., 187—140.

Ставальбергъ, гр., Густ. Оттонов., дс. тн. сов., 1790 г., 609, 610.

Старенбергъ, гр., 1790 г., 609, 610.

Сташница, предс. варш. общ. любителей наукъ, 1826 г., 88.

Стедингъ, шведск. посл. при русск. дв., 1790 г., въ посл. фельдмарш., 610.

Степановъ, сарат. губерн., 1836 г., 689, 691.

Степановы, братья, харьковск. помѣщ., 1844 г., 377.

Стоговъ, Э. П., майоръ, 1834 г. «Очерки, рассказы и воспоминанія», 99—118; 499—530; 681—703; упом.: 33—50.

Страшевничъ, издатель книги «Numismatique du moyen âge», 93.

Строганова, бар-са, Марія Серг., въ зам. Новосильцева, 411.

Строгановъ, гр., 1790 г., 610.

Строгановъ, гр. Алексд. Серг., ген.-адъют., товар. мин. внутр. дѣлъ, 1884 г., 88; 48—51.

Строевъ, ссылка на «Списки іерарховъ», 372, 374, 378, 398.

Суворовъ - Риминскій, вн. Алсд. Вас., генералисим., р. 1729 † 1800 г., 15—17; 484—490.

Сулковский, ген., 1756 г., 491.

Сутыжа, подполк., кошев. атам., 1792 г., 9—11.

Сухоруковъ, донской писат., 320.

Сухотинъ, подполк., 1854 г., 711.

Суховъ, 1869 г., 289.

Скоттъ, художн.-пейзажистъ, 304.

Сыраковъ, Лаврентій Аксенов., акад., грав. на деревѣ. Гравиров. портр. об-камерг. вн. Ив. Алексѣев. Долгоруковаго, казеннаго 26 снт. 1739 г., и портр.

ген.-отъ-артиллер. Георгія Вас. Новицкаго, 1, 161, упом. 735.

де-Сюффренъ, франц. адмир., башлы малът. орд., р. 1726 † 1788 г., 417.

Т.

Тамара, грузинск. царица, 1836 г., 682, 683.

Тарбѣвъ, Ив. Петр., помѣщ., 1827 г., 542, 543.

Тарбѣвъ, Петръ Петров., слб. губернат., 1784 г., 410.

Тарсулова, Екат. Алексд., въ замуж. Новосильцева, 608.

Тарсуловъ, Ардалионъ Алексдр., об-гофмарш., 1790 г. † 1811 г., 608, 611.

Татищевъ, Вас. Никит., тн. сов., оренб. и астрах. губерни., историкъ, р. 1686 1750 г., 307—312.

Татищевъ, Ив. Никит., воевода Исетской провинціи, 1737 г., 311.

Таубель, земск. нач., 1688 г., 129.

Тейтельбахъ, рѣзч. на камень, 1784 г., 216.

Тепловъ, Григ. Никол., тн. сов., ст.-секрет., р. 1720 † 1779 г., 592, 713.

Теребеневъ, И. И., рисов. 278.

Теттенборнъ, генер., 1813 г., 146.

Теттенборнъ, 1847 г., 146.

Тивенгаузенъ, гр-ня, Софія, въ замуж. гр-ня Шуазель-Гуфле, 115.

Тильней, лордъ (Tylney), † 1784 г., 411.

Тиховъ, Дмитр. Ив., 1718 г., 171.

Толстая, 1785 г., 401.

Толстая, гр-ня, А. А., 1867 г., 284.

Толстая, гр-ня, Праск. Васил., 718.

Толстой, Владим. Серг., дек., р. 1804 г., 151, 160.

Толстой, гр. Петръ Андр., дс. тн. сов., р. 1645 † 1729 г., 171—178.

Толстой, гр. Фел. Ив. (американ.), 718.

Толстой, гр., 1785 г., 401.

Тоттъ, бар., ученый и артиллер., р. 1738 † 1793 г. Ссылка на его соч. «Mémoires sur les Turcs et les Tartares», 404—406.

Трапезниковъ, иркутск. золотопромышлен., 1818 г., 101, 102.

Трескинъ, Никл. Ив., иркутск. гражд. губернат., 1818 г., 499—530.

- Трубецкой, кн.**, 1703 г., 166.
Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-прокур. и генер.-фельдмарш., р. 1700 † 1768 г., 743.
Трубянкова, Марія Вас., рожд. Ивашева, 158.
Трубяновъ, Конст. Васил., 158.
Трухачевъ, капит., 1854 г., 545.
Туманская, Елена Вас., въ замуж. кнг. Кочубей, 546.
Тургеновъ, Ив. Серг., писат., 1847 г., 145.
Тырановъ, Алексій Вас., художн.-колористъ, р. 1800 † 1859 г., 279, 280, 457—465.
Тьбо (Dieudonné Thiébauld), проф.-акад.
 Книга его: «Воспоминанія двадцатилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, 1765—1785 гг.», 477—498; 575—592.

У.

- Уаттъ (Watt, James), механ.-инженеръ,**
 р. 1736 † 1819 г., 430.
Угличъ-Трубецкой, Алсд. Максимов.,
 ст. сов., управл. сиб. тамож., 1850 г., 20.
Угрюмовъ, майоръ, 1737 г., 310, 311.
Ульрика, королева шведск., 1771 г., 491, 496, 497.
Устряловъ, Никл. Герасим., историкъ,
 † 1870 г. Ссылка на «Исторію царств. Петра Вел.», 165, 166, 172.
Ушаковъ, гр., Андрей Ив., ген.-анш.,
 начальн. тайной канцел., † 1747 г., 172, 178, 741.
Ушаковъ, Вас. Аполлонов., авт. книги:
 «Досуги инвалида», 160.

Ф.

- Фальконетъ (Etienne-Maurice Falconnet),**
 франц. художн., р. 1716 † 1791 г., 408.
Фатяновъ, Петръ Петр., капит.-лейт.,
 1827 г., 541, 542.
Фердинандъ, герц. Брауншвейгскій, р.
 1721 † 1792 г., 224, 615, 616, 628.
Фердинандъ, герц. пармскій, р. 1751
 † 1802 г., 420.
Фердинандъ VI, кор. неаполит., р. 1758
 1825 г., 234, 239, 411.

- Ферморъ, гр., Владимъ Владимов., смол.**
 губернат., † 1771 г., 491.
Фестлеръ, художн., 302.
Фивельманъ, гр., австрійск. ми-ръ,
 1845 г., 143.
Филаретъ, митропол. москов., 117, 156.
Филаретъ, митропол. кіевскій, 1842 г., 393.
Филиппина-Шарлотта, прусск. принц.,
 р. 1716 † 1804 г., 224.
Финъ - фонъ - Фливенштейнъ, гр.,
 Карль-Вильгельмъ, прусс. ми-ръ иностран. дѣл., 1784 г., р. 1714 † 1800 г., 212, 477, 483.
Фитингофъ, дс. тн. сов., 1786 г., 717.
Фицъ-Гербертъ, сэръ Алленъ (Sir Allene Fitzherbert), великобританск. чрезпослан. при русск. дворѣ, 1784 г., р. 1753 † 1839 г., 210.
Фицъ - Гербертъ, Марія-Анна, 1787 г.,
 р. 1754 † 1837 г., 597.
Фицъ-Гербертъ, Томасъ, † 1781 г., 597.
фонъ-Финбахъ, ген.-лейтен., 1854 г., 711,
Флиге, жандарм. полковн., 1836 г., 37,
 42—48, 644, 645, 654—656.
фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писат., р.
 1714 † 1792 г. Ссылка на его соч., 400—408.
Фонтана, Фелъче, аббатъ, естествоиспытатель,
 р. 1730 † 1803 г., 416, 418.
Формей (Fogmey), чл. Берлинск. академ.,
 1785 г., 479, 485.
Фосварина, венец. посланн., 1784 г., 210.
Францъ-Йосифъ, австр. императ., 1849 г.,
 152, 239.
Фридрихъ II Великій, кор. прусскій,
 † 1785 г., 198, 204, 205, 211—234, 399,
 400, 480—498, 577—588, 628.
Фридрихъ-Августъ III, курфистъ саксонскій,
 въ послѣдствіи кор., р. 1750 † 1827 г., 214, 215.
Фридрихъ-Адольфъ, кор. шведск. 720.
Фридрихъ-Вильгельмъ II, прусс. кор.,
 р. 1744 † 1797 г., 220.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, прусс. кор.,
 р. 1770 † 1840 г., 60, 145, 211, 212.
Фридрихъ-Вильгельмъ IV, прусс. кор.,
 р. 1795 † 1861 г., 60, 153.
Фридрихъ-Генрихъ-Людвигъ, принцъ прусс.,
 р. 1726 † 1802 г., 223, 493.

Фроманъ, аббатъ, губернёръ кн. А. В. Кочубея, 1799 г., 546.
Фуасавъ, лекаръ, 1760 г., 189.

Х.

Ханьковъ, адмир., 1818 г., 499.
Хвостовъ, гр., Дпт. Ив., писат., р. 1757 † 1835 г., 118.
Херхеулидзеъ, кн. З. С., керченскій градоначальн., 1846 г., 61.
Хомутова, рожд. Озерова, 686, 699.
Хомутовъ, Ив. Петр., сибирск. губернк., 685—700.
Христіанъ-Августъ, владѣт. кн., губернат. прусск. Помераніи, р. 1690 † 1747 г., 589.

Ц.

Цейдельманъ, саксонскій живописецъ, 1784 г., 216.
Цейдлеръ, полковн., прутск. коменд., 1818 г., 101, 504—506.
Цейеръ, ст. сов., 1819 г., 511, 524, 528.
Цибель, полковн. шведской службы, 1784 г., 211.
Цицановъ, кн., Пав. Дмитр., кавказск. главнокоманд., † 1806 г., 409, 625, 629, 630.

Ч.

Чарторижскій, кн., 16.
Чеботаревъ, Степ., хорунжій, 1800 г., 257—259.
Чевкинъ, Конст. Видм., ген.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 290, 291, 707—709.
Чепига, главный кошевой атаманъ черноморск. казак., 1793 г., 11—16, 25.
Черешникова, Варвара Александров., восп.-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
Чересова, Вѣра Васил., рожд. Ивашева, 158.
Чересовъ, Пав. Алексд., 1813 г., 157, 158.
Чернавскій, Мих. Петр., губернк. секр., 1792 г., 8, 20.
Черневицъ, Полоцкій іезуитскій провинціалъ, 1777 г., 132.

Чернецовы, братья-художники, 1846 г., 57, 464.

Черновубовъ, подполковн., 1800 г., 256.
Чернышева, Наст. Петр., камеръ-юнгфера имп-цы Маріи Федор., въ послѣд. въ замуж. **Дунюковская**, р. 1802 † 1872 г., 443—456.

Чернышева, Наталья Петр., камеръ-юнгфера вел. кнг. Анны Павловны, королевы Нидерландской, 1828 г., 443—456.

Чернышева, гр-ня, Нат. Петр., въ зам. **Годлицына** кнг., р. 1741 † 1837 г., 599, 620.

Чернышевъ, Алексій Филип., худ. 475.

Чернышевъ, гр., Григ., Петр., ген.-м., въ послѣд. ген.-анш., р. 1870 † 1745 г., 184.

Чернышевъ, гр. Зах. Григор., ген.-ад., московск. главноком., р. 1722 † 1784 г., 132, 491.

Чернышевъ, гр., Захаръ Григор., декабристъ, † 1862 г., 64, 67.

Чернышевъ, гр., Ив. Григор., ген.-фел., московск. губернат., р. 1726 † 1797 г., 190, 410.

Чернышевъ; гр., Петръ Григор., дс. тн. сов., сенат., р. 1712 † 1773 г., 743.

Чернышкинъ, братья, заводч., 1824 г., 463.

Четвериковъ 1-й, инженер. ген.-лейт., 709.

Чивилевъ, войсков. старш., 1800 г., 243.

Чихачевъ, Платонъ, 1873 г., 291.

Чумиковъ, А. А. Перевелъ п сообщ. «Замѣтки изъ дневниковъ Варгасагена фонъ-Энзе, 1845—1849 гг.», 142—155.

Чупинъ, Н. К. Сообщ. «Челобитная на заводчика Акинѳія Никитича Демидова, 1721 г.», 307, 308; «Сожженіе на кострѣ въ Екатеринбургѣ, 1738 г.», 309—313; «Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирамъ, 1757 г.», 313—315.

Ш.

Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, 286.

Шанизовскій, совѣтн. виленск., 1824 г., 88.

Шапошниковъ, Ив. Кондр., хорунжій, 1800 г., р. 1759 г., 249—264.

Шафировъ, бар., 178.

Шаховской, кн., Яковъ Петр., дс. тн. сов., об.-прокур. сн., р. 1705 † 1777 г., 715.

- Шаховской**, кн., помѣщ., 1813 г., 535.
Шварценбергъ, кн., австр. первый мн-рь, 1849 г., 153.
Шениъ, Алексѣй Семенов., бояринъ, 1688 г., 124.
Шельборнъ, лордъ, 1786 г., 430.
Шенбергъ, ген. франц. службы, 1784 г., 209.
Шенбургъ, гр., камерг., 1784 г., 216, 217.
Шепелевъ, Дмитр. Андр., гоф.-марш., р. 1739 г., † 1759 г., 743.
Шепингъ, 1805 г., 546.
Шереметевъ, гр., Борисъ Петр., фельд-марш., р. 1652 † 1719 г., 124, 169, 170, 745.
Шереметевъ, Петръ Вас., 1687 г., 124.
Шидловскій, 1823 г., 84.
Шидлингъ-фонъ - Каштадтъ, бар., дс. тн. сов., 1834 г., 633—635.
Ширво, помѣщ., 1844 г., 388—390.
Шидаревскій, Ив. Ив., правит. канц., 1819 г., 511.
фонъ-Шлицъ-Герцъ, гр., Карлъ-Фридрихъ-Аламъ, р. 1733 † 1797 г., 211, 212.
фонъ-Шлицъ-Герцъ (von Schlitzgoertz), прусс. послан. и полномочн. мн-рь при русс. дворѣ, 1784 г., р. 1737 † 1821 г., 209, 210.
Шметтау, прусс. генер., 1760 г., 575.
Шметтау, Аделаида-Амалия, въ замуж. кнг. Голицына, р. 1749 † 1806 г., 575.
Шперлингъ, гр., 1688 г., 123.
фонъ-Штутереймъ (Stuthereim), сакс. послан. въ Берлинъ, 1785 г., 481, 482.
Шуваковъ, Ив. Ив., об.-камерг., сенат., р. 1727 † 1797 г., 609, 611.
Шуйскій, Вас. Ив., вел. кн., 120.
Шульманъ, художн., 1846 г., 57.
Шумковъ, генер., 319, 320.

Щ.

- Щедрикъ**, Семень, художн. - пейзажистъ, 304.
Щедровъ 2-й, войсков. старшина, 1800 г., 243.

Э.

- д'Эгиллонъ**, герц. (Duc d'Aiguillon), фр. мн-рь иностр. дѣлъ, 1762 г., 494.
Эйлеръ, Леонгардъ, матем., чл. спб. академіи, р. 1707 † 1783 г., 492.
Энгельгардтъ, Екат. Вас., въ 1-мъ зам. гр-ня Свалронская, во 2-мъ гр-ня Литта, † 1829 г., 235, 236.
Эраоси, Мих. Спиридон., художникъ, 1846 г., 475.
Эстергази, графъ, 1760 г., 189.

Ю.

- Юмъ**, г-жа, гувернантка дѣтей англ. короля, 1787 г., 598, 620—624.
Юмъ, 1787 г., 622.
Юсупова, кнж., Александра Борис., въ замуж. Измайлова, 1790 г., 609.
Юсупова, кнж., Евдокія Борис., въ замуж. Виронъ, † 1780 г., 405.
Юсуповъ, кн., Никл. Борис., полномочн. мн-рь въ Туринъ, 1785 г., въ послѣд. мн-рь удѣловъ, р. 1750 † 1831 г., 232, 240, 400—415, 609.

Я.

- Яковлевъ**, Ив. Алексѣев., 1847 г., 64.
Якубовичъ, Алексд. Ив., декабр., 641.
Якушевичъ, 1861 г., 97.
Яншинъ, откупщикъ, 1794 г., 18, 19, 31.
Ященискій, чиновникъ, 1836 г., 140—142.

Ө.

- Өеодоровичъ**, колл. регистрат., 28—30.
Өеодоровъ, Пав. Ив., бессарабск. губерни., 1836 г., 135, 136.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1878 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Записки берлинскаго профессора-академика Тьебо, 1765—1785 гг. Перевель и сообщилъ съ примѣчаніями Д. Д. Рябининъ.	477 и 575
II. Журналь путешествія В. Н. Зиновьева по Германіи, Италіи, Франціи и Англии, 1784—1790 гг. Сообщ. Н. П. Барышниковъ. Примѣчанія его и князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго	207, 399 и 593
III. Послѣдніе дни жизни императрицы Маріи Феодоровны, съ 13-го сентября по 24-е октября 1828 года. Разсказъ Н. П. Чернышевой, камеръ-юнгферы императрицы. Сообщ. Л. И. Бѣляева	441
IV. Записки Ивана Степановича Жиркевича, 1796—1848 гг. Глава XXIV. Въѣздъ въ Симбирскую губернію.—Крестыянскій бунтъ на межѣ.—Откупъ.—Казенныя подряды. Сообщ. С. Д. Карповъ и В. И. Жиркевичъ	33

(Замѣтки по поводу этихъ Записокъ В. А. Бестужева и В. М. Жемчужникова, стр. 159 и 160).

- V. Походженія или исторія жизни **Ивана Мигрина**, черноморскаго казака, 1770—1850 гг. Сообщ. Г. И. Мигринъ 1
- VI. **Иванъ Константиновичъ Айвазовскій** и его сорокадвухъ-лѣтняя художественная дѣятельность. Составлено по его разсказамъ, воспоминаніямъ и друг. матеріаламъ. Главы VIII—XV. Плаваніе по архипелагу.— Посѣщеніе государя Николая Павловича.—Выставка новыхъ картинъ въ Одессѣ.—Празднество въ честь его.—Выставка въ Парижѣ.—Представленіе Наполеону III.—Возвращеніе въ Россію.—Поѣздка на Кавказъ.—Парадный обѣдъ въ Тифлисѣ.—Поѣздка въ Египетъ на открытіе Суэзскаго канала.—Пребываніе въ Ниццѣ.—Поѣздка въ Константинополь.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Выставка картинъ.—Заключеніе.—1845—1878 гг. 55 и 281
- VII. Очерки, разсказы и воспоминанія. III и IV: Бунтъ иркутскаго архіепископа **Иринья**.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ, 1819 г.—Жизнь и служба въ Симбирскѣ въ 1834—1839 гг.—Бунтъ лашманъ-татаръ.—Императоръ Николай въ Симбирскѣ.—Бунтъ удѣльныхъ. Состав и сообщ. Э. И. Стоговъ. 99, 499 и 631
- VIII. Изъ дневниковъ **Варнгагена фонъ-Энзе**: Русскіе люди и дѣла въ 1845—1849 гг. Перев. и сообщ. А. А. Чумиковъ 142

Историко-біографическіе очерки.

- I. **Иванъ Ивановичъ Вутурлинъ**, генералъ-аншефъ, 1661—1738 гг. Біографическій очеркъ. Сообщ. П. В. Алабинъ 161
- II. **Евграфъ и Петръ Осиповичъ Грузиновы**. Военно-судное дѣло въ Черкасскѣ, 1800 г. Сообщ. А. А. Карасевъ. Примѣч. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго. 241

- стр.
- III. Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, первый, по времени, русскій бытовой живописецъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности, 1780—1847 гг. Составилъ П. Н. Петровъ, Главы I—III 265 и 457
- IV. Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, 1800—1857 гг. Биографическій очеркъ Н. М. В—ва. Глава III: событія 1841—1846 гг. 367
(Замѣтка о стихотвореніи, приписываемомъ архіепископу Иннокентію, стр. 710).
- V. Аркадій Васильевичъ Кочубей, Некрологъ. † 4-го Марта 1878 г. Сообщ. Графъ Милорадовичъ . . . 546

АКТЫ, ПЕРЕПИСКА, РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢТКИ.

Время до Петра I.

- I. Монастырскій судъ въ XVII в. (1610 г.). Сообщ. А. Слатинъ. 119

Царствованіе Петра I.

- I. Москва въ 1687—1688 гг. Письма Христофора фонъ-Кохенъ, шведскаго посланника при русскомъ дворѣ. Перев. съ нѣмецкаго. Сообщ. К. А. Висковатовъ. 121
- II. Письма Ив. Ив. Бутурлина къ женѣ и дочерѣ, 1711—1714 гг. Сообщ. П. В. Алабинъ 180
- III. Царевна Софія Алексѣевна. Замѣтка. Сообщ. С. Миropольскій 130
- IV. Челобитная на заводчика Акинеія Никитича Демидова, 1721 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ. 207

Царствованіе Анны Іоанновны.

- I. Князья Долгоруковы въ 1730—1740 гг. Замѣтка . . . 735
- II. Сожженіе на костръ въ Екатеринбургѣ, 1738 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ 309

Царствованіе Елисаветы Петровны.

	стр.
I. Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирами, 1757 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ	313
II. Русскій дворъ въ 1761 г. Перев. съ франц. рукописи Лаферміера, принадлежащей библіотекѣ Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича въ городѣ Павловскѣ.	187

Царствованіе Екатерины II.

I. О дозволеніи братьямъ Гернгутерамъ селиться въ Россіи, 1763—1764 гг.	712
II. Собственноручная записка и замѣтки Екатерины II, 1763, 1764 и 1777 гг. Сообщ. И. Андреевскій.	131
III. Распоряженія по случаю недостатка хлѣба въ Смоленской губерніи, 1766 г.	713
IV. Изустный указъ Екатерины II о покупкѣ для арміи суконъ съ російскихъ фабрикъ, 1766 г.	716
V. Собственноручная замѣтка Екатерины II о расходахъ на строенія, 1766 г.	716
VI. Донесеніе гр. Петра Румянцова съ собственноручною припискою Екатерины II о движеніяхъ Оттоманской Порты, 1768 г. Сообщ. И. Андреевскій	133
VII. Письмо Григорія Потемкина къ императрицѣ Екатеринѣ II, 24 мая 1769 г.	716
VIII. Извѣстіе о Смольномъ монастырѣ, 1783 г. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ	316
IX. Рукописный пяти-язычный словарь въ Нижегородской семинарской библіотекѣ и его происхожденіе, 1784—1785 гг. Сообщ. Аполлонъ Можаровскій.	705
X. Повелѣніе Екатерины II о приготовленіи пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ, 1786 г.	717

Царствованіе Александра I.

I. Живописецъ Жанъ-Вуаль, 1812 г. Замѣтка. Сообщ. А. А. Васильчиковъ	544
II. Замѣтка о Родіоновыхъ, 1813 г. Сообщ. Дм. П. Родіоновъ.	157

	СТР.
III. Смоленская губернія 1813 — 1816 гг. Письмо къ Г. А. Глинкѣ. Сообщ. А. Г. Глинка	535
IV. Марія Антоновна Бертгольдъ, 1816—1822 гг. Сообщ. А. П. Петровъ	531
V. Анекдоты объ императорѣ Александрѣ I, 1824 г. Сообщ. Як. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ	747

Царствованіе Николая I.

I. Народные слухи и толки 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	541
II. Народные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, 1836 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	135
III. Замятка по поводу разсказа г. Вистенгофа: «А. Н. Карамзинъ», сообщ. кн. В. И. Васильчиковъ	155
IV. Замятка по поводу разсказа г. Вистенгофа: «А. Н. Карамзинъ». Сообщ. ген.-маіоръ Дика	711
V. Тревога близъ Севастополя 15 окт. 1854 г. Сообщ. Н. Леоновъ	544
VI. Графъ Ѳ. И. Толстой, Замятка. Сообщ. Прасковья Ѳедоровна Перфильева, рожд. графиня Толстая	718
VII. Замятка о кн. Н. Б. Голицынѣ. Сообщ. кн. Н. Н. Голицынъ	719

Царствованіе Александра II.

I. Замятка къ статьѣ Н. Н. Селифонтова: «К. В. Чевкинъ, въ 1855—1862 гг.». Сообщ. Н. И. Палибинъ	707
--	-----

Исторія русской литературы.

Писатели XIX-го вѣка.

I. Василій Петровичъ Петровъ: Приключеніе Густава III, короля Шведскаго, 1788 года, Юля 6-го дня. Сообщ. съ предисловіемъ П. А. Ефремовъ	719
---	-----

	стр.
II. Захарій Горюшкинъ:	
Судебное дѣйствіе, происходившее декабря 21 дня 1809 г. въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ, во время годичнаго испытанія юношества, обучающагося руссiйскому практическому законодательству. Сообщ. А. С. Наставинъ	551
III. Петръ Николаевичъ Семеновъ:	
«Митюха Валдайской», зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, 1810 г. Сообщ. съ примѣчаніемъ П. А. Ефремовъ	321
IV. Іоакимъ Лелевель какъ критикъ «Исторіи Государства Россiйскаго» соч. Н. М. Карамзина. Переписка съ Ѳ. В. Булгариннымъ, 1822—1830 гг. Подлинныя письма сообщ. Т. А. Сосновскій. Переводъ и примѣчанія С. Л. Пташицкаго (Окончаніе)	75
V. А. Ѳ. Корнѣловичъ, издатель историческаго сборника «Русская Старина» въ 1824—1825 гг. Сообщ. А. А. Карасевъ	319
VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:	
«Герой нашего времени». Варіанты первой рукописи автора Сообщ. Профес. Пав. А. Висковатый	361
VII. Филаретъ, Митрополитъ Московскій:	
Тропарь на день Преображенія Господня, 1866 г. Сообщ. Пав. Семеновъ	156
I. Посвященіе гр. Николаю Петровичу Румянцеву († 1826 г.)	
Сообщ. И. Андреевскій	134
II. Волшебныя письма. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	157
III. Языкъ любви въ 1774—1775 гг. Сообщ. И. А.	543
IV. «Пѣсня», записанъ въ Калужской губ. и сообщ. Д. Носъ	750
V. Поправки, опечатки, замѣтки	160; 161; 162 и XI

ХУДОЖНИКИ.

- I. Жанъ Вуаль.
(См. выше, стр. 544).
- II. Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ.
(См. выше, стр. 265—280; 457—476).
- III. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.
(См. выше, стр. 55—74; 281—306).

- I. «Русская Старина» въ двѣнадцать книгахъ изд. 1878 г. 751
- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ «Русской Старинѣ» записки, изслѣдованія, очерки, рассказы и проч. матеріалы . . . 771
- III. Матеріалы журнальной статистики: «Русская Старина» въ 1878 году 775
- IV. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXIII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г. I—XVIII
- V. Систематическое оглавленіе XXIII-го тома «Рус. Стар.»

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлеманъ, рисоваль К. О. Брожь, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную виньетку).
- II. Портретъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, казненнаго 26-го октября 1739 г., близъ Новгорода. Рисоваль, съ весьма рѣдкой гравюры, сообщ. П. А. Ефремовымъ, художникъ К. О. Брожь; гравироваль, въ Парижѣ, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 1)

III. Портретъ ген-артил. Георгія Васильевича Новицкаго, Рисоваль К. О. Брожь, гравироваль въ Парижѣ, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 161).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Труды III-го Археологическаго сѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г. Т. I. 352; т. II, 330 + 361. (На оберткѣ 9-й кн. «Русской Старины» 1878 г.).
2. Древности. Труды Московскаго археологическаго Общества, изданныя подъ редакціею В. Ш. Румянцова. Т. VII, выпускъ I. (Тамъ же).
3. Извѣстія о занятияхъ IV Археологическаго сѣзда въ Казани. Казань 1877 г. 192 стр. (На оберткѣ 10-й кн. «Русской Старины» 1878 г.).
4. Матеріалы для исторіи и статистики Орловской губерніи, собранныя секретаремъ Орловск. Губернск. Статистич. Комитета А. Пупаревымъ, Орель, 1877 г., 129 + 64, съ таблицами и чертежемъ гор. Орла, составленнымъ въ 1741 г. (Тамъ же).
5. Нижегородскій сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, подъ ред. секретаря Комитета А. С. Гацискаго. Т. VI, 1877 г., XIV + 357, 241—480. (Тамъ же).
6. Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составл. и изд. Центр. Статистич. Комит. Мин. Внутр. Дѣлъ. I. Костромская губ. Сиб. 1877. LXXIV + 465. II. Уфимская губ., CXXXIX + 196. III. Вятская губ. CXXIV + 991. (На оберткѣ 11-й кн. «Русской Старины» 1878 г.)
7. Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. III. Акты о Гайдамакахъ. Томъ III. Кіевъ, 1876 г. 129—897. (Тамъ же).
8. О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка, по соч. д-ра Алквиста, сост. Л. Майковъ. Спб. 1877. 107. (Тамъ же).
9. Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Книга V, вып. I. Подъ ред. Н. А. Попова. 221. Москва, 1877 г. (Тамъ же).
10. Указатель къ неофициальной части Университетскихъ (Кіевскихъ) Извѣстій за 1861—1877 года. Кіевъ. 1878. 45 стр. (Тамъ же).
11. Изданія Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1877—1878 г. (Тамъ же).
12. Историко-юридическія матеріалы, извлеченныя изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ

- Витебскѣ и издан. подъ ред. архиваріуса Солонова. Вып. VII. 1876. Витебскѣ. 511. Вып. VIII. 1877. 530. (На оберткѣ 12-й книги «Русской Старины» 1878 г.).
13. Русская историческая бібліотека, издаваемая Археологическою Коммисіею. Т. IV. Спб. 1878 г. (Тамъ же).
 14. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ съ иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ. Т. IV. Ч. I. Трактаты съ Австріею. 1815—1849. Спб. 1878. XVIII. + 601. (Тамъ же).
 15. Сборникъ Русскаго Историческаго общества. Т. XXII. Спб. 1878. 637. (Тамъ же).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, вкрались слѣдующія погрѣшности:

Въ статьѣ: «Похожденія Ивана Мигрина», на стран. 5-й и 6-й, Васюринскій курень названъ Васюминскимъ.

Въ нынѣшней области Кубанской, въ составъ которой вошла прежняя земля Черноморскаго казачьяго войска, есть и теперь станица Васюринская, прежде именовавшаяся куренемъ Васюринскимъ, по имени бывшаго въ Запорожьѣ куреня Васюринскаго.

Въ той же статьѣ, стран. 20, строк. 3, вмѣсто Порохля («съ... сотникомъ Порохлею»), полагаю, слѣдуетъ — Порохня.

Фамилія Порохня извѣстна въ бывшемъ Черноморскомъ (нынѣ Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ. Въ 1850-хъ годахъ былъ еще живъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ,—отставной штабъ-офицеръ Евдокимъ Ивановичъ Порохня. Вѣроятно, о немъ и говоритъ въ своей автобіографіи Г. Мигринъ. Сынъ Евдокима Ивановича Порохни, Иванъ Евдокимовичъ Порохня,—нынѣ генералъ-лейтенантъ,—въ 1850—60-хъ годахъ занималъ должность члена управленія нерегулярныхъ войскъ и жилъ (вѣроятно, и теперь живетъ) въ Царскомъ Селѣ, въ собственномъ домѣ.

Въ статьѣ: «И. К. Айвазовскій», стр. 286 слѣдующія, генералъ Котляревскій, вмѣсто Петра Степановича, названъ Петромъ Семеновичемъ.

Сообщ. Николай Рындовскій.

Екатеринославъ.

ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ.

		Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
Томъ XXII, стр. 605	1 строка съ низу:	каноничеъ.	каноничекъ
» 643	6 » съ верху:	пафуга	пафуга
» 649	12 » съ низу:	1825	1823.

		Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
Томъ XXIII, стр. 18	10-я строка съ верху:	съ такою чело денегъ	съ такою кучело денегъ.
» 158	2-я » съ верху:	вторая его жена	вторая жена его отца,
» »	8, 11 и 19 съ верху:	Винкаимъ	Вешкаимъ
» »	18-я строка съ верху:	Оболннѣмъ	Обалнномъ
» 183	1-я » съ верху:	1713—1814 гг.	1713—1714 гг.
» 266	9-я » съ верху:	путами	путами
» 426	2-я » съ низу:	большоеъ яство	большое пьяство.

пмстенскаго, напечатанная по рукоп. синодальной библиотеки (основной списокъ), Публичной библиотеки и Румянцевскаго музея; наконецъ, посланія старца Артемія къ разнымъ лицамъ (кн. Чарторыйскому, Симону Будному, ц. Ивану Грозному и пр.), дающія нѣсколько новыхъ чертъ для исторіи религіознаго движенія въ Литвѣ XVI вѣка и уясняющія образъ мыслей самого Артемія, стоявшаго въ близкіяхъ отношеніяхъ къ Максиму Греку и заподозрѣннаго потомъ въ единомысліи съ Башкинымъ и Косымъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы примѣчанія къ этимъ статьямъ удовлетворяли вполнѣ научнымъ требованіямъ. Такъ, въ библиографической замѣткѣ о Полиноди нѣтъ указаній на статьи о Полинодіи, помѣщенные въ Киев. Епарх. Вѣд. (1873, № 24, и 1874, № 11 и 12); въ примѣчаніи къ сочиненіямъ Артемія не указанъ разборъ дѣла о немъ, помѣщенный въ истор. моногр. Костомарова (I, 437—448), а между тѣмъ сдѣлана ссылка на Унив. Изв. 1875, ноябрь, стр. 763, гдѣ упоминается только имя Артемія. Притомъ относительно Артемія сдѣлана въ примѣчаніи странная ошибка, а именно, что осужденіе Артемія послѣдовало по опредѣленію Стоглаваго собора, причѣмъ дѣлается ссылка на грамоту собора, напечатанную въ Антахъ археогр. экспедиціи (т. I, № 239), но Стоглавый соборъ былъ въ 1551 году, а соборная грамота о ссылкѣ Артемія послѣдовала 24-го января 1554 и къ Стоглаву никакого отношенія не имѣетъ. Она была написана отъ имени другаго собора, созваннаго противъ еретиковъ; притомъ Артемій самое игуменство въ Троицкомъ монастырѣ получилъ уже послѣ Стоглаваго собора (Макарій, Ист. церкви, VI, 286), слѣдовательно, приговоръ противъ него никакъ не могъ быть объявленъ отъ имени этого собора! Прибавимъ къ этому, что въ 5-мъ № Унив. Изв. 1878 года появилась теперь подробная статья объ Аеанасіѣ Филипповичѣ—г. Левицкаго, дополняющая свѣдѣнія о немъ нѣкоторыми новыми данными.

Къ настоящему тому Библиотека приложена указатели: именъ, мѣстъ, предметовъ и реченій,—послѣдній особенно подробный.

Сборникъ Русскаго Историческаго общества. Т. XXII. Спб. 1878. 637. Ц. 3 р.

Въ этомъ томѣ помѣщены донесенія графа Сольмса Фридриху II и отвѣты на нихъ короля прусскаго за 1763—1766 гг. Такимъ образомъ, эти матеріалы составляютъ необходимое дополненіе къ перепискѣ Фридриха II и Екатерины II за начало ея царствованія, изданной уже въ XX томѣ Сборника. Бумаги XXII тома извлечены проф. Германомъ изъ дѣлъ берлинскаго секретнаго государственнаго архива; впрочемъ, на нихъ было обращено уже вниманіе въ изданіяхъ Курда-фонъ-Шлецера, Шмитта, Л. Гейсера и М. Дукера, которыя необходимо имѣть въ виду при пользованіи означенными матеріалами.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Т. IV. Ч. I. Трактаты съ Австріею. 1815—1849. Спб. 1878. XVIII + 601. Ц. 3 р.

Изданіе это продолжается въ прежнемъ направленіи. Акты, собранные издателемъ, сопровождаются обыкновенно весьма подробными объяснительными статьями и историческими очерками дипломатическихъ отношеній, составляющими прекрасный матеріалъ для исторіи дипломатіи Россіи независимо отъ самыхъ актовъ. Въ IV томѣ собрано такихъ данныхъ даже гораздо болѣе чѣмъ въ трехъ предыдущихъ. Изъ новыхъ документовъ здѣсь помѣщены: мартовская конвенція 1833 г. (№ 134) относительно политики трехъ сѣверныхъ державъ въ бельгійскомъ вопросѣ; мюнхенско-грецкая конвенція 1833 г. (№ 135), касающаяся Восточнаго вопроса и представляющая въ иномъ свѣтѣ отношеніе Россіи и Австріи къ этому вопросу, чѣмъ утверждалъ Пальмерстонъ; впервые же помѣщенъ и актъ 1846 г. о присоединеніи Краковской республики къ Австріи (№ 141).

Вообще, кромѣ нѣсколькихъ дополнительныхъ матеріаловъ къ акту Священнаго союза, этотъ томъ проливаетъ свѣтъ на дѣятельность Россіи по Восточному вопросу въ періодъ 1821—1841 гг., по устройству Польши и по вопросамъ внутренней политики.

Въ заключеніе снова повторимъ наше желаніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ концѣ послѣдней части этой серіи документовъ, были приложены указатели. В. И.